Франко. Биография

Пол Престон

SHOUT
SHARE
IT

-
- Глава 1 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ
- Глава 2 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА
- Глава 3 В ОПАЛЕ
- Глава 4 ПРИ ВЛАСТИ
- Глава 5
- СТАНОВЛЕНИЕ ЗАГОВОРЩИКА
- Глава 6 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛИССИМУСА
- Глава 7 СТАНОВЛЕНИЕ КАУДИЛЬО
- Глава 8 ФРАНКО И ОСАДА МАДРИДА
- Глава 9 ВМЕСТЕ СО СТРАНАМИ ОСИ
- но
  - Глава 10 СТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТОРА
  - Глава 11 ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ
  - Глава 12 ПОЛНАЯ ПОБЕДА
  - Глава 13 КУПАЯСЬ В СЛАВЕ
  - Глава 15 ЦЕНА ИМПЕРИИ
  - Глава 16 ВЫЖИДАЯ ЗА КУЛИСАМИ
  - Глава 19 ГЕРОЙ ХАМЕЛЕОН
  - Глава 20 «ПОБЕДА» ФРАНКО
  - Глава 21 ГЕРОЙ В ОСАДЕ
  - Глава 22 БЕСПРОИГРЫШНАЯ ПАРТИЯ
  - Глава 23 ЧАСОВОЙ ЗАПАДА
  - Глава 24 ГОДЫ ТРИУМФА И КРИЗИСА
  - Глава 25 ПРИУЧАЯСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ПРАВА
  - Глава 26 РАЗГОВОРЫ О СМЕРТИ
  - Глава 28 ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ
  - Эпилог «НЕ БЫЛО ИНЫХ ВРАГОВ, КРОМЕ ВРАГОВ ИСПАНИИ»
- СПИСОК источников I. ОСНОВНЫЕ источники
  - IL POPOLO
- SANTANDER
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266

ПОЛ ПРЕСТОН
Москва
ЦбНТРПОЛИГРАФ
1999
PAUL PRESTON
A Biography
ПОЛ ПРЕСТОН

ФРАНКО
Биография
Москва, 1999
УДК 820-31 ББК 84(4Вел) П73
Охраняется Законом РФ об авторском праве Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.
Художник И.А. Озеров
Престон П.
П73 Франко: Биография. — Дер. с англ. Ю.В. Бехтина. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. — 702 с.
ISBN 5-227-00414-5
Увенчавшая многолетний труд ученого книга по-своему уникальна: автор не замыкается на жизнеописании конкретного человека, а дает цельную картину развития Испании, Европы и мира на протяжении многих десятилетий, приводит на страницах своего йсследования богатейшую палитру мнений современников одной из самых загадочных личностей XX века.

Пройдя вместе с автором весь жизненный путь героя, читатель, думается, сам сможет ответить на вопрос, какими чертами должен обладать и чего не должен иметь в характере человек, который в цивилизованной стране может, поднявшись на самый верх иерархии власти, подавить все общество, единолично вершить судьбу целого Народа, казнить и миловать по своей прихоти, другими словами, стать тоталитарным правителем.

УДК 882 ББК 84(4Вел)
FRANCO. A Biography Copyright © Paul Preston, 1993 © Перевод,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф*, 1999 © Художественное оформление,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф*, 1999 тпп\г с лп... е © Издание на русском языке,
ISBN 5-227-00414-5 ЗАО «Издательство «Центрполиграф*, 1999

Предисловие

Книга английского историка Пола Престона «Франко», которую вы открыли, не только интересна, но и во многих отношениях уникальна. Судя по ее названию, это очередное жизнеописание политика, который хотя и был известен, но в силу ряда причин оказался как бы на периферии мировой истории и политики. Однако ставить ее на полку среди томиков из серии «Жизнь замечательных людей» мы бы не спешили. Хотя бы уже потому, что личность Франко трудно назвать выдающейся — как

по чисто человеческим качествам, так и по характеру его общественной деятельности. Кроме того — и это главное, — автор не только блестяще воплотил свой замысел, но и вышел далеко за его границы. В итоге перед читателем открывается яркая и подробно разработанная картина развития Испании, Европы и мира на протяжении многих десятилетий.

Фигура испанского диктатора до сих пор оставалась в тени таких деспотов, как Гитлер или Сталин, благодаря которым сделала карьеру целая армия публицистов и историков. Но П. Престон не клюнул на откровенную приманку дать однозначную, зато не исчерпывающую оценку своему герою. Ученому удалось показать, как человеку, обладающему заурядным военным талантом и не имеющему навыков политика и экономиста, удалось, поднявшись на самый верх иерархии власти, подавить все общество, единолично вершить судьбы целого народа, казнить и миловать по своей прихоти — другими словами, стать настоящим тоталитарным правителем.

Кстати, по мнению П. Престона, именно ограниченность натуры Франко помогла ему захватить и удерживать практически безграничную власть. Хотя, как показывает история, среди диктаторов XX века вообще не было людей хорошо образованных, с высоким интеллектом, но даже на их фоне Франко похвастаться практически нечем.

Тогда как и почему? Оказавшись во главе антиреспубликанского мятежа в качестве временной, компромиссной фигуры, в равной мере устраивающей противоборствующие группы фашистов и монархистов, Франко смог договориться с Гитлером и Муссолини о предоставлении военной помощи и благодаря штыкам иностранных легионов одержал победу в Гражданской войне 1936— 1939 гг. А дальше пошли парадоксы, которые даже для богатой ими истории кажутся фантастическими: стараясь претворить в жизнь свои чаяния и убеждения, диктатор проваливал одно свое начинание за другим, но объективно это способствовало, упрочению его власти и авторитета. Экономику, подорванную

Гражданской войной, Франко «оздоровил» так, что она впала в коматозное состояние, и, несмотря на горячее желание поддержать Гитлера во Второй мировой войне и разделить лавры совместной победы, он не смог найти для этого ресурсов и до конца сражений в Европе вынужден был сохранять для Испании статус невоюющей стороны. Испытывая глубочайшую неприязнь к демократическим режимам Великобритании и США, в годы «холодной войны» он вынужден был сотрудничать с ними, причем сотрудничать, принимая все их условия. Будучи ярым

приверженцем политики автаркии и государственного регулирования экономики, в 60-е годы он не смог воспрепятствовать реформам, сделавшим страну одной из самых экономически либеральных в мире, и настежь открыл ворота для импорта иностранного капитала.

Достаточно необычно для российского читателя автор трактует события Гражданской войны и дает оценку полководческим талантам генералиссимуса. Свой военный опыт Франко приобрел во время колониальной войны в Марокко, в ходе которой местные племена применяли в основном партизанские методы. Однако он и впоследствии придерживался только такой военной стратегии, стараясь не разгромить противника, а лишь увеличить контролируемую своими войсками территорию. Но при боях с применением регулярных сил это ведет к колоссальным и далеко не оправданным потерям. Правда, такие «мелочи» нашего героя не очень волновали. Зато это вызывало нескрываемое раздражение немецких и итальянских военных советников, желавших использовать поля сражений Испании в качестве полигона для подготовки к будущей мировой бойне.

Описываемые в книге события и их оценка П. Престоном дают российскому читателю возможность провести поразительные исторические параллели между солнечной Испанией и снежной Россией. Не будем навязывать свое мнение, но даже при отсутствии особой фантазии любой поймет, откуда появляются оппозиционные демократической власти генералы, почему не удалось навести «конституционный порядок» в Чечне, в чем причины того, что в Испании произошло экономическое чудо, а в России нет.

Мы уверены, что вас ждет увлекательное чтение, и рассчитываем, что вы получите не только удовольствие, но и испытаете чувство благодарности к тем, кто дал вам возможность познакомиться с историей одного из одиознейших правителей нашего времени и дал пищу для размышлений над судьбами нашей страны.

От автора

Я работал над этой книгой много лет и за это время оказался в огромном долгу перед многими людьми, которые так или иначе способствовали тому, что конечный результат вышел лучше, чем можно было бы ожидать без их помощи — кто поделился со мной воспоминаниями или мыслями, кто помог раздобыть редкие материалы, кто, наконец, прочел наброски и черновики. И я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить теперь этих людей.

Выражаю благодарность и признательность за помощь

сотрудникам следующих библиотек и архивов: библиотеки Колледжа имени королевы Марии и Уэстфилда, и в частности мисс Сюзен Ричардс из отдела межбиблиотечного обмена; библиотеки Института исторических исследований, и в частности мисс Бриджет Тэйлор; Британской библиотеки политических и экономических наук, Государственного архива (Public Information Office) министерства иностранных дел Испании, Британской библиотеки, Блумсбери и Колиндейл, Библиотеки Кембриджского университета, коллекции Эллисон Пирс из университетской библиотеки Ливерпуля. Я" хотел бы поблагодарить управляющего типографией Ее Величества (Stationery Office), с позволения которого Государственный архив публикует отрывки из хранящихся там документов. Не могу не поблагодарить миссис Кэрол Томе из Колледжа имени королевы Марии и Уэстфилда и миссис Пэт Кристофер из Лондонской школы экономики за их безграничную поддержку и доброжелательность, с которой они помогали мне исполнять административные обязанности, так часто отвлекающие профессоров от научной работы и преподавания.

Я бесконечно благодарен всем тем, кто в личных беседах и в письменной форме поделился со мной личными впечатлениями и воспоминаниями о Франко и его режиме. Это покойный Игнасио Арениляс де Чавес, покойный Рафаэль Кальво Серер, Хоакин Кальво Сотело, Сирило Кановас Гарсиа, Фабиан Эстапе Родригес, покойный Хосеба Элосеги (Elosegui), генерал Эрнандо Эспиноса де лос Монтерос, Игнасио Эспиноса де лос Монтерос, Мануэль Фра-га Ирибарне, Рамон Гаррига Алеман и (Alemany), покойный Хосе Мариа Хиль Роблес, покойный Эрнесто Хименес Кабальеро, Фольке фон Кноблох, Хуан Кристобаль фон Кноблох, Лауреано Лопес Родо, покойный Адольфо Муньос Алонсо, Хосе Хоакин Пуиг[1] де ла Белякаса, генерал Рамон Салас Ларрасабель (Larrazabal), Мария Салорио, Рамон Серрано Суньер, Фернандо Серрано-Суньер Поло и покойный Эухинио Вегас Латапие[2].

Неоценимую помощь в поисках важных документальных материалов мне оказали друзья и коллеги: Анхелинес Алонсо, Джон Костелло, Лесли Денни, Крис Илхэм (Ealham), Агустин Хервас, Антонио Гомес Мендоса, Иан Гибсон, Джо Харрисон, Сантос Хулиа, Касим бен-Ахмед и Франсиско Вильякорта Бань-ос (Banos). Рикардо Фигейрас Иглесиас предоставил мне немаловажные материалы из Галисии. За поиск материалов по астурийскому периоду жизни Франко я в большом долгу перед Кармен Бенито дель Посо (Pozo) и Викторией Идальго Гьето. За консультации по картинам Франко и Карреро Бланко я весьма обязан Найджелу Глендиннингу. За освещение музыкальной

части поездки Бернхардта в Байройт я хотел бы поблагодарить Нормана Купера и Бэрри Миллингтона. Об авиационных аспектах Гражданской войны я многое узнал от Джеральда Хаусона (Howson), а о военных сторонах германского вмешательства — от Уильямсона Марри (Murray). По психологическим особенностям личности Франко я имел счастье проконсультироваться у такого специалиста, как Нина Фархи (Farhi). По различным медицинским вопросам, обсуждаемым в последней главе, я пользовался пояснениями доктора Роя Макгрегора и Энтони Эшфорд-Ходжеса, члена Королевского медицинского общества.

Я благодарен Майклу Элперту, Брайену Бонду, Джорджу Хиллсу и Дэвиду Уинджейту (Windeatej Пайку за советы по частным вопросам, касающимся роли Франко в Гражданской войне и во Второй мировой войне. Я почерпнул вдохновение и дополнительный стимул к работе из дискуссий о Франко, которые в течение многих лет и за многими столами вел с такими людьми, как Алисия Альтед Вихиль, Джоан Эшфорд-Ходжес, Хосе Мариа Коль Комин (Coll Comin), Элиас Диас, Муса Фархи, Херонимо Гонсало, Хуан Антонио Масоливер, Фло-рентино Портеро, Денис Смит (Smith), Хавьер Тусель и Мануэль Васкес Мон-тальбан. Целая группа моих друзей приложила руку к этой книге в процессе ее вызревания и создания, дискутируя со мной о Франко, снабжая меня редчайшими материалами, читая и делая замечания по черновикам. Это Николас Бельмонте, Шило (Sheelagh) Эллвуд, Энрике Морадиельос, Исмаэль Сас (Saz), Херберт Саутуорт и Анхель Виньяс — мой долг перед ними огромен.

Все ошибки и недочеты книги — всецело на моей совести. Тем, что их меньше, чем могло бы быть, я обязан помощи со стороны вышеперечисленных друзей и еще двух, о которых я хотел бы сказать отдельно. Миа Родригес Сальгадо не жалела времени, чтобы вдумчиво и внимательно перечитывать черновики, а Джонатан Гэторн-Харди способствовал улучшению моего текста своей безжалостной, но конструктивной критикой. Я получил самое настоящее удовольствие от обсуждения с ними методики работы над книгами биографического характера. Филип Гвин (Gwin) Джоунс из издательства «Харпер-Коллинс» провел книгу через все производственные стадии уверенно и бережно.

В течение многих лет моя жена Габриэлла мирилась с присутствием в нашем доме незваного гостя в лице Франсиско Франко. Без ее терпения и поддержки я дошел бы до разрыва с каудильо[3] задолго до окончания книги. Более того, многие суждения в книге появились именно благодаря ее острому

критическому взгляду. Наконец, я хотел бы поблагодарить моих сыновей Джеймса и Кристофера, которым я посвятил эту книгу. Без них эта книга оказалась бы законченной много быстрее, и в результате проиграли бы и она, и я.

Пролог

ЗАГАДКА ГЕНЕРАЛА ФРАНКО

Несмотря на пятьдесят лет пребывания в центре общественного внимания, несмотря на то, что значительная часть его жизни пришлась на телевизионную эру, Франсиско Франко остается наименее известным среди великих диктаторов XX века. Отчасти это объясняется дымовой завесой, созданной вокруг него политическими иконописцами и пропагандистами. На протяжении жизни его сравнивали с архангелом Гавриилом, Александром Македонским, Юлием Цезарем, Карлом Великим, Сидом, Карлом V, Филиппом И, Наполеоном и множеством других реальных и вымышленных героев[1]. Сальвадор Дали после обеда у Франко произнес: «Я пришел к выводу, что он святой»[2]. Для других он значил еще больше. В книжке для детей было сказано, что «кау-дильо — это дар, который Бог посылает нациям, заслуживающим этого, и нация принимает его как посланца небес, прибывшего по промыслу Господню спасти родину», иными словами, как мессию богоизбранного народа[3]. Его ближайший сподвижник и «серый кардинал» Луис Карреро Бланко заявил в 1957 году во франкистских кортесах: «Господь явил нам безмерную милость, послав нам исключительного каудильо, что мы не можем расценить иначе, как дар, посылаемый народам провидением для воистину великих целей раз в три-четыре столетия»[4].

Такую лесть, как типичный прием пропагандистской машины всякого деспотического режима, можно было бы и не принимать во внимание. И тем не менее многие охотно принимали эти и подобные им сравнения, которые путем постоянного повторения вдалбливались в сознание, так что человек и не помышлял подвергнуть их сомнению. Но вовсе не это затрудняет нам понимание Франко. Более загадочно в нем другое: Франко узнавал себя в пышных словесах собственной пропаганды. Склонность сравнивать себя с великими деятелями испанского прошлого — полководцами, героями и создателями империи, в частности с Сидом, Карлом V, Филиппом II — стала его второй натурой и лишь отчасти явилась следствием чтения собственной прессы и внимания к выступлениям своих сторонников. То обстоятельство, что Франко приходил в восторг от послушной пропаганды, внешне не согласуется с рассказами многих очевидцев о нем как о человеке несколько робком в личном

общении, сдержанном и испытывавшем неловкость на людях. Равным образом его репрессивная политика может показаться противоречащей его личной застенчивости, кото-

рая заставляла многих видевших его отмечать, как мало он соответствует их представлениям о диктаторе. На самом деле его неутолимая жажда лести, холодная жестокость и мешавшая ему говорить застенчивость были проявлением глубокого чувства собственной неадекватности[5].

Завышенным самооценкам каудильо и неуемным восхвалениям его франкистской пропагандой противостоят взгляды левых, характеризующих Франко как злобного и неумного тирана, который получил власть лишь вследствие помощи со стороны Гитлера и Муссолини, а сорок лет удерживался на плаву благодаря сочетанию таких факторов, как жестокие репрессии, стратегические интересы великих держав и везение. Эта точка зрения ближе к правде, чем безудержные панегирики фалангистской прессы, но и она мало что объясняет. Франко, может, и не был Сидом, но не был он и настолько бездарен, как утверждают его противники.

Как Франко удалось стать самым молодым после Наполеона генералом в Европе? Как сумел он победить в Гражданской войне? Как удалось ему пережить Вторую мировую войну? И разве нельзя занести в его актив бурный экономический рост страны в шестидесятые годы? Все это важные вопросы европейской истории XX века, и на них не ответишь, не рассмотрев характера этого человека. Он был смелым и в высшей степени способным солдатом в период с 1912-го по 1926 год, целеустремленно восходил по служебной лестнице с 1927-го по 1936 год, проявил себя грамотным военачальником с 1936-го по 1939 год и жестоким преуспевающим диктатором, продержавшимся у власти в течение последующих тридцати шести лет. И при самом тщательном рассмотрении этой личности весьма непросто разобраться в таких загадках, как контраст между способностями и достоинствами, приведшими его к успеху, и поразительной интеллектуальной заурядностью, о которой свидетельствует принятие им на веру самых банальных идей.

Объяснение всего этого осложняется тем, что в зрелые годы Франко сам старался создавать вокруг своих действий непроницаемую завесу, вызывать впечатление непредсказуемости своих намерений. Хосе Мариа Буларт, личный священник Франко в течение сорока лет, как-то отпустил остроумное и противоречивое замечание: «Возможно, он и был по натуре холоден, как о нем поговаривали, но никак этого не проявлял. По

правде говоря, он вообще никогда ничего не проявлял»[6]. Мастерство Франко состояло в умении избегать определенности. В частности, он любил дистанцироваться от людей и решений — и политически, и физически. Он всегда оставлял за собой право изложить свою позицию позже, а в кризисные дни, которые не раз случались за годы его пребывания у власти, он просто устранялся от дел, становился недоступным для контактов, уезжая куда-нибудь в отдаленную сьерру на охоту.

Больше всего препятствует изучению предмета то, что всю свою жизнь Франко периодически редактировал свое жизнеописание. В конце 40-х годов, когда его пропагандисты стремились убедить общественное мнение, будто это благодаря его бдительности Гитлеру не удалось втянуть Испанию во Вторую мировую войну, он нашел время и настроение написать роман — и сценарий фильма — «Раса» (Raza) явно автобиографического характера. В нем словами центрального персонажа, личности весьма героической, он исправляет все неудачи своего прошлого[7].

«Раса» была крайним проявлением его неуемного желания создать себе задним числом безупречное прошлое. Как и его военный дневник 1922 года, роман дает бесценную возможность заглянуть в психологию Франко. В своих разрозненных писаниях и в тысячах страниц речей, во фрагментах неоконченных мемуаров и бесчисленных интервью он бесконечно шлифует свою роль и сказанные по разным случаям слова, выставляя себя в более выгодном свете и давая черновой материал для биохрафов-иконописцев. Упорное хождение множества апологетических мифов — свидетельство успеха предпринятых им попыток.

Стремление фальсифицировать реальность латанием прошлого выявляет внутреннюю неуверенность Франко. Он боролся с ней не только на бумаге, но и в реальной жизни, создавая себе все новые общественные маски. Уверенность, за которую была заплачена эта монета, позволяла ему почти всегда вести себя сдержанно и спокойно. Все, кто встречался с Франко, отмечали его манеру держаться с- людьми предельно обходительно, но отстраненно. Под своей маской Франко оставался в высшей степени замкнутым человеком. Он был пропитан непостижимым прагматизмом (retranca) галисийского[4] крестьянина. Явилось ли это следствием его галисийского происхождения или результатом приобретенного в Марокко опыта — сказать невозможно. Слово «retranca» можно определить как «уклончивость», тяготение к неопределенности. Говорят, что если встретишь gallego (галисийца) на лестнице, то невозможно понять, спускается он или поднимается. Франко воплотил это свойство едва ли не полнее, чем любой другой галисиец. Когда

люди из его близкого окружения пытались дознаться у него насчет важных перестановок в верхах, то получали искусный отпор. «Люди поговаривают, что после перестановок среди гражданских такой-то и такой-то подадут в провинцию Х», — пытает счастье его друг. «Правда? — делает удивленный вид Франко. — А я и не слышал». «Говорят, что Х и У будут министрами», — закидывает удочку сестра. «Да я ни с одним из них и не знаком», — отвечает брат[8].

Авиатор Хуан Антонио Ансальдо, монархист, писал о нем: «Франко — человек, который и говорит, и не говорит, вроде он рядом, и в то же время его нет, уворачивается, выскальзывает, всегда расплывчат и никогда — ясен и категоричен»[9]. Джон Уайтекер (Whitaker), встретившийся с Франко во время Гражданской войны, вспоминал: «Он расточал похвалы, но не дал откровенного ответа ни на один из вопросов, которые я ему задал. Более скрытного человека я не встречал»[10].

Роберто Канталупо, посол Муссолини, встретился с ним спустя несколько месяцев и нашел его «холодным, женственным и уклончивым (sfuggente)»[11]. Хосе Мариа Пеман, поэт и остряк, будучи на другой день после встречи с Франко — в 1930 году — представлен кому-то как «человек, который говорит лучше всех в Испании», ответил, имея в виду, конечно, Франко: «Подозреваю, что я познакомился с человеком, который лучше всех в Испании молчит»[12].

В своих детальных хрониках почти ежедневных контактов с Франко на протяжении более семи десятков лет его кузен и преданный боевой соратник Франсиско Франко Сальгадо-Араухо — Пакон — показывает нам Франко, который издает приказы, рассказывает свою версию событий или рассуждает об угрозе миру со стороны франкмасонства и коммунизма. Но Пакон никогда не видел Франко открытым для плодотворного диалога, либо находящимся во власти конструктивных сомнений. Другой человек, бывший его сподвижником в течение всей жизни — адмирал Педро Ньето Антунес, — рисует сходный портрет. Родившемуся, как и Франко, в Эль-Ферроле Педроло довелось стать адъютантом каудильо в 1946 году, помощником управляющего делами в 1950-м и министром ВМС в 1962 году. Он был одним из постоянных спутников Франко в частых и продолжительных поездках на рыбалку на его яхте «Асор». Когда Педроло спросили, о чем они говорят на протяжении долгих дней, проводимых вместе, он ответил: «У нас с генералом никогда не было диалога. Я слушал его длинные монологи, но он обращался не ко мне, он говорил сам с собой»[13].

Каудильо продолжает оставаться загадкой. Поскольку Франко

умышленно создал вокруг себя путем фальсификаций и умолчания зону отчуждения, полагаться можно только на его действия и на мнения работавших с ним людей, при условии критического к ним подхода. Настоящая книга является попыткой более пристального и подробного, чем когда-либо до этого, рассмотрения личности Франко. В отличие от многих других книг о Франко, она представляет собой не историю Испании XX века, не всесторонний анализ диктатуры, а скорее внимательное изучение личности человека. Обильный материал дали нам мемуары и интервью его соратников и многочисленные депеши иностранных дипломатов, встречавшихся с ним лицом к лицу и сообщавших о его деятельности. Статьи и речи Франко, в которых он как бы ведет диалог с самим собой, и недавно опубликованные материалы тоже представляют собой богатый, хотя и непростой источник для биографа. С их помощью Франко создает вокруг себя дымовую завесу, но они же приоткрывают его самовосприятие.

Используя все эти источники, можно проследить становление заговорщика, генералиссимуса мятежников 1936 года и каудильо победивших националистов. Не выдерживают тщательной проверки некоторые мифы о том, как он сумел пережить Вторую мировую войну, «холодную войну», о его изощренных ходах в отношениях с Гитлером, Муссолини, Черчиллем, Рузвельтом, Трумэном и Эйзенхауэром. Так же неоднозначно воспринимается период его превращения из деятельного диктатора пятидесятых годов в полусонную фигуру номинального лидера в последний период жизни. Лишь следуя по его стопам изо дня в день, можно создать более точную и убедительную картину, чем та, что существует в настоящее время. Только при исчерпывающей проверке всех фактов можно приоткрыть завесу над загадкой неуловимого образа Франко.

Глава 1 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

1892—1922 годы

Франсиско Франко Баамонде (Bahamonde) родился в половине первого ночи 4 декабря 1892 года в доме номер 108 по улице Фрутос Сааведра (в тех местах ее называют улицей Марии) города Эль-Ферроль, что находится в отдаленной северо-западной части Галисии. 17 декабря при крещении в расположенной поблизости воинской церкви Святого Франциска его нарекли Франсиско Паулино Эрменхильдо Теодуло[5].

В то время Эль-Ферроль был глухим городком с населением в двадцать тысяч человек, вокруг которого сохранились крепостные стены. В нем располагалась небольшая военно-морская база. Семейство Франко жило там с начала XVIII века и по традиции зарабатывало на жизнь в административных службах базы[61]. Дед Франко, Франсиско Франко Вьетти, был «интенденте орденадор», то есть получил высокий чин по финансовой части, равный армейскому бригадному генералу. Дед женился на Эрменхильде Сальгадо-Араухо, и у них родилось двое детей. Первый ребенок Николас Франко Сальгадо-Араухо, отец будущего каудильо, родился 22 ноября 1855 года, его сестра Эрменхильда — 1 декабря 1856 года.

Николас пошел по стопам своего отца в административную службу испанского флота и за пятьдесят лет службы вырос до «интенданте-хенераль» — это звание также равно бригадному генералу. В молодости, проходя службу на Филиппинах, Николас приобрел репутацию распутного малого[7]. 24 мая 1980 года, когда ему было почти 35 лет, Николас Франко Сальгадо-Араухо женился на 24-летней Марии дель Пилар Баамонде-и-Пардо де Андраде. Венчание состоялось в церкви Святого Франциска в Эль-Ферролле. Она была набожной дочерью Ладислао Баамонде Ортеги, начальника интендантской службы порта. Брачный союз разгульного бонвивана с консервативной и религиозной Пилар не мог быть счастливым, и тем не менее они нажили пятерых детей, первого из которых звали Николас; Франсиско был вторым, а потом родились Пас, Пилар и Рамон[82].

В течение более чем ста лет жизнь семейства Франко была связана со службой в администрации военно-морской базы Эль-Ферроля. Когда родился Франсиско, Эль-Ферроль представлял собой заброшенный, отрезанный от мира городок. До Jla-Коруньи приходилось добираться пароходом — двадцать километров на юг, через залив, или ехать шестьдесят километров по плохой

дороге, которая в непогоду часто становилась непроезжей. Ла-Корунья находилась, в свою очередь, в шести сотнях километров, то есть в двух днях тряского железнодорожного путешествия, от Мадрида. Эль-Ферроль был городком отнюдь не космополитическим. Здесь царила строгая социальная иерархия, и привилегированной кастой являлись офицеры-моряки и их семьи. Офицеры же административной службы и моряки торгового флота относились к более низкой категории. Социальные барьеры отделяли принадлежавшую к среднему классу семью Франко от «настоящих» морских офицеров, поскольку административный корпус считался ниже плавсостава (Cuerpo General). Образ героической семьи со славными морскими традициями, который позже усиленно насаждался самим Франко, был скорее желанием, чем действительностью. Это подтверждается стремлением Николаса Франко Сальгадо-Араухо сделать своих сыновей «настоящими» морскими офицерами.

Отчасти потому, что флотская служба была вожделенной целью для горожан среднего класса, а также в силу рода занятий отца, Франсиско стал проявлять интерес к морю. Ребенком он играл в порту в пиратов и катался на лодке по спокойным водам залива, который представляет собой, по существу, закрытый фиорд[3]. Повзрослев, он попытался поступить на службу в военно-морской флот. Его первые школы — Колехио дель Саградо Корасон (Colegio del Sagrado Carazon) и Флотский колледж (Colegio de la Marina) — специализировались на подготовке детей к экзаменам, сдаваемым при поступлении на флот[4]. Николасу Франко Баамонде удалось оправдать надежды отца, но флотским амбициям Франсиско не суждено было осуществиться. Неудачная попытка поступить на флот оставила у него память на всю жизнь. В Саламанке во время Гражданской войны все окружающие знали, что сделать ему приятное или смягчить его недовольство можно, переведя разговор на морскую тему[5]. Став каудильо, он старался как можно больше времени проводить на своей яхте «Асор», при любом удобном случае надевал адмиральскую форму, а посещая прибрежные города, любил прибывать туда морем на военном корабле.

Детство его прошло под знаком попыток матери примириться с отцовской грубостью, а позже — с его постоянными отлучками; тень его измен постоянно витала над домом. Растила сына донья Пилар в духе набожности и удушающей провинциальной мещанской добропорядочности. Женитьба лишь частично и ненадолго умерила страсть Николаса Франко Сальгадо-Араухо к картам и попойкам в офицерском клубе. После рождения в 1898 году дочери Пас он вернулся к своим холостяцким привычкам.

Жене это причиняло боль, обострившуюся после смерти Пас в 1903 году, наступившей от длившейся четыре месяца неустановленной болезни. Пилар Баамонде была раздавлена горем[6]. Николас Франко держался в доме как самодур, легко выходил из себя, если что-то было не по нем. Его дочь Пилар писала, что он командовал дома, как генерал, но замечала, однако, что колотил сыновей он не чаще, чем это было заведено в его время. Из этого двусмысленного замечания трудно сделать выводы об истинных масштабах отцовского рукоприкладства. Младшему Николасу доставалось больше всех. Рамон также на всю жизнь сохранил неприязнь к отцу. До тех пор пока Николас Франко не покинул дом в 1907 году, дети и жена часто страдали от вспышек его гнева.

Франсиско вел себя примерно, и этот «маленький старичок» (nino mayor), как звала его сестра, редко вызывал гнев отца. Однако, вспоминает сестра, он очень обижался, когда ему несправедливо доставалось[7]. Отчаявшись заслужить расположение главы семьи, Франсиско, похоже, замкнулся в себе. Он предпочитал одиночество и часто находился в ледяной отчужденности. Рассказывают, что сестра Пилар, когда Франсиско было около восьми лет, раскалила как-то докрасна кончик иголки и приложила ее к руке Франсиско, а тот, сжав зубы, только и произнес: «Как неприятно пахнет горелое мясо»[8]. В семье Франсиско долго находился в тени двух братьев, Николаса и Рамона, которые по своему психическому складу относились, как и их родитель, к экстравертам. Николас, ставший морским инженером, был любимцем отца. В интервью 1926 года Франко-отец отозвался о достижениях двух младших сыновей как о незначительных, хотя Франсиско стал к тому времени командиром Иностранного легиона, а Рамон — первым человеком, совершившим перелет через Южную Атлантику[9]. Даже позднее, в бытность Франсиско главой государства, отец, если спрашивали о «его сыне», переводил разговор на Николаса или, в крайнем случае, на Рамона. Лишь когда на него нажимали, дон Николас говорил о человеке, которого называл «другой мой сын».

В противоположность своему деспоту мужу, Пилар Баамонде была мягкой, доброй и ласковой женщиной. На унижения, которым подвергал ее игрок и гуляка Николас, она реагировала со спокойным достоинством и религиозным благочестием. За этим фасадом она прятала свой стыд и материальные трудности. Это не значит, что семья испытывала нужду: Пилар Баамонде получала поддержку от своего отца Ладислао Баамонде Ортеги, который после смерти жены переселился в дом дочери, а также от мужа. Но после того как Николас в 1907 году переехал в Мадрид,

средства, которые шли от него, поневоле стали довольно ограниченными. В доме всегда была прислуга, а кроме того, следовало держать марку. Все четверо детей ходили в частные школы, и это тоже ложилось бременем на семейный бюджет. Поговаривали, что Пилар пришлось пустить в дом жильцов, однако семья категорически отрицала этот факт[10]. Несмотря на трудности, доброты ее хватало и на родственников: она помогала растить семерых детей деверя — Эрменхильдо Франко[11].

Пилар Баамонде стремилась привить детям решимость учебой и трудом добиться успеха в жизни и вырваться из тех условий, в которых они живут. Эта философия укоренилась, кажется, главным образом во втором сыне и дочери Пилар. Но и остальные двое стали бесстрашными и неукротимыми в выборе и достижении своих целей. Николас Франко Сальгадо-Араухо был либералом, симпатизировавшим франкмасонству и критически относившимся к Католической церкви. В противоположность ему Пилар Баамонде была консервативной и глубоко верующей католичкой. Если принять во внимание условия, в которых рос Франко, натуру и взгляды его отца, то нет ничего неожиданного в том, что устойчивая приверженность католицизму, неприятие сексуальной распущенности и ненависть к либерализму и франкмасонству перешли к молодому Франко от матери[12]. Более интригующим представляется то обстоятельство, что его братья пошли скорее по стопам дона Николаса, чем доньи Пилар. После отъезда мужа в Мадрид донья Пилар все время ходила в черном. Кажется также, что, видя, как религиозность матери становится щитом, за которым она прячется от жизненных невзгод, Франсиско постарался преодолеть эмоциональную уязвимость, предпочтя ей холодную внутреннюю пустоту.

Несмотря на стоические попытки доньи Пилар сохранить при всех невзгодах видимость благополучия, она не могла не возместить детям ущерб, наносимый поведением ее мужа. Каждый из них реагировал по-своему. Франсиско стал на сторону матери, не признавая свою потребность в отцовском одобрении, на которое тот втайне надеялся, но так и не добился. Склонный к удовольствиям старший брат Николас вырос таким же гедонистом, как отец, легкомысленным в отношении денег и женщин. Необузданный нрав Рамона превратил его в безответственного авантюриста, прославившегося своими подвигами в воздухе, а в 20-х годах приобретшего дурную славу из-за распутства и увлечения анархизмом и франкмасонством. Франсиско был гораздо больше привязан к матери, чем его братья. Он регулярно ходил с ней в церковь и вообще был ребенком благочестивым. Он плакал во время первого причастия.

Уже взрослым человеком Франсиско, приезжая в Эль-Ферроль в отпуск, никогда не пренебрегал своим религиозным долгом, дабы не огорчать мать[9][13].

Сейчас точно не скажешь, какое воздействие на Франсиско оказало расставание родителей и отъезд отца, но симптоматично одно его замечание: «Маленьких детей никогда нельзя разлучать с родителями. Это нехорошо. Ребенку необходимо чувствовать надежную поддержку родителей, и родители не должны забывать, что несут ответственность за своих детей»[14]. Став каудильо, он решительно отрицал, что в отношениях дона Николаса с женой или детьми было что-то ненормальное. Однако его реакция, когда он как-то натолкнулся на неопровержимые доказательства грешков своего папаши, была весьма показательной. Франко выпалил: «Хорошо, однако они никогда не подрывали его родительского авторитета»[15]. Трудности в отношениях Франко с отцом отразились и в различных попытках переиначить их и преподнести в идеализированном виде. В своем дневнике в первый год пребывания в испанском Иностранном легионе он описывает весьма сомнительный, с точки зрения достоверности, случай, в котором можно разглядеть его чаяния. В Мадриде молодой офицер переходит улицу и ему отдает честь седой солдат-ветеран. Офицер поднимает руку, чтобы ответить на приветствие, и их глаза встречаются: они смотрят один на другого, а потом в слезах бросаются друг другу в объятия. Офицер увидел отца, с которым они давно расстались[16]. Это был пробный шар для его автобиографического романа «Раса», где он создает образ отца, которого хотел бы иметь — героя-моряка исключительных нравственных достоинств. Когда отец Франко умер, он организовал ему помпезные похороны с воинскими почестями, что вряд ли было уместно, учитывая богемный образ жизни дона Николаса. Тем самым Франко как бы пересмотрел свое отношение ко второй половине жизни отца. Сам Франко всегда избегал вина, азартных игр и женщин, что указывает на его решимость строить жизнь иначе, чем отец.

Франко будет с порога отвергать все, что у него ассоциируется с отцом, начиная с плотских наслаждений и кончая левыми идеями. Неприятие им всего отцовского подчеркивало его глубинную идентификацию с матерью, которую можно заметить и в его мягкой манере держаться и говорить, и в слезливости, и в способности переносить лишения. Нотки обиды и жалости к себе звучат в речах каудильо незатихающим эхом неблагополучного детства, в котором следует искать один из источников, питавших его стремление к величию.

Два события времен его молодости имели определяющее

значение для его дальнейшей судьбы — это потеря Кубы в 1898 году и разорительная колониальная война, затеянная Испанией в Марокко. Развал империи породил у гражданского населения недоверие к своей неумелой армии, усилил недовольство войск политической верхушкой и вызвал у молодежи нежелание идти на военную службу. Всю жизнь Франко будет вспоминать, какое неизгладимое впечатление произвела на него «катастрофа» 1898 года. В 1941 году, когда он был готов вступить в войну на стороне держав Оси, Франко заявил: «Когда мы только начинали жить... то стали, в своем младенчестве, свидетелями презренной некомпетентности тех людей, которые отдали иностранцам половину территории отечества»[17]. Он считал себя уполномоченным смыть позор 1898 года.

Франсиско было пять с половиной лет, когда 3 июля 1898 года Испания потерпела от Соединенных Штатов тяжелое поражение на море под Сантьяго-де-Куба. Она лишилась остатков империи — Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин. Хотя маловероятно, чтобы в таком возрасте он понимал, что происходит вокруг, катастрофа подобного масштаба не могла не оказать глубокого воздействия на маленький гарнизонный городок, каким был Эль-Ферроль. Многие из его школьных друзей потеряли на войне родственников и ходили в трауре. В городе появились инвалиды. Еще важнее то, что, став кадетом, он окунулся в атмосферу, царившую в армии с 1898 года. Поражение приписывали предательству политиков, которые бросили флот и армию в бой без необходимого материального обеспечения. Однако то, что значительно лучше оснащенным вооруженным силам США потребовалось целых три месяца, чтобы одолеть устаревший испанский флот, убедило Франко, что смелость и отвага стоят сотен тонн самого лучшего снаряжения[18].

Поражение 1898 года непосредственно касалось Франко в связи с сокращением бюджетных ассигнований на военные нужды. Административная школа ВМФ (Escuela de la Administracion naval) — промежуточный пункт на пути мальчиков семейства Франко на флот — в 1901 году была закрыта. Тогда в семье решили, что Николас и Франсиско будут готовиться к вступительным экзаменам в плавсостав ВМФ (Cuerpo General de la Armada). Ради этого они поступили в местную школу — колледж Священного Сердца. В то время отец еще жил с ними, и Франсиско был, по свидетельству сверстников, видевших его вне дома, работягой: «очень хорошо рисовал, к этому у него были большие способности... а вообще парень был средний. Под настроение веселился, но с малых лет был очень уравновешен»[19]. На вид он был болезненный и такой худой, что товарищи

прозвали его «спичечкой» (cerillito). Дома же сестра поражалась тому, как Франсиско подражал спокойной серьезности матери. Он был послушным и любящим мальчиком, правда, робким, грустным и необщительным. Уже в то время от него трудно было ожидать непосредственности. Он очень следил за своей внешностью, и эта черта осталась у него на всю жизнь. Уже тогда он казался старше своих лет, а его упрямство, неискренность и осторожность бросались в глаза. Одним из ближайших друзей его детства был двоюродный брат Рикардо де ла Пуэнте Баамонде, который в 1936 году будет казнен в Марокко, и Франко даже не попытается спасти его[20]. Будучи подростком, Франсиско проявлял нормальный интерес к девочкам. Ему нравились стройные брюнетки, в основном из числа школьных подруг его сестры. Он посвящал им стихи и почувствовал себя униженным, когда стихи показали сестре[21].

Потеря Кубы серьезно обострила политическую обстановку в стране. Вновь подняли голову сепаратисты Каталонии, в среде армейского офицерства все более популярным становилось мнение о необходимости провести в Марокко колониальную акцию, взяв таким образом реванш за поражение на Кубе. Оба эти фактора могли сыграть роль взрывчатки и детонатора. Продемонстрированное Испанией бессилие на международной арене пошатнуло доверие каталонской элиты к центральному правительству. Экономика Каталонии была ориентирована на кубинский рынок, и прежде скрываемое раздражение на власти Мадрида, которые намеренно препятствуют динамичному развитию этой провинции, вырвалось наружу и было озвучено в начале 1901 года каталонской партией Регионалистская лига (Lliga Regionalista)[22]. Поражение в войне с США и потеря Кубы создали в Испании атмосферу общей неуверенности и национального унижения. Особенно возмущены были военные, открыто обвинявшие политиков в предательстве. В этих условиях проявления сепаратизма только подливали масла в огонь — военные считали это шагом, ведущим к окончательному разрушению единства страны[23].

В ноябре 1905 года в Барселоне три сотни настроенных против сепаратизма решительных молодых офицеров совершили нападение на редакции каталонского сатирического журнала «Ку-ку» (Cu-Cut) и газеты Регионалистской лиги «Голос Каталонии» (La Veu de Catalunya). Эта акция была горячо поддержана всем офицерским корпусом Испании, и правительство, видя это, не решилось прибегнуть к наказанию налетчиков и отвергнуть требования военных принять меры к тем, кто покушается на честь армии. В 1906 году политики уступили военным, желавшим

оказывать влияние на политическую жизнь страны, и приняли Закон о юрисдикциях (Ley de Jurisdicciones) который причислил деяния против отечества, короля и самой армии к военным преступлениям, подлежащим рассмотрению военных судов[24]. Этот шаг значительно укрепил среди военных чувство превосходства над гражданским населением.

По достижении двенадцатилетнего возраста вначале Николас, а потом и Франсиско вместе со своим четырнадцатилетним двоюродным братом Франсиско Франко Сальгадо-Араухо поступили в Морскую подготовительную школу, которую возглавлял капитан-лейтенант Сатурнино Суансес. Там они подружились с Камило Алонсо Вегой, и эту дружбу Франсиско сохранил на всю жизнь. Николас и общий друг братьев Хуан Антонио Суансес успешно поступили на службу на корабли ВМФ. Николас выбрал инженерную школу флота. Франко со своим долговязым кузеном Паконом[10] надеялись поступить в Плавучую школу флота (Escuela Naval Flotante) — укомплектованное морскими кадетами судно. Однако вышел приказ об ограничении приема туда, и путь перед ними закрылся. Вопроса об иной карьере, кроме военной, даже не возникало, и четырнадцатилетнего Франко послали в Толедо, в Военно-пехотную академию (Academia Militarde Infanteria). Пакон не выдержал вступительных экзаменов в 1907 году, но поступил годом позже[25].

Получив в 1907 году должность в Мадриде, Николас Франко Сальгадо-Ара-ухо отправился туда один, и постепенно его связи с женой и детьми ослабли. В семье полагали, что ему, разумеется, не следовало отказываться от должности. Однако, если учесть, что он прослужил двадцать лет в Эль-Ферроле и его ни разу не беспокоили предложениями о переводе в другое место, кажется более вероятным, что он сам добивался перевода в столицу, чтобы избавиться от нелюбимой жены[26]. Хотя официально развод с Пилар не был оформлен, в Мадриде он «женился» на своей любовнице Агустине Алдана гражданским браком и прожил с ней на улице Фуэнкарраль в Мадриде до самой своей кончины в 1492 году. О девочке, которую они воспитывали и к которой оба были привязаны, писали то как об их внебрачной дочери, то как о племяннице Агустины, неофициально удочеренной ими. Оскорбленная семья Франко называла Агустину не иначе как его экономкой (ama de Haves).

Итак, в июле 1907 года молодой Франсиско покинул печальный дом в Эль-Ферроле, чтобы поступить в военную академию[11]. В долгой поездке из Ла-Коруньи в Толедо его сопровождал отец. Несмотря на открывавшиеся по сторонам

прекрасные виды, напряженность в отношениях между сыном и отцом делала это путешествие не слишком приятным. Дон Николас держался во время поездки непреклонно и строго, хотя сын в тот момент очень нуждался в поддержке и добром слове[28]. Тем не менее Франко успешно сдал вступительные экзамены и 29 августа 1907 был принят в академию в числе 381 новичка, среди которых были будущие товарищи по оружию — такие, как Хуан Ягуэ (Yagiie) и Эмилио Эстебан Инфантес. Академия находилась в крепости, построенной Карлом V на вершине холма, вокруг которого располагался город. После туманных зеленых долин Галисии и спокойной бухты, в которой Франсиско катался на лодке, пыльный Толедо на безводной кастильской равнине должен был производить на него гнетущее впечатление. Хотя нет свидетельств его преклонения перед произведениями архитектуры и искусства религиозного характера, которых в Толедо множество, создается впечатление, что он не был совсем равнодушен к прошлому, которым дышали улицы Толедо[12]. В романе «Раса» герой, отождествляемый с Франко (кадет Хосе Чуррука), «больше получил от камней (Толедо), чем от учебников»[29]. Все более проникаясь былым величием империи, он воспринимает Толедо как символ этого величия. Позднейшее самоотождествление Франко с фигурой Сида[13], возможно, берет свое начало в его юношеских прогулках по историческим улицам города. Положение кадета уже само по себе пробуждает в нем интерес к испанской истории.

Даже из его сдержанных воспоминаний об этих годах жизни ясно, что ему довелось пережить тогда немало тягот. Вдали от материнской любви и заботы молодому Франко приходилось, сжав зубы, изыскивать внутренние резервы для борьбы с обстоятельствами. К суровым условиям жизни в крепости добавлялась проблема его неатлетического сложения (рост 164 сантиметра и ужасная худоба). Уязвленный бегством отца, страдая от разлуки с матерью, своей главной утешительницей, он вынужден был бороться с чувством неустроенности и неуверенности в себе. Кажется, он боролся с ними двумя путями. Во-первых, с головой ушел в армейскую жизнь, исполняя все задания с максимальной ответственностью, сделав своим кредо героизм, отвагу и воинскую доблесть. Строгая воинская субординация и непреложность приказов определили для него рамки деятельности. В то же время он начал формировать в себе новую личность. Стеснительный галисийский подросток начинает превращаться в будущего героя пустыни, будущего каудильо и в этом качестве — в подобие Сцда, «спасителя Испании»[30].

Из-за его роста и высокого голоса товарищи стали звать его

Франкито (уменьшительное от «Франко»), и за три года учебы в академии он испытал немало мелких унижений и насмешек. Он вынужден был упражняться с винтовкой с укороченным на пятнадцать сантиметров стволом. Учился он напряженно, проявляя особый интерес к топографии и к истории Испании, идеализированной и лишенной критических комментариев — такой, как ее преподносили кадетам. Поскольку он не стремился присоединиться к товарищам, искавшим приключений, вина и женщин в самых непристойных притонах города, его однокашники порывались провести над ним унизительную церемонию «посвящения» (novatados) однако Франко давал им довольно жесткий отпор. Вспоминая об этих днях по прошествии почти семидесяти лет, он отмечал «негостеприимную встречу, уготованную нам, пришедшим полными иллюзий, чтобы вступить в славную военную семью» и говорил о «посвящениях» как о «тяжком кресте» (un dura calvario)[31]. Один из его знакомых, пытаясь обнаружить в юном кадете задатки будущего героя, отмечает, что он реагировал на издевательства как мужчина. Согласно одной часто повторяемой истории, у него как-то спрятали учебники, а его наказали за то, что он не хранит их в надлежащем месте. Потом книги снова спрятали, и сержант, приставленный к кадетам, снова хотел наказать его, но Франко запустил в него подсвечником. Позже, представ перед командиром, Франко не назвал имен своих обидчиков[32]. Его твердость помогла ему приобрести друзей, среди которых оказались Камило Алонсо Вега, Хуан Ягуэ и Эмилио Эстебан Инфантес, хотя близко ни с кем из них он так и не сошелся.

На рубеже веков в Британии и Америке кадеты начинали изучение военных предметов только после завершения общегражданского образования. В Толедо же не слишком образованные подростки начинали усваивать военную дисциплину и армейский менталитет, не имея устоявшихся взглядов и легко поддаваясь внушению[33]. В профессиональном плане Франко мало что приобрел, кроме искусства верховой езды, стрельбы и фехтования. Основным учебником были «Временные положения по теоретической подготовке пехотных войск» (Reglamento provisional para la instruction teorica de las tropas de Infanteria), составленные на основе опыта франко-прусской войны и начисто игнорировавшие развитие германской военной мысли после 1870 года. В германской и британской армиях предпочтение все больше отдавалось развитию артиллерии и инженерных войск. В Испании подобного не наблюдалось и пехота продолжала оставаться основным родом сухопутных сил. Из недавнего кубинского опыта не было сделано должных

выводов, что и проявилось в будущих колониальных авантюрах в Северной Африке. Основной упор делали на дисциплину, военную историю и воспитание воинских доблестей — смелости перед лицом врага, абсолютной веры в армейский устав и беспрекословного подчинения и преданности вышестоящим начальникам[34]. Кадетам вдалбливали, что на армии лежит ответственность за сохранение национального духа, им прививали нетерпимость к случаям оскорбления и даже малейшего неуважения к армии, флагу, монарху, нации. Отсюда следовало, что если правительство проявит неуважение к нации, допустив беспорядки, то патриотически настроенные офицеры обязаны выступить против правительства в защиту нации.

Основным методом подготовки было зазубривание множества фактов и деталей великих битв испанской армии. Причем эти битвы рассматривались лишь как примеры мужества и готовности стоять до последнего, тогда как вопросы стратегии и тактики игнорировались. В воспоминаниях Франко о днях в академии центральное место отводится некоему майору из числа преподавателей, который был награжден Крестом святого Фернандо с лаврами[14] за рукопашную схватку в Марокко, после которой, с удовольствием вспоминает Франко, «у него все еще оставались почетные шрамы на голове». Эпизод с майором так подействовал на формирование образа мышления юного кадета, что через двадцать лет, когда Франко был начальником Генеральной военной академии в Сарагосе, ссылка на этот случай осталась основным в арсенале методов воспитания будущих офицеров. Франко прямо говорил: «Это научило нас больше, чем все прочие дисциплины»[35]. Когда же в будущем воспитанные подобным образом офицеры оказывались на поле боя, им приходилось импровизировать, потому что практическим вещам их учили мало.

В конце июля 1909 года, когда Франсиско учился в Толедо, в Барселоне разразились события, получившие названия «трагической недели» (semana tragica). С точки зрения военных, происшедшие беспорядки были втройне опасны: они носили характер антивоенный, антиклерикальный и сепаратистский. На правительство Антонио Мауры оказывали давление и армейские офицеры, близкие к Альфонсу XIII, и испанские инвесторы, вложившие капитал в рудники Марокко. К тому же налеты местных племен на железную дорогу, ведущую к порту Мелилья[15], вызвали со стороны Франции угрозы вывозить руду через Алжир. Маура опасался также, что Франция может использовать очевидную неспособность Испании поддерживать порядок в своем протекторате как предлог для того, чтобы прибрать его к рукам. И

он воспользовался нападением на железную дорогу 9 июля, чтобы послать на место событий экспедиционный корпус и расширить испанскую территорию до месторождений полезных ископаемых в соседствующих с Мелильей горах. Военный министр решил послать туда бригаду легкой пехоты из расквартированного в Барселоне гарнизона. Призвали также резервистов бригады, в основном женатых мужчин, успевших обзавестись детьми. Их собрали и через несколько дней, без должной подготовки, погрузили в барселонском порту на корабль. В течение следующей недели в Арагоне, Валенсии и Каталонии, откуда были призваны резервисты, произошли антивоенные выступления. В Барселоне в воскресенье 18 июля 1909 года прошла стихийная антивоенная демонстрация. В тот же день рифские племена напали на испанские коммуникации в Марокко. На следующий день в Испанию стали поступать известия о военных потерях в Мелилье. Еще раз стало ясно, что армия не подготовлена, плохо вооружена, лишена необходимых карт и вообще находится в убогом состоянии. Слухи о масштабах поражения и размерах потерь испанской армии распространялись, вызвав антивоенные демонстрации в Мадриде, Барселоне и городах, с вокзалов которых отправлялись на войну солдаты.

В конце недели барселонские анархисты и социалисты призвали ко всеобщей забастовке. В понедельник 26 июля забастовка стала разворачиваться, но направлена она была не против хозяев предприятий, многие из которых поддерживали антивоенные настроения. Командующий Барселонским военным округом Луис де Сантьяго решил трактовать происходящее как восстание и, перехватив власть у гражданского губернатора Анхеля Оссорио-и-Галярдо, объявил военное положение. В рабочих предместьях на улицах появились баррикады, протест против призыва в армию перерос в антиклерикальные действия, начались поджоги церквей. Генерал де Сантьяго ограничился охраной некоторых объектов в центре города, так как опасался, что призывники станут брататься с повстанцами. Подкрепления к нему не подходили, поскольку внимание высшего военного руководства и правительства было занято боями при Барранко-дель-Лобо. Однако к 29 июля войска все же прибыли, и восстание за два дня было подавлено с помощью пушек. Много людей было арестовано, 1725 человек потом предстали перед судом, пятеро из них были приговорены к смертной казни. В их числе находился и Франсиско Феррера Гуардиа, человек свободомыслящий, основатель «Современной школы» (Escuela Modemą)[36].

Слушателям академии в Толедо события преподнесли в таком освещении, что кровь стыла в жилах. В академии царило возмущение тем, что пацифисты и революционеры делают, что хотят, между тем как армия ведет в Марокко бои не на жизнь, а на смерть. Многочисленные демонстрации за рубежом, осуждающие казнь Франсиско Ферреры, молодой Франко считал делом рук международного франкмасонства. Многие кадеты, среди которых был и Франко, считали беспорядки в Барселоне и поражение под Барранко-дель-Лобо доказательством слабости и некомпетентности политической верхушки[37].

Противоречия между военными и политиками стремительно нарастали. Нельзя понять Франко ни как личность, ни как политическую фигуру, не осознав, насколько близко он воспринял и впоследствии выражал взгляды типичного армейского офицера того времени. События, разведшие на разные полюса военных и гражданских, — «катастрофа» 1898 года, инцидент с журналом «Ку-ку», «трагическая неделя» 1909 года — произошли или перед самым вступлением Франко на армейскую стезю, или в течение первых лет службы, определяющих формирование личности офицера. Тем более, что они не могли не обсуждаться в офицерских кругах. У человека, нацеленного на военную карьеру, если не сказать одержимого ею, каким был молодой Франко, разумеется, сложилось самое отрицательное отношение к носителям антивоенных и ан-тиармейских настроений.

Учебу в академии Франко закончил в июне 1910 года. Все его помыслы, как и большинства тех, кто оканчивал военные учебные заведения в то время, были связаны с Марокко. Все стремились ехать туда сражаться, что позволяло быстро заслужить повышение и одновременно помочь Испании смыть кубинский позор. 13 июля 1910 года Франко было присвоено звание лейтенанта, хотя среди 312 человек, окончивших курс, он оказался на 251-м месте. Несмотря на этот далеко не блестящий старт, Франко первым из сокурсников станет генералом.

Утверждали, что Франко сразу же стал проситься в Марокко, но ему отказали из-за возраста, жесткой конкуренции и низкого рейтинга на курсе[38]. На самом деле это было бессмысленно, поскольку в Африку посылали офицеров в звании не ниже старшего лейтенанта[39]. А распределение он получил в 8-й Саморский полк, стоявший в его родном Эль-Ферроле. Там с 22 августа 1910-го по февраль 1912 года он имел возможность побыть рядом с матерью и пощеголять формой перед одногодками. Ему также пришлось терпеть ужасающую монотонность службы в маленьком гарнизоне провинциального

городка. До обеда — строевая и боевая подготовка, после обеда — верховая езда, иногда — обеспечение охраны объектов. Обедал он дома. Возросшее влияние матери выразилось в том, что 11 июня 1911 года он вступил в религиозное братство «Вечерняя молитва» (Adoracion Noctuma)[40]. Окрепла его дружба с Камило Алонсо Вегой и двоюродным братом Паконом. В конце 1911 года был отменен приказ, запрещавший посылать в Марокко лейтенантов, и все трое начали засыпать начальство просьбами о переводе.

Возможно ощущая себя неуютно в обстановке внутриполитической неопределенности, возможно движимый патриотическими чувствами, наверняка недовольный низким лейтенантским жалованьем и понимавший, что перспектива служебного роста в Марокко куда выше, чем в захолустном гарнизоне, а также желая уйти со своего 251-го места, Франко рвался в Марокко. В то время как он с волнением прислушивался к доносившимся из Африки отзвукам сражений, левые проводили в Испании шумную кампанию протеста против колониальной войны вообще и против призыва на военную службу в частности. Как и у многих молодых военных, у Франко развилось — и на всю жизнь осталось — презрение к левому пацифизму. Поскольку ситуация в Марокко ухудшалась, просьба трех молодых офицеров о переводе была удовлетворена 6 декабря 1912 года. Они были направлены в Мелилью в армейский резерв. Франко и его товарищи не мешкая отправились в долгий и непростой путь. В это время дорога до ближайшей железнодорожной станции была размыта дождями, паромное сообщение с Ла-Коруньей было прервано, и они решили пойти в военно-морской штаб Эль-Ферроля узнать, не будет ли оказии оттуда. Им разрешили отправиться в Ла-Корунью на борту торгового судна «Паулина». Штормило, судно швыряло как щепку, и шесть часов пути им пришлось провести на ногах. Из Ла-Коруньи они отправились поездом в Малагу, куда прибыли через двое суток. В Марокко они оказались 17 февраля 1912 года[41].

Худой, большеглазый, мальчишечьего вида офицер попал в грязный, полуразрушенный колониальный городишко[42]. Девятнадцатилетнего Франко направили служить в форт Тифасор, находившийся на передовых рубежах обороны Мелильи. Тифасорским гарнизоном командовал Хосе Виляльба Рикельме — начальник академии в бытность Франко ее слушателем. Первым приказом, полученным Франко от Виляльбы Рикельме, было покрыть ножны сабли шершавой кожей, чтобы они не блестели и не служили мишенью для снайперов. Франко в кратчайшие сроки предстояло постичь эту и другие премудрости боевых будней, которым его не учили ни в толедской академии, ни в гарнизоне

Эль-Фер-роля. Как и большинство молодых офицеров, он еще не представлял себе, с какими трудностями сталкивается испанская армия на поле боя.

Самой очевидной проблемой была ненависть местного населения к оккупационным войскам. Учитывая низкую техническую оснащенность испанской армии, марокканская авантюра не обещала быть легкой прогулкой. Управление войсками было крайне неэффективным из-за огромного бюрократического аппарата, оружие устарело. В армии было больше генералов и меньше пушек на тысячу человек, чем в армиях таких стран, как Черногория, Румыния и Португалия. Восьмьюдесятью тысячами солдат командовали двадцать четыре тысячи офицеров и четыреста семьдесят один генерал[43]. С точки зрения офицеров, наибольший вред исходил от испанского политического руководства, не способного ни обеспечить армию необходимым вооружением, ни вести решительную политику, которая дала бы военным шанс на успех. В армейской среде крепло убеждение, что, коль скоро политическая элита спокойно наблюдает за ростом пацифизма в испанском обществе, гражданские неспособны управлять страной. К тому же в этом регионе Испания тащилась в хвосте французской политики. Испанские рубежи в Марокко не были защищены, потому что игнорировались такие реалии, как межплеменные границы. Мешала и доминирующая роль Франции в регионе.

Такое положение было результатом сложных исторических хитросплетений. В Марокко правил султан, чья власть, как и система поборов с племенных вождей, держалась на терроре. В начале века племенные вожди не раз восставали против жестокого султана Абд эль-Азиза. Наиболее значительными были два восстания. Первым руководил Бу Хамара, вождь племени, проживавшего между Фесом и алжирской границей. Но самым крупньщ было восстание эль-Райсуни — вождя, промышлявшего угоном скота. Его племя обитало в горах Джибала на северо-западе Марокко. В условиях продолжавшейся борьбы за передел Африки эти события привлекли внимание крупных держав.

Британия стремилась сохранить свое влияние в Марокко, чтобы обеспечить безопасный проход через Гибралтарский пролив. Франция после Фашодского инцидента[16] 1898 года и унизительного разгрома, положившего конец французским притязаниям на Египет, занялась укреплением своих позиций к западу от Египта. Здесь ее в первую очередь привлекал Марокканский султанат, представлявшийся недостающим звеном в цепи ее колониальных владений от Экваториальной Африки до Туниса. К 1903 году Британия, ослабленная Бурской войной,

уловила рост германских аппетитов и стала склоняться к союзу с Францией. Не в состоянии помешать французской экспансии в Марокко, англичане прежде всего позаботились о безопасности Гибралтара. В апреле 1904 года по соглашению с Францией Британия уступила ее притязаниям в Марокко, с условием, что области по другую сторону Гибралтарского пролива останутся в руках более слабой Испании[44].

Разбираться с Испанией было предоставлено Франции. В октябре 1904 года Франция отдала северную часть Марокко Испании, а Танжеру был предоставлен международный статус. Используя в качестве предлога волнения местных племен, Франция постепенно овладевала все новыми территориями, пока в 1912 году не установила над Марокко свой протекторат. В ноябре 1912 года Франция подписала договор с Испанией о передаче под протекторат последней северных областей. По заключенным в дальнейшем договоренностям, султан номинально сохранял политический контроль над Марокко, но под опекой Франции. В испанской зоне власть передавалась представителю султана — халифу, назначаемому султаном из двух кандидатур, предлагаемых Мадридом.

Ситуация становилась непредсказуемой. Марокканцы так и не признали этих договоренностей, считая их крайне унизительными, й боролись за свою независимость вплоть до победы в 1956 году. Исторические испанские анклавы Сеута и Мелилья были связаны между собой лишь морскими коммуникациями. Остальная территория новообретенного Испанией протектората представляла собой дикую, бесплодную горную местность, не имевшую даже дорог. Поскольку новые границы были проведены без учета сложившегося расселения племен, то контролировать местности, подаренные Францией, было почти невозможно. Так испанцы оказались втянутыми в разрушительную, разорительную и бессмысленную войну[45]. При этом они были лишены преимущества в технике и снаряжении, которое отличало в те времена армии других колониальных держав. Любопытно, что Франко, как и другие испанские офицеры, верил в два мифа. Первый состоял в том, что марокканцы их любят, а второй — что французы строят козни против Испании в Марокко.

На момент прибытия Франко на африканскую землю инициатива в войне принадлежала берберским племенам, населявшим два труднодоступных района в горах Джибала, и рифским племенам. Закаленные в боях, бесстрашные защитники своей земли, досконально знающие местность, противостояли плохо подготовленным и не видевшим смысла в этой войне

молодым испанским призывникам. Франко утверждал много лет спустя, что первую ночь на позиции провел без сна, с пистолетом в руке — из-за недоверия к своим солдатам[46]. Сразу по прибытии Франко принял участие в операциях по созданию между крупными населенными пунктами линий обороны из блокгаузов и фортов. Избранная испанцами тактика показала, что они не сделали никаких выводов из кубинской войны, в которой применяли сходные методы. Офицеры возмущались противоречивыми приказами мадридского правительства, требовавшими то наступать, то отступать. •

После неустроенного детства следующим этапом, сильно повлиявшим на становление его личности, было участие в колониальной войне в Африке. В армии, в строгих рамках, определенных субординацией и приказами, Франко наконец почувствовал себя уверенно. Он наслаждался дисциплиной и с радостью растворился в военной машине, построенной на неколебимой иерархии и патриотической риторике. Прибыв в Марокко в 1912 году, из следующих четырнадцати лет он провел там десять с половиной. В 1938 году он поведал журналисту Мануэлю Аснару (Aznar): «Годы, проведенные в Африке, живут во мне с неописуемой явственностью. Там родилась возможность спасти великую Испанию. Там были заложены идеалы, которые сегодня стали нашим спасением. Без Африки я едва могу понять сам себя и не могу по-настоящему объясниться со своими товарищами по оружию»[47]. В Африке он приобрел свое политическое кредо, выражавшееся в том, что армии принадлежит роль арбитра политических судеб Испании и, что еще важнее, убежденность в своем праве и предназначении командовать. Он всегда будет рассматривать политическую власть как аналог военного командования (el mando) со всеми присущими ему атрибутами — субординацией, подчинением и дисциплиной.

Юный лейтенант Франко целиком отдал себя службе и, подстегиваемый честолюбием, демонстрировал незаурядное хладнокровие и смелость. Тринадцатого июня ему бьшо присвоено звание старшего лейтенанта. Это было его первое и единственное повышение по выслуге лет. Двадцать восьмого августа Франко направили командиром на позицию Уиксан для охраны рудников Бану-Ифрур. Марокканская война набирала обороты, а Франко принялся усиленно ухаживать за Софией Субиран, красивой племянницей верховного комиссара (Alto Comisario)[17] генерала Луиса Аиспуру (Aizpuru). Устав от напыщенно-официальных ухаживаний Франко и узнав, что тот не умеет танцевать, она, не дрогнув, выдержала его мощную

почтовую атаку, длившуюся почти год[48]. Весной 1913 года, стоически перенеся неудачу в любви, он попросил о переводе в «ре-гуларес» — сформированную из местных жителей полицию, — зная, что они всегда в авангарде наступления, что давало неограниченные возможности блеснуть храбростью и быстро получить повышение. Пятнадцатого апреля 1913 года его просьба была удовлетворена. В это время эль-Райсуни приступил к массовой мобилизации на своей территории, поэтому испанцы направили на базу в Сеуте подкрепление. Среди новоприбывших были Франко и его «регуларес».

Двадцать первого июня 1913 года он прибыл в лагерь Лаусьен, а затем его назначили в гарнизон Тетуана. Между 14 августа и 27 сентября он принял участие в нескольких операциях, приобретя некоторую известность. Двадцать второго сентября он со своими отважными наемниками одержал небольшую победу местного значения, за которую 12 октября 1913 года был награжден крестом за боевые заслуги первого класса. За время своего относительно недолгого существования «регуларес» заложили традицию подчеркнутого мужества, презрения к вражеским пулям. Получив право командовать своими людьми с коня, Франко выбрал себе белого жеребца — отчасти из романтики, отчасти из желания побравировать.

На короткий период ситуация в протекторате стабилизировалась, города Сеута, Ларache и Алкасаркивир находились под испанским контролем, но коммуникациям между ними, проходившим по глухим местам, угрожали повстанцы и снайперы эль-Райсуни. Попытка взять под контроль эти территории стоила многих жизней и больших материальных затрат. Вдоль путей сообщения стояли деревянные блокгаузы длиной шесть и шириной четыре метра, обложенные на полтора метра в высоту мешками с песком и обнесенные колючей проволокой. Строить их под огнем снайперов было небезопасно. Блокгаузы охранялись взводами по двадцати одному человеку. Люди жили в них в условиях полной изоляции и нуждались в регулярных поставках провизии, воды и дров. Все это подвозилось под эскортами, которые тоже становились мишенями для снайперов. Связь между блокгаузами была спорадической и осуществлялась с помощью гелиографов и сигнальных ламп[49].

За смелость, проявленную 1 февраля 1914 года в бою у Бени-Салема в предместье Тетуана, в возрасте двадцати одного года Франко «за боевые заслуги» (рог meritos de guerra) получил звание капитана, хотя приказ был подписан только 15 апреля 1915 года. Франко приобретал репутацию прилежного и хорошо подготовленного боевого офицера, заботящегося о снабжении

своих солдат всем необходимым, не жалеющего времени на работу с картами и обеспечение безопасности лагеря. Двадцать лет спустя Франко говорил журналистам, что, борясь со скукой марокканской жизни, он буквально пожирал мемуары генералов, тексты военных договоров и описания сражений[50]. К 1954 году он уже переработал свой рассказ и английскому журналисту Коулсу (Coles) говорил, будто в часы, свободные от службы, изучал в Марокко историю, жизнеописания великих полководцев, сочинения античных стоиков и других философов и труды по политологии[51]. Эта реконструкция прошлого находится в странном противоречии с утверждениями его друга и первого биографа о том, что Франко проводил каждую свободную минуту либо на парапете блокгауза, наблюдая в бинокль за противником, либо на коне, уточняя на местности карты[52].

Как бы ни проводил Франко свободные часы, именно в это время начали рассказывать анекдоты о его невозмутимости под огнем противника. Говорили, что в операциях он проявляет скорее хладнокровие и спокойствие, чем безудержную смелость. Его низкий рейтинг, полученный в академии, начал расти. Стремление выделиться едва не стоило ему жизни в 1916 году во время операции по очистке местности от повстанцев, которые собирались в горах вокруг Сеуты. Их опорным пунктом было селение Эль-Биуц (El Biutz) высоко в горах, примерно в десяти километрах к западу от Сеуты. Его положение позволяло контролировать дорогу, соединявшую Сеуту и Тетуан, и селение было защищено линией траншей, где находились бойцы с пулеметами и винтовками. Жестко ограниченные пунктами своего полевого устава, испанцы, как и следовало ожидать, пошли в атаку вверх по склону. Пока они продвигались, неся потери, группа повстанцев обошла их, спустившись ниже, и нападавшие попали под перекрестный огонь.

Ранним утром 29 июня 1916 года Франко шел в атаку в рядах головного взвода второго батальона (Segundo Tabor) «регуларес». В войсках были большие потери. Тяжело ранило командира, и Франко принял командование. И хотя со всех сторон падали люди, Франко сумел прорвать кольцо окружения и сыграл решающую роль во взятии Эль-Биуца. Однако он получил ранение в живот. Обычно в Африке ранение в живот заканчивалось смертью. В вечернем рапорте о капитане Франко докладывалось, что он «проявил в бою беспримерную храбрость, неукротимую энергию и дар военачальника». Тон рапорта не оставлял сомнений в том, что смерть Франко неизбежна. Его доставили на пункт первой помощи в селение Кудиа-Федерико. Офицер медицинской службы остановил кровотечение и больше двух

недель не разрешал переправить Франко на носилках в Сеуту, находившуюся в десяти километрах. Он считал, что раненый не выдержит такого путешествия, и своей непреклонностью спас Франко жизнь. К 15 июля состояние Франко значительно улучшилось и его перевели в Сеуту, в военный госпиталь. Рентгеновское исследование показало, что пуля не задела жизненно важных органов. Отклонись она хоть на дюйм — и Франко погиб бы[53].

В войне, унесшей за время пребывания Франко в Африке жизни около тысячи офицеров и шестнадцати тысяч солдат, это было его единственное серьезное ранение. Такая везучесть породила впоследствии легенды о его смелости, а солдатам его марокканских частей внушила веру в то, что на нем лежит «барака» — божественное благословение, делающее его неуязвимым. Похоже, их вера способствовала появлению у него устойчивого убеждения, что ему благоволит провидение. Позже он заявит несколько напыщенно: «Много раз я видел, как смерть ходит рядом со мной, но, к счастью, она меня не узнала...»[54] Характер ранения дал также почву слухам относительно причин видимого отсутствия у него интереса к сексуальным вопросам. Немногочисленные медицинские свидетельства не подтверждают этих слухов. Более того, еще задолго до ранения Франко чуждался любовных похождений, в отличие от своих товарищей по академии, а затем по службе[55]. Неприятие отца — самое правдоподобное объяснение его крайней щепетильности в этом вопросе.

Верховный комиссар в Марокко, генерал Франсиско Гомес (Gomes) Хор-дана, отец будущего министра иностранных дел, порекомендовал присвоить Франко звание майора с уже привычной формулировкой: «за боевые заслуги». Одновременно Франко был представлен к награждению высшим испанским орденом за храбрость — Большим крестом святого Фернандо. Оба ходатайства были отклонены военным министром. Советники министра отметили, что двадцать три года — недостаточный возраст для такого повышения. Франко реагировал очень болезненно. Он не согласился с решением и попросил верховного комиссара поддержать его жалобу (recurso reglamentario) на имя главнокомандующего вооруженными силами — короля Альфонса XIII. Такая настойчивость тронула короля, и 28 февраля 1917 года Франко был произведен в майоры с исчислением срока с 29 июня 1916 года. Путь от лейтенанта до майора он прошел ровно за шесть лет. Попутно он приобрел при дворе репутацию офицера, не стеснявшегося обращаться на самый верх, если считал себя обойденным в вопросах карьеры[56]. Пятнадцатого июня 1918 года

ему было отказано и в награде. Резонно предположить, что в военном министерстве без симпатий отнеслись к Франко, поскольку он получил свое повышение через голову министерских чиновников[57].

Можно не сомневаться, что в то время Франко предпочел повышение в звании награде[18]. Контраст между природной робостью молодого лейтенанта, прибывшего в Африку пять лет назад, и целеустремленностью, с которой он добивался служебного продвижения, — важный ключ к пониманию психологии Франко. Его обращение к Альфонсу XIII обнаруживает его неутолимое честолюбие. Храбрость в бою была одним из средств достижения цели. Смелость молодого солдата и будущую холодную властность диктатора можно интерпретировать как две стороны его лица, демонстрируемого на публике с целью защитить себя от непонимания и обеспечить удовлетворение своих амбиций. Франко оставил много письменных свидетельств своей неудовлетворенности реалиями собственной жизни, и наиболее ярким является его роман «Раса». Можно предположить, что Франко лепил свой образ героя пустыни неосознанно, как и герой романа Хосе Чуррука.

Получив новое звание, Франко вынужден был вернуться в Испанию, так как в Марокко не нашлось вакантного места для офицера его ранга. Весной 1917 года его назначили командовать батальоном в полку принца Испании (Regimiento de Infanteria del Principe) в Овьедо. В этом городе он жил в гостинице «Париж», где подружился со студентом местного университета Хоакином Аррарасом, двадцать лет спустя ставшим его первым биографом. Через год к Франко присоединились два его товарища — Пакон и Камило Алонсо Вега. Несмотря на свою репутацию храброго бойца и жестокий опыт пребывания в марокканском аду, он за свою юношескую внешность и миниатюрную комплекцию получил прозвище Майорчик (Commandantin)[58]. Всегда замкнутому, необщительному, ему не доставляла радости рутинная гарнизонная жизнь в Овьедо. Дождливый климат и зеленые холмы и горы Астурии, возможно, напоминали ему родную Галисию, но зов Африки был сильнее зова родных мест. Как писал Аррарас, «в его жилах тек яд Африки»[59].

В ежедневных стычках в Африке он добился успеха и уважения, но мало кто из товарищей хорошо знал его. Он не позволял себе ни с кем близко сходиться — возможно, из боязни проявить на чужих глазах свою внутреннюю неуверенность. Тем не менее он приобрел служебные и личные связи, которые займут потом центральное место в его жизни. Он стал «африканцем», одним из тех офицеров, которые верили, что только они,

проникшиеся идеей завоевания Марокко, по-настоящему озабочены судьбами родины. Корпоративный дух, порожденный общими тяготами службы и ежедневным риском, развился у них во всеобъемлющее презрение как к профессиональным политикам, так и к пацифистски настроенным и поддерживающим левых массам, которые виделись этим офицерам препятствием для успешного осуществления патриотической миссии. Служба в Испании не сулила быстрого получения чинов, а что касается Франко, его высокое, не по возрасту, звание вызывало к нему известную неприязнь. В Марокко, несмотря на свою молодость и некоторую неотесанность, он пользовался репутацией смелого и знающего свое дело солдата, на которого можно положиться в бою. В Овьедо, среди офицеров, которые, будучи вдвое старше его, все еще оставались майорами или капитанами, и даже среди генералов, видевших в нем опасного выскочку и карьериста, он не пользовался популярностью и был вынужден довольствоваться собственным обществом[60].

Франко проводил занятия с офицерами и гражданским персоналом вспомогательных служб, что позволило ему наладить отношения с влиятельными кругами местного общества. Поздней осенью 1917 года на деревенском празднике (romeria) он познакомился с Марией дель Кармен Поло-и-Мартйнес Валь-дёс, хорошенькой девушкой из богатой, но утратившей знатность семьи. К тому времени худенькой темноглазой Кармен, ученице школы при монастыре Лас-Салесас, исполнилось пятнадцать лет. Франко предложил ей встречаться, но она отказалась, намекая на непостоянство военных, исчезающих как ветер в поле. Она также считала, что в пятнадцать лет слишком рано заводить серьезные отношения. Тем не менее, когда осенью 1917 года она вернулась в монастырь, он написал ей. Правда, письмо перехватили монахини и передали отцу. Однако с невозмутимостью и оптимизмом, отличавшим его в избранной профессии, он начал методичную осаду Кармен. Сама девушка, ее школьные подружки и даже монахини были поражены тем, что прославленный майор стал исправно ходить на утреннюю семичасовую мессу. Он ловил ее взгляд сквозь чугунную витую ограду[61]. Стройная, как ива, элегантная Кармен Поло вела себя с аристократической надменностью. Глубоко консервативный Франко испытывал настоящее благоговение перед аристократией и преклонялся перед членами семьи Кармен и их образом жизни[62].

Отец Кармен, Фелипе Поло, был вдовцом. Поначалу он выступал против романа дочери с молодым армейским офицером из скромной семьи и с еще более скромными видами на будущее

и опасной профессией. Он заявил, что позволить своей дочери выйти замуж за Франко — все равно что выдать ее за тореадора. В этих словах снобизм соединился с пониманием опасности службы в Африке[63]. Еще более решительно против брака Кармен была настроена ее тетка Исабель, которая после смерти жены брата взяла на себя попечение над четырьмя его детьми. Как и брат, она надеялась на лучшую партию для своей племянницы[64]. Однако, несмотря на противостояние семьи, Франко продолжал настойчиво ухаживать за Кармен Поло. Записки для нее он будет засовывать под тесьму шляп общих знакомых или класть в карман ее пальто, увидев его на вешалке в кафе. Они станут тайно встречаться[65]. В конечном итоге решимость Кармен преодолеет сопротивление семьи. Впоследствии эта ее решимость будет работать на карьеру мужа.

Их отношения развивались в социально разделенном городе. Инфляция и лишения, явившиеся следствием Первой мировой войны, настраивали местных рабочих на боевой лад. Социалистическая партия развернула агитацию в связи с падением жизненного уровня народа и против «преступной войны в Марокко», что глубоко оскорбляло и возмущало Франко и других военных. Их негодование на безнаказанность нападок на армию было частью общего неприятия политической системы, которую они обвиняли в различных несчастьях, обрушившихся на вооруженные силы. Недовольство военных подогревалось и раздорами между теми, кто поехал добровольцем в Африку, и теми, кто остался на полуострове, между «африканцами» и местными (peniusulares). Сражавшиеся в Африке рисковали, но риск и оплачивался высоко быстрым продвижением по службе. Остаться в метрополии значило иметь больший комфорт, но и большую скуку. Продвижение по службе шло исключительно за выслугу лет. Когда инфляция ударила по жалованью военных, местные стали выказывать недовольство по отношению к тем, кто, подобно Франко, добился внеочередного повышения. В части сухопутных сил, например в артиллерии, удалось ввести систему повышений в строгом соответствии со старшинством, и все артиллеристы согласились отказываться от повышения за особые заслуги. Во многих гарнизонах были образованы так называемые «хунты обороны» (Juntas de Defensa) — нечто вроде профсоюзов — для сохранения системы повышения по старшинству и борьбы за увеличение жалованья.

Внутреннему, казалось бы, делу армии оказалось суждено стать причиной катастрофических сдвигов в испанской политике. Начало Первой мировой войны уже подогрело политические страсти: среди высшего генералитета разгорелись дискуссии

относительно возможности вступления Испании в войну. Угроза экономического банкротства страны и плачевное состояние армии говорили за нейтралитет, что вызывало довольство многих офицеров. Неучастие Испании в войне привело к важным переменам. Привилегированное экономическое положение Испании, имевшей возможность поставлять свою сельскохозяйственную продукцию и Антанте, и державам германо-австрийского блока, вызвало промышленный бум, от которого выиграли владельцы угольных шахт Астурии, баскские стальные бароны и судостроители, каталонские текстильные магнаты. Изменился баланс сил внутри экономической верхушки. Аграрии по-прежнему оставались элитой общества, но промышленники больше не собирались оставаться на вторых ролях. Их недовольство достигло пика в июне 1916 года, когда министр финансов, либерал Сантьяго Альба, попытался ввести налог на пресловутые военные прибыли промышленников севера, в то время как аграриев законопроект не затрагивал. Хотя проект и был заблокирован, этот эпизод ярко высветил высокомерие социального слоя крупных землевладельцев и подстегнул промышленную буржуазию в ее попытках добиться модернизации политической системы.

В калейдоскопическом смешении быстрого экономического роста, социальных перемен, оживления регионалистских течений и движения за буржуазные реформы армии выпало сыграть активную и противоречивую роль. Недовольство баскских и каталонских промышленников привело к тому, что они бросили вызов испанскому истеблишменту и стали оказывать экономическую поддержку регионалистским движениям, что вызывало глубокое возмущение среди военных с их централистским менталитетом. В создавшейся ситуации своекорыстный реформистский пыл промышленников, старавшихся не упустить военных прибылей, совпал со стремлением к переменам отчаявшегося, обнищавшего в результате войны пролетариата. Промышленный бум привел к оттоку рабочей силы из деревень в города, где царили наихудшие порядки времен раннего капитализма. Особенно ярко это проявлялось в Астурии и Басконии. Одновременно увеличение экспорта вызвало дефицит в продуктах и товарах, резкое усиление инфляции и стремительное падение жизненного уровня. Социалистический Всеобщий союз трудящихся — ВСТ (Union General de Trabajadores) и анархо-синдикалист-ская Национальная конфедерация труда — НКТ (Confederation Nacional del Tra-bajo) объединили свои усилия, надеясь, что всеобщая стачка приведет к свободным выборам и реформам[66]. В то время как

промышленники и рабочие добивались реформ, армейские офицеры среднего ранга протестовали против низких жалований, устаревших порядков продвижения по службе и коррупции среди политиков. Этот странный и кратковременный альянс сложился отчасти в результате непонимания гражданскими политической позиции армии.

Недовольство военных облекалось в язык реформ, ставший модным после распада империи в 1898 году. Известное как «регенерасионизм»[19], движение связывало поражение 1898 года с коррупцией в политических сферах. Регенерасионизм эксплуатировался как правыми, так и левыми, поскольку среди его проповедников были и те, кто хотел с помощью демократических реформ смести выродившуюся политическую систему, основанную на власти местных царьков, или касиков[20], и те, кто планировал разрушить касикизм авторитарными методами после прихода «железного хирурга». Как бы то ни было, в 1917 году офицеры, с лозунгами регенерасионизма на устах, считались авангардом общенационального движения за реформы. На короткое время рабочие, капиталисты и военные соединились во имя очищения испанской политики от коррумпированного каси-кизма. Как выяснилось позже, острый кризис 1917 года так и не привел к созданию политической системы, способной реагировать на социальные перемены, а только консолидировал силы земельной олигархии.

Несмотря на текстуальное совпадение лозунгов, призывающих к реформам, в конечном счете интересы рабочих, промышленников и офицерства противоречили друг другу, и существовавшая система выжила, ловко используя различия позиций. Премьер-министр консерватор Эдуардо Дато уступил финансовым требованиям офицеров. Затем он спровоцировал в Валенсии забастовку шедших за социалистами рабочих-железнодорожников, вынудив выступить ВСТ в то время, как НКТ не была к этому готова. Войдя в альянс с режимом, армия с готовностью выступила на его защиту, исключительно жестоко подавив забастовку, начавшуюся 10 августа 1917 года. В Астурии, где забастовка проходила мирно, военный губернатор генерал Рикардо Бургете-и-Лана ввел 13 августа военное положение. Он объявил организаторов забастовки платными агентами иностранных держав. Заявив, что будет охотиться на стачечников, «как на диких зверей», он направил в горняцкие поселки на усмирение бастующих подразделения регулярных войск и гражданской гвардии. Развязав террор, Бургете жестоко подавил забастовку. Восемьдесят человек было убито, полторы сотни ранено, две тысячи арестовано, многие из них подверглись

избиениям и пыткам[67].

Одним из подразделений командовал молодой майор Франко. Составленное из роты Королевского полка (Regimiento del Rey), взвода пулеметчиков полка принца Испании (Regimiento del Principe) и приданного отряда гражданской гвардии, оно сыграло заметную роль в наведении порядка. Официальный историограф гражданской гвардии писал в связи с теми событиями о Франко как о человеке, «ответственном за восстановление порядка»[68]. Хотя действия Франко в то время вызвали уважение к нему со стороны местной буржуазии, сам он позже, выступая перед астурийскими шахтерами, утверждал, будто его подразделению действовать не пришлось[69]. Верится в это с трудом, но теперь невозможно восстановить подлинную роль Франко в подавлении забастовки. Несомненно, в его задачу входило предотвращать саботаж на шахтах и выносить в условиях военного положения решения по случаям столкновений отдельных стачечников с гражданскими гвардейцами. Не слишком правдоподобным выглядит и его утверждение, сделанное в 1963 году в интервью Джорджу Хилл-зу, возглавлявшему испанскую службу Би-би-си, будто, увидев ужасные условия жизни горняков, он серьезно занялся изучением социологии и экономики[70]. В противовес патерналистским воспоминаниям Франко Мануэль Лянеса, лидер астурийских горняков с умеренными взглядами, писал, что это было время «африканской ненависти» (odio africano), разразившейся над горняцкими поселками бурей насилия, грабежей, избиений и пыток[71].

Нарастающее недовольство многих офицеров политической системой еще усилилось после 1917 года в результате развернутой Испанской социалистической рабочей партией — ИСРП (Partido Socialisto Obrero Espanol) широкомасштабной кампании протеста против войны в Марокко и нерешительности сменявших друг друга кабинетов. Армейские офицеры хотели, чтобы средств на армию выделялось все больше, но чтобы политики при этом не лезли в военные дела. Правительства, сталкиваясь с усилением народного недовольства' бессмысленно проливаемой в Марокко кровью, снижали расходы на войну и навязывали армии по существу оборонительную стратегию. По мнению высшего военного командования, лицемерные политики вели двойную игру: требуя от солдат легких побед, они одновременно не хотели попасться на разбазаривании денег на колониальную войну[72]. Поэтому вместо полномасштабной оккупации области Риф, о чем военные говорили как о единственно верном решении, армия была вынуждена

ограничиваться охраной городов и коммуникаций между ними. Естественно, повстанцы из местных племен получали возможность нападать на конвои с провизией, втягивая армию в бесконечную войну на истощение, за которую военные возлагали всю вину на политиков. Попытка изменить ход событий была предпринята в августе 1919 года, когда умер верховный комиссар Испании в Марокканском протекторате генерал Гомес Хордана и премьер-министр граф де Романонес назначил на это место сорокашестилетнего генерала Дамасо Беренгера. Блестящий офицер с великолепным послужным списком, Беренгер стал в 1918 году военным министром[73].

Одной из проблем, с которыми столкнулся Беренгер, стали амбиции и ревность командующего гарнизоном Сеуты генерала Мануэля Фернандеса Сильвестре. Несмотря на взаимную симпатию и уважение и благосклонность к обоим Альфонса XIII, их рабочие отношения не складывались из-за того, что Сильвестре был на два года старше Беренгера и когда-то был его начальником, да и в табели о рангах он стоял выше, пусть даже только на один пункт. Это старшинство и личная дружба Сильвестре с королем подталкивали его на нарушение субординации. Имелись у них разногласия и в отношении марокканской политики правительства. Сильвестре выступал за решительное подавление восставших марокканских племен, а Беренгер склонялся к мирному покорению племен при помощи умелого манипулирования местными силами[74]. Он разработал трехлетний план умиротворения. План был нацелен на установление со временем сухопутного сообщения между Сеутой и Мелильей. Первая часть плана предполагала отвоевание у племен территории к востоку от Сеуты, известной как Аниера (Апуега) и в том числе города Алкасаркивир. За этим должно бьшо последовать подчинение района Джибала и двух его основных городов — Тасару-та (Tazarut) и Ксауэна (Xauen). С одобрения правительства план начал реализовываться, 21 марта 1919 года Алкасаркивир был оккупирован. Эль-Райсуни ответил нападениями на испанские конвои с провизией.

В это время Франко был отвлечен от марокканских событий участием в «хунтах обороны», хотя эти объединения и выступали за продвижение по службе строго по старшинству. Можно предположить, что он делал это не по убеждениям, а лишь в ответ на зависть младших по званию, но старших по возрасту офицеров, не служивших в Африке. Если бы эта политика нашла отклик во всей армии, офицеры лишились бы главного стимула ехать добровольцами в Марокко. Не успел Франко как следует втянуться в дела «полуостровников», как в его жизни произошли

немаловажные перспективные перемены, и началось это 28 сентября 1918 года, когда он отправился из своей части в Овьедо в населенный пункт Вальдемото под Мадридом. Там он пробыл до 16 ноября, проходя обязательные майорские курсы по стрелковой подготовке. И там он встретил майора Хосе' Миляна Астрая, человека на тринадцать лет старше его, ожидавшего повышения. Милян, знаменитый своей безудержной смелостью и, соответственно, серьезными ранениями, изложил Франко свою идею создания для войны в Африке специальных добровольческих частей по типу французского Иностранного легиона. Франко раззадорили беседы с Миляном Астраем, а сам он произвел на того впечатление человека, с которым можно делать дело[75].

Франко вернулся к своим гарнизонным обязанностям в Овьедо и провел там 1919-й и большую часть 1920 года. За это время Милян Астрай ознакомил со своими идеями военного министра генерала Товара. Генерал Товар передал их, в свою очередь, в генштаб, и Миляна направили в Алжир для изучения структуры и тактики французского Иностранного легиона. По его возвращении появился королевский указ, одобривший создание формирования из доброволь-цев-иностранцев. Но Товар к тому времени был заменен генералом Виляльбой Рикельме, который положил начинания в долгий ящик и занялся стоявшим тогда на повестке дня вопросом серьезной реорганизации африканских частей армии. В мае 1920 года Виляльба был смещен и заменен виконтом де Эса (de Eza), которому случилось слышать лекцию Миляна Астрая в мадридском офицерском собрании (Circulo Militar). Доводы Миляна Астрая убедили де Эсу, и он одобрил набор в новые войска.

В июне 1920 года Милян снова встретил Франко в Мадриде и предложил ему место заместителя командующего Испанским легионом. Вначале предложение Миляна не увлекло Франко, потому что его отношения с Кармен были в самом расцвете и еще потому, что в Марокко, по крайней мере на тот момент, было так же спокойно, как в самой Испании[76]. Но после недолгих колебаний, убоявшись перспективы завязнуть в Овьедо, он согласился. Для Кармен Поло начался трудный период, в течение которого ей предстояло доказать, способна ли она проявить такое же терпение и решимость, как ее муж. Говоря об этом времени восемь лет спустя, она отметила: «В моих мечтах любовь всегда мне виделась озаренной радостью и смехом; но мне она принесла больше печали и слез. Первые мои женские слезы были о нем. Мы были помолвлены, но ему пришлось оставить меня и уехать в Африку для организации первого батальона Легиона. Можете

себе представить мое вечное беспокойство и переживания, которые особенно усиливались в дни, когда газеты писали об операциях в Марокко или когда письма задерживались дольше обычного»[77].

Формально Легион был основан 31 августа 1920 года под названием «Tercio de Extranjeros». Терсио, или треть — так в XVI веке назывались полки армии Фландрии, которые делились на три группы: воинов-копьеносцев, воинов с арбалетами и воинов с аркебузами. Новое формирование имело также три батальона, или banderas (знамена). Миляну Астраю не понравилось название, и он все время настаивал на «Легионе», что больше нравилось и Франко.

Только что закончилась мировая война, и с добровольцами проблем не было. Двадцать седьмого сентября 1920 года Франко стал командиром первого батальона (primira bandera). Отложив осуществление планов пожить рядом с Кармен Поло, он 10 октября 1920 года на пароме «Алхесирас» вместе с первыми двумя сотнями наемников — сборищем отбросов общества, жестоких, а то и просто жалких людишек — покинул берега Испании. Среди них были и обычные уголовники, включая иностранцев, ветеранов войны, которые не смогли приспособиться к мирной жизни, и активные участники социальных беспорядков в Барселоне. Низенький, хрупкий, бледный двадцативосьмилетний майор Франко со своим высоким голосом не очень походил на человека, который сумел бы совладать с такой бандой.

Смерть была манией Миляна Астрая. Для своих рекрутов он не видел другой стези, как сражаться и погибать. Милян и Франко через всю жизнь пронесли милое их сердцам романтическое представление о Легионе как о последней возможности, предоставленной отбросам общества найти искупление через дисциплину, преодоление трудностей, борьбу и смерть. Это прослеживается в «Дневнике одного батальона» (Diario de una bandera), написанном Франко в первые два года существования Легиона и представлявшем любопытную смесь сентиментальности, духа романтических приключений и полного равнодушия к проявлениям всего звериного в человеке. В своей приветственной речи перед первыми рекрутами истеричный Милян сказал им, что, как воры и убийцы, они были обречены, и только вступление в Легион спасло их. Все более распаляясь, он предложил им новую жизнь, но платой за нее все равно должна была стать смерть. Он назвал наемников «женихами смерти» (los novias de muerto)[78]. В Легионе царил дух жестокости и бесчеловечности, и Франко полностью нес за это свою долю

ответственности, хотя внешне он проявлял себя достаточно сдержанно. Дисциплина в Легионе бьша жесточайшая. Расстрелять могли не только за дезертирство, но и за незначительные нарушения дисциплины[79]. Пока Франко был заместителем Миляна Астрая, он не позволял себе непослушания, недисциплинированности или нелояльности по отношению к командиру, хотя искушение воспротивиться воле этого маньяка бывало, и весьма сильное[80].

По прибытии в Сеуту легионеры всю ночь терроризировали город. От их рук погибли проститутка и капрал гражданской гвардии. При попытке оказать сопротивление убийцам были застрелены еще двое[81]. Франко вынужден был перебросить свой батальон в Дар-Риффьен, где на восстановленной старинной арке вывели надпись: «Легионеры — в бой, легионеры — вперед навстречу смерти» (Legionerios a luchar, legionarios a morir).

В Африку они прибыли в трудное время. Беренгер приступил к реализации второй части своего плана оккупации. Четырнадцатого октября 1920 года испанские войска заняли базу эль-Райсуни — живописный горный городок Кса-уэн. Для местных жителей Ксауэн был священным городом, «городом таинств». Спрятанный в горном ущелье, этот город-крепость был практически неприступен. Его захватили почти без потерь благодаря одному арабисту — полковнику Альберто Кастро Хироне, который вошел в город переодетым в торговца древесным углем и путем угроз и подкупа убедил местную верхушку сдаться[82]. Однако промышлявшие налетами на конвои с товарами племена на территории между Ксауэном и Тетуаном воспротивились такому исходу, и вскоре испанцам пришлось проводить дорогостоящие полицейские операции. Спустя неделю по прибытии легионеры Франко были направлены в Уад-Лау (Uad Lau) охранять дорогу, ведущую в Ксауэн.

Вскоре к Франко присоединились его закадычные друзья — двоюродный брат Пакон и Камило Алонсо Вега. Алонсо Веге было поручено создать ферму для снабжения батальона продуктами и построить приличные казармы. Создание фермы увенчалось большим успехом. Она не только обеспечивала подразделение свежим мясом и овощами, но и приносила прибыль. Франко организовал также устойчивую доставку в Дар-Риффьен чистой горной воды[83]. Здесь еще раз проявился его методичный подход к устройству лагерного быта и к ведению боевых действий. Теперь все его мысли были направлены только на решение военных вопросов. Спрятавшись в скорлупу человека, заботящегося исключительно об общественных нуждах, он явно не разделял чувств и аппетитов своих товарищей и стал известен как офицер

«без страха, без женщин и без мессы» (Siu miedo, siu muheres y sin misa)[21]. Не имея интересов, не связанных напрямую с карьерой, занимаясь изучением местности, работой над картами и подготовкой к операциям, он добился, что его подразделение стало образцовым на общем фоне печально известных своей плохой дисциплиной, неэффективностью и низким моральным духом частей испанской армии.

Кроме того, малый рост Франко всегда вызывал у него желание навязать свою волю людям физически более внушительным и сильным; как бы компенсируя свою тщедушность, он отличался и завидным хладнокровием. Хотя Милян Астрай и Франко жестоко карали за малейшие нарушения дисциплины, они закрывали глаза на зверства своих наемников в захваченных ими селениях. Отрубание голов пленникам и выставление их напоказ было обычным делом. Герцогиня де ла Виктория, филантропка, организовавшая команду добровольцев из сестер милосердия, в 1922 году в знак признательности от Легиона получила корзину роз, в центре были помещены два человеческих черепа[84]. На параде по случаю прибытия в Марокко в 1926 году диктатора генерала Примо де Риверы легионеры стояли с наколотыми на штыки человеческими головами[85]. Франко и его офицеры со временем стали гордиться жестокостью своих людей и радоваться их дурной славе. Ведь подобная репутация служила им своего рода оружием подавления непокорного населения колонии, и Франко сделал для себя на будущее выводы об исключительной эффективности террора. В своем «Дневнике одного батальона» он с отеческой теплотой пишет о звериной жестокости своих людей[86]. В Африке, как и потом во время Гражданской войны в Испании, он сквозь пальцы смотрел на убийства и надругательства над пленными. Мало сомнений в том, что годы, проведенные в обстановке нечеловеческой жестокости Легиона, внесли свой вклад в дегуманизацию личности Франко, но, возможно, он уже приехал в Африку настолько лишенным нормальной эмоциональной реакции, что его не трогала окружавшая жестокость. Еще когда Франко служил в «регуларес», один офицер, чуть старше его возрастом, Гонсало Кейпо де Льяно, был поражен той невозмутимостью, с какой Франко смотрел на жестокие избиения марокканских военнослужащих за пустяковые нарушения дисциплины[87]. Легкость, с которой он привык к зверствам своего нового войска, говорит об отсутствии у него всякой чувствительности, граничащем с внутренней пустотой. Это же объясняет и полную его невозмутимость, даже безмятежность, при использовании террора во время Гражданской войны и в

последующие годы репрессий.

Офицеры, чтобы успешно служить в Легионе, должны были проявлять ту же жестокость и безжалостность, что и их солдаты. Однажды, обеспокоенный вспышкой нарушений дисциплины и дезертирства, Франко направил Миляну Астраю просьбу разрешить применение смертной казни. Милян проконсультировался с начальством и сообщил Франко, что смертный приговор может выноситься только в соответствии с нормами военного уголовного кодекса. Несколько дней спустя один легионер отказался от еды и запустил миской в офицера. Франко построил батальон, выбрал несколько человек и приказал им расстрелять нарушителя дисциплины, а потом заставил весь батальон промаршировать мимо трупа. Он доложил Миляну, что вынужден был в целях поддержания дисциплины столь сурово наказать легионера, и принял всю ответственность на себя[88]. В другой раз ему сообщили о поимке двух дезертиров Легиона, которые вдобавок совершили ограбление. «Расстрелять», — последовал приказ Франко. В ответ на протест Винсенте Гуарнера, с которым он учился в академии в Толедо и который в это время находился в его части, Франко вспылил: «Заткнись! Ты не знаешь, что это за народ. Если они не почувствуют железной руки, тут начнется хаос»[89]. По словам одного сержанта, и рядовые легионеры, и офицеры боялись Франко и его жутковатого хладнокровия, с которым он глазом не моргнув мог расстрелять человека: «Ты мог быть уверенным, что получишь сполна, и ты твердо знал, что он тебя поймает, и только неизвестно было, какое наказание тебя ждет… Можно было надеяться только на Бога, если у тебя не было чего-то из снаряжения, или винтовка была не почищена, или ты ленился»[90].

В начале 1921 года план постепенной оккупации генерала Беренгера успешно воплощался в жизнь. В то же самое время генерал Мануэль Фернандес Сильвестре ввязался в амбициозную, но, по существу, безрассудную кампанию, выступив из Мелильи на запад, в сторону залива Алусемас. Семнадцатого февраля 1921 года Сильвестре занял Монте-Арруит (Monte Arriut) и готовился перейти реку Амекран. Сильвестре двигался по труднопроходимой территории с враждебно настроенным населением, и удача его была скорее кажущейся, чем реальной. Абд эль-Керим, воинственный молодой вождь, успешно начавший распространять свою власть на рифские племена берберов, предупредил Сильвестре, что если он перейдет Амекран, то берберы ответят силой. Это предупреждение только рассмешило Сильвестре[91]. Однако Беренгера устраивало, что Сильвестре контролирует ситуацию, и он решил потеснить эль-Райсуни,

захватив горы Гомара. Легиону было приказано присоединиться к колонне[22], которой командовал один из известных офицеров испанской армии, полковник Кастро Хирона. В задачу колонны входило создание непрерывной линии обороны между Ксауэном и Уад-Лау. Когда эта линия протянулась далее — от Ксауэна до Алкасаркивира, — эль-Райсуни оказался в окружении. Двадцать девятого июня 1921 года легионеры, идя в авангарде, атаковали базу эль-Райсуни.

Однако 22 июня 1921 года, перед началом наступления, один из батальонов Легиона без объяснения причин перебросили под Фондак (Fondak). Когда после изматывающего марш-броска они прибыли на место, им приказали следовать через Тетуан далее к Сеуте. Добравшись до Тетуана, они по слухам узнали о военной катастрофе под Мелильей. В Сеуте слухи подтвердились. Их погрузили на борт военного транспорта «Сьюдад де Кадис» и направили в Мелилью[92]. К сожалению, они не ведали о масштабах катастрофы. Генерал Фернандес Сильвестре слишком растянул свои войска по берегу Амекрана в сторону залива Алусемас и потерпел сокрушительное поражение от Абд эль-Керима. От населенного пункта Анваль (Annual), где Сильвестре был разбит, войска отступили, и отступление продолжалось три недели, пока испанцы не оказались отброшенными к самой Мелилье. Практически все гарнизоны были уничтожены. Все приобретения последнего десятилетия, пять тысяч квадратных километров бесплодной, покрытой низкорослым кустарником земли, завоеванной ценой огромных материальных средств и тысяч человеческих жизней, были потеряны всего за несколько дней. На выдвинутых навстречу противнику постах близ населенных пунктов Мелилья, Дар-Дриус, Монте-Арруит и Надор произошли массовые истребления испанских солдат. За несколько недель их погибло до девяти тысяч. Повстанцы подошли к окраинам охваченной паникой Мелильи, но, ограничившись грабежами, не стали брать ее, хотя город остался, по существу, без защиты[93].

В этот момент прибыли подкрепления, в том числе и Франко со своими легионерами, которые появились в Мелилье 23 июля 1921 года. Им был отдан приказ удержать город любой ценой[94]. Легион вначале был занят укреплением обороны города, а потом — подступов к нему с юга. Со своих оборонительных позиций на холмах под Мелильей Франко мог наблюдать за осадой остатков гарнизона населенного пункта Надор, но его просьба пойти с подразделением добровольцев на выручку осажденным была отклонена. Поражение следовало за поражением. Второго августа пал Надор, 9 августа — Монте-Арруит[95]. Отдельные

подразделения Легиона посылали на поддержку других частей, дислоцированных в этом районе, они сопровождали колонны с провиантом, они приходили на помощь защитникам блокгаузов на самых опасных направлениях. Чтобы выполнить поставленные задачи, офицерам и легионерам приходилось не спать круглыми сутками[96]. Благодаря прессе и опубликованному дневнику Франко, роль, которую он сыграл в обороне Мелильи, помогла ему приобрести славу национального героя. И он укрепил эту репутацию снятием осады с Ка-сабоны, когда его конвой нанес неожиданный удар по осаждавшим Касабону марокканцам[97]. Во время боев с племенами он научился умело использовать топографические особенности местности, вступая при этом в противоречия с боевыми уставами армии[98].

К 17 сентября Беренгер собрал достаточно сил, чтобы перейти в контрнаступление с целью вернуть часть потерянных территорий. Легион снова оказался в авангарде. В первый день наступления под Надором Милян Астрай был серьезно ранен в грудь. Он упал на землю со словами: «Меня убили, меня убили!» Потом привстал и крикнул: «Да здравствует король! Да здравствует Испания! Да здравствует Легион!» Его унесли на носилках, а командование перешло к Франко.

Когда молодой майор и его войска вошли в Надор, они увидели там горы незахороненных, разлагающихся трупов своих товарищей, убитых шесть недель назад. Франко писал потом, что Надор с его горами трупов, валяющихся вперемешку с награбленным и брошенным марокканцами добром, представлял собой «огромное кладбище»[99]. В последующие недели Франко со своими легионерами принял участие еще в нескольких подобных операциях, в частности 23 октября он освобождал Монте-Арруит. Франко не видел противоречия в том факте, что, с одной стороны одобряя зверства своих людей, он, с другой стороны, приходил в ужас при виде сотен изуродованных трупов испанских солдат в Монте-Арруите. Он и его люди покидали Монте-Арруит, «унося в сердцах страстное желание отомстить и так наказать их, как еще никого и никогда не наказывали»[100]. Франко вспоминал, как во время одного наступления капитан приказал своим людям прекратить огонь, потому что перед ними были женщины. И один старый легионер проворчал: «Но это же фабрики по производству марокканцев». «Мы все засмеялись, — пишет Франко в дневнике, — а потом вспомнили, что во время наших поражений именно женщины проявляли особую жестокость, приканчивая раненых и сдирая с них одежду, платя таким образом за принесенные им блага цивилизации»[101].

Восьмого января 1922 года под натиском войск Беренгера пал

Дар-Дриус. Многое из того, что было потеряно после поражения под Анвалем, удалось вернуть. Франко не забыл судьбы испанских солдат, перебитых марокканцами в Дар-Дриусе в 1921 году, и возмущался тем, что Легиону не позволили вступить в это селение и отомстить[102]. Однако спустя несколько дней они не упустили своего шанса. Произошел случай, который позволил галисийской прессе говорить о «хладнокровии, бесстрашии и презрении к смерти», проявленными «нашим любимым Пако Франко». Под Дар-Дриусом был атакован блокгауз, и осажденные легионеры обратились за помощью. Командир испанских войск в городке приказал выступить всему батальону, но Франко сказал, что ему хватит дюжины смельчаков, и попросил выйти добровольцев! Когда все сделали шаг вперед, он отобрал двенадцать человек и отправился с ними на выручку осажденным. Атака марокканцев на блокгауз была отбита. На следующее утро Франко и его двенадцать добровольцев вернулись, неся в качестве трофеев двенадцать окровавленных голов туземцев (barquenos)[103].

Отправляясь в отпуск, Франко непременно навещал в Астурии Кармен Поло. Во время этих поездок в Овьедо он, как прославленный герой, был желанным-гостем в домах местной аристократии. И самому Франко нравились такие визиты, а почтение к дворянству и аристократии осталось в нем на всю жизнь[104]. Пообтершись, он начал заводить в обществе связи, которые помогут ему в дальнейшей жизни, и начал заботиться о своем общественном лице, из чего можно сделать вывод о масштабах его тогдашних амбиций. За ним стали охотиться газеты. В интервью, в речах на банкетах, данных в его честь, в его собственных публикациях он начал сознательно создавать себе образ самоотверженного героя. Вскоре после принятия от Миляна Астрая Легиона он получил поздравительную телеграмму от мэра (alcalde) Эль-Ферроля. В перерыве между боями он нашел время скромно ответить: «Для Легиона большая честь получить ваше приветствие. Я просто исполняю свой солдатский долг. Горячий привет городу от легионеров»[105]. Для Франко того времени это было типично — показать себя храбрым, но скромным офицером, думающим только о своем воинском долге. Это был образ, в который он твердо верил и который старательно выносил на публику. Выходя от короля после аудиенции, данной ему в начале 1922 года, он сообщил репортерам, что король обнял его и поздравил с успешным. командованием «Терсио» после того, как Милян Астрай выбыл из строя. «В том, что он сказал обо мне, есть некоторое преувеличение. Я просто выполняю свой долг. Солдаты — вот подлинно смелые люди. С ними можно идти куда угодно»[106]. Вряд ли правильно будет сказать, что Франко открыто

лицемерил, делая заявление в таком духе. Несомненно, молодой майор видел себя таким, каким в напыщенных выражениях описал в дневнике. Как бы там ни было, стиль его различных интервью и то, что он предал свой дневник гласности в конце 1922 года, раздавая его экземпляры направо и налево, позволяют предположить, что он уловил, как важно находиться в центре внимания, чтобы успешно пройти вожделенный путь от героя до генерала.

Глава 2 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА

1922—1931 годы

Франко еще только закладывал основы своего общественного имиджа, а среди солдат он уже пользовался большой популярностью благодаря тщательной разработке планов боевых операций и своему личному участию в вылазках во главе подразделения. Он любил штыковые атаки, считая их мощным средством устрашения противника. Его подвиги широко освещались в испанской прессе, из него сделали национального героя, «аса Легиона». Генерал Хосе Сан-хурхо, один из героев африканской кампании и командир Франко, как-то пообещал ему: «Вы попадете в госпиталь не от пули марокканца — я сам сшибу вас камнем, если еще раз увижу в бою на коне»[1].

В июне 1922 года Санхурхо представил Франко к званию подполковника — за действия при взятии Надора. Поскольку высшие военные инстанции были все еще заняты разбором катастрофы под Анвалем, представлению не дали ходу. Тем не менее Милян Астрай был произведен в полные полковники, а сам Санхурхо — в генерал-майоры. Франко же просто наградили медалью. Возмущенный критикой армии со стороны гражданских властей и намерениями правительства уйти из Марокко, Милян Астрай сделал ряд необдуманных заявлений, и 13 ноября 1922 года его отстранили от командования Легионом. К досаде Франко, его не поставили на место Миляна, поскольку он был слишком молод и имел всего лишь звание майора. Командиром стал подполковник Рафаэль де Валенсуэла из «регуларес». Обойденный по службе, Франко ушел из Легиона. Человек, который вместе с Миляном стоял у истоков этого военного формирования, должно быть, посчитал для себя неприемлемым оказаться заместителем у новичка[2]. Франко попросился в Испанию и был направлен обратно в Овьедо.

К неудовольствию большинства армейских офицеров, провал под Анвалем усилил пацифизм левых и нанес урон репутации армии и короля. Получило широкое распространение мнение о том, что именно Альфонс XIII подстрекал Сильвестре к молниеносному наступлению[3]. В августе 1921 года генералу Хосе Пикассо было поручено расследовать причины поражения. Доклад Пикассо заканчивался обвинением тридцати девяти офицеров, включая Беренгера, которому 10 июля 1922 года пришлось уйти с поста верховного комиссара в Марокко. Осенью 1922 года выводы Пикассо оказались на рассмотрении комитета

кортесов, вошедшего в историю, как «Комитет по ответственности», и созданного с целью дать политическую оценку военному поражению. При обсуждении блестящий оратор, депутат от социалистов Индалесио Прьето заявил, что армию поразила коррупция, а потому опрометчивость Сильвестре не могла не привести к поражению. Депутат-социалист призвал к закрытию военных академий, роспуску интендантской службы и увольнению из армии высших офи-церов-«африканцев». Его речь была опубликована и разошлась на листовках в сотнях тысяч экземпляров[4].

Беренгера заменил генерал Рикардо Бургете, под началом которого Франко служил в Овьедо в 1917 году. Бургете в качестве верховного комиссара следовал предписаниям правительства умиротворять повстанцев подачками, а не военной силой. Двадцать второго сентября 1922 года он заключил сделку с разжиревшим и потерявшим боевой пыл эль-Райсуни. В результате эль-Райсуни стал правителем Джибалы от имени Испании, получил свободу рук и большую сумму денег. Поскольку испанцы уже обложили эль-Райсуни в его резиденции — городке Тасарут, центре провинции Джибала, — его власть стала бы ничтожной, приди испанцам в голову занять этот населенный пункт. Но власти продолжали вести непоследовательную половинчатую политику, и испанские войска ушли с территории, контролировавшейся человеком, который был на грани поражения. У того прибавилось денег, и власть его укрепилась.

Целью Бургете было умиротворение племен на западе, чтобы спокойно разделаться на востоке с более опасным Абд эль-Керимом. Осенью, после попытки провести с ним переговоры о выкупе испанских пленных, Бургете перешел в наступление. В качестве исходной позиции Бургете собирался использовать возвышенность, на которой находилось селение Тиси-Асса (Tiži Azza), к югу от Анваля. Однако, пока он готовился, рифские племена первыми ударили по испанцам, это случилось в начале ноября 1922 года. Обосновавшись на горных склонах над городом, они обрушили огонь на гарнизон, в результате чего войска потеряли две тысячи убитыми и ранеными, и испанцам пришлось на всю зиму перейти в оборону[5].

Ухудшение ситуации в Марокко и нерешительность Бургете, возможно, убедили Франко, что он сделал верный шаг, уйдя из Легиона, какими бы соображениями он ни руководствовался. Когда по дороге в Астурию он проезжал через Мадрид, то был осыпан почестями. Король 12 января 1923 года наградил его Военной медалью и удостоил чести называться камергером

(gentihobre de camara), причислив таким образом к элитной категории военных придворных[6]. Его поклонники устроили в честь героя обед.

В это время вышел из печати и лестный для Франко краткий биографический очерк, подготовленный каталонским журналистом и писателем Хуаном Феррагутом. Теперь, когда приближалась женитьба, героизм уходил на второй план, а его место заняли серьезные и амбициозные планы[23]. У Феррагута же Франко еще представлялся старательным служакой. Скоро такому образу суждено будет исчезнуть. Однако барабанный патриотизм и романтический героизм, воспетый на многих страницах книги, дают веские основания полагать, что Франко наложил на себя личину неустрашимого героя пустынь отнюдь не спонтанно. Когда Феррагут спросил Франко, почему тот покинул Марокко, Франко ответил: «Потому что мы там больше ничего не делаем. Там больше не стреляют. Война стала такой же работой, как и любая другая, разве что более изматывающей. Мы теперь не живем, а существуем». Ответы Франко явно подготовлены, что позволяет предположить его тщательную работу над своим общественным образом. На вопрос Феррагута, любит ли Франко боевые действия, тридцатилетний майор ответил: «Да... По крайней мере, любил до настоящего времени. Я считаю, что у солдата бывает два периода: война и учеба. Я прошел первый период и теперь хочу учиться. Раньше война была делом простым. Единственное, чем нужно было обладать, это отвагой. А теперь война усложнилась, это, пожалуй, самая трудная из наук». Феррагут описывает его мальчишескую внешность: «Его загорелое лицо, черные блестящие глаза, курчавые волосы, определенная робость в речи и жестах и открытая улыбка делают его похожим на ребенка. Когда его хвалят, он заливается румянцем, словно девушка, которой польстили». Франко не принимает похвал, как и подобает герою: «Но я ничего такого не сделал! Опасность не так велика, как думают. Все можно вытерпеть, нужно только немного выносливости».

О своих самых ярких впечатлениях во время войны Франко сказал: «Запомнился один день в Касабоне. Это был, пожалуй, самый тяжелый день войны. Вот тогда мы поняли, что значит Легион. Марокканцы крепко нажали, нас разделяли всего двадцать шагов. С нашей стороны было полторы роты. Сто человек были убиты и ранены. Люди падали по нескольку сразу, почти все раненные в голову или в живот, но это не поколебало нас ни на миг. Даже истекая кровью, раненые кричали: «Да здравствует Легион!» Глядя на них, таких мужественных и таких отважных, я был взволнован до глубины души». В ответ на вопрос,

испытывал ли он страх, он улыбнулся, словно вопрос озадачил его, и смущенно ответил: «Не знаю. Никто не знает, что такое смелость и страх. У солдата это складывается в чувство долга, патриотизма». Романтическая нотка прозвучала и в ответах о матери и невесте, которые ждут не дождутся его. Феррагут напрямую спросил его: «Вы влюблены, Франко?» На что тот любезно сказал: «Ну а вы как думаете? Я же и еду в Овьедо, чтобы жениться»[7].'

Двадцать первого марта 1923 года Франко приезжает в Овьедо, где в ореоле своих военных подвигов Становится лакомым объектом на различных торжествах. В начале июня местное общество не поскупилось на великолепный банкет, на котором Франко преподнесли золотой ключ — символ недавно присвоенного ему статуса камергера. Деньги на ключ собирали по подписке. Франко еще не получил требовавшегося в его новом положении разрешения короля на вступление в брак, но, учитывая, что это было простой формальностью, церемонию назначили на июнь. Однако пока Кармен и Франсиско ждали разрешение двора, их планы вновь претерпели изменения. Франко поехал в Эль-Ферроль, где провел с семьей большую часть мая. А в начале июня Абд эль-Керим развернул новое наступление на Тиси-Ассу, ключевой пункт в обороне Мелильи. Если бы Тиси-Асса пала, то тут же, как костяшки домино, за ней последовали бы и другие испанские оборонительные позиции. Пятого июня 1923 года новый командир Легиона подполковник Валенсуэла погиб во время успешной операции по снятию блокады[8].

На чрезвычайном заседании правительства, состоявшемся тремя днями позже, было принято решение, что наиболее подходящей кандидатурой на место Валенсуэлы является Франко. Военный министр генерал Айспуру телеграфировал ему о производстве в чин подполковника с отсчетом времени присвоения с 31 января 1922 года и о назначении его королевским указом командиром Легиона. Бракосочетание вновь было отложено. Утешением за временную потерю жениха для амбициозной Кармен могло служить его повышение по службе, знаки королевского августейшего внимания и возросший престиж Франко в ее родных местах. Хотя, когда у нее брали интервью в 1928 году, она говорила о своем беспокойстве по поводу отсутствия Франко и его главном недостатке — тяге к Африке[9].

Прежде чем покинуть Испанию, Франко побывал на банкетах, устроенных в его честь в клубе автомобилистов Овьедо и в мадридском отеле «Палас». Одна из главных астурийских газет посвятила целую первую полосу его назначению и его воинской

доблести. Тут же были напечатаны восторженные отзывы генерала Антонио Лосады, военного губернатора Овьедо, маркиза де ла Вега де Ансо, и других представителей местной знати[10]. Давая субботним вечером 9 июня интервью на банкете в клубе автомобилистов, Франко предстал перед общественностью идеальным молодым героем — напористым, храбрым и, сверх того, скромным. Он отказался говорить о своей особой смелости и объяснил, что наравне с другими подвержен нервозности на поле боя. Он перебивает журналиста, пытающегося пропеть ему панегирик, и говорит: «Я делал то, что делали все легионеры. Мы сражались с желанием победить, и мы побеждали». Осторожное напоминание обо всем, с чем он расстается, вызвало было у Франко легкий всплеск эмоций, но он быстро справился с ними. Когда журналист льстиво заметил: «Как же обрадуются бравые легионеры, узнав об этом назначении», Франко ответил: «Обрадуются? Почему? Я такой же офицер, как...» Но тут его перебил проходивший бывший легионер, который сказал: «Скажите: да, обрадуются. Конечно обрадуются». Словно находясь на страницах романтической повести, Франко скромно улыбнулся и ответил: «Не надо меня перехваливать. Но вы правы, эти парни очень хорошо ко мне относятся».

Заканчивалось интервью изложением Франко своих планов. И здесь он снова намекнул о приносимой им жертве. В егр ответе содержалась любопытная смесь энтузиазма взрослого человека и нарочитой высокопарности: «Планы? Их продиктуют обстоятельства. Повторяю, я простой солдат, выполняющий приказы. Я поеду в Марокко, посмотрю, как там идут дела. Поработаем с полной отдачей, а как только вырвусь в отпуск, поеду в Овьедо, чтобы... сделать то, что я считал уже свершившимся и чему препятствует служба, которая берет верх над чувствами, даже теми, что пустили глубокие корни в душе. Когда Родина зовет, может быть только один быстрый и четкий ответ: «Есть!»" Несомненно, это и другие интервью того периода показывают гораздо более привлекательного Франко, чем тот, каким он позже предстал на деле, и в значительной мере это объясняется все возраставшим и разлагающим влиянием лести и похвал. Военный министр и будущий президент Второй республики Нисето Алкала Самора считал ровесника Франко и его конкурента Мануэля Годеда более многообещающим офицером. Однако ему нравилась нарочитая скромность Франко, «потеря которой, когда он стал генералом, сильно повредила ему»[12].

Спустя неделю после посещения Мадрида Франко прибыл в Сеуту и вскоре оказался в гуще боевых действий. Вскоре Абд эль-

Керим повел атаку на Тиси-Ассу и одновременно на Тифаруин, испанский укрепленный пункт на реке Керт к западу от Мелильи. Около девяти тысяч человек участвовало в осаде Тифаруина, и осада была снята лишь с помощью двух батальонов Легиона, которыми командовал Франко[13].

В руководстве армией накопилось столько недовольства предательскими действиями, как там считали, гражданских политиков в Марокко, что с начала 1923 года в двух группах высших генералов — в Мадриде и Барселоне, где верховодил Мигель Примо де Ривера, — начали поговаривать о военном перевороте[14]. Двадцать третьего августа произошел инцидент, ускоривший развитие событий. В Малаге возникли беспорядки, в рядах призывников, готовившихся отправляться в Африку. В возникшей суматохе имели место нападения на офицеров и сержантов. Некоторые рекруты были просто пьяны, но среди бунтовавших были каталонские и баскские националисты, выступавшие под политическими лозунгами. Порядок был в конечном итоге восстановлен гражданской гвардией. При этом был убит сержант инженерно-саперных войск, и в убийстве обвинили капрала-галисийца Санчеса Барросо. Его немедленно отдали под суд и приговорили к смертной казни. После Анваля в народе еще более укрепилось неприятие войны в Марокко, к этому добавилось возмущение смертным приговором. Двадцать восьмого августа по просьбе кабинета министров король помиловал Санчеса Барросо. Офицерский корпус был возмущен очередным унижением, которому он подвергся в Малаге, отрицательным отношением общественности к миссии военных в Марокко и неуважением к офицерам, якобы нашедшим выражение в акте помилования[15].

Тринадцатого сентября эксцентричный, как Фальстаф, генерал Мигель Примо де Ривера произвел попытку военного переворота, поддержанную его гарнизоном в Каталонии и гарнизоном в Арагоне, который находился под командованием его друга генерала Санхурхо. Можно много спорить о причастности короля к перевороту. С уверенностью можно сказать, что он снисходительно отнесся к удару по представляемой им конституционной монархии и спокойно смирился с авторитарным правлением военных. После прошедших с 1917 года шести лет нестабильности и спорадических кровопролитий среди «регенераци-онистов» стали модны призывы привести к власти «железного хирурга». Поэтому военная директория, установленная Примо де Риверой, была встречена лишь символическим сопротивлением, поскольку людям надоела система удельных князьков. Многими слоями

населения правление военных было воспринято с весьма радужными ожиданиями[16]. Хотя взаимное уважение на данной стадии их карьер объединяло Франко и Санхурхо, ни большинство офицеров Легиона, ни их командир не испытали особого воодушевления по поводу переворота. Они видели в основной массе офицеров, стоявших за Примо, бывших членов «хунт обороны», другими словами, людей, выступивших против продвижения в званиях по заслугам. Вдобавок они были осведомлены, что сам Примо выступал за уход Испании из Марокканского протектората[17]. Однако в принципе Франко не возражал против захвата военными власти, особенно учитывая, что одобрение королем его брака было получено 2 июля[18]. Итак, мысли его были заняты новым местом службы и предстоящей женитьбой.

Тридцатилетний Франсиско Франко женился на двадцатиоднолетней Марии дель Кармен Поло в церкви Сан Хуан-эль-Реаль в Овьедо в понедельник 22 октября 1923 года. Ожидалось, что благодаря славе и популярности героя африканской войны огромные толпы благожелателей и случайных зевак соберутся вокруг церкви и по пути следования свадебной процессии. К 10.30 утра церковь была полна, толпа запрудила прилежащие улицы. Полиция с трудом справлялась с подъезжавшим транспортом. Как у камергера двора, посаженым отцом (la drino) на его свадьбе был сам Альфонс XIII, которого представлял военный губернатор Овьедо. Генерал Лосада взял Кармен за руку, и они вошли в церковь под королевским балдахином (palio). Эта честь, а также растущая популярность Франко вынесли его женитьбу в светские новости не только местных, но и центральных газет. Франко был одет в полевую форму Легиона, при всех наградах. Церемонию проводил военный капеллан, а органист исполнял любимые марши Франко. Когда новобрачные вышли из церкви, собравшиеся приветствовали их громкими выкриками и аплодисментами. Толпа последовала за автомобилями к дому Поло и там продолжала выкрикивать приветствия[19]. Это бракосочетание явилось величайшим событием в жизни Овьедо, а вершиной события оказался великолепный свадебный банкет[20]. Отца Франко, Николаса Франко Сальгадо-Араухо, на церемонии не было. Как и можно было ожидать, этот брак оказался весьма прочным, хотя и не изобиловал эмоциями[24]. Пять лет спустя, вспоминая о дне бракосочетания, Кармен скажет: «Я думала, что это все во сне или что я читаю красивый роман о себе самой»[21]. Среди великого множества телеграмм было коллективное поздравление от женатых мужчин Легиона и еще от одного из

батальонов, который приветствовал Кармен в качестве своей названой матери[22].

Высокое положение невесты и жениха получило дополнительное подтверждение: среди подписавших брачное свидетельство были два местных аристократа — маркиз де ла Родрига и маркиз де ла Вега де Ансо. Елейный тон сообщений в местной прессе указывает не только на престиж, которого добился Франко, но и на заискивания, которыми он удостаивался во множестве. «Вчера Овьедо сопереживал мгновениям личного, так выстраданного счастья и был полон радостного ликования. Причиной стало обручение Франко, бравого и любимого народом командира Легиона. Велико было желание пары получить благословение своей любви перед алтарем, и не менее безмерным было желание публики увидеть их счастливыми, а их мечты осуществившимися. Этой чистой любви все мы, кто знает Франко и Кармен, отдали частицу своих сердец, мы жили их заботами, их тревогами, сочувствовали их оправданному нетерпению. От короля и до последнего почитателя героя, все мы едины в пожелании, чтобы эта любовь, преодолевшая столько препятствий, обрела божественное благословение, которое повело бы в царство высшего счастья»[23]. «Перерыв в ратных делах славного испанского воина стал для него триумфальным апофеозом. Нежные слова, которые благородный солдат прошептал на ухо своей прекрасной возлюбленной, стали божественным заключением освящения их брака»[24]. Один мадридский журнал предпослал материалу о свадьбе заголовок: «Бракосочетание героического каудильо»[25]. Это было одно из первых употреблений выражения «каудильо» в отношении Франко. Легко представить, как такая лесть взращивала самомнение Франко.

По заведенной традиции после свадьбы всякий старший офицер должен был «поцеловать руки» королю. После нескольких дней медового месяца, проведенных в летнем доме семейства Поло в Ла-Пиньелье, близ Сан-Кукао-де-Льяне-ра, под Овьедо, и прежде чем возвратиться в Сеуту, молодожены поехали в Мадрид. В конце октября они были приглашены во дворец. В 1963 году королева вспоминала тот ужин, на котором присутствовал молчаливый и робкий молодой офицер[26].

В последующие годы Франко дважды упоминал о беседе с королем — своему двоюродному брату и Джорджу Хиллсу. Франко утверждал в своих воспоминаниях, что короля весьма беспокоило отношение частей, расквартированных в Марокко, к недавнему перевороту и военная ситуация в колонии. Франко якобы сказал королю, что военные не поддерживают Примо в

намерении уйти из протектората. Когда король также с пессимизмом высказался насчет ухода из Марокко, Франко смело высказал ему свое мнение, заявив, что мятежникам (местным жителям) можно нанести поражение и укрепить там контроль Испании. Он будто бы подчеркнул, что до сих пор испанские операции не носили радикального характера. Войска то вынуждены отдавать территорию, то возвращать ее клочок за клочком, выдавливая марокканцев. Вместо этого бесконечного растрачивания живой силы и материальных ресурсов Франко предложил идею, очень популярную у офицеров-«африканцев» — развернуть мощное наступление на резиденцию Абд эль-Керима в районе, занимаемом племенем Бени Урриакель. Самый прямой путь туда шел морем — через залив Алусемас.

Король устроил Франко ужин с Примо де Риверой, чтобы тот рассказал Примо де Ривере о своем плане[27]. Было мало надежды, что Примо одобрит план, учитывая его убеждения, что Испании нечего делать в Марокко, и его твердые намерения как диктатора сократить военные расходы[28]. Приняв Франко, Примо де Ривера был уверен, что молодой подполковник разделяет приверженность «африканцев» идее сохранения военного присутствия в Марокко. Франко давным-давно опубликовал свой вариант решения проблемы: в заливе Алусемас, этом «сердце антииспанского движения, и на дороге к Фесу, открывающей выход к Средиземному морю, будет найден ключ, которым можно закрыть пропагандистскую кампанию в тот день, когда мы вступим на этот берег»[29]. Идея высадки в Алусемасском заливе витала в воздухе в течение нескольких лет, и генеральный штаб подготовил детальный план на случай, если политики дадут согласие проводить операцию. По воспоминаниям Франко, было уже утро, когда ему удалось донести до диктатора свой план высадки. Отнюдь не воздержанный к спиртному, Примо был несколько навеселе, и Франко был убежден, что тот никогда и не вспомнит об этой беседе. Однако Примо предложил Франко изложить план в письменной форме.

В этой, более поздней, версии событий Франко все представил так, будто план высадки в заливе Алусемас был придуман им самим. Вполне понятно, что в его голове этот план и отложился, как собственное детище — результат долгих лет открытой лести. При этом надо учитывать, что Франко играл ведущую роль в предотвращении ухода из Марокко[30]. В начале 1924 года он вместе с генералом Гонсало Кейпо де Льяно стал основателем издания под названием «Журнал колониальных войск» (Revista de Tropas Coloniales), который выступал за сохранение Испанией своего колониального присутствия в

Африке. В начале 1925 года Франко — во главе редколлегии журнала и напишет для него более сорока статей. В одной из них, опубликованной в апреле 1924 года и озаглавленной «Пассивность и бездействие», он утверждал, что слабость испанской политики сделала Марокко «пародией на протекторат» и поощряет мятежные действия местных племен[31]. Статья имела значительный отклик.

После визита к королю молодожены отправились в Сеуту, где поселились в собственной резиденции Франко. Обстановка в Марокко казалась зловеще спокойной. На деле к весне 1924 года власть Абд эль-Керима настолько укрепилась, что он больше не признавал над собой власти султана. Он считал себя главой движения берберов, которое имело легкий налет национализма, и на словах помышлял об основании независимого социалистического государства. Многие племена встали под его знамена, и в качестве самозваного «эмира риф-ского» он обратился в 1924 году с просьбой о приеме его «государства» в Лигу Наций[32]. После поражения под Анвелем испанцы вернули себе в результате контрнаступления район вокруг Мелильи. Кроме этого города, в их руках находились Сеута, Тетуан, Ларач и Ксауэн. Местные гарнизоны были уверены, что смогут удержать контролируемую ими территорию, и их тревожили слухи о вот-вот грядущем приказе уходить. Во избежание предполагаемого бунта командир сеутского гарнизона генерал Монтеро 5 января во время праздника Pasqua Militar[25] призвал подчиненных ему офицеров дать слово, что они выполнят любой приказ. Франко возразил ему, сказав, что никто не может заставить выполнять приказы, противоречащие военным уставам и наставлениям[33].

Встревоженный Примо де Ривера решил лично проинспектировать ситуацию. Тем временем командовать войсками в Мелилье был. назначен Санхурхо. Абд эль-Керим «приветствовал» его .нападением на Сиди-Месауд (Sidi Mesaud) и был отброшен только после вмешательства Легиона под командованием Франко. Когда в июне 1924 года диктатор прибыл в Марокко, он осознал весь абсурд и увидел все проблемы испанского военного присутствия в этой стране. У него созрело намерение вывести войска из протектората, ибо наведение настоящего порядка обойдется слишком дорого, а поддержание его видимости в этой безводной пустыне с помощью блокгаузов — смехотворно. По настоянию диктатора в поездке его сопровождал Франко. В то время молодой подполковник был глубоко уязвлен слухами о том, что целью Примо является вывод испанских войск из Марокко. Он попытался убедить верховного комиссара генерала Айспуру в том, что приказ об отходе из

внутренних районов Марокко спровоцирует Абд эль-Керима на новое мощное наступление. Франко поддержал предложение подполковника Луиса Парехи из частей «регуларес» просить о переводе в Испанию, если выйдет приказ на уход из Ксауэна. В письме к Парехе в июле 1924 года Франко заявил, что, когда наступит такое время, его офицеры сделают то же самое[34].

Двадцать девятого июля 1924 года во время обеда в Бен-Тьебе (Ben Tieb) произошел инцидент, послуживший поводом для рождения легенды. Франко якобы распорядился, чтобы в меню, предложенном диктатору, фигурировали только блюда из яиц[35]. Символика «мачизмо»[26] здесь очевидна: у Легиона в достатке яиц, чтобы «поделиться» с диктатором. Однако, учитывая фанатическую приверженность Франко к дисциплине и всем ее внешним проявлениям, трудно поверить, чтобы он мог так грубо оскорбить старшего по званию офицера, являвшегося также главой правительства. Нужно также учитывать и намерения Франко успешно продолжать свою военную карьеру. Во всяком случае, в 1972 году Франко отрицал реальную основу этого мифа.

На обеде Франко выступил с жесткой, но аккуратно составленной речью против сторонников ухода (abandonismo) из Марокко. Он выразил в этой речи свое жизненное кредо: Марокко должно стать испанским. «Под нашими ногами испанская земля, потому что за нее заплачено по самой высокой цене и самой дорогой монетой — пролитой здесь испанской кровью. Мы отвергаем мысль об уходе, ибо убеждены, что Испания в состоянии доминировать в своем регионе». Примо ответил не менее твердо, объяснив логику своих планов и призвав офицеров к повиновению. Когда полковник из свиты Примо выкрикнул «очень хорошо!», миниатюрный майор Хосе Энрика Варела, человек вспыльчивый, не в силах сдержать себя, крикнул в ответ «очень плохо!». Речь Примо была прервана шумом и неодобрительными замечаниями. Сопровождавший Примо де Риверу генерал Санхурхо потом говорил Хосе Кальво Сотело, министру финансов, что во время речей держал руку на кобуре, опасаясь трагического инцидента. Окончание речи диктатора было встречено гробовой тишиной. Всегда осторожный Франко посетил Примо сразу после обеда, чтобы разъяснить свою позицию. Он сказал, что несет ответственность за происшедшее и готов подать в отставку. Примо замял неприятный разговор и предложил Франко вторично изложить свою точку зрения по вопросу о высадке в заливе Алусемас[36]. По собственной версии Франко 1972 года — в которую трудно поверить, — он устроил выволочку Примо де Ривере, и тот пообещал не предпринимать никаких шагов без консультаций «с ключевыми офицерами»[37].

Вскоре диктатор подготовил операцию по ликвидации четырехсот укрепленных позиций и блокгаузов. Опасения Франко и других офицеров оправдались: разговоры об уходе подзадорили Абд эль-Керима и способствовали дезертирству из армии марокканских солдат. Подполковник Пареха посчитал, что созрели условия, когда, как они договорились с Франко, пора подавать рапорт о переводе. Он так и сделал. И был неприятно поражен, узнав, что Франко не поддержал соратника. Всегда осторожный, особенно после столкновения с Примо де Риверой, тот остался на своем посту[38]. После возвращения Примо в Мадрид Абд эль-Керим большими силами пошел в наступление, перерезал дорогу Танжер — Тетуан и стал угрожать Тетуану. Десятого сентября 1924 года появилось коммюнике, в котором было объявлено об эвакуации населения этого района. Беспокойство по поводу возможных последствий объявленного ухода родило у некоторых офицеров в Африке мысль о перевороте против Примо. Возглавил движение Кейпо де Льяно. В 1930 году он заявил, что 21 сентября 1924 года Франко выезжал к нему и поддержал идею переворота против диктатора. В 1972 году Франко не отрицал, что такая беседа имела место. Однако, как это было и с договоренностью между ним и подполковником Парехой, дело ограничилось разговорами с общим выражением недовольства. Когда речь шла о военной дисциплине, Франко оставался предельно осторожным[39].

Франко и его Легион шли в авангарде колонны, руководимой генералом Кастро Хироной, которая 23 сентября выдвинулась из Тетуана на помощь осажденному гарнизону Ксауэна, «священного города» в горах. Они пробивались туда до 2 октября. Там к ним присоединились солдаты с разрозненных опорных пунктов, и в начале ноября группировка в Ксауэне насчитывала десять тысяч человек, многие из которых были ранены, многие измождены. Потом началась эвакуация. Примо завоевал симпатии значительной части личного состава войск в Африке тем, что принял на себя всю ответственность за возможные последствия, став 16 октября по собственному указу верховным комиссаром. Он вернулся в Марокко и разместил свой штаб в Тетуане. Эвакуация испанского, еврейского и дружественного арабского населения Ксауэна была задачей ужасающе трудной. Детей, женщин и других гражданских лиц, в том числе больных, набивали в грузовики. Длинная и труднозащитимая колонна двинулась в путь 15 ноября. По ночам двигались медленно, сзади колонну прикрывал Легион под командованием Франко. То и дело колонне угрожали мобильные группы марокканцев, мешали ливни, превратившие дороги в непроходимое месиво.

Путешествие до Тетуана заняло четыре недели, и колонна прибыла туда 13 декабря. Это был триумф решительности до конца выполнить задачу, но ничего похожего на «беспримерный военный урок», как об этом пишут политические иконописцы Франко[40].

Франко был глубоко расстроен, что испанцам пришлось уйти с территории, на защиту которой он потратил немалую часть своей жизни. Он потом опубликовал в газетах материал, посвященный трагедии ухода и основанный на дневниковых записях. Написанная живо и со страстью, статья отражает досаду и пустоту дней, предшествовавших уходу[41]. Пилюля была подслащена еще одной Военной медалью, а 7 февраля 1925 года он был произведен в полные полковники с исчислением стажа с 31 января 1924 года. Ему также разрешили сохранить за собой командование Легионом, хотя это была должность подполковника. Еще более он успокоился, когда в конце 1924 года стало известно, что Примо де Ривера раздумал выводить войска из Марокко. В конце ноября — начале декабря диктатор решил осуществить высадку в заливе Алусемас и приказал разработать детальный план операции. В начале 1925 года Франко провел тренировки с использованием десантных судов. Именно во время одного из таких учений — 30 марта 1925 года — на борту испанского катера береговой охраны «Арсила» молодой флотский лейтенант Луис Карреро Бланко, который с 1942-го по 1973 год будет его ближайшим соратником, предложил Франко позавтракать. Франко отказался, сославшись на то, что после ранения под Эль-Биуцем он всегда идет в бой на пустой желудок[42].

В марте 1925 года, во время посещения Марокко, генерал Примо де Ривера вручил Франко письмо короля и золотую медаль. Это было весьма напыщенное письмо:

«Дорогой Франко! Посетив Пилар в Сарагосе[27] и выслушав заупокойную молитву на могиле командира Легиона Рафаэля Валенсуэлы, павшего смертью храбрых во главе своих батальонов, я молился и думал о всех вас.

Славная история, которую вы пишете своими жизнями и кровью, это неизменный пример того, что могут сделать люди, думающие лишь об исполнении своего долга…

Нет нужды напоминать, как сильно тебя любит и ценит твой самый преданный друг, обнимающий тебя Альфонс ХШ»[п].

После триумфального взятия Ксауэна, Абд эль-Керим отметил победу пленением эль-Райсуни. Потом он сделал колоссальную ошибку. Как раз когда французы вступали в безлюдную пустыню между двумя протекторатами, он решил

осуществить давно вынашиваемую идею создать более-менее социалистическую республику и попытался сбросить султана, который был орудием французского колониализма. Напав на французов, поначалу он имел успех. Его передовые отряды после незначительных стычек подошли на тридцать километров к Фесу. Такой ход событий вынудил Примо де Риверу и командующего французскими войсками в Африке Филиппа Петэна заключить в июне 1925 года соглашение о совместных действиях. В соответствии с планом силы французов численностью до ста шестидесяти тысяч человек должны были начать наступление с юга, а семидесятипятитысячное испанское войско — двигаться с севера. Испанский контингент под общим командованием генерала Санхурхо должен был высадиться в заливе Алусемас, при этом на Франко возлагалось командование передовой группой десанта, которая должна была занять плацдарм для высадки основных сил.

Ни разработку операции, ни высадку в ночь на 7 сентября с испанских кораблей даже не пытались засекретить. Корабли были залиты светом, солдаты пели песни. Местность была плохо разведана, и корабли садились на мели и песчаные наносы, из-за чего не удалось выгрузить танки. Более того, глубина в местах высадки пехоты оказалась более полутора метров, а многие легионеры не умели плавать. Атакующих уже ждали окопавшиеся марокканцы, сразу же открывшие стрельбу. Старший морской офицер связался по радио с основными силами флота, где находилось и командование, ожидавшее сообщений. Оттуда последовал приказ отменить высадку. Франко решил, что в такой момент отступление подорвет моральный дух его солдат и придаст новые силы обороняющимся. И он отменил приказ и велел горнисту трубить атаку. Легионеры попрыгали за борт, преодолели расстояние до берега и с успехом захватили плацдарм. Позже Франко пришлось предстать перед командованием и объясняться за самоволие. Он при этом сослался на положения военных уставов, которые давали офицерам право определенной инициативы под огнем противника[44].

Вся операция опять продемонстрировала убогую организацию испанской армии и плохое планирование операции со стороны Санхурхо. На завоеванном плацдарме не хватало еды и боеприпасов для развития наступления. Снабжение с моря было крайне плохим, а огневая поддержка весьма ограниченной. Прошло две недели, пока не наступил приказ расширить плацдарм. Легионеры наткнулись было на минометную батарею Абд эль-Керима, но благодаря настойчивости самого Франко

наступление продолжилось. В любом случае, учитывая наступление с юга французских войск, поражение Абд эль-Керима было делом времени. Он сдался в конце концов французским властям 16 мая 1926 года[45]. Сопротивление племен рифов и джибала оказалось сломленным.

Франко оставил нам живую и несколько романтическую дневниковую запись своего участия в десанте. «Алусемасский дневник» (Diario de Alhucemas) он опубликовал в номерах «Журнала колониальных войск» с сентября по декабрь 1925 года, а потом еще раз — в 1970 году — в прошедшей его собственную цензуру версии[46]. Касаясь взятия одной высоты, которое произошло в первые часы после высадки, в 1925 году он писал: «Самые стойкие защитники пали от наших ножей», заменив это в 1970-м на «Самые стойкие защитники пали под нашим огнем». Даже после правки 1970 года Франко оставил в тексте фразы, напоминавшие по стилю романтические истории, рассказанные им в юности. Так, люди у него «падали, скошенные вражеским свинцом»; «Рок вырывал из наших радов цвет нашего офицерства. Наш час настал. Завтра они будут отмщены!»[47]. Несколько лет спустя он рассказал своему врачу, что во время алу-семасской кампании к нему привели дезертира из Легиона и он без лишнего промедления, удостоверив лишь его личность, приказал сформировать команду и расстрелять его[48].

Третьего февраля 1926 года Франко произвели в бригадные генералы, и сообщение об этом вышло на первых полосах галисийских газет[49]. Он стал самым молодым генералом в Европе, и из-за своего высокого звания был вынужден покинуть Легион. Его повышение в личном деле сопровождалось такой записью: «Он является подлинным национальным достоянием, и страна и армия сильно выиграют от использования его выдающихся способностей на более высоких постах»[50]. Франко поставили командовать самой важной бригадой в армии — 1-й бригадой 1-й дивизии в Мадриде. Бригада состояла из двух самых престижных полков — Королевского и Леонского (Regimento de Leon)[28].

Вернувшись в Испанию, Франко привез политический багаж, нажитый в Африке, который будет использовать всю оставшуюся жизнь. В Марокко Франко привык ассоциировать правительство и администрацию с постоянным запугиванием управляемых. Не обошлось и без элемента патернализма, весьма характерного для колониального стиля правления, в основе которого лежала идея, что колониальные народы — это дети, нуждающиеся в твердой отцовской руке. Ему удается без напряжения перенести свои колониальные привычки во внутреннюю политику. Поскольку для

испанских левых был характерен пацифизм и враждебное отношение к марокканской кампании, поскольку они ассоциировались у Франко с общественными беспорядками и региональным сепаратизмом, он считал их такими же законченными врагами, как марокканских повстанцев[51]. На левые идеи он смотрел как на акты мятежа, и потому они должны были искореняться установлением железной дисциплины в обществе, которая, когда речь заходила об управлении всем населением страны, означала репрессии и террор. Патерналистский подход позже станет центральным в его концепции управления Испанией — с позиций сильного и благодетельного отца.

В Африке Франко научился также многим уловкам и хитростям, которые после 1936 года стали отличительными чертами его политического стиля. Он подметил в Африке, какой политический успех приносит принцип «разделяй и властвуй», к которому прибегала испанская администрация по отношению к племенным вождям. Этим принципом руководствовался султан, в этом искусстве стремились достичь высот испанские верховные комиссары в Марокко. И представители более низкого уровня — командиры военных гарнизонов — старались не отставать. Пронырливых, жадных, завистливых, обидчивых вождей натравливали друг на друга в бесконечной игре со сменой союзников, взаимными предательствами, ударами из-за угла. Освоение искусства такой игры позволит ему успешно лавировать между своими политическими противниками и союзниками с 1936-го по 1960-й годы. Этим искусством он овладел, а вот серьезного интереса ни к чему марокканскому у него никогда не было. Как и большинство колониальных офицеров, Франко знал очень поверхностно язык тех, с кем воевал и кем управлял. Так же ему не удастся попытка позже овладеть английским. Поглощенный военными вопросами, он никогда не проявлял особого интереса к проблемам культуры и языка[52].

В день, когда было объявлено о присвоении Франко звания генерала, он вынужден был делить триумф с братом Рамоном, которому отдали первые полосы центральные газеты. Майор Рамон Франко летел в этот момент над Южной Атлантикой, пересекая ее вместе с капитаном Хулио Руисом де Аль-да, одним из будущих основателей Фаланги, на «Плюс ультра» (Plus Ultra) — летающей лодке «Дорнье-J-Wal»[53]. Режим и пресса представляли Рамона как современного Христофора Колумба. В Эль-Ферроле создали комитет по воз-данию почестей обоим братьям, включая открытие мемориальной доски на доме, в котором они родились. На ней написано: «В этом доме родились братья Франсиско и Рамон Франко Баамонде, доблестные

солдаты, один из которых возглавлял «Терсио» в Африке, а другой перелетел через Атлантику на летающей лодке «Плюс ультра», совершили подвиги, вошедшие славными страницами в национальную историю. Эль-Ферроль гордится такими блестящими сынами, которым он посвящает настоящую доску в качестве знака восхищения и любви»[54].

Франко вовремя вступил в свою новую должность в Мадриде, чтобы успеть оценить и восхититься достижениями диктатуры Примо де Риверы. Явление, которое офицерский корпус воспринимал как региональный сепаратизм, было уничтожено, рабочие выступления резко сократились. Профсоюзы, руководимые анархистами и коммунистами, были подвергнуты репрессиям, а проникнутый социалистическими идеями Всеобщий союз трудящихся поставлен под контроль новообразованным механизмом арбитража. ВСТ стал полуофициальной организацией режима. Широкая программа капиталовложений в строительство шоссейных и железных дорог значительно повысила жизненный уровень населения и обеспечила почти полную занятость. Для офицеров — особенно после беспорядков 1917—1923 годов — настали золотые времена. Прекратилась постоянная критика в адрес армии, которая ассоциировалась у военных с режимом парламентской монархии. Успех в Алусемасском заливе поднял популярность военных. Нечего удивляться, что Франко, как армейские офицеры и многие правые, потом, оглядываясь назад, будет считать шесть лет диктатуры Примо де Риверы золотым веком. В тридцатые годы он часто повторял, что это был единственный период достойного правления в современной истории Испании. С его точки зрения, Примо сделал ошибку, когда объявил, что будет сохранять власть в течение короткого периода, пока не разрешит проблемы страны. Франко с неодобрением говорил об этом Педро Сайнсу Родригесу, знакомому монархисту из Овьедо: «Это было ошибкой; если принимаешь командование, то надо относиться к этому так, словно ты получил его на всю жизнь»[55].

Во времена диктатуры «эго» Франко получило новую подпитку. Вечером 3 февраля 1926 года его однокурсники по четырнадцатому набору (promocion No. 14) пехотной академии в Толедо собрались, чтобы воздать почести первому из них, ставшему генералом, преподнесли нарядную шпагу и адрес следующего содержания: «Пройдет по миру нынешнее поколение, оставив после себя не более чем краткую запись в книге Истории, в то время как в ней навсегда останется высокая эпика, вписанная испанской армией в жизнь нации. И будут сиять славой имена выдающихся вождей (caudillos), и над всеми возвысится имя

генерала Франсиско Франко Баамонде — наравне с именами таких блестящих воинов, как Лейва, Мондрагон, Вальдивия и Эрнан Кортес. Его товарищи воздают ему дань восхищения и любви в знак признания его патриотизма, ума и доблести»[56].

В последующие дни Франко получил множество телеграмм от властей Эль-Ферроля, в которых описывались почести, устроенные его матери, донье Пилар Баамонде-и-Падро де Андраде. В воскресенье 7 февраля играли оркестры, устраивались фейерверки, гудели корабли в заливе. Город праздновал исторический перелет Рамона, который находился пока в Аргентине, но не забывали и Франсиско. День 12 февраля в Эль-Ферроле был объявлен праздничным в честь обоих братьев. УлиЦы украсила иллюминация, в церкви Святого Хулиана в честь их достижений пели «Те Деум». На улице Марии открыли мемориальную доску. Поздравительные послания донье Пилар пришли от алькальдов Эль-Ферроля, четырех остальных провинциальных центров Галисии, а также многих других городов Испании[57]. Десятого февраля на Пласа-де-Колон в Мадриде собралась огромная масса народа, чтобы отметить подвиг Рамона. Отчасти выступления прессы и энтузиазм публики разжигались диктатурой Примо де Риверы, которая хотела нажить на полете «Плюс ультра» пропагандистский капитал.

Похвалы расточались в основном в адрес Рамона, но нет оснований думать, что Франко чувствовал себя обиженным, видя, как его незаметный в семье брат становится национальным героем. Если его брата считали Христофором Колумбом XX века, то позже Франко представил себя Сидом своего времени. Франко всегда предельно лояльно относился к своей семье, и годы спустя он воспользуется своим положением, чтобы выручить Рамона после нескольких опрометчивых поступков. Во всяком случае, его собственный триумф гарантировал его от какой бы то ни было зависти. В 1926 году, во время Праздника тела Христова в мадридской церкви Святого Иеронима, Франко командовал частями, которые обеспечивали порядок и безопасность гостей. Легендарный герой Африки, он был предметом внимания и почитания со стороны высшего мадридского общества, из кого и состояли прихожане этой церкви[58]. Поздней осенью 1927 года Франко сопровождал короля с королевой во время официального визита в Африку, в ходе которого Легиону в его штаб-квартире в Дар-Риффьене было вручено новое знамя[59].

Четырнадцатого сентября 1926 года у Франко родился первый и единственный ребенок — Мария дель Кармен. Это произошло в Овьедо, куда донья Кармен поехала к своему умирающему отцу[60]. Рождение дочери явилось вершиной его

семейной жизни. Спустя годы он скажет: «Когда родилась Карменеита, я думал, что сойду с ума от радости. Я хотел бы иметь еще детей, но не вышло»[61]. Ходили упорные слухи, что Кармен в действительности была приемной дочерью Франко, настоящим отцом которой, возможно, был гуляка братец Рамон. Свидетельств, подтверждающих эти слухи, нет, а почву им дали, во-первых, тот факт, что нет ни одной фотографии, на которой была бы видна беременность Кармен Поло, а во-вторых — беспутный образ жизни Рамона[62]. Сестра Франко, Пилар, очень старалась опровергнуть это в своих мемуарах, не раз говоря в них, что видела Кармен Поло беременной, но при этом ошибается в датах на два года[63].

В Мадриде у Франко было много свободного времени. Он не старался отравить жизнь своих подчиненных неожиданными проверками, а давал им спокойно заниматься делами. Этой тактики он позже придерживался и в отношении своих министров. Квартиру он снял на красивой улице Кастеллана и часто бывал в обществе. Он регулярно виделся со своими военными друзьями по Африке и академии в Толедо на собраниях или вечеринках в элитном клубе «Ла-Гран-пенья» (La gran Peña), в кафе «Алкала» и «Гранвиа». В число его относительно близких знакомых входили Милян Астрай, Эмилио Мола, Луис Оргас, Хосе Энрике Варела и Хуан Ягуэ[64]. Живя в Мадриде, он интересовался кино и был вхож в круг политика и писателя Наталио Риваса, члена Либеральной партии[65]. По приглашению Риваса Франко вместе с Миляном Астра-ем снялся в фильме «Неудачное замужество» (La Malcasada) режиссера Гомеса Идальго. Там он сыграл маленькую роль офицера, вернувшегося с африканской войны[66].

На этом отрезке жизни, как и позже, Франко не проявлял заметного интереса к повседневной политике. И тем не менее стал подумывать, что мог бы когда-нибудь сыграть известную политическую роль. Популярность среди общественности, приобретенная им после Алусемаса, стремительная служебная карьера и компания, в которой он вращался теперь в Мадриде, — все это давало ему понять, что он представляет собой заметную фигуру общенационального масштаба. Потом он скажет: «По своему возрасту и престижу я был призван оказать высочайшую услугу нации». Очевидный политический успех, достигнутый армией при Примо де Ривере, тоже способствовал его мыслям о своем высоком предназначении. Он утверждал потом, что, готовясь к возложенным на него трансцедентальным задачам и пользуясь тем, что служба в Мадриде не отнимала много времени, он начал читать книги по современной истории

Испании и политэкономии[67]. Читал ли он много, сказать трудно: все его книги пропали в 1936 году во время налета на его квартиру анархистов. Но, очевидно, ни его речи, ни его записи не обнаруживают глубоких познаний в истории или экономике.

Если принять во внимание его любовь поболтать, то он скорее говорил об экономике, нежели читал о ней. Как он утверждал потом, в то время он начал «довольно часто ходить к управляющему банка Бильбао, где у Кармен были кое-какие сбережения». Этот банкир отличался обходительностью и интеллигентностью, и, видимо, именно он пробудил у Франко интерес к экономике. Франко также обсуждал в кругу ближайших друзей и знакомых современные политические проблемы. Весьма возможно, что беседы за кофе с друзьями, в основном такими же «африканцами», как он сам, только укрепили его предрассудки. Тем не менее потом он высоко оценивал значение этих бесед[68].

Чтение и беседы на дружеских посиделках необычайно укрепили самоуверенность Франко. Отдыхая в 1929 году в Хихоне, он неожиданно встретился там с генералом Примо де Риверой. В этот момент министры правительства Примо совместно проводили время вдали от Мадрида, и диктатор пригласил Франко отобедать с ними — что следовало считать знаком большого расположения к молодому генералу. Польщенный Франко оказался на обеде в компании Хосе Кальво Сотело, великолепного министра финансов, который в этот период разрабатывал меры по защите песеты от последствий огромного дефицита платежного баланса, неурожая и первых признаков Великой депрессии. Франко стал уверять Кальво Сотело — чем привел его в сильное раздражение, — что нет смысла тратить золотовалютные запасы Испании на поддержание песеты, а лучше эти средства вложить в промышленность. Аргументация Франко была предельно простой: он исходил, из представлений о том, что нет нужды связывать курс песеты и с национальными резервами золота и валюты, поскольку их величина все равно держится в секрете[69].

Экономические трудности, обсуждавшиеся во время обеда, были не единственной проблемой диктатуры. Армия оказалась глубоко расколотой, и часть ее находилась в оппозиции режиму. Парадоксально, но Франко оказался в выигрыше после самой серьезной ошибки, совершенной диктатурой в военном вопросе. Примо де Ривера хотел реформировать устаревшую структуру испанской армии и, в 4асТНО^{V}СТН, сократить раздутый офицерский корпус. Его идеалом была небольшая профессиональная армия, но из-за отказа от политики полного ухода из Марокко к середине 30-х годов армия численно выросла

и подорожала. К 1930 году офицерский корпус удалось сократить только на десять процентов, а армию в целом — более чем на 25 процентов. Эти сокращения обошлись чрезвычайно высокой ценой — недовольством военных. Большие суммы ушли на модернизацию армии, но результаты, в частности рост механизированных соединений, были разочаровывающими[70].

Относительная неудача реформы по техническому переоснащению армии меркла перед другой неприятной проблемой, раскалывающей армию. Попытки диктатора искоренить разногласия между артиллерией и пехотой в вопросах повышения по службе вызвали широкий общественный резонанс и нанесли большой ущерб моральному духу армии. В значительной мере именно из-за этого возникли в 1917 году «хунты обороны». Трения между пехотой и особенно «африканцами», с одной стороны, и артиллерией и инженерно-саперными войсками, с другой, происходили из-за того, что офицеру инженерно-саперных войск или командиру батареи было куда труднее проявить себя, чем офицеру, лично водившему солдат в атаки на врага. Свое недовольство системой повышений, которая давала преимущества пехотинцам колониальной армии, артиллерийский корпус в 1901 году выразил тем, что поклялся не принимать повышений, не основанных на выслуге лет, а боевые заслуги отмечать наградами и другими поощрениями.

Когда Примо де Ривера пришел к власти, считалось, что он придерживается позиции артиллеристов. Но потом, в результате контактов с офицерами пехоты в Марокко и особенно после алусемасской операции, он, похоже, изменил свое мнение[71]. Приказами от 21 октября 1925-го и 30 января 1926 года он сделал систему повышений более гибкой. Это дало ему возможность отмечать смелых или способных офицеров, но одновременно открывало ящик Пандоры — фаворитизм. Напряженность в среде офицеров возросла, а 9 июня 1926 года диктатор выпустил непродуманный приказ, обязывающий повсеместно применять принцип повышения в звании по заслугам. Тем, кто получил награды вместо повышений, должны были быть присвоены звания задним числом. Возмущение в офицерском корпусе по поводу бестактного вмешательства диктатора в щепетильные вопросы армейской жизни привело к более тесным контактам между определенной частью офицерства и либеральной оппозицией режиму. Закончилось это неудачной попыткой переворота 24 июня 1924 года, известной как Санхуанада (Sanjuanada)[29][72]. В августе попытка претворить в жизнь этот приказ привела к новой попытке мятежа среди офицеров артиллерии, закрывшихся в своих казармах. В Памплоне пехотинцы открыли огонь, когда их

послали приостановить «стачку» артиллеристов. Начальник Артиллерийской академии в Сеговии за отказ уйти со своего поста был приговорен к смертной казни, которую потом заменили пожизненным заключением[73]. Во время всех этих событий Франко вел себя осторожно, стараясь держаться в стороне. Ведь он больше чем кто-либо имел причины быть довольным системой повышения за заслуги.

Примо де Ривера победил, но — ценой раскола в армии и подрыва ее верности королю. Его политика вызвала недовольство многих офицеров и привела их на республиканские позиции. И в свое время часть армии отказала в поддержке Примо, допустив его свержение и приход Второй республики в апреле 1931 года[74]. Зато «африканцы» остались приверженными диктатуре и были весьма враждебно настроены по отношению к демократической республике[75]. Действительно, линии раздела, появившиеся в двадцатые годы, останутся и в 1936 году, и в период Гражданской войны. Многие из тех, кто встал в оппозицию Примо, будут потом использованы республиканцами. В противоположность им «африканцы», включая Франко, во времена республики утратят свое привилегированное положение.

Противоречия между артиллерией и пехотой, между сторонниками «хунт обороны» и «африканцами» непосредственно повлияли на судьбу Франко. В

1926 году диктатор убедился, что основная проблема, вызвавшая споры о системе повышений кроется в существовании отдельных военных академий для обучения офицеров четырех основных родов войск: пехотная в Толедо, артиллерийская в Сеговии, кавалерийская в Вальядолиде и инженерно-саперная в Гвадалахаре. Он пришел к заключению, что Испании нужна общая академия, и решил возродить Генеральную военную академию (Academia General Militar), которая существовала некоторое время в период так называемой «первой эпохи», между 1882 и 1893 годами[76]. К этому времени, особенно после Алусема-са, Примо питал к Франко горячую симпатию. Он говорил Кальво Сотело, что Франко — тот еще малый и у него впереди блестящее будущее не только благодаря его чисто военным способностям, но и развитому интеллекту[77]. Диктатор явно прочил Франко на важный пост. И он послал его во Францию, в военное училище в Сан-Сир, которым тогда руководил Филипп Петэн, с заданием ознакомиться с его структурой. Двадцатого февраля 1927 года Альфонс XIII одобрил план создания подобной академии в Испании, и 14 марта

1927 года Франко включили в комиссию по ее основанию. Королевским декретом от 4 января 1928 года он был назначен

первым начальником этой академии. Франко выразил пожелание, чтобы академия находилась в Эскориале, но диктатор настоял на Сарагосе. Годы спустя Франко будто бы говорил, что если бы академию разместили в Эскориале, а не в 350 километрах от столицы, падения монархии в 1931 году можно было бы избежать[78].

Перейдя на службу в академию, Франко оставил за спиной солдатский период своей жизни, благодаря которому он завоевал свою репутацию. Никогда больше не доведется ему ходить с солдатами в атаку. Эта перемена в его жизни оказала на него более существенное влияние, даже чем женитьба и рождение дочери. До 1926 года Франко был героическим воином, знаменитым командиром, водившим в бой колонны, бесстрашным, если не бесшабашным. Теперь же, осознав свой общественный вес, он рисковать собой больше не будет. В Марокко это был безжалостный поборник дисциплины, умеренный в потребностях, одинокий человек, почти без друзей[79]. После возвращения на полуостров он, похоже, несколько смягчился, хотя оставался преданным идее безусловного следования дисциплине. Однако теперь он мог смотреть сквозь пальцы на лень и некомпетентность своих подчиненных, теперь ему важно было иметь союзников, которыми он мог манипулировать и поощрять наградами. Он стал довольно общительным человеком, завсегдатаем клубов и кафе, где мог выпить рюмку и дать волю своей склонности поболтать в компании военных друзей, рассказывая анекдоты и вспоминая боевые эпизоды[80].

До конца 20-х годов он мало чем напоминал типичного галисийца, в которого превратился на склоне лет, — медлительного, хитрого, скрытного. Это был человек дела, отдававший почти всего себя военной карьере. Его ранние записи относительно бесхитростны, искренни, он с душой пишет о людях и городах. Конечно, он никогда себя до конца не раскрывал. Его военный опыт, прежде всего африканский, укрепил его в кое-каких представлениях о политике, он бьш враждебно настроен к левым и сепаратистским движениям. Если он и читал кое-какую литературу по политике, экономике и новейшей истории, то только для того, чтобы найти подтверждение своим предубеждениям, а не в поисках истины. Теперь его речи приобретают витиеватость и помпезность. Он становится осторожнее, отчасти ощущая ответственность за семью, но, главным образом, в связи с осознанием потенциальной политической важности своей персоны. В некоторых кругах он становится объектом поклонения, у него появляется все больше

оснований считать, что изо всех генералов у него' наиболее блестящие перспективы[81]. На него посыпался град почестей и престижных должностей. Разговоры о том, что он оказался самым молодым генералом в Европе, не могли остаться незамеченными им, как и мысль о том, что его охраняет само провидение — идея особенно дорогая его жене. Не без влияния жены его неразлучный друг и кузен Пакон становится летом 1926 года его адъютантом[82].

В конце мая 1929 года в журнале «Эстампа», в разделе «Женщина в доме знаменитого мужчины», появляется редкое интервью с Кармен Поло и ее мужем. Интервьюировал их Луис Франко де Эспес, барон де Мора, ярый почитатель Франко. Оно равно касалось как «знаменитого мужчины», так и «женщины в доме». Когда Франко спросили, удовлетворен ли он своим нынешним статусом, последовал сентенциозный ответ: «Я удовлетворен тем, что служил своей Родине не жалея сил». Барон поинтересовался, кем бы Франко хотел быть, если бы не стал военным, на что тот сказал: «Архитектором или морским офицером. Однако в возрасте четырнадцати лет я против воли отца поступил в академию в Толедо». Впервые Франко упомянул о своем несогласии с отцом. У того не было причин препятствовать этому шагу, но если бы он захотел, то, можно не сомневаться, без труда навязал бы свою волю. Очевидно, Франко хотел противопоставить любимую военную карьеру ненавистному отцу.

«Все это, — продолжал Франко, — касается моей профессии, потому что, кроме нее, я всегда увлекался рисованием». На его сетования по поводу отсутствия времени заниматься хобби Кармен перебила мужа и рассказала, что он раскрашивает тряпичных кукол для дочки. Затем речь перешла на «красивую подругу генерала, прячущую свою фигурку под изящным платьем из черного крепа». Покраснев, она вспомнила, как они с мужем влюбились друг в друга на сельском празднике и как он настойчиво ухаживал за ней. Играя роль преданной подручной государственного мужа, в качестве главных его недостатков она отмечает: «Он слишком любит Африку и читает книги, в которых я ничего не смыслю». Перейдя к Франко, барон де Мора спросил о трех самых памятных вехах его жизни, на что Франко ответил: «День, когда испанская армия высадилась в Алусемасе, момент, когда прочел, что Рамон достиг Пернамбуко, и неделя, когда мы поженились». Тот факт, что рождение дочери не фигурирует в списке, наводит на мысль, что Франко хотел выставить на первый план патриотизм, не разбавленный «недостойной мужчины» сентиментальностью. Когда Франко спросили о самой большой мечте, он сказал, что думает о том, чтобы «Испания вновь стала

такой же великой, как когда-то». Потом его спросили, относит ли он себя к политикам, и он твердо отрубил: «Я солдат» — и заявил, что его самое сильное желание — «пройти незамеченным». «Я очень благодарен, — продолжал он, — за выражение симпатий ко мне, но вы не можете представить, как это раздражает — чувствовать, что на тебя смотрят, о тебе говорят». Кармен сказала, что больше всего ей нравится музыка, а больше всего не нравятся эти «марокканцы». У нее осталось очень мало приятных воспоминаний о пребывании в Марокко, где она проводила время, утешая вдов[83].

В Сарагосу Франко прибыл 1 декабря 1927 года, чтобы осмотреть комплекс зданий нового учебного заведения. Вступительные экзамены первого набора состоялись в июне 1928 года; 5 октября того же года начались занятия, но поскольку новые здания еще не были сданы, слушателей пока разместили во временных казармах. В речи нового начальника академии нашла свое отражение философия, которую он позаимствовал у матери. Ее смысл — «кто страдает, тот и побеждает»[84]. Он также призвал курсантов следовать «десяти заповедям» (de-calogo), которые он составил по аналогии с «декалогом», придуманным Миля-ном Астраем для Легиона. Написанные в весьма напыщенной манере, заповеди были таковы: 1) проявляй любовь к отечеству и верность королю каждым своим поступком; 2) пусть высокий воинский дух проявляется в исполнении твоих профессиональных обязанностей и дисциплине; 3) соединяй чистый дух рыцарства с постоянной заботой о своей репутации; 4) с любовью относись к исполнению своих служебных обязанностей, делай все добросовестно; 5) не ропщи и другим не давай; 6) добивайся, чтобы тебя любили подчиненные и уважали начальники; 7) вызывайся добровольцем на все наиболее опасные и рискованные задания; 8) следуй духу товарищества, будь готов отдать свою жизнь за товарища, радуйся успехам и наградам товарищей; 9) будь решителен и готов брать на себя ответственность; 10) будь смел и самоотвержен[85].

Поколение курсантов, воспитанное в Сарагосской генеральной военной академии, когда ею руководил Франко, — в ее так называемую «вторую эпоху», с 1928-го по 1931 год — получило значительно больше практических навыков, чем в свое время слушатели академии в Толедо. Франко настаивал, чтобы занятия в аудиториях шли не только по учебникам, а основывались бы на практическом опыте преподавателей[86]. От слушателей добивались высокого мастерства во владении оружием и бережного ухода за ним. На высоком уровне была конная подготовка выпускников. Франко сам на коне руководил наиболее сложными учениями. Однако главный упор делался на

«моральные» ценности: патриотизм, верность королю, воинскую дисциплину, готовность пожертвовать жизнью, смелость[87]. Мысль о том, что только благодаря моральному духу можно одержать верх над численно и технически превосходящими силами противника, проходила красной нитью через доктрину Франко. Собственный опыт начальника академии, полученный им во время примитивной во всех отношениях марокканской войны, не давал поднять уровень тактической и технической подготовки в Сарагосе на достаточно высокий уровень, зато значительные усилия шли на дискредитацию идеи демократии.

Во время Гражданской войны офицеры, выпускники академии, вспоминали о нем как о завзятом ревнителе дисциплины. На улицах Сарагосы он мог притворяться разглядывающим витрины, но сразу замечал курсантов, старавшихся прошмыгнуть мимо и не отдать честь начальнику академии, потом своим высоким и спокойным голосом, с нотками недовольства, он подзывал к себе провинившегося. Помня о ночных похождениях своих товарищей в Толедо, Франко требовал, чтобы все курсанты, уходящие в город, имели при себе по крайней мере один презерватив. Он мог неожиданно остановить слушателя прямо на улице и проверить его предохранительную экипировку. Те, у кого презерватива не было, подвергались строгому наказанию[88]. В речи на выпуске 1931 года он причислил к своим заслугам перед родиной на посту начальника академии искоренение венерических заболеваний среди слушателей в результате «бдительности и предохранения»[89]. Его гордость этим достижением нашла свое отражение и в разговоре с преподавательницей английского языка, когда он похвастался ей тем, что «безжалостно боролся с грехом» среди курсантов в Сарагосе[30][90].

Период, когда академией руководил Франко, впоследствии был расценен как время торжества «африканцев» и других правых армейских офицеров и ущемления интересов либерального и левого офицерства. Брат Рамон писал Франко, что в его академии дается «пещерное образование». Напротив, для известного «африканца» генерала Эмилио Молы это был пик совершенства[91]. По заведенному в академии порядку, преподавательский состав набирался с учетом военных заслуг, и меньшее внимание обращалось на знание предмета. Получилось, что в штате академии доминировали друзья Франко по Африке, большинство которых очерствели на безжалостной колониальной войне и были скорее известны своей идеологической твердостью, чем интеллектуальными способностями. Среди 79 преподавателей 34 пришли из пехоты, 11 — из Легиона. Заместителем начальника

академии был полковник Мигель Кампинс, добрый друг Франко, его товарищ по оружию, с которым они вместе участвовали в боях под Алусемасом. В высшей степени компетентный профессионал, Кампинс разработал программу боевой подготовки в академии[92]. В руководство академии входили также Эмилио Эстебан Инфантес, позже оказавшийся замешанным в неудачной попытке переворота, предпринятой Санхурхо в 1932 году, Бартоломе Барба-Эрнандес, который потом, накануне Гражданской войны, станет лидером заговорщической организации «Испанский военный союз» (Union Militar Espanola), и близкий друг Франко в течение всей его жизни Ка-мило Алонсо Вега, будущий министр внутренних дел. Практически всем без исключения преподавателям академии было уготовано сыграть важную роль в мятеже 1936 года. При таком руководстве в академии не могли не насаждаться дух безжалостности и высокомерия, характерный для Легиона, идея о том, что армия является верховным арбитром политических судеб страны, приверженность к дисциплине и слепому послушанию. Огромная часть офицеров, прошедшая через академию, вошла потом в Фалангу. Еще большее их число сражалось во время Гражданской войны на стороне националистов[93].

В период пребывания на посту начальника академии Франко выработал стиль «пусть делают, как делают» (dejar hacer), который будет доведен до крайности, когда Франко станет главой государства. Те из преподавателей, которые работали без напряжения, не наказывались, но и не ходили в фаворитах. Энтузиастам же предоставлялась полная возможность проявлять инициативу. Преподаватель, любивший футбол, становился тренером, заядлому садоводу вручалось садовое хозяйство академии, любителю-фотографу отдавали фотолабораторию. О ленивых или некомпетентных Франко просто говорил: «Не вижу в нем изюминки» (A Fulano, no le veo la gracia), но никогда не наказывал тех, кто не тащил своего груза.

Приезд Франко в Сарагосу привлек к себе внимание местной общественности. Франко с удовольствием окунулся в светскую жизнь, стал ходить на обеды, переходившие в затяжные вечеринки, на которых присутствовали его друзья-военные и местные аристократы средней руки. Побуждаемый доньей Кармен, он начал заводить знакомства с влиятельными семействами. Франко всегда предпочитал мадридской провинциальную светскую жизнь — будь то в Овьедо, Сеуте или Сарагосе, — что, пожалуй, объяснялось его происхождением из маленького городка[94]. На фотографиях видно, что Франко в вечерних костюмах чувствует себя хуже, чем в военной форме. С

большим удовольствием он ходил на охоту. Выматывающие нагрузки Марокко остались позади, и он с радостью отдавался охоте — это были и тренировки, и удовольствие. Можно предположить, что на охоте он давал выход собственной агрессивности.

Именно в сарагосский период жизни в нем стали крепнуть антикоммунистические и авторитарные настроения. Незадолго до переезда из Мадрида в Сарагосу его, как и нескольких офицеров более низкого звания, подписали на издававшийся в Женеве антикоминтерновский журнал «Антан интернасьональ» (Bullitin de L'Entente Internationale contre la Troisième Internationale). Его основали швейцарец Теодор Обер (Aubert) и русский белоэмигрант Георгий Ладыженский. Журнал отличался крайним антибольшевизмом и восхвалял успехи фашизма и военных диктатур, считая их оплотом антикоммунизма. Эмиссар журнала полковник Одье (Odier) приезжал в Мадрид и договорился с Примо де Риверой, что военное министерство оформит подписку на несколько экземпляров и распространит их среди офицеров армии[95]. Это на всю жизнь сделало Франко антикоммунистом, а также сыграло свою роль в превращении Франко из солдата — искателя приключений 20-х годов — в отличающегося подозрительностью и консервативностью генерала 30-х. Получая журнал до 1936 года, он научился видеть коммунистическую угрозу везде и всюду и стал верить в то, что испанские левые сознательно или бессознательно служат интересам Коминтерна. В 1965 году Франко поведал о влиянии, оказанном на него журналом, Брайену Крозьеру (Crozier) и Джорджу Хиллсу. Он сказал Хиллсу, что журнал выработал у него бдительность относительно возможной фланговой атаки со стороны невидимого (коммунистического) противника. У Крозьера создалось впечатление, что знакомство Франко с деятельностью Коминтерна по своей значимости стало в его жизни событием, равным рождению дочери[96].

Другим важным событием, оказавшим влияние на Франко, оказалась поездка весной 1929 года в Генеральную пехотную академию германской армии в Дрездене. Он был потрясен Тамошней организацией и дисциплиной. По возвращении он сказал своему двоюродному брату Пакону, что на него особое впечатление произвел в академии культ уважения к полкам, которые принесли Германии громкие победы в прошлом. Он с симпатией относился к стремлению Германии освободиться "от оков Версальского договора[97]. Это было началом романа между двумя странами, который окрепнет в период Гражданской войны, достигнет своего пика в 1940 году и дотянет до самого 1945 года.

Диктатура пала 30 января 1930 года. Примо де Ривера в управлении часто прибегал к импровизации и этим в первую очередь привел режим к провалу. К 1930 году вряд ли нашелся бы слой испанского общества, который не оттолкнул бы от себя диктатор. Он вызвал к себе неприязнь каталонских промышленников своими антикаталонскими настроениями, к тому же падение курса песеты вызвало рост цен на сырье. Он разорил землевладельцев попыткой ввести патерналистское трудовое законодательство для защиты сельскохозяйственных рабочих. Всеобщий союз трудящихся поддерживал его, пока программа общественных работ обеспечивала занятость. Когда же дела резко пошли на спад, многие социалисты вернулись в оппозицию и стали действовать заодно с запрещенной анархо-синдикалистской Национальной конфедерацией труда. Но самый непоправимый ущерб ему нанесла политика реформирования системы повышений по армейской службе, которая привела к тому, что высшее военное руководство и король отказали в дальнейшем в поддержке режиму. В отличие от большинства диктаторов XX века, Примо, увидев, что лишился всякой опоры в стране, спокойно отошел от власти. Он удалился в ссылку в Париж, где и умер 19 марта 1930 года. Возвращение к конституционной системе, существовавшей до 1923 года, было невозможно, главным образом потому, что король не мог больше рассчитывать на лояльность старой политической элиты, которую он предал, отдав власть Примо де Ривере. Альфонсу XIII пришлось искать другого генерала. Его выбор пал на Дамасо Беренгера, который был виновником Анвальской катастрофы и который вызывал ненависть у левых. В течение примерно года «мягкая диктатура» (dictablanda[31]) Беренгера барахталась в поисках формулы перехода к конституционной монархии. Взбудораженный экономической депрессией рабочий класс, взрывоопасная обстановка в армии, вызванная политикой генерала Примо де Риверы, и заговор республиканцев — сочетание этих факторов обрекало Беренгера в конечном итоге на неудачу.

Падение диктатора Примо де Риверы расстроило Франко, но он не придал значения еще одной детали — скрытой угрозе падения самой монархии. Артиллеристы и инженеры, находившиеся в подчинении Франко, были, по понятным причинам, довольны уходом Примо. Однако сам Франко был уверен, что падение Примо не вызовет в академии словесных стычек между сторонниками «хунт обороны» и «африканцами» — надо только наложить строжайший запрет на разговоры о политике[98]. Отказав в доверии Примо, король лишился

лояльности и генерала Санхурхо, в то время командовавшего гражданской гвардией. Франко же не считал короля виновным в падении диктатуры. Во всяком случае, он был объектом особого внимания, если не сказать заигрывания, со стороны Альфонса XIII. Четвертого июня 1929 года на торжественной церемонии король вручил Франко Военную медаль — награду, которую он заслужил в 1925 году". Пятого июня 1930 года Альфонс XIII посетил академию, и три дня спустя Франко со всеми курсантами поехал в Мадрид на участие в церемонии присяги у флага мадридского гарнизона. «Академики» под бурные аплодисменты собравшихся первыми пошли парадом, а во главе их прогарцевал на коне Франко. На другой день слушатели несли охрану королевского дворца, а Франко появился на балконе с королем. Толпа в этот день состояла из нескольких сот членов организации «Монархическая молодежь» (Juventud Monarquica), которые при республике станут передовым отрядом крайне правых консервативных сил[100].

Франко потрясло, что его брат Рамон оказался в рядах республиканской оппозиции. С конца 1929 года их отношения стали весьма натянутыми. Франко был раздосадован и растерян, когда в июле 1924 года Рамон женился на некой Кармен диас Гисасола, не испросив разрешения короля[101]. Но этот факт неуважения к королю был ему забыт — как человеку, совершившему в 1926 году трансатлантический перелет. Однако позже рискованные попытки Рамона повторить свой успех привели к тому, что он впал в немилость. И для этого были основания. Летом 1929 года, чтобы дать толчок развитию отечественного авиастроения, испанское правительство согласилось финансировать попытку Рамона пересечь Северную Атлантику на летающей лодке «Дорнье», построенной по немецкой лицензии в Испании. Сомневаясь в надежности испанского аэроплана Рамон полетел на построенной в Германии и купленной в Италии машине, отметки о регистрации которой были подделаны. Дело кончилось провалом: возле Азорских островов самолет сбился с курса и упал. Несколько дней его не могли найти и обнаружили только в конце июня после широкомасштабных и дорогостоящих поисков, в которых принимали участие испанские, британские и итальянские корабли[102]. Когда Рамон был спасен, вся Испания радовалась; заплаканного генерала Франко публично обнял генерал Примо де Ривера, тоже с мокрыми от слез глазами[103]. Франко организовал шествие к британскому посольству в Мадриде и пошел во главе его, чтобы выразить благодарность за активное участие британских кораблей в поисках брата[104]. Потом выплыла афера с

оформлением аэроплана и поползли слухи, что Рамону обещали фантастическую сумму, если он побьет на германской машине мировой рекорд дальности перелета на летающих лодках. Командующий военной авиацией полковник Альфредо Кинделан был взбешен и 31 июля 1929 года уволил Рамона из военно-воздушных сил. После этого Рамон начал смещаться влево, стал франкмасоном и позволил втянуть себя в заговор анархо-синдикалистов, направленный на свержение монархии[105].

Во время опалы Рамона его отношения с братом, по существу, прервались и ограничились письмами — поучающими, сентенциозными, но в высшей степени доброжелательными со стороны Франко и вызывающе неуважительными со стороны Рамона. Восьмого апреля 1930 года Франко написал Рамону длинное письмо, в котором засвидетельствовал уважение к его семье и верность новому режиму. Стараясь спасти брата от гибели, Франко предупреждал его, что о его деятельности в армии, о попытках подбить гарнизоны к восстанию известно властям. Признавая режим Беренгера, Франко был обеспокоен тем, что брат может нанести удар по своему престижу и доброму имени. В письме он призывает брата «подумать, какое горе это принесет маме и всем нам». Заканчивается письмо теплым «Твой брат любит и обнимает тебя. Пако»[106].

По тону письма заметно, что Франсиско сдерживает себя. Это и понятно, потому что, по его мнению, поведение Рамона не только запятнало бы честь семьи, но и нанесло удар карьере самого Франсиско. Характерна также готовность свалить все грехи брата на его друзей-революционеров, а самого Рамона считать неспособным на такую низость. В письме обнаруживается очевидная политическая наивность Франко, который считает, что диктатура генерала Беренгера более законна, чем Примо де Риверы. Рамон не замедлил ответить в письме от 12 апреля, что шокирован благонамеренными поучениями, «тщетными буржуазными советами» брата и, в свою очередь, рекомендует тому «сойти со своего генеральского трончика». Рамон также воспользовался случаем сообщить брату, что система воспитания курсантов в Сарагосе наверняка сделает их скверными гражданами[107].

В 1930 году, поглощенный работой в академии, Франко почти не обращал внимания на рост политической напряженности в обществе, если это не касалось его брата. Антимонархическое движение усиливалось, брожение в рабочей среде нарастало с каждым днем. В середине августа 1930 года сложился широкий фронт из социалистов, республиканцев из среднего класса, баскских и каталонских сепаратистов и бывших монархистов,

ставших консервативными республиканцами. Заключив так называемый Сан-себастьянский пакт, они создали нечто вроде теневого правительства и стали готовить заговор с целью свержения монархии[108]. Рамон Франко был не последней фигурой этого заговора. В конце 1930 года, уже находясь под наблюдением Генерального управления безопасности (Direction General de Seguridad), он разъезжал по Испании, налаживая связь с другими повстанцами, закупая оружие и организуя изготовление взрывных устройств[109]. Генерал Эмилио Мола, в тот момент директор управления безопасности, принял решение арестовать его, но, преклоняясь перед его героическими подвигами и будучи другом Франко, решил дать Рамону последний шанс избежать наказания за свои действия. Мола попросил Франко повлиять на брата. Франко согласился, хотя не выказал оптимизма. Однако его преданность семье была по-прежнему безмерно велика и он считал себя ответственным за своего свихнувшегося братца. Он поехал в Мадрид, и 10 октября они поужинали вместе с Рамоном, но тот не отказался от планов участия в будущем восстании республиканцев. Тогда Мола 11 октября приказал задержать Рамона, допросить его и продержать в военной тюрьме до утра. Мола проинформировал Франко об обвинениях, выдвигаемых против его брата. Там были и изготовление взрывных устройств, и контрабанда оружия, и участие в покушении на летчика-монархиста герцога де Эсмеры. Франко и Мола надеялись припугнуть Рамона и заставить его прекратить свою революционную деятельность. Но это побудило Рамона лишь к побегу из тюрьмы, который он и совершил 25 ноября. После этого вместе с генералом Кейпо де Лья-но Рамон принял участие в революционных событиях середины декабря. Бегство Рамона и его участие в декабрьских событиях несказанно огорчили Франко — как офицера и как монархиста[110].

После неудачной попытки наставить брата на путь истинный, Франсиско вернулся в Сарагосу, куда должна была прибыть с визитом французская делегация во главе с генералом Андрэ Мажино. 19 октября Мажино вручил Франко орден Почетного легиона за участие в алусемасском десанте. Вернувшись во Францию, генерал заявил, что академия в Сарагосе — в своем роде самая современная в мире[111]. Представлениям Мажино о том, что можно считать современным, предстояла впереди проверка со стороны армий Третьего рейха.

В ноябре с Франко установил контакт эмиссар самого видного деятеля сан-себастьянской коалиции, патриарх республиканского движения, Алехандро Леррус (Lerroux)*. Он предложил Франко присоединиться к республиканскому заговору.

По словам Лерруса, Франко вначале наотрез отказался, однако на другой встрече заколебался, стал говорить, что примкнул бы к восстанию против конституционной власти, но только если возникнет опасность, что родину захлестнет анархия[112]. Несмотря на предупреждения кузена Пакона и беседы с братом, Фрацко был настолько далек от текущей политики, что твердо верил, будто монархии ничто не угрожает[113].

•Алехандро Леррус — каталонец, и его фамилия звучит по-каталонски как Лерру. (Примеч. перев.)

Целью заговора, в котором принимал участие Рамон, было привести к власти временное правительство из подписавших Сан-себастьянский пакт. Одним из вариантов реализации заговора было восстание гарнизона затерявшегося в Пиренейских горах городка Хака, в провинции Уэска. Мятеж в Хаке начался 12 декабря и должен был стать началом хорошо скоординированной общенациональной акции. Вожди мятежа капитаны Фермин Галан, Анхель Гарсиа Эрнандес и Сальвадор Седилес намеревались двинуться маршем на юг и присоединить к себе прореспубликанские силы в гарнизонах Уэски, Сарагосы и Лериды[114]. По дороге в город Уэска колонна Галана столкнулась с небольшим подразделением под командованием военного губернатора провинции Уэска генерала Мануэля Ласераса, и в произошедшей стычке он был ранен. Когда новость о событиях в Хаке утром 13 декабря достигла Мадрида, правительство объявило в Арагонском округе военное положение. В Сарагосе прошла всеобщая стачка. Франко объявил в академии тревогу и вооружил курсантов. Командующий Арагонским военным округом генерал Фернандес де Эредиа сформировал колонну и направил ее в Уэску, находящуюся на полпути между Сарагосой и Хакой. На случай, если мятежники уже вышли из Уэски, он приказал Франко обеспечить оборону дороги Уэска — Сарагоса. Но необходимости в этом не возникло. Продрогшие, мокрые и голодные солдаты колонны Галана были остановлены в Сильясе, в трех километрах от города Уэска, и, таким образом, восстание в Хаке было подавлено[115].

Галан и Гарсиа Эрнандес были объявлены зачинщиками мятежа и после краткого разбирательства в военном трибунале расстреляны 14 декабря[116]. Франко считал, что они понесли вполне заслуженное наказание. Возможно, он был доволен, что ему не пришлось то же говорить о своем брате, который был среди столичных заговорщиков. 15 декабря Рамон пролетел над королевским дворцом Паласио-де-Ориенте в Мадриде с намерением сбросить на него бомбы, но, увидев, что в садах гуляют люди, ограничился листовками, призывавшими ко

всеобщей забастовке. Потом он бежал в Португалию, а оттуда в Париж[117]. Франко без колебаний осудил декабрьское революционное выступление, но чувство братской солидарности не позволило ему мерить той же меркой Рамона. Спустя несколько часов после полета Рамона в небе над Мадридом появился другой самолет и разбросал над городом листовки. В них Рамона называли «ублюдком», и вообще текст был составлен в оскорбительном тоне. Франко так разозлился за свою мать (если не за брата), что выехал из Сарагосы в Мадрид, где потребовал объяснений от главы правительства Дамасо Беренгера, командующего Мадридским военным округом генерала Федерико Беренгера и директора управления безопасности Молы. Все заверили его, что полет и листовки не были организованы официальными лицами[118].

Двадцать первого декабря Франко написал брату еще одно письмо. Из-за скандала вокруг Рамона, из-за огорчения матери, из-за угрозы для брата быть расстрелянным, письмо было проникнуто печалью. Несмотря на политическую пропасть между ними, Франко выразил сочувствие своему «любимому и несчастному брату» и послал ему две тысячи песет. Письмо заканчивалось ханжескими проповедями: «Да будет так, что ты уйдешь из атмосферы греха, в которой ты жил последние два года, когда ненависть и страхи окружающих увлекали тебя химерами. Пусть твоя вынужденная ссылка из нашего Отечества успокоит твой дух и поднимет над страстями и эгоизмом. Да перестроишь ты свою жизнь вдали от этой бесплодной борьбы, наполняющей Испанию несчастьями. И да обретешь ты мир и благополучие на своем жизненном пути. Таковы пожелания твоего брата. Обнимаю тебя. Пако». Посланные деньги составляли по тому времени существенную сумму. Рамон был по-братски благодарен Франсиско за помощь, но не мог принять его реакционных взглядов и поражался глухоте брата к нарастающему народному недовольству[119].

Если у Франко и были какие-то сомнения в справедливости казни Ферми-на Галана и Анхеля Гарсиа Эрнандеса, то они наверняка исчезли 26 сентября, когда от инфекции и уремии вследствие ран, полученных им в стычке с колонной Галана, умер генерал Ласерас. Франко присутствовал на его похоронах[120].

Общественное возмущение казнью Галана и Гарсиа Эрнандеса нанесло монархии удар, более сильный, чем мятеж в Хаке. Двоих казненных превратили в мучеников к вящему возмущению высших военных чинов, включая Франко, а либералы в правительстве прекратили поддерживать Беренгера. 14 февраля генерал Беренгер был вынужден подать в отставку[121]. После

неудачной попытки консервативного политика Хосе Санчеса Герры сформировать правительство, опирающееся на поддержку заключенных в тюрьму республиканских лидеров, Беренгера на посту премьер-министра заменил 17 февраля адмирал Хуан Баутиста Аснар. Он же продолжал удерживать за собой министерство обороны[122].

, Поскольку мятеж Галана и Гарсиа Эрнандеса в Хаке произошел на территории Арагонского военного округа, Франко был назначен членом военного трибунала, который должен был рассмотреть дела капитана Сальвадора Седи-леса и других офицеров и солдат, принявших участие в мятеже. Заседания трибунала проходили с 13-го по 16 марта, когда уже началась кампания по выборам в муниципалитеты, назначенным на 12 апреля. Ее лейтмотивом была казнь Галана и Гарсиа Эрнандеса. Адмирал Аснар заранее до окончания работы трибунала заявил, что собирается просить короля о помиловании осужденных, какие бы приговоры им ни были вынесены. Франко, однако, заявил: «Необходимо, чтобы за военные преступления, совершенные солдатами, и судили солдаты, которые привыкли к дисциплине». В понятие дисциплины он определенно включал и готовность наказать за ее нарушение смертной казнью. В данном случае был вынесен один смертный приговор — капитану Седилесу; пятерых осудили на пожизненное заключение, другим дали разные сроки тюрьмы. Все приговоры были потом смягчены[123].

На выборах 12 апреля 1931 года Франко голосовал за кандидата от монархистов[124]. Результаты выборов оказались плачевными для Альфонса XIII. Король покинул Испанию, и перед страной открылась дорога ко Второй республике. Франко, убежденный монархист и фаворит короля, испытал сильное потрясение. Молодому честолюбивому генералу это казалось концом его головокружительной карьеры. Этот факт, а также ведущая роль Франко в военном мятеже 1936 года позволили апологетам каудильо сделать вывод, что он еще с того времени готовил столь славную развязку. Но это далеко от истины. Франко пришлось еще через многое пройти, прежде чем он стал заклятым врагом республики.

По иронии судьбы, в начале 1931 года в личной жизни Франко произошел случай, вся значимость которого проявится только в 1936 году. В 1929 году начальник военной академии познакомился с превосходным юристом Рамоном Серрано Суньером, работавшим в Сарагосе в ведущей юридической конторе «Государственные адвокаты» (Abogados del Estado), и они подружились. Серрано Суньер часто обедал или ужинал в семье Франко[125]. Там он познакомился с младшей сестрой доньи

Кармен, красавицей Ситой (Zita). В феврале 1931 года Серрано Суньер и Сита поженились. Свадьба состоялась в Овьедо. Сите тогда было девятнадцать лет. Свидетелем со стороны жениха был Хосе Антонио Примо де Ривера, сын диктатора и будущий основатель Фаланги, а со стороны невесты — Франсиско Франко[126]. Этот брак еще более скрепит тесные отношения между Серрано Суньером и Франко, из которых будет потом выковано национал-синдикалистское государство. Брачная церемония предоставила исторический случай будущему диктатору познакомиться с будущим фашистским лидером, и их имена после 1936 года будут связаны воедино в течение сорока лет. А в то время ни один из троих и не догадывался о надвигающемся политическом катаклизме, который переплетет между собой их судьбы.

Глава 3 В ОПАЛЕ

Франко и Вторая республика, —1933 годы

Правительство рассчитывало сделать муниципальные выборы 12 апреля 1931 года первой стадией контролируемого перехода к новому конституционному порядку — после падения диктатуры Примо де Риверы. Однако вечером в день выборов, как только стали появляться первые результаты, люди начали выходить на улицы испанских городов, и зазвучали республиканские лозунги. В сельской местности власть местных князьков — касиков — осталась непоколебленной, но в городах, где голосовали свободнее, кандидаты монархистов потерпели сокрушительное поражение. Артиллеристы из преподавательского состава академии открыто выражали свою радость по поводу триумфа республиканцев, а Франко был весьма озабочен ситуацией[1]. Пока он в задумчивости сидел в своем кабинете, генерал Санхурхо, его бывший начальник и человек, которым Франко восхищался, подводил черту под судьбой короля. Санхурхо, в то время командовавший полувоенной гражданской гвардией, самым мощным репрессивным орудием монархии, проинформировал министров правительства, что он не может гарантировать лояльности своих людей в случае массовых демонстраций против монархии[2]. На самом деле практически не было оснований сомневаться в лояльности гражданской гвардии — этого жестокого и консервативного органа. Санхурхо боялся скорее, что при попытках защитить монархию прольются реки крови — так велика была ненависть народа к королю.

Нежелание Санхурхо устраивать ради Альфонса XIII кровавую баню объясняется и личными мотивами. Санхурхо держал обиду на Альфонса XIII за отрицательное отношение последнего к неравному браку, заключенному Санхурхо. Также он не мог простить королю, что тот не встал в январе 1930 года на сторону генерала Примо де Риверы[3]. Отказ Санхурхо поддержать короля подтверждают две беседы, состоявшиеся у него с Алехандро Леррусом в феврале и апреле 1931 года, во время которых республиканский лидер пытался убедить генерала сохранять благожелательный нейтралитет во время смены режима. Санхурхо информировал директора управления безопасности генерала Молу о первой встрече и сообщил, что не принял предложения Лерруса[4]. Его дальнейшее поведение, в частности, 12-го, 13-го и 14 апреля и теплое отношение к нему со стороны нового режима заставили Франко подозревать, что Санхурхо

подкупили.

Франко не знал, о чем Санхурхо говорил с министрами 12 апреля, но он поддерживал телефонную связь с Миляном Астраем и другими генералами. Он готов был двинуть свою академию на Мадрид, но после разговора по телефону с Миляном Астраем — в 11 часов утра 13 апреля — отказался от своего намерения[5]. Милян Астрай спросил тогда, уверен ли Франко, что король будет драться за трон. Франко ответил, что все зависит от позиции гражданской гвардии. (В следующие пять с половиной лет, подумывая о вмешательстве армии в политику, Франко в первую очередь брал в расчет позицию гражданской гвардии. Испанская армия, если не считать контингент в Марокко, состояла из неподготовленных призывников. И Франко приходилось считаться, что им не выстоять против хорошо подготовленных профессионалов из гражданской гвардии.) Милян Астрай сказал, что Санхурхо доверительно сообщил ему: на гражданскую гвардию королю не стоит рассчитывать, и поэтому у Альфонса XIII нет иного выбора, как покинуть Испанию. Франко ответил, что в свете сказанного Санхурхо он тоже думает, что королю надо уходить[6].

На Франко оказала сильное воздействие и телеграмма Беренгера, направленная ранним утром 13 апреля командующим военными округами. Страна была разбита на восемь военных округов, и командующие были, по существу, наместниками короля. В телеграмме Беренгер призывал их хранить спокойствие, поддерживать дисциплину во вверенных им частях и не допускать никаких актов насилия, чтобы не сбить страну «с логического курса, который высшая национальная воля диктует судьбам Отечества»[7]. Беренгер определенно с пессимизмом смотрел на состояние морального духа армии. Он считал, что некоторые офицеры сыты по горло разговорами об опасности, грозящей монархии. Более того, он подозревал, что многие офицеры вообще безразличны к судьбе монархии и даже относятся к ней враждебно — следствие раскола в армии, возникшего в 20-е годы. Тем не менее Беренгер заявил королю, что армия готова похоронить результаты выборов. Альфонс XIII отказался[8]. Вскоре после беседы Беренгера с королем Милян Астрай рассказал Беренгеру о своем разговоре с начальником Сарагосской академии. Подчеркнув, что это «мнение следует принять в расчет», он изложил точку зрения Франко о желательности отъезда короля из страны[9].

Король решил покинуть Испанию, не отрекаясь формально от престола и надеясь, что позже ситуация наладится и его попросят вернуться. Четырнадцатого апреля 1931 года власть на себя взяло

временное правительство, состав которого был согласован в августе 1930 года республиканцами и социалистами, заключившими Сан-себастьянский пакт. Хотя возглавил его Нисето Алкала Самора, консервативный католик, ранее уже входивший в кабинет при короле, во временном правительстве господствовали социалисты, центристы и левые республиканцы, преданные идее радикальных реформ.

В течение первой недели после провозглашения республики Франко недвусмысленно, хотя и в осторожных выражениях демонстрировал свое нерасположение к новому режиму и лояльность к прежнему. В этой лояльности не было ничего необычного: большинство армейских офицеров были монархистами и не могли поменять убеждения за одну ночь. Но при всей своей амбициозности Франко чтил дисциплину и иерархические отношения. Пятнадцатого апреля он издал приказ по академии, в котором извещал об установлении республики и настаивал на соблюдении строгой дисциплины. «Дисциплина и полное подчинение приказам, которые всегда господствовали в стенах академии, тем более необходимы теперь, когда армия обязана, сохраняя спокойствие и единство, пожертвовать свбими мыслями и своей идеологией во имя нации и покоя в Отечестве»[10]. Расшифровать скрытый смысл приказа было нетрудно: армейские офицеры должны сжать зубы и преодолеть свое естественное неприятие нового режима.

Тем не менее золотисто-красный флаг монархии продолжал развеваться над академией. Командующий Арагонским военным округом Энрике Фернандес де Эредиа получил от временного правительства указание поднять по всему округу республиканские трехцветные флаги. Штаб в Сарагосе окружили толпы, требовавшие от Арахиса (Caca bu ete), как прозвали вегетарианца Фернандеса де

Эредиа, выполнить это указание, но он отказывался. В полночь 14 апреля новый военный министр, Мануэль Асанья (Azana) приказал ему передать командование округом военному губернатору Сарагосы Агустину Гомесу Морато, считавшемуся республиканцем. Действительно, в июле 1936 года Гомес Морато будет заключен националистами в тюрьму как противник военного мятежа. Гомес Морато заменил флаг и позвонил во все части Арагонского военного округа, приказав сделать то же самое. Франко ответил, что на изменение официальной символики необходим письменный приказ. И только 20 апреля, когда новый командующий округом генерал Леопольдо Луис Трильо подписал соответствующий приказ, Франко распорядился спустить монархический флаг[11].

В 1962 году Франко путано и односторонне интерпретировал историю падения монархии, опубликовав наброски воспоминаний, в которых обвинил защитников монархической крепости в том, что они открыли ворота врагу. Враг состоял «из кучки республиканцев, франкмасонов, сепаратистов и социалистов». О франкмасонах он говорил, что это «безбожники и предатели в изгнании, преступники, жулики, мужья, обманывавшие своих жен»[12]. Узость его интерпретации поражает с нескольких точек зрения. Приверженность Франко диктатуре понятна. И для него ситуация, когда в 1923 году король смирился с военным переворотом, не была нарушением Конституции. Это типичный взгляд военного, который не сомневается в праве армии управлять страной. И сейчас, по прошествии долгих лет, он считал, что в апреле 1931 года монархию нужно было — а если бы не Санхурхо и его гражданская гвардия, то и можно было — отстоять. Хотя в то время он наверняка так не думал. Франко с удобством для себя забыш о своем тогдашнем грубом прагматизме. Другие совершали ошибки, а он из всего извлекал для себя пользу и поднимался по ступеням служебной лестницы.

И все-таки случай с флагом показывает, что на Франко сильно подействовало падение монархии и он хотя бы таким способом выразил протест против республики. Речь не шла о сознательном неподчинении. Не похоже и на то, что он заранее хотел создать себе репутацию в консервативных кругах. Держа над зданием академии монархический флаг, Франко хотел лишь показать, что в отличие от офицеров, которые были частью республиканской оппозиции или хотя бы состояли в контакте с ней, он ни в коей мере не запятнан неверностью монархии. Значительно дальше, чем от офицеров-республикан-цев, которых он, естественно, презирал, он отошел от своего брата Рамона, ставшего для него одной из самых отталкивающих фигур среди офицеров, предавших короля. Свое поведение Франсиско считал более достойным, чем того же Санхурхо, которого он позже, как и Беренгера, посчитал виновным в падении монархии[13]. Однако он не позволит, чтобы печаль по поводу крушения монархии мешала его карьере. Монархия монархией, но прагматичный Франко не пошел так далеко, как это сделал, например, родоначальник испанских военно-воздушных сил генерал Кинделан, который предпочел отправиться в добровольное изгнание, чем жить при республиканском строе[14]. Тем не менее Франко открыто возмущался офицерами, выступавшими против монархии и получившими в награду за это высокие посты! 17 апреля генерал Гонсало Кейпо де Льяно стал командующим Мадридским военным округом, генерал Эдуардо Лопес (Ldpez) Очоа —

Барселонским округом, а генерал Мигель Кабанельяс — Севильским округом. Все трое сыграли важную роль в дальнейшей карьере Франко, но ни одному из них он никогда не доверял.

Может быть, имея в виду именно эти назначения, Франко написал 18 апреля письмо маркизу де Лука де Тена, директору монархической газеты «А-бэ-сэ», наиболее влиятельной правой газеты Испании. Дело в том, что газета опубликовала сообщение о намерениях правительства направить Франко в Марокко верховным комиссаром. Этот пост считался самым престижным в армии, и Франко, несомненно, мечтал о нем. Основанием для газетной статьи оказалось предложение министра внутренних дел Мигеля Мауры военному министру Мануэлю Асанье назначить Франко на эту должность. Это была попытка сыграть на самой чувствительной струне Франко и заручиться его лояльностью. Но это теплое местечко отдали генералу Санхурхо, который находился на посту недолго, сочетая обязанности верховного комиссара с командованием гражданской гвардией. Этот поворот карьеры Санхурхо, несомненно, усилил подозрения Франко по поводу того, что генералу таким образом заплатили за предательство. В своем письме формально Франко просил опубликовать опровержение сведений о своем назначении, но на самом деле он хотел подчеркнуть дистанцию между собой и новыми правителями страны. Нарочито путано и двусмысленно он пояснил, что никакого нового поста ему не предлагали, и заявил при этом: «Я не мог бы принять пост, от которого можно отказаться, поскольку это могло быть истолковано как проявление давних симпатий к недавно утвердившемуся режиму или как результат возможного проявления пусть минимальных колебаний и уклонения от исполнения своих обязанностей»[15]. Тот факт, что Франко счел необходимым прояснить свою позицию через ведущую консервативную газету, указывал на определенные амбиции и осознание им своей общественной значимости. Продемонстрировав в своем заявлении верность монархии, он не сжигает мостов и далее выражает свое уважение к «национальному суверенитету», демонстрируя осторожный прагматизм и гибкость.

Лояльность военных во времена республики подверглась строгой проверке. Новый военный министр Асанья, изучив положение дел в армии, взял курс на борьбу с техническим отставанием и с желанием армии вмешиваться в политику. Асанья был сторонником экономного расходования средств, интеллектуалом, способным глубоко вникать в суть дела. Он не собирался обращать внимание на чувства военных и потакать их

коллективному «эго». Армия, которой ему поручили руководить, была явно слаба технически, зато ее численность, и особенно численность офицерского корпуса, была слишком велика. Вооружения, даже устаревшего, не хватало, дефицит боеприпасов и горючего не позволял осуществлять полноценную боевую подготовку и маневры. Асанья намеревался сократить армию до пределов, соответствующих экономическим возможностям страны, поднять ее боеспособность и устранить угрозу милитаризации политической жизни Испании. Даже офицерам, разделявшим его взгляды, вряд ли пришлись по душе его планы в отношении офицерского корпуса. Тем не менее продуманное воплощение идей Асаньи вполне могло обеспечить ему поддержку в армии, хотя конфликт был почти неизбежен. Асанья и правительство, в которое он входил, были полны решимости устранить, насколько возможно, ошибки диктатуры Примо де Риверы. Но была масса офицеров — и Франко в числе первых, — которые молились на диктатуру, ибо сделали при ней завидную карьеру. Они, разумеется, не могли оставаться равнодушными, когда попирались их святыни. К тому же Асанья не был свободен от политических пристрастий, отмечая наградами тех, кто проявлял наибольшую лояльность республике. Это были в основном члены «хунт обороны», представлявшие артиллерийские части. Естественно, в проигрыше оказывались «африканцы», противоборствовавшие хунтам с 1917 года[16].

Мероприятия первых месяцев работы Асаньи на посту министра раскололи армию, а правая пресса стала кричать на каждом углу, будто новый режим притесняет армию и Церковь. Это было явным извращением намерений Асаньи. Декретом от 22 апреля 1931 года армейским офицерам предписывалось дать присягу на верность (promesa de fidelidad) республике, как они это делали раньше в отношении монархии. Присяга не затрагивала внутренних убеждений офицеров и не создавала механизм чистки армии и выявления монархистов. В соответствии с декретом офицер, чтобы сохранить свою должность, просто должен был пообещать «хорошо и верно служить республике, подчиняться ее законам и защищать ее с оружием в руках». Если офицер отказывался дать клятву, считалось, что он намерен оставить службу. Большинство офицеров не стали делать из этого проблемы и приняли присягу. Многие, видимо, отнеслись к присяге как к рутинному мероприятию, поэтому в нем участвовали многие из тех, кто относил себя к ярым противникам республики[17]. Кстати, мало кто чувствовал себя связанным и клятвой верности монархии, чтобы поспешить на ее защиту 14 апреля. С другой стороны, сколь ни

резонным казалось упомянутое требование нового министра и правительства, антиреспубликански настроенные офицеры вполне могли рассматривать новую присягу как грубое принуждение. Правая пресса, набившая руку на манипулировании мировоззрением военных, стала утверждать, что офицеры, которые по своим убеждениям не приняли присягу, оказались выброшенными из армии без гроша в кармане[18]. На самом деле отказавшихся принимать новую присягу просто перевели в резерв с причитающимся резервистам жалованьем.

Известный правыми убеждениями генерал Хоакин Фанхул потом вспоминал о настроениях многих офицеров так: «Когда установилась республика, правительство поставило военных перед дилеммой: признать ее и обязаться защищать или оставить службу. Формула была предложена несколько унизительная, достойная человека, который ее придумал. Четыре дня я размышлял и в конце концов решил снести унижение ради Отечества. Я подписал присягу, как и большинство моих товарищей»[19]. Франко в апреле 1931 года тоже пришлось делать выбор между службой и верностью своим убеждениям, и он, понятно, без особого труда выбрал первое. Но Франко рассуждал сложнее и прагматичнее, чем Фанхул, как следует из беседы, которую он имел в 1931 году с артиллерийским генералом Регерой, вышедшим в отставку. «Мне не кажется верным ваше решение, — сказал тогда Франко. — Армия, как бы там ни было, не может обойтись без командования в такие трудные времена, как эти». Когда Регера объяснил, что ему претит «служить этим людям и этой тряпке, которую нам навязали вместо флага», Франко ответил: «Жаль, что вы и другие такие, как вы, уходят со службы именно тогда, когда вы, может быть, особенно нужны Испании, и открывают дорогу людям, которых мы хорошо знаем и которые на все готовы, лишь бы карабкаться вверх по лестнице. Тех из нас, кто остался, ждут нелегкие времена, но я убежден, что, оставшись, мы сможем сделать гораздо больше, чтобы воспрепятствовать тому, чего не хотелось бы ни вам, ни мне, чем если бы разбежались по домам»[20].

Двадцать пятого апреля был объявлен декрет, получивший известность как «закон Асаньи» (ley Azana). Всем офицерам предоставлялась возможность выйти в отставку, сохранив полное содержание. Это был довольно расточительный способ сокращения офицерского корпуса. Однако декрет устанавливал, что если по истечении тридцати дней офицер, оказавшийся за пределами штатных потребностей, не подал добровольно прошение об отставке, то его увольняли без сохранения содержания. Это положение декрета вызвало массовые нарекания,

а правая печать постаралась закрепить у определенных кругов представление, что республика притесняет армию. Поскольку угроза ни разу не была реализована, то объявление подобной меры следует считать ошибкой, допущенной Асаньей или его советниками в министерстве и только навредившей республиканцам.

Как только декрет был опубликован, поползли тревожные слухи об увольнениях и даже ссылках офицеров, которые не проявляют рвения в поддержке республики[21]. Большое число офицеров — около трети всего офицерского корпуса — согласились на отставку, причем из них две трети оказались полковниками, потерявшими надежду стать генералами[22]. Франко, конечно, так поступать не стал. К нему пришла группа офицеров академии — просить совета, как им поступить. Ответ Франко не оставлял сомнений в том, что он считает армию конечным арбитром в решении политических судеб Испании. Он сказал, что солдат служит Испании, а не конкретному режиму и посему Испания теперь больше чем когда-либо нуждается в том, чтобы в армии оказались настоящие патриоты[23]. По меньшей мере представляется, что для себя Франко оставил свободу выбора.

Как и у многих других офицеров, отношения Франко с новым режимом складывались весьма напряженно. Еще не прошел апрель, а он уже оказался втянут в так называемое «дело об ответственности». Семнадцатого апреля генерала Беренгера арестовали по обвинению в преступлениях, совершенных в Африке, когда он был премьер-министром, и в казни Галана и Гарсиа Эрнандеса, когда он позже занимал должность военного министра[24]. Генерала Молу арестовали 21 апреля за его дела на посту директора управления безопасности при Беренгере[25]. Эти аресты стали частью символической чистки верхушки монархического режима и принесли нарождающейся республике значительный ущерб. «Дело об ответственности» уходило корнями в Анвальскую катастрофу и заключалось в выяснении роли короля, компетентности военных и степени уважения политиков к армии. В народе ходила молва, что переворот 1923 года был совершен, чтобы оградить короля от деятельности созданного в 1921 году «Комитета по ответственности». Так что анвальская рана продолжала кровоточить. Ответственность офицеров и политиков, бывших у власти до 1923 года, усугублялась, по мнению республиканцев, фактами политических и финансовых злоупотреблений и коррупции, имевших место во времена диктатуры и после нее. Главным эпизодом дела была казнь Галана и Гарсиа Эрнандеса. Диктатор к этому времени

умер, король находился в изгнании, так что понятно было, что весь гнев республиканцев падает на голову Беренгера.

Шумиха вокруг «дела об ответственности» позволяла первые месяцы поддерживать в массах высокий дух, но в конечном итоге все это дорого обошлось республике. В действительности мало кто оказался за решеткой или бежал из страны, но «дело об ответственности» породило миф о мстительности и непримиримости республиканцев и усилило недовольство многих крупных фигур старого режима, преувеличивавших угрозы, исходящие от республиканского правительства[26]. В глазах военных, таких, как Франко, суд над Беренгером за участие в войне, в которой они рисковали своей жизнью, и за осуждения на казнь Галана и Гарсиа Эрнандеса был несправедливым. По их мнению, двое последних были не героями и не мучениками, а обычными мятежниками. Вот Мола — это был герой войны в Африке, а в качестве директора управления безопасности он только выполнял свой долг — держал под контролем подрывные элементы. Особенно возмущало Франко и многих других «африканцев» то, что офицеров, которых они считали смелыми и компетентными, подвергали преследованиям, а военных, которые замышляли мятеж против диктатора, новые власти осыпали почестями. Суды по «делу об ответственности» давали «африканцам» дополнительные поводы для враждебного отношения к республике. Франко пойдет тем же путем, что и Луис Оргас, Мануэль Годед, Фанхул и Мола, но будет более осмотрителен. Как и они, Франко будет смотреть на офицеров, облагодетельствованных республикой, как на лакеев франкмасонства и коммунизма, ничтожных людишек, потакающих толпе.

В этом контексте отношение Франко к Беренгеру было двойственным. Хотя Франко и одобрял его действия по подавлению мятежа в Хаке, он скоро начал задаваться вопросом, почему тот не встал на защиту монархии в апреле 1931 года. Сюда же добавились и личные мотивы: в 1930 году Беренгер пообещал Франко повысить его в звании до генерал-майора (General de Divisidn), но затем он посчитал, что его друг генерал Леон достиг критического возраста, когда бригадному генералу пора уходить в отставку, и, поскольку у Франко впереди было много времени, Беренгер присвоил звание Леону[27]. Поэтому вызывает удивление, что Франко согласился стать защитником Беренгера в военном трибунале. Вместе с Паконом Франко Сальгадо-Араухо, своим адъютантом, он 1 мая приехал в Мадрид и на следующий день встретился с Беренгером в тюремной камере. Но 3 мая Франко сообщили: военный министр не

разрешает ему представлять в трибунале интересы Беренгера, объясняя свой отказ тем, что Франко служит не в том военном округе, где заседает военный трибунал[28]. С этого момента берет начало взаимная неприязнь между Франко и Асаньей. Во время той поездки в Мадрид омрачились отношения между Франко и Санхурхо. Кто-то из приятелей Франко рассказал ему о беседе Санхурхо с Лерру-сом 13 апреля. Франко решил, что Леррус посулил Санхурхо в будущем высокие посты и тот не мобилизовал гражданскую гвардию на защиту короля[29].

Враждебность Франко к республике стала почти явной, когда Асанья начал свой военные реформы. В частности, Франко сильно не понравилось упразднение восьми исторических военных округов, которые преобразовались в «органические дивизии» под командованием генерал-майоров, лишенных каких-либо юридических прав в отношении гражданского населения. Упразднены были и полномочия королевских наместников, которыми прежде обладали командующие округами[30]. Эти меры расходились с исторической традицией: армия лишалась юридических прав и ответственности за соблюдение общественного порядка. Франко терял перспективу стать генерал-лейтенантом и получить пост командующего округом. И то и другое решение он пересмотрит в 1939 году. Не меньше поразил его и декрет от 3 июня 1931 года о «пересмотре повышений» (revisidn de ascensos), согласно которому некоторые повышения за боевые заслуги, полученные офицерами во время военных действий в Марокко, подлежали отмене. Этим шагом правительство признавало незаконность юридических актов диктатуры и задним числом отменяло ряд спорных повышений, произведенных Примо де Риверой. Публикация декрета породила опасение, что если все указы о повышениях за боевые заслуги в период диктатуры потеряют силу, то Годед, Оргас и Франко снова станут полковниками, будут понижены в звании и многие другие старшие офицеры-«африканцы». Так как за восемнадцать месяцев работы специальная комиссия никого не лишила звания, то в лучшем случае декрет оказался лишним раздражителем, а в худшем — нервотрепкой у кандидатов на понижение. Разбирательство могло коснуться примерно тысячи офицеров, хотя на самом деле были проверены дела только половины из них[31].

Правая пресса и военные издания подняли свистопляску: мол, Асанья заявил о своем намерении «раздавить армию» (triturar ei Ejército)[32]. Асанья никогда не говорил ничего подобного, но правые утверждали, что такие высказывания все же имели место. Асанья произнес 7 июня в Валенсии речь, в которой

тепло отозвался об армии. Там же он заявил о своей решимости «раздавить» власть коррумпированных местных князьков, подмявших под себя политическую жизнь в провинциях, как он прежде ликвидировал «другие, не менее опасные для республики вещи». Но эту фразу исказили до неузнаваемости[33]. Распространился возмутивший «африканцев» слух, будто Асанья пользуется услугами советников из числа республиканских офицеров, которых в правых кругах называли «черным кабинетом». Отмена повышений за боевые заслуги отражала только позицию артиллерийских офицеров. В числе неофициальных военных советников Асаньи были артиллеристы, например, майоры Хуан Эрнандес Са-равиа и Артуро Менёндес (Menėndez) Лопес, но в основном группа советников состояла из тех членов «хунт обороны», которые принимали участие в движении против диктатуры и монархии. Франко к таким офицерам относился с презрением. В офицерском корпусе болезненно реагировали и на то, что Асанья, вместо того чтобы полагаться на умудренных опытом генералов, пользуется советами относительно молодых людей[34].

Однако Эрнандес Саравиа жаловался в разговоре со своим товарищем как раз на то, что Асанья слишком горд, чтобы прислушиваться к чьим-либо советам. Более того, он не только не собирался преследовать офицеров-монархис-тов, но, кажется, и привечал многих из них, например Санхурхо или генерала-монархиста Энрике Руиса Форнельса, которого взял в заместители. Некоторые офицеры левого толка даже вышли в отставку, недовольные заигрыванием Асаньи со старой гвардией. А случаев, когда Асанья прибегал к языку угроз или оскорблений в отношении армии и ее представителей, никто назвать не мог. Хотя Асанья был тверд в проведении своей политики, но на публике он всегда говорил об армии сдержанно и уважительно[35].

Хорошо известно, что Франко мало интересовался текущей политикой. Его повседневные дела в академии не оставляли ему на это времени. И тем не менее вскоре ему пришлось начать задумываться о происходящих переменах. Консервативные газеты, которые он читал — «А-бэ-эс», «Эпока», «Корреспондента милитар», — возлагали на новую администрацию ответственность за экономические трудности Испании, насилие толпы, неуважение к армии, антиклерикальные настроения. Статьи, которые он читал в «Антант интер-насьональ», рисовали республиканский режим как троянского коня коммунизма и франкмасонства, готовых напустить орды безбожников из Москвы на Испанию и уничтожить ее великие традиции[36]. Реформы Асаньи ломали сложившиеся в армии традиции и представления

и не могли не вызывать, мягко говоря, ностальгии по монархии. Не могли не задеть Франко и сообщения о поджогах церквей, имевших место 11 мая в Мадриде, Малаге, Севилье, Кадисе и Аликанте. Нападения на церкви были организованы анархистами, считавшими, что Церковь является средоточием самых реакционных сил Испании. Франко, по-видимому, не знал, что для поджогов использовался авиационный бензин, который достал на аэродроме Куатро-Вьентос его брат Рамон. Но он, конечно, не мог не знать о заявлении своего брата, которое было опубликовано: «Я с радостью смотрел на эту великолепную иллюминацию как на самовыражение народа, стремящегося избавиться от клерикального обскурантизма»[37]. В своих записках — черновом проекте мемуаров, — которые он подготовил спустя тридцать лет после происшедших событий, Франко писал о поджогах церквей как о явлении, показавшем, что представляет из себя республика[38]. В основе этой позиции не только его глубокая религиозность, но и чувство солидарности, которое объединяло армию и Церковь как жертв преследования со стороны республики.

Но из всего, произошедшего после 14 апреля, самое большое недовольство Франко вызвал приказ Асаньи от 30 июня 1931 года о расформировании академии в'Сарагосе. Сообщение об этом застигло его на маневрах в Пиренеях. В первый момент Франко не поверил этому сообщению. Когда же оно подтвердилось, он почувствовал себя выбитым из седла. Он решил никогда не прощать Асанье и его так называемому «черному кабинету», что они лишили его этой работы. Он и другие «африканцы» и прежде чувствовали, что академия обречена, поскольку своим появлением обязана Примо де Ривере. Франко был также убежден, что «черный кабинет» настроен против него из зависти к его стремительной карьере.

На самом деле Асанья, принимая решение, учитывал слабый уровень преподавания в академии, а также высокие расходы на ее содержание, тем более что перед министром стояла задача сократить военные расходы. Франко с трудом сдерживал ярость[39]. Он написал Санхурхо в надежде, что тот походатайствует перед Асаньей. Санхурхо ответил, что Франко должен смириться с закрытием академии. Несколько недель спустя Санхурхо доложил Асанье, что Франко оказался в положении ребенка, у которого отняли игрушку[40].

Недовольство прорвалось наружу в прощальной речи Франко, с которой он выступил на плацу академии 14 июля 1931 года. Он начал со слов сожаления, что, мол, не будет больше клятвы на знамени Gura de bandera), потому что светская республика ее

упразднила. Затем он остановился на успехах, достигнутых академией под его руководством, включая искоренение порока, потом долго говорил о верности и долге курсантов перед родиной и армией. Далее он так сказал о воинской дисциплине: «Она проявляет свою подлинную ценность, когда разум требует прямо противоположного приказу, когда сердце рвется бунтовать, когда самоуправство и ошибки идут об руку с действиями командования». Хотя сказано несколько туманно, но в этих словах виден камень, брошенный в тех, кто не побрезговал подачками от республики в оплату своей неверности монархии. Он косвенно упрекнул офицеров-республиканцев, занявших ключевые посты в военном министерстве Асаньи, в «отвратительном примере безнравственности и несправедливости». Закончил он свою речь восклицанием «Да здравствует Испания!»[41]. Через тридцать с лишним лет он скажет: «Я ни разу не провозглашал — «Да здравствует республика!»[42]

Закончив речь, он вернулся в свой кабинет, чтобы потом, в ответ на неистовые аплодисменты собравшихся, несколько раз появиться на балконе. Прощаясь с Паконом, который был инструктором по тактике и вооружениям, а также его адъютантом, будущий каудильо плакал. Потом он упаковал вещи и направился в Ла-Пинелью, загородный дом своей жены под Овьедо[43].

Речь Франко была опубликована как последний его приказ по академии и через пару дней попала на стол к Асанье. Два дня спустя Асанья сделал такую запись в своем дневнике: «Обращение генерала Франко к курсантам Генеральной академии по случаю окончания курса. Полная оппозиция правительству, скрытые атаки на командование. Основание для немедленного увольнения, если бы он сегодня не расставался со своим постом». И Асанья ограничился замечанием (reprensidn) в адрес Франко, занесенным в его личное дело[44].

Можно себе представить возмущение Франко, ревностно заботившегося о чистоте своего послужного списка, когда 23 июля он узнал о замечании. И все-таки опасения за свою дальнейшую карьеру заставили его проглотить обиду и подготовить на другой день эмоциональный, но не слишком убедительный документ в свою защиту в виде письма на имя начальника штаба 5-й дивизии, под чьей территориальной юрисдикцией находилась академия.

В нем содержалась просьба передать военному министру «мое уважение и сожаление в связи с неверной интерпретацией высказанных в моей речи мыслей. Там я просто попытался раскрыть сущность воинской службы и изложил самые чистые

принципы, бывшие нормой во все время моей военной карьеры. Мне очень жаль, что мои слова были восприняты как намек на мое прохладное или сдержанное отношение к исполнению долга, которому я неизменно следовал без чуждой моему характеру официозности, перед режимом, провозглашенным в стране, чей флаг, поднятый над плацем академии, осенял военное торжество и чей гимн, выслушанный всеми стоя, завершил церемонию выпуска курса»[45].

Асанью аргументы Франко ни в чем не убедили, он не воспринял обязательные подъем республиканского флага и исполнение нового национального гимна чем-то особенным для состоявшейся процедуры. Он, похоже, считал, что с бывшего любимчика монархии надо несколько сбить спесь. Это письмо и личная встреча с бывшим начальником академии в августе убедили его, что Франко слишком амбициозен, чтобы можно было легко склонить его к сотрудничеству. В этих рассуждениях Асанья, пожалуй, был прав. Он только переоценил трудность, с которой можно было перетянуть Франко на свою сторону. Если бы Асанья оказал Франко то же повышенное внимание, к которому тот привык при монархии, то Франко вполне мог бы оказаться и любимцем республики. Как бы там ни было, но Асанья в отношении Франко вел себя весьма сдержанно, хотя считал, что проявляет великодушие и даже щедрость. Лишившись академии, Франко оставался без должности около восьми месяцев, и это время он полностью посвятил чтению антикоммунистической и антимасонской литературы. Но он получал только восемьдесят процентов от прежнего жалованья, собственным состоянием он не располагал, жил в доме жены, а служебная перспектива была весьма туманной. Естественно, в нем копилась злость на республиканский режим. А донья Кармен только подливала масла в огонь[46].

За лето 1931 года у многих армейских офицеров накопилось раздражение и на проводимые военные реформы, и на продолжающуюся в стране, как они считали, анархию: Севилья и Барселона были охвачены забастовками, организованными анархо-синдикалистской Национальной конфедерацией труда[47]. Учитывая недовольство офицерства реформами Асаньи и вожделенную мечту монархистов о лидерах-преторианцах, способных свергнуть республику, слухи о возможности военного заговора нельзя было назвать необоснованными. Чаще других повторялись имена генералов Эмилио Барреры и Луиса Оргаса, и в середине июня оба были подвергнуты кратковременному домашнему аресту. В сентябре на основе новых свидетельств заговорщической деятельности Оргас будет сослан на Канарские

острова. Информация, получаемая Асаньей, убеждала его, что Франко поддерживал Оргаса и был, пожалуй, даже более опасным[48]. Асанья был уверен, что зреет нечто похожее на заговор. В сообщениях о контактах между друзьями Франко — полковником Хосе Энрике Варелой и могущественным боссом Кадиса твердым сторонником монархии Рамоном де Каррансой (Carranza) — упоминались имена Франко и Оргаса. Военный министр записал в своем дневнике: «Франко — единственный, кого следует опасаться». Это была высокая оценка деловых качеств Франко. Асанья дал указание, чтобы за Франко был установлен надзор. В середине августа, когда Франко приезжал в Мадрид, директор управления безопасности Анхель Галарса выделил для слежки за ним трех сотрудников[49].

Двадцатого августа, во время пребывания Франко в Мадриде, он посетил военное министерство и встретился с заместителем министра, который напомнил Франко о необходимости нанести визит министру. На другой день Франко пришел в министерство. На личной встрече Асанья выговорил ему за прощальную речь в Сарагосской академии. Внешне Франко спокойно выслушал замечания, но Асанью это безразличие не обмануло. Он потом записал в дневнике, что Франко «старается казаться искренним, но все это сплошное лицемерие». Асанья предостерег Франко несколько свысока, что друзья и поклонники могут завести его слишком далеко. Франко возразил и заявил о своей лояльности, хотя и признал, что враги республики из лагеря монархистов хотят видеть его на своей стороне. Заодно он воспользовался случаем проинформировать министра, что считает закрытие академии серьезной ошибкой. Когда Асанья намекнул Франко, что собирается прибегнуть к его услугам, молодой генерал заметил с ироничной улыбкой: «И чтобы прибегнуть к моим услугам, за мной установили слежку на полицейском автомобиле! Нужно понимать, что я никуда не хожу». Асанья смутился и велел прекратить слежку[50].

Двуличный Франко, каким он выглядит в воспоминаниях Асаньи, полностью соответствует тому, каким он видится в документе, написанном им в защиту своей речи при закрытии академии[32]. Асанья еще проявил снисходительность к Франко, уверенный, что сможет приручить его[51]. Похоже, он просчитался, решив, что Франко можно манипулировать, как его братом, к которому Асанья, хорошо знавший Рамона, испытывал неприязнь и презрение.

В начале мая Франко отказали в разрешении защищать Беренгера в трибунале. Но Высший совет армии (Consejo Supremo del Ejército) вскоре отменил ордер на арест Беренгера, а Молу 3

июля постановил освободить Верховный трибунал (Tribunal Supremo). Тем не менее «дело об ответственности» продолжало оставаться предметом глубоких раздоров, и умеренные члены правительства, включая Асанью, хотели бы похоронить его. После ожесточенных дебатов 26 августа кортесы поручили «Комитету по ответственности» разобраться с политическими и административными нарушениями в Марокко, репрессиями в Каталонии в период с 1919-го по 1923 год, военным переворотом 1923 года, диктатурами Примо де Риверы и Беренгера и трибуналом над мятежниками из Хаки[52]. К возмущению Асаньи, который справедливо считал, что деятельность комитета наносит ущерб республике, несколько престарелых генералов из правительства Примо де Риверы в начале сентября оказались под арестом[53].

Враждебность части офицеров и сомнения многих из них по поводу правильности курса, взятого республикой, усилились в ходе обсуждения проекта новой конституции, проводившегося с середины августа до конца года. Статьи светского характера, особенно те, что были направлены на ослабление влияния Церкви на образование, вызвали истерическую реакцию на страницах правой прессы. Решимость республиканцев и социалистов, составлявших большинство в парламенте, провести эти статьи в жизнь привела к отставке двух видных членов кабинета. Это были консервативный премьер-министр Нисето Алкала Самора и министр внутренних дел Мигель Маура Гамасо. Асанья стал премьер-министром, оставаясь военным министром. Пресса правых подняла крик, что этим «само существование Испании поставлено под угрозу»[54].

Сообщения правой прессы об анархии в стране и апокалиптические предсказания о возможных последствиях реализации конституционных положений, а также неукротимая решимость левых республиканцев довести до конца «дело об ответственности» нагнетали напряженность в среде армейских офицеров. По мнению большинства из них, одни генералы, обвиняемые в мятеже, на самом деле в 1923 году лишь пытались остановить сползание страны к анархии, тогда как другие — Беренгер и Фернандес де Эредиа — были привлечены к суду именно за подавление мятежа в Хаке. О бывшем командующем Арагонским военным округом Фернандесе де Эредиа говорили как о человеке, поставившем подпись под смертными приговорами. Плакаты, книги и даже пьеса Рафаэля Альберти «Фер-мин Галан» воспевали «мучеников республики». Рамон Франко посвятил свою книгу «Мадрид под бомбами» (Madrid bajo las bombas) «мученикам свободы капитанам Галану и Гарсиа

Эрнандесу, убитым в воскресенье 14 декабря 1930 года испанской реакцией, воплощенной в монархии Альфонса XIII и его правительстве под руководством генерала Дамасо Беренгера». Офицерский корпус, за исключением самых убежденных республиканцев, проявлял недовольство тем, что из Галана и Гарсиа Эрнандеса делают святых. Франко особенно возмущал тот факт, что в республике действуют двойные стандарты: с одной стороны, собираются пересматривать повышения офицеров, произведенные в 20-х годах, а с другой — насаждают неприкрытый фаворитизм по отношению к тем, кто помогал ее становлению. По иронии судьбы Рамон Франко оказался на посту генерального директора службы аэронавтики. Но брат Франко злоупотребил своей должностью и принял участие в заговоре анархистов против республики. Своего поста он лишился, а от тюрьмы его спасло только избрание депутатом парламента от Барселоны, а также поддержка коллег-масонов[55].

Когда «Комитет по ответственности» начал собирать показания для предстоящего суда над организаторами расправ над мятежниками из Хаки, Франко предстал перед ним 17 декабря 1931 года в качестве свидетеля. Ответы его были сухи и относились сугубо к существу дела. Он напомнил, что военно-процессуальный кодекс позволяет привести смертный приговор в исполнение сразу после судебного разбирательства без предварительного одобрения со стороны гражданских властей. Однако, когда его спросили, не хочет ли он что-либо добавить к этому заявлению, он стал решительно защищать военную юстицию как «юридическую и военную необходимость, поскольку преступления, военные по своей сути и совершенные военнослужащими, должны рассматриваться персоналом, специально подготовленным в военном отношении для этой миссии». А так как члены Комитета не имеют военного опыта, то они некомпетентны решать, что происходило в военном трибунале по делу о мятеже в Хаке.

Когда заседание продолжилось на другой день, Франко опроверг излюбленное утверждение республиканцев, заявив, что Галан и Гарсиа Эрнандес совершили воинское преступление. Поставив под сомнение посылку Комитета, что они подняли политическое восстание против незаконного режима, Франко заявил: «Обязавшись свято хранить оружие Нации и жизни граждан, в любое время и в любой ситуации преступно нам, людям, облаченным в военную форму, поднимать это оружие против Нации или против Государства, вручившего его нам. Армейская дисциплина, само существование армии и здоровье государства возлагают на нас, военных, горькую обязанность

применять закон по всей его строгости»[56]. Хотя и обставленное оговорками об уважении к парламенту, заявление указывало на то, что Франко рассматривает защиту армией монархии в декабре 1930 года легитимной. Эта точка зрения шла вразрез с мнением тех, кто находился у власти в республике. Из заявления можно догадаться и о его отношении к канонизации мятежников из Хаки. Однако своими упоминаниями о подчинении республике Франко повторяет суть своего приказа по академии от 15 апреля в прощальной речи. Это можно трактовать как еще одно свидетельство того, что он, в противоположность горячим головам вроде Оргаса, был далек от выражения своего недовольства в форме активного противостояния властям. Что касается Беренгера и Фернандеса де Эредиа, то после долгого разбирательства Верховный трибунал в 1935 году признал обоих невиновными[57].

Заявления Франко о дисциплинированной лояльности не имели ничего общего с восторженной приверженностью режиму, которая могла бы вызвать к нему расположение властей. После того как была закрыта академия, поставлены под сомнение его повышения по службе и произошли волнения среди рабочих, получившие широкий отклик в правой прессе, Франко вряд ли мог относиться к республике иначе, как с подозрением и враждебностью. И неудивительно, что ему пришлось долго ждать, пока он получил новое назначение. Но зато это стало свидетельством его высоких профессиональных качеств и признания их Асаньей. Пятого февраля 1932 года его назначили командующим 15-й Галисийской пехотной бригадой (XV Brigada de Infanterfa Galicia) со штабом в Ла-Корунье, куда он и прибыл в конце месяца. Местная газета приветствовала его приезд под шапкой «Предводитель Легиона» и воздала хвалу не только его смелости и военному мастерству, но и «высоким достоинствам истинно благородного рыцаря». Франко снова взял Пакона в адъютанты. Он был рад оказаться в Ла-Корунье, рядом с матерью, которую навещал каждый выходной[58].

Уверенность Асаньи, что Франко теперь у него в долгу, основана на том, что назначение Франко спасло его от увольнения в запас по мартовскому декрету 1932 года, согласно которому все офицеры, не получившие должности свыше полугода, автоматически отправлялись в отставку. Для Франко этот срок должен был закончиться всего через несколько дней, и месяцы ожидания, конечно, стоили ему немалых нервов. Асанья намеренно держал Франко в подвешенном состоянии в назидание за прощальную речь в академии; ему также очень хотелось сбить спесь с этого солдата, любимчика монархии[59]. Предоставив

Франко должность в Ла-Корунье, Асанья, кажется, посчитал, что Франко сделал для себя выводы из полученного урока и его можно теперь использовать для укрепления нового режима. Зная хорошо Рамона Франко, Асанья, видно, судил о старшем брате по младшему. Если это действительно было так, то он недооценивал степень обиды Франко. Вместо того чтобы проникнуться благодарностью к военному министру, на что рассчитывал Асанья, Франко затаил на него злобу на всю жизнь.

Следующая их встреча состоялась через семь месяцев, а за это время произошел серьезный кризис в отношениях между гражданскими и военными. Кризис принял форму бунта военных и разразился в августе 1932 года, но его истоки брали начало в событиях конца 1931 года. Тогда во время всеобщей забастовки сельскохозяйственных рабочих области Эстремадура ее мирное течение было нарушено кровопролитием в результате действий гражданской гвардии. Инцидент произошел в городке Кастильбланко, который располагался в сердце засушливой местности, известной под названием Эстремадурской Сибири (Siberia extremena). Почти весь этот регион был поражен массовой безработицей. Накануне Нового года, 30-го и 31 декабря, рабочие Кастильбланко вышли на мирные демонстрации. Когда они уже собрались расходиться по домам, перепуганный алкальд велел четырем местным гражданским гвардейцам разогнать толпу. Произошла потасовка, гвардейцы открыли огонь, убив одного и ранив двух человек. В ответ демонстранты набросились на четверых гвардейцев с камнями и ножами. Все были убиты[60]. В правой прессе поднялась волна обвинений в адрес правительства республиканцев и социалистов, возглавляемого Асаньей, в том, что оно натравило рабочих на гражданскую гвардию. Командующий гражданской гвардией Санхурхо совершил поездку в Кастильбланко и возложил ответственность за вспышку насилия на крайне левую депутатку от провинции Бадахос Маргариту Нелкен. Проведя весьма примечательную параллель между рабочими и марокканцами, он заявил, что даже в Монте-Арруит он не видал таких зверств. Он также потребовал оправдания действий гражданской гвардии[61]. Эти события еще более укрепили убеждения военных, что республика олицетворяет беспорядок и анархию. Никакая другая проблема так ясно не указывала на социальную пропасть, которая разделила Испанию. Правые на все лады восхваляли гражданскую гвардию, считая ее хранительницей общественного порядка, левые же считали ее жестокой и безответственной оккупационной армией, стоящей на службе у правых.

Не успела страна пережить ужас Кастильбланко, как

случилась еще одна трагедия. В городке Арнедо провинции Логроньо в северной Кастилии было уволено несколько рабочих местной обувной фабрики за членство во Всеобщем союзе трудящихся, профсоюзной организации социалистической направленности. Во время митинга протеста гражданская гвардия без видимой причины открыла огонь, убив четырех женщин, ребенка и одного рабочего, а также ранив тридцать человек, из которых несколько человек позже умерли. В свете высказываний генерала Санхурхо после событий в Кастильбланко трудно было рассматривать инцидент иначе, как акт мести[62]. Асанья с неохотой подчинился давлению со стороны левой прессы и депутатов левого крыла кортесов и снял Санхурхо с поста командующего гражданской гвардией, переведя его на менее важную должность начальника карабинеров, или погранично-таможенной полиции[63]. Пятого февраля 1932 года среди назначений, в соответствии с одним из которых Франко направился в Галисию, был утвержден на пост главы гражданской гвардии генерал Мигель Кабанельяс6#.

Санхурхо гордился своей должностью командира гражданской гвардии и не хотел ее терять. Воспользовавшись кампанией, поднятой против него левыми, правая печать и сам он представили его смещение как возмутительную акцию и очередную уступку анархии. Многие консерваторы рассматривали Санхурхо в качестве возможного спасителя Испании и внушали ему идею встать во главе сил, готовых свергнуть республику. События в Кастильбланко и Арнедо в глазах крайне правых смыли с Санхурхо прошлый грех — отказ поддержать монархию в 1931 году. Теперь он представлялся наиболее вероятным гарантом закона и порядка, что на языке правых звучало как защита «нетленной сущности Испании». В 1932 году, когда через кортесы с большим трудом прошли законы об аграрной реформе и автономном статусе Каталонии, правые впали в ярость, увидев в законах покушение на право частной собственности и на единство нации. По всей Испании офицеры подписывали петиции в защиту Санхурхо. Но подписи Франко там не было. Санхурхо старательно подталкивали к совершению государственного переворота, и он начал подготовку заговора против республики.

Генерал Эмилио Баррера в феврале сообщил итальянскому послу Эрколе Ду-рини ди Монцо, что движение «против большевизма и за восстановление порядка» может рассчитывать на широкую поддержку военных, в том числе генералов Годеда и Санхурхо[65]. Леррус, который решительно выступал за уход с арены правительства левой коалиции — республиканцев и

социалистов — во главе с Асань-ей, поддерживал контакт с Санхурхо. Оба они были против участия социалистов в правительстве, и в их переговорах присутствовала тема переворота[66]. Любой заговор военных значительно выиграл бы, прими в нем участие Франко. Тот, однако, по своей природной осторожности, держался подальше от неподготовленных и сомнительных затей с заговорами. Санхурхо он не доверял и не видел причин рисковать всем и вся, если мог спокойно заниматься своей любимой работой и в рамках республики.

Франко очень не хотелось терять вновь обретенный комфорт. Хотя он и доказал, что может переносить любые физические лишения и работать в самых тяжелых условиях, но, если представлялась возможность, он не упускал случая пользоваться бытовыми удобствами. В период времени между Марокко и руководством Сарагосской академией у Франко была легкая служба, и он вовсе не пренебрегал светской жизнью. Теперь, в Ла-Корунье, он стал, по существу, военным губернатором, жил с шиком, в большом доме с прислугой в белых перчатках. В то время Ла-Корунья была красивым и спокойным городом, совсем не тем суматошным и безликим, каким она станет потом, в годы его диктатуры. Его обязанности оставляли ему достаточно времени для частых посещений местного яхт-клуба (Club Nautico) где он наконец смог хоть отчасти утолить детскую любовь к морским путешествиям. Именно там он встретился с Максимо Родригесом Боррелем, который после Гражданской войны станет его постоянным компаньоном по рыбалке и охоте. Макс Боррель был одним из очень немногих «штатских» друзей Франко и оставался им до своей кончины[67].

Хотя Франко и не хотел рисковать, принимая участие в сомнительных действиях Санхурхо, это вовсе не означало, что он был в восторге от политической ситуации в стране. Однако он был более осторожен, чем другие генералы, и не дал вовлечь себя в попытку переворота 10 августа 1932 года. Тем не менее он так долго был вместе с Санхурхо в Африке, что можно предполагать: он знал о готовящемся перевороте. Тринадцатого июля Санхурхо побывал в Ла-Корунье, проверяя части местных карабинеров, и обедал у Франко. По сведениям Пакона, Франко сказал Санхурхо, что не собирается участвовать ни в каких переворотах[68]. Один из заговорщиков, монархист Педро Сайнс Родригес, организовал еще одну, конспиративную встречу Франко и Санхурхо в пригородном мадридском ресторанчике. Франко выразил серьезные сомнения в успехе переворота и сказал, что он пока не решил, как поступит, хотя пообещал Санхурхо, что в любом случае не примет участия в действиях против Санхурхо на стороне правительства[69].

Позиция Франко выглядела слишком расплывчатой, чтобы Санхурхо мог рассчитывать на его поддержку. По сведениям майора Хуана Антонио Ансаль-до, авиатора, восторженного монархиста, заговорщика и верного приверженца Санхурхо, «участие Франко в перевороте 10 августа не вызывало сомнений», но «перед самым его началом Франко открыто отказался от всех обязательств и посоветовал некоторым офицерам последовать его примеру»[70]. Пожалуй, это слишком — полагать, что вначале Франко поддерживал заговор Санхурхо, а потом передумал. Просто свойственная Франко манера выражаться двусмысленно вполне могла привести Санхурхо и его коллег-заговорщиков к мысли, что участие Франко было делом само собой разумеющимся. Колебания его позиции — в ожидании, пока все прояснится, — вполне позволяют сделать такой вывод. Точно можно сказать одно: Франко ничего не докладывал своему руководству о подготовке заговора.

Последовавший отказ Франко участвовать в заговоре основывался прежде всего на его убеждении, что заговор подготовлен плохо, — об этом Франко говорил политическому деятелю правого толка Хосе Мариа Хилю Роблесу на обеде в доме их общего друга маркиза де ла Вега де Ансо[71]. Франко опасался, что провал путча «откроет ворота коммунизму»[72]. К тому же он с подозрением относился к связям Санхурхо с Леррусом. О причастности последнего к подготовке переворота можно судить по его речи в Сарагосе 10 июля 1932 года. Ставя себя в один ряд с заговорщиками, Леррус подталкивает правительство к более консервативному курсу, намекая на возможное военное вмешательство, если правительство не последует этому совету. Как всегда весьма циничный и угодничающий перед армией, Леррус заявил, что, приди он к власти, он снова открыл бы академию и поставил Франко ее начальником[73].

В конце июля Франко съездил в Мадрид — «выбирать лошадь»[74]. К его неудовольствию, поползли слухи, что Франко решил присоединиться к заговору. Когда его спрашивали — а это случалось нередко, — собирается ли он участвовать в перевороте, Франко отвечал, что, по его мнению, еще не пришло время для восстания, но он уважает мнение тех, кто считает иначе. Но его крайне огорчило, что некоторые высшие офицеры открыто говорят, будто Франко на их стороне. И Франко предупреждал таких, что, если они будут продолжать «распространять эту клевету», то он «предпримет энергичные меры». Как-то случайно он встретил Санхурхо, Годеда, Варелу и Миляна Астрая в военном министерстве. Варела спросил от имени Санхурхо, что тот хотел бы услышать мнение Франко о перевороте. Санхурхо сначала

отрицал сказанное Варелой, но потом согласился встретиться с Франко в присутствии Варелы. За обеденным столом Франко в категоричной форме заявил им, чтобы они не рассчитывали ни на какое его участие в военном мятеже. Весьма прозрачно напомнив Санхурхо его поведение в апреле 1931 года, Франко обосновал свое нежелание присоединиться к заговору тем, что республика образовалась после того, как военные отказались выступить на защиту монархии, а посему теперь нечего втягивать армию, чтобы с ее помощью поправить дела[75]. Возможно, именно об этой встрече вспоминал Санхурхо, отпуская едкое рифмованное замечание в адрес Франко летом 1933 года, когда оказался в тюрьме после провала переворота: «Франкито — это тварь, думающая только о себе» (Franquito es un cuquito que va a lo suyito)[76].

Переворот, организованный Санхурхо, отличался скверной подготовкой. В Мадриде его подавили легко. Кратковременный успех был достигнут в Севилье, но когда на город двинулась колонна правительственных войск, Санхурхо бежал[77]. Унижение армии и атмосфера народного ликования, какая наблюдалась только сразу после установления республики, не могли не убедить Франко в правильности его прогнозов о неизбежности провала восстания[78]. В мятеже не приняли участия городская полиция, части особого назначения (Guardia de Asalto) и гражданская гвардия, и это отчетливо показало, как важна роль этих формирований. Франко лишний раз убедился, что, если совершать государственный переворот, то эти подразделения надо иметь на своей стороне.

Асанья и прежде опасался, как бы Франко не оказался втянут в заговор против республики, и в ходе «санхурхады» (Sanjuijada) с трепетом ждал сообщения о его участии в этом деле. Однако когда Асанья позвонил 10 августа в Ла-Корунью, то с облегчением узнал, что Франко остался на своем посту. Любопытно, что Франко чудом оказался на месте. Дело в том, что почти накануне он попросил предоставить ему короткий отпуск, чтобы покатать жену и дочь по похожим на фьорды заливам Галисии, но ему отказали, поскольку его непосредственный начальник генерал-майор Феликс де Вера должен был отлучиться. Вот и получилось, что начавшийся путч Франко Встретил в роли исполняющего обязанности командующего войсками в Галисии[79].

Заговорщики, гражданские и военные, пришли к выводу, который Франко сделал для себя уже давно: если уж готовиться, то как следует. Крайне правая группа «Испанское действие» (Accion Espanola) и капитан генштаба Хорхе Витон в конце

сентября 1932 года сформировали монархический «заговорщический комитет», чтобы приступить к подготовке нового военного мятежа. Религиозное, моральное и политическое обоснование восстания против республики готовил журнал этой группы под тем же названием — «Аксьон Эспаньола», подписчиком которого с первого номера, вышедшего в декабре 1931 года, был Франко[80]. Штабом группировки стал дом Ансальдо в Биаррице*. Правые сторонники группы собрали значительные суммы денег на приобретение оружия и финансирование акций по дестабилизации обстановки. Одной из самых первых операций явилось создание подпольных ячеек в армии, и ответственность за это была возложена на подполковника Валентина Галарсу из генштаба[81]. Галарса принимал участие в «санхурхаде», но против него не нашли никаких улик.

•Биарриц — курортный городок во Франции на берегу Бискайского залива, примерно в 20 км от испанской границы. (Примеч. перев.)

Асанья писал в своем дневнике: «Я оставил без назначения и другого подполковника из генерального штаба — Галарсу, человека, близкого к Санхурхо и Годеду, который до установления республики был одним из самых назойливых (mangoneadores) людей в министерстве. Галарса — человек очень умный, способный и исполнительный, скользкий и послушный. Однако он определенно принадлежит к другой стороне. В деле ничего против него нет. Безусловно, это один из самых опасных людей»[82]. Все, что мог сделать Асанья, — это оставить его без назначения. Галарса принялся вербовать ключевых генералов, и Франко, с которым он успел подружиться, был одной из его главных целей[83].

Асанья, как представляется, полагал, что они с Франко разрешили все конфликты, раз тот во время «санхурхады» остался на своем посту, но, когда премьер-министр с 17-го по 22 сентября 1932 года находился с визитом в Ла-Корунье, Франко сделал все, чтобы разубедить премьер-министра в его заблуждении. Франко, согласно его воспоминаниям, был с премьер-министром предельно вежлив, но не более. Во время пребывания в Галисии Асанью встретили весьма восторженно, и он попытался наладить дружеские контакты с Франко, но тот не ответил ему взаимностью. Но если Франко и действительно пытался установить дистанцию между ними, то Асанья этого, кажется, не заметил[33].

На избирательность воспоминаний Франко, вероятно, наложило отпечаток его желание вычеркнуть из памяти то

неприятное время, когда он был подчиненным Асаньи. Поистине в те времена Франко был предельно осторожен[85]. Когда Санхурхо попросил Франко выступить на суде в его защиту, тот отказался. Холодное отношение Франко к бывшему командиру выразилось в его ответе: «Я мог бы, конечно, выступить в вашу защиту, но безо всякой надежды на успех. Я по чести думаю, что вы, восстав и потерпев поражение, заслужили право умереть»[86]. Франко не дал себя вовлечь и в заговорщическую деятельность «Испанского военного союза», подпольной организации офицеров-монархистов, которую основали подполковник Эмилио Родригес Тардучи (Tarduchy), близкий друг Санхурхо, и капитан Бартоломе Барба Эрнандес, офицер генштаба. Организация сформировалась к концу 1933 года и через Галарсу была связана с деятельностью группы Ансальдо и Вигона[87].

Двадцать восьмого января 1933 года были объявлены результаты деятельности комиссии по проверке повышений. Присвоение Франко звания полковника было признано неправомерным, а генерала — заслуженным. У Годеда оба повышения в звании были аннулированы. Однако обоих не вернули в прежние звания, а просто заморозили на их позициях в табели о рангах. Теперь они должны были пропустить вперед тех, кого незаконно обошли. Так, Франко сохранил свое звание, но в списке из 36 бригадных генералов переместился с 1-го места на 24-е. Как и большинство его товарищей, Франко затаил злобу на тех, кто, как он считал, незаслуженно унизил его и заставил два года мучиться в неопределенности[88]. Спустя годы он писал о том, что у него украли повышения (despojo de ascensos) и вся затея была несправедливой[89].

В феврале 1933 года Асанья назначил Франко командующим гарнизоном Балеарских островов, «где он будет подальше от соблазнов»[90]. Это была гене-рал-майорская должность. Назначение явилось составной частью плана Асаньи по вовлечению Франко в сферу влияния республиканцев, а с другой стороны, его можно считать и наградой за пассивность во время «санхурхады». Но на фоне милостей, которыми он был осыпан при короле и Примо де Ривере, для Франко такой «подарок» выглядел мелочью. В своих набросках к мемуарам Франко писал, что это была слишком низкая должность для его положения в военной табели о рангах (postergacidn)[91]. Прошло более двух недель, а он все тянул с положенным после назначения визитом к военному министру и докладом о своих планах. Лидер социалистов Франсиско Ларго Кабальеро сказал Асанье, что, по слухам, Франко вовсе не собирается идти с визитом к министру[92]. В конце концов 1 марта, оказавшись на пару дней в Мадриде, он

зашел попрощаться с Асаньей, продолжавшим удерживать за собой военное министерство. Это промедление явилось со стороны Франко тщательно продуманным актом демонстрации неуважения. Асанья считал, что Франко по-прежнему возмущен отменой одного из его повышений в звании, но об этом вопрос не возникал, они попросту поговорили о положении на Балеарских островах[93]. Новый командующий прибыл в Пальма-де-Мальорку 16 марта 1933 года и перед лицом нарастающих амбиций Муссолини в Средиземноморье и усилившейся в связи с этим напряженности в регионе решил посвятить свое время укреплению обороноспособности островов.

В 1933 году правительство Асаньи переживало нелегкие времена. К началу сентября коалиция республиканцев и социалистов стала давать трещины. Правые успешно заблокировали проведение реформ, и это подорвало веру социалистов в левых республиканцев Асаньи. 10 сентября скатывающийся на все более консервативные позиции и домогающийся власти Леррус начинает сколачивать кабинет из республиканцев разных направлений. В газете «А-бэ-сэ» писали, что он предложил Франко пост военного министра или замминистра. Хотя Франко и приезжал с Балеарских островов в Мадрид на переговоры с лидером радикалов, в конечном счете он отверг предложение[94]. Это был пост, о котором Франко мог только мечтать, но кабинет Лерруса, пришедший к власти 12 сентября, не имел перспективы и должен был уйти через пару месяцев, поскольку не располагал парламентским большинством. Убежденные, что реформы можно провести в жизнь, только сформировав собственное правительство, социалисты отказались от коалиции с Асаньей, и в политических кругах стали считать, что скоро президент Алкала Самора будет вынужден объявить о проведении выборов. В создавшихся условиях Франко не получил бы возможности осуществить на посту министра те преобразования, которые считал необходимыми..

В период подготовки к ноябрьским парламентским выборам 1933 года, на которых социалисты могли победить и сформировать затем правительство радикальных реформ, Франко, хотя и загруженный делами на Балеарах, не мог избавиться от пессимистичных мыслей относительно перспектив, открывающихся перед вооруженными силами. Он поговаривал с друзьями об отставке и переходе в политику. Согласно Аррарасу, слухи об этом достигли правых кругов Мадрида, и оттуда в Пальму прибыл посланец набиравшей тогда силу католической партии авторитарного склада — Испанской конфедерации автономных правых (Confederacion Espanola de Derechas

Autonomas), или сокращенно СЭДА. Эмиссар будто бы предложил Франко включить его в мадридский список партии и в один из провинциальных списков, чтобы наверняка обеспечить ему избрание. Франко однозначно отверг это предложение[95]. Но на выборах он голосовал за СЭДА[96]. Левые оказались расколоты, анархисты бойкотировали выборы, а радикалы и СЭДА в ряде мест заключили союз, что и обеспечило этим партиям победу. Радикалы получили 104 места в парламенте, СЭДА — 115, а социалисты и левые республиканцы соответственно 58 и 38. Во время последующего правления коалиции радикалов, все более разъедаемых коррупцией, и СЭДА Франко начнет выходить из опалы, которой он считал свою комфортабельную ссылку на Балеары, и все более привлекать внимание политических сил, пришедших к власти.

Глава 4 ПРИ ВЛАСТИ

Франко и Вторая республика, —1936годы

Наступил период правления коалиции центристов и правых, который испанские левые нарекли «черным двухлетием»; для Франко после двух лет прозябания выглянуло солнце. После жестоких, на его взгляд, притеснений со стороны Асаньи сорокадвухлетний генерал вновь стал объектом пристального внимания, какого он не ощущал со времен диктатуры. Причины этого были очевидны. Он являлся наиболее прославленным молодым генералом с правыми взглядами, к тому же не был запятнан коллаборационизмом с республикой. Свалившиеся на него теперь блага и почести, часто намеренно преувеличенные, совпали с резкой поляризацией политической жизни Испании.

В своей победе на ноябрьских выборах 1933 года правые увидели шанс перевести назад стрелки часов истории и свести на нет реформы, предпринятые коалиционным правительством республиканцев и социалистов. Экономический кризис углублялся, на семь занятых приходился один безработный — на юге это соотношение составляло четыре к одному, — а правительства одно за другим занимались ревизией реформ. Такая политика не могла не породить у трудящихся масс города и деревни чувства безысходности, чреватого вооруженными выступлениями. Работодатели и землевладельцы отпраздновали победу на выборах снижением зарплаты, массовыми увольнениями членов профсоюзов, повышением квартирной платы. На трудовое законодательство, принятое при предыдущих правительствах, попросту не обращали внимания.

Рядовые социалисты тяжело переживали поражение на выборах, среди них усиливалось возмущение грубейшим произволом предпринимателей, и в этой обстановке лидеры социалистов прибегли к тактике революционной фразы в тщетной надежде припугнуть правых и заставить их отказаться от наступления на права трудящихся, а также оказать давление на президента республики Ни-сето Алкала Самору, с тем чтобы тот назначил досрочные выборы. В конечном итоге это только укрепило правых, и особенно высшее армейское руководство, во мнении, что левой угрозе можно противостоять только с помощью сильных авторитарных мер.

Несмотря на то, что католическая СЭДА оказалась крупнейшей партией в кортесах, Алкала Самора поручил формировать правительство не ее лидеру Хосе Мариа Хилю

Роблесу. Президент подозревал исключительно умного и энергичного Хиля Роблеса в намерении создать авторитарное корпоративное государство и обратился к циничному и продажному Алехандро Jlеррусу, лидеру радикалов, второй по представительству в парламенте партии, становившейся все более консервативной. Однако жаждавшие власти радикалы Jlерруса всецело зависели от голосов СЭДА и стали марионетками Хиля Роблеса. В обмен на поддержку жесткой социальной политики, которой требовали богатые сторонники СЭДА, кабинет был отдан «на разграбление» радикалам. Социалисты возмущались коррупцией радикалов, но первыми выступили не они, а сторонники анархистов. С безответственной наивностью на 8 декабря 1933 года было назначено восстание. Однако правительство было предупреждено о планах анархо-синдикалистов и быстро ввело в стране «тревожное положение» (estado de alarma), предтечу военного положения (estado de guerra). Лидеров анархистских организаций НКТ и ФАИ (Federacidn Anarquista Ibėrica) арестовали, ввели цензуру в печати, закрыли профсоюзные центры.

В традиционно анархистских регионах — Арагоне, Риохе, Каталонии, Леванте, некоторых частях Андалусии и Галисии — прошли спорадические забастовки, были спущены с рельсов несколько поездов, совершены нападения на посты гражданской гвардии. После отдельных стычек с гражданской гвардией и частями особого назначения скоро были подавлены революционные выступления в Мадриде, Барселоне и центрах провинций Андалусия, Аликанте и Валенсия. В Арагоне же и в столице этой провинции Сарагосе восстание увенчалось некоторым успехом. Рабочие-анархисты возводили баррикады, нападали на государственные здания, вступали в вооруженные стычки с силами правопорядка. Правительство направило в провинцию несколько рот солдат, и подавление восстания с помощью танков заняло четыре дня[1]. После восстания многие наиболее правые офицеры окрепли в своем убеждении, что каким бы консервативным ни было правительство, с республикой надо кончать[2].

Проблемы с подавлением восстания привели 23 января 1933 года к отставке министра внутренних дел Мануэля Рико Авельо, который собрал вещи и перебрался в Марокко верховным комиссаром. На его место пришел Диего Мартинес Баррио, военный министр, который, в свою очередь, был заменен приятелем Jlерруса, консервативным депутатом радикальной партии Диего Идальго, который понимал больше в сельском хозяйстве, чем в военных вопросах[34]. Однако он с подкупающей

непосредственностью признавался в недостатке у него военных знаний и в необходимости советов со стороны профессионалов[3]. Он приобрел симпатии военных тем, что смягчил последствия некоторых мер Асаньи и вовсе отменил другие[4]. Новый министр не провел в должности и недели, а Франко уже познакомился с ним, будучи в начале февраля 1934 года в Мадриде. Молодой генерал явно произвел впечатление на Идальго, и в конце марта 1934 года министр представил кабинету предложение о присвоении Франко звания генерал-майора (General de Division), которое было одобрено. Франко снова стал самым молодым в Испании генералом[5]. Идальго, рассчитывавший на благодарность со стороны Франко, был неприятно поражен, получив от того лишь сдержанную телеграмму. Позже, вспоминая об этом, Идальго писал: «Я никогда не видел его ни радостным, ни подавленным»[6].

Отношения между Франко и Идальго окрепли в июне во время четырехдневного визита министра на Балеарские острова, где Франко продолжал оставаться командующим. На Идальго произвели впечатление высокая работоспособность генерала, его внимание к мелочам, хладнокровие при решении различных проблем. Один инцидент навсегда врезался ему в память. У министра была привычка при посещении гарнизонов просить командира освободить какого-нибудь проштрафившегося военнослужащего из-под ареста. Во время визита на Балеары там под арестом находился только один офицер. Франко отказался выпустить его, сказав: «Если министр мне приказывает, я сделаю это, но если он только просит — нет». Когда Идальго спросил, что за ужасное преступление совершил арестованный, Франко ответил: «Наихудшее, которое может совершить офицер, — ударил солдата». Весьма примечательно, что это сказал человек, который в свое время велел расстрелять солдата за демонстративный отказ от пищи. На самом деле оба инцидента указывают на-его приверженность воинской дисциплине. Франко произвел такое впечатление на Идальго, что министр, вопреки протоколу, пригласил его перед отъездом из Пальма-де-Мальорки составить ему компанию на горных учениях в провинции Леон[7].

В 1934 году Франко стал фаворитом радикалов, а когда политическая обстановка стала накаляться, то на него сделало ставку и агрессивное правое крыло СЭДА. Внимание со стороны Идальго разительно контрастировало с отношением, которое Франко испытал к себе со стороны Асаньи. Более того; поскольку правительство радикалов, опиравшееся в кортесах на поддержку СЭДА, проводило консервативную политику в социальной области и разгоняло один профсоюз за другим, республиканский

режим начал принимать в глазах Франко более-менее приемлемые формы. Многим консерваторам ситуация в Испании перестала казаться катастрофической, перестали быть актуальными и их рецепты решения проблем. Но крайне правые не унимались и продолжали готовиться к насильственным методам борьбы. Наиболее воинственным формированием ультраправых были карлисты из организации «Традиционалистское братство», раскольнической группировки роялистов, которая отвергала либеральную ересь конституционных монархистов и выступала за теократическое государство под властью воителей-священников. Карлисты накапливали оружие, укреплялись на севере. Весной 1934 года Фал Конде, секретарь движения, вербовал добровольцев в Андалусии. Карлисты вместе с фашистской Испанской фалангой (Falange Espanola) и влиятельным движением «альфонсистов» — приверженцев Альфонса XIII и генерала Примо де Риверы — составили своеобразное крыло правых «катастрофистов». Они назывались так потому, что ставили своей целью разрушить республику путем какого-нибудь катаклизма, а не в рамках закона, за что выступала партия СЭДА. Их планы осуществятся летом 1936 года.

Тридцать первого марта 1934 года два представителя карл истов вместе с лидером альфонсистской монархической партии Испанское обновление (Renovation Espanola) Антонио Гойкоэчеа и генералом Баррерой посетили Рим и встретились с Муссолини. Там они подписали документы, по которым им на проведение восстания были обещаны деньги и оружие[8]. В мае 1934 года харизматический лидер монархистов Хосе Кальво Сотело получил амнистию и после трех лет изгнания в результате кампании «дела об ответственности» вернулся в Испанию. С этого момента ультраправая пресса, продолжая критиковать Хиля Роблеса за недостаточную твердость, заговорила о необходимости «завоевать государство».

Хотя осторожный Франко дистанцировался от генералов, участвовавших в монархических заговорах, он разделял в определенной мере их взгляды. В области политических, социальных и экономических идей он находился по-прежнему под влиянием журнала «Антан интернасьональ», который он получал из Женевы. Весной 1934 года он подписался еще на один экземпляр, за собственные деньги и отправил 16 мая в Женеву письмо, где благодарил авторов «за осуществляемую ими большую работу по защите от коммунизма» и выражал желание содействовать «в собственной стране этому великому делу»[9]. Редакция журнала была ультраправой организацией, которая к

этому времени установила контакты с «Антикоминтерном» д-ра Геббельса, мастерски подбирала влиятельных людей, убежденных в необходимости применения силовых методов в борьбе с коммунизмом, устанавливала с ними контакты и снабжала сообщениями о предстоящем наступлении коммунистов. Обилие прошедших в 1934 году стачек, рассмотренных через призму публикаций в журнале, убедили Франко в том, что наступление коммунистов на Испанию уже началось[10].

Если Франко вел себя осмотрительно даже в отношении крайне правых монархических заговорщиков, то еще меньше ему хотелось иметь дело с нарождавшимися фашистскими группировками. Молодежное движение Хиля Роблеса — Молодежь Народного действия (Juventud de Accion Popular), или сокращенно ХАП проводило митинги фашистского типа, на которых Хиля Роблеса приветствовали криками «Хефе! Хефе! Хефе!» (Jefe — шеф, вождь — испанский эквивалент итальянского «дуче»), надеясь, что он может начать поход на Мадрид и захватить власть. Однако правые «катастрофисты» не принимали всерьез движение ХАП. Надежды монархистов были скорее связаны с откровенно фашистской Фалангой, во главе которой стоял Хосе Антонио Примо де Ривера. Ее рассматривали в качестве возможной базы для формирования ударных отрядов. Землевладелец с юга, аристократ, человек верхушки социальной пирамиды и, главное, сын покойного диктатора, Хосе Антонио Примо де Ривера являлся для правящих классов гарантией того, что испанский фашизм не выйдет из-под их контроля, как это случилось в Германии и Италии. До 1936 года Фаланга оставалась маловлиятельной организацией, способной разве что на акты вандализма, проводимые с целью нагнетания напряженности, но в конце концов приведшей к Гражданской войне. Хосе Антонио являлся близким другом Рамона Серрано Суньера, свояка Франко, но, несмотря на все попытки Серрано сблизить их с Франко, осторожный генерал и экспансивный плейбой так никогда и не станут друзьями.

В первой половине 1934 года Франко проявлял минимальный интерес к политике. В конце февраля его мать Пилар Баамонде де Франко решила совершить паломничество в Рим. Франко поехал в Мадрид, чтобы проводить ее до Валенсии и посадить на судно в Италию. Но, оказавшись в столице, она заболела воспалением легких. Проболев около десяти дней, она скончалась 28 февраля, в возрасте 66 лет. Все, кто был рядом с ним в то время, единодушно утверждают, что эта потеря крайне глубоко подействовала на Франсиско, хотя последние двадцать семь лет он и не жил рядом с матерью. Но до последних ее дней он

боготворил мать[11].

Вне семьи он не показывал, как на него подействовала утрата. После смерти матери он снял в Мадриде просторные апартаменты, где они с женой регулярно принимали генералов, известных правых политиков и представителей овьедской знати, когда те находились проездом в столице. Наиболее привычным видом отдыха для Франсиско и Кармен были посещения кинотеатров и «блошиного рынка» (Rastro) в поисках предметов старины. Их часто сопровождала его любимая племянница Пилар Хараис Франко[12].

В то время как Франко занимался семьей и служебными делами, политическая температура в Испании поднималась. Левые весьма болезненно воспринимали усиление фашизма и были полны решимости не повторить участи своих итальянских, германских и австрийских единомышленников. Подстрекаемый Хилем Роблесом, министр внутренних дел радикал Рафаэль Саласар (Salazar) Алонсо старался вытеснить социалистов из местных органов исполнительной власти и провоцировал профсоюзы на самоубийственные забастовки. Линия на ликвидацию даже тех небольших достижений, которых добилась в 1931— 1933 годах коалиция республиканцев и социалистов, привела к тому, что 23 апреля была объявлена амнистия лицам, обвиненным р преступлениях диктатуры, — таким, как Кальво Сотело и участники мятежа 10 августа 1932 года, включая самого Санхурхо. Леррус подал в отставку в знак протеста против того, что Алкала Самора заколебался, прежде чем подписать закон об амнистии. Пока Леррус пытался руководить из-за кулис, один из его помощников, Рикардо Сампер, стал премьер-министром. Социалисты и республиканцы расценили этот шаг как сигнал армии действовать, если только ей перестанет нравиться политическая ситуация[13]. Левые и до того с подозрением относились к зависимости радикалов от голосов СЭДА, поскольку монархист Хиль Роблес отказался подтвердить свою лояльность республике.

В течение всего 1934 года политическая напряженность нарастала. Сменявшие друг друга кабинеты радикалов не могли рассеять подозрений, что являются просто-напросто троянскими конями Хиля Роблеса. То и дело угрожая отказать радикалам в поддержке, Хиль Роблес вызвал серию правительственных кризисов, в результате чего радикальный кабинет приобретал все более заметную правую окраску. Каждый раз все новые либерально настроенные члены партии Лерруса вынуждены были покидать свои посты в правительстве, которое все более и более зависело от прихоти СЭДА. Саласар Алонсо весной и летом 1934

года спровоцировал забастовки, а затем нанес удары по самым сильным профсоюзам. Правительство расширяло фронт наступления на наиболее преданных республике сторонников, а затем повело атаки на басков и еще более решительно — на каталонцев.

Каталонское региональное правительство, или «Женералитат» (Generalitat), находилось под влиянием левой Республиканской партии (Esquerra) во главе с Луисом Компанисом (Companys). В апреле Компанис провел Закон об аграрной реформе (Ley de Cultivos), призванный защитить арендаторов от произвола землевладельцев. Хотя Мадрид объявил реформу неконституционной, Компанис пошел дальше и ратифицировал закон. Тогда же правительство начало посягать на налоговые привилегии басков, а чтобы не допустить выражений протеста населением, запретило баскам проводить муниципальные выборы. Этот диктат центральной власти еще более укрепил опасения левых по сползанию республики вправо. Беспокойство возросло еще больше после того, как Саласар Алонсо спровоцировал и подавил крупную забастовку общенационального масштаба, организованную летом социалистическим профсоюзом сельскохозяйственных рабочих. Были произведены сотни арестов профсоюзных вожаков, а тысячи крестьян были депортированы: людьми набивали грузовики, отвозили их за сотни километров и бросали, предоставляя добираться домой как придется, без еды и без денег. А на уборке урожая использовали военнослужащих. Закрывались ассоциации рабочих, в городские советы вместо выбранных левых представителей в нарушение законов вводили назначенцев правительства. В испанской провинции часы истории показывали на двадцатые годы[14].

Политика реванша, проводимая правительствами радикалов и вдохновляемая партией СЭДА, расколола Испанию. Левые усматривали признаки фашизма в любой акции правых, а правым, как и многим офицерам, чудился запах коммунистической революции в каждой демонстрации или забастовке. Социалистическая и фалангисгская молодежь устраивали перестрелки на улицах городов. Наступление правительства на региональную автономию и все более вызывающее поведение СЭДА вынуждали часть социалистов связывать свои надежды с революционным восстанием, которое должно было предотвратить неотвратимо приближающуюся гибель республики. В то же время правые считали, что если социалистов спровоцировать на восстание, то появится хороший предлог разделаться с ними окончательно.

Молодежное движение ХАП Хиля Роблеса провело 9 сентября митинг в Ко-вадонге, в Астурии, где в 732 году произошла битва, считающаяся отправной точкой долгой Реконкисты — войны по «отвоеванию» Испании у мавров. Символическая аналогия между устремлениями правых и традиционными испанскими ценностями, а также проведение параллели между рабочим классом и арабскими завоевателями были хитроумной уловкой, имевшей целью привлечь на свою сторону симпатии военных. Этот спектакль был репетицией другого — франкистской интерпретации Реконкисты после 1936 года, в которой сам Франко исполнял роль средневекового короля-воителя. На митинге с воинственной речью выступил Хиль Роблес. Он говорил о необходимости сокрушить «сепаратистский бунт» каталонских и баскских националистов[15]. Прожженный политик с хорошим стратегическим чутьем, Хиль Роблес знал, что левые считают его фашистом и решительно настроены не допустить прихода СЭДА к власти. И он специально подталкивал СЭДА к вхождению в правительство, чтобы спровоцировать социалистов на выступление. Так оно и случилось. Министры СЭДА вошли в кабинет, и в Астурии произошли волнения, подавленные армией[16]. Хиль Роблес потом скажет: «Я сказал себе: «Я могу дать Испании три месяца видимого спокойствия, если не войду в правительство. Но если войду в него, разразится революция. Так пусть разражается, пока она не подготовлена, пока она нас не затопила. Вот что сделало Народное действие: подтолкнуло выступление, вышло ему навстречу: действуя из правительства, безжалостно подавило революцию»[17].

В сентябре Франко покинул Балеарские острова и по приглашения Диего Идальго отправился в качестве технического советника министра на маневры в Леон. Маневры состоялись в конце месяца, и командовал ими генерал Эдуардо Лопес Очоа. Так как Лопес Очоа находился в оппозиции Примо де Ривере и был замешан в военном мятеже декабря 1930 года, Франко относился к нему более чем холодно. Вполне вероятно, что задуманные в конце весны широкомасштабные маневры были частью далеко идущих планов Саласара Алонсо, Идальго и Хиля Роблеса по разгрому левых. Маневры проходили недалеко от Астурии и на такой же примерно местности. Астурия же была оплотом левых сил, где они собирались дать последний бой с целью помешать приходу СЭДА к власти[18]. В ретроспективе представляется больше чем совпадением тот факт, что военный министр пригласил Франко в качестве личного советника на учения, а потом поручил ему подавить революционную стачку.

Неясно, зачем министру понадобился «личный технический

советник», если у него под началом были Лопес Очоа и другие высшие офицеры, включая начальника генерального штаба. С другой стороны, если его главной заботой было использовать армию для разгрома левых сил, то на роль советника в этом вопросе Франко действительно больше подходил, чем Лопес Очоа или генерал Карлос Маскелет, начальник генштаба. Первый биограф Франко, Хоакин Аррарас, утверждал, что, когда Идальго приглашал Франко приехать с Балеар на материк, «истинным намерением Идальго было обеспечить присутствие Франко в Мадриде на его стороне, если настанут опасные дни»[19]. Не подлежит сомнению, что Идальго знал о возможности восстания. В конце августа он поручил генералу Фанхулу расследовать случаи пропажи стрелкового оружия с государственных заводов[20]. Потом, в начале сентября, когда некоторые члены кабинета склонялись к отмене упомянутых маневров, Идальго настоял на их проведении, как было запланировано, именно в связи с нависшей левой угрозой. За три дня до начала маневров он приказал 3 полку, расквартированному в Овьедо, не покидать астурийской столицы, потому что ожидались революционные выступления[21]. Более того, потрясающая оперативность, с которой части Легиона будут потом переброшены из Африки в Астурию и поступят в распоряжение Франко, показывает, что все готовилось заблаговременно.

На правом фланге испанской политической жизни часто обсуждался вопрос о готовности армии выступить против левых, если теми будут предприняты какие-то шаги. Саласар Алонсо говорил об этом и на заседаниях кабинета, и в интервью. Секретные контакты того времени между СЭДА и высшими военными руководителями вселяли в политиков убежденность, что армия уверена в своих силах и способности сокрушить восстание левых, спровоцированное вхождением СЭДА в правительство[22]. Интересно, что во время маневров Хосе Антонио Примо де Ривера сделал попытку установить более тесные отношения с Франко. Чувствуя приближение решающих событий и предвидя, что Франко будет играть в них далеко не последнюю роль, глава Фаланги направил генералу паническое письмо[35], в котором утверждал, что социалисты вот-вот победят и их приход будет равнозначен «иностранному вторжению», поскольку Франция воспользуется случаем и аннексирует Каталонию. Весьма показательно, насколько в то время Франко был уверен в Диего Идальго: он прочел письмо Хосе Антонио без всякого интереса и даже не потрудился ответить ему[23].

Тем не менее скоро Франко окажется втянутым в центр политической круговерти. 26 сентября Хиль Роблес сделал свой

ход, объявив, что СЭДА больше не может поддерживать правительство меньшинства. Как и положено в таких случаях, Леррус сформировал новый кабинет, в который включил трех министров партии СЭДА. Недовольство проявили даже консервативные республиканцы. ВСТ призвал ко всеобщей забастовке. На большей части Испании оперативные действия властей, объявивших чрезвычайное положение и арестовавших замешкавшихся социалистических лидеров, позволили сорвать забастовку[24]. В Барселоне события развивались более драматично. Подталкиваемый националистами и обеспокоенный событиями в Мадриде, Компанис в знак протеста против предательства интересов республики объявил о создании независимого каталонского государства «в рамках Федеративной Республики Испании». Это заявление относилось к чистой риторике, поскольку региональное правительство, или «Женералитат», было обречено после того, как Компанис отказался вооружить рабочих. Тщетную попытку встать на защиту эфемерной «Каталонской республики» предприняла группа офицеров местных служб безопасности, но их сопротивление было скоро подавлено[25]. Единственным местом, где левым удалось продержаться, оказалась Астурия. Там в низах спонтанно возникли революционные комитеты, и под их воздействием социалистические лидеры были вынуждены принять участие в совместных действиях ВСТ, НКТ и, с некоторым опозданием, коммунистов, объединившихся в Рабочий альянс (Alianza Obrera)[26].

Во время сентябрьских маневров Франко испросил у министра разрешение, прежде чем вернуться на Балеарские острова, съездить в Овьедо по семейным делам — он собирался продать там кое-какую землю, принадлежавшую его жене. Однако он не успел выехать из Мадрида, потому что в Астурии разразилась забастовка. Диего Идальго решил, что Франко останется в министерстве в качестве его личного советника[27]. Ситуация все ухудшалась, и 5 октября гражданский губернатор Астурии передал управление регионом военному коменданту

Овьедо полковнику Альфредо Наварро, который тут же ввел военное положение. Во время напряженного заседания кабинета 6 октября, на котором председательствовал президент Алкала Самора, было решено поставить генерала Лопеса Очоа во главе войск, посланных на подавление революционных выступлений астурийских горняков. Назначение Лопеса Очоа объяснялось тем, что он выполнял обязанности генерального инспектора армии в этом регионе и пользовался репутацией верного республиканца. Лопес Очоа потом поведал социалисту Хуан-Симеону Видарте,

что Алкала Самора попросил его взять на себя эту миссию именно потому, что надеялся таким образом обойтись малой кровью. В результате у президента возникли серьезные трения с Идальго, Саласаром Алонсо и тремя новыми министрами от СЭДА, за которыми стоял Хиль Роблес, выступавший за посылку в Астурию Франко. Они пытались добыть для Франко пост начальника генерального штаба, который тогда занимал либерал Маскелета, друг Асаньи, но безуспешно[28].

Хотя предложение поставить Франко во главе войск в Астурии официально было отвергнуто Алкала Саморой, неофициально Диего Идальго возложил на Франко ответственность за операцию. Франко выпал шанс почувствовать дурманящий вкус политической власти. Министр использовал своего «советника» и как теневого начальника генерального штаба, послушно подписывая все приказы, которые готовил Франко[29]. Неофициальные полномочия Франко распространялись на более широкие сферы, чем могло показаться. По Декрету о военном положении обязанности по надзору за соблюдением законов и порядка, в обычной обстановке относившиеся к функциям министерства внутренних дел, передавались военным. Всецело положившись на Франко, Идальго практически передал ему контроль над обоими министерствами[30]. Желание военного министра держать Франко при себе в Мадриде вполне понятно. Он преклонялся перед Франко, а Франко хорошо знал Астурию — ее географию, коммуникации, дислокацию войск. Франко служил в Астурии и принимал участие в подавлении всеобщей забастовки еще в 1917 году, а после женитьбы на Кармен регулярно бывал там. Но жестокость, с которой Франко осуществлял репрессии в Астурии, наложила особый отпечаток на развитие событий в этой исторической области, чего могло бы не быть, если бы ситуацию контролировали официальные лица министерства.

Мысль о том, что подавлением забастовок должен заниматься военный, принадлежала, естественно, Франко. Она была развитием тех основополагающих идей о роли военных в политике, которые он впитал еще в годы обучения в Толедской академии. Это был шаг к «золотым» годам диктатуры генерала Примо де Риверы, и Франко воспринимал как должное признание его способностей и положения. Астурийский опыт оказал сильнейшее воздействие на формирование его убежденности в своем мессианском предназначении, в том, что он рожден управлять. После победы Народного фронта в феврале 1936 года, он на время вынужден был отказаться от подобных методов* но вновь принял их на вооружение в ходе Гражданской войны.

Решение Идальго прибегнуть к услугам Франко объяснялось

также недоверием — не без влияния Хиля Роблеса — к генералу Маскелету и другим либеральным офицерам в военном министерстве, которые составляли ближайшее окружение Асаньи[31]. В то время необычное положение Франко вызвало критику со стороны заместителя военного министра, генерала Луиса Кастельо (Castello)[32]. Желание Франко принять участие в событиях в Астурии объяснялось его убеждением, навеянным женевским «Антан интернасьональ», что восстание рабочих «специально подготовлено агентами Москвы» и что социалисты «думают, что благодаря опыту и техническому руководству коммунистов они смогут установить диктатуру»[33]. Такое убеждение, несомненно, значительно облегчило ему принятие решения использовать войска против гражданского населения Испании, как если бы это был внешний враг.

В комнате телеграфной связи военного министерства Франко расположил свое небольшое подразделение, в которое входили он сам, его кузен Пакон и два морских офицера — капитан 1 ранга Франсиско Морено Фернандес и капитан-лейтенант Пабло Руис Марсет. Не имея официального статуса, они работали в гражданской одежде. В течение двух недель они управляли передвижением войск, кораблей и поездов, участвовавших в операции по подавлению восстания. Франко даже руководил обстрелами побережья военными кораблями, используя телефон в Мадриде для связи между крейсером «Либертад» и сухопутными силами в Хихоне[34]. Не обремененный гуманностью, которая удержала бы других, более либеральных военных руководителей, от использования всей мощи вооруженных сил против гражданского населения, Франко решал проблемы с ледяной жестокостью.

Идеалом правых, который вдохновлял и Франко, являлась Реконкиста — освобождение Испании от мавров. Сомневаясь в готовности рекрутов из рабочего класса стрелять по восставшим и не желая распространения революции по всей материковой части страны в результате ослабления гарнизонов, Франко перебросил в Астурию — единственную область Испании, над которой никогда не развевался флаг с полумесяцем, — марокканских наемников. Бросая против рабочих марокканцев, он не испытывал никаких угрызений совести, поскольку видел в рабочих массах те же рифские племена, с которыми сражался в Марокко. «Эта война — война пограничная, — говорил он журналистам, — и фронты ее — социализм, коммунизм и все другие формы атак на цивилизацию с целью заменить ее варварством»[35]. Две «бандеры» Легиона и два «табора» «регуларес» были переброшены в Астурию с необычной для испанской армии оперативностью.

Когда стало известно, что один из офицеров африканских частей, подполковник Мигель Лопес Браво, выразил сомнения в правомерности обстрелов гражданского населения, Франко порекомендовал немедленно сместить его с должности. Все африканские части он поставил под контроль своего однокурсника по Толедо и близкого друга полковника Хуана Ягуэ. Он также приказал сместить с поста командира военно-воздушной базы в Леоне своего кузена и друга детства майора Рикардо де ла Пуэнте Баамонде, так как заподозрил его в симпатиях к астурийским горнякам, поскольку тот приказывает своим пилотам не стрелять по стачечникам в Овьедо. И почти тут же Франко приказал провести бомбардировки с воздуха и артобстрелы рабочих кварталов горняцких городов. Некоторые либеральные генералы сочли эти приказы излишне жестокими[36].

Потери среди женщин и детей и зверства, совершаемые марокканскими частями под командованием Ягуэ, значительно подорвали моральный дух по существу безоружных революционеров. Ягуэ послал своего гонца к Франко и Хилю Роблесу в Мадрид, с жалобой на гуманное отношение Лопеса Очоа к горнякам. Лопес Очоа заключил соглашение с лидером горняков Белармино Томасом об организованной и бескровной капитуляции горняков, чем также уронил себя в глазах Франко[37]. И напротив, в течение всей операции, сопровождавшейся жестокостями военных из африканских частей, Франко демонстрировал полное доверие к Ягуэ. Когда Хихон и Овьедо вновь оказались в руках правительственных войск, там бьши произведены скорые суды и расправы над рабочими[38].

Но на этом Франко не остановился. Горняки сдались, но Идальго и Франко не считали, что все задачи решены, пока не арестованы и не наказаны все организаторы забастовки. Идальго «получил совет» — предположительно от

Франко, — после чего развернулись полицейские операции под руководством печально знаменитого майора гражданской гвардии Лисардо Довала, который 1 ноября был назначен «представителем военного министерства по вопросам поддержания общественного порядка в провинциях Астурия и Леон». Довал считался экспертом по проблемам подрывной деятельности. Его слава крестоносца — борца против левых сил — создала ему популярность в высших и средних слоях общества провинции. Ему были предоставлены особые полномочия, позволявшие ему действовать бесконтрольно и подминать любые законы. Франко знал, что Довал будет действовать жестоко и получать от этого удовольствие. Кое-кто предполагал, что Франко не знал о таких наклонностях в характере Довала и о его

репутации палача[39]. В это невозможно поверить, потому что Франко был знаком с ним с детских лет в Эль-Ферроле, общался с ним в Пехотной академии в Толедо и в Астурии в 1917 году.

Правая пресса представляла Франко, а не Лопеса Очоа настоящим победителем в борьбе с революционерами и организатором быстрой победы. Диего Идальго не скупился на похвалы в адрес Франко, восхищался его военным мастерством. В газетах Франко называли «спасителем республики»[40]. Действительно, мероприятия Франко в кризисной обстановке отличались эффективностью, но вряд ли о них можно говорить в превосходной степени. Его тактика была, однако, интересна тем, что представляла собой набросок его методов, который он развил в период Гражданской войны. Она была основана на создании перевеса на определенном участке и полном подавлении врага, а также, как видно из использования им людей типа Ягуэ и Довала, в насаждении страха в неприятельских порядках[41].

После победы над астурийскими повстанцами для Лерруса и Хиля Роблеса встала проблема вынесения смертных приговоров астурийским революционерам и офицерам, которые встали на защиту недолго жившей «Каталонской республики». Франко самым внимательным образом следил именно за процессами по обвинениям в военном мятеже. Двенадцатого октября 1934 года судили офицеров, поддержавших восстание в Каталонии, и всех приговорили к смерти. Сержанта Диего Ва'скеса (Va'zquez), который перешел на сторону бастующих в Астурии, судили и приговорили к смертной казни 3 января 1935 года[42]. Правые в основной своей массе шумели, взывая к мести, но Алкала Самора выступал за помилование осужденных; к этому же склонялся и Леррус. Многие правые призывали Хиля Роблеса прекратить в связи с этим поддержку правительства со стороны СЭДА. Но тот отказался сделать это из опасения, что Алкала Самора приведет к власти более либеральный кабинет.

Франко всегда был решительным сторонником самых строгих приговоров военным мятежникам и требовал полного соблюдения норм военной юстиции. Поэтому он считал, что Хиль Роблес делает большую ошибку. Временному поверенному в делах Италии Джейсеру Челезиа (Geisser Celesia) он говорил: «Победа за нами, и не подвергнуть примерному наказанию бунтовщиков, сурово не покарать вдохновителей революции и виновников стольких жертв среди военных — значило бы попрать законные права военного сословия и вдохновить экстремистов на новые шаги»[43]. Осужденные на смерть были в конце концов помилованы, и это в немалой степени повлияло на решение Франко принять участие в военном мятеже 1936 года,

положившем начало Гражданской войне.

Однако в 1934 году Франко еще был противником вмешательства военных в политику. Его участие в подавлении восстания в Астурии придало ему уверенность в том, что консерваторы в руководстве республики не прочь прибегнуть к его услугам, чтобы держать левых в узде. Его оптимизм разделяли отнюдь не все его товарищи по оружию. Фанхул и Годед обсуждали с верхушкой СЭДА возможность военного путча в связи с отменой смертных приговоров. Сам Хиль Роблес передал им через посредника, что СЭДА поддержит путч. Сошлись на том, что оба военных переговорят с другими генералами и командующими ключевыми гарнизонами и выяснят, насколько реально «отправить Алкала Самору за границу». Они изложили свою идею Франко и по его реакции поняли, что переворот не получит нужной поддержки[44].

Так же сдерживающе действовал Франко и на других потенциальных путчистов. В конце октября Хорхе Вигон и полковник Валентин Галарса сочли, что настал момент начать военный мятеж, который они готовили с осени 1932 года. По их плану монархист Хуан Антонио Ансалдо должен был слетать в Португалию, взять на борт Санхурхо и доставить его в окрестности Овьедо, где свести того с Ягуэ. Предполагалось, что Санхурхо и Ягуэ вдвоем быстро убедят основную часть армии присоединиться к ним в восстании против республики. Заговорщики сидели в доме Педро Сайнса Родригеса в ожидании приказа действовать, когда к ним приехал журналист Хуан Пухол и сообщил, что в военном министерстве он говорил с Франко, который счел момент для выступления неподходящим[45]. Чувствуя в себе силу, достаточную, чтобы справиться с левыми, Франко совершенно не хотел рисковать карьерой ради плохо подготовленного переворота. Тот факт, что другие высокие армейские чины на сей раз со вниманием отнеслись к его мнению, чего не случилось в 1932 году, показало ему, что его авторитет в результате событий в Астурии значительно вырос.

Удовлетворенный подавлением восстания в Астурии, Хиль Роблес продолжал изыскивать возможности для усиления своего влияния на политику в стране, поэтому присоединился к Кальво Сотело, который высмеивал правительство радикалов за его слабость. Среди прочих в жертву был принесен и Диего Идальго[46]. С 16 ноября 1934 года по 3 апреля 1935 года пост военного министра находился в руках премьер-министра Алехандро JТерруса. Он наградил Франко Большим крестом за боевые заслуги (Gran Cruz de Mėrito Militar) и оставил его чрезвычайным советником министерства до февраля 1935 года.

Леррус собрался было пожаловать Франко пост верховного комиссара в Марокко, но Алкала Самора предостерег его от этого шага[47]. Тогда Леррус сохранил на посту верховного комиссара консервативного республиканца Мануэля Рико Авельо, а Франко сделал командующим испанскими войсками в Марокко.

Хотя Франко был разочарован, не получив поста верховного комиссара, он все же считал должность командующего африканскими частями достойной платой за его участие в подавлении революции. Как он сам писал, армия в Марокко составляла наиболее важную часть вооруженных сил[48]. По прибытии он поспешил уведомить женевскую редакцию о переадресовке подписки[49]. Хотя ему предстояло пробыть в Марокко неполных три месяца, это был период, о котором он всегда вспоминал с удовольствием. Он еще более укрепил свои позиции в марокканских частях и установил новые важные контакты, что помогло ему потом, в начале Гражданской войны. Его отношения с верховным комиссаром Рико Авельо были сродни тем, что он поддерживал с Диего Идальго. Верховный комиссар, признавая свое полное неведение в марокканских делах, во всем полагался на советы Франко. Франко также прекрасно сработался с начальником штаба испанских войск в Марокко полковником Франсиско Мартином Морено. Это тоже очень пригодилось в 1936 году[50].

На пути к гражданской междуусобице уже не могло быть отступления от позиций октября 1934-го. Восстание в Астурии испугало средние и высшие слои общества. Равным образом расправы, к которым призывали правые и которые осуществила коалиция радикалов и СЭДА, убедили многих левых, что новые разногласия на выборах недопустимы. Деятельность Франко по подавлению восстания получила огласку, и с этого момента правые будут смотреть на него как на своего потенциального спасителя, а левые — как на врага. И сам Франко сделал кое-какие выводы из событий в Астурии: он твердо решил для себя, что левых нельзя допускать к власти, даже если они победят демократическим путем[51].

После октября 1934 года за пятнадцать месяцев консервативные правительства ничего не сделали, чтобы притушить ненависть, порожденную как самим восстанием, так и жестоким его подавлением. СЭДА утверждала, что устранит потребность в революции путем проведения умеренных земельной и налоговой реформ. Даже если в устах небольшой группы светских католиков эти обещания звучали искренне, то все равно предложенные ограниченные реформы были заблокированы непримиримым ультраправым большинством

партии. В тюрьмах оставались томиться тысячи политических заключенных, вопрос об автономии Каталонии был отложен, развернулась злобная кампания очернительства Асаньи, организаторы которой тщетно пытались обвинить его в подготовке революции в Каталонии. В результате Асанья превратился в символ пострадавших от расправ[52].

СЭДА сделала большой шаг в направлении своей цели — законным путем установить авторитарное корпоративное государство, — когда 6 мая 1935 года пять «сэдистов» (Cedistas) вошли в правительство Лерруса вместе со своим «хефе» в качестве военного министра. Хиль Роблес тут же назначил на высокие посты известных противников республиканского строя. Франко был отозван из Марокко и стал начальником генерального штаба, Годед стал генеральным инспектором и командующим военно-воздушными силами, а Фанхула поставили заместителем военного министра. Президент Алкала Самора противился назначению Франко, не раз повторяя, что «молодые генералы мечтают стать вождями фашистов». В конце концов перед угрозой отставки Лерруса и Хиля Роблеса президент сдался[53]. Между Франко и Годедом шло острое соперничество, усугубляемое взаимной неприязнью. Годед хотел стать начальником генштаба; слышали, как он говорил, что подождет промахов Франко[54].

В середине 1935 года Франко был еще достаточно далек от мысли о выступлении против республики. Глупо было полагать, что он только и думал, как о свержении республиканского режима. Он имел пост, который считал вполне соответствующим его заслугам, и с удовольствием отдавался любимой профессии. Он остался доволен тремя месяцами, проведенными в Марокко, и хотя с неохотой покидал интересную работу, новая должность привлекала его еще больше. Доказав в октябре 1934 года, что успешно справляется с ней, он вовсе не горел желанием готовить мятежи. Во всяком случае, неудачный путч Санхурхо 10 августа 1932 года глубоко врезался ему в память. К тому же, учитывая его хорошие отношения с Хилем Роблесом, он вполне комфортно чувствовал себя на работе[55].

В кабинете начальника генерального штаба Франко проводил долгие часы над выполнением поставленной перед собой задачи: «исправлением реформ Асаньи и возвращением вооруженным силам внутреннего удовлетворения, утраченного с приходом республики». Он даже забросил семью, засиживаясь на службе до глубокой ночи, работая по выходным и праздникам[56]. Запрет Асаньи на присвоение званий за заслуги был отменен. Многих лояльных республике офицеров уволили в запас или сняли с должностей за их «нежелательную идеологию». Офицеры,

известные своим враждебным отношением к республике, напротив, были возвращены на службу, восстановлены в прежних должностях или даже повышены. Эмилио Мола получил пост командующего войсками в Мелилье, а вскоре после этого — и всей группировкой в Марокко. Хосе Энрике Варела получил генеральское звание. Наградами и повышениями были отмечены офицеры, отличившиеся при подавлении октябрьского восстания[57]. Хиль Роблес и Франко тайно вызвали Молу в Мадрид для подготовки детального плана использования колониальной армии в метрополии в случае, если левые учинят новые беспорядки[58].

Алкала Самора относился крайне подозрительно к шагам Хиля Роблеса по укреплению позиций офицеров-антиреспубликанцев и по передаче контроля над гражданской гвардией и полицией из компетенции министерства внутренних дел в военное министерство. В то же время реформы, затеянные Асаньей в части моторизации армии, повышения ее технической оснащенности, продолжались[59]. Кабинет СЭДА и радикалов заинтересованно относился к улучшению снабжения армии и повышению ее эффективности перед лицом возможности новых выступлений левых. Составной частью планов перевооружения являлись поставки из Германии, и Франко, как начальник генштаба, принимал участие в установлении контактов с немецкими производителями оружия[60]. Не подлежит сомнению, что на своей новой работе он чувствовал себя не хуже, чем в свое время в должности начальника академии в Сарагосе. После 1936 года их пути с Хилем Роблесом разойдутся, но пока отношения складывались в духе сотрудничества и взаимного уважения. Как и Диего Идальго, и Мануэль Рико Авельо, Хиль Роблес признавал свою некомпетентность в военных делах и с удовольствием передоверил Франко решение профессиональных вопросов. Франко потом вспоминал время, когда командовал генштабом, с большим удовлетворением, так как проделанная им на этом посту работа во многом облегчила потом националистам успех в Гражданской войне[61].

Поборов сомнения, летом 1935 года Франко через полковника Валентина Галарсу установил контакт с «Испанским военным союзом», сокращенно УМЭ — ультраправой подпольной организацией, во главе которой стоял его бывший подчиненный капитан Бартоломе Барба Эрнандес. Галарса, который ведал в УМЭ связями с гарнизонами по всей стране, информировал Франко о моральном состоянии войск и готовности организации к действиям. Задним числом Франко рассматривал свое сближение с УМЭ как шаг, направленный на предотвращение

организации преждевременного путча «по образцу военного мятежа (pronunciamiento) прошлого века»[62]. Это вполне похоже на Франко — участвовать только во всесторонне подготовленной военной акции.

Двенадцатого октября 1935 года в Риме произошло бракосочетание Хуана Бурбона, сына Альфонса XIII. По этому случаю масса монархистов, включая заговорщиков из «Испанского действия», таких, как Хуан Кальво Сотело, Хорхе Вигон, Эухенио Вегас Латапье, Хуан Антонио Ансальдо, устремилась в Италию. Франко среди них не было. Однако он внес свою долю в свадебный подарок от имени офицеров, которые были в свое время камергерами двора Альфонса XIII[63].

Контакт Франко с УМЭ указывал на его озабоченность ростом единства и боевого духа левых сил, несмотря на понесенные ими потери в результате репрессий. Обнищание крестьянских масс и рабочего класса, жестокое преследование участников октябрьского восстания и нападки на Мануэля Асанью — все это укрепляло солидарность левых сил всех оттенков. Серия многолюдных митингов, прокатившихся по стране во второй половине 1935 года, на которых выступал Асанья, стремление к единству, проявленное сотнями тысяч их участников, сплотили людей и привели к созданию Народного фронта.

Крошечная Испанская коммунистическая партия присоединилась к Народному фронту, этой предвыборной коалиции, которая, вопреки утверждениям правой пропаганды и материалам, почерпнутым Франко в «Антан интернасьо-наль», являлась не креатурой Коминтерна, а воссозданием союза республиканцев и социалистов. Левые и левоцентристские силы объединились на базе программы, включавшей в себя требования амнистии политическим заключенным, свободы профсоюзов, проведения фундаментальных реформ в социальной сфере и в области образования. Однако одобрение 2 августа 1935 года VII конгрессом Коминтерна стратегии Народного фронта было использовано журналом «Антан интернасьональ» в качестве доказательства подготовки Москвой революции в Испании[64].

Тактика Хиля Роблеса по сбрасыванию одного за другим правительств радикалов завершилась осенью двумя финансовыми скандалами, в которых оказались замешаны сподвижники Лерруса. В середине сентября Алкала Самора поручил сформировать правительство консервативному республиканцу Хоакину Чапапрьете. Радикальная партия находилась на грани развала, и Хиль Роблес 9 декабря 1935 года спровоцировал отставку Чапапрьеты в надежде, что сформировать правительство попросят его, Хиля Роблеса. Однако Алкала Самора не верил в

преданность Хиля Роблеса республиканской идее. И вот 11 декабря, встретившись с президентом, Хиль Роблес с негодованием узнает, что ему вновь не предлагают стать премьер-министром. Алкала Самора подчеркнул на встрече, что неустойчивость правительств указывает на необходимость новых выборов. Хилю Роблесу было трудно спорить с президентом и утверждать, что теперь, мол, стабильность восстановится: ведь тогда придется признать, что именно он, Хиль Роблес, способствовал падению прежних правительств. На сей раз Хиль Роблес переиграл. Президент настолько не доверял ему, что во время последовавшего политического кризиса велел окружить военное министерство частями гражданской гвардии, а ключевые гарнизоны и аэропорты поставить под постоянное наблюдение[65].

У Хиля Роблеса был выбор: либо' оставаться в правительстве, чтобы партии СЭДА не рисковать на выборах, либо организовать переворот. Он попытался объединить оба варианта. В тот же вечер он послал своего человека к Камбо, лидеру Каталонской лиги, и предложил тому войти вместе с СЭДА и радикалами в коалиционное правительство. Камбо отказался. Сам Хиль Роблес обсуждал в здании военного министерства сложившуюся ситуацию с Фанхулом. Фанхул с энтузиазмом сообщил, что они с генералом Варелой готовы хоть этой же ночью вывести на улицы Мадрида войска столичного гарнизона и помешать планам президента распустить кортесы. Масса офицеров выражала готовность присоединиться к ним, особенно если выступление получит благословение военного министра, что будет воспринято как приказ. Однако Хиль Роблес не был уверен в успехе акции, поскольку она наверняка вызовет сопротивление руководимых социалистами и анархистами масс. Тем не менее он сказал Фанхулу, что если армия считает своим долгом пойти на переворот, то он не собирается стоять на ее пути и со своей стороны обеспечит преемственность в управлении страной во время переворота. Некоторые сомнения все же оставались, и он посоветовал Фанхулу, прежде чем принимать окончательное решение, обсудить свои планы с Франко и другими генералами. Потом Хиль Роблес провел бессонную ночь, пока Фанхул, Варела, Годед и Франко взвешивали шансы на успех. Все понимали, какие возникнут трудности если гражданская гвардия и полиция выступят против переворота. А вероятность такого поворота событий была велика[66].

Кальво Сотело, прикованный к постели острым приступом ишиаса, такжё направил к Франко, Годеду и Фанхулу своего посланца, Хуана Антонио Ансаль-до, чтобы уговорить их поддержать переворот и сорвать планы Алкала Саморы. Франко,

однако, убедил своих товарищей, что, учитывая возможность встретить мощное сопротивление, как во время октябрьских событий, армия еще не готова к перевороту[67]. Когда молодой заговорщик, монархист граф де лос Андес позвонил в Мадрид из Биаррица, чтобы осведомиться о деталях ожидаемого переворота,- Ансальдо ответил: «Наши генералы, и особенно галисиец[36], говорят, что они не отвечают за своих людей и что момент еще не настал»[68]. Правительство Хоакина Чапапрьеты было заменено временным кабинетом Мануэля Пор-телы Вальядареса, и 12 декабря Хиль Роблес оказался вынужденным «с чувством бесконечной горечи» покинуть военное министерство. Когда 14 декабря сотрудники министерства прощались с Хилем Роблесом, Франко произнес краткую речь и со слезами на глазах заявил, что «армия никогда не находилась под лучшим командованием, чем в этот период»[69].

Хосе Антонио Примо де Ривера встретил приход более либерального кабинета министров тем, что направил 27 декабря своего заместителя Раймундо Фернандеса Куэсту в Толедо к полковнику Хосе Москардо, тамошнему военному губернатору и начальнику Пехотной академии (Escuela Central de Gimnasia) с диким предложением — чтобы несколько сот фалангистских боевиков присоединились к кадетам в Толедо и вместе с ними начали мятеж. Здравый смысл должен был подсказать Москардо, что это была неразумная затея. Однако он решил все же посоветоваться с Франко. И вот, оставив Фернандеса Куэсту ждать в Толедо, он выехал в Мадрид на консультацию с начальником генерального штаба, который, как и следовало ожидать, объяснил ему, что и план непрактичный, и время выбрано не то[70].

Франко открыто выразил неприязнь к штатским, которые своей партизанщиной хотят оттеснить на задний план «самых заслуженных офицеров». Москардо был не единственным офицером, которые приходили к Франко с нелепыми предложениями и которых тот называл «простачками». Он объяснял им, что опережать события — верная гарантия провала. Дело армии — сохранять единство и дисциплину, чтобы быть готовой вмешаться, если вдруг республика докажет свою несостоятельность. Армия не должна выходить на арену, пока население не будет готово к этому[71]. После того как кресло военного министра вместо Хиля Роблеса занял генерал Николас Молеро, Франко остался начальником генштаба. Как и его предшественник, Молеро был доволен тем, как Франко выполняет свои обязанности. Франко писал своему другу 14 января 1936 года: «Я по-прежнему на своем посту и не думаю, что меня заменят». Его удовлетворение своим положением и природная

осторожность способствовали отказу от авантюр заговорщиков[72].

Выборы были намечены на 16 февраля 1936 года. В течение января ходили стойкие слухи о готовящемся военном перевороте с участием Франко, поэтому в один из поздних вечеров временно исполнявший обязанности премьер-министра Мануэль Портела Вальядарес направил в военное министерство директора службы безопасности Висенте Сантьяго, чтобы тот встретился с Франко и попытался прояснить ситуацию. Начальник генштаба оставался все тем же осторожным человеком, который несколько дней назад встречался с Москардо. Его ответ носил уклончивый характер: «Слухи абсолютно ложные; я не строю заговоров и не собираюсь этого делать, пока для Испании не существует коммунистической опасности; и чтобы еще больше успокоить вас, я даю вам честное слово со всеми гарантиями, которые вытекают из него для товарищей по оружию. Пока вы являетесь директором службы безопасности, я полностью убежден, что закон и порядок, имеющие столь важное значение для всех испанцев и прежде всего для армии, не будут попраны. Наше дело — сотрудничать». Директор «сегуридад» произнес затем нечто до жути пророческое: «Если когда-нибудь обстоятельства, о которых вы говорите, подтолкнут вас на выступление, то смею предсказать, что, если вы не победите за двое суток, последуют такие беды, каких никогда не видела ни Испанская, ни какая другая революция». Франко ответил: «Мы не сделаем той ошибки, что совершил Примо де Ривера, поставив армию управлять страной»[73]. О том, что Франко не предполагал приводить к власти после переворота военное правительство, говорят проведенные им в тот же период беседы с Годедом и Фан-хулом о планах создать правительство во главе с Хилем Роблесом. Но эта идея была отвергнута как недостаточно надежная.

Как и следовало ожидать, предвыборная кампания проходила в атмосфере острейшей борьбы. Возможности вести пропаганду у правых были неизмеримо выше. Фонды, которыми они располагали, во много раз перекрывали средства левых, опиравшихся на обнищавшие слои населения. Но Франко был убежден в обратном. Он полагал, что левые купаются в золоте, присланном из Москвы, и в деньгах, украденных во время событий октября 1934 года[74]. Партия СЭДА выпустила десять тысяч плакатов и пятьдесят миллионов листовок. Ее предвыборная деятельность выглядела как борьба не на жизнь, а на смерть между добром и злом, между созиданием и разрушением. Народный фронт делал главный упор на угрозу фашизма и на необходимость амнистии всех заключенных — участников октябрьских событий.

Некоторое время Франко не было в Испании, так как он выезжал в Лондон на похороны Георга V. Выбор пал на него потому, что он занимал высокий пост, а кроме того, когда-то служил в 5-м пехотном полку, почетным полковником которого был король Англии. В среду 28 января он присутствовал на похоронной церемонии в Вестминстерском аббатстве, а потом вместе с другими высокопоставленными лицами сопровождал гроб к месту погребения в церковь Святого Георгия в Виндзоре[75]. На обратном пути, в проливе Ла-МанШ, на борту парома, он произнес несколько важных фраз в присутствии майора Антонио Барросо, испанского военного атташе в Париже, который сопровождал Франко в этой поездке. Он сказал Барросо, что Народный фронт — это детище Коминтерна и троянский конь в его планах установить коммунизм в Испании. Он также сказал, что Мола и Годед тоже обеспокоены и все зависит от того, какие шаги предпримет Народный фронт в случае победы на выборах. А армия должна быть готовой вмешаться, если необходимо[76].

Начальник генштаба вернулся в Мадрид 5 февраля. Инстинктивная осторожность Франко не покинула его и во время встречи с Хосе Антонио Примо де Риверой, которая состоялась в доме отца и братьев Рамона Серрано Суньера в середине февраля, перед самыми выборами. Вожак Фаланги был поглощен идеей необходимости вмешательства армии и последующего прихода к власти национального правительства с целью предотвращения сползания к социалистической революции. Несмотря на обаяние молодого лидера фашистов, которое делало его любимцем высшего общества, на Франко он никогда не производил хорошего впечатления. Во время встречи Франко уходил от прямых ответов, делал упор на околичности, был себе на уме. Он не забыл того идиотского плана, который Хосе Антонио Примо де Ривера незадолго до этого излагал полковнику Москардо. Франко отнюдь не собирался всерьез входить в альянс с молодым фалангисгским вождем, которого не уважал и который не пользовался популярностью в народе. Франко уходил от существа вопроса, разглагольствовал на отвлеченные темы, в результате чего у Хосе Антонио пропали все надежды уговорить Франко, и он с раздражением произнес: «Мой отец, со всеми своими недостатками, политическими ошибками — совсем другое дело. Он был гуманен, решителен, благороден. А эта публика...»[77]

Выборы состоялись 16 февраля и закончились с небольшим перевесом Народного фронта в общем количестве проголосовавших, но по числу мест, полу-ченых в кортесах, победа была триумфальной[78]. В ранние часы 17 февраля, когда стали поступать первые сведения, ликование масс достигло таких

масштабов, что в рядах правых возникла паника. Франко и Хиль Роблес в тесном взаимодействии пытались предотвратить утверждение результатов голосования. Главным объектом своих усилий они выбрали премьер-министра Портелу, который имел также портфель министра внутренних дел. Хиль Роблес и Франко отдавали себе отчет в том, какое решающее значение имеет его согласие не подавать в отставку и оставаться на своем посту, ибо тогда гражданская гвардия и части особого назначения (Guardias de Asalto) не стали бы препятствовать мерам армии по восстановлению «порядка».

Около 3.15 утра 17 февраля Хиль Роблес появился в министерстве по делам правительства (Ministerio de la Gobernacidn) и попросил Портелу принять его. Лидер СЭДА возмутился, узнав, что Портела уехал в свои апартаменты в отеле «Палас». Портелу разбудили и сообщили, что Хиль Роблес ждет встречи с ним. Три четверти часа спустя премьер-министр прибыл. Хиль Роблес от имени всех правых сил сказал премьер-министру, что победа Народного фронта означает начало разгула насилия и анархии и попросил его ввести военное положение. Портела ответил, что его задача заключалась в исполнении обязанностей главы правительства до выборов — и ничего больше. На него, однако, подействовали доводы Хиля Роблеса, и он согласился объявить «тревожное положение» и попросить Алкала Самору поддержать декреты об отмене конституционных гарантий и введении военного положения[79].

Одновременно Хиль Роблес послал своего личного секретаря графа де Пенью (Репа) Кастильо к своему бывшему помощнику майору Мануэлю Карраско Верде и поручить тому встретиться с Франко. Карраско должен был проинформировать Франко о происходящем и попросить, чтобы тот использовал весь свой авторитет для поддержки Хиля Роблеса в попытках удержать Портелу от отставки и пустил в ход армию. Карраско разбудил находившегося дома начальника генштаба и передал ему просьбу Хиля Роблеса. Франко тут же решил, что результаты выборов являются первым шагом в реализации плана Коминтерна по установлению коммунистического режима в Испании. В соответствии с этим он велел Карраско предупредить полковника Галарсу, чтобы ключевые офицеры «Испанского военного союза» привели свои гарнизоны в боевую готовность. Потом Франко позвонил генералу Себастьяну Посасу (Pozas), командиру гражданской гвардии, старому «африканцу», лояльному тем не менее республике. Франко сказал, что результаты выборов означают приход хаоса и революции и предложил Посасу — в выражениях, в которых было почти невозможно разобраться, —

присоединиться к армии в ее мерах по наведению порядка. Посас попытался рассеять страхи Франко и спокойно ответил ему, что толпы на улицах — это всего лишь «законное выражение республиканцами своей радости».

Франко был разочарован холодным ответом Посаса. Новые толпы на улицах, сжатые кулаки, вскидываемые в знак приветствия, побудили его к дальнейшим действиям. Франко сделал попытку оказать давление на военного министра генерала Николаса Молеро. Он приехал к нему и безуспешно пытался убедить его взять на себя инициативу и объявить военное положение. Вняв наконец доводам Франко о коммунистической угрозе, Молеро согласился уговорить Портелу созвать заседание кабинета и обсудить вопрос о введении военного положения. Молеро позвонил Портеле и по подсказке Франко уго-ворил-таки его собрать утром кабинет. Франко был убежден, что кабинет созвали именно благодаря его давлению на Молеро. Но скорее всего, заседание и так состоялось бы[80].

Франко решил, что надо убедить Портелу употребить власть и приказать Посасу выставить гражданскую гвардию против населения. Он связался с их общим другом Наталио Ривасом, чтобы выяснить, не сможет ли тот организовать ему встречу с Портелой. Часам к десяти Франко удалось договориться о встрече с Портелой, но тот согласился принять генерала не раньше семи часов вечера. В полдень собрался кабинет под председательством Алкала Саморы и, как и обещал Портела Хилю Роблесу, объявил о введении «тревожного положения» сроком на восемь дней. Было также одобрено предложение — и президент подписал соответствующий декрет — о введении военного положения в качестве возможной меры, но его реализацию оставили на усмотрение Порте-лы[81]. Франко удалился в свой рабочий кабинет, где ему сообщили о нескольких мелких беспорядках, происшедших в утренние часы. Тогда он направил своего эмиссара к генералу Посасу и попросил того уже более прямо, чем несколько часов назад, использовать своих людей, чтобы «подавить революционные силы». Посас снова отказался. Генерал Молеро был совершенно бездеятелен, и военным министерством фактически управлял Франко. Он поговорил с генералами Годедом и Родригесом дель Баррио и поинтересовался, можно ли в случае необходимости положиться на войска, находящиеся под их командованием. Вскоре после окончания заседания кабинета Франко сам взялся за реализацию декрета о военном положении, о существовании которого Франко узнал от присутствовавшего на заседании Молеро[82].

Хотя декрет не был опубликован, Франко призывал местных

командующих к объявлению военного положения. Он не без успеха сумел вернуть себе роль, которую играл во время астурийского кризиса, взяв на себя фактически обязанности военного министра и министра внутренних дел. Но теперь не было, как в 1934 году, восстания рабочих, военное положение не было официально введено, и Франко не пользовался абсолютным доверием, как во времена Диего Идальго. Он явно превысил полномочия начальника генштаба, взяв на себя обязанности шефа гражданской гвардии. Тем не менее Франко продолжал следовать своим предубеждениям, и согласно приказам, исходившим из его кабинета, военное положение ввели в Сарагосе, Валенсии, Овьедо и Аликанте и чуть было не ввели в Уэске, Кордове и Гранаде[83]. Очень немногие командиры поддержали его инициативу; большинство отвечало, что их офицеры не поддержат этих мер, если не выступят гражданская гвардия и части особого назначения. Когда командиры частей гражданской гвардии звонили в Мадрид и спрашивали, правда ли, что там введено военное положение, Посас отвечал отрицательно[84]. Инициатива Франко провалилась.

Поэтому, когда Франко в 7 часов вечера встретился с премьер-министром, он решил вести двойную игру. В самых изысканных выражениях Франко сказал Портеле, что в связи с угрозой сформирования правительства Народного фронта он предлагает премьер-министру, если тот не подаст в отставку, поддержку армии и свою лично. Он разъяснил, что согласие Портелы устранит основное препятствие, удерживающее армию: опасения офицеров оказаться лицом к лицу с полицией и гражданской гвардией. «Армии не хватает в данный момент морального единства, чтобы взяться за это дело. Ваше вмешательство необходимо, так как Посас подчиняется вам и вы можете мобилизовать безграничные ресурсы государства, силы общества и правопорядка...» Однако значительное время этой краткой беседы Франко потратил, стараясь убедить премьер-министра, что лично он не участвует ни в каких заговорах. Франко сказал политическому секретарю Портелы, его племяннику Хосе Марти де Ве-сесу, что сам он абсолютно безразличен к политике и занимается исключительно своими военными делами[85].

Несмотря на решительный отказ Портелы воспользоваться поддержкой со стороны Хиля Роблеса и Франко, попытки организовать выступление военных продолжались. Ключевой проблемой оставалась позиция гражданской гвардии. Вечером 17 февраля в контексте предпринятых в этот день усилий Франко генерал Годед попытался вывести на улицу войска казармы

«Монтанья» в Мадриде. Однако офицеры отказались бунтовать, если не получат гарантий от гражданской гвардии не выступать против них. В правительственных кругах считали, что Франко тесно связан с акцией Годеда. Посас был убежден — его мысль разделял и генерал Мигель Нуньес де Прадо, шеф полиции, — что Франко плетет заговор. Однако 18 февраля оба заверили Портелу, что «гражданская гвардия выступит против всякой попытки военного мятежа (militarada)», а Посас еще и окружил подразделениями гражданской гвардии все подозрительные гарнизоны[86]. Незадолго до полуночи 18 февраля Хосе Кальво Сотело и воинственный карлист Хоакин Бау приехали к Порте-ле в отель «Палас» с уговорами, чтобы премьер-министр призвал Франко, офицеров мадридского гарнизона и гражданской гвардии навести порядок[87]. Вся эта возня вокруг Портелы и провал акции Годеда подтвердили подозрения Франко, что армия еще не готова к мятежу.

Последняя безнадежная попытка была предпринята Хилем Роблесом, который тайком встретился с Портелой в половине девятого утра 19 февраля на обочине дороги из Чамартина в Алькобендас в окрестностях столицы[88]. Но все попытки Хиля Роблеса, Кальво Сотело и Франко сломить решимость Портелы и остальных членов кабинета уйти в отставку не увенчались успехом. Более того, они, по всей вероятности, скорее так напугали министров, что лишь укрепили их в этом мнении. Девятнадцатого февраля в 10.30 утра правительство согласилось немедленно передать власть Асанье, не дожидаясь открытия кортесов. Прежде чем Портела успел сообщить об этом решении Алкала Саморе, его известили, что его целый час в министерстве по делам правительства дожидается генерал Франко. За время ожидания Франко сказал секретарю Портелы, что хотя он вне политики, но угроза общественному порядку требует установления военного положения, декрет о котором Портела носит в кармане. Марти де Весес ответил, что такой шаг расколет армию. Франко доверительным тоном сообщил, что использование Легиона и «регуларес» позволит сохранить единство армии. Эта ремарка не только снова подтвердила его готовность использовать колониальную армию на родине, но и показала его убежденнрсть в том, что без этого шага не одержишь решающей победы над левыми. Когда его пригласили в кабинет премьер-министра, Франко снова повел ту же игру, которую начал предыдущим вечером. Он продолжал доказывать свою непричастность к заговору, но, помня о своей неудаче с Посасом, снова попросил Портелу не подавать в отставку. Однако Портела оставался на прежних позициях, и вскоре после встречи с Франко

он доложил о своем решении Алкала Саморе[89].

К огорчению правых, да и к своему собственному неудовольствию, Асанья был вынужден принять власть раньше времени, уже к вечеру 19 февраля. Франко, возможно, неплохо прикрыл себе тылы, но факт оставался фактом: в период кризиса 17—19 февраля он, как никогда, оказался близок к участию в военном путче. Его остановила только твердая позиция генералов Посаса и Нуньеса де Прадо. Так что нечему удивляться, что с возвращением Асаньи на пост премьер-министра Франкй пришлось убраться с должности начальника генерального штаба. Это был поворотный момент, превративший его затаенное недовольство в открытую оппозицию республике.

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАГОВОРЩИКА

Франко и Народный фронт, 1936 год

На карьере Франко победа левых на выборах отразилась почти немедленно. Двадцать первого февраля новый военный министр генерал Карлос Мас-келет предложил кабинету ряд кадровых перестановок. Франко направлялся командующим гарнизоном на Канарских островах, Годед — на Балеарских, а Мола стал военным губернатором Памплоны. Франко, разумеется, был удручен, получив этот в общем-то важный пост. Он искренне верил, что, руководя генеральным штабом, имел бы больше возможностей в борьбе с левой угрозой. Как показала его дальнейшая деятельность, опыт октября 1934 года дал ему почувствовать вкус власти. В правительстве это понимали и старались держать его подальше от столицы.

Канарские острова, как и Балеарские, и прежде, до реформ Асаньи, не были выделены в самостоятельные военные округа. Тем не менее оба поста лишь в силу удаленности несколько уступали статусу континентальных военных округов, и должность командующего была генерал-майорской. В конце концов, Франко стоял лишь 23-м среди 24 штатных генерал-майоров. Генерал Мола, который стоял четырьмя пунктами ниже — третьим в списке бригадных генералов, — получив назначение на пост военного губернатора Памплоны, подчинялся командующему гарнизона Сарагосы[1]. Франко повезло, что он получил от нового военного министра такой высокий пост, но он счел это понижением и еще одним признаком неуважения со стороны Асаньи. Спустя годы он назвал этот пост «ссылкой» (destierro). Больше всего он переживал, что вся его деятельность по очистке армии от либеральных офицеров пойдет насмарку[2].

Прежде чем покинуть Мадрид, Франко нанес обязательный визит новому премьер-министру Асанье и президенту республики Алкала Саморе. Сведения об этих двух встречах сохранились лишь в версии Франко, высказанной двоюродному брату Пакону и биографу Хоакину Аррарасу. Судя по ней, он пытался убедить обоих предпринять решительные меры против угрозы коммунизма. Франко, понятно, считал, что для этого ему лучше было бы остаться на посту начальника генштаба. Но основным его мотивом, как и в 1931 году при попытке удержаться во главе военной академии, было его удовлетворение работой и сознание, что он самый подходящий человек для этой должности. Сейчас невозможно сказать, думал ли он при этом о Мадриде как месте,

где ему легче было бы принять участие в заговоре.

По мнению Франко, президент Алкала Самора смотрел на ситуацию в стране сквозь розовые очки. Франко говорил ему о нехватке ресурсов на противостояние революции. Президент ответил, что, мол, удалось подавить революцию в Астурии. Тогда Франко заметил: «Вспомните, господин президент, чего стоило остановить ее в Астурии. Если выступления охватят всю страну, то задушить их будет по-настоящему трудно. Потому что армия сегодня лишена элементарных средств для этого и потому что на ключевые посты возвращают генералов, которые не заинтересованы в том, чтобы революция потерпела поражение». Президент не принял намека и только покачал головой. Когда Франко встал, чтобы уйти, Алкала Самора сказал: «Поезжайте спокойно, генерал. Поезжайте спокойно. В Испании не будет коммунизма». На что Франко якобы ответил: «В одном я уверен и за это могу отвечать: как бы ни складывались обстоятельства здесь, там, где буду я, коммунизма не будет».

Потом Франко — как он это сам описывает — устроил выволочку Асанье. Мрачные предсказания генерала, что замена «способных» офицеров республиканцами откроет ворота анархии, Асанья встретил насмешливой улыбкой. И Франко якобы сказал ему в ответ: «Вы делаете ошибку, отсылая меня, потому что в Мадриде я был бы более полезен для армии и для сохранения спокойствия в Испании». Асанья проигнорировал его предложение, заявив: «Я не боюсь восстаний. Я знал о намерениях Санхурхо и мог его остановить, но предпочел увидеть его поражение»[3].. Ни дневники Асаньи, ни мемуары Алкала Саморы не содержат никаких упоминаний об этих беседах. Однако даже если эти версии бесед недостоверны, все равно они служат свидетельством тогдашнего состояния Франко, переживаемых им огорчений, его недовольства легкомыслием и опасной безмятежностью Асаньи перед лицом коммунистической угрозы.

Вторично снятый с любимой работы, Франко стал человеком, которого властям надо было опасаться, как никогда. И он не был в одиночестве. Левые победили на выборах с незначительным перевесом, что указывало на существование в испанском обществе состояния неустойчивого равновесия. События недавнего прошлого указывали на то, что дух умиротворения отнюдь не возобладает ни по одну сторону баррикад. После провала усилий Хиля Роблеса и Франко убедить Портелу Вальядареса остаться у власти при поддержке армии правые перестали даже делать вид, что уважают закон и право. Пробил час «ка-тастрофистов». Попытки Хиля Роблеса использовать демократию против нее самой не удались. С этого момента

правые будут думать только о том, как свергнуть республику силой, а не взять власть в ней демократическим путем. Созрели предпосылки для серьезного военного заговора.

Накануне отъезда на Канары Франко провел беседы о положении в стране с генералом Хосе Энрике Варелой, полковником Антонио Арандой и другими офицерами, близкими ему по образу мыслей. Но куда бы он ни направлялся, повсюду за ним следовали сотрудники службы безопасности[4]. Восьмого марта, в день перед отъездом в Кадис, первой стадии его путешествия, Франко в доме Хосе Делгадо, известного биржевого маклера и друга Хиля Роблеса, встретился с группой офицеров-диссидентов. Среди них были Мола, Варела, Фанхул и Оргас, а также полковник Валентин Галарса. Обсуждали вопрос о возможности переворота. Все согласились, что мятеж должен возглавить находящийся в изгнании генерал Санхурхо.

Порывистый Варела выступал за дерзкий переворот в самом Мадриде, более вдумчивый Мола предлагал скоординированное выступление гражданских и военных в провинциях. Мола считал, что движение не должно открыто выступать за восстановление монархии. Франко не сказал ничего, кроме глубокомысленного замечания, что выступление вообще не должно носить партийного характера. Он не связывал себя никакими обязательствами. Расстались, решив начать приготовления. Молу избрали старшим, Галарсе поручили поддерживать связь между заговорщиками. Договорились действовать в случаях, если а) Народный фронт распустит гражданскую гвардию или сократит офицерский корпус; б) разразится революция; в) формирование правительства поручат Ларго Кабальеро[5].

После совещания Франко вместе с семьей и неизменным Паконом направился на вокзал Аточа, чтобы сесть в поезд до Кадиса, где его ждало судно, идущее в Лас-Пальмас. Проводить Франко на вокзал пришли несколько генералов, включая Фанхула и Годеда. Прибыв в Кадис, Франко был поражен тамошним масштабом беспорядков, увидел церкви, подвергшиеся нападениям анархистов. Когда военный губернатор Кадиса сообщил ему, что коммунисты подожгли монастырь рядом с казармами, Франко вышел из себя: «Возможно ли, чтобы войска в казармах смотрели на совершение святотатственного преступления, не пытаясь вмешаться, а вы продолжали сидеть сложа руки, когда узнали о том, что происходит?» Полковник ответил, что гражданские власти приказали ему не вмешиваться. Тогда Франко проворчал: «Такие недостойные приказы не должен исполнять ни один командир нашей армии» — и отказался подать тому на прощанье руку.

Этот поступок объясняется глубокой религиозностью Франко, унаследованной им от матери. Он безнадежно погряз в своих милитаристско-иерархических предрассудках. От отвращения, которое он испытывал при виде неуважения левых к Богу и Церкви, был один шаг до убеждения, что применение армии для установления общественного порядка — вещь необходимая и оправданная. Еще больше его разозлило, что толпа, пришедшая на причал с оркестром, чтобы проводить нового гражданского губернатора Лас-Пальмаса, пела «Интернационал», а люди в коммунистическом приветствии поднимали сжатые кулаки. Встречаясь на каждом шагу со все новыми свидетельствами восторженной поддержки республики со стороны простого народа, Франко заметил своему кузену, что его товарищи крепко заблуждались, полагаясь на быстрый переворот. «Дело будет очень трудное и очень кровавое и продлится достаточно долго. Но другой дороги нет, если мы хотим быть на шаг впереди коммунистов...»[6]

Судно «Домине» прибыло на Канарские острова 11 марта 1936 года в 7 часов вечера. По прибытии в Лас-Пальмас Франко встретил военный губернатор острова[37] генерал Амадо Бальмес. После небольшой автомобильной прогулки по острову Франко с семьей снова сел на «Домине» и 12 марта в 11 часов был на Тенерифе. В порту его встречала толпа сторонников Народного фронта. Местные левые добились проведения однодневной забастовки, чтобы рабочие могли пойти в порт и освистать человека, который подавил восстание горняков Астурии. Франко не обращал внимания на плакаты против «палача Астурии», а, сохраняя спокойствие, попрощался с капитаном, спустился по трапу и поприветствовал роту солдат, встречавшую его. По словам его кузена, это демонстративное хладнокровие произвело впечатление на толпу и вместо издевок послышались аплодисменты[7].

Франко сразу же засел за подготовку плана обороны островов и особенно мер по подавлению народных волнений. Он также воспользовался возможностями, которые давала служба на Канарских островах, и занялся гольфом и изучением английского. По словам его преподавательницы языка Доры Леннард, он брал уроки трижды в неделю с половины десятого до половины одиннадцатого и учеником был прилежным. Дома он составлял два рассказа в неделю и только раз не выполнил задания из-за загруженности делами. Пять из шести его рассказов были посвящены гольфу, которым Франко очень увлекся. Писать он научился, но разговорный английский ему не давался. Его любимой темой бесед на уроках был Народный фронт, рабски

следовавший указаниям агентов Москвы, и воспоминания о временах, проведенных в Сарагосской военной академии[8].

Пытаясь позже стереть из памяти следы своей нерешительности в те весенние месяцы 1936 года, Франко неоднократно дает понять в своих более поздних интервью, что якобы тогда только и думал о заговоре. Как это часто бывало в его жизни, он перекрашивал реальность. В этой связи весьма примечателен такой факт, противоречащий подобным его высказываниям: в начале июля 1936 года он планировал съездить на отдых в Шотландию потренироваться в игре в гольф[9].

Помимо гольфа и английского, Франко вместе с Кармен уделял много внимания местной светской жизни. Ввел их в местное общество майор Лоренсо Мартинес Фусет и его жена. Мартинес Фусет, военный юрист, человек с дружелюбным, общительным характером, стал здесь его наперсником[10]. Иначе Франко пришлось бы испытать трудности, поскольку он находился под наблюдением. Его корреспонденцию перлюстрировали, телефонные разговоры прослушивали, за ним следила и полиция, и партии Народного фронта. Это Показывало, что его опасалось и центральное правительство, и местные левые. В штабе Франко даже поговаривали о возможности покушения на его жизнь. Пакон и начальник штаба полковник Теодуло Гонсалес Пераль организовали круглосуточную охрану Франко. Говорили, что Франко с гордостью похвалялся: «Москва приговорила меня к смерти два года назад»[11]. Если он действительно так говорил, то это скорее отражение позиции женевского журнала, чем деятельности Кремля.

Несмотря на конспирацию, которой Франко окружил свою деятельность на Канарских островах, о нем открыто говорили, как о главе надвигающегося переворота[12]. Профашистские и антиреспубликанские фразы, иногда звучавшие в его публичных выступлениях, дают основания полагать, что он не всегда был так осторожен, как полагают. Во время военного парада в честь пятой годовщины Второй республики Франко разговаривал с итальянским консулом на Канарах и громко восхищался Муссолини и его методами управления Италией. Особенно ему импонировала политика итальянцев в Абиссинии; он говорил, с каким нетерпением ждал известия о падении Аддис-Абебы. И он, судя по свидетельствам, намеренно говорил громко, чтобы его слышал британский консул. На следующий день итальянский консул нанес визит Франко, поблагодарил его за сказанные накануне слова и был очень обрадован, когда, движимый анти-британскими настроениями, Франко заговорил о своих симпатиях к Италии как «новой, молодой, мощной державе, укрепляющей

свое положение в Средиземном море, которое до этого было озером, где хозяйничали британцы». Франко также говорил о том, что Гибралтар может быть взят под контроль с помощью современной артиллерии, расположенной на испанской территории, и расписывал, с какой легкостью корабли в гибралтарской бухте могут быть уничтожены с воздуха[13].

Двадцать седьмого апреля Рамон Серрано Суньер совершил поездку на Канарские острова с трудной миссией убедить свояка снять свою кандидатуру в Куэнке на повторных парламентских выборах. После так называемых «выборов Народного фронта» 16 февраля 1936 года парламентская комиссия, занимавшаяся проверкой итогов (comisidn de actas), признала недействительными итоги выборов в ряде провинций. Одной из них оказалась и Куэнка, где обнаружили фальшивые бюллетени. После того, как поддельные голоса вычли, получилось, что ни один из партийных списков не набрал положенных для победы 40 процентов голосов[14]. Перевыборы назначили на начало мая 1936 года, и правые выставили в Куэнке список кандидатов, возглавляемый Хосе Антонио Примо де Риверой и генералом Франко. Лидера Фаланги включили в надежде обеспечить ему парламентский иммунитет, что дало бы ему возможность выйти из тюрьмы, где он сидел с 17 марта[15].

В истории с включением кандидатуры Франко в список, объявленный 23 апреля, значительная роль принадлежала Серрано Суньеру[16]. Двадцатого апреля Франко в письме к лидеру СЭДА выразил заинтересованность стать кандидатом на повторных выборах, предпочтительно в Куэнке. Хиль Роблес обсудил этот вопрос с Серрано Суньером. Когда кандидатура Франко была одобрена, Серрано Суньер немедленно выехал на Канарские острова, чтобы проинформировать свояка. Из солидарности лидер монархистов Антонио Гойкоэчеа предложил снять собственную кандидатуру из списка правых, но Хиль Роблес приказал уйти в тень провинциальному лидеру СЭДА Мануэлю Касанове. Поддержку, которую оказали Франко две организации — СЭДА и Испанское обновление, — не разделила Фаланга, третья политическая партия правых, участвовавшая в повторных выборах в Куэнке. Когда опубликовали откорректированный список правых кандидатов, к Хилю Роблесу пришел Мигель Примо де Ривера и сообщил ему, что его брат против нового списка и считает включение Франко «грубой ошибкой».

Поскольку в перевыборах (в Гранаде) участвовал другой военный — Варела, — Хосе Антонио Примо де Ривера, видя столь явное благоволение правых к армии, счел за лучшее не испытывать судьбу. После своей встречи с Франко накануне

февральских выборов он стал рассматривать перспективу попадания генерала в кортесы как несчастье. Он пригрозил снять свою кандидатуру в Куэнке, если из списка не уберут Франко — чего Хиль Роблес сделать был не в силах. Попытки различных лидеров правого крыла, включая Серрано Суньера, убедить вождя фалангистов не выступать против Франко закончились неудачей. Хосе Антонио сказал Серрано Суньеру: «Это дело совсем не для него и, учитывая, что сейчас заваривается кое-что порешительнее парламентских баталий, пусть остается на своей территории, а мне оставит эту, на которой я себя уже проявил». Тогда Серрано с,чел себя обязанным проинформировать Франко о позиции главного фалангиста. Серрано Суньеру удалось убедить свояка, что парламентские схватки и дебаты — не его занятие. Рассуждения о том, что в парламенте он может подорвать свой авторитет, оказались верным ходом. Двадцать седьмого апреля Франко снял свою кандидатуру, а Мануэля Касанову вернули в список[17]. Последующие события показали, что Франко не забыл и не простил отношения к себе фалангисгского лидера.

Левые, в частности Прьето, считали, что Франко хочет использовать парламентскую скамью, чтобы возглавить военный заговор. Такое толкование казалось весьма логичным и действительно было озвучено франкистской пропагандой, когда вовсю шла Гражданская война. Однако вопрос остается открытым: действительно ли Франко стремился занять место в парламенте, чтобы, перебравшись на материк, играть ключевую роль в подготовке заговора, или он руководствовался более эгоистическими соображениями. Хиль Роблес полагал, что переход Франко в политику отражал его сомнения в успехе военного восстания. Не связывая себя окончательно с заговором, он ˆотел обеспечить себе место в политической жизни, а дальше — выжидать[18]. Фан-хул высказал подобное мнение в беседе с Басилио Альваресом (Alvarez), который в 1931 и 1933 годах был депутатом парламента от радикалов в Оренсе: «Может быть, Франко хочет заручиться парламентским иммунитетом, чтобы оградить себя от каких-либо неприятностей со стороны правительства или дисциплинарного наказания»[19].

История с Куэнкой стала для Франко постоянным источником неприятных воспоминаний — это ясно из того, как ее трактовали в дальнейшем сам Франко и его пропаганда. Не прошло и года, а Франко уже переписал ее руками своего официального биографа Хоакина Аррараса. По новой версии, изложенной в 1937 году, правые партии предложили Франко место в списке кандидатов от провинции Куэнка, чтобы защитить его от преследований и предоставить ему свободу действий «по

организации обороны Испании». Франко «публично отверг» предложение, потому что он не верил в честность избирательной процедуры и ничего не ждал от республиканского парламента[20]. Эта нелепая версия подразумевала, что если бы избирательная система работала честно, то

Франко пошел бы на выборы. Позже, в 1940 году, Аррарас убрал это нечаянное свидетельство веры в демократию и заявил, что Франко снял свою кандидатуру из-за «превратного толкования» этого случая[21]. Десять лет спустя Франко в речи перед фалангисгской молодежной организацией Куэнки уже заявлял, что его желание стать депутатом парламента было вызвано «опасностями, грозившими Родине»[22].

К началу 60-х годов Франко даже не допускал и намека на то, что искал убежища в депутатском статусе. Теперь, описывая события в третьем лице, он изображает их так, будто бы «генерал Франко искал пути легально покинуть архипелаг, что позволило бы ему установить более тесные контакты с гарнизонами и лично присутствовать в тех местах, где для Движения существовала опасность потерпеть неудачу*. Тут уж Франко вовсе переворачивает историю. Он записывает себе в заслугу тот факт, что Хосе Антонио Примо де Ривера оказался в правом списке. Это попросту неправда. Также неправда, что Фанхул вышел из списка, чтобы уступить место ему, Франко, хотя на самом деле тот сделал этот шаг ради Хосе Антонио. Франко объясняет причины снятия им своей кандидатуры тем, что утром того дня, когда собирались официально объявить выставленные кандидатуры, он получил телеграмму от заинтересованных лиц (los afectados), где говорилось, что его кандидатура не может быть поддержана, поскольку его репутация подмочена (quemado)[23].

Вполне понятно, что Франко не хотел упоминать о своих раздорах с лидером Фаланги. Ведь после 1937 года националистская пропаганда вовсю работала, чтобы сделать Франко в глазах приверженцев Фаланги наследником Хосе Антонио. Равным образом, стараясь показать свою главенствующую роль в подготовке переворота, Франко, сам того не желая, разоблачает себя в желании приуменьшить посмертную славу Молы как единственного руководителя восстания. В третьей версии эпизода с выборами в Куэнке — наиболее правдоподобной — Аррарас пишет, что Франко снял свою кандидатуру «потому, что предпочел выполнять профессиональные обязанности, так как таким путем, по его мнению, он мог лучше послужить национальным интересам». На все упоминания о трениях между Франко и Хосе Антонио Примо де Риверой было наложено табу[24].

После того как Франко снял свою кандидатуру в Куэнке, оценку левыми мотивов поведения Франко дал в своей яркой речи Индалесио Прьето. Он сказал о возможности заговора военных, о том, что «генерал Франко, с его молодостью, с его способностями, с его многочисленными друзьями в армии, — это человек, который в любой момент мог бы возглавить с максимальными шансами на успех... это дело». Но, по мнению Прьето, это не входило в планы Франко, и он высказал догадку, что другие правые заговорщики стараются дать ему парламентскую неприкосновенность, чтобы облегчить его превращение в «каудильо военного переворота»[25].

Что касается самих выборов, то в последнюю минуту они были объявлены продолжением предыдущих. По избирательному закону кандидатами могли стать те, кто на объявленных недействительными выборах получил не менее 8 процентов голосов. Так что новые кандидаты не могли бы быть допущены к выборам контрольной избирательной комиссией провинции (Junta del Censo). Таким образом, Хосе Антонио Примо де Ривера, получивший достаточное число голосов, не попал в кортесы[26].

Правительство показало себя беспомощным перед лицом растущего забастовочного движения и не хотело даже слышать ничего о военном заговоре. В кабинет входили только республиканцы, потому что лидер социалистов Ларго Кабальеро отказался войти с ними в коалицию, связывая свои надежды с двумя нежизнеспособными сценариями: или республиканцы быстро докажут неспособность провести в жизнь свою программу реформ и будут вынуждены дать дорогу однопартийному кабинету социалистов, или произойдет фашистский путч, который будет сметен народной революцией. В мае Ларго употребил свое огромное влияние в руководстве Социалистической партии, чтобы воспрепятствовать формированию правительства под руководством более реалистичного Прьето. Пока Асанья оставался премьер-министром, правительство располагало все же опорой на различные политические силы. Но вот Асанья и Прьето решают убрать относительно консервативного президента Алкала Самору, чтобы получить на самом верху команду единомышленников. В соответствии с этим замыслом Асанья должен был стать президентом, а Прьето — премьер-министром. Первая часть плана сработала, но на втором этапе Ларго Кабальеро выступил против Прьето и тому не удалось преодолеть сопротивления социалистов. Последствия оказались катастрофическими. Был упущен последний шанс избежать гражданской войны. Испания лишилась опытного и умного премьер-министра, а, сделавшись

президентом, Асанья стал все больше отходить от активной политики. Новый премьер-министр, Сантьяго Касарес Кирога, страдавший туберкулезом, не обладал той решимостью и энергией, которые требовались для управления страной в той ситуации.

Трудящиеся города и деревни ждали улучшения своего положения в результате победы на выборах, а получили только рост безработицы. К возмущению хозяев предприятий на работе восстанавливали профсоюзных активистов, уволенных после астурийских событий. Обнищавшие крестьяне то тут, то там захватывали земли и сами проводили обещанные правительством реформы. Землевладельцев особенно тревожил тот факт, что со стороны сельскохозяйственных рабочих уже не было привычного рабского послушания, люди не собирались дать обмануть себя, как это произошло в 1931 — 1933 годах. Многие землевладельцы уезжали в Севилью и Мадрид и даже в Биарриц или Париж, где присоединялись к правым заговорам. Некоторые оказывали заговорщикам финансовую помощь, другие с нетерпением ждали осуществления переворота.

Под энергичным руководством генерала Молы заговор против республики быстро разрастался. Готовился он более тщательно, чем предыдущие попытки переворота. Заговорщики сделали выводы из уроков «санхурхады» 10 августа 1932 года. Они учли, что одного их желания мало, если их не поддерживает гражданская гвардия, а пролетариат готов прибегнуть к мощному оружию всеобщей забастовки. Мола — высокий, в очках — приобрел богатый опыт в бытность в 1930—1931 годах директором службы безопасности и занимался организацией заговора с воодушевлением.. Смелый, с чертами авантюриста, он не боялся опасностей[27]. Памплона была отличным местом, чтобы оттуда руководить заговором, поскольку там разместилась штаб-квартира наиболее воинственной группировки ультраправых — карлистов[28]. Мола не испытывал недостатка в деятельных и опытных помощниках. Через Валентина Галарсу, которого среди заговорщиков звали «техником» (ei tècnico), Мола мог опираться на правую подпольную организацию «Испанского военного союза». Первую свою директиву, составленную в апреле, он назвал: «Цель, методы и пути». В ней, учитывая недостатки в подготовке «санхурхады», он подробно остановился на организации разветвленной поддержки переворота со стороны гражданских лиц и особенно на необходимости политического террора: «Акция должна быть крайне агрессивной, чтобы подавить сильного и хорошо организованного врага как можно скорее. Конечно, все лидеры политических партий, обществ и

профсоюзов, не сочувствующих Движению, будут заключены в тюрьму; указанные лица будут подвергнуты примерному наказанию, чтобы подавить волнения или забастовки»[29].

В середине мая Молу тайно посетил подполковник Сеги из штаба армии, находящейся в Марокко, с известием, что местный гарнизон готов к восстанию. Из офицеров-«африканцев» наибольшие надежды Мола связывал с Ягуэ, неутомимо работавшим над подготовкой восстания. В мае же с Молой встречались генералы, которым предстояло сыграть решающую роль в Гражданской войне: глава карабинеров, изувер Гонсало Кейпо де Льяно, аскетичный монархист Альфредо Кинделан, связующая фигура с заговорщиками в ВВС, и весельчак Мигель Кабанельяс, командующий Сарагосским военным округом[30]. Обо всем этом Франко знал через Галарсу. Франкистская пропаганда после 1939 года прилагала серьезные усилия, чтобы скрыть факт практического неучастия Франко в подготовке заговора, и распространила версию, будто Франко дважды в неделю обменивался посланиями с Галарсой. При этом ссылались на некие тридцать шифрованных писем, которые так и не были найдены[31]. На самом деле Франко отнюдь не был охвачен энтузиазмом, что ясно видно из его разговора с неисправимым оптимистом Оргасом, сосланным на Канары ранней весной: «Ты здорово ошибаешься, это будет бесконечно трудным и очень кровавым делом. Не вся армия на нашей стороне. Вмешательство гражданской гвардии представляется сомнительным, и многие офицеры встанут на сторону конституционной власти, некоторые потому, что так удобней, другие в силу своих убеждений. Нельзя забывать, что солдату, восставшему против власти, нельзя ни повернуть назад, ни сдаться, потому что его не задумываясь расстреляют»[32]. В конце мая Хиль Роблес жаловался американскому журналисту Эдварду Ноблафу (Edward Knoblaugh), что Франко отказался возглавить переворот и вроде бы даже сказал: «Всех вод Мансанареса не хватит, чтобы смыть пятна позора с такого выступления». Если не считать, что был выбран образ отнюдь не бурной реки под Мадридом, то это и другие замечания Франко свидетельствуют о том, что у него не выходил из головы опыт «санхурхады»[33]. Развернуться в обратную сторону, передумать Франко не мог, и в голове у него, должно быть, бродили мрачные мысли.

Подготовка переворота шла полным ходом, и осторожность Франко стала выводить из себя его друзей-«африканцев». Двадцать пятого мая Мола составил вторую директиву заговорщикам — широкий стратегический план региональных восстаний с последующим координированным наступлением на

Мадрид из провинций[34]. Ясно, что заполучить Франко на свою сторону было бы в этой ситуации большой удачей для путчистов. Тридцатого мая Годед послал на Канарские острова капитана Бартоломе Барбу с заданием убедить Франко присоединиться к заговорщикам, отказавшись от своего «излишнего благоразумия». Полковник Ягуэ говорил Серрано Суньеру, что расстроен неподобающей осторожностью Франко и его нежеланием рискнуть[35]. Да и сам Серрано Суньер был ошарашен, услышав от Франко, что тот перенес бы свою резиденцию на юг Франции и оттуда руководил бы заговором. Учитывая значение генерала Молы в подготовке переворота, вопрос о руководстве восстанием со стороны Франко не стоял. Подтекст был ясен: Франко хотел обеспечить возможность отступления в случае провала[36]. Отсюда следует, что отнюдь не безоглядная приверженность идее восстания руководила им, когда он выдвигал свою кандидатуру на выборах в Куэнке.

Заговорщики делали расчет на страх средних и высших классов перед волной грядущего насилия, грозящего захлестнуть общество. Панику среди них старательно сеяли правая пресса, парламентские выступления пройдохи Хиля Роблеса и воинственного монархического лидера Хосе Кальво Сотело. Осуждая беспорядки, они приводили примеры стычек на улицах, которые в действительности были спровоцированы фалангисгскими террористическими группами. Деятельность фалангисгских банд финансировали те же монархисты, которые стояли и за заговорщиками. Поразительно быстрый рост рядов Фаланги стал лакмусовой бумажкой перемен в политическом климате страны, в частности разочарования средних классов в деятельности СЭДА. Более того, одурманенная духом насилия, молодежь из ХАП в массовом порядке переходила к фалангистам. Но усиление фалангистов вызывало и ответную реакцию — укрепление социалистического движения Ларго Кабальеро. Отравленный лестью со стороны коммунистов — «Правда» нарекла его «испанским Лениным», — он саботировал попытки Прьето найти мирный выход из ситуации. Ларго разъезжал по Испании, выступая на митингах и под приветственные выкрики толп рабочих предсказывая триумф грядущей революции. Первомайские демонстрации, поднятые над головой в приветствии сжатые кулаки, революционная риторика, выпады против Прьето — все это использовалось правой прессой для нагнетания атмосферы страха среди обывателей, для внушения им мысли, что только военный переворот может спасти Испанию от хаоса.

Некоторые факторы облегчали задачу заговорщиков.

Правительство не отреагировало решительным образом на неоднократные предупреждения о заговоре. В начале июня Касарес Кирога взялся обезглавить заговор в Марокко, сняв командиров двух легионов, из которых состоял теперь «терсио». Второго июня он снял полковника Ягуэ — командира второго легиона (Segunda Legion), а на следующий день отстранил от командования первым легионом (Primera Legion) его друга-заговорщика подполковника Эли (Heli) Роландо де Телью. Когда 12 июня Ягуэ прибыл на прием к министру, Касарес Кирога предложил ему на выбор либо незначительный пост в Испании, либо приятную деятельность военного атташе за границей. По прошествии сорока восьми часов, данных Ягуэ на размышление, Касарес все же уступил настойчивому желанию Ягуэ остаться в Марокко. Это было большой политической ошибкой, в результате которой Ягуэ стал одной из ключевых фигур в заговоре[37]. Судьба улыбнулась и главному заговорщику. Генеральный директор службы безопасности Алонсо Мальол решил проверить деятельность Молы. Третьего июня Мальол без предупреждения появился' в Памплоне в сопровождении дюжины грузовиков с полицейскими и предпринял обыск — якобы,с целью обнаружения контрабандного оружия из Франции. Но Молу предупредил о визите Галарса, а того — сочувствующий правым офицер полиции Сантьяго Мартин Багенас. Мола успел принять меры и никаких признаков заговора Мальол не обнаружил[38].

Причины неудач республиканских властей в попытках пресечь заговор помогает объяснить одна из загадок того периода — странное письмо-предупреждение Касаресу Кироге, направленное ему генералом Франко 23 июня 1936 года. В этом путаном и двусмысленном письме Франко предупреждал премьер-министра, что армия настроена враждебно к режиму, но дело можно поправить, если должным образом потрафить военным. В письме сделан упор на двух вопросах. Первый — это недавнее объявление о возвращении в действующую армию офицеров, которых в октябре 1934 года судили и приговорили к смертной казни за участие в защите «Каталонской республики». Реабилитация этих офицеров претила Франко, горячему приверженцу воинской дисциплины[39]. Второй причиной неудовольствия Франко были случаи назначения на высокие военные посты по соображениям идеологии. Он, видимо, имел в виду отстранение Эли Роландо де Тельи от командования одним из легионов «терсио» и чуть не произошедшее отстранение Ягуэ. Франко информировал Касареса Кирогу, что замена этих превосходных офицеров выскочками-подхалимами нарушает законы армейской иерархии и вызывает сильное неудовольствие в

офицерской среде. Несомненно, свой перевод из генерального штаба на Канарские острова он рассматривал как самый вопиющий случай такого рода.

Потом он написал явную ложь, которая — парадокс! — шла действительно от сердца. По его словам, движение, которое было организовано Молой и о сути которого он прекрасно знал, являлось просто-напросто защитной реакцией военных, имеющих право защищать собственное видение проблем соотношения общенациональных интересов с конкретным политическим строем. «Те, кто утверждают, будто армия неверна республике, говорят Вам неправду; те, кто выдумывает заговоры в угоду собственным темным планам, обманывают Вас. Те, что превращают обеспокоенность, честь и патриотизм офицеров в символы заговора и нелояльности, служат дурную службу Родине». Приверженность закону и порядку, которые Франко разделял со своими товарищами, подсказала ему посоветовать Касаресу полагаться на советы «тех генералов и офицеров, которые, чуждые политическим страстям, живут в контакте со своими подчиненными и озабочены их проблемами и моралью». Свое имя он при этом не называл, но намек был весьма прозрачным[40].

Письмо было шедевром двусмысленности. В нем явно угадывался намек на то, что,' если Касарес вернет Франко на верхушку властной пирамиды, заговоры прекратятся. На этой стадии Франко со всей очевидностью предпочитал установить тот порядок, который соответствовал его идеалам, с помощью правительственных санкций, а не путем переворота, в результате которого можно потерять все. Позже его апологеты извели немало чернил, чтобы показать, будто это письмо было мастерской попыткой Франко-заговорщика сбить Касареса со следа и убедить его прекратить увольнения заговорщиков и замену их на верных республике людей и смелым предупреждением лояльного офицера, которое оказалось проигнорировано военным министром[41]. На самом деле письмо имело ту же цель, что и обращение Франко к Портеле в середине февраля. Франко был готов подавить революционные беспорядки, как он это сделал в Астурии в 1934 году, и теперь в осторожных выражениях предлагал свои услуги. И если, мол, Касарес примет его предложение, то не будет никакой необходимости в восстании. Таковы были тогдашние воззрения Франко[42].

Правительство Народного фронта не разделяло мнения о необходимости подавления народных масс. Во всяком случае, Касарес не обратил должного внимания на записку Франко. Если бы обратил, то дальнейший ход событий был бы наверняка совсем

иным. Если Франко имел основания для такого письма, Касарес должен был бы разделить его озабоченность. Если же, по его мнению, Франко злоупотребил своим положением, то нужно было бы применить против Франко дисциплинарные меры. Отсутствие реакции со стороны премьер-министра только укрепило Франко в выборе пути сопротивления режиму.

Письмо Франко — это типичный пример его поразительного самомнения, его уверенности в праве говорить за всю армию. В то же время масса околичностей в письме отразила ту самую непостижимую хитрость (retranca) галисийских крестьян. Когда Франко писал это письмо, он еще не стоял в строю заговорщиков. Желание Франко быть среди победителей, не подвергая себя риску, вряд ли делало его харизматическим лидером, хотя в этих его повадках можно обнаружить источник его лавирования во время Второй мировой войны. Одновременно с письмом Касаресу генерал Франко направил письма двум армейским коллегам: полковнику Мигелю Кампинсу, своему помощнику по Сарагосской академии, ныне командиру легкого пехотного батальона в Каталонии, и полковнику Франсиско Мартину Морено, начальнику штаба испанских войск в Марокко, с которым Франко служил, когда был там командующим. Как ясно видно из писем, Франко, еще формально не находясь в рядах заговорщиков, выражал беспокойство, что политическая ситуация может значительно ухудшиться, и армии придется вмешаться. И спрашивал, пойдут ли они вместе с ним, если такое случится. Мартин Морено в ответ написал, что если Франко прибудет в Тетуан, то он готов встать под его начало — «но ни под чье другое». Кампинс, напротив, ответил, что он лоялен правительству и республике и возражает против вмешательства армии. Тем самым он подписал себе смертный приговор[43].

Спустя несколько дней после того, как Франко отправил письмо Касаресу, произошло распределение ролей между заговорщиками. Франко должен был поднять восстание в Марокко. Кабанельяс брал на себя Сарагосу, Мола — Наварру и Бургос, Саликет — Вальядолид, Вильегас — Мадрид, Гонсалес Каррaско — Бургос, Годед — Валенсию, хотя Годеда больше привлекал Бургос[44]. Мола и другие заговорщики не хотели выступать без Франко. Он пользовался огромным влиянием в офицерском корпусе. Ведь ему довелось быть начальником и военной академии, и генерального штаба. Он также пользовался полным доверием испанских частей в Марокко. Переворот имел мало шансов на успех без участия в нем марокканской армии, и Франко был самым очевидным претендентом на место ее командующего. Но в начале лета 1936 года Франко все еще ждал

приглашения от правительства. Кальво Сотело часто ловил Серрано Сунь-ера в коридорах кортесов и приставал с вопросами: «О чем думает твой свояк? Что он делает? Он разве не понимает, что поставлено на карту?»[45]

Нежелание четко определить свою позицию и осторожность в контактах привели к тому, что среди друзей Франко заработал насмешливое прозвище Мисс Канарские Острова-36. Санхурхо, по-прежнему обиженный на Франко за его отказ присоединиться к нему в 1932 году, сказал, что «Франко не сделает ничего, что бы его скомпрометировало, он будет всегда оставаться в тени, потому что он хитрый (сисо)». Слышали также, как Санхурхо говорил, что восстание все равно произойдет — «с Франкито или без него»[46]. Было много хороших генералов, которые участвовали в заговоре, и еще больше таких, которые не участвовали. Колебания Франко раздражали Молу и Санхурхо не потому, что они теряли компетентного военачальника и не могли решить каких-то технических проблем. Им нужно было иметь этого человека в своей команде, так как они понимали, что его согласие положительно повлияет на многих других. Он был «светофором военной политики», как выразился Хосе Мариа Пеман[38][47].

Когда Франко сделал свой выбор, ему была отведена важная роль, но не решающая. На место главы государства в случае успеха прочили Санхурхо. Как техническому организатору и руководителю переворота, Моле в случае победы отводилась решающая политическая роль. Далее шел целый список генералов, которых распределили по регионам, среди которых Франко отводилось Марокко. Некоторые из генералов были равными по рангу Франко — в частности Фанхул (Мадрид) и Годед (Барселона). Не считая Санхурхо и Молы в новом государстве впереди Франко стояли еще два харизматических лидера из крайне правых — Хосе Кальво Сотело и Хосе Антонио Примо де Ривера. Если принять во внимание осторожность Франко, можно судить, что весной и в начале лета 1936 года он не проявлял особых амбиций. Когда Санхурхо как-то спросил, какую награду хотят получить его товарищи-заговорщики, Франко выбрал место верховного комиссара в Марокко[48]. Когда же ситуация изменится, Франко тут же, не колеблясь, возьмет себе много больше.

Вопрос о действиях Франко во время мятежа был впервые поставлен в директиве Молы по Марокко. Полковник Ягуэ должен был возглавлять там восстание до прибытия «авторитетного генерала». Таким генералом должен быть Франко, и Ягуэ написал ему, прося принять это решение. Вместе с депутатом от СЭДА

Франсиско Эррерой они решили лишить Франко путей к отступлению, послав к нему самолет, который должен был перебросить его за 1200 километров с Канарских островов в Марокко. Франсиско Эррера, близкий друг Хиля Роблеса, осуществлял связь между заговорщиками в Испании и в Марокко. Ягуэ был весьма предан Франко, поскольку после событий в Астурии его перевели из Марокко в Мадрид, в 1-й пехотный полк, и лишь благодаря личному вмешательству Франко он вернулся в Сеуту[49]. После встречи с Ягуэ 29 июня в Сеуте Эррера пустился в дальнее и утомительное путешествие в Памплону, чтобы, прибыв туда 1 июля, договориться насчет самолета для Франко. Кроме того что замысел Ягуэ и Эрреры требовал решения финансовых и технических проблем, Мола не был уверен, что Франко даст свое согласие на участие в восстании.

После консультаций с Кинделаном Франко 3 июля принял этот план. Эррера предложил съездить в Биарриц, переговорить там со ссыльными испанскими монархистами и убедить их финансировать перелет. Четвертого июля он разговаривал с бизнесменом Хуаном Марчем, миллионером, который должен был знать Франко по Балеарским островам. Тот согласился дать деньги. Затем Эррера связался с маркизом Лука де Тена, владельцем газеты «А-бэ-сэ», и попросил его содействия. Марч передал маркизу бланк чека, и тот выехал в Париж. Прибыв туда 5 июля, он позвонил Луису Болину, английскому корреспонденту своей газеты, и велел тому арендовать гидроплан, способный перелететь с Канарских островов в Марокко. Болин, в свою очередь, позвонил испанскому авиаконструктору и политическому деятелю Хуану де ла Сьерве (Cierva), жившему в Лондоне. Ла Сьерва прилетел в Париж и сообщил Лука де Тене, что подходящего гидроплана нет. Он же порекомендовал воспользоваться самолетом «Де Хэвиллэнд драгон рапид». Хорошо зная мир частной британской авиации, ла Сьерва посоветовал арендовать самолет у компании «Олли (ОНеу) эр сервисис», находящейся в лондонском районе Кройдон. Шестого июля Болин поехал в Кройдон и нанял «Драгон рапид»[39][50].

Для маскировки ла Сьерва и Болин решили взять в самолет несколько человек, якобы отправляющихся на курорт. Восьмого июля Болин поехал в Мидхерст в графстве Сассекс, чтобы встретиться с Хью Поллардом, отставным армейским офицером и большим любителем приключений. Поллард, его 19-летняя дочь Дай-ана и ее подруга Дороти Уотсон должны были лететь в качестве таких «туристов». Самолет вылетел из Кройдона рано утром 11 июля, ведомый Уильямом Генри Беббом, бывшим летчиком королевских ВВС. Несмотря на плохую погоду, в 10.30

утра самолет прибыл в Бордо, где Болина с дальнейшими указаниями ждали Лука де Тена и еще один монархист-заговорщик. Сделав посадки в Эшпиньо (Espinho), в Северной Португалии, и в Лиссабоне, они прибыли в Касабланку на следующий день, 12 июля[51].

Приближалась дата перелета в Марокко, и Франко одолевали все более серьезные сомнения, вызванные воспоминаниями об августе 1932 года. Восьмого июля Альфредо Кинделану удалось поговорить с Франко по телефону, и Кинделан пришел в ужас, узнав, что Франко еще не готов присоединиться к заговору. Мола узнал об этом двумя днями позже[52]. В тот же день, когда «Драгон рапид» прилетел в Касабланку, Франко направил в Мадрид шифрованное послание Киндела-ну для передачи Моле. Там было написано: «недостаточно широкая география» (geografia poco extensa), что означало отказ Франко присоединиться к восстанию, поскольку сложились неблагоприятные для восстания условия. Кинделан получил это послание 13 июля. На другой день он переправил его в Памплону Моле, выбрав курьером очаровательную женщину по имени Элена Медина Гарвей. Мола пришел в ярость. Поостыв, он разыскал летчика Хуана Антонио Ансальдо и велел ему доставить в Марокко генерала Санхурхо, чтобы тот выполнял функции Франко. Мадридским заговорщикам сообщили, что на Франко рассчитывать нечего. Однако двумя днями позже в Мадриде узнали о долгожданном согласии Франко присоединиться к ним[53].

Причиной внезапного изменения позиции Франко явились драматические события в Мадриде. Днем 12 июля фалангисты застрелили лейтенанта Хосе дель Кастильо из республиканской полиции особого назначения. Кастильо числился под номером два в «черном списке», составленном будто бы ультраправым Испанским военным союзом — организацией офицеров-заговорщиков, связанных с Испанским обновлением. Первый в «черном списке» — капитан Карлос Фараудо — был убит еще раньше. Разъяренные друзья Кастильо решили отомстить. Им не удалось найти Хиля Роблеса, который в это время отдыхал в Биаррице, и утром следующего дня они похитили и убили Кальво Сотело. Вечером 13 июля делегация социалистов и коммунистов во главе с Индалесио Прьето пришла к Касаресу с требованием раздать рабочим'оружие, пока не начался военный мятеж. Премьер-министр отказался, но он не мог не видеть, что началась война.

Политические страсти, закипевшие после обнаружения тела Кальво Сотело, сыграли на руку военным заговорщикам. Они восприняли убийство как сигнал спасать Испанию от катастрофы,

что можно было сделать, по их мнению, только вмешательством армии. Этот случай определил выбор многих колеблющихся, включая Франко. Когда утром 13 июля полковник Гонсалес Перал принес ему это известие, Франко воскликнул: «У Отечества появился еще один мученик. Больше ждать нельзя. Это сигнал!»[54] Кипя от возмущения, он сказал своему двоюродному брату, что дальнейшее промедление только усугубит проблему, поскольку утеряна всякая вера в способность правительства контролировать ситуацию. Вскоре после этого Франко послал телеграмму Моле. Позже в тот же день он велел Пакону купить два билета — жене и дочери — на германский пароход «Вальди» (Waldi), выходивший из Лас-Пальмаса курсом на Гавр и Гамбург[55]. Однако его предусмотрительность не распространилась на других родственников. Сестра жены Сита Поло, преодолев огромные опасности, все же сумела бежать с детьми из Мадрида, а Пилар Хараис, племянница Франко, попала в тюрьму с новорожденным сыном[56].

Преподавательница английского языка писала потом: «В то утро, когда до нас дошло известие об убийстве Кальво Сотело, Франко пришел на урок, и я увидела совсем другого человека. Он постарел на десять лет, не спал, видно, всю ночь. Впервые он утратил железный контроль над собой и неизменную безмятежность… Урок ему давался с видимым напряжением»[57]. Предположение Доры Леннард о бессонной ночи весьма похоже на правду, если учесть, что Франко после известия об убийстве Кальво Сотело пришлось быстро принимать кардинальные решения[40], а это не могло не сопровождаться мучительными сомнениями, о чем свидетельствуют предпринятые им в этот день меры по обеспечению безопасности жены и дочери.

Позже франкистская пропаганда использовала убийство Кальво Сотело для оправдания мятежа, замалчивая тот факт, что на самом деле мятеж 17—18 июля готовился задолго до того. В результате этого убийства заговорщики лишились сильного и харизматического лидера. Правый деятель с широкими взглядами и большим политическим опытом, Кальво Сотело был бы высшим гражданским лицом в руководстве страны после переворота, совсем не таким, как неприметные персоны, к услугам которых будет прибегать потом Франко. Невозможно не думать о том, какое влияние оказала бы личность Кальво Сотело на развитие государства. В результате его смерти был устранен важный политический соперник Франко — хотя в то время наверняка никто не мог представить это событие в таком историческом ракурсе.

Коротко говоря, убийство Кальво Сотело стало поводом для

восстания. «Драгон рапид» оставил Болина в Касабланке и далее взял курс на Канарские острова. Четырнадцатого июля в 14.40 он прибыл в аэропорт Гандо близ Лас-Пальмаса на острове Гран-Канария. Хью Поллард с двумя девушками сел на паром до Тенерифе, где он должен был сообщить о своем прибытии, явившись в клинику «Коста» с паролем «Галисия приветствует Францию» (Galicia saluda a Francia). Летчик Бебб остался на острове Гран-Канария ждать дальнейших инструкций от неизвестного ему эмиссара, который должен был дать знать о себе паролем «Матт и Джефф». Тем временем в 2 часа ночи 15 июля в номере отеля города Санта-Крус-де-Тенерифе, где жил Пакон, появился прилизанный дипломат Хосе Антонио Сангронис (Sangroniz) с последними новостями и сообщил дату начала восстания. Утром, в половине восьмого, Поллард пошел в клинику, где встретился с врачом Луисом Габардой, майором военно-медицинской службы, который от имени Франко велел Полларду возвращаться в отель и ждать эмиссара от Франко с инструкциями[58].

Франко же столкнулся с проблемами, оказавшимися поважнее удовлетворения его амбиций. Штаб-квартира командующего войсками Канарских островов, располагалась в местечке Санта-Крус на острове Тенерифе, а самолет «Драгон рапид» приземлился на острове Гран-Канария — отчасти потому, что он ближе к африканскому материку, но прежде всего по той причине, что Тенерифе окутывали низкие облака и густой туман. Из Санта-Круса на остров Гран-Канария Франко мог перебраться, только получив разрешение военного министра. Просьба совершить поездку с инспекционной целью, скорее всего, не сработала бы, так как очередная инспекция проводилась всего недели две назад. Восстание же было намечено на 18 июля, и, чтобы успеть в Марокко, следовало лететь в тот же день. Именно так оно и получилось, но никому из биографов, похоже, не кажется странным, что «Драгон рапид» направили на Гран-Канарию в уверенности, что Франко наверняка сумеет оказаться там. И то, что так произошло, стало результатом либо невероятного совпадения, либо грязной игры.

Утром 16 июля Франко не явился на урок английского[59]. В то же утро с генералом Амадо Балмесом, командующим войсками на Гран-Канарии, произошел несчастный случай во время стрельбы в тире. У него якобы заело пистолет, и, пытаясь разобраться с ним, Балмес повернул его дулом к себе, и тогда раздался выстрел[60]. Такой поворот событий как нельзя лучше устраивал Франко, и, чтобы предотвратить возможные слухи об убийстве, в дальнейших публикациях Балмес представляется франкистскими биографами

как одна из важных фигур заговора и близкий друг Франко. Балмес якобы должен был организовать переворот в Лас-Пальмасе, посему на его место и поставили весьма кстати сосланного туда Оргаса[61]. Странно, однако, что Балмес так никогда и не попал в пантеон героев крестового похода. И совсем странно, что, несмотря на поступивший из Мадрида отказ в поездке Франко с инспекцией на Гран-Канарию, сам он и его ближайшее окружение не сомневались, что окажутся в Лас-Пальмасе. Некоторые источники полагают, что Балмес был лояльным по отношению к республике офицером и членом Антифашистского республиканского воинского союза (Union Militar Republicana Antifascista) и что он отказался поддаться давлению и примкнуть к мятежу[62]. Если это так, то его жизнь, как и жизнь многих других офицеров-республиканцев, стала картой в грязной политической игре. Сейчас уже невозможно достоверно установить, было ли это несчастным случаем, убийством или самоубийством.

С уверенностью можно сказать лишь одно: он погиб в весьма подходящий момент. Обязанность возглавить похоронные процедуры послужила для Франко хорошим предлогом для поездки. Франко набрался решимости отправиться туда, на Гран-Канарию, не запрашивая разрешения, так как боялся, что все равно может не получить его. Кузен убедил его, что будет менее подозрительно, если он позвонит в министерство и поставит в известность заместителя министра, генерала де ла Круса Боульосу. Франко согласился. Совет оказался кстати — замминистра выразил удивление, что Франко не позвонил раньше и не доложил о смерти Балмеса. Франко отговорился тем, что хотел собрать более полную информацию о случившемся. Де ла Крус Боульоса дал Франко разрешение провести похороны. С Тенерифе Франко отбыл на почтовом пароходике «Вьера-и-Клавихо» после полуночи с 16-го на 17 июля в сопровождении жены, дочери, подполковника Франко Сальгадо-Араухо, майора Лоренсо Мартинеса Фусета и еще пяти офицеров. В Лас-Пальмас они прибыли в пятницу 17 июля в 8.30 утра. Поллард вернулся в Лас-Пальмас тем же судном. Перед отъездом с Тенерифе Франко вручил полковнику Гонсалесу Пералю текст заявления о военном восстании, которое надлежало зачитать на следующее утро. Бебб и Поллард вместе с генералом Оргасом делали последние приготовления к похоронам, которые заняли почти всю первую половину дня. Потом Франко взял жену и дочь и покатал их по городу. Позже они пообедали вместе с Пако-ном и Оргасом[63].

Восстание одновременно по всей Испании планировалось начать на следующее утро. Однако опасения, что заговорщиков в

Марокко могут арестовать, заставили их начать раньше — вечером 17 июля. Поднялись гарнизоны в Мелилье, Тетуане и Сеуте. В 4 часа утра Франко разбудили в отеле и сообщили новость. Полковник Луис Соланс, подполковник Сеги и полковник Дарйо Га-сапо (Gazapo) захватили Мелилью «именем Франко» и арестовали командующего войсками в Марокко генерала-республиканца Гомеса Морато. Ягуэ взял на себя Сеуту, а полковники Эдуардо Сайнс де Буруага, Хуан Бейгбедер и Карлос Асенсио Кабанильяс захватили Тетуан. Франко должен был испытывать благодарность к Бейгбедеру, прекрасному знатоку местных условий, за то, что он взял под контроль верховный комиссариат и тем самым обеспечил терпимое отношение марокканцев к мятежу[64].

Услышав об их успехе, Франко направился вместе с двоюродным братом и майором Мартинесом Фусетом в штаб гарнизона Лас-Пальмаса и послал за Оргасом. Оттуда он направил командирам всех восьми военных округов континентальной Испании и в другие важные центры телеграммы со следующим текстом: «Слава африканской армии. Испания превыше всего. Прими восторженные приветствия наших гарнизонов, которые в этот исторический момент присоединяются к тебе и другим нашим товарищам на полуострове. Слепо верим в нашу победу. Да здравствует Испания с честью. Генерал Франко». Новость о том, что Франко и марокканские части встали на сторону мятежников, подействовала на заговорщиков по всей Испании, как воинственный клич. Рассылка телеграмм недвусмысленно указывала на то, что Франко присвоил себе центральную роль в восстании по всей стране. В 5 часов утра 18 июля он подписал указ о введении военного положения. Его зачитывала по Лас-Пальмасу пехотная рота под звуки труб и барабанов. Примерно в это же время в штабе раздался телефонный звонок из Мадрида и растерянный заместитель военного министра, генерал де ла Крус Боульоса, попросил к телефону Франко. Майор Мартинес Фусет ответил, что Франко проверяет казармы[65].

В 5.15 утра 18 июля радио Лас-Пальмаса начало передавать манифест Франко. Текст, оказавшийся не совсем удачным, впоследствии приписали Лоренсо Мартинесу Фусету[66], хотя на экземпляре, посланном на радиостанцию, была собственноручная приписка Франко: «Да будет проклят тот, кто вместо того, чтобы исполнить свой долг, предаст Испанию. Генерал Франко». В манифесте Франко не прокламировал приверженности ни республике, ни монархии, а восстание оправдывал исключительно необходимостью положить конец анархии и тем

самым защитить отечество. В нем необходимость акции объяснялась также якобы вакуумом власти в Мадриде. Кое-что было сплошной выдумкой: там, в частности, утверждалось, что Конституция превратилась в клочок бумаги, правительство неспособно защитить границы Испании, «в то время как в сердце Испании можно услышать призывы зарубежных радиостанций к разрушениям на нашей земле и к ее разделу». Манифест угрожал «беспощадной войной против злоупотребляющих на ниве политики» и обещал, что «энергичность в поддержании порядка будет пропорциональна ожесточенности оказываемого сопротивления»[67].

Франко лично связался с верными офицерами на острове, и по его приказу они установили контроль над почтой, телеграфной и телефонной связью, электро- и радиостанциями, системой водоснабжения. Трудности возникли с местным командиром гражданской гвардии полковником Бараибаром, которого пришлось долго уговаривать присоединиться к мятежу[68]. Тем временем Франко, его семья и группа его соратников по мятежу подверглись серьезной опасности. У здания муниципалитета собралась толпа, из порта в город подтягивались группы рабочих. Пакону удалось помешать соединиться этим двум группам, и, используя легкую артиллерию, к 7 часам утра толпу удалось рассеять. Потом к осажденным мятежникам присоединились отставные офицеры, фалангисты и другие правые, которым раздали оружие. Ситуация оставалась напряженной, и Франко хотелось поскорее отправиться в Африку. Командование на Канарах он передал Оргасу. Кармен Поло и Карменсита Франко в сопровождении верных людей были отправлены в порт и укрыты на борту корабля «Уад Арсила», пока не подошел немецкий лайнер «Вальди», доставивший их в Гавр[41][69].

На острове еще продолжались столкновения, а сам Франко в 11 часов утра на военном катере отправился в аэропорт Гандо, где его ждал «Драгон рапид» Бебба, поскольку по дорогам через населенные пункты, контролируемые Народным фронтом, добраться туда было практически невозможно. Катер подошел максимально близко к берегу, и моряки переправили Франко и его компанию на берег[70]. Восемнадцатого июля в 14.05 самолет взлетел и взял курс на Марокко. Говорили, что, опасаясь быть перехваченным, Франко вез с собой письмо на имя премьер-министра. В нем он будто бы писал о намерении прибыть в Мадрид, чтобы сражаться на стороне республики[71]. Это противоречит тому факту, что Франко имел при себе паспорт на имя Сангрониса и собирался выдавать себя за испанского

дипломата. К тому же он был одет в темно-серый гражданский костюм. Пакон был в белом костюме, а свои воинские документы оба выбросили[72]. Франко для конспирации надел очки и по дороге сбрил усы.

В отношении деталей перелета нет единого мнения. Аррарас и Болин «одели» Франко в темно-серый костюм, а по словам Франко Сальгадо-Араухо, оба они были одеты в белые летние костюмы. В это легче поверить, чем в рассказ Хиллса, который утверждал, будто Франко переоделся в арабскую одежду, или Крозьера, который сюда добавляет и тюрбан. Арабский бурнус — весьма странный наряд для человека, путешествующего с испанским дипломатическим паспортом. Франко Сальгадо-Араухо утверждает, что они сложили военную форму в чемодан и выкинули его с борта самолета. Судя по тому, как трудно выбросить чемодан из самолета на лету, и по тому, что из самолета оба вышли в военной форме, память Пакона, похоже, изменила ему. Есть противоречия и в описаниях, когда и где он сбрил усы — в полете или во время остановки в Касабланке. Пакон и Аррарас относят событие на борт самолета, однако сомнительно, чтобы Франко смог побриться в условиях тряски и падений в воздушные ямы. Луис Болин, который в Касабланке жил с Франко в одном номере, утверждает, что он побрился там[73]. Как бы то ни было, Кейпо де Льяно позже едко шутил, что единственное, чем Франко пожертвовал ради Испании, были его усы[74].

Во второй половине дня они сделали остановку в Агадире, где с трудом смогли заправиться. Потом «Драгон рапид» взял курс на Касабланку, куда они прилетели поздно вечером и были немало удивлены отсутствием посадочных огней. Топливо было на исходе; и на борту возникло беспокойство. Официально аэропорт был закрыт, но Болин заранее подкупил там служащего. Огни же не горели из-за того, что перегорели предохранители. Приземлились благополучно и за ужином решили, по совету Бебба, отложить полет на север до утра. Несколько часов провели в отеле. Девятнадцатого июля на рассвете самолет взял курс на Тетуан. Франко, почти не спавший трое суток, в 5 утра был полон энергии. Когда самолет пересек границу Испанркого Марокко, Франко и Пакон вновь переоделись в военную форму. Не зная, что их ждет внизу, они стали кружить над аэродромом Тетуана, пока не увидели подполковника Эдуардо Сайнса де Буруагу, старого друга Франко, «африканца». Убедившись, что все в порядке, Франко закричал: «Можем садиться, вижу блондина» (Podemos aterrizar, he visto ai rubito) — и они сели, с восторгом встреченные ожидавшими их мятежниками[75].

Тут же, узнав об острой нехватке самолетов у мятежников, Франко решил, что Болин полетит с Беббом на «Драгон рапиде» в Лиссабон, проинформирует Санхурхо, а потом направится в Рим за помощью. Через два часа после посадки, в 9.00, «Драгон рапид» вылетел в Лиссабон с Болином на борту, который вез бумагу от генерала Франко. Текст гласил: «Я уполномочиваю дона Луиса Антонио Болина провести в Англии, Германии или Италии переговоры о срочной закупке самолетов и авиационного оборудования для испанской немарксистской армии». Когда Болин попросил уточнить детали, Франко приписал карандашом внизу листа: «12 бомбардировщиков, 3 истребителя с бомбами (и оборудованием для бомбометания) от 50 до 100 килограммов. Тысячу 50-килограммовых бомб и еще 100 штук весом 500 килограммов». В Лиссабоне Болин получил полномочия для.выполнения своей миссии еще и со стороны Санхурхо. Двадцатого июля самолет вылетел из Лиссабона в Биарриц, а 21 июля Бебб[42] доставил Болина в Марсель, откуда тот направился в Рим просить Муссолини оказать военную помощь[76].

Оперативность, с которой Франко обратился за иностранной военной помощью, является красноречивым свидетельством его самоуверенности и амбициозности. Санхурхо был убежден, что Франко не мечтает ни о чем большем, как о должности верховного комиссара в Марокко. Однако опыт, полученный Франко во время подавления восстания в Астурии, заставил его оценить свои способности по более высокой мерке и поднять планку своих запросов. Как далеко заходили его амбиции, не мог бы сказать и он сам. Ситуация будет быстро меняться с уходом со сцены конкурентов, налаживанием отношений с немцами и итальянцами, колебаниями границ контролируемой мятежниками зоны. Всегда отличавшийся гибкостью, Франко подправит свои устремления в ходе драматического развития событий и появления более соблазнительных перспектив.

Глава 6 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛИССИМУСА

Июль — август 1936года

Нет никакого сомнения в том, что нелепая фигура Франко — маленького, рано растолстевшего — тем не менее оказывала большое воздействие на окружающих и поднимала их моральный дух. Это его качество сыграет крайне важную роль в победе националистов и поставит его во главе мятежников. Стряхнув с себя наконец весеннее оцепенение, он на время обрел прежнюю смелость и склонность к авантюрам, вернул себе те качества, которые так хорошо послужили ему на пути к званию генерала. Они помогли ему в начале восстания, принесли победы в первые месяцы Гражданской войны и подняли впоследствии к порогу абсолютной власти. А потом снова заявит о себе осторожность.

Когда в половине восьмого утра воскресенья 19 июля он въехал в Тетуан, на улицах стояли люди и выкрикивали «Вива Эспанья!» и «Вива Франко!». В верховном комиссариате офицеры устроили ему пышную встречу с оркестром. Первым делом он написал обращение к мятежникам Марокко и всей Испании. Самоуверенность Франко била в этом обращении через край. Начав с утверждения, что «Испания спасена», он заканчивал безгранично самонадеянным, в своем духе, заявлением: «Слепая вера, никаких сомнений, неистощимая энергия и никаких колебаний — этого требует Отечество. Движение сметет все на своем пути, и нет человеческой силы, способной остановить его». Постоянно передаваемое местными радиостанциями, оно возымело скорый эффект, подняв дух мятежников. Когда во второй половине дня он прибыл в Сеуту, обстановка, царившая там, предвещала скорее легкий победоносный марш, чем кровавую бойню. Он поехал в штаб Легиона в Дар-Риффьене. Примерно за шестнадцать лет до этого он впервые оказался там в качестве заместителя командира вновь образованного войскового формирования. Он не мог не подумать о судьбе, когда услышал, как солдаты восторженно скандируют: «Франко! Франко! Франко!» Ягуэ произнес короткую эмоциональную речь: «Вот они, те же, что и тогда... Великолепные и готовые на все. Ты, Франко, который столько раз вел их к победе, возглавь их вновь во имя чести Испании». И только что прибывший глава мятежников, едва не плача, обнял Ягуэ и обратился к легионерам. Он предположил, что они соскучились по боям, и тут же увеличил им жалованье, и

без того вдвое большее, чем в регулярной армии, на одну песету в день[1].

Этот практичный жест показал, что за риторикой он не забывал о необходимости укрепить поддержку со стороны тех, на кого ему придется опираться в последующие несколько критических недель. Сразу по прибытии в верховный комиссариат он провел совещание с участием полковников Сайнса де Буруаги, Бейгбедера и Мартина Морено, где шел разговор о вербовке добровольцев из числа марокканцев[2].

По возвращении из Дар-Риффьена в Тетуан, он предпринял шаги по обеспечению лояльности местного населения, вручив великому визирю высшую испанскую награду за храбрость — Большой крест святого Фернандо с лаврами. Такой награды Сиди Ахмед эль-Гамниа удостоился за подавление анти-испанских беспорядков в Тетуане[3]. Это награждение облегчит в дальнейшем вербовку марокканских наемников для боев в Испании[4].

Готовность использовать марокканцев в Испании Франко продемонстрировал еще в октябре 1934 года. Звериную жестокость Легион и «регуларес» вновь проявят во время кровавого наступления на Мадрид в октябре 1936 года. Но для Франко это было, несомненно, обычное военное решение. Легион и «регуларес» относились к самым боеспособным частям испанских вооруженных сил, и Франко считал их применение вполне нормальным делом и не испытывал при этом никаких сомнений морального толка. Самыми эпическими страницами испанской истории, глубоко вошедшими в национальную культуру, стали годы борьбы против мавров с 711-го по 1492 годы. В новейшие времена завоевание Марокканского протектората обошлось Испании в десятки тысяч потерянных там жизней. Посему использование марокканских наемников могло быть для их противников в Испании чревато последствиями. Это заодно показывает, насколько превратно понималось националистами чувство патриотизма, и свидетельствует об их готовности победить любой ценой.

Франко верил, что он восстал ради спасения Отечества — или, точнее, своей версии этого понятия — от проникновения в страну коммунизма и все средства для этого бьши хороши. Либералов и рабочих, голосовавших за Народный фронт, он не считал своими «соотечественниками». Участие Франко в астурийской кампании 1934 года позволяет предположить, что он станет относиться к рабочей милиции, которая будет препятствовать его продвижению на Мадрид, как к марокканским племенам, которые он усмирял с 1912-го по 1925 год. На первой стадии он будет вести себя так, словно воюет не с испанцами, а с

расовонеполноценным врагом. Везде, где пройдут его марокканские наемники, они будут сеять страх и ужас, грабить взятые города и деревни, хватать и насиловать женщин, убивать пленных и глумиться над трупами[5]. Франко предполагал, что так и будет, и написал книгу, в которой ясно высказывал свое одобрение подобным действиям[6]. Если у него и возникали угрызения совести, то они, несомненно, таяли от сознания огромной важности задачи, которую он поставил перед собой и своими товарищами по мятежу. Франко знал, что если они проиграют, то будут расстреляны. В этой связи африканская армия оказалась бесценным приобретением, войсками террора, потери в которых не вызывали политических последствий[7]. Значение террора при достижении сиюминутных и долговременных целей Франко уловил инстинктивно. В течение Гражданской войны и после нее те из его врагов, кто останется в живых, будут сломлены страхом, не решатся перейти в оппозицию, будут искать спасения в политической апатии.

Присоединение к мятежу Франко, известного своей холодной решимостью и уверенностью в себе, и его выступление во главе испанских сил в Марокко подняло моральный дух заговорщиков по всей стране. «Таймс» назвала его «братом известного авиатора» и «генералом-перебежчиком». Правительство республики 19 июля лишило его воинского звания[8]. Из двадцати одного действующего генерал-майора лишь четверо выступили против правительства — Франко, Годед, Кейпо и Кабанельяс[9]. Многие офицеры сделали свой выбор, услышав о присоединении к мятежу Франко[10]. Не один испанский офицер воскликнул при этом в порыве радости: «Франкито с нами! Мы победили!» (Franquito estd con nosotros! Hemos ganado!)[11] Они ошибались, считая победу уже завоеванной, и лишь Франко был среди них исключением: он считал, что война продлится пару месяцев. Путчисты же рассчитывали на молниеносный успех и установление военной директории по типу той, что создал Примо де Ривера в 1923 году. Они не учли мощи сопротивления рабочего класса.

Тем не менее на первых порах два способных генерала, Франко и Мола, действовали успешно. Пока Франко на юге испанской территории опирался на жестоких марокканцев, Мола на севере пользовался поддержкой наваррских карлистов из гражданских. В Памплоне прокарлистски настроенное население превратило переворот в празднество, высыпав на улицы и выкрикивая: «Да здравствует Христос-Вседержитель!» (Viva Cristo Rey!) Успех там и там вдохновил мятежников на наступление на Мадрид с двух сторон.

Восемнадцатого июля такая стратегия казалась еще делом

будущего. Восстание увенчалось успехом только на севере и северо-западе Испании, а также в отдельных изолированных очагах на юге — в районах, где правые победили на выборах. В Галисии и в глубоко католических районах Старой Кастилии и Леона, где правые пользовались массовой поддержкой,' сопротивление мятежу было незначительным. Торговые города, находившиеся под сильным влиянием Церкви — Бургос, Саламанка, Самора, Сеговия и Авила — пали почти без борьбы. В Вальядолиде же, после того как генералы Андрес Сали-кет и Мигель Понте арестовали командующего VII военным округом генерала Николаса Молеро, их людям с помощью местной фалангисгской милиции почти сутки пришлось подавлять сопротивление железнодорожных рабочих, поддерживавших социалистов[12]. А в сельских районах Андалусии, где основную массу населения составляли безземельные сельскохозяйственные рабочие, власть оказалась у левых. В южных городах было иначе. В Кадисе рабочие объявили всеобщую забастовку, и город оказался в их руках, но на выручку путчистам пришли подкрепления из Марокко под командованием генералов Хосе Лопеса Пинто и Хосе Энрике Варелы и установили контроль над городом. Кордова, Уэльва, Севилья и Гранада пали лишь после ожесточенного сопротивления. В Севилье, столице Андалусии и самом революционном городе на юге Испании, власть захватил долговязый неуравновешенный Кейпо де Льяно и кучка его сообщников по заговору. Обманом и наглостью они захватили штаб местной дивизии. Кейпо считался республиканцем, пока Алкала Самору — его свойственника — не сместили с президентского поста, после чего Кейпо возненавидел режим лютой ненавистью. Возможно, искупая свое республиканское прошлое, он, как все ренегаты, вскоре прославится своей жестокостью, впервые продемонстрированной им в рабочих кварталах Севильи во время подавления сопротивления мятежу[13].

В крупных городах и промышленных центрах — Мадриде, Барселоне, Валенсии и Бильбао — народ, видя нерешительность республиканского правительства, сам взял власть, то там, то тут нанося поражения мятежникам. В Мадриде генерал Рафаэль Вильегас, который должен был возглавить мятеж, спрятался в убежище и послал своего заместителя генерала Фанхула командовать пунктом, удерживаемым мятежниками — казармами «Монтанья». Их окружили вооруженные рабочие, схватили Фанхула, судили его и казнили[14]. Нанеся поражение мятежникам в казармах «Монтанья», вооруженные массы двинулись на юг, чтобы помешать успеху восстания в Толедо. Вместе с верными республике войсками они овладели городом. Однако мятежники

во главе с командующим гарнизоном полковником Хосе Москардо укрылись в Алка-саре, неприступной крепости, которая господствовала над городом и давала возможность удерживать контроль над рекой Тахо, охватывающей город с востока, юга и запада.

Мятеж потерпел поражение и в Барселоне, в результате чего заговорщики лишились одного из своих самых способных генералов — Мануэля Годеда, потенциального военного и политического конкурента Франко. В Барселоне Компанис отказался раздать оружие республиканцам, но арсенал был захвачен членами Национальной конфедерации трудящихся. Утром 19 июля войска мятежников вышли из казарм и направились маршем в центр города. Их встретили анархисты и гражданская гвардия, которая твердо встала на сторону правительства. Члены НКТ пошли на штурм казарм «Атарасанас» (Atarazanas), где расположился штаб мятежников. Когда Годед на гидросамолете прилетел с Балеарских островов, чтобы присоединиться к мятежникам, восстание уже было подавлено. Взятый в плен, он вынужден был обратиться по радио к мятежникам с призывом сложить оружие. Провал мятежа в Барселоне был жизненно важен для правительства, поскольку это означало, что Каталония остается лояльной[15].

В Стране Басков с ее резким делением на католическое крестьянство и ра-бочих-социалистов поддержка национальных чаяний со стороны республики склонила чашу весов на ее сторону. Как и предвидел Франко, роль гражданской гвардии и частей особого назначения сыграли решающую роль. Там, где полицейские формирования остались верными правительству, как это было в большинстве крупных городов, заговорщики потерпели поражение. В Сарагосе, оплоте НКТ, где этого не произошло, совместные действия полиции и военных позволили мятежникам овладеть городом до того, как анархо-синдика-листские массы пришли в движение. В Овьедо командующий гарнизоном полковник Антонио Аранда взял контроль над городом хитростью. Он заверил и Мадрид, и местные астурийские левые силы в своей лояльности республике. Узнав об этом, несколько тысяч горняков тогда отправились на защиту Мадрид да. В Понферраде они попали в засаду, устроенную гражданской гвардией, и многие были убиты. Аранда, переговорив с Молой по телефону, заявил о поддержке мятежников. На следующий день Овьедо оказался окружен разъяренными горняками[16]. Захват мятежниками Овьедо, Сарагосы и столиц провинций Андалусии был враждебно принят народом, и стало ясно, что мятежникам не удастся овладеть Испанией без полномасштабной войны.

Три дня спустя после начала мятежа в руках заговорщиков находилась примерно треть Испании, включая Галисию, Леон, Старую Кастилию, Арагон и часть Эстремадуры, а также изолированные анклавы в Овьедо, Севилье и Кордове. Крайне важное значение имела Галисия — из-за ее портов, хорошего снабжения продуктами и в качестве плацдарма для наступления на Астурию. В руках мятежников оказались районы с развитым аграрным сектором, но основные промышленные центры Испании остались под контролем республиканцев. У них было легитимное правительство и большая армия, хотя ее лояльность была под сомнением и вряд ли ее можно было использовать в полном масштабе. Правительство же отличалось нерешительностью. Вскоре мятежники получили обнадеживающий сигнал — Касарес Кирога вышел в отставку и был сформирован кабинет, склонный к компромиссу с мятежниками; президент Асанья провел консультации с умеренным республиканцем Диего Мартинесом Баррио, с социалистами Ларго Кабальеро и Прьето и со своим другом, консервативным республиканцем Фелипе Санчесом Романом. В качестве основы для компромисса Санчес Роман предлагал пакет мер, включавший запрет на забастовки и роспуск левой милиции. В итоге родилось центристское правительство Мартинеса Баррио. Убежденные, что правительство капитулирует в ответ на требования военных, мятежники серьезно не рассматривали его предложения[17].

На самом деле не только предводитель мятежников генерал Мола, но и левые республиканские силы не были готовы к сделке. Когда в 2 часа ночи 19 июля Мартинес Баррио позвонил Моле, тот ответил хотя и вежливым, но твердым отказом. Предложение занять пост в правительстве Мола отверг, сказав, что уже слишком поздно и любая договоренность означала бы предательство в отношении их приверженцев[18]. На другой день Мартинес Баррио был заменен Хосе Хиралом, сторонником Асаньи. После того как военный министр, генерал Хосе Миаха, безуспешно попытался уговорить Молу сложить оружие, Хирал в создавшейся ситуации принял кардинальное решение раздать оружие рабочим. После этого основная тяжесть по защите республики легла на плечи левой милиции. Революция, которую Франко, как он считал, пытался предотвратить, оказалась спровоцированной его военным мятежом. Взяв в руки оружие, левые подхватили власть, брошенную буржуазным политическим истеблишментом, который на глазах рассыпался. Левые республиканцы из среднего класса, умеренные социалисты и даже коммунисты пытались сдержать натиск масс в рамках буржуазной республики. До мая 1937 года им это было еще по силам.

Но в государстве, подвергаемом атакам со стороны части своей армии и больше не способном доверять даже тем, кто заявлял о своей лояльности, с разделенными полицейской и юридической системами, власть на местах постепенно переходила к появлявшимся на свет временным революционным органам. В таких условиях центральные власти в первые месяцы гражданской войны не могли предотвращать беззаконие со стороны экстремистских элементов в отношении лиц с консервативными политическими убеждениями. Задним числом мятежники попытались использовать эти факты для оправдания своего выступления. То, что коммунисты в конце концов сыграли ведущую роль в восстановлении порядка и подавлении революции, не было принято во внимание Франко и его сподвижниками, которые видели свою цель именно в спасении Испании от коммунистической угрозы. Это было основной политической целью, в обобщенном виде выдвигавшейся заговорщиками. Собственная декларация Франко, составленная на Канарских островах перед отбытием в Африку, заканчивалась словами: «Братство, Свобода и Равенство». Да и многие заявления офицеров заканчивались лозунгом «Да здравствует республика!». Самое большое отступление от демократии они видели в военной диктатуре, принявшей форму директории[19].

Различными были и военные прогнозы. Например, генерал Обргас считал, что мятежники достигнут своей цели в течение нескольких часов, максимум — дней[20]. Мола, понимая стратегическую важность овладения Мадридом и допуская возможность неудачи там мятежников, выдвигал идею двойного наступления на столицу: из Наварры и с юга, и рассчитывал завершить его недели за две-три. Оборот, который дело приняло с самых первых дней, посеял сомнения в умах самых смелых оптимистов. Среди заговорщиков практически только Франко, убежденный в решающем значении для успеха позиции гражданской гвардии, был настроен реалистически. Но даже он не предполагал, что война продлится дольше чем до середины сентября. Тем не менее он спокойно отнесся к разочарованиям первых дней, стараясь изыскать новые возможности продолжения войны и убеждая свое окружение питать «слепую веру» в победу. Не подлежит сомнению, что его «слепая вера» была искренней. Она являлась отражением и его темперамента, и его давней, еще по временам Африки, убежденности в том, что более высокий моральный дух — основа победы в любой битве. С первых дней службы в Легионе он верил и в то, что моральный дух должен подкрепляться железной дисциплиной. Категоричный оптимизм его первых выступлений по радио Тетуана сопровождался

жесткими угрозами в адрес тех, кто посмеет выступить против мятежников. Двадцать первого июля он пообещал, что организаторы «проявлений вандализма» (hechos vanddlicos) из Народного фронта будут «примерно наказаны». Двадцать второго июля он сказал, что «тем, кто сопротивляется нам, надеясь сдаться в последнюю минуту, пощады не будет»[21].

Не имея полных сведений о ходе мятежа по всей стране, Франко расположил свой штаб в помещении верховного комиссариата в Тетуане. Один из первых инцидентов наглядно продемонстрировал его методы насаждения железной дисциплины, с помощью которой он рассчитывал укрепить волю к победе. По прибытии в Тетуан ему сообщили, что его двоюродный брат майор Рикардо де ла Пуэнте Баамонде арестован и отдан под трибунал за то, что пытался защитить аэродром Тетуана от мятежников. Когда же он убедился в невозможности этого, то вывел из строя находящиеся там самолеты. По словам племянницы Франко, он и Рикардо де ла Пуэнте были друг для друга скорее родными, а не двоюродными братьями. Когда они стали взрослыми, между ними возникли политические разногласия. Во время восстания в Астурии Франко снял Рикардо с должности и в горячке однажды воскликнул: «Когда-нибудь мне придется тебя расстрелять». Де ла Пуэнте приговорили к смерти, и Франко ничего не сделал, чтобы спасти брата. Франко считал, что помилование явилось бы признаком слабости, а этого он не мог себе позволить. Не желая, правда, брать на себя ответственность за вынесение смертного приговора родственнику, он на короткое время передал командование Оргасу и оставил последнее слово за ним[22].

Пока Франко укреплял контроль над Марокко, на другом берегу пролива дела у националистов не клеились. Потеря Фанхула в Мадриде и Годеда в Барселоне стала сильным ударом по заговорщикам[23]. Мола и другие мятежники с нетерпением ждали приезда из Португалии ссыльного Санхурхо, чтобы тот возглавил победный марш на Мадрид. Но на рассвете 21 июля они получили известие, что генерал при странных обстоятельствах погиб[24]. Девятнадцатого июля нарочный Молы, монархист и гуляка, классный летчик Хуан Антонио Ансаль-до, принимавший участие в организации фалангисгских террористических банд, прибыл в летний дом в Эшториле, где жил генерал Санхурхо[25]. Представляется странным, что для миссии по возвращению Санхурхо был выбран маленький биплан «Пусс-Мот», тем более что перевозивший Франко самолет «Драгон рапид» только что приземлился в Лиссабоне. Можно было бы ехать и по земле. Прибыв, Ансальдо театрально объявил группе

сподвижников Санхурхо, что предоставляет себя в распоряжение главы испанского государства. Растроганный этой сценой, Санхурхо согласился отправиться в путь вместе с Ансальдо на его крошечном аэроплане[26].

Но возникла проблема с португальскими властями. Хотя Санхурхо находился в стране легально как турист, однако правительство Португалии не захотело иметь неприятности с Мадридом. И Ансальдо вынужден был пройти все таможенные формальности и отбыть из аэропорта Санта-Крус в одиночестве. Ему пришлось потом, 20 июля, возвращаться в Эшторил, забирать Санхурхо и взлетать с заброшенного ипподрома «Ла Маринья» в Бока-ду-Инферну (Уста ада), близ Каскаэша. Мало того, что Санхурхо и сам весил немало, он взял с собой, как говорил Ансальдо, большой чемодан с несколькими комплектами формы и наградами для церемониального въезда в Мадрид. Перегруженный аэроплан не успел набрать высоту, задел за деревья близ расположенной рощи, упал и загорелся. Санхурхо погиб, а пилот остался жив[27]. Однако по другой версии, катастрофа случилась в результате взрыва бомбы, подложенной анархистами[28].

Какой бы ни была причина, смерть Санхурхо сильно повлияла на ход войны и карьеру генерала Франко. Все заговорщики были единодушны, признавая Санхурхо своим вождем. Теперь, после его гибели, когда уже не было Фанхула и Годеда, Мола остался единственным генералом — конкурентом Франко. Позиция командующего африканской армией была более предпочтительной по сравнению с положением Молы как «директора» восстания, тем более что вскоре армия Франко станет краеугольным камнем в успехе националистов. С началом войны вооруженные формирования на полуоЪтрове, насчитывавшие примерно сто тридцать тысяч в армии и тридцать три тысячи в гражданской гвардии, разделились примерно поровну между мятежниками и республиканцами. Против закаленной в боях колониальной армии у новоиспеченной милиции и необученных призывников, не имевших к тому же добротной службы тыла и опытного командования, было мало шансов[29]. Еще одним потенциальным конкурентом Франко в борьбе за лидерство над мятежниками являлся вождь фалангистов Хосе Антонио Примо де Ривера, но он сидел в республиканской тюрьме в Аликанте.

В эти первые дни восстания вряд ли Франко заглядывал так далеко — основная его цель была — победа в войне. Смерть Санхурхо стала еще одним предупреждением заговорщикам, что дело еще далеко не выиграно. Провалы восставших в Мадриде,

Барселоне, Валенсии, Малаге и Бильбао вынудили путчистов думать над планом постепенного завоевания Испании. Поскольку Мадрид виделся им центром сопротивления республиканцев, их стратегия выразилась в наступлении на испанскую столицу войсками Молы с севера и африканскими частями Франко с юга. Мятежники, однако, столкнулись с непредвиденными проблемами. Продвижение Молы застопорилось в связи с необходимостью послать войска в Сан-Себастьян и Арагон. К тому же смешанные колонны из карлистских «реке-тес» и фалангистов, посланных Молой на Мадрид, были остановлены на севере в ущелье Сомосьерра, и на северо-западе, в Альто-дель-Леоне, наскоро созданной столичной рабочей милицией. Северной группировке мятежников противостояли также находившиеся под республиканским контролем провинция Сантандер, область Астурия и Страна Басков; к тому же восставшие испытывали недостаток оружия и боеприпасов.

А Франко приходилось думать о том, как перебросить войска на европейский континент: Заговорщики были с самого начала уверены в поддержке ВМС, но их расчеты разбились о бунт рядового состава флота. Оказавшись перед неприятной перспективой оказаться заблокированным в Марокко, Франко проявил ледяное спокойствие. Его железные нервы не давали ему склоняться под ударами судьбы, обрушившимися на мятежников. Даже самые плохие известия не портили ему сна[30]. Оптимизм Франко и его настрой на победу пронизывали его интервью, которое он дал 27 июля в Тетуане американскому репортеру Джею

Аллену. Аллен спросил Франко, сколько будет продолжаться кровопролитие — теперь, когда путч провалился. И Франко ответил: «Не может быть никакого компромисса, никакого перемирия. Я буду продолжать готовить наступление на Мадрид. Буду наступать. Возьму столицу. Я спасу Испанию от марксизма любой ценой». Франко отрицал, что мятеж зашел в тупик. «Я столкнулся со сложностями: отказ флота был чувствительным ударом, но я буду продолжать наступление. Постепенно мои войска умиротворят страну, и все это вскоре будет казаться кошмарным сном». Аллен спросил: «Не значит ли это, что придется Перебить пол-Испании?» На что Франко ответил с улыбкой: «Повторяю: любой ценой»[31].

Восемнадцатого июля, еще до прибытия Франко в Тетуан, эсминец «Чур-рука», два торговых парохода — «Кабо Эспартель» и «Ласаро» — и паром перебросили из Марокко в Кадис 220 человек военных. Однако через несколько часов команда «Чурруки», как и экипажи других кораблей, отказалась выполнять приказы своих

офицеров-заговорщиков. Девятнадцатого июля канонерская лодка «Дато» и паромное судно доставили из Марокко в Алхесирас еще 170 человек. В последующие дни лишь считаные единицы смогли пересечь пролив на марокканских фелюгах с треугольными полосатыми парусами[32]. Но они решительным образом повлияли на успех мятежа в Кадисе, Алхесирасе и Ла-Линеа. Спустя несколько часов после своего прибытия в Тетуан Франко уже обсуждал с кузеном Паконом и полковником Ягуэ проблему, как переправить Легион через Гибралтарский пролив. Однако счастье и тут улыбнулось Франко. Во-первых, власти в Гибралтаре прониклись симпатией к делу Франко и отказались оказывать портовые услуги республиканскому флоту. Во-вторых, генерал-монархист Альфредо Кинделан, родоначальник испанских военно-воздушных сил и один из главных заговорщиков, прибыл в Кадис в качестве связника Молы. Вышло так, что связь с Молой у него прервалась, и он вошел в контакт с командованием прибывших из Марокко частей. Из Ал-хесираса он позвонил Франко, и тот назначил его командиром своей авиации[33]. Помощь Кинделана в организации переброски через пролив оказалась весьма кстати.

Отрезанный морем от Испании, Франко с подачи Кинделана загорелся необычной по тому времени идеей перебросить армию через пролив по воздуху и таким образом пробить брешь в морской блокаде[34]. Те несколько самолетов, что имелись в Тетуане, были повреждены майором де ла Пуэнте Баамонде. Их удалось отремонтировать, а позже к ним присоединилось несколько единиц авиации из Севильи. Немногие легионеры, которых удалось перебросить по воздуху, были доставлены на аэродром Таблада в Севилье и помогли упрочить контроль Кейпо де Льяно над городом[35]. После этого с утренней зари до позднего вечера три трехмоторных транспортных самолета «Фоккер-УН/ЬЗш» и одна летающая лодка «Дорнье J-Wal» совершали челночные рейсы над морем. Каждый самолет делал четыре рейса в день, фоккеры брали на борт по шестнадцать. — двадцать солдат с оружием, а дорнье — двенадцать с посадкой на воду в Алхесирасском заливе. Двадцать пятого июля у Франко появился еще «Дуглас-2», способный брать на борт двадцать пять человек, а в конце месяца — еще одна летающая лодка «Дорнье J-Wal»[36].

Все же возможности воздушного моста были крайне ограничены, и Франко и его кузен были более всего озабочены тем, что Мола войдет в Мадрид раньше них. Как-то Франко сказал: «В сентябре мы вернемся на Канарские острова, счастливые и довольные после быстрой победы над коммунизмом»[37]. Еще до начала германской и итальянской

военной помощи Франко был весьма удовлетворен, как Кинделан, энергичный майор Хулио Гарсиа де Касерес и другие пилоты ВВС, ставшие на сторону мятежников, буквально творили чудеса. Они восстановили испорченные летающие лодки, восемь устаревших легких бомбардировщиков «Бреге-XIX» и два истребителя «Нюпор-52». На них, по замыслу Франко, предполагалось возложить задачу сеять панику среди неопытных матросов республиканских кораблей, когда Франко примет решение пересечь пролив по воде[38]. Франко оценил вклад Кинделана и 18 августа сделал его главнокомандующим ВВС (General Jefe del Aire)[39].

Еще не успел наладиться воздушный мост, а Франко начал искать другие пути прорыва морской блокады. Вечером 20 июля он созвал свой штаб. Присутствовали Ягуэ, Бейгбедер, Сайнс де Буруага и Кинделан, а также ряд офицеров флота и авиации. Получив заверения со стороны Кинделана, что имеющиеся в распоряжении самолеты способны вступить в бой с вражескими кораблями, Франко решил при первой же возможности направить морской конвой из Сеуты. Он отверг возражения Ягуэ и присутствующих морских офицеров, которых весьма смущала угроза со стороны республиканского флота. Франко, как всегда убежденный в важности влияния морального фактора на исход боя, считал, что команды республиканских кораблей, лишенные опытных офицеров — штурманов, механиков, артиллеристов — не представляют большой опасности. Он признал, что опасения его штабистов имеют основания, но заявил: «Я должен перебраться туда, и я переберусь». Это был тот редкий случай, когда Франко — осторожный, планировавший операции с учетом каждой мелочи — пошел на отчаянный риск. Он выступил против проведения операции ночью, потому что в таком случае лишался главного преимущества — возможности устрашения команд республиканских кораблей атаками с воздуха. Уточнение даты отправления конвоя отложили до времен, когда националисты будут иметь лучшее прикрытие с воздуха и соберут побольше информации о передвижениях республиканского флота[40]. Впоследствии операцию назначили на 5 августа.

В конечном счете перерастание мятежа в долгую изнурительную войну пошло на пользу Франко, сыграло на укрепление его позиций и его личной диктатуры. Поначалу, однако, изоляция Франко в Африке позволила Моле взять политическое руководство мятежом в свои руки, хотя в мыслях Франко, возможно, видел себя в лавровом венке победителя и считал себя, когда Санхурхо погиб, главой мятежников. Об этом Франко сообщил немцам и итальянцам. Однако развитие событий

на севере поставило под угрозу его амбиции.

Девятнадцатого июля, после объявления военного положения в Памплоне, Мола набросал более подробную версию документа об учреждении военной директории и о ее Политике корпоративности[41]. Двадцать третьего июля в Бургосе он создал Хунту национальной обороны из семи человек под номинальным руководством генерала Кабанельяса — после смерти Санхурхо самого старшего по списку генерал-майора из лагеря националистов. В хунту входили генералы Мола, Мигель Понте, Фидель Давила и Андрес Саликет, а также два полковника генштаба — Федерико Монтанер и Фернандо Морено Кальдерон. Мола хотел включить в нее и несколько гражданских лиц из Испанского обновления[42]. Кабанельяс с 1933-го по 1935 год был депутатом Радикальной партии Лерруса от провинции Хаэн и потому рассматривался своими коллегами как опасный либерал. Его руководящий пост в хунте объяснялся не только его старшинством, но и желанием Молы отделаться от его активного вмешательства в командование войсками сарагосского региона. Мола сам посетил 23 июля Сарагосу, и ему не понравилось, что Кабанельяс сдерживает полное подавление оппозиции и намеревается использовать бывших членов Радикальной партии при формировании муниципальных органов управления[43]. Двадцать четвертого июля хунта объявила Франко главнокомандующим вооруженных сил на юге. Первого августа Франсиско Морено

Фернандес был назначен адмиралом и командующим соединением кораблей, которые не поддержали республику, и включен в состав хунты[44].

Только 3 августа, после того как передовые части армии Франко пересекли Гибралтарский пролив, его включили в состав бургосской хунты вместе с Кей-по де Льяно и Оргасом. Функции хунты казались крайне неопределенными. Действительно, полномочия Кабанельяса были не более чем символическими. В Севилье Кейпо быстро создал де-факто нечто вроде феодальной резиденции, откуда управлял большей частью юга[45]. Между Франко и Кейпо существовала потенциальная основа для трений. Кейпо недолюбливал Франко как личность, а Франко не доверял Кейпо как одному из генералов, предавших монархию в 1931 году. Появились и более веские причины напряженности между ними. Кейпо хотел бросить прибывшие из Африки войска на расширение зоны в треугольнике Севилья — Уэлва — Кадис, которую он контролировал, и на завоевание Андалусии, в центральной и восточной областях которой революционеры пытались проводить процесс коллективизации[46]. Франко же

строил совсем иные планы и попросту игнорировал мнение Кейпо.

Натолкнувшись на препятствия при переброске марокканской армии в Испанию, Франко решил обратиться за помощью к правым силам за рубежом. Девятнадцатого июля «Драгон рапид» по дороге обратно в Лондон залетел в Лиссабон, а затем в Марсель. На его борту летел Луис Болин с бумагами, наскоро нацарапанными Франко и дававшими Болину полномочия вести переговоры о закупке самолетов и боеприпасов. В Марселе Болин покинул «Драгон рапид» и отправился в Рим поездом[47]. Первые же попытки Франко получить помощь из-за рубежа оказались успешными, хотя и потребовали нескольких дней беготни и нервного напряжения. Причем этим Франко был вынужден заниматься сам, поскольку ни Болин, ни монархистские эмиссары, посланные Молой, не смогли договориться с Муссолини, который с подозрением относился к испанским правым, то и дело заявляя, что у них вот-вот начнется революция[48].

Пока Болин путешествовал, Франко 20 июля побеседовал с итальянским военным атташе в Танжере майором Джузеппе Луккарди и попросил его содействия в получении транспортных самолетов. Луккарди телеграфировал в Рим, в службу военной разведки, где сильно сомневались в целесообразности помоши испанским мятежникам. Муссолини полностью разделял эти сомнения[49]. Двадцать первого июля Франко вновь встретился с майором Луккарди и сетовал на невероятные трудности переброски войск через пролив. На Луккарди разговор с Франко произвел впечатление, и он добился встречи Франко с полномочным посланником Италии в Танжере Пьером-Филиппо де Росси дель Лион Неро. Двадцать второго июля Франко убедил того направить в Рим телеграмму с просьбой предоставить мятежникам двенадцать бомбардировщиков или гражданских транспортных самолетов. Муссолини просто черкнул голубым карандашом «Нет» под текстом телеграммы. На пришедшей следом и проникнутой отчаянием телеграмме дуче написал: «В досье»[50]. Тем временем 21 июля в Рим приехал Болин. Вначале они с маркизом де Виана, у которого на руках было рекомендательное письмо от изгнанного короля Альфонса XIII, были радушно приняты новым итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чано. Болин еще находился под впечатлением недавней беседы с Франко в Касабланке и стал убеждать Чано, что теперь, после смерти Санхурхо, Франко будет бесспорным лидером мятежников. Чано собрался было поддержать Болина, но после консультации с Муссолини

отказался пойти ему навстречу[51]. Но Чано заинтриговала телеграмма де Росси из Танжера с просьбой внимательно отнестись к притязаниям Франко на власть[52].

Чано еще переваривал информацию из Танжера, а 25 июля в Рим прибыла авторитетная делегация от генерала Молы. Не ведая о попытках Франко получить итальянскую помощь, Мола 22 июля созвал на совещание шестерых известных монархистов[43]. Мола подчеркнул острую необходимость в иностранной помощи, и на совещании было решено направить Хосе Игнасио Эскобара, аристократа и владельца газеты «Эпока», в Берлин, а Антонио Гойкоэчеа, подписавшего пакт с Муссолини в марте 1934 года, главой делегации в Рим. На переговорах делегации Гойкоэчеа с Чано выяснилось, что Молу больше интересуют патроны, чем самолеты[53]. Просьбы Молы не шли ни в какое сравнение с грандиозными запросами Франко. Муссолини к этому времени заинтересовался ситуацией в Испании, поскольку получил данные, что французы собираются оказать помощь республике[54]. В пику французам, а не в ответ на усилия Франко в Танжере и старания монархистов в Риме, Чано наконец 28 июля удовлетворил просьбу Франко, поставив мятежникам двенадцать бомбардировщиков «Савойя-Маркетти S.81 Пипистрелло»[55].

Бомбардировщики взлетели с аэродрома Кальяри, главного города Сардинии, ранним утром 30 июля. Из-за необычно сильного встречного ветра у трех самолетов кончилось горючее. Один упал в море, другой разбился при вынужденной посадке в алжирском местечке Уджа (Oudja), а третий целым и невредимым приземлился во французской зоне Марокко, где его конфисковали[56]. Тридцатого июля Франко сообщили, что оставшиеся девять самолетов приземлились на аэродроме в Надоре. Однако они не могли летать, пока из Кальяри не пришел танкер с высокооктановым бензином для их двигателей «Альфа-Ромео». Поскольку испанцев, которые смогли бы пилотировать бомбардировщики, не хватало, итальянские летчики были зачислены в Испанский иностранный легион[57]. Вскоре стали поступать и германские самолеты, и операция по переброске солдат марокканской армии через пролив пошла быстрее.

История с переговорами об оказании итальянской помощи показывает, что Франко захватил инициативу в свои руки и уже не собирался выпускать ее. Эта история показывает и то, что Муссолини и Чано безоговорочно сделали ставку на Франко, а не на Молу. Кстати, в своих телеграммах де Росси употреблял термины «франкистский мятеж» и «движение Франко»[58]. И в контактах с немцами Франко преуспел больше Молы. Вообще-то Мола еще прежде Франко делал ставку на немцев, но его

эмиссары запутались в клубке берлинской бюрократии нижнего уровня. Напротив, Франко удалось заручиться поддержкой энергичного нациста, проживавшего в Марокко, который имел хорошие контакты по партийной линии через «Auslandorganisation»[44]. Более того, как и в случае с итальянцами, немцев привлек тот факт, что Франко командовал наиболее боеспособными соединениями испанской армии[59].

Первые попытки Франко получить германскую помощь не кажутся амбициозными. В его штабе в Тетуане контакты с немцами осуществлял Бейгбедер. И вот 22 июля Франко и Бейгбедер обратились в германское консульство в Тетуане с просьбой отправить телеграмму почитателю Франко генералу Эриху Кюленталю, германскому военному атташе во Франции и Испании, имевшему резиденцию в Париже. В телеграмме содержалась просьба направить в Испанское Марокко десять военно-транспортных самолетов с немецкими экипажами. Заканчивалась она словами: «Контракт будет подписан после. Очень срочно! Во имя генерала Франко и Испании». Умеренный тон телеграммы не мог подстегнуть немцев на оказание необходимой Франко официальной помощи. Она пришла в Берлин рано утром 23 июля и встретила прохладный прием[60]. После этой телеграммы Франко решил напрямую обратиться к Гитлеру.

Двадцать первого июля, за день до отправки телеграммы Кюленталю, Франко встретился с немецким бизнесменом, жителем Марокко по имени Йоханнес Эберхард Франц Бернхардт. Он был активистом нацистской партии и другом Молы, Ягуэ, Бейгбедера и других «африканцев». Бернхардту довелось стать ключевой фигурой в вопросе оказания германской военной помощи испанским националистам. Послав телеграмму Кюленталю, Франко не успокоился и решил в тот же день, 22 июля, прибегнуть к помощи Бернхардта, чтобы официально обратиться к правителям Третьего рейха выделить транспортные самолеты. Бернхардт информировал об этом ортсгруппенляйтера нацистской партии в Марокко, еще одного местного немца, бизнесмена Адольфа Лангенхайма[61]. Лангенхайм с неохотой согласился поехать в Германию вместе с Бернхардтом и капитаном Франсиско Аррансом (Arranz), начальником штаба франкистских карликовых ВВС[62]. Исполнение плана облегчалось прибытием 23 июля в Тетуан почтового «Юнкерса-52/3ш» компании «Люфтганза», который по приказу Франко был реквизирован Оргасом в Лас-Пальмасе 20 июля. Миссия Бернхардта была довольно-таки смелой инициативой со стороны Франко, который, став получателем германской помощи,

совершил гигантский шаг на пути к абсолютной власти..

Когда 24 июля компания прибыла в Германию, Гитлер находился на вилле Ванфрид, где когда-то жил Вагнер. Он приехал туда, чтобы присутствовать на ежегодном вагнеровском фестивале в Байройте. В МИДе Германии делегации дали от ворот поворот, так как опасались международных последствий от прецедента оказания помощи испанским военным мятежникам. Однако ее принял Эрнст Вильгельм Боле (Bohle), шеф зарубежной сети нацистской партии. Он устроил ей поездку в Баварию и встречу с Рудольфом Гессом, а тот в свою очередь организовал им встречу с фюрером[63]. Гитлер принял эмиссаров Франко вечером 25 июля после представления «Зигфрида», которым дирижировал Вильгельм Фюртвенглер. У эмиссаров было короткое письмо Франко, содержавшее просьбу поставить стрелковое оружие, истребители, транспортные самолеты и зенитные орудия. Вначале Гитлер, ознакомившись с письмом, не проявил особого энтузиазма, но потом в ходе двухчасового монолога он довел себя до состояния неистового воодушевления и, хотя заметил, что у испанских мятежников нет денег, воскликнув: «Так войну не начинают!» — после нескончаемых разглагольствований о большевистской угрозе принял-таки положительное решение. Гитлер тут же вызвал военного министра Вернера фон Бломберга и министра авиации Германа Геринга и сообщил им о своей готовности начать операцию, которая получит название «Волшебство огня» (Unternehmen Feuer-zauber), и дать Франко двадцать самолетов вместо запрошенных десяти. Выбор названия операции объясняется тем, что Гитлер продолжал оставаться под впечатлением музыки, которая сопровождает прохождение Зигфрида через языки пламени, когда он идет освобождать Брунгильду. Геринг выразил было некоторую озабоченность, указывая на рискованность операции, но потом стал горячим ее сторонником[64].

Риббентроп поначалу считал, что рейху не стоит ввязываться в испанские дела, дабы не осложнять отношения с Англией. Гитлер, однако, оставался непреклонен в своем решении остановить коммунизм[65]. Фюрер твердо придерживался мнения, что операция должна проводиться тайно. Для этого надо создать частные компании по организации помощи Испании и получить через них впоследствии платежи. Эта идея воплотилась в деятельности двух компаний,

HISMA и ROWAK, осуществлявшейся в форме бартера[45]. Хотя это не предусматривалось сделкой, вскоре поставки испанских руд станут существенным фактором в программе перевооружения Германии и важнейшим элементом отношений между Франко и

Германией[66].

Предполагают, что Гитлер советовался с адмиралом Канарисом, загадочным шефом абвера — германской военной разведки. Энергичный Канарис хорошо знал Испанию, проведя там известное время в качестве секретного агента во время Первой мировой войны, и бегло говорил по-испански. Не похоже, чтобы он был в Байройте во время визита Бернхардта, но раз Гитлер решил помочь Франко, то Канарис должен был стать связующим звеном, что вызывало раздражение Геринга. Канарис регулярно посещал Испанию для решения различных проблем, и в результате этих визитов у него установились личные отношения с Франко[67]. Канарис быстро взял под свой контроль германскую помощь Испании. С 4 августа он поддерживал связь со свежеиспеченным генералом Марио Роаттой, щеголеватым шефом итальянской военной разведки. В конце месяца они договорились, что итальянская и германская помощь будет направляться исключительно Франко[68].

Несмотря на все попытки Молы опередить Франко, именно тот стал человеком, известным заграница и пользующимся ее поддержкой[69]. Различия в отношениях того и другого с немцами были довольно значительны. Эмиссары Франко имели прямой выход на нацистскую партию, приезжали с внушающими доверие документами и внушительными запросами. Посланник Молы, Хосе Игнасио Эскобар, не имел ни соответствующих бумаг, ни особых просьб кроме обычных поставок патронов. Эскобару приходилось искать старые контакты среди германского дипкорпуса, в целом отрицательно настроенного к авантюре в Испании. По информации, которую клали на стол германским руководителям, Франко был явно ведущим генералом среди мятежников, амбициозным, вызывающим доверие, тогда как Мола казался посредственным профессионалом, лишенным видения перспектив[70]. Намерения Франко проглядываются в его лживой реплике из разговора с Лангенхаймом, будто он заправляет в директорате, состоящем из него, Молы и Кейпо де Льяно[71].

Решение Гитлера направить Франко двадцать бомбардировщиков помогло повернуть ход мятежа, неудачно начавшегося и перераставшего в кровавую и затяжную Гражданскую войну, хотя было ясно, что Франко перебросит своих солдат через пролив и без германской помощи. Десять «Юнкерсов-52/3т», загруженных вооружением и оборудованием для двадцати обещанных самолетов были отгружены в Гамбурге 31 июля и доставлены морем в Кадис 11 августа. Другие десять, замаскированные под гражданские транспортные самолеты, совершили перелет в Испанское Марокко с 29 июля по 9 августа.

Все везли с собой техников и запчасти[72]. Двадцать девятого июля довольный Франко телеграфировал Моле: «Сегодня прибывает первый транспортный самолет... Они будут прибывать по два в день, пока их число не достигнет двадцати. Ожидаю также шесть истребителей и двадцать пулеметов». Телеграмма заканчивалась на триумфальной ноте: «Мы хозяева положения. Да здравствует Испания!» Все самолеты, кроме одного, который сбился с курса и сел на республиканской территории, благополучно прибыли к Франко[73].

Несмотря на улучшение переброски войск по воздушному мосту, есть изрядная доля преувеличения в многократно цитировавшихся словах Гитлера, произнесенных в 1942 году, о том, что «Франко следует воздвигнуть монумент во славу «юнкерсов», и испанская революция должна благодарить эти самолеты за свою победу»[74]. «Юнкерсы» были только частью воздушного моста, хотя и весьма существенной. На этой стадии мятежа не менее важным оказался неиссякаемый оптимизм Франко, который помогал поддерживать высокий моральный дух в войсках и укреплял его авторитет среди мятежников по всей Испании. В Бургосе Мола сильно переживал, что африканская армия все еще не переправлена в Испанию. Он телеграфировал Франко 25 июля, что подумывает отойти за реку Дуэро, после того как его первая атака на Мадрид была отбита. Франко ответил ему с характерными для него твердостью и оптимизмом: «Держитесь стойко. Победа будет за нами»[75].

Первого августа Франко снова направил Моле телеграмму: «Мы успешно проведем конвой, крайне важный для нашего наступления»[76]. Второго августа в сопровождении Пакона Франко вылетел в Севилью, чтобы оживить подготовку марша на Мадрид, которую вел полковник Мартин Морено. Начало марша намечалось на этот день[77]. Франко мог убедиться, что даже с использованием итальянских и германских транспортных самолетов воздушный мост работает медленно. Реализация плана морского конвоя была намечена на 2 августа, потом сдвинута еще на один день, но и этот срок выдержать не удалось. Вернувшись 3 августа в Марокко, Франко собрал свой штаб, чтобы назначить новую дату для броска его флотилии через пролив. Франко настаивал на том, чтобы конвой с войсками отправился из Сеуты на заре 5 августа, несмотря на возражения Ягуэ и офицеров флота. Убежденный в неопытности команд республиканских кораблей, Франко оставил без внимания все их возражения[78]. Он также знал, что республиканским ВМС будут мешать германские корабли, патрулирующие марокканские берега[79]. После совещания 4 августа он послал Моле еще одну ободряющую

телеграмму[80].

Утром 5 августа самолеты Франко совершили налет на республиканские корабли в заливе, и конвой двинулся в путь, но вынужден был вернуться из-за густого тумана. Франко тем временем позвонил Кинделану в Алхесирас и попросил, чтобы тот обратился к британским властям Гибралтара с ходатайством запретить заход в порт республиканского эсминца «Лепанто». Там положительно отнеслись к этой просьбе и разрешили эсминцу только спустить на берег убитых и раненых и уйти из порта. Конвой из паромов и военных кораблей с тремя тысячами солдат на борту снова вышел в море уже к вечеру. Франко наблюдал за выходом с горы Эль-Ачо (El Hacho). Прикрытие с воздуха состояло из двух гидропланов «Дорнье», бомбардировщиков «Савойя-81» и шести истребителей «Бреге». Республиканские корабли, хотя и находились на расстоянии прямой видимости, но, подвергаемые атакам с воздуха, мало чем могли помешать проходу конвоя. Успех так называемого «конвоя победы» довел численность солдат, переправленных через пролив, до восьми тысяч, и к тому же с ним было доставлено огромное количество снаряжения и боеприпасов[81].

Успешное проведение конвоя явилось сильнейшим психологическим ударом по республике. Новость об участии в боевых действиях жестокой африканской армии подрывала моральный дух республиканцев и, напротив, поднимала настроение в националистской зоне. К 6 августа суда с войсками уже регулярно пересекали пролив под прикрытием итальянских летчиков. Немцы подослали шесть истребителей «Хейнкель-51» и девяносто пять добровольцев — пилотов и механиков из люфтваффе. В течение недели начались регулярные поставки мятежникам оружия и боеприпасов от Гитлера и Муссолини. Воздушный мост такого масштаба был первым в мире и представлял стратегическую новинку, придуманную генералом Франко, что немало способствовало росту его престижа. С июля по октябрь 1936 года было совершено 868 вылетов и перевезено около четырнадцати тысяч солдат и офицеров, 44 артиллерийских орудия и 500 тонн снаряжения и боеприпасов[82].

В это время Мола допустил серьезную политическую промашку, повлиявшую на соотношение сил внутри националистского лагеря. Первого августа в Бургос на автомашине «бентли» с собственным шофером приехал наследник испанского престола, третий сын Альфонса XIII, высокий и добродушный Хуан Бурбон[46]. Горя желанием сражаться на стороне националистов, он оставил свой дом в Канне 31 июля — в день, когда его жена донья Мария де лас Мерседес произвела на

свет дочь. Мола приказал гражданской гвардии принять меры, чтобы Хуан Бурбон немедленно покинул Испанию. Мола сделал это поспешно, не посоветовавшись со своими коллегами-генералами, тем самым продемонстрировав неуклюжесть и свои антимонархические настроения. В результате этого инцидента офицеры-монархисты стали больше ориентироваться на Франко[83]. Напротив, когда Франко позже совершил аналогичный шаг, не дав дону Хуану поступить добровольцем во флот и служить на крейсере «Балеарес», он позаботился о том, чтобы представить свой шаг как стремление не дать наследнику трона скомпрометировать себя, поскольку принц должен быть «королем всех испанцев», и не воевать против части своих подданных[84].

Два дня спустя после «конвоя победы» Франко прилетел в Севилью и разместил свою штаб-квартиру в великолепном дворце маркизы де Яндури[85]. Резиденция Франко разительно отличалась от скромной обители Кейпо, и великолепие дворца нужно было отнюдь не для военных потребностей, а чтобы лишний раз подчеркнуть политические амбиции Франко. Он стал использовать «Дуг-лас-2» для полетов на фронт или на консультации с Молой[86]. В Севилье он начал подбирать кадры для будущего генерального штаба. Помимо двух адъютантов — Пакона и майора артиллерии Карлоса Диаса Варелы, — тут были полковник Мартин Морено, генерал Кинделан и только что прибывший генерал Милян Астрай[87]. Это стало показателем того, что его армия стала набирать обороты.

Еще до «конвоя победы», 1 августа, Франко приказал колонне под командованием решительного подполковника Карлоса Асенсио Кабаниньяса занять Мериду и передать семь миллионов патронов войскам генерала Молы. Колонна отправилась в воскресенье 2 августа на грузовиках, которые предоставил Кейпо де Льяно, и за первые два дня продвинулась на восемьдесят километров. Натолкнувшись на сопротивление слабо подготовленной и плохо вооруженной республиканской милиции, они за четыре дня пробились в Алмендралехо, в провинции Бадахос. За колонной Асенсио 3 августа двинулась другая колонна, под командованием майора Антонио Кастехона, которой удалось несколько продвинуться на восток, а 7 августа — третья, которую вел подполковник Эли Роландо де Телья. Франко 3 августа телеграфировал Моле, четко заявив, что конечная цель этих колонн — Мадрид. После нервотрепки предыдущих двух недель, прошедших в попытках добиться помощи из-за рубежа и переправить войска через Гибралтарский пролив, Франко теперь был близок к состоянию эйфории.

Франко поставил Ягуэ координировать действия всех трех

колонн. Он приказал колоннам с трех направлений ударить по Мериде, городу, существовавшему еще со времен Римской империи, важному узлу между Севильей и Португалией. Легионеры двигались по дороге, а марокканские «регуларес» — по обеим ее сторонам, чтобы охватить с флангов республиканцев, если те попытаются оказать сопротивление. Имея преимущество в воздухе, где наступавших прикрывали самолеты «Савойя-81», пилотируемые летчиками итальянских ВВС, и «Юнкерсы-52» с пилотами люфтваффе, колонны легко брали деревни и города провинций Севилья и Бадахос — Эль-Реал-де-ла-Хару, Монестерио, Льере-ну, Сафру, Лос-Сантос-де-Маймону, — уничтожая левых и подозреваемых в симпатиях к Народному фронту, сея на своем пути ужас и смерть. Казнить схваченных сельских милиционеров на их языке называлось «дать им аграрную реформу». После взятия Алмендралехо была расстреляна тысяча пленных, среди которых были сто женщин. Мериду взяли 10 августа. Немногим более чем за неделю франкистские войска продвинулись на 200 километров. Вскоре после этого состоялось их первое соприкосновение с силами генерала Молы[88]. Таким образом, две части мятежной Испании соединились и превратились в так называемую националистическую зону.

Террор, которым сопровождалось наступление марокканцев и легионеров на Мадрид, был одним из самых сильных видов оружия националистов. После захвата африканскими частями любого города или деревни они перебивали пленных и насиловали женщин[89]. Ужас перед ними, увеличивался после каждой их маленькой победы. Если к этому добавить умение африканской армии воевать среди низкорослой растительности, то понятно, почему армия Франко поначалу добивалась большего, чем войско Молы. Наспех сколоченная республиканская милиция отчаянно сопротивлялась, особенно когда у нее было прикрытие в виде домов или деревьев. Однако бойцы милиции не были обучены пользоваться особенностями рельефа местности, уходу за оружием и обращению с ним. Если возникал слушок, что их окружают марокканцы, они обращались в бегство, бросая оружие[90]. Франко прекрасно знал о превосходстве националистов над необученными и слабо вооруженными бойцами милиции, и они со своим начальником штаба полковником Франсиско Мартином Морено планировали операции с учетом этого фактора. На необходимость запугивания и террора, что именовалось эвфемизмом «прессинг» (castigo), особо указывалось в письменных приказах[91].

Учитывая железную дисциплину, которую насаждал Франко,

маловероятно, что жестокость была стихийным фактором, нечаянным побочным следствием войны. В действиях войск Франко о спонтанности не могло быть и речи. Когда ему сообщили о доблести группы членов фалангисгской милиции, без приказа захвативших какие-то республиканские укрепления, Франко сказал, что в другой раз за подобные действия они будут расстреляны. И добавил: «Хотя бы потом мне пришлось самому возложить на их гробы кресты Святого Фернандо»[92]. В конце августа он похвалялся перед эмиссаром из Германии мерами, принятыми его людьми «для подавления всякого коммунистического движения»[93]. Массовые убийства приносили выгоду с нескольких точек зрения: они доставляли удовольствие кровожадным солдатам африканских колонн, истреблялись потенциальные враги — анархисты, социалисты и коммунисты, — которых Франко презирал как сброд, и, главное, они порождали у противника чувство парализующего волю страха.

Одиннадцатого августа Франко написал Моле чрезвычайно важное письмо, в котором выражал надежду на быстрое окончание войны и излагал свое видение способов достижения победы. Он считал, что ключевым должно стать взятие Мадрида, но подчеркивал необходимость подавления всякого сопротивления «в оккупированных зонах», особенно в Андалусии. Франко ошибочно полагал, что быстрое взятие Мадрида вынудит прекратить сопротивление в Леванте, Арагоне, на севере и в Каталонии. Он предлагал заставить Мадрид сдаться, «взяв его в сжимающееся кольцо, лишив его воды, авиасообщения, перерезав коммуникации». И заканчивал он письмо словами: «Я не знал, что в Толедо еще обороняются. Наступление наших войск, чье направление в целом соответствует тому, о котором ты говоришь, ослабит давление на них и облегчит положение Толедо, не нужно будет отвлекать силы, которые могут пригодиться»[94]. Это важное замечание, если учесть, что потом вместо Мадрида он поведет войска на Толедо.

Пока Франко писал свое письмо, Мола сетовал на трудности со связью[95]. Телефонная связь между Севильей и Бургосом была восстановлена сразу после взятия Мериды. Одиннадцатого августа оба генерала переговорили по телефону. Явно игнорируя возможные политические последствия, Мола согласился с Франко, что нет смысла дублировать налаженные контакты Франко с заграницей, и передал тому контроль над поставками оружия и снаряжения из-за рубежа. Политические приверженцы Молы поразились его наивности. Хосе Игнасио Эскобар спросил его, подтвердил ли он тем самым в разговоре по телефону, что главой движения является Франко. Мола простодушно ответил:

«Этот вопрос будет решен в подходящий момент. Между нами с Франко нет стычек или столкновения амбиций. У нас полное взаимопонимание, и предоставление ему решения вопроса о приобретении оружия за границей имело своей целью исключительно избежать дублирования усилий, которое отразилось бы на службе». Когда Эскобар стал утверждать, что Мола ставит себя во второстепенное положение в отношениях с немцами, Мола отверг это утверждение. На самом деле контроль над поставками оружия гарантированно означал, что Франко, а не Мола, будет главным при взятии столицы — со всеми вытекающими последствиями[96].

После взятия Мериды войска Ягуэ повернули обратно на юго-запад, к Португалии, чтобы атаковать Бадахос, столицу Эстремадуры — город на берегу реки Гуадианы близ границы с Португалией. Оказавшись в окружении, многочисленные, но плохо вооруженные бойцы левых сил, стянувшиеся сюда под напором наступающих колонн националистов, удерживали его в своих руках благодаря мощным крепостным стенам. Основную часть регулярных войск местного гарнизона перебросили на укрепление Мадридского фронта[97]. Если бы Ягуэ пошел на Мадрид, местный гарнизон вряд ли смог бы серьезно угрожать ему с тыла. Считалось, что решение Франко повернуть колонну Ягуэ на Бадахос было стратегической ошибкой, которая задержала наступление и позволила правительству организовать оборону Мадрида. Историки режима Франко возлагают всю вину на Ягуэ, но в подобном решении просматривается скорее осторожность Франко, чем импульсивность Ягуэ. Все основные решения принимал Франко, а Ягуэ оставалось лишь проводить их в жизнь. Франко держал под личным контролем ход операции по взятию Мериды и вечером 10 августа принял в своей штаб-квартире Ягуэ, чтобы обсудить с ним вопрос об осаде Бадахоса и о последующих шагах[98]. Франко хотел захватить Бадахос, чтобы завершить соединение двух территорий националистской зоны и полностью обезопасить левый фланг наступающих колонн.

Четырнадцатого августа после интенсивного артобстрела и бомбардировки с воздуха легионеры Ягуэ с большими потерями одолели крепостные стены. Потом началось дикое избиение, во время которого около двух тысяч человек было расстреляно, в том числе гражданских лиц, не имевших никакого отношения к милиции. По словам биографа Ягуэ, «в пароксизме войны» невозможно отличить мирного жителя от бойца милиции. Этим оправдывается мысль, что расстреливать пленных — вполне приемлемое дело". Легионеры и «регуларес» устроили настоящую кровавую оргию, сопровождавшуюся повальными грабежами.

Улицы были завалены трупами. Один очевидец назвал увиденное сценой «запустения и ужаса». Остыв от боя, националисты согнали на арену для боя быков две тысячи пленных. Тех, у кого на плече находили следы, оставляемые прикладом при отдаче, расстреливали. Стрельба продолжалась несколько недель. Ягуэ сказал американскому журналисту Джону Уайтекеру, который сопровождал его до Мадрида: «Конечно, мы расстреляли их. А чего вы ждали? Воображали, что я потащу с собой четыре тысячи красных, когда моя колонна и без того борется со временем? Воображали, что оставлю их на свободе у себя в тылу и позволю им снова сделать Бадахос красным?»[100]. На деле дикая резня, развязанная в Бадахосе, вызвана традициями, существовавшими в марокканской армии, и злостью «африканцев», натолкнувшихся на серьезное сопротивление и впервые понесших крупные потери. События в Бадахосе показали то, что произойдет, когда колонны достигнут Мадрида. Легионеры и «регуларес» получили в Бадахосе урок: победы в городах не даются так же легко, как на открытой местности. Националисты не придали этому факту большого значения, но упорное сопротивление республиканцев, кажется, несколько пошатнуло прежний оптимизм Франко.

Потенциальные трудности, ждавшие националистов под Мадридом, были пока дальними тучами, которые не могли затмить тех выгод, которые Франко получил в результате взятия Бадахоса. Теперь наконец он получил беспрепятственный доступ к границам с Португалией — главному союзнику националистов. С самого начала Антониу де Оливейра Салазар позволял мятежникам использовать португальскую территорию для связи между северной и южной частями националистской зоны[101]. Но теперь открывался доступ к прямой португальской помощи. Вот почему Франко решил прежде бросить войска в провинцию Бадахос, а не сразу из Севильи идти на Мадрид через Сьерра-Морену, Кордову и Ла-Мангу[47][102].

Четырнадцатого августа генерал Мигель Кампинс, бывший когда-то другом Франко и его заместителем по военной академии в Сарагосе, предстал перед трибуналом в Севилье по обвинению в «бунте». Председательствовал на трибунале генерал Хосе Лопес Пинто. Кампинса приговорили к смертной казни и 16 августа расстреляли[103]. Его преступление состояло в том, что он отказался подчиниться приказу Кейпо от 18 июля о введении военного положения в Гранаде и опоздал на два дня в присоединении к восстанию. Франко не смог помешать Кейпо де Льяно расстрелять Кампинса. По воспоминаниям двоюродного брата Франко, Кампинс хотя и отказался выполнить приказ Кейпо, телеграфировал Франко о своей готовности встать под его

начало. Франко написал Кейпо несколько писем, прося его проявить милосердие к Кампинсу. Кейпо просто рвал их, а Франко не стал слишком настаивать, опасаясь нарушить единство в лагере националистов[104]. По воспоминаниям сестры Франко, Пилар, он был крайне удручен смертью своего друга[105]. Решимость Кейпо казнить Кампинса несмотря на просьбы о помиловании, отражает и его жестокий характер, и старую неприязнь к Франко. Франко отомстил Кейпо в 1937 году, когда проигнорировал просьбы Кейпо помиловать его друга, генерала Доминго Батета, которого приговорили к смерти за то, что он выступил в Бургосе против мятежа[106].

Пока шел суд над Кампинсом, Франко сделал хитрый ход, который поднял его акции в глазах испанских правых. Пятнадцатого июля в Севилье, стоя рядом с Кейпо, он объявил о решении принять монархический красно-желто-красный флаг. Кейпо проглотил пилюлю, не желая привлекать внимание к своим республиканским настроениям. С генералом Молой, который всего пару недель назад прогнал наследника престола, даже не удосужились об этом посоветоваться. С тяжелым сердцем генерал Кабанельяс подписал две недели спустя декрет Хунты национальной обороны об использовании монархического флага[107]. Франко удалось представить себя в глазах консерваторов и монархистов в качестве единственно надежного лица среди верхушки мятежных генералов. Это было явным свидетельством того, что, пока другие думали только о будущей победе, Франко копил политический капитал.

Мола и Франко вообще разительно отличались друг от друга не только по своим политическим взглядам, но и по темпераменту. По словам секретаря Молы, Хосе Мариа Ирибаррена, «Мола не был холодным, невозмутимым, непроницаемым генералом. Это был человек, лицо которого отражало переживания данного момента, а напряженные нервы восставали против препятствий»[108]. Мола, казалось, нисколько не заботился о собственной безопасности, ходил по Бургосу один, без сопровождения, переодевшись в гражданскую одежду. В его штаб-квартире было полно всякого люда, приходившего туда в любое время[109]. Кейпо де Льяно тоже спокойно относился к наплыву посетителей. Франко же, напротив, имел телохранителя и ввел строгие меры безопасности в своей штаб-квартире. Посетителей тщательно обыскивали, а во время интервью и бесед дверь кабинета распахивали настежь и охранник наблюдал за происходящим там[110].

Те, кого он принимал, видели перед собой отнюдь не грозного полководца. Повадки Франко, его глаза, мягкий голос,

внешнее спокойствие многим давали основание усматривать в нем нечто женственное. Джон Уайтекер, известный американский журналист, описывал Франко так: «Низкого роста, руки как женские и всегда влажные. Очень робкий, всегда настораживается, вступая в разговор. Голос резковатый и высокий, что несколько странно при его манере говорить тихо, почти шепотом»[111]. Женственность в его внешности часто отмечали его почитатели. «Глаза являются самой примечательной частью его лица. Они типично испанские — большие, сияющие, с длинными ресницами. Обычно они несколько задумчиво улыбаются, но я видел в них сверкание решимости, и мне говорили, хотя я сам этого и не видел, что, когда он приходит в бешенство, они могут быть холодными и жесткими как сталь»[112].

Нелегкими были переговоры Франко в Севилье с Кейпо де Льяно, который с трудом скрывал свое пренебрежение к человеку, стоявшему ниже него в табели о рангах. Мола, напротив, находился с Франко в хороших отношениях[113]. В середине августа немецкий агент прислал адмиралу Канарису сообщение из штаба Франко. Из него явствует: хрупкий «галисиец» укрепляет свои позиции и оправдывает опасения приверженцев Молы насчет того, что 11 августа тот пропустил Франко вперед. В своем сообщении агент делает вывод, что германская помощь испанцам должна направляться через Франко[114]. Мола по-прежнему признавал приоритет Франко в вопросах иностранных поставок вооружений и преимущество его войск в боевой подготовке. Их переписка в августе показывает, что Франко выступал в качестве распорядителя щедро поступавшей к нему финансовой помощи и зарубежного военного снаряжения. Франко гордился тем, что если бы он не обеспечивал своевременную оплату военных поставок, то мало чего добились бы националисты. Он мог себе позволить заказать самолеты и для Молы[115].

Шестнадцатого августа Франко в сопровождении Кинделана прилетел в Бургос. Мола не мог, конечно, не заметить, с каким необыкновенным восторгом местное население встречает его товарища. Архиепископ устроил торжественную службу в кафедральном соборе[116]. В тот же вечер во время ужина Франко буквально лучился оптимизмом по поводу хода военных действий. Единственным поводом для беспокойства, о чем он упомянул в разговоре с Молой, было отсутствие известий от жены и дочери[117]. После ужина Франко и Мола на несколько часов заперлись вдвоем. Хотя никаких решений они не принимали, обоим было ясно, что эффективное ведение войны требует единого военного руководства[118]. Было также ясно, что необходимо какое-то подобие центрального дипломатического и

политического аппарата. Франко и его маленький штаб работали не покладая рук, чтобы обеспечить бесперебойное материально-техническое снабжение из-за рубежа. Бургосская хунта, имевшая обыкновение заседать поздно по вечерам и ночью, тоже была завалена делами[119]. Учитывая монополию Франко в контактах с немцами и итальянцами и безостановочное наступление его африканских колонн, Мола, должно быть, понимал, что передача Франко полной власти, по существу, неизбежна. Штаб Франко блефовал, вовсю убеждая немцев, что победа в Эстремадуре сделала Франко несомненным главнокомандующим. «Главнокомандующим» называли его португальские и некоторые другие иностранные газеты — предположительно на основе информации, поставляемой из штаб-квартиры Франко. Португальский консул в Севилье называл Франко с середины августа не иначе как «верховным главнокомандующим испанской армией»[120].

Моле пришлось принять эту точку зрения. Двадцатого августа он направил Франко телеграмму, где подчеркивал, что его войска испытывают трудности на Мадридском фронте, и спрашивал у Франко о его планах наступления на столицу. Если бы Франко отложил свое наступление, Мола перенес бы центр тяжести своих действий на другой фронт[121]. Текст телеграммы отражает скорее желание Молы скоординировать военные усилия в интересах общего дела, чем почтительность и субординацию в отношении более авторитетного лица. Моле была чужда борьба за власть, но тремя днями позже он во всей грубой наготе увидел, как Франко стремительно укрепляет свои позиции. Двадцать первого августа Молу с доброй вестью посетил в Вальядолиде Йоханнес Бернхардт: с нетерпением ожидаемые немецкие пулеметы и боеприпасы идут железной дорогой из Лиссабона. Но радости у Молы существенно поубавилось, когда Бернхардт сказал ему: «Я получил приказ передать вам, что вы получаете все это оружие не от Германии, а от генерала Франко». Мола даже побелел, но вынужден был согласиться. С генералом Хельмутом Вильбергом, которого Гитлер назначил главой комитета по координации операции «Волшебство огня», уже было согласовано, что германские поставки будут направляться только по запросам Франко и в указанные им порты[122].

После взятия Бадахоса три колонны Ягуэ стали быстро продвигаться на северо-восток в направлении столицы. Колонна де Тельи шла по направлению Трухильо, а колонна Кастехона спешно передвигалась южнее де Тельи в направлении Гуадалупе. К 17 августа де Телья достиг моста через реку Тахо в населенном пункте Альмарас и вскоре после этого появился в городе

Навальмораль-де-ла-Мата на границе с провинцией Толедо. Двадцать первого августа колонна Кастехона взяла Гуадалупе. Кастехон, де Телья и Асенсио соединились 27 августа у последнего важного пункта на дороге к Мадриду — города Талавера-де-ла-Рейна. За две недели они продвинулись на триста километров[123].

Несмотря на заметные успехи, телеграмма Франко Моле дает основания полагать, что его безудержный оптимизм поубавился вследствие сопротивления республиканцев. Франко отметил, что при наступлении на город Талавера-де-ла-Рейн опасался фланговой атаки в районе городов Вильянуэва-де-ла-Серена и Оропеса. «Хорошо защищенный городок может сдержать наступление. Сокращение моих сил до шести тысяч человек и необходимость охранять растянувшиеся коммуникации, а также фланговые атаки ограничивают мобильность». Он начертал Моле дальнейший путь наступления: к пересечению дорог в Македе, провинция Толедо, потом из Македы по диагонали на северо-восток в Наваль-карнеро, и далее — на Мадрид[48][124]. Через месяц эта стратегия, которую Франко изложил Моле, будет отвергнута ради того, чтобы стать бесспорным генералиссимусом.

Глава 7 СТАНОВЛЕНИЕ КАУДИЛЬО

Август—ноябрь 1936 года

Успешное наступление африканских колонн и предстоящий штурм Талаве-ры заставили Франко перенести свою штаб-квартиру из Севильи в Касерес — в элегантный дворец XVI века Паласио-де-лос-Голфинес-де-Арриба. Ему давно не терпелось выбраться из Севильи, чтобы освободиться от вмешательства в свои дела со стороны Кейпо де Льяно, в присутствии которого Франко всегда чувствовал себя неловко[1]. Выбор для новой резиденции роскошных апартаментов обнаружил ревнивое отношение Франко к своему общественному статусу. Здесь Франко начал создавать политический аппарат, который мог бы оперативно вести дела с немцами и итальянцами. Он уже создал дипломатическую службу во главе с Хосе Антонио де Сангронисом. Подполковник Лоренсо Мартинес Фусет исполнял обязанности юрисконсульта и политического секретаря. Время от времени при Франко находился его брат Николас, который курсировал между Касересом и Лиссабоном. Через некоторое время Николас станет доверенным лицом Франко. Милян Астрай заведовал у Франко пропагандой. Уже на этой стадии служба пропаганды беззастенчиво льстила Франко[2].

Координация «внешней политики» националистов, обеспечение бесперебойных зарубежных военных поставок, общее руководство наступлением африканских колонн — такой огромный объем работы заставлял Франко проводить в штабе долгие часы. Его способность работать в отсутствие удобств, его выносливость, которые он демонстрировал еще молодым офицером, остались при нем, но он стал заметно стареть. Милян Астрай хвастался в разговоре с Чано: «Наш каудильо по четырнадцать часов просиживает за письменным столом, даже в туалет не выходит»[3]. Когда жена и дочь 23 сентября после двухмесячного пребывания во Франции вернулись в Испанию, им пришлось ждать встречи с отцом и мужем больше часа, поскольку тот принимал важного посетителя. Для семейной жизни у него почти не оставалось времени[4]. Такое сосредоточение на работе и напряжение, возможно, способствовали тому, что поугас его былой оптимизм, но превращение прежнего осторожного Франко в порывистого бывшего героя Африки показывало, что Франко, с одной стороны, почувствовал перспективу власти, с другой — к этому его вынуждало растущее сопротивление противника.

Трудности, замедлявшие темпы наступления африканских

колонн, заставили итальянских и германских союзников Франко поторапливаться со своей помощью. Двадцать седьмого августа адмирал Канарис в сопровождении подполковника Вальтера Варлимонта из военного министерства встретился в Риме с Роаттой, чтобы согласовать вопрос о масштабах будущей помощи националистам со стороны Италии и Германии. На следующий день к ним присоединился Чано. Канарис настаивал на том, чтобы вся помощь оказывалась «только генералу Франко, потому что он осуществляет верховное командование операциями». Для совместного итало-германского планирования операций необходимо было признать единого командующего у националистов и с ним иметь дело[5].

Талаверу окружили тремя колоннами. Слухи о репрессиях в Бадахосе оказали заметную услугу националистам: милиция бежала из города автобусами, «как толпа болельщиков с футбольного матча». Город пал 3 сентября, и там повторилась дикая резня[6]. Пока войска Франко шли по Эстремадуре и входили в Новую Кастилию, Мола начал наступление на баскскую провинцию Гипускоа с целью отрезать ее от Франции. Каждый день итальянские самолеты сбрасывали бомбы на города Ирун и Сан-Себастьян, а флот националистов обстреливал их с моря. Плохо вооруженные и неподготовленные бойцы милиции доблестно защищали Ирун, но 3 сентября их сопротивление было сломлено. Сан-Себастьян пал 12 сентября. Эта победа имела для националистов ключевое значение. Гипускоа была богатой сельскохозяйственной провинцией, но в ней располагались и важные промышленные объекты. Теперь националистская зона протянулась от Пиренейских гор через Кастилию и западную Испанию до крайнего юга. Республиканские провинции Бискайя, Сантандер и Астурия оказались отрезанными от остальной республиканской Испании, и связь между ними могла осуществляться только по воздуху и морю[7].

Потеря Талаверы и Ируна вызвала падение правительства Хосе Хирала. Ему на смену пришел кабинет Франсиско Ларго Кабальеро, который более полно отражал интересы рабочего класса. Создание более последовательного республиканского правительства и централизация власти помогло усилить сопротивление наступающим колоннам Франко, а среди высшего командования националистов укрепило настроения в пользу создания единого командования. Амбициозность Франко наглядно проявилась в его заявлении немцам в Марокко, где он говорит, что хочет, чтобы его «рассматривали не только как спасителя Испании, но и как спасителя Европы от распространения коммунизма»[8]. Теперь мнение о необходимости

единого командующего открывало перед ним новые возможности. Двадцать девятого августа Мола прилетел в Касерес и обсудил с Франко эту проблему[9].

Тем временем благодаря действиям африканской армии Франко националисты добились новых успехов. Защищенные с юга рекой Тахо, войска Ягуэ обезопасили себе и северный фланг, соединившись с войсками Молы. Дорога на Мадрид была открыта. Следующие две недели республиканцы предпринимали безуспешные контратаки, пытаясь вернуть Талаверу, но Франко продемонстрировал необыкновенное упорство в отстаивании каждого клочка занятой территории. Все же сопротивление усиливалось и наступление замедлялось, и оно оказалось на грани остановки в результате одного весьма важного решения.

Среди массы навалившихся на него проблем Франко успевал думать и об осажденных гарнизонах в Толедо и в Санта-Мария-де-ла-Кабесе в провинции Хаэн. Он часто отправлял свой «дуглас», который пилотировал капитан Айя, с миссиями в обе осажденные крепости. Двадцать второго августа он направил в Алкасар-де-Толедо телеграмму с обещанием прислать подмогу[10]. Эту крепость по-прежнему безуспешно осаждали отряды республиканской милиции, тратившие время, силы и боеприпасы, пытаясь овладеть стратегически незначительным бастионом. Тысяча гражданских гвардейцев и фалангистов, занявших толедский Алкасар в первые дни мятежа, захватили с собой в качестве заложников много женщин и детей, семьи известных левых деятелей[11]. Тем не менее оборону Алкасара националисты превратили в великий символ своего героизма. Реальности осады были приукрашены до неузнаваемости. Особую известность получила почти наверняка выдуманная история о том, будто Москардо позвонили в крепость и сказали, что, если он не сдастся, его сына расстреляют[49]. При этом вопрос о существовании заложников в крепости и об их дальнейшей судьбе был проигнорирован[12].

Войскам Франко потребовалось более двух недель, чтобы на пути к Мадриду преодолеть расстояние от Талаверы до города Санта-Олалья в провинции Толедо[13]. Двадцатого сентября части под командованием Ягуэ захватили город Санта-Олалья и подвергли «примерному наказанию» пленных бойцов милиции[14]. Город Македа, лежащий на развилке дорог, одна из которых ведет на север к Мадриду, а другая — на восток к Толедо, 21 сентября также был взят частями Ягуэ. В этот момент, а точнее после взятия Македы, перед Франко встал вопрос — двигать ли африканские колонны на Мадрид или повернуть их на восток, на выручку Толедо. Предстояло принять трудное решение с

политическим и военным подтекстом. Пока Ягуэ занимался Санта-Олальей и Маке-дой, Франко, встречался с другими генералами из Хунты национальной обороны и обсуждал с ними проблему необходимости назначить единого главнокомандующего националистических сил. Детали того, где, когда, почему и как принимал Франко решение, достоверно восстановить невероятно трудно, но ключевая роль в этом приписывается Ягуэ.

На следующий день после падения Македы Ягуэ «официально» занемог от переутомления и передал командование Асенсио[15]. Высказывалась догадка, что решение Франко освободить Ягуэ с его поста явилось результатом настойчивых просьб Молы, крайне не любившего Ягуэ[16]. Но все же представляется маловероятным, что Франко отстранил от командования удачливого Ягуэ по настоянию Молы[50]. Высказывалось также предположение, что замена Ягуэ связана не так с его болезнью, как с его несогласием с решением Франко прервать марш на Мадрид и пойти на Толедо, помочь осажденным в Алкасаре[17]. Любая из этих версий имела бы смысл, если бы Франко заменил Ягуэ в наказание за несоблюдение дисциплины. Однако не похоже, чтобы Ягуэ впал в какую-то немилость, потому что сразу после отзыва с фронта он получил звание полковника и вошел в ближайшее окружение Франко[18]. К 22 сентября Ягуэ уже был в Па-ласио-де-лос-Голфинес-де-Арриба. Странное местопребывание для человека в немилости[19].

Есть, однако, третья, и, судя по всему, наиболее правдоподобная версия, которая вполне соответствует и состоянию здоровья Ягуэ, и его повышению в звании, и его деятельности в течение последующих нескольких недель. Ягуэ заменили из-за его слабого сердца — у него были проблемы с аортой. Он по-настоящему переутомился, и ему трудно было работать в условиях беспрерывных боевых операций. В знак признания неоценимых заслуг Ягуэ в командовании африканскими колоннами Франко дал ему передышку, повысил в звании и использовал его огромный авторитет в Легионе для решения другой задачи — реализации притязаний Франко на роль главнокомандующего, генералиссимуса. Всегда преданный Ягуэ с головой ушел в выполнение новых задач, и трудно представить, чтобы между ним и Франко имелись серьезные трения.

Франко прекрасно представлял себе военные последствия отвлечения войск на толедское направление. Он терял, может быть, последний шанс ворваться в испанскую столицу до того, как она подготовится к обороне. И Кинделан, и его начальник

оперативного отдела штаба, подполковник Антонио Барросо, предупреждали Франко, что поход на Толедо может стоить ему Мадрида. Ягуэ, похоже, выступал против решения Франко активнее всех. Он напомнил Франко его же довод, который он приводил Моле в телеграмме от 11 августа: само приближение его колонн к Мадриду заставит милицию Толедо поспешить двинуться на защиту столицы. Однако безоговорочная преданность Франко заставила его круто изменить свое мнение, как и раньше в вопросе о форсировании Гибралтарского пролива. Франко не согласился с мнением своего штаба, будто промедление в одну неделю подорвет его шансы на взятие Мадрида. Тем не менее он открыто заявил: даже если бы он был уверен, что поход на Толедо будет стоить ему столицы, он все равно сдержит свое обещание освободить осажденный гарнизон[20]. Он был более заинтересован в политических выгодах, которые он получит от освобождения осажденных в Алкасаре и, чтобы полнее использовать эти выгоды, он хотел иметь Ягуэ рядом с собой, а не на поле боя.

В результате принятого Франко решения в марше на Мадрид произошел перерыв с 21 сентября по 6 октября. Две недели ушли у Франко на освобождение Толедо, принесшего ему значительный политический капитал. В итоге промедления он упустил прекрасный шанс взять Мадрид без особых затруднений, и потом ему пришлось вести его длительную осаду, потому что за это время произошла реорганизация обороны столицы и к республиканцам прибыла помощь из-за рубежа. Именно в это время немцы начали выражать свое нетерпение по поводу «чрезвычайного» и «непонятного» промедления, которое позволило республиканскому правительству тоже получить иностранную помощь[21]. Учитывая, что Франко никогда не переставал напоминать своим союзникам о советской помощи республике, можно только удивляться, как это он вдруг недооценил ее значение для обороны Мадрида. Направив войска в Толедо, Франко думал прежде всего об укреплении своих политических позиций благодаря эмоциональному эху победы, достигнутой там, и раздувания пропагандистского бума, а не о быстром падении республики. Ведь если бы он сразу двинулся на Мадрид, это могло быть представлено как укрепление его собственных политических позиций. Весь процесс выборов каудильо значительно затянулся бы, и тогда победу и власть пришлось бы делить с другими генералами хунты.

Убежденный в твердых промонархистских позициях Франко, Кинделан давно толкал его на то, чтобы тот поднял вопрос о едином главнокомандующем. Но Франко, по крайней мере

внешне, проявлял мало интереса к этой проблеме[22]. Со времени прибытия 19 июля в Тетуан Франко засосали текущие проблемы. Однако по мере их решения росли его самоуверенность и амбиции. Кроме забот об обустройстве армии, которая не имела материально-технической и финансовой поддержки со стороны государства, а потому была лишена возможности бесперебойно обеспечивать солдат и офицеров пищей, оружием и жалованьем, Франко должен был заниматься международными делами, став среди националистов обладателем монополии на импорт оружия и боеприпасов. Только в сентябре, когда появилась потребность в координации общих действий для решающего броска на Мадрид, вопрос об общепризнанном главнокомандующем всеми силами стал в полный рост.

Вера Франко в свои способности убедила его в том, что если суждено появиться единому главнокомандующему, то это должен быть именно он. Франко уже давно представлялся людям из Берлина и Рима как действенный лидер националистов. В начале сентября в ставку Франко прибыша итальянская военная миссия во главе с генералом Марио Роатгой и вручила Франко верительные грамоты, тем самым констатировав де-факто признание со стороны Муссолини его руководящей роли?[3]. Колебания, проявленные Франко в беседах с Кинделаном и Паконом, отражали скорее недостаток прозорливости, чем излишек скромности. Врожденная осторожность заставляла его опасаться возможных неудач или полного провала, и он старался не показывать вида, что сгорает от желания стать главнокомандующим. К тому же показная неуверенность призвана была успокоить завистливых конкурентов.

С самого начала мятежа Франко проявлял заботу о политическом единстве в националистской зоне. Он был поражен разностильностью экипировки различных военных формирований, когда прибыл в Севилью, и в середине августа 1936 года сказал в беседе с Хосе Мариа Пеманом, что «все должны будут пожертвовать чем-то во имя жесткой дисциплины, которой не угрожают шатания и раскол»[24]. Однако его тяга к власти в военной и политической сферах развилась в результате давления со стороны Третьего рейха.

В конце августа с Франко встретился Мессершмитт, представитель германского картеля по экспорту военных материалов. В представленном им докладе содержался следующий вывод: «Само собой разумеется, все должно быть по-прежнему сконцентрировано в руках Франко, чтобы у них был лидер, который смог бы сплотить их»[25]. В середине сентября Йоханнес Бернхардт информировал Франко, что Берлин горит

желанием видеть его на посту главы государства. Франко ответил с осторожностью, что, мол, у него нет большого желания влезать в политику. Бернхардт пояснил, что дальнейшие поставки оружия могут быть поставлены под вопрос, если Берлин не сможет иметь дело с лицом, с которым можно вести переговоры и кто возьмет на себя ответственность за выполнение обязательств перед Германией. Характерно, что Франко воздержался от немедленного ответа и вынудил Бернхардта заполнить паузу. Бернхардт добавил, что скоро он вместе с подполковником Вальтером Варлимонтом, главой гитлеровской неофициальной военной миссии, поедет в Берлин докладывать фюреру и Герингу о ходе боевых действий в Испании. Один из вопросов, которые будет обсуждать Варлимонт, — политическое руководство в националистической Испании. Напрашивался вывод: ведущая роль Франко как получателя германской помощи может быть пересмотрена, если Франко не докажет, что прочно держит власть. Разочарованный уклончивым ответом генерала, Бернхардт позже переговорил с Николасом Франко, который обещал повлиять на брата. Поскольку генералом не просто было манипулировать, Николас, скорее всего, лишь намекнул Франсиско, что настал удачный момент заявить о своих претензиях на власть[26].

Тем временем Кинделан, Николас Франко, Оргас, Ягуэ и Милян Астрай создали нечто вроде штаба по проведению политической кампании по выдвижению кандидатуры Франко на пост главнокомандующего и главы государства. Из воспоминаний Кинделана явствует, что все это делалось с ведома и одобрения Франко. Франко делал вид, что держится в стороне, чтобы в случае провала мероприятия иметь возможность откреститься. Кинделан предлагал, чтобы для обсуждения этого вопроса собралась Хунта национальной обороны с приглашением других высших генералов-националистов. Встреча была созвана по просьбе Франко. Это ясно указывает на его интерес к проблеме и на его готовность стать кандидатом на такой пост. Выбор приглашенных генералов весьма примечателен. Оргас, Хиль Юсте и Кинделан — все преданные Франко люди, и все — монархисты. После того как Мола прогнал дона Хуана, они лишь во Франко видели человека, который будет держать бразды правления до тех пор, пока победа над республикой не позволит восстановить монархию.

Историческое собрание состоялось 21 сентября, в те дни, когда африканские колонны брали Македу. Встреча произошла в деревянном домике (barracon) рядом с наскоро, построенным аэродромом под Саламанкой. Генерал Кабанель-яс

председательствовал, присутствовали члены хунты Франко, Мола, Кейпо де Льяно, Давила, Саликет, полковники Монтанер и Морено Кальдерон, а также три приглашенных генерала. В течение трех с половиной часов утреннего заседания Кинделан и Оргас не смогли перевести дискуссию на тему о главнокомандующем, хотя сделаны три попытки. Протоколов встречи не существует, единственно, что осталось от нее — это записки Кинделана. В них нет никаких указаний на то, что обсуждалось решение о временном прекращении наступления на Мадрид с целью оказать помощь Алкасару-де-Толедо. На обеде в имении Антонио Переса Табернеро, богатого скотовода, Кинделан и Оргас настояли на включении вопроса о главнокомандующем в послеобеденную повестку дня. Удивительно, что Мола поддержал их, сказав: «По-моему, единое командование представляет такой интерес, что если мы по прошествии восьми дней не назовем генералиссимуса[51], то я в дальнейшем не участвую». Когда дебаты возобновились, все вдруг оказались сторонниками рассмотрения вопроса, кроме Кабанельяса, который выступал за коллективное руководство в форме хунты или директории[27].

Выбор, по существу, ограничивался четырьмя генералами — «cuatro generates», как пелось в республиканской песне. Первый по старшинству, Кабанель-яс, не подходил на роль. Он восстал против диктатуры генерала Примо де Риверы, в 1933 —1935 годах, был депутатом от Радикальной партии, и про него говорили, будто он франкмасон. Во время мятежа 18 июля он не пребывал на посту боевого генерала. Следующий, Кейпо де Льяно, в 1930 году предал Альфонса XIII, а благодаря семейным связям с Алкала Саморой считался в фаворе у республики. Мола, самый младший в табели о рангах, оказался в некотором роде дискредитирован неудачами на ранней стадии мятежа, особенно на фоне ярких успехов африканской армии Франко. Он также знал цену контактов, которые Франко завязал с немцами и итальянцами[28].

Когда дело дошло до голосования, кому быть генералиссимусом, оба полковника воздержались, поскольку были ниже званием. Первым выступил Кинделан, предложив доверить общее командование Франко. Его поддержал Мола, далее Оргас и другие, за исключением Кабанельяса. Кабанельяс пояснил, что не может принять участия в выборах на пост, создание которого он не считает нужным[29]. Хотя Мола и не мог не помнить колебаний Франко по поводу присоединения к заговорщикам в июне и первой половине июля, он воспринял выдвижение своего конкурента с доброй миной. Выходя с

собрания, Мола сказал своим адъютантам, что было решено ввести пост генералиссимуса. Они спросили, не его ли назначили на этот пост, и тогда Мола ответил: «Меня?

Почему? Франко». Мола потом пояснил, почему он предложил Франко в генералиссимусы: «Он моложе меня, старше по званию, он бесконечно популярен и знаменит за границей»[30]. Вскоре после этого Мола сказал монархисту Педро Сайнсу Родригесу, что он поддержал Франко из-за его военных способностей, а также потому, что тот был с самого начала наиболее вероятным победителем. Однако Мола недвусмысленно дал понять, что считает лидерство Франко временным, а он, Мола, будет играть ведущую роль в формировании политики после войны[31]. Много лет спустя, когда Кейпо де Льяно попытался критиковать Франко, монархист Эухенио Вегас Латапье спросил его, почему же он тогда голосовал за него, и Кейпо де Льяно ответил: «А кого нам было предлагать? Кабанельяс не мог им стать. Не говоря о том, что он был республиканцем, все знали, что он масон. Молу мы тоже не могли избрать, потому что тогда мы проиграли бы войну. А у меня была сильно подорвана репутация»[32]. Тем не менее Кейпо де Льяно не скрывал недовольства принятым решением[33].

Сдержанное отношение некоторых коллег Франко к его возвышению возымело прямое действие на принятие им военных решений. Сейчас невозможно с полной уверенностью сказать, когда точно Франко принял решение повернуть войска на Толедо, а это имеет решающее значение для оценки его мотивов. Его официальный биограф утверждает, не приводя никаких доказательств, что это случилось до упомянутой встречи на аэродроме, на которой он был избран генералиссимусом. Таким образом биограф снимает подозрения, что Франко своим решением повернуть на Толедо хотел нажить политический капитал[34]. Однако такое решение могло быть принято не раньше взятия Македы, то есть к вечеру 21 сентября. Встреча в Саламанке началась рано утром, и Франко со своим штабом должен был отбыть из Касереса очень рано, чтобы поспеть на встречу. На самом деле можно почти не сомневаться, что решение было принято спустя некоторое время после падения Македы и, следовательно, после генеральской встречи на аэродроме[35]. В течение трех дней после избрания он не издал ни одного сколько-нибудь значимого приказа[36]. Когда бы Франко ни принял свое решение, которое секретарь Молы называет «сугубо личным решением», он сделал это, уже будучи главнокомандующим[37].

Франко продолжали грызть сомнения по поводу его избрания генералиссимусом. За практически единогласным выбором и

выражениями поддержки можно было различить холодность и колебания со стороны части генералов. Оказавшись primus inter pares[52], он сделал только первый шаг на пути к абсолютной власти, и до цели было еще далеко. В то время даже те, кто голосовал за Франко, считали, что его избрали в целях сохранения единоначалия, что это необходимо для достижения победы в Гражданской войне[38]. Договоренность о сохранении решения в тайне до его официального утверждения и опубликования бургосской хунтой также говорит об их сомнениях. Излюбленным приемом Франко склонить чашу весов в свою сторону было устроить пропагандистский шум. Так оказалось и с помощью осажденным в толедском Алкасаре. Франко понимал, что с его стороны требуется что-то предпринять, поскольку дни шли, а никакого официального объявления о результатах выборов не появлялось.

Кинделан верно оценил это молчание как отсутствие у генералов, участвовавших во встрече, уверенности в правильности содеянного. Кабанельяс тянул время именно потому, что опасался последствий сосредоточения в руках Франко диктаторских полномочий. Тем временем Николас Франко, прибывший в Ка-серес из Лиссабона, привез известие, что германские и итальянские представители в Португалии в разговоре с ним выразили пожелания своих правительств видеть в Испании единого главнокомандующего, и предпочтительнее, чтобы это был Франко. Николас выполнил также просьбу Йоханнеса Бернхардта и постарался рассеять очевидные колебания брата по поводу принятия на себя политической ответственности. Как предполагал Николас, перспектива стать главой государства, вести переговоры с Гитлером и Муссолини должна была казаться Франко соблазнительной. Но претендовать на такую роль было куда опаснее, чем на место главнокомандующего. Проявляя свою обычную осторожность, Франко предпочитал, чтобы суетились другие, а он бы ждал, пока на него не посыплются почести.

В конце концов Кинделан, Николас Франко, Ягуэ и Милян Астрай выдвинули идею новой встречи, на которой следовало бы ясно определить полномочия нового генералиссимуса, включающие обязанности главы государства. Обеспокоенный нерешительностью брата, Николас попросил Ягуэ нажать на Франко. Двадцать седьмого сентября Ягуэ сказал Франко, что если тот откажется от поста главнокомандующего, то Легион будет подыскивать себе другого лидера. Под этим демаршем Ягуэ подразумевал, что сам будет добиваться всей полноты власти[39]. Учитывая все это, Франко развернул пропагандистскую кампанию

по взятию Алкасара до того, как состоится планируемое собрание.

Высказывались предположения, что на отношении Франко к гарнизону в Толедо сказались горькие воспоминания, оставшиеся после июля 1921 года, когда во время Анвальской катастрофы он не смог помочь гарнизону, запертому в Надоре[40]. Мог повлиять на его выбор и тот факт, что в Толедо он учился. Но все это едва ли оправдывает его решение в чисто военном отношении. Почти несомненно, снятие осады — скорее благородный жест, который напомнил бы легенду о Сиде. Однако, когда так много было поставлено на карту, безжалостный и прагматичный Франко не позволил бы себе поддаться романтике, если бы при этом не приобретал других выгод.

В декабре 1936 года он выдал больше правды, чем собирался, когда сказал португальскому журналисту: «Мы совершили военную ошибку, и совершили намеренно. Для взятия Толедо требовалось отвести наши силы от Мадрида. Для испанских националистов Толедо представлял собой политическую проблему, которую надо было решить»[41]. Какими бы мотивами ни руководствовался Франко, его личные амбиции не пострадали, зато для дела националистов это имело серьезные последствия. После того как мадридцы получили возможность организовать оборону, инициатива в войне перешла к республиканцам так же, как в свое время она перешла к мятежникам после переброски через пролив африканской армии Франко.

Продвижение ее и без того уже значительно замедлилось. На преодоление 80 километров от Талаверы до Толедо ей потребовалось примерно столько же времени, сколько на 400 километров пути от Севильи до Талаверы — свидетельство того, что на стороне республики стали постепенно появляться подготовленные бойцы[42]. Уже одно это должно бы заставить поторопиться с наступлением на столицу. Тем не менее 25 сентября три колонны марокканской армии, командиром которой накануне был назначен ветеран колониальных войн и приверженец карлистов генерал Варела, приступили к броску на юг, к Толедо. Под командованием полковника Асенсио, майора Кастехона и полковника Фернандеса Баррбна они перерезали дорогу на Мадрид, а на следующий день вышли на оборонительные рубежи города. После ожесточенного боя милиция начала отступать. Двадцать седьмого сентября иностранным военным корреспондентам, которым до этого позволялось «участвовать» в самых кровавых боях этой войны, не разрешили сопровождать атакующих легионеров и «регуларес». Те снова устроили бойню. Пленных не брали. Улицы были

завалены трупами, струйки крови собирались в лужи. Американский журналист Уэбб Миллер рассказывал послу США, что видел обезглавленные трупы бойцов милиции. В больнице Святого Иоанна Крестителя в беспомощных раненых республиканцев бросали гранаты. На следующий день, 28 сентября, генерал Варела вступил в Алкасар, где Москардо встретил его лаконичным рапортом: «В Алкасаре без перемен, мой генерал» (Sin novedad en el Alcazar, mi general)[43].

Воскресным вечером 27 сентября в честь толедской победы Франко, Ягуэ и Милян Астрай выступили в Касересе с балкона Паласио-де-лос-Гольфинес с речами перед восторженно ревущей толпой. Франко говорил неуверенно, его подрагивающий голос отнюдь не воодушевлял собравшихся. Ягуэ под впечатлением волнующего разговора, который он имел с Франко чуть раньше в этот день, увлекся и выступал с энтузиазмом. Он горячо заявил о Франко: «Завтра он будет нашим генералиссимусом, главой государства». Милян Астрай сказал: «Наш народ, наша армия, ведомые Франко, идут к победе». Парадом прошли фалангисты и легионеры, оркестр играл гимн Легиона «Женихи смерти» (Los novios de la muerte) и песню фалангистов «Лицом к солнцу» (Cara ai sol). Толпа скандировала: «Франко! Франко! Франко!» Сцены народного ликования в самых ярких красках были расписаны в прессе националистской зоны[44].

Пока перед дворцом ораторы распаляли толпу, Николас Франко и Кинделан составляли план завтрашней встречи хунты, на которой предстояло установить полномочия нового генералиссимуса. Ягуэ уже сделал свое дело, объявив в своей речи, что Легион хочет видеть Франко главнокомандующим. Николас Франко и Кинделан продолжали разыгрывать эту роль, позаботившись, чтобы по прибытии на аэродром в Саламанке Франко был встречен почетным караулом, состоящим не только из авиаторов, но и из подразделений карлистских «рекетес» и фалангистов. Таким образом, встречу предваряла демонстрация политической и военной силы Франко с элементами устрашающей символики[45]. В понедельник утром 28 сентября Франко, Оргас, Кинделан и Ягуэ вылетели в Саламанку, «полные решимости», по словам Кинделана, «любой ценой достигнуть своих патриотических целей»[53].

На утреннем заседании одни генералы не проявили склонности обсуждать вопрос о полномочиях главнокомандующего; другие выступали за перенос принятия решения по этому вопросу на несколько недель. В конце концов они в обстановке единодушия (истинного или показного) согласились сделать Франко главнокомандующим. Но в их

намерениях не было и намека на то, что ему доверяется политическое руководство. Считалось, что скоро падет Мадрид и вот-вот война окончится, и генералы не были настроены возлагать на Франко широкие полномочия, поскольку подозревали, что потом убедить его отказаться от них будет трудно. Однако Кинделан настаивал на обсуждении и даже зачитал проект декрета. В соответствии с его первой статьей предусматривалось подчинение главнокомандующему армии, флота и авиации, во второй говорилось, что главнокомандующий будет называться генералиссимусом, а в третьей — что пост генералиссимуса предусматривает наделение Франко функциями главы государства, «пока длится война». Последняя фраза гарантировала Франко поддержку генералов-монархистов. Предложение о роспуске Хунты национальной обороны было встречено враждебно, особенно со стороны Молы. Он признавал, что Франко был выше всех по профессиональным качествам, но это вовсе не значило, что он был готов вручить ему абсолютную политическую власть. Даже Оргас колебался, не зная, стоит ли поддерживать Кинделана.

За обедом Кинделан и Ягуэ стали обрабатывать своих товарищей, описывая сцены ликования в Касересе. Несомненно, Ягуэ напирал на волю Легиона, а Николас Франко подчеркивал заинтересованность немцев в принятии декрета. Перед вторым, дневным, заседанием Кейпо и Мола отправились в свои штабы. Наконец с трудом было достигнуто соглашение, что Франко будет главой правительства и генералиссимусом. Кабанельяс обязался за два дня придать соглашению законную силу[46]. Покидая встречу, воодушевленный Франко сказал гостеприимному хозяину, Антонио Пересу Табернеро: «Это самый важный момент в моей жизни»[47]. Кабанельяс, по-прежнему охваченный сомнениями, решился подписать декрет только к ночи 28 сентября и только после длительных телефонных консультаций с Молой и Кейпо. По словам сына Кабанельяса, Кейпо де Льяно сказал: «Франко — свинья[54]. Мне он никогда не нравился и не нравится. Придется играть в эту игру, пока он не зарвется». Более осторожный Мола пояснил, что не испытывает радости от такого выбора, но альтернативы Франко не видит[48].

Кабанельяс доверил профессору международного права Хосе Янгуасу-и-Мессиа составить текст декрета — официального документа хунты, оформляющего принятое решение. В первой статье было сказано, что «во исполнение соглашения, достигнутого Хунтой национальной обороны, Главой правительства Испанского государства провозглашается Его Высокопревосходительство господин генерал-майор Дон

Франсиско Баамонде, который примет на себя всю власть в новом Государстве». Поговаривали, что, перед тем как быть напечатанным, текст декрета был подделан самим Франко либо его братом. Рамон Гаррига, который позже будет состоять в пресс-службе Франко в Бургосе, утверждал, будто Франко, прочитав текст, вычеркнул упоминание о том, что он будет главой правительства временно — «пока длится война»; потом текст был передан на подписание Кабанельясу. Но в подделке не было особой необходимости. Приняв по декрету пост главы правительства испанского государства, Франко тут же стал именовать себя просто главой государства, присвоив себе соответственно и всю полноту власти. Надежды монархистов, таких, как Кинделан, Оргас или Янгуас, оказались обманутыми. Достигнув пика власти, Франко и не помышлял передавать ее в течение своей жизни королю, хотя все время умело подпитывал надежды монархистов[49]. Вся националистская пресса объявила, что Франко провозглашен главой испанского государства (Jefe del Estado Espanol). Только карлистская «Дьярио де Наварра» совершила «грех», назвав Франко главой правительства испанского государства (Jefe del Gobiemo del Estado Espanol)[50].

Кабанельяс говорил по поводу назначения Франко: «Вы сами не знаете, что вы натворили, потому что вы не знаете его так, как я, поскольку он был под моим началом в африканской армии и командовал подразделением в моей колонне; и если, как вы того хотите, ему будет отдана Испания, он посчитает ее своей и никому не позволит заменить себя ни во время войны, ни после нее до самой смерти»[51]. Слова Кабанельяса потрясающе схожи с оценкой, сделанной позже полковником Сехисмундо Касадо, тоже бывшим «африканцем»: «Франко олицетворяет собой мышление «терсио», вот и все. Нам говорили: «Возьми столько-то человек, займи такую-то позицию и не трогайся оттуда, пока не получишь нового приказа». Франко занял государственные позиции, и поскольку у него нет командира, он с них не тронется»[52].

Франко получил неисчислимый политический капитал благодаря решению отвернуть от Мадрида. Двумя днями позже было заново инсценировано освобождение Алкасара, и кинозрители мира видели на экранах Франко, расхаживающего по камням вместе с изможденным Москардо. Москардо перед камерами повторяет Франко свою знаменитую фразу: «без перемен» (sin novedad)[53]. За одну ночь генералиссимус Франко приобрел международную известность, стал военным символом националистов. В националистской зоне Испании его представляли не иначе как спасителем осажденных героев. Должно быть, немалую радость ему доставило признание его

сходства с великими героями-воите-лями средневековой Испании.

Эту аналогию поддерживала и Церковь в высказанном 30 сентября длинном пастырском послании под названием «Два города», которое составил епископ Саламанки доктор Энрике Пла-и-Деньел. Церковь уже давно стояла на стороне мятежников, но никогда не давала таких однозначных оценок, как Пла-и-Деньел. Его вдохновило благословение, данное 14 сентября Папой Пием XI испанским беженцам в Кастелгандолфо, в нем Папа называл действия националистов христианским героизмом, а поступки республиканцев диким варварством. Пла-и-Деньел процитировал из святого Августина, чтобы провести разницу между земным городом (республиканская зона), где господствуют ненависть, анархия и коммунизм, и небесным городом (националистская зона), где правят любовь Господня, героизм и мученичество. В первый раз выражение «крестовый поход» было использовано применительно к Гражданской войне в Испании[54].

Текст послания показали Франко еще до опубликования. Он не только одобрил его, но и в соответствии с ним подправил собственную риторику, чтобы выжать из послания максимум политической выгоды. Использовав идею религиозного крестового похода, Франко мог выставлять себя не только защитником Испании, но и религии вообще. Не говоря о том, что это льстило его самолюбию, такой пропагандистский прием мог дать огромную пользу в плане международной поддержки дела мятежников[55]. Например, многие члены британского парламента от консервативной партии стали поддерживать Франко после того, как он начал переходить от фашистских лозунгов к христианским. Сэр Генри Пейдж Крофт, депутат от округа Борнмут, назвал его «отважным и благородным христианином», а капитан Рэмси, от округа Пиблз, посчитал, что Франко «борется за христианское дело против антихриста». Такие люди исподьзовали свое влияние в банковских кругах и в правительстве, чтобы ориентировать британскую политику на поддержку националистов[56].

Первого октября был провозглашен новый глава государства. Помпезность, с какой проходила процедура, трудно было представить себе еще десять недель назад. Перед зданием штаба военного округа в Бургосе приезда Франко ожидал почетный караул из солдат, а также из бойцов фалангисгской и карлистской милиции. Огромная толпа взорвалась овациями и приветственными выкриками, когда на площадь выкатил автомобиль Франко. В «тронном» зале, в присутствии дипломатов Италии, Германии и Португалии, Кабанельяс официально передал явно довольному Франко полномочия Хунты

национальной обороны. Человек совершенно невпечатляющей внешности — тучнеющий коротышка, с лысиной и двойным подбородком, — Франко стоял в стороне на возвышении. Кабанельяс произнес: «Господин глава правительства испанского государства! Именем Хунты национальной обороны я передаю вам абсолютную власть в государстве».

Франко выпалил свой ответ с надменным видом, королевским самодовольством и уже появившейся властностью: «Мой генерал, господа генералы и руководители Хунты! Вам есть чем гордиться, вы получили Испанию раздробленной, а вручаете мне Испанию, сплотившуюся вокруг единого и великого идеала. Победа на нашей стороне. Вы передаете Испанию в мои руки, и я заверяю вас, что мой пульс не собьется, а рука всегда будет твердой...» После церемонии он вышел на балкон и произнес речь перед морем рук, поднятых в фашистском приветствии. Высокопарный тон здесь сменился разглагольствованиями о необходимости социальных реформ, отражавшими его стремление попасть в тон со своими нацистскими и фашистскими покровителями. Его циничным обещаниям долгое время будет суждено оставаться невыполненными. «Наше дело требует жертв от каждого — особенно от тех, у кого что-то есть, — в интересах неимущих. Мы не остановимся до тех пор, пока будет хоть один дом без света и хоть один испанец — без хлеба». Куда более правдивым оказалось его заявление в тот вечер по радио «Кастилия», что он собирается установить в Испании тоталитарное государство[57].

С этого дня, как говорилось, Франко именовал себя только главой государства (Jefe del Estado). Правда, на этой стадии у него было не так много этого самого государства. Его надо было создавать немедленно, пусть даже с малыми шансами на быструю удачу. Бургосская хунта была распущена, и ее место заняла Государственно-административная хунта (Junta Tecnica del Estado), которую возглавил генерал Фидель Давила[55]. Генерал Оргас стал верховным комиссаром в Марокко, и в его задачу входило обеспечивать приток в армию националистов марокканских наемников. Государственно-административная хунта находилась в Бургосе, а Франко расположил свою штаб-квартиру в Саламанке, поближе к Мадридскому фронту (но не слишком близко), в часе езды от Португалии — на случай, если дела обернутся плохо. Моле было поручено командовать Северной армией, сформированной из его войск, дополненных африканскими частями. Кейпо де Льяно получил под свое начало Южную армию, которую составили отдельные части, действовавшие в Андалусии, Бадахосе и Марокко. Кабанельясу в

наказание за его прохладное отношение к выдвижению Франко дали чисто символический пост инспектора армии. У Франко редко находилось время, чтобы принять его у себя в Саламанке. Несомненно, он не мог забыть, что Кабанельяс когда-то был его начальником и, как в свое время Санхурхо, обычно звал его Франкито[58]. Не терпел он и других людей, которые когда-то стояли выше него, например, Хиля Роблеса, впавшего в немилость у нового главы государства[56].

После избрания националистским лидером он первым делом направил выспренние телеграммы Гитлеру и Рудольфу Гессу. Гитлер ответил ему, похоже, лишь устно, через германского дипломата, графа Дю Мулен-Эккарта (Du Moulin-Eckart), которого Франко принял 6 октября. Гитлер считал, что окажет Франко большую услугу, если до взятия Мадрида не будет официально признавать националистское правительство. Франко выразил «сердечную благодарность фюреру и бесконечное восхищение им и новой Германией». Дю Мулена впечатлил искренний восторг, который производила на Франко нацистская Германия. Он докладывал: «Сердечность, с которой Франко выражал свое благоговение перед фюрером и свои симпатии к Германии, и та дружественность, с которой он меня принимал, не позволяют ни на минуту усомниться в искренности его отношения к нам»[59].

После этого в националистской зоне началась массовая, в типично фашистском стиле, пропагандистская кампания по превращению Франко в фигуру общенационального масштаба. Эквивалентом титулов «фюрер» и «дуче» выбрали слово «каудилво», которое к тому же указывало на параллель между Франко и полководцами средневековой Испании. Франко, как и они, считал себя воином Господним, сражающимся против неверных, которые хотят разрушить национальную веру и культуру[57][60]. Все газеты националистской зоны были обязаны выходить с лозунгом «Одно отечество, одно государство, один каудильо» (Una Patria, un Estado, un Caudillo) под названием газеты — копия гитлеровского «Один народ, один рейх, один фюрер» (Ein Volk, ein Reich, ein Fiihrer). Стали ритуальными и все более частыми скандирования: «Франко! Франко! Франко!» Повсюду распространялись тексты выступлений Франко.

Почти сразу же по вступлении Франко на пост его брат Николас предпринял попытку организовать франкистскую партию — по аналогии с Патриотическим союзом (Union Patriotica) Примо де Риверы. Предполагалось, что в нее войдут консерваторы из СЭДА, поэтому действия Николаса были встречены в штыки фалангистами. Учитывая, что Фаланга в это время быстро росла, братья поняли, что их действия оказались

преждевременными, и забросили свою идею[61]. Вообще во всем происходящем усматривается ирония истории: неограниченные полномочия были предоставлены Франко в надежде на близкую победу. На самом деле победа националистов отодвинулась далеко в будущее. Отчасти это зависело не от каудильо, а от таких факторов, как прибытие Интернациональных бригад и русских танков и самолетов, как создание Народной армии. Однако даже в том, что такие вещи смогли произойти, можно усмотреть вину самого Франко, который примерно на две недели задержал поход на Мадрид, вернувшись в Толедо, потратив время на празднества в честь своего восхождения на вершину власти. Позже станет похоже, будто Франко будет заинтересован в затягивании войны, чтобы иметь время уничтожить своих политических противников справа и слева и укрепить механизмы своей власти.

После того как Франко сделался главой государства и к нему оказались прикованы взгляды всей националистской Испании, франкистские пропагандисты стали лепить из него образ католического крестоносца, вовсю напирать на его религиозность. С 4 октября 1936 года у. него появился и оставался до конца жизни личный священник, отец Хосе Мариа Буларт[62]. Каждый день Франко начинался с мессы — в этом была и политическая игра, и сказывалось влияние доньи Кармен. Дабы ублажить жену, вечерами, когда позволяло время, он читал с ней вечернюю молитву — хотя, по крайней мере на этой стадии своей карьеры, без особого удовольствия[63]. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что влияние Кармен Поло сказалось на росте амбиций ее мужа; то же касается роли, которую сыграло в жизни Франко послание епископа Пла-и-Деньела, в котором содержалось упоминание о крестовом походе. Но донья

Кармен верила в его божественную миссию, а серьезная церковная поддержка могла убедить в этом и Франко[64].

Поверив в свои особые отношения с божественным провидением, став более изолированным от окружающей обстановки и нагруженным властью и ответственностью, он сделался подчеркнуто религиозным[58]. Возможно, он искренне искал в религии душевного успокоения, но его повышенная религиозность показывала также, что он отчетливо понимал, какую неизмеримую помощь Католическая церковь могла оказать ему для получения международной и внутренней поддержки. На рост генералиссимуса в его собственных глазах существенно повлияло официальное одобрение и благословение со стороны Церкви. Вопрос состоял не в широкой поддержке со стороны Католической церкви дела националистов, а в том, что Франко

получил признание со стороны Церкви как защитник религии. Энергия, с которой Франко добивался такого признания, была не меньше той, с которой Франко начал демонстрировать свои претензии на статус монарха. Религиозный ритуал играл важнейшую роль в подъеме авторитета фигуры короля в великие времена зарождения современной Испании. Веря, что он является наследником и продолжателем мифического золотого века, Франко считал само собой разумеющейся всестороннюю поддержку Церковью его правления. Соответственно с этим, он присвоил себе монаршью прерогативу входить и выходить из церквей под балдахином (bajo palio).

Первого октября примас Испании кардинал Исидро Гома-и-Томас прислал Франко телеграмму с поздравлением по случаю освобождения Алкасара и возведения его на пост руководителя государства. Второго октября Франко ответил ему одним из самых своих высокопарных посланий. Оно начиналось словами: «Принимая полномочия Главы Испанского Государства со всеми вытекающими из этого обязанностями, я не мог бы получить при этом большей помощи, чем благословение Вашего Преосвященства»[65]. Это стало началом тесных взаимоотношений между ним и кардиналом Гома.

Друзья-генералы были несколько ошарашены той легкостью, с которой новый генералиссимус установил дистанцию между собой и окружающими и стал проявлять прямо-таки королевские замашки. Своей штаб-квартирой он избрал епископский дворец Саламанки, который ему любезно уступил Пла-и-Деньел. Через две недели после прихода Франко к власти посетители дворца, который стал известен как штаб-квартира (cuartel general), обязаны были одеваться для приема в подобающие костюмы[66]. Франко вечно находился в окружении марокканской гвардии (Guardia Mora), которая будет повсюду сопровождать его до конца 50-х годов. Одетые в сверкающую форму, они, словно статуи, стояли по всему дворцу — наглядное выражение азиатского деспотизма в действии. Приехали немецкие специалисты и соорудили во дворце бомбоубежище[67]. Портреты Франко были везде — на стенах зданий в учреждениях и школах. Кроме портретов, на стенах появились написанные по трафарету лозунги типа «Цезари были непобедимыми генералами. Франко!» Все ведущие пропагандисты были задействованы, чтобы раздувать миф о политическом и военном гении Франко. Восхваление и лесть приняли такие масштабы, которые не могли не сказаться дурно на его личности[68].

Пытаясь превратить наспех сколоченный чиновничий аппарат, более-менее справлявшийся с делами в военное время, в

государственный аппарат, Франко сделал несколько ошибок при подборе сотрудников. Наконец это предприятие взял в свои руки его свояк Рамон Серрано Суньер. Брат генералиссимуса Николас был, возможно, мастер делать королей, но у него плохо получалось руководить канцелярией. Благодаря своему родству с генералиссимусом и работе бок о бок с ним, в соседнем кабинете, Николас скоро приобрел громадную власть. Своим поведением он куда больше напоминал отца, чем брата, слыл известным бонвиваном, чей богемный и хаотический образ жизни приводил в замешательство всех знавших его. Он вставал в час дня, до трех принимал посетителей, потом исчезал на обед до семи, а там начиналась вечерняя жизнь. Появившись в своем кабинете к полуночи, он мог работать до четырех-пяти утра и часто заставлял посетителей ждать его по семь-восемь часов. Учитывая его отношения с генералиссимусом, мало кто роптал, хотя такая практика особенно бесила немцев[69]. И, несмотря на свою власть и высочайшее покровительство, он ничего или почти ничего не сделал для создания управленческой инфраструктуры.

Но еще более катастрофические последствия имело назначение руководителем службы прессы и пропаганды Миляна Астрая. Возможно, Франко нравилось угодничество Миляна, но деятельность того была контрпродуктивной. Уже через несколько дней после прихода Франко к власти Милян начал восхвалять его как человека, «ниспосланного Богом повести Испанию к освобождению и величию», как человека, «который спас ситуацию во время республиканского восстания в Хаке» и «величайшего стратега века»[70]. Он руководил пресс-службой как казармой, созывая журналистов свистком и инструктируя их как легионеров перед операцией. Франко, похоже, считал Миляна Астрая чем-то вроде талисмана, приносящего удачу, но глупости последнего нанесли делу националистов большой вред[71]. Милян на удивление неудачно подбирал себе помощников. Поскольку после перелета на «Драгон рапиде» между Франко и Луисом Болином установились хорошие отношения, Милян назначил последнего руководить прессой на юге националистской зоны и удостоил его почетного звания капитана Легиона[72]. Болин начал носить военную форму и вовсю использовать ее. Он пытался регулировать информационный поток путем запугивания иностранных журналистов. С подачи Миляна Астрая он постоянно угрожал иностранным журналистам расстрелом. Особенно широкую известность получил случай с заключением за решетку Артура Кёстлера (Arthur Koestler), вызвавший международный скандал, только после которого журналист был освобожден из тюрьмы. Потом вышла в свет книга Кёстлера «Испанский завет», и

в итоге Болин впал в немилость[73].

Печатью на севере управлял человек с дурной славой — капитан Гонсало де Агилера, граф Альба-и-Йелтес, бывший кавалерист, большой любитель поло. Его взяли на должность за фанатизм и за прекрасное знание английского, немецкого и французского языков. Капитан Агилера принес больше вреда, чем пользы, своими скандальными высказываниями, которые журналисты очень любили цитировать. Многие из его высказываний были просто выражением мнения офицерства. Как-то перед иностранными корреспондентами он назвал испанские массы — «животными», обосновывая необходимость «убивать, убивать и убивать». Он хвастал перед журналистами, что в день начала Гражданской войны самолично убил шесть своих рабочих — «чтобы показать- пример другим». Он объяснял тем, кто имел желание его слушать, что глубинной причиной Гражданской войны стало изобретение канализации: «Раньше отбросы общества уничтожались различными очень полезными болезнями; а теперь все выживают и, конечно, их слишком много». «Если бы у нас не было канализации в Мадриде, Барселоне и Бильбао, все эти красные предводители попере-дохли бы еще в детстве и теперь не возбуждали бы толпу и не проливали бы добрую испанскую кровь. Когда война закончится, мы уничтожим канализацию. Наилучший контроль за рождаемостью в Испании — это тот, который Бог пожелал нам дать. Канализация — роскошь, которую получат только те, кто этого заслуживает, хозяева Испании, а не рабское быдло»[74]. Он считал, что мужья имеют право пристреливать неверных жен. Сопровождая влиятельную журналистку Вирджинию Каулс (Cowles), Агилера то и дело сбивался на сексуальные темы и отвлекался от них, чтобы произнести нечто вроде: «Хорошие ребята эти немцы, но немного слишком серьезные; такое впечатление, что около них никогда не бывает женщин, но я думаю, они не за этим сюда приехали. Если они перебьют достаточно красных, мы сможем им все простить»[75].

Милян вряд ли подходил на роль человека, который должен представлять «новое государство» Франко внешнему миру, и это стало особенно очевидным 12 октября 1936 года во время празднования в Саламанке годовщины открытия Христофором Колумбом Америки. По-королевски величественная церемония как бы подчеркивала вечность «нового государства». В кафедральном соборе была воздвигнута трибуна для почетных гостей. Франко не присутствовал, но его представляли генерал Варела и донья Кармен. С проповедью выступил доминиканский священник отец Фраиле. Он воздал хвалу Франко за восстановление «духа единой, великой, имперской Испании».

Затем торжества продолжились в здании университета под председательством пожизненного ректора (Rector РегрёШо), 72-летнего философа и романиста Мигеля де Унамуно. Тот заявил, что председательствует от имени генерала Франко, который занят неотложными делами.

Пошли речи о величии имперского прошлого Испании и о будущем величии. Один из ораторов, Франсиско Малдонадо де Гевара, говорил о Гражданской войне как о борьбе Испании за свои традиционные и вечные ценности против анти-Испании красных, басков и каталонцев и, похоже, разозлил Унамуно, который уже пострадал от «логики террора», пережив аресты и убийства друзей и за неделю до этого посетив Франко в епископском дворце и тщетно просив за нескольких брошенных в тюрьму знакомых[76]. Человеконенавистнический тон речи Малдонадо спровоцировал какого-то легионера выкрикнуть «Да здравствует смерть!» (Viva la muerte) — боевой клич Легиона. Потом вмешался Милян Астрай, троекратно выкрикнув «Испания!» — а в ответ услышав ритуальный ответ националистов: «Единая! Великая! Свободная!» Унамуно осудил необузданное восхваление войны и репрессий. Он сказал, что «гражданская война — война нецивилизованная»[59], что «победить — это не убедить» (veneer no es convencer), что каталонцы и баски не больше антииспанцы, чем присутствующие на церемонии. «Я баск и посвятил всю свою жизнь преподаванию вам испанского языка, которого вы не знаете». В этот момент его перебил рассвирепевший Милян Астрай. Он встал и начал оправдывать мятеж, все больше вводя себя в раж. Унамуно стоял на своем. Он указал, что лозунг «Да здравствует смерть» носит пустой и некрофилический характер. Милян закричал: «Смерть интеллектуалам!» На это Унамуно ответил, что он находится в храме науки и здесь такие слова звучат кощунственно.

В зале поднялся шум. Телохранители Миляна Астрая стали угрожать Унамуно, но тут вмешалась донья Кармен. Проявив разум и немалую смелость, она взяла уважаемого профессора за руку, вывела его из зала и отвезла домой на официальном автомобиле. Двое свидетелей этой сцены утверждали, правда, что Милян Астрай сам велел Унамуно взять жену главы государства и уйти[77]. В Саламанке в то время царила такая атмосфера страха, что от Унамуно отвернулись все его знакомые, а коллеги настояли на его уходе из университета[78]. Репрессированный, находясь фактически под домашним арестом, столкнувшись с «коллективным помешательством» и «моральным самоубийством Испании», он умер в конце декабря 1936 года[79]. Тем не менее на похоронах его превозносили как фалангисгского героя[80]. Почти

тридцать лет спустя Франко в разговоре с кузеном сказал, что поведение Унамуно было «достаточно досадным, недопустимым на патриотической церемонии, в такой знаменательный день, в националистской Испании, которая сражалась на поле боя с жестоким врагом и преодолевала огромные трудности на пути к победе». Он все еще рассматривал поведение Миляна Астрая как абсолютно оправданный ответ на провокацию. Все же тогда Франко счел за благо убрать Миляна Астрая с его поста[81].

Инцидент с Унамуно практически не повлиял на процесс укрепления положения Франко в качестве бесспорного лидера. Политические события разворачивались для последнего благоприятно. В ходе штурма Мадрида генералиссимусу нечаянно улыбнулась фортуна по принципу: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Наступление на столицу и хвастливое заявление Молы по радио о том, что близится захват ее «пятой колонной» — тайными сторонниками националистов, — вызвали в Мадриде панику. В качестве ответных мер последовали жестокие расправы над правыми — как отдельными диверсантами, так и большими группами заключенных мадридских тюрем, которых вывезли в Паракуэльос-де-Харама и уничтожили[82]. Среди жертв массовой расправы над националистами оказался один из потенциальных соперников Франко в борьбе за политическое лидерство — Хосе Антонио Примо де Ривера. Фалангистский вождь находился в республиканской тюрьме в Аликанте с момента своего ареста 14 марта 1936 года. Его бегство или обмен бьии не таким уж и невозможным делом[60], хотя, учитывая его высокое положение, отнюдь не простым. Однако в данном случае Франко не проявил активности, и ни того ни другого не случилось.

Это и понятно. Франко нуждался в Фаланге для политической мобилизации гражданского населения, а также для демонстрации единства его идеалов с германскими и итальянскими союзниками. Однако, если бы харизматический лидер Фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера вдруг очутился в Саламанке, то Франко не смог бы распоряжаться и манипулировать Фалангой так, как он это делал впоследствии. В конце концов, Хосе Антонио с некоторых пор стал проявлять осторожность в вопросе о тесном сотрудничестве с армией, потому что опасался, что Фалангу будут использовать просто в качестве пушечного мяса и модной идеологической декорации. В своем последнем интервью, которое он дал 3 октября 1936 года Джею Аллену и которое было опубликовано 9 октября в «Чикаго дейли трибюн» и 24 октября в «Ньюс кроникл», фалангистский лидер выразил недовольство тем, что предпочтение отдается

защите традиционных ценностей в ущерб радикальному социальному сдвигу, проповедуемому его партией[83]. Даже если принять во внимание, что Хосе Антонио перебарщивает со своей революционностью, чтобы отчасти угодить своим тюремщикам, все равно расхождение с политическими планами Франко очевидно. На самом же деле, как поведал Аллен американскому послу Клоду Боуэрсу, Хосе Антонио вел себя вызывающе, и Аллену пришлось сократить интервью «из-за потрясающе неблагоразумных высказываний Примо»[84].

Франко, как человек, прошедший все ступеньки социальной лестницы, казалось бы, должен был преклоняться перед харизматическим и светским Хосе Антонио, который к тому же был сыном генерала Примо де Риверы. Однако, несмотря на многолетние старания Рамона Серрано Суньера, их отношения так и не сложились. Хосе Антонио смотрел на Франко как на помпезного, поглощенного собой сверхосторожного, почти трусливого, человека. Их отношения окончательно испортились весной 1936 года во время повторных выборов в Куэнке, когда Хосе Антонио самым решительным образом воспротивился включению генерала в список кандидатов от правых сил. Этого Франко никогда ему не простил.

Еще не будучи лидером националистов, Франко обдумывал планы объединения различных политических течений внутри националистской коалиции вокруг единого центра. В конце августа он сказал Мессершмитту, что партии СЭДА предстоит исчезнуть. Шестого октября, в беседе с графом Дю Мулен-Эккартом, новый глава государства информировал посетившего его дипломата, что в тот момент его больше всего занимала проблема «унификации идеи» и создания «общей идеологии» в армии, Фаланге, в среде монархистов и в СЭДА. Он доверительно сообщил своему визитеру, что придется действовать с оглядкой. Если принять во внимание собственный консерватизм Франко и связь элиты националистской коалиции со старым порядком, такая осторожность действительно была необходима. Унификацию можно было осуществить лишь посредством политического разоружения многочисленной и громкоголосой Фаланги. Теперь, после смерти фалангистского лидера, это становилось возможным.

Попытки освободить Хосе Антонио все же предцринимались, и Франко, хотя и с неохотой, давал на них свое согласие, поскольку не дать его — значило рисковать добрым отношением к себе со стороны Фаланги, которая оказывала полувоенную и политическую помощь во всей мятежной зоне. Вначале дело освобождения своего вождя возглавили изолированные группы

фалангистов в Аликанте. Потом, в начале сентября, были предприняты более серьезные попытки — в то время страну посетили немцы, рассматривавшие Фалангу как испанский компонент будущего нового мирового порядка. Германская помощь в деле освобождения лидера фалангистов была оговорена на самом высоком уровне, и немцы получили заверения, что операция одобрена генералом Франко.

Прецеденты такого рода уже имели место. Так, Франко просил немцев о помощи в освобождении родственников Исабель Паскуал де Побил, жены его брата Николаса. Благодаря усилиям Ханса Иоахима фон Кноблоха, германского консула в Аликанте, восемнадцать родственников Паскуал де Побил под видом немецких моряков были взяты на борт германского военного корабля. И при попытке освободить фалангистского лидера ставка делалась на взаимодействие между командами стоявших в порту Аликанте германских кораблей и фон Кноблохом. Кноблох действовал в контакте с подвижным, нервным фалангистом Агустином Аснаром; у них был разработан примитивный план освободить Примо де Риверу за взятку. План провалился, Аснара схватили, но он чудом спасся. На фон Кноблоха было совершено покушение, и после этого, 4 октября, республиканцы выдворили его из Аликанте[85].

Прибыв 6 октября в Севилью, фон Кноблох и Аснар возобновили попытки освободить Хосе Антонио. Фон Кноблох разработал план подкупа республиканского гражданского губернатора Аликанте, а Аснар готовил побег фалангистского лидера. Обоих принял Франко. Поблагодарив фон Кноблоха за вывоз из Аликанте родственников своего брата Николаса, Франко дал добро на дальнейшие попытки спасения Хосе Антонио. Однако это устное позволение Франко дал скрепя сердце. Фон Кноблох вернулся в Аликанте, чтобы продолжать осуществление своего плана, а Франко сообщил германским властям, что настаивает на ряде условий: спасать Хосе Антонио следует без выкупа; если же платить все-таки придется, то следует поторговаться; фон Кноблох не должен принимать участия в операции. Эти странные условия существенно уменьшали шансы на успех, но немцев они не остановили. Потом от Франко поступили еще более странные инструкции: в случае успеха операции факт освобождения Хосе Антонио должен храниться в секрете; в случае освобождения ему не следует находиться вместе с фон Кноблохом — главным связующим звеном с фалангистским руководством; его должен будет допросить человек, назначенный самим Франко; его не должны высаживать[61] в националистской зоне без разрешения Франко. Франко сообщил

немцам, что есть сомнения в психическом здоровье Примо де Риверы. И операция оказалась сорванной[86].

Следующая попытка освободить Примо де Риверу исходила от Рамона Ка-саньяса Паланки, руководителя (Jefe) Фаланги в Марокко. Он предложил обменять его на жену и дочерей генерала Миахи, которые содержались в заключении в Мелилье. Франко, по-видимому, не разрешил предоставить участникам переговоров официальных полномочий, хотя позже он согласился, чтобы семья генерала Миахи была обменена на семью карлиста Хоакйна Бау. Каудильо отказался также разрешить другому фалангисту, Максимиано Гарсйа Венеро, развернуть международную кампанию за спасение жизни Хосе Антонио[87]. Франко сорвал и старания Хосе Фината, графа де Майалде, друга Хосе Антонио. Май-алде был женат на внучке графа де Романонеса и сумел убедить почтенного политика употребить свои контакты с французским правительством и убедить Блюма вступиться перед Мадридом за Примо де Риверу. Франко задержал Романонеса с отъездом во Францию, а там подоспело и объявление смертного приговора[88].

Хосе Антонио Примо де Ривера был расстрелян в тюрьме Аликанте 20 ноября 1936 года. Франко тут же раскрутил пропагандистскую машину, чтобы извлечь максимум выгоды из смерти героя, а в душе радовался, что теперь не надо будет терпеть присутствие этого человека. Известие о казни пришло в штаб-квартиру Франко вскоре после того, как она состоялась[89]. Во всяком случае, 21 ноября об этом написали националистские и французские газеты. Вплоть до 16 ноября 1938 года Франко публично предпочитал демонстрировать, будтб не верит, что Хосе Антонио мертв. Пока Франко проводил политические мероприятия, направленные на укрепление своей власти, ему был нужнее «живой» фалангистский лидер. После объявления о его смерти события могли бы развиваться так, что вопрос о новом лидере Фаланги встал бы раньше, чем Франко успел бы укрепить собственные позиции. Временный лидер Фаланги, горячий, но. недалекий Мануэль Эдилья (Hedilla), допустил тактическую ошибку, идя на поводу Франко. Первое сообщение о казни совпало с проведением 21 ноября в Саламанке III Национального совета Испанской фаланги и ХОНС — Хунт национально-синдикалистского наступления (JONS — las Juntas de la Ofensiva Nacional Sindicalista), но Эдилья не объявил там о смерти лидера в тщетной, но основанной на многочисленных слухах надежде, что их Хосе Антонио каким-то чудом удалось спастись. А после этого Франко уже имел дело с обезглавленной Фалангой[90].

В отношении Франко к «отсутствующему» Хосе Антонио

Примо де Ривере ярко проявился до странности убогий ход его мыслей. В 1937 году он говорил Серрано Суньеру: «Возможно, они передали его русским, а те, возможно, кастрировали его»[91]. Франко использовал культ «отсутствующего» (ausente), чтобы поставить Фалангу под свой контроль. Вся фалангисгская символика и аксессуары были употреблены на то, чтобы замаскировать ее быстрое идеологическое разоружение. Некоторые работы Примо де Риверы оказались под негласным запретом, а ставший на его место Эдилья в 1937 году будет брошен в тюрьму и приговорен к смертной казни. Пропаганда представляла Франко в качестве истинного наследника Хосе Антонио, а в сугубо личных беседах каудильо высказывал свое презрение к фалангисгскому лидеру. Серрано Суньер однажды убедился, что одной похвалы в адрес Хосе Антонио достаточно, чтобы вывести Франко из себя. Как-то генералиссимус взорвался: «Видишь, вечно носятся с этим мальчишкой, будто он невесть что из себя представлял» (Lo ves, siempre a vueltas con la figūra de ese muchacho сото cosa extraordinaria). В другой раз Франко с видимым удовольствием сообщил, будто у него есть доказательства того, что Примо де Ривера умер как трус[92].

Возможно, Хосе Антонио пытался каким-то образом предотвратить всеобщую бойню, но остается вопросом, удалось бы ему добиться такой цели в господствовавшей тогда атмосфере истерии? Этот человек был безусловно открыт идее национального примирения, от которой Франко был бесконечно далек не только во время войны, но и в последующие тридцать пять лет. В последние дни своей жизни Хосе Антонио в тюремной камере делал наброски состава и политики правительства «национального согласия», первым актом которого была бы всеобщая амнистия. Его отношение к Франко ясно проявилось в его комментариях по поводу последствий военной победы, которая, как считал Хосе Антонио, будет способствовать только консервации прошлого. Он видел в такой победе триумф «группы генералов с благородными устремлениями», но с угнетающе посредственным «уровнем политического мышления», приверженных «банальным простым истинам», опирающимся «на 1) непримиримый, грубый и неприятный древний карлизм; 2) консервативные классы, продажные, близорукие и трусливые; 3) аграрный и финансовый капитализм».

Бумаги, где Хосе Антонио изложил эти мысли, через военного коменданта Аликанте, полковника Сикардо, были направлены Прьето. Потом лидер социалистов переправил копии двум душеприказчикам Хосе Антонио — Рамону Серрано Суньеру и Раймундо Фернандесу Куэсте — в надежде вызвать разброд среди

фалангистских пуристов. Это оказалось политической ошибкой. Поскольку Хосе Антонио был мертв, то значимость Серрано Суньера и Фернандеса Куэсты, как его душеприказчиков, выросла и дала им авторитет, который они использовали в интересах политики Франко[93]. Доведись Хосе Антонио Примо де Ривере попасть в Саламанку, он наверняка стал бы критиком, и влиятельным критиком Франко. Тогда использование генералиссимусом в своих целях Фаланги в качестве готовой политической базы стало бы куда более затруднительным делом[94]. Однако вовсе не следует допускать, что генерал Франко не спровадил бы куда-нибудь и Примо де Риверу, как он это сделал со многими другими.

Совсем другим было отношение Франко к своим родственникам — тут он проявлял живое участие и пренебрегал всеми принципами. Прецедентов такого покровительства в годы Гражданской войны было предостаточно, а после войны под его крылом так называемый «клан Франко» стал весьма преуспевать. Одним из примеров его готовности оказать протекцию своим близким была помощь родственникам Николаса по линии его жены. Всех поразила реабилитация его брата, левого экстремиста Рамона, несмотря на бурное противодействие некоторых важных военных чинов. В сентябре 1936 года Рамон Франко, который был в то время испанским военно-воздушным атташе в Вашингтоне, написал своему другу в Барселону, спрашивав, как его примут в республиканской зоне. Асанья вроде бы сказал их общему знакомому, что «пусть не приезжает, ему тут будет плохо». Не долго думая, Рамон решает ехать в националистскую зону, узнав, что брат стал главой государства[95].

Несмотря на свое активное анархистское и франкмасонское прошлое и несмотря на свое участие в различных революционных акциях, за которые другие платили жизнью, Рамон был радушно принят братом. В Севилье Кейпо де Льяно уже казнил Бласа Инфанте, андалусского адвоката-националиста, который вместе с Рамоном стоял в списке кандидатов-революционеров на выборах 1931 года. Обостренная озабоченность тем, как отреагируют на его поступок окружающие, которая помешала Франко в самом начале мятежа вступиться за своего двоюродного брата Рикардо де ла Пуэнте Баамонде, исчезла у Франко, когда речь зашла о родном брате. Рамона послали на Мальорку командовать там националистскими силами и дали звание подполковника. Это вызвало брожение в ВВС и стало причиной раздоров между Франко и Кинделаном, столько сделавшим для возвышения самого Франко. Двадцать шестого ноября Кинделан направил в адрес генералиссимуса письмо с решительным протестом против

такого шага. В письме, написанном с соблюдением правил вежливости, признается право Франко отдавать такие приказы, какие он считает нужным, но Кинделан пишет о «личной обиде» в связи с тем, что с ним даже не проконсультировались. Он также пишет о недовольстве авиаторов-националистов, мнения которых в отношении этого назначения находились в диапазоне «от тех, которые согласны, чтобы он занимался авиационными делами за пределами Испании, до тех, которые требуют, чтобы его расстреляли»[96]. Франко просто проигнорировал письмо и позже отомстил Кинделану, освободившись от него в конце войны. Франко пользовался своей властью с искусством и жестокостью Борджиа.

Глава 8 ФРАНКО И ОСАДА МАДРИДА

Октябрь 1936-го — февраль 1937года

Ирония судьбы: на тот день, когда произошел инцидент между Миляном и Унамуно, Франко планировал праздновать взятие Мадрида. Две недели после его прихода к власти Франко занимался лишь упрочением своих позиций, а темпы наступления существенно снизились. Но войну нельзя было затягивать до бесконечности, и 6 октября Франко заявил журналистам о начале наступления на Мадрид. На следующий же день войска националистов под общим командованием Молы двинулись к Мадриду. Вымотанная африканская армия во главе с генералом Варелой и его заместителем Ягуэ также возобновила путь на север[1]. Десятитысячное войско шло пятью колоннами, которыми командовали Асенсио, Баррон, Кастехбн, полковник Франсиско Делгадо Серрано и де Телья. Перед этим были получены новые партии оружия из-за рубежа, включающие изрядное количество артиллерии и легких танков из Италии. Итальянские инструкторы в спешном порядке обучали испанский персонал обращению с техникой, и 18 октября Франко вместе с членами итальянской военной миссии имел возможность инспектировать первые итало-испанские механизированные части[2].

После консультаций с Франко Мола разрабатывает план взятия Мадрида, состоящий из двух частей. Мадрид к этому времени уже был наполовину окружен с запада. Идея плана состояла в том, чтобы вначале националистские силы подошли бы ближе к городу, сокращая тем самым протяженность фронта, а затем африканская армия Варелы пошла бы на штурм столицы через северные предместья. Наступление, начавшееся 7 октября, развивалось по направлению от Навалперала на севере, от Эскориала на западе и от Толедо на юге. Защитники первого рубежа обороны столицы были деморализованы в результате бомбежек и артобстрелов и отброшены моторизованными колоннами, усиленными итальянскими легкими танками. Отчаянные контратаки защитников столицы были без труда отбиты, что вселило еще больший оптимизм в наступающих[3].

Но дальше все пошло по-другому. С 18 июля по 7 октября основную нагрузку в боевых действиях несла африканская армия, совершая форсированные броски и захватывая методом фронтальных атак города и деревни, — им противостояли лишь неподготовленные бойцы милиции. Такая война мало чем отличалась от тех колониальных кампаний, к которым Франко и

другие «африканцы» давно привыкли. В такой войне преимущество было целиком на стороне Легиона и «регуларес». Но дело приближалось к войне фронтов. Парадоксально, что немцы, итальянцу и русские поставляли обеим сторонам новейшие вооружения, используя Испанию как своеобразный полигон будущей войны, а Франко в своей стратегии был зациклен на прошлом.

Больше, чем осадой Мадрида, генералиссимус был обеспокоен проблемой снятия блокады с Овьедо, и освобождение города 17 октября доставило ему огромную радость. Мадридская же кампания представляла для него, похоже, гораздо меньший интерес. Так продолжалось до 20 октября, когда он словно вдруг заметил, насколько сильно укрепляется оборона столицы, и издал приказ «сконцентрировать максимум внимания и имеющихся боевых сил на фронтах вокруг Мадрида»[4]. Его невнимание к операциям по взятию Мадрида и исчезновение его имени из репортажей с театра военных действий — весьма примечательный факт. Возможно, Франко понял, что тут легкой славы снискать не удастся, и ловко переложил ответственность на Молу.

Сам Мола обрадовался возможности исправить неудачу, постигшую его в начале войны[5]. Его оптимизм разделяли многие: уже были названы кандидатуры алкальда и городских муниципальных советников[6]. Радиостанции националистов передавали, что Мола готовится въехать на центральную мадридскую площадь Пуэрта-дель-Сол на белом коне. Он даже предложил корреспонденту «Дейли экспресс» встретиться там за кофе, а «республиканским шутникам» передать, чтобы накрыли столик и ждали его[7]. Самолеты националистов разбрасывали над Мадридом листовки — в них содержался ультиматум с требованием эвакуировать гражданское население и капитулировать. Ситуация для защитников быстро ухудшалась[8]. Но 15 октября в Картахен прибыла первая партия оружия, техники и снаряжения из Советского Союза. Таким образом на Мадридском фронте появилось 50 танков, 20 броневиков и 108 истребителей, что на короткий срок уравновесило силы. О скорой победе националистов уже не могло быть и речи[9].

К концу месяца войска Молы взяли ряд мелких населенных пунктов вокруг Мадрида — Брунете, Мостолес, Фуэнлабраду, Вильявисьосу-де-Одон, Ал-коркон и Хетафе. Мадрид оказался наводненным беженцами из прилежащих городков и деревень, они пришли с овцами и другой домашней живностью[10]. Возникли серьезные проблемы с продовольствием и водоснабжением. Атакуемые националистскими самолетами, в город в большом беспорядке отступали милицейские колонны. Тридцать первого

октября, когда двадцатипятитысячное войско под командованием Варелы приблизилось к западным и южным предместьям Мадрида, Мола издал документ, в котором подчеркивал опасность дальнейшего промедления со взятием города[11].

Однако с 1-го по 6 ноября темпы продвижения тем не менее замедлились. Обычно это объясняют тем, что националистские войска нуждались в передышке и были уверены, что у них есть время на это. Поговаривали и о том, будто приостановка наступления была вызвана затянувшимися консультациями Франко с германскими и итальянскими советниками[12]. Выяснилось, что с 4-го по 6 ноября в лагере националистов шли острые споры о тактике взятия столицы. Ягуэ и Варела предложили воспользоваться быстрым броском в город через предместья*, а Мола придерживался мнения наступать по всему фронту в надежде, что Мадрид не окажет им большого сопротивления. Осторожный Франко отверг планы Ягуэ и Варелы, опасаясь лишиться ударных африканских колонн[13].

Таким образом, Франко освободил Моле руки для осуществления его сверх-оптимистического плана атаки по всему фронту с запада через реку Мансанарес, Университетский городок и Каса-дель-Кампо — старинные королевские охотничьи угодья с низкорослой и редкой растительностью. К 7 ноября националисты были готовы начать свою последнюю, как они полагали, атаку[14]. Двадцать восьмого октября фалангисты и карлисты составили список домов, отелей, кинотеатров, театров, радиостанций и редакций газет, которые они намерены занять после победы[15]. Гражданские правые, следовавшие за африканской армией, упаковали чемоданы и предвкушали скорое возвращение в свои мадридские дома в лучших районах города. Во франкистском лагере считали, что через несколько часов легионеры будут на Пуэрта-дель-Сол[16].

Однако известие о прибытии русского оружия и военных специалистов, а также 1900 человек из Интернациональных бригад поубавило оптимизма в штаб-квартире генералиссимуса. С конца октября на стороне республиканцев стали действовать тяжелые русские танки и до того быстрое продвижение националистских колонн застопорилось, хотя отсутствие квалифицированных ме-хаников-водителей и стрелков сильно снижало эффективность использования танков. Советские истребители «И-15» и «И-16», пилотируемые русскими летчиками, в первый раз вступили в бой 4 ноября, и по меньшей мере на полгода с превосходством националистов в воздухе было покончено[17]. Не зная истинных масштабов русской помощи республике, немцы выказывали недовольство и обеспокоенность

замедлившимся продвижением франкистов на Мадрид.

Двадцать первого октября министр иностранных дел Германии фон Ней-рат в разговоре с Чано сетовал на слабую активность Франко на Мадридском фронте[18]. Озабоченность судьбой дела националистов в Испании явилась одним из многочисленных факторов, сближавших Италию и Германию. Вскоре Муссолини начал поговаривать о создании оси Рим—Берлин. И Чано, и фон Ней-рат ожидали падения Мадрида либо к концу октября, либо в течение первой недели ноября — тогда они смогли бы заявить об официальном признании Франко[19]. Однако в конце октября германский военный министр генерал фон Бломберг направил адмирала Канариса и генерала Хуго Шперле (Sperrle) в Саламанку, чтобы выяснить, почему Мадрид до сих пор не взят. Фон Бломберг дал инструкции Канарису и Шперле сообщить Франко «со всей решительностью», что германское правительство не считает его тактические действия на земле и в воздухе «сулящими успех» и что «продолжающееся следование этой неуверенной и рутинной тактике (неиспользование нынешней благоприятной

_ * Ягуэ хотел проникнуть через плохо защищенные северо-восточные пригороды — Пуэрта-де-Йерро, Дээса-де-ла-Вилья и Куатро-Каминос, в то время как Варела предлагал такой же прорыв через юго-восточные окраины — Вальекас и Викалваро.

ситуации на земле и в воздухе, распыление авиации) может поставить под угрозу все приобретенное до настоящего времени».

Канарису и Шперле было поручено передать Франко условия, на которых ему будут направлены силы из Германии. Германские части будут находиться под командованием германского офицера, и тот будет находиться при Франко в качестве единственного советника по вопросам использования этих частей и отвечать только перед ним. Франко будет командовать этими частями только «косвенно». Увеличение германской помощи будет зависеть «от более системного и активного ведения войны» и выполнения генералиссимусом поставленных условий «безо всяких оговорок»[20]. Если генералиссимус согласен, то в течение весьма короткого времени будет сформирован и направлен в Испанию легион «Кондор» — боевая группа под командованием генерала Шперле. Буквально через считанные дни соединение из специализированных частей, имеющее на вооружении новейшие германские бомбардировщики, истребители, танки и другую технику, уже находилось на пути в Севилью. Первые пять тысяч немцев высадились в Кадисе 16 ноября, а следующие семь тысяч — с артиллерией, самолетами и бронетехникой — 26 ноября[21].

Республиканское руководство было настолько уверено в

скором падении Мадрида, что 6 ноября после острых дискуссий решило перевести правительство в Валенсию. Когда артиллерия националистов стала обстреливать пригороды Мадрида, это показалось началом конца[22]. Организация обороны города была возложена на Хунту обороны, которую возглавил недавно назначенный командующий военным округом Новой Кастилии Хосе Миаха[23]. Это был осанистый, лысеющий человек 58 лет. Франко относился к Миахе презрительно, считал его некомпетентным, неряшливым, а в глазах Кейпо де Льяно это был глупый и трусливый человек[24]. Известному своими неудачными контратаками, которые не смогли остановить продвижения Франко в Эстремадуре, Миахе многие отводили роль козла отпущения, на которого впоследствии можно свалить падение столицы. Так думал и он сам[25].

Прямой и добродушный Миаха сразу собрал вокруг себя штат из высокопрофессиональных помощников, наиболее видным из которых был его начальник штаба подполковник Висенте Рохо. Пока Рохо занимался организацией обороны, Миаха поднимал моральный дух защитников столицы. Находясь в плену иллюзий, будто Миаха представляет собой чисто бутафорскую фигуру, Франко объявил 7 ноября, что на следующий день будет присутствовать на мессе в Мадриде. Утром 8 ноября в столицу, в военное министерство, пришли поздравительные телеграммы на имя Франко от правительств Австрии и Гватемалы[26]. Всех опередило лиссабонское радио, которое заранее подробно описало восторженную встречу, устроенную жителями Мадрида генералиссимусу Франко. Американский журналист Никербокер из «Хёрст пресс» — охотник за сенсациями — послал подробный «репортаж» о параде победы, сделанный им якобы на ступенях «телефоники»[62]. В репортаже была даже упомянута собака, с лаем бегущая за войсками[27]. Британскому журналисту Генри Бакли из Лондона ответили, что его описание боев на окраинах Мадрида, должно быть, уже утратило актуальность, так как всем известно, что войска Франко уже в центре города[28].

Положение Миахи и Рохо было тяжелейшим. Они почти что не имели понятия о количестве, диспозиции и боеготовности находящихся в их распоряжении сил. Не хватало оружия и боеприпасов, не было никакого прикрытия с воздуха, плохо работала радиосвязь между наспех собранными бойцами нерегулярных сил, единственным достоинством которых была решимость насмерть защищать столицу. Зато Миаха и Рохо были хорошо осведомлены о подготовленности бойцов Легиона «регуларес» и их прочих качествах. Знали они и о многочисленной и хорошо организованной «пятой колонне»

националистов, осуществлявших акты диверсии и готовых поднять в городе восстание[29].

Варела, уверенный, что Мадрид после бегства правительства легко падет, отложил начало решающей атаки, чтобы дать войскам передохнуть. Пятого ноября он, по существу, не встретил бы сопротивления. Начни он атаку 6 ноября, когда население было деморализовано известием об отъезде правительства, он, возможно, одержал бы легкую победу[30]. Но перерывом в боевых действиях лучше всех воспользовались Рохо и Миаха, которые провели всю ночь на 7 ноября и последующие сутки, организуя и сплачивая разрозненные силы, имевшиеся в их распоряжении. Более того, Рохо повезло: в ночь на 7 ноября был захвачен танк националистов, где был найден подробный оперативный план Варелы[31]. Похоже, что вместе с нерешительным правительством Ларго Кабальеро, из города ушла и атмосфера пессимизма, а близость франкистских войск как рукой сняла политические междуусобицы[32].

Готовившимся в тишине улиц столицы отразить атаку защитникам придавали дополнительную отвагу ужасная память о том, что происходило в Ба-дахосе и Толедо после захвата их африканской армией. Народ был настроен сражаться до конца[33]. Наряду с 5-м полком Коммунистической партии — наиболее организованной и дисциплинированной силой в центральной зоне — большую помощь Миахе в подъеме всего населения Мадрида на отчаянную и героическую защиту оказали 1900 человек из 11-й Интернациональной бригады. Воодушевленные ободряющими шутками Миахи, следуя приказам Рохо, получившим в свое распоряжение план Варелы, жители Мадрида, вооруженные старыми винтовками, не имея достаточно патронов и даже военного обмундирования, остановили националистские войска[34]. Ярким солнечным днем 8 ноября африканская армия пошла в атаку, пытаясь форсировать реку Ман-санарес, над которой господствовал расположенный террасами бульвар Пасео-де-Росалес. Но в ходе атаки «африканцы» понесли потери такого масштаба, каких до этого не знали. Майор Антонио Кастехон, самый энергичный командир франкистских колонн, был тяжело ранен. С раздробленным бедром, подавленный тяжелыми потерями среди своих марокканцев, он сказал американскому журналисту Джону Уайтекеру: «Мы организовали это восстание, а теперь потерпели поражение»[35].

Атака Варелы через пригород Каса-де-Кампо захлебнулась к 10 ноября, но оборонявшие этот рубеж бойцы Интернациональной бригады потеряли до трети личного состава. После того как 15 ноября река Мансанарес была все же форсирована, начались

уличные бои и рукопашные схватки в районе университета[36]. Чувствуя за спиной родные стены, рабочая милиция дала марокканцам куда более мощный отпор, чем это было на открытых пространствах. Однако после прибытия 12 ноября легиона «Кондор» рабочие кварталы стали подвергаться более ожесточенным, чем раньше, артобстрелам и бомбардировкам, хотя богатые жилые кварталы Баррио-де-Саламанка — мадридского района, где обитали многие участники «пятой колонны», — Франко старался щадить. Немцам не терпелось выяснить действенность своих терроризирующих бомбардировок. Но, произведя в городе массовые разрушения, они не добились военного эффекта[37]. Решив любым путем заставить город сдаться, Франко дал разрешение сбрасывать на него зажигательные бомбы. Тем самым он нарушил данное им обещание не наносить ущерба столице — собранию шедевров искусства. Одному португальскому журналисту он сказал, что скорее разрушит Мадрид, чем оставит его марксистам[38]. Американский посол писал в Вашингтон: «Есть сведения, что бывший король, Альфонс XIII, выразил Франко протест по поводу такой политики. Если это он несет ответственность за разрушения, то причина лежит в том, что Франко пережил унижение, не сумев захватить Мадрид за несколько дней, и позволил своей злости взять верх над рассудком»[39].

До 22 ноября атаки националистов не принесли им успеха[40]. На следующий день Франко вместе со своим начальником штаба полковником Мартиноц Морено совершил поездку из Саламанки в Леганес, местечко под самым Мадридом. Генералиссимус встретился там с Молой, Саликетом, Варелой и офицерами их штабов. Без подкреплений, которых у Франко просто не было, у него не оставалось другого выхода, как прекратить наступление. И генералиссимус принял это решение в связи с недостатком сил, уязвимостью линий снабжения, а также из-за продолжающейся зарубежной помощи республике[41]. Оргас принял на себя командование войсками Мадридского фронта, Мола — северного. Так Франко потерпел первое серьезное поражение в войне[42]. Однако, вместо того чтобы принять взвешенное военное решение и отвести войска на несколько километров, где их позиции было легче защитить, Франко вновь обнаружил свое упорное нежелание поступиться хотя бы клочком завоеванной территории. В соответствии с этим он приказал Асенсио занять позицию в Университетском городке, чтобы, как Франко представлял себе, укрепить морально-психологическое состояние войск — независимо от цены, которую придется за это заплатить в течение трех последующих месяцев[43].

Франко еще повезло, что силы республиканцев в Мадриде были слишком незначительны, чтобы начать серьезное контрнаступление. Иначе волна покатилась бы в другую сторону. Повергнутые в шок потерями в войсках, Варела и Ягуэ сказали германскому военному советнику в Испании капитану Роланду фон Штрунку в присутствии Джона Уайтекера: «Мы выдохлись. Если красные перейдут в контратаку, то мы не сможем оказать им никакого сопротивления». Капитан Штрунк полностью согласился с ними, убежденный в том, что только германские подкрепления могут спасти Франко от поражения. В разговоре с американским консулом в Севилье капитан фон Штрунк с горечью заметил, что «Франко мог взять Мадрид в один день». Он также сказал, что информировал Франко о необходимости передать военное руководство кампанией немцам, иначе Германия прекратит поставки. Франко это предложение принял[44]. В Париже, Риме, Марокко, в лагерях националистов под Мадридом считали, что если Франко не получит еще больше помощи от Германии-и Италии, то движение обречено на провал[45].

Не успели республиканцы как следует поверить в свои силы, закаленные в пламени горящего Мадрида, как потрепанные колонны Франко получили солидную помощь из фашистской Италии. По иронии, всего четыре дня после молчаливого признания Франко — путем вынужденной смены стратегии — своего поражения, как его официально признали Германия и Италия. Почти в идентичных выражениях Берлин и Рим оправдывали свою акцию тем, что Франко контролирует «большую часть испанской территории»[46]. Восемнадцатого ноября Франко, явно взволнованный, появился в Саламанке перед возбужденной толпой, выкрикивающей здравицы в честь Гитлера и Муссолини. В своем выступлении Франко назвал нацистскую Германию и фашистскую Италию «оплотом культуры, цивилизации и христианства в Европе»[47]. В тот же день Гитлер дал инструкции новому германскому поверенному в делах Испании о стоящих перед ним задачах. На это место был выбран отставной генерал Вильгельм

Фаупель, бывший в свое время организатором «фрайкорпс»[63], советник при аргентинской и перуанской армиях, директор Иберо-американского института. Этому убежденному нацисту было предписано не влезать в военные вопросы[48]. Тридцатого ноября Фаупель вручил Франко свои верительные грамоты[49].

Радость Франко по поводу демарша фашистских государств, несомненно, поблекла бы, знай он, с каким презрением оценивают итальянцы его действия на фронте. Двадцать пятого ноября Муссолини в беседе с германским послом в Риме

Ульрихом фон Хасселем (Hassell) сказал, что националистам не хватает наступательного духа и личной отваги. После переговоров с Франко об итало-испанском договоре о военном и экономическом сотрудничестве Филиппо Анфузо, представитель Чано, сообщал 3 декабря, что националисты действуют, словно ведя колониальную войну, больше думая о мелких операциях, чем о нанесении серьезных стратегических ударов. Он делал заключение, что Франко для успеха необходимы итальянские генералы, итальянская колонна под командованием Роатты и осознание фактора времени[50]. Муссолини видел националистскую Испанию орудием давления на Францию и надеялся, что сумеет привить Франко фашистские взгляды. Вот почему дуче собирался и дальше оказывать помощь Франко. Но, как и немцы, он настаивал на соблюдении некоторых условий. Самым важным из них была «гармонизация испанской и итальянской политики в Средиземноморье»[51].

Нет ничего удивительного в том, что Франко, обычно до болезненности гордый, с радостью принимал на унизительных условиях германскую и итальянскую помощь. Прежде всего, им двигало отчаяние. К тому же он по-прежнему испытывал определенное почтение к Гитлеру и Муссолини. Ему улыбнулась фортуна: как заметил американский посол в Берлине Уильям Додд, «признав Франко победителем еще до наступления победы, Муссолини и Гитлер теперь должны были заботиться о его успехах, чтобы не оказаться в весьма двусмысленном положении»[52]. Италия уже ступила на скользкий путь полной масштабной поддержки Франко. За четыре месяца Муссолини прошел путь от выделенных со скрипом двенадцати транспортных самолетов, через поставки авиации и бронетехники до официального признания. После этого жеста Муссолини окончательно связал себя с Франко — который, оказавшись на грани поражения, нуждался в массированной помоши.

Пятого декабря Фаупель направил на Вильгельмштрассе телеграмму, составленную в решительных выражениях: «Мы стоим перед выбором: либо предоставить Испанию самой себе, либо помочь ей дополнительными силами». В германском министерстве иностранных дел государственный секретарь Вайцзекер (Weizsacker) опасался, что принятие такого предложения означало бы необходимость отправить в Испанию морской конвой, что вызвало бы враждебную реакцию Англии. Он считал, что в деле оказания помощи Франко основную тяжесть должна взять на себя Италия[53]. Сразу после подписания 28 ноября секретного соглашения с Франко Муссолини созвал свою верхушку, чтобы обсудить проблемы увеличения итальянской

военной помощи, и попросил Гитлера прислать своего представителя. Шестого декабря дуче, Чано и Роатта встретились с пессимистически настроенным Канарисом. Муссолини предложил, чтобы Германия и Италия подготовили для отправки в Испанию по дивизии, чтобы туда были посланы германские и итальянские инструкторы для подготовки войск на месте и чтобы смешанный итало-германский штаб направлял и координировал операции франкистских войск вместе с испанским штабом. К&нарис согласился на продолжение координированных поставок военной авиации и поддержку' франкистских сил со стороны флота в Средиземном море, но поддержал точку зрения Гитлера, фон Бломберга, других высших чинов вермахта и государственного секретаря Вайцзекера: Германия не может позволить себе открыто посылать войска к Франко, не рискуя вызвать международные осложнения, которые могут сорвать выполнение ее программ перевооружения. Зато сам Муссолини решил наращивать итальянскую помощь, послав в Испанию значительный контингент сухопутных войск. На встрече договорились о создании объединенного итало-германского штаба, призванного активизировать операции франкистов, хотя Канарис выразил опасение, что Франко по узости своего мышления станет препятствовать этому[54].

Из протоколов встречи 6 декабря явствует, что Муссолини, недовольный Франко, решил взять вопрос об исходе Гражданской войны в Испании под свой контроль. Хотя — по очевидным причинам — Франко не был информирован о ходе упомянутой встречи, он в общем мог быть уверен: теперь итальянцы только с величайшим трудом смогут выпутаться из положения, если откажут ему в поддержке. На следующий день Муссолини послал телеграмму генералу Роатте и поручил ему командование всеми итальянскими сухопутными и военно-воздушными силами, уже находящимися в Испании и собирающимися туда прибыть. Дуче дал указания Роатте связаться с Франко и с новым германским поверенным в делах генералом Фаупелем и договориться о создании объединенного штаба и размещении его под одной крышей с испанцами. Через два дня после совещания Муссолини создал специальное Бюро по Испании (Ufficio Spagna), в задачу которого входила координация деятельности различных министерств, причастных к итальянской помощи Франко[64][55].

Увеличение внешней помощи сопровождалось усилением безоговорочной власти генералиссимуса внутри страны. Франко уже лишил Хосе Антонио Примо де Риверу и без того мизерных шансов на спасение. Теперь, в декабре 1936 года, генералиссимус еще раз наглядно проявил ту быстроту, с которой умел

действовать, когда чувствовал приближение опасности. Потери, которые понесла марокканская армия, заставили Франко смириться с мыслью, что ему придется теперь опираться на силы, которые не были переданы лично ему, а ориентировались на различные политические группировки. Это неизбежно увеличивало роль двух партий, служивших основными источниками пополнения милиции — Фаланги и карлистской «Комуньон традисионалиста». Не было никаких сомнений в их приверженности делу националистов, но в видении будущего Испании их планы весьма разнились. Столкнувшись с трудностями в создании режима своей абсолютной власти, Франко стал обращать пристальное внимание на потенциальных своих соперников, которые не только способны были повлиять на ход войны, но и лишить его гегемонии. Без Хосе Антонио, своего признанного лидера, Фаланга оказалась дезориентированной, а завеса таинственности над его смертью только усугубляла ситуацию. Посему в ближайшей перспективе главную опасность гегемонии Франко в националистской зоне представляли карлисты. Председатель карлистской Национальной военной хунты Мануэль Фал Конде с октября решительно настаивал на автономии карлизма в националистском движении[56]. Карлисты увидели шанс еще более открыто заявить о своей независимости в рамках националистских сил, когда было объявлено о решении присваивать офицерам милиции армейские звания и создавать краткосрочные курсы по подготовке «временных лейтенантов» (alféreces provisionales).

Восьмого декабря, получив согласие Молы, они основали собственную Королевскую военную академию «рекетес» (Real Academia Militar de Reąuetės), где офицеры-карлисты получали профессиональную и идеологическую подготовку. Карлисты утверждали, что их цели не распространяются дальше замещения выбывших из строя, а также переведенных на службу в регулярную армию офицеров. Две подобных академии было и у фалангистов, но те предварительно позаботились получить одобрение со стороны Франко. Генералиссимуса создание академии «рекетес» привело в тихое бешенство, и он решил воспользоваться случаем продемонстрировать мускулы. Посоветовавшись с соперником Фала Конде, апатичным графом де Родесно, обработав и нейтрализовав его, Франко сделал ход: Фалу Конде через генерала Давилу, главу Государственно-административной хунты было сообщено, что учреждение карлистской академии равнозначно перевороту. Теперь перед ним оказалась альтернатива либо в течение сорока восьми часов покинуть националистскую зону, либо предстать перед военным

трибуналом. Франко всерьез подумывал, не казнить ли карлистского лидера. Но, не желая подрывать моральный дух карлистов на фронте, каудильо удовлетворился изгнанием его в Португалию[57]. Чтобы укрепить контроль над милицией, Франко издал декрет об ее милитаризации, в соответствии с которым три милицейские группировки — Фаланги, карлистов и СЭДА — объединялись под командой полковника Монастерио.

По любопытному совпадению в то время, как Франко ограждал свою власть от карлистов, возникла другая опасность. Дон Хуан Бурбон, наследник Альфбн-са XIII, не отказался от мысли повоевать на стороне националистов. Седьмого декабря 1936 года он написал генералиссимусу и напомнил ему, что служил в британском флоте на кораблях «Энтерпрайз» и «Айрон Дьюк», и теперь покорнейше просит разрешить ему войти в состав команды крейсера «Балеарес», который в то время как раз достраивался. Хотя молодой принц обещал держаться неприметно, не сходить на берег в испанских портах и воздерживаться от любых политических контактов, Франко моментально углядел в этом опасность сиюминутную и долговременную[58]. Если дон Хуан примет участие в боевых действиях, то вольно или невольно станет знаменем монархистов, прежде всего в армии, тех самых, которые пока видят во Франко лишь исполняющего обязанности главы государства — в ожидании победы и будущей реставрации монархии. Существовала опасность, что альфонсисты образуют свою группировку и, наряду с фалангистами и карлистами, добавят политической разноголосицы, которая и без того стала заметной. Только что решив проблему Хосе Антонио Примо де Риверы и ведя борьбу за отсечение от карлистов Фала Конде, Франко вряд ли готов был с распростертыми объятиями встретить дона Хуана Бурбона.

Он ответил , дону Хуану только через несколько недель, и ответ Франко явился шедевром двусмысленности: «Я с огромным удовольствием удовлетворил бы Вашу просьбу, подлинно испанскую, не говоря о том, что законную, сражаться на нашем флоте во имя Испании; однако требования вашей безопасности не позволили бы Вам остаться в звании простого офицера, поскольку энтузиазм одних и официозность других стали бы препятствием для столь благородных намерений; не считая того, что место, которое Вы занимаете в порядке наследования, и обязательства, вытекающие из этого, возлагают на всех нас и требуют от Вас принесения в жертву желания, которое столь же патриотично, сколь благородно и проникнуто сознанием интересов Отечества... Я не смею следовать диктату своего сердца солдата и принять

Ваше предложение»[59]. Он не только отклонил, таким образом, опасное для себя предложение, но и сколотил на этом отказе определенный политический капитал. Он «по секрету» дал знать фалангистам, что воспрепятствовал въезду в Испанию наследника престола, поскольку считал себя приверженцем будущей фалангисгской революции. С другой стороны, он укрепил свои позиции и среди монархистов своим нежеланием рисковать жизнью наследника престола: «На мне лежит большая ответственность, и мой долг не подвергать опасности жизнь, которая однажды может стать для нас в высшей степени ценной... если когда-нибудь на вершину государственной власти вернется король, то он должен будет прийти миротворцем и не должен входить в ряды победителей»[60]. Цинизм рассуждений Франко можно по достоинству оценить только по прошествии почти четырех десятилетий, в течение которых Франко только и думал, как бы законно оформить разделение Испании на победителей и побежденных и сделал все для предотвращения реставрации монархии.

Но на описываемый момент дон Хуан был второстепенной проблемой для генералиссимуса. Главным, что занимало его мысли, оставалось положение на фронте. В конце ноября Варела провел операцию с целью улучшить позиции националистских войск, застрявших в Каса-де-Кампо к северо-западу от Мадрида, и в районе Университета. Желаемого достичь не удалось, хотя потери с обеих сторон оказались огромными. Новые попытки были предприняты 15-го и 16 декабря, и также с крупными потерями[61]. Обе стороны закопались в землю, и в течение более трех недель на Мадридском фронте происходили редкие, но ожесточенные столкновения. Смелость и решительность, позволившие Франко преодолеть Гибралтарский пролив и совершить с африканскими колоннами бросок на север, остались в прошлом.

Генерал Фаупель был поражен, когда Франко в начале декабря похвалялся ему: «Я возьму Мадрид, и тогда вся Испания, включая Каталонию, попадет в мои руки почти без сопротивления». Учитывая позиционный характер войны, Фаупель счел такое заявление легкомысленным. Отставной немецкий генерал сделал вывод, что «военная подготовка и опыт Франко не позволяют ему вести операции в их нынешнем масштабе». Но несмотря на словесную браваду, ситуация вызывала у Франко тяжелые раздумья и колебания. Он уважительно относился к советам Фаупеля, который, несмотря на запрет Гитлера вмешиваться в военные вопросы, не стеснялся высказывать Франко свое мнение. Генералиссимус, который

считал себя самым дотошным офицером в испанской армии, демонстрировал железную выдержку и внешне спокойно сносил безапелляционные поучения Фаупеля о необходимости «строгих приказов по улучшению ухода за материальной частью, особенно за винтовками и пулеметами». При этом Франко не забывал о вещах более серьезных, и 9 декабря он попросил Фаупеля «как можно скорее передать ему одну германскую и одну итальянскую дивизии»[62].

Потом каудильо признавался, будто он говорил о германском и итальянском оружии, а не о войсках[63]. Однако такая интерпретация иностранной помощи могла появиться только в тридцать седьмом году, после массовой мобилизации в националистскую армию. В декабре же 1936-го, когда его армия была обескровлена в боях под Мадридом, он отчаянно нуждался в пополнениях[65]. Генералиссимус был необыкновенно обрадован, когда спустя всего две недели после того, как его наступление на Мадрид ввиду отсутствия свежих сил приостановилось, дуче решил оказать ему массированную помощь. Девятого декабря 1936 года Франко получил официальное предложение от итальянцев о посылке в Испанию офицеров, сержантов, танковых экипажей, радистов, артиллеристов, саперов для последующего формирования из них смешанных испано-итальянских бригад. Рим предлагал обмундировать, вооружить и снарядить эти бригады и спрашивал Франко только о потребном их количестве. В середине декабря испанская сторона произвела подготовительные действия по созданию двух таких бригад. Офицеры итальянской регулярной армии, специалисты и войска начнут прибывать в середине января[64].

Тем временем Гитлер 21 декабря собрал в рейхсканцелярии совещание, в котором участвовали Геринг, фон Бломберг, Фаупель, Варлимонт, Фридрих Хоссбах, офицер связи и главнокомандующий германской армией Вернер фон Фриш. Обсуждался вопрос дальнейшей помощи Франко. Фаупель предложил послать в Испанию три дивизии, но не был поддержан присутствующими, опасавшимися преждевременно спровоцировать мировую войну. Фюрер решил не направлять в Испанию крупных подкреплений в живой силе, надеясь в своей дипломатической игре извлечь больше пользы из затягивания Гражданской войны в Испании. Со второй половины ноября в Берлине стали считать, что чем дольше длится война, тем больше Италия будет втягиваться в германскую орбиту. Но все-таки Германия решила направить в Испанию значительное количество самолетов, оружия и снаряжения, чтобы Франко не потерпел поражения[65]. Генералиссимус был безмерно доволен поддержкой

со стороны Гитлера и Муссолини, и их помощь будет становиться все большей по масштабам и более существенной, чем та, которую республика могла получить от Советского Союза.

Кроме соединений регулярной армии, предназначенных для формирования испано-итальянских бригад, Муссолини решил «ввиду неудовлетворительной ситуации» направить в Испанию две группы чернорубашечников по три тысячи человек в каждой, из которых предполагалось составить самостоятельные соединения. Четырнадцатого декабря помощник Роатты подполковник Эмилио Фалделла передал Франко ноту, в которой итальянское правительство выражало пожелание, чтобы добровольцы были организованы в роты под командой итальянских офицеров. В ноте четко указывалось, что эти соединения будут дополнением к смешанным бригадам[66]. Франко хотя и нуждался в живой силе, но хотел иметь ее в своем подчинении, а не в подразделениях под командованием чужестранцев. Он проявил раздражение, спросив Фалделлу: «Кто их просил? — и затем выпалил: — Когда присылают войска в дружественную страну, по крайней мере спрашивают разрешения»[67].

Ясно, что Франко рад был заполучить чернорубашечников, но он надеялся включить их в свои части в качестве иностранных легионеров. Он не верил в эффективность фалангисгской милиции, зато многого ждал от итальянских добровольцев, прошедших закалку в Абиссинии. Но его самолюбие было уязвлено тоном сообщения о посылке чернорубашечников, в котором не было и намека на необходимость учитывать мнение генералиссимуса. Согласно информации Фаупеля, полученной им предположительно от Роатты, численность итальянского контингента, который прибыл в конце декабря и начале января, не «определялась в соответствии с ранее достигнутым соглашением с Франко, а вытекала из собственных расчетов итальянцев»[68]. Франко пустил итальянцев в дело, как только они сошли на берег, а 12 января запросил еще девять тысяч чернорубашечников[69].

Иностранная помощь такого масштаба только и позволила Франко выйти из тупика. Двадцать восьмого ноября генерал Саликет направил генералиссимусу план операции по окружению столицы — со стороны дороги Мадрид — Jla-Корунья на северо-западе с нанесением двойного удара с юго-запада и со стороны Сории в направлении Алкала-де-Энарес[70]. Франко три недели раздумывал над этим предложением и 19 декабря издал приказ, исполнение которого нарушило бы равновесие, которое установилось с 23 ноября, после того как он на совещании в

Леганесе принял решение остановить атаки по всему фронту. Приказ основывался на плане Саликета, но исходные пункты были выбраны в непосредственной близости к Мадриду; кроме того, предусматривались три дополнительных направления наступления из вклинившейся в оборону Мадрида группировки националистов[71].

Под проливными дождями, в тумане, на раскисшей земле шли кровопролитные и бесплодные бои за населенные пункты вроде Бобадилья-дель-Монте, который в результате оказался практически полностью разрушенным. На Рождество Варела получил ранение, и командование принял Оргас. Понеся ощутимые потери, националисты вынуждены были прекратить атаки. Двадцать седьмого декабря Роатта направил шифротелеграмму в Бюро по Испании, жалуясь на царящую в ставке Франко апатию и сообщая, что штаб генералиссимуса неспособен вести операции в условиях широкомасштабной войны[72]. Третьего января атаки возобновились с новой силой, нападавшим удалось подойти к важному перекрестку дорог на Эскориал и Jla-Корунью. Седьмого января пали Посуэло и Умера. За шесть дней националисты продвинулись вдоль дороги едва на десять километров. Им удалось огромной ценой ослабить давление на свои части в Каса-де-Кампо и у Университета. К моменту стабилизации фронта 15 января обе стороны потеряли до пятнадцати тысяч человек[73]. Попытки Франко взять Мадрид значительно истощили его силы. Республиканцы заняли глубокую оборону, и Франко повезло, что они не воспользовались уникальной возможностью для контрнаступления и прорыва чересчур растянутого фронта националистов.

В период неудач под Мадридом Франко получил известие, которое отчасти подсластило пилюлю: 22 декабря кардинал Гома вернулся из Рима, где добивался от Ватикана признания режима Франко. Осторожная курия не стала торопиться, но, демонстрируя свою симпатию к франкистскому движению, назначила Гома ватиканским поверенным в националистской Испании. Это был значительный шаг к полному дипломатическому признанию[74]. Двадцать девятого декабря Гома и генералиссимус встретились и договорились сделать совместное заявления для Ватикана, из которого было ясно, что для скорейшего признания Франко предпримет любые шаги, укрепляющие позицию Церкви в Испании[75].

Укрепление связей с Ватиканом имело для Франко долговременную политическую перспективу. А пока для него куда важнее была помощь, обещанная Муссолини. Наступающие войска завязли под Мадридом, и Франко почувствовал серьезное

облегчение, когда в середине декабря эта помощь наконец стала поступать. К середине февраля под знаменами Франко находилось под видом добровольцев около пятидесяти тысяч членов фашистской милиции и солдат регулярной итальянской армии[76]. Как бы ни ретушировал впоследствии Франко события того времени, прибытие подкреплений из Италии имело решающее значение для него и его армии. Поскольку дуче поставил свой престиж в зависимость от победы националистов в Испании, относительные неудачи под Мадридом вызывали у него все большее раздражение. В конце года Муссолини попросил Гитлера прислать на совещание в Рим кого-нибудь «облеченного всей полнотой полномочий» для обсуждения вопросов итало-германского сотрудничества в целях достижения «решающих сдвигов в Испании»[77]. Но было очевидно, что Гитлер предоставляет итальянцам «привилегию» внести решающий вклад в победу Франко. Двенадцатого января Роатта докладывал в Рим, что, по словам Канариса, генерал Шперле весьма низко оценил эффективность первых действий легиона «Кондор» и состояние националистских войск. Сам Шперле, в свою очередь, информировал Роатту, что в основе пассивности немцев лежат опасения спровоцировать преждевременную войну с Францией[78].

На встрече, состоявшейся в Риме 14 января 1937 года, Гитлера представлял Герман Геринг[66]. Муссолини был раздражен тем, что итало-германская помощь, вместо того чтобы заставить Франко действовать активнее, позволяла ему проявить свою прирожденную осторожность в попытках взять республику измором. Геринг согласился с тем, что если бы Франко сумел надлежащим образом воспользоваться переданными ему средствами, то вполне мог бы уже одержать победу. Министр авиации Германии с горечью заявил, что дипломатически признать Франко до взятия им Мадрида явилось большой ошибкой — вместо этого надо было оказать на него «энергичное давление» с целью заставить его действовать активнее и как следует использовать предоставленную в его распоряжение щедрую помощь.

Несмотря на формальное выражение солидарности с позицией Муссолини, Геринг вынужден был отказаться послать немецкую дивизию в Испанию, опасаясь возможного осложнения международной обстановки. В результате задача спасения Франко от поражения легла полностью на дуче, который для виду выразил разочарование, но на деле ему льстила роль старшего партнера в Испании. Муссолини заявил', что теперь ничто не мешает Франко победить и он должен победить. Дабы побудить Франко проводить более энергичный курс, было решено навязать

ему объединенный итало-германский штаб. Муссолини и Геринг также считали — хотя это было ошибкой, — что надо обеспечить победу Франко до того, как Британия установит действенную морскую блокаду Испании с целью предотвращения иностранного вмешательства[67]. В этой связи было решено до середины января направить в Испанию дополнительные материальные и людские ресурсы, но предупредить Франко, что на продолжение помощи тот не должен рассчитывать[79].

На другой день после римской встречи начальники штабов военных министерств Италии и персонал Бюро по Испании, а также Анфузо, представитель Чано, собрались чтобы обсудить программу помощи Франко. Отчасти из неверия в способности франкистского генералитета, отчасти из желания монополизировать грядущий триумф фашизма на совещании было решено, что итальянский контингент в Испании должен использоваться в качестве независимого войскового соединения под оперативным командованием итальянского генерала, лишь номинально подчиняющегося общему руководству со стороны Франко. По мысли фашистских стратегов, только так итальянские войска могли бы принести Франко победу в войне. Муссолини ратовал за массированное наступление от Теруэля на Валенсию, чтобы отрезать Каталонию от остальной Испании. Наступление должны были предварить массированные бомбардировки Валенсии. Однако все понимали, что такая операция невозможна без полной координации с Франко. В качестве варианта предлагался марш от Сигуэнсы на Гвадалахару, чтобы усилить давление националистов на Мадрид. Еще один план, дававший более ограниченные возможности, предполагал взятие Малаги, в результате чего националисты получали близкий к Италии порт и плацдарм для наступления на Валенсию с юго-запада[80].

После неудач под Мадридом у Франко не оставалось выбора, и, сжав зубы, он согласился на унизительные итало-германские предложения, которые 23 января ему передал Анфузо. Из документа, представленного Анфузо, ясно следовало, что международная обстановка препятствует бесконечному оказанию помощи[81]. Поначалу генералиссимус, казалось, был ошеломлен[82]. Однако на другой день он передал Анфузо ноту с выражением благодарности за помощь и отчаянной просьбой не прекращать ее, как минимум, в течение следующих трех месяцев[83]. Перспектива установления Британией эффективной блокады побудила его всерьез задуматься над тремя стратегическими предложениями, выдвинутыми итальянцами. Рассыпаясь в благодарностях по адресу Муссолини, Франко заверил Анфузо, что теперь он приблизит окончание войны, предприняв крупные и

решительные акции. Двадцать шестого января он согласился с предложением Роатты, чтобы впредь штаб Франко, в который войдут десять высоких немецких и итальянских военных чинов, со вниманием относился к рекомендациям Фаупеля и Роатты и воплощал их в жизнь[84]. Муссолини считал, что может давать Франко указания как своему подчиненному[85].

Болезненно самолюбивого Франко не могло не возмутить пренебрежительное отношение немцев и итальянцев к его воинским доблестям. Однако он ничем не проявил своего недовольства и принял все предложения Муссолини, в том числе и о включении в свой штаб иностранных офицеров. Согласно Кинделану, который не был сторонником дружеских отношений Франко и дуче, генералиссимус отнюдь не считал, что пополнения из-за рубежа станут решающим фактором победы, хотя вооружены и экипированы они были получше солдат Франко и имели опыт войны в Абиссинии. Поэтому Франко решил испытать их в сравнительно легких боях на юге[86].

Чтобы как-то компенсировать неудачу под Мадридом, генералиссимус принял предложение Кейпо начать неспешное наступление на Малагу. Кампания по очистке Андалусии от остатков войск противника, такая же дикая и кровавая, как и марш на Мадрид, до того проводившаяся спорадически, в середине декабря приняла систематический характер и проходила весьма успешно[87]. Однако по прибытии итальянских войск ход военных действий резко изменился. Франко хотел опробовать их в операциях, проводимых по его усмотрению, но выбор был за Муссолини. Как только чернорубашечники оказались в Испании, Муссолини 18 декабря 1936 года напомнил Роатте о своем давнем желании быстрее захватить Малагу. Роатта немедленно информировал об этом Франко, и тот не стал возражать. После этого дуче стал с энтузиазмом следить за ходом наступления, поскольку считал этот план своим детищем[88].

Франко хотел включить вновь прибывших итальянцев в смешанные части на Мадридском фронте, но вынужден был уступить желанию Муссолини видеть их действующими самостоятельно в Андалусии[89]. В связи с тем, что оборона республиканцев была неглубокой и растянутой по фронту, Роатта видел успех в «быстрой войне» (guerra celere) — .атаке своими механизированными колоннами. Франко же склонялся к предложению Кейпо — постепенному, но основательному захвату территории. Франко не могла радовать перспектива молниеносной победы, плоды которой будет вкушать Муссолини и которая, возможно, решит исход войны еще до того, как Франко упрочит свое лидерство среди националистов. Двадцать седьмого

декабря Роатта легко переубедил генералиссимуса, заставив того отказаться от преимуществ медленного продвижения, сопровождавшегося политическими чистками. Они достигли компромиссного решения о сочетании обоих видов наступления. Но стоило Франко заикнуться о переброске пары механизированных рот под Мадрид, как Роатта с ходу отверг его просьбу на том основании, что, мол, эти части очень нужны для подготовки наступления на Малагу. Девятого января оптимист Роатта и скептик Кейпо согласились разделить между собой обязанности в соответствии с принятым компромиссным планом[90]. В середине января две колонны под командованием Кейпо де Льяно, который руководил действиями с борта крейсера «Канарис», и Роатты, обосновавшегося на суше, начали продвижение к Малаге. К концу месяца, после взятия Аламы на дороге Малага — Гранада, войска были готовы к заключительному штурму.

Полковник Вольфрам фон Рихтхофен, начальник штаба легиона «Кондор», записал 3 февраля в своем дневнике: «Об итальянцах, их местонахождении и намерениях ничего не известно. Франко о своих частях тоже ничего не знает. Ему бы надо съездить в Севилью, чтобы войти в курс дела и сохранить надежду на дележку лавров от победы в Малаге»[91]. Дабы создать впечатление о своем контроле над ситуацией, Франко в этот момент уже находился на пути из Саламанки в Севилью. В этот же день 3 февраля итало-испанские войска под проливным дождем штурмовали Малагу. Наступление шло по расходящимся концентрическим окружностям. Испанские войска двигались на восток от Марбельи, а итальянские механизированные колонны устремились на запад от Аламы, не заботясь о флангах[92]. Генералиссимус 5 февраля в Антекере обсудил с Кейпо де Льяно ход наступления. Убежденный, что операция идет по плану и закончится успехом, Франко не стал ждать падения Малаги и вернулся 6 февраля в Севилью, а на другой день был уже в Саламанке, чтобы следить за новым наступлением на Мадридском фронте[93].

Седьмого февраля, совершив стремительный бросок, войска вышли к городу. В эти дни командование обороной менялось с пугающей быстротой, моральный дух защитников был на предельно низком уровне, и после бомбардировок города итальянской авиацией и обстрела с моря он был взят без труда. Первыми в город вошли итальянские войска, и короткое время похозяйничав там, демонстративно передали его испанцам. Роатта приписал победу гению Муссолини и направил Франко торжественную, но с ущемляющим достоинство Франко

подтекстом, телеграмму: «Войска под моим командованием имеют честь передать город Малагу Вашему Превосходительству»[94]. На самом деле, учитывая огромный перевес наступавших в численности и вооружении, повод для столь масштабных торжеств был явно преувеличен. Не получив помощи со стороны правительства, находящегося в Валенсии, защитники города были подготовлены не лучше, чем наскоро собранные отряды милиции, столкнувшиеся с франкистской африканской армией полгода назад[95]. Ни итальянцы, ни националисты, войдя в город, не знали пощады. Голоса протеста из-за рубежа на сей раз звучали тише, чем после зверств в Бадахосе, поскольку Франко не пустил военных корреспондентов в Малагу[96]. После боев Кейпо и Роатта направили механизированную колонну преследовать толпу беженцев, растянувшуюся по прибрежной дороге. В самом городе за первую неделю было расстреляно около четырех тысяч республиканцев, но массовые избиения продолжались еще несколько месяцев. Забитую беженцами дорогу обстреливали корабли и подвергали бомбежке и пулеметному обстрелу самолеты[97].

Когда в Саламанку пришло от Роатты известие о взятии Малаги, Франко не выказал особого восторга, что было легко объяснимо: ему лишний раз напомнили об унизительной зависимости от Муссолини. Милян Астрай, придя поздравить генералиссимуса и застав его за сосредоточенным разглядыванием карты на стене, воскликнул: «Думал, что увижу тебя празднующим взятие Малаги, а не разглядывающим здесь в одиночестве карту!» Стараясь не демонстрировать свою досаду слишком явно, Франко указал на карту и сказал: «Смотри, сколько нам еще осталось отвоевать! Так что я не могу позволить себе роскоши отдыхать»[98]. С угрюмым видом, притворяясь всецело поглощенным военными заботами, Франко был не похож на себя, обычно уверенного в победе. Конечно, он был озабочен ходом сражения в долине реки Харамы, начатого как раз накануне падения Малаги, но при ином раскладе он вряд ли чувствовал бы себя равнодушным — взятие Малаги было серьезным ударом по республике с точки зрения захвата территории, пленных и оружия. Франко теперь контролировал всю провинцию Малага, специализировавшуюся на производстве продовольствия, и большую часть Гранады. Он лишил противника стратегически важного морского порта и сократил протяженность южного фронта. Нарочитое отсутствие интереса указывало на его недовольство этим беспардонным Роаттой, который оповестил весь мир о победе Муссолини, а не о его, Франко, победе[99].

Падение Малаги вызвало распри в республиканском

правительстве и послужило причиной кризиса. Коммунисты стали выражать недовольство премьером Ларго Кабальеро и вынудили его снять с поста своего ставленника — заместителя военного министра генерала Асенсио[100]. Любопытно, но в душе и сам Франко был убежден, что столь легкая победа одержана благодаря эффективности итальянского контингента[101]. На Муссолини успех произвел такое впечатление, что он тут же присвоил Роатте звание генерал-майора. Дуче и его начальник штаба в министерстве армии Альберто Париани тут же выдвинули новые амбициозные планы использования итальянских войск. Намечалось совершить бросок из Малаги на Альмерию, а далее через Мурсию и Аликанте на Валенсию[102]. Но еще накануне штурма Малаги Роатта представил в Рим доклад, из которого следовало[68] что состояние итальянских частей весьма бледно — дезорганизация, отсутствие дисциплины, низкая техническая подготовленность. И теперь он счел за благо поубавить энтузиазма у Муссолини и убедить его, что длинный марш вдоль южного побережья, где итальянцы будут постоянно подвергаться постоянным фланговым атакам, в военном отношении менее значим, чем операции Франко в центре страны[103].

Франко был удовлетворен тем, что итальянцы оказались на Мадридском фронте и отверг шапкозакидательские планы Кейпо, который вознамерился использовать победу в Малаге для триумфального марша через восточную Андалусию на Альмерию. Франко никак не мог покончить с Мадридом, и ему вовсе не хотелось делать из Кейпо де Льяно триумфатора. К большому огорчению Кейпо, он запретил дальнейшее передвижение войск по Андалусии[104]. Франко не испытывал восторга и от успехов итальянской армии, подчиняющейся Риму: ему вовсе не улыбалась перспектива, когда Муссолини будет подносить ему победу за победой на блюдечке. Болезненное самолюбие сыграло злую шутку с генералиссимусом и привело к катастрофическим последствиям во время боев за Гвадалахару.

К этому времени относится распушенный националистской прессой слух о том, что Франко пользуется покровительством святых. Рассказывали, будто в хаосе отступления командующий войсками в Малаге полковник Хосе Вилья́льба Рубио бросил в отеле кое-какие личные вещи. В его чемодане нашли мощи — нетленные останки руки святой Терезы Авильской, украденные из кармелитс-кого монастыря в Ронде[105]. На самом деле мощи были обнаружены на полицейском складе. Мощи послали Франко, который хранил их у себя до конца жизни.

Обнаружение мощей возвело святую Терезу в ранг

«национальной святой» Испании. Церковники и политики при любой возможности подчеркивали связь святой с каудильо и его роль как орудия провидения[106]. Франко, похоже, и сам поверил в свои особые отношения со святой Терезой. Кардинал Тома говорил о нежелании Франко расставаться с мощами как о свидетельстве его религиозности и убеждении в том, что его борьба представляет новый крестовый поход. Епископ Малаги дал разрешение, чтобы мощи остались у Франко и были всегда при нем[16107].

Ободренный легкой удачей на юге и тем, что в его распоряжении теперь находился легион «Кондор», Франко возобновил попытки взять Мадрид. Шестого февраля 1937 года хорошо снаряженная шестидесятитысячная армия под командованием генерала Оргаса пошла в мощное наступление в долине Харамы по направлению к шоссе Мадрид — Валенсия к востоку от столицы. В убеждении, что ему наконец удастся взять столицу, Франко внимательно следил за ходом кампании[108]. Двумя днями позже его желание взять столицу стало еще сильнее — он чувствовал себя обязанным затмить триумф итальянцев в Малаге.

Тогда же Муссолини поменял своего посла в националистской зоне, прислав мягкого по характеру Роберто Канталупо, который прибыл в Испанию сразу после боев под Малагой[109]. Франко несколько дней отказывался принять Канталупо, теша тем самым свое уязвленное поведением Роатты и Муссолини самолюбие. Уловив царившие в окружении Франко настроения, Канталупо докладывал Чано 17 февраля: «Такая монета, как признательность, здесь почти не в ходу». Когда Канталупо в конце концов добился официальной встречи с каудильо, у него сложилось впечатление, что тот верит в конечную победу, но не считает ее скорым делом. Во всяком случае, каудильо, похоже, не возражал против затягивания войны, хотя объяснение этому отложил до новых встреч. Он ясно дал понять, что ни о каких мирных переговорах не помышляет[110].

Между Муссолини, настаивавшим на быстром нанесении поражения республиканцами, и Франко, стоявшим за постепенное развитие успеха, назревал конфликт. Спустя четыре дня после падения Малаги раненный в бою Роатта послал своего начальника штаба, полковника Эмилио Фалделлу, в Саламанку с визитом к генералиссимусу обсудить вопрос, в каких дальнейших операциях будут участвовать итальянские части — они стали называться Корпусом добровольческих войск, или КДВ (Corpo di Truppe Volontarie). Двенадцатого февраля во второй половине дня, явившись к Франко, Фалделла застал всеобщее ликование по

поводу перехода националистских войск через реку Хараму, обеспечивавшую, как там полагали, близкую и решающую победу. Начальник оперативного отдела франкистского штаба полковник Антонио Барросо сказал Фалделле, что Алкала-де-Энарес в течение пяти дней будет взят, и Мадрид, таким образом, окажется отрезанным от Валенсии. Фалделла сказал Барросо, что собирается предложить Франко использовать итальянский корпус в наступлении на Сагунто, к северу от Валенсии, и на саму Валенсию. Этот вариант с середины января поддерживал Муссолини, о чем было доложено генералиссимусу через Анфузо 22 января. Барросо посоветовал Фалделле даже не заикаться об этом, так как Франко, озабоченный прежде всего собственным престижем, не позволит итальянцам самостоятельно осуществить такую акцию, как захват столицы республиканцев. Фалделла, проконсультировавшись с Роаттой по телефону, внес изменения в ноту, которую передал Франко: там теперь было предложение, которое родилось на встрече Муссолини и Геринга — итальянцы должны принять участие в крупном наступлении от Сигуэнсы на Гвадалахару с целью замкнуть кольцо вокруг Мадрида"[1].

Когда 13 февраля в 8 часов вечера Франко принял Фалделлу, то, обычно вежливый, он даже не поблагодарил Фалделлу за действия итальянцев в Малаге и лишь заметил: «Нота удивила меня, потому что это настоящее давление». Уверенный в своем успехе в долине Харамы, каудильо заговорил с Фалделлой, который был всего лишь исполняющим обязанности военного представителя Муссолини, в более твердых, чем когда бы то ни было, выражениях. «В конце концов, — сказал Франко, — итальянские войска прислали сюда, не спрашивая моего мнения. Вначале мне сказали, что прибывают роты добровольцев, которые вольются в испанские батальоны. Потом меня попросили, чтобы из них были сформированы независимые батальоны, и я согласился. Потом приехали старшие офицеры и генералы, чтобы командовать ими, и, наконец, стали прибывать целые сформированные части. Теперь вы заставляете меня разрешить этим войскам сражаться, как того захочет генерал Роатта, хотя у меня были совсем другие планы». Фалделла пояснил, что Муссолини только пытается компенсировать этими шагами невозможность посылки германских частей. На это Франко ответил: «Это война особого рода, здесь нужно воевать особыми методами; здесь нельзя разом использовать такие большие силы, полезнее распределить их по нескольким фронтам»"[2]. Эти замечания обнаружили не только недовольство Франко активностью итальянцев, но и ограниченность его стратегического мышления. Предпочтение ограниченным акциям

на обширной территории отражало его собственный практический военнный опыт мелкомасштабной колониальной войны и желание завоевать Испанию постепенно, чтобы дать упрочиться своему политическому превосходству над конкурентами"[3].

Фалделла попытался помочь ему разглядеть преимущества решительных и масштабных действий, в которых можно было бы задействовать КВД, но Франко упрямо стоял на своем. Он говорил: «В гражданской войне планомерный захват территории, сопровождающийся необходимыми чистками (limpieza), предпочтительнее, чем быстрое поражение вражеской армии, после которого страна остается нашпигованной врагами». Фалделла настаивал, что быстрое поражение республиканцев в Валенсии облегчит Франко искоренение левых по всей Испании. В этот момент его прервал Барросо и с голоса хозяина заявил: «Вы не должны забывать, что авторитет генералиссимуса — самая важная вещь в этой войне, и абсолютно недопустимо, чтобы Валенсия, резиденция республиканского правительства, была взята иностранными войсками»"[4].

На следующий день Франко направил Фалделле письменный ответ, в котором с неохотой принимал его предложение о наступлении от Сигуэнсы на Гвадалахару. В нем также упоминалось, что Франко против массового использования итальянских войск, поскольку это может вызвать международные осложнения, а также принижает звучание «решающих акций против в высшей степени политически важных объектов, акций, которые должны быть не чем иным, как совместными акциями испанских и итальянских частей»"[5]. Канта-лупо считал, что каудильо можно было переубедить, гарантировав, что в Мадрид победителями войдут испанские войска"[6]. Но переговоры с Франко не исключали и применение кнута вместо пряника. Разногласия между Франко и командованием итальянского корпуса вынудили Роатту даже слетать в Рим для консультаций с Муссолини. Дуче поддержал Роатту и пригрозил, что если Франко будет продолжать говорить с итальянцами на языке, каким он говорил с Фалделлой, то итальянские войска уйдут из Испании. И, чтобы показать, что не шутит, он приказал направить двадцать истребителей, обещанных Франко, в распоряжение итальянского командования в Испании, которому был передан контроль над. военно-воздушными частями, ранее выполнявшими приказы генералиссимуса[1 17].

Угроза Муссолини возымела эффект, тем больший, что наступление националистов в долине Харамы застопорилось. Республиканские войска при поддержке Интернациональных

бригад оборонялись отчаянно. Это было самое ожесточенное сражение всей Гражданской войны. Как и в битве за шоссе на Ла-Корунью, националисты продвинули фронт на несколько километров, но никакой стратегической выгоды не получили. И снова Мадрид выстоял, хотя высокой, кровавой ценой. Республиканцы потеряли в боях больше десяти тысяч человек, включая ряд лучших бойцов из британских и американских Интернациональных бригад. Националисты потеряли около семи тысяч человек[118].

Самоуверенность Франко сменилась отчаянием. Спустя всего лишь шесть дней после грубого разговора с Фалделлой, имевшего место 13 февраля, Франко направил к нему Барросо с просьбой как можно скорее начать предлагавшееся итальянцами наступление. Фалделла справедливо указал, что реализацию плана ускорить невозможно. Тогда на следующий день к нему пришел Милян Астрай. Двадцать первого февраля они вместе отобедали в расположении итальянского КДВ, и Милян «в патетических выражениях» поведал о трудностях националистов под Мадридом и попросил о скорейшем итальянском вмешательстве. Фалделла был убежден, что Милян Астрай пришел к нему по прямому указанию Франко. Но в любом случае приходилось ждать. Ведь перебросить итальянские части из района Малаги в центральную Испанию было не такой простой задачей.

Пожелание генералиссимуса использовать итальянские подкрепления в долине Харамы не было удовлетворено. Подавляя свои эмоции, Франко вынужден был отказаться от намерений покомандовать итальянцами. Генеральный оперативный план, направленный им Моле, в точности соответствовал стратегии, очерченной в ноте Фалделлы от 13 февраля. Неделю спустя итальянцы еще не были готовы, и 1 марта Барросо снова умолял Фалделлу убедить Роатту немедленно приступить к действиям[119]. Хотя Оргасу и Вареле удавалось удерживать линию фронта в долине Харамы, генералиссимусу чрезвычайно нужен был отвлекающий удар с целью облегчить положение его измотанных частей. По мнению Франко, итальянское наступление на Гвадалахару, в шестидесяти километрах к северо-востоку от Мадрида, было бы идеальным вариантом такого удара. У итальянцев были свои планы — совсем другие. Катастрофа приближалась.

Глава 9 ВМЕСТЕ СО СТРАНАМИ ОСИ

Гвадалахара и Герника, март — апрель года

Хотя, с военной точки зрения, дела у Франко шли неважно, он с порога отметал возможность любого мирного компромисса с республиканцами или даже с глубоко религиозными басками. Предложения такого рода поступали из Ватикана и в середине февраля обсуждались генералиссимусом и кардиналом Гома. Несмотря на все уважение к кардиналу, Франко не соглашался на что-либо меньшее, чем на немедленную капитуляцию противника, и отвергал идею переговоров, поскольку расценивал их как жест признания людей, ответственных за все несчастья, обрушившиеся на страну. Гома сообщил в Рим, что всякое посредничество Франко рассматривает как попытку сорвать решение насущной политической и исторической проблемы, под которой он подразумевал баскский национализм. Переговоры, по его мнению, также предусматривали уступки, а уступки — «потакание мятежникам», что привело бы к появлению подобных планов в других регионах[1]. Отрицательное отношение Франко к компромиссам отражало его взгляд на войну как на борьбу не на жизнь а на смерть, на борьбу, которая должна закончиться полным уничтожением республики и ее сторонников.

Эта позиция, конечно, была известна итальянцам. Когда из Рима прибыли верительные грамоты Канталупо, то он был принят — 1 марта — с помпой, которая подчеркивала все значение для Франко итальянской помощи и отражала его собственную склонность к внешним проявлениям чувств. Надежды его коллег-генералов на то, что пребывание Франко на посту главы государства окажется временным, пошатнулись. Впечатляющий показной блеск, которым сопровождалось всякое публичное появление каудильо, отдавал претензией на постоянство. При вручении итальянским дипломатом верительных грамот играло восемь военных оркестров. Многоцветные шеренги фалангистов, карлистов, милицейских отрядов, испанских, итальянских и марокканских войск прошли торжественным маршем по огромной, но пропорционально спланированной площади Пласа-Майор в направлении Паласио-дель-Аюнта-мьенто. Генералиссимус прибыл на площадь в сопровождении марокканской гвардии, одетой в свои красивые голубые плащи, поблескивающей нагрудными латами. Это напоминало въезд Альфонса XIII в Мелилью в 1927 году, когда его сопровождал Франко. Франко все больше придавал своему церемониалу

королевский вид. Его прибытие сопровождалось скандированием: «Франко! Франко! Франко!» Он принял Канталупо в салоне, увешанном по этому случаю испанскими гобеленами XVI века и уставленном фарфором XVII века. Во время церемонии присутствовали Мола, Кинделан, Кабанельяс, Давила и Кейпо де Льяно, а также целая свита из армейских офицеров и функционеров при полном параде. Сам Франко мало соответствовал этому королевскому шоу и не произвел впечатления на Канталупо. Посол сообщал в Рим: «Он вышел со мной на балкон, с которого открывался великолепный вид на огромную площадь, но не нашелся, что сказать людям, которые ему аплодировали и ждали его выступления. Он был холодным, тусклым, женоподобным»[2].

Вдали от помпезности Саламанки Роатта, Фалделла и другие высокие итальянские военные чины были буквально в шоке от безжалостного истребления пленных и гражданского населения в своем тылу[3]. Канталупо запросил инструкций из Рима, и 2 марта Чано дал ему указания от имени итальянского правительства передать Франко просьбу проявлять умеренность в обращении с противником, поскольку неограниченная жестокость лишь способствует затягиванию войны. Когда 3 марта Канталупо встретился с Франко, каудильо хорошо подготовился к разговору. Канталупо призвал Франко ограничить массовые казни в Малаге, чтобы сбить волну протестов за рубежом. Отрицая свою персональную ответственность и посетовав на трудность контроля за ситуацией, Франко заявил, что массовые казни прекращены, «за исключением проводимых неуправляемыми элементами». На самом деле убийств вряд ли стало меньше, изменился лишь их юридический базис. Беспорядочные казни сменились быстрыми военными трибуналами местных властей и немедленным приведением смертных приговоров в исполнение. Франко заверил Канталупо, что он якобы направил на места указание проявлять большее милосердие к некультурной массе (masse incolte) и продолжать строго наказывать «руководителей и преступников», и в результате, дескать, только каждое пятое дело стало заканчиваться расстрелом.

Тем не менее в Рим продолжали поступать ужасающие известия от Бьянки, итальянского консула в Малаге[69]. Седьмого марта Канталупо получил инструкции посетить Малагу, но Франко отговорил его от этого поступка, сказав, что ситуация слишком опасна для такой поездки. И тем не менее генералиссимус велел снять с должности двух членов военных трибуналов[4]. Сетования Франко на трудности сдержать волну убийств в Малаге явно контрастировали с его ответом кардиналу

Гома в ответ на жалобу того по поводу расстрела во второй половине октября баскских священников. Ценя доброе отношение церкви к делу националистов более высоко, чем помощь итальянцев, Франко тут же ответил: «Ваше Преосвященство может быть уверено, что это будет немедленно прекращено». Вскоре после этого Сагронис подтвердил кардиналу, что «были приняты быстрые и энергичные меры»[5].

Всерьез столкнувшись с широким международным резонансом, который вызвала огласка повальных репрессий в националистской зоне, Франко дал блестящее по двусмысленности интервью Рэндолфу Черчиллю. Характеризуя свою политику как «гуманную, справедливую и милосердную», Франко сильно расходился во мнениях на этот счет с Черчиллем и его читателями. Франко заявил, что «главари шайки и виновные в убийствах» будут подвергнуты смертной казни, но это будет справедливое возмездие». При этом он лицемерно обещал, что судить их будут честно, с защитниками и «со всеми возможностями изложить дело, с приглашением свидетелей». Он забыл упомянуть, что защитников будут назначать сами суды, и эти защитники часто будут превосходить обвинение в суровости приговоров. Равным образом после заявления Франко: «Когда мы победим, то должны будем закрепить нашу победу, умиротворить недовольные элементы и объединить страну» — Черчилль не мог представить себе масштаба кровопролития и террора, к которым прибегнут франкисты для достижения этих целей[6].

На протяжении большей части Гражданской войны те пленные, которых не казнили на месте и не убили в тылу националистской армии террористические команды фалангистов, представали перед военными трибуналами. Эти трибуналы работали в спешке, часто судили людей группами по трафаретным обвинениям, почти не давая обвиняемым возможности защищаться. Для утверждения смертного приговора хватало подписи командующего вооруженными силами провинции. После протестов итальянцев с марта 1937 года смертные приговоры стали утверждаться в штаб-квартире генералиссимуса. Последнее слово оставалось за Франко, но не как за главой государства, а как за верховным главнокомандующим. В этой его роли его доверенным лицом был подполковник Лоренсо Мартинес Фусет из военно-юридической службы, юрисконсульт штаба генералиссимуса (auditor del Cuartel General del Generalisimo). Франко настаивал, чтобы все смертные приговоры визировались лично им, хотя на вынесение решений не тратил много времени. Несмотря на созданный режимом миф о том, что, не жалея сил, милосердный каудильо за полночь

сидел в колебаниях над смертными приговорами, на самом деле все обстояло куда проще. В Саламанке или Бургосе, после обеда или кофе, а то и в машине, везущей его на фронт, каудильо перелистывал пачку приговоров и подписывал их, часто не читая, но отменяя самую дикую форму казни — удушение гарротой. Иногда он делал пометку: «гаррота и сообщение в прессу» (garrote y prensa)[7].

Публикации в газетах сообщений о казнях ставили целью не усилить страдания родственников казненных, а деморализовать врага, сковать его страхом. Это был один из уроков марокканской войны, хорошо усвоенный Франко. За одним из обедов зимой 1936—1937 года обсуждалось дело четырех захваченных в плен женщин из республиканской милиции. Йоханнес Бернхардт был поражен, каким будничным тоном — словно говорили о погоде — высказывался Франко: «Тут ничего не поделаешь. Расстреляйте их»[8]. Франко часто проявлял необоснованную жестокость. Однажды он узнал, что националистский трибунал в Севилье, оправдал сына генерала Миахи. Франко лично указал, чтобы его снова арестовали и судили в Бургосе. У тамошнего трибунала возникли сомнения, добровольно ли капитан Миаха перешел на сторону националистов или он попал в плен. В этой связи трибунал Бургоса вынес легкий приговор. Тогда Франко добился, чтобы несчастного капитана Миаху судили снова, теперь уже в Вальядолиде. В этом городе военный трибунал опять счел его невиновным и освободил. И тут Франко снова вмешался и своим приказом посадил Миаху в концлагерь Миранда-дель-Эбро, где тот находился, пока его не обменяли на Мигеля Примо де Риверу[9].

В течение 1937 и 1938 годов свояк Франко и его политический советник Рамон Серрано Суньер неоднократно пытался убедить генералиссимуса применять юридически корректные процедуры, но Франко всегда отказывался, говоря: «Держись подальше от этого. Солдаты не любят, когда гражданские лезут в дела, связанные с применением их кодекса справедливости»[10]. Однажды Серрано Суньер попытался отложить исполнение приговора в отношении одного офицера республиканской армии. Вначале Франко посоветовал ему не лезть в это дело, но в конечном итоге уступил давлению свояка и пообещал что-нибудь сделать. Но через четыре дня он сказал Серрано Суньеру: «Армия этого не потерпит, потому что он был главой охраны Асаньи»[11]. Серрано Суньер и Дионисио Ридруэхо признали, что каудильо так оформлял решения об отсрочке исполнения смертных приговоров, что они доходили до места уже после приведения их в исполнение[12].

Как и у Гитлера, у Франко нашлась масса помощников, готовых взять на себя всю черновую работу по уничтожению низложенных врагов, чтобы генералиссимус мог позволить себе выглядеть незапятнанным. И все же, поскольку он обладал высшей властью в системе военной юстиции, нет никаких сомнений по поводу того, на ком лежала истинная ответственность. Франко знал, кому из подчиненных доставляла удовольствие кровавая работа. Его генеральный директор тюрем Хоакин дель Морал пользовался печальной известностью, как человек, который испытывает ненасытную радость, лично участвуя в казнях. Генерал Кабанельяс жаловался Франко на отвратительную привычку дель Морала отправляться утром пораньше в Бургос, чтобы успеть к дневным расстрелам. Но Франко никак не прореагировал на жалобы. Он прекрасно понимал, что репрессии не только деморализуют врага, но и накрепко связывают тех, кто осуществляет их. Причастность к репрессиям давала прочную гарантию того, что эти люди будут видеть во Франко единственный оплот против возможной мести со стороны жертв[13].

В начале марта Муссолини заменил Канталупо, к его явному неудовольствию, могущественным фашистским боссом Роберто Фариначчи. Тот должен был поделиться с Франко «мыслями о будущем», выработанными дуче. Они, в частности, содержали идею о возведении на испанский престол принца савойского. Это предложение было в вежливой форме, но твердо отвергнуто генералиссимусом. Однако когда Фариначчи завел речь о создании «испанской национальной партии», наподобие фашистской, чтобы контролировать все аспекты политической жизни, каудильо оказался сговорчивее. С удовольствием перейдя к дискуссии о «его» будущем государстве, не допускавший и мысли о временном характере своего правления, Франко заявил, что в своих планах послевоенной перестройки государства не видит возможности опереться ни на фалангистов, ни на карлистов. Отвергая претензии итальянского принца на престол Испании, Франко дал понять, что реставрация монархии — это отнюдь не ближайшая перспектива, сказав: «Прежде всего я должен создать нацию, а там мы решим, хороша ли идея приглашать короля». Это была квинтэссенция политики, которой он придерживался, оставаясь у власти вплоть до своей смерти в 1975 году. Франко не произвел впечатления на Фариначчи, и в письме к Муссолини тот писал, что это «достаточно робкий человек с лицом отнюдь не кондотьера».' Агенты испанской секретной полиции подслушали, как Фариначчи однажды говорил, что Муссолини следует захватить Испанию, а его самого

назначить проконсулом. Фариначчи полагал, как позже и Гиммлер, что массовые убийства пленных и заключенных в тылу националистских войск — вещь политически бессмысленная, и тщетно выражал по этому поводу протесты. Он даже вступил в контакт с фалангисгским лидером Мануэлем Эдильей и с Николасом Франко в надежде создать скорый союз фалангистов и карлистов[14].

Создание единой партии, безусловно, входило в планы Франко, но пока что его мысли занимали события на Мадридском фронте. Обескровленные в долине Харамы, его войска нуждались в отвлекающей операции, и Франко очень рассчитывал на реализацию предложения Фалделлы о наступлении на Гвадалахару. Однако между сторонами возникли разногласия по конечной цели предприятия. Роатта подозревал, что Франко нужна не решительная победа итальянских войск, что он просто заинтересован в ослаблении давления республиканских сил на войска Оргаса, понесшие большие потери. Итальянцы рассматривали КВД как элитные ударные части и отнюдь не собирались втягиваться в войну на истощение, которая так привлекала Франко[15]. Первого марта Франко согласился с итальянским планом замкнуть кольцо вокруг Мадрида путем совместного наступления на юго-запад от Сигуэнсы к Гвадалахаре, поддержанного движением войск Оргаса на северо-восток в направлении Алкала-де-Энарес. Франко заверил Роатту, что испанские части в долине Харамы возобновят действия с началом операции итальянцев, но они должны быть усилены одной из вновь сформированных итало-ис-панских смешанных бригад. Зная, что части Оргаса здорово потрепаны и в таком состоянии будут не в силах наступать, 4 марта Роатта направил Вторую смешанную бригаду в распоряжение Оргаса[16].

Пятого марта Роатта подтвердил договоренности четырехдневной давности и сообщил Франко, что итальянские войска начнут наступление 8 марта. В тот же день Роатта получил от Франко осторожный ответ, в котором генералиссимус выражал сомнения в способности итальянцев внести резкий перелом в ход военных действий. Хотя и согласившись, чтобы войска Оргаса пошли на соединение с итальянским КДВ в Посуэло-дель-Рей, к юго-востоку от Алкала-де-Энарес, генералиссимус дал понять, что темп, наступления будет целиком зависеть от упорства сопротивляющихся. Поскольку в письме Франко ничего не говорилось о дате начала наступления, Роатта посчитал, что дата 8 марта устраивает каудильо[17]. Подтверждением этому, казалось, послужил и тот факт, что один из командиров Оргаса, генерал Саликет, 6 марта отдал приказ начать 8-го числа наступление в

долине Харамы. Седьмого марта, в канун боев, Роатта телеграфировал в Рим, что он ожидает начало действий со стороны испанских войск[18].

Несмотря на разницу в оценке ожидаемого развития событий, обе стороны были в полном согласии относительно ее цели — сомкнуть кольцо окружения вокруг Мадрида[19]. Легкий успех в Малаге дезориентировал Роатту, который был убежден, что захватит Гвадалахару до того, как республиканцы смогут организовать серьезную контратаку. Примерно сорок пять тысяч человек было сосредоточено на направлении главного удара. Три дивизии итальянцев общей численностью в 31 218 человек поддерживались на флангах двумя испанскими бригадами, состоявшими из легионеров, марокканцев и «рекетес» под общим командованием генерала Москардо, героя Алкасара. На вооружении группировки состояли танки, тяжелая артиллерия, самолеты. Столь хорошо вооруженных и оснащенных техникой и транспортом войск не было использовано в операциях с самого начала войны[20]. Однако преимущества оказались иллюзорными из-за качественных изъянов техники и низкой квалификации персонала. Муссолини хотел, чтобы все три итальянские дивизии действовали как одно целое, надеясь, что очередную победу, как и в Малаге, мир припишет итальянскому фашизму. Однако в националистском руководстве царили куда более сдержанные настроения. Офицеры, в частности, были возмущены саркастическими замечаниями итальянцев об их неспособности взять по сути беззащитный Мадрид[21].

Восьмого марта дивизия «Черное пламя» под командованием итальянского генерала Америго Коппи прорвала неглубокую оборону республиканцев с помощью тактики, принесшей Роатте успех в Малаге. Однако под Мадридом республиканские вооруженные силы отличались лучшей организацией. К тому же выяснилось, что до самого вечера первого дня наступления на Харамском фронте царило затишье и республиканцы смогли позволить себе перебросить отсюда войска против итальянцев. Пока Коппи быстро двигался к Мадриду, опасно оголяя свой левый фланг и растягивая линии коммуникаций, республиканские подкрепления, не испытывая давления со стороны частей Оргаса, подбирались все ближе. Положение итальянских войск усугублялось отставанием испанских колонн на правом фланге.

Для чернорубашечников стало неожиданностью мощное сопротивление республиканцев; кроме того, неприятный сюрприз преподнесла погода. Экипированные в легкую колониальную форму, они попали под сильный снег с дождем. Их самолеты не

смогли взлететь с раскисших, наспех подготовленных площадок и представляли собой легкую добычу для республиканских ВВС, базировавшихся на стационарных аэродромах. Легкие итальянские танки с фиксированными пулеметами не могли противостоять русским «Т-26» с пушками и вращающимися башнями[22]. Пораженный отказом испанцев поддержать наступление итальянских частей, Роатта направил Франко решительный протест. Тот, притворившись крайне озабоченным, ответил, что употребил все свое влияние, чтобы заставить Оргаса предпринять 9 марта разведку боем, а на следующий день — развернуть полномасштабное наступление. Невозможно себе представить, чтобы Оргас мог ослушаться приказа Франко. Но атака, предпринятая 9 марта, оказалась просто имитацией боевых действий, а обещанного полномасштабного наступления не последовало ни 10-го, ни 11 марта, и Оргаса на посту командующего всеми испанскими войсками заменил Саликет. Двенадцатого марта генерал Фернандо Баррон заменил Варелу. В этот же день Роатта информировал Франко, что без гарантии отвлекающей активности в долине Харамы он не сможет продолжать наступление, потому что блокирован войсками, переброшенными оттуда[23].

Позже итальянцы узнали, что Франко никаких приказов ни Оргасу, ни Вареле о наступлении в долине Харамы не отдавал, хотя Барросо и умолял его сделать это. Франко явно темнил, проинформировав Роатту и Канталупо об отстранении Оргаса и Варелы якобы за бездействие националистских войск на Харамском фронте. Несколько успокоенный Муссолини телеграфировал Роатте: «Я надеюсь, что Саликет не столь безнравствен, как его предшественники»[24]. Однако Оргас и Варела вовсе не оказались в опале. Пятнадцатого марта Варела получил звание генерал-майора и был поставлен командовать дивизией в Авиле, а Оргасу Франко поручил важнейшую работу по организации и формированию массовой регулярной армии[25]. Тот факт, что Франко счел возможным снять их с прежних должностей, показывает: Франко не считал обещанное им наступление со стороны Харамы в качестве первоочередной меры[70]. Сместив Варелу и О.ргаса, Франко и Саликет пообещали Роатте начать атаку в долине Харамы 12 марта. Но и это обещание не было выполнено. Республиканские же войска предприняли контрнаступление, и наступление итальянцев захлебнулось в районе к юго-востоку от населенного пункта Бриуэга, и итальянцы понесли при этом тяжелые потери. Правда, они провели атаки 13-го, 14-го и 15 марта, но незначительными силами[26].

Линия фронта стабилизировалась, и обманутый генерал Роатта понял, что наступление выдохлось. Видя, что его войска, с подъемом начавшие наступление, быстро теряют боевой дух, оказавшись под контрударами республиканцев, Роатта пытался избежать разгрома и панического бегства. Он пытался добиться аудиенции у Франко в Саламанке, но встречал отказы. Все же во второй половине дня 15 марта итальянскому генералу удалось встретиться с Франко, Мо-лой и Кинделаном в Аркос-де-Мединасели, рядом с линией фронта. Роатта обратился с просьбой отвести свои войска в тыл. Он полагал, что контрнаступление республиканцев испанские войска способны отбить сами. Он признался, что его части не слишком хороши в обороне, и предложил развернуть их для наступления в стороне от столицы, в направлении с севера на юг. Но генералиссимус категорически отверг этот план.

Либо у Франко отсутствовала надежная информация о положении на фронтах, либо он намеренно решил употребить итальянцев в качестве пушечного мяса в своей излюбленной войне на истощение. Вопреки всем аргументам, он настойчиво утверждал, что республика «в военном и политическом отношении находится на грани поражения» и что «окончательное решение проблемы нужно искать в районе Мадрида посредством простого и ясного продолжения нынешних операций». Роатта возразил, сказав, что продолжение операции на Мадридском фронте обречено на неудачу, учитывая явный паралич националистских войск в долине Харамы, усиливающееся сопротивление республиканцев и измотанность КДВ. Но Франко игнорировал его возражения. Более того, он заявил, что ему против воли навязали объединенный штаб, что он был против полной самостоятельности итальянских частей, что ему пришлось терпеть унижающие его достоинство утверждения, будто Муссолини умеет воевать лучше него и одержит победу несмотря на его, Франко, участие в командовании. Его нежелание помочь Роатте, либо выполнив обещание начать наступление в долине Харамы, либо дав Роатте разрешение на отвод своих войск с позиций, было похоже на своеобразную месть. Тем самым он щелкнул итальянцев по носу за их прежнюю самоуверенность, с которой они утверждали, что сами возьмут Мадрид, и представляли наступление на Гвадалахару легкой прогулкой. Он явно не собирался терять в боях своих солдат и с радостью предоставил итальянцам возможность тратить силы в кровопролитных стычках с республиканцами.

Начав с конфликта, Франко и Роатта в конце концов пришли к весьма неопределенному компромиссу: генералиссимус

соглашался дать итальянцам передохнуть до 19 марта, но отказался сообщить о своих планах их дальнейшего использования. Вернувшись в свою штаб-квартиру, Роатта, по-прежнему исполненный беспокойства, написал Франко, что, настаивая на исполнении первоначального плана, тот обрекает на бесполезную гибель лучшие части. Он настойчиво предлагал отказаться От продолжения начатой операции и перегруппировать силы для будущих решительных операций. Франко начал серию консультаций со своими генералами[27]. Воспользовавшись передышкой, республиканцы 18 марта перешли в контрнаступление. Не осознав грядущей катастрофы, Роатта снова навестил генералиссимуса в Саламанке. Они продолжили обмен мнениями, используя те же аргументы, что и три дня назад. Роатта настаивал на замене итальянского контингента, а Франко, упрямо приверженный своей тактике не оставлять ни клочка завоеванной земли, твердо держался своего: итальянцы должны возобновить наступление на Гвадалахару. Роатта стучал кулаком по столу и возмущался пассивностью испанцев в долине Харамы, а Франко продолжал говорить, то ли не зная истинного положения дел, то ли злонамеренно, о значительном превосходстве итальянского контингента в живой силе и технике. Пока Франко объяснял, почему в том или ином виде должно быть продолжено наступление на Гвадалахару, пришло сообщение о мощном наступлении республиканцев[28]. Итальянцы так и не воспользовались перерывом для укрепления своих позиций, что явилось преступной небрежностью со стороны Роатты. В то же время легкость, с какой итальянские части были опрокинуты, доказывали справедливость его утверждений о малом их опыте в оборонительных боях. Республиканцы вернули себе Бриуэгу и обратили итальянцев в бегство. Девятнадцатого марта Роатта вновь приехал к Франко с просьбой, чтобы его «ударные войска» не использовались в обороне, а были перегруппированы и переброшены в другое место. Генералиссимус отказал ему, но после новых атак республиканцев и личного обращения Канталупо Франко заменил Корпус добровольческих войск на испанские части[29].

Муссолини был взбешен. Он сообщил Ульриху фон Хасселю, германскому послу в Риме, что никто из итальянского командования не вернется в Италию живым, пока победа над республиканцами не смоет позор этого поражения. Он также обвинил испанцев в том, что те не сделали ни единого выстрела в поддержку его частей, а в телеграмме к Чано осудил прискорбную пассивность войск Франко[30]. Реакция Франко и его штаба на поражение была смесью разочарования и злорадства. В окопах

националистов распевали песни итальянских фашистов, но с другими текстами, высмеивающими их отступление. Националистские офицеры кавалерийского штаба генерала Монастерио в Вальдеморо, среди которых были и сам Монастерио, и друг Франко артиллерийский офицер Луис Аларкон де ла Ластра, поднимали тосты «за испанский героизм, какого бы цвета он ни был». Ягуэ не скрывал радости по поводу того, что с самонадеянных итальянцев сбита спесь[31]. Канталупо советовал Фариначчи, который находился по-прежнему в Испании, не рисковать и не возвращаться в Саламанку[32].

Роатта потом утверждал, что причиной разгрома стало нарушение генералиссимусом своего слова[33]. Такая точка зрения является попыткой принизить значение ожесточенного сопротивления республиканцев, скрыть плохую подготовку, низкую дисциплину и моральный дух итальянских войск и собственные ошибки Роатты. И тем не менее, если бы обещанное наступление состоялось, итог мог бы быть совсем другим. Примечательно, что Франко отнюдь не был удручен поражением. Двадцать третьего марта в беседе с полковником Фернандо Джеликом (Gelich) Конте, одним из итальянских офицеров, приданных его штабу, Франко охарактеризовал это поражение как не имеющее военного значения[34]. Более того, есть все основания полагать, что Франко был доволен той высокой ценой, которую республика заплатила за победу в этих кровопролитных боях, и тем, что свою долю потерь взяли на себя в этот раз итальянцы.

Были предположения, что Франко сам был рад унижению, которому подверглись итальянцы[35]. Это сильное упрощение. Ведь Франко славился своей осторожностью и вряд ли намеренно пошел на поражение с непредсказуемыми последствиями. Больше похоже на правду, что он стремился с помощью итальянского корпуса обескровить республиканцев под Мадридом, но просчитался, не введя в бой обещанные силы. Он не очень желал быстрой победы итальянцев — это расходилось с его концепцией ведения войны, постепенного, сопровождаемого тщательными чистками[36]. Интересно, что за месяц до этого поражения Канталупо сообщал в Рим, будто Мола и Кейпо занимаются интригами, убеждая Франко, что его престиж обратно пропорционален успехам итальянского оружия[37].

Франко определенно понимал, что должен как-то оправдаться перед дуче. Девятнадцатого марта он написал Муссолини покаянное письмо, содержащее целый ряд шатких и противоречивых аргументов — от утверждений о перепутанных датах начала наступления на Гвадалахару до попыток оправдать

отказ выступить в долине Харамы ссылкой на то, что республиканские войска, противостоявшие итальянскому КДВ, были будто бы гораздо меньше числом, чем на самом деле[38]. Франко также послал своего представителя к Канталупо, со столь же лживым утверждением, что во исполнение соглашения с Роаттой он приказал Оргасу предпринять атаки 25 февраля и 1 марта. По словам этого эмиссара, к 8 марта, к началу наступления на Г вадалахару, Оргас потерял более трети личного состава и был неспособен продолжать наступательные операции. Это могло бы выглядеть правдиво двумя неделями раньше и объясняло бы, почему Франко понукал Фалделлу поскорее начать наступление — 21 февраля, до полной готовности итальянцев. Раз уж войска Оргаса оказались действительно так неподготовлены, то в лучшем случае вину за это можно возложить на отсутствие согласованности между Франко и Роаттой, а в худшем — на некомпетентность Франко в военных вопросах. Дальше — хуже: 23 марта в беседе с Канталупо Франко, в неуклюжей попытке оправдать себя, все свалил на Оргаса — он, мол, ничего не сообщал о слабости своих войск. Но Роатта именно потому и послал 4 марта в подкрепление Оргасу Вторую смешанную бригаду, что Франко информировал итальянского командующего о потерях в войсках Оргаса[39].

Неизбежно напрашивается вывод, что Франко хотел переложить на итальянцев всю тяжесть сражения за Гвадалахару, а частям Оргаса дать тем временем перегруппироваться после потерь, понесенных во время боев в долине Харамы. Единственно, что может хоть как-то оправдать его, — уверенность в непобедимости чернорубашечников, порожденная их успехами под Малагой. Как бы то ни было, Муссолини справедливо мог полагать, что Франко воспользовался им в своих интересах, но у него вряд ли был другой выход, кроме продолжения помощи националистам. Гвадалахара рассеяла миф о непобедимости фашистов, Муссолини оказался еще более прочно привязанным к Франко, поскольку должен был восстановить миф о своем военном гении. К тому же стало ясно, что, несмотря на унизительность, победы националистов имело смысл добиваться вместе с Франко, чем независимо от него[40]. Вскоре после упомянутого письма Франко запросил у Муссолини помощи для крупного наступления на Бильбао. Не обращая внимания на язвительные замечания Роатты по поводу «чудом» появившихся у Франко солдат для наступления на Бильбао, которых почему-то не оказалось во время боев за Гвадалахару, Муссолини приказал своему командующему впредь выполнять приказы Франко. Отныне итальянские части войдут в состав испанских частей и

будут подчиняться приказам Франко и его генералов. Когда 28 марта Канталупо сообщил об этом Франко, тот был крайне доволен. Франко, на взгляд итальянского посла, словно «освободился от кошмара». Генералиссимус попросил Канталупо сообщить дуче о своей «радости, что его правильно поняли и оценили»[71][41].

После Гвадалахары Франко понял, что выиграть войну взятием Мадрида не удастся, и вынужден был изменить стратегию. Для республиканцев успех при Гвадалахаре ничего не давал, кроме времени, хотя сыграл определенную роль для поднятия боевого духа: было захвачено много оружия и техники, тысячи пленных. У некоторых нашли документы, доказывающие, что они являются военнослужащими итальянской регулярной армии. Это опровергло ложь националистов, будто все итальянцы — добровольцы[42]. Однако Международный комитет по невмешательству отказался рассматривать неопровержимые доказательства итальянской интервенции, осуществляемой на государственном уровне, поскольку, мол, их представила страна, не являющаяся членом комитета. Лицемерие этой организации проявилось особенно очевидно, когда итальянский представитель в комитете, Гранди, не смущаясь заявил 23 марта, что ни один итальянский «доброволец» не уйдет из Испании, пока Франко не одержит окончательной и бесповоротной победы[43].

Канталупо и Фаупель были крайне расстроены, увидев, как под Гвадалахарой бездарно использовали помощь, которую итальянцы и немцы предоставили Франко[44]. А когда Канталупо в нелицеприятных выражениях дал реалистическую оценку обстановки и сделал вывод о невозможности скорой победы, его тут же отозвали в Рим — после едва ли двухмесячного пребывания в Испании[72][45]. У Франко же появились причины ликовать: даже его военные просчеты и нечестная игра с итальянцами обернулись ему на пользу. Двадцать второго апреля в интервью Никербокеру он выдвинул свой взгляд на события при Гвадалахаре и их военные последствия. Он отрицал, что вообще имело место какое-то поражение. Когда Франко спросили о том, какие выводы он сделал для себя, он ответил: «Войны не будут выигрываться или проигрываться в воздухе, хотя самолеты будут иметь большое значение в будущих войнах. Танки относительно полезны и играют, конечно, в бою определенную роль, но только ограниченную». Зато последующие слова обнаруживают его вопиющее отставание от современной военной теории, и были бы уместны в средние века: «Успех достигается там, где есть умное и компетентное командование, солдатская отвага и вера»[46].

Урок, который следовало извлечь из почти совпавших по

времени, но противоположных по результатам операций в Малаге, на Харамском фронте и под Гвадалахарой, был очевиден: республика сконцентрировала свои самые подготовленные и оснащенные войска в центре Испании. В боях с этими частями успехи националистов были незначительны, а плата высокой. Зато, сражаясь против милиции на периферии, они сравнительно легко одерживали крупные победы. Так что были все основания отказаться от сосредоточения сил на Мадриде и перейти к отвоеванию территорий, контролируемых республиканцами, по частицам в разных районах Испании. Полковник Хуан Вигон, начальник штаба Молы, 1 марта 1937 года направил послание Кинделану, пытаясь убедить его поскорее завершить войну на севере. Его главным аргументом были уголь, железо и сталь баскских провинций и тамошние заводы по производству вооружений. Он обратился к Кинделану с просьбой уговорить генералиссимуса отдать приоритет операциям на севере[47].

Несмотря на убедительные доводы, поначалу Франко не обращал внимания на призывы Кинделана и оставался в плену идеи взятия Мадрида. Командир легиона «Кондор» генерал Хуго Шперле придерживался аналогичного мнения, но доводил его до Франко с большей настойчивостью, сопроводив предложениями по взаимодействию сухопутных сил и авиации. Только после разгрома под Гвадалахарой Франко одумался[48]. Однако, даже поддавшись уговорам Шперле и Вигона и согласившись, что победу над республикой надо искать где-то в другом месте, а не в окрестностях Мадрида, Франко до конца не отказался от своей идеи первым делом захватить столицу. Он упорно сопротивлялся советам своего штаба отступить под Мадридом на более удобные позиции, что позволило бы перебросить изрядную часть войск на другие фронты[49].

Германские советники Франко расценили поражение под Мадридом как необходимость бросить все силы националистского руководства на создание крупной современной армии. Не сразу, но Франко все же согласился с необходимостью прибегнуть к массовому призыву. Так начался процесс, в результате которого к концу войны у Франко под ружьем будет один миллион бойцов. Работа была возложена на Оргаса, который ранее успешно справился с привлечением в войска марокканских наемников[50]. Предстоящее резкое увеличение численности вооруженных сил бросало дополнительные гири на чашу весов в пользу кампании на севере, где были сосредоточены тяжелая промышленность и производство оружия, необходимого для новых соединений.

В этой связи 20 марта 1937 года, переварив последствия

итальянского отступления, Франко наконец уступил нажиму со стороны Молы и Шперле по поводу крупного наступления на Страну Басков. Он считал, что не встретит там серьезного сопротивления, особенно после заверений Шперле о координированных ударах авиации и сухопутных сил легиона «Кондор». Двадцать второго марта генералиссимус представил Кинделану наброски ближайших действий. План предусматривал, что часть армии продолжит осаду столицы, войска подойдут на позиции под Сигуэнсой, где застопорилось итальянское наступление, и, в свою очередь, будет создано новое крупное соединение для наступления на Бильбао. Двадцать третьего марта он вызвал в Саламанку Молу для решения проблем по наступлению на Бильбао, основные идеи были почерпнуты в предложениях Вигона и Шперле[51].

Оперативные детали были разработаны на встречах, проходивших 24-го и 26 марта. В них приняли участие генерал Кинделан, командующий националистской авиацией; генерал Хосе Солчага и генерал Лопес Пинто, командиры боевых частей; Вигон, начальник штаба Молы, и полковник Вольфрам фон Рихтхофен, начальник штаба легиона «Кондор». Рихтхофен изложил перед своими испанскими партнерами новую стратегию «плотной поддержки с воздуха», предусматривавшую непрерывные налеты авиации с целью подавления морального духа обороняющихся войск[52]. Тогда же был урегулирован вопрос о постоянной и надежной связи между испанскими сухопутными силами и легионом «Кондор». За два часа до каждой воздушной атаки командование авиации будет связываться со штабами наземных сил для необходимой координации действий. Кроме того, с поразительным цинизмом было решено, что атаки будут развиваться «без учета последствий для гражданского населения»[53].

Мола сформировал крупное соединение из частей африканской армии, из «рекетес», которые теперь входили в вооруженные силы под знаменами «Наваррских бригад», и из смешанных испано-итальянских бригад. Их поддерживали с воздуха немногочисленный, но хорошо вооруженный воздушный отряд легиона «Кондор» и самолеты итальянской «Легионерной авиации» (Aviazione Legionaria) под общим командованием Рихтхофена[54]. Процесс полной интеграции итальянских частей был облегчен после отзыва Роатты и Фалделлы, на место которых прибыли генерал Бастико и полковник Гастоне Гамбара. Однако Бастико тут же принялся за серьезную реорганизацию Корпуса добровольческих войск, так что до конца апреля итальянцы не смогли участвовать в какой-либо крупномасштабной операции[55].

После Гвадалахары немцы были не прочь продемонстрировать свое превосходство над итальянцами и попрактиковаться в нанесении воздушных ударов по наземным позициям. Естественно, между Молой и Шперле и между их начальниками штабов сложились тесные, если не сказать сердечные, отношения. Формально легион «Кондор» подчинялся непосредственно Франко[56], и у Шперле, который всегда отличался большей пунктуальностью, чем Роатта, в соблюдении субординации, не было конфликтов с Франко[57].

На практике, однако, необходимость координации действий авиации и сухопутных сил вынуждала генералов принимать решения в течение часа-двух. В этих условиях дожидаться утверждения их приказов из Саламанки было нереально. Франко, удовлетворенный уважительным отношением к себе со стороны Шперле, предоставил ему свободу рук и позволил держать связь непосредственно с Молой и Вигоном, если речь не шла о делах особой важности. Франко было приятно думать, что ударный легион «Кондор» является частью его войск и что успехи легиона пойдут в зачет ему, Франко, а он будет сидеть и стричь купоны. Мола и Вигон тоже были довольны помощью со стороны Шперле и Рихтхофена. Таким образом, устранившись от решения массы вопросов, Франко передал ведение кампании на усмотрение немцев[73]. Шперле писал в 1939 году: «Все предложения со стороны командующего легионом «Кондор» в отношении ведения войны с благодарностью принимались и исполнялись». Двадцать четвертого марта, во время работы над планом наступления фон Рихт-хофен записал в своем дневнике: «На нас практически возложено руководство этой штукой, и — никакой ответственности». Двадцать восьмого марта он сделал такую запись: «Я всесильный и полный командир (Feldherr)... и я осуществляю эффективное командование наземными и воздушными силами»[58].

Чувствуя за спиной германскую поддержку, Мола начал кампанию на севере 31 марта, развернув жесточайший массовый террор, который доказал свою действенность во время быстрого продвижения к Мадриду. В обращении к населению, которое транслировали по радио и разбрасывали в виде листовок на главные города, он угрожал: «Если капитуляция не последует немедленно, я сроняю Бискайю с землей, и в первую очередь военные заводы. У меня есть средства для этого»[59]. За этим следовали артиллерийский обстрел и бомбардировка с воздуха: так был разрушен живописный городок Дуранго. Сто двадцать семь мирных жителей погибло под бомбами и снарядами, а 131 человек вскоре скончался в результате полученных ранений. Как

и после печально знаменитой бомбардировки Герники, Франко отрицал, что налет на Дуранго вообще имел место, а разрушения и гибель людей свалил на самих басков[60].

Тем не менее в течение первых трех дней результаты наступления были столь невелики, что Шперле направил Кинделану документ, в котором с озабоченностью писал: «Если войска не будут наступать быстрее, мы можем не войти в Бильбао». Шперле считал, что Франко оставил слишком много артиллерии и живой силы на Мадридском фронте[61]. Второго апреля Шперле и Рих-тхофен выразили свое недовольство и Моле. Не менее их озабоченный ситуацией, Мола предложил разрушить с воздуха промышленные объекты Бильбао. Когда Молу спросили, какой смысл разрушать промышленные предприятия, которые предполагается захватить и позже использовать в своих целях, Мола ответил: «В Испании всецело доминируют индустриальные центры — Бильбао и Барселона. При таких доминантах в области промышленности на выздоровление Испании надеяться не приходится. В Испании слишком много промышленных предприятий, от которых одни беспорядки». И потом добавил: «Если бы германские бомбардировщики разрушили половину заводов и фабрик, это значительно облегчило бы последующее восстановление Испании»[74]. В ответ Шперле сообщил, что германские ВВС совершат налеты на заводы и фабрики в том случае, если только Франко подпишет специальный приказ. Согласно Рихтхофену, Мола велел Вигону издать такой приказ, но Рихтхофен заметил, что это относится к компетенции более высоких инстанций. Тогда Мола сам подписал приказы на бомбардировку баскских промышленных объектов. Рихтхофен согласился нанести удары по заводу взрывчатых материалов в Гальдака-но «в следующий выходной день». И все-таки Шперле и Рихтхофен сообщили обо всем Франко и решили дождаться его решения[62]. Шперле даже предложил выделить Франко самолет, чтобы он прибыл на нем в Виторию для обсуждения ситуации[63].

Франко и Мола недооценили решимости басков, рассчитывая, что весь север Испании падет через три недели. Обоих огорчал медленный темп первой стадии наступления и продвижения к незавершенному «железному кольцу» укреплений вокруг Бильбао[75]. К 8 апреля армия националистов завершила только первую часть запланированной наступательной операции. После интенсивной бомбардировки 4 апреля она заняла населенный пункт Очандиано, где баски временно расположили свой полевой штаб, и высоты к северу от Очандиано. А это планировалось сделать еще в первый день наступления. Густо поросшие лесом холмы, скверные дороги, дожди и туман мешали продвижению

войск генерала Солчаги. Франко выезжал на фронт, якобы чтобы лично засвидетельствовать триумфальное продвижение войск, а на самом деле — чтобы уладить разногласия между Молой и Шперле[64]. В присутствии генералиссимуса Мола объявил, что необходимо «систематически разрушать военные предприятия провинции Бискайя. С этой целью, — продолжал он, — начиная с 9 апреля следует приступить к полному разрушению электростанции в Бурсенье, сталелитейного завода в Эускалдуне и фабрики по производству взрывчатки в Гальдакано». Похоже, Франко дал согласие на частичное исполнение приказа Молы от 2 апреля[65]. Баски отходили с боями, нанося тяжелые потери наступающим, но деморализованные артобстрелами и бомбардировками, а также политическими раздорами в лагере республиканцев в конце концов прекратили сопротивление[66].

В первые дни наступления на Басконию, а именно вечером 4 апреля, Франко принял итальянского посла Канталупо. Этой их встрече суждено было стать последней. Франко с поразительной прямотой изложил свою философию ведения войны. С монаршей снисходительностью, которая уже проявлялась в поведении вне фронта, он говорил о себе в третьем лице: «Посол, Франко не ведет войну с Испанией, он просто осуществляет освобождение Испании... Я не должен убивать врага или разрушать города, разорять поля, уничтожать промышленность, производство. Поэтому мне нельзя торопиться»[67]. Но не на словах, а на деле «освобождение Испании» означало подавление всех либеральных и левых элементов. Тем не менее из его высказываний видно, что ему хватало мудрости не разделять маниакальной решимости Молы разрушать заводы и фабрики в Стране Басков. Различия между Франко и Молой в выборе объектов для воздушных атак в период северной кампании были продиктованы отнюдь не гуманными соображениями генералиссимуса. У Франко имелся свой взгляд на то, что такое Испания. И он не хотел лишать промышленного потенциала «свою» Испанию. Кроме того, одной из целей войны с басками как раз и был захват солидной индустриальной базы, чтобы получить в свое распоряжение заводы, фабрики, полезные ископаемые. Об этом он пространно говорил с Канталупо неделей раньше[68].

Перейдя с испанского на французский, Франко — с едва замаскированным упреком в адрес Роатты и Муссолини — тогда сказал: «Если бы я спешил, я оказался бы плохим испанцем, я вел бы себя как иностранец». Упрек имел скорее политические, чем моральные корни. Неделей раньше Канталупо сообщил Муссолини, что Франко возмущен покровительственным отношением к себе со стороны Роатты, а также тем, что

итальянский генерал не понимает «теории войны в Испании». Другими словами, быстрые победы, к которым стремились Роатта и Муссолини, не соответствовали концепции Франко о «его» Испании. Наиболее ясно по этому вопросу он высказался тогда же: «В общем, я должен не завоевать, а освободить; освободить — значит также и искупить»[69].

В том заявлении все перемешалось: и уверенность в своем мессианстве, и хладнокровная готовность предать мечу тысячи своих соотечественников. Там же он упомянул и о разрушении маленького баскского городка Дуранго, совершенного по его приказу самолетами легиона «Кондор» за четыре дня до этого. «Остальные, похоже, думают, что, когда мои самолеты бомбят города красных, я веду такую же войну, как и все другие. Но это не так. Я и мои генералы — испанцы, и мы страдаем, выполняя долг, который Отечество возложило на нас, но мы обязаны продолжать его исполнение». Говоря о «городах и сельских районах, которые заняты, но еще не прошли искупления», Франко угрожающе заявил: «Мы по необходимости обязаны медленно осуществлять нашу задачу искупления и умиротворения, без чего военная оккупация была бы совершенно бессмысленна. Моральное искупление на оккупированных территориях будет долгим и трудным, потому что корни анархизма в Испании давние и глубокие»[70]. То «моральное искупление», которое он имел в виду и которое уже имело место в Бадахосе и Малаге, действительно требовало времени. Только длительный террор гарантировал бы от движения вспять, и для этого Франко готов был не только физически устранить тысячи либералов и левых, но и запугать все остальное население, оставив два выхода — либо стать сторонником Франко, либо погрузиться в политическую апатию.

Как недвусмысленно показал генералиссимус, военные решения теперь полностью были подчинены политическим соображениям. Этому соответствует и следующее его заявление: «Я ограничиваюсь постепенным продвижением с гарантированным успехом. Я займу Испанию город за городом, деревню за деревней...

Ничто не заставит меня отказаться от этой поступательной программы. Она принесет мне меньше славы, но больше мира стране. Дело обстоит так, что эта гражданская война может продлиться еще год, два, может быть, три. Дорогой посол, могу вас заверить — меня интересует не территория, а население. Реконкиста территории — это средство, а искупление населения — вот цель». Тоном глубокого сожаления он продолжал: «Я не могу сократить войну ни на день... Для меня было бы даже опасно

подойти к Мадриду посредством сложной военной операции. Я возьму столицу, когда это будет необходимо, и ни часом раньше: вначале я должен быть уверен, что сумею создать новый режим»[71].

Хотя ход кампании на севере соответствовал доктрине Франко, генералиссимус был удручен столь незначительными успехами. Шперле и Рихтхофен также были недовольны медленными темпами продвижения. С самого начала сражений Рихтхофен проводил бомбардировки с целью запугать гражданское население и подорвать его моральный дух, разрушал дороги и коммуникации. Началом было уничтожение Дуранго 31 марта, за этим городком последовал Очандиано. Заявляя Канталупо, что когда его самолеты бомбят республиканские города, то он и его генералы просто выполняют свой патриотический долг, Франко тем самым выражал свое одобрение этому бомбовому террору. Насколько глубоко понимал Франко германскую стратегию — это другой вопрос. И если причиной его стычек с Роаттой было желание растащить по разным фронтам итальянские войска, то по тем же причинам у Франко возникли разногласия с немцами. Двенадцатого апреля Франко неприятно удивил Шперле, обратившись к нему с просьбой направить под Мадрид незадейст-вованные в операциях на севере самолеты. Имея на руках указание Берлина не распылять силы, Шперле предложил вывести легион «Кондор» из северной кампании и направить его целиком в центр страны. Лишь после того как полковник фон Функ, военный атташе Германии в Саламанке, подробно разъяснил Франко стратегию немцев, Франко не стал настаивать на своем предложении и приказал Шперле оставаться на севере[72]. В этом эпизоде появилась ограниченность стратегического мышления генералиссимуса, но тем не менее Шперле остался в его подчинении.

Двадцатого апреля националисты начали вторую фазу наступления, и германская поддержка с воздуха должна была сыграть еще более важную роль. Шперле, Рихтхофен, Мола и Вигон, крайне недовольные медленным темпом наступления, стали поговаривать о превращении Бильбао в «груду обломков и пепла»[73]. Однако устрашающий удар будет нанесен не по баскской столице, а по другой цели. К 24 апреля после безжалостной бомбардировки и артобстрела войска басков вынуждены были беспорядочно отступить[74]. Двадцать пятого апреля Рихтхофен и Вигон, которые поддерживали по телефону постоянную связь, координируя действия авиации, артиллерии и пехоты, договорились устроить отступающим баскам котел в районе населенных пунктов Герника и Маркина. Вечером 25

апреля Вигон в очередной раз позвонил Рихт-хофену и условился о встрече на 7.00 утра следующего дня. В своем дневнике он записал: «Части к завтрашнему дню готовы»[75].

Следующий разговор состоялся у них в 6 часов утра в понедельник 26 апреля, и, как договаривались, они встретились через час. После консультаций с Витоном Рихтхофен провел серию воздушных налетов на отступающие части басков. Похоже, он собрался решить одновременно две задачи: тактическую — блокировать отход басков в районе Маркины, и стратегическую — нанести удар разрушительного характера, о котором говорилось в передачах радио Молы. Рихтхофен записал в своем дневнике о беспощадной бомбежке дорог, моста и предместий Герники. «Чтобы закрыть вопрос, необходимо нанести максималь

ный урон вражеской живой силе и технике»[76]. Франко после 18 июля 1936 года неоднократно говорил, что победу в Гражданской войне ему обеспечит моральное превосходство. Если бы ему не понравилось то, что произошло в Дуранго, Очандиано и других населенных пунктах, он бы остановил исполнение плана Рихтхофена, для чего у него было достаточно времени. Однако беседа с Канталупо показывает, что он не только одобрял, но и гордился такими акциями.

Двадцать шестого апреля в маленьком городке Герника был базарный день и — в полном соответствии с угрозами Молы — его подвергли массированной бомбардировке, которая продолжалась без перерыва с 16.40 до 19.45. В этот день в Гернике, кроме местных жителей и беженцев, оказалась масса крестьян, приехавших торговать на рынке. Всего в городе собралось около десяти тысяч человек, хотя военные пытались перенести базарный день на другое число. Город, разумеется, был лишен каких-либо средств противовоздушной обороны. В течение трех часов непрерывных бомбардировок, осуществлявшихся самолетами легиона «Кондор» и итальянской «Легионерной авиации» под общим командованием Рихтхофена, город был уничтожен. В налете участвовало двадцать три «Юнкерса-52», четыре новых «Хейнкеля-111», десять «Хейнкелей-51», три «Савойя-маркетти-81 Пипистрелли» и один «Дорнье-17», сопровождаемые истребителями: двенадцатью «CR-32» и, возможно, шестью только что выпущенными «Мессершмиттами Bf-109»[77]. Операцию такого размаха немцы вряд ли могли организовать, не поставив в известность штаб испанских националистов. Обезумевшие от страха жители пытались бежать в поле, но там их поливали свинцом с «хейнкелей». Точное число жертв никогда не будет установлено, поскольку в городе возник хаос и еще потому, что туда тут же, еще на дымящиеся руины, вступили националисты. Баскское правительство оценило потери в 1645 убитых и в 889 раненых. Франкистская пропаганда значительно приуменьшила число жертв, но если бомбардировка меньших масштабов в Дуранго унесла жизни 258 человек, то погибших в Гернике должно быть значительно больше[78].

Герника была древней столицей Басконии и символом баскского народа, о чем Мола и Вигон прекрасно знали. Рихтхофена подобные «мелочи» мало интересовали, гораздо важнее для него было — посеять ужас и создать хаос в арьергарде

республиканцев. Двадцать седьмого и 30 апреля он выразил Моле свое недовольство тем, что испанские войска не продвинулись дальше и не воспользовались преимуществами, которые обеспечили Моле немецкие летчики. «Город был полностью блокирован по меньшей мере сутки, и были созданы идеальные предпосылки для развития успеха, если бы сразу двинуть войска. Это, так сказать, был полный технический успех наших 250-килограммовых фугасных бомб и зажигательных бомб «ECB-1». Бомбардировка зажигательными бомбами носила целенаправленный характер; а не была способом достичь дополнительного эффекта. В целом в этот день на Гернику было сброшено до половины того тоннажа, который был использован всеми самолетами легиона «Кондор» в первый день поступления, когда надо было обеспечить быстрый прорыв обороны. Более того, Рихтхофен лично выбрал необычное сочетание ударов — осколочными и зажигательными бомбами. Он исходил из того, что воронки, оставленные на дорогах, могут быть засыпаны, а вот массовое разрушение зданий эффективно помешает отступлению войск[79].

Первая из разрушенных мирных городов, Герника вошла в сознание европейцев как великое преступление франкистского режима. Мощь антифашистских протестов еще более усилилась, когда националисты попытались снять с себя ответственность за Гернику. Однако широкая неспадающая волна возмущения, возможно, не возникла бы и не нанесла бы крупного ущерба репутации генералиссимуса, не окажись в том районе случайно трех британских и одного бельгийского журналистов и не останься в живых свидетель бомбардировки, баскский священник отец Альберто Онайндйа. Именно благодаря им попытки франкистской пропаганды отрицать разрушение Герники закончились крахом. Джордж Стир (Steer), корреспондент «Таймс», был одним из первых журналистов, прибывших на место трагедии. Его репортаж, двумя днями спустя опубликованный в «Таймс» и в «Нью-Йорк тайме», вызвал бурю возмущения во всем мире[80].

Франкистская пресс-служба, руководимая Луисом Болином, стала с порога отрицать сам факт бомбардировки. В своих передачах «Национальное радио» из Саламанки утверждало, что на территории националистской Испании нет самолетов ни из Германии, ни из других государств. Хотя националистам было известно, что Герника была разрушена 26 апреля, они опубликовали заявление, из которого следовало, что нелетная погода 27 апреля помешала их авиации подняться в воздух и посему она не могла бомбить Гернику. Когда стало ясно, что

подобная тактика не срабатывает, националисты попытались утверждать, будто дома в Гернике взрывали сами баски. Некоторые не отказались от этой идеи вплоть до 90-х годов[81].

Попытку пригасить эффект от факта бомбардировки предпринял и сам генералиссимус. Утверждалось, будто Франко был потрясен, узнав, что Болин и немцы якобы обманули его, и будто он кричал: «Я не стану воевать с собственным народом!»[82] Если он так действительно говорил, что мало похоже на правду, то иначе, как лицемером, его не назовешь. Иначе он должен был бы полностью отречься от всех своих действий после 17 июля 1936 года и признать, что ни он сам, ни Мола не контролируют легион «Кондор». С подлинной же позицией Франко по вопросу о том, как надо поступать с врагом, общественность имела возможность познакомиться неоднократно[83].

Не похоже, чтобы Франко грызла совесть за бомбардировку «красных сепаратистов» Басконии. Он написал Шперле и Рихтхофену письмо, в котором поздравил их и выразил благодарность за помощь в ходе кампании[84]. На основании доступных фактов можно предположить, что если что-то и напугало Франко и Молу, то лишь неблагоприятные пропагандистские последствия. Единственные разногласия относительно Герники были в степени разрушения города и в факте присутствия там военных корреспондентов и отца Онайндйа. Когда националисты вошли 29 апреля в Гернику, карлист Хайме дель Бурго спросил одного подполковника из штаба Молы: «Это было необходимо?» Тот с вызовом и злостью ответил: «Так надо поступить со всей Бискайей и со всей Каталонией»[85]. Когда Саламанка начала пропагандистское прикрытие операции, летчикам легиона «Кондор» приказали полностью отрицать свое участие в налете на Гернику и сам факт бомбардировки города[86]. Франко, однажды выразив свое отношение к событиям в Гернике, вынужден был держаться этой позиции, и, когда началась международная кампания протестов, он попал в незавидное положение военачальника, подчиненные которого творят, что хотят.

Седьмого мая генерал Шперле под псевдонимом Зандер направил Франко телеграмму, в которой спрашивал, как бы отнесся генералиссимус к согласию германского правительства на предложение Великобритании провести международное расследование событий в Гернике. В то время в Гернике уже трудилась специальная команда легиона «Кондор», которая извлекала из руин стабилизаторы, неразорвавшиеся бомбы и прочие материальные улики. Шперле в телеграмме настойчиво просил Франко поддержать его перед лицом растерянного

Риббентропа. Генералиссимус немедленно ответил телеграммой, в которой напирал на наличие в Гернике небольшого военного завода и заявлял: «Передовые части обратились непосредственно к авиации с просьбой нанести удар по перекрестку дорог, и эта просьба была выполнена. Но ввиду плохой видимости, вызванной дымом и облаками пыли, некоторые бомбы попали на город. Тем не менее допускать расследование ни в коем случае нельзя: красные использовали факт бомбардировки и подожгли город. Расследование представляет собой пропагандистский прием, имеющий целью дискредитировать Испанию и дружественные ей нации»[87]. Помимо признания,, что налет состоялся по просьбе испанцев, здесь самое примечательное состоит в том, что ни словом не упоминается инициатива германского командования и никак не обсуждаются масштабы бомбардировки.

Если бы Франко был недоволен Шперле, как некоторые предполагали, то странно, почему бы ему было не воспользоваться случаем, чтобы ускорить отзыв Шперле в Германию. В телеграмме же генералиссимуса лейтмотивом звучит желание снять с легиона «Кондор» всякие подозрения в инсубординации и страх перед международными санкциями, которые могли бы вынудить Гитлера вывести войска из Испании. Тот факт, что Франко подбивает Шперле лгать своему руководству о бомбардировке и ее последствиях, свидетельствует, что решение о бомбардировке Герники было одобрено Саламанкой без ведома Берлина. Участие Франко и Шперле в заговоре молчания указывает, как минимум, на высокую степень взаимодействия между ними[88].

Многие не выдерживающие критики отрывки из текста телеграммы Франко в течение многих лет цитировались и повторялись им самим[89]. Инициированная Франко пропагандистская кампания лишний раз указывала на лживость генералиссимуса или в лучшем случае на его преступное неведение. Невозможно поверить, что националисты хотели разрушить военный завод в городе, который они вот-вот должны были занять. Утверждения о том, что целью бомбардировки были перекрестки дорог или мост Рентерия через реку Мундаку, опровергаются количеством сброшенных бомб, среди которых изрядную часть составляли зажигательные, — ведь ими не разрушить мощеную дорогу или каменный мост, зато легко уничтожить жилые дома, в большей массе деревянные. Так что к безусловно правдивому следует отнести замечание Франко о густом дыме, мешавшем немецким летчикам[90]. Армия басков отступала действительно по дороге на Гернику, но к моменту бомбардировки она еще не успела в него вступить. Франко,

похоже, даже не задался вопросом, зачем баскским республиканцам взрывать дома и делать то, к чему стремился Рихтхофен, — перерезать себе путь к отступлению[91]. Если баскские подрывники, о которых говорила франкистская пропаганда, ставили своей целью уничтожить в городе все, что может достаться националистам, то ни тогда, ни позже Франко почему-то не обратил внимания на любопытный факт, что когда части Молы тремя днями позже, 29 апреля, вошли в город, оружейный завод и мост через реку оказались нетронутыми. Это была непростительная «ошибка» минеров, если перед ними стояла цель проводить тактику выжженной земли[76].

Противоречивые версии разрушения Герники сделали ее символом Гражданской войны. Это событие стало бессмертным также благодаря картине Пабло Пикассо. Сейчас уже бесспорно, что Герника была разрушена фугасными и зажигательными бомбами с самолетов легиона «Кондор», пилотировавшихся немецкими летчиками. Более того, не подлежит сомнению, что подобные зверства были осуществлены по приказу высшего командования националистов, а не по инициативе немцев[92]. Даже если бы руководство националистов не только не просило о бомбардировке, но даже не препятствовало ей, не снимает с Франко ответственности. Легион «Кондор» прибыл в Испанию по его просьбе, а Шперле подчинялся Франко[93].

Единственным спорным моментом остается вопрос о взаимоотношениях Франко и Шперле. План бомбардировки существовал не сам по себе, а составлял часть договоренности о поддержке наземных сил с воздуха, достигнутой в марте между Вигоном и Рихтхофеном. В широком смысле целью договоренности, как и при разрушении Герники, было пошатнуть моральный дух басков. Эта цель была подтверждена двумя днями позже, когда Мола во всеуслышание связал судьбу Герники с будущим Бильбао: «Мы сожжем Бильбао дотла, и этот печальный конец отобьет у британцев желание поддерживать против нашей воли баскских большевиков». Бильбао оказался объят страхом[94].

Глава 10 СТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТОРА

Франко и унификация, апрель 1937года

В начале весны 1937 года в стане националистов царил политический разброд, вызванный решением создать новую регулярную армию, в основном из воинственных фалангистов и карлистов. Для Франко противоречия среди его союзников не были секретом, и он был весьма этим обеспокоен. Правда, если сравнить их с теми внутренними раздорами, которые существовали в лагере республиканцев, Франко сталкивался с незначительным политическим соперничеством. И Кейпо, и Мола с неприязнью воспринимали усиливающуюся власть Франко, но тот понимал, что чем дольше он находится у власти, тем больше ослабевает их способность бросить ему вызов[1].

Все же после взятия Малаги и завоевания обширных районов Андалусии Кейпо начал укреплять собственные позиции, готовясь к будущей схватке за власть с Франко. Генералиссимус вынужден был направить в Севилью Николаса Франко, чтобы тот воспрепятствовал укреплению связей Кейпо с местной олигархией. Но безуспешно — Кейпо продолжал оставаться проблемой для Франко. Мола тоже начал проявлять политическую активность. Он выступал с речами, в которых говорил о будущей политической организации Испании, ни словом не заикаясь.при этом о руководящей роли Франко[2]. Кардинал Гома сообщал в Ватикан, что энергия и политическая проницательность обеспечат Моле видное место в будущем политическом раскладе националистской Испании[3].

В таких обстоятельствах контроль над политическими группировками, представлявшими костяк националистской милиции, был немаловажным фактором в глазах Франко. Тем не менее внешне казалось, что все вопросы, кроме победы в войне, пока отошли на второй план. Но по мере того, как позиции националистов стали укрепляться, несмотря на неудачи под Мадридом, все более заметной становилась проблема послевоенного распределения власти. Франко твердо верил в необходимость единого военного и политического руководства, особенно во время войны. Более того, в силу особенностей своего характера он был убежден, что такое командование должно быть сосредоточено именно в его руках. В любом случае, относясь к политическому соперничеству как к некоему подобию мятежа, генералиссимус намеревался держать своих подчиненных и соперников. Понятно, что, получив пост главы государства с

одобрения немцев и итальянцев, он должен был еще теснее их держаться, попытавшись повторить однопартийные системы власти в этих странах.

В националистской зоне процветало заискивание перед каудильо, которого изображали спасителем нации, как это делалось в отношении фюрера и дуче в Германии и Италии. Идея объединения различных политических сил' витала в воздухе[4]. Франко пришел к этой мысли, похоже, в начале января 1937 года после предложения, поступившего от Гульелмо Данци. Официально этот человек занимал пост итальянского пресс-атташе в Саламанке, а в действительности представлял Итальянскую фашистскую партию в лагере генералиссимуса. Девятого января 1937 года Данци телеграфировал в Бюро по Испании (Ufficio Spagna): «Приняв мое предложение, генерал Франко решил основать политическую ассоциацию, официальным главой которой будет он сам... Он постарается объединить партии в единое политическое формирование по образцу Итальянской фашистской партии»[5].

Задача облегчалась двумя факторами. Прежде всего, между членами франкистской коалиции существовала высокая степень взаимодействия еще в годы Второй республики. Фаланга, Испанское обновление и СЭДА свою идеологию во многом основывали на карлизме. Несмотря на тактические разногласия, они сходились в общей цели — построить авторитарное корпоративное государство, в котором рабочий класс был бы загнан в государственные профсоюзы. Фалангисгские террористические отряды финансировались монархистами из Испанского обновления. Действия против фалангистов в ответ на их террор партия СЭДА использовала для обвинений республики в анархизме. Эти организации сотрудничали и в подготовке военного заговора, и в мятеже, и в войне, прекрасно сознавая, что их выживание зависит от успеха этого предприятия. Тем не менее каждая группировка питала надежды на собственное возвышение в будущем авторитарном государстве. Монархисты желали восстановления милитаристской монархии по образцу диктатуры генерала Примо де Риверы, карли-сты были настроены на установление теократического государства во главе со своим человеком, Фаланга пыталась создать испанский эквивалент Третьего рейха.

Облегчало задачу Франко и то, что все три организации оказались лишенными своих лидеров. Так, убийство Кальво Сотело из Испанского обновления лишило монархистов фигуры общенационального масштаба, способной поднять их престиж в народе. Теперь вожди партии были вынуждены поддерживать

Франко в надежде таким образом усилить свое влияние. В случае с Фалангой генералиссимусу благоприятствовала судьба, а ему самому осталось лишь слегка ей помочь своим отказом поддержать попытки спасти жизнь Хосе Антонио Примо де Риверы. Рост рядов Фаланги делал ее не только желанным политическим приобретением, но и потенциальной угрозой. Однако отсутствие политического мастерства у кандидатов на роль нового лидера Фаланги сделало их легкой добычей Франко. В отношении же карлистов Франко заранее позаботился об устранении Фала Конде, показав тем самым, что он способен ударить сплеча, безжалостно и решительно, когда сочтет момент подходящим.

Оставалась еще СЭДА, и Франко считался политически наиболее близким именно к партии Хиля Роблеса. Генералиссимус сделал достоянием гласности сведения о том, что в 1933 году эта партия пыталась заигрывать с ним, предлагая баллотироваться в депутаты по ее списку. И уже не важно, было ли так на самом деле. Он использовал в своих интересах и факт совместной работы с Хилем Роблесом в военном министерстве в 1935 году, с жаром рассказывал, как не смог сдержать слез, когда Хиля Роблеса сместили. Однако теперь Франко несколько дистанцировался от Хиля Роблеса. Одной из причин охлаждения было то, что во взвинченной обстановке Гражданской войны многие расценивали идею постепенного, шаг за шагом, превращения Испании в авторитарное государство, исповедуемую Хилем Роблесом, чуть ли не предательской слабостью, и такие настроения привели к массовому оттоку бывших приверженцев СЭДА в ряды фалангистов и карлистов. А Франко не собирался оппонировать огромной армии своих сторонников. В то же самое время Франко видел в Хиле Роблесе потенциального противника, от которого следовало отделаться как можно скорее. И против лидера СЭДА началась кампания, в которой он фигурировал слабым политическим деятелем, не сумевшим разделаться с левыми, когда у него имелись все возможности для этого.

Франко с удовольствием пользовался услугами Хиля Роблеса за рубежом, не в националистской зоне — это Франко демонстрировал довольно четко. В первые месяцы Гражданской войны Хиль Роблес находился в Лиссабоне, помогая Николасу Франко организовать неофициальное посольство националистов — Агентство Бургосской хунты. Состоявшее из аристократов, дипломатов и правых политиков, агентство занималось закупками вооружений, пропагандой и организацией финансовой помощи мятежникам[6]. Хиль Роблес добился исключительных успехов в сборе денег для националистов[7]. В период с конца июля

1936-го по май 1937 года он несколько раз приезжал в зону мятежников, но каждый раз сталкивался со все более враждебным приемом. Двадцать восьмого июля в отеле Памплоны, куда он приехал за женой и сыном, его оскорбили несколько дам из аристократических семей. Они возложили на него всю ответственность за происходящее в Испании. И такие обвинения в его адрес стали повторяться все чаще и чаще[8]. Второго сентября 1936 года, проехав через Саламанку, он прибыл в Бургос, где группа молодых фалангистов чуть не арестовала его. Генерал Фидель Давила, в ту пору гражданский губернатор Бургоса, запросил инструкции у генерала Кабанельяса, и тот приказал, чтобы лидеру СЭДА была выделена охрана[9].

Кейпо де Льяно в беседе с Артуром Кёстлером в конце августа 1936 года предсказал, что Хиль Роблес не будет играть никакой роли в управлении Испанией[10]. С тех пор как Франко стал главой государства, Хиль Роблес лишился политического будущего, и постепенно ему самому стало ясно, что пропасть между ним и Франко непреодолима. Двадцать шестого октября 1936 года он написал письмо их общему другу, маркизу де ла Вега де Ансо, и попросил того передать генералиссимусу его убежденность в том, что «текущий момент требует исчезновения всех — понимаете, всех — партий», и заранее соглашался с необходимостью роспуска милиции ХАП — молодежной организации СЭДА[11].

Постепенно стало очевидным, что все старания и жертвы Хиля Роблеса никоим образом не оценены в штаб-квартире Франко. Позже Хиль Роблес пришел к выводу, что Франко не смог бы терпеть рядом с собой кого-либо выше его достоинствами[12]. Франко набирал политический вес, и присутствие рядом такой сильной и талантливой личности, как Хиль Роблес, было для Франко нежелательным. Его враждебное отношение к Хилю Роблесу могло иметь причины параноидального свойства и восходить к совершенно недостоверной истории, которую Франко рассказал одному мексиканскому журналисту. По словам генералиссимуса, один из молодых активистов СЭДА как-то в начале Гражданской войны попросил у Хиля Роблеса совета, а тот якобы предложил ему стоять в стороне и ждать, пока красные и мятежники не разорвут друг друга на куски, а потом взять власть»[3].

В течение некоторого времени Хиль Роблес продолжал верно служить Франко — отчасти из идеологической приверженности, отчасти в надежде сыграть роль, которая возлагалась поначалу на Николаса Франко, а позже на Рамона Серрано Суньера, и, наконец, потому, что другого он ничего не умел[14]. Десятого февраля 1937 года он дал интервью газете «Арриба Эспанья» и

заявил: «Движение, начатое 17 июля, направило отечество по новому пути. После того, когда будет достигнута победа, политические партии вне зависимости от того, именуют ли они себя таковыми, должны исчезнуть и интегрироваться в единое широчайшее общенациональное движение. Когда наступит этот счастливый миг, его партия не только не окажется препятствием или помехой, но будет с гордостью способствовать процессу»[15]. Надежно исключенный из политической жизни националистской зоны, Хиль Роблес горячо поддержал проведенную в апреле 1937 года насильственную унификацию[77] правых партий. После Гражданской войны он станет центральной фигурой в монархической оппозиции Франко.

К началу 1937 года, упрочив свое положение, Франко смог взяться за сглаживание политических разногласий в националистской зоне. Став генералиссимусом и главой государства, он был слишком втянут в военные дела, чтобы заниматься проблемой создания партии по фашистскому образцу. Однако после того как Данци озвучил идею единой партии, Франко деятельно взялся за подготовку почвы. Фал Конде и Хиль Роблес были устранены с дороги, а в беседах с фалангисгским лидером Мануэлем Эдильей, с умеренным карлистом графом де Родесно и многочисленными монархистами Франко давал всем понять, что лишь поддерживая его, они смогут обеспечить собственные интересы. На фронтах Гражданской войны между фалангисгской и карлистской милициями почти не было трений. Более того, влиятельные лица обеих партий считали, что какой-то вид объединения неизбежен, и предпочли бы оказаться во главе процесса, чем быть насильно втянутыми в него. К тому же крайние монархисты-альфонсисты и те «садисты», которые не успели переметнуться в Фалангу, готовы были приветствовать нечто похожее на единую партию, в которой рассчитывали занять руководящие позиции.

Более экстремистские или менее циничные в выборе позиции круги старались держаться своих довоенных политических пристрастий, чем вызвали враждебное отношение к себе со стороны Франко и его спецслужб. В тыловых частях прошло несколько столкновений. Однако удаление Фала Конде и выход на первый план в рядах карлистов прагматичного графа де Родесно расчистили путь для переговоров с Фалангой. Такие переговоры успешно начались в феврале 1937 года, но место их проведения переместилось в Португалию, и их плавный ход застопорился из-за отрицательного отношения к ним со стороны Фала Конде. Ничего тут удивительного нет, если учесть, что фалангисты, похоже, собирались поглотить карлистов. Протоколы

переговоров открыто циркулировали в середине апреля 1937 года в националистской зоне; поговаривали, что это был результат стараний штаб-квартиры Франко, дабы не помешать тому вмешаться и навязать решение, от которого обе партии оказались бы в проигрыше[16].

В первые месяцы войны ожидание близкого триумфа не давало политическим разногласиям проявиться достаточно резко. Франко стал генералиссимусом и главой государства еще до того, как националисты стали терпеть первые поражения. Однако после неудачной попытки овладеть Мадридом и особенно после поражения под Гвадалахарой стало ясно, что война предстоит долгая. В националистской зоне все более широкую популярность стала приобретать идея создания какой-то объединяющей структуры. Но одновременно с началом поисков платформы в рядах националистов пошло политическое брожение. Наиболее дальновидные стали понимать, что речь идет не об использовании объединения для достижения победы в войне, а о долговременном политическом альянсе.

Подлинным отцом нового политического движения и самым последовательным архитектором франкистского государства стал Рамон Серрано Суньер, свояк генералиссимуса. Он прибыл в Саламанку 20 февраля 1937 года. Несмотря на свою роль координатора между Франко и военными заговорщиками весной 1936 года, Серрано Суньер не был предупрежден о дате начала мятежа, и его семье пришлось из-за этого пережить ужасающие испытания. Он видел, как убивали его друзей в тюрьмах республиканской зоны, сам едва избежал «sacas»[78]. Зато двум его братьям Хосе и Фернандо повезло меньше, и оба были убиты. Серрано Суньеру удалось освободиться из мадридской тюрьмы «Карсель моде-ло» только после того, как он убедил министра юстиции, Мануэля де Ирухо, что не имел ничего общего с Фалангой и никак политически не связан со свояком[17]. Пережитое сделало Серрано Суньера страстным и убежденным противником демократии[18]. Пока он переживал ужасные времена в «Карсель модело», Франко и пальцем не пошевелил, чтобы обменять его[19]. Но, услышав 20 февраля 1937 года о его прибытии в Андай[79], Франко выслал за ним и его семьей автомашину. Генералиссимус предоставил им для жилья помещения епископского дворца, где находилась его штаб-квартира[20].

Стройный и удивительно элегантный, Серрано Суньер и в своих речах был столь же изыскан. Он обладал талантом организатора и пользовался доверием различных политических сил. По своим юридическим знаниям он не имел себе равных.

Занимая видное место в ХАП, Серрано Суньер весной 1936 года способствовал переходу многих активистов этой организации в Фалангу. Помимо острого ума и политического опыта, Франко привлекало в Серрано Суньере отсутствие у того собственных амбиций, что позволяло использовать его в будущем для приручения Фаланги. К тому же донья Кармен, которая не любила Николаса Франко, была рада, что место того займет ее зять. Николас не вызывал симпатий своим богемным образом жизни и эксцентричными манерами, чем разительно отличался от ее методичного мужа. Она также завидовала жене Николаса, всегда оживленной Исабель Паскуал де Побил, которая пользовалась шумным успехом в обществе Саламанки. Поговаривали, будто донья Кармен возмущалась тем, что подарки, адресованные ей, попадали по ошибке другой «сеньоре Франко»[21]. Для Николаса стало грозным сигналом прибытие Серрано Суньера[22]. Зато Серрано Суньер — широко образованный юрист, депутат парламента — был для доньи Кармен образцом. Часто, когда во время бесед в семейном кругу словоохотливый Франко перебивал свояка, донья Кармен говорила: «Помолчи, Пако, и послушай, что говорит Рамон». Серрано Суньер был убежден, что именно в такие моменты были посеяны первые семена будущих раздоров между братьями[23].

Обосновавшись во дворце, Серрано Суньер с первой же минуты со всей энергией приступил к делу, за которое отдали свои жизни его братья. К счастью или к несчастью, он решил реализовать свои замыслы через Франко[24]. Серрано Суньер не желал каких-либо благ себе лично, оставаясь приверженцем идеи. Как он сам говорил, после пребывания в Мадриде он был «травмирован, обезличен»[25]. Франко, по природе недоверчивый, но сознающий свою невежественность в политике, был готов целиком положиться на Серрано Суньера. С прибытием того в Саламанку интеллектуальный уровень националистского руководства явно вырос. Будучи в прошлом другом Хосе Антонио Примо де Риверы и находясь в родственных связях с генералиссимусом, он представлялся человеком, с которым следовало считаться. Таким образом, Суньер стал мостом между. Франко и многими светлыми головами Фаланги[26]. Однако если Серрано Суньер сумел сделать франкистами лидеров фалангистов, то он потерпел провал в том, чтобы сделать фалангиста из Франко, который куда больше был заинтересован в укреплении своей власти, чем в поддержке социальных программ фалангистов[27].

Когда Серрано Суньер прибыл в националистскую зону, политической жизни в ней, по сути дела, не существовало, если

за таковую не считать личные склоки. Это было, как он сказал, «полевое, палаточное государство» (un Estado campamental). Юг оставался независимой вотчиной генерала Кейпо де Льяно. На севере власть принадлежала Государственно-административной хунте, созданной 1 октября 1936 года. Ее представительства располагались в Бургосе, Вальядолиде и Саламанке. Номинальным председателем хунты был генерал Франсиско Гомес Хордана, но реальной властью в ней обладал Николас Франко в качестве генерального секретаря (Secretaria General del Estado). Кроме него, в состав секретариата входили два заместителя, Хосе Каррион и Мануэль Сако, а также дипломат Хосе Антонио Сангронис. Толстяк, гуляка, прожженный политикан, бывший член СЭДА, Сангронис заведовал международными делами[28]. Еще с осени 1936 года Николас Франко отдавал себе ясный отчет, что механизм государственной власти надо срочно создавать. Однако у него для этого не хватало ни энергии, ни юридических знаний, ни желания. В любом случае Николас был против любых мероприятий, которые могли привести к уменьшению де-факто власти его брата, которая де-юре не была подкреплена ничем, кроме номинации со стороны кучки генералов. И Франко, и его брат инстинктивно чувствовали, что время и военная победа укрепят власть генералиссимуса, и решили, что с созданием официальной структуры правительства можно подождать до взятия Мадрида. Но поскольку срок победы оказался отодвинутым в неопределенное будущее, неприемлемость изначально неуклюжей администрации Николаса стала очевидной[80].

С прибытием Серрано Суньера началось возведение подпорок под личную власть Франко в виде официальной государственной структуры и политической поддержки со стороны народа. До того националистская администрация занималась прежде всего военными вопросами. Для размышлений о политической мобилизации масс не было ни времени, ни соответствующей головы. В течение марта 1937 года. Серрано Суньер обсуждал эту проблему сначала с Франко, затем с Молой, с карлистом графом де Родесно, с интеллектуалом-монархистом Педро Сайнсом Родригесом и, наконец, с примасом кардиналом Гома. Среди его собеседников был и фалангист Мануэль Эдилья, провинциальный «хефе» из Сантандера, который 2 сентября 1936 года был избран национальной главой (Jefe Nacional) временной Командной хунты (Junta de Mando) Фаланги. У Серрано Суньера были с последним чисто приятельские отношения[29]. Эдилья был фашистским головорезом, не настолько безграмотным, как утверждали его враги, но легко поддающимся влиянию Николаса Франко и

Серрано Суньера[30].

Франко давно задавался вопросом, как привести различные политические течения националистов к общему знаменателю, причем под собственным контролем и руководством. Различие между генералиссимусом и его свояком состояло в том, что Франко, ежедневно поглощенный военными проблемами, рассматривал унификацию как просто средство укрепления своей политической власти, Серрано Суньер же заставил его думать о перспективе, о том, какое государство будет построено после победы[31]. Они часто целыми часами обсуждали эту проблему во время послеобеденных прогулок в саду епископского дворца. Тогда же обсуждалось и политическое будущее Франко. Генералиссимуса подобные дебаты так захватывали, что его кузен и адъютант Пакон беспокоился, как бы Франко за этим не забыл о войне[32]. Поскольку Франко мало кому доверял, Серрано Суньер стал при нем «серым кардиналом». По аналогии со своим патроном он даже получил кличку «куньядиссимус» от слова «cunado», что значит «свояк». С его помощью неискушенный в политике Франко получил первые уроки в этой области. Свобода и прямота, с которой Серрано Суньер обращался к Франко, были результатом долгих лет дружбы и семейных связей и не несли на себе ни малейших следов лести, которой был окружен генералиссимус[33].

К Серрано Суньеру, гордому и одинокому, многие питали зависть и вражду — и как к политику, и как к человеку. Другие персоны из военной верхушки, особенно генерал Альфредо Кинделан, напротив, были весьма рады влиянию на Франко человека с такими открыто радикальными фашистскими взглядами. Интеллектуалы и монархистские политики, такие как Эухенио Вегас Латапье, Педро Сайнс Родригес и Антонио Гойкоэчеа, с неудовольствием наблюдали, как Фаланга, которую они открыто презирали, выходит на авансцену[34]. Любопытно, что группа лиц из тогдашнего руководства Фаланги, позиции которых с приездом Серрано Суньера пошатнулись сильнее всего, безмятежно наблюдали за. происходящим.

Среди претендентов на руководство организацией вовсю кипели страсти, и считалось, что наивысшим рейтингом обладает наивный Мануэль Эдилья. Формирование его культа личности было с неприязнью воспринято другими претендентами на место Хосе Антонио Примо де Риверы, видевших в этом попытку добиться таких же позиций в политике, каких Франко добился в военной области. Можно не сомневаться, что генералиссимус придерживался того же мнения. В январе 1937 года пронацистский журналист Виктор де ла Серна опубликовал

интервью с Эдильей под заголовком «Эдилья жмет со скоростью 120 километров в час». Из этого интервью ясно вытекало, что у Эдильи не остается соперников. Франко вряд ли могло понравиться высказывание Эдильи: «По мне, лучше раскаявшиеся марксисты, чем хитрые правые, испорченные политикой и касикиз-мом». Не порадовал Франко и один из выпусков фалангисгского иллюстрированного еженедельника «Фотос», почти полностью посвященный Эдилье[35].

По мнению Франко, Эдилья был слишком радикален. Он часто делал заявления о необходимости ограничить капитализм и давал понять, что после войны Фаланга, наиболее популярная среди простого народа, так и поступит[36]. На самом деле и без помощи Серрано Суньера Франко сумел бы управиться с Эдильей. Пожалуй, в голове у Эдильи должны были зародиться подозрения, когда еще в конце февраля 1937 года Франко сказал ему: «Знаешь что, Эдилья? Я заказал себе голубую рубашку»[81][37]. Каудильо снисходительно относился к простоватому Эдилье, которого считал наиболее слабым среди претендентов на руководство фалангисгской Командной хунтой. Это был круг лиц, так или иначе связанных с семейством Примо де Риверы, так называемые «легитимисты». В него входили шумный и агрессивный глава фалангистской милиции и жених двоюродной сестры Хосе Антонио, Лолы, Агустин Аснар и родственники Примо де Риверы: сестра Пилар и двоюродный брат Санчо Давила, а также его же бывший помощник по правовым вопросам (pasante), а в описываемое время провинциальный шеф Фаланги в Саламанке Рафаэль Гарсеран[38].

Несмотря на предварительные контакты с представителями различных направлений националистского лагеря, Франко не предпринимал никакой переговорной инициативы. Переговоры раскрыли бы его намерения. Вместо этого он все выжидал и выжидал, пока все заинтересованные стороны не определят позиции и не заявят о них. Ходили слухи, что Мола горит желанием стать главой правительства, тогда как Франко продолжал бы вести войну. Примерно в это время Хосе Игнасио Эскобар встретился с Молой и нашел его весьма раздраженным, что он так легко уступил пост генералиссимуса[39]. Когда Эдилья задал Моле вопрос по поводу циркулирующих слухов, тот, подозревая в Эдилье человека Франко, ответил уклончиво. Полагая, что сказанное им будет доведено до Франко, Мола ограничился следующими словами: «Я хочу делать только те вещи, которые умею делать хорошо. Пожалуй, я смог бы с определенным успехом вести кампанию на севере. В конце концов, война — моя профессия. Но я абсолютно уверен, что в

нынешней ситуации я бы не смог возглавить правительство. Можете заверить всех, кто будет говорить с вами на эту тему, что генерал Мола никогда не идет на верный провал». Тем не менее Эдилья уехал под впечатлением, что Мола тщательно скрывает свои истинные намерения[40]. Однако если бы Мола действительно вынашивал далеко идущие планы, то он сначала добился бы военного успеха, а лишь потом обнародовал бы свои амбиции. Но когда он созреет для этого, будет слишком поздно.

Окажись Франко соперником Молы или Кейпо, контроль над Фалангой стал бы иметь для него решающее значение. Тем не менее, осознав перспективу попасть под пяту генералиссимуса, различные фалангисгские фракции не только не консолидировались, но, напротив, еще более усилили междуусоби-цы. Обезглавленную после казни своего основателя Фалангу раздирала борьба за власть в ней между Эдильей, назначенным наследником основателя, и группой «легитимистов» из числа близких друзей Хосе Антонио во главе с Агустином Аснаром и Санчо Давилой[82]. Великосветские снобы, они считали Эдилью слишком радикальным и слишком пролетарским[41]. Санчо Давила и Агустин Аснар были решительными противниками идеи унификации фалангистов и карлистов под главенством Франко. Даже сестра Хосе Антонио Примо де Риверы, Пилар, говорила Эдилье: «Будь осторожен, Эдилья. Фалангу нельзя отдавать Франко... Не отдавай ее!»[42]

В то время Эдилья был уверен, что оставит Аснара и Давилу в дураках, заключив сделку с Франко и в результате возглавив объединенную партию. Ему внушили, будто этот пост уже у него в кармане. Сам генералиссимус не принимал участия в дезинформации Эдильи, но действовал через цепь посредников. Николас Франко, Рамон Серрано Суньер, Хосе Антонио Сангронис, Лоренсо Мартинес Фусет и подполковник Антонио Барросо организовали совет, действующий из штаб-квартиры Франко. Связь с Эдильей осуществляли две в высшей степени внешне непричастные к штаб-квартире фигуры — некий загадочный капитан Ладислао Лопес Басса и еще более загадочный капитан медицинской службы Висенте Серхио Орбанеха, троюродный брат Хосе Антонио Примо де

Риверы[83]. Эдилья счел, что ему гарантировано место на вершине в обмен на обещание не выступать против унификации и принять для Фаланги менее радикальную социальную программу. Каудильо при этом занял бы пост национальной главы организации, а Эдилья, даже будучи вторым в иерархии, стал бы де-факто руководителем генерального секретариата исполнительного комитета — Политической хунты (Junta

Politica)[43]. Довольный сделкой, Эдилья и не подозревал, как им манипулирует его высокий оппонент.

Желая укрепить свои позиции, в первые месяцы 1937 года Эдилья не только поддерживал контакт с Франко и его эмиссарами, но и стал заискивать перед немцами и итальянцами. Его радикализм привлекал представителей нацистов и фашистов, но в той же степени беспокоил Франко. У Эдильи уже были мелкие стычки с рядом генералов, в том числе с Молой, по поводу масштабов репрессий. И нацисты, и фашисты считали повальные расправы над левыми проявлением близорукости, считая тогда, как лучше было бы привлечь рабочих на сторону режима и превратить их в одну из его опор. Поэтому те и другие были заинтересованы в успешной карьере Эдильи[44]. Во время своего визита в Испанию в марте 1937 года Фариначчи пригласил Эдилью посетить Италию. Поддержка из-за рубежа питала самоуверенность Эдильи. В начале февраля его секретарь Хосе Антонио Серральяч (Serrallach)[84] сказал германскому послу Фаупелю, что отношения Фаланги с Франко напоминают ему обхаживание нацистами фельдмаршала Гин-денбурга накануне их прихода к власти[45].

В начале марта Эдилья в разговоре с Канталупо охарактеризовал своих последователей как республиканцев с левыми взглядами. Франко он с презрением обозвал реакционером и сказал, что, как только падет Мадрид, его Фаланга поднимет свои настоящие, левые цвета[46]. Немудрено, что такие высказывания вскоре дошли до Франко. Через Тито Менендеса Рубио, своего посредника и близкого друга из Сантандера, Эдилья бил поклоны Риму в надежде на поддержку в его борьбе за власть. Менендес Рубио встречался с Данци, связным между Муссолини и Франко, и нарисовал ему портрет Эдильи как харизматического лидера из рабочего класса, считающего Франко неспособным руководить в будущем фашистской Испанией[47]. Эдилья убеждал Канталупо, что Фаланга готова терпеть Франко на посту главы государства, пока идет война, но только не как главу объединенной партии. Сам же Канталупо рассматривал Эдилью как «человека с низкой культурой, духовно посредственного, маловлиятельного»[48]. Хотя Данци и Фариначчи форсировали, как могли, создание единой партии, Канталупо вел себя более осмотрительно и не делал ничего, что могло бы спровоцировать Франко[49].

Немцам также нравился Эдилья. Гитлер прислал ему собственноручно подписанный экземпляр роскошного, вышедшего ограниченным тиражом издания «Майн кампф»[50]. По мнению Канталупо, Фаупель презирал Франко и сразу после

битвы за Гвадалахару дважды и по разным случаям говорил, что от Франко надо отделаться и передать власть Фаланге, которая, как считали немцы, и есть Эдилья[51].

В высшей степени маловероятно, чтобы Франко был не в курсе этих настроений, поскольку незадолго потребовал от службы безопасности своей штаб-квартиры более активно вести разведку. Организацию контрразведывательной деятельности он поручил майору Лисардо Довалу, «отличившемуся» во время расправ в Астурии в 1934 году. Довал маниакально ненавидел Фалангу и считал основную массу ее членов переодетыми красными и масонами. Франко предоставил ему разумно широкие полномочия — он мог вести досье на главных фалангистских деятелей и внедрять в Фалангу агентов и осведомителей[52]. Генералиссимус ничего не оставлял на волю случая.

Руководимая Серрано Суньером штаб-квартира Франко должна была поддерживать в рядах Фаланги состояние постоянного соперничества, чтобы в конечном итоге победителем вышел Франко. Задача облегчалась тем, что недалекий Эдилья, уверенный в помощи и сотрудничестве со стороны Франко, все свои усилия сосредоточил на отражении угрозы от семейства Примо де Риверы[53]. Эдилья настолько доверял генералиссимусу, что позволял Серрано Суньеру и его штабу разрабатывать политику и тактику своих действий. Распространялись слухи, скорее всего стараниями Николаса Франко и Довала, о том, что группа Аснара собирается убить Эдилью. Двенадцатого апреля Эдилья отправился в поездку по ряду северных городов, чтобы заручиться там вооруженной поддержкой. В Сан-Себастьяне он пытался завербовать полковника Антонио Сагардиа, главу колонны фалангистов, и использовать его против фалангисгской милиции. Похоже, он пытался, но безуспешно, добиться поддержки и со стороны Ягуэ[54].

В тот же день 12 апреля Франко и его штаб-квартира срочно готовили собственные меры. Николас Франко пожаловался Данци на интриги фалангистов, плетущиеся с целью нарушить политический баланс в националистской Испании. Итальянцам было однозначно указано не способствовать расколу. Николас говорил о махинациях фалангистов, которые противодействуют планам генералиссимуса по унификации, о «сети скрытого, раскольнического диссидентства зловещего антивоенного характера» и дал ясно понять, что Франко будет жестоко бороться с теми, кого считает ответственными за это. Николас заверил Данци, что его брат планирует декретом объединить все силы националистов в единую фашистскую партию под названием

«Фаланга», «лидером которой он выберет себя»[55].

В это время генералиссимус принял у себя умеренных карлистов, включая графа де Родесно, и сообщил о подготовке декрета о создании единой партии[56]. Есть основания предполагать, хотя документальных доказательств этому нет, что Франко информировал и Эдилью о своем намерении. Всю напряженную неделю с 12-го по 19 апреля Эдилья постоянно находился в контакте со штаб-квартирой генералиссимуса. Его последующие действия доказывают, что он поверил в намерения Франко слить две партии в одну и взять на себя символическое лидерство (jefatura), предоставив Эдилье быть лидером, де-факто. Эдилья несомненно был бы поражен, узнай он, что 14 апреля Франко беседовал с германским послом о сомнительных достоинствах Эдильи и своем желании, слив различные партии в одну, взять на себя полноценное лидерство[57]. Канталупо, находясь в это время в Риме, сообщил Муссолини, что Франко и Эдилья один другого стоят: второй, как и первый, — простак, ничтожество, с полным отсутствием культуры, тупоголовый, лишенный политического чутья. Канталупо считал, что Франко и его брат вступили в заговор с другими фракциями Фаланги с целью сбросить Эдилью[58].

Махинации Франко, безусловно, облегчались внутренней борьбой в Фаланге. Четырнадцатого апреля, пока Франко делился с Фаупелем мыслями о некомпетентности Эдильи, тот встретился с Сангронисом. Покровы тайны уже почти готовы были упасть с замыслов штаб-квартиры Франко. Сангронис объяснил, что если Эдилья готов сотрудничать в деле унификации, то он станет полновластным главой объединенной партии, а Франко сосредоточится на чисто военных вопросах. Единственное условие: Эдилья должен подавить так называемый «мятеж легитимистов» клики Аснар — Примо де Ривера. Такой подход соответствовал собственным планам Эдильи — ведь ради этого он и заручался поддержкой в провинциальных столицах севера. Он поделился своим замыслом с Николасом Франко и Довалом[59]. Эдилья считал, что лучше всего нанести поражение Аснару и Давиле, созвав чрезвычайное заседание высшего органа Фаланги — Национального совета (Consejo National) и провозгласить себя на нем национальным лидером (Jefe National). Ободренный Фаупелем и собственным политическим секретарем Хосе Антонио Серральячем, Эдилья считал также, что, положив конец временному статусу своего лидерства накануне унификации, он упрочит свои позиции в торге с Франко[60].

Эдилья планировал чрезвычайное заседание Национального совета на 25 апреля[61]. Он был уверен: на заседании будет такой

состав участников, что его избрание не вызовет проблем. Противоборствующая Эдилье группировка не осталась в неведении о готовящихся событиях — возможно, именно штаб-квартира генералиссимуса информировала их — и собрала своих сторонников в Саламанке. Их стратегия состояла в созыве временного исполнительного комитета — более узкой по составу Командной хунты (Junta de Mando), чтобы, не дожидаясь созыва Национального совета, сместить Эдилью с поста временного национального лидера, заменив его триумвиратом. Обе группировки вступили на военную тропу. Вооруженным формированиям с севера, поддерживавшим Эдилью, противостояла милиция Аснара, находящаяся в состоянии боевой готовности и получившая из Севильи три грузовика с винтовками, пулеметами и гранатами. Николас Франко и Довал знали о происходящем, но не стали блокировать город именно потому, что любые беспорядки, вызванные стычками среди фалангистов, явились бы прекрасным предлогом для вмешательства со стороны генералиссимуса и захвата им власти над Фалангой. Более того, они держали Эдилью в курсе намерений противной стороны и даже преувеличивали силы Аснара, чтобы подтолкнуть к ответным действиям и эскалации конфликта[62].

Утром 16 апреля атмосфера в Саламанке б*ыла крайне напряжена. В городе было полно вооруженных фалангистов, и все считали, что столкновение, о котором так долго ходили слухи, вот-вот произойдет. Довал часть своих бойцов одел в форму фалангистов. Аснар, Давила и Гарсеран собирались исключить Эдилью из Командной хунты за отказ от коллективного руководства и предательство Фаланги, выразившееся в поддержке унификации на условиях Франко. В штаб-квартире Франко о планах группы было известно заранее — но не благодаря шпионским талантам Довала, а просто потому, что Аснар и Гарсеран сами явились к Довалу, как к другу отца Аснара[63]. На столе Франко вместо военных карт появились по минутам расписанные доклады о шагах обеих фракций. Барросо сказал Эдилье, что Франко ожидает от него, что он покончит с недисциплинированностью и беспорядками, которые затеяла группа Аснара. Противники Эдильи собрались в штаб-квартире Фаланги 16 апреля в 11 часов утра. На заседании Командной хунты они проинформировали Эдилью о выдвинутых против него обвинениях и объявили ему, что он смещен, а его место займет триумвират из Аснара, Давилы и Хосе Морено[64].

Эдилья тут же мог легко одолеть их силой, но из штаб-квартиры Франко ему подсказали не спешить и дать заговору

набрать обороты. Тогда он покинул заседание и направился в штаб-квартиру Франко, где пересказал события этого утра подполковнику Барросо. Возможно, он мимолетно виделся с Франко. Барросо предложил ему «приют и убежище» в штаб-квартире, из чего видно, что Франко и Барросо не сомневались в силовом исходе конфликта. Если бы противники Эдильи затеяли сражение, то при любом исходе Франко мог бы предстать человеком, который спас Фалангу и ее лидера от корыстных амбиций его

противников. Эдилья, уверенный, что ему ничто не угрожает, и понимавший, что принять предложение значило бы расписаться в собственной политической немощи, отверг его. Он, однако, заверил Барросо в своей полной лояльности генералиссимусу[65]. Триумвират, в свою очередь, тоже искал встречи с Франко. Позже в тот же день они изложили Франко мотивы смещения Эдильи. Члены триумвирата тоже выразили свою полную лояльность Франко и желание всячески способствовать военному успеху[66]. Триумвират передал на «Национальное радио» заявление о смещении Эдильи и Свой манифест. Но Николас Франко положил оба документа под сукно[67].

Все козыри были по-прежнему в руках генералиссимуса, а позиции Эдильи резко ухудшились. Франко теперь мало сомневался в том, что для смещенного «хефе» пост второго после генералиссимуса лица в объединенной партии будет более чем желанным. Эдилья, однако, был полон решимости укрепить свои позиции, хотя бы в качестве базы для будущих переговоров. Хотя, возможно, он не отказался от мысли продолжать управлять Фалангой по-своему, скорее всего, он Понимал, что нужно спасать, что можно, из радикальной фашистской программы в условиях унификации. Теперь его дом стал оперативным центром по разработке акций против Аснара, Давилы и Гарсерана. Было решено продолжать настаивать на идее заседания Национального совета Фаланги, где поставить вопрос о мятеже «легитимистов»[68]. В царившей атмосфере экзальтации Эдилья и его сторонники самоуверенно считали, что располагают поддержкой штаб-квартиры Франко, и готовы были в ту же ночь сокрушить заговорщиков. Шпионская сеть Довала тщательно следила за действиями обеих сторон[69].

Эдилья и Серральяч планировали захват штаб-квартиры Фаланги силами Хосе Мариа Алонсо Гойи, начальника личной охраны Эдильи, которого «временный лидер» (Jefe Provisional) привез из Бургоса. Гойю должны были поддержать верные Эдилье кадеты из фалангисгской школы милиции, расположенной в городке Педро Льен под Саламанкой. Кадетами командовал их

инструктор, финский нацист Карл Магнус Гуннар Эмиль фон Хаартман. Однако, когда вечером 16 апреля Серральяч и Анхел Алкасар де Веласко попытались дать указания Хаартману, тот отказался выполнять их без письменного приказа Эдильи. Он заявил, что Довал и Николас Франко только и ждут предлога, чтобы захватить школу. На самом деле Хаартман, скорей всего, координировал свои действия с Барросо. Теперь в Саламанке было два вооруженных лагеря — штаб-квартира партии на улице Де-Торо и дом Эдильи на улице Майсалес. Там и тут метались ошарашенные толпы фалангистов. Серральяч вернулся в школу милиции с письменным приказом Эдильи, получив который, Хаартман вместе с группой вооруженных кадетов и Хосе Мария Алонсо Гойей прибыли на улицу Майсалес. Эдилья приказал им отправиться в штаб-квартиру партии и арестовать Аснара, Давилу и Гарсерана[70].

Хаартман со своими людьми взяли штаб-квартиру фалангистов около половины второго в ночь на 17 апреля[71]. Давила, Гарсеран и Аснар уже давно сидели по домам. Хосе Мария Алонсо Гойя и Даниэль Лопес Пуэртас вместе с другими охранниками Эдильи направились к особняку, где проживал Санчо Давила. Они имели при себе пистолеты и ручные гранаты. Давила не поверил, что его хотят лишь арестовать, и был убежден, его прикончат. Возникла потасовка, и в результате один из телохранителей Давилы, Мануэль Перал, всадил пулю в шею Гойе и тут же сам был убит Лопесом Пуэртасом. Лопес Пуэртас потом пытался представить дело так, будто операция была запланирована заранее, поэтому в группу даже включили двух врачей — в предвидении кровопролития[72]. Когда телохранители Эдильи, оставив обезумевшего от пережитого Лопеса Пуэртаса, направились за Гарсераном, тот открыл по ним

из окна огонь из пулемета, пока не прибыла гражданская гвардия[73]. Эдилье потом стоило многих трудов снять с себя ответственность за случившееся[85][74].

Франко, который только лег спать, был разбужен и проинформирован о случившемся. Давила и Гарсеран были арестованы военными, как и Аснар, который как раз собирал своих милиционеров, чтобы вновь атаковать штаб-квартиру Фаланги. Аснара обвинили в учинении беспорядков в тылу. Соглашение между штаб-квартирой Франко и Эдильей действовало, поскольку арестовали подвергшихся нападению, а нападавших — пока — оставили на свободе[75]. Однако Франко не упустил случая подрезать крылья Фаланге. Пресса как в рот воды набрала в отношении инцидента у дома Давилы, и заговор молчания был нарушен 24 апреля, когда в свет вышел

иллюстрированный еженедельник «Фотос», находившийся под контролем Эдильи[76]. Военные власти во всех провинциях предупредили местное руководство Фаланги об ответственности за любые беспорядки[77]. Семнадцатого апреля Эдилья имел беседу с Серрано Суньером, и этот факт указывает на то, что Эдилья пока еще оставался персона грата и играл определенную роль в захвате Франко контроля над Фалангой[78].

Не сообразив, что генералиссимус готовит ему подчиненную роль, Эдилья попытался закрепить свою победу над противниками и провести 18 апреля запланированное заседание Национального совета. Дело в том, что въезды в Саламанку контролировали люди Довала и препятствовали прибытию сторонников Аснара, тогда как выданные Эдильей пропуска позволяли его людям принять участие в Национальном совете. Более того, Давила, который находился под арестом по обвинению в убийстве, не мог принять участия в заседании. Внешние признаки доброжелательности со стороны штаб-квартиры Франко помешали наивному Эдилье понять, что кровавые события прошлой ночи, вызванные противоборством фракций, предоставляли Франко отличный предлог для нанесения удара по Фаланге. К подготовке этого удара приступили и шпионы Довала, старательно сеявшие слухи о будто бы имевшей место попытке покушения на Франко, о дезертирстве фалангистов, которые хотят навязать свою волю Франко, и о контактах некоторых высокопоставленных фалангистов с республиканцами, имеющих целью заключить с ними мир[79].

Вечером 18 апреля на заседании Национального совета, во время которого у дверей был выставлен гроб с телом Гойи, Эдилья рассказал о событиях предыдущих дней, дав при этом довольно ясно понять, что он действовал в полном согласии со штаб-квартирой Франко. На заседании он был избран национальным главой Фаланги[80]. Продуманная аранжировка событий создала наконец условия, чтобы Франко и его камарилья смогли открыто взять Фалангу под свой контроль. Здесь можно увидеть и руку Муссолини, поскольку в течение дня 18 апреля каудильо несколько раз консультировался с Гульельмо Данци, который позже проинформировал Рим, что они с Франко совместно выработали план слияния партий[81].

Обрадованный Эдилья поспешил к генералиссимусу, чтобы сообщить новость о своем избрании. По прибытии в епископский дворец Эдилья был удивлен, увидев в резиденции Франко множество установленных микрофонов, словно готовилось радиовыступление. Гордый своим избранием, новый

национальный глава так и не понял, какую унизительную роль отвели ему в этом представлении стратеги из штаб-квартиры Франко. Подлинная звезда этого шоу — Франко — уже готовился появиться на сцене, а Довалу было поручено организовать «стихийные» выступления народа в его поддержку. Барросо поприветствовал Эдилью и сказал ему, что генералиссимус придает большое значение его визиту. Присутствие Эдильи действительно имело значение, но лишь в том смысле, что снимались всякие подозрения по поводу силового вмешательства Франко в дела Фаланги. Генералиссимус тепло поздравил нового официального лидера Фаланги и заметил: «Очень хорошо, я этого ожидал». Уступая «настойчивым требованиям» собравшейся толпы, Франко вышел на балкон епископского дворца и произнес краткую речь, объявив о слиянии Фаланги и партии карлистов[82].'

Покинув балкон, каудильо в 10 часов вечера зачитал по радио помпезную речь, оканчивающуюся заявлением, что Господь вверил ему судьбу отечества[83]. Получив сведения, что толпа возле дворца разрастается, Франко, явно ликуя, слегка подтолкнул Эдилью, чтобы им вместе появиться на балконе под овации собравшихся. Франко картинно обнял Эдилью, и это выглядело так, словно первое лицо Фаланги официально передает свои полномочия лидеру новообразованной партии. Так было и 1 октября 1936 года, когда Кабанельяс передал Франко свои функции главы бургосской хунты. Националистская пресса подчеркивала символический факт визита только что избранного национального лидера Фаланги в штаб-квартиру Франко, «где он выслушал речь Его Превосходительства Главы Государства и, поздравив, безоговорочно передал себя и Фалангу в его распоряжение»[84]. А в это время военные уже распределяли людей Аснара по фронтам. Воспользовавшись моментом, Кейпо де Льяно обратился к Франко с просьбой, чтобы Санчо Давила, которому грозила жестокая кара, был освобожден[85].

Девятнадцатого апреля политический триумф Франко был закреплен официальным декретом об унификации, проведенной по инициативе самого каудильо и Серрано Суньера при согласии генералов Кейпо де Льяно и Молы. По условиям декрета, Фаланга насильственно объединялась с карлистами в единую Испанскую традиционалистскую Фалангу и хунты национально-синдикалистского наступления, или ФЭТ и де лас ХОНС (Falange Espanola Tradicionalista y de las Juntas de la Ofensiva Nacional Sindicalista — FET y de las JONS), которая больше примечательна пространным названием, чем идеологическим содержанием[86]. Текст декрета был подготовлен Эрнесто Хименесом Кабальеро и Рамоном Серрано Суньером и не обсуждался ни с Эдильей, ни с

карлистским руководством[87]. Франко объявил, что новая организация будет сформирована «под моим руководством» (bajo mi jefatura). Декрет давал ему всю полноту власти в новой объединенной партии и право назначать половину членов Национального совета (Consejo Nacional), назначенные же члены должны были избирать другую половину совета. Одним ударом он отрезал любых деятелей от возможности воздействовать на процесс унификации.

Двадцатого апреля, на другой день после выхода декрета, генералиссимуса посетили Эдилья и несколько членов недавно избранной, но уже приказавшей долго жить Командной хунты — исполнительного органа Испанской фаланги (Falange Espanola). Каудильо принял их с большой теплотой. Когда те спросили у Франко о своих полномочиях в новой организации, Франко убедил их, что все их чаяния будут удовлетворены[88]. Совершенно очевидно, что Франко подразумевал проведение унификации под своим руководством, оставляя Эдилье декоративную роль. Эдилья же, похоже, считал, что при условии общего расплывчатого руководства со стороны Франко он, как недавно избранный национальный глава Испанской фаланги, станет де-факто лидером ФЭТ и де лас ХОНС. Однако на фронтах армейские офицеры обращались с кадрами фалангисгской и карлистской партий весьма бесцеремонно. Они считали, как и сам Франко, что ФЭТ и де лас ХОНС в политическом и военном отношениях находятся под контролем армии, поскольку подчинены генералиссимусу[89]. Эдилья мог бы разгадать намерения Франко, ознакомься он с лживым отчетом о последних событиях, который 22 апреля штаб-квартира Франко отправила кардиналу Гома. Примасу сообщили, что унификацию ускорили, чтобы положить конец стычкам, развернувшимся 16 апреля. И ни слова не было сказано о роли штаб-квартиры, спровоцировавшей события в Саламанке. Все это означало, что дни Эдильи сочтены[90].

Инструкции из штаб-квартиры Франко запрещали любые пропагандистские акции фалангистов и карлистов, если те не были согласованы с генералиссимусом. Местным отделениям обеих партий предписывалось «ориентировать [текущую пропаганду] на консолидацию Движения и восхваление каудильо»[91]. Пошли слухи, что возмущенное фалангистское и карлистское руководство планировало отозвать своих добровольцев с фронта. Франко был полон решимости не только отстранить Эдилью от фактического руководства, но и воспрепятствовать сплочению вокруг него появившейся оппозиции. Реализуя эти намерения, Франко отказался выполнить свое обещание отдать Эдилье пост генерального секретаря

Политической хунты новообразованной ФЭТ и де лас ХОНС, утвердив его 22 апреля на пост рядового члена Политической хунты.

Эдилья не мог высказать Франко своего мнения по этому поводу, поскольку о составе новой Политической хунты узнал из газет. В Политическую хунту попали наиболее покладистые из фалангистов и карлистов, больше верные Франко, чем своей идеологии. Даже туповатый Эдилья, должно быть, расстроился, увидев в списке членов хунты такое ничтожество, как Лопес Басса, который оказался там в награду за оказанные Франко услуги по ускоренному проворачиванию унификации[92]. Это была ловушка — согласившись на участие в хунте, Эдилья обрек бы себя на бездействие и выполнение роли франкистского антуража. Он также знал о позиции других видных фалангистов — таких, как Пилар Примо де Ривера, Аснар, влиятельный интеллектуал Дио-нисио Ридруэхо, — которые советовали Эдилье не принимать предложения. С другой стороны, если бы он отказался, то сделал бы из каудильо своего врага[93].

Прочитав в газетах о своем назначении, Эдилья не стал предпринимать никаких действий, но тут на него посыпались визиты Барросо, Миляна Астрая, Лопеса Бассы и других эмиссаров штаб-квартиры, которые настаивали на его согласии войти в Политическую хунту. Все же он отказался сделать это и тем самым дал ясно понять оппозиции, что унификация произошла исключительно по воле Франко. Реакция штаб-квартиры генералиссимуса не заставила себя ждать. Тому, что произошло дальше, нет надежных свидетельств. Если только мыслимо разобраться в предвзятых объяснениях событий с обеих сторон, то представляется, что Эдилья, возмущенный отказом Франко сдержать свое слово, повел себя опрометчиво и попытался через своих эмиссаров мобилизовать те немногие силы, что оставались у него в провинциях, против каудильо. Один из его сторонников позже писал: «Мы играли немного вслепую и проиграли»[94]. Франко уверял Фаупеля, что Эдилья телеграфом разослал своим «хефе» в провинциях инструкции не выполнять указания штаб-квартиры, если только они не пройдут через его руки. Франко убедил Фаупеля, что «Эдилья был сильно скомпрометирован»[95]. Но установить, действительно ли акции Эдильи представляли собой серьезную угрозу для Франко, не представляется возможным[86][96].

Франко предпочел увидеть в отказе Эдильи войти в новую Политическую хунту и в его последующих действиях нарушения воинской дисциплины. Двадцать пятого апреля в 7 часов вечера Эдилья был арестован верным псом Франко — жестоким майором

Довалом, который прибыл к Эдилье на двух грузовиках с гражданскими гвардейцами. Суд был назначен на 27 мая 1937 года. А пока что Довал вел следствие. На сей раз следователи вменили Эдилье вину за беспорядки 16 апреля. При этом был начисто забыт тот факт, что его действия были поддержаны штаб-квартирой Франко. Его также обвиняли в контактах с республиканской зоной и в заговоре с целью убийства Франко. Фабрика слухов в штаб-квартире позаботилась о том, чтобы об этих обвинениях стало широко известно. Зато больше не упоминалось, как Пилар Примо де Ривера и Аснар клеймили Эдилью франкистом и как Франко обнимал национального лидера на балконе епископского дворца 19 апреля. На суде выдвинутые обвинения своей противоречивостью напоминали сталинские процессы[97]. Инстинкт Франко как военачальника не позволял ему терпеть внутренние дрязги, подобные тем, что окажутся убедительными для его врагов из республиканского лагеря. За выдуманные — или реальные — преступления Эдилья, Лопес Пуэртас, убивший Перала, и еще двое были приговорены к смерти. Санчо Давила и Рафаэль Гарсеран были оправданы[98].

В деле Эдильи генералиссимус, как обычно, держался на дистанции. Когда Дионисио Ридруэхо выразил Франко протест по поводу ареста Эдильи, каудильо изобразил удивление: «А разве Эдилья арестован? Мне ничего не говорили. Я отдал приказ контрразведке расследовать события последних дней и принять соответствующие меры. Несомненно, у них на него что-то есть». Ридруэхо был возмущен тем, что лидер Фаланги был арестован по приказу человека, который только что принял от него его пост. К удивлению Ридруэхо, Франко выслушал его терпеливо и проявил свои чувства лишь тем, что покусывал губу и избегал смотреть в глаза. Только позже Ридруэхо узнал, что при разговоре, который, как считал Ридруэхо, ведется с глазу на глаз, присутствовали спрятанные за гобеленом у одной из стен вооруженные охранники. Очевидно, то была стандартная практика Франко[99].

Когда Пилар Примо де Ривера посетила донью Кармен и попросила ее посодействовать Эдилье, та ответила: «В этом нет необходимости. Пока Рамон [Серрано Суньер] здесь, у фалангистов есть надежный защитник»[100]. Когда Серрано Суньер стал убеждать Франко отменить смертные приговоры, тот ответил: «Я просто не могу допустить никаких волнений в тылу». Для Франко это был вопрос воинской дисциплины. Фаупелю он заявил, что «полон решимости, поскольку ведет войну, подавлять в зародыше любую акцию, направленную против него и его правительства, расстреливая виновных»[101]. Фаупель возразил Франко, что «расстрел Эдильи, единственного представителя

рабочих, произведет скверное впечатление»[102]. Франко не тронул и визит.заплаканной матери Эдильи, униженно просившей за сына. Равно холодно отнесся он и к обращению кардинала Гома[103]. В конце концов Серрано Суньер убедил его, что казнь Эдильи и его друзей нанесет ущерб режиму. Франко нехотя дал дорогу процедуре помилования, сказав при этом: «Ладно, но ты еще увидишь, как наша слабость обернется против нас»[104]. Николас Франко сказал итальянскому официальному лицу — скорее всего, Данци, — что Эдилью не расстреляли, «чтобы не делать мученика из этого ничтожества»[105].

После отмены 19 июля генералиссимусом смертного приговора Эдилья провел во франкистских застенках четыре года. Условия были тяжелы, хотя и не в такой степени, как для некоторых из его сторонников. Ему уже не подняться до верхних эшелонов франкистского режима, хотя утверждалось, что в условиях коррупции ему жилось неплохо[106]. Когда мать Эдильи снова пришла к Франко с просьбой отпустить сына на свободу, он сказал ей, что Эдилья — «невинная жертва», хотя окончательно простил его только в мае 1947 года[107]. Смертный приговор Эдилье и трем его товарищам, а также продолжительные сроки тюремного заключения остальным подсудимым разом прекратили слабые попытки противодействовать планам Франко стать абсолютным правителем в националистской зоне. Основная масса карлистов была недовольна, но, озабоченные решением военных проблем, они не стали выражать свое возмущение. Большинство фалангистов, которые не поддерживали унификацию, но выступали гибче Эдильи, были со временем завербованы в лагерь Франко. Пилар Примо де Ривера — большой успех Франко, с его точки зрения, — перешла во франкистский лагерь и стала главой женской секции (Seccidn Femenina) ФЭТ и де лас ХОНС, Агустин Аснар — еще один успех — стал консультантом при милиции[108]. Гарсеран также присоединился к клаке франкистских лизоблюдов[109].

Массы националистов приветствовали унификацию как средство положить конец трениям между различными группировками. Франко сказал Фаупелю, что получил шестьдесят тысяч телеграмм в поддержку своих действий[110]. Однако, поскольку новая партия стала единственным официально разрешенным политическим формированием, независимости испанского фашизма пришел конец. Фаланга оказалась кастрированной[111]. Претенденты на роль руководителей Фаланги получили наглядный урок. Его хорошо усвоил, в частности, Раймундо Фернандес Куэста, который вскоре появился в Саламанке в результате обмена на республиканцев и поразил всех

своей покладистостью. Инициатором этой акции был Прьето, который связывал с появлением Куэсты тщетную надежду, что тот станет занозой для Франко. Еще более впечатляющим был случай с Хосе Луисом де Арресе. Он был арестован как сподвижник Эдильи, но потом его выручил Серрано Суньер и протолкнул вверх по службе — в результате Франко получил такого подхалима, равного которому у него никогда не было. Выбор был однозначен: либо лояльность Франко и доступ к привилегиям власти — либо оппозиция и следующие за ней потеря работы, тюрьма, а там, глядишь, и казнь. Название новой партии скоро сократили до «Фаланга», но истинные фалангисты были в ней лишь одной, хотя и-наиболее многочисленной, составляющей. Вскоре новая и единственная партия стала зваться Движением (Movimiento). Вынужденные принять Франко в качестве своего лидера, фалангисты увидели, что их идеологию узурпировала церковь, а их собственная партия превратилась в механизм насаждения фаворитизма, отодвинув «революцию» на неопределенное время.

Хотя Франко и сравнял свою политическую власть с уровнем военной власти, Серрано Суньер брал на себя изо дня в день все больше задач, чтобы по возможности освободить свояка и дать ему сосредоточиться на военных вопросах. Многие из первых декретов и назначений министров определенно носят на себе влияние Серрано. Семейные отношения, роль Серрано Суньера в подготовке восстания и его фанатичная и самоотверженная преданность делу националистов способствовали росту доверия Франко к нему[112]. Кроме того, в данном случае Франко проявил дальновидность: он сделал из Серрано Суньера громоотвод, который гасил все идеологические конфликты в националистской зоне. До окончания Гражданской войны он должен был сделать все, чтобы Фаланга политически пообтерлась и пообвыкла действовать в новых условиях. После войны на Серрано Суньера свалится еще более трудная проблема, стать буфером между армией и Фалангой в их борьбе за власть. Однако, когда обе задачи будут выполненными, Франко окажется в победителях, а Серрано Суньер — в проигравших.

Унификация привела Франко к следующему решению — устранить оставшихся политических противников. Эта задача уже была не из трудных. Кальво Сотело был убит. Его заместитель, слабый духом Антонио Гойкоэчеа и другие лидеры Испанского обновления послушно последовали декрету об унификации и распустили свою партию[113]. Хилю Роблесу, который подвергся издевкам за свою неспособность нанести удар по коррумпированной демократии, ничуть не помогло, что он тоже

принял унификацию, о чем сообщил в длинном и льстивом письме Франко от 22 апреля 1937 года[114]. Если он ждал, что теперь его позовут в Испанию, то это было большим заблуждением[115].

С Фалом Конде уже заключили сделку, и карлистское движение приветствовало унификацию с откровенной радостью, с захлебывающимися от восхвалений газетными статьями и мешками поздравительных писем и телеграмм в адрес Франко. Если и были такие, что выражали сожаление, то они делали это с оглядкой, и их угрызения совести стихали тут же, как они получали теплые места в новой организации. Фал Конде был постепенно отстранен от ведущих ролей в объединенной партии[116]. Неприязнь Франко к Хосе Антонио Примо де Ривере всячески им скрывалась. Образ Франко как естественного наследника Хосе Антонио был одним из многих созданных вокруг имени каудильо мифов. Но этот оказался крайне важен и обеспечил ему доверие со стороны сотен тысяч фалангистов и дальнейшую поддержку от держав Оси.

Укрепление позиций Франко как бесспорного лидера единой фашистской партии парадоксальным образом поставило под угрозу его альянс с Католической церковью. Отношения с фашизмом и нацизмом у Ватикана были непростые. Учитывая это, Франко стал вести двойную игру. Перед правителями Италии и Германии он выступал как завзятый антиклерикал, а перед церковниками, как мог, затушевывал свою близость к фашистам. Миф о Франко как о католическом крестоносце мирно сосуществовал с мифом о нем как о фалангисгском «хефе». И внутри страны, и за рубежом легитимизация франкистского дела, которой способствовала Католическая церковь, имела слишком большое значение, чтобы ею можно было пренебречь. Кроме того, у Франко и Церкви были обширные области совпадения интересов — неприятие рационализма, франкмасонства, либерализма, социализма и коммунизма. Это нашло подтверждение в заимствовании церковью политической риторики, имевшей хождение в националистской зоне.

Четырнадцатого марта 1937 года, две недели спустя после начала наступления националистов на Страну Басков, Ватикан опубликовал на немецком языке энциклику «Mit brennender Sorge»[87], критикующую гитлеровский нацизм. Через пять дней была опубликована энциклика «Divini Redemptoris»[88]. Учитывая, что немецкие летчики играли не последнюю роль в войне против населения в основном католической Испании, Франко позаботился, чтобы первая из двух энциклик не получила хождения. Когда Ватикан поинтересовался у кардинала Гома о

реакции в Испании на энциклику, кардинал ответил, что в прессе нет никакого упоминания о ней и что он опасается, не получили ли националистские политики указания на этот счет от гитлеровцев. Гома получил немецкий оригинал, перевел его на испанский язык и разослал по приходам националистской зоны Испании. Однако, узнав, что штаб-квартира Франко враждебно приняла энциклику, он счел за лучшее посоветовать епископам не оглашать текста. Франко сообщил Фаупе-лю 23 мая, что он порекомендовал кардиналу архиепископу Толедскому не зачитывать энциклику. Гома посоветовался с Пла-и-Деньелом и решил не идти на столкновение с Франко. Все же Гома рискнул выразить Франко протест по поводу того, что передачи радио Саламанки и националистская пресса полны германскими нападками на энциклику, Франко просто заявил, что ничего об этом не знает[117].

После разрушения Герники, когда в душах многих католиков поселились сомнения в священном характере франкистского дела, Гома оказал каудильо еще одну неоценимую услугу. По просьбе Франко они 10 мая встретились в Бургосе. В ходе двухчасовой беседы Франко пытался уверить примаса, что, приняв на себя руководство фашистской партией, он вовсе не считает, будто нацистские идеи в какой-то степени уменьшат его готовность охранять католические ценности в новой Испании. Это была необходимая прелюдия. А дальше каудильо попросил Гома убедить других испанских епископов отправиться в Рим, чтобы использовать там свое влияние, дабы Ватикан поскорее признал его режим. Гома подчеркнул бесполезность такого шага и заверил Франко, что у Ватикана вполне хватает информации о положении в Испании. Вторая просьба состояла в том, чтобы примас написал послание с целью «рассеять распространяемые за рубежом небылицы» о бомбардировке Герники. Баскский вопрос разделил католиков всего мира и даже, утверждал Франко, имел «негативные последствия в отношениях с некоторыми европейскими правительствами». Франко хотел, чтобы общественное мнение католиков в демократических странах было обращено против любой помощи республике.

И эта просьба была излишней — кардинал Пачелли, государственный секретарь Ватикана[89], уже направил 10 февраля 1937 года письмо Гома, предлагая сделать некое политическое заявление о сотрудничестве баскских католиков с коммунистами. После консультаций с другими представителями Церкви, которые с восторгом отнеслись к этой идее, Гома попросил епископов всей Испании подготовить соответствующий проект. Теперь в ответ на просьбу Франко и после новых консультаций с епископами Гома

составил коллективное послание «Епископам всего мира», которое было опубликовано 1 июля 1937 года[118]. Послание легитимизировало военный мятеж и защищало националистский режим от обвинений в создании фашистского государства[119]. Его подписали два кардинала, шесть архиепископов, тридцать пять епископов и пять генеральных викариев. Среди отказавшихся поставить подпись были кардинал Франсеск Видал-и-Бар-ракер, архиепископ Таррагоны (Каталонии), а также монсеньор Матео Мухика, епископ Витории (Страна Басков). Оба весьма опасались последствий, которые вызовет это послание для католиков республиканской зоны[120]. Указанный документ пришелся Франко весьма по душе. Колебания же Ватикана по поводу полного дипломатического признания националистской Испании вызывали у него раздражение[121]. И даже когда отношения с Ватиканом были нормализованы — после прибытия в октябре 1937 года монсеньора Илдебрандо Антониутти в качестве временного поверенного Папы, — Франко выказывал недовольство тем, что Ватикан продолжал назначать епископов Испании и, не предоставил генералиссимусу те же привилегии, которые имели короли Испании[122].

Подобные притязания Франко свидетельствуют, до каких пределов разрослось его самомнение под влиянием, постоянной лести. Он был генералиссимусом всех вооруженных сил, главой государства, главой правительства и национальным главой Фаланги. И если его коллеги-генералы думали, что такое положение сохранится недолго, он считал иначе. В его поведении появились признаки, что он рассматривал себя в качестве пожизненного регента. Унификация стала важной вехой в развитии его взглядов на собственное положение. Запущенная машина народного обожания укрепляла его намерения остаться при всей власти и после войны. Где-то в глубине сознания у него, возможно, и были планы восстановления монархии, но лишь в очень отдаленной перспективе. В своих речах он не раз упоминал, что испанская монархия начала приходить в упадок после Филиппа II. Считая себя великим героем, подобным королям-воителям прошлого, он верил, что сможет воссоздать монархию во всем величии XVI века, но только после того, как искоренит зло, нанесенное ей за три последних века. В подобных настроениях он нашел хорошего союзника — Церковь. Но впоследствии притязания на роль монарха все же привели его к конфликту с церковной иерархией. Пока же, установив прочный контроль над собственной зоной, он видел главным препятствием на пути осуществления своих планов республиканский режим. Проведя унификацию, он вернулся к задаче уничтожения

республики.

Глава 11 ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ

Май 1937 года — январь 1938 года

Франко еще предстояло выиграть сражение против республики, но в националистской зоне он уже стал победителем в политической войне. День 18 июля был официально объявлен национальным праздником. По франкистскому календарю с этой даты начинался так называемый «второй триумфальный год». По предложению Фермина Исурдьяги (Yzurdiaga), фанатичного фалангистского священника из Наварры и одного из самых рьяных подхалимов Франко, которых все больше крутилось вокруг него, день 1 октября также был провозглашен национальным праздником, который назвали Днем каудильо[90]1. Сосредоточив в руках военную и политическую власть, Франко мог теперь контролировать все аспекты политической жизни. Лишь область церковной юрисдикции была вне его сферы, но он не откажется от попыток, выставив себя образцом религиозного человека, подчинить Церковь своей воле. Но и без этого его власть была сравнима с властью Гитлера и уж наверняка у него было больше власти, чем у Муссолини.

В течение сорока лет он будет пользоваться этой властью с отточенным мастерством, беспощадно расправляясь со своими противниками и культивируя преданность своей персоне со стороны людей из националистской коалиции благодаря своему умению пользоваться слабостями других — качеству, которое он приобрел, проходя политическое воспитание среди марокканских племен. Он мог почти мгновенно определить характер человека и безошибочно решить, как из потенциального оппозиционера сделать горячего сторонника — с помощью ли подачки, обещания ли министерского, посольского или престижного военного поста, предоставления ли работы в государственной фирме или награды, лицензии на импорт, просто коробки сигар2. В течение нескольких недель после декрета об унификации партийная бюрократия, огромная и хорошо оплачиваемая, разрослась еще больше, что явно противоречило продолжающейся кампании за бережливость. Многие бывшие последователи Хиля Роблеса и Лерруса воспользовались возможностью и пристроились к системе, смыв прежние республиканские грехи громкими заявлениями о верности каудильо3.

Что касается военной области, то Франко был уверен в своей конечной победе — правда, по календарю, размеченному не на месяцы, а на годы. Его союзникам трудно давалось понимание

политических выгод затяжной войны на истощение. Международное негодование по поводу продолжающейся испанской войны вызвало в различных кругах желание завершить ее переговорами. Сильное раздражение вызвали у Франко несколько предложений о компромиссном мире между басками и националистами, которые поступили весной и в начале лета 1937 года из Ватикана и из фашистской Италии. Однако, желая получить контроль над индустриальным богатством Страны Басков с ее глубоко религиозным населением, Франко решил все же после Герники откликнуться на призывы мирового общественного мнения, тем более что получал таким образом в свое распоряжение Бильбао неразрушенным. Седьмого мая, в ответ на призыв итальянцев, Франко согласился с Молой, что баскам в обмен на немедленную капитуляцию следует предложить сохранить в цедости город Бильбао, установить строгий контроль над поведением оккупационных войск, дать возможность эвакуироваться баскским политическим лидерам, оградить население от каких-либо репрессий и даже установить особый налоговый статус для Басконии. Такое решение пришло к Франко не сразу, и, пока он созревал, посредники, естественно, не могли предложить эти условия баскам. Войска Франко возобновили наступление на Бильбао, и в это время он занимал жесткую позицию[4]. За время после Герники баскские силы сумели перегруппироваться, и каждый сантиметр из восьми километров, разделяющих Гернику и Бильбао, националистам приходилось брать боем. Части Молы окружили Бильбао только в конце мая.

Седьмого мая в Лондон представлять республику на коронации короля Георга VI с официальным визитом отправился социалист Хулиан Бестейро. Мануэль Асанья поручил ему просить Энтони Идена о посредничестве. Иден принял Бестейро вечером 11 мая[5]. После этих бесед британские послы в Италии, Германии, Португалии, Франции и Советском Союзе попытались добиться международного соглашения о выводе иностранных добровольцев из Испании[6]. Эта инициатива результата не имела, потому что Италия и Германия были решительно против такого шага, а стараниям англичан и французов не хватало энергичности. Да и сам Франко отреагировал на переговоры крайне враждебно. Как он ясно дал понять Канталупо за полтора месяца до этого, для него цель войны одна: основную массу республиканцев уничтожить, а оставшихся держать в унижении и страхе. Генералиссимус продолжал оставаться в убеждении, что любое посредничество выгодно республике — мир и последующие выборы позволили бы значительной части враждебного ему населения открыто добиваться своих целей.

Двадцать вто-poro мая в беседе с Фаупелем он отверг предложение Идена, заявив, что он «и все испанские националисты скорее умрут, чем еще раз отдадут судьбу Испании в руки красного или демократического правительства»[7].

Ватикан также пытался выступать посредником. Двадцать первого мая 1937 года кардинал Гома выехал в Лурд на встречу с монсеньором Джузеппе Пиц-цардо, секретарем Святой конгрегации по особым церковным делам. Пиццардо хотел уговорить Франко выступить инициатором мирного завершения Гражданской войны. Гома отреагировал на это так же, как Франко, ответив, что это только поддержит республиканцев. Франко говорил кардиналу Гома, что различия в позициях противоборствующих сторон исключают всякие мирные переговоры и он согласится только на безоговорочную капитуляцию республики. Когда Гома изложил ему сомнения Ватикана в обоснованности столь жестоких репрессий со стороны националистов и привел довод о том, что война оказалась вызванной социальным неравенством, Франко отверг и то и другое. Он сказал, что ни один человек не наказан иначе, как по приговору трибуналов, и утверждал, что эта война никак не связана с несправедливым распределением богатства[8].

Отвергая компромисс и выбирая войну на полное уничтожение, Франко брал на себя страшную ответственность. Ясно было, что он мог позволить себе такой шаг только потому, что считал свою власть непоколебимой. Бросить ему вызов был способен лишь Мола. Хотя Мола и вынужден был согласиться с возвышением Франко до генералиссимуса, Франко не мог простить своего пребывания на вторых ролях в начале мятежа. В склонном к подозрениям мозгу каудильо Мола всегда сидел как заноза. Даже до 1936 года, когда они, братья по оружию, «африканцы», внешне казались друзьями, в частных беседах Франко за глаза говорил о Моле, как и почти обо всех своих товарищах с презрением и даже называл Молу «дураком» (majadero)[9].

Мола и его начальник штаба Вигон быстро разглядели бесперспективность попыток взять Мадрид и хотели перенести акцент боевых действий на другие фронты. Решительный, если не сказать маниакально жестокий, Мола хотел выиграть войну на севере с помощью тотального бомбового террора, который привел бы к разрушению всей индустрии Страны Басков. Зашоренность Франко на Мадриде и его желание вести войну на истощение выводили Молу из себя.

Но это не все. Отчасти из опасения потерять свое влияние в результате быстрой победы, отчасти из ревности Франко чинил

множество мелких препятствий Моле в Стране Басков. Он вмешивался в действия авиации Молы, отбирал у него войска якобы для укрепления своих позиций вокруг Мадрида. Однако основные разногласия между Молой и Франко лежали в политической сфере. Перед войной Мола подготовил документ, в котором он выражал приверженность республиканскому строю, предусматривал после победы восстановить парламент, обеспечить религиозные свободы и защиту прав рабочих[10]. Склонный к аскетизму, Мола не одобрял коррупцию, которую Франко использовал в качестве средства держать в узде своих подчиненных.

Во время посещения Молой в начале лета 1937 года штаб-квартиры Франко он сказал, что счастлив видеть того главой государства, генералиссимусом и лидером «этой его партии», но, призвал подумать об укреплении тылов и о создании приличного правительства. Подтекст был ясен: Мола добивался для себя главной роли. Еще до унификации Франко раздражали советы сосредоточиться на руководстве военными делами, а Моле поручить формирование правительства. Теперь Франко и Серрано Суньер были уверены, что в следующий свой визит, в начале июня, Мола привезет настоящий ультиматум[11].

Третьего июня 1937 года Мола вылетел из Памплоны в Виторию и далее в Бургос. Между населенными пунктами Кастил-де-Пеонес и Алкосеро его самолет потерпел катастрофу и все находившиеся на борту погибли[91][12]. Пошли слухи, что это был не несчастный случай, а диверсионный акт. Возможно также, что самолет по ошибке был сбит националистскими истребителями, поскольку на нем были английские опознавательные знаки. На таких самолетах республиканцам доставляли снаряжение из Франции, и на одном из них перелетел из Мадрида в Памплону сбежавший от республиканцев пилот. Самолет был реквизирован Молой. Но, как гласила официальная версия, самолет в густом тумане врезался в гору[13].

Когда новость о катастрофе узнали в штаб-квартире Франко, все его подчиненные были повергнуты в шок и не решались сообщить Франко о трагедии. Наконец решили поручить дело адмиралу Сервере (Cervera), начальнику штаба военно-морских сил. Стараясь совладать с волнением, Сервера ходил вокруг да около, чем вызвал раздражение Франко. «Говори наконец!» — приказал генералиссимус, и адмирал все рассказал. Каудильо воспринял известие с легкостью: «Только-то и всего. А я боялся, ты хочешь доложить, что потопили крейсер «Ка-нариас»[14]. Хладнокровие, с которым Франко воспринял новость, отмечал и германский посол Вильгельм Фаупель: «Генералиссимус

несомненно чувствует облегчение от смерти генерала Молы. Он недавно говорил мне: «Мола был упрямый малый, и, когда я давал ему директивы, расходившиеся с его собственными устремлениями, он часто спрашивал меня: «Ты больше не доверяешь мне?»[15] Санг-ронис дал ясно понять, что Франко и его ближайшее штабное окружение не считали смерть Молы потерей. Он говорил Вегасу Латапье: «В конце концов, что тут такого?.. Генерал, погибший на фронте... Что ж, это почти естественно». Сангро-нис равнялся на самого генералиссимуса[16]. А вот для кардинала Гома смерть Молы стала ударом, так как он считал, что Мола оказал бы большее сопротивление нацистам и фашистам, чем Франко[17].

Франко присутствовал на похоронах Молы и не выказал ни малейших эмоций. Когда тело снесли по ступенькам штаба округа, генералиссимус энергично выбросил в фашистском приветствии правую руку. За предыдущие месяцы он прибавил в весе, и форма не выдержала и лопнула под мышкой, к сдержанному веселью собравшихся[18]. Годы спустя Гитлер говорил: «Смерть Молы была настоящей трагедией для Испании. Это был настоящий лидер. Франко оказался наверху, как Понтий в символе веры»[19]. Личные бумаги Молы были конфискованы, и с этого момента пропагандисты националистов и франкистские историографы, как могли, подчеркнуто принижали роль Молы. Третьего июня 1939 года Франко открыл памятник Моле в горах под Алкосеро. После этого Молу забыли, а тропа к памятнику заросла[20]. Семнадцатого июля 1947 года Франко посмертно присвоит Моле титул герцога, но ему это ничего не будет стоить. Франко вынужден был терпеть культ памяти Хосе Антонио Примо де Риверы, чтобы обеспечить себе лояльность фалангисгских масс, но культ памяти Молы не давал ему никаких выгод, зато принижал роль Франко в мятеже, вдохновителем и архитектором которого считался Мола. Смерть Молы повлияла на Франко лишь в одном аспекте: теперь он, к облегчению окружающих, перестал летать самолетом и начал ездить на фронт в машине[21].

Одиннадцатого июня, уже под командованием генерала Фиделя Давилы, Северная армия возобновила наступление на Бильбао. Миниатюрный Давила был слепо предан Франко и ни одного решения не принимал, не посоветовавшись с генералиссимусом. В бургосской Государственно-административной хунте место

Давилы занял монархист генерал Франсиско Гомес Хордана. Теперь, освободившись от забот, которые доставлял ему главный политический соперник, Франко начал проявлять более пристальный интерес к развитию событий на фронтах и ездить

туда гораздо чаще. Штаб Франко продолжал возглавлять Франсиско Мартин Морено, ставший к этому времени генералом. Он вел все рутинные дела, а неотложные вопросы обсуждал с полковником Барросо и генералом Кинделаном[22].

Проведя мощную артподготовку и бомбардировку с воздуха силами легиона «Кондор» и итальянской «Легионерной авиации», националистские войска наконец продвинулись вперед и сомкнули кольцо вокруг Бильбао. Имея в своем распоряжении план укреплений города, полученный от перебежчика, капитана Гойкоэчеа, националисты под командованием полковника Хуана Баутисты Санчеса 12 июня прорвали оборону в самом слабом месте. Опасения националистов оказаться втянутыми в затяжную осаду, как в Мадриде, не подтвердились — в большой степени благодаря бомбежкам Дуранго и Герники и широко тиражированным угрозам Молы. Посчитав себя брошенными на произвол судьбы центральным правительством, плохо вооруженные баски оказались морально сломленными[23]. Баскская армия вышла из города, и националисты смогли войти в Бильбао почти без сопротивления, потому что местные власти не могли позволить Бильбао повторить судьбу Герники. Фабрики и военные заводы, металлургические комплексы, верфи и прочие важные промышленные объекты были оставлены нетронутыми[24]. Франко позволил войти в город только небольшому контингенту, чтобы не вредить своей репутации новой резней по типу Бадахоса и Малаги[25]. Однако, хотя зверства, имевшие место на юге, и не повторились в том же масштабе, на протяжении месяца около тысячи басков были казнены, а шестнадцать тысяч брошены в тюрьмы за свои прореспубликанские настроения. И еще полгода спустя казни продолжались[26]. Германские экономические эксперты радовались, что захвачен богатый полезными ископаемыми север[27]. Фаупель тем не менее не переоценивал полководческих способностей Франко, отметив в донесении в Берлин: «Чтобы преодолеть расстояние в сорок километров, наступающим понадобилось три месяца»[28].

Удовлетворение Франко ходом событий на севере выразилось в проявлениях благодарности легиону «Кондор». В телеграмме Гитлеру он писал: «В тот момент, когда наши войска победоносно вступают в Бильбао, я направляю Вам горячее приветствие от своего имени и от имени моей армии за доверие, которое великий германский народ и его фюрер оказали нам»[29]. Еще более значимым стало письмо, которое он направил после падения Бильбао генералу Шперле: «По завершении части операции, увенчавшейся взятием Бильбао и занятием почти всей провинции Бискайя, во время которой военно-воздушные силы

под Вашим командованием приняли участие столь эффективным и блестящим образом, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы поздравить и поблагодарить Ваше Превосходительство и попросить Вас передать мою величайшую благодарность за столь прекрасную работу подполковнику фон Рихтхофену, который проделал ее с таким искусством»[30].

После падения Бильбао дела у националистов на севере пошли много легче. Тем не менее у Кинделана вызывал неудовольствие отказ Франко решить проблему севера одним махом[92]. Фаупель также жаловался, что последующая перегруппировка сил была произведена крайне медленно[31]. Три недели ушло на подготовку наступления на Сантандер. Оно было назначено только на 9 июля[32]. В предвкушении великой победы Франко перенес свою штаб-квартиру из епископского дворца в Саламанке в бургосский дворец Мугиро. Там он будет находиться следующие два года, то есть до окончательной победы над республикой.

Промедление Франко дало республиканцам возможность приостановить казавшийся неотвратимым процесс потери территории. На рассвете 6 июля под населенным пунктом Брунете, в двадцати пяти километрах от Мадрида, в выжженной солнцем, поросшей низкорослой растительностью местности началось наступление республиканцев. Генерал Висенте Рохо, начальник штаба республиканской армии, хорошо спланировал и подготовил эту операцию. Утром 6 июля генералиссимус и его адъютант Пакон Франко Сальгадо-Араухо сели в машину, чтобы отправиться в Бискайю и следить там за новым наступлением, когда их остановил майор Кармело Медрано и сообщил об атаке республиканцев под Брунете[33]. Действия Рохо застали националистов врасплох, и их силы в этом районе оказались под угрозой окружения.

Армия республиканцев численностью более восемидесяти тысяч человек ударила в самом слабом месте — между армейскими корпусами Ягуэ и Варелы — и углубилась на расстояние двенадцати километров. Первой реакцией Франко были слова, сказанные им Барросо: «Они разнесли мне Мадридский фронт». На короткий момент Франко даже потерял свое непоколебимое спокойствие. Спустя годы Барросо утверждал, что он никогда не видел Франко в таком угнетенном состоянии за всю войну[34]. Однако чем больше войск устремлялось в прорыв, тем отчетливее проявлялись в условиях ужасающей жары недостатки в подготовке молодых республиканских офицеров. Наступление стало задыхаться и приостановилось. Националистам под командованием

полковников Баррона, Асенсио и Сайнса де Буруаги удалось с помощью подкреплений от Ягуэ занять оборону и прийти в себя. Как и рассчитывал Рохо, Франко прекратил наступление на севере, перебросив оттуда две Наваррские бригады, легион «Кондор» и итальянскую «Легионер-ную авиацию» в район Мадрида. Общее командование операциями здесь он возложил на Варелу. Несмотря на относительно малую стратегическую ценность Брунете, Франко, как всегда, не желал оставлять ни клочка ранее завоеванной территории. Политические последствия были для него важнее, чем военные, — поэтому наступление на севере могло подождать. Не считаясь с ценой, он хотел прямо-таки вдолбить республиканской Испании мысль о своей непобедимости.

Решив перебросить солидные силы на Мадридский фронт, Франко рассчитывал на крупный успех после приостановки республиканского наступления. У националистов появилась возможность захватить господство в воздухе благодаря использованию новых германских истребителей «Bf-109»[35]. Усиленные Наваррскими бригадами под командованием полковников Камило Алонсо Веги и Хуана Баутисты Санчеса, части Варелы смогли 18 июля перейти в контратаку. Ход сражения решался в пользу националистов прежде всего благодаря германской поддержке с воздуха, и перед Франко встала дилемма: то ли приступить к наступательным действиям в Бискайе, как планировалось, то ли подождать там и еще раз попытаться взять Мадрид. Согласно Кинделану, генералиссимус не мог принять окончательного решения целую неделю. Вигон с досадой писал Кинделану, что отвечать на республиканские атаки — только затягивать войну. Из ответа Кинде-лана от 13 июля было ясно, что Франко считал, что сможет нанести республиканцам на Мадридском фронте большой урон в живой силе, если оставит здесь значительный контингент. Письмо Кинделана показывало, что последнее слово принадлежит исключительно Франко. Там же Кинделан утверждал, что генералиссимус «сам составляет оперативные планы, не прислушиваясь к мнению штаба и других подчиненных»[36]. Франко интересовал ход боев на Мадридском фронте, а баскскую кампанию он оставил на Шперле, Рихтхофена, Вигона и — до самой его смерти — Молу. Он обосновал временную штаб-квартиру на Дээса-дель-Ринкон в Вилья-дель-Прадо, к югу от дороги между Мадридом и Авилой. Он бывал в штаб-квартире Варелы ежедневно и обсуждал с ним операции предстоящего дня. Безграничная вера Франко в себя поднимала моральный дух его людей[37].

Под палящим солнцем, в условиях хаоса по обеим сторонам фронта, когда своим доставалось от своей же артиллерии, контратака Варелы, поддержанная интенсивными бомбардировками с воздуха, удалась, и республиканские войска были отброшены на прежние позиции[38]. Это была одна из самых тяжелых и кровавых битв Гражданской войны. Рохо наконец понял, что Франко принял на вооружение тактику уничтожения живой силы противника в войне на истощение[39]. Ценой жизни двадцати тысяч лучших бойцов и потери драгоценной техники республика под Брунете добилась разве что передышки, которую не смогла использовать даже для существенной перегруппировки своих сил на севере[40]. Падение Сантандера было оттянуто на пять недель, а всего севера — на два месяца. Битва под Брунете закончилась 25 июля, на праздник Сантьяго (Святого Иакова) — покровителя Испании. Это позволило Франко заявить по возвращении в Саламанку: «На свой праздник апостол подарил мне победу»[41]. Варела предлагал ворваться на плечах республиканцев в Мадрид, но Франко, к радости Вигона, предпочел возобновить наступление на севере в направлении провинции Сантандер и далее на Астурию. Он объяснил Вареле, что необходимо Закончить войну на севере до зимних туманов, дождя и снега. Но Хуан Игнасио Лука де Тена, адъютант Варелы, полагал, что истинным мотивом Франко было нежелание позволите Вареле покрыть себя славой[42]. Победа под Мадридом сделала бы, по всей видимости, перспективы республиканцев на севере не более чем миражом. Похоже, генералиссимус сильно не хотел, чтобы война закончилась быстрой победой националистов до того, как вся Испания будет очищена от левых и либералов.

В разгар сражения под Брунете Франко вернулся в Саламанку, чтобы отпраздновать первую годовщину создания своего Движения. Текст выступления по радио он, по словам его кузена, написал лично. В своей речи он в очередной раз представил себя орудием провидения и олицетворением духа традиционной Испании. Франко ясно дал понять, что его роль состоит в спасении «имперской Испании, которая породила нации и дала законы миру»[43]. В тот же день было опубликовано интервью, которое каудильо дал редактору монархической газеты «А-бэ-сэ». В нем он объявил о немедленном создании своего первого правительства. На вопрос, не подразумевают ли ссылки на историческое величие Испании реставрацию монархии, он ответил правдиво, но двусмысленно: «Мои предпочтения в этом вопросе давно известны, но теперь можно думать только об окончании Войны; потом надо будет ликвидировать ее последствия; потом — на прочной основе построить

Государство... И пока этого не произойдет, я не могу быть временной властью».

В конце интервью Франко ни с того ни с сего разразился похвалами в адрес испанской аристократии: «Я думаю, что можно по пальцам сосчитать семьи этого класса, которые не отправили бы на фронт одного или нескольких своих членов... Примитивные люди, которые пользуются случаем, чтобы неодобрительно отзываться об изящной сеньоре, видя ее сидящей в дорогом баре, не задумываются над тем, что она, может быть, пришла туда из госпиталя, где ухаживала за ранеными... Богатый сеньорито, которого раньше справедливо не уважали, если и появляется в баре, то с лицом, обветренным на поле боя, и руками в мозолях от винтовки, если только он не на костылях или с рукой на перевязи. И на него следует смотреть с уважением»[44]. Вероятнее всего, в этом пассаже Франко непроизвольно вырвалось его давнее преклонение перед испанской аристократией. Если тут и был политический мотив, то состоял он в одном: уверить консервативных читателей «А-бэ-сэ», что его лидерство в партии фашистского толка вовсе не означает, будто он следует и эгалитаристской фразеологии.

«Наваррские бригады» вернули на север. Четырнадцатого августа после трехнедельной подготовки, генерал Давила начал крупную операцию по окружению города Сантандер. Он командовал армией из шестидесяти тысяч человек, до зубов вооруженных итальянским оружием, поддерживаемой легионом «Кондор» и итальянским Корпусом добровольческих войск под командованием генерала Этторе Бастико. Учитывая прекрасную летнюю погоду, можно сказать, войска Давилы совершили поистине приятную прогулку. На их стороне было преимущество в авиации и артиллерии, да и числом они явно превосходили противника. Они легко разметали попавшиеся на пути обескровленные и дезорганизованные части республиканцев. Через семь дней порт Сантандер был готов пасть перед наступающими националистами. Франко почти каждый день приезжал на фронт из своей бургосской штаб-квартиры, сопровождаемый штабом[93]. И где бы они ни располагали свою временную штаб-квартиру, это место называли «Терминус»[45].

Итальянцы продолжали настаивать на переговорах по условиям капитуляции баскской армии, которая отошла в провинцию Сантандер. Несомненно, помня о зверствах в Малаге, 6 июля Муссолини написал Франко письмо, в котором призвал его проявить умеренность, не применять репрессий против мирного населения и позволить пленным находиться под итальянской охраной. Дуче убеждал Франко, что капитуляция

басков подорвет положение республики на всем севере и окажется большой пропагандистской победой Франко в глазах всего католического мира. Каудильо ответил двумя днями спустя. Он с неохотой, но согласился с просьбой дуче. Однако он по-прежнему был убежден, что баски не сдадутся, но и в случае капитуляции сопротивление в Астурии не ослабнет[46]. Переговоры тянулись примерно два месяца, поскольку баски старались выиграть время. К изумлению итальянцев, 23 июля Николас Франко повторил сделанное ранее его братом заявление об отказе от репрессий, если баски сдадутся, и о предоставлении политическим и военным руководителям возможности беспрепятственно покинуть страну[47].

Войска националистов неотвратимо продвигались на запад, и баски наконец согласились сдаться итальянцам 26 августа в Сантонье, к востоку от города Сантандер[48]. В соответствии с достигнутым соглашением, видных баскских политических деятелей под гарантию итальянцев брали на борт два британских парохода — «Севен сиз спрей» и «Боби». Двадцать седьмого августа по приказу Франко националистские корабли блокировали выход из порта и Давила велел итальянцам отказаться от гарантий безопасности. Итальянцы на это не пошли, но посоветовали баскам вернуться на берег. В течение четырех дней баски находились под охраной итальянцев, но 31 августа Франко приказал Бастико передать пленных испанцам. Бастико не решался сделать этого, и только после заверений со стороны Барросо, что условия капитуляции будут соблюдены, он передал пленников. Сразу же начались скоротечные судебные разбирательства и были вынесены сотни смертных приговоров. Итальянцы пришли в ужас от двуличия и жестокости Франко.

Бастико направил в Саламанку Роатту, чтобы тот уговорил Франко прекратить казни и дать баскским лидерам выехать из страны. Роатта напомнил, что баски капитулировали именно на таких условиях, и подчеркнул, что на кон поставлена честь итальянцев. Генералиссимус попросту игнорировал мнение собеседника. Он, как всегда, счел за лучшее отгородиться от происходящего. Он предпочел даже забыть о заявлении своего брата, которое на самом деле было лишь уловкой, имевшей целью ускорить капитуляцию басков перед Франко, а не перед итальянцами. Генералиссимус чувствовал себя свободным от каких бы то ни было моральных обязательств, так как вели переговоры с басками итальянцы, а слова брата были его частным делом[49]. Во всяком случае, поскольку баски не сдавались до последней минуты, хотя и не вели активных военных действий, Франко не считал, что он им что-то должен[50].

С точки зрения краткосрочной выгоды, двуличие Франко принесло ему военную пользу. Баски сдались, позволив Франко сохранить от потерь свои войска; националисты получили, как на блюдечке, весь промышленный потенциал Страны Басков; баски пережили унижение. Если же говорить о перспективе, то действия Франко, мягко говоря, можно назвать топорными. Отношения между правящей «Баскской националистической партией» (Partido Nacionalista Vasco) и республиканским правительством в Валенсии были до этого весьма напряженными, и вполне реальной выглядела возможность перемирия между консервативными, глубоко католическими басками и франкистами[51]. По мнению одного баскского священника, приверженца националистов: «Если бы Франко был умным, он сказал бы нашим войскам, что они сражались храбро и честно и сдались почетно. Сказав это, он мог бы потом призвать добровольцев присоединиться к его армии и пойти на Мадрид. Я убежден, что восемьдесят процентов наших солдат тут же откликнулись бы на этот призыв»[52]. Но Франко нужно было не только разбить, но и унизить противника, и он добился того, что баски стали его злейшими и наиболее активными врагами в последующие годы диктатуры.

Двадцать шестого августа итальянцы вступили в Сантандер, чудесный курортный город на берегу моря. Они обставили взятие Сантандера как свой великий триумф, прошлись парадом по улицам, увешанным портретами Муссолини. В Италии пресса представила Сантандер как реванш за Гвадалахару, хотя в действительности итальянские войска по существу не встретили здесь никакого сопротивления. Пленные были помещены на арене для боя быков. Франко расценил попытку командира итальянцев Бастико оградить баскских пленных от его «справедливого суда» как неприемлемую и в конце сентября направил Муссолини «неприятное письмо» с просьбой заменить Бастико. Бастико заменили, и его место занял следующий по команде — генерал Марио Берти[53].

Месяцем раньше вместо генерала Фаупеля прибыл новый германский посол — барон Эберхард фон Шторер (Stohrer), карьерный дипломат, высокую фигуру которого еще более подчеркивал длинный плащ военного образца, который тот любил носить. Франко крайне не нравились высокомерные манеры Шторера; особенно его задело вмешательство в дело Эдильи и Фаланги. Летом 1937 года начались трения между Берлином и Бургосом — немцы не прочь были наложить лапу на захваченные Франко минеральные богатства Басконии. Размеры германских поставок вооружений были столь велики, что Испания

не могла расплатиться за них экспортом пирита и других полезных ископаемых. И вот с февраля 1937 года Геринг предпринял шаги, используя положительный торговый баланс с националистской Испанией, чтобы приобретать шахты, рудники и права на добычу полезных ископаемых. Эту политику, получившую известность как «проект Монтана», настойчиво проводил в жизнь Йоханнес Бернхардт и германские экономические эксперты[54]. Когда Фаупель изложил генералиссимусу германские условия предоставления компенсаций за поставляемые вооружения — получение концессии на добычу полезных ископаемых, Франко сказал Серрано Суньеру за обедом: «Лучше все потерять, чем отдать хоть крупицу или заложить хотя бы частицу национального богатства»[55]. Тем не менее, несмотря на свою патриотическую риторику, в середине июля Франко пошел на серию торговых соглашений с Германией, которые обязывали его информировать немцев об экономических отношениях с третьими странами, предоставить Германии статус наибольшего благоприятствования и оказывать на взаимной основе помощь сырьем, продовольствием и промышленной продукцией[56].

Двадцатого августа 1937 года Фаупель посетил каудильо в его новой штаб-квартире в Бургосе с прощальным визитом. Франко с характерным для него лицемерием уверял Фаупеля, что его отъезд совсем не ко времени[57]. На самом деле экономический империализм «проекта Монтана» лишил Франко кое-каких иллюзий в отношении Третьего рейха. Конечно, он получил неоценимую помощь от стран Оси, и ему явно льстило, когда его представляли лидером уровня Гитлера и Муссолини. Однако чувство благодарности никогда не связывало ему руки. Более того, как в молодые годы он приобрел образ отважного героя Легиона, так теперь он уверовал в то, что является героем-полководцем, ведущим борьбу за возрождение величия Испании. Его самомнение постоянно подпитывалось хором льстецов, и он уже решил, что в действительности Германия с Италией являются его должниками, поскольку он вел борьбу в интересах Оси. Поэтому в октябре 1937 года он без лишнего шума объявил, что все иностранные права на шахты, рудники и добычу полезных ископаемых считаются недействительными.

Немцев пытались убедить, что эта мера не направлена против них. Николасу пришлось разъяснить Бернхардту, что генералиссимус в одиночку не может решить все проблемы «проекта Монтана», взять на себя ответственность, заложив испанскую собственность. Николас сказал немцам, что нужно подождать, пока Франко сформирует правительство и будет

проведено соответствующее расследование. Сам каудильо заверил Щторера, что германским интересам не будет нанесено ущерба, и 20 декабря сказал, что проволочки, порожденные его декретом, объясняются неизбежными юридическими трудностями. Геринг был вне себя, когда увидел, как из его рук уплывает то, что он называл «военным наваром». Когда в начале ноября 1937 года Франко приказал подконтрольной ему националистской прессе приостановить нападки на Британию и на ее продажную демократию, в Берлине и Риме забили в колокола тревоги. Немцы заподозрили Франко в том, что он пытается заручиться международной поддержкой. Их подозрения оправдались 16 ноября, когда было объявлено о де-факто признании Лондоном Франко — англичане назначили сэра Роберта Ходжсона (Hodgson) дипломатическим агентом Британии при националистской Испании. Франко хладнокровно проигнорировал выпады Германии, убежденный в том, что испанские интересы Третьего рейха не позволят Гитлеру бросить его. Во время встречи 20 декабря со Шторером и Бернхардтом Франко вел себя надменно и открыто выразил неудовольствие незаконным приобретением немцами прав на добычу руды. Этот эпизод свидетельствует о стремлении Франко к самостоятельности. После конфликта вокруг «Монтаны» в отношениях Франко с Третьим рейхом возник некоторый холодок, который в комплексе других обстоятельств поможет ему спастись от катастрофы — от участия во Второй мировой войне[58].

Двадцать четвертого августа, когда Сантандер был на грани падения, республиканцы начали еще одно наступление по широкому фронту к западу от

Каталонии, имея цель окружить Сарагосу. Начатое по инициативе Рохо наступление должно было отвлечь националистов, чтобы выиграть время для организации обороны Астурии. Оно облегчалось наличием в районе операции войск, посланных низложить анархистский Арагонский совет. На протяженном Арагонском фронте практически не велись боевые действия с тех пор, как там с первых дней войны обосновались барселонские анархисты. Обстановка в тех местах была настолько спокойной, что противные стороны иногда устраивали между собой футбольные матчи. Это положение изменилось, когда республиканцы начали решительное наступление в направлении небольшого укрепленного городка Белчите к юго-востоку от Сарагосы.

Франко на сей раз не попался на удочку республиканцев, как это было в случае с Брунете. Он решил не откладывать наступления на Астурию, и это означало, что наконец советы

Вигона возымели действие. Хотя в район наступления республиканцев и были переброшены с Мадридского фронта подкрепления под командованием Баррона и Сайнса де Буруаги, а также самолеты, Франко решил уступить территорию, которая не имела стратегического значения, и лишь помог генералу Понте укрепить оборону Сарагосы. Как это часто бывало, республиканское наступление поначалу развивалось успешно. Но после операции под Брунете, резервы республиканцев были практически исчерпаны, и новое наступление быстро выдохлось, натолкнувшись на упорную оборону националистов. Шестого сентября, спустя две недели, Белчите пал, но Франко понял, что широкое стратегическое наступление республиканцев на Сарагосу провалилось. Генералиссимус часто ездил на фронт под Алфаро и обсуждал со своим штабом, стоит ли провести контрнаступление, чтобы отбить Белчите. Он решил, что моральный дух и боеспособность националистов, на что он всегда делал основную ставку, будут выше, если продолжить наступление на Астурию. И он решил стабилизировать фронт под Сарагосой[59].

Почти не отвлекаясь на Сарагосу, националисты продолжали на севере очищать территорию от противника в течение сентября и октября. Франко запланировал крупное наступление с трех направлений на окруженную Астурию, которое началось 2 сентября. Войска генерала Давилы под командованием генералов Антонио Аранды и Хосе Солчаги быстро продвигались под дождями по горной местности. Желая завершить кампанию на севере до зимы, Франко подгонял свой штаб. Задача националистов облегчалась тем, что у республиканцев по существу не было прикрытия с воздуха. Хотя Астурия представляла собой природный оборонительный редут, ее плотно обложили с моря и безжалостно бомбили с воздуха. Моральный дух обороняющихся был подорван постоянными нападениями на коммуникации республиканцев германской авиации, которая стала применять прототип напалма — зажигательные бомбы, заряженные бензином[60].

Двадцать первого октября пали города Хихон и Авилес. Баланс сил резко изменился в пользу франкистов. Республика оказалась отрезанной от угледобывающих шахт и армий севера. Франко захватил сто тысяч пленных, которых можно было использовать на принудительных работах, и получил в распоряжение огромное население, из которого он мог рекрутировать солдат. Теперь железорудную промышленность Страны Басков можно было оживить углем Астурии. И до того имевшие перевес в танках и самолетах националисты могли теперь упрочить свое военное превосходство. Сильную и хорошо

оснащенную армию теперь можно было свободно использовать и в центре, и на востоке. Все порты северной Испании находились в руках Франко. Корабли националистского флота, до той поры занятые блокадой северных портов, получили возможность сконцентрироваться в Средиземном море — единственном оставшемся пути снабжения республики продовольствием и оружием[61].

Улучшив военную ситуацию, Франко вновь занялся политическим упрочением своего режима. К удовольствию каудильо, о нем теперь говорили не иначе как о героическом вожде крестового похода за освобождение Испании от безбожных московских орд[62]. Слово «империя» (Imperio) стало идеологическим паролем. Однако имперский лексикон и ссылки на Фердинанда и Изабеллу чередовались более современными заимствованиями из фашизма и нацизма. Фалангисгский символ ярма со стрелами, как свастика и фасции у немцев и итальянцев, связали древность с современностью. Теоретики режима взялись выработать теорию «вождизма» (teona del caudillaje) применительно к Испании, многое заимствуя из доктрин германского национал-социализма. Парламентская демократия и верховенство закона отвергались как пережитки эпохи либерализма.

Над опусами, в которых Франко оказывался в одном ряду с великими героями прошлого, корпели многие, и среди них — Фермин Исурдьяга, Эрнесто Хименес Кабальеро и даже Дионисио Ридруэхо. Легенду о ниспосланном провидением каудильо создал Серрано Суньер, используя националистскую прессу и подконтрольный ему пропагандистский аппарат. «Куньядиссимуса» привлекали многие аспекты нацизма, хотя ему, как истому католику, был не по нутру нацистский атеизм. Будучи студентом, он провел много времени в Италии и был скорее италофилом. В 1937 году он вместе с Николасом Франко и другими известными националистами ездил в Нюрнберг на съезд нацистов и благодаря обостренной чувствительности сразу уловил пренебрежительное к себе отношение[63]. Его взгляды на современные движения правого толка отразились в уставе Фаланги, подписанном Франко 4 августа 1937 года, который давал каудильо абсолютную власть. Согласно статье 47 устава, «вождь ответствен перед Богом и историей». Франко настаивал на снятии положения, в соответствии с которым лидер Фаланги мог бы быть смещен[64].

Псевдосредневековый антураж режима начал создаваться после образования 19 октября 1937 года первого Национального совета (Consejo Nacional) объединенной Фаланги. Скопированный

с муссолиниевского Большого совета, Национальный совет становился верховным органом объединенной партии и был призван снивелировать политические расхождения между разными фракциями националистской коалиции. Теоретически большинство в нем состояло из прежних фалангистов. В реальности же более половины из пятидесяти назначенных членов совета являлись слегка перекрашенными монархистами, хотя лояльными франкистами были все до одного. В реальности — и нет сомнения, что Франко так и рассчитал, когда подбирал членов совета, — их было слишком много и идеологически они были разъединены, чтобы представлять из себя нечто большее, чем клуб болтунов[65]. Было решено, что членов Политической хунты, исполнительного органа Национального совета, будет назначать сам каудильо[66].

Франко легко освоил историческую риторику режима. Это видно из его заявления, которое он сделал 16 ноября 1937 года французскому журналисту: «Наша война — не гражданская война... это крестовый поход... Да, наша война — война религиозная. Мы, все, кто ведет сражение, христиане или мусульмане — солдаты Бога, и мы сражаемся не против людей, а против атеизма и материализма»[67]. Исторические мотивы еще сильнее прозвучали на церемонии приведения к присяге членов Национального совета. Она была тщательно отрепетирована службой пропаганды под руководством ее генерального директора Дионисио Ридруэхо и поставлена Фермином Исурдьягой в стиле золотого века[94]. Церемония происходила 2 декабря 1937 года в монастыре Санта Мария ла Реал де лас Уэлгас (Huelgas) к западу от Бургоса. Ее открыли барабанщики и трубачи в одеждах XVII века. Члены Национального совета проходили через святилище монастыря и приносили клятву на верность Франко перед мраморной статуей изможденного Христа и штандартом (el pendon) исторической битвы при Лас-Навас-де-Толоса. Когда Кейпо де Льяно попытался возразить против принципа назначения генералиссимусом членов совета, каудильо резко остановил его: «Здесь не парламент, и мы пришли сюда не заниматься политикой и мелкими проблемами». И он был прав — у Национального совета были всего две функции: проводить церемонии поклонения вождю и служить синекурой для его членов[68].

Четвертого декабря 1937 года каудильо направил Альфонсу XIII выдержанное в грубых тонах письмо, показывающее, что состоявшаяся церемония убедила Франко в достаточной прочности его позиции. Король незадолго до этого передал националистам миллион песет и прислал Франко письмо, в

котором выразил озабоченность перспективой реставрации монархии, поскольку, по его мнению, Франко не придает этому вопросу должного внимания. Франко ответил холодно, отметив, что именно действия двора способствовали развязыванию Гражданской войны. В письме он указал на достижения националистов и на задачи, которые надо решить после войны. Продолжая тему своего интервью, данного 18 июля 1937 года газете «А-бэ-сэ», Франко дал ясно понять, что в обозримом будущем Альфонсу XIII не суждено играть заметной роли в политической жизни государства: «Новая Испания, которую мы сейчас куем, имеет так мало общего с той либеральной конституционной Испанией, которой Вы правили, что Ваша подготовка и старомодная практика не могут не вызывать беспокойства и возмущения испанцев». Письмо заканчивается просьбой к королю о подготовке наследника, «чью цель мы предчувствуем, но она так далека, что мы ее пока не различаем»[69]. Это письмо — дополнительное свидетельство нежелания Франко выпускать из рук даже малой толики власти.

Тот факт, что Франко уже начал размышлять о своем политическом будущем, показывал, что стрелка весов на полях Гражданской войны начала склоняться в сторону окончательной победы националистов. О том же говорит и переезд республиканского правительства из Валенсии в Барселону. Поводом для эвакуации стало якобы желание более полно мобилизовать ресурсы Каталонии для ведения войны, но, перебираясь поближе к французской границе в преддверии наступления националистов на Валенсию, правительство как бы смирялось с поражением[70].

Признаки успеха на фронтах придавали Франко уверенности в отношениях с союзниками, делая его все менее покладистым в переговорах с немцами и итальянцами. Он занял твердую позицию по «проекту Монтана» и был весьма раздражен попытками итальянцев поставить себе в заслугу победы в Сантандере. Франко даже сообщил представителю Чано, Филиппо Анфузо, что готов рассмотреть вопрос о выводе итальянских войск из Испании, хотя и признавал, что нуждается в их артиллерийской и воздушной мощи[71]. В его заявлении было нечто большее, чем обычная бравада. После взаимных потерь, вызванных наступлением республиканцев в Арагоне, примерно два месяца наблюдалось затишье, в течение которого националисты перегруппировали свои силы, создав шесть армейских корпусов. С середины сентября Франко подумывал о крупном наступлении в Арагоне. Оно позволило бы ему вернуть Белчите, после чего у его войск появилась бы возможность

маневра: либо атаковать Валенсию и расколоть республиканскую зону надвое, либо идти на Каталонию, чтобы отрезать республиканцев от Франции. Большинство его генералов и советники стран Оси рекомендовали ему провести операцию в

Арагоне. Однако в конце ноября 1937 года он вновь обратил взгляд на Мадрид, и в начале декабря решил начать наступление там[72].

Он решил ударить с Гвадалахарского направления, где итальянцы потерпели провал в марте 1937 года. Эта операция должна была завершить окружение Мадрида продвижением на Алкала-де-Энарес. Теперь у генералиссимуса под ружьем находилось до шестисот тысяч человек[73]. Он временно обосновался со своим штабом в городке Мединасели, а более чем стотысячная армия готовилась наступать под Гвадалахарой[74]. Узнав о готовящемся наступлении под Мадридом, Висенте Рохо по настоянию Индалесио Прьето провел 15 декабря наступательную операцию с целью отвлечения сил Франко от Мадрида. Объектом ее стал Теруэль, центр продуваемой ветрами провинции в Арагоне. Фронт националистов был там слаб, и город был, по существу, окружен республиканскими войсками[75].

Всего за шесть дней Рохо мастерски разработал операцию, и ему в очередной раз удалось использовать эффект неожиданности. Националисты были застигнуты врасплох, а в связи с погодными условиями не смогли поднять в воздух самолеты. Это позволило республиканцам развить инициативу и за первую неделю захватить район площадью в тысячу квадратных километров и впервые отбить у противника провинциальный центр[76]. Когда Франко получил новость из Теруэ-ля, до начала наступления под Гвадалахарой оставалось всего несколько дней. Германские и итальянские офицеры разумно советовали Франко не обращать внимания на Теруэль и начать операцию по окружению Мадрида. Его собственный штаб, включая генералов Ягуэ, Варелу и Аранду, тоже считал, что не следует менять первоначальный план. Однако самолюбие Франко не позволяло ему допустить даже столь незначительное поражение. Кроме того, Франко не нужна была быстрая победа, в результате которой противник не был бы уничтожен физически. Взятие Мадрида ускорило бы конец войны и могло обойтись малой кровью, поскольку Рохо все бросил на Теруэль. Отвлекая дополнительные силы на Рохо, Франко обрекал себя на большие потери, но перед ним маячила и возможность уничтожить лучшую часть республиканских войск[77].

Франко направил войска в Арагон, по существу не отменив наступления под Мадридом. К радости Рохо, это были как раз

части из-под Мадрида[78]. Чано прокомментировал этот шаг Франко таким образом: «Наши генералы обескуражены. Франко абсолютно беспомощен с точки зрения современной стратегии, и уровень разработки им операций сгодился бы для командира батальона. Его целью всегда является территория, а не враг. Он не понимает, что войну выигрывают, уничтожая врага»[79]. Чано не понимал, что в борьбе за «территорию» и состояла глубинная стратегия генералиссимуса — война вела к громадным потерям живой силы — в том числе среди врагов.

Двадцатого декабря Франко решил бросить в бои под Теруэлем целый армейский корпус под командованием Варелы. На следующий день, к великому огорчению многих его офицеров, он определенно прекратил намечавшееся им наступление под Мадридом[80]. Его временная штаб-квартира («Терминус») находилась в поезде, постоянно перемещавшемся по долине реки Хилоки к северо-западу от Теруэля. Каждый день поезд подходил к фронту, и Франко получал доклады от Давилы[81]. Войска Франко не могли помочь полковнику Доминго Рею д'Аркурту (Rey d'Harcourt), коменданту осажденного города. В своем маниакальном следовании принципу не сдавать противнику ни пяди земли, Франко направил Рею д'Аркурту телеграмму, требуя от него защищать каждую улицу, применяя бутылки с бензином и гранаты, пока не подойдут подкрепления. Несмотря на ободряющие телеграммы от Франко, националисты не смогли выстоять перед республиканскими войсками. Кампания проходила в условиях жесточайшей из зим, какие когда-либо видела Испания. Военные действия затруднял не только холод, но и скальный грунт вокруг Теруэля[82]. Руководство операцией со стороны Франка заслужило презрительную оценку итальянского генерала Берти, который докладывал в Рим, что в ее ходе отмечались «отсутствие единства среди командования, недостаточная координация и никакого желания закончить кампанию»[83].

Двадцать девятого сентября снегопад прекратился, зато температура упала до минус 20° С. Контрнаступление, начатое Варелой и Арандой по приказу Франко, было сорвано ужасной погодой. Грузовики с подкреплениями застревали на покрытых льдом и снегом дорогах. Националистские подкрепления прибыли к окраинам Теруэля только к 30 декабря. Здесь их остановили, хотя позиции республиканцев подверглись сильному артобстрелу и бомбардировкам. В условиях жестокого мороза моральный дух обеих сторон был весьма низким. Многие солдаты погибали от мороза, другим ампутировали обмороженные конечности. Однако после кровопролитных боев в городе

сопротивление Рея д'Аркурта и его истощенного боями гарнизона было сломлено. Это произошло 8 января. Франко был настолько раздосадован потерей Теруэля, что потерял всякое самообладание. По свидетельству членов его штаба они ни разу не видели генералиссимуса в таком состоянии. Рей д'Аркурт был объявлен жалким предателем, полностью ответственным за поражение[84]. Муссолини не придавал потере Теруэля большого значения, зато его сильно беспокоило оттягивание наступления на Мадрид. Чано был настроен еще более пессимистично, считая позиции итальянцев в Испании весьма слабыми. Он поговаривал о возможности выхода итальянцев из войны, если не удастся заставить Франко вести военную кампанию более энергично[85].

В течение десяти дней после захвата города республиканцами силы Аранды и Варелы вместе с Третьим армейским корпусом — марокканским — под командованием Ягуэ перешел к его осаде. Двадцать девятого января Франко поделился с итальянским послом графом Виолой и командиром итальянского добровольческого корпуса генералом Берти своим удовлетворением по поводу того, что республика истощает свои резервы, бросая их в «адский котел» Теруэля[86]. Дорого обойдясь обеим сторонам, сражение шло с переменным успехом и интенсивностью, пока наконец 7 февраля 1938 года националисты не прорвали оборону республиканцев. Республика потеряла огромную территорию, несколько тысяч человек попало в плен, националисты захватили тонны оружия и боеприпасов[87]. Теперь для них открылась возможность легкой прогулки по Арагону.

Провал трех наступлений республиканцев под Брунете, Белчите и Теруэлем показал, что превосходство националистов в технике значило больше, чем мужество верных республике войск. Каждый раз республиканцам не удавалось развить инициативу. В некоторой степени это объяснялось политическими конфликтами в республиканском руководстве. Однако главным был достигнутый националистами к началу 1938 года двадцатипроцентный перевес в живой силе и подавляющий в авиации, артиллерии и другой технике[88]. Материально-техническое превосходство националистов сказалось при повторном взятии Теруэля, которое стало поворотным пунктом Гражданской войны. В интервью от 3 марта Франко хвастался превосходством националистов в технике, которое он объяснял победой на севере в 1937 году и взятием Теруэля, где были уничтожены лучшие части республиканской армии[89]. В условиях, когда французы держали границу с Испанией закрытой, у потрепанной республиканской армии не было шансов

восстановить свои силы, и перед Франко открылась блестящая перспектива.

Показателем усилившихся позиций Франко явилось изменение его поведения в отношениях с дуче в период теруэльской кампании. Муссолини направил ему 2 февраля 1938 года послание, угрожая отозвать итальянский контингент, если Франко не станет вести войну более активно. В преддверии прорыва позиций республиканцев под Теруэлем Берти, посоветовавшись с Виолой, решил подождать несколько дней с вручением письма. Когда они вдвоем пришли к Франко, чтобы изложить ему требования Муссолини, тот принял их дружелюбно, но никакой информации о своих стратегических намерениях не выдал[90]. Две недели Франко не отвечал на письмо. Муссолини очень надеялся и ждал, что итальянские части будут задействованы в каком-нибудь крупном стратегическом сражении. Не получив ответа, разгневанный дуче 23 февраля послал Франко телеграмму, подстегивая его к активным действиям с использованием итальянского добровольческого корпуса и угрожая отзывом итальянцев. Двадцать шестого февраля дуче приказал Корпусу добровольческих войск и военно-воздушным силам итальянцев на Балеарских островах прекратить дальнейшее участие в операциях националистов. Это наконец подтолкнуло Франко ответить на письмо; ответ был датирован 16 февраля, то есть задним числом.

Письмо каудильо явилось смесью успокаивающей болтовни и политического шантажа. Он согласился с доводами Муссолини о необходимости решающей победы. Но, коснувшись возможного вывода итальянских войск, каудильо заметил, что в мире это воспримут как проявление трусости. Прекрасно отдавая себе отчет, что тщеславие Муссолини помешает ему пойти на риск такого позора, Франко в этом же письме запросил дополнительную военную помощь. Поддавшись словесным ухищрениям Франко, Муссолини капитулировал и только попросил, чтобы Корпусу добровольческих войск дали поучаствовать «в хорошем решающем сражении»[91]. Характер отношений между Франко и Муссолини значительно изменился со времен сражения за Малагу.

В самый разгар боев за Теруэль каудильо продолжал как ни в чем не бывало заниматься оформлением внешних атрибутов своей власти. Тридцатого января 1938 года состоялось давно обещанное формирование его первого регулярного кабинета. Полномочия бургосской Государственно-административной хунты прекратились, и Генеральный секретариат государства был распущен. Серрано Суньер стал в правительстве доминирующей

фигурой, официально заняв пост министра внутренних дел. Для Франко он будет и дальше играть роль громоотвода. На куньядиссимуса будет возложена ответственность за дикие расправы, в то время как на самом деле суды и казни заключенных и пленных будут осуществляться по указаниям Франко. Тем не менее Серрано Суньер сохранит достаточно силы и влияния. В его руках будет находиться аппарат прессы и пропаганды. Другие посты в правительстве оказались распределены среди тщательно отобранного круга военных, монархистов, карли-стов и укрощенных фалангистов. Доминирующей линией правительства стали неприязнь к авантюрам, консерватизм и — превыше всего — военный дух, равнение на диктатуру генерала Примо де Риверы.

Военные, введенные в правительство, были слишком стары, чтобы стать серьезной оппозицией генералиссимусу. Кейпо де Льяно попросту проигнорировали. Председатель Государственно-административной хунты, шестидесятилетний генерал Гомес Хордана, который импонировал иностранным дипломатам своей благородной внешностью патриция, стал министром иностранных дел и вице-председателем кабинета. При генерале Примо де Ривере он входил в его военную директорию, где отвечал за марокканские дела, а теперь стал преданным франкистом. Примерно его ровесник низенький генерал Давила стал министром обороны. Не меньший сторонник Франко, Давила, кроме того, не имел особых личных амбиций. Генерал Северьяно Мартинес Анидо, семидесяти пяти лет, стал министром общественного порядка. Печально известный своей жестокостью, проявленной им в бытность свою в 20-е годы гражданским губернатором Барселоны, когда стало нормой постыдное правило расстреливать заключенных «при попытке к бегству», он заслужил приязнь Франко тем, как сумел навести порядок при генерале Примо де Ривере. Мартинес Анидо был ответствен за чистки среди левых на захваченных националистами территориях. В самом конце 1938 года он умрет, и его функции перейдут к министру внутренних дел.

Министр финансов Андрес Амадо, член Испанского действия, также ранее служил диктатуре генерала Примо де Риверы — тогда он был генеральным директором службы гербового сбора под началом своего друга Кальво Сотело. Молодой интеллектуал-монархист Педро Сайнс Родригес стал министром образования, инженер Альфонсо Пенья Бёф (Boeuf) — министром общественных работ. Умеренный карлист Томас Домингес де Аревало, граф де Родесно, был поощрен за свое сотрудничество в деле унификации постом министра юстиции. Консерватор Педро

Гонсалес Буэно — «новая рубашка» (camisa nueva), новообращенный фалангист — также получил награду за свою роль в унификации: он стал главой синдикалистской организации — своего рода патерналистским министром труда[92].

Это правительство стало испытательным полигоном на будущее двадцатилетие, когда Франко будет стараться поддерживать равновесие политических сил националистского лагеря[93]. Состав кабинета отражал готовность каудильо назначать министров отнюдь не по их компетенции, а по их лояльности. Он хотел было даже сделать своего брата Николаса министром промышленности и торговли, но против этого выступил Серрано Суньер, заявив, что будет «слишком много семейственности». Франко сдался, только когда Серрано Суньер пригрозил подать в отставку. По предложению «куньядиссимуса» на это место был назначен друг детства Франко, морской инженер Хуан Антонио Суансес. Он окажется отцом губительной для страны экономической политики автаркии, которую потом будет проводить сам Франко. Николас Франко был направлен послом в Лиссабон, где он впоследствии станет полезным посредником между каудильо и доном Хуаном Бурбоном[95]. Сангронис был направлен послом в Венесуэлу, что можно считать почетной ссылкой, потому что немцы и итальянцы считали его англофилом[94].

Поговаривали, что Серрано Суньеру отдадут также пост генерального секретаря ФЭТ и де лас ХОНС. На самом деле его получил попавший в плен к республиканцам и впоследствии обмененный ветеран-фалангист Раймундо Фернандес Куэста. Это было предусмотрительное решение Франко: он хотел сделать жест в сторону Пилар Примо де Ривера и фалангистов из числа «старых рубашек» (camisas viejas), а также приручить человека, у которого были основания претендовать на роль наследника Хосе Антонио Примо де Риверы. Вера Франко в то, что всякого можно купить, очень редко подвергалась сомнению. В своем первом правительстве Франко сделал Фернандеса Куэсту также министром сельского хозяйства. Это был катастрофический выбор. Насадив по всей стране коррумпированных синдикалистских чиновников, Фернандес Куэста не только не сохранил прирост сельскохозяйственной продукции, достигнутый за время войны во франкистской зоне, но и довел в сороковых годах страну до голода[95].

Каудильо заявил, что новое правительство будет тоталитарным: в Испании будет подавлена классовая борьба, не останется политических партий и избирательной системы, присущей либеральной демократии[96]. Франко, по существу, сам

вызвал к жизни послевоенные экономические трудности, приняв на вооружение политику автаркии, рабски подражая в этом своим союзникам из стран Оси и исключив тем самым возможность получить кредиты от Британии, Франции или Соединенных Штатов. Наивность Франко в вопросах экономики поражала. Меньше чем через год в условиях полного экономического развала он вдруг объявит, что Испания находится на пороге самообеспечения оружием и близка к решению проблем жилья, образования и здравоохранения. Он также подчеркнет свою уверенность, что Испания именно в условиях автаркии сможет достичь полного экономического процветания[97].

В своих воспоминаниях министры Франко придерживаются единого мнения, что генералиссимус давал им пблную свободу действий в своих департаментах. На заседаниях правительства они только согласовывали генеральное направление политики. Подобные заседания могли тянуться часами, сопровождаемые язвительными перебранками между фалангистами и их более консервативными — и, как правило, промонархически настроенными — министрами из числа военных. Франко по большей мере молчал. Это объяснялось просто: до конца 50-х годов важнейшие общеполитические решения он принимал сам и вне стен правительства. Он мог произвольно снимать и назначать министров, но делал это, как правило, лишь тогда, когда их политические амбиции начинали представлять для него опасность.

На следующий день после объявления состава правительства Франко принял в Саламанке ряд иностранных представителей, включая британского дипломатического агента сэра Роберта Ходжсона, который нашел начавшего седеть каудильо фигурой привлекательной: «У него мягкий голос, говорит он вежливо и быстро. Его обаяние — в глазах, желто-коричневых, умных, живых, излучающих доброту». Встреча прошла в сердечной обстановке. Ходжсон заверил Франко, что отношение Великобритании к националистской Испании продиктовано не корыстными интересами и что Лондон надеется поддерживать с правительством Франко дружественные связи. Ходжсон признал, что нейтралитет Британии вряд ли можно считать проявлением дружелюбия. Генералиссимус в свою очередь льстиво ответил, что изучение им английского языка на Канарских островах, так неожиданно прерванное в июле 1936 года, свидетельствует о его уважительном отношении к Британии. С неприкрытым лицемерием он заявил, будто первые планы его нового правительства будут «гармонировать с британскими идеями»[98].

Два дня спустя новое правительство выпустило манифест, в

котором, выразив уверенность в скорой победе, Франко объявил о своей решимости добиваться полноправия Испании в решении международных вопросов. Он отметил, что испанское «чувство чести слишком велико, чтобы страна забыла тех, кто был ей другом в дни испытаний перед лицом коммунистической угрозы»[99]. В этом пассаже явно просматривается симпатия к странам Оси. Соответственно и одним из первых основополагающих политических актов нового правительства стала «Fuero[96] del Trabajo» — псевдоконституция, сделанная по образцу итальянской «Carta del lavoro»[97]. Документ был подготовлен в спешке и принят 9 марта 1938 года. Разрабатывали его проект адвокаты фалангисгской «революции», включая Ридруэхо, при поддержке Национального совета ФЭТ и де лас

ХОНС. Когда текст проекта был 1 марта предложен кабинету, консервативные министры пришли в ужас от его радикализма. Франко тут же свернул дискуссию, напомнив, что в прессу уже передано сообщение о предстоящей публикации закона, и настояв на необходимости в течение двух суток составить программное заявление правительства в этой связи. Выработать компромиссный вариант должны были Ридруэхо и Эдуардо Аунос из Испанского действия. Претендуя на особый «средний» путь между «либеральным капитализмом и марксистским материализмом», закон был призван воплотить принципы фалангисгской «перманентной революции» (revolucion pendiente), предлагавшей испанцам «отечество, хлеб и справедливость в военной и подлинно религиозной форме». Запутанная риторика содержала смутный намек на прогрессивность, но на деле отражала влияние наиболее консервативных элементов ФЭТ и де лас ХОНС: из двадцати семи пунктов программы прежней Фаланги оказались опущенными два таких принципиальных пункта, как национализация банков и аграрная реформа[100].

Национальный совет Фаланги служил лишь декорацией, все решалось в ее исполнительном комитете — Политической хунте, — состоявшей из двенадцати человек и собравшейся несколько раз под председательством Франко. Но и этому был положен конец после того, как Франко весной 1938 года узрел в действиях старых фалангистов попытку навязать его режиму фалангисгские лозунги. За этой попыткой стояла группа горячих голов из прежней Фаланги во главе с Агустином Аснаром и Фернандо Гонсалесом Велесом. Их целью было заставить Франко осуществлять более радикальную политику. Одновременно с этим фалангисты попытались изменить устав партии, чтобы приблизить ее идеологию к нацистской и фашистской. Все это возмущало монархистов, которые старались лишить флангистов

ведущих позиций в партии. Франко не поддерживал ни одну из группировок, раздраженный их попытками навязать ему свою волю, но он вел себя хитро, проявляя максимальную выдержку. Следуя такой своей политике, Франко назначил Дионисио Ридруэхо главой подкомитета Политической хунты по проверке устава ФЭТ и де лас ХОНС.

На одном из заседаний хунты, проводившемся под председательством Франко, Ридруэхо зачитал достаточно радикальные по духу предложения, разработанные его подкомитетом. Монархист Педро Сайнс Родригес выступил с возражениями. Он подчеркнул, что, если принять предложения, у партии появится власть и тем самым будет подорвано доверие к правительству. Франко, которому всюду чудились заговоры, взорвался. Он совершенно потерял контроль над собой, что было нехарактерно для него, и закричал: «Не столько к правительству, как ко мне! Недоверие к каудильо, измена ему!» Ударив кулаком по столу, он выкрикнул: «Мне надо было расстрелять Эдилью! И кто такие эти Ридруэхо, Аснар, Гонсалес Велес, чтобы определять лицо Партии?» Ридруэхо не понял, при чем тут Аснар и Гонсалес Велес. Тем не менее он встал и спокойно заявил, что на то он и работал в подкомиссии, чтобы было что выносить на обсуждение, но он вовсе не хотел бросать вызов правительству, предлагая передать партии его полномочия, поскольку лидер партии является одновременно и главой правительства. Наконец он повернулся к Серрано Суньеру и произнес: «До свидания, Рамон. Я считал, что сюда приходят думать». Франко опомнился и попросил Ридруэхо занять свое место и забыть о происшествии. Через два дня генералиссимус посадил Гонсалеса Велеса и Аснара в тюрьму[101].

Этот эпизод открывает нам Франко, которому оказались не чуждыми принципы макиавеллизма и который, возможно, заново решил использовать опыт, полученный им в Марокко с 1912-го по 1925 год. Это уже далеко не тот человек, покинувший Канарские острова в преддверии военного мятежа. Авантюрист с бьющей через край энергией первых месяцев войны, он становится все больше похожим на восточного деспота, все просчитывающего, двуличного. Приняв образ облеченного почти монаршьими полномочиями крестоносца, он твердо решил не расставаться со свалившейся в его руки властью. И в этом смысле его превращение в осторожного галисийца и хитрого и жестокого марокканского племенного вождя — процесс естественный. После одного из заседаний кабинета министр промышленности Суансес напомнил Пакону Франко Сальгадо-Араухо о детских годах в Эль-Ферроле, когда они все трое были учениками в школе отца

Суансеса, и отметил разительный контраст между тем миниатюрным Франко, над которым всегда одерживали верх другие мальчишки, и нынешним каудильо, внушающим такое почтение, что «мы не способны решиться похлопать его по плечу». Пакон, все время находившийся при каудильо, отмечал, что, несмотря на все свои приятные манеры, Франко всегда держал на дистанции даже своих друзей[102]. Теперь, когда победа была не за горами, Франко, под влиянием окружающих его льстецов, становился все более чванливым, холодно надменным.

Глава 12 ПОЛНАЯ ПОБЕДА

Февраль 1938 года — апрель 1939года

Победа под Теруэлем принесла возможность нанести сокрушающий удар по республике. Франко не преминул извлечь выгоду из своего подавляющего перевеса над истощенной республикой в людях, авиации, артиллерии и боеприпасах. И все же весной и летом 1938 года он допустил ряд серьезных военных просчетов, хотя они на самом деле не были столь грубыми, как их представляли. Его продолжала донимать идея физического уничтожения противника, не оставлявшая места для раздумий о тонких стратегических операциях. Так что не зря его считали узкомыслящим батальонным командиром и не случайно он вызывал раздражение Гитлера, Муссолини и Чано. Теперь он собирался показать свое умение управлять крупной армией в несколько сот тысяч человек на огромном фронте.

Подробные планы большого похода на восток разработал генерал Хуан Вигон. Двадцать четвертого февраля 1938 года генералиссимус представил эти планы на совещании высшего командного состава в Сарагосе. Двести тысяч человек должны были наступать на 260-километровом фронте параллельно долине реки Эбро. Основные операции намечались на северном участке в направлении Пиренейских гор и на южном — в направлении Валенсии. Франко теперь вознамерился использовать все свое громадное преимущество в технике, полагая, что республиканские войска не выдержат такого напора.

Общее командование наступлением поручили генералу Давиле. Ягуэ предстояло пробить бреши в обороне противника. Он также получил указания задействовать германские и захваченные русские танки для прикрытия пехоты. Между тем Франко в наступлениях никогда не действовал методами «блицкрига»[1]. Генералиссимус весьма огорчился, получив известие о том, что 6 марта 1938 года был потоплен крейсер «Балеарес»[2]. Однако вскоре к нему вернулся оптимизм, и Франко, быстро собравшись с духом, наметил проведение новой операции. Массированная переброска войск через Арагон началась 9 марта, в тот самый день, когда кабинет министров под председательством Франко одобрил «хартию труда» (фуэро). Целью новой операции было уничтожить как можно больше республиканских войск и достичь того места в окрестностях города Лериды, где река Сегре, протекающая по восточной Каталонии с севера на юг, впадала в Эбро, несущую воды с запада

на восток. Продвижение оказалось неожиданно легким, поэтому через восемь дней Франко уже подумывал о том, как сделать бросок к морю и отрезать Каталонию от Валенсии и центральной республиканской зоны. Прьето и Рохо очень опасались, как бы поражение под Теруэлем не стало прелюдией для такого наступления. Оба понимали: если Франко разрежет республиканскую зону надвое, это предопределит исход войны[3]. Падение Теруэля привело к падению Прьето, на сей раз не без оснований обвиненного в пораженчестве.

Огромная националистская армия, состоящая из Марокканского армейского корпуса под командованием Ягуэ, Галисийского армейского корпуса под командованием Аранды, Кастильского армейского корпуса под командованием Варелы, Наваррского армейского корпуса под командованием Солчаги, Арагонского армейского корпуса под командованием Москардо, и Корпуса добровольческих войск под командованием генерала Берти быстро продвигалась вперед. Этой армии помогал легион «Кондор». Чтобы подорвать моральный дух населения, итальянская авиация подвергала Барселону беспорядочным бомбежкам, во время которых погибло более тысячи мирных жителей. Хотя и прежде и впоследствии Франко разрешал бомбить промышленные и военные объекты Барселоны и других республиканских городов, на этот раз он разозлился. Его возмутило, что Муссолини, не посоветовавшись с ним, приказал подвергнуть бомбардировкам жилые районы Барселоны — и все лишь потому, что горел желанием увидеть, как «те самые итальянцы, которые когда-то очаровывали всех игрой на гитаре, теперь устрашают весь мир своей воинственностью». Франко злился, уверенный в том, что этот грубый просчет лишь усилит волю каталонцев к сопротивлению; к тому же сам он обычно старался не разрушать домов своих приверженцев.

Представитель Ватикана в Испании монсеньор Антониутти обратился к Франко с просьбой что-нибудь предпринять и прекратить .убийство мирных жителей. Лорд Перт (Perth), британский посол в Италии, также заявил протест по поводу налетов. Чано сказал Перту, что операции проводятся по инициативе Франко и Италия ничего не может изменить — разве что попытаться повлиять на него. Однако позже Чано писал в своем дневнике, будто Франко не знал о том, что планируются налеты[98]. В штаб-квартире Франко было известно, что приказ исходил от Муссолини. Каудильо просил дуче воздерживаться от прямых приказаний итальянским летчикам, базирующимся на Мальорке[4].

Новое наступление успешно развивалось бы и без варварских

бомбардировок. В нем принимало участие сто тысяч солдат при поддержке двухсот танков и примерно тысячи германских и итальянских самолетов. Полковник Вильгельм фон Тома (Thoma), командующий танковой группой легиона «Кондор», выступал за быстрые танковые атаки, соответствующие тактике «блицкрига», но Франко, подражая стилю генералов Первой мировой войны, планировал применять танки только для поддержки пехоты. К радости Ягуэ, фон Тома даже вступил из-за этого в спор с каудильо. Но этот вопрос не имел особого значения, поскольку националисты имели огромный перевес в технике[5]. Франко уделял кампании пристальное внимание. С 9 марта его штаб-квартира расположилась в великолепном дворце герцога де Вистаэрмосы в городке Педрола, в тридцати километрах к северо-западу от Сарагосы по дороге на Логроньо. В этот последний год войны он проведет там много времени вместе со своим маленьким штабом, в который входили Пакон, Мартинес Фусет, Барросо и личный священник Франко отец Хосе Мариа Буларт[6].

Пустив в ход артиллерию и авиацию, националисты сразу же поняли, что республиканцы обессилены, испытывают нехватку в вооружении и боеприпасах и вообще неподготовлены к обороне. Деморализация после поражения под Теруэлем усугублялась организационной неразберихой и подавляющим перевесом националистов в авиации. Прьето, Миаха и Рохо недооценили масштабов франкистского наступления. Резонно полагая, что националистский лидер по-прежнему вынашивает план взятия Мадрида, они не решились перебросить часть сил из столицы, чтобы усилить республиканскую армию в Арагоне[7]. Десятого марта Ягуэ взял руины Белчите. На следующий день Франко с чувством обнял его. Падение Белчите имело символическое значение для республики, но повлекло за собой и крупные потери в Народной армии[8]. Пятнадцатого марта Франко издал исторический приказ, в котором говорилось, что дезорганизация и деморализация в стане врага приняла огромные масштабы, поэтому можно ставить цель выйти к побережью[9]. При неэффективном сопротивлении республиканских сил 23 марта Ягуэ пересек реку Эбро под Кинто, где он расположил свой штаб[10]. Солчага достиг Пиренеев, тогда как итальянцы, а также части под командованием Аранды и блестящего молодого офицера Рафаэля Гарсиа Вали-ньо наступали в сильно пересеченной местности Маэстрасго на юге Арагона.

К началу апреля, сокрушая республиканскую Восточную армию, националисты подошли к Лёриде. Ягуэ взял город 4 апреля, хотя дивизия под командованием коммуниста Эль Кампесино* героически обороняла его[11]. Ягуэ утверждал, что

лучший способ прервать поставки оружия республике — это быстро оккупировать изолированную и плохо защищенную Каталонию и выйти таким образом к французской границе. Многие из ближайшего окружения Франко, в частности Вигон и Кинделан, полагали, что генералиссимусу так и следует поступить, — то есть воспользоваться военным превосходством над республикой и покончить с ней. Кинделан указывал на это во время частых визитов в Пед-ролу и в следующих одно за другим письмах генералиссимусу[12]. Генерал Хельмут Фолькман, сменивший 1 ноября 1937 года Шперле на посту командира легиона «Кондор», получил от своего военного министерства указание всячески побуждать Франко к тому, чтобы тот продолжал наступление на Каталонию, не останавливаясь и не переключаясь на другие фронты, вплоть до завоевания всего региона[13]. Прислушайся генералиссимус к этим советам, война, возможно, скорее подошла бы к концу. Между Леридой и Барселоной не было значительных республиканских сил, а республиканские армии юга и центра не могли помочь Каталонии. Победа уже маячила на горизонте. В Каталонии оставались последние военные предприятия республики и находилось республиканское правительство. Завоевание региона сокрушило бы моральный дух республиканцев[14]. Если Франко отказывался от наступления в Каталонии, значит, следующей его целью должен был стать Мадрид.

Возможно, генералиссимус решил не проводить наступления в Каталонии, опасаясь, что падение Барселоны приведет к быстрому развалу республики, а тогда в центральной и южной Испании останется множество вооруженных республиканцев. Равным образом быстрое поражение Мадрида привело бы к сосредоточению республиканских сил в Каталонии и на юго-востоке. Франко же намеревался полностью уничтожить не только саму республику, но и ее сторонников[15]. Он решил не форсировать события, вероятно, опасаясь, что после аншлюса Австрии 11 марта 1938 года Франция, встревоженная триумфами фашистов вокруг ее границ, вмешается в военные действия в Каталонии на стороне республики. Шестнадцатого марта в штаб каудильо поступила информация из французского генштаба от сотрудника, симпатизирующего франкистам. В сообщении говорилось, что Блюм предложил Постоянному комитету национальной обороны выдвинуть Франко ультиматум и потребовать, чтобы тот отказался от использования иностранных войск. Во Франции поговаривали, будто три или даже пять французских дивизий могут быть посланы на Каталонский фронт[16]. На самом деле Блюм разрешил только пропустить

подкрепление республике через французскую территорию. Семнадцатого марта вновь открылись французские границы, что окрылило надеждой защитников республики. Однако то, что Франко не начал наступления в Каталонию, нельзя объяснить лишь действиями французов[17].

После довольно долгих колебаний каудильо развернул свои войска к югу для большого наступления на Валенсию. Это весьма разочаровало Кинделана, Виго-на и Ягуэ и крайне удивило Асанью[18]. Ягуэ получил приказ окопаться вдоль берегов Сегре. Значительная часть его лучших соединений была переправлена на юг, хотя он и полковник Эли Роландо де Телья хотели продолжать наступление на Барселону. Успех Ягуэ превосходил все ожидания, но Франко не позволял ему двигаться дальше, пока тот не представит ему все варианты возможного развития событий. Впоследствии каудильо сказал: «Я никогда не разыгрывал карту, не зная следующей, а в тот момент я не видел ближайшей карты». Международная обстановка, безусловно, не позволяла предсказать события, однако создается впечатление, что генералиссимусом двигала не только врожденная осторожность. Не уничтожив противника и не деморализовав его полностью, он не хотел делать следующий ход — даже ведущий к победе. Висенте Рохо изумился, когда Франко повернул на Маэстрасго. Позже Рохо писал, что если бы каудильо продолжил наступление в Каталонии, то «с меньшими усилиями и за более короткое время в мае 1938 года добился бы триумфа февраля 1939-го»[19].

Недовольство Ягуэ проявилось на фалангисгском банкете в Бургосе 19 апреля 1938 года, устроенном в честь годовщины унификации ФЭТ и де лас ХОНС. Возмущенный нерешительностью Франко в военных вопросах, он обрушился на консервативный курс националистской политики. Ягуэ даже похвалил за доблесть республиканских бойцов. Используя фразеологию, свойственную прежде лишь Эдилье, Ягуэ говорил о необходимости залечить раны, добиться социальной справедливости, проявить великодушие к республиканским пленникам, томящимся в тюрьмах националистов. Он настаивал и на том, что необходимо простить Эдилью и его единомышленников, сидящих в тюрьмах. На короткое время Ягуэ отстранили от командования — такова была политика кнута и пряника, применяемая Франко. Через несколько недель Ягуэ снова восстановили в должности командующего Марокканским армейским корпусом, а спустя несколько месяцев он опять писал каудильо восторженные и преданные письма[20].

Войска Франко двигались вдоль долины Эбро, отрезая Каталонию от ос-тальнрй территории республики. К 15 апреля, на

Страстную пятницу, они вышли к морю в районе рыбацкого городка Винарос. Солдаты из Наваррского корпуса с радостью плескались на пляжах Беникасима. Их командир, Ка-мило Алонсо Вега, друг Франко, тоже принял крещение в волнах Средиземного моря[21]. Националистская пресса с ликованием объявила, что конец войны близок. «Победоносный меч Франко разрубил надвое ту Испанию, которую еще удерживают красные»[22]. Каудильо, преисполненный оптимизма, обсуждал с немцами и итальянцами возможность вывода добровольцев, однако считал необходимым, чтобы техника и оружие легиона «Кондор» остались в Испании[23]. Двадцать третьего апреля в сложных условиях местности района Маэс-трасго под командованием генералов Варелы, Аранды и Гарсиа Валиньо началось крупное наступление по широкому фронту, призванное расширить выход к Средиземному морю. Однако благодаря оружию, которое республика начала получать через вновь открывшуюся французскую границу, темпы продвижения националистов резко снизились[24]. К началу мая националистское наступление затормозилось на всех фронтах, и генералиссимусу вновь пришлось положиться на остававшиеся в Испании войска из легиона «Кондор» и Корпуса добровольческих войск. Речь об их выводе уже не заводилась до тех пор, пока победа не стала несомненной. Чтобы оставить легион «Кондор» в Испании, каудильо пошел на очень большие уступки немцам в вопросе об их участии в дележе горнорудной промышленности Испании[25].

Однако передышка оказалась недолгой для республики. Второе правительство Блюма, не располагавшее прочным большинством в парламенте, продержалось полтора месяца, и в конце апреля премьер-министром стал Даладье. Тринадцатого июня он снова закрыл границу с Испанией. Между тем 20 февраля 1938 года вышел в отставку антифашистски настроенный министр иностранных дел Великобритании сэр Энтони Иден. После этого Британия следовала все дальше и дальше по чемберленовскому пути — достичь умиротворения в Испании любой ценой[26]. В апреле был подписан англо-итальянский договор, свидетельствующий о том, что Британия молча смирилась с итальянским вмешательством в Испании.

Напуганный медлительностью Франко, дуче в июне—июле направил в Испанию около шести тысяч солдат и большое количество самолетов[27]. Благодаря итальянскому оружию наступление националистов оживилось, интенсивные бомбардировки и артобстрелы постепенно оттесняли республиканцев назад. Но даже теперь франкистское наступление на Валенсию шло не так, как планировалось. Генералы каудильо

— Варела, Аранда и Гарсиа Валиньо — считали продвижение к морю слишком медленным и изматывающим. Между тем республиканцы проявляли свою обычную выучку и решимость сопротивляться. Используя грамотно расположенные траншеи и хорошо защищенные линии связи, они наносили националистам тяжелые потери, а сами при этом несли сравнительно незначительные. И все же националисты хотя и крайне медленно, но продвигались. Двадцать шестого мая Кинделан в письме попросил Франко отказаться от операции, которая наносит националистам большие потери, но каудильо был неумолим[28]. Сделанные рукой Франко запйси от 18 мая позволяют предполагать, что он собирался ослабить военные усилия в Маэстрасго и начать наступление на Каталонию. Генералиссимус слишком желал наступления на Валенсию, чтобы отказаться от него[29]. Пятнадцатого июня Аранда взял Кастельон[30].

После выхода националистов к Средиземному морю связь по морю между разделенными частями республиканской зоны приобрела исключительно важное значение. Решив положить конец морским коммуникациям республики, Франко приказал легиону «Кондор» и «Легионерной авиации» подвергать безжалостным бомбардировкам плохо защищенные прибрежные города республики и торговые суда в этих районах. Поскольку считалось, что британские торговые суда меньше рискуют подвергнуться нападению, среди судов, обслуживавших республику, их было большинство и, соответственно, их в основном и топили в результате бомбардировок. С середины апреля до середины июня двадцать два судна под британским флагом были атакованы у берегов Испании и одиннадцать из них — либо потоплены, либо серьезно повреждены. Чтобы сломить моральный дух республиканцев, ожесточенным бомбардировкам подвергались незащищенные города — Валенсия, Аликанте, Барселона. Второго июня подвергся бомбардировке Гранольерс — маленький городок в тридцати километрах к северу от Барселоны. Во время налета были убиты сотни женщин и детей. Такие бомбардировки вкупе с налетами на британские торговые суда в конечном счете вызвали протесты в Лондоне. Черчилль призывал к жестким ответным мерам[31].

Лорд Галифакс и Невилл Чемберлен были весьма обеспокоены происходящим, но ни один из них никоим образом не желал подрывать позиции Франко. Однако акции антифранкиста Идена вдруг начали расти, и возникло опасение, что Чемберлен может пасть. Чемберлен писал в своем дневнике: «Я обдумал всевозможные формы ответных действий, и мне абсолютно ясно, что ни одна из них не будет эффективной, если

мы не собираемся воевать с Франко... Конечно, может дойти и до этого, если он окажется совсем глупым»[32]. После дерзкого потопления британского судна на виду у военных кораблей флота его королевского величества сэра Роберта Ходжсона, британского дипломатического агента, вызвали в Лондон для консультаций. Были сделаны конфиденциальные представления немцам и итальянцам, имевшие целью побудить их воздействовать на Франко, но эти попытки лишь еще более усилили презрение к Чемберлену как в Риме, так и в Берлине. На сдержанную просьбу лорда Перта, побуждавшего итальянцев вмешаться и повлиять на Франко, Чано ответил, что налетами руководят военные советники каудильо, и итальянцы не несут за них ответственности. Потом Чано говорил германскому послу Хансу Георгу фон Маккензену: «Мы, конечно, ничего не предприняли и не имеем намерения предпринимать что-либо»[33]. Риббентроп также отверг просьбу сэра Невилла Хендерсона, британского посла в Третьем рейхе, заявив ему: «Вопрос о воздушных налетах — прерогатива генерала Франко, которому мы к тому же не можем давать советов, как вести войну»[34]. Галифакс сообщил доктору Херберту фон Дирксену, германскому послу в Лондоне, о том, что Британия озабочена бомбардировками, хотя тут же заверил его, что «ни в коем случае не желал бы вызвать неприязненных чувств в Германии»[35].

Сначала Франко категорически отверг британские протесты. Выразив сожаление по поводу «случайной» гибели британцев, каудильо заявил: он не вправе гарантировать, что впредь ни одно британское судно не подвергнется налету, поскольку на них могут находиться уголь и продовольствие, необходимые врагу[36]. Однако в Бургосе, Берлине и Риме возникли опасения, что бомбардировки поставят под угрозу позиции Чемберлена, а это было слишком рискованно ввиду возможного прихода Идена[37]. Немцев к тому же раздражало, что Франко позволяет циркулировать слухам о том, будто легион «Кондор» проводит все эти налеты по собственной инициативе, тогда как немцы и итальянцы осуществляли бомбардировки по прямым приказам генералиссимуса[38]. Германское министерство иностранных дел поручило послу Штореру сообщить Франко, что если он не воспрепятствует распространению порочащих легион «Кондор» сведений об этих воздушных налетах, то германские войска могут быть выведены из Испании. На самом же деле Берлин уже принял решение усилить легион «Кондор» в знак признательности за то, что каудильо согласился отдать немцам значительную часть в испанской горнорудной промышленности[39].

Давление со стороны Берлина и советы итальянцев

воздержаться от бомбардировок британских судов в республиканских портах побудило Франко отказаться от налетов. Но продолжая антибританскую кампанию и обвиняя Британию в помощи республике, каудильо прекрасно понимал ценность для него политики Чемберлена и боялся возвращения Идена[40]. В начале июля в Испанию прибыл неофициальный посланник Лондона лорд Филлимор (Phillimore), активный участник различных пронационалистских организаций. С ведома и одобрения премьер-министра Филлимор посетил Франко. Он возглавлял организацию «Друзья националистской Испании» и был видным членом «Объединенного христианского фронта», который на всех перекрестках трубил, что каудильо борется за христианство и против антихриста. Во время встречи с Филлимором Франко, желая заручиться скрытой британской поддержкой, передал послание Невиллу Чемберлену, в котором в заискивающем тоне выражал ему благодарность. Изумленный Галифакс передал послание не менее изумленному Чемберлену, согласившемуся с тем, что его не следует предавать гласности[41]. Тем не менее незащищенные испанские города продолжали подвергаться бомбардировкам.

Восемнадцатого июля 1938 года, во вторую годовщину военного мятежа, националистское правительство приняло решение присвоить Франко титул: «Верховный главнокомандующий (Capitan General) армией и флотом, Глава государства, генералиссимус наземных, морских и воздушных сил, Национальный глава Испанской традиционалистской Фаланги и хунт национальносиндикалистского наступления, Его Высокопревосходительство сеньор дон Франсиско Франко Баамонде». Правительство указывало, что оно желает данным декретом «воздать должное человеку, по Божьему промыслу принявшему на себя величайшую ответственность перед народом и перед Историей. Ему достало вдохновения, мудрости и отваги поднять истинную Испанию против врагов отечества (antipatria). Он, неподражаемый архитектор всего нашего Движения, лично и бесподобно руководит одной из самых трудных кампаний, которые когда-либо знала История». На торжественной церемонии Франко вручили жезл и ленту в подтверждение его нового титула. Теперь он имел основания сопоставлять себя с великими военачальниками испанской истории, избранниками судьбы, одерживавшими триумфальные победы[42]. Титул Capitan General прежде присваивался только королям Испании. Наконец-то каудильо мог осуществить свою давнюю мечту: появляться на официальных встречах и церемониях в форме адмирала[43].

В своей речи Франко поведал о своих близких отношениях с

Хосе Антонио Примо де Риверой и процитировал письмо, написанное ему фалангисгским лидером незадолго до мятежа октября 1934 года. При этом он ни словом не обмолвился о том, что не ответил на это письмо. Были в этой речи и другие трюки. Так, каудильо критиковал республику за использование иностранных добровольцев и назвал это «иностранным вторжением», а далее без тени иронии заявил, что разрушители Герники, то есть выдуманные его пропагандой баскские подрывники, потеряли право называть себя испанцами. В остальном Франко неопределенно говорил о том, чего можно ожидать от его эгалитарной «Национальной революции»[44]. Путаной фашистской фразеологии соответствовала общая аранжировка, характерная для массовых спектаклей такого типа в гитлеровской Германии и фашистской Италии. Накануне вечером через Бургос прошли маршем фалангисты с факелами, остановились у резиденции генералиссимуса и пропели «Лицом к солнцу». Восемнадцатого июля здания и улицы Бургоса пышно украсили: то было причудливое сочетание фашистской и средневековой символики. Улицы посыпали песком для военного парада, на стенах общественных зданий, вдоль маршрута прохождения войск, висели огромные портреты каудильо, сооруженные к этому случаю обелиски украшало фалангисгское ярмо со стрелами и испанский имперский орел. После церемонии Франко покинул дворец в сопровождении экзотической марокканской гвардии — еще один символ императорского статуса каудильо[45].

Такие театрализованные церемонии отражали ощущение, что конец войны близок. К 23 июля 1938 года националисты находились в сорока километрах от Валенсии. Чтобы восстановить связь между Каталонией и остальной республиканской зоной республиканцы решились на отчаянный бросок через реку Эбро. Задумал и разработал акцию генерал Рохо. Для нее создали специальную Армию Эбро; командование ею поручили коммунисту генералу Хуану Модесто. Оборону националистских позиций к югу от Эбро Франко возложил на порывистого Ягуэ. Уже ходили слухи о том, что республиканцы готовятся к прорыву через реку. Националисты получили кое-какие сведения об этом и от перебежчиков из Народной армии. Ягуэ, однако, не удалось уточнить, где, когда и как это произойдет. У Ягуэ не хватало сил охранять побережье реки, одинаковой по глубине на всем протяжении фронта, длинного и извилистого. К тому же в данный момент Франко более всего беспокоил застой в Маэстрасго, поэтому на постоянные просьбы Ягуэ о подкреплениях в штаб-квартире генералиссимуса не

обращали никакого внимания[46].

Около восьмидесяти тысяч людей тайно перебросили к берегу реки. Ночью с 24-го на 25 июля головные части армии Хуана Модесто пересекли на лодках излучину реки возле Гандесы, а остальная часть армии перешла реку по понтонным мостам на другой день. Республиканские части застали врасплох националистов[47]. Самоуверенность и плохо поставленная разведка не позволила националистам верно определить цели и масштабы республиканского наступления. Сам Ягуэ еще 22 июля информировал Франко, что оптимистически оценивает возможности отразить любую вылазку республиканцев. Когда все произошло, каудильо находился в Бургосе. Разбуженный Паконом, он немедленно позвонил Кинделану и приказал нанести мощный удар с воздуха по плацдарму республиканцев[48]. Действия народной армии привели к крупным потерям в войсках Ягуэ, хотя из-за тяжелых потерь и 14-й Интернациональной бригаде пришлось отступить. Однако выше по течению реки республиканцам удалось захватить большой плацдарм в широкой излучине. К. 1 августа они достигли предместий Гандесы, в сорока километрах от исходного пункта наступления. Гандеса, важный перекресток дорог, была, с этой точки зрения, идеальным плацдармом для дальнейшего наступления республиканцев.

Говорили, что, хотя штаб Франко встревожило форсирование Эбро, сам каудильо испытывал удовлетворение, сразу усмотрев в этом событии возможность заманить республиканцев в западню: позволить им перейти реку, а потом окружить и разгромить. Во всяком случае, факт остается фактом: штаб Франко был поначалу деморализован стратегическим успехом республиканцев[49]. Каудильо отреагировал на наступление спокойно, но вряд ли дальновидно. Как это часто с ним случалось, он нашел одно решение: попытаться вернуть утраченную территорию. Приказав вначале подвергнуть республиканцев бомбардировкам с воздуха, Франко затем перебросил в район военных действий подкрепления, чтобы остановить продвижение республиканцев. Впервые он посетил фронт 2 августа. Свой штаб каудильо снова разместил в Педроле, в том же дворце. Вскоре был организован мобильный штаб, состоящий из колонны грузовиков, тщательно замаскированных под передвижные радиостанции[50]. Через несколько дней Франко решил начать наступление на республиканцев и развязать жестокие изнурительные бои. Понимая, что это будет стоить ему немалых потерь, он надеялся все же уничтожить вражескую армию. Наступление на Валенсию отложили. Началось отчаянное и стратегически бессмысленное сражение за территорию. В этой кровавой бойне погибло еще

больше людей, чем под Брунете, Белчите и Теруэлем. Но для Франко потери ничего не значили, когда появлялась надежда уничтожить республиканскую армию[51].

К разочарованию штабистов, а также немцев и итальянцев, сражение на Эбро длилось около четырех месяцев. Если бы Франко удержал республиканцев в ловушке у реки, а тем временем начал бы быстрое наступление на практически незащищенную теперь Барселону, он приблизил бы конец войны на полгода. Когда Кинделан указал ему на это, каудильо, словно соглашаясь, пожал плечами, но ничего не ответил[52]. Сейчас в его распоряжении находилось под ружьем около миллиона людей, и он не задумывался о потерях. Африканское прошлое явно сказывалось на модели поведения Франко. Он почел за лучшее превратить Гандесу в кладбище республиканской армии, чем добиться быстрой и впечатляющей победы[53].

Высшее командование националистов подвергло острой критике принимаемые генералиссимусом решения, что отразилось на моральном состоянии Франко. Кинделан спрашивал, почему так мало используются танки[54]. Пакон утверждал, что битва на Эбро была единственным сражением Гражданской войны, во время которого обнаружились разногласия между каудильо и его генералами[55]. Барон фон Шторер сообщил в Берлин о сценах, происходящих в штабе Франко: каудильо кричал на своих генералов и обвинял их в том, что они неверно исполняют его приказы[56]. Итальянский генерал Марио Берти по указанию Муссолини заявил Франко, что ему следует направить усилия на окончание войны. При этом он добавил, что новая военная техника из Италии будет поступать лишь в том случае, если итальянцам позволят принимать участие в выработке стратегических решений. Граф Виола сказал фон Шторeру, что это блеф, однако Рим действительно обеспокоен медлительностью Франко[57]. Дуче все более удручало, что каудильо «вяло ведет войну». Он заявил Чано: «Запиши в своем дневнике, что сегодня, 29 августа, я предсказываю поражение Франко. Этот человек или не знает, как вести войну, или не хочет ее вести. Красные — это бойцы, а Франко — нет»[58]. В это время, видя, что затянувшаяся война, изнурившая страну, заходит в тупик, энергичный премьер-министр республиканского правительства Хуан Негрин попытался найти почву для компромисса и мира, но Франко не желал ничего, кроме безоговорочной капитуляции.

Британская реакция на сентябрьский кризис в Чехословакии означала смертный приговор Испанской Республике. Негрин надеялся, что рост напряженности в Европе позволит республике

встать в один ряд с западными демократиями. В этой связи он сделал продуманный жест, заявив, что выведет из Испании всех добровольцев, воюющих на стороне республиканцев. Франко разделял предположение Негрина о том, что начало войны в Европе поставит под угрозу победу националистов. Он допускал, что республике, вставшей на сторону Франции и России против Германии, хлынет поток помощи, а националистской Испании, на деле отрезанной от стран Оси, будет угрожать французская армия. Каудильо встревожило, что Гитлер провоцировал судетский кризис именно к этому времени, не подумав о проблемах испанских националистов. Теперь, затаив дыхание, Франко ждал исхода Мюнхенской встречи. Кабинет министров заседал беспрестанно. Даже Муссолини считал, что националисты упустили свой шанс на победу, и каудильо следует добиваться мира на компромиссных условиях[59]. Тупиковая ситуация на Эбро подрывала моральный дух националистов. К этому добавились опасения по поводу возможного французского вторжения в Каталонию, Страну Басков и Испанское Марокко. Это действительно было пугающей перспективой для слишком растянутых и разбросанных националистских войск[60]. Франко испытывал недоумение и обиду, не получая никакой информации из Берлина до самого подписания Мюнхенского соглашения. От этого он даже стал неважно себя чувствовать и не выезжал из своей арагонской штаб-квартиры[61].

Но, хотя каудильо и казалось, что союзники предали его, он ничего не предпринимал, чтобы выразить свое отношение к международному конфликту вокруг Чехословакии, пока Лондон и Париж не спросили напрямую о позиции Франко. Британское И французское правительства хотели знать его планы на случай большой войны в Европе. Выражая настроения Франко, Хордана убеждал британского дипломатического агента в Бургосе сэра Роберта Ходжсона в том, что каудильо питает «самые теплые чувства симпатии к Англии» и желает успеха мирным инициативам Чемберлена. Хордана утверждал, что Франко не встанет на сторону Оси и намерен придерживаться строгого нейтралитета[62]. То же самое повторил в Лондоне представитель каудильо, англофил герцог Альба, попросив при этом, чтобы британский МИД убедил Францию уважать нейтралитет Испании в случае войны в Европе[63].

Больше всего Франко беспокоило, чтобы ничто не мешало его войне в Испании. Вместе с тем он весьма опасался оттолкнуть союзников из стран Оси. Поэтому к немцам и итальянцам начала поступать информация, что каудильо глубоко сочувствует их делу и очень сожалеет, что националистская Испания еще

недостаточно сильна и не может стать на их сторону[64]. Чано писал в своем дневнике: «Отвратительно! Этого достаточно, чтобы наши погибшие в Испании встали из гроба». Муссолини тоже отреагировал весьма бурно и даже заговорил о том, чтобы отозвать все итальянские войска из Испании, но быстро отошел[65]. Гитлера поразила неблагодарность Франко, но позже он сказал Герингу: «Это грязный трюк, но что еще могут сделать эти бедняги?»[66]

Боясь развязать войну с Гитлером, Чемберлен, по Мюнхенскому соглашению, по существу сдал ему 29 сентября Чехословакию[67]. Франко вздохнул с облегчением и немедленно послал Чемберлену «самые теплые поздравления в связи с увенчавшимися успехом усилиями по сохранению мира в Европе»[68]. Он, возможно, понял, как и Уинстон Черчилль, что Британия «потерпела поражение без войны»[69]. Конечно, каудильо поспешил послать поздравления и Гитлеру — не по поводу упрочения мира, а по случаю выгодного решения «германского судетского вопроса». Ему хотелось хоть как-то успокоить Рим и Берлин, которые были недовольны непозволительной, с их точки зрения, поспешностью, с какой он сделал заявление о нейтралитете. Мюнхен нанес сокрушительный удар по республике, поэтому не удивительно, что Франко лично выразил фон Штореру восхищение мюнхенским триумфом фюрера[70]. Вскоре после этого Франко распорядился начать клеветническую кампанию против американского президента Рузвельта и государственного секретаря Корделла Холла. Американский посол сделал вывод, что «франкистский режим враждебен Соединенным Штатам, их руководителям, их принципам и политике»[71].

Открыв створы плотин на притоках реки Эбро, националисты отрезали республиканские силы, оказавшиеся в горной местности, почти лишенные поддержки и подкреплений оружием и боеприпасами. Получив приказ не отступать, республиканцы удерживали территорию, несмотря на мощный артобстрел и бомбардировки с воздуха. Пятьсот орудий выпускали по ним более 13 500 снарядов в день в течение примерно четырех месяцев. Несмотря на невыносимую жару, нехватку или отсутствие воды, обстреливаемые с утренней до вечерней зари, они держались до конца. Осенью националисты, по выражению фон Шторера, выглядели «обескровленными». Серьезно сомневаясь в их победе, он ошибочно считал, что генералиссимус не прочь пойти на компромиссный мир. На самом деле Франко оставался непреклонен и не допускал даже и мысли о каком-либо посредничестве с целью мирного урегулирования[72].

Понимая, что Мюнхен разбил последние надежды республиканского правительства на спасение за счет европейской войны, Франко, охваченный решимостью окончательно разгромить республиканскую армию, начал собирать более чем тридцатитысячное свежее войско и попросил для него новую партию вооружений и боеприпасов из Германии. С середины октября фон Шторер, воспользовавшись подходящим случаем, вновь начал склонять каудильо к тому, чтобы тот предоставил Третьему рейху дополнительные горнорудные концессии. После того как Франко согласился предоставить для «проекта Монтана» новые права на эксплуатацию шахт в Испании и в Испанском Марокко и пошел навстречу Германии в вопросе о расходах на легион «Кондор», немцы увеличили поставки оружия и боеприпасов[73]. Предоставление концессий было серьезной уступкой Франко, совершенно противоречащей его утверждениям о приверженности идее суверенитета Испании. Это красноречиво свидетельствовало о «твердых намерениях националистской Испании сохранить политическую и экономическую ориентацию на Германию и после окончания войны»[74]. Вполне понятно, чем руководствовался в это время каудильо. Французские границы были закрыты, и республика больше не получала помощи от Советского Союза. Новые же поставки из Германии снова давали Франко огромные преимущества.

Решающее контрнаступление националистов в битве на Эбро началось 30 октября 1938 года. Франко наблюдал за сражением из своей передвижной штаб-квартиры. Он использовал тактику сосредоточения воздушных ударов и артиллерийского огня на небольших участках боя, а затем направлял туда пехоту. Мощные артобстрелы и авианалеты особенно привлекали каудильо, ибо позволяли физически уничтожить республиканские силы[75]. К середине ноября, ценой огромных потерь, франкисты вытеснили республиканцев с территорий, занятых теми в июле. Отступая за Эбро, республиканцы понесли большие потери в живой силе и технике. Потери были велики с обеих сторон, но существуют расхождения в их оценке. Националисты потеряли шесть с половиной тысяч убитыми и, если верить фон Шторeру, около тридцати тысяч ранеными. Республиканцы потеряли примерно такое же число ранеными и до пятнадцати тысяч убитыми. Это были самые тяжелые потери на протяжении всей войны. Франко понадобилось четыре месяца, чтобы завладеть территорией, которую республиканцы завоевали в июле за неделю. Если бы Франко, придерживаясь более смелой стратегии, остановил республиканцев под Гадесой и начал из Лериды наступление на Барселону, ему удалось бы, вероятно, закончить войну летом

1938 года. Однако приверженность к войне на истощение заставляла его прежде убедиться, что республика лишилась своей армии. Последняя отчаянная вылазка республиканцев на Эбро принесла каудильо такую победу, которая значила для него куда больше, чем быстрая стратегическая операция. Добившись физического уничтожения врага, он мог позволить себе отказаться от любых переговоров и перемирий.

Британский фельдмаршал сэр Филип Четуод (Chetwode) возглавил комиссию по обмену военнопленными. Ему удалось успешно произвести обмен ста британских военнопленных, находившихся у националистов, на сотню итальянцев, бывших в плену у республиканцев[76]. Успех этой акции был предопределен желанием Франко снискать расположение как итальянцев, так и британцев. Однако фельдмаршал Четуод мало чем сумел помочь военнопленным-респуб-ликанцам: к ним каудильо был беспощаден[77]. В середине ноября Четуод писал лорду Галифаксу: «Вряд ли в моих силах передать тот ужас, который я испытал после встречи с Франко три дня назад. Он хуже, чем красные. Я так и не убедил его прекратить казни несчастных пленных. Когда же мне удалось вывести 140 человек из кубинского посольства в Мадриде и переправить их через линию фронта, Франко откровенно отказался дать кого-либо в обмен на них, несмотря на свое обещание. И когда он наконец прислал нам людей на обмен, почти половину из них составляли не те, кого он пообещал отпустить, а уголовники, многие из которых попали в тюрьму еще до войны»[78].

Жестокое отношение Франко к противнику не может быть оправдано даже смертью его младшего брата. Двадцать восьмого октября 1938 года Рамон Франко погиб, вылетев из Польенсы на острове Мальорка на бомбардировку доков в Валенсии. Раньше он принимал участие и в бомбардировках Барселоны. Ходили слухи, что его гибель не случайна, но они мало обоснованы. Известие о смерти Рамона застало Франко в Бургосе, и он не выказал ни малейших эмоций. Легко пускавший слезу в случае необходимости, Франко редко проявлял свои истинные чувства, даже если что-то сильно задевало его. Он направил телеграмму националистским ВВС: «Ничего не стоит жизнь, которую не отдают с радостью за Отечество, и я горжусь тем, что кровь моего брата, авиатора Франко, смешалась с кровью многих павших авиаторов». Рамона торжественно похоронили на Мальорке. Каудильо представлял на похоронах его брат Николас[79].

Конец республики был предрешен. Как исход боев под Теруэлем открыл франкистам путь для быстрого продвижения к морю, так и нынешнее поражение республиканцев на Эбро

спровоцировало новое наступление националистов. Между тем воля республиканцев к сопротивлению держалась исключительно на страхе, порожденном широко известной решимостью Франко искоренить в Испании всех либералов, социалистов и коммунистов. Барон фон Шторер сообщал 19 ноября 1938 года на Вильгельмштрассе: «Главные факторы, которые по-прежнему разделяют воюющие стороны, это недоверие, страх и ненависть»[80]. Каудильо сказал Джеймсу Миллеру, вице-президенту агентства Юнай-тед Пресс, что всякие переговоры о мире исключены, «поскольку преступники и их жертвы не могут жить бок о бок». Считая идею вполне обоснованной, Франко отверг идею всеобщей амнистии и заявил, что националисты располагают списком на два миллиона красных, которые должны понести наказание за свои «преступления»[81]. Политические досье и другая документация, захваченные националистами в разных городах, сосредоточивались в Саламанке. Тщательно рассортированные и систематизированные, они содержали информацию о членах политических партий, профсоюзов и масонских лож. Но страх перед расправами только усиливал сопротивление в республиканской зоне.

В середине ноября, несмотря на огромные преимущества, генералиссимусом снова овладела нерешительность. Он сомневался, начать ли новое наступление на Мадрид или продолжить наступление на Валенсию, чтобы запугать столицу. Итальянские военные советники не поддерживали планы операции против Мадрида, поскольку разведданные утверждали, что республика укрепила свои позиции в центральной Испании. Возражения против наступления на Мадрид высказывал кое-кто и в высшем командовании националистов[82]. После Эбро наиболее слабым местом республики была Каталония, и под влиянием своих генералов Франко склонился к наступлению в этом направлении. Двадцать шестого ноября он издал общий приказ, в котором подчеркнул, что победа на Эбро открыла путь к полному уничтожению оставшихся республиканских войск. Крупная армия сосредоточилась вдоль линии окружения Каталонии — от Средиземного моря до Эбро и далее до Пиренеев. Сначала наступление планировали начать 10 декабря, потом его отложили на 15-е. Постоянные отсрочки, вызванные беспрерывными проливными дождями, надоели новому командующему итальянскими войсками генералу Гастоне Гамба-ре, и он потребовал, чтобы Франко точно определил дату начала наступления. В конце концов остановились на 23 декабря[83].

Размышляя над своим следующим ходом, каудильо решил посетить родную провинцию Ла-Корунья и принять «дар» от ее

жителей. Хулио Муньос Агилар, гражданский губернатор Ла-Коруньи, и Педро Баррьё (Вагпё) де да Маса (Maža), местный банкир, задумал и. организовать сбор денег по подписке — таким образом жители провинции выразили бы благодарность каудильо за их спасение. Прекрасный дом в сельской местности, известный как Пасо-де-Мей-рас и принадлежавший галисийской писательнице Эмилии Пардо Басйн (Bazdn), был выставлен на продажу и куплен на эти деньги в марте 1938 года. Возможно, многие давали деньги по доброй воле, но, поскольку общая сумма была определена властями, нельзя исключить и того, что люди вносили деньги, боясь, как бы их не заподозрили в нелояльности. Кампания восхваления Франко вступила в новую фазу. Вместе с тем и сам Франко начал отходить от относительного аскетизма, характерного для его образа жизни во время войны[99]. Пятого декабря 1938 года каудильо вручили ключи от отреставрированного дома и документы на право владения. Муньос Агилар получил в награду выгодные посты управляющего делами генералиссимуса (Jefe de la Casa Civil del Generalisimo) и администратора Национального наследия (Patrimonio Nacional), хранившего собственность и произведения искусства, принадлежавшие королевской семье. Банкира Баррье де ла Маса каудильо позднее удостоил особой чести, присвоив ему в 1955 году титул графа де Феносы[84].

Во время затишья перед последним наступлением на Каталонию войска начали роптать по поводу неспособности генералиссимуса довести войну до победного завершения[85]. В это время в Бургос приехала племянница Франко — Пилар Харайс, которую выпустили из тюрьмы в Валенсии в процессе обмена пленными. Прием, оказанный ей генералиссимусом и его женой, наглядно отразил новую атмосферу в семье. Раньше она была близка с обоими, исполняла роль пажа на их свадьбе. До войны, проводя время в Мадриде и не имея своей квартиры, супруги всегда останавливались у матери Пилар Харайс — Пилар Франко. Племянница часто ходила с ними в кино или сопровождала их на рынок «Растро», где они искали предметы старины. Генералиссимус был посаженым отцом на свадьбе Пилар Харайс в 1935 году, а донья Кармен помогала ей выбрать приданое (ajuar) и обставить квартиру. Пилар Харайс прибыла в Бургос, проведя два ужасных года в республиканской тюрьме вместе с маленьким ребенком, едва не погибшим от менингита. Ей удалось выжить только потому, что она была в родственных отношениях с Франко. Однако на сей раз каудильо поздоровался с Пилар Харайс холодно и держался с ней отчужденно. Изумленная женщина почувствовала себя лишней в их доме. Донья Кармен

тоже встретила племянницу с жестоким безразличием и совершенно поразила ее вопросом: «Ты на чьей стороне?» Все это свидетельствовало о том, как они, привыкшие к постоянному преклонению и лести, восприняли недавние упреки в адрес Франко. Они уже привыкли считать себя людьми другой породы, не простыми смертными[86].

Двадцать третьего декабря 1938 года каудильо наблюдал из своей полевой штаб-квартиры, «Терминуса», за решающим наступлением на Каталонию. Он в изобилии располагал новым германским вооружением, а резервы из испанских и итальянских частей могли каждые два дня сменять наступающих. В наступлении участвовали пять испанских армейских корпусов, которыми командовали генералы Агустин Муньос Грандес, Рафаэль Гарсиа Валиньо, Москардо, Солчага и Ягуэ, и четыре дивизии под общим командованием Гамбары. Наступлению предшествовала мощная артподготовка. Потрепанные республиканцы оказали лишь видимость сопротивления[87]. Гамбара избрал тактику «быстрой войны», в результате чего итальянцы на тридцать километров опередили более осторожных испанцев. Успех итальянского наступления побудил французское правительство открыть границы — теперь республиканцы смогли получить оружие и боеприпасы. Обескураженный дуче велел Гамбаре и послу Виоле встретиться с Франко и побудить его к более быстрым темпам наступления[88]. Каудильо признался Виоле, что постоянно опасается вступления в войну французов. Вследствие этого Чано информировал Лондон и Берлин, что в случае таких действий Франции Италия будет воевать с Францией на испанской территории. Угроза возымела эффект, и Франция прекратила помощь Каталонии.

Не удивительно, что при такой мощной поддержке Франко возомнил, будто националистская Испания может стать партнером стран Оси в преобразовании мира. Его надежды ярко отразились в интервью, данном им журналисту Мануэлю Аснару, одному из самых искусных составителей панегириков каудильо и восторженному его почитателю. Беседа состоялась 31 декабря 1938 года, накануне победы. Растиражированное газетами, оно ясно обозначило те направления внутренней и внешней политики, которых каудильо решил придерживаться в ближайшие несколько лет. На повестке дня стояли жестокие репрессии внутри страны и реализация агрессивных амбиций за рубежом. Франко дал четко понять, что проигравшим войну республиканцам, названным им «уголовными преступниками» (delincuentes), нечего и думать об амнистии или послевоенном примирении. Только наказание и покаяние откроют им путь к

«искуплению». Совершившие легкие «преступления» пройдут очищение в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, другим же нечего ждать, кроме смерти или ссьшки.

Франко считал себя ровней непобедимым, по его мнению, фашистским диктаторам, которые помогли ему одержать победу. Это выразилось в воинственном заявлении о том, что Испания отныне должна быть «вооруженной нацией». Каудильо хвастался «мошной индустриальной базой», создаваемой ради осуществления новых военных амбиций Испании, требующих мощного военно-морского флота и могучих военно-воздушных сил. Этим он обнаружил узость своего понимания экономических проблем. С поразительной и явно неуместной самоуверенностью Франко выразил убеждение в том, что экономический подъем Испании близок. Победа в Гражданской войне, по его мнению, была лишь первым этапом на пути полномасштабного возрождения имперского величия Испании. Бросая вызов британской и французской гегемонии в Средиземном море, он заявил, что Испания контролирует вход в море, а оснащенность новой военной техникой изменила соотношение сил в регионе в ее пользу; В стиле фашистского диктатора, обуреваемого имперскими мечтами, Франко заявлял, что «попытки поставить Испанию в рабское положение в Средиземноморье» неотвратимо заставят его избрать военный путь; он также утверждал: дела региона не могут обсуждаться без испанского участия[89].

Пятнадцатого января 1939 года пала Таррагона. Путь на Барселону был фактически открыт. За три недели наступления в руки националистов перешло три тысячи квадратных километров территории[90]. Республиканские войска были дезорганизованы. Шестнадцатого января Франко приказал ускорить наступление, не давая при этом врагу никакой пощады[91]. После того как части Ягуэ форсировали реку Льобрегат к югу от Барселоны 25 января 1939 года, республиканское правительство Каталонии вылетело на север, в Херону. На следующий день мятежники вошли на пустынные улицы умирающей от голода каталонской столицы. Началось дикое избиение людей, во время которого были расстреляны тысячи. К 10 февраля пала вся Каталония[92]. Итальянцы считали, что победу принесла тактика «быстрой войны» Гамбары[93].

Остатки республиканских кортесов провели свое последнее заседание в городе Фигуэрас близ французской границы. В воскресенье 6 февраля президент республики Мануэль Асанья отбыл в изгнание, после того как Негрин не смог убедить его вернуться в Мадрид. Тремя днями позже за ним последовали Негрин и генерал Рохо. На Миаху возложили обязанность

командовать оставшимися республиканскими войсками. В конце февраля Асанья подал в отставку, а его конституционный наследник Диего Мартинес Баррио не пожелал вернуться в Испанию. Как только Британия и Франция заявили о том, что признают правительство Франко[100], республика оказалась в конституционном вакууме. Стало неясно, легитимно ли правительство Негрина. И все же огромная территория, составляющая тридцать процентов Испании, оставалась под контролем республики. Общее командование этой центральной зоной лежало на генерале Миахе, хотя большую часть времени он проводил в Валенсии. Негрин все еще питал тщетные надежды на то, что с началом войны в Европе демократические государства поймут: республика ведет здесь их войну.

Хотя военное сопротивление стало бесполезным, коммунисты были полны решимости сражаться до конца, чтобы извлечь политический капитал из «дезертирства» своих политических противников. Некоммунистические элементы стремились, однако, заключить мир на максимально приемлемых условиях. Но этому не суждено было осуществиться, ибо 13 февраля 1939 года появился франкистский Закон об ответственности, обвиняющий всех сторонников республики виновными в преступлении — защите «незаконной» республики. Закон имел обратную силу с октября 1934 года. В декабре 1938 года специальной комиссии поручили доказать незаконность республики. Через год создали еще одну комиссию, возложив на нее обязанность собрать документы о преследовании правых в республиканской зоне. Закон об ответственности объявлял преступлением членство в левых политических партиях или масонских ложах. В широкий спектр «преступлений» включили и «опасную пассивность»[94]. Так был сделан первый шаг в подведении юридической базы под расправы, которые, хотя и неофициально, и без того уже шли вовсю на захваченной националистами территории. После окончания войны начнется массовая волна политических репрессий: аресты, суды, казни, тюрьмы.

Четвертого марта человек аскетической внешности, полковник Сехисмундо Касадо, командир республиканской армии Центра, активно замещавший Миаху в его отсутствие, решил положить конец войне, становившейся бессмысленной. Вместе с разуверившимися анархистскими лидерами и известным профессором права социалистом Хулианом Бестейро полковник Касадо сформировал антинегринскую Хунту национальной обороны — в надежде, что его контакты в Бургосе облегчат ему переговоры с Франко. Возможно, Касадо также полагал, что,

подняв военный мятеж «для спасения Испании от коммунизма», он заслужит расположение Франко. Этого хорошего солдата, не имевшего личных амбиций, глубоко возмутило, что Негрин и коммунисты призывали к сопротивлению до последней капли крови, готовя себе -самолеты для бегства за границу. Мятеж Касадо стал по существу второй гражданской войной — в республиканской зоне.

События в Мадриде отозвались эхом и в других местах. На военно-морской базе Картахена происходящее приобрело причудливый характер — после того как Негрин направил туда командиром коммуниста майора Франсиско Галана. Ряд антиреспубликанских офицеров, разделявших взгляды Касадо, 5 марта восстали против Галана. Они растерялись, когда к их действиям присоединились тайные сторонники националистов, — правые и местные фалангисты. Фалангисты захватили местную радиостанцию. Возникали спорадические перестрелки между частями Галана, антикоммунистически настроенными офицерами-артиллериста-ми и националистами. Вследствие этого Франко, вопреки обыкновению, ускорил ведение боевых действий. Националисты послали телеграмму в штаб-квартиру каудильо, прося помощи. Франко решил послать две дивизии — одну из Касте-льона, другую из Малаги. К утру 6 марта наспех собранная экспедиция появилась на неохраняемых транспортных судах в виду Картахены. Но к этому времени республиканцы восстановили контроль над портом. Береговые батареи, открыв огонь по импровизированному флоту, потопили один из транспортов. Националисты потеряли более тысячи человек[95].

Тем временем 6 марта в Мадриде начались аресты коммунистов. Генерал Миаха неохотно присоединился к хунте Касадо и возглавил ее. Большинство коммунистических лидеров уже покинули Испанию. Из Франции они осудили хунту в самых жестких выражениях. Седьмого марта майор Луис Барсело, поддерживавший коммунистов командир Первого корпуса армии Центра, вознамерился предпринять более решительные меры. Его части окружили Мадрид, и несколько дней в испанской столице шли упорные бои. Четвертый корпус, возглавляемый анархистом Сиприано Мерой, взял верх, и 10 марта было достигнуто соглашение о прекращении огня. Барсело вместе с несколькими другими прокоммунистическими офицерами был арестован и казнен. С этого момента закончилось доминирование коммунистической партии в центральной зоне. Одновременно Касадо предпринимал попытки вступить в переговоры с Франко об условиях капитуляции. Небольшой группе республиканцев обещали разрешить выехать, если они сдадут республиканские

ВВС. Поскольку к назначенному сроку этого не произошло, чему помешали технические причины, Франко бесцеремонно прервал переговоры, ибо был заинтересованным только в безоговорочной капитуляции. Он отказался пойти навстречу британскому и американскому правительствам, пытавшимся предотвратить репрессии, заявив, что его патриотизм, великодушие и доброта — достаточные гарантии[96]. Но среди националистов он был далеко не единственным непримиримым. Очень многие разделяли точку зрения Серрано Суньера, считавшего, что после такого кровопролития компромиссный мир неприемлем[97].

Узнав, что планы Касадо провалились, солдаты начали сдаваться по всей линии фронта или расходиться по домам, однако некоторые ушли в горы и вели партизанскую войну вплоть до 1951 года. Двадцать шестого марта по широкому фронту началось гигантское наступление, по существу не встречавшее сопротивления. Войска Франко попросту занимали оставленные противником позиции. Националисты вошли в охваченный ужасом Мадрид 27 марта. Удовлетворенный Чано писал в своем дневнике: «Мадрид пал, а с ним и остальные города красной Испании. Война закончена. Это новая огромная победа фашизма, — возможно, самая великая из одержанных до сих пор»[98]. Тридцатого марта Франко не появился на служебном посту. В этот единственный за всю войну день он был недееспособен, поскольку заболел гриппом с высокой температурой. Вероятно, именно теперь, когда каудильо наконец расслабился, стрессы, испытанные за три года войны, дали знать о себе. Из-за болезни он не смог принять адмирала Канариса. Лежа в постели Франко получал информацию о том, как без боя пали один за другим города Аликанте, Хаэн, Картахена, Куэнка, Гвадалахара, Сьюдад-Реал и другие". К 31 марта вся Испания была в руках националистов. Последнее коммюнике штаб-квартира Франко выпустила 1 апреля 1939 года. Написанное от руки самим каудильо, оно гласило: «Сегодня, когда Красная Армия захвачена в плен и разоружена, националистические войска выполнили свои главные военные задачи. Война закончена». Франко испытал большое удовлетворение, получив телеграмму от Папы Римского, выражавшего благодарность за «победу католицизма» в Испании. Эта победа обошлась больше чем в полмиллиона жизней. Но это были не последние потери.

Глава 13 КУПАЯСЬ В СЛАВЕ

Партнер Оси. Апрель — сентябрь 1939 года

С окончанием Гражданской войны Франко охватила безудержная эйфория. Победа укрепила в нем две давние иллюзии. Тщательно создававшийся им образ средневекового воина-крестоносца, защитника веры, того, кто возродит былое испанское национальное величие, обрел реальные черты. Отношения с Церковью стали важной частью этого театрального реквизита[1].

Девятнадцатого марта Гома написал Франко, что новоизбранный Папа Пий XII (Эудженио Пачелли) шлет ему свое благословение. Третьего апреля каудильо получил от Гома очередное послание, укрепившее его в мысли о своей божественной миссии: «Господь нашел в лице Вашего Превосходительства достойное орудие своих провиденциальных планов»[2]. Церковь отождествляла себя с каудильо, что и не замедлило проявиться. Шестнадцатого апреля Пий XII выступил с речью на испанском языке по ватиканскому радио. «С безмерной радостью» Папа дал свое апостолическое благословение победителям и особо отметил «самые благородные и христианские чувства» главы государства. Текст подготовил Гома[3].

Поскольку Франко во всеуслышание заявил о своей ненависти к либеральной демократии и большевизму, не оставалось сомнений в том, на чьей стороне окажутся его симпатии после того, как Гитлер развяжет войну с целью уничтожения того и другого. По своей силе ненависть каудильо к коммунизму сопоставима только с другой навязчивой идеей — ненавистью к масонству. Утрату империи вообще и катастрофу 1898 года в частности он приписывал сговору испанских и североамериканских масонов. Франко считал, что республиканской стороной во время Гражданской войны руководили заговорщики из масонов, большевиков и евреев. В январе 1937 года он приказал изгнать масонов из армии. В тот год на работу в националистскую пресс-службу в Бургосе пришел один из крайне правых и маниакальных противников масонства отец Хуан Тускетс, чтобы вынюхивать, не проявляется ли в чем-либо влияние его врагов. Одним из ближайших к Тускетсу людей был отец Хосе Мариа Буларт, личный священник Франко[4]. В последующие два года Франко уделял повышенное внимание к работе Тускетса, стараниями которого его штаб-квартира собрала

огромное досье на восемьдесят тысяч подозреваемых в масонстве, хотя в 1936 году в Испании насчитывалось не больше десяти тысяч франкмасонов, а после 1939 осталось меньше тысячи. Эти досье пригодятся в чистке, проводившейся в сороковые годы по «закону о репрессиях против масонства и коммунизма», представленному и принятому в феврале 1940 года. Сам каудильо увлекся собиранием масонских реликвий и публикаций и создал собственное масонское grotto[5].

Неприязнь каудильо к франкмасонству отчасти объясняется его враждебностью к демократическим державам. Как «африканца», его давно возмущали действия Британии и Франции, ибо он считал их виновными в том, что Испания оказалась в подчиненном положении на международной арене. Хотя британская политика невмешательства весьма способствовала победе Франко в Гражданской войне, он не мог простить Лондону, что тот не поддержал его более открыто. К Франции каудильо относился с презрением и негодованием, поскольку эта страна поддерживала республику, хотя и нерешительно. Получилось так, что на гребне победы Франко, окруженный подхалимами, счел себя достойным партнером Гитлера и Муссолини, одним из новых лидеров, реорганизующих мир по-новому, на более справедливой основе. Он не делал секрета из своих колониальных амбиций. Этот третий фашистский диктатор рассчитывал (чему свидетельство его интервью с Мануэлем Аснаром) в будущем урезать власть Британии и Франции в Средиземноморье и в качестве наследника Карла V и Филиппа II создать новую колониальную империю в Северной Африке. Еще 2 февраля 1938 года каудильо с одобрением отнесся к идее сделать императорскую корону и щит Карла V гербом испанского государства, а также сохранил колонны и девиз «plus ultra» как символы внешней экспансии[6]. Несмотря на манию величия и склонность сравнивать себя с королями прошлого, Франко понимал: осуществление его планов зависит от расположения держав Оси.

Однако каудильо знал, что нужно выждать. Отдавая себе отчет в том, что следует добиться дипломатического признания Британией и Францией и тем самым окончательно сломить моральный дух приверженцев республики, он, однако, не сразу согласился присоединиться к Антикоминтерновскому пакту и испытывал по этому поводу сомнения вплоть до заседания кабинета министров 20 февраля 1939 года[7]. Каудильо сказал барону фон Штореру и графу Виоле, что этот давно предрешенный выбор «идет от сердца», а проволочку свалил на Хор-дану. Итальянцев Франко просил держать решение в тайне,

пока не закрепятся результаты победы[8]. Муссолини собирался воспользоваться успехом каудильо для давления на Францию. Пресса в фашистской Италии ликовала, заявляя: «Победа Испании — фашистская победа». Чано считал, что теплые отношения с Франко дадут возможность Италии выйти в Атлантику и прервут связь Франции с Африкой[9].

Муссолини, отводя каудильо незначительную роль, разделял его мнение, что трио фашистских диктаторов подрывает англо-французскую гегемонию. Дуче покровительственно советовал Франко, как вести дела. Он не рекомендовал каудильо реставрировать монархию, и тот, обычно из гордости не принимавший советов, возрадовался, ибо это отвечало его собственным намерениям. В течение всей войны после каждой победы генералиссимус посылал Альфонсу XIII телеграммы, но после взятия Мадрида он этого не сделал. Возмущенный Альфонс XIII пришел к выводу, что Франко не желает реставрировать монархию[10]. Опальный король, как говорят, незадолго до смерти произнес: «Я подобрал Франко, когда он был никем. А он двурушничал и обманывал меня на каждом шагу»[11].

Десятого марта каудильо сообщил генералу Гамбаре, главе итальянской военной миссии, что ему придется остаться нейтральным в большой войне, если он не получит значительной военной помощи от Оси[12]. Надеясь, что помощь Оси позволит ему играть более активную роль на международной арене, Франко часто жаловался немцам и итальянцам по поводу давления на него Франции. Со своей стороны испанские и германские военные верхи весьма желали помочь Испании, рассчитывая, что эта'помощь поставит испанские вооруженные силы в зависимость от их техники и вооружения[13].

Антикоминтерновский документ был подписан в Бургосе"[1] 27 марта"[1][101]; об этом акте солидарности со странами Оси публику известили 6 апреля[14]. Николас Франко, испанский посол в Лиссабоне, сказал Оливейре Салазару, что присоединение Испании к Антикоминтерновскому пакту — «это выражение политического кредо и ясная манифестация будущей политики»[15]. Начав вести двойную игру, миниатюрный граф де Хордана в разговоре с прибывшим в Мадрид в конце марта новым британским послом, сэром Морисом Драммондом (Drummond) Питерсоном, попытался умалить значение этого шага, назвав его жестом идеологической солидарности[16]. Желая рассеять британские подозрения, Франко сказал португальскому послу, что Антикоминтерновский пакт — это просто «розовая водичка» и Испания не безоговорочно связана с Осью[17]. Это заверение было опровергнуто подписанием 31 марта в Бургосе испано-

германского договора о дружбе. Договор обязывал обе стороны в случае войны, воздерживаться «в политической, военной и экономической областях от любых действий, невыгодных партнеру по договору или выгодных его противнику»[18].

Укрепление связей с Германией распаляло честолюбивые фантазии каудильо. Амбициозен он был всегда. Его стремительная военная карьера, продвижение от капитана до генерала подтверждают это. Тем не менее до 1936 года амбиции Франко проявлялись в желании занять высшие посты, доступные военному — стать командующим военным округом, начальником генштаба, верховным комиссаром в Марокко и так далее. Военный мятеж открыл ему совершенно новые перспективы, и мечты его невероятно быстро осуществлялись. Мятежник, полагавший, что скоро снова вернется на Канарские острова, занял пост главнокомандующего. Получив звание генералиссимуса, Франко возжелал стать главой государства. Не успел он добиться этой цели, как у него появилась идея создания единой партии — как у его союзников по Оси. Укротив различные политические силы внутри националистской коалиции и став национальным главой ФЭТ и де лас ХОНС, каудильо задумался о том, чтобы выйти на международную арену, как это с успехом сделали Гитлер и Муссолини. В этом отношении унижение западных демократий в Мюнхене произвело на него исключительно сильное впечатление, особенно после нервозности, с которой он дожидался исхода чехословацкого кризиса.

Пропагандистская машина режима стала вовсю трубить о том, что каудильо — достойный современник дуче и фюрера, достойный наследник великих королей-полководцев славного имперского прошлого Испании. Последние три года амбиции Франко непомерно возрастали, поэтому кризис в Европе он сочтет удобным для себя случаем. Как глава государства, главнокомандующий вооруженными силами, глава правительства и национальный руководитель объединенной партии каудильо обладал полномочиями, неведомыми даже во времена Филиппа II. Достигнув вершины власти и снискав авторитет внутри Испании, он хотел добиться признания и на международной арене, чтобы удовлетворить свои амбиции и исправить историческую несправедливость, совершенную Британией и Францией по отношению к Испании. 1939—1940 годы станут пиком амбиций каудильо. Он вынашивал план возродить империю малым трудом, держась в тени Гитлера. Но в ходе Второй мировой войны Франко поймет, что так он успеха не добьется. И тогда со свойственной ему гибкостью он даст задний

ход и начнет укреплять то, что имеет, — власть в границах Испании.

В апреле же 1939 года каудильо не соизмерял безграничные амбиции со стоящими перед ним политическими задачами, с экономической и военной слабостью, оставшимися ему в наследство после Гражданской войны. Но в одной области его самоуверенность оказалась уместной. Сталкиваясь с враждебностью побежденных республиканцев, а также с амбициями и соперничеством различных сил националистской коалиции, он действовал умело и безжалостно. Инстинкты Франко, развившиеся в Африке, побуждали его решать проблемы Испании так, как если бы он находился в Марокко в должности верховного комиссара. Другими словами, он поведет себя как полновластный военный колониальный правитель. Врага — побежденных республиканцев — каудильо будет жестоко громить, «семействами» в лагере националистской коалиции — манипулировать, словно дружественными марокканскими племенами, задабривая их подачками, заставляя соперничать друг с другом, втягивая в коррупцию и проводя репрессии так, чтобы возбудить их взаимные подозрения, но не позволить им ничего решать без верховного арбитра.

Однако если Франко чувствовал себя уверенно в политическом отношении, то военные и экономические возможности Испании вряд ли допускали внешнеполитический авантюризм. Армия не могла защитить страну в уже стоящей на пороге большой войне, а о захватах за рубежом и думать было нечего. Хотя кое-что из современного вооружения, завезенного немцами и итальянцами, и осталось после апреля 1939 года, но интенсивное использование в боях весьма существенно снизило его кондиции. Трудности в получении запчастей, не говоря уж о необходимости платить за уже имеющиеся, еще более снижали его значение. Франко, по существу, ничего не сделал для создания военно-воздушных сил или бронемеханизированных частей. После демобилизации (летом 1939 года) половины националистской армии под командованием каудильо оставалось еще более полумиллиона солдат и 22 100 .офицеров[19]. Осторожный каудильо, стремящийся к военному величию, содержал такую огромную армию, чтобы иметь под рукой мощный репрессивный механизм. Подвергаясь давлению подхалимов и фалангисгских фанатиков, желающих укрепить связи с державами Оси, Франко не отдавал себе должного отчета в том, что с такими вооруженными силами ему вряд ли достанется заглавная роль в предстоящей большой игре.

Однако в начале лета 1939 года каудильо был не прочь

продемонстрировать силу на международной арене. Он приказал сосредоточить довольно большие силы на границах с Францией и у Гибралтара. Весьма обеспокоенное французское правительство направило своим послом в Мадрид 84-летнего маршала Филиппа Петэна. В этом проявился отчаянный страх французов: престиж Петэна польстит каудильо и уменьшит его враждебность к Франции. Франко и Петэн были знакомы, но не питали друг к другу симпатии — вопреки утверждениям франкистской пропаганды и самого каудильо[102]. По мнению Леона Блюма, «это слишком повышало значение начинающего диктатора». Узнав о намерении французского правительства, каудильо, как говорят, прослезился от волнения[20]. Петэн прибыл, намереваясь развивать отношения в духе доброй воли и сотрудничества[21]. Однако слезы каудильо высохли весьма быстро. Это назначение дало пищу его самомнению, и он заставил почтенного маршала ждать дольше обычного, когда тот явился с верительными грамотами. В ответ на лестные слова Петэна Франко произнес официальную дружественную речь, после чего, однако, и он сам, и его министры выказали новому послу явное пренебрежение[22]. Возмущенный Петэн никогда не простил этого Франко. Французское правительство, обеспокоенное угрожающими передислокациями испанских войск и присоединением каудильо к Анти-коминтерновскому пакту, быстро отозвало Петэна в Париж для консультаций. Но маршал не верил во враждебные намерения Франко[23].

Несмотря на активность вблизи французских границ, каудильо в своей речи 11 апреля по случаю вручения верительных грамот новым британским послом старательно приуменьшил значимость своей внешнеполитической ориентации. Схватывающий все на лету и несколько высокомерный Питерсон не понравился Франко. Послу сказали, что каудильо говорит по-французски, и он попытался беседовать с ним на этом языке, однако убедился, что тот не понимает его. Тогда Питерсон пригласил переводчиком своего военного атташе, майора Мэхони из Ирландской гвардии, очень высокого, одетого по всей форме, включая кивер, — к большому неудовольствию коротышки Франко[24].

Постоянно стараясь поспеть за своими союзниками из Оси и подчеркнуть солидарность с ними, 8 мая каудильо вывел Испанию из Лиги Наций[103]. При всем том к визиту в Испанию 10 мая фельдмаршала Геринга так плохо подготовились, что будущий рейхсмаршал сильно невзлюбил Франко. Контраст с приемом в Испании летом того же года Чано был слишком явным[25]. Когда Гитлер и Муссолини подписывали в конце мая

1939 года Стальной пакт[104], Франко, дабы проявить воинственность по отношению к Британии, послал войска к Гибралтару. В то время он был поглощен массовыми театрализованными представлениями, во время которых его прославляли и восхваляли. Подобные действа обожали и Гитлер, и Муссолини. Между серединой апреля и серединой мая прошло несколько помпезных парадов победы в основных центрах провинций Андалусии и Валенсии. В них наряду с испанскими войсками приняли участие и войска стран Оси. Консервативный каталонский политик Франсеск Камбо отметил в своем дневнике: «Он словно не чувствует и не понимает, в какой жалкой, отчаянной ситуации оказалась Испания, ни о чем не думает, кроме своей победы, если тешится, совершая этот круг почета по стране. Он напоминал тореадора, который после удачного удара делает круг по арене, наслаждаясь аплодисментами, собирая брошенные ему сигары, береты и жакеты»[26]. Празднования, достигшие кульминации 19 мая, позволили Франко поставить себя рядом с Гитлером и Муссолини. Вместе с тем, внушая народу, что он подобен великим средневековым полководцам Испании, каудильо унижал побежденных республиканцев. Восемнадцатого мая он торжественно въехал в столицу. Ее главные улицы были украшены красно-желтыми националистскими флагами. Центральная — Пасво-де-ла-Кастельяна — была переименована в проспект Генералиссимуса Франко. Пресс-бюллетень, выпущенный Бургосом, оповещал, что «генерал Франко вступит в Мадрид после церемонии, подобной той, которая состоялась в средние века, когда Альфонс VI в сопровождении Сида взял Толедо»[27]. На самых высоких горах во всех провинциях зажгли костры. На другой день двести тысяч солдат и офицеров, растянувшись на двадцать пять километров, прошли перед каудильо в параде победы.

Франко принимал парад в военной форме цвета хаки, в голубой рубашке фалангистов и красном берете карлистов. Процессия, возглавляемая генералом Андресом Саликетом, двинулась в 9 часов утра. За оркестром карабинеров прошел батальон «ардити»[105] в черных рубашках. Они подняли свои кинжалы в древнеримском приветствии. Это вызвало восхищение толпы, равно как и быстроходные итальянские танки, и другая техника, и кавалерия регулярной итальянской армии. Потом по мокрым от дождя улицам в течение пяти часов шли фалангисты с простреленными в боях Гражданской войны флагами, карлистские «рекетес» с громадными распятиями, регулярные испанские войска, солдаты Иностранного легиона и марокканские наемники. Специальной частью парада было

прохождение конной милиции андалусских «сеньоритос»[106] на бесценных арабских скакунах и пони для поло. Это была дань уважения классовой принадлежности бойцов, которые проявили себя в период захвата частями Кейпо де Льяно районов Андалусии, правда, не слишком эффективно. Другого рода символами были португальские добровольцы, воевавшие на стороне Франко (они замыкали парад), и возглавляемый генералом фон Рихтхофеном гитлеровский легион «Кондор». Над головами пролетела большая группа бипланов, составив слова «VIVA FRANCO». Еще один аэроплан вывел имя Франко дымом в небе. Генерал Варела вручил каудильо высший орден Испании за воинскую доблесть — крест Святого Фердинан-до с лаврами[28].

Этот парад позволил Франко изобразить себя достойным партнером стран Оси. Речь каудильо должна была подтвердить это впечатление. Он предупредил «некоторые нации», явно подразумевая Англию и Францию, чтобы они не пытались взять под контроль политику Испании, применяя экономические рычаги. Франко выразил решимость до конца подавить побежденные политические силы и проявлять бдительность по отношению к «еврейскому духу, который сделал возможным альянс большого капитала с марксизмом»[29]. После парада каудильо устроил банкет в королевском дворце Паласио-де-Ориенте для старших офицеров частей, принявших участие в параде. Еще более театрализованное действо состоялось на следующий день. Тщательно подобранная к случаю средневековая символика подчеркивала преемственность военных деяний Франко с борьбой за освобождение Испании от мавров. Когда каудильо прибыл на торжественное богослужение в королевскую базилику Де лас Салесас Реалес воздать благодарность за ниспосланную победу, раздался гром пушек. Хор монастыря Санто Доминго де Силос встретил его исполнением межарабского[107] песнопения X века, написанного для приветствия государей. Окруженный прославленными военными реликвиями испанского прошлого — такими, как боевое знамя битвы при Лас-Навас-де-Толоса, где в 1212 году была одержана крупная победа над маврами, штандарт дона Хуана Австрийского, прошедший битву при Лепанто 1571 года, и Валенсии (Senera de Valencia), — Франко поднес свой «меч победы» кардиналу Гома, архиепископу Толедо и примасу всей Испании, и тот благословил каудильо. Меч был возложен на высокий алтарь перед большим распятием Христа Лепантийского, специально по этому случаю привезенным из Барселоны[30].

Намек поняли все: толстый коротышка Франко — современный наследник великих христианских полководцев

прошлого, нынешний Сид и дон Хуан Австрийский. Клерикалы радовались возрождению идиллических средневековых отнршений между Церковью и героем-полководцем, наследником прошлого. Об этом свидетельствует обмен письмами между Франко и примасом. Кардинал Гома распорядился поместить меч в кафедральном соборе Толедо рядом с другими великими историческими реликвиями[31].

В 1939 году каудильо считал свои связи с фашизмом необходимой предпосылкой возрождения прославленных имперских традиций. Двадцать третьего мая он устроил официальную церемонию проводов фон Рихтхофена и легиона «Кондор». В конце своей напыщенной речи Франко сказал: «Я испытывал величайшую гордость оттого, что под моим командованием были германские офицеры и солдаты». Он просил их увезти с собой в Германию «непреходящую признательность Испании»[32]. Отношения с Италией были еще сердечнее. Каудильо и его свояк, министр внутренних дел, горячо стояли за укрепление связей с Муссолини[33]. Первого июня 1939 года Серрано Суньер отплыл из Кадиса в Неаполь с последними итальянскими войсками. Итальянский военный конвой доставил его в Неаполь вместе с двенадцатью генералами, одним адмиралом, несколькими высшими офицерами ВМФ и многими высокопоставленными фалангистами. В Италию с конвоем прибыли и три тысячи испанских солдат и офицеров. Они прошли парадом по улицам Неаполя и Рима. Делегацию приняли с высокими почестями, ее пребывание сопровождалось пышными церемониями, что произвело неизгладимое впечатление на Серрано Суньера. Прием, оказанный ему в Италии, разительно отличался от того пренебрежительного отношения, с которым он позже столкнулся в Германии.

Король Виктор-Эммануил III, три принца, архиепископ Неаполя, Чано и Серрано Суньер наблюдали торжественное прохождение итальянских и испанских войск. На другом параде, в Риме, Серрано Суньер приветствовал войска, стоя рядом с Муссолини. Эмоциональный Серрано сказал дуче и Чано, что Испании нужно еще два, а лучше три года, чтобы закончить военные приготовления. И когда вспыхнет война, «Испания выступит на стороне Оси, будет руководствоваться чувствами и разумом. Нейтральная Испания обречена в будущем на бедность и унижение». Испания, утверждал он, не обретет суверенитета, пока не вернет Гибралтар и не захватит Французское Марокко. Серрано Суньер произвел на Чано огромное впечатление, несмотря на свою «худобу и болезненность». Итальянцы высоко оценили его ум и пылкость. В публичных выступлениях и в

частных беседах Серрано Суньер рассыпался в искренней благодарности за итальянскую помощь во время Гражданской войны, а также выражал крайнюю враждебность по отношению к Британии и Франции. Преклоняясь перед дуче, он назвал его в газетном интервью «одним из редчайших гениев, которых История дарит только раз в два-три тысячелетия»[34].

Чано заявил германскому послу в Риме Хансу Георгу фон Маккензену, что Серрано Суньер — «рьяный приверженец Оси», а беседуя с Муссолини, назвал Серрано «безусловно самой прочной опорой Оси во франкистском правительстве». Это мнение укрепилось после того, как Серрано Суньер без дипломатических околичностей начал критиковать англофилов-монархистов — испанского министра иностранных дел генерала Хордану и посла в Риме Педро Гарсиа Конде, которого Чано считал «большим дураком»[35]. Трения между Серрано Суньером и Хорданой, симптоматичные для отношений между фалангистами и военными, свидетельствовали об амбициях Серрано. После его отъезда итальянцы с нетерпением ждали, что генералиссимус реформирует кабинет в соответствии с представлениями его восторженного сторонника Серрано Суньера и в целях вовлечения Испании в орбиту Рима[36].

В искренности чувств Серрано Суньера к фашистской Италии сомневаться не приходится. Испанские военные круги и дипломатический корпус Мадрида считали, что он столь же привержен и нацистской Германии. Однако еще до окончания Гражданской войны германский посол фон Шторер, впоследствии близкий друг Серрано Суньера, сомневался в его добром отношении к Третьему рейху. Шторер полагал, что иезуит и проватикански настроенный ку-ньядиссимус едва ли может питать дружеские чувства к Германии[37]. В конце концов немцы стали считать его своим противником, да и сам Серрано весьма энергично демонстрировал, что делает все, дабы предотвратить втягивание Испании в войну. Зато доподлинно известно, что он ненавидел британцев и французов. Отчасти это объясняется его отвращением к либеральной демократии, но была и более земная причина: по мнению Серрано, их посольства в республиканском Мадриде отказались предоставить убежище его братьям, и те вскоре погибли в тюрьме[38]. Потому же он отказывался выпускать из заключения республиканцев, считая их ответственными за гибель «лучших товарищей» по Фаланге[39].

После окончания Гражданской войны Испания была убеждена в своем праве занять место среди стран Оси. В соответствии с такими настроениями Серрано Суньер, находясь в Риме, подготовил почву для официального визита Франко в Италию. Он

также доверительно сообщил Чано, что хотел бы получить приглашение посетить Германию. То же самое он повторил по возвращении в Мадрид высокому и представительному фон Штореру[40]. Амбиции Серрано Суньера росли: он признавался Чано, что хотел бы стать министром иностранных дел. При этом куньядиссимус добавил, что, если Муссолини намекнет на это Франко, его желание осуществится. Обсудив вопрос с дуче, отметившим профашистские убеждения Серрано Суньера и не возражающим против его возвышения, Чано вызвался написать послание Франко[41]. Муссолини считал возможным вариант, что Франко ограничится постами главы государства и главнокомандующего вооруженными силами, а на Серрано Суньера возложит обязанности главы правительства[42]. Это позволило бы усилить фашистское влияние в Испании, тем более что куньядиссимус преклонялся перед Муссолини. Однако Серрано Суньер позже утверждал, что поспешил отговорить дуче от реализации этой идеи. Весьма вероятно, что его жертвенность объяснялась просто. Положение куньядиссимуса оказалось бы под угрозой, если бы Франко только услышал о том, что подобный вопрос обсуждался[43].

В начале лета 1939 года пошли упорные слухи о том, что Испания вступит в большую войну, если она разгорится. Возможно, эти слухи спровоцировала речь Франко 5 июня в Бургосе перед Национальным советом Фаланги. Похваляясь «действенным благоразумием» (habil prudencia), характеризующими его политику во время Гражданской войны, генералиссимус заявил, что победа одержана вопреки желаниям «лживых демократий», масонства и международного коммунизма. Объединив все это, он перешел затем к «тайному наступлению» на Мадрид, намекнув, что оно — дело рук Франции и Англии[44]. Появились серьезные трения с Францией, вызвавшие разговоры о захвате французской собственности в Испании. Пресса Серрано Суньера вовсю разжигала антифран-цузские настроения[41]. В июле в Мадриде офицеры испанской армии избили французского консула[46]. По указаниям из Мадрида, испанский посол в Париже Хосе Феликс де Лекерика, циничный франкофоб и антисемит, встал в позу и потребовал исполнения февральского соглашения между Хорданой и Бераром (Berard) о возвращении Испании ее золотых резервов, военной техники и беженцев[47].

Холодное пренебрежение каудильо по отношению к маршалу Петэну во время вручения тем верительных грамот сказалось впоследствии: французский посол насмешливо отзывался о Франко. Во время одной из пышных церемоний, устроенных каудильо в Эскориале, слышали, как Петэн презрительно

прокомментировал надпись на стене: «Я знаю, здесь запрещено не только курить, но и плевать»[48]. В начале июня 1939 года он сделал такую запись: «Рядом со своим свояком Дон-Кихотом генералиссимус обычно выглядит как Санчо Панса». Сэр Сэмюэл Хор (Ноаге) также отмечал этот контраст: «медленно думающий и медленно двигающийся» Франко и Серрано — «быстрый как стрела в словах и делах». Между тем Петэн размышлял о дальнейших планах каудильо[49].

Задумывались об этом, хотя и по другим причинам, немцы. Фон Шторер говорил Хордане: «Ни для Испании, ни для нас нецелесообразно, чтобы испанское правительство заранее обнаруживало свою позицию в случае войны... Мы должны придавать серьезнейшее значение отношению Испании к будущей войне, Франции и Британии оно не должно быть известно». Немцы рассчитывали, что приверженность Испании странам Оси заставит французские войска остаться на границе у Пиренеев и не позволит Британии и Франции вмешиваться «в проблемы, которые их не касаются» (подразумевалось готовившееся нападение на Польшу)[50].

Пятого июля Франко с очевидным сожалением сказал графу Виоле, что Испании нужен «период спокойствия, чтобы страна могла посвятить себя внутреннему восстановлению и достижению экономической самостоятельности, необходимой для обретения военной мощи, к которой она стремится... В нынешнем своем состоянии Испания не готова к европейской войне». Однако ему стоило немалых усилий объяснить, что нейтралитет в случае войны означал бы выгоду для друзей Испании. Он «косвенно признал, что Испанию ожидают трудности, если она останется в стороне от конфликта». Говоря о помощи Испании странам Оси, каудильо разошелся и заявил, что задержал послевоенную демобилизацию, дабы сохранить крупную армию, способную противостоять «вызову» Британии и Франции. Франция, подчеркнул он, «никогда не будет чувствовать себя спокойно рядом с Испанией», и ей придется держать крупные силы на юге. Шестисоттысячная испанская армия рассредоточится между Пиренеями и Гиб-ралтаром, «и тогда в ходе разворачивающихся событий станет ощутим вес Испании, а возможно, и представится случай воспользоваться обстоятельствами». Все это, по мнению Виолы, свидетельствовало о намерении сохранить «бдительный нейтралитет»[51]. Французский военный атташе сообщал в Париж, что, если государство содержит более чем полумиллионную армию, это вряд ли совместимо с разговорами о нейтралитете[52].

Упоминание Франко о необходимости «периода спокойствия», несомненно, обусловливалось тем, что по всей

стране сохранялись очаги республиканского сопротивления, дрязги между фалангистами и карлистами продолжались. Приближалась дата ответного государственного визита графа Чано, а неприятные признаки этих явлений бросались в глаза[53]. Две тысячи астурийских горняков все еще продолжали сражаться с боевыми частями испанской армии, а в начале июля лейтенант из «рекетес» был застрелен фалангистами в Ируне[54]. Петэн сообщал о судах над «неподдающимися исчислению несчастными красными», тогда как партизанская война в Астурии усиливалась[55]. Через шесть недель после отъезда Серрано Суньера из Рима в Барселону с ответным визитом прибыл 10 июля итальянский миниртр иностранных дел — с эскадрой из четырех линейных крейсеров и нескольких торпедных катеров. Объехав места сражений Гражданской войны, граф в сопровождении стотысячного эскорта из фалангистов прибыл в Мадрид. Затем он посетил в Сан-Себастьяне Франко, где обсудил с ним международное положение. Чано отметил, что каудильо чувствует себя неуверенно в политических вопросах, но зато весьма самонадеян в военных. Неудивительно, что он по-прежнему прибегал к услугам свояка.

Франко сказал Чано — и, видимо, искренно, — что собирается следовать политике оси Рим—Берлин, хотя тут же заметил: Испании понадобится пять мирных лет для экономических и военных приготовлений, прежде чем она сможет встать в один ряд с другими тоталитарными государствами. В случае войны каудильо предпочел бы нейтралитет, но будет на стороне Оси, поскольку считает, что его режим не устоит, если в большой войне одержат победу демократические страны. Далее, явно не учитывая того, что Испания находится в состоянии банкротства, Франко сообщил о развернутой программе перевооружения ВМФ и ВВС. Он подчеркнуто восхищался Муссолини. В послании, привезенном Чано из Рима, Муссолини отметил два существенных обстоятельства: первое — «Я считаю реставрацию монархии в высшей степени опасным делом для режима, так победоносно основанного Вами ценой стольких жертв и такой крови»; второе — «Ничего не ждите от Франции и Англии; это, по определению, непримиримые враги Вашей Испании». И то и другое звучало как музыка для каудильо. Франко, оставив свою обычную сдержанность, сказал Чано, что ожидает от дуче «инструкций и директив». Чано показалось, что каудильо находится под большим влиянием личности Муссолини и он нуждается в дуче в мирное время так же, как нуждался в нем во время войны[56].

Франко, мечтающий о возрождении империи и польщенный

тесными связями с державами Оси, в этот период отнюдь не отличался холодным реализмом. Он свысока отзывался о Португалии, а по поводу ее помощи националистам во время Гражданской войны говорил, будто эта страна просто-напросто «спасала свою шкуру, поскольку знала, что от красных ей ждать нечего». Португальский посол сказал, что каудильо помешался в своем упоении властью[57]. Сильно преувеличивая свою значимость в международных делах, Франко вполне реалистически оценивал свои возможности в том, что касалось внутренних проблем страны. В третью неделю июля каудильо на короткое время отвлекла от международных дел мятежная выходка его давнего противника генерала Гон-сало Кейпо де Льяно. Тот с самых первых дней Гражданской войны, по сути дела, независимо правил Андалусией. Кейпо никогда не скрывал, что он невысокого мнения о Франко — как военачальнике, так и человеке, — и называл его «эгоистичным и мелочным» (egoistą y mezquino). Кейпо открыто говорил о нарушениях, допущенных при назначении Франко генералиссимусом, и дал ему кличку Толстозадая Пака (Paca la culona). Нашлось множество доброхотов, пожелавших передать это каудильо[58].

Кейпо безжалостно критиковал и Серрано Суньера. В нем видели возможного лидера военной оппозиции Фаланге. В мае 1939 года Бейгбедер сообщил Франко из Тетуана, что Кейпо зондирует почву, намереваясь создать директорию, которая заменит Франко и нейтрализует Фалангу[59]. Когда германский легион «Кондор» вернулся на родину, Кейпо без разрешения каудильо и к большому его неудовольствию, вылетел в Берлин раньше легиона, чтобы приветствовать «Кондор» там. Франко выждал момент, когда Кейпо зайдет слишком далеко и публично проявит неуважение к нему. Произнося речь перед 104 андалусскими алкальдами 18 июля, Кейпо де Льяно выразил возмущение тем, что каудильо наградил военным орденом — Крестом Святого Фернандо с лаврами — город Вальядолид, а не Севилью, цитадель Кейпо. Его раздражение объяснялось тем, что Севилья сыграла значительную роль в восстании (alzamiento), а Вальядолид был центром фалангистского движения. Он решил, что, оказывая такую честь Вальядолиду, хотели угодить Серрано Суньеру. Намек на хрупкого Серрано поняли все: «Если дела пойдут и дальше в том же духе, то, естественно, хрупкие, как глиняные игрушки, дураки выйдут в герои» (tontos fra'giles сото juguetes de barro se conviertan en hėroes).

Оскорбления Кейпо и публичное утверждение, что Франко опирается на Серрано Суньера, сильно задели каудильо, и он начал действовать. Двадцать седьмого июля Франко выманил

Кейпо из Севильи, сославшись на то, что в Бургосе необходимо провести «консультации». Командовать Севильским военным округом он направил генерала Солчагу. Франко брал реванш, считая, что снес слишком много унижений от дерзкого Кейпо. На личной встрече, неприятной для Кейпо, генералиссимус показал ему копии, снятые с его писем. Кейпо и в самом деле отпускал оскорбительные замечания в адрес Франко. Смещенного «вице-короля» Андалусии держали под домашним арестом в бургосском отеле, а затем направили в Италию — он возглавил там испанскую военную миссию[60]. Даже самого Франко, умевшего держать в руках своих внутренних противников, удивило, насколько легко далась ему победа над Кейпо. С международными делами все было куда сложнее.

Вскоре после визита Чано и обуздания Кейпо де Льяно в Испанию нанес визит шеф германской военной разведки адмирал Канарис. Он увидел ужасающую нищету и продолжающееся сопротивление республиканцев. Каудильо поделился с ним своей тревогой: война с участием Германии и Италии может спровоцировать вторжение Франции в Испанское Марокко. Испания, говорил он, не в состоянии выдержать войну ни теперь, ни в ближайшем будущем, и прямое нападение на Гибралтар немыслимо. Однако Франко предложил создать в Тарифе* базу для подводных лодок «малюток», чтобы те контролировали Гибралтарский пролив, и согласился создать базы обеспечения в Сантандере, Виго, Кадисе и, возможно, Барселоне для грядущих германских операций в Атлантике[61]. Эти базы служили бы для заправки топливом и замены экипажей и расширили бы радиус действия и оперативные возможности германских подводных лодок и других военных кораблей в 1940 году и в дальнейшем. На Гитлера эти предложения произвели адекватное впечатление. Франко готов был предоставить военные базы и услуги, поскольку его беспокоило, как бы Ось не выиграла предстоящую войну раньше, чем он сможет вступить в нее. Тогда передел мира произвели бы без учета его амбиций.

Франко взрастил Фалангу в соответствии с веяниями мировой политики и так же предоставил ей господствующую роль. В декрете, подписанном 31 июля, каудильо подтвердил, что она остается единственной партией в стране, и сохранил контроль над ней в своих руках. Ее правящий орган — Национальный совет — был велик, плохо управляем и в значительной мере служил декорацией. Маленький постоянный исполнительный комитет — Политическая хунта — был связующим звеном между партией и правительством. Возглавил Политическую хунту Серрано Суньер, тем самым обретя

огромную власть. Всем, кто входил в силовые структуры, вменялось в обязанность автоматически становиться членами Фаланги и на политических мероприятиях использовать фашистское приветствие[62].

Собственные позиции Франко еще более укрепил Закон о главе государства (Ley de la Jefatura del Estado) от 8 августа 1939 года, наделивший его правом издавать законы и декреты без консультаций с кабинетом министров, «когда это диктуется безотлагательными соображениями». Послушная пресса щедро расточала хвалы «верховному главе», готовому взять на себя столько власти, сколько необходимо для выполнения его исторической миссии по национальному возрождению[63]. Такого рода властью прежде обладали только короли средневековой Испании, поэтому все указывало на личностный харак-

•Тарифа — местечко на атлантическом побережье Испании, на выходе из Гибралтарского пролива. (Примеч. перев.) тер диктатуры Франко. Закон свидетельствовал о том, что каудильо считает министерские и правительственные функции административными, а не политическими. Политическую власть Франко всегда отождествлял с военной и относился к правительственной машине как к армии.

Чано в августе предупредил каудильо о возможности войны между Германией и Польшей. Новость, видимо, удивила Франко, убежденного, что Британия и Франция принудят Польшу уступить германским требованиям[64]. Каудильо в ответ на это передислоцировал войска и провел фортификационные работы у французской границы и на границе Испанского и Французского Марокко. Он проявлял осмотрительность в отношении Франции, поскольку до ее краха в 1940 году считал французскую армию грозной боевой силой. Когда Петэн выразил гневный протест по поводу строительства военных укреплений, каудильо ответил, что они всего-навсего оборонительные. Петэн возразил, что разница между возведением оборонительных сооружений и баз для наступательных операций слишком невелика. Маршала шокировало, что каудильо отказался проводить его до двери — это всегда делал Альфонс XIII[65].

Франко создал также специальное «гибралтарское командование» численностью в одну дивизию. Эти антифранцузские и антибританские мероприятия, как сообщил он послам Италии и Германии, являются его помощью странам Оси. После своей встречи с Петэном каудильо хвастливо заявил итальянскому временному поверенному, что испанские действия сильно беспокоят французов. Он отметил в беседе со Шторером, что Франция не сможет вывести ни одного человека из Марокко,

пока Испания держит там восьмидесятисемитысячную армию, превышающую численность контингента мирного времени во французской зоне. Через своего брата в Лиссабоне каудильо оказывал давление на Португалию, побуждал ее пренебречь своими обязательствами перед Британией и придерживаться нейтралитета[66].

Франко знал о приближении войны. На это указывает и перетряска кабинета 9 августа[67]. Каудильо изменил состав кабинета в соответствии с меняющейся ситуацией в мире, и в рамках своих ограниченных возможностей начал перевооружение испанских ВМФ и ВВС, выпрашивая финансовую и техническую помощь у Италии[68]. Сделав перестановки в правительстве, Франко сообщил генералу Гастону Гамбаре, главе итальянской военной миссии в Испании, нечто весьма примечательное. Вдохновленный щедрыми похвалами дуче за недавнюю реорганизацию Фаланги, каудильо явно вознамерился показать, что он достоин своего наставника. Во время встречи с Гамбарой он заявил со своим «обычным невозмутимым спокойствием», что собирается закрыть пролив и разрушить британские сооружения в Гибралтаре с помощью тяжелой артиллерии[69]. Франко собирался нанести государственные визиты: в сентябре в Рим и позже, осенью, в Берлин, но визиты были отменены из-за разразившейся Второй мировой войны[70].

Смысл перестановок в кабинете был достаточно ясен, особенно в том, что касалось перевода англофила и монархиста Хорданы из министерства иностранных дел на чисто символический пост президента Государственного совета (Consejo del Estado) и назначения активного фалангиста Ягуэ на пост министра авиации. Непреклонного и прямого Хордану сменил непостоянный и неосмотрительный полковник Бейгбедер, давний приверженец Фаланги, а сейчас адепт Оси[71]. Франко говорил Серрано Суньеру, что Бейгбедер сумасшедший: «Когда мы были в Африке, он то и дело исчезал… То он оказывался в борделе, то удалялся в какой-нибудь францисканский монастырь»[72]. Куньядиссимус впоследствии утверждал, что назначение Бейгбедера было его идеей. В отношениях Серрано и консервативного Хорданы, враждебно относившегося к Фаланге и итальянцам, давно возникла напряженность[73]. Любопытно, что Бейгбедер разделял подозрения Хорданы по поводу того, что итальянцы зарятся на те же районы Северной Африки, которые желал захватить Франко[74]. Арабист Бейгбедер сочувствовал мечтам каудильо о марокканских землях и был чрезвычайно подходящей фигурой для проведения Испанией имперской политики. С другой стороны, этот бывший военный атташе в

Берлине хорошо знал безжалостность и ненасытные аппетиты нацистов. Впоследствии, усомнившись в преданности Бейгбедера делу Оси, Серрано Суньер пожелал прибрать к рукам министерство иностранных дел[75].

Каудильо не хотел делить власть ни с кем, поэтому официально назначил Серрано Суньера не премьер-министром, а министром. Однако тот обладал огромным влиянием и величайшей свободой действий[76]. Как и Бейгбедер, Ягуэ был ветераном фалангистского движения — «старой рубашкой». Он закончил Гражданскую войну командующим испанской марокканской армией. Принимая во внимание его талант и популярность в фалангистских и в военных кругах, Франко видел в нем возможного соперника. Каудильо не простил ему того, что он критиковал националистов, не сумевших осуществить социальную революцию, и выражал недовольство тем, как они обращались с пленными и заключенными. Летом 1939 года Ягуэ входил в испанскую военную миссию, сопровождавшую легион «Кондор», возвращавшийся в Германию. В период двухмесячного пребывания в Третьем рейхе он оказался под глубоким впечатлением от нацистской политики в социальной области, германской армии и еще больше — люфтваффе. Впоследствии Ягуэ подвергся обработке со стороны маршала Геринга.

По всем этим причинам Франко, с характерной для него хитростью, принял предложение Серрано Суньера и попытался нейтрализовать Ягуэ, сделав его министром авиации (Ministro del Aire). Когда куньядиссимус проинформировал Ягуэ о назначении, тот сказал: «Вы абсолютно неправы и посвятили себя невозможной задаче, потому что с этим человеком [Франко] мы никуда не придем. Он ненадежный, недоверчивый и трусливый (alparcero)». Новое назначение лишило Ягуэ командования самой мощной группировкой в испанской армии, где он мог бы стать центром притяжения сильной военной оппозиции[77]. Это было типично для Франко — назначать министров не в соответствии с их компетенцией, а просто передвигать, как пешки по политической шахматной доске. Ягуэ оказался изолированным в министерстве ВВС. Он, пехотинец, был куда менее профессионален в этой сфере, чем другой кандидат на это место — генерал Альфредо Кинделан, возглавлявший националистские ВВС во время Гражданской войны. Такое назначение сулило каудильо еще одну выгоду: не у дел оставался Кинделан. Помимо этих частных мотивов, в условиях приближения войны назначение Ягуэ, ярого приверженца Оси, было ярким публичным жестом по отношению к Берлину. В 1956 году Франко утверждал, что ему пришлось обойти Кинделана, слишком

симпатизировавшего англичанам и французам[78]. Став министром, Ягуэ будет тщетно стараться реорганизовать с помощью Германии испанские ВВС.

Противники Франко из военно-монархических кругов выражали недовольство плохой работой фалангистов в местных администрациях и центральном правительстве, а также утверждали, что они коррумпированы. Это особенно вдохновляло в высшей степени консервативного Кинделана. Он был среди первых из всех старших генералов, которые считали, что их положение в табели о рангах дает им вполне достаточное основание относиться к Франко не иначе как к ими же избранному руководителю. Поскольку именно Кинделан, сделавший так много для избрания каудильо в 1936 году, мог рассчитывать на поддержку старших генералов, Франко приходилось действовать осторожно. Несомненно, он хотел избавиться от мешающего ему критикана[79]. Проблема состояла в том, что, по мнению Кинделана, назначение Франко генералиссимусом в 1936 году было вызвано необходимостью того времени и произведено только на период Гражданской войны[80]. В атмосфере всеобщей лести, которая все плотнее окутывала каудильо, гордая независимость Кинделана, вероятно, казалась ему недопустимой дерзостью. Более того, Кинделан почти не скрывал своего разочарования тем, что Франко не выполнил задачи, ради которой велась Гражданская война, — восстановления монархии. Поэтому перетряской правительства 9 августа каудильо начал скрытую борьбу с Кинделаном[81]. Направив Кинделана командующим войсками на Балеарские острова, он подверг его унижению. Кинделан, верный идее реставрации монархии, все более открыто критиковал каудильо.

Состав нового совета министров отражал неустанную заботу Франко об укреплении своих позиций. Однако кабинет был только говорильней. Общее направление политики каудильо осуществлял сам и обсуждал его лишь с наиболее близкими советниками. Тогда с Серрано Суньером, а позже — с Карреро Бланко. Прежде всего это касалось иностранных дел, к которым Франко питал особый интерес. Никчемность правительства обнаружилась за день до объявления его нового состава, когда был опубликован закон о полномочиях Франко — главы государства.

Такие жесты каудильо, как назначение Ягуэ и готовность предоставить военно-морские базы и услуги германскому флоту в испанских портах, не остались незамеченными Гитлером. На совещании в австрийском Оберзальцбурге 22 августа с командным составом армии, авиации и флота обсуждался вопрос

о предстоящем нападении на Польшу. Фюрер заявил, что, помимо Муссолини, верный союзник Германии — Франко[82]. Однако недоверие Испании к Третьему рейху, существовавшее подспудно, проявилось открыто после опубликования германо-советского пакта. Недовольные толпы провели 22 августа[108] демонстрацию у летней резиденции германского посольства в Сан-Себастьяне. Герцог Альба сказал португальскому послу в Лондоне, что испанские генералы возмущены, а Кинделан выразил огорчение по этому поводу в разговоре с французским военным атташе[83]. Франко-германская инициатива застала врасплох, но он понял, какие стратегические выгоды получал при этом Третий рейх, и в беседе с Серрано Суньером заметил: «Странно, что теперь мы с русскими — союзники»[84]. Фалангисгская пресса стала вовсю восхвалять Третий рейх за приобретение такого сильного союзника.

На заседании кабинета министров 25 августа Франко выразил решимость сохранить нейтралитет. За этим стояло скорее осознание военной и экономической немощи Испании, чем стремление уязвить Германию. В тот же день каудильо сказал португальскому послу Педру Теотониу Перейре (Pedro Theotonio Pereira), что Польша уступит Германии и никакой войны не будет. Перейру поразило, как самоуверенно рассуждал Франко о самых сложных вещах. Казалось, что к возможному триумфу Третьего рейха он относился как к своему собственному. Перейра писал Салазару, что идеи генералиссимуса все больше тревожат его. «Я нахожу, что государственная власть, личная власть вскружили ему голову. Из всех членов испанского правительства он говорит мне самые странные вещи, притом на языке, близком к странам Оси». В отличие от Бейгбедера и министра ВМС адмирала Морено, возмущенных пактом Молотова—Риббентропа, Франко заявил Перейре, что не находит ничего скандального в германской договоренности с Советским Союзом[85]. Серрано Суньер виделся с Перейрой вечером 30 августа и тоже полностью оправдывал германский шаг. Встревоженный Перейра ушел в убеждении, что каудильо и Серрано Суньер обыгрывают идею испанского участия в войне[86].

Франко понимал циничный расчет пакта Молотова—Риббентропа и разделял точку зрения свояка[87]. Когда французский министр иностранных дел Жорж Боннэ попросил каудильо выступить посредником в польском вопросе, тот, предварительно связавшись с Муссолини, отказался[88]. На самом деле Франко продолжал верить в мощь французской армии и предвидел затяжную войну в Западной Европе, что, как он предполагал, опасным образом сыграет на руку мировому

коммунизму. Первого сентября 1939 года германский посол посетил нового министра иностранных дел, чтобы обсудить вопросы надвигающейся войны. Он сказал Бейгбедеру, что Испания не может оставаться по-настоящему нейтральной, «так как будущее страны и исполнение ее национальных чаяний зависят от победы Германии». Поначалу симпатизировавший Германии, высокий и смуглый Бейгбедер во второй половине 1940 года сменит ориентацию на проанглийскую[89]. Однако он согласился с фон Шторером и заверил его, что Испания всеми силами желает помочь Германии — и в собственных интересах, и из чувства благодарности.

Фон Шторер посетил Серрано Суньера и обсудил с ним вопрос о том, что на испанскую прессу следует оказать соответствующее воздействие и она должна выступать только в поддержку Германии[90]. Это осуществили столь эффективно, что печать стала орудием пропаганды Оси в Испании[109]. Пресс-секретарь германского посольства, крайне неприятный Йозеф Ханс Лацар (Lazar), снабжал послушную фалангисгскую печать нацистскими пропагандистскими материалами, которые затем подавались как новости дня. Проанглийских и про-французских материалов в прессе практически не появлялось, разве что в ответ на прямые дипломатические протесты[91]. Испания, по существу, превратилась в неофициальную германскую колонию, и германское влияние на прессу стало лишь одним из проявлений этого. Полицейский аппарат находился под сильнейшим влиянием гестапо. Посольские и министерские телефоны прослушивались немцами при попустительстве властей, которое обеспечивалось либо подкупом, либо идеологической близостью[92].

Из-за все более укрепляющихся связей Франко с нацистской Германией у него возникли некоторые трения с Церковью. Восьмого августа Гома выпустил пространное пастырское послание под названием «Уроки войны и обязанности мира» (Lecciones de la guerra y deberes de la paz). В нем он осудил возвеличивание государственной власти и призвал к социальной справедливости и политическим реформам, которые позволят избежать новой гражданской войны. Каудильо был взбешен предложением Гома простить проигравших, ибо старался поддерживать дух мести в победителях. Цензура запретила публикацию пастырского послания, и этот документ впервые появился в бюллетене толедской архиепископии[95]. В это время Франко был озабочен более серьезными проблемами, чем отношения Церкви и государства. Третьего сентября разразилась Вторая мировая война. Мечтам каудильо об имперском величии

Испании и личной славе предстояло подвергнуться нелегким испытаниям.

Глава 14

ПРЕТЕНДЕНТ В ИМПЕРАТОРЫ

Поражение Франции, 1940 год

Когда была объявлена война, Франко, как и Муссолини, с горечью заметил, что это случилось слишком скоро. Стремясь извлечь выгоду из ситуации, и тот и другой решили предложить лишь скрытую помощь. Официально Франко объявил, что испанские подданные должны соблюдать «строжайший нейтралитет»[1]. Каудильо весьма обрадовало письмо Муссолини, многословно выразившего одобрение его шагам, а также сообщившего о том, что ход событий может заставить Италию отказаться от решения не предпринимать никаких военных инициатив[2]. Франко, стремившегося подражать Муссолини, это письмо должно было укрепить в намерении вести предельно оппортунистическую линию. Поскольку оба средиземноморских диктатора имели сходные интересы в Северной Африке, каудильо, вероятно, опасался, как бы Италия не обошла его при мировом переделе. На тот момент Франко цинично, хотя и безуспешно, изобразив миротворца, выступил с призывом к великим державам локализовать конфликт. Сожаления каудильо по поводу того, что католическая Польша попала в лапы Гитлера и Сталина, не были приняты всерьез. Его миротворческая инициатива преследовала цель помочь Оси, затруднив всякую инициативу других стран в защиту Польши[3].

В частном кругу Франко был куда более заангажирован. Он и Серрано Суньер считали, что из-за высокомерной позиции Британии и Франции в отношении Испании эта страна долгое время находилась в униженном и подчиненном положении[4]. Когда маршал Петэн и сэр Морис Питерсон посетили министра иностранных дел, чтобы вручить официальные ноты своих правительств, свидетельствующие об уважении к нейтралитету Испании, Франко отказался принять их[5]. Реакция каудильо скоро нашла свое выражение в публикациях строго контролируемой прессы. Газеты наполнились антибританскими и антифранцузскими выпадами, а также радостными сообщениями о том, что Германия поддерживает испанские имперские амбиции в Африке[6]. В середине сентября Франко сказал фон Штореру, что если Англия и Франция выиграют войну, то это будет плохо для его революции, поэтому он придерживается политики благожелательного нейтралитета в отношении Германии[7].

Стол каудильо был завален восторженными отчетами о военных успехах германской военной машины, которые присылал

испанский военный атташе в Берлине полковник Хосе Луис Рока де Тогорес, и Франко с завистью и восхищением говорил Штореру о «блестящих победах Германии»[8]. Пресса оправдывала германо-советский пакт на том нелепом основании, что коммунизм в России умер. Ответственность за расчленение католической Польши возлагалась целиком на англо-французскую сторону, отвергшую притязания Германии[9]. С течением времени восторженное отношение каудильо к Оси становилось все более очевидным. Двадцать шестого сентября, выступив в Бургосе перед вторым Национальным советом Фаланги, Франко вновь подтвердил свою приверженность католической вере, ни словом не обмолвился о коммунизме и заявил о своей готовности принять «героическое решение, если того потребуют обстоятельства». Недовольство Англией и Францией и радость оттого, что они остались почти в одиночестве, возобладали над другими эмоциями[10]. Каудильо был убежден, что Британия скоро начнет искать мира и, возможно, даже обратится к нему с просьбой оказать посредничество в переговорах с Гитлером[11]. В это же время обозначились признаки ухудшения экономической ситуации в Испании. Серрано Суньер публично признал существование дефицита в продуктах питания и серьезные дефекты сети распределения. Вину за это возложили на красных[12].

Франко полагал, что проведение политики автаркии, наподобие итальянской, и укрепление статуса Испании как военной державы помогут снять экономические проблемы. Считая, что принципы свободной торговли — вредная выдумка, из-за которой Испания оказалась в положении колонии, он отверг их. Восьмого октября каудильо закончил работу над собственным весьма упрощенным десятилетним планом оживления испанской экономики и раздал членам кабинета документ «Основы и директивы плана реорганизации нашей экономики в соответствии с нашей национальной реконструкцией». Вероятно, при составлении этого плана Франко пользовался помощью своего давнего друга Хуана Антонио Суансеса, министра промышленности в первом кабинете каудильо. В этом документе отразилась не обоснованная ситуацией вера в то, что Испания способна заменить импорт своими товарами, увеличить экспорт, использовать лишь собственное сырье, не привлекать иностранные инвестиции, несмотря на послевоенную разруху и нехватку топлива[13]. В период ужасающего дефицита продуктов питания, одежды и стройматериалов Франко принимает опрометчивое решение о сокращении импорта и отказывается брать кредиты у демократических стран. Преимущества

нейтралитета, обеспечившие Испании экономический рост во время Первой мировой войны, были забыты. Над всем возобладали идеологические соображения и ложное восприятие экономической действительности. Позднее утверждали, будто курс на автаркию был навязан Испании внешнеполитическими обстоятельствами. Однако подобную интерпретацию опровергает упомянутый план Франко, обнаруженный в середине 80-х годов. Дефициты, порожденные автаркией, еще более обострило катастрофическое решение поддержать сильно завышенный курс песеты. Рационирование товаров привело к активизации черного рынка и росту коррупции в небывалых масштабах. Не счесть страданий, которые пришлось пережить испанскому народу в голодные 40-е годы. В значительной мере их спровоцировали экономические решения, принятые каудильо[14]. Нехватка основных товаров, особенно одежды и обуви, голод, массовый рост проституции и эпидемических заболеваний, даже тех, которых Средиземноморье не знало с библейских времен, стали повседневной реальностью так называемых «голодных лет» (anos de hambre)[15].

В воскресенье 1 октября 1939 года режим, его печать и радио отмечали третью годовщину прихода Франко на пост главы государства. В духе полурелиги-озного торжества «священного единения Отечества и Франко» прошел праздник, впоследствии ежегодно отмечаемый как День каудильо»[16]. Восемнадцатого октября Франко перенес свою штаб-квартиру из Бургоса в столицу. В тщательно спланированной церемонии прощания снова проводилась аналогия между каудильо и Сидом. В чрезвычайно льстивой речи алкальда были такие слова: «Город, как кабальеро де Вивару [Сида звали Родриго де Вивар], подносит ему в дар сердце и говорит: «Каудильо, вот Бургос, слава Богу, и хвала тебе, Спаситель Испании»[17].

Переезжая в столицу, каудильо намеревался сделать своей резиденцией королевский дворец Паласио-де-Ориенте. Но Серрано Суньер посоветовал Франко не делать шага, свидетельствующего о безграничных амбициях. Куньядиссимус убедил его не поддаваться мании величия (folie de grandeur) и не подвергать риску отношения с монархистами из числа приверженцев каудильо. Франко пошел на компромисс и согласился поселиться в величественном, но отдаленном дворце Пардо под Мадридом по дороге на Ла-Корунью. Построенный Карлом I как охотничий замок дворец чаще использовался Карлом III. Замок украшали гобелены Гойи и других художников периода правления Карла IV, а позже Фердинанда VII. Пардо привлекал Франко и его жену своим королевским прошлым,

безопасностью и гористыми окрестностями, идеально подходящими для охоты.

Пока дворец Пардо приводили в порядок, Франко и донья Кармен переехали в замок Виньюэлас в восемнадцати километрах от Мадрида, принадлежавший герцогу дель Инфантадо. Поселившись здесь, Франко живо заинтересовался вопросом о жалованье главы государства. В сравнении с тем, что получали Альфонс XIII и два республиканских президента, Алкала Самора и Асанья, особенно приняв во внимание бедственное экономическое положение Испании, первоначально положенную ему сумму в 700 тысяч песет можно считать вполне приличной[110]. Каудильо с женой оставались в замке Виньюэлас до марта 1940 года. Реставрационные работы в Пардо должны были обеспечить замок современными удобствами, а вместе с тем максимально приблизить его к XVIII веку, дабы параллель между Франко и королями прошлого напрашивалась сама собой. Петэн в этой связи заметил, что Франко «все больше прибирал к рукам королевский статус»[18]. Обосновавшись в Пардо, Франко настоял, чтобы с его женой обращались как с аристократкой и называли ее «ла сеньора». Он вызвал раздражение монархистов декретом, предписывавшим в случае появления его супруги на официальных государственных мероприятиях исполнять в ее честь королевский марш — как это делалось в присутствии королевы до 1931 года[19]. Окруженные льстецами, изолированные от реального мира, они в свое удовольствие проведут там тридцать пять лет, совершая лишь кратковременные официальные поездки по провинциям, выезжая трижды на короткий срок за границу для встречи с Гитлером, Муссолини и Салазаром и проводя долгие отпуска за пределами замка, чем Франко никогда не пренебрегал.

Страсти Гражданской войны и чувство солидарности с Осью вспыхнули ярким пламенем в ноябре в ходе еще одного театрализованного представления. В третью годовщину казни республиканцами Хосе Антонио Примо де Риверы, 20 ноября 1939 года, его прах, захороненный в Аликанте, был эксгумирован, и начался — со всеми воинскими почестями — первый этап его перенесения к месту нового захоронения в Эскориале, усыпальнице королей и королев Испании. Представление, захватившее всю страну, длилось десять дней и десять ночей. Факельная процессия, сопровождавшая останки Хосе Антонио, прошла путь в пятьсот километров. Как и другие церемониальные эксгумации[111], эта ставила целью пробудить в людях ненависть, которой они были охвачены во времена Гражданской войны.

В церемонии приняли участие фалангистский Молодежный фронт, женская секция Фаланги, синдикаты и даже регулярные

армейские части. На пути шествия разжигались костры, проводились церковные службы. Фалангисты из всех провинций, сменяя друг друга, шли за прахом. Каждая смена сопровождалась артиллерийским салютом, во всех городах и деревнях Испании били в колокола, прерывались занятия в школах и университетах, а учителям и профессорам предписывалось вставать и, держа руку в фашистском приветствии, выкрикивать: «Хосе Антонио — здесь!» Кортеж, прибывший в Мадрид, встретило высшее командование вооруженных сил, представители нацистской Германии и фашистской Италии. Во дворец Сан-Лоренсо-д-эль-Эскориал прибыли великолепные венки от Гитлера и Муссолини[20]. Некоторые члены верховного командования были весьма недовольны тем, что фалангисгскому лидеру оказали более высокие почести, чем Санхурхо или Моле, не говоря о великих монархах прошлого[21]. Реанимация ненависти времен Гражданской войны привела к вспышкам насилия, к избиению и убийству заключенных республиканцев взбудораженными толпами фалангистов, взявшими штурмом тюрьму Аликанте. Все это вызвало серьезный разлад в иерархии режима.

Вполне естественно, что симпатии Франко к Оси проявились особо наглядно в такой атмосфере. Принимая в середине ноября сэра Ллойда, каудильо выразил уверенность в том, что лучшие корабли королевского флота потоплены, Англия находится на грани голода, а в Индии вот-вот вспыхнет революция[22]. В своем новогоднем обращении по радио 31 декабря 1939 года, проникнутом антисемитизмом и мечтой об империи, он снова сделал выпады против Англии и Франции. «Теперь вы поймете причины, — заявил Франко, — которые заставили разные страны ополчиться против них и оставить в изоляции эти нации, отмеченные клеймом жадности и эгоизма». Изумив общественность проявлением уважения к германо-советскому пакту, каудильо подверг критике демократические страны «за преследование и уничтожение» членов коммунистической партии[23]. Удовлетворенный Геббельс отметил в своем дневнике: «Хоть что-то наконец за наши деньги, за наши самолеты и за нашу кровь»[24].

Значительная часть обращения содержала попытки оправдать экономические трудности страны, нехватку продуктов питания и топлива. Возникающее среди населения недовольство пресекала пресса, подняв кампанию, осуждающую шутки в адрес Франко как преступления против режима[25]. Распространился анекдот о том, как полиция схватила человека, сочинявшего дискредитирующие шутки; под пытками тот признался, что придумал их все до одной, кроме обещания Франко: «ни одного дома без света, ни

единого испанца без хлеба». В трудной обстановке, переживаемой режимом, Франко принимает некоторые поистине странные решения. Его приверженность автаркии опиралась на наивную веру в чудодейственный выход из чрезвычайно сложных экономических проблем. В конце 1939 года геологи легко убедили каудильо, желая потрафить ему, что Испания обладает огромными месторождениями золота. Он одобрил проведение геологоразведочных поисков золота в Эстремадуре и даже вызвался лично его направлять. В своем новогоднем обращении к нищенствующей стране 31 декабря 1939 года Франко не удержался и объявил во всеуслышание, что огромные запасы золота в Испании предрекают ей превосходное экономическое будущее[26]. Золото в Испании так и не было найдено.

Безнадежность испанской экономической ситуации, похоже, усилила легковерие человека, лишенного серьезных познаний в экономике и фундаментальных науках. В начале 1940 года, вскоре после того, как Франко оповестил страну о мифических месторождениях золота, он объявил, что недалеко время, когда Испания перейдет на энергетическое самообеспечение и превратится в богатого экспортера нефти. Это заявление основывалось на планах производства синтетического бензина, технологию которого якобы разработал австриец Альберт фон Филек. Филек убедил Франко, что, смешав воду с экстрактами некоторых растений и другими ингредиентами, а затем осуществив перегонку, можно получить продукт более высокого качества, чем натуральный бензин. Фон Филек втерся в доверие к Франко, представившись убежденным последователем нацизма, будто бы сидевшим во время Гражданской войны в республиканских застенках Мадрида. Он утверждал, что крупнейшие нефтяные компании мира хотели бы купить его изобретение.. Однако, как объяснял Франко'в беседе с Ле-керикой[112], фон Филек, восхищенный каудильо, решил уступить ему свое изобретение с убытком для себя. Для строительства завода фон Филеку были предоставлены воды реки Харамы и участок земли на ее берегу. Франко убедили, что на этом топливе работают грузовики, доставляющие в Мадрид с севера рыбу. В надувательстве принял участие и шофер каудильо, сообщивший ему, что и его собственная машина использует это горючее. Для топлива, обещавшего экономить Испании 150 миллионов песет в иностранной валюте, собирались рыть огромные подземные хранилища. В конце концов афера раскрылась, фон Фи-лека и шофера посадили[27].

Уверенный в том, что золотые и нефтяные запасы скоро начнут приносить прибыль, Франко позволил себе

пренебрежительно разговаривать с британским' послом на новогоднем обеде, данном им для членов правительства и дипкор-пуса[28]. Гитлер был доволен каудильо, о чем свидетельствовало несколько присланных ему новогодних подарков, в частности, такой же шестиколесный мерседес, на каком ездил он сам. Гитлер имел основания для удовлетворения. Базы снабжения подводных лодок уже действовали. В начале 1940 года германские подводные лодки использовали испанские территориальные воды для подзарядки батарей, отдыха команд и пополнения запасов[29]. Испанский министр иностранных дел регулярно поставлял германскому посольству информацию, полученную испанскими дипломатическими представителями за рубежом. Благодаря этому немцы пользовались бесценными сведениями о странах, с которыми не имели дипломатических отношений. Сообщения из Франции особенно пригодятся немцам во время военных действий на территории этой страны в июне 1940 года. Испанский министр иностранных дел регулярно получал и переправлял немцам данные об эффективности бомбардировок германской авиацией Лондона[30]. Во второй половине 1940 года полковник Ансальдо, вернувшись из поездки в Британию по делам испанских ВВС, по приказу генерала Вигона сразу же встретился в министерстве авиации Испании с Канарисом и другими германскими офицерами для передачи им информации[31].

Двадцать третьего апреля Франко, беседуя с португальским послом, выразил уверенность в том, что германская авиация скоро полностью разгромит британский флот[32]. В среде высшего военного руководства энтузиазм Франко в отношении Оси безоговорочно разделяли только Ягуэ и Вигон, другие же испытывали сомнения. Это был не единственный источник трений между армией и прогерманскими элементами из Фаланги. Нападение фалангистов на тюрьму в Аликанте и «сакас» (похищения заключенных и расправа с ними в обход закона) закончились в Валенсии тем, что командующий военным округом Валенсии Антонио Аранда приказал для острастки расстрелять виновных. Это привело к усилению напряженности между группировками внутри режима.

Многие высокопоставленные военные деятели, включая Кинделана, были весьма обеспокоены тем, что фалангисты с их имперскими амбициями втянут Испанию в войну в качестве союзника Оси. Разделяя опасения Кинделана, министр армии генерал Варела в начале года взялся за сбор информации из военных округов о реальных возможностях испанской армии. В марте Кинделан направил Вареле обескураживающий доклад,

свидетельствующий о том, что

Испания абсолютно не готова к войне и ее «границы по-прежнему незащище-ны». Варела зачитал эти сведения на совместном совещании высшего командного состава и Верховного совета армии — органа, к коллективному мнению которого прислушивался Франко. Доклад Кинделана, одобренный совещанием, передали каудильо. В мае 1940 года он получил от начальника своего генштаба генерала Карлоса Мартинеса Кампоса не менее впечатляющий отчет о неподготовленности вооруженных сил к войне. В нем особо подчеркивалось, что не хватает самолетов и танков[33].

Положение слабосильных, хотя и заинтересованных, наблюдателей за происходящими событиями очень сблизило Франко и Муссолини. Их отношения еще более укрепило урегулирование долгов Испании по Гражданской войне, достигнутое во время затяжных переговоров в течение лета 1939-го и весны 1940 года и связанное с возможностью перевооружения Испании на базе итальянского оружия[34]. Франко заверил Гамбару, что готов поддерживать теснейший контакт с Италией по всем вопросам внешней политики[35]. Но в конце концов дуче, встревоженный тем, что история проходит мимо него, сидящего на обочине и риску-щего упустить свой шанс, решил вступить в войну. Он пренебрег тем, что Италия, истощенная операциями в Абиссинии, Испании и Албании, не могла ввязываться в военные авантюры. Муссолини предупредил Франко о своих планах за два месяца, 8 апреля 1940 года[36]. Каудильо весьма высоко оценил этот жест Муссолини. Он сказал Гамбаре 13 апреля, что, несмотря на нехватку зерна, нефти, вооружений и боеприпасов, Испания выполнит свой долг, если будет втянута в войну. Ранее в тот же день каудильо приказал перебросить подкрепления в Пиренеи, к Гибралтару, на Балеарские острова и в Марокко[37].

Энтузиазм Франко и Серрано Суньера подогревали быстрые успехи Германии в Норвегии и Дании[38]. Серрано Суньер уже говорил Штореру в первой половине апреля, что Испания всецело на германской стороне и ее вступление в войну связано с предстоящими действиями Италии. Однако даже Серрано Суньер скептически оценивал возможность Испании вести войну, ибо знал, сколь ничтожны запасы топлива и зерна. Хлебный паек в пятьсот граммов на два дня был урезан в начале мая вдвое[39]. Тем не менее Франко и Серрано Суньера весьма соблазняла перспектива, что показная воинственность позволит им прибрать к рукам Гибралтар и Танжер[40]. Их, приверженцев Оси, очень впечатляли сообщения о том, что Германия и Италия

поддерживают испанские поползновения[41]. Пресса заговорила об открывающихся перед Испанией перспективах стать империей[42].

Нет ничего удивительного в том, что в атмосфере всеобщей лести Франко стал нетерпим к любым проявлениям независимости, от кого бы они ни исходили. Вольность со стороны кардинала Гома особенно вывела из себя каудильо, поскольку свидетельствовала о возникших шероховатостях в отношениях с католической церковью, внешне носивших идиллический характер. В середине марта Франко собирался совершить поездку по Андалусии и закончить ее в Севилье в конце Святой недели. В ходе религиозного шествия каудильо приветствовали возгласами фалангисты и местные военные, но рядом с ним не было архиепископа кардинала Педро Сегуры, возмущенного пронаци-стской политикой режима и попытками фалангистов изобразить ярмо со стрелами на стенах кафедрального собора Севильи. Разгневанный неуступчивостью кардинала, Франко предложил группе фалангистов доставить Сегуру под эскортом на празднование. Получив отказ кардинала, каудильо инициировал его травлю, поручив это местным фалангистам. Те решили провести парад в День победы, 1 апреля, завершить его у кафедрального собора и подвергнуть Сегуру публичному унижению. Вспыльчивый кардинал пригрозил всем участникам отлучением от Церкви. Только его кафедральный собор, единственный в Испании, не был расписан именами павших националистов и фалангисгскими надписями. В своем очередном пастырском послании Сегура с осуждением отметил, что замалчиваются недавний призыв кардинала Гома к национальному примирению и его упоминание о близости режима к Третьему рейху. Копию пастырского послания он направил Франко. После этого, куда бы ни следовал Сегура, его сопровождали вооруженные фалангисты. Через своего посла при Святом Престоле, Хосе Янгуаса-и-Мессиа, Франко делал попытки сместить Сегуру[43].

Враждебность между Церковью и Фалангой была отголоском противоречий между армией и Фалангой. Несмотря на эти внутренние трения, каудильо едва ли имел веские основания беспокоиться за свое будущее. В день парада, посвященного первой годовщине победы над республикой, Франко объявил о своем личном решении воздвигнуть колоссальный монумент павшим в Гражданской войне — тем, кто сражался на его стороне. Это весьма показательно для самомнения Франко: как фараоны, он собирался оставить после себя величественный памятник, обращенный к будущим поколениям. После официального обеда в штабе Мадридского военного округа, во время которого донья

Кармен сидела между германским и итальянским послами, машина каудильо возглавила кавалькаду, направившуюся в Куэлгамурос, что в долине реки Гуадаррама рядом с Эскориалом. Когда собрались члены кабинета, фалангистские лидеры, старшие генералы и члены дипломатического корпуса, полковник Валентин Галарса, заместитель министра по делам правительства, зачитал декрет о возведении мемориала под названием «Долина павших» (Valle de los Caidos). Франко, обратившись к собравшимся, рассказал, каким величественным будет это сооружение.

Декрет, установивший дату закладки памятника 1 апреля, явно указывал на манию величия Франко, который желал определить свое место в истории. «Масштаб нашего крестового похода, героические жертвы, принесенные во имя победы, и непреходящее значение этой эпопеи для будущего Испании, не могут быть увековечены обычными памятниками, возводимыми в городах и деревнях в память о выдающихся событиях нашей истории и славных делах сыновей нашей страны. Этому монументу надлежит обладать величием памятников древности, бросающих вызов времени и забвению...» После тщательных поисков места для мемориала, Франко остановил выбор на долине Куэлгамурос, окруженной горной цепью Сьерра-де-Гуадаррама с гранитными скалами, к северо-востоку от Мадрида. Все здесь дышало красотой и величием[44].

Основа архитектурного замысла принадлежала Франко. В ходе сооружения памятника он делал наброски для архитектора Педро Мугурусы. Милян Астрай полагал, что архитектура являлась тайной склонностью Франко, создавшего эскизы различных зданий для нужд Легиона[45]. Перед Мугурусой была поставлена задача соорудить памятник, который связал бы современность с эпохой католических королей, с Карлом V и Филиппом II. Поначалу считали, что работа займет год. Она же растянулась на два десятилетия, и Франко питал к ней пристрастие, сопоставимое лишь с увлечением охотой. Эту гигантскую работу взвалили на плечи пленных республиканцев, избежавших казни.

В 40-е годы Франко сформировал из пленных республиканцев «каторжные бригады» и «батальоны наказания». Их использовали при строительстве плотин, мостов и ирригационных каналов. Каудильо считал, что свои «преступления» республиканцы могут «искупить работой». На строительстве памятника трудились двадцать тысяч каторжан. Четырнадцать тысяч при этом погибли, многие лишились рук, ног, заболели силикозом. Примерно двадцать лет ушло на то, чтобы вырубить в скалах место для

базилики длиной в 260 метров, построить монастырь и возвести огромный крест высотой в сто пятьдесят метров. На горизонтальных конструкциях креста можно было поставить два лимузина. Это сооружение обошлось Испании не меньше, чем Эскориал при Филиппе II — в эпоху экономически куда более благополучную для страны[46].

То, что в начале 1940 года Франко совершал поездки за город в поисках места для сооружения памятника, отражает его поразительную самонадеянность, если не сказать благодушие. В это время каудильо вновь взялся за кисть. Частенько позируя художникам, он развлекался тем, что ставил большое зеркало за спиной портретиста и наблюдал за его работой. Однажды один из них, Энрике Сегура-и-Сотомайор, забыл забрать с собой краски, и каудильо попытался поработать ими сам[47]. Несомненно, занятия живописью и сооружение «Долины павших» были увлечениями каудильо, привлекавшими к себе всеобщее внимание, потому что и Гитлер тоже имел склонность к художеству. Испания находилась на краю экономического краха, тысячи людей умирали от голода, в Европе полыхала война, но Франко это весьма мало заботило. Еще удивительнее то, что в конце года — позже он утверждал, будто в ту пору его тревожило усиливавшееся давление со стороны Третьего рейха, — каудильо нашел время написать сценарий фильма.

В апреле—мае 1940 года душевный покой Франко по-прежнему нарушала вызывающая критика кардинала Сегуры. Гражданский губернатор Севильи прислал генералиссимусу заметки, сделанные в кафедральном соборе во время службы кардинала. Так, Сегура заявил, что в классической литературе «каудильос» — главари воровских шаек, а в трудах святого Игнатия Лойолы «каудильо» — синоним «дьявола». Разъяренный Франко приказал выслать кардинала из Испании. Прямолинейного Сегуру в 1931 году уже высылала республика, и для Франко повторить то же самое означало нанести престижу режима большой ущерб — как в Испании, так и за ее пределами. Этот неверный шаг свидетельствовал бы о том, что победа в Гражданской войне, сближение с диктатурами Оси и постоянная лесть усыпили инстинктивную осторожность каудильо. Эпизод с Сегурой убеждает: миф о преданности Франко Церкви невероятно раздут. Лишь вмешательство Серрано Суньера предотвратило грубую политическую ошибку, которая привела бы к разрыву отношений с Ватиканом. Франко пришлось довольствоваться попытками воздействовать на Ватикан через существующие дипломатические каналы и убеждать его перевести Сегуру в другое место[48].

Несмотря на это, в иностранных делах Франко по-прежнему руководствовался своей природной осторожностью. Тридцатого апреля он направил Муссолини послание, названное Чано «бесцветным», но воспринятое в Риме как подтверждение «абсолютного и неизбежного нейтралитета Испании, намеревающейся залечивать свои раны». В своем письме каудильо, все еще опасавшийся французской армии, выражал мысль, что война может быть затяжной и тяжелой, и положительно отзывался о разумной линии Муссолини, который затянул вступление Италии в военные действия. Касаясь катастрофического экономического положения Испании, он писал: «Вы поймете, как досадно для меня и моего народа, что борьба разгорелась в столь неудачное для нас время и мы вынуждены оставаться в стороне»[49]. Последнее, вероятно, навеяно недавними докладами высшего командования. Франко знал, что истощенная экономически и политически Испания не выдержит долгой войны, он не мог примириться с тем, что гитлеровский вермахт разгромит Францию и Британию, а его страна не примет участия в дележе добычи. Франко надеялся поэтому вступить в войну в последнюю минуту, чтобы заслужить место за столом, за которым будут распределять трофеи.

Уже 23 апреля, рассчитывая на расположение стран Оси, если эту информацию доведут до сведения британцев, Франко откровенно солгал португальскому послу Перейре, будто, по его убеждению, Италия не вступит в войну[50]. Эту игру продолжил Бейгбедер: приняв 4 мая американского посла, элегантного виргинца Александра Уилбурна Уэдделла, он сказал ему, что Испания будет защищать свой нейтралитет силой оружия[51]. Четырнадцатого мая в беседе с президентом компании ИТТ Состензом Беном (Sosthenes Behn) Серрано Суньер подтвердил, что Испания готова защищать свой нейтралитет, но дал недвусмысленно понять: речь идет о Британии и Франции[52]. Все это указывало на близость Франко с Муссолини. Однако в силу своего темперамента каудильо был менее, чем дуче, склонен к безответственной спешке. Позиции Франко укрепляло и то, что Испания располагала закаленным в боях генштабом, трезвым в оценках возможностей собственной страны и не столь льстивым, как у Муссолини. Сверх того, Франко, весьма опытный солдат, реалистически взвешивал свои возможности, хотя и поддавался имперским соблазнам. Высокая оценка французской армии, побуждавшая к осторожности, скоро исчезнет, и тогда Франко подведет Испанию к краю пропасти.

Десятого мая, когда немцы вторглись в Бельгию и Голландию, пресса Франко восхваляла «оборонную акцию»

немцев и их справедливый успех. Каудильо с радостью воспринял это событие, сказав Бейгбедеру: «У немцев верный глаз. Они всегда точно выбирают место и время»[53]. Шестнадцатого мая французский посол маршал Петэн был отозван из Мадрида премьер-министром Полем Рей-но и назначен вице-премьером в его правительстве. Он получил указание посетить Франко перед отбытием из Мадрида и заверить его, что деятельность испанских республиканцев во Франции ограничена. Этой неубедительной уловкой от каудильо, начавшего терять уважение к французской военной мощи, старались добиться обещания соблюдать нейтралитет[54]. Во время последней аудиенции у Франко Петэн сказал: «Мое отечество потерпело поражение. Меня отзывают, чтобы я договорился о прекращении огня и подписал перемирие». Ответ Франко показал его откровенно эгоистический взгляд на политику: «Вы победитель Вердена, величайшая слава настоящего Франции. Вы — символ мощной и победоносной страны. Не возвращайтесь туда, маршал. Не связывайте свое имя с тем, что проиграно другими»[55]. Высказывалось предположение, что, ставя в зависимость от поражения Франции свои имперские замыслы, Франко хотел удержать Петэна, способного возродить французскую военную мощь[56].

Примечательно, что когда десять дней спустя в обстановке всеобщей паники Петэна спросили, насколько вероятно вступление Испанци в войну, маршал твердо ответил, что Франко сохранит нейтралитет, ибо военная слабость страны не оставляет ему альтернативы[57]. Петэн здраво оценил испанские ресурсы, но отсутствие твердой уверенности во Франко объяснялось тем, что каудильо держал свои планы в глубокой тайне. Франция имела военные Предприятия в Тулузе, Ангулеме и Бержераке. К ним добавились многие фабрики и заводы, эвакуированные с началом войны с севера и востока на юг, но все они могли оказаться уязвимыми в случае нападения Испании. Франко в конце мая дал указания своему военному атташе в Париже полковнику Барросо заверить французский генштаб, что свои южные границы Франция может не охранять[58]. Трудно не заподозрить его в том, что он хотел устранить всякие препятствия для военных операций против Франции, поскольку всего за три дня до этого предлагал свои услуги Гитлеру.

После первоначальных сомнений Франко уверовал в скорую победу Германии[59]. В Вашингтоне знали об этой уверенности, но также были в курсе чудовищных по масштабам экономических проблем Испании. В государственном департаменте не питали особых симпатий к Франко, то же можно сказать и о либеральной прессе Соединенных Штатов. Однако госдепартамент скорее с

сочувствием выслушал бы его просьбы о помощи, чем позволил ему устремиться в объятья Оси[60]. Британцы, весьма обеспокоенные намерениями Франко, 24 мая 1940 года заменили сэра Мориса Питерсона, британского посла в Мадриде, сэром Сэмюэлом Хором. Отчасти это было вызвано необходимостью подыскать подходящее место Хору, только что лишившемуся поста министра авиации. После перетасовки в Военном кабинете ушел Чемберлен, а пост премьер-министра занял Черчилль. Ясно, что при новом раскладе сил Лондон настораживают намерения Франко, и такая заметная персона, как Хор, предназначалась для «особой миссии» — умиротворения каудильо. Франция находилась на грани поражения, и нельзя было допустить, чтобы Испания добавила преимущества Гитлеру и Муссолини. Случись так, потеря Гибралтара и предоставление испанских атлантических портов в полное распоряжение стран Оси стало бы для Британии сокрушительным ударом. Тринадцать месяцев спустя Хор писал: «Я приехал, по существу, с купеческой миссией, имея целью выторговать время: местное — для укрепления Гибралтара и всемирное — для того, чтобы Британия пришла в себя после поражения Франции»[61].

Жалобами испанской стороны на интеллигентного, но крайне колючего Питерсона воспользовались как предлогом, чтобы его заменить. Питерсону импонировала политика Франко, но личность каудильо внушала ему презрение, и он пытался по своему усмотрению командовать им. Язвительные замечания Питерсона в адрес Франко в частности и испанцев в целом позволили одному из коллег посла сравнить его с директором картинной галереи, располагающим всеми необходимыми качествами для работы, но при этом не выносящим живописи[62]. Питерсон был убежден, что Франко не вступит в войну против западных союзников. В ту пору это воспринималось как верх самонадеянности. Он говорил сэру Роберту Брюсу Локкарту, что Испания не позволит себе воевать при умирающем от голода населении, а Франко, «маленький и напуганный человечек», отказывается принимать его и Петэна. В действительности же каудильо вообще редко встречался с дипломатами, делая исключение лишь для германского посла[63].

В британском министерстве иностранных дел не приветствовали назначения Хора. Сэр Александр Кэдоган, министр иностранных дел, разговаривая с леди Галифакс, мрачно пошутил в связи с этим: «Одно обнадеживает — в Мадриде много немцев и итальянцев, поэтому есть серьезный шанс, что сэра С.Х. там убьют». Немцы были уже в Остенде, шла эвакуация войск Союзников[113] из Дюнкерка. Хор вылетел 29 мая в Лиссабон и

далее 1 июня в Мадрид, где обнаружил высокие цены, нехватку продуктов питания, засилье немцев в средствах связи, прессе и авиации. Его посольство оказалось практически в осаде[64]. На энергичного и дотошного Хора возлагалась задача удерживать Франко от вступления в войну и убеждать его, что в конечном счете поражение Оси неизбежно. Даже опасаясь за свою жизнь, он выполнял эту работу искусно и смело[114]. Встречаясь с Франко или его министрами иностранных дел, подбрасывая намеки, подрывающие позиции в правительстве Серрано Суньера, приверженца Оси, устанавливая тайные контакты с противниками Франко из военных и монархических кругов, Хор проявлял тонкость и безграничную энергию, что, впрочем, не дало ожидаемого эффекта[65].

Убеждение Франко в собственной мощи заметно окрепло после поражения французской армии, когда-то его страшившей. Ослабление колониальной хватки Франции и Британии открыло перед Франко виды на расширение империи, что могло бы упростить решение внутриполитических проблем, в частности вопроса о соперничестве между фалангистами и военными. Британия и Франция переживали тяжелейшие времена, и Испании был предоставлен шанс. Франко решил рискнуть. Толпы фалангистов скандировали у стен британского посольства «Испанский Гибралтар» (Gibraltar espanol), британские экспедиционные войска отступали под Дюнкерком, а Франко с волнением наблюдал за происходящим. Как начальник генштаба генерал Хуан Вигон и большинство генералов, каудильо питал неколебимую уверенность в мощь вермахта. Они жаждали воспользоваться возможностью, предоставленной им германскими успехами, и захватить Гибралтар и Французское Марокко[66].

И вот Франко направляет Вигона к Гитлеру с льстивым поздравительным посланием:

«Дорогой Фюрер. В тот момент, когда германские армии под Вашим руководством доводят до победного конца величайшую в истории битву, я хотел бы выразить Вам восхищение и воодушевление как свое, так и моего народа, с глубоким волнением наблюдающего за славным ходом битвы, которую считает своей собственной».

Потом он, пространно объяснив, как из-за экономических трудностей — следствия Гражданской войны — и из-за страха перед британской военно-морской мощью в Средиземном море вынужден скрывать, что поддерживает Германию, и прикрываться официальным нейтралитетом, он продолжал:

«Нет необходимости заверять Вас, насколько велико мое

желание не остаться в стороне от занимающих Вас забот и как глубоко я буду удовлетворен, если смогу оказать Вам услуги, которые Вы сочтете необходимыми».

Письмо датировано 3 июня, но Вигон отбыл только 10-го[67]. Целью письма и визита Вигона было указать фюреру на минимальное участие Испании в войне, которое все же давало ей право занять место за столом мирной конференции[68]. На Гитлера это не произвело ни малейшего впечатления. Ожидая, что Британия скоро капитулирует, а значит, необходимость в услугах Франко отпадет, фюрер не собирался платить за них высокую цену.

Неудивительно, что за фарисейской болтовней о своей приверженности миру и посредничеству Франко скрывал твердое решение поживиться за счет неудач Франции и поспособствовать своим друзьям из Оси. Действуя тайком, интригуя, он и в самом деле содействовал поражению Франции. Когда, например, в середине мая французское правительство хотело направить в Мадрид правого депутата и будущего вишистского министра по делам молодежи Жана Ибарнегарая (Ybamegaray), французского баска, поручив ему с помощью испанского посредничества убедить итальянцев не объявлять войну, Франко по просьбе Муссолини отказался принять дипломата, сославшись на то, что подобный шаг может повредить нейтральному статусу Испании. Затем, отчитавшись перед дуче в своих действиях, он спросил у него, не следует ли проинформировать и Гитлера. Муссолини остался весьма доволен проявлением такого уважения к нему[69]. Франко, поддерживая отношения с Германией, тайно действовал в ущерб Франции. В марте 1939 года он подписал с Третьим рейхом договор, обязывавший его прибегнуть к консультациям с Берлином в случае международного кризиса. В июне 1940 года испанский посол во Франции продолжал работать в пользу немцев, следуя инструкциям из Мадрида. Лекерика обрабатывал Петэна и других правых деятелей, особенно Лаваля. Его донесения в Мадрид о беседах и о пессимистическом настроении Петэна немедленно передавались немцам. Это был неоценимый источник информации о намерениях французов на самом высоком уровне[70].

В 1940 году стратегическая ценность Испании для стран Оси неизбежно привела к тому, что с Франко начали заигрывать обе противоборствующие стороны: немцы старались втянуть его в войну, а британцы — удержать от этого. Последние избрали политику кнута и пряника, хотя далеко не все считали мудрой подобную политику. Так, они имели возможность блокировать внешнюю торговлю Испании, а могли и дать до зарезу

необходимый ей кредит. С ноября 1939 года британская делегация в Мадриде старалась выиграть время на переговорах о заключении торгового соглашения, желая, чтобы Франко, получив поддержку в глазах испанской общественности, обрел дополнительный стимул для сохранения нейтралитета[71]. В противоположность британцам, немцы, поначалу не слишком заинтересованные в испанском участии в войне, не спешили грозить Франко пальцем.

Трудность миссии, выпавшей на долю Хора и Экклза, лишний раз подтвердилась в июне, когда британское и французское посольства в Мадриде и консульства в Барселоне и Малаге подверглись нападениям фалангистов, а франкистская пресса радостно возвестила о том, что немцы и итальянцы выступают за возвращение Гибралтара Испании[72]. Девятого июня Муссолини сообщил Франко: «Когда Вы будете читать это письмо, Италия уже вступит в войну на стороне Германии. Прошу Вас в рамках общего направления Вашей политики проявлять моральную и экономическую солидарность с Италией. При переделе Средиземноморья, который произойдет после войны, Гибралтар будет возвращен Испании»[73]. Ягуэ убеждал каудильо присоединиться к дуче. С одобрения Франко, Ягуэ уже удовлетворил просьбу Чано о том, чтобы итальянские бомбардировщики тайно заправлялись на испанских аэродромах[74]. Военная горячка, разжигаемая фалангисгской печатью, привела к тому, что военный министр генерал Варела получил письма с выражением протеста от своих высоких коллег, включая Кинделана, Понте и Оргаса. Это давление, хотя и в малой мере, но помогло умерить аппетиты Франко в отношении достояния северного соседа[75].

Приверженность Испании странам Оси тщательно маскировалась. Варела говорил американскому послу Уэдделлу, что итальянская акция — это «безумие»[76]. Франко же направил Муссолини 9 июня весьма важное по содержанию ответное письмо, в котором обещал ему моральную поддержку и экономическую помощь в пределах возможностей Испании. Однако, прежде чем направить этот ответ, он получил послание от Чано. Тот убеждал каудильо придерживаться прежней позиции Муссолини и изменить статус нейтральной страны на статус невоюющей[115]. Франко последовал совету, исправил текст письма и отправил его дуче 10 июня. Это решение было одобрено его кабинетом 12 июня[77]. Ответ Муссолини содержал выражение горячей благодарности[78]. Каудильо с сожалением сказал итальянскому временному поверенному в делах, что «нынешнее состояние вооруженных сил не позволяет Испании занять более

решительную позицию, однако он продолжает ускоренно готовить армию к любому развитию событий». Во время этой беседы Франко также говорил, что не доволен позицией Соединенных Штатов[79]. Информация об этом была срочно передана немцам[80]. Сообщение о принятии Испанией статуса невоюющей страны появилось в прессе на следующий день. Фалангистская печать заявляла, что Испания должна быть со странами, которые помогли ей в Гражданской войне[81].

В Британии и Португалии восприняли объявление Испанией статуса невоюющей страны по аналогии с такой же акцией Муссолини как прелюдию к вступлению в войну[82]. Франко использовал португальцев для того, чтобы обмануть британцев. Несколько месяцев он уверял португальского посла Перейру, что привержен нейтралитету и не имеет экспансионистских планов. То же самое он сделал и 10 июня, в тот день, когда направил Муссолини письмо, с сообщением о принятии статуса невоюющей страны[83]. Тут же он поручил своему брату Николасу убедить министра иностранных дел Португалии, будто эта акция ни в коем случае не означает отхода Испании от курса на нейтралитет[84]. Каудильо считал Лиссабон удобным каналом передачи нужной информации в британское министерство иностранных дел, позволяющим маскировать свои намерения, пока державам Оси сопутствует удача. В 1943 году, уже не так уверенный в исходе войны, Франко будет использовать Лиссабон, чтобы лишний раз убедить Союзников в своей приверженности нейтралитету. Летом же 1940 года он замышлял хищнические планы в отношении Португалии.

В Фаланге и офицерском корпусе было немало лиц, кого соблазняли сообщения о слабости Гибралтара и деморализации французской армии в Марокко. Бейгбедер был против объявления войны, хотя и говорил итальянскому временному поверенному, что Гибралтар «падет, как спелый фрукт, когда пробьет час»[85]. Франко, испытывая сильное желание действовать, опасался предпринимать решительные шаги без явной германской поддержки[86]. Он питал огромное почтение к Третьему рейху. Это подтверждается, в частности, тем, что германский посол был вхож к нему почти в любое время. Напротив, в беседах с Хором каудильо не выходил за пределы банальностей и не вступал с ним в серьезные дискуссии, как это было прежде и с Питерсоном. Когда в середине июня Хор представил свои верительные грамоты, внешность Франко не произвела на него никакого впечатления. По словам Хора, каудильо, «маленький и довольно тучный, был типичным мелким буржуа. Голосом он сильно отличался от Гитлера, срывающегося на неконтролируемый крик,

или от вещающего хорошо поставленным басом Муссолини. Собственно, таким голосом говорит у постели больного доктор с хорошей практикой и твердым доходом»[87]. Как утверждали в Мадриде, Франко предрекал близкое поражение Союзников и Хор якобы приехал лишь для того, чтобы предложить ему Гибралтар. Пренебрежительно относился он и к послу Вашингтона, держа его на расстоянии и часто перенося назначенные встречи.

Официально Франко не тратил время на дела того или иного ведомства и использовал свою «занятость» как предлог отказать в приеме послам — всем, кроме фон Шторера. Каудильо жил в своем тщательно охраняемом дворце Пардо в атмосфере мрачной изоляции, которая, по мнению Хора, более соответствовала бы какому-нибудь восточному деспоту. Там Франко проводил заседания правительства и принимал своих министров. Покидал он дворец только по случаям, обусловленным государственной необходимостью, и ради охоты. Известно, что недоступность Франко усугублялась его все возраставшим пристрастием к охоте. Если же он и давал аудиенцию, то, по словам Хора, было «трудно преодолеть барьер его поразительного самодовольства». Франко восседал за письменным столом, украшенным портретами Гитлера и Муссолини с их собственноручными подписями, и всячески избегал любой серьезной дискуссии.

Хору казалось, что каудильо пребывает в счастливом неведении по поводу экономической и военно-морской мощи Британской Империи или дружественных ей Соединенных Штатов[88].

Однако ясно, что Франко с интересом занимался внешней политикой. Бей-гбедер, Хордана и Лекерика, испанские министры иностранных дел в разные периоды Второй мировой войны, утверждали, что внешнюю политику определял каудильо, а они прорабатывали детали и воплощали в жизнь его указания[89]. Начиная с 1945 года франкистские пропагандисты во всю старались показать, будто исключительным архитектором прогерманской политики был Серрано Суньер. Это бессмыслица. Трудно представить, чтобы Франко пассивно позволял своему свояку вершить внешнюю политику. На одном приеме в бразильском посольстве Серрано Суньер пригласил всех присутствующих прийти к нему на коктейль через две недели в поверженном Лондоне[90]. Он уже плел интриги против министра иностранных дел Бейгбедера и устанавливал непосредственные и тесные отношения с фон Шторером. Серрано сказал германскому послу, что, хотя у Испании и нет необходимости вступать сразу вслед за Италией в войну, «она, однако, должна бдительно следить за происходящими событиями, чтобы вмешаться в

нужный момент»[91]. Тем не менее признать амбиции Серрано Суньера совсем не значит приуменьшить восторженную приверженность к странам Оси самого каудильо.

И действительно, испанская помощь странам Оси не могла быть оказана без ведома и четко выраженного согласия Франко. В испанских портах обретали провизию и ремонтировались германские подводные лодки, а сменным экипажам разрешалось ездить через испанскую территорию. Таким образом подводные лодки получали возможность подолгу не заходить в германские порты. К июню 1940 года, используя испанские базы и услуги, германские подводные лодки могли достигать северных берегов Бразилии и их радиус действия распространялся все дальше на юг, угрожая британским коммуникациям. Они атаковали конвои в центре Атлантики в полной уверенности, что найдут топливо для возвращения на родину. В случае боевых повреждений подводных лодок командиры могли рассчитывать на проведение ремонта в испанских портах и на лечение там раненых членов команд. Система базирования подводных лодок возникла в конце 1939 года, а в первой половине 1940 года потребовала организации серьезного планирования и создания комплексной инфраструктуры, и создана она была с одобрения Франко, несмотря на его колебания, вызванные страхом перед британской военно-морской мощью. Затем каудильо переложил оперативную ответственность на Бейгбедера. Франко также разрешал германским разведывательным самолетам использовать испанские опознавательные знаки, а радиостанцию в Ла-Корунье предоставил в распоряжение люфтваффе. Осенью 1940 года немцы направят Франко запрос о возможности тайного снабжения германских эсминцев запасами топлива в заливах северного побережья Испании[92].

Согласно послевоенным исследованиям, проведенным Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, во время Второй мировой войны германские самолеты действовали с испанских аэродромов против торговых судов Союзников. Германские самолеты, поврежденные вблизи испанской территории, ремонтировались испанцами, немцы получали возможность детально знакомиться с конструкцией британских или американских самолетов, совершавших вынужденные посадки на территории Испании. Покровительство испанских властей облегчало Германии шпионаж и диверсии на объектах Союзников в Испании. Равным образом германские наблюдательные посты, установленные на средиземноморском побережье, позволяли германскому командованию располагать точной информацией о численности, типах и маршрутах

британских и американских торговых судов, вошедших в Средиземное море, и атаковать их[93].

Апологеты каудильо настойчиво искали предлог, дабы оправдать благожелательный нейтралитет Испании по отношению к Третьему рейху страхом перед мощью вермахта[94]. Это насквозь фальшивый аргумент. Германия никогда не совершала враждебных акций против Испании. Вермахт начал с лета 1940 года разрабатывать план нападения на Россию, поэтому у него почти не оставалось свободных сил для нападения на Испанию. А с учетом весьма ценной для Германии испанской поддержки и помощи у Гитлера не было в этом никакой необходимости[95].

Когда 14 июня немцы вступали в Париж, то, несмотря на высоко превозносимую дружбу Франко с Петэном, Испания в 2.30 ночи оккупировала Танжер. Лекерика просто информировал французов накануне в 18.30, что акция настоятельно необходима для обеспечения безопасности города[96]. Бейгбедер говорил итальянскому временному поверенному Цоппи, что это сделано в момент, «когда Кэ-д'Орсэ очень занята гораздо более серьезными проблемами, а поэтому неспособна помешать осуществлению испанских намерений»[97]. Потом Франко представит эту акцию как проявление в 1940 году добрососедской заботы о побежденной Франции. На самом деле во время катастрофического поражения, нанесенного им Третьим рейхом, французы сочли действия испанцев как враждебную акцию.

Франко и Серрано Суньер видели в захвате Танжера первый шаг на пути к созданию настоящей империи в Африке. Это решение они приняли вдвоем, не обсуждая его с другими министрами или генштабом[98]. В адрес каудильо стали поступать восторженные телеграммы от фалангисгских организаций с горячими словами благодарности за возвращение испанцам Африки[99]. Стоя на балконе посольства и выступая перед собравшимися на улице фалангистами, Шторер заявил им, что «чаяния Испании сбудутся»[100]. На следующий день Вигон, вручив Риббентропу подарок Франко — цепь ордена Ярма и Стрел, сообщил ему о желании Испании завладеть всем Марокко[101]. Днем позже, 16 июня 1940 года, Гитлер принял Вигона в Шато Акоз (Chateau Acoz), в Бельгии, к югу от Шатле, и сказал ему, что обрадован умением Франко «действовать без разговоров»[102]. Однако он отклонил предложение вступить в войну, изложенное в письме Франко, и просто признал притязания Испании на Марокко. Вигон, однако, после организованной для него поездки на западный фронт вернулся в Мадрид совершенно очарованный и укрепил убеждение Франко в непобедимости вермахта[103].

Спустя несколько часов каудильо представился случай внести свою лепту в поражение Франции. Правительство, которое теперь возглавил Петэн, перелетело в Бордо. В половине первого ночи 17 июня Поль Бодуэн, министр иностранных дел, пригласив испанского посла Лекерику и военных атташе Ансальдо и Барросо, обратился к ним с просьбой, чтобы Испания выступила посредником и убедила Германию прекратить военные действия и начать переговоры об условиях мира. С огромными трудностями Лекерика связался с Мадридом и передал просьбу французов. Франко и Хордана обсудили ее и в 3 часа ночи сообщили о ней германскому послу[104].

Официально считалось, что выбор Петэном посредника обусловлен его высоким мнением о каудильо[105]. На самом деле невероятное обращение к «самому чистому мечу Европы» (la espada mas limpia de Europa)[106] после захвата Танжера указывало на то, что Петэн трезво оценивал тщеславие Франко и желал лишь оттянуть или сорвать открытие потенциальным врагом третьего фронта против Франции[107]. Вымученное решение французов добиваться прекращения огня было вызвано, в частности, и различными антифранцузскими демаршами

Франко в течение 1940 года. И заявление о принятии статуса невоюющей страны, и вступление в Танжер, и развертывание испанских войск у Пиренеев и на границе с Французским Марокко — во всем этом в Париже видели свидетельство того, что каудильо или готов объявить войну Франции, или облегчить немцам наступление в Северной Африке[108].

В дни крушения Франции Лекерика с помощью своего друга Пьера Лаваля без устали побуждал правительство Петэна к перемирию и уговаривал не продолжать войну с территории Северной Африки, внушая ему, что в этом случае Гитлер может пойти на переговоры и заключение мира. Лекерика утверждал, что крайне правая Франция объединится с Испанией, Италией и Германией при новом порядке, который заменит порочную англо-еврейскую империю[109]. Франко явно рассчитывал, что, заняв промежуточное положение между проигравшей Францией и победившей Германией, он сможет получить приличный куш в виде колоний. Когда французы слышали от испанцев предложения о прекращении огня, они воспринимали Франко как союзника Гитлера.

Каудильо, по своему обыкновению, вел двойную игру. Он предлагал свои услуги и немцам, и французам. Поскольку Гитлер не проявил интереса к вопросу о вступлении Испании в войну, Франко надеялся поживиться на французской катастрофе. Едва прозвучало предложение о прекращении огня и еще было

известно, какие детали могут обозначиться в договоренности между Францией и Германией, Франко дал Лекерике указания потребовать от Франции передачи Испании части французского Марокко — территорий племени бени-зеруал в южном Марокко возле Феса и племени бени-снассен в восточной части Французского Марокко. С некоторым смущением, как если бы он ждал вознаграждения за труды по достижении перемирия, Лекерика на следующий день, 18 июня, передал французам требования Франко. Потеря этих областей серьезно ослабила бы Французское Марокко. Бени-снассен стал бы для Испании рычагом к овладению провинцией Оран в Алжире. На другой день Франко в полном масштабе изложил итальянцам свои претензии: объединение под его протекторатом Испанского и Французского Марокко, части Алжира, расширение испанской части Сахары и испанских территорий в Гвинейском заливе[110].

Французский посол в Мадриде граф Реном де ла Бом (Renom de la Baume) выслушал два довода в оправдание испанских требований. Первый был типично франкистский: раз уж Франции суждено лишиться части своей империи, то пусть лучше пользу извлечет Испания, а не Германия. Второй довод звучал совсем уж фальшиво в свете тех просьб о помощи, с которыми Франко в это же время обращался к Германии и Италии: Испания, мол, просто намерена держать ситуацию под контролем на случай возникновения племенных беспорядков. Тем не менее, несмотря на почти неприкрытое желание Франко поживиться за счет Франции, во французском правительстве нашлись министры, готовые уступить его требованиям. Но командующий французскими войсками в Алжире генерал Ногэс (Nogues) решительно выступил против каких бы то ни было уступок и в конце концов убедил в этом Петэна. Франко явно хотел подкрепить свои аргументы силой, но Ногэс заявил генералу Асенсио, убедил в этом верховного комиссара в Марокко, что любое вторжение на французскую территорию получит решительный отпор[111].

Оказывая давление на Петэна, Франко одновременно высказал немцам предложение о вступлении Испании в войну, если будут удовлетворены ее колониальные претензии. На этот шаг, предпринятый всего через три дня после первого демарша, осуществленного при посредничестве Вигона и проигнорированного Гитлером, каудильо, видимо, толкнула не только катастрофа Франции, но и военный психоз, охвативший стараниями фалангистов Мадрид. Поскольку Англия продолжала военные действия и после капитуляции Франции, Франко предложил вступить в войну на стороне Оси, если получит в

обмен «военные материалы, тяжелую артиллерию, самолеты для нападения на Гибралтар и, возможно, содействие германских подводных лодок в обороне Канарских островов, а также поставки продовольствия, боеприпасов, горючего и снаряжения, которое ничего не стоило взять с французских военных складов»[112].

Уверенность Франко в победе Германии и в прочности собственной позиции как партнера стран Оси сказалась и на его поведении с Уэдделлом и Хором. От откровенной холодности он перешел к беспардонному хвастовству. Двадцать второго июня, соблаговолив принять наконец Уэдделла, каудильо самодовольно признался ему, с каким удовольствием предвкушает скорый передел французских и британских колоний. Он отклонил американское предложение об экономическом сотрудничестве при условии сохранения Испанией нейтралитета[113]. Позже в тот же день Франко твердо заявил британскому послу, что победа Союзников совершенно невозможна. «Почему бы вам не закончить войну сейчас же? — спросил он пораженного Хора. — Вы же никогда не выиграете. Единственно, чего вы добьетесь, продолжая войну, так это уничтожения европейской цивилизации». Явно убежденный в том, что немцы ответят согласием на его предложение, Франко также сказал Хору, что Испании ничего не надо от Британской Империи[114]. В Мадриде распространился слух, будто Хор предложил Франко Гибралтар в обмен на обязательство Испании не вступать в войну на стороне Оси[115].

Руководство американского посольства в Мадриде считало равнодушие каудильо к предложениям об экономической помощи следствием его непоколебимой уверенности в победе Германии и в том, что страна-победительница облагодетельствует Испанию. Подозрения британцев и американцев усилились, поскольку накануне было отмечено резкое увеличение Испанией импорта нефти. В этом они усмотрели свидетельство подготовки к войне или намерение тайно помочь Италии[116]. Подозрения укреплялись тем, что поставки осуществлялись через симпатизировавшего странам Оси Торкилда Рибера (Thorkild Rieber), президента компании «Тексас ойл», который обеспечивал потребности Франко в нефти в период Гражданской войны. По просьбе Британии американский экспорт в Испанию был резко сокращен, что не позволило ей накапливать запасы топлива в интересах Оси. Эта продуманная политика лишала Франко уверенности, необходимой для вступления в войну, хотя не поставила его целиком в зависимость от расположения Третьего рейха[117].

Продержав каудильо в неведении около недели, немцы холодно ответили на его второе предложение. Убежденный в скором крушении Британии, Гитлер не питал большого интереса

к участию Франко в войне и не собирался удовлетворять его желания. Некоторые претензии каудильо противоречили планам фюрера по созданию собственной колониальной империи в Африке. Участие Испании требовало таких поставок зерна и топлива, какие Третий рейх не мог себе позволить. Официальный ответ на испанское предложение был направлен госсекретарем бароном Эрнстом фон Вайцзекером: германское правительство принимает во внимание испанские территориальные притязания в Северной Африке, горячо приветствует испанское предложение о вступлении в войну и обдумает просьбу о военных поставках «в надлежащее время»[118]. Гитлер не намерен был ставить под угрозу мирные переговоры с Петэном ради притязаний Франко. Разочарованный каудильо тотчас велел Серрано Суньеру сделать запрос о визите в Германию, дабы немедленно сгладить разногласия по вопросам территориальных притязаний и германских поставок[119].

Именно в этот момент Франко снял с поста министра ВВС генерала Ягуэ. Недовольный медлительностью каудильо в делах, Ягуэ стал еще откровеннее критиковать его. Возмущенный мстительностью Франко, генерал приступил к реабилитации офицеров республиканских ВВС, в числе которых были и франкмасоны. Ягуэ, заняв крайние позиции в своем радикальном фалангизме, оказался вовлеченным в заговор по отстранению Франко от власти, в котором участвовал и генерал Агустин Муньос Грандес, действовавший, впрочем, более осмотрительно. Про участие в заговоре Ягуэ прознали спецслужбы, и 27 июня у него состоялся трудный и бурный разговор с каудильо, после которого генерал был лишен министерского поста и отправлен в ссылку в свою родную деревню Сан-Леонардо в провинции Сория. По неубедительной официальной версии, причиной его отставки стало то, что Ягуэ в беседе с Хором якобы сказал, будто Англия войну проиграла, и поделом ей. Ягуэ выразился не лучшим образом, но его реплика вряд ли была более оскорбительной, чем тон и содержание слов Франко в разговоре с Хором 22 июня[120].

Франко, Серрано Суньер и Бейгбедер каждый по-своему, с равной степенью раболепия вели себя по отношению к Третьему рейху, а пресса неистовствовала в нападках на Англию, так что инцидент с Ягуэ в этом смысле не показателен[121]. Германским военнослужащим в форме, на танках и бронетранспортерах позволялось пересекать испанскую границу, а некоторые из них участвовали в небольших импровизированных полуофициальных парадах победы. Генерал Хосе Лопес Пинто, командующий Бургосским военным округом, вместе со своим штабом, под военный оркестр, стоя рядом с германским послом и

официальными представителями сан-себастьянского отделения нацистской партии, приветствовал командира германских войск, вышедших 27 июня на испанскую границу. Лопес Пинто устроил официальный прием в честь немцев, произнес тост «Да здравствует Гитлер!» (Viva Hitler). Лишь после неоднократных протестов Хора испанское правительство приняло меры и Лопеса Пинто сняли с его поста[122].

Скрытного и загадочного Бейгбедера впоследствии стали принимать за англофила, но летом 1940 года он бьш, по существу, адептом Франко[123]. То аскет, то волокита, Бейгбедер, как утверждали, пленился величавой и юной баронессой фон Шторер. Летом 1940 года стало предельно ясно, что управление вопросами внешней политики всецело взяли на себя Франко и Серрано Суньер. Последний, воспользовавшись любовными похождениями Бейгбедера, внушил каудильо сомнения в его благонадежности[124]. В безнадежной попытке сохранить свой пост, Бейгбедер стал еще более настойчиво демонстрировать свои прогерманские настроения. Так, 23 июня Бейгбедер предложил задержать герцога и герцогиню Виндзорских, которые проезжали по испанской территории с юга Франции в Лиссабон, на случай, если немцы пожелают вступить с ними в контакт[125].

Возможно, считая Бейгбедера маловлиятельной личностью, Шторер решил прояснить вопрос о герцоге Виндзорском через Серрано Суньера, который, в свою очередь, обратился за советом к каудильо. Сопровождать герцога было поручено испанскому дипломату Хавьеру Бермехильо — «Тигру», и его личные доклады заставили Франко поверить, что бывший король мечтает о роли миротворца. Летом 1940 года Серрано Суньер и Франко принимали деятельное участие в германских махинациях, направленных на то, чтобы воспрепятствовать герцогу Виндзорскому занять пост губернатора на Багамах, поскольку немцы хотели использовать его на мирных переговорах с Англией против «черчиллевской клики». Множество раз в операции использовался Николас Франко, посол в Лиссабоне; в Португалию направили и Мигеля Примо де Риверу, главу мадридского отделения Фаланги. Ему было велено уговорить своего друга герцога не ехать на Багамы. В надежде соблазнить герцога ролью английского Рудольфа Гесса ему сообщили через Анхела Алкасара де Веласко, одного из испанских эмиссаров и близкого Серрано Суньеру человека, что британская секретная служба разработала план его убийства[126]. Однако все эти потуги оказались тщетными.

Летом Франко все так же высокомерно держался с Хором. Он, несомненно, получил огромное наслаждение, передав ему во

второй половине июня условия мира, предлагаемые Гитлером[127]. Каудильо уполномочил Бейгбедера предложить Хору добрые услуги Испании по передаче в Берлин британской просьбы о прекращении огня[128]. Хор полагал, что единственным способом удержать Испанию от вступления в войну могла стать политика нагнетания антивоенных настроений в Испании и выражение готовности предоставить ей помощь в предотвращении надвигающегося голода. Недоброжелатели Хора считали такую тактику попустительством Франко. Попытки сбросить каудильо казались Хору безрассудными, ибо немцы могли воспользоваться успехом левых как предлогом для вторжения в Испанию. С другой стороны, в целях сдерживания Франко Хор считал весьма целесообразными массовую обработку и даже подкуп высших офицеров испанской армии[129].

Семнадцатого июня Хор выехал в Лондон для консультаций о том, как ему реагировать, если испанцы поднимут вопрос о Гибралтаре. По возвращении его поразил размах антибританских демонстраций. Военный кабинет Великобритании на своем заседании 18 июня решил, что посол должен в подобном случае настаивать на дополнительных консультациях с Лондоном. Если испанцы проявят нетерпение, Хору следует сказать, что по очевидным причинам вопрос о Гибралтаре не может решаться во время войны, но Лондон будет готов обсудить с Испанией «этот или любой другой вопрос, представляющий взаимный интерес, после окончания военных действий [без специального упоминания, однако, Гибралтара]»[130]. На самом же деле Ричард Остин Батлер (Butler), заместитель парламентского секретаря по иностранным делам, уже сообщил 8 июня франкистскому послу герцогу де Альбе, что «Англия расположена обдумать впоследствии все проблемы и чаяния Испании, включая Гибралтар»[131]. Хор и Галифакс продолжали утверждать, что Франко нужно удерживать от войны, обещая ему уступки в вопросе о суверенитете над Гибралтаром. Черчилль отложил рассмотрение этого вопроса, направив Галифаксу меморандум от 26 июня: «Уверен, мы ничего не выгадаем, предлагая «обсудить» вопрос о Гибралтаре в конце войны. Испанцы поймут, что если мы выиграем войну, то обсуждения будут бесплодными, а если проиграем, в них отпадет необходимость». Однако Галифакс и Хор утверждали, что категорический отказ обсудить проблему Гибралтара сыграет на руку приверженцам Оси в Мадриде. В конце концов Черчилль принял их аргументы. В сентябре Хор доверительно сообщил Бейгбедеру, что Британия будет готова говорить о Гибралтаре после войны[132].

Туманные обещания будущих переговоров не соблазняли

Франко, который рассчитывал получить солидный куш от стран Оси. Поэтому не удивительно, что Серрано Суньер продолжал выбивать себе официальное приглашение в Германию[133]. Несмотря на заискивания испанцев, немцы не спешили отвечать им взаимностью. Гитлер сказал итальянцам, что не хочет видеть испанцев во Французском Марокко, дабы не провоцировать британцев на высадку там. Фюрер, нуждаясь в авиабазах в Марокко, уже начал приглядываться к одному из Канарских островов. Эти планы Гитлера никак не согласовывались с представлением Франко о собственном месте в будущем новом мировом порядке[134]. Берлин попросил фон Шторера подтвердить, что Испания больше не экспортирует стратегические товары во Францию и Британию. Считалось, что испанское сырье должно экспортироваться только в Третий рейх[135].

Явное неприятие фюрером предложений Франко не встревожило последнего. На это указывали продолжавшиеся попытки устроить визит Серрано Суньера в Берлин. К тому же каудильо оставался горячим приверженцем переговоров с Германией об условиях вступления Испании в войну. Франко весьма обрадовался приезду в конце июня адмирала Канариса. Со времени Гражданской войны между ними установились хорошие личные отношения. В строгом рабочем кабинете Канариса в Берлине среди немногочисленных сувениров была и большая фотография каудильо с его пространным автографом[136]. Находясь в Испании, Канарис говорил с Бейгбедером, Вигоном и Франко и дал определенно понять, что в данный момент Германия не питает интереса к вступлению Испании в войну. Однако он доставил предложение о специфическом сотрудничестве. На встрече 6 июля Канарис оказывал на Франко давление, желая получить от него разрешение германским войскам пересечь испанскую территорию в случае британского вторжения в Португалию или в случае вступления Португалии в войну на стороне Британии. При этом Канарис предложил каудильо использовать впоследствии эти войска для возврата Испании Гибралтара. Франко проявил осторожность, ибо отдавал себе отчет в том, что позволить германским войскам вступить на полуостров — значит лишь закрепить за Португалией и Испанией марионеточный статус. С другой стороны, каудильо охотно использовал бы германские войска, чтобы подчинить Португалию Испании. Поэтому Франко ответил, что для акции в Португалии или Гибралтаре вполне подошли бы испанские войска, если их укрепить артиллерией и авиацией[137].

Позже, в этот же день, встретившись с португальским послом, Франко под свежим впечатлением от разговора с Канарисом

держался с Перейрой свысока. Генералиссимус советовал Португалии как можно скорее отказаться от договора о дружбе с Британией, утверждая, что Гитлер «необычайный человек, умеренный, чувствительный, исполненный духа гуманизма и великих идей». Франко напрочь забыл о своем былом восхищении французской армией. Теперь он заявлял, что давно предвидел поражение Франции, ибо французы пали духом и не хотели воевать. Каудильо назвал Дюнкерк позором и произнес: «Германия выиграла войну. Самое большее, на что способна Британия, это еще немного потянуть в надежде выторговать более выгодные условия мира получше»[138]. Перейра опасался, что Франко замышляет использовать свои отношения с Третьим рейхом, дабы установить контроль над Португалией точно так же, как хочет даром получить французские колонии. В первую неделю июля испанские войска были развернуты у границ с Португалией[139]. Еще со времени Гражданской войны от самых экстремистски настроенных фалангистов звучали призывы немедленно аннексировать Португалию, и теперь они раздались вновь[140]. Франко и Серрано Суньер еще до запроса Канариса использовали угрозу враждебных акций со стороны Германии против Португалии, используя территорию Испании как средство разорвать англо-португальский альянс и вынудить Португалию стать зависимым от Испании союзником. Двадцать шестого июня Серрано Суньер провел с Перейрой в Эскориале всю вторую половину дня, пытаясь убедить его, что Португалия должна стряхнуть с себя «мертвый груз союза с Англией»[141].

На встрече с Франко 6 июля Перейра передал предложение Салазара Испании доработать договор о дружбе с Португалией 1939 года. Каудильо согласился начать переговоры о дополнениях к договору, желая, чтобы новое испано-португальское соглашение оставалось в тайне. Видимо, Франко опасался, как бы немцы не сочли, будто он нетверд в своей приверженности Оси. Португальская позиция состояла в том, чтобы, укрепив иберийский фронт, сдержать немцев. Намерения каудильо были прямо противоположны. Тринадцатого июля Николас Франко передал срочное послание от каудильо Оливейре Салазару, в котором тот предлагал в помощь Португалии все испанские вооруженные силы для защиты «от любых требований или угроз со стороны Англии»[142].

Португалия, уверенная, что Британия не нарушит прежних договоренностей, предложила Испании пойти по пути взаимного укрепления нейтралитета. Подписанную 29 июля 1940 года поправку к испано-португальскому договору о дружбе и ненападении 1939 года Хор воспринял как триумф политики

умеренности Бейгбедера. Таким образом, и Франко, и Салазар приобретали хотя и ненадежное, но все-таки подспорье на случай вторжения британцев или немцев на Пиренейский полуостров. Салазар видел в каудильо хищника, которого следует нейтрализовать, но вместе с тем и возможное связующее звено с Осью, если та победит. Франко вынашивал планы прибрать к рукам Португалию с помощью стран Оси, но договор позволял ему маскировать свои намерения, а также укреплять канал связи с Британией, если, к несчастью, ей повезет в войне[143].

Летом 1940 года вера каудильо в торжество стран Оси крепла. Семнадцатого июня, в ходе празднования четвертой годовщины националистского восстания, Франко выступил перед Национальным советом ФЭТ и де лас ХОНС в своем прежнем антисемитском и агрессивно-империалистическом тоне. «Кровь павших пролита, чтобы создать Нацию и основать империю... Подписывая свое завещание, эта святая королева давала политические наставления своему народу: контроль над Гибралтаром, Африканские владения, политическое единство». Войдя в раж, каудильо заявил в духе фашистского экзистенциализма: «Мы ищем жизни суровой, жизни трудной, жизни мужественных народов... В первой европейской битве по установлению нового порядка мы принесли в жертву пятьсот тысяч человек ради спасения и единства Испании. Мы не стоим в стороне от мировых проблем... Испания... располагает двумя миллионами воинов...» Он воздал хвалу дисциплине и единству как основе реализации Испанией своих планов и как секрет гитлеровских «фантастических побед на полях Европы»[144].

На следующий день состоялся парад в честь победы в Гражданской войне. В праздновании были заранее предусмотрены шествия под лозунгом «Испанский Гибралтар», что вынудило Хора и его жену демонстративно покинуть дипломатическую трибуну[145]. В 1940 году Франко еще не считал победу Оси одолением коммунизма, ибо тогда Германия и Россия были союзниками, однако позже говорил именно так. В ту пору каудильо утверждал в своих речах, что Ось ведет войну с разлагающимися демократиями, или «плутократиями». Пресса Третьего рейха и фашистской Италии весьма восторженно откликнулась на выступление Франко 17 июля. На следующий день было объявлено, что Гитлер наградил Франко высшим орденом Третьего рейха, которым удостаивается иностранец — Большим Золотым крестом ордена Германского Орла[146].

По иронии судьбы, этот знак расположения фюрера затмил Франко глаза: он не уловил значения долговременного перемирия Гитлера с Францией. Не осознал, что теперь рухнули

его надежды урвать значительную часть французских территорий в Северной Африке. Поэтому в течение лета каудильо все еше пытался завладеть чем-нибудь из французских территорий, разжигая на них восстания племен, чтобы оправдать испанскую интервенцию[147]. Но из этого ничего не вышло. Еще более унизительными выглядели его отношения с Лондоном. Как ни выказывал каудильо преданность Оси, ему приходилось считаться С суровой экономической действительностью. Британцы имели возможность регулировать поток нефти в Испанию и тем самым препятствовать ее военным приготовлениям. Дефицит горючего крайне отрицательно сказывался на выпуске промышленной продукции, обрекал дома, больницы и школы на холодную зиму. На дорогах Испании появлялось все больше газогенераторных автомобилей, работающих на дровах и угле. Франко приходилось против воли держать некоторые двери открытыми, поскольку помощь со стороны Германии шла плохо. Двадцать четвертого июля Франко подписал соглашение с Британией и Португалией о товарообмене в рамках стерлинговой зоны[148].

Упорное сопротивление Британии заставило Гитлера скорректировать свое отношение к вступлению Испании в войну. Провал попыток люфтваффе разгромить в битве за Британию королевские ВВС привел к срыву гитлеровских планов вторжения — операции «Морской лев». Немцы отказались от идеи покорить Британию прямым наступлением. Пятнадцатого августа генерал Йодль предложил усилить подводную войну против Англии и захватить нервные узлы империи — Гибралтар и Суэц, чтобы поставить под контроль стран Оси Средиземное море и Ближний Восток. Уже 2 августа Риббентроп информировал Шторера: «Теперь мы хотим добиться скорейшего вступления Испании в войну»[149].

В Германии всерьез взвесили все преимущества и недостатки участия Испании в войне. После дискуссий с Риббентропом Шторер направил 8 августа в Берлин пространный меморандум, в котором сообщил, во что обойдется участие Испании в войне и какие выгоды сулит объявление ею войны Англии. Он напомнил заявление Бейгбедера от 3 августа о том, что без германской помощи дефицит горючего не позволит Испании воевать более полутора месяцев, а это был еще весьма оптимистичный прогноз. Главным преимуществом испанского участия стал бы удар по английскому престижу, прекращение экспорта в Англию испанских руд и пирита, приобретение немцами принадлежащих англичанам рудников и, прежде всего, контроль над Гибралтарским проливом. Основными недостатками виделись возможный захват Англией Канарских островов, Танжера и

Балеарских островов и расширение зоны Гибралтара, английская высадка в Португалии, соединение английских и французских войск в Марокко и то тяжелое бремя, которым станут для Германии и Италии поставки продовольствия и горючего в Испанию. Шторер также привлек внимание Берлина к огромным трудностям, связанным с транспортировкой военной техники в Испанию, с ее узкими дорогами и нестандартным размером железнодорожной колеи. Шторер полагал, что важно избежать раннего вступления Испании в войну, поскольку она может не выдержать и добавить угрозы для Германии[150].

Столь же пессимистическим оказался доклад, составленный германским верховным командованием, полагавшим, что у Испании мало артиллерии для укомплектования армии военного времени, боеприпасов хватит лишь на несколько дней военных действий, а производственные мощности военных заводов куда ниже требований военного времени. Укрепления на границе с Португалией отсутствуют, а на пиренейской границе недостаточны по количеству и качеству. «Сооружения, возведенные вокруг Гибралтара, бесполезны. По существу, на них лишь угробили строительные материалы». Испанское верховное командование в докладе расценивалось как «инертное и догматичное», так и не преодолевшее образ мыслей времен колониальной войны. Доклад подводил к тому, что «без иностранной помощи Испания сможет вынести лишь очень недолгую войну»[151].

Тем не менее немцы начали производить оценку первостепенных потребностей Испании в гражданской и военной областях — в горючем, зерне и других жизненно важных продуктах. Цифры, которые испанцы назвали только для удовлетворения гражданских нужд, оказались впечатляющими, но реалистичными, то есть они не должны были отпугнуть немцев: 400 тысяч тонн бензина, 600— 700 тысяч тонн пшеницы, 200 тысяч тонн угля, 100 тысяч тонн дизельного топлива, 200 тысяч тонн мазута, а также другие внушительные количества сырья, включая хлопок, резину, древесину, пеньку, джут и так далее[152]. В третью неделю июля адмирал Канарис снова приехал в Испанию, чтобы обследовать район вокруг Гибралтара и составить план нападения на «скалу». Он также имел указания уточнить в деталях масштабы поставок военной техники, необходимой Испании для любого участия в боевых действиях на стороне Германии.

Канариса сопровождал генерал ВВС Вольфрам фон Рихтхофен, в свое время командир легиона «Кондор». Их принял генерал Вигон, заменивший 27 июня Ягуэ на посту министра ВВС,

и генерал Мартинес Кампос, начальник генштаба испанских вооруженных сил. У Канариса сложилось мрачное впечатление о военных возможностях Испании. Он сказал генералу Францу Гальдеру (Haider), начальнику германского генерального штаба, что «по собственной инициативе Испания ничего с Гибралтаром не сделает»[153]. В отличие от германской стороны, в Мадриде не особенно задумывались над острой проблемой укомплектования испанской военной машины, поскольку в официальных кругах широко распространилось убеждение, что победа будет быстрой. Франко испытывал такую уверенность в себе, что набросал карту своей «африканской империи» и передал ее Гитлеру через генерала Эухенио Эспиноса де лос Монтероса, своего нового посла в Третьем рейхе. Желая убедить страны Оси в том, как полезна Испания, Бейгбедер и Франко решили проинформировать Берлин, что благодаря недавнему соглашению с Лиссабоном «удалось отчасти вывести Португалию из британской орбиты и вовлечь в нашу»[154].

Включением Португалии в испанскую сферу интересов Франко похвастался и в меморандуме, составленном им с Бейгбедером и направленном Шторе-ром 21 августа на Вильгельмштрассе[155]. Опасаясь, что молчание Берлина в ответ на его инициативы может означать отказ на участие Испании в послевоенном разделе трофеев, и удовлетворенный начавшимися 10 августа массированными налетами люфтваффе на Лондон, Франко 15 августа написал из Мадрида бодрое письмо Муссолини. В нем он напомнил дуче о притязаниях Испании на территории в Северной Африке. Каудильо дал понять, что Испания готова объявить войну, и это зависит только от германских поставок. Муссолини получил письмо 23 августа и ответил двумя днями позже весьма теплым посланием, избежав, однако, каких бы то ни было обещаний и обязательств по конкретным вопросам. Он выражал мнение, что для Испании не вступить в войну значило бы «поставить себя в стороне от европейской истории, особенно будущей истории, которую будут определять две победоносные державы Оси», и высказывал «полную солидарность фашистской Италии» с устремлениями Франко. Между тем дуче дал ясно понять, что, если Франко будет ждать момента, когда с Британией неизбежно покончат, ему придется расстаться с мыслью о приобретениях в Африке[156].

Весьма показательна реакция Франко на письмо Муссолини. Оно пришло в итальянское посольство в Мадриде, когда Франко находился в своей летней резиденции Пасо-де-Мейрас под Ла-Коруньей. Недавно Прибывший новый посол Италии Франческо Леквио (Lequio) еще не успел представить ему свои верительные

грамоты и без нарушения протокола не мог просить аудиенции у Франко для вручения письма. Поэтому он просто проинформировал о нем Бейгбедера, который тотчас позвонил каудильо. Нарушив протокол, Франко немедленно направил Леквио официальное приглашение посетить Ла-Кору-нью в качестве гостя испанского правительства. В Пасо-де-Мейрас посла встретил генерал Москардо, высший военный чин в окружении Франко, и препроводил к каудильо. Спонтанности приглашения соответствовала торжественность приема. Некто из свиты Франко сказал Леквио, что каудильо «глубоко и искренне восхищается дуче». Франко, тронутый и обрадованный тем, что Муссолини в своем письме фактически предлагает ему стать на равных с лидерами Оси, срывающимся от волнения голосом воскликнул: «Как всегда, дуче кристально ясен! Как всегда, он говорит по существу. Если бы они [западные страны] прислушались к нему, то не оказались бы в нынешнем состоянии хаоса». Выступив затем с резкими выпадами против Британии и Соединенных Штатов, каудильо доверительно сообщил Леквио, что вполне уверен в поражении Англии. Он добавил также, что упорное сопротивление этой страны в лучшем случае превратит ее в американскую колонию[157].

Глава 15 ЦЕНА ИМПЕРИИ

Франко и Гитлер, сентябрь — октябрь 1940 года

В начале лета 1940 года Испания проявляла куда больший, чем Берлин, энтузиазм по поводу своего вступления в войну. Не оставляло сомнений, что Франко, Серрано Суньер и даже Бейгбедер намеревались принять участие в боевых действиях лишь после того, как останутся позади самые тяжелые сражения, но, конечно, до раздела трофеев. Однако все их предложения грубо отклонялись немцами. К сентябрю, уверенный в скорой победе Гитлера над Британией, Франко поспешил направить Серрано Суньера в Берлин, поручив ему окончательно договориться за столом мирной конференции об условиях представительства Испании.

Оптимизм Франко насчет возможного вклада Испании в военные усилия стран Оси не разделяли германские военные и экономические эксперты. Двадцать седьмого августа начальник генерального штаба генерал Гальдер отозвался об участии Испании в войне как об одном из миражей Гитлера. Чуть позже в то же утро эту точку зрения поддержал адмирал Канарис. Он рассказал Гальдеру об ужасающей ситуации в Испании с продовольствием и топливом, а также о том, что генералы и высшее духовенство находятся в оппозиции к каудильо. Шеф абвера заметил, что «политика Франко с самого начала преследует цель не вступать в войну, пока Британия не будет побеждена, ибо каудильо боится ее мощи»[1]. Геринг говорил, что о помощи в тех размерах, какие называет Франко, не может быть и речи. Нельзя рассчитывать даже на меньшее[2]. Немцы сделали только одно — переправили испанским храмам, пострадавшим в результате Гражданской войны, шестьдесят две тонны церковной утвари, награбленной в Польше[3].

Не ведавший, видимо, о скептическом отношении германских верхов к способности Испании воевать, посол фон Шторер составил предварительный набросок протокола о ее вступлении в войну. В несколько переработанном виде и с изложением мнения верховного командования вооруженных сил (Oberkommando der Wehrmacht) эта бумага легла в основу документа Риббентропа, предназначенного для дискуссий с Серрано Суньером. Тот собирался прибыть в Берлин в середине сентября. Согласно документу, Испании следовало бы согласовать и определить с державами Оси точное время вступления в войну. Рейх выразил готовность поставлять Испании необходимое военное снаряжение

и сырье, если та возьмет на себя обязательство признать свои долги по Гражданской войне и выплачивать их в будущем путем поставок своего сырья, а также согласится конфисковать и передать Германии французскую и английскую собственность в горнорудной промышленности на своей территории и в Испанском Марокко. Испанские владения на берегу Гвинейского залива должны перейти к Германии. Испанскую экономику предстоит интегрировать в европейскую, где она будет играть подчиненную роль, ограничиваясь производством сырья, продовольствия и «присущих. Испании» отраслей промышленности. Доминировать же будет Германия[4].

В начале сентября Шторер вернулся из Берлина в Мадрид. Во время церемонии в Пардо, проведенной 6 сентября, он вручил Франко Большой Золотой крест ордена Германского Орла. Этой награды от Гитлера Франко удостоился за свои решительные действия в Танжере и за предложения вступить в войну. Из речи Шторера следовало, что фюрер намерен воспользоваться этими предложениями. Явно растроганный каудильо ответил, что верит «в торжество наших общих идеалов». В тот же день новый итальянский посол Франческо Лек-вио, вручая свои верительные грамоты, сказал Франко, что Италия поддержит законные права Испании[5].

Обе церемонии получили широкий отклик в прессе и создали атмосферу братания перед визитом Серрано Суньера в Берлин. Избирая на роль эмиссара Серрано Суньера, всего лишь министра внутренних дел, Франко знал, что тот легко договорится с немцами, и, как обычно, пытался извлечь дополнительную выгоду из его поездки. Переговоры с правительством Виши об уступке испанцам территории под Фесом шли вяло. Теперь, когда итальянская и испанская пресса трубили о том, что визит Серрано Суньера знаменует членство Испании в Оси и быстрое грядущее удовлетворение испанских амбиций в Северной Африке, каудильо дал указание Лекерике, своему послу в Виши, повторно упомянуть о недовольстве Испании якобы имевшими место беспорядками во Французском Марокко. Лекерика получил распоряжение недвусмысленно пригрозить Петэну испанской интервенцией[6]. Франко несомненно рассчитывал на то, что пребывание Серрано Суньера в Берлине, указывающее на укрепление испано-германской дружбы заставит Виши пойти на территориальные уступки. Опасения, вызванные поездкой Серрано Суньера, проявились 14 сентября, когда лорд Ллойд, британский министр по делам колоний, неофициально проинформировал испанского посла герцога Альбу, что посоветовал Черчиллю облегчить испанцам оккупацию

Французского Марокко[7]. Вполне вероятно, что Черчилль специально использовал Ллойда, желая нейтрализовать возможные германские предложения. Однако вовсе не британцы и не французы предположили, что визит Серрано Суньера приведет к вступлению Испании в войну[8]. За два дня до его прибытия Гитлер поведал генералу Гальдеру о своем «намерении пообещать испанцам все, чего они только ни пожелают, независимо от того, можно ли сдержать обещание»[9]. Последуй он до конца этому намерению и соверши то, что позже называл своим «грандиозным обманом», ему вполне удалось бы втянуть Франко в войну на своей стороне. На самом же деле теперь, когда с высадкой в Британии не получилось, фюрер решил позаботиться о сохранении добрых отношений с Виши. Поэтому он не оправдал надежд Франко на то, что поможет ему оккупировать Французское Марокко, и не отреагировал на россказни Мадрида о тамошних беспорядках. Напротив, Гитлер, к огорчению каудильо, одобрил отправку сенегальских войск, бронеавтомобилей и самолетов для усиления французской колониальной армии. Франко через Бейгбедера продолжал убеждать немцев и итальянцев в том, что Петэн — ненадежный страж Северной Африки[10]. Ту же линию гнул и Серрано Суньер в Берлине.

Настойчивое давление каудильо на Виши и миссия Серрано Суньера в Берлине показывали, что Испания вступит в войну, если немцы высадятся в Англии. Однако горячее желание Франко занять место в обозе победителя охлаждалось тревогой в связи с дефицитом продовольствия внутри страны, усилившегося перебоями в работе сети распределения из-за нехватки импортируемого горючего[116]. И каудильо пришлось обратиться к Соединенным Штатам за экономической помощью, хотя это вовсе не означало перемен в его политических ориентирах. Забыв, что еще в июне он высокомерно отверг предложения помощи от Уэдделла и Хора, Франко 7 сентября 1940 года направил своего министра промышленности к Уэдделлу за кредитом в 100 миллионов долларов на приобретение продуктов питания, топлива и сырья. Уэдделл, как и Хор, был склонен проявить благожелательность к Испании. В госдепартаменте разгорелись споры о том, можно ли доверять Франко и стоит ли выделять ему кредит. В эти дебаты подлил масла и визит Серрано Суньера в Берлин[11]. В конечном счете выход предложил Норман Дэвис, президент американского Красного Креста и близкий друг государственного секретаря США Корделла Халла. Дэвис рекомендовал выделить Испании средства по статье помощи пострадавшим от разного рода бедствий. Эта помощь выразила бы доброе отношение США к испанскому народу, но была бы

недостаточной для того, чтобы поощрить Франко к вступлению в войну. Халл ухватился за эту идею, надеясь в ответ получить от каудильо заверения в том, что Испания не станет воевать[12].

Серрано Суньер прибыл в Берлин 16 сентября 1940 года, чтобы обсудить возможный вклад Испании в решающий удар по Британии. Его сопровождала большая свита фалангистов, в числе прочих и Дионисио Ридруэхо, генеральный директор по вопросам пропаганды. На Серрано Суньера произвели неизгладимое впечатление специальный поезд, присланный немцами за ним в Андай, выучка почетного караула и вид поверженных французов. Вишистские власти, напротив, были возмущены тем, что Серрано Суньер проследовал через Францию, как один из победителей[13]. Хотя куньядиссимусу и льстила близость к победоносному вермахту, ему скоро надоело, что немцы слишком уж явно демонстрируют свою мощь, показывая ему военные заводы и воинские части. Тем не менее Рамону Гарриге, берлинскому представителю испанского государственного агентства новостей ЭФЭ, члены испанской делегации недвусмысленно намекнули на то, что они приехали обсуждать вопрос о вступлении Испании в войну[14]. Один из них, Мигель Примо де Ривера, выступал за посылку фаланги-стов-добровольцев в помощь немцам при высадке в Британии[15].

Операция по высадке в Англии «Морской лев» (Seeloewe) была назначена 14 сентября но не состоялась, а 17 сентября ее отложили на неопределенный срок: перенос был вызван удачными действиями королевских ВВС в «Битве за Британию». В этом вопросе немцы оказались далеко не честными со своим испанским гостем. Так, на первой трехчасовой встрече 16 сентября Риббентроп заявил Серрано Суньеру, что ситуация в Англии резко меняется и «вскоре от Лондона не останется ничего, кроме камней и пепла». Серрано Суньер заявил, что официальная цель его визита — как члена кабинета и «представителя испанского народа» — обсудить вопрос о вступлении Испании в войну более систематично, а не как прежде «спорадически». Он выразил удивление, что из Германии до сих пор не идут военные поставки, необходимые для участия Испании в боевых действиях. Повторив список всего необходимого, Серрано Суньер сказал, что Французское Марокко принадлежит к «жизненному пространству» Испании. Далее, пытаясь представить Испанию как решительного члена Оси, он выдвинул испанские притязания на Португалию: «С географической точки зрения, Португалии в реальности не существует; ее независимость имеет только моральное и политическое основание… Испания это признает, но вынуждена требовать, чтобы Португалия присоединилась к происпанской

группировке»[16].

Резкость и взвинченность Риббентропа вызвали крайнее неудовольствие Серрано Суньера[17]. На встрече 16 сентября Риббентроп избегал обсуждать вопрос о запрашиваемых Испанией военных поставках, но в конечном счете заявил, что Испания получит абсолютно все, необходимое ей. Потом он завел разговор о пропасти, разделяющей Франко и Гитлера в вопросе о том, во что обойдется испанское участие в войне. Понимая, что британцы ответят на вступление Испании захватом островов — Канарских, Азорских или Зеленого Мыса, фюрер хотел получить от Испании один из Канарских островов для размещения на нем военной базы. Другие базы должны были бы располагаться в Агадире и Могадоре — с «соответствующими прилегающими территориями». Он также требовал концессий — в счет долгов по Гражданской войне — и германского участия в горнорудной промышленности Марокко. Под конец встречи Риббентроп, державшийся как хозяин положения, напрямую спросил Серрано Суньера, когда Испания сможет вступить в войну. Тот ответил, что срок зависит от того, как быстро германская тяжелая береговая артиллерия будет установлена у Гибралтара. Серрано Суньер полагал, что его встретят как уважаемого союзника, а вместо этого к нему отнеслись как к представителю государства-сателлита. Этот легко ранимый и патриотически настроенный человек счел требования Риббентропа недопустимо наглыми. Поездка же в целом произвела на Серрано Суньера значительное впечатление и заставила его переоценить отношение к Третьему рейху и взгляды на участие Испании в войне[18].

Той ночью налет бомбардировщиков королевских ВВС вынудил членов испанской делегации спуститься в бомбоубежище при гостинице, и их благоговейное отношение к германской неуязвимости пошатнулось[19]. На следующий день Серрано Суньера принял Гитлер для одночасовой встречи. Сначала Серрано Суньер прочитал вслух специальное послание Франко к Гитлеру. В нем каудильо подтвердил свое чувство благодарности, вновь дал высокую оценку деятельности фюрера и выразил свою «лояльность в прошлом, настоящем и навсегда». Посланец привез с собой также письмо Франко к Гитлеру, написанное в Сан-Себастьяне 11 сентября 1940 года. В нем отмечалось, что миссия Серрано Суньера подтверждает прежние предложения испанской стороны о вступлении в войну, сделанные через Вигона. В заключение каудильо выразил «твердую веру в близкую решительную победу» немцев, пожелал здоровья Гитлеру, счастья и процветания «Великому Германскому Рейху»[20].

Покончив с формальностями, Серрано Суньер прямо заявил,

что Испания вступит в войну, как только начнут бесперебойно поступать продовольствие, военная техника и снаряжение, а также повторил просьбу испанской стороны разместить береговую артиллерию возле Гибралтара. Гитлер возразил, что на установку тяжелой артиллерии уйдут месяцы. По его словам, было бы эффективнее разместить в этом районе эскадрилью пикирующих бомбардировщиков «штукас». Он с энтузиазмом заявил, что скорое занятие Гибралтара имело бы важнейшее значение. Франко считал, что дело это легкое, поскольку оно уже изучено германскими экспертами. Лишь вскользь упомянув о Канарах, Гитлер предложил встретиться с каудильо на франко-испанской границе. Вскоре после этого Серрано вновь увиделся с Риббентропом, который настаивал на том, чтобы Германии уступили один из Канарских островов. Кроме того, он добавил, что в обмен на Французское Марокко Германия хочет получить Испанскую Гвинею и маленькие испанские острова Центральной Африки. Серрано Суньер заявил, что в то время, когда испанская молодежь громко требует Гибралтара, «абсолютно невозможно» соглашаться на полную или частичную передачу других испанских территорий. Вместо этого он предложил Германии использовать португальскую Мадейру[21].

По результатам встречи с Серрано Суньером Гитлер написал Франко 18 сентября письмо. В нем между строк легко угадываются трудности, испытываемые немцами в осуществлении операции «Морской лев»: так, фюрер подчеркивает, что британскую блокаду Испании можно снять, лишь изгнав англичан из Средиземного моря. Этого, утверждает Гитлер, следует «быстро и решительно добиться вступлением Испании в войну», которое начнется «изгнанием английского флота из Гибралтара, а вслед за этим немедленным захватом укрепленной скалы». Потом оборону испанских берегов обеспечили бы соединения германских пикирующих бомбардировщиков. Потеря Гибралтара заставит Британию захватить один из Канарских островов. Гитлер призвал Франко согласиться на размещение там эскадрилий «штукасов» или истребителей большого радиуса действия. Однако Гитлер не придавал вступлению Испании в войну особого значения, и это проглядывает в заключительных словах его письма: «Вступление Испании в борьбу поможет еще более определенно показать Англии безнадежность продолжения ею войны и вынудить эту страну раз и навсегда оставить свои неоправданные притязания»[22].

Каудильо и Серрано Суньер были возмущены притязаниями Германии, однако они — особенно Франко — еще очень не скоро поймут, что Испании при новом порядке уготовано место мелкого

аграрного сателлита. Планы создания огромной центральноафриканской империи с базами на Канарских островах и в Испанском Марокко как плацдармах этой империи были для Гитлера гораздо важнее, чем добрые отношения с Франко[23]. Во всяком случае, вступление Испании в войну составило бы лишь часть антибританской стратегии. Гитлер, не слишком заинтересованный в южном фланге, не считал нужным обхаживать Франко. «Войне на периферии» фюрер не стал бы уделять серьезного внимания, работая над стратегией уничтожения России и подталкивая Японию к нападению на Соединенные Штаты. К тому же расходы на военное сотрудничество с Испанией потребовали бы сокращения помощи Италии и вишистской Франции[24].

Пока каудильо осмысливал содержание письма Гитлера, Серрано Суньер отправился в поездку по полям сражений на западном фронте. Девятнадцатого—двадцатого сентября Риббентроп обсуждал с Муссолини в Риме планы дальнейших действий, ибо операция «Морской лев» откладывалась. В автомобиле, по дороге из аэропорта, Риббентроп сказал Чано, что вступление Испании в войну «теперь кажется скорым и верным». Муссолини же он сообщил, что «Испания готова вступить в войну». Согласившись с тем, что это «событие огромной важности»[25], дуче предложил, чтобы Испания подписала с Италией и Германией тройственный пакт. По его мнению, это следовало бы держать в тайне до вступления Испании в войну, дабы не ставить под угрозу нападение на Гибралтар. Однако, памятуя о собственных интересах в Северной Африке, Муссолини попытался посеять в Риббентропе сомнения в военной эффективности испанцев в Марокко[26].

Еще до отъезда из Берлина Серрано Суньер специальным самолетом направил Франко отчет о беседах с Риббентропом. Вернувшись в Берлин из Брюсселя, где завершилась его поездка по полям сражений, он получил большое письмо от свояка. Оно непреложно свидетельствовало о том, что в этот момент Франко слепо верил в победу Оси и был полон решимости вступить в войну на ее стороне. Тон письма каудильо убеждал в его беспредельном преклонении перед Гитлером: «Очевидны, как всегда, величие и мудрость Фюрера». Неприемлемые требования, выдвинутые в беседах с Серрано Суньером, Франко относил на счет «себялюбия и чрезмерного самомнения низших», которые не поняли, что испанская Гражданская война облегчила Германии победу над Францией. Он наставлял Серрано Суньера, как разъяснить немцам, что конфликт в Испании позволил Германии испытать в боях солдат, тактику и вооружения, и это оказалось

бесценным в кампании против Франции. Каудильо также мельком упомянул о том, что в течение пятнадцати месяцев после Гражданской войны он помогал ослабить положение Франции, «все время скрыто содействуя быстрому успеху Германии». Теперь Испания может предложить Германии «множество бойцов» (una masa guerrera), свое геостратегическое положение и перспективу отколоть республики Южной Америки от североамериканских государств.

Разделяя недовольство свояка требованием Риббентропа отдать Германии один из Канарских островов, Франко отметил, что оно «справедливо вызвало возмущение» Серрано Суньера и «об этом перо отказывается писать». Затем он предлагал шаги, которые привели бы к уменьшению германских требований. Однако твердое стремление обеспечить Испании место при дележе послевоенных трофеев не покидало каудильо. Неверно, что Франко всячески стремился держать немцев на расстоянии. Скорее каудильо пытался убедить их, что он тот союзник, которому можно доверять. Но уступить один из Канарских островов значило бы создать второй Гибралтар. На время существования испано-германского военного альянса базами одного союзника, по мнению Франко, мог бы пользоваться и другой. Если немцам нужен Агадир, его нельзя уступить навечно, а лишь сдать в аренду на девяносто девять лет. Требования Германии относительно сырья из Французского Марокко могут быть удовлетворены, но только после того, как Испания получит все необходимое. Притязания Германии осуществлять контроль над британскими и французскими компаниями, зарегистрированными в Испании, Франко счел экономическим империализмом, однако, твердо уверенный, что они не могут быть выражением истинных намерений фюрера, он приписал их плохому переводу или чрезмерному усердию чиновников Гитлера.

«Такие требования, — оптимистично писал он, — несовместимы даже с существованием обычного договора о дружбе», не говоря уж о полномасштабном военном союзе. «Это противоречит величию и независимости нации». Касаясь вопроса платежей по долгам, Франко предлагал, чтобы Германия снизила требования хотя бы до того уровня, который сочла приемлемым Италия, «куда более бедная страна». «Такая уступка ничего бы не значила для немцев, но испанский народ плохо воспринял бы отказ». Узнав от Серрано Суньера об этой конкретной фразе, Гитлер был задет за живое намеком на свою скаредность и не мог успокоиться несколько недель, вспоминая об этом в разговорах с Чано и Муссолини. Получив письмо от Гитлера, каудильо сказал:

«Оно, как всегда, очистило горизонт». Письмо подтвердило его мнение о том, что они с фюрером прекрасно понимают друг друга, а все проблемы создают мелкие сошки в окружении Гитлера. Специально остановившись на вопросе о возможной затяжке войны, Франко вовсе не собирался мотивировать свое нежелание ввязываться в нее, а просто надеялся набить себе цену. Он полагал, что испанцам следует вступать в войну как можно скорее, не дожидаясь момента, когда у немцев отпадет надобность в них.

Примериваясь к новым обстоятельствам со своей меркой войны на истощение, каудильо считал, что конфликт, возможно, не затянется на столь долгий срок, как того опасаются немцы. «В войне иногда случается, что побеждающий не понимает, что побеждает, поскольку собственное истощение не позволяет ему видеть ущерб, который он наносит противнику...» Уверенность Франко в относительно скором конце войны и ужасающие экономические трудности Испании заставили его сказать: «В наших интересах быть среди стран Оси, но не ускорять события». Уверенный, что это возможно, он цеплялся при этом за соломинку, которую Гитлер бросил ему, сказав в беседе с Серрано Суньером, что о скорой атаке на Гибралтар переборщили переводчики. «Между фюрером и нами существует полное взаимопонимание, и остается только техническая оценка некоторых факторов, не столь важных, как он говорит»[27].

Бомбардировка Берлина самолетами королевских ВВС во время визита Серрано Суньера и вид мощных бетонных германских береговых укреплений убедили его, что война предстоит долгая. Тем не менее Рамон Гаррига из ЭФЭ заметил, что Серрано Суньер и его свита восхищены германским могуществом, которое они видели во время поездки[28]. Двадцать четвертого сентября Риббентроп и Серрано Суньер снова приехали в Берлин, провели напряженную встречу и обсудили предложение Муссолини о тройственном пакте, переданном испанскому министру во время его пребывания в Брюсселе. Желая подкрепить испанские притязания на Марокко, Серрано Суньер сказал о полученном им только что сообщении из Мадрида: британский посол доверительно поведал о намерении Англии не препятствовать после войны переходу к Испании Французского Марокко (Черчилль действительно уполномочил Хора информировать Бейгбедера, что Британия будет рада, если испано-французский спор из-за Марокко разрешится к удовлетворению Испании. Хор сделал это 21 сентября)[29].

Комментируя письмо Гитлера Франко, Серрано Суньер заявил, что генералиссимус, питающий к фюреру дружеские

чувства, «расстроен» требованием предоставить немцам базы в Марокко. «К своему большому сожалению, он заметил определенные признаки недоверия к Испании, но тем не менее хотел бы еще раз торжественно подтвердить, что его отношение к Германии — не временная конъюнктура, а вечная реальность». При союзе с Германией, убеждал Серрано Суньер, все испанские базы, порты и аэродромы будут предоставлены в ее распоряжение. В Мадриде сочли, что германские экономические требования наносят неоправданный ущерб испанским интересам. Высокомерный Риббентроп, откровенно давя на Серрано Суньера, прямо спросил его, согласны ли в Мадриде принять предложение дуче о тройственном пакте, который останется в тайне до дня объявления Испанией войны Англии с нападением на Гибралтар. Ответ полностью следовал намерениям Франко, изложенным в письме от 21 сентября, где предлагалось заключить договор из трех пунктов: решение Испании вступить в войну, но без точного указания даты; гарантия германской военной и экономической помощи Испании; признание территориальных требований Испании и ее национальных интересов. Примерно такой документ и будет подписан Франко и Серрано Суньером в Андае на встрече 23 октября.

Серрано Суньер твердо стоял на своем в вопросе о предоставлении Германии военных баз, утверждая при этом, что Испания способна сама повысить свою обороноспособность в Северной Африке, если ей будет-предоставлена помощь, которую она просит у Германии. Тогда Риббентроп снова начал нажимать, желая добиться положительного ответа Франко на просьбу Гитлера об одном из Канарских островов и передаче Германии „Испанской Гвинеи и Фернандо-По, а также о базах в Марокко. После тщетных попыток увернуться, куньядиссимус ответил на все отказом[117]. Затем Риббентроп поднял вопрос об испанских долгах и потребовал, чтобы английская и французская собственность в Испании была передана Германии. Но Серрано Суньер неукоснительно отстаивал испанские интересы. В конце концов почли за лучшее оставить вопросы о базах и долгах до получения ответа Франко на письмо Гитлера от 18 сентября[30]. Комментируя результаты встречи, посол фон Шторер точно охарактеризовал проблему взаимоотношений между Франко и Гитлером: «Испании не стоит ждать, что мы своими победами поднесем ей новую колониальную империю, ничего не получив взамен»[31].

Ответ Франко Гитлеру, датированный 22 сентября 1940 года, ушел из Мадрида только на следующий день — над ним работал переводчик[32]. Вместе с этим письмом было направлено

пространное послание Серрано Суньеру, датированное 23 сентября. Оно предельно ясно отражает ход рассуждений Франко, отвечавшего фюреру. На каудильо, видимо, произвел впечатление отчет Серрано Суньера о прошедших этапах переговоров, который не сохранился до наших дней. Письма куньядиссимуса были написаны от руки, копий он не делал, и все они исчезли, как и большая часть бумаг Франко. По-прежнему убежденный в расположении к нему Гитлера, каудильо считал, что трудности в переговорах создает Риббентроп.

ч Франко полагал, что конец войны ближе, чем думают сами немцы. В этой связи он упоминает, что капитан Альваро Эспиноса де лос Монтерос, брат посла в Берлине и военно-морской атташе в Риме, недавно присутствовал на обеде в Париже в честь Германа Геринга и тот признался ему, что Германия подвергает бомбежкам Англию, но это не приносит успеха. По поводу сообщения капитана Эспиносы каудильо замечает: «Я считаю, что бомбежки обладают огромной эффективностью и в конечном счете изменят взгляды англичан». Затем он упоминает, что за несколько дней до этого его близкий друг генерал Вигон сказал сэру Сэмюэлу Хору: «Вы проиграли. Не будьте глупцами, заключайте мир, пока не стало хуже». Вигон был убежден: британцы не сдаются по одной причине: Лондон не верит, что немцы выполнят условия мира. Поэтому он снисходительно пообещал, что гарантии предоставят лично каудильо или Муссолини[33].

Письмо Франко Серрано Суньер передал Гитлеру 25 сентября. Явное подобострастие все же не помешало каудильо выставить замысловатые аргументы против притязаний фюрера, связанные с Агадиром, Могадором, Канарскими островами и созданием германских военно-воздушных баз в районе Гибралтара. Прежде всего, такие требования были несовместимы с планами Франко восстановить имперскую Испанию. Вместе с тем ничто в этом письме не ставило под сомнение прежнюю приверженность каудильо делу Оси. Он приветствовал предложение о встрече на франко-испанской границе и дал ясно понять, что рассматривает урегулирование долгов по Гражданской войне («старые дела») и «послевоенный обмен продукцией» как технические и незначительные вопросы в сравнении с той великой целью, к которой они стремятся[34].

Написав Серрано Суньеру 23 сентября, Франко всю ночь размышлял над экономическими требованиями, выдвинутыми немцами в ходе состоявшихся 18 сентября бесед. С испанской стороны в них участвовали члены делегации Серрано Суньера — Деметрио Карсельер (Carceller), фалангист и бизнесмен, и

полковник Томас Гарсйа Фигерас, генеральный секретарь испанского верховного комиссариата в Марокко[35]. Подробности переговоров сообщил Гарсиа Фигерас, прибывший в Мадрид специальным самолетом. По размышлении Франко написал еще одно письмо Серрано Суньеру. Оно начиналось с упоминания о «новом, неожиданно возникшем моменте», возможно выявившемся в документах, привезенных ему полковником Гарсиа Фигерасом, или в высказываниях капитана Эспиносы, упорно старавшегося убедить каудильо, что германский флот неспособен нанести поражение королевскому ВМФ[36]. Франко мог узнать и о том, что Германия решила отложить нападение на Англию. Так или иначе, каудильо в конце концов пришел к выводу, что война затянется.

Письмо не дает оснований предполагать, что Франко утратил приверженность Оси, однако из него явствует, что оптимизм каудильо заметно поубавился в сравнении с предшествующими днями. «в союзе нет. Это полно выражено в моем ответе фюреру и во всем направлении испанской политики со времен нашей войны». Однако теперь Франко озабочен тем, что война затягивается. К тому же он более, чем прежде, уверен в необходимости надлежащей экономической и военной подготовки. Потребность в помощи заставляет его настаивать на том, что решения относительно «будущего должны быть запротоколированы и, хотя наше решение неколебимо, следует продумать детали соглашения и обязательства обеих сторон». Пакт с Осью должен был оставаться в тайне, пока Мадрид не почувствует себя готовым к войне[37].

В это время обозначились не только трудности в отношениях с Германией, но и усилилось противодействие вступлению Испании в войну в высших сферах испанской армии. Генштаб сообщал, что флот стоит без горючего, нет военно-воздушных сил, действительно достойных этого названия, нет эффективных механизированных частей. Он предупреждал также, что после Гражданской войны население не выдержит новых жертв. Возрастала напряженность между проанглийски настроенными монархистами и фалангистами, поддерживавшими страны Оси. В этих условиях Франко ухватился за предложение заключить секретный протокол с Германией и Италией, что, по его мнению, гарантировало бы осуществление его территориальных притязаний, но оставило бы за ним выбор времени вступления в войну. Однако вопрос о дате так и не решился, ибо Гитлер не желал и не мог платить каудильо двойную цену — вначале финансировать испанские военные и экономические приготовления, а затем передать Испании французские

территории в Северной Африке. Жесткие требования, выдвинутые фюрером и Риббентропом на встречах с Серрано Суньером 16-го, 17-го, 24-го и 25 сентября заставили Франко усомниться в целесообразности вступления в войну, не получив аванса.

Ознакомившись с письмом Франко от 22 сентября, Гитлер и Серрано Суньер в частном порядке пришли к соглашению, что важнейшие пункты переговоров следует отложить до встречи фюрера с каудильо. Серрано Суньер снова поднял вопрос о Португалии. Мадрид хотел, чтобы она вошла в альянс под эгидой Испании. Несмотря на абсурдность существования Португалии с географической точки зрения, высокомерно заявил он, Испания отвергает включение в ее состав этой страны и семи миллионов «проливающих горькие слезы португальцев» (portugueses llorones). Из меморандума, представленного Серрано Суньером послу фон Штореру после встречи с фюрером, можно было сделать вывод, что Испания уже встала в один ряд со странами Оси. Меморандум вновь отмечал «готовность Испании в форме тройственного пакта возобновить десятилетний военный союз с Германией и Италией». «Этот секретный протокол войдет в силу, когда, по соглашению с двумя другими державами и с их помощью, Испания закончит военные приготовления и будет обеспечена необходимым сырьем, горючим и продовольствием»[38].

Визит Серрано Суньера разочаровал обе стороны. Немцы считали, что он требует слишком многого, он же полагал, что Гитлер предложил слишком мало. Двадцать седьмого сентября Чано записал в своем дневнике: «В общем миссия Серрано Суньера не была успешной, и сам этот человек не удовлетворил немцев, да и не мог»[39]. Серрано вернулся в Испанию через Италию[118]. И он, и каудильо считали участие Италии в обсуждаемых делах как противовес переговорам в Германии. Еще до того как Серрано Суньер направился из Мадрида в Берлин, Франко обратился к итальянцам с официальной просьбой о том, чтобы его министра удостоили аудиенции Муссолини и Чано[40]. Первого октября дуче и Чано с большой теплотой приняли Серрано Суньера. Куньядиссимус с возмущением говорил о вопиющей бестактности Риббентропа, но его собеседники отделались смешками. Он заявил также, что Испания собирается взяться за оружие, желая свести счеты с Британией. Эта акция, как надеялся Серрано, сплотила бы вокруг Франко перегрызшиеся фракции. Муссолини ответил, что, по его всегдашнему убеждению, Испании не следует стоять в стороне от борьбы, и ей нужно ускорить приготовления, а там уж страны Оси примут коллективное решение, когда она должна вступить в войну. Дуче предложил вариант, сглаживающий противоречия: точную дату

выберут в момент, наименее трудный для Испании и наиболее полезный для общего дела. Он ясно дал понять, что у Италии нет лишних ресурсов для помощи Испании. Серрано Суньер счел это признаком того, что Муссолини не хочет, чтобы Испания торопилась вступить в войну, а затем он заподозрил дуче и в намерении сохранить свое положение единственного средиземноморского союзника Гитлера[41].

Двадцать восьмого сентября Гитлер, беседуя в Берлине с Чано, не утаил своего недовольства испанцами, укоренившегося в нем со времен испанской Гражданской войны, и заявил, что «с ними нельзя рассчитывать на продвижение вперед без конкретного и детального соглашения». Он указал также на чудовищный дисбаланс соглашения, предложенного Франко и Серрано Суньером: Германия должна предоставить зерно, горючее, военную технику, все войска и оружие для взятия Гибралтара, затем отдать все Марокко и Оран, а в обмен на это Испания обещала только свою дружбу. Понятно, что фюрер усомнился в том, что «Испания столь же сильно стремится отдавать, как и брать». Действительно, за двенадцать дней пребывания Серрано Суньера в Берлине сущность испано-германских отношений изменилась самым драматическим образом. В частности, сами переговоры открыли Серрано Суньеру глаза на то, насколько жестка германская позиция.

Вдобавок ход событий заставил фюрера переоценить значимость испанского участия в войне. Гитлер особенно опасался, что информация о его согласии пойти навстречу требованиям Франко, связанным с Марокко, просочится к французам. Тогда вишистские защитники французской Северной Африки и де Голль придут к взаимопониманию, а это позволит англичанам обосноваться там. Если бы испанцам было позволено захватить Марокко, при первом признаке английского наступления они, вероятно, обратились бы к немцам и итальянцам с просьбой поддержать их. «Более того, — продолжал фюрер, выказывая накопившееся у него презрение к полководческим способностям Франко — они еще и воевать будут такими же темпами, как и во времена своей Гражданской войны». В противоположность воспоминаниям о бездарной испанской войне, Гитлер лишь несколькими днями ранее восхищался действиями вишистского гарнизона в Дакаре, отбившего 22 сентября нападение с моря объединенных сил Англии и «Свободной Франции». Это было определяющим в его отношении к Франко. После этого фюрер повел спекуляции о возможности включить правительство Виши в союз с Осью в качестве активного участника.

Гитлер был весьма недоволен тем, что Испания затягивает выплаты громадных долгов по Гражданской войне. Но Серрано Суньер, считая дело националистов в Гражданской войне священным крестовым походом, не скрывал, что, по его мнению, германское требование о разрешении проблемы долгов — бестактное попрание идейных принципов. Гитлер затем сказал Чано: «Немец относится к испанцу почти как к еврею, который норовит нажить выгоду на самых святых ценностях человечества». Фюрер, и в этом нет ничего удивительного, поведал Чано, что он против испанского вступления в войну, «так как за него придется платить больше, чем оно того стоит»[42]. Это признание стало критическим моментом в испано-германских отношениях. Потом в течение месяцев испанцы будут откладывать вступление в войну, поскольку немцы не поставляют продовольствие и оружие. Если бы Гитлер действительно хотел привлечь Франко на свою сторону, то мог бы сделать это довольно легко, приказав наладить поставки или проявить большую широту и терпимость к имперским притязаниям Франко.

Во время визита Чано в Берлин была достигнута договоренность о том, что Муссолини и Гитлер встретятся 4 октября 1940 года в Бреннере*. При встрече фюрер высказал дуче ту же точку зрения, что и в разговоре с Чано, отрицая стратегическую необходимость вступления Франко в войну, если не считать взятия Гибралтара. На основании докладов адмирала Канариса он сделал вывод, что военная помощь со стороны каудильо будет нулевой. В любом случае Гитлер считал взятие Гибралтара второстепенной задачей по сравнению с Суэцем; если же Гибралтар будет взят раньше, чем удастся овладеть Суэцем, это наверняка спровоцирует англичан к нападению на Канарские острова. Фюрер сказал Муссолини, что Франко предложил Германии порты на Канарах в аренду. Гитлер всерьез опасался, что французы, узнав о его торге с Франко по поводу их империи, просто перестанут защищать свои владения, или же французские войска в Африке порвут с вишистами[119]. В завершение Гитлер сообщил о намерении написать Франко о том, что Оран не может быть передан Испании[43].

Но каудильо продолжала вдохновлять перспектива приобретения Испанией Французского Марокко. Годы спустя Серрано Суньер писал о Франко того периода, что он был «словно размечтавшийся ребенок, одержимый своим вечным стремлением к тому миру, в котором он вырастал в великого военачальника»[44]. Оптимизм Франко укреплялся мыслью, что злонамеренные подчиненные бросают тень на прозорливого, способного к пониманию и благородного фюрера. Осенью и зимой 1940 года во

взглядах каудильо на войну и на Гитлера крайняя провинциальная наивность сочетается с самоуверенностью и манией величия.

Муссолини тоже не бьш таким щедрым другом, каким его представляли себе Франко и Серрано Суньер. Дуче, не желая, чтобы Франко захватил территории в Северной Африке, облюбованные Италией, убеждал фюрера отложить подключение Испании к войне и предлагал рассмотреть испанские территориальные притязания после войны. Сам Гитлер старался сбалансировать противоречившие друг другу требования Франко, Петэна и Муссолини. Как он признал, это стало возможно только в результате «грандиозного обмана»[120]. Разговаривая с Серрано Суньером, который остался в Риме, чтобы узнать о бреннерской встрече, Чано был поражен его неведением: куньядиссимус, словно слепой, не видел того, что немцы «уже давно присмотрели Марокко для себя»[45].

Стремясь извлечь выгоду из визита Серрано Суньера в Берлин, Бейгбедер сказал Хору 21 сентября, что Испании обещаны «экономическая стабильность, Гибралтар и Французское Марокко», если она присоединится к континентальному блоку Гитлера. Он предложил, чтобы Британия воспрепятствовала этому, увеличив экономическую помощь Испании и объявив об этом в прессе. Бейгбедер и Хор согласились в том, что было бы весьма важно, если бы Британия поддержала притязания Испании на Марокко[46]. Двадцать девятого сентября Черчилль составил краткую инструкцию для Галифакса: «Я скорее предпочел бы видеть в Марокко испанцев, нежели немцев, и если французам суждено заплатить за свое жалкое поведение, то лучше, чтобы они заплатили Испании в Африке, чем любой из двух преступных держав — в Европе. В самом деле, я думаю, вам следует дать им знать, что мы не станем препятствовать их амбициям в Марокко — при условии, если они сохранят нейтралитет в войне»[47]. Бейгбедер, к которому немцы относились с нескрываемой враждебностью, открыто проявлял перед Хором свое англофильство. В кратком сосуществовании пробританской линии Бейгбедера и линии Серрано Суньера на укрепление отношений со странами Оси и возник, может быть, зародыш той тактики игры с обеими сторонами, которой Франко следовал позже с разной степенью топорности.

Британцы и французы-вишисты действительно заигрывали с Испанией и, чтобы нейтрализовать предложения немцев Серрано Суньеру, обещали ей территориальные уступки. Тридцатого сентября, рассчитывая удержать Франко, надеявшегося поживиться Французским Марокко, от присоединения к странам

Оси, правительство Виши сообщило ему, что готово уступить Испании требуемую ею территорию в ответ на отказ от других притязаний. Неудивительно, что Франко отверг это предложение, ибо намеревался заключить с Гитлером более выгодную сделку по Французскому Марокко[48]. Также и англичане, уже намекнув Альбе и Бейгбедеру, что сочувствуют желанию Испании присоединить Марокко, стали зондировать почву в поисках новых способов воспрепятствовать Франко вступить в войну. На заседании правительства 2 октября 1940 года лорд Галифакс снова предложил публично заявить, что после войны Британия будет готова обсудить гибралтарскую проблему. Черчилль еще раз указал, что, если Британия выиграет войну, общественное мнение не допустит возвращения Гибралтара, а если проиграет, у нее не будет другого выбора. В конце концов было решено сделать общее заявление, что «все важные проблемы могут быть урегулированы двумя странами в духе Дружбы»[49].

Продолжая оказывать давление на Виши, чтобы получить немедленные территориальные уступки в Марокко, каудильо вынашивал грандиозные замыслы по воссозданию империи, а вместе с тем был вынужден искать выход из самой насущной проблемы Испании — продовольственного кризиса. Система доставки и распределения рушилась, и в некоторых регионах возник серьезный дефицит хлеба. Надвигался массовый голод, и, чтобы предотвратить его, приходилось распахнуть дверь перед англо-американской помощью. В Соединенных Штатах были возмущены развернутой испанцами в Латинской Америке пропагандой в пользу

Оси и против США. Отделения организации «Зарубежная фаланга» (Falange Exterior), испанский эквивалент нацистской «Аусландорганизацион», стали проводниками антиамериканской пропаганды в республиках Южной Америки[50]. Тем не менее, желая поддержать усилия Британии нейтрализовать Франко путем оказания строго рассчитанной помощи, Вашингтон продолжал обдумывать предложение Нормана Дэвиса о поставках Испании пшеницы через Красный Крест. Тридцатого сентября Уэдделл сообщил Бейгбедеру, что американская помощь зависит от того, останется ли Испания вне войны. Поскольку в это же время Серрано Суньер продолжал активную деятельность по подготовке к вступлению в войну, ответ Бейгбедера следовало рассматривать либо как выражение его личного мнения, либо как свидетельство двуличия Франко в этом вопросе. Бейгбедер сказал американскому послу «официально от имени правительства, что Испания останется в стороне от европейского конфликта, если только не подвергнется нападению», и принизил визит Серрано

Суньера, назвав его простым визитом вежливости[51].

Что бы ни думал американский посол о заверениях Бейгбедера, он не мог не принимать во внимание риторику Франко в поддержку стран Оси и эффектные военные парады, сопровождавшие празднование Дня каудильо во вторник 1 октября. Тон задавали многочисленные делегации из фашистской Италии и нацистской Германии. В Мадриде Франко посвятили тщательно продуманную церемонию восхваления, состоявшуюся в королевском Паласио-де-Ориенте[52]. Это была демонстрация чванливости и тщеславия претендента в императоры, почти лишенная «действенного благоразумия» (hdbil prudencia). Каудильо принял дипкорпус в тронном зале, находясь на возвышении, к чему дипломаты отнеслись презрительно. Всех послов проинструктировали, чтобы они гуськом прошли перед Франко и поклонились. Такой процедуры не требовали даже короли Испании[53].

Второго октября Бейгбедер заявил Уэдделлу в театрально приподнятой манере: «Ваш президент может изменить политику Испании и Европы телеграммой, сообщающей о поставках пшеницы в Испании»[54]. Это был прозрачный намек на то, что такой жест, возможно, остановит рвущегося в войну Серрано Суньера. После консультаций между Вашингтоном и Лондоном было решено прибегнуть к политически нейтральному приему — направить в Испанию продовольствие через Красный Крест. Британцы согласились на этот шаг «при условии, что распределением пшеницы займутся американские представители в Испании, что никакая ее часть не будет реэкспортирована, что обо всем этом широко оповестят общественность, что суда с пшеницей будут приходить по одному и движение прекратится, если что-то пойдет не так». Восьмого октября Франко принял эти условия[55]. Однако в госдепартаменте по-прежнему не одобряли идею помощи Испании, поскольку Франко не дал твердых заверений по соблюдению нейтралитета. И тем не менее Рузвельт и Халл решили сделать благородный жест[56].

Предложения Бейгбедера Хору и Уэдделлу и сделанные ими выводы в известной мере связаны с важной речью Черчилля, произнесенной им в палате общин 8 октября. Британский премьер-министр говорил о том, что правительство готово скорректировать режим блокады таким образом, чтобы это отвечало нуждам Испании, а вместе с тем и британскому желанию видеть эту страну занимающей «надлежащее место великой средиземноморской державы, ведущего и прославленного члена европейской и христианской семьи». Хотя о речи сообщалось в контролируемой Серрано Суньером печати,

упоминание об Испании было опущено[57]. Из этого следовало, что инициативы Бейгбедера, американской пшеницы и дружественного тона Черчилля мало, чтобы сломить энтузиазм приверженцев Оси в ближайшем окружении Франко. Эти люди оказались на коне 11 октября, когда Муссолини прислал в Мадрид маршала де Боно, чтобы вручить Франко ожерелье ордена Святой Девы (Collare dell'Ordine dell'Anunziata). Явно взволнованный, каудильо пространно поблагодарил де Боно, но не как сдержанный и благоразумный нейтрал, а как преданный союзник[58]. И даже в послании Салазару, пытаясь приуменьшить значение своих углубляющихся связей с Германией, Франко не удержался и выразил убеждение, что с Британской Империей покончено и она скоро перейдет к Соединенным Штатам[59].

Удаление из правительства Испании двух наиболее проанглийских министров наиболее наглядно продемонстрировало, что прогерманские настроения усилились. Шестнадцатого октября 1940 года министр промышленности и торговли Луис Аларкон де ла Ластра был смещен и его место занял хитрый и беспринципный бизнесмен Деметрио Карсельер Сегура, который определил экономическую политику вывоза из Испании продовольствия и сырья в Германию, надеясь заручиться ее расположением при послевоенном дележе[60]. Бейгбедера на посту министра иностранных дел заменил Серрано Суньер. Бейгбедер узнал о своем смещении из утренних газет[121], а не из длительной беседы с Франко за ужином 15 октября[61]. По мнению Бейгбедера, его переговоры с Уэдделлом по пшенице привели к тому., что Шторер попросил Франко сместить прежнего министра иностранных дел[62]. Серрано Суньер уже привез в Мадрид из Берлина бумагу о том, что Гитлер считает Бейгбедера неприемлемым из-за его англофильства. Смещение Бейгбедера вызвало шок в британском посольстве в Мадриде и возбудило опасения по поводу того, что Испания скоро объявит войну Англии[63]. Оказавшись отстраненным от дел, чувствительный Бейгбедер начал еще более открыто проявлять расположение к Хору, на удивление явно демонстрируя свою враждебность к немцам и называя Франко «карликом из Пардо»[64].

Взлет Серрано Суньера дал новую пищу давно циркулировавшим слухам о том, что Франко может отказаться от поста премьер-министра и предложить его свояку[65]. Не вызывает сомнений, что куньядиссимус сконцентрировал в это время в своих руках изрядную власть. Пока новый министр внутренних дел не был назван, Серрано Суньер, став министром иностранных дел, продолжал контролировать и это министерство, а также Фалангу, причем весьма твердо. Франко попросил свояка

выдвинуть кандидатуру нового министра внутренних дел, и тот предложил самому каудильо занять этот пост. Заметив колебания Франко, он напомнил ему, что Муссолини часто брал себе министерские портфели. Расчет Серрано был прост: Франко не сможет изо дня в день заниматься текущими делами министерства, и эта работа ляжет на плечи весьма деятельного заместителя каудильо — Хосе Лоренте Санса (Sanz), выдвиженца Серрано Суньера. Объявив приближенным о своем новом назначении, Серрано Суньер сказал: «Мы получаем министерство иностранных дел в щекотливый и сложный момент, а Лоренте останется здесь. Таким образом нам удастся избежать прихода сюда нейтральных людей». Его верные друзья Ридруэхо и Товар по-прежнему держали ключевые посты в отделе прессы и пропаганды. Так что через своих людей Серрано Суньер сохранял эффективный контроль за министерством внутренних дел[66].

Девятнадцатого октября 1940 года Муссолини писал Гитлеру: перетасовка в кабинете Франко «вселяет в нас уверенность в том, что враждебные Оси тенденции искоренены или, по крайней мере, нейтрализованы»[67]. Другим показателем дальнейшего сближения франкистской Испании с Третьим рейхом стал трехдневный визит в Испанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, приглашенного Серрано Суньером. Ему были оказаны самые высокие почести. На вокзале его встречал министр иностранных дел и официальные лица из руководства Фаланги, в Мадриде он ехал по улицам, украшенным знаменами со свастикой. В Пардо рейхсфюрера принял Франко, потом Гиммлер присутствовал на корриде, устроенной в его честь[68]. Отчасти его визит был продиктован необходимостью обеспечить безопасность предстоящей встречи Гитлера с Франко в Ан-дае. Однако обсуждался вопрос и о длительном сотрудничестве между гестапо и испанской полицией. Ответственным за это дело был назначен штурмбаннфю-рер СС Пауль Винцер, атташе по полицейским вопросам германского посольства в Мадриде. Винцер к концу Гражданской войны помог Франко поднять уровень работы полиции. В результате достигнутых соглашений гестапо получило полномочия преследовать и допрашивать врагов Третьего рейха, бежавших в Испанию[69]. Тем не менее Гиммлера ошеломили масштабы послевоенных репрессий. В тюрьмах, по-прежнему переполненных, содержались сотни тысяч заключенных, шло безжалостное уничтожение республиканцев — тайно, без объявления имен казненных. Гиммлер считал, что разумнее инкорпорировать бывших членов рабочей милиции в новый порядок, чем уничтожать их[70].

В течение октября 1940 года процесс политической мести на

короткое время стал более гласным. Двадцать первого октября состоялось быстрое судебное разбирательство над группой видных республиканцев[122], задержанных в оккупированной Франции по инициативе Лекерики и переданных гестаповцами франкистской Испании. К смертной казни приговорили всех, кроме Теодомиро Менендеса, которого вызволил Серрано Суньер, выступив на суде свидетелем защиты. Бывшего республиканского министра внутренних дел Хулиана Сугасагойтиа, спасшего жизнь таким видным националистам, как генерал Агустин Муньос Грандес, монсеньор Эскрива де Балагер, основатель «Опус Деи»[123], Мигель Примо де Ривера и Раймундо Фернандес Куэста, казнили вместе с журналистом Крусом Са-лидо 9 ноября[71]. Не менее позорный случай — выдача каталонского президента Луиса Компаниса. Ответственность за дело Компаниса сваливали потом друг на друга[72]. На следующий день после скоропалительного разбирательства, состоявшегося 14 октября 1940 года, он был расстрелян по обвинению в «военном мятеже»[73]. Не сомневаясь в виновности своих врагов, Франко утверждал своей подписью бесчисленные смертные приговоры.

Вашингтон и Лондон адекватно расценили перемены в кабинете, произведенные 18 октября, и приближающуюся встречу Франко с Гитлером как решительный шаг генералиссимуса в сторону сближения со странами Оси. Однако Хор и Уэдделл рекомендовали продолжать переговоры о продовольственной помощи Испании. Халл уполномочил Уэдделла определенно заявить Франко, что помощь будет зависеть от его намерений[74]. Но, поскольку близились переговоры с Гитлером, Франко и его министр иностранных дел не пожелали до возвращения из Андая обсуждать американские предложения.

На историческую встречу с Гитлером в Андае каудильо отправился в среду 23 октября 1940 года с надеждой получить соответствующее вознаграждение за свои неоднократные предложения присоединиться к Оси. Его адепты потом писали, что в Андае Франко будто бы сдержал нацистские полчища и великолепно провел встречу, не подпуская угрожавшего ему Гитлера ближе чем на расстояние вытянутой руки. Однако изучение материалов этой встречи не дает оснований полагать, что фюрер оказывал чрезмерное давление на Франко с целью втянуть Испанию в войну. Не вызывает сомнений и то, что осенью 1940 года Франко так же стремился стать частью нового мирового порядка, как и в начале лета. Каудильо поехал в Андай, чтобы извлечь выгоду из предполагавшегося крушения англо-французской гегемонии, державшей Испанию в подчиненном положении в течение двух столетий. Гитлер же приехал на юг

Франции, рассчитывая взвесить, во что обойдется создание европейского блока с участием вишистской Франции и франкистской Испании. Во вторник 22 октября фюрер остановился на маленькой станции Монтуар-сюр-Луар под Туром, где виделся с Лавалем. В среду он встретился в Андае с Франко, а в четверг, и снова в Монтуаре, с Петэном.

Гитлер не собирался требовать, чтобы Франко немедленно вступил в войну. Это противоречило бы разведывательному характеру его поездки. Фюрер в тот момент был обеспокоен тем, что Муссолини некстати влез в затяжную войну на Балканах, напав на Грецию. Поэтому Гитлер считал, что, отдав испанцам французские колонии, он сделает их уязвимыми для нападения англичан. После Дакара Гитлер был убежден — о чем и сказал 28 октября во Флоренции Муссолини, — что Французское Марокко должны защищать французы. Встречи в Андае и Монтуаре фюрер использовал для рекогносцировки. Он желал увидеть, совместимы ли планы Франко и Петэна, и определить в этой связи свою будущую стратегию в юго-западной Европе[75]. Военные и дипломатические советники Гитлера полагали, что ему не следует пытаться втянуть Франко в войну. По мнению его главнокомандующего Браухича и начальника генштаба Гальдера, «внутренняя ситуация в Испании настолько ухудшилась, что сделала ее бесполезной в качестве политического и военного партнера. Нам придется достичь важных для нас целей [Гибралтар] без ее деятельного участия»[76]. Госсекретарь Вайцзекер писал: «По-моему, Испанию следует оставить вне игры. Гибралтар того не стоит. Что бы Англия ни потеряла, она быстро поправит положение, захватив Канарские острова. Сегодня в Испании нет ни хлеба, ни нефти». С его точки зрения, присоединение Испании к Оси не имело бы никакой «практической ценности»[77].

Собравшиеся на перроне немцы презрительно отметили, что поезд Франко, проехавший лишь несколько километров, вполз на станцию с восьмиминутным опозданием. По версии официального лица германского МИДа, доктора Пауля Шмидта, поезд опоздал на час, хотя это не подтверждается ни другими сообщениями того времени, ни несколькими отчетами Серрано Суньера[78]. Франкистские борзописцы подхватили потом эту версию, хотя располагали лишь одним основанием — хвастливым заявлением каудильо в 1958 году. И все же они писали, будто это опоздание было мастерским ходом Франко, вознамерившегося вывести Гитлера из равновесия[79]. Каудильо не имело смысла поступать таким образом. Напротив, он чувствовал себя униженным из-за небольшого опоздания поезда[124]. Понимая, что

это роняет его в глазах Гитлера, Франко грозил уволить подполковника, ответственного за организацию его передвижения по железной дороге[80]. Множество фотокадров, запечатлевших первые мгновения встречи на платформе в Андае, свидетельствуют, что каудильо был в высшей степени рад встрече с фюрером. Вполне понятно, что глаза Франко блестели от возбуждения и подъема, поскольку для него эта встреча знаменовала поистине исторический момент.

Как ни трудно восстановить последовавшие события и ход переговоров в салон-вагоне специального поезда фюрера «Эрика», ничто не подтверждает, будто «мастерская игра одного человека сдержала того, кого не могли сдержать все армии Европы, включая французскую»[81]. Скрупулезно выверенной по минутам картины встречи не существует, хотя осталось несколько официальных отчетов очевидцев. Во встрече приняли участие шесть человек — Гитлер, Франко, Риббентроп, Серрано Суньер и два переводчика, Гросс и барон де лас Торрес. Седьмой, Пауль Шмидт, пресс-секретарь и переводчик Риббентропа, держался в стороне. Четверо — Серрано Суньер, барон де лас Торрес, Риббентроп и Шмидт — составили отчеты разной степени подробности и достоверности[82]. Наиболее полная версия, оставленная Шмидтом, находится в архивах германского МИДа. Поскольку часть отчетов о встрече отсутствует, как и многие другие документы, касающиеся отношений между Гитлером и Франко, представленная ниже картина неполна[83].

Адмирал Канарис предупредил Гитлера, что, встретившись с Франко, он расстанется с иллюзиями, ибо увидит «вместо героя сосиску» (statt eines Heldes, ein Wiirstchen)[84]. Встреча началась в 15.30 в весьма сердечной атмосфере. Франко произнес: «Я счастлив видеть вас, фюрер». Гитлер ответил: «Наконец-то мое давнее желание осуществилось, каудильо». После этого вместо беседы, которой, видимо, ожидал Гитлер, началось нечто вроде обмена монологами сторон. Гитлер делал вид, что занят куда более серьезными проблемами, чем переговоры с Франко. Конечно, в его поведении не было ничего похожего на угрозы. Долго не переходя к существу вопроса, он пускался в объяснения по поводу возникших у Германии трудностей в войне и при этом особо напирал на роль погоды в Битве за Британию. Фюрер красочно изображал свою военную мощь, но вовсе не говорил, как утверждалось во франкистской Испании: «Я хозяин в Европе, и у меня в распоряжении 200 дивизий, так что другого выхода нет — только подчиняться»[125].

Гитлер многословно и путано разъяснил, что трудно удовлетворить претензии Испании на Марокко, поскольку ему

необходимо сотрудничество с виши-стской Францией. В этой связи он остановился на встрече с Лавалем, состоявшейся днем раньше, и предстоящей на следующий день встрече с Петэном. На обеих вопрос о территориях стоял так: если Франция будет вместе с Германией, тогда ее территориальные потери следует компенсировать за счет британских колоний. Горькой пилюлей для каудильо стало заявление Гитлера о том, что «если сотрудничество с Францией окажется возможным, тогда территориальные результаты войны могут быть не столь значительными; однако риска при этом меньше, а шансов на успех больше. С его (фюрера) точки зрения, в столь тяжелой борьбе скорее следовало бы стремиться к быстрому успеху в короткое время, не зарясь на большие приобретения, а не к долгим изнурительным войнам. Если с помощью Франции Германии удастся победить быстрее, то Германия будет готова предоставить Франции более легкие условия мира».

Вряд ли Франко не отметил, что надежды на крупные территориальные приобретения, практически бесплатные, рушатся у него на глазах. Он ехал на встречу с наивной верой, что Гитлер, его друг, проявит щедрость. Поэтому каудильо постарался ошеломить фюрера, назвав притязания Испании на марокканские территории историческими, обрисовал удручающее экономическое положение своей страны, изложил список поставок, которые она хотела бы получить для облегчения военных приготовлений, и выспренно заявил, что Испания может взять Гибралтар одна. По словам Шмидта, Франко раздражал Гитлера своей полной невозмутимостью и манерой «монотонно бубнить тихим, мягким голосом, словно муэдзин, созывающий верующих на молитву»[85]. Более всего фюрер разозлился, когда каудильо повторил ему то, что услышал от капитана Альваро Эспиноса де лос Монтероса: даже если удастся завоевать Англию, британское правительство и флот будут продолжать военные действия с территории Канады с помощью Соединенных Штатов[86]. Возмущенный фюрер, нервно вскочив, рявкнул, что нет смысла продолжать дискуссию. Гитлеру весьма не понравилась узость мышления Франко, а также и то, что он осмелился выразить сомнения в победе Германии над Англией. Однако он, очевидно, счел за лучшее не прерывать встречу и сел на место[87].

По словам де лас Торреса, Гитлер ушел со встречи, ворча: «С этим малым дела не сделаешь» (mit diesem Keri ist nichts zu machen)[88]. Ясно, что, если бы Гитлер пригрозил Испании двумястами дивизиями, у него вряд ли вырвалась бы фраза, отдающая бессилием[126]. Переговоры закончились в 18.05, и после короткого перерыва, во время которого встретились Серрано

Суньер и Риббентроп, в вагоне Гитлера был дан обед. Согласно фельдмаршалу Кейтелю, успевшему поговорить с фюрером в ходе обеда, «Гитлер, весьма разочарованный отношением испанцев, был готов в любой момент прервать переговоры. Каудильо сильно раздражал его. Особенно ему не нравилась роль, которую играл Суньер, министр иностранных дел. Франко, говорил Гитлер, в кармане у Суньера»[89].

Потом два министра иностранных дел начали составлять заключительный протокол[90]. Примечательно: Серрано Суньер во время беседы с Риббентропом «заметил в заключение, что каудильо неточно понял некоторые конкретные вопросы, затронутые в переговорах с фюрером». В частности, он никак не мог понять, что Гитлер хочет сотрудничать с Петэном, который, по мнению Франко, изжил себя[91]. Серрано Суньер выразил Риббентропу свое удивление новым курсом Гитлера в отношении французской Африки и сожаление по поводу того, что «это сделает неосуществимыми большинство притязаний Испании». Тем не менее в соответствии с высказанными ранее пожеланиями Франко он согласился подписать секретный протокол. В письменном соглашении не была удовлетворена также просьба об изменении пиренейской границы, в результате чего французская Каталония отошла бы к Испании[92].

До завершения переговоров документ не был закончен. Неизвестно, о чем беседовали каудильо и фюрер, пока их министры вели переговоры, но кажется, в отсутствие Риббентропа, Гитлеру удалось снова оживить энтузиазм Франко в отношении Третьего рейха. При расставании каудильо взволнованно заявил о своей преданности Оси: «Несмотря на сказанное мною, если придет день, ко.г-да у Германии действительно возникнет необходимость во мне, я безоговорочно встану на ее сторону, не выдвигая никаких требований». К облегчению Серрано Суньера, германский переводчик не стал переводить этого, сочтя слова Франко формальной любезностью[93].

В том, что сказал каудильо Серрано Суньеру после окончания переговоров, проявились наивность и алчность: «Невыносимые люди; они хотят, чтобы мы воевали, ничего не получив взамен; им нельзя доверять, если в том, что мы подпишем, они официально не возьмут на себя четкие обязательства предоставить нам те территории, которые, как я объяснил, по праву принадлежат нам. На иных условиях мы сейчас в войну не вступим. Эта новая жертва будет оправданной лишь в том случае, если они по взаимной договоренности предоставят нам то, что станет основой нашей империи. Не взяв на себя официальных

обязательств сейчас, после победы, они не дадут нам ничего»[94]. Более всего поражает в тираде Франко его подспудная вера в значимость «официальных обязательств» со стороны Гитлера. Это заявление и весь ход переговоров делают бессмысленными позднейшие утверждения Франко и Серрано Суньера о том, что они держали фюрера на расстоянии. Их решимость была направлена не на сохранение нейтралитета, а на создание основы колониальной империи. Им повезло, что Гитлер, связанный другими обязательствами, не мог удовлетворить их имперские амбиции. Так что нейтралитет стал для них в некотором роде утешительным призом.

После окончания встречи, когда поезд Франко наконец тронулся, его так дернуло, что каудильо чуть не упал на площадке, но генерал Москардо поддержал его. Всю дорогу до Сан-Себастьяна шел сильный дождь, и крыши вагонов прозванного «перерывом в общественных работах» старого поезда, которым пользовался еще Альфонс XIII, протекали; на Франко и Серрано Суньера капало[95]. По возвращении в Паласио-де-Айете каудильо и его свояк с двух до трех ночи работали над текстом протокола. Текст, заранее подготовленный немцами, призывал Испанию вступить в войну, когда рейх сочтет это необходимым. Франко и куньядиссимус пытались найти менее жесткую формулировку, которая оставила бы им место для торга. Перед рассветом появился генерал Эухе-нио Эспиноса де лос Монтерос, испанский посол в Германии, и сообщил, что немцы проявляют нетерпение. Текст отправили с ним в Андай. Риббентроп отказался принять мелкие поправки к протоколу, но Серрано Суньер утаил это от Франко[96]. Несмотря на всю туманность формулировок, протокол содержал официальное обязательство Испании вступить в войну на стороне Германии[97].

Геббельс записал в своем дневнике о переговорах в Андае: «Фюрер провел запланированную встречу с Франко. Меня информировали по телефону, что все прошло гладко. Согласно информации, Испания прочно наша. У Черчилля плохие времена»[98]. Не один Геббельс получил такой телефонный звонок. Риббентроп, позвонив Чано, также выразил удовлетворение встречей[99]. Обе эти оценки вполне согласуются с тем фактом, что эта поездка Гитлера носила разведывательный характер: он хотел сопоставить позиции Франко и Петэна. Каудильо продемонстрировал полную лояльность к Оси, хотя и оставил за собой право выбрать время вступления Испании в войну. Дипкорпус охватила паника, а португальское посольство стали бомбить просьбами о въездных визах[100]. Лишь потом, когда вступление Испании в войну было положено в долгий ящик,

Гитлер пришел к выводу, что встреча была явным провалом.

Но и на тот момент фюрер не получил удовольствия от встречи с Франко. Проведя девять часов в обществе каудильо, Гитлер потом говорил Муссолини: «Я предпочел бы выдернуть три-четыре зуба, чем еще раз пройти через это»[101]. Гитлера и Риббентропа раздражало, что Франко, забыв о необходимости для

Германии поддерживать нормальные отношения с правительством Виши, без умолку твердил о своих чрезмерных, по мнению обоих, имперских притязаниях. По пути из Андая Риббентроп якобы отпустил в адрес Серрано Суньера слово «иезуит», а Франко назвал «неблагодарным трусом»[102]. Риббентропа вывела из себя встреча с Серрано Суньером, который «часто обнаруживал неполное понимание того, что реализация испанских притязаний зависит исключительно от военного успеха держав Оси, а посему эти притязания следует подчинить политике Оси, направленной на достижение конечной победы»[103]. Полковник Герхард Энгель, адъютант Гитлера, говорил, что фюрер, разозленный (wuetend) андайской встречей, ругал «иезуитскую свинью» и «неуместную испанскую гордость»[104].

Эти презрительные замечания цитировались франкистской пропагандой и самим Серрано Суньером как доказательство того, будто Гитлера и Риббентропа, возмущенных искусной риторикой Франко и его свояка, осадивших немцев, чуть не хватил удар. На самом деле утверждения, что в Андае Франко притупил остроту германской угрозы, полностью опровергнуты такими замечаниями. Имей Гитлер действительно двести дивизий, никакие слова Франко или Серрано Суньера не имели бы значения. Эти оскорбительные реплики скорее обнаруживают тевтонскую надменность по отношению к претенциозному и самоуверенному каудильо, возомнившему, что он может равняться с самим фюрером. А то, что Франко и Серрано Суньер подчеркивали свою национальную гордость и патриотизм, вероятно, казалось немцам раздражающе неуместным, поскольку исходило от представителей такой слабой в экономическом и военном отношении страны, как Испания.

Но недовольство Гитлера основывалось и на том, что ему не удалось провести испанцев в вопросе о Французском Марокко, хотя фюрер, казалось бы, откровенно и ясно заявил: он не может дать того, что еще не принадлежит ему. Гитлер, разумеется, уверенный, что сумеет получить в свое распоряжение французскую колониальную империю, не собирался отдавать ее Франко. Таков был его «грандиозный обман». Вайцзекер не придавал большого значения тому, что «в вопросе об испанском вступлении в войну ничего не было достигнуто», и считал Андай

не более чем неудавшимся «фокусом»[105]. Серрано Суньер годы спустя утверждал, что Гитлер не сильно солгал. С точки зрения куньядиссиму-са, привязанность Франко к Марокко со времен бытности «африканцем» была столь велика, что, пообещай ему Гитлер эту страну, он вступил бы в войну[106]. Сам каудильо якобы говорил Антонио Мартинесу Каттанео, гражданскому губернатору Леона: «Это Гитлер не принял моих условий»[107]. Ожидая прибытия поезда с Франко, фюрер сам сказал, почему он, в частности, не мог прибегнуть к настоящей лжи. Беседуя с Риббентропом на платформе в Андае, Гитлер заметил, что никаких твердых обещаний насчет французской территории давать нельзя, потому что «французы наверняка рано или поздно прослышат об этом от болтливых латинцев»[108].

К счастью для Франко, фюрер не хотел, да и не мог дать ему запрошенную им цену. Гитлер желал участия Испании в войне, надеясь с ее помощью обеспечить контроль над Северной Африкой и за счет этого предупредить там французское сопротивление. Такова была одна из причин, побуждавших фюрера к союзу с Франко. Цена же, запрошенная каудильо, была слишком высока: передача ему французских колоний почти наверняка вызвала бы антигерманское движение, которое примкнуло бы к де Голлю и подготовило бы почву для высадки Союзников. Андайская встреча зашла в тупик как раз из-за этой проблемы. Подписанный протокол обязывал Испанию вступить в дойну на стороне Оси, а дату вступления предполагалось определить «совместной договоренностью трех держав» — но после завершения Испанией военных приготовлений. Эта оговорка фактически оставляла решение за Франко. Однако фюрер мог бы подтолкнуть его к этому решению, начав продовольственные и военные поставки. Гитлер выступил с твердым обещанием только насчет Гибралтара, а вопрос о будущем испанском контроле над французскими колониями в Северной Африке оставил в подвешенном состоянии. Неопределенные обещания не удовлетворяли каудильо. После Андая Франко пришлось признать, что его имперские притязания мало интересуют Гитлера, и его преклонение перед фюрером пошло на убыль.

Глава 16 ВЫЖИДАЯ ЗА КУЛИСАМИ

Франко и страны Оси. Ноябрь 1940 года — февраль 1941 года

После встречи в Андае у Франко и Серрано Суньера укрепилось убеждение, что они принадлежат к клубу стран Оси. Это, в частности, отразилось в беседе, состоявшейся 26 октября между куньядиссимусом и послом Виши графом Реном де ла Бом. Серрано Суньер высокомерно и резко заявил графу, что «обладание Марокко беспрецедентно важно для обороны полуострова», и угрожающе добавил, что характер испано-французских отношений в будущем зависит от решения «африканской проблемы», поэтому «Франция должна сделать некоторые территориальные уступки» (des abandons k faire)[1].

Со стороны Серрано Суньера. это было пустым бахвальством — такой вывод позволяет сделать то, что сказал Гитлер на встрече с Муссолини во Флоренции 28 октября. Фюрер совершил поездку в Италию, чтобы рассказать Муссолини о встречах с Лавалем, Франко и Петэном и выслушать отчет дуче о его авантюре в Греции. Гитлер повторил свою точку зрения: резоннее оставить оборону Марокко за вишистской Францией, чем передавать ее Франко, рискуя нежелательными последствиями. Вполне понятно, что фюрер после Андая оскорбительно отозвался о Франко и Серрано Суньере, раздраженный тем, что испанцы своими имперскими амбициями мешают ему втянуть Лаваля и Петэна в союз, где доминировала бы Германия. Гитлер сказал дуче про Франко: «Он, конечно, отважный человек, но генералиссимусом и лидером испанского государства стал по воле случая и не соответствует уровню задач политического и экономического развития своей страны». По поводу территориальных притязаний каудильо фюрер заметил, что Франко «не добьется большего, чем значительного расширения Испанского Марокко», и что время вступления Испании в войну зависит от завершения ее военных приготовлений. Гитлер и Муссолини решили встретиться с Франко во Флоренции й объявить всему миру о создании ими тройственного пакта. Пока эта идея не материализовалась, мысли фюрера обратились к России[2].

Геббельс писал в дневнике: «Фюрер невысокого мнения об Испании и Франко. Много шуму, но очень мало действия. Ничего конкретного. Во всяком случае, к войне совершенно не готовы. Гранды империи, которой больше нет. Франция — совсем другое дело. Где Франко испытывал неуверенность в себе, Петэн был

ясен и собран». Он также прокомментировал сообщения об Испании, поступившие от зарубежных отделений НСДАП и распространявшиеся среди высшего нацистского руководства. В них подчеркивалось, что

Франко слаб, не владеет обстановкой, Серрано Суньер крайне непопулярен, а Испания находится «в диком, почти анархическом состоянии беспорядка», экономика в развалинах[3]. Быстрое ухудшение экономического состояния Испании было главным препятствием для любой формы участия Франко в войне и делало его весьма уязвимым перед лицом англо-американского давления. Дэвид Экклз писал жене 1 ноября 1940 года: «Испанцы выставлены на продажу, и наше дело добиться того, чтобы аукционер стукнул молотком после того, как цену назовем мы»[4].

Экономическая мощь англо-саксонских держав заставит Франко целые месяцы метаться между воюющими сторонами, но по-настоящему привязан он был к странам Оси. Серрано Суньер сказал португальскому послу Педру Тео-тониу Перейре 6 ноября 1940 года: «Генералиссимус — человек простой. Именно поэтому он и не слишком много разговаривал с Гитлером»[5]. Это подтвердил и фюрер, три месяца спустя сообщивший Муссолини, что Франко «часто соглашался с германскими предложениями, но его перебивал Серрано Суньер, который неизменно все портил»[6]. Дипломатические инициативы каудильо в начале ноября также подтверждают правоту Серрано Суньера. Генералиссимус предпринял несколько опасных и ненужных шагов, свидетельствующих о готовности вступить в войну. Хотя в Андае Франко и вызвал разочарование немцев, их реакция была кратковременной.

Тридцатого октября каудильо подготовил письма Муссолини и Гитлеру. Адресуясь к дуче, Франко твердо отстаивал испанские притязания на Французское Марокко и Оран, неохотно соглашаясь при этом, что между Виши и Осью необходимо взаимопонимание и, дабы не нарушать его, он не говорит об этих притязаниях открыто[7]. Это со всей очевидностью показывало, что Франко клюнул на «грандиозный обман» Гитлера. И в самом деле, в обоих письмах каудильо выражает удовлетворение тем, что принадлежит к клубу членов Оси. Письмо Гитлеру посмелее, чем к Муссолини. К письму к дуче была приложена записка от Серрано Суньера к Чано. В ней куньядиссимус объясняет, что с самого Ан-дая отчаянно ищет возможности тайно встретиться с Чано, дабы заручиться итальянской поддержкой и убедить немцев не ставить интересы вишистской Франции выше интересов Испании[8]. Он утверждает также, что из верности Оси Испания готова согласиться с уступками Гитлера Франции, «но отнюдь не

принести себя в жертву интересам своих извечных врагов»[9].

Письмо Гитлеру вручил испанский посол генерал Эухенио Эспиноса де лос Монтерос 3 ноября[10]. Франко обещал Гитлеру сдержать свои устные обещания о вступлении в войну, а затем пространно и витиевато повторил свои территориальные притязания во французской Северной Африке". Оба письма друзьям-диктаторам и записка Серрано Суньера к Чано не оставляют сомнений в том, что испанцы были крайне разочарованы результатами встречи в Андае, не получив твердых гарантий удовлетворения имперских притязаний Испании в ответ на выражение готовности вступить в войну. Пытаясь показать, что Испания серьезный партнер, Франко распустил 3 ноября международную администрацию Танжера и включил город в состав Испанского Марокко, причем сделал это, не предупредив ни немцев, ни итальянцев. Шторер считал, что такая акция спровоцирована разочарованием каудильо встречей в Андае и желанием обеспечить, «как минимум, Танжер»[12]. Однако более вероятно, что, совершив этот шаг, как и июньское вторжение в Танжер, Франко надеялся своей воинственностью произвести на фюрера впечатление. Письмо вкупе с этой акцией, видимо, возымели ожидаемый эффект.

Письмо явно обрадовало Гитлера, и он сообщил Браухичу, Гальдеру, Кейтелю и Йодлю, что теперь хочет ускорить вступление Испании в войну и начать подготовку к захвату Гибралтара[13]. Девятого ноября в Мадрид прибыли три копии секретного германо-итало-испанского протокола. Серрано Суньер подписал их, а затем германская и итальянская копии отправились по назначению со специальным курьером[14]. Испано-германские отношения, вяло развивавшиеся после визита куньядиссимуса в Берлин и андайской встречи, активизировались вследствие итальянских неудач. Гитлер был потрясен победой англичан над итальянцами под Таранто[127] и событиями в Греции, открывшими дорогу британскому наступлению на Балканах[128]. Чтобы уменьшить угрозу поставкам в Германию румынской нефти, фюрер решил закрыть Средиземное море[15]. Только теперь, впервые действительно заинтересованный вступлением Испании в войну, он пожелал ускорить этот процесс, оказывая давление на Франко. Одиннадцатого ноября Риббентроп пригласил Серрано Суньера встретиться 18 ноября в Бергхофе. Посоветовавшись с Франко, куньядиссимус принял приглашение[16].

Однако, написав 30 октября письмо Гитлеру, Франко стал более осторожен. Экономическое положение Испании ухудшалось с каждым днем, а усиление британского сопротивления пробудило дремавшие в каудильо страхи, связанные с

возможными ударами возмездия по заморским территориям Испании. Поскольку Гитлер не проявлял видимого желания удовлетворить имперские притязания Испании, Франко занял более осторожную, чем прежде, позицию и решил вступить в войну только тогда, когда британское поражение покажется неминуемым. До поездки Серрано Суньера в Берхтесгаден каудильо провел совещание военных министров правительства с участием генерала Варелы (сухопутные силы), генерала Вигона (ВВС) и адмирала Сальвадора Морено (ВМФ), где было заявлено о полной невозможности вступления Испании в войну. Адмирал Морено представил предельно реалистичный документ, составленный в штабе ВМФ при участии начальника оперативного отдела, будущего «серого кардинала» Франко, суроврго и работоспособного Луиса Карреро Бланко. Принимая как данность то, что Испания находится на стороне Оси, составители документа убедительно доказали, как слабы позиции Испании на море в сравнении с королевским ВМФ, а также проанализировали экономическую цену участия своей страны в войне. Основная посылка документа состояла в том, что Гитлеру пришлось искать союза с испанцами из-за неудачных действий итальянских вооруженных сил: державам Оси необходимо захватить Гибралтар и Суэц, а взятие первого неизбежно предполагает участие Испании. Однако составители приходили к выводу, что вступление Испании в войну невозможно до взятия Суэца. Они считали, что экономические последствия вступления в войну против Англии при сохранении у нее Суэца, а значит, неизбежной блокады Испании, будут катастрофическими для страны. В целом же это нанесет ущерб и державам Оси[17]. Спустя годы Карреро Бланко утверждал, что его участие в разработке документа принесло ему в 1942 году пост заместителя министра по делам правительства. С той поры началась карьера этого влиятельного главы политического штаба Франко, продлившаяся более тридцати лет[18].

Вскоре после того как испанское верховное командование решило не принимать участия в акциях против Гибралтара, пока Британия владеет Суэцем, начальник гитлеровского генштаба генерал Гальдер в середине ноября воплотил предложение о штурме «скалы» в детальный оперативный план. Операция получила название «Феликс». Согласно плану германские войска должны были вступить в Испанию 10 января 1941 года, а штурм Гибралтара намечался на 4 февраля[19]. Под Безансоном германские войска приступили к репетиции штурма. По сообщению Канариса, тут же подтвержденному ответственными за материально-техническое снабжение, проблема состояла в том,

что Франко не преувеличивал плачевного состояния испанской экономики. Переброска войск затруднялась бы несоответствием ширины железнодорожной колеи по разные стороны Пиренеев, всем известной запущенностью испанских железных дорог и подвижного состава. Более того, неурожай в Испании означал, что придется доставить в страну значительно больше зерна, чем было посчитано вначале. Во многих областях назревал голод, и Франко не оставалось ничего иного, как попытаться купить зерно в обеих Америках, а это неизбежно означало, что вступление в войну откладывается[20].

Во всяком случае, перенос сроков операции «Морской лев» и растущая сила Британии на море поколебали эйфорическую уверенность каудильо в победе Германии. Как сказал Канарис Гальдеру 2 ноября, Франко был глубоко обеспокоен перспективой конфликта с Британией и, в частности, возможным нападением Британии на Канарские острова. Анализируя прочие проблемы каудильо, Канарис отмечает его вялое отношение к вопросу о вступлении в войну. «Государственный административный механизм совершенно развален. Франко не может позволить себе пойти на риск. Серрано Суньер наверняка самый ненавидимый человек в Испании». Германо-испанскому взаимопониманию весьма вредили «непозволительное высокомерие» и «болезненная чувствительность» как каудильо, так и его свояка. «К этому еще следует добавить нерешительность Франко»[21]. Составители германских военных планов отдавали себе отчет в слабости испанской армии. К тому же испанская авантюра задерживалась из-за «операции на востоке». Немцы не располагали возможностью брать Гибралтар против воли испанцев, поскольку Германия не имела ни малейшего желания втягиваться в трудное сражение и откладывать нападение на Советский Союз[22].

Пока немцы темнили с вопросом о Гибралтаре, британское правительство с подачи сэра Сэмюэла Хора и Уэдделла, продолжало выступать в пользу американской продовольственной помощи Испании, намереваясь устранить предлог, который вынудил бы Франко броситься в объятия стран Оси. Это затруднялось тем, что государственный секретарь Корделл Халл настойчиво требовал публичного заявления Франко, который подтвердил бы нейтралитет Испании и отказался бы помогать Германии или Италии в войне против Великобритании. Тридцать первого октября Уэдделла принял Серрано Суньер и, подчеркнув политическую солидарность Испании с Германией и Италией, заметил: Франко удивлен, что пшеница Красного Креста до сих пор не пришла. Уэдделл напомнил Суньеру, что ее поставки зависят от позиции Испании на международной арене. Встреча

убедила Уэдделла, конечно не знавшего о письме Франко Гитлеру, написанном лишь за день до этого, что продовольственные поставки удержат Испанию от вступления в войну[2.3].

Пятого ноября, через два дня после выдворения остатков международной администрации из Танжера, ухудшающееся положение с зерном вынудило испанский кабинет согласиться публично объявить об американском предложении. Но было уже поздно. После того как это предложение поступило впервые, произошли события в Андае и Танжере, возмутившие американскую общественность, и без того негодовавшую на Франко за симпатии к странам Оси и бесконечно продолжающиеся казни заключенных республиканцев[24]. Однако Хор и британское правительство по-прежнему были убеждены, что немедленные поставки продовольствия лучшее средство предотвратить объявление Испанией войны Британии[25].

Пока Серрано Суньер снова находился в Германии, кабинет Франко по зрелом размышлении решил, что не может выполнить требования Вашингтона и сделать заявление о нейтралитете. Девятнадцатого ноября Уэдделл встретился, по просьбе кабинета, с Карсельером и близким другом Серрано Суньера, министром без портфеля Педро Гамеро дель Кастильо, исполнявшим обязанности генерального секретаря Фаланги. По их мнению, Франко удерживало от объявления опасение спровоцировать враждебные действия Германии, «притаившейся на границе и готовой прыгнуть». Эта хитрая уловка вряд ли согласуется с тем, что мы знаем теперь об испано-германских отношениях сразу после Андая, Танжера, а также из письма Франко Гитлеру. Вместе с тем эта уловка, переговоры Серрано Суньера в Германии с Гитлером и личные заверения Франко в конце концов смягчили позицию американского госдепартамента[26].

Тем временем 19 ноября 1940 года в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера и Серрано Суньера. На сей раз у Гитлера была потребность поторапливаться, и куньядиссимусу пришлось в некотором роде выкручиваться. Это был первый из трех визитов Суньера в Германию, когда он действительно подвергся нажиму. Хотя фюрер и пытался приуменьшить последствия «ошибок» Муссолини в Греции, но все же прямо заявил, что возникла «настоятельная потребность действовать быстро и решительно». «В теперешних условиях абсолютно необходимо закрыть Средиземное море» со стороны Гибралтара и Суэца. Серрано Суньер заметил, что Испания заинтересована в британской доброй воле, дабы обеспечить импорт нужного ей продовольствия. Он намекнул также, что Франко недоволен

отказом Гитлера поставлять Испании продовольствие или военное имущество. Фюрер ответил, что если Испания вступит в войну, то поставки тут же последуют. Серрано Суньер сказал, что из-за выраженной в Андае солидарности Испании со странами Оси Соединенные Штаты заблокировали поставки тридцати тысяч тонн пшеницы. Речь шла о замороженных поставках зерна по линии Красного Креста. Однако идеологическая привязанность Серрано Суньера к странам Оси все же сказалась в его словах: «Превыше проблемы поставок стояла, однако, История, в которой Испания хотела сыграть свою роль и на этот раз».

Гитлер настаивал на том, чтобы Испания вступила в войну как можно скорее. Если приготовления закончатся через месяц-полтора, это будет оптимальным временем для боевых действий германских войск в Испании. Серрано Суньер поспешил напомнить фюреру, что каудильо и его самого разочаровала расплывчатость обещаний по пбводу имперских притязаний Испании в секретном андайском протоколе. Узнай общественность о деталях протокола, в Испании сочли бы, что Германия бросила «друга в прошлом, настоящем и будущем отныне и навсегда» ради сделки с Виши. Серрано Суньер утверждал, что туманные обещания протокола не имеют цены. Гитлер на это отвечал, что притязания Испании на территории в Марокко будут удовлетворены. Затем фюрер снова объяснил, почему скорое вступление Испании в войну имеет такое решающее значение. Для защиты Канарских островов от английского нападения он предлагал артиллерию, боеприпасы и пикирующие бомбардировщики. Серрано Суньер возразил, что Испания уже приняла меры для обороны островов. Куньядиссимус даже сказал, что пока сохраняется испанский нейтралитет, под прикрытием которого будут проходить военные приготовления, он попытается ввезти в страну как можно больше канадской, американской и аргентинской пшеницы. Гитлер, вероятно, лучше Риббентропа понял трудности, грозящие Испании со вступлением в войну. В разговоре с Чано, состоявшемся сразу после переговоров с Серрано Суньером, фюрер предложил, чтобы Муссолини использовал свое влияние на Франко и попытался добиться испанского участия в войне[27].

Риббентроп считал решенным, что Испания вот-вот вступит в войну, и вечером, после переговоров Серрано Суньера с Гитлером, встретившись с кунья-диссимусом. в гостинице, повторил слова фюрера о необходимости скорейшего присоединения к воюющим. Зная, что Серрано Суньер сразу же по возвращении в Мадрид будет говорить с Франко, Риббентроп попросил срочно передать результаты беседы в Берлин через посла Шторера, чтобы

немедленно начать необходимые приготовления. Риббентроп предложил также направить в Берлин испанского представителя для детального обсуждения поставок в Испанию продовольствия и сырья. Поскорее желая начать действовать, он распорядился, чтобы Шторер передал телеграфом в Берлин одно шифрованное слово, которое означало бы, что Франко готов вступить в войну. Затем Риббентроп дал субъективный обзор военной ситуации, отметив при этом, что американская помощь Англии уязвима перед атаками со стороны германских подводных лодок. Все это подавалось в таком духе, словно Сталин собирается присоединиться к всемирной антибританской коалиции под главенством Германии. Серрано Суньер прервал его, заметив, что слышал, будто американские поставки Англии по воздуху весьма существенны, поэтому он рад узнать, что немцы активизируют подводную войну. Встреча оказалась неудачной и укрепила взаимную антипатию Серрано Суньера и Риббентропа[28].

За встречей Гитлера с Серрано Суньером Лондон следил с особым вниманием. Встреча подхлестнула попытки Союзников помочь Испании с решением ее продовольственных проблем. Черчилль писал Рузвельту 23 ноября: «По нашим сведениям ситуация в Испании усугубляется и полуостров недалек от голода. Ваше предложение поставлять им продовольствие ежемесячно до тех пор, пока они не вступают в войну, может иметь решающее значение. Пора поговорить с ними прямо и откровенно, пренебрегая мелочами. Оккупация Германией обеих сторон пролива [Гибралтарского] станет неприятным дополнением к трудностям нашего флота, и без того уже серьезным»[29]. И в самом деле, всего лишь днем раньше Муссолини написал Гитлеру, что пришло время разыграть «испанскую карту». Он выразил готовность встретиться с Франко и оказать на него давление с целью втянуть в войну на стороне Оси[30]. Поздно вечером 25 ноября Шторер телеграфировал в Берлин и сообщил, что немедленно по возвращении из Берхтесгадена Серрано Суньер доложил Франко о своих переговорах с Гитлером. Каудильо поддержал позицию свояка и тут же созвал военных на продолжительную консультацию. Генералы задавали неприятные вопросы о том, что выиграет Испания от войны, и напоминали Франко об ужасающей слабости страны в военном отношении. Серрано Суньер сказал Штореру, что решение каудильо, «о котором будет сообщено немедленно по окончании консультаций с военными, будет, конечно, положительным, и это позволит начать приготовления». Однако в связи с вопросами, заданными военными, «было бы желательно получить быстрый ответ на последнее письмо каудильо

фюреру»[31]. Если бы ответ Гитлера удовлетворил Франко, а фюрер начал поставлять продовольствие и вооружения, возможно, каудильо взялся бы за военные приготовления. Однако Гитлер не удовлетворил просьб каудильо, содержавшихся в письме от 30 октября, и Франко уперся на своем.

Двадцать восьмого ноября Шторер телеграфировал в Берлин: Серрано Суньер только что сообщил ему о согласии Франко начать приготовления к войне. В действительности ничего подобного не произошло. Просто Шторер, как Гитлер и Риббентроп за несколько дней до этого, очень хотел видеть определенность там, где были всего лишь попытки увернуться. Вполне понятно, что Серрано Суньер, борясь с растущей оппозицией своей политике в высоких военных кругах, заискивал перед немцами[32]. Во время своего визита в Берхтесга-ден он заметил: «Вступление Испании в войну предотвратит волнения в стране»[33]. Двадцать девятого ноября Серрано Суньер зачитал Шторeру изложение позиции Франко. Оно носило куда менее определенный характер, чем это можно было понять по телеграмме Шторера, направленной в Берлин днем раньше. В документе Серрано Суньера каудильо выражал согласие «максимально ускорить приготовления Испании к вступлению в войну», однако далее говорилось, что «необходимое для этого время нельзя определить точно, поскольку нужно подготовиться к другим военным действиям, которые последуют за нападением на Гибралтар. Франко желал, чтобы при командующих всеми родами сил Испании находились германские офицеры связи. Опасаясь британской контратаки на испанское атлантическое побережье, каудильо предложил атаковать Суэц, чтобы отвлечь английский средиземноморский флот. Это предложение показывало, что встреча с военными пробудила во Франко привычную осторожность[34].

Узнав о с трудом скрываемом желании Франко не выводить Испанию на линию огня, Гитлер послал туда для детального обсуждения ситуации адмирала Канариса[35]. Стараясь продемонстрировать, что каудильо по-прежнему поддерживает страны Оси, Серрано Суньер сообщил Шторeру, что испанское правительство готово предоставить заливы северного побережья для базирования германских танкеров, без которых невозможна заправка эсминцев[36]. Однако несмотря на симпатии Франко и Серрано Суньера к делу Оси, свободу их действий все более ограничивало безнадежное положение в испанской экономике. «Ужасающая картина», складывающаяся на основе британских донесений из Барселоны и Мадрида, убеждала официальные лица в британском министерстве иностранных дел в том, что «даже

немцы заколеблются, прежде чем «прибирать к рукам» страну в подобном состоянии»[37]. Двадцать первого ноября 1940 года Дэвид Экклз писал жене: «Направляясь по утрам в посольство, мы видим, что все более возрастает число мужчин, женщин и детей, роющихся в мусорных ящиках и помойных ведрах, стоящих у обочин. Отыскав в этой грязи картофельные очистки, они едят их, запихивают в мешки. На это невозможно смотреть без ужаса»[38]. В этот период голода и эпидемий одни испытывали чудовищную нужду, другие же проявляли полную безнравственность, получив доступ к чиновничьим привилегиям и черному рынку[39]. В условиях массового голода в Испании Союзники продолжали твердо придерживаться своей политики, предлагая испанцам помощь в обмен на их неучастие в войне.

В то самое время, когда Серрано Суньер зачитывал Штореру заверения Франко о приготовлениях Испании к войне, сам каудильо беседовал с американским послом. Франко, обычно холодный как лед, был столь озабочен экономическим кризисом, что казался почти искренним и сердечным. Уэдделл сообщил каудильо, что в свете недавних визитов Серрано Суньера в Германию США находят затруднительным начать по линии Красного Креста поставки пшеницы или предоставить кредиты на закупку сырья — Испания не должна прояснить свою позицию в отношении стран Оси. Франко упомянул о беседах, которые он и Серрано Суньер имели недавно с Гитлером, не раскрывая их содержания. На прямой вопрос Уэдделла, подписала ли Испания тройственный пакт, Франко ответил отрицательно, хотя его свояк сделал это тремя неделями раньше. Каудильо сказал послу, что политика США базируется на вере в победу Британии, тогда как он сам убежден в обратном. Пытаясь добиться сочувствия и понимания посла, Франко вскользь упомянул об опасениях, которые внушают ему германские дивизии, ждущие удобного момента на франко-испанской границе.

Когда Уэдделл пожелал заручиться обещанием каудильо не отступать от своей теперешней позиции и не помогать Оси, тот с готовностью согласился на первое, а на второе ответил, что Испания не способна оказать помощь странам Оси, даже если бы и хотела. Будущего же никому не дано предсказать. Уэдделл расценил это как намерение Франко заявить о нейтралитете и, не зная о данных им Гитлеру обещаниях, убеждал госдепартамент начать поставки пшеницы. Но Вашингтон относился к Франко с прежним подозрением, ибо в Латинской Америке продолжалась антиамериканская деятельность зарубежной секции Фаланги[40]. Бешеную активность стал проявлять Серрано Суньер. Демонстрируя несвойственное ему прежде дружелюбие к

Уэдделлу и Хору, он уговаривал их начать поставки пшеницы. Его, несомненно, подтолкнули к этому сообщения о хлебных бунтах и нападениях на пекарни. Второго декабря 1940 года было заключено дополнение к англо-испанскому торговому договору от 18 марта 1940 года, в соответствии с которым Британия брала на себя поставку 150 тысяч тонн кукурузы из Южной Америки и 100 тысяч тонн пшеницы из Канады. В ответ Испания дала обязательство не реэкспортировать определенные виды сырья державам Оси и не разрешать транзита отдельных португальских товаров в Германию и Италию. Однако госдепартамент США не решался на поставки пшеницы по каналам Красного Креста до 7 января 1941 года[41].

В конце 1940 года на почве продовольственных проблем у Франко появился новый друг. Случилось это при неблагоприятных обстоятельствах. Франко вызвал к себе Хосе Луиса Арресе, гражданского губернатора Малаги, обвиняемого в том, что он плетет заговор против каудильо. В 1937 году крайне амбициозный Арресе был осужден как сподвижник Эдильи и реабилитирован Серрано Суньером. На сей раз пронырливому Арресе не только удалось откреститься от обвинений в заговоре, но и добиться расположения Франко. Он предложил ему кое-какие оригинальные идеи, способные содействовать росту популярности режима. Они затрагивали широкий спектр проблем — от проектирования дешевых домов до решения проблем голода: Арресе утверждал, что для питания людей можно производить бутерброды из мяса дельфинов (bocadillos de came de delfin) и делать хлеб из рыбной муки (harina de pescado). Этот человек в течение многих лет проявлял себя как виртуозный подхалим. Франко, безусловно, нравилась лесть, но помимо этого он хотел использовать Арресе в своих целях. Внешний вид неудачливого заговорщика полностью соответствовал представлению о фалангисте: усы ниточкой и зализанные назад волосы. Прошлая приверженность к Эдилье делала его приемлемым для радикального крыла Фаланги, а нынешняя угодливость позволяла предполагать, что Арресе поможет каудильо завершить процесс приручения Фаланги. Скоро Франко сделает Арресе министром — генеральным секретарем ФЭТ и де лас ХОНС[42].

С одной стороны, Франко приходилось сталкиваться с экономическими трудностями в стране и испытывать давление Союзников, с другой — вести переговоры с Канарисом о нападении на Гибралтар. Хотя они с Серрано Суньером пытались скрыть капитуляцию перед Британией и США, немцы хорошо знали об их уступках. Одиннадцатого декабря Серрано Суньер,

отрицая, что Испания обещала американцам нейтралитет, все же признал, что, «к несчастью, пришлось время от времени демонстрировать англичанам определенную снисходительность» и это нашло воплощение в обязательствах перед ними — не реэкспортировать зерно, фосфаты и марганцевую руду, однако куньядиссимус попытался принизить значимость уступок, назвав их «туманными, ни к чему не обязывающими». Он утверждал, что не были приняты обязательства по транзиту португальских товаров, и обещал продолжать поставки из Испании в Германию, после того как будут удовлетворены неотложные нужды самой Испании. Шторер считал, что в своих посулах Союзникам Франко и его свояк не переступали той грани, за которой они утратили бы свободу действий[43].

Попытки успокоить и Союзников, и страны Оси скоро привели к весьма заметным противоречиям. Пятого декабря Гитлер встретился со своим верховным командованием и решил просить у Франко разрешения на то, чтобы германские войска пересекли 10 января 1941 года испанскую границу — жест, едва ли подтверждающий опасения Франко по поводу двухсот дивизий, готовых нанести удар по Испании. Генерал Йодль был уполномочен поехать в Испанию и провести необходимые приготовления для нападения на Гибралтар, как только Канарис согласует с каудильо дату операции. Фюрер написал Муссолини, что, испытывая сомнения в лояльности вишистских войск в Африке, он считает «безотлагательным и необходимым вступление Испании в войну. Он просил дуче вмешаться и добиться назначения конкретной даты этого события[44]. Двумя днями позже, 7 декабря, Муссолини сказал германскому послу в Риме, что если активное участие Испании в войне и важно применительно к Гибралтару, то в остальных отношениях имеет «весьма сомнительную выгоду». Эти слова объясняются катастрофой в Испании и эгоистическими опасениями дуче, как бы «потом испанцы вдруг не выдвинули неуместных претензий в Северной Африке»[45].

Канарис прибыл в Мадрид морозным снежным днем 7 декабря. В половине восьмого вечера он в присутствии генерала Вигона попросил Франко вступить в войну, пропустив через испанскую территорию германский армейский корпус с артиллерией, намеревающийся напасть на Гибралтар. Зная, что немцы не получили перевеса в воздухе над королевскими ВВС, а итальянцы терпят серьезное поражение в Албании, каудильо сказал Канарису, что Испания из-за тяжелого положения с поставками продовольствия попросту не способна выполнить пожелание Гитлера в предлагаемые сроки. Дефицит

продовольствия, оцененный Франко в миллион тонн, усугублялся огромными неполадками в системе доставки по автомобильным и железным дорогам. Каудильо повторил также, что опасается, как бы с захватом Гибралтара Испания не лишилась Канарских островов и других заморских владений. Хотя Франко и пустился при этом в рассуждения о том, что не желает стать обузой для своего германского союзника, на самом деле он впервые усомнился в возможности победы немцев. Возможно, каудильо уловил намеки Канариса на то, что Гитлер может и не выиграть войну. Гораздо позднее Вайцзекер писал, будто Канарис говорил ему, что отказывается быть «пешкой в мошеннической игре с испанцами». Фельдмаршал Кейтель считал, что Канарис «не делал серьезной попытки склонить испанцев к проведению операции, но, напротив, советовал своему испанскому другу не соглашаться». Весьма вероятно, Канарис, считая, что вступление Испании еще больше осложнит уже проигранную войну, попросту не предпринимал никаких шагов для того, чтобы Франко разрешил нападение на Гибралтар[46].

Во всяком случае,' каудильо не привлекало приглашение присоединиться к войне на весьма ограниченной основе. Огромные притязания Франко распространялись на имперские территории Франции, а Гитлер предлагал лишь одно — превратить Гибралтар в германскую базу и передать его Испании после войны[47]. Беспредельно самонадеянный фюрер считал, что предлагает каудильо хорошую сделку — возможное возвращение Гибралтара бесплатно. Франко, однако, видел, что его надувают и, не желая идти на риск испортить отношения с англичанами, польстившись на туманные обещания, не нуждался в подсказках Канариса, чтобы отвергнуть предложение.

На Вильгельмштрассе были озадачены. Шторeру поступила телеграмма, в которой его просили объяснить причины «вопиющего противоречия» между теперешними словами Франко и тем, о чем он заявлял во время переговоров в Андае, а Серрано Суньер на встрече в Берхтесгадене. Глава верховного командования вермахта 8 декабря направил Канарису телеграмму с требованием добиться от каудильо даты начала операции. Адмирал ответил, что он уже оказывал давление на Франко в этом направлении, но безуспешно. «Генерал Франко возразил, что не может назвать такой даты. Обстоятельства зависят от того, улучшится ли состояние экономики Испании, чему пока нет свидетельств, а также и от будущего хода войны против Англии. Генерал Франко дал ясно понять, что Испания может вступить в войну, только когда Англия окажется на пороге поражения»[48]. Позднее каудильо выразит недовольство такой интерпретацией

его слов. Вайцзекер писал в своем дневнике: «Слабое утешение — правильно предсказать позицию Испании. Она вступит в войну лишь перед самой победой Оси, но что мы от этого приобретем? Разве что лишних паразитов?»[49]

Гитлер был глубоко раздосадован новыми свидетельствами отказа Франко выполнять соглашения, заключенные в Андае и подтвержденные в его письме после переговоров. Он решил, в случае неудачи миссии Канариса, отозвать своих генералов из Испании[50]. В течение ноября специальные немецкие части репетировали штурм Гибралтара, но без согласия Франко не могло быть и речи о штурме «скалы». Фронтальная атака с моря исключалась потому, что германский флот был завязан на операции «Морской лев», все еще не исключаемой, а также на обороне французского и норвежского берегов и прежде всего на продолжении войны в Атлантике. Наземная операция против Гибралтара потребовала бы от германских войск броска на 1200 километров, причем с собой пришлось бы тащить все продовольствие и снаряжение по плохим, часто не покрытым даже щебенкой дорогам, по узким, извилистым горным перевалам, продираться сквозь туман и лед, без всякой надежды приобрести по дороге продовольствие и горючее[129].

Получив мрачный отчет Канариса, Гитлер с поразительным спокойствием приказал прекратить приготовления операции «Феликс». Уверенный, что вторжение в Испанию соблазнит англичан послать туда свои войска в помощь местному сопротивлению, он не хотел приобрести новый, ненужный Германии театр военных действий[51]. Фюрер решил, что пикирующие бомбардировщики, предназначенные для Гибралтара, теперь необходимы в Южной Италии для бомбардировки британских судов, курсирующих между Сицилией и Северной Африкой, и должны быть под рукой в случае нападения на Грецию. Германия не располагала военными возможностями, чтобы осуществить краткосрочный план нападения на Испанию, поскольку войска и технику начали собирать для экспедиционного корпуса, призванного помочь итальянцам в Ливии. В долгосрочном же плане война против России была для Гитлера куда важнее, чем любые акции на периферии. Посему приготовления к весеннему наступлению на востоке отодвинули в сторону планы взятия Гибралтара[52].

Франко нравилось играть на противоречиях между воюющими сторонами, и в этой игре он шел все дальше и дальше. Он начал оказывать давление на правительство Виши, желая добиться от него уступок в Северной Африке. Вероятно, видя себя частью нового порядка, он считал возможным добиваться

территориальных изменений и позволил себе угрожающий тон, когда 7 декабря 1940 года принял нового вишистского посла — правого англофоба, элегантного Франсуа Пьетри (Pietri)[130]. Посол произнес перед каудильо весьма дружественную речь. Тот же, одетый в великолепную форму, окруженный своими министрами и видными государственными деятелями, оскорбительно намекнул на испанские притязания во Французском Марокко, хоть и облек это в дипломатическую форму: «Дружба не может существовать без справедливости, и предстоит исправить много несправедливостей, чтобы дружба стала реальной»[33].

Аргументам франкистской пропаганды о том, что с зимы 1940 года Франко искусно противостоял уговорам и угрозам Гитлера, серьезно противоречит реальный факт: с указанного времени Испания не относилась к числу приоритетов Гитлера. Это вовсе не значило, что фюрер не был разочарован позицией каудильо. В одном из своих писем к Муссолини, относящихся к концу года, есть такая фраза: «Боюсь, Франко совершает одну из самых крупных ошибок в своей жизни». Геббельс с тем же разочарованием заметил в своем дневнике: «Франко не тянет свой воз. Он, пожалуй, и неспособен делать это по бесхребетности. И внутренняя ситуация у него в Испании далеко не радужная. То, что у нас не будет Гибралтара — серьезный удар»[54].

Голод в стране и сомнения в конечной победе немцев побудили Аранду и Кинделана открыть Хору свое недовольство германофильством Серрано Суньера[55]. По словам Кинделана, он пришел к послу «с ведома и полного одобрения генерала Вигона», а при том, что Франко и Вигона связывали тесные отношения, это означало, что и каудильо знал о визите. Он вполне мог готовить почву для того, чтобы свалить все прогерманские акции на свояка, если придется просить у Союзников солидную экономическую помощь. Не успели Гитлер и верховное командование вермахта получить отчет Канариса, как Шторер информировал Берлин, что надвигающийся голод затмил все прочие проблемы, в частности, вопрос о вступлении в войну. После того как несколько раз снижались хлебные пайки, можно было видеть на улицах драки за корку хлеба. Сообщая 11 декабря о голоде в Мадриде, Шторер подчеркнул, что оппозиция высших генералов Серрано Суньеру обязывает Франко умерить энтузиазм по отношению к участию в войне[131]. Шторер был убежден, что каудильо изменил позицию только из-за продовольственного кризиса и связанных с этим опасений за прочность режима. Шторер сообщал, что преодоление проблем, стоящих перед Франко, потребовало бы экономической поддержки «огромных

масштабов»[56]. Поразительно, но в течение этого времени Испания экспортировала продовольствие в Германию[57].

Теперь Испании пришлось добиваться разрешения англичан и американцев на импорт аргентинской пшеницы. Шторер писал на Вильгельмштрассе 8 января 1941 года, что Франко ведет себя правильно, приняв предложение Англии и Америки, так как это произошло сразу после провала попыток получить германскую помощь[58]. Позиция Шторера имеет свои основания. Именно голод заставил каудильо отступить в решающий момент. Серрано Суньер 8 января сказал итальянскому послу Франческо Леквио: «Если бы Испания уже получила от Германии необходимое не для создания запасов, а для каждодневного выживания, то уже участвовала бы в войне на стороне Оси. К несчастью, этого не случилось и испанскому правительству пришлось терпеть отвратительный шантаж Англии и Соединенных Штатов. Скажите ему [Муссолини], что, несмотря на все преграды, Испания серьезно занимается подготовкой в военной сфере, дабы быть во всеоружии перед лицом грядущих испытаний»[59].

Девятого января нетерпеливый Гитлер решил, что следует предпринять еще одну попытку втянуть Испанию в войну. Шторера вызвали в Берлин. В его отсутствие Гамеро дель Кастильо, фалангисгский министр без портфеля, встретился с Йозефом Хансом Лацаром, зловещим и влиятельным пресс-атташе германского посольства. Гамеро сказал ему, что между Франко и Серрано Суньером развертывается борьба за контроль над правительством. Каудильо, столкнувшись с оппозицией многих высших генералов и церкви, не хотел бы формировать прона-цистский кабинет. Гамеро и куньядиссимус считали, что «активное, однородное правительство Серрано Суньера будет сформировано по возможности быстро». Гамеро хотел, чтобы немцы вмешались и дали знать, что Третий рейх стоит за правительство Серрано Суньера[60].

Нет сомнений, что к этому времени Гитлер полностью разочаровался во Франко. Девятнадцатого января 1941 года он встретился с Муссолини и Чано в Бергхофе и резко критиковал там каудильо, не понимающего, что контроль со стороны Оси над Гибралтаром и германские базы в Испанском Марокко полностью снимут проблему де Голля. Он назвал Франко «всего-навсего средним офицером, который по стечению обстоятельств стал главой государства. По своему темпераменту он не повелитель, а подчиненный». Риббентроп говорил, что Шторeру дали инструкции сделать последнюю попытку повлиять на Франко. Гитлер, не питая особого оптимизма, все же попросил дуче вмешаться и оказать воздействие на каудильо. Муссолини

неуверенно согласился[61].

Вернувшись в Мадрид из Зальцбурга, Шторер в понедельник 20 января провел с Франко долгую беседу и «с безжалостной прямотой» изложил ему позицию Гитлера и Риббентропа. Он подчеркнул, что фюрер разочарован ответом каудильо Канарису 7 декабря, и указал на бесполезность для Германии вступления Испании в войну после поражения Англии. Шторер заявил: поведение Франко свидетельствует о том, что он уже не убежден в победе рейха. Война практически выиграна, и «для Испании пробил исторический час». По словам Шторера, Риббентроп согласен дать каудильо только сорок восемь часов на обдумывание решения, ибо ситуация в Испании ухудшается и войска, готовые в настоящее время вступить в эту страну, должны успеть передислоцироваться.

Франко выразил удивление по поводу столь пессимистичной оценки ситуации и отрицал, что голод поставил его режим под угрозу. Он заявил, что его политика неизменна, а «вера в победу Германии остается прежней». Франко утверждал, будто не может выполнить данное в Андае обещание и вступить в войну только из-за неожиданного ухудшения положения с продовольствием, которое определилось после точной оценки урожая в ноябре месяце. Продовольственный дефицит таков, что вступать в войну было бы «преступным». По мнению его военных советников, использование горючего и транспорта на военные цели чревато усугублением продовольственного кризиса. Однако Франко упорно повторял: «Вопрос вовсе не в том, вступит ли Испания в войну — это было решено в Андае. Вопрос лишь в том когда». Он решительно отрицал, что говорил Канарису, будто Испания вступит в войну, лишь когда Англия окажется на пороге поражения. «Испания намерена по-настоящему участвовать в войне, а не принимать от кого-то подарок». Он утверждал, будто сказал Канарису, что Испания собирается вступить в войну, но не хочет быть в тягость своим союзникам[132]. Далее Франко твердо изложил свою точку зрения на германскую помощь: если она не начнет поступать до вступления Испании в войну, то окажется запоздавшей. Шторер назвал эту просьбу «предоплатой», но, имея предварительные указания Риббентропа, ответил, что она может быть рассмотрена, если Франко даст заверения вступить в войну в момент, который определит рейх. Каудильо попросил время на обдумывание этого предложения[62].

Франко ошибочно считал, что его представление о ситуации в Испании соответствует действительности, а не порождено самомнением. Это явствует из того поразительного факта, что генералиссимус писал художественное произведение, когда

Европу уничтожала война, а Испанию — голод. «Раса» представляла собой романтизированное описание испанской семьи, подобной семье самого Франко, и была первоначально написана в жанре киносценария, а опубликована как роман. Замысел произведения — показать жизнь галисийской семьи в определенный исторический период: от крушения испанской империи в 1898 году до Гражданской войны. Главная героиня книги — мать семейства — донья Исабель де Андраде. Как и Пилар Баамонде, мать Франко, глубоко религиозная донья Исабель одна растит трех сыновей и дочь. Это ласковая, но сильная женщина. Но Пилар бросил отец Франсиско, распутник и игрок, а в романе муж доньи Исабель — герой моряк, погибший на кубинской войне.

«Раса» создавалась в конце 1940 — начале 1941 года. Франко диктовал книгу, ходя взад-вперед по своему кабинету. Затем текст был передан журналистам Мануэлю Аснару и Мануэлю Алкону (Halcdn) для литературной обработки. Когда каудильо спрашивали, как он в такой напряженный период мог выкроить время для написания художественного произведения, он отвечал, что при разумном распорядке дня все возможно. Романтический тон книги показывает, как сильно он был оторван от реальных условий испанской жизни.

В расцвете политической карьеры Франко изобразил в своем романе, как провидение ниспослало Испании каудильо. Казалось, по мере осуществления амбиций Франко прошлое становилось все более неприемлемым для него. Реальная семья Франко подменена в романе аристократической — идальгос, — хотя и выбор автором литературного псевдонима Хаиме де Андраде, фамилии старинного дворянского рода, с которым Франко был отдаленно связан через родителей, — почти не оставляет сомнений в социальных ориентирах автора. «Раса» дает ключ к пониманию мотивов, питавших честолюбивые помыслы каудильо. Через своего героя, Хосе Чурруку, он романтизирует своих родителей, свое детство и социальное происхождение, но вставляет упоминание и о себе самом — прославленном и всевидящем каудильо.

Выбор названия отражал тогдашнее увлечение Франко нацизмом, и по внутренней логике герой и его семья будто были средоточением всего самого ценного в испанской «расе». По мнению автора, именно эти качества способны спасти Испанию от пагубных иностранных влияний — либерализма, франкмасонства, социализма и коммунизма. Этих бесов, как считал Франко, он и изгонял в период Гражданской войны и в своей последующей борьбе с левыми. Сначала каудильо создает новую историю своей

жизни, а затем, установив диктатуру, переделывает испанскую историю периода 1936 — 1975 годов. Одно слово вытекает из другого. В книге он приобретает идеальную семью и героического отца. В политической жизни Франко станет правителем Испании — властным отцом тесно спаянной семьи. С первых дней Гражданской войны Франко отождествлял себя с Испанией, точнее, с собственной версией Испании, что больше говорит об его неврозах, чем о патриотизме. Вскоре после того, как был написан сценарий, начались съемки фильма. Их финансировал недавно созданный Всеиспанский Совет (Consejo de Hispanidad), возглавляемый Хосе Луисом Сайнсом де Эредиа. Располагая государственными средствами, Сайнс де Эредиа пригласил на главную роль одного из известных романтических актеров испанского кино того времени Алфредо Майо. Прообразом его героя был сам Франко[63]. На первом просмотре фильма — для самого узкого круга — каудильо не раз пускал слезу[64]. В течение следующих тридцати лет он смотрел «Расу» неоднократно[65].

Дух воинствующего империализма «Расы» характерен и для некоторых высказываний Франко того времени, и это позволяет предположить, что каудильо вполне искренне говорил о скором присоединении Испании к войне на стороне Гитлера. Но Риббентропу было мало обещаний. На отчет Шторера о беседе с Франко 20 января он ответил резким посланием и поручил передать его каудильо слово в слово. Там Риббентроп без обиняков утверждал: «Без помощи фюрера и дуче сегодня не было бы ни Националистической Испании, ни каудильо». Германский министр иностранных дел категорически отрицал, что Англия окажет помощь Испании, и, напротив, считал только Германию способной эффективно поддержать ее. Полагая, что война уже выиграна, он неохотно отмечал: «Закрыть Средиземное море, взяв Гибралтар, значит ускорить окончание войны. Это также открыло бы Испании путь в Африку со всеми вытекающими из этого возможностями. Для Оси, однако, эта акция приобретет стратегическое значение только в том случае, если провести ее в ближайшие недели. Иначе другие военные операции сделают это ненужным». Осудив «двусмысленное и нерешительное поведение» Испании, Риббентроп закончил послание ультиматумом: «Если только каудильо не присоединится к войне немедленно на стороне держав Оси, правительство Рейха предвидит конец Националистической Испании». Шторер тщетно пытался убедить Риббентропа смягчить тон письма[66].

Послание было передано каудильо в четверг 23 января 1940 года. Франко «горячо утверждал, что он никогда не колебался и безоговорочно встал на сторону стран Оси, испытывая как

человек чести благодарность к ним, и мысль избежать участия в войне не посещала его». Франко пространно и, видимо, искренне оправдывался, объясняя затягивание своего вступления в войну причинами экономического порядка. Глубоко уязвленный обвинениями Риббентропа, он решительно утверждал, что не отклонялся «ни на миллиметр от своего германофильского курса» и не делал никаких политических уступок Союзникам. Шторeру стоило большого труда направить беседу в русло обсуждения центрального вопроса. Наконец он заявил, что, если Франко выполнит хорошо известное требование о вступлении Испании в войну, причем в сроки, установленные Третьим рейхом, Германия приступит к предварительной поставке товаров Испании. Франко сказал, что Совету обороны поручено изучить вопрос. Серрано Суньер считал: Германия, не оказавшая помощи Испании, должна принять на себя ответственность за то, что эта страна не готова к боевым действиям. Шторера расстроил «бесконечный уход в детали и отговорки не по существу», Франко казался ему нерешительным в сравнении с более твердым Серрано Суньером, однако Шторер сказал, что решение следует принять быстро, и Франко согласился[67].

Получив отчет Шторера о беседе с Франко 23 января 1941 года, Риббентроп дал новые указания послу. Последнему предстояло зачитать каудильо еще более жесткое послание, чем предыдущее. Так как до понедельника 27 января встретиться с Франко оказалось невозможно, документ был вручен Серрано Суньеру. Он, в частности, гласил: «Только немедленное вступление Испании в войну имеет для Оси стратегическое значение и только таким путем генерал Франко может еще успеть, для разнообразия, хоть раз оказать услугу Оси». Риббентроп настаивал, чтобы каудильо доверил Оси выбор даты вступления Испании в войну и требовал «окончательного ясного ответа»[68].

Официальный ответ Мадрида Серрано Суньер передал Шторeру в субботу 25 января. Текст, в привычной для Франко манере, был выдержан в примирительном тоне. Там утверждалось, что Германия неверно поняла Испанию, если посчитала, что ее позиция претерпела изменения. Переговоры с Англией и Соединенными Штатами Испания представляла как необходимое средство осуществить свои военные планы. Отчасти, указывалось в документе, эта необходимость — следствие медленного рассмотрения Германией испанских нужд. Далее говорилось: «Дата нашего вступления в войну определяется совершенно однозначными и конкретными требованиями. Задержка — отнюдь не предлог для того, чтобы вступить в войну

в момент, когда можно будет пожинать плоды победы, добытой другими... Испания хочет внести реальный вклад в победу, вступить в войну и выйти из нее с честью»[69].

В понедельник 27 января, когда Штореру удалось встретиться с каудильо в присутствии Серрано Суньера, посол заявил, что ответ «совершенно неудовлетворителен», поскольку не содержит никакого упоминания о возможной дате вступления в войну. Тогда Франко необычайно пространно изложил масштабы экономических трудностей Испании. Согласно Штореру, в его длинной тираде заслуживало внимания лишь то, что генералиссимус, как никогда до этого, веско подчеркнул: «Испания несомненно вступит в войну». Каудильо также попросил, чтобы германские экономические эксперты сделали заключение о потребностях Испании, и то же должны сделать военные эксперты, возможно, фельдмаршал Кейтель. Шторер был убежден, что Франко чувствовал себя искренне уязвленным недоверием немцев к его заявлениям[70]. В тот же день Серрано Суньер в том же ключе изложил испанскую позицию итальянскому послу[71].

И германский и итальянский послы многого насмотрелись в Испании, поэтому вошли в положение Серрано Суньера и Франко. Но Риббентроп разозлился, заметив сочувствие Шторера к испанцам, и обвинил посла в том, что тот позволяет каудильо выкрутиться. При этом он потребовал от Шторера точного изложения, как ответил Франко на предложение Германии о немедленном вступлении Испании в войну[72]. По словам посла, каудильо «ясно и окончательно отклонит» германскую просьбу, если рейх назовет неприемлемую для Испании дату вступления в войну[73]. В то время, когда страны Оси были озабочены оттягиванием сроков вступления Испании в войну, Союзников все более беспокоило, как бы продовольственный кризис не подтолкнул Франко к выступлению на стороне Оси. Спустя десять дней после «определенного требования» Риббентропа Уэдделл выразил опасение, что, не получая продовольственной помощи от Союзников, «Испания под давлением голода может ринуться в безумную африканскую авантюру в надежде добиться двух целей сразу — раздобыть провиант во Французском Марокко и осуществить территориальные амбиции»[74].

Пятого февраля 1941 года Гитлер написал Муссолини, что из-за нерешительности Франко упущена прекрасная возможность закрыть западную часть Средиземного моря. Отговорки каудильо, означавшие, что вступление Испании в войну откладывается до осени или зимы, заставили фюрера снова обратиться к дуче с просьбой воздействовать на Франко и переубедить его[75]. Шансов

добиться этого в условиях ухудшающейся с каждым днем ситуации в Испании было мало. Германские консулы сообщали, что в некоторых областях страны вообще нет хлеба, отмечаются грабежи на дорогах и бандитизм. Посол информировал Берлин о беспорядках в казармах и политической напряженности, обусловленной тем, «что и после Гражданской войны в заключении содержатся один-два миллиона красных, которых скверно кормят; их же семьи умирают с голоду». Каудильо получал аналогичные сообщения из управления безопасности, но, как отмечал Серрано Суньер, проявлял равнодушие к общественным настроениям. Военные все больше давили на Франко, требуя, чтобы он освободился от свояка. Такая перспектива устраивала Шторера, полагавшего, что нерешительность Франко порождена расколом в правительстве, и все это препятствует вступлению Испании в войну[76].

Новую попытку убедить каудильо сделал и Гитлер в своем письме от 6 февраля 1941 года. Снова перечислив аргументы в пользу того, что Испании следует встать рядом с Германией и Италией, фюрер в сдержанной манере опроверг доводы, использованные Франко для оттягивания вступления в войну. Ничем не угрожая, Гитлер просто приглашал каудильо присоединиться к нему в идеологической войне и предлагал начать поставки, но только после того, как Испания объявит войну Союзникам. При этом форма его выражений едва ли понравилась Франко: «Мы ведем битву не на жизнь, а на смерть и в данный момент не можем делать подарки». Фюрер также сравнил «колоссальные территориальные притязания Испании в Африке с весьма скромными притязаниями» Германии и Италии — несмотря на их «огромные кровавые жертвы». Создается впечатление, будто Гитлер решил, что каудильо потерян для него. Получив письмо 8 февраля, Франко заявил Шторeру, что согласен со всем сказанным фюрером, и обещал ответить сразу по окончании спешно организованного визита в Италию. В то же утро он услышал о разгроме англичанами армии маршала Грациани под Бенгази[77].

Между тем 7 февраля 1941 года Шторер наконец получил меморандум испанского генштаба о потребностях Испании в импорте для укрепления боеспособности страны. Список включал удобрения, горючее, миллион тонн зерна, хлопок, резину, джут и другие материалы. Армия запрашивала 3750 тонн меди, радиостанции, телефонную и телеграфную аппаратуру, лекарства и медицинские средства, 90 артиллерийских батарей по четыре орудия в каждой, 400 зенитных орудий, 8 тысяч грузовых автомашин и значительное количество тягачей. ВВС просили

запчасти для «Хейнкелей-111» и «Мессершмиттов Bf-109», а также снаряжение для трех эскадрилий летающих лодок. ВМС хотели получить торпеды, мины, пулеметы, глубинные бомбы, оптическое и другое оборудование и все это в значительных количествах. Для удовлетворения транспортных потребностей испанцам нужны были 180 локомотивов и 16 тысяч железнодорожных вагонов — либо 48 тысяч грузовиков. Сверх военных нужд испанцы просили еще 13 — 15 тысяч грузовиков. Когда с этим списком ознакомились в Берлине, директор департамента экономической политики констатировал: испанские запросы «настолько очевидно нереализуемы, что их нельзя рассматривать иначе, как предлог избежать вступления в войну». Все перечисленное в списке было необходимо для укрепления экономической и военной мощи Испании, для обретения ею способности наносить удары противнику, но удовлетворение этих потребностей нанесло бы серьезный ущерб интересам Германии[78].

Муссолини согласился еще раз попытаться воздействовать на каудильо. Встреча была назначена на 12—13 февраля в Бордигере[79]. Франко крайне неохотно принял приглашение. Подхалимы в правительстве изобразили ужас: как это каудильо отправится в дорогу в период международной напряженности — и Франко в конце концов убедил себя, что делает одолжение дуче. После военных поражений итальянцев на Балканах и в Северной Африке Муссолини нуждался в каком-нибудь пропагандистском эффекте, и Франко полагал, что в этом и состоит назначение Бордигеры[80]. Однако дуче придерживался несколько иной точки зрения. Он писал королю Италии за три дня до назначенной встречи: «Считаю свою поездку в Бордигеру в высшей степени бесполезной и охотно избежал бы ее. Франко не скажет мне ничего отличного от того, что уже сказал фюреру»[81]. Ко времени встречи Франко с Муссолини общественное мнение в Испании было категорически против вступления в войну. Разгром итальянцев в Киренаике британскими войсками, значительно уступавшими им в численности, и обстрел Генуи с моря 8 февраля породили в Испании антиитальянс-кие настроения, повлиявшие и на самого каудильо[82].

Поездку организовали по суше, через Францию. Десятого февраля Франко и Серрано Суньер отправились в дорогу колонной из семнадцати автомашин[83]. Когда два дня спустя состоялась встреча, чиновник итальянской делегации Лука Пьетромарки описал Франко так: «Пустомеля, неясно выражает мысли, блуждает в мелочах, пускаясь в длинные отступления по военным вопросам», — полная противоположность четко

изъясняющемуся Серрано Суньеру[84]. Каудильо выразил подавленному и постаревшему Муссолини свою веру в победу Оси и чистосердечно признался: «Испания хочет вступить в войну; она боится только опоздать». Затяжку со вступлением он связал с отказом Германии предоставить помощь его стране и с обнаружившимся в Андае намерением Гитлера, заигрывать с Виши за счет имперских амбиций Испании. Муссолини спросил Франко, объявит ли он войну, если получит необходимую помощь и твердые обязательства удевлетворить его колониальные устремления. Каудильо ответил, что из-за голода и небоеспособности вступление в войну откладывается на несколько месяцев, но подчеркнул: «Вступление Испании в войну больше зависит от Германии, чем от самой Испании; чем раньше Германия пришлет помощь, тем скорее Испания внесет свой вклад в дело фашизма во всем мире»[85].

Муссолини был против попыток втянуть Франко в войну на стороне Оси. В своем ближайшем окружении он говорил: «Как можно вовлекать в войну нацию, у которой хлебных запасов хватит на один день?» Дуче убеждал немцев, что нет лучшей политики в отношении колеблющегося Франко, чем удерживать его в сфере влияния Оси[86]. Пятичасовая встреча в Бордигере была окутана тайной, и испанская пресса приветствовала лишь укрепление братских итало-испанских отношений[87]. После встречи с дуче Франко сказал, что тот «величайшая политическая фигура в мире. Если Гитлер мистик, провидец, очень близок по менталитету к славянам, то Муссолини, напротив, доступен, ясен в мыслях, никогда не отрывается от реальности, словом — «настоящий романский гений»[88]. Дуче проинформировал Гитлера о пожеланиях Франко в тот самый момент, когда германский департамент экономического планирования сообщил, что требования каудильо невозможно выполнить, не поставив под угрозу военную мощь рейха. Риббентроп воспринял результаты встречи в Бордигере как определенный отказ Франко принять участие в военных действиях и поэтому уполномочил Шторера делать дальнейшие шаги по втягиванию Испании в войну[89]. Когда же в конце концов Гитлер решил форсировать этот вопрос, германская военная машина уже была задействована на вызволение Италии из катастрофической ситуации на Балканах[90].

По пути из Бордигеры в Испанию Франко и Серрано Суньер встретились в Монпелье, правда, безрезультатно, с Петэном и его новым премьер-министром адмиралом Франсуа Дарланом[133]. У Франко, одержимого желанием прибрать к рукам как можно больше французских колоний в Северной Африке, было мало оснований для достижения какого-либо согласия с Петэном.

Французы приняли каудильо с большой помпой и пышным церемониалом, щедро демонстрируя вина и надеясь выяснить, насколько чревата встреча в Бордигере угрозой их североафриканским территориям. После официального обеда Франко и Петэн уединились для приватных переговоров, а потом появились на балконе префектуры Монпелье. Франко поднял руку в фашистском приветствии, а Петэн ограничился тем, что по-военному отдал честь[91]. Серрано Суньер утверждал, и это звучит правдоподобно, что Франко и Петэн говорили о том, как «не раздражать немцев». Пе-тэновский глава кабинета Анри Дю Мулен де Лабартет (Labarthète) писал позднее, что маршал сказал ему: «Он хотел, чтобы я поддержал его в моих контактах с Гитлером и помог не допустить прохода германских войск через Испанию. Забавная просьба, отозваться на которую было бы крайне неловко. А жаль. Это отвечало бы нашим интересам». На вопрос, изменился ли Франко с тех пор, как Петэн видел его в последний раз, маршал ответил: «Нет, все такой же полный и претенциозный» (Non, toujours le meme: aussi gonflė, aussi prėtentieux)[92].

Каудильо понимал: то, что Гитлер отдает предпочтение Виши, нарушает его собственные планы. Если при своем неиссякаемом желании получить контроль над Французским Марокко Франко и просил Петэна о помощи против немцев, то лишь с целью притупить подозрения Виши[93]. Каудильо разыгрывал с французами сложную игру. Он понимал, что не получит Французское Марокко из рук немцев, не заплатив за это высокой цены, поэтому начал снова запугивать французов своей военной мощью, чтобы добиться от них уступок. В течение 1941—1942 годов разнузданная кампания в прессе и появление фалангисгской настенной мазни в поддержку прав Испании на французскую Северную Африку сопровождались нажимом на посла Пьетри, но все это, усилиями генерала Ногэса, игнорировалось[94].

Двадцать шестого февраля, по прошествии трех недель, Франко наконец ответил на письмо Гитлера. В ситуации, когда под ударами генерала Рунштедта оказались на грани катастрофы Югославия и Греция[134], а войска Роммеля укрепили мощь стран Оси в Северной Африке, Франко начал склоняться к тому, чтобы снова открыть торг, но теперь он решил набивать себе цену. В дополнение к недавно выставленному Германии списку требований по материальной помощи каудильо выдвинул по максимуму территориальные притязания, а также дал ясно понять, что, прежде чем Испания вступит в войну, войскам Оси следует закрыть Суэцкий канал. Эту позицию разделяли и

адмирал Редер (Raeder), и гитлеровский штаб ВМС[95]. Письмо Франко выражает его истинную приверженность делу Оси и реальное желание Испании получить имперскую прибыль от успехов Гитлера. По мнению каудильо, Испания авансом заплатила за них во время Гражданской войны. В письме содержался легкий упрек по поводу того, что германские поставки так и не были осуществлены, тогда как в Испании люди мрут с голоду[96].

Еще до получения этого послания Гитлер писал Муссолини 28 февраля 1941 года: «Суть длинных испанских речей и письменных объяснений состоит в том, что Испания не хочет вступать в войну и не вступит. Это весьма достойно сожаления, поскольку делает невозможным в данный момент простейший путь нанесения удара по средиземноморским позициям Англии»[97]. Письмо исключало перспективу вступления Испании в войну, и фюрер назвал это в разговоре с Чано «отказом от выполнения андайских договоренностей»[98]. Странно, что Гитлер принял отказ Франко так спокойно[135]. Черчилль размышлял: «Гитлера это возмущало, но его, занятого мыслями о вторжении в Россию, вероятно, не соблазняла перспектива повторить другое неудачное предприятие Наполеона — одновременное вторжение в Испанию»[99].

Франко действовал, убежденный в том, что Гитлер не вторгнется в Испанию. Несмотря на более поздние спекуляции о германских угрозах, нет никаких свидетельств того, что в то время самоуверенный и самодовольный каудильо опасался, как бы его искренние оправдания не навели его друга и должника фюрера на мысль о вторжении в Испанию. Потом Черчилль писал: «раздражающая затяжка и чрезмерные требования» Франко были хитростью, «уловками и трюками», позволившими ему удержать Испанию вне войны[100]. В конце 40-х годов, работая над мемуарами, Черчилль стал относиться к антикоммунисту Франко более снисходительно, чем в 1941 году. Он, конечно, забывал при этом об огромном давлении, которое оказывал на генералиссимуса вопрос о поставках продовольствия и горючего, поднятый Британией. Так или иначе, в начале 1941 года проблема взятия Гибралтара утратила для Гитлера прежнюю остроту. Германские самолеты имели возможность, поднимаясь с ливийской территории, наносить чувствительные удары по британскому судоходству в Сицилийском (Мессинском) проливе. Ценность Гибралтара значительно снизилась, для снабжения Египта и Индии использовался длинный путь вокруг мыса Доброй Надежды[101].

Если отношение Франко к Гитлеру и изменилось, то вовсе не

из-за идеологического перерождения каудильо. Его преклонение перед Третьим рейхом осталось прежним, но ему приходилось смотреть в глаза фактам: войне предстояло затянуться, Испания с ее плачевным экономическим и военным положением не выдержала бы долгой войны, а цена, неохотно предложенная Гитлером, не стоила того, чтобы рисковать. Однако приверженность Франко делу Оси никогда не умрет полностью и будет время от времени опасно проявляться,

Глава 17

К НОВОМУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

Февраль 1941 года — январь 1942 года

Если Франко продолжал упоенно верить, что, несмотря на экономические трудности, мешающие ему вступить в войну, по-прежнему, остается дорогим другом Третьего рейха, то в Берлине его иллюзий не разделяли. Геббельс язвительно отметил в своем дневнике: «Франко — не больше чем сержант-выскочка»[1]. Перемена в испано-германских отношениях сказалась в конце февраля, когда Германия настоятельно потребовала от Испании выплаты долгов по Гражданской войне, согласованный размер которых составлял 372 миллиона рейхсмарок[2]. Весной Гитлер признался Геббельсу, что, будь Гибралтар уже взят, Германия сейчас контролировала бы Суэц и Ближний Восток и с Англией было бы покончено. В этих словах выразилось недовольство фюрера тем, что торжественные заверения Франко в верности Оси вошли в противоречие с его нежеланием сделать то, чего от него ждали[3].

Возмущенный, но неспособный что-либо предпринять, Гитлер[136] вряд ли помышлял о каких-то угрозах. В течение весны 1941 года немцы заподозрили, что британцы попытаются высадиться в Испании. Двадцать восьмого апреля Гитлер сообщил генералу .Эспиносе де лос Монтерос, испанскому послу, о своих опасениях на этот счет[4]. Германское верховное командование даже разработало на всякий случай детальный план под кодовым названием «Операция Изабелла», предусматривавший вторжение германских войск в Испанию для отражения британской вылазки и наступления на Гибралтар[5]. После войны франкистская пропаганда ухватится за эти планы, чтобы задним числом продемонстрировать якобы сопротивление германскому давлению. Однако эти планы были направлены отнюдь не против Франко.

Союзники почти не сомневались в том, на чьей стороне симпатии Франко. Стремясь усилить давление на каудильо, чтобы удержать его на позициях нейтралитета, Мадрид в конце февраля посетил специальный посланник Рузвельта, полковник Уильям

Донован[137] — «Дикий Билл». Его попытки встретиться с Франко были сорваны Серрано Суньером — с ведома каудильо[6]. Приняв Донована 28 февраля, куньядиссимус сказал ему: «Мы надеемся на победу Германии в нынешнем конфликте и верим в нее». Однако при этом он отметил, что Испания останется в стороне, если не будут затронуты «ее честь, интересы и достоинство»[7]. Семнадцатого “марта 1941 года Испания торжественно вернула Третьему рейху здание германского консульства в Танжере. Германия с великой радостью приветствовала этот жест — единственную ненарушенную статью Версальского договора. Немцы извлекли из этого большую практическую выгоду, превратив консульство в Танжере в главный шпионско-пропагандистский центр в Северной Африке[8].

Чрезмерный пыл, проявленный Серрано Суньером в его политике ориентации на державы Оси, спровоцировал трения между армией и Фалангой. Высшие генералы во главе с Кинделаном выступали за смещение куньядиссимуса. В середине февраля они сочли, что успех близок, ибо, возможно, по вине Серрано Суньера ухудшились отношения с Португалией[9]. Во второй половине февраля в Мадриде прошел слух, что Франко собирается встретиться с Салазаром. Куньядиссимус сказал итальянскому послу, что цель встречи — напустить туману перед англичанами, дабы скрыть от них договоренности, достигнутые в Бордигере. Он резко отозвался о трусливости португальцев вообще и самого Салазара в частности[10]. Двадцать шестого февраля «Арриба» выступила с разнузданными нападками на Салазара. Посол Перейра счел это делом рук Серрано Суньера. В Испании запретили распространение португальской печати. Салазар сделал вывод, что именно Серрано Суньер возбуждает страсти внутри Фаланги, желая при поддержке Оси добиться укрепления своих позиций внутри страны[11]. Николас Франко заверил Перейру, что его брат «знает обо всем и одобряет все, что делает его министр иностранных дел. Не стоит думать, будто он что-то утаивает от него или действует без поддержки каудильо»[12].

Серрано Суньер сказал Штореру, что хочет отложить встречу Франко с Салазаром, опасаясь, как бы португалец не отговорил каудильо от вступления в войну[13]. Португальцы знали о направленной против них фалангистской пропаганде, но вряд ли были в полной мере осведомлены о том, что Серрано Суньер, Франко и другие испанские высшие военные деятели связывают с Португалией свои имперские планы[14]. Германское посольство в Мадриде сообщало, что в испанских офицерских кругах идут, например, такие разговоры: обстановка для стран Оси улучшится,

когда «западные границы Испании достигнут Атлантики» и «когда германские эскадрильи смогут делать вылеты с португальских баз, принадлежащих Испании». Стремление поглотить соседа не покидало Франко. В мае 1941 года один из адъютантов генералиссимуса, майор Наварро, сказал германскому военному атташе полковнику Крамеру, что война против Португалии с пользой отвлекла бы Испанию от внутриполитических проблем. Генерал Аранда сообщал Крамеру и Шторeру, что ему было приказано набросать предварительный план нападения на Португалию[15].

Седьмого апреля 1941 года Британия с одобрения Вашингтона предоставила Испании кредит в два с половиной миллиона фунтов стерлингов[16]. Однако успехи немцев весной 1941 года свели на нет значение этой акции. Девятнадцатого апреля у Александера Уэдделла состоялся острый обмен мнениями с Серрано Суньером, намеренно спровоцировавший неприязнь между ними. В результате всякий раз, когда посол добивался встречи с Франко, Серрано Суньер ее блокировал, и так продолжалось пять месяцев. Замораживание, по существу, отношений с США весьма устраивало Франко, ибо война все еще шла по сценарию Оси, и каудильо позволял себе игнорировать давление американцев, склонявших его к нейтралитету[17].

На ту напряженную беседу с Уэдделлом Серрано Суньер пришел сразу после встречи с Франко и «казался удрученным и раздражительным». Трения между каудильо и его свояком, которые приведут к серьезному политическому кризису в мае 1941 года, уже близились к своему пику. Поползли слухи, будто армия затевает заговор против Франко, чтобы отделаться от Серрано Суньера[18]. В беседе с Серрано Суньером посол Уэдделл посетовал, что немецкие цензоры проверяют почту в Испании, а подконтрольная правительству пресса, видимо, подготавливает население к тому, что страна присоединится к тройственному германо-итало-японскому пакту. Уэдделл дал понять, что страстная речь Серрано Суньера в поддержку Оси на недавней выставке германской прессы не осталась без внимания[138]. Уэдделл также выдвинул предположение, что недавно опубликованный антиамериканский материал был переведен с иностранного языка, скорее всего немецкого, и указал, что готовые статьи рассылаются по газетам Хансом Лацаром, германским пресс-атташе[19].

Раздражительность Серрано Суньера, отмеченная послом Уэдделлом, объяснялась тем, что вражда к нему высших генералов снова достигла верхней отметки. Португальский посол писал, что Серрано Суньер — «самый ненавистный в Испании

человек». Перейра, считая позицию Франко безнадежной, докладывал в Лиссабон: «Все генералы, воевавшие в Гражданской войне, открыто говорят, что он потерпел крах, ибо не имел никаких качеств, необходимых главе государства»[20]. В этой связи следует отметить, что Франко не давал себе труда информировать совет министров о своих соображениях по вопросам внешней политики и не допускал дискуссий в правительстве о встрече в Андае и в Бор-дигере[21]. Аранда, по существу англофил, зашел в противоборстве с министром иностранных дел так далеко, что искал помощи германского посольства. Он пытался заручиться расположением Берлина, доводя до его сведения, что верховное командование теперь желает вступить в войну к началу июля[22]. Действия его старших коллег каким-то образом повлияли на каудильо, что, несомненно, сказалось при встрече Франко со свояком, которая предшествовала беседе Серрано Суньера с Уэдделлом.

Германские победы в Северной Африке, Югославии и Греции убедили Франко, что его глубокая вера в мощь Оси была обоснованной. Это отразилось в речи, произнесенной им 17 апреля 1941 года на открытии Высшей школы вооруженных сил (Escuela Superior del Ejército). Каудильо весьма воинственно заявил, что мир — это всего-навсего приготовление к войне и что война — нормальное состояние человечества[23]. Геббельс едко прокомментировал его речь в своем дневнике: «Теперь надо предоставить ему это нормальное положение и позволить воевать вместе с нами. Это самодовольный болтун»[24]. Реакция Геббельса была вполне естественна, ибо в выступлениях Франко выражалась уверенность в том, что он друг Третьего рейха, которого там высоко ценят. Однако ничто не указывает на то, что каудильо водил немцев за нос.

Во время Битвы за Атлантику, развернувшейся весной 1941 года, Черчилля начало беспокоить, что Германия захватит Пиренейский полуостров. Ему внушало опасения не только то, что немцы в этом случае смогли бы вести боевые действия на море и воздухе с испанских и португальских берегов, но и расширили бы свои оперативные возможности, получив при этом доступ на острова Зеленого Мыса, Канарские и Азорские острова. В письме Рузвельту от 24 апреля 1941 года Черчилль выражал сомнения в способности Испании и Португалии оказать хоть незначительное сопротивление нажиму со стороны Германии. У Черчилля был план захватить один из Азорских островов и один из островов Зеленого Мыса в случае германской акции против Гибралтара[25]. Уверенный, что Германия все более давит на Испанию, дабы она присоединилась к военным усилиям держав

Оси, Уэдделл хотел встретиться с Франко и твердо сказать ему: экономическая помощь будет поступать, только если он не предпримет никаких недружественных акций в отношении Союзников. На самом деле подозрения, что Германия нажимает на Франко, основывались главным образом на репликах, оброненных самим каудильо и его окружением в разговорах с британскими и американскими дипломатами — с целью выбить таким путем помощь от Союзников. Характерно, что, втянувшись в этот постыдный обман, Франко избегал встреч с американским послом. В любом случае он был сильно озабочен поисками выхода из внутриполитического кризиса, причиной которого стал Серрано Суньер. К тому же перед лицом военных успехов Оси каудильо не хотелось устанавливать тесные контакты с США. Так что в течение весны Франко был недоступен для встреч[26].

В апреле 1941 года зарубежная организация НСДАП и германское посольство в Мадриде сообщали о все ухудшающемся экономическом положении Испании и широком недовольстве правлением Франко. Двадцать второго апреля Шторер извещал о развале в экономике, частично приписывая его неграмотной политике, проводимой франкистскими министрами торговли и финансов, а также неумелой административной деятельности Фаланги и коррупции в ее рядах. Вину за это он возлагал на Серрано Суньера. Шторер считал Серрано Суньера самым энергичным министром, но полагал, что действиям «куньядиссимуса» препятствуют махинации его врагов внутри кабинета и нежелание самого Франко предоставить ему свободу. Каудильо представлялся ему человеком нерешительным, оторванным от жизни, погрязшим в мелочах и принимающим такие решения по мелким вопросам, которые часто противоречат его общей политике.

По поводу изоляции Франко Шторер сделал важное замечание, впоследствии отозвавшееся в словах тех, кто наблюдал каудильо в течение дальнейших тридцати четырех лет: «Здесь часто раздается критика, что Франко видит все меньше и меньше людей и не позволяет даже старым друзьям давать себе советы». Более того, Шторер предсказал, что назревал серьезный кризис, ибо нерешительность Франко вызвала у него трения с Серрано Суньером. К большому неудовольствию высших генералов, каудильо колебался, опасаясь освободиться от свояка, поскольку полагался на его «проницательный ум». Шторер также сообщил в Берлин, что население верит, будто голод в стране — следствие вывоза продовольствия в Германию[139]. Тем не менее он был убежден, что и военные, и Серрано Суньер весьма хотят вступления Испании в войну. Вероятнее всего, некоторые

генералы притворно выражали послу сильное желание вступить в войну, чтобы заручиться германской поддержкой в соперничестве с куньядиссимусом[27] Такой же позиции придерживался Серрано Суньер и обиженный Бейгбедер[28]. А также Геббельс, считавший Серрано Суньера «настоящей мухой в тарелке»[29].

Для Франко было крайне важно не провоцировать генералов на открытую оппозицию. Вот почему он решил пойти навстречу некоторым их требованиям в мелкомасштабной, но чрезвычайно важной борьбе за власть, которая разгорелась в мае 1941 года. Первые действия в этой борьбе относятся к концу апреля, Вигон сообщил каудильо:.если власть Серрано Суньера не будет ограничена, то все военные министры одновременно выйдут в отставку[30]. Кризис явился одним из косвенных результатов британской политики подкупа отдельных лиц испанского верховного командования, проводимой уже девять месяцев. В процессе осуществления такой политики через Аранду было роздано 13 миллионов долларов[31].

Битва шла вокруг вакантного поста министра внутренних дел. С 17 октября 1940 года, когда Серрано Суньер заменил Бейгбедера в министерстве иностранных дел, Франко официально взял на себя руководство этим министерством, хотя на практике работа по управлению механизмом министерства, требовавшая много времени, осуществлялась заместителем министра Хосе Лоренте Сансом. Это позволяло Серрано Суньеру оказывать огромное влияние на отдельные направления деятельности министерства, в частности, на прессу и пропаганду. Франко издалека наблюдал за деятельностью министерства, основываясь на сообщениях полковника Валентина Галарсы Моранте, главы министерства по делам правительства (Subsecretario de la Presidencia del Gobierno). Поскольку каудильо осуществлял политическое руководство военными методами, Галарса исполнял у него роль начальника специального генштаба по политическим вопросам[32]. Серрано Суньер обладал также немалой властью в Фаланге — как глава Политической хунты и оказывал влияние на Педро Гамеро дель Кастильо, исполняющего обязанности Генерального секретаря Фаланги. Пока Франко полагал, что Серрано Суньер самоотверженно служит ему, сосредоточение в руках свояка нескольких постов не вызывало у него возражений. Однако в начале 1941 года он заподозрил, что куньядиссимус, возможно, готовит базу для захвата власти.

В январе вышла книга, в которой утверждалось, что Серрано Суньер — истинный наследник Хосе Антонио Примо де Риверы[33]. Поговаривали, будто подозрения каудильо усилились после того, как за обедом его 15-летняя дочь Кармен задала далеко не

бесхитростный вопрос: «А кто главнее? Папа или дядя Рамон?»[34] Неизменно настороженного каудильо особенно обеспокоил шаг, по существу означавший создание независимой фашистской печати под руководством кунья-диссимуса. Декрет от 1 мая 1941 года освобождал фалангисгскую прессу от общей цензуры, за исключением той, что осуществлялась Национальной делегацией печати и пропаганды ФЭТ и де лас ХОНС, находившейся под контролем кунья-диссимуса[35]. На следующий день Серрано Суньер произнес пылкую речь в Мота-дель-Куэрво, выступив с острыми нападками на Англию и призвав Фалангу к тесному сплочению рядов для достижения ею монопольной власти[36]. Муссолини и Чано остались весьма довольны речью и лозунгом Серрано Суньера «Вся власть фашизму!»3?. После этого Серрано предложил Франко создать министерство труда и назначить министром молодого фанатичного фалангиста из Вальядолида, известного под именем Хосе Антонио Хирон де Веласко. Третьего мая каудильо получил письмо от Мигеля Примо де Риверы. Тот заявлял, что покидает свой пост в Фаланге в знак протеста против ослабления различных фалангистских организаций. Появлялось все больше свидетельств того, что Серрано Суньер в своекорыстных целях стремится превратить Фалангу в настоящую сильную фашистскую партию. В конце концов это убедило Франко в правоте военных. Он согласился с назначением Хирона, но одновременно предпринял меры, чтобы сдержать рост влияния Фаланги[38].

Усиливающееся недовольство верховного командования Серрано Суньером и продуманные указания Вигона на то, что Франко, удерживая за собой пост министра внутренних дел, подрывает свой престиж и позволяет свояку эксплуатировать себя, заставили каудильо действовать. Пятого мая 1941 года он назначил Галарсу министром внутренних дел. Через два дня его прежний пост руководителя министерства по делам правительства занял 36-летний начальник оперативного отдела штаба ВМФ, капитан 1 ранга Луис Карреро Бланко[140]. Его взлет окажется самым важным итогом кризиса[141]. В ту пору, однако, это казалось малозначительным эпизодом в цепи событий, которые привели к решающей битве между Фалангой и военными. Внушительный масштаб грядущих изменений свидетельствовал о том, что каудильо решил подрезать крылья Серрано Суньеру. Кинделан был назначен командующим Каталонским военным округом, а Оргас, его предшественник на этом посту стал верховным комиссаром в Марокко. Отныне Галарса, ярый противник Фаланги, предпринимал Шаги, лишь тщательно согласовав их с Франко. Теперь понятно, почему каудильо принял

решение о назначении Галарсы без ведома свояка и ничего не сказал об этом другим членам кабинета.' Они узнали о назначении лишь 5 мая, во время заседания правительства, когда увидели, что Галарса сидит за столом.

О намерениях Галарсы свидетельствовала его речь при вступлении в должность, в которой упоминалось о «некоторых недочетах» в работе министерства, о немедленном смещении Лоренте Санса, человека Серрано Суньера, и о назначении на его место адвоката Антонио Итурменди, традиционалиста из Бильбао. Появление в правительстве Итурменди было столь же значимым, как и Карреро Бланко. Как и сам Галарса, видная фигура монархического лагеря, во время Гражданской войны он был алкальдом Бильбао, а затем стал адептом франкизма. Чистка госаппарата от приверженцев Серрано Суньера увенчалась смещением графа Хосе Фината де Майалде, человека, преданного куньядисси-мусу и занимавшего пост генерального директора службы безопасности[40]. Его заменил подполковник Херардо Кабальеро Олебасар (Olebazar). Кроме того, были смещены несколько гражданских губернаторов, в частности Мигель Примо де Ривера в Мадриде. Галарса отменил декрет, освобождавший фалангисгскую печать от общей цензуры[41].

Группа высших фалангистов, среди которых были Серрано Суньер, Дионисио Ридруэхо, Хосе Антонио Хирон, Хосе Луис де Арресе, Антонио Товар и Мигель Примо де Ривера, собралась на совещание и решила отвоевать победу у военных. Внешне казалось, что в противоборство вступили Фаланга и Галарса, однако на самом деле борьба происходила между Франко и Серрано Суньером. Ридруэхо написал статью «Точки над «i»: муж и мальчик» (Puntos sobre los les: el hombre y el currinche), высмеивающую Галарсу[42]. Галарса сделал два ответных выпада. Он инспирировал статью Хуана Пухола в газете «Мадрид» от 12 мая 1941 года, в которой отвергалась мысль, что Фаланга должна играть роль во внешней политике. Тем самым был брошен камень в Серрано Суньера. Параллельно с этим Галарса продолжал очищать министерство от фалангистов, руководивших прессой и пропагандой. Под эту чистку попали Дионисио Ридруэхо и Антбнио Товар. Решили уйти со своих постов оставшиеся члены антига-ларсовской группировки: Хирон, только 5 мая занявший пост министра труда, Арресе, оставивший пост гражданского губернатора Малаги, и Серрано Суньер, отказавшийся от поста министра иностранных дел[43].

Возникли стычки между полицией и фалангистами. Вражда между военными и Фалангой достигла апогея. После столкновений в Леоне были убитые, что заметно подорвало

авторитет Серрано Суньера в глазах Франко. Фалангисгская пресса ответила безудержными нападками на Британию, обвиняя ее в происках, которые, как утверждалось, привели к усилению антивоенной пропаганды, и повторяя тем самым мотивы статьи Ридруэхо[44]. Человеку из близкого окружения куньядиссимуса приписывалась фраза: «Придется немцам прийти сюда и разобраться»[45]. После вмешательстра фон Шторера отдел прессы и пропаганды был передан из министерства внутренних дел в новый вице-секретариат по вопросам образования в рамках Фаланги. Франко был также весьма недоволен тем, что при попустительстве Галарсы пресса проявила повышенное внимание к отъезду Оргаса из Барселоны в Марокко, сопровождавшемуся шумными проводами и приветствиями толпы. По словам Вигона, Серрано Суньер якобы сказал каудильо: «Вот тебе и результаты того, что ты забрал у меня прессу». И контроль за прессой вновь был возвращен к куньядиссимусуЧ Сразу после этого имел место всплеск прогерманских настроений, а это свидетельствовало о том, что Серрано Суньер в своей борьбе за власть нуждается в помощи извне[47].

Многие из самых высокопоставленных армейских монархистов были возмущены недопустимыми, по их мнению, выходками клики Серрано Суньера. В середине мая Бейгбедер ошеломил своих знакомых англичан, опрометчиво сообщив о предстоящем в конце месяца восстании (pronunciamiento) в Марокко[48]. Генерал Антонио Барросо проявил проницательность, посоветовав Франко разобраться по отдельности с Арресе, Хироном и Мигелем Примо де Риверой[49]. В конце концов кризис разрешился серией изменений в кабинете, безвозвратно подорвавших позиции Серрано Суньера. Для куньядиссимуса горечь отставки несколько смягчалась уверенностью в том, что он действует в унисон со своими друзьями из руководства Фаланги. 12 мая Серрано Суньер прочел статью, убедившую его в том, что Галарса ведет против него настоящую войну. Тринадцатого мая Франко ответил на отставку свояка письмом, выдержанным в примирительном и дружеском духе, написанном, по обыкновению, бессвязно:

«Дорогой Рамон, я получил твое письмо вместе с газетной вырезкой, которую не могу интерпретировать так же, как ты. Дай почитать статью опытному и объективному человеку, и сомневаюсь, что он согласится с твоим толкованием. Поступив именно так, я убедился в своей правоте. Хотелось бы, чтобы ты поразмыслил над несправедливостью и безосновательностью своего шага, прежде чем предпринять его. Подобный шаг дает преимущества нашим врагам и в этот смутный момент может

нанести ущерб Испании. От всего сердца желаю, чтобы Бог вразумил и успокоил тебя. Жду тебя завтра в 4 часа и надеюсь, мы спокойно обсудим все это. Обнимаю тебя. Пако»[50].

К столь примирительному тону склонили Франко опасения, что, совсем отстранив Серрано Суньера, он станет заложником генералов-монархистов. Возможно, играли роль и взаимоотношения между Кармен и Ситой Поло. По мнению Вигона, сестры пользовались слабостями каудильо и манипулировали им. Скорее же всего, Франко действовал на основе собственных выкладок, хотя стремление избежать семейных неприятностей было немаловажным фактором[51].

Серрано Суньер далеко не сразу узнал, что некоторые из его «друзей» уже приватно встретились с Франко и приняли предложенные им высокие посты. Но, вовремя выяснив это, он забрал свое заявление об отставке. Девятнадцатого мая при перетасовке правительства получили портфели еще два фалангиста. Министром сельского хозяйства стал Мигель Примо де Ривера, министром-секретарем ФЭТ и де лас ХОНС — Хосе Луис де Арресе. Хирон остался министром труда. Лишились своих постов только самые верные друзья Серрано Суньера[142]. В ту пору усиление позиций фалангистов в правительстве казалось победой куньядиссиму-са[52]. Однако в ретроспективе майский кризис 1941 года представляется началом заката Серрано. Франко решил разрубить этот узел, поняв, что свояк руководствуется личными амбициями, а вовсе не преданностью ему. В ходе разрешения кризиса генералиссимус выяснил, что, оказывается, Фалангу можно купить весьма дешево[53].

Арресе, поняв, как податлив Франко на лесть, одним из первых извлек из этого выгоду. Как только ему удалось найти путь к сердцу каудильо, амбиции Арресе возросли и он решил вытеснить Серрано Суньера, ближайшего сподвижника Франко. Однажды он сказал куньядиссимусу, будто Франко ведет себя с тем, как уродливый жених с невестой — то есть добивается расположения или слов о том, что он действительно уродлив, которые будут переданы ему. Услужливость человека, полезного в деле приручения Фаланги, понравилась каудильо. Арресе, передавая Франко разговоры об амбициях Серрано Суньера, в последующие восемнадцать месяцев внес свой вклад в низвержение куньядиссимуса[54].

Усиление позиций Арресе и других фалангистов означало на самом деле не победу Серрано Суньера, как многие думали в то время, а скорее укрепление власти Франко над послушной частью Фаланги. Куньядиссимусу не только не удалось бросить вызова каудильо, но пущенные им в ход угрозы массовых отставок

провалились, а это наглядно доказало, что он не имеет контроля над Фалангой. Из этой истории Франко вынес урок, поняв, что контроль легко взять на себя, если использовать в своих целях амбиции тех, кто стоит на верхушке режима[55]. В этом, равно как и в приходе Карреро Бланко на пост руководителя министерства по делам правительства, и состоит реальное значение кризиса. С той поры Франко все болезненнее реагирует на критику Серрано Суньера, а Карреро, как и Арресе, охотно передают каудильо выпады свояка против него[143].

Карреро Бланко, проявлявший самозабвенную преданность каудильо, оказался к тому же кладезем полезных советов. Этот человек мечтал лишь о том, чтобы служить Франко, а составлявшие основу его мировоззрения навязчивые идеи об опасностях, исходящих от франкмасонства, коммунизма и евреев, соответствовали куда больше образу мыслей Франко, чем Серрано Суньера. Карреро, составлявший повестку дня заседаний правительства и доводивший до Франко основную часть информации, имел огромное влияние и всячески старался укрепить предубеждения каудильо[56]. Напротив, слабость позиции Серрано Суньера состояла в том, что его ум и политический радикализм воспринимались как опасные амбиции. Теперь против куньядиссимуса работали три влиятельных и неукротимых врага: Варела и военные, Арресе с так называемыми франкофалангистами и Карреро Бланко[57]. Кризис подорвал здоровье Серрано Суньера и вызвал обострение язвы желудка, от которой он сильно страдал[58].

На закате своей карьеры куньядиссимус убедительно показывал, что искренне желал вступления Испании в войну, однако Риббентроп не придал никакого значения проявлениям его воинственности[59]. И Серрано Суньер, и Франко были убеждены, что капитуляция Британии не за горами. В преддверии успеха Оси каудильо не слишком хотелось поддерживать связи с американцами, поэтому он избегал контактов с американским послом. Со своей стороны, Серрано Суньер сорвал три встречи с Сэмюэлом Хором, который сказал Уэдделлу: «Суньер делает все, что может, лишь бы спровоцировать нас». Уэдделл не сомневался: эвакуация британских войск с Крита в конце мая убедила Франко, что Суэц скоро окажется в руках Оси[60]. Согласно Бейгбедеру, каудильо надеялся, что война закончится без немецкого вторжения в Испанию, и ему удастся объявить о вступлении в войну как раз с началом мирных переговоров[61]. Серрано Суньер и Франко безошибочно знали, что при таком отношении к Уэдделлу просьбы об американской экономической и продовольственной помощи имеют мало шансов на успех[62].

Каудильо под любыми предлогами избегал встреч с британским и американским послами. Связь с ними осуществлял любезно-циничный Деметрио Карсе-льер, министр финансов, который вел переговоры с Британией и США. Через Карсельера Франко успокаивал Союзников, тогда как Серрано Суньер вел дела с представителями стран Оси. Карсельер дал Хору два весьма сомнительных объяснения. Первое состояло в том, что Франко не хочет вмешиваться в чисто личную ссору между свояком и Уэдделлом. Из второго становилось ясно, что каудильо нежелательно, чтобы друзья из Оси заметили его слишком тесные связи с Союзниками. Ведь прошло совсем мало времени после того, как он подвергся давлению Муссолини, который настаивал, чтобы Франко официально присоединился к тройственному пакту[63]. На самом деле Карсельер сильно передернул слова дуче в Бордигере и исказил содержание последующей переписки между Чано и Серрано Суньером. Это еще один пример того, что Франко, желая обмануть Союзников и выжать из них экономическую помощь, преувеличивал степень давления на него со стороны Оси.

Итальянский подход в реальности был куда мягче германского, хотя и не более эффективен. Одиннадцатого июня 1941 года Серрано Суньер официально информировал германского посла, что Чано после продолжительных бесед фюрера и дуче 2 июня в Бреннере предложил Испании открыто объявить о присоединении к тройственному пакту. Франко в характерном для него стиле проинструктировал свояка, чтобы тот в ответ на это подробно перечислил преимущества и недостатки подобного хода. Хотя ответ, выдержанный в указанном духе, не содержал конкретных выводов, становилось очевидно: возможность скорого вступления в войну Соединенных Штатов и лишение Испании зерна и топлива, которые она надеялась вот-вот получить, означали, что выполнение Мадридом пакта, подписанного после Андая, не принесло бы на данном этапе пользы ни Оси, ни Испании. Пятнадцатого апреля в Венеции Чано показал письмо Риббентропу. Тот бесстрастно заметил, что доводы испанского министра иностранных дел не претерпели изменений за шесть месяцев и испанцам следует предоставить свободу действий[64].

Несмотря на экономические трудности, вера Франко в конечную победу держав Оси вспыхнула с новой силой после нацистского вторжения 22 июня 1941 года в Советский Союз. Любопытно, что накануне вторжения Гитлер писал Муссолини: «Испания в нерешительности и, боюсь, встанет на определенную сторону, только когда исход войны будет решен»[65]. Серрано

Суньер, официально проинформированный о нападении Германии на Россию, выразил восхищение по этому поводу и сообщил Штореру, что он и Франко хотели бы послать на фронт добровольческие части, составленные из фалангистов[144], «независимо от полного и окончательного вступления Испании в войну на стороне Оси, что произойдет в надлежащий момент»[66].

По специальному указанию Серрано Суньера, послушная ему пресса принялась ликовать. Двадцать четвертого июня британское посольство подверглось нападению фалангистов, после того как куньядиссимус возбудил их своей речью, произнесенной в помещении штаб-квартиры Фаланги на улице Алкала. Услышав от него, что «Россия виновна в испанской Гражданской войне», а «история и будущее Испании требуют уничтожения России», толпа пошла на британское посольство, куда власти заранее подвезли на грузовиках камни. Попытка ворваться в посольство была отбита охраной. Бригада германской кинохроники прибыла на место событий, чтобы запечатлеть штурм на кинопленку. Когда Хор заявил Франко протест по поводу нападения, тот назвал инцидент тривиальным случаем — проделкой «горячих молодых голов». Было объявлено, что поступают тысячи телеграмм от фалангистов, которые просят зачислить их добровольцами и позволить отомстить России за ее вмешательство в испанскую Гражданскую войну[145]. Утверждалось, будто добровольцы выражали беспокойство, что не успеют повоевать, — так верили тогда в германскую военную мощь[67].

На следующий день после беспорядков у британского посольства Серрано Суньер ловко отклонил просьбу Шторера о том, чтобы Испания объявила войну Советскому Союзу. Куньядиссимус сказал послу, что опасается, как бы Союзники не установили блокаду Испании[68]. Тем не менее Шторер написал 28 июня в Берлин: «Шаги Серрано Суньера в последние несколько дней яснее, чем до сих пор, свидетельствуют о том, что у него есть ясная цель — вступление Испании в войну». Серрано заявил фон Штореру, что отправка Голубой дивизии — способ привязать Франко («легко поддающегося влиянию главу государства») к Оси. Движимый внутриполитической борьбой за власть, он поведал также о враждебном отношении военных к отправке фалангистов-добровольцев, которое отражало оппозицию части генералов вступлению Испании в войну[69].

Тремя днями позже, когда Серрано Суньер в своем широко распространенном интервью газете «Дойче альгемайне цайтунг» заявил, что позиция неучастия в войне будет заменена на «моральное участие». Испания сделала еще один шаг навстречу Оси. Начались приготовления к отправке Голубой дивизии

фалангисгских добровольцев. Серрано Суньер сообщил, что в стране наблюдается «подъем неодолимой Симпатии к великому германскому народу, преклонение перед ним, его непобедимой армией и прославленным фюрером»[146]. В интервью он пророчествовал, что после неизбежного поражения России Британии придется согласиться на продиктованные ей условия мира[70]. С рассчитанной целью нанести оскорбление Соединенным Штатам — что, вероятно, было санкционировано Франко — все испанские официальные лица, приглашенные послом Уэдделлом на летний прием[147], к нему не явились[71]. Звезда Серрано Суньера снова взошла высоко. Это подтвердилось тем, что в конце июля испанский посол в Берлине генерал Эспиноса де лос Монтерос был отозван, а его сменил друг куньядиссимуса — граф де Майалде. Эспиноса, как и многие генералы, враждебно относившийся к куньядиссимусу, и Серрано Суньер, желающий иметй в Берлине надежного человека, который выражал бы его позицию, питали друг к другу активную неприязнь[72].

Формирование корпуса добровольцев 21 августа 1941 года дополнилось подписанием соглашения между Германским рабочим фронтом (Deutsche Arbeits-front) и Национальной делегацией синдикатов (Delegation National de Sindica-tos) — организацией фалангистских профсоюзов — о направлении в Германию 100 тысяч испанских рабочих. Грузовики с плакатами и громкоговорителями стали разъезжать по районам с высоким уровнем безработицы и записывать желающих — теоретически добровольцев, но чаще всего рекрутов, отбираемых фалангистами в соответствии с потребностями германской промышленности.

В данном случае отправка Голубой дивизии не стала прелюдией к объявлению войны Британии. Когда Риббентроп поблагодарил Франко за его жест и призвал каудильо сделать заявление об объявлении войны, тот отказался, выдвинув крайне неубедительный предлог, что его режим не выдержит полномасштабной блокады Союзников. Тем не менее Франко продолжал демонстрировать приверженность странам Оси, чтобы иметь возможность сказать слово при дележе добычи. Нет никаких сомнений в искренности и энтузиазме, с которыми каудильо участвовал в антикоммунистической борьбе. Решение об отправке добровольцев имело два преимущества. Во-первых, предполагалось, что снабжение Голубой дивизии провиантом и оружием ляжет на плечи немцев. Во-вторых, формально власти открещивались от этой акции, хотя Союзники отлично знали о патронаже государства над формированием дивизии. Эта весьма рискованная стратегия была продиктована уверенностью в конечной победе немцев. Франко вступил на скользкий путь. В середине июля выяснилось: британцам известно, что германские подводные лодки заправляются горючим на Канарских островах[73].

Каудильо считал риск незначительным. Это подтверждается его частыми репликами, что Союзники проиграли войну. Когда сэр Сэмюэл Хор коснулся в беседе с каудильо вопроса о Голубой дивизии, тот заметил, что теперь идут две войны, и Испания может участвовать в крестовом походе против России, не вступая в войну против западных держав[74]. В день пятой годовщины начала Гражданской войны, 17 июля 1941 года, Франко выступил перед Национальным советом Фаланги[75]. Каудильо, одетого в белый летний мундир национального главы Фаланги, распирало от радости по поводу вторжения Гитлера в Россию. В ораторской манере фюрера, сопровождая выкрики угрожающими жестами, Франко намеренно сыпал оскорбления в адрес демократических режимов[76]. Он лживо заявил, будто США задерживают поставку зерна, уже закупленного Испанией, и провокационно утверждал, что американские предложения об экономической помощи — всего лишь прикрытие для оказания политического давления, «несовместимого с суверенитетом и достоинством свободного испанского народа». Франко осудил Соединенные Штаты, поддерживающие военные действия Британии своей экономической мощью. «Золото ведет к унижению как отдельных индивидуумов, так и наций. Обмен полусотни старых эсминцев на то, что осталось от империи, весьма выразителен»[148].

Перед все более распалявшейся аудиторией Франко дал волю своим прогитлеровским чувствам. Связав судьбу Испании с

исходом войны, он заявил, что у него нет никаких сомнений относительно исхода конфликта. «Жребий брошен. Первые битвы прошли на наших полях сражений, и они были выиграны». Потом каудильо изобразил общую картину Второй мировой войны как непрерывную цепь триумфов Оси. Его восторг едва ли был бы убедительнее, одержи эти победы он сам. Упомянув о «победоносной кампании в Греции», Франко продолжал: «Берега Норвегии, воды Ла-Манша и моря вокруг Крита стали театрами военных действий, на которых военно-воздушные силы нанесли поражение вражеским эскадрам». Он выразил презрение к «плутократическим демократиям» и убеждение в том, что Германия уже выиграла войну и американское вмешательство стало бы «преступным сумасбродством, которое привело бы к бесполезному затягиванию конфликта и катастрофе США». «Западные Союзники — неправая сторона в этой войне, и они ее проиграли». Обрушившись на Советский Союз, он с ораторским пафосом упоминал о «нынешнем моменте, когда германские армии ведут борьбу, которой Европа и христианство жаждали столько лет и в которой кровь испанской молодежи смешается с кровью наших товарищей по Оси как живое выражение нашей солидарности».

Серрано Суньер был поражен безудержным пылом Франко и встревожен энтузиазмом толпы. Каудильо обиделся, услышав, как его свояк проворчал: «Это разве коррида?» В тот же день Франко упрекнул свояка, не пожелавшего разделить общее ликование, но тот, к еще большему неудовольствию каудильо, посоветовал ему передоверять подобные выступления людям, стоящим рангом ниже, чтобы при необходимости их можно было бы дезавуировать[77]. Удивление куньядиссимуса» объяснялось, возможно, тем, что пламенную речь для Франко готовил Карреро Бланко. Однако совет министра иностранных дел, видимо, возымел эффект: на следующий день, обращаясь по радио к рабочим, каудильо был куда сдержаннее и говорил лишь об экономических проблемах. Британские и португальские наблюдатели расценили вторую речь как просьбу об «объединении против красных» перед полномасштабным вступлением в войну. Так же считал и возмущенный Вигон[78].

Вскоре после этого Серрано Суньер в беседе со Шторером посетовал, что Франко открыл глаза англичанам и американцам «на истинную позицию Испании». «Раньше, — сказал куньядиссимус, — британское правительство считало, что только он, министр иностранных дел, подталкивает Испанию к вступлению в войну, тогда как «мудрый и рассудительный» каудильо стоит на позиции безусловного нейтралитета. Теперь

Франко лишил их этой иллюзии». Серрано Суньер не ошибся. Салазар де Оливейра, давно убежденный в нейтралитете каудильо, пришел к выводу, что тот скоро присоединится к войне. Двадцать первого июля британское правительство приняло предварительное решение о нападении на Канарские острова. Вигона и других генералов безответственное, по их мнению, поведение Франко привело в неистовство. Серрано Суньер с возмущением сообщил германскому послу, что каудильо произнес речь, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы, и, ничуть не заботясь о последствиях, отправился в горы охотиться на козлов[79].

Теперь нужно было успокаивать Союзников, встревоженных речью Франко, заверениями, что она не окажет воздействия на испанскую внешнюю политику. Карсельер сказал Хору, что речь предназначалась для Фаланги и она не более чем маневр Франко, желающего перехватить инициативу у Серрано Суньера. Не вдаваясь в подробности, Хор послал Идену просьбу воздержаться от резкого осуждения каудильо, ибо это, по его мнению, могло бы сыграть на руку Серрано Суньёру. Николас Франко сказал Дэвиду Экклзу в Лиссабоне: «Хотя брат зашел слишком далеко, его слова были предназначены для внутреннего пользования»[80]. И в самом деле, не было особых оснований считать, будто речь Франко на Национальном совете — нечто большее, чем искреннее отражение его неизменного антикоммунизма, а вырвавшиеся наружу эмоции свидетельствовали о полной приверженности каудильо державам Оси. Вера вспыхнула в нем с новой силой после вторжения Германии в Россию, которое Франко считал прелюдией скорой и окончательной победы.

Следует отметить: Франко был весьма доволен, что отправка Голубой дивизии не спровоцировала Сталина на объявление войны Испании[81]. Ведь заявления каудильо обозначили перемену в его отношениях с Союзниками. Заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс сказал после выступления Франко: «Единственно достойный курс для этой страны [США] — прекратить дальнейшие поставки продовольствия и медицинских средств Испании»[82]. После этого на пути экспорта жизненно важных американских товаров в Испанию возникли неисчислимые препятствия, а нефть потекла туда самым тонким ручейком[83]. В Лондоне Энтони Иден решил с этого момента занять твердую позицию по отношению к Франко. Он сказал Оливеру Харви: «Теперь, когда немцы по горло заняты на востоке, аргумент, будто мы ничем не способны досадить Франко из-за того, что в Испанию вторгнутся немцы, не проходит». Как и американцы, Иден давно возражал, против потворства каудильо и теперь даже в какой-то

мере начал заигрывать с испанскими левыми. Иден не сомневался, что, если немцы решат вторгнуться в Испанию, Франко будет приветствовать этот ход[84]. Двадцать четвертого июля министр иностранных дел заявил в палате представителей: «Для продолжения экономического сотрудничества необходима добрая воля обеих сторон, а речь генерала Франко мало свидетельствует о его расположении к Великобритании. Судя по заявлению генерала, он не слишком желает, чтобы экономическая помощь его стране продолжалась. Если так, британское правительство не может далее осуществлять свои планы, и его последующая политика будет зависеть от действий испанского правительства»[85]. Черчилль не принял идею удара по Канарским островам, поняв, что речь Франко предназначена скорее для своих[86]. После того как Экклз сообщил Николасу Франко, что Союзники шокированы, последний направился в Мадрид — сказать брату, какой ущерб нанесло его выступление[87].

Высший генералитет был серьезно встревожен безответственным авантюризмом — именно так военные оценивали формирование и отправку Голубой дивизии. Напротив, многие молодые офицеры испытывали подъем, предвкушая, как вместе с вермахтом отомстят Советскому Союзу за его участие в Гражданской войне. Но офицеры постарше с тревогой наблюдали за отправкой добровольцев из фалангистов и военных, командовать которыми был назначен пронацистски настроенный генерал Агустин Муньос Грандес. Добровольцам не слишком нравилось, что они обязаны приносить присягу на верность Адольфу Гитлеру[88]. Генерала Оргаса, верховного комиссара в Марокко, недовольство действиями Франко завело так далеко, что он начал обсуждать с гражданскими монархистами, не стоит ли начать против каудильо военные акции. Вместе с четырьмя другими ключевыми фигурами из Высшего совета армии[149] Оргас хотел обрести уверенность, что Испания останется вне войны и что власть Серрано Суньера будет урезана. Первого августа Оргас от имени всех пятерых генералов обратился к Франко и попросил его воздержаться от крайних заявлений по вопросам внешней политики без консультаций с ними. Одновременно Оргас подверг острой критике Серрано Суньера и потребовал его немедленной отставки. Каудильо, по своему обыкновению, избегал конфронтации, согласившись в целом с содержанием обращения. Однако затем стал изворачиваться, утверждая, что, учитывая высокий авторитет Фаланги, устранение Серрано Суньера куда сложнее, чем кажется, и на это нужно время[89].

Такой хитроумный ответ формально поставил Франко в один ряд с генералами, относившимися к Фаланге с настороженностью

и подозрением. Каудильо преувеличивал и силу, и единство фалангисгского руководства, которое, как он прекрасно знал, после майского кризиса стало вполне ручным. Поскольку в ответ на демарш пятерых генералов Франко ничего не предпринял, 12 августа они направили к нему генерала Аранду, поручив ему повторить сказанное Орга-сом, но в более твердых выражениях. Каудильо ответил Аранде столь же примирительно, сколь и его предшественнику. Генералы стали обхаживать Хора, желая заручиться британской поддержкой переворота против Франко либо создания правительства в Марокко или. на Канарских островах, если Германия вторгнется в Испанию[90].

В течение лета 1941 года правительство Франко демонстрировало всевозрастающее германофильство, хотя 25 августа Гитлер с горечью заметил Муссолини, что разочарован Франко[91]. Подконтрольная каудильо пресса часто выступала с нападками на Англию и США и прославляла победы германского оружия. В интервью итальянским журналистам Серрано Суньер заявил, что, как только Германия победит Россию, Европа, подчиненная Оси, станет единым экономическим блоком и перекроет дыхание Соединенным Штатам[92]. К представителям британского и американского посольств отношение было прохладное. Естественно, что после заявлений Идена и Самнера Уэллса импорт важных товаров начал сокращаться по мере того, как испанцам стало труднее получать американские экспортные лицензии и британские сертификаты (navicerts), которые позволяли грузам, предназначенным для Испании, проходить британский морской контроль. Когда Уиллард Бьюлак (Beaulak), советник посольства США, посетил 6 августа Карсельера, министр назвал ораторский экстремизм каудильо приемом, рассчитанным на немцев — лишь бы они держались подальше, — и добавил, что антиамериканизм в правительстве — это удел одного лишь Серрано Суньера, поскольку «Франко обладает стойкими демократическими инстинктами». Карсельер также сделал странное предложение, чтобы американские товары «контрабандой» поставлялись в Германию: это создаст впечатление сотрудничества между двумя странами[93].

Было слишком очевидно, что Франко ведет двойную игру, поэтому позиция Карсельера, занятая им по наущению каудильо, не принесла ему лавров в государственном департаменте США. Тринадцатого сентября госсекретарь Халл сказал испанскому послу, элегантному англофилу Хуану Франсиско де Карденасу (Cdrdenas) перед самым отплытием того в Мадрид: «В отношениях с самыми отсталыми и невежественными правительствами мира наше правительство не сталкивалось с подобным отсутствием

элементарного приличия и уважительности». Он также упомянул о «грубом и крайне оскорбительном поведении Суньера и в некоторые моменты самого генерала Франко». Халл выразил при этом сомнение, что Карденасу «удастся хоть как-то повлиять на Франко или Серрано Суньера, поскольку они могут занять недостойную и высокомерную позицию в отношении Соединенных Штатов без всякого видимого повода». Карденас информировал каудильо о недовольстве Халла. После этого отношение Франко и его министра иностранных дел к Уэдделлу изменилось к лучшему[94].

Нехватка угля, меди, олова, каучука и текстиля за считанные месяцы привела в упадок испанскую промышленность. В начале сентября Франко направил Карсельера в Берлин за помощью, подробно проинструктировав его, что и как говорить. Больше, чем германской помощи, Франко хотел добиться снисходительности Германии к его потеплевшим — ради облегчения импорта — отношениям с англо-саксонскими державами. Карсельеру также предстояло объяснить, что Франко пора согласиться принять посла США, которому отказывали в этом в течение нескольких месяцев. Карсельер передал немцам, что генералиссимус собирается объявить Уэдделлу о своем намерении придерживаться нынешней политики, то есть делать вид, будто Испания сохраняет нейтралитет, а на самом деле продолжать оказывать «неограниченную поддержку Германии». Карсельер оставил немцам послание Франко, в котором говорилось: «Испания готова на все, независимо от того, что планируется германской стороной. Испания без колебаний приноровится к рамкам общеевропейской политики, формируемой Германией; но в таком случае к ней не следует относиться как к Золушке и презирать ее; Испания должна быть включена во все германские экономические планы»[95].

Каудильо почти незаметно перешел на новую позицию: он притворялся другом обеих сторон, хотя его сердце принадлежало Третьему рейху, как показывали наиболее откровенные речи Франко вплоть до пятидесятых годов. Однако военные и политические реалии заставляли каудильо держать дверь открытой для Союзников. При такой позиции ему было свойственно выжидание. Франко вовсе не уполномочивал Карсельера вводить немцев в заблуждение, он просто хотел объяснить друзьям свою стратегию. Каудильо не знал, что германский план операции «Феликс» против Гибралтара снова появился в повестке дня. В мае германское верховное командование решило построить дополнительный железнодорожный мост в Андае и подремонтировать

существующий. В связи с этим возникла дискуссия об отзыве одной дивизии с Восточного фронта и начались приготовления по расширению железнодорожной станции в Ируне[150]96. Восьмого сентября 1941 года, анализируя военную ситуацию начала осени, Гитлер призвал еще раз попытаться активизировать политическое и военное сотрудничество с Испанией. Однако военных акций в Испании не предусматривалось до поражения России, которое ожидалось не раньше весны 1942 года[97].

В начале октября 1941 года под давлением англичан Франко сделал маловыразительный жест, приказав двум германским танкерам, которые заправляли подводные лодки, участвовавшие в Битве за Атлантику, покинуть внешний рейд гавани Лас-Пальмас и войти в порт. Немцы выразили протест, заявив, что Франко нарушает обещание, данное им в ноябре 1939 года. Но, учитывая размах таких операций по всей Испании, Шторер не стал раздувать из этого проблему[98]. В начале же октября он сказал новому германскому военному атташе генералу Гюнтеру Краппе, что Германия не хочет вступления Испании в войну, так как лишится тогда единственного окна в кольце блокады. Здесь содержался намек на сложную жульническую торговую операцию, когда Испания, прикрываясь нейтралитетом, поставляла в Германию определенные материалы, а потом их возмещала ей Аргентина[99].

Шестого октября Уэдделл получил давно откладываемую аудиенцию у Франко. На встрече присутствовал испанский министр иностранных дел. Отметив, что нехватки военного времени еще больше затрудняют американский экспорт в Испанию, Уэдделл подчеркнул необходимость поставить испано-американские отношения на честную и откровенную основу. В ответ каудильо перечислил проблемы, возникшие у Испании с зерном, хлопком и нефтью, и сказал, что желал бы улучшения экономических отношений с США. Уэдделл попросил разъяснений по поводу сказанных ему неделю назад Серрано Суньером слов о том, что трудности с нефтью значительно ухудшат положение Испании и поставят ее нейтралитет под угрозу. Не успел Франко ответить, как Серрано Суньер пояснил, что эти слова «не угроза, а размышления вслух»[100]. Поучительно сравнить отчет Уэдделла об этой встрече и сообщение о ней Серрано Суньера в беседе с фон Шторером четыре дня спустя. По версии кунья-диссймуса, Уэдделл добивался дружбы Испании, но был отвергнут. Серрано утверждал, будто Уэдделл предлагал займы и поставки сырья в обмен на нейтралитет, но Франко заявил послу о своем согласии лишь на поставки горючего и других товаров, на которые Британия выдала «морские

сертификаты». Министр иностранных дел с гордостью поведал фон Штореру: когда Уэдделл спросил каудильо, не угроза ли заявление Серрано Суньера о том, что «экономическое выворачивание рук» Испании Англией и Америкой приведет страну к вступлению в войну, он, Серрано Суньер, ответил, что это просто констатация факта, и Франко согласился[101].

Осенью 1941 года в Испании обострился внутриполитический кризис, достигший апогея во время напряженной встречи Франко и Серрано Суньера в начале октября. Куньядиссимус сказал фон Штореру, что его противники из военных, особенно Аранда, обвиняют его в том, будто он нанес огромный ущерб Испании своей прогерманской политикой. Военные, мол, теперь считают, что Англия и Америка выиграют войну и уже осуществляют экономическую месть Испании. Серрано утверждал, что Аранда, подстрекаемый Бейгбедером, поддерживает контакт с британским послом и пытается организовать военный заговор с целью изменения испанской внешней политики. Следует полагать, что Серрано Суньер не имел представления об истинных обязательствах Аранды перед британцами и о том, сколько затратил Лондон, чтобы подкупить его и других высших генералов. Куньядиссимус с жаром утверждал: Франко и он сам смогут выжить только в случае победы Третьего рейха. Проницательный Шторер считал, что Франко не смещает Серрано Суньера, опасаясь усилить монархический лагерь[102].

Однако внутриполитические события развивались не в пользу Серрано Суньера. В ноябре 1941 года каудильо приложил дополнительные усилия по приручению Фаланги, продолжив процесс, начатый полгода назад. На сей раз его орудием стал подхалим Арресе. Прикрываясь на словах радикализмом, он подкупал или удалял ветеранов Фаланги. Это означало конец той ограниченной и прагматичной революции, сторонником которой был Серрано Суньер. Фалангисты, заподозренные в неполной приверженности режиму Франко, изгонялись из рядов Фаланги как красные и радикалы[103]. Пресса внедряла в сознание публики мысль, что независимо от исхода войны режим Франко незыблем. Если же каудильо падет, это угрожает Испании крахом[104]. Все эти признаки определенно указывали на то, что Франко избавляется от имперских снов и берется за практические проблемы укрепления своей власти.

Каудильо, как и другие, начинал осознавать, что Гитлер столкнулся в России с серьезными трудностями. Генералы-монархисты, которые признавали возможность конечной победы Союзников, встревожились, как бы осложнения на востоке не побудили Гитлера попытаться решить средиземноморские

проблемы нападением на Гибралтар. Они продолжали поддерживать контакты с гражданскими монархистами, обсуждая возможности смещения Франко и восстановления монархии[151]. Опасаясь близкой перспективы германского вторжения, они планировали покинуть страну и сформировать в Марокко штаб по управлению вооруженными силами, а на Канарских островах — при британской поддержке — временное гражданское правительство. Однако к концу ноября 1941 года, когда угроза германского вторжения отступила, кое-кто из заговорщиков пошел на попятную. Они без особой охоты согласились участвовать в заговоре, чтобы не допустить вступления Испании в войну, но не желали свержения Франко[105].

В последнюю неделю ноября 1941 года в Берлине состоялась встреча стран — членов Антикоминтерновского пакта. Она сопровождалась всплеском выражения симпатии к странам Оси в испанской печати[106]. Двадцать девятого ноября Серрано Суньер, Чано, Риббентроп, Шторер и Гитлер собрались для обсуждения военной ситуации. Куньядиссимус кичился «всевозможными услугами, оказанными рейху Испанией в рамках ее ограниченных возможностей», предполагая при этом, что война будет долгой и тяжелой. После прежних деклараций о вере в скорую победу в этом был виден существенный сдвиг. Упомянув о проблемах, возникших у Франко с монархистами, генералах-заговорщиках и «притаившихся красных», он заявил, что сообщение о его поездке в Берлин привело к задержке с отправкой двух американских танкеров с топливом, предназначавшихся для Испании. На Гитлера все это не произвело впечатления. В отчете для дуче Чано писал: «Серрано еще не нашел должного тона в разговоре с немцами и, кажется, не горит желанием найти его. Он рубит сплеча такие вещи, что едва удается усидеть на месте»[107].

По возвращении Серрано Суньер принял посла Уэдделла, и тот устроил ему настоящий допрос относительно его антисоветского и антиамериканского выступления в германской столице 25 ноября. Связав в том выступлении воедино русский и американский коммунизм, куньядиссимус заявил, что миллионы испанцев будут сражаться во имя спасения Германии от России. Несмотря на первые признаки немецких неудач в России, берлинская встреча прибавила ему уверенности в себе, и он выразил незыблемое убеждение в победе Оси[108].

В этот момент Серрано Суньер еще не знал, что Вашингтон 29 ноября выставил Карденасу американские условия продолжения торговли с Испанией. В них предусматривалось, что поставки нефти будут проходить под американским надзором с целью «предотвратить переправку нефти Оси». Поскольку Испания по-

прежнему снабжала горючим германские подводные лодки, нечего удивляться, что

Франко не сразу решился принять это условие, однако нехватка нефти вынудила его согласиться. Пока он мучился сомнениями, размышляя над ответом, пришло ободряющее известие об успехе Оси. Каудильо чрезвычайно обрадовало нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Из Мадрида в Токио ушла официальная поздравительная телеграмма[109]. Фалангисгская пресса ликовала, узнав об ударе по Соединенным Штатам, и с радостью предрекала скорое поражение Англии. Наблюдатели отмечали особое воодушевление Серрано Суньера после японской акции. Однако последовали и дурные вести, когда Япония вторглась на Филиппины и большая часть латиноамериканских республик объявила войну Японии[110].

Тем временем 9 декабря генерал Москардо, ответственный за развитие спорта в стране (Delegado Nacional de Deportes), и администратор военной штаб-квартиры Франко, был принят Гитлером, когда направлялся через Германию в расположение Голубой дивизии. Передав фюреру пожелания здоровья от каудильо и льстиво выразив уверенность в конечной германской победе, Москардо сказал, что Испанию тревожит- сидящая в ее сердце заноза — Гибралтар. Гитлер с сожалением ответил, что в данный момент ничего не может предпринять в этом отношении, упрекнув Франко, который не использовал случай, представлявшийся ему в 1941 году. На самом же деле за месяц до этого германское верховное командование пришло к выводу, что в данное время не существует условий для укрепления военного сотрудничества с Испанией. Укреплять его приказал Гитлер в порядке подготовки к нападению на Гибралтар[111].

Когда после неудач германских армий в России зимой 1941 года второй прилив энтузиазма начал у Франко спадать, он вновь стал осторожным. Британцы одерживали победы в Северной Африке, Испания сидела без нефти, и каудильо, испытывая давление своего верховного командования, кажется, наконец понял, что не получит никаких территориальных компенсаций за риск[152].

Причины давления, оказываемого на Франко его генералами, и странного ответа каудильо на их демарш прояснились во вторую неделю декабря 1941 года. Высший совет вооруженных сил собрался на заседание, чтобы обсудить тяжелую внутреннюю и внешнюю ситуацию. На заседаниях присутствовали Кинделан, Варела, Оргас, Понте, Саликет и Давила, а на последнем, состоявшемся 15 декабря во дворце Пардо, председательствовал

сам Франко. Уверенность каудильо в победе Оси его генералы не разделяли, несмотря на преклонение многих из них перед вермахтом. В начале заседания каудильо отклонил предложение генерала Варелы, чтобы каждый из генералов выразил свое мнение о сложившейся ситуации. Однако, взяв на себя инициативу, Кинделан крайне критически отозвался об испанской политике, обвинил правительство в некомпетентности и аморальности, а особенно отметил тупость и продажность разрастающегося фалангистского чиновничества. Франко никак внешне не отреагировал. Позже Кинделан не мог вспомнить, как слушал его каудильо: устало и недовольно или с интересом. Франко вел себя пассивно, кивал с видом мудреца, словно полностью соглашался со смелой критикой Кинделана, но выражение лица каудильо стало более жестким, когда речь зашла об утрате престижа — его собственного и армии.

Кинделан утверждал, что жестокие и все еще продолжающиеся расправы наносят серьезный ущерб престижу армии. Тюрьмы переполнены, еженедельно совершаются казни, трудовые батальоны работают в нечеловеческих условиях. Преступления периода Гражданской войны определяются как «военный мятеж» и разбираются военными трибуналами, а любое оппозиционное выступление тоже входит в юрисдикцию трибуналов в соответствии с Законом о государственной безопасности (Ley de Seguridad del Estado). Кинделан выразил недовольство тем, что местные администрации и комитеты по снабжению используют военный персонал в качестве прокуроров и сборщиков налогов. Он призвал Франко порвать связь с Фалангой и разделить посты главы государства и главы правительства. Вероятно взбешенный, каудильо и бровью не повел, ибо был слишком хитер, чтобы вступать в конфронтацию со сплоченной группировкой своих высших военных чинов и провоцировать их на действия. Самоконтроль, умение спокойно выдержать смелые выпады Кинделана, если и не простить их, позволили ему переждать опасную бурю. Он разрядил атмосферу, сославшись на внешнеполитические опасности и на материальные затруднения, переживаемые Испанией, объяснил, как трудно найти достойных людей на ответственные посты, поскольку цвет нации бьш потерян в Гражданской войне. Кинделана не удовлетворил ответ Франко, и с помощью британского посольства копии его выступления были распространены среди монархистов — к немалому раздражению германского посольства[112].

Вскоре после этого Кинделан вторично высказал свою точку зрения, произнеся 26 января 1942 года в штаб-квартире военного

округа в Барселоне речь по случаю третьей годовщины взятия националистами каталонской столицы. Обратив внимание на то, что авторитет режима, падает, он посетовал на отсутствие должных конституционных механизмов передачи власти и призвал Франко восстановить монархию, назвав ее единственной возможностью достичь необходимого «умиротворения и сплоченности испанцев». Поглощенный мыслями о сохранении собственной власти, об укреплении идеологии ненависти, разделявшей народ в период Гражданской войны, и прежде всего идеей своей избранности, Франко кипел от гнева[113]. Однако, проявляя привычную осторожность, снова не отреагировал. Возможно, благодаря этому он предотвратил какие-то согласованные действия своих военных критиков.

Каудильо предпочел выждать. Неуемные имперские амбиции 1940 года сменились решимостью просто остаться у власти. Чтобы добиться этого, следовало искусно лавировать между армией и Фалангой, а также между Союзниками и Осью. За 1941 год Франко научился многому и во внутренней, и во внешней политике. В последующие три с половиной года он откроет для себя еще больше.

Глава 18

КОГДА ВОЛНА ПОШЛА ВСПЯТЬ

Январь — декабрь 1942 года

В начале 1942 года Франко, поддающийся эйфории, обольщавшийся все более радужными надеждами на имперское величие, стал превращаться в хитрого и осторожного политика. Год назад жестокие экономические и военные реалии заставили его умерить пыл, но он снова забыл об осторожности, когда Германия напала на Россию,, и общая победа Оси казалась ему не за горами. Теперь трудности Гитлера на востоке и предупреждения Кинделана дома заставили каудильо очнуться. Три года спустя после окончания Гражданской войны былая сплоченность его сторонников дала трещину, и он постепенно свыкся с мыслью, что личное выживание предпочтительнее имперских планов. Мечты об империи пришлось нехотя оставить до лучших времен — если не забыть вообще, — и Франко обратил взгляд внутрь себя, на свои врожденные качества: хитрость, неторопливость и двуличие, сослужившие ему такую хорошую службу на пути продвижения к власти и в процессе сколачивания коалиции. Теперь и во внутренней, и во внешней политике каудильо пришлось проявлять инстинкты и мастерство канатоходца. Иногда ему сопутствовала и удача, частенько посещавшая его в Африке.

В течение 1942 года все это очень пригодится Франко.

Политика Соединенных Штатов состояла в том, чтобы, ограничив продажу ему продовольствия и нефти и связав этот вопрос с готовностью Испании сократить поставки военных материалов Германии, заставить, Франко плясать под свою дудку. Эта политика стала еще жестче после опрометчивой речи каудильо 17 июля 1941 года. Однако, чтобы не толкнуть каудильо в объятия Гитлера, Черчилль пошел более осторожным путем. Пятого января 1942 года он написал Рузвельту: «Не будете ли Вы добры обдумать вопрос о том, чтобы показать донам несколько морковок, и тем самым отвести неприятности от Гибралтара? Каждый день использования бухты — для нас выигрыш, особенно если вспомнить кое-какие идеи, которые мы обсуждали». Это намек на подготовку к операции «Факел» (Torch)[1] по высадке в Северной Африке.

Черчилль, конечно, не знал, что положение Серрано Суньера стало крайне ненадежным. Генералы, составлявшие Высший совет вооруженных сил, собрались снова 9 января и ополчились на куньядиссимуса. В Мадриде распространились слухи, что Франко снимет его с поста и пошлет послом в Рим[2]. Серрано Суньер предпринял контратаку, поместив в «Аррибе» резкую статью против генералов[3]. Он пережил этот кризис — отчасти потому, что Франко не хотел позволить ни одной из групп своих сторонников манипулировать собой. Если бы генералы вынудили его отставить свояка, каудильо снова оказался бы избранным руководителем — под неусыпном оком людей, приведших его к власти. Однако дни Серрано были сочтены — так же как и генерала Кинделана, его главного обвинителя. Франко ничего никому не прощал, не забывал попыток подорвать его власть или заставить его принять нежелательные ему решения.

Трения внутри режима отразились в речах, произнесенных каудильо в ходе поездки по Каталонии во время празднования третьей годовщины взятия Барселоны националистами. Ему организовали восторженный прием, и вообще вся поездка представляла собой грандиозное торжественное мероприятие, призванное показать, что он — любимый руководитель армии и Фаланги. Задумал и осуществил все это министр и генеральный секретарь Фаланги Арресе, весьма желающий показать Франко, что ему удалось инициировать всплеск народного восхищения своим каудильо. Двадцать шестого января прибывшего в Барселону Франко уже ждал привычный помпезный церемониал с участием военных, Церкви и Фаланги. В небо взлетели три тысячи голубей, потом над головами прошли самолеты, прогремел артиллерийский салют, промаршировали войска, состоялся парад с участием двадцати четырех тысяч фалангистов, а затем

каудильо вручили памятную золотую медаль города. В течение нескольких последующих дней подобные празднества устраивались в Сабаделе, Хероне, Таррагоне и в Сарагосе, пока каудильо ехал обратно в столицу. Ожидая его возвращения в Мадрид, сто тысяч фалангистов выстроились вдоль дороги. Толпе раздали пятьдесят тысяч листовок с речами Франко, произнесенными в Каталонии. Потом целый месяц фалангисгская пресса на все лады толковала и разъясняла значение этих речей, после чего объявила их гениальными. Франко весьма радовали кипы газетных вырезок, каждый день появлявшихся на его столе, и акции Арресе поднялись еще выше[4].

Сквозь туманную риторику этих речей проглядывали две идеи, связанные между собой. Первое — доказать Испании и заграница, что Франко, по выражению своего придворного шута Эрнесто Хименеса Кабальеро[153], «выиграв войну, выиграл теперь и мир»[5]. Учитывая масштаб продолжавшихся репрессий, когда регулярно совершались политические казни, а количество политзаключенных исчислялось сотнями тысяч, риторические фразы в адрес рабочего класса Барселоны казались пустым звуком. Тем не менее каудильо, простив анархистские проявления насилия в прошлом и назвав их «выражением мужественной силы нашей расы, взрывом недовольства против упадка отечества», говорил о социальной солидарности и фалангистской революции[6]. Его словесный радикализм был адресован уже не левым, страдавшим в тюрьмах и подполье, а Фаланге, которую — с активной помощью Арресе — Франко старался оторвать от Серрано Суньера. Второе — в его словах звучал и непонятный большинству слушателей призыв к единству. В Сарагосе он намекнул на происходящую внутри режима борьбу за власть: «Вот помощь, которой я от вас жду: отбросим мелкое недовольство, эгоизм, испанскую эгоцентричность и раковую опухоль зависти. Давайте, изгнав их, подумаем о том, что великая задача поднять на ноги Испанию и повести ее по пути к Империи требует трех слагаемых: единого руководства, дисциплины и повиновения»[7].

Несомненно, Франко угнетали сообщения о продолжающихся распрях между армией и Фалангой, тревожил его англо-советский альянс, усугубивший проблемы Гитлера в России. Хотя каудильо мог спокойно игнорировать требования Кинделана о реставрации монархии, но давление военных и очевидные свидетельства того, что скорой победы Оси не предвидится, заставили его отложить вопрос о вступлении Испании в войну на неопределенный срок. Желая помочь Оси, Франко в январе 1942 года согласился продолжать экспорт вольфрамовой руды в Германию, поскольку вольфрам — важнейший ингредиент высококачественной

оружейной стали, станков и бронебойных снарядов. Франко принял это решение, хотя рейх не мог направить в Испанию эквивалентного количества германских товаров. Немецкое обязательство поставлять взамен продукцию машиностроения так и не реализовалось, и долг Германии возрастал[8]. Каудильо согласился и на то, чтобы Испания представляла дипломатические интересы Японии в Латинской Америке. В начале 1942 года пресса непрестанно расхваливала Японию, и теперешняя прояпонская кампания отражала взгляды самого Франко и Серрано Суньера[9].

В последующие три года Франко свяжет свои надежды с победой Оси, но сейчас ему не следовало перекрывать пути, соединявшие его с Союзниками. Осознание этого сказалось в подготовке[154] к встрече с португальским премьер-министром и министром иностранных дел Антониу де Оливейрой Салазаром[10]. Даже на их встрече 13 февраля 1942 года в Севилье было ясно, к кому у Франко лежит душа". Несмотря на вступление Соединенных Штатов в войну, каудильо сказал Салаза-ру, что победа Союзников абсолютно невозможна, и утверждал, будто нет ни малейшей угрозы германского вторжения в Испанию, пока его страна поддерживает дружественные отношения с рейхом. В своей преданности Оси Франко забыл о сдержанности и пообещал Салазару: если вдруг возникнет опасность, что большевики одолеют Германию, он, каудильо, сделает для нее все и пошлет ей на помощь миллион испанских солдат. Даже официально-любезный характер этой встречи давал почувствовать: Франко давно лелеет мечту о том, чтобы Салазар вышел из альянса с Англией и сблизился с Испанией. Серрано Суньер сообщил Салазару, будто англичане собираются сбросить его режим, а Франко заявил ему, что высадку британцев на португальской территории Мадрид воспримет как акт агрессии против Испании[12].

И после возвращения Салазара в Лиссабон Франко продолжал проявлять восторженные чувства к Оси. Четырнадцатого февраля 1942 года генералиссимус выступил перед высшими офицерами армии в Алкасаре (замок в Севилье). Радуясь поражению, которое днем раньше британцы потерпели в Сингапуре*, он говорил с нескрываемой симпатией и как лучший друг о будущих победителях. Видимо, каудильо еще не читал множества сообщений из испанского посольства в Берлине о катастрофической ситуации, в которую попали немцы в России[13]. Он выразил удивление тем, что часть мира ведет борьбу с Германией, «разрушая оплот, сдерживающий русские орды и защищающий западную цивилизацию». Франко заявил о своей

«абсолютной уверенности» в грядущей победе Германии. Не подозревая, что его обещание не выдержит проверки временем, он повторил слова, сказанные Салазару: «Если путь на Берлин окажется открытым, то не одна дивизия испанских добровольцев, а миллион испанцев предложат свою помощь»[155].

Его слова не привлекли к себе внимания ни в Лондоне, ни в Берлине[156]. Недовольный Геббельс записал в своем дневнике: «Куда лучше, если бы он объявил войну большевизму. Но чего можно ждать от генерала такого сорта?» Ранее в том же месяце, когда Франко выказывал преданность Католической церкви, Геббельс записал: «Было бы куда достойней, если бы Испания осталась верной Оси. Франко, насколько мы знаем, примерный фанатик. Сегодня каудильо допускает, чтобы Испанией управляли его жена и отец-исповедник, а не он сам. Прекрасного революционера мы посадили на трон!»[16].

Разрываясь между идейной близостью к Оси и экономическим давлением со стороны Союзников, Франко обнаружил, что внешнеполитические трения сказываются на его режиме. Так, поставки нефти сократились настолько, что в феврале 1942 года пришлось закрыть испанский нефтеперегонный завод. Франко со скрежетом зубовным пришлось согласиться с Вашингтоном, требующим, чтобы последующие поставки нефти совершались лишь при условии американского надзора за ее использованием[17]. Скверное экономическое положение в Испании привело к появлению горячих и лживых публичных опровержений существования договоренности, по которой Испания на Канарских островах снабжает горючим германские подводные лодки[18]. Это унижение вызвало в прессе поток резких антиамериканских статей[19]. В действительности американские подозрения насчет того, что Испания выполняет роль скрытого прорана в блокаде Германии, были весьма обоснованными. В октябре 1941 года фон Шторер говорил генералу, что Испания куда ценнее как разрушитель блокады, чем как участник войны, и это подтвердилось в феврале 1942 года. Эрнст фон Вай-цзекер, государственный секретарь, принял нового военного атташе в Танжере полковника Ханса Реннера перед его отъездом к месту новой службы и сказал, что спокойствие в Испании и Северной Африке служит интересам Германии. Вайцзекер подчеркнул, что Испанию необходимо держать в тени и ни в коем случае не давать ей открыто участвовать в войне, пояснив при этом: «Мы получаем от Испании солидную поддержку в ведении войны и никоим образом не должны лишаться ее»[20].

В этот момент каудильо, придавленному грузом внутренних

и внешних проблем, сообщили, что 24 февраля умер его отец. Телеграммы соболезнования прислали Муссолини и маршал Петэн[21]. Легко предположить, что у Франко, занятого непрерывными ссорами между его сторонниками, не было времени горевать, тем более что с доном Николасом его связывали сложные отношения. Каудильо всю жизнь ненавидел отца, считая его виновником несчастий матери. По-видимому зная об этом, дон Николас редко упускал случай выразить презрение к среднему сыну. Разумеется, Николас Франко Сальгадо-Араухо никогда не выказывал ни гордости, ни радости от того, что сын достиг таких политических высот, часто называл его «неудачником» и насмехался над окружавшими его сына подхалимами. Манию Франко насчет «еврейско-масонского заговора» отец находил особенно смешной, говоря: «Что мой сын может знать о масонстве? Оно объединяет знаменитых и достойнейших людей, наверняка превосходящих его по своим знаниям и открытости духа»[22]. В мадридских барах часто слышали, как он, крепко выпив, громко сыпал оскорблениями в адрес сына, называя его даже «свиньей и сводником» (un cabrdn y un chulo). Поскольку выходки дона Николаса время от времени приводили к его аресту и содержанию под стражей — пока не выяснялась личность задержанного, — каудильо был полностью осведомлен о презрительном отношении к нему отца[23].

Судя по реакции на смерть дона Николаса, уход того из семьи и отношение к карьере сына весьма травмировали каудильо. Свалившись от кровоизлияния в мозг, 84-летний старик умирал долго, и старший сын Николас наведывался к нему почти каждую неделю из Лиссабона. Франко же не проявлял к умирающему отцу никакого чувства[24]. С мстительной жестокостью он приказал, чтобы тело убрали из дома на мадридской улице Фуэнкаррал, где Николас Франко Сальгадо-Араухо прожил тридцать пять лет в гражданском браке с Агу-стиной Алданой. С этой женщиной он провел большую часть жизни, и она ухаживала за ним до его последнего дня. Франко считал ее безнравственной проституткой, которая отняла дона Николаса у его матери и навлекла позор на семью. Команда гражданских гвардейцев забрала тело покойного у Агустины, убитой горем, и увезла. Николаса Франко хоронили в форме генерала административного корпуса, воздав ему воинские почести, подобающие отцу каудильо. Франко еще раз отомстил Агустине, не позволив ей присутствовать на похоронах. Сам он не проводил отца в последний путь, дойдя с кортежем только до ворот Пардо[25].

Если бы он нуждался в предлоге для такого поступка, политические события, на решение которых требовалась уйма

времени, вполне оправдали бы его. Трения между консервативными правыми, которых представляли генералы, и новыми правыми — Фалангой — вынудили каудильо принять несвойственные ему решительные шаги. Недовольство военных Серрано Суньером росло с каждым днем[26]. Очень активно действовал против куньядиссимуса генерал Эспиноса, в свое время смещенный с должности испанского посла в Третьем рейхе, на которой его заменил человек Серрано Суньера — граф де Майалде. Движимый ненавистью к куньядиссимусу, Эспиноса, как поговаривали в марте 1942 года, участвовал вместе с Кинделаном и Оргасом в подготовке путча против Франко. Заняв в середине апреля пост командующего VI — Бургосским — военным округом, он произнес пламенную речь, отметив в ней «необоснованность и безграничность амбиций» Серрано Суньера, которого Эспиноса прежде, в личной беседе, обвинил в предательстве. Реакция Франко последовала незамедлительно: через несколько дней Эспиноса был снят. Правда, эту акцию отчасти сбалансировало смещение политического секретаря куньядиссимуса — Фелипе Ксименеса (Ximénez) де Сандовала, скомпрометированного сторонниками Арресе обвинениями в гомосексуализме[27]. Кинделан и другие генералы, возмущенные случившимся с Эспиносой, усмотрели в этом козни свояка генералиссимуса. На самом же деле они переоценили возможность Серрано Суньера, который оказывался во все большей изоляции[28].

Испытав временный душевный подъем после нападения Японии на Соединенные Штаты, каудильо вернулся к обычному состоянию. Экономические и политические реалии заставили его понемногу налаживать отношения с Лондоном и Вашингтоном. Он, конечно, по-прежнему считал Британию и Соединенные Штаты гнездом коммунистических и масонских заговоров и уверял в конце марта португальского посла, что британские и американские секретные службы рука об руку с коммунизмом и масонством планируют свергнуть Салазара[29]. Однако неизжитые предрассудки Франко не помешали тому, что весной 1942 года Соединенные Штаты и Великобритания начали играть все более заметную роль в экономике Испании. Прежде экономическая политика Союзников сводилась к тому, чтобы держать под своим контролем поставки в Испанию и таким образом удерживать Франко от сближения с Осью. Однако в ноябре 1941 года англичане предложили Вашингтону совместную программу закупок испанского вольфрама и других металлов, необходимых для германской военной машины. В середине марта 1942 года американское и британское посольства в Мадриде начали осуществлять политику опережающих, или «препятствующих»

(preclusive), как их называли, закупок. Вашингтон также создал Торговую корпорацию Соединенных Штатов, чтобы осуществлять проведение американской части операции, призванной стать важнейшим орудием экономической войны против Германии[30]. Потом это откроет и для Франко новые возможности сталкивать Союзников с Осью — к выгоде своего режима.

В прессе утих поток антиамериканских материалов. Отчасти это было следствием того, что проницательному и элегантному Уэдделлу, крайне антипатичному Серрано Суньеру, пришлось уйти в отставку по состоянию здоровья. После того как в феврале 1942 года он уехал из Мадрида, посольством Соединенных Штатов временно стал руководить в высшей степени компетентный Уиллард Бью-лак, поверенный в делах. Любезный и эмоциональный, любивший Испанию и испанцев, Бьюлак, в отличие от Уэдделла, избегал конфликтов с министром иностранных дел. На новые отношения повлияло и то, что как Франко, так и его свояк начали осознавать важность факта вступления Соединенных Штатов в войну. Четвертого марта 1942 года Серрано Суньер сказал Бьюлаку, что политика неучастия в войне требует дружественных отношений Испании с Осью, и, рассчитывая на понимание, спросил: «Принесло бы благо Союзникам, если бы Испания начала дразнить Германию именно на этом этапе человеческой истории?»[31] Встретившись 13 апреля 1942 года с послом вишистской Франции, Франко сказал ему, что в случае победы Союзников дело коммунизма восторжествует, но намекнул при этом, что теперь он твердо намерен остаться нейтральным[32]. Тем не менее неделю спустя Серрано Суньер выступил с речью и заявил, что Испания — на стороне Германии в ее борьбе против коммунизма[33]. Более того, конфиденциальные испанские донесения, перехваченные американской разведкой, убедили ее генерального директора Уильяма Донована в том, что испанское посольство в Вашингтоне — «вражеская миссия»[34].

Сразу же по увольнении Эспиносы генерал Варела, человек горячий, заявил Франко протест по поводу поведения фалангистов и сообщил о неудовольствии генералитета тем, что прыщавые необразованные фалангисты, не уважающие армию, гребут деньги за придуманные работы. С необычным для него коварством он сказал каудильо, что на последнем параде победы 1 апреля Серрано Суньер аплодировал не с таким энтузиазмом, как всегда[35]. С критикой порядков выступил и не преследующий личных интересов, но не менее возмущенный Дионисио Ридруэхо, поэт-фалангист, идеалист по натуре, участвовавший в действиях Голубой дивизии и в конце апреля получивший ранение. Принятый в начале мая Франко, он поведал ему, что многие его

товарищи недовольны разгулом коррупции в Испании. Каудильо благодушно ответил ему, что в старые времена победители получали титулы и земли, а поскольку теперь с этим трудно, он предпочитает закрывать глаза на продажность чиновников, дабы не наживать врагов среди своих сторонников[36].

В мае 1942 года брожение, продолжающееся внутри режима, выплеснулось на улицы: произошли столкновения между монархистскими офицерами и сту-дентами-фалангистами в Памплоне, Бургосе и Севилье[157]. Беспорядки и стычки фалангистов с монархистами отмечались в университетах Сантьяго и Мадрида[37]. Франко смотрел и выжидал.

Ему, осаждаемому со всех сторон, повезло, что новым американским послом, прибывшим 16 мая 1942 года, стал профессор истории Колумбийского университета Карлтон Джозеф Хантли Хейес, активный сторонник националистов в период Гражданской войны в Испании. Самовлюбленный и неопытный в политике Хейес отличался причудами и не хотел мириться с ведущим положением в мадридском дипкорпусе сэра Сэмюэла Хора, человека куда более яркого. Франко использовал возникшие трения в своих интересах, проявляя симпатию к Хейесу и предоставляя ему вдвое больше аудиенций, чем Хору[158]. Последний был убежден, что каудильо, приверженец Оси, не вступает в войну только из соображений осторожности и выгоды. Хейес же считал, что Франко сочувствует Союзникам. Этому человеку в твидовом костюме и очках нравился каудильо. Как отмечал Хейес, таким сдержанным, но «живым и спонтанным» юмором обладали на его памяти редкие люди. Только его полным непониманием Франко объясняется то, что он в своих воспоминаниях назвал фальсификацией сделанные генералиссимусом в 1940 году предложения о вступлении в войну на стороне Оси. Каудильо не скрывал расположения медлительному и помпезному Хейесу, тогда как Серрано Суньер считал того занудливым педантом[38].

Двадцать девятого мая 1942 года Франко посетил город Медина-дель-Кампо, чтобы открыть школу подготовки женской секции (Seccidn Femenina) Фаланги в специально отреставрированном замке Кастильо-де-ла-Мота. Страсть каудильо к королевским церемониям и торжественности была удовлетворена полностью. Представляя его, Хосе Пемартин, монархист из бывших фалангистов, объявил, что военные и гражданские достоинства, превосходящие «права, приобретенные в королевских спальнях», взывают к тому, чтобы «спаситель Испании» обрел королевский сан. В связи с этой фразой распространились слухи о том, что каудильо намерен

провозгласить себя королем. Пышность спектакля в Медине поразила дипломатический корпус[39]. Когда-то замок принадлежал Исабель Католической, поэтому нет ничего удивительного в том, что Франко, воспользовавшись случаем, сопоставил ее триумф со своим, а также ее введенных в заблуждение оппонентов со своими недоумками-кретинами. В его интерпретации достижения Исабель навевали мысль об ее сходстве с Гитлером. Он восхвалял эту женщину за изгнание евреев, за «ее тоталитарную и расистскую политику» и понимание потребностей Испании в жизненном пространстве[40].

Возможно, это выступление не предназначалось для широкой огласки за рубежом. Если Франко вознамерился обойтись без Серрано Суньера, то он, наверное, решил прежде укрепить свои позиции в Фаланге. Еще более вероятно, что каудильо увлекла историческая атмосфера этого места. Вдохновлял его и находящийся рядом Арреса. Впрочем, что бы им ни двигало, бедственное положение армии, отсутствие у нее горючего, вооружений и техники делали опасной даже простую беседу, а тем более речь с таким агрессивно-авантюристическим подтекстом[41].

В течение лета 1942 года Франко установил дистанцию в отношениях с Серрано Суньером. Жалобы на куньядиссимуса поступали от Варелы и Вигона, он слышал инсинуации в адрес свояка то от скользкого Арресе, то от сурового Карреро Бланко..Не допускаемый в Пардо куньядиссимус не делал тайны из того, что иллюзии его рухнули, не скрывал своей усталости и раздражения от непрекращающихся склок внутри режима[42]. Пятого июня он обедал с Педру Теотониу Перейрой и весь вечер и поливал грязью всякого, чье имя всплывало в разговоре. Серрано сказал: «Я был идиотом, пытаясь в последние четыре года решать проблемы частично. Из этого ничего не выходит. Я жду подходящего момента, чтобы решить их все». При политической слабости куньядиссимуса, эти слова выражали скорее его досаду и крушение надежд, чем серьезное намерение заменить Франко[43].

Десятого июня при вручении Карлтоном Хейесом верительных грамот каудильо имел с ним необычно долгую и сердечную беседу, продолжавшуюся почти полтора часа. Все это время министр иностранных дел сидел как молчаливый наблюдатель. Генералиссимус проверял на Хейесе вариант своей теории о том, что ведутся две отдельные войны. Обычно Франко утверждал, что одна война — это ненужная англо-германская, а другая — важная антикоммунистическая, в которой, по признанию каудильо, он сделал свою ставку. Теперь же он говорил о войне Европы против России и войне в Тихом океане

против Японии. Хейес старался убедить Франко, что подавляющая экономическая мощь Соединенных Штатов гарантирует победу англо-саксонских держав. Однако каудильо сомневался, что американцы смогут перебросить войска и вооружение через Атлантику. При этом Франко проявил бестактность, упорно настаивая на том, что победа демократий будет означать торжество коммунизма. Он добавил также, что британская лейбористская партия — уже коммунистическая. Несмотря на вопиющую абсурдность подобной аргументации, на Хейеса произвело благоприятное впечатление намерение каудильо развивать добрые отношения с США, а также его заверения «в искреннем и честном желании» сохранять нейтралитет Испании[44].

Веру Хейеса в благие стремления Франко не разделяло ни британское, ни союзническое верховное командование. В начале 1942 года британская разведка перехватила и расшифровала сообщение об операции абвера под названием «Бодден», на проведение которой Канарис просил разрешения у Франко[159]. С помощью испанских ВМС абвер создавал систему подводного гидроакустического слежения в Гибралтарском проливе и цепочку из четырнадцати станций инфракрасного наблюдения за судами, следующими вдоль маршрутов, которые могли быть использованы для предполагаемой высадки Союзников в Северной Африке по плану операции «Факел». Система с девятью станциями на испанском побережье и пятью на марокканском была полностью введена в строй 15 апреля 1942 года. Информация о союзнических судах, собираемая с ее помощью, передавалась на подводные лодки в Средиземном море и в Атлантическом океане вблизи от пролива.

В какой-то момент Союзники подумывали уничтожить систему с помощью подводных лодок и рейдов коммандос[160]. Однако в соответствии с политикой, проводимой Британией в отношении Франко, выбор остановили на дипломатическом решении. Хор, получив подробные данные об операции «Бодден» от Кима Филби[161], в ту пору главы Иберийского отдела британской разведки — СИС (Secret Intelligence Service — SIS), оказал всемерное давление на каудильо. Двадцать седьмого мая 1942 года, одетый по всей форме и сопровождаемый высокими чиновниками британского посольства, Хор показал досье, полученное от Филби, Франко, получившему прежде заверения немцев в том, что операция будет проводиться втайне. Глубоко уязвленный каудильо выслушал ко всему прочему угрозы о замораживании поставок нефти и неохотно пообещал разобраться. Третьего июня помощники Франко признали, что

оборудование устанавливалось германскими техниками, но при этом заявили, будто это было сделано «для защиты берегов Испании». Как с ним часто случалось, каудильо несколько месяцев упорствовал, а затем попросил адмирала Канариса демонтировать системы гидроакустического и инфракрасного наблюдения. Последующее давление Британии в июле и октябре не произвело на него впечатления, и функционирование системы было прекращено только после успеха «Факела»[45].

Генерал Эйзенхауэр и его штаб, готовивший операцию «Факел», были весьма озабочены возможными последствиями шагов Франко или немцев по захвату Гибралтара. Губернатор и командующий войсками в Гибралтаре генерал-лейтенант сэр Ф. Мэйсон-Макфарлейн (Mason-MacFarlane) настаивал: Союзники должны нейтрализовать Франко дипломатическими методами, заверив его, что не хотят причинять ему никакого вреда[46]. В Англии встревоженные разработчики союзнических военных операций не знали о проблемах испанского руководства.

Крайне измотанный, удрученный делом Хименеса Сандовала, куньядиссимус был отодвинут на периферию текущих событий, поэтому взял десятидневный отпуск и 15 июня уехал в Италию[47]. С политической точки зрения, визит почти не имел значения, хотя Серрано Суньер, кажется, рассчитывал поправить свое пошатнувшееся положение[48]. Иначе трудно понять, зачем он уехал из Мадрида в тот момент, когда враждебные действия его противников как в армии, так и в Фаланге достигли апогея[49]. Арресе завоевывал авторитет в триумфальной поездке по Андалусии[50]. Мрачный, охваченный пессимизмом Серрано Суньер говорил с Чано о нежелании Франко создать в массах прочную базу фалангисгской революции или восстановить монархию. Приписав отсутствие у Франко духа предприимчивости и воображения умертвляющему воздействию его жены, он добавил, что каудильо окружен ничтожествами, которые превратили Пардо в пародию на старый испанский двор[51]. Чано пригласил Серрано Суньера 16 июня на обед к королю Виктору-Эммануэлю. Куньядиссимус говорил там о Франко «как о невежественном слуге, причем не остерегаясь, при всех»[52]. Маловероятно, что Франко не узнал об этом.

Со своей стороны, каудильо, беседуя с министром общественных работ Пеньей Бёфом заметил, что его свояку «нравится делать только то, что приносит ему выгоду», и посетовал Карсельеру, министру промышленности и торговли: «Наш министр иностранных дел ничего не хочет знать об экономических проблемах»[53]. Но далеко не один свояк был источником беспокойства для Франко в его внутренней политике.

Как Серрано разыгрывал германскую карту, стремясь укрепить свои позиции в водовороте испанской политической жизни, так и генералы-монархисты искали германской поддержки для реставрации монархии. К Муньосу Грандесу, командующему Голубой дивизией, обратились его коллеги-генералы с просьбой использовать свое положение и поднять вопрос о том, чтобы Третий рейх поддержал идею восстановления монархии[54]. На самом деле они обратились совсем не по адресу, так как в этот момент симпатии Муньоса Грандеса были на стороне радикального фалангизма[55].

Некоторое время спустя Вигон решил отправиться в Германию под предлогом получения технической помощи для испанских ВВС, но ему пришлось отменить поездку, после того как Франко догадался об истинных мотивах визита[56]. Франко вскоре сообразил, что независимый и непостоянный Муньос Грандес, действующий генерал, имеющий постоянные контакты с немцами, куда опаснее лояльного и консервативного Вигона. Когда в конце мая 1942 года до дворца Пардо дошли слухи, что Муньос Грандес возлагает на Франко вину за тяжелейшее положение в стране, каудильо приказал отозвать его и заменить генералом Эмилио Эстебаном Инфантесом, своим другом с марокканских времен и бывшим коллегой по Генеральной военной академии в Сарагосе.

Гитлер, однако, считал, что в интересах Германии поддерживать политическую карьеру Муньоса Грандеса. Если Франко был убежден, будто добрые намерения Гитлера по отношению к Испании извращают его тупые подчиненные, то, по мнению фюрера, тяготению каудильо к Оси препятствует ее противник Серрано Суньер. Тринадцатого июля Гитлер принял Муньоса Грандеса в «Воль-феншанце» и с удовольствием выслушал его филиппики против Серрано Суньера и в пользу проведения в Испании продуманной фашистской революции. Муньос Грандес заверил фюрера, что готов проводить пронацистскую политику, если возглавит правительство, а Франко останется символическим главой государства. Были приняты соответственные меры к тому, чтобы возвращение Муньоса Грандеса в Испанию стало триумфальным, а его популярность возросла. В этих целях немцы наградили его за заслуги — как командующего Голубой дивизией. Гитлер даже собирался отвести Муньосу Грандесу видную роль в намеченном взятии Ленинграда, а затем отправить его домой с его войсками в новеньком обмундировании, полагая, что в противостоянии Франко с генералом это склонит чашу весов в пользу последнего. Распорядившись предотвратить появление Эстебана Инфантеса на

фронте, фюрер велел Канарису упросить подозрительного Франко отменить передачу командования дивизией своему ставленнику. Узнав, что германский военный атташе в Испании вступал в контакт с генералом Ягуэ, встревоженный каудильо усмотрел в этом желание немцев поставить на Муньоса Грандеса, интригующего против него, Франко[57].

Четырнадцатого июля 1942 года каудильо принял Шторера и имел с ним долгую беседу. Германского посла привели в замешательство цифры растущей задолженности немцев по текущим торговым операциям с Испанией. Он заявил протест по поводу недавних испанских требований о полной оплате товарного кредита и по поводу все увеличивающихся задержек с выдачей экспортных разрешений на вывоз в Германию насущно необходимых ей сырьевых материалов. Шторeру впервые пришлось напомнить Франко, что подобные экономические жертвы — священный долг союзника рейха, желающего поражения большевизма. Каудильо решительно отверг предположение о том, что он изменил своим антикоммунистическим убеждениям. Упомянув об экономическом оружии Союзников, стесняющем его свободу, Франко тем не менее согласился предоставить экспортные лицензии на товары, ожидавшие отправки в Германию[58].

Свои взгляды этого периода Франко изложил в ежегодном выступлении перед Национальным советом ФЭТ и де лас ХОНС 17 июля 1942 года. Оно началось пространными объяснениями причин медленного экономического восстановления Испании в послевоенный период. Жалость к себе прозвучала в его риторическом вопросе: «Что знают критиканы о той лишающей сна подавляющей ответственности, которая ложится на одинокие плечи?» Но ключевым мотивом был призыв к единству франкистской коалиции, что указывало на серьезную озабоченность каудильо усиливающимися трениями между Фалангой и армией. Франко заявил, что готов мобилизовать и экипировать три миллиона человек для защиты «нашей безопасности и сохранения наших прав». Это ничем не спровоцированное заявление звучало весьма неправдоподобно при бедственном состоянии испанских вооруженных сил. Оно было, скорее всего, предупреждением Союзникам и приманкой для стран Оси. Взгляды каудильо на военную ситуацию мало изменились с тех пор, как в речи, произнесенной год назад, он выражал неумеренные восторги победами немцев. Франко утверждал: «мало что останется от либерально-демократической системы»; «с военной точки зрения тоталитарный режим продемонстрировал свое превосходство, а с экономической —

только он способен спасти нацию от уничтожения».

Возможно, желая оградить себя от непредвиденных осложнений, каудильо заговорил далее о возможности создания непредставительных кортесов, дабы допустить «сопоставление мнений и изложение позиций» в рамках единства режима. Это было расценено как жест в сторону Союзников, что вряд ли верно хотя бы по той причине, что предложение исходило от Арресе — приверженца Оси, генерального секретаря Фаланги, крадущего, в свою очередь, идеи у Серрано Суньера. В любом случае кортесы виделись как парламент, состоящий из назначенцев. Франко принял проект, усмотрев в кортесах еще один институт, который поможет ослабить власть Фаланги, хотя «Арриба» радостно обнаружила в нем сходство с палатой корпораций фашистской Италии. Это также позволило бы генералиссимусу добавить себе внешних атрибутов средневековой испанской монархии[59].

Все, что в речи Франко касалось хода войны, вызвало серьезное беспокойство в лагере Союзников. Оно, похоже, имело под собой почву, поскольку в это время американские агенты в Лиссабоне раздобыли запечатанные пакеты с приказами капитанам испанских торговых судов, подготовленными на случай войны. Последующие, находки американских спецслужб в испанском посольстве в Вашингтоне в течение июля, августа, сентября и октября 1942 года позволили прийти к выводу, что Франко по-прежнему сомневался, стоит ли присоединяться к Оси[60]. Опасения Союзников, связанные с намерениями каудильо, уменьшатся лишь после удачного проведения в ноябре операции «Факел» по высадке в Северной Африке[162].

В Мадриде почувствовали, что путешествие Серрано Суньера в Италию может укрепить его позицию как друга Муссолини, и это заставило Франко еще больше присматривать за ним[61]. Пятнадцатого августа пресса опубликовала крайне прогерманскую статью Серрано Суньера, написанную для «Вилле унд махт», газеты Гитлерюгенда. В ней утверждалось, что Испания сильно отстает от Германии в борьбе за построение нового порядка. Во многих отношениях это был толковый ход. Куньядиссимус не выдавал никаких секретов, а просто просил Третий рейх признать давно оказанные услуги Испании. В статье подчеркивалось, что если бы не Гражданская война, Германия сейчас столкнулась бы с большими трудностями в битве с Россией, ибо советская Испания стала бы теперь частью военного уравнения[62]. Время, выбранное для проявления этих несомненно искренних симпатий к Оси, указывает на то, что Серрано Суньер и пытается показать себя Берлину не менее надежным германофилом, чем восходящая звезда — Арресе.

С той самой поры, когда Серрано Суньер в начале 1937 года прибыл в Саламанку, Франко начал учиться у него искусству политики, особенно международной. Пятидесятилетний каудильо теперь созрел для того, чтобы независимо поиграть мускулами. Он давно относился к свояку как к громоотводу, принимавшему на себя проявления недовольства режимом высшим генералитетом. Каудильо, пожалуй, и дальше с удовольствием позволил бы ему осуществлять эту функцию, если бы обстоятельства сложились иначе. Франко глубоко возмущало, что Серрано Суньер то и дело старается занять его место в эффектном политическом спектакле. Это раздражение усердно разжигали в каудильо услужливые Арресе и Карреро Бланко[63]. Франко злили разговоры о том, что свояк оттеснил его на второй план. Это относилось и к его семейным делам. Одна сплетня приводила каудильо и Серрано в особую ярость. Рассказывали, будто старый школьный друг сестер Поло, живший в Латинской Америке, встретив Ситу, жену Серрано, воскликнул: «Какое чудо! Я слышал, ты замужем за одним из самых важных людей в Испании. А как твоя сестра Кармен?» — «Бедняжка, — якобы ответила Сита, — она кончила тем, что вышла замуж за военного»[64]. Гнев сеньоры Франко вызывало еще и то, что мадридское общество знало: куньядиссимус обманывает ее сестру Ситу с Консуэло де Икаса-и-Леон, женой подполковника Франсиско Диеса де Риверы, маркиза де Льянсола (Llanzol). Один американский наблюдатель заметил: «Его поведение запятнало честь семьи Франко»[65]. Карьера Серрано подходила к концу.

Последней каплей оказалось так называемое «дело о Бегонье», когда в середине августа 1942 года вражда к Фаланге со стороны традиционалистов (карлистов) и военных — приверженцев дона Хуана Бурбона — достигла точки кипения. Политические передряги этого кризиса дали летом удобный предлог Арресе сказать Франко в Пасо-де-Мейрас, что перемены необходимы, а теперь и возможны. Благодаря контактам с членами нацистской партии в германском посольстве Арресе удалось убедить каудильо, что Берлин ничуть не огорчится, если Серрано Суньер будет убран[66]. Этот самый серьезный внутриполитический кризис начала 40-х годов определил судьбу Франко, а возможно, и диктатуры.

Франко осознал всю глубину взаимной неприязни между монархистами и Фалангой в начале августа, когда министр юстиции Эстебан Бильбао, традиционалист, представил письменную просьбу об отставке. Каудильо немедленно ответил ему любезным письмом, обещая рассмотреть его жалобы на фалангистов[67]. Шестнадцатого августа 1942 года, Эстебан

Бильбао получил ответ Франко, и в этот же день напряжение вырвалось наружу во время ежегодной церемонии в святилище Пресвятой Девы в Бегонье, под Бильбао, когда молились за души карлистских «рекетес» из Легиона Богородицы из Бегоньи, погибших во время Гражданской войны. Дон Хуан Бурбон был информирован о том, что фалангисты попытаются нарушить ход церемонии[68].

Возглавлял церемонию генерал Варела, хорошо известный своим англофильством, прокарлистскими настроениями и открытой враждебностью к Фаланге, виновной, по его мнению, в коррупции и спекуляциях, процветавших в Испании[163]. После церковной службы, когда карлисты, собравшиеся возле храма, выкрикивали монархистские лозунги и распевали антифалангистские припевки, их противники спровоцировали кровавый инцидент: один из фалангистов метнул в толпу две гранаты. Первая не взорвалась, а вторая ранила около сотни человек. Сделал это Хуан Домингес, национальный инспектор фалангисгского студенческого объединения (Sindicato Esspanol Universitario). То, что фалангисты с оружием и гранатами проделали путь из Вальядолида в Бегонью, означало определенную степень подготовки[69]. Подстрекаемый своей женой, аристократкой-карлисткой Касилдой Ампуэро, Варела дал волю возмущению и воспользовался инцидентом, чтобы обрушиться на Фалангу вообще и на Серрано Суньера в частности[70]. Варела публично назвал злодейство атакой фалангистов против армии, направил документ об этом командующему военным округом и организовал трибунал по делу Домингеса. В этом ему помогал министр внутренних дел полковник Валентин Галарса, известивший телеграммами гражданских губернаторов всех провинций о том, что «агенты, состоящие на службе иностранных государств»[164], пытались убить министра армии[71].

Печать хранила мертвое молчание вокруг событий в «Бегонье», но тревога Франко по поводу усиления вражды между армией и Фалангой дала знать о себе в серии речей, с которыми он выступил во время ежегодного отдыха в Галисии. Следует заметить, что в вояже его сопровождал Хосе Луис де Арресе. Особенно впечатляющие заявления Франко сделал 24 августа в Ла-Корунье на массовом митинге, названном прессой «актом побратимства между Армией и Фалангой». Каудильо восхвалял в этой речи боевой дух Фаланги и фалангисгские достоинства армии. Эту попытку примирить две силы, смертельно враждовавшие в этот момент, заметили только участники разгоревшейся борьбы за влияние. Франко также сделал

завуалированный намек на то, что в Испании пущено в ход иностранное золото на подрывные цели — «чтобы сформировать у нас подражателей французам, которые предадут нацию врагу» (para crear afrancesados que entreguen nuestra nacidn al enemigo). Желая подчеркнуть свою приверженность Гитлеру, каудильо повторил хвастливые фразы из своей речи от 17 июля о том, что Испания способна выставить «три миллиона человек, которых можно считать за шесть, и это покажет цену нации и народа, требующего своего места в мире»[72].

Франко быстро уловил, что возмущение Варелы проистекает из стремления нажить политический капитал на инциденте. Такие попытки узурпировать его роль политического арбитра вызывали негодование каудильо. В продолжительном телефонном разговоре, состоявшемся в тот же день 24 августа, Франко защищал фалангистов, принявших участие в инциденте. Варела же, настаивая на своем, клеймил их как убийц[73]. Втянувшись в опасную игру, Варела вручил генералиссимусу письмо с просьбой об отставке, в котором выразил недовольство профалангистским тоном речей Франко в Галисии и заявил, что останется на своем посту, если только будут соблюдены выдвинутые им предварительные условия. Он потребовал наказать виновных, исключить из объединенной партии вдохновителей инцидента и сформировать «авторитетное правительство, чтобы избавиться от ошибок прошлого». Это явно подразумевало создание кабинета с монархистским большинством и, предположительно, начало реставрации монархии. Поскольку Варелу поддерживали Галарса, Вигон, адмирал Сальвадор Морено и Эстебан Бильбао, Франко осторожно отреагировал на этот демарш. Желая избежать ненужного антагонизма с монархистами в вооруженных силах, а также потому, что его оценка действий Домингеса не расходилась с судебной, Франко согласился на его казнь. Потом, пытаясь нейтрализовать Варелу, он со слезами на глазах говорил ему льстивые слова и умолял остаться. Но, едва Варела начал настаивать на своих требованиях, каудильо вышел из себя, ибо увидел в подобном нарушении субординации скрытую угрозу своему положению. Приняв отставку Варелы, он уволил и Галарсу[74]. Франко рисковал, конечно, натолкнуться на резкую реакцию генералов, но сделал ставку на то, что они побоятся потерять теплые места.

Кризис был еще далек от разрешения. Оставалось увидеть, материализуется ли скрытая угроза, таившаяся за действиями Варелы. Франко развил бешеную активность, совершив несколько трюков. Бильбао, Вигон и адмирал Морено поверили, что

каудильо и Варела достигли определенного компромисса, и не считали себя обязанными выказывать такую же неприязнь к Франко, как уволенный в отставку генерал. Министр по делам правительства Карреро Бланко стал нашептывать генералиссимусу, что в исходе кризиса должны быть «победители и побежденные». Франко одобрительно отнесся к его словам о том, что удаление двух генералов будет расценено как усиление власти Серрано Суньера. Однако не следует переоценивать роли Карреро Бланко и полагать, будто это он убедил каудильо уравновесить силы, наказав и Фалангу. Непостижимо, как Франко после столкновения с Варелой не сообразил: чтобы пережить кризис, нужно предпринять акции и против Серрано Суньера, председателя Политической хунты — исполнительного комитета Фаланги, — а значит, весьма влиятельной фигуры. Сейчас такая жертва обошлась бы каудильо дешевле, чем раньше. Уже настроенный против свояка, он позволил Арресе убедить себя во время поездки в Галисию, что инцидент в Бегонье был заговором Серрано Суньера с целью свергнуть его, Франко[165]. Слышали, как каудильо сказал, что Серрано «негодяй и изменник» (un malvado y un desleal)[75].

В мае 1941 года Франко не уступил давлению военных и не отставил Серрано Суньера, понимая, что пойти на это — значит стать заложником своих генералов. Теперь же отстранение куньядиссимуса должно было компенсировать удар, нанесенный генералам отставкой Варелы[76]. В начале сентября каудильо снял свояка с поста министра иностранных дел. С явно обеспокоенным видом он сказал Серрано Суньеру: «Слушай, Рамон, я хочу поговорить с тобой об одном серьезном деле, о принятом мною важном решении. После всего случившегося я собираюсь тебя сменить». Серрано держался высокомерно и изобразил облегчение по поводу того,- что, мол, теперь сможет отдохнуть. Когда же он представил на подпись Франко принесенные с собой бумаги, тот холодно заметил: «Я предпочел бы, чтобы их представил мне новый министр»[77]. Министром был назначен 66-летний генерал граф Франсиско Хордана. Политическую хунту возглавил Франко, тем самым взяв на себя контроль над Фалангой.

Хордана состоял в Военной директории генерала Примо де Риверы в 20-х годах и был министром иностранных дел Франко с января 1938-го по август 1939 года[78]. Лояльность к каудильо и монархические убеждения делали его вполне приемлемым для вооруженных сил. Генералам даже казалось, что дело, затеянное Варелой, не пошло прахом[79]. Франкистская пропаганда впоследствии объявила, что назначение Хорданы ознаменовало

сдвиг во внешней политике Франко и свидетельствовало о прозорливости каудильо. Однако в то время послушная пресса утверждала: «Замена отдельных лиц в правительстве не вызовет и не может вызвать ни малейших изменений во внутренней или внешней политике». Все изображалось так, будто речь идет всего-навсего о «смене караула». Произошли и другие важные перемены в кабинете: на место англофила Варелы пришел хорошо известный своей приверженностью Оси генерал Карлос Асенсио Кабанильяс, монархиста Галарсу заменил юрист из фалангистов — Блас Перес Гонсалес, до этого прокурор верховного суда. Это дало основания считать, что перемены в правительстве не производились в расчете на заграницу. Однако поспешность, с какой был смещен министр иностранных дел и назначен новый, убеждает в обратном.

Встретившись с Хорданой в четверг 3 сентября, Франко рассказал о кризисе и признался, что тот не был кандидатом номер один на пост министра иностранных дел, а первоначально его прочили на пост министра армии, который занимал Варела. Выбор пал на Хордану якобы после того, как выяснилось, что первый кандидат, неназванный адмирал, имеет связи с бывшим президентом Второй республики Алкала Саморой, а следующий кандидат, генерал Хуан Вигон, в учтивой форме отказался принять пост — из солидарности с Варелой[80]. Последнее позволяет заключить, что Хордана получил назначение отнюдь не из-за своего англофильства. Серрано Суньер несколько лет спустя, перечислил главные достоинства своего преемника: он был генералом, безоговорочно подчинялся строгой воинской дисциплине, никогда не посмел бы ни спорить с Франко, ни давать ему советы, ни затенять его[81].

Поскольку Хордана направился в Паласио-де-Санта-Крус, каудильо столкнулся с трудностями в поисках кандидата на пост министра армии. Вареле удалось убедить всех своих друзей генерал-лейтенантов не принимать этого поста. В его письме с просьбой об отставке сквозила уверенность, что они поддержат его. Франко пришлось снизойти до уровня генерал-майоров и наконец он нашел нового министра — генерала Карлоса Асенсио Кабанильяса. Преданный франкист, симпатизирующий фалангистам, герой африканской армии, наступавшей на Мадрид в 1936 году, Асенсио сначала тоже отказался от поста, чтобы не портить отношения с более высокими по рангу генералами. Но каудильо попросту приказал Асенсио принять назначение. При этом генералиссимус дал ему понять, что готов ценою жизни предотвратить любой выпад против себя. Он сказал Асенсио: «Я знаю, что когда-нибудь меня вынесут отсюда вперед ногами»[82].

Весьма острый кризис был разрешен, и Франко, бесспорно, вышел из него победителем. Когда Хуан Вигон позднее заметил, что такой исход неудовлетворителен, ибо дело реставрации монархии так и не сдвинулось с мертвой точки — к разочарованию его, Варелы и других высших генералов, — каудильо возразил: «Я думал, ты будешь очень рад уходу Серрано»[83]. Армия стала сильнее, получив ощутимые преимущества по сравнению с Фалангой, хотя последние шаги по выходу из кризиса, особенно назначение Асенсио, свидетельствовали о поражении мятежных генералов, возглавляемых Варелой, Кинделаном и Арандой, в противоборстве с Франко. Однако падение куньядиссимуса так успокоило высших генералов, что вся военная оппозиция, кроме Кинделана, почти год бездействовала. Фаланга очутилась в руках прислужнцков франкистского режима, ицтересующих-ся прежде всего собственной карьерой. Теперь, когда Арресе заметно продвигался вперед, Фаланга стала, как никогда, профранкистской.

Любопытно сходство кризиса вокруг Бегоньи с тем, что разразился в мае 1941 года. Во время тех событий Франко приобрел проницательного, но совершенно лояльного и рабски преданного слугу — Карреро Бланко. В соответствии с этим на пост министра внутренних дел был назначен бесцветный 44-летний адвокат Блас Перес Гонсалес. Ему, майору военной юстиции и протеже Лоренсо Мартинеса Фусета, предстояло стать одним из самых беспрекословно преданных слуг Франко[84]. Два кризиса выявили незаурядный и постепенно крепнущий талант каудильо в манипулировании элитами, входившими во франкистскую коалицию. Возможно, важнее всего в этой связи то, что инцидент в Бегонье открыл Франко глаза на армию, как во время майского кризиса 1941 года на Фалангу. Он с удовлетворением понял, что почтительная сдержанность, если не сказать трусость, большинства генералов-ан-тифалангистов будет всегда препятствовать серьезным попыткам сбросить его. После Бегоньи каудильо вступил в возраст политической зрелости. Больше он никогда уже не будет зависеть от одного человека так, как до сих пор от Серрано Суньера. Теперь Франко осознал, что его большой политический талант, с которым он связывал и свое выживание, — это умение поддерживать баланс сил внутри националистской коалиции. И в этом каудильо преуспеет.

Ни немцы, ни итальянцы не выразили особого сожаления по поводу ухода Серрано Суньера, и не в последнюю очередь потому, что он казался им все более и более «трудным». «Таймс» мудро прокомментировала: «Считать смещение сеньора Серрано

Суньера отходом Испании от стран Оси — соблазнительная, но едва ли оправданная игра воображения». У Берлина и Рима не было особых причин для тревоги, поскольку основное русло испанской политики осталось неизменным. Более того, немцы были довольны удалением Варелы, представлявшегося им опасным англофилом. Не менее того их удовлетворила победа Арресе над Серрано Суньером[85]. Однако падение куньядиссимуса и взлет приверженца Оси Асенсио — на фоне не столь стремительных, как ранее, успехов немцев в России — пошатнули надежду Гитлера использовать Муньоса Грандеса и навязать Мадриду более прогерманскую политику[86]. Усиливался и скептицизм Гитлера по поводу планов Муньоса Грандеса свергнуть Франко. Теперь, когда испанская армия была вновь под пятой у каудильо, Гитлер видел в этих планах лишь «фантазии». Ловкость, с которой Франко преодолел кризис вокруг событий в Бегонье, впечатлила фюрера. Риббентроп, Геринг и Гиммлер радовались, полагая, что падение Серрано Суньера «положит конец игре, при которой он выдает себя за друга немцев, а сам мешает присоединению Испании к коалиции стран Оси»[87]. Два дня спустя после снятия Серрано Гитлер одобрительно заметил: «В целом испанская пресса — лучшая в мире»[88]. Снова начались разговоры о назначении куньядиссимуса послом в Рим. Однако по разным причинам ни Хордана, ни Франко не хотели давать ему ни единого шанса. Чано утверждал, будто доволен тем, что выбор Франко пал на Раймундо Фернандеса Куэсту[89]. Серрано Суньер, по существу, исчез с политической арены, начав успешную адвокатскую карьеру[166]. Отношения между двумя семьями стали прохладно-вежливыми, а донья Кармен перенесла свое расположение на подругу Ситы Поло — Пуру Уэтор (Huetor)[90].

После ухода куньядиссимуса испанская политика стала меняться, хотя многочисленные публичные заявления утверждали обратное. Девятого сентября Хордана сказал в беседе с послом вишистской Франции, что настоящий вершитель внешней политики — Франко, а он — не более чем «послушный исполнитель»[91]. Тем не менее расположение Хорданы к Союзникам постепенно возымело эффект, несмотря на упорство генералиссимуса, все еше надеющегося на военный успех стран Оси. Подконтрольная испанская пресса утверждала, что преемственность внешней политики не будет нарушена[92]. Эту же мысль выразил Франко в заискивающем послании, направленном Муссолини 18 сентября 1942 года: «Изменения, произведенные в испанском правительстве, ни в какой мере не затрагивают наши позиции по международным делам, а призваны лишь укрепить нашу внутреннюю политику»[93]. Ничто в тот момент не побуждало

каудильо писать в столь услужливом тоне. Скорее напротив. Обсуждение выбора направления внешней политики на четырехдневном заседании кабинета, проходившем 17-го, 18-го, 19-го и 21 сентября, превратилось в настоящую битву. Заключительное сообщение выявило конфликт между Хорда-ной и Арресе[94]. В этом сообщении испанская внешняя политика увязывалась с «императивами нового европейского порядка», однако Португалия и Латинская Америка упоминались в благожелательном духе, что отражало желание Хорданы навести мосты с Британией и Америкой. В свете масштаба приготовлений к операции «Факел», которые проходили в Гибралтаре, это .свидетельствовало о здравом смысле. Однако большая часть сообщения наводила на мысль о том, что ближайшее окружение Франко весьма привержено странам Оси[95].

На заседаниях кабинета каудильо обычно сидел как молчаливый арбитр, держа свою точку зрения при себе и позволяя другим возможность занять определенную позицию. Перетряска правительства из-за Бегоньи накануне операции «Факел» оказалась явно на руку Союзникам, даже если Франко и не желал этого. В июне, находясь в Италии, Серрано Суньер сказал Чано, что, несмотря на неподготовленность Испании к войне, она наверняка «вынет меч из ножен» в случае высадки Союзников в Северной Африке[96]. Миниатюрный[167] Хордана пользовался хорошей репутацией благодаря своей обходительности, прямоте, честности и разумной осторожности. Он внес элемент здравомыслия в испанскую внешнюю политику, чего ей явно недоставало в течение предыдущих трех лет. Его пресс-служба говорила об испанской военной мощи так, как положено тем, кто намерен обороняться от вторжения, а не языком имперских завоевателей. Лиссабон был весьма доволен его назначением[97]. Хейес быстро разглядел в определенных действиях Хорданы сдвиги к лучшему в отношении к Союзникам. Назначение Хосе Пана де Соралусе (Soraluce) заместителем министра иностранных дел широко комментировалось как про-союзнический жест[98]. Вместе с тем в Берлине назначение Хорданы не считали антигерманским шагом.

Удовлетворенный разрешением кризиса из-за Бегоньи, Гитлер все же был по-прежнему недоволен каудильо. С середины 1942 года было запрещено произносить имя Франко в его присутствии. Тридцать первого мая 1942 года каудильо присвоил все генеральские регалии святому Фуэнсисле (San Fuencisla), покровителю Сеговии — в ознаменование чудесного спасения города, который оборонял генерал Варела[99]. Фюрер прокомментировал это так: «У меня самые серьезные сомнения по

поводу того, что из подобной бессмыслицы выйдет что-нибудь путное. С откровенным скептицизмом наблюдая за событиями в Испании, я уже решил, что при случае могу посетить любую страну Европы, но только не эту»[100]. Выразив сожаления в связи с тем, что Германия поддерживала Франко во время Гражданской войны, Гитлер заметил: «Настоящая трагедия для Испании — смерть генерала Молы». Летом 1942 года он сказал о Франко: «Очевидно, он не может преодолеть влияния Серрано Суньера, хотя тот олицетворяет собою проповедника от политики и дерзко играет в бесчестную игру с державами Оси». Гитлер был удовлетворен падением Серрано, а это опровергает последующие утверждения о том, что, сместив куньядиссимуса, Франко хотел дистанцироваться от Третьего рейха[101].

Восхищение же каудильо Гитлером оставалось неколебимым. 30 сентября 1942 года, излагая удивительно наивный вариант своей теории двух войн, каудильо уверял Майрона Тэйлора, личного представителя президента Рузвельта в Ватикане, что Гитлер — достойный уважения и благородный человек, который не ссорился с Великобританией и вовсе не замышлял нанести ущерб ее независимости[102]. Однако в октябре, когда приготовления Союзников к операции «Факел» показали, что Британии далеко до поражения, Франко стал вести себя осмотрительнее. Позднее это интерпретировали как предвидение будущей победы Союзников, хотя здесь сказалась лишь оправданная моментом осторожность. Концентрация сил на границе едва ли располагала к тому, чтобы скрестить мечи с Союзниками, особенно после провала попытки Роммеля завоевать Египет. Однако те, кто разработал операцию «Факел», отнюдь не сбрасывали со счетов возможный ущерб, который могли повлечь за собой военные действия со стороны Испании либо ее потворство нападению немцев на Гибралтар. Эти опасения побудили в середине сентября руководство британского МИДа поручить британскому и американскому послам заверить Франко, что операция не угрожает никакой из испанских территорий. Генералу Эйзенхауэру это не понравилось, и он сказал своему помощнику, что, хотя военная необходимость и может потребовать таких контактов с Франко, ему не по душе деспотизм каудильо и его контакты с Гитлером и Муссолини[103].

Не подлежит сомнению, что сложившееся в ноябре 1942 года отношение Испании к операции «Факел» определило позицию этой страны к войне вплоть до самого ее конца. Тысячи солдат союзников и тонны боевой техники и снаряжения направлялись в Гибралтар накануне операции и проходили под дулами испанских орудий, расположенных по обоим берегам пролива.

После 1945 года пропагандистская машина сильно скорректировала версию о роли Франко в войне, изобразив дело так, будто каудильо сопротивлялся германским уговорам перерезать коммуникации Союзников и нанести тем самым удар по операции «Факел». Почитатели Франко видели в этом доказательство его добрых намерений по отношению к Союзникам[104]. На самом же деле ни сам Франко, ни его министры не имели ни малейшего представления о характере предстоящей операции Союзников, зная лишь о том, что она пройдет где-то в Северной Африке[105]. Давление же на Франко немцев, желающих помешать операции Союзников, странным образом замалчивалось. Однако неудивительно, что в октябре 1944 года Черчилль, отвергнув предложение Франко присоединиться к послевоенному антикоммунистическому альянсу, тем не менее отметил «в высшей степени важные услуги», которые Франко оказал делу Союзников, «не вступив в войну в 1940 году или не вмешавшись в нее, когда немцам понадобились аэродромы и Алхесирасский залив в месяцы, предшествовавшие «Факелу». И это (далеко не бескорыстное) свидетельство Черчилля использовала франкистская пропаганда, дабы подкрепить часто повторяющиеся утверждения о том, что проницательный Франко предвидел исход войны и, прикрываясь прогерманской фразеологией, сорвал вторжение Гитлера в Испанию с целью захвата Гибралтара.

Однако осторожность каудильо была обусловлена не столько особой проницательностью, сколько его информированностью о том, что Союзники способны наносить удары возмездия. Более всего Франко беспокоило, не проходят ли в тот момент приготовления и к нападению на Канарские острова. Кое-кто в его министерстве иностранных дел, например генеральный директор по вопросам внешней политики Хосе Мариа Дуссинаге (Doussinague), приветствовали «Факел», считая, что эта операция позволит Испании еще теснее сблизиться с Осью. По их мнению, пришел срок получить от Германии продовольствие и оружие в обмен на оборону Канарских островов, а также за то, что немцам предоставлена возможность беспрепятственного транзита через Испанию в Северную Африку. Однако в это время в американской прессе появились призывы к разрыву дипломатических отношений с Испанией. Франко и Хордану весьма тревожило, как бы Союзники не напали на испанскую территорию. Так, 26 октября 1942 года появилось лживое сообщение о том, что германским подводным лодкам вновь отказано в портовых услугах[106]. Но Франко и Хордану несколько успокоили реляции посла в Лондоне герцога Альбы — позднее подтвержденные

заверениями британского и американского послов — по поводу того, что Союзники не затевают никаких враждебных акций против Испании. Хейес своевременно получил указания «дать самые надежные заверения, что Соединенные Штаты не предпримут никаких действий, хоть в малой мере затрагивающих Испанию или испанские территории». Хор дал особые заверения Хордане и Франко во второй половине октября, Хейес — 3 ноября[107].

Усилия дипломатов Союзников в Испании имели решающее значение. Прежде чем уверить Франко в благорасположении Союзников, сэр Сэмюэл Хор постарался убедить его, что тот зависит от британских и американских экономических источников. Во время беседы с каудильо 19 октября 1942 года ему показалось, что Франко «проявляет больше здравомыслия, нежели обычно». Хор заверил собеседника, что никакого вмешательства Британии во внутренние дела Испании не произойдет ни во время войны, ни после нее, и нет и речи о британской оккупации материковой Испании или ее заморских территорий. Сообщив каудильо, что Британия не оказывает никакой поддержки его республиканским противникам, Хор напомнил, как легко получала Испания британские сертификаты на ввоз пшеницы. Дабы не вводить Франко в заблуждение своим миролюбием, посол зачитал ему перечень действий против Союзников, осуществляемых с территории Испании при попустительстве властей, особенно напирая на то, что германские подводные лодки пополняют в Виго свои запасы. После этого Хор поинтересовался целями пяти визитов адмирала Канариса за последние шесть месяцев. Каудильо ответил, что не видит причин, почему бы Испании, державшейся в стороне от войны в течение трех лет, не продолжать в том же духе и до конца войны. Инциденты с подводными лодками он объяснил «недосмотром либо коррупцией». Услышав вопрос о Канарисе, каудильо лишь рассмеялся. В этой связи Хор отметил: «Франко во время всей беседы держался со мной более дружественно и общительно, чем когда-либо раньше». Тем не менее для британского МИДа не прошло незамеченным, что Франко «старался не связывать себя обещаниями удовлетворить наши претензии. Вероятно, у него нет уверенности, что Германия в конце концов не выиграет войну, и, пока он не обретет этой уверенности, нельзя ожидать особых перемен в нынешней политике Франко»[108].

Германское посольство в это время обратилось к Хордане с предложением: пусть Испания проинформирует Лондон и Вашингтон о том, что союзническая высадка во Французском Марокко будет расценена ею как casus belli[168]. Двадцать седьмого

октября Шторер заявил, что теперь Испании самое время захватить Французское Марокко. Дуссинаге и других экстремистов в МИДе соблазняла мысль о том, чтобы Испания, к выгоде Роммеля, помешала наступлению Союзников в Северной Африке[109]. Однако ни Франко, ни Хордана не поддались на искушение. Скорее всего, по их мнению, предложение Шторера означало, что Германия не в состоянии предпринять самостоятельно серьезные шаги. На напряженном заседании кабинета министров 4 ноября обсуждался вопрос о международной обстановке, и заверения Союзников возымели решающее значение[110]. В разгар заседания Халл телеграфировал Хейесу: Рузвельт просит его пойти дальше заверений, сделанных днем раньше на встрече с Франко, и сообщить, что американская экономическая помощь возрастет, «если Испания будет держаться вне конфликта и не допустит использования своей территории державами Оси»[111].

Беспокойство Рузвельта вызвала информация, полученная в начале ноября 1942 года американским военным атташе от испанского армейского офицера и свидетельствовавшая о том, что Гитлер обратился к Франко с просьбой разрешить германским войскам проследовать через Испанию в случае военной операции Союзников на северо-востоке Африки[115]. Но информация не подтвердилась. Видимо, германское давление не выходило за рамки предложения Шторера от 27 октября. Серрано Суньер в октябре 1945 года утверждал, что никакого давления не было вообще[113]. Тем не менее Рузвельт поручил Хейесу передать Франко, что Соединенные Штаты поддержат его, если он окажет сопротивление агрессии со стороны Оси. Хейес сообщил об этих словах президента Хор-дане утром в пятницу 6 ноября, добавив при этом, что Испания должна твердо заявить о готовности защищать свой нейтралитет от давления с обеих сторон, продемонстрировав тем самым намерение не вступать в войну. То, что испанская армия была развернута для оказания сопротивления на южном направлении, а не на северном, наводило Хейеса на мысль о враждебном отношении Испании к Союзникам. Продолжавшаяся кампания поддержки Оси заставила Хейеса написать об испанской прессе как об «орудии Оси в политической войне». Однако не было причин сомневаться в заверениях обычно правдивого Хорданы в том, что Германия не запрашивала у Франко разрешения на следование войск через испанскую территорию.

И все же за откровенными попытками Хорданы услужить странам Оси, блефуя с Союзниками, ощущалась рука Франко. Хордана дал ясно понять Хейесу, как за день до этого и Хору, что,

если Союзники вторгнутся во Французскую Северную Африку, Испании придется вступить в войну на стороне Германии. Именно об этом Шторер просил Франко за неделю до этого. Хейес в ответ на угрозу Хорданы сказал, что, если немцам позволят пройти по испанской территории, неминуемо последует вторжение Союзников на полуостров. Эта угроза прозвучала более открыто, чем того хотели англичане. Хейес писал в этой связи: «Во время предыдущей беседы со мной министр выразил благодарность за данные мною от имени Правительства заверения. После этого Хордана провел весь вторник [3 ноября] с генералом Франко, и я полагаю, что сегодня он выражал его позицию»[114].

В воскресенье 8 ноября 1942 года началась операция «Факел». И Хейес, и Хор встретились утром с Хорданой и заверили его, что испанские интересы будут полностью соблюдены. Хейес посеял панику в испанских официальных кругах, попросив о встрече с Хорданой в 2 часа ночи и настаивая на том, чтобы министр иностранных дел устроил ему немедленную аудиенцию у Франко. Глубоко встревоженный Хордана принял Хейеса и Бьюлака в халате и пижаме, ожидая услышать о вступлении Союзников на испанскую территорию. Хейесу было сказано, что Франко, как это часто случалось, сейчас на охоте. Предполагалось, что Хордана сказал так, желая выиграть время, хотя Франко в тот момент обсуждал со своими военными сложившуюся ситуацию, а затем до зари молился[115]. Вполне возможно, что если каудильо ожидал от Союзников объявления войны, он тоже решил выиграть время, велев изложить версию об охоте. Из соображений безопасности Хейес не развеял страхов Хорданы и не раскрыл причины своего требования встретиться с каудильо. Наконец спустя час после начала высадки он прекратил муки Хорданы, сообщив ему содержание письма Рузвельта. Выдержанное в дружеском и спокойном тоне, оно заканчивалось словами: «У Испании нет причин опасаться США». Только в 9 часов утра Хейесу позволили встретиться с Франко. Каудильо казался спокойным, принял посла тепло и выразил удовлетворение гарантиями Союзников. Получив заверения Франко в нейтралитете, военные руководители Союзников вздохнули с облегчением. Официально каудильо ответил Рузвельту 10 ноября. Он выразил «намерение избегать всего, что способно хоть в каких-то аспектах нарушить отношения» между двумя странами». Послание Рузвельта было опубликовано в испанской прессе вместе с благожелательным ответом Франко[116].

Министр армии Асенсио, приверженец Оси, а также два фалангисгских министра, Хирон и Арресе, считали, что настал идеальный момент для вступления Испании в войну на стороне

Германии. В правительстве происходили ожесточенные схватки между ними с одной стороны и Хорданой, Вигоном и Морено с другой[117]. Франко наблюдал за дискуссией, затянувшейся на несколько дней, как молчаливый арбитр. Между тем 11 ноября 1942 года, всего через три дня после высадки Союзников, у Франко состоялась одна обеспокоившая его встреча. Визитер, самый старший по возрасту генерал из находившихся на действительной службе, командующий Барселонским военным округом генерал Кинделан, приехал в Мадрид, чтобы обсудить с высшим командованием и лично с каудильо значимость высадки Союзных войск. Кинделан в недвусмысленных выражениях заявил Франко, что если тот намерен официально втянуть Испанию в Ось, то ему придется уйти с поста главы государства. В любом случае он посоветовал каудильо объявить Испанию монархией, а на себя взять обязанности регента. Каудильо стиснул зубы, но ответил миролюбиво, хотя и лукаво. Франко отрицал, что у него есть обязательства перед Осью, и утверждал, будто вовсе не хочет дольше необходимого оставаться на своем посту, кажущемся ему с каждым днем все менее желанным. При этом каудильо сообщил, что желал бы видеть дона Хуана своим преемником на посту главы государства.

Кинделан настойчиво убеждал Франко, что Испания должна оставаться нейтральной, ибо экономическое и промышленное превосходство Союзников гарантирует их будущую победу. Он также сказал, что совмещение Франко двух постов — командующего армии и главы партии, тем более такой, как Фаланга, покрывшая себя позором, — противоречит интересам армии. Поскольку Кинделан утверждал, что говорит от имени генералов Хорданы, Давилы, Аранды, Оргаса, Хуана Вигона и Варелы, с которыми виделся в ходе поездки, каудильо сделал вид, будто полностью согласен со всем сказанным. Однако Кинделан все больше истощал его терпение. По возвращении в Барселону Кинделан собрал у себя дома генералов и других высших офицеров Каталонского военного округа и сказал им, что «государственный корабль дрейфует, совершенно неуправляемый», а фалангисгское чиновничество некомпетентно и коррумпировано. Заявив, что от нынешнего режима нечего ждать перемен, он призвал к радикальной смене лиц, методов управления и самого режима. Франко, раздраженный критикой Кинделана и его словами, будто действия каудильо должны быть согласованы с генералами, голосовавшими за него в сентябре 1936 года, выждал из предосторожности три месяца и тогда уже заменил Кинделана[169] на посту командующего Каталонским военным округом фалангистом Москардо[118].

Неудивительно, что укрепление позиций монархистов в армии после высадки Союзников в Северной Африке вынудило каудильо в подходящий момент реабилитировать Ягуэ, назначенного 12 ноября 1942 года командующим испанскими войсками в Мелилье[119]. Однако Ягуэ, хотя операция «Факел*» прошла успешно, был по-прежнему убежден в грядущей победе Оси[120]. Его назначение было весьма умным шагом. Франко знал, что немцы обхаживают Ягуэ, надеясь, что он либо заменит его самого, либо поддержит претензии Муньоса Грандеса. Видя успехи Союзников, Ягуэ, приверженец Оси, едва ли рискнул бы вступить в заговор против каудильо. К тому же он, идеалист и по-настоящему лояльный человек, не пошел бы на поводу у немцев[121]. Особенно важно то, что в Мелилье Ягуэ должен был стать противовесом Оргасу, просоюзнически настроенному монархисту, верховному комиссару и другу Кинделана. Франко надеялся что таким образом два потенциальных противника нейтрализуют друг друга.

К тому моменту, когда Асенсио, Хирон и Арресе внесли в повестку дня кабинета предложение, чтобы Испания в ближайшее время объявила о вступлении в войну на стороне Оси, Союзники достигли такого впечатляющего успеха, который исключал враждебные акции Мадрида. Одиннадцатого ноября германские войска оккупировали Виши, опасаясь, что события в Северной Африке приведут к переориентации французов или станут прелюдией к высадке Союзников на средиземноморском побережье Франции. На следующий день Франко объявил всеобщую мобилизацию, чтобы обеспечить защиту испанских границ от вторжения любой воюющей стороны. После того как американские спецслужбы проанализировали обмен телеграммами между Мадридом и испанским посольством в Вашингтоне, Хейес истолковал этот шаг как благоприятный для Союзников[122]. В середине ноября в дипломатических кругах распростанились неподтвержденные слухи, будто Гитлер потребовал от Франко предоставить его войскам возможность свободно проследовать через испанскую территорию[123]. Хордана уверил Хейеса, что Испания запросила у немцев гарантий неприкосновенности своей территории. Хотя Хейесу делали намеки по поводу германских просьб о свободном следовании немецких войск через Испанию, письмо Хорданы Альбе, датированное концом ноября, свидетельствует, что ничего подобного в действительности не было. Берлин дал устные гарантии не вторгаться в Испанию и недвусмысленно заявил, что Третий рейх не собирается направлять войска через испанскую территорию. Подтверждается это тем, что в Южной Франции

были развернуты лишь незначительные силы немцев[124]. Хордана неукоснительно придерживался точки зрения, что мобилизация в Испании не означает перехода с позиции невоюющей страны к строгому нейтралитету. В посланиях испанского правительства Вашингтону утверждалось противоположное[125].

Франко раздувал вымышленные угрозы от стран Оси, чтобы втереться в доверие к Союзникам[126]. Ему едва ли нравилось, что англо-американские силы вторглись именно на те французские территории Марокко и Алжира, на которые он сам имел виды. Но даже крайне раздосадованный, он старался не подавать виду. При этом каудильо еще не потерял веру в конечную победу Оси[127]. Его позиция вырисовывается в письме, полученном в середине ноября от Хорданы новым испанским послом в Берлине Хинесом (Ginęs) Видалом. Хордана постоянно искал одобрения Франко, обращаясь к нему даже с самыми незначительными вопросами[128]. Рука хозяина явно сказывается в инструкции Хорданы послу Видалу с предписанием изыскивать возможности для «Испании (единственной в мире нации, открыто и искренне проявляющей дружбу к Третьему рейху)» получать военные материалы, свободные от обложений, для оказания сопротивления Союзникам и прикрытия флангов Германии[129]. Притом что Франко принял и официальные гарантии Рузвельта, двуличие этого указания, направленного в Берлин, очевидно.

Лживость заявлений Франко о дружбе обнаружилась менее чем через неделю. Четырнадцатого ноября Шторер запросил разрешение, чтобы германские самолеты использовали Балеарские острова как базу, с которой они могли бы проводить операции по спасению своих летчиков, сбитых над Средиземным морем. Когда Хордана 19 ноября на регулярно происходящей по четвергам встрече с Франко поднял этот вопрос, каудильо сказал, что откажет немцам, поскольку удовлетворение их просьбы спровоцировало бы враждебные акции Союзников[130]. Отказ, возможно, был, частью стратегии Франко, призванной убедить немцев в необходимости предоставить ему военную помощь для выступления против Союзников. 24 ноября 1942 года испанский министр иностранных дел составил документ под названием «Основы политических переговоров с Германией». Из него явствует, что каудильо хотел получить германское оружие без предварительных условий, бесплатно и без надзора со стороны германских специалистов[131]. Это было проявлением типичной для него инициативы — неясной, двусмысленной, открывающей простор для любых действий. В сущности, это не что иное, как явная просьба о том, чтобы Ось помогла своему союзнику укрепить позиции в тот момент, когда у его границ

концентрируются все большие силы противоборствующей стороны. При всех своих симпатиях к Третьему рейху Франко пытался использовать трудности стран Оси — так же как он преувеличивал угрозы Германии, чтобы добиться поблажек от Союзников.

Пустив в ход всю свою врожденную хитрость, чтобы противостоять и Союзникам, и Оси, Франко решил действовать по возможности независимо. На заседании кабинета 23 ноября он дал указания Хордане добиться от американцев выполнения их обещаний об экономической помощи Испании. Хейес с оптимизмом встретил последовавший вскоре запрос об оказании помощи топливом и продовольствием, увидев в этом знак того, что «Хордана и Франко, вероятно, предвидят теперь грядущую победу Объединенных Наций, поэтому мы можем рассматривать их как потенциальных друзей, а не врагов»[132]. Хейес пришел к правильному выводу на основании ложных посылок. Настроения же Франко того периода выявились в дни празднования его 50-летия. Он заявил Арресе и делегации Фаланги: «На вашу веру и ваш фанатизм я отвечаю своими. Я верю в Испанию, потому что верю в Фалангу»[133]. В благодарственных посланиях Гитлеру, королю Виктору-Эммануилу III и Муссолини, поздравившим его, Франко пожелал побед их армиям «в славном деле освобождения Европы от большевистского террора»[134].

Через три дня, 7 декабря, в своем обращении к Национальному совету Фаланги каудильо подтвердил свою несокрушимую преданность Оси. Это была одна из самых показательных и важных его речей. Однако в том, что раньше казалось благодушием и близорукостью, угадывались слабые намеки на поиски формулы собственного выживания в случае поражения Оси. Туманно выражая свои политические симпатии, Франко предрекал, что человечеству предстоит пережить драматические моменты, после того как война подойдет к концу. Он все еще считал, что либеральные демократии обречены: «Либеральный мир распадется, становясь жертвой собственных ошибок, и с ним падет коммерческий империализм и финансовый капитализм с его миллионами безработных». Катаклизмы, которые каудильо предсказывал Британии и Америке, уже совершились, по его словам, после Первой мировой войны в Италии, где, однако, «гений Муссолини обозначил фашистское начало и конец всему, что было справедливого и гуманного в восстании итальянского народа». Сходные похвалы были найдены и для нацизма.

Каудильо гордо сравнивал свой режим с «юношеским сознанием» фашизма и нацизма, восстающим «против лицемерия

и неэффективности либеральных систем». Одержимый мегаломанией, он предрек, что либеральным демократиям — независимо от того, выиграют они в войне или проиграют, — придется столкнуться с революционным потоком, который им не удастся удержать в рамках буржуазной демократии, и тогда они обратятся к испанскому примеру. «Зная, что владеем истиной, ради которой работали шесть лет, мы спокойно наблюдаем за событиями». Как и большая часть его публичных заявлений, эта речь отличалась невнятностью. Однако за путаницей и противоречиями уже виделись зачатки будущей системы аргументации, утверждающей, будто франкизм — поистине оригинальный путь, отличающийся от фашизма. Каудильо заявил, что в случае маловероятной победы Союзников он станет их ценным партнером. Как обычно, оставляя за собой свободу выбора, Франко также задумывался об «основании» новой фалангисгской монархии вместо реставрации старой конституционной, если того потребуют его интересы[135]. После успешного проведения операции «Факел» Каудильо начал всерьез беспокоиться о собственной безопасности.

Глава 19 ГЕРОЙ ХАМЕЛЕОН

Январь 1943 года — январь 1944 года

Несмотря на неиссякаемую симпатию к Оси, теперь Франко старался поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами. В четверг 26 ноября 1942 года он сказал Хордане, что пора нанести визит Оливейре Салазару — в ответ на его визит в Севилью девятью месяцами раньше. Испанская делегация отбыла 18 декабря. Хордана был принят португальским президентом генералом Антониу Кармоной, а вслед за этим, 20 декабря 1942 года, подписал с Салазаром договор, известный под названием Иберийского блока. В обеих странах его стали превозносить как оплот будущего мира[1]. В Берлине к визиту отнеслись с неприязнью[2]. Франко решил скрывать до поры до времени свои имперские притязания на Португалию, и в то же время боялся вести себя неосторожно с Третьим рейхом. Когда он послал в Марокко приверженца Оси генерала Ягуэ, американцы выделили значительную часть войск на случай испанского вторжения во Французское Марокко[3].

Ягуэ был не единственным прогермански настроенным генералом в армии. Муньоса Грандеса, оставившего русский фронт, 13 декабря 1942 года снова принял Гитлер и наградил за командование Голубой дивизией Дубовыми Листьями к Рыцарскому Железному кресту — знаком отличия, являвшимся вожделенным для любого военного. Фюрер все еще рассчитывал использовать Муньоса, надеясь, что тот будет влиять на Франко. Человек аскетического склада, Муньос Грандес слишком многое повидал в нацистской Германии и поэтому критически относился к режиму Франко, игнорирующему социальную справедливость и имеющему плохую административную систему. Главная забота Гитлера состояла в том, чтобы Испания выступила против любого вторжения Союзников, и ради этого он предложил поставлять Испании германское оружие. Вопрос о германских угрозах Испании не поднимался[4]. Когда в феврале 1943 года Муньос Грандес вернулся в Испанию, каудильо повысил его в звании генерал-лейтенанта, вручил высшую награду Фаланги — «Пальма де Плата» — и назначил его администратором штаб-квартиры на место Москардо. Это был типичный для Франко хитрый ход. Высокий чин не позволял Муньосу Грандесу командовать лишь дивизией и предотвратил его возвращение в Германию, имевшую на него виды. Должность в Пардо вообще лишала Муньоса доступа к командованию войсками. Франко держал его при себе и

вел себя с ним на публике как с приближенным. Сам Муньос Грандес бьш доволен, что состоит при каудильо и имеет возможность склонять его к безоглядной поддержке Германии[5].

Посол Хейес считал, что у каудильо добрые намерения, но это мнение не разделяли в министерстве обороны США, где знали о военных приготовлениях Франко против Союзников. В сообщениях разведки отмечалось, что на границе с Францией нет испанских войск, кроме обычных пограничников. И напротив, войска в Марокко получили значительное подкрепление, а настроенных просоюзнически офицеров заменили другими, питающими симпатии к Оси. Ягуэ бьш самым известным из них[6]. Гитлер, возможно, приветствовал бы испанское содействие на данном этапе войны, но он не мог в тот момент оплатить его. Во всяком случае, из-за увертливости, проявленной Испанией в течение предыдущего месяца, его вера во Франко угасала все более и более. И все же в начале декабря, вручая свои верительные грамоты, новый испанский посол Хинес Видал подал вместе с ними и новую просьбу о помощи. Фюрер попросил представить список всего необходимого Испании и без особой уверенности обещал сделать максимум возможного, чтобы удовлетворить просьбу[7].

Делая предложения Германии, каудильо считал, что та должна теперь поставить Испании продовольствие и вооружения. В этом проявлялось низкое лукавство, крайняя жадность и подспудное желание не замечать того, что характер войны изменился далеко не в пользу Оси. До тех пор Франко не проявлял особого неудовольствия по поводу огромного текущего дисбаланса платежей между испанским экспортом в Третий рейх (преимущественно продовольствия) и поставками германских товаров в Испанию[8]. Испания еще не расплатилась за долги по Гражданской войне, но в 1943 году германский импорт из Испании более чем вдвое превышал экспорт Германии в Испанию — 167 миллионов марок против 82 миллионов. В июле 1942 года Франко говорил Штореру, что с пониманием относится к этому дисбалансу, вызванному участием Германии в войне. Несколько недель спустя было достигнуто соглашение об увеличении оборота испано-германской торговли в 1943 году — увеличении до 388 миллионов марок экспорта испанского продовольствия и сырья и до 230 миллионов импорта промышленных товаров и продукции машиностроения из Германии; доля вооружений в импорте должна была составить 130 миллионов марок. После англо-американской высадки в Северной Африке Испании срочно понадобилось дополнительное германское оружие. Асенсио, министр армии, указал Штореру на необходимость поднять

испанский военный потенциал в связи с усилением присутствия войск Союзников и угрозами с их стороны Испанскому Марокко. Генерал Оргас сделал такое же заявление германскому консулу в Танжере[10].

Гитлер, весьма заинтригованный посланиями, получаемыми через Хинеса Видала и Муньоса Грандеса, направил в Мадрид Канариса с поручением разобраться во всем на месте[11]. Двадцать девятого декабря 1942 года Хордана принял главу абвера и заверил его, что приказ от 12 ноября о мобилизации в Испании вызван высадкой Союзников в Северной Африке. Франко, почти не скрывая желания поводить за нос обе стороны, заявил Канарису, что, если Германия не поможет Испании, та будет искать помощи где-нибудь еще[12]. Горячими приверженцами участия Испании в войне на стороне Оси по-прежнему проявляли себя Асенсио, Ягуэ и Муньос Грандес. На предновогоднем обеде с их участием Франко предался своим старым фантазиям и был, казалось, во всем согласен с генералами[13]. Новое изменение его политического курса обозначилось неделю спустя. Расшаркиваясь перед Берлином через Видала, каудильо вместе с тем заботился о том, чтобы его отношения с Союзниками стали более теплыми. Шестого января 1943 года на ежегодном крещенском банкете с участием представителей дипкор-пуса он проявлял особое расположение к сэру Сэмюэлу Хору. Отведя его в сторону, Франко начал излагать ему свою теорию «двух войн» и сказал о необходимости секретного заключения мира между Осью и Союзниками[14].

Франко собирался направить военную делегацию в Берлин для обсуждения вопроса о поставках германского оружия, необходимого для вступления Испании в войну на стороне Оси, и германофил Арресе выразил готовность отвезти послание каудильо Гитлеру. Обхаживая Хора, Франко стремился достичь двух целей — скрыть свои планы и оградить себя от неприятностей, которые угрожали ему со стороны Союзников из-за связей с Осью.

В 1943 году международная ситуация кардинально переменилась. Сказалось не только то, что «Факел» изменил стратегический баланс сил. Ушли со сцены и многие из тех, с кем Франко приходилось иметь дело. Серрано Суньер был смещен. Двадцать седьмого декабря 1942 года из Мадрида был отозван Шторер. Это произошло отчасти из-за того, что ему не удалось узнать о предстоящей высадке Союзников; к тому же Риббентроп считал его недостаточно активным сторонником дела нацизма[15]. В известной мере этому способствовал Хор, распустивший слух, будто имел тайные контакты со Шторером, который жил по

соседству с ним, и выразил удовольствие по поводу антинацистских настроений немецкого посла. В Мадриде шутили, что, когда Хор возвратится в Лондон, место британского посла займет Шторер[16].

Шторера сменил отпрыск знаменитого прусского семейства генерал Ханс Адольф фон Мольтке, прибывший в Мадрид 11 января 1943 года. Как и его предшественники, он был дипломатом старой школы, но настроенным куда более пронацистски. Мольтке имел репутацию вызывающе самонадеянного человека и перед Второй мировой войной занимал должность германского посла в Польше. После этого он занимался разбором и классификацией захваченных польских архивов. В мадридских дипломатических кругах его назначение считали концом миротворческой политики, проводившейся Шторером[17]. В отличие от него, Мольтке не говорил по-испански и не особенно разбирался во внутриполитической обстановке в Испании. Так что в период кратковременного пребывания на этом посту[170] ему пришлось полагаться на пресс-атташе посольства нациста Ханса Лацара. В конце января 1943 года неосведомленность Мольтке в ситуации едва не привела к серьезным осложнениям в германо-испанских отношениях: он позволил нацистским провокаторам из числа сотрудников собственного посольства убедить себя, что Франко улетел в Лиссабон на встречу с Черчиллем, чтобы обсудить вопрос о вступлении Испании в войну на стороне Союзников[18].

Если не считать этой оплошности, Мольтке внес значительный вклад в развитие испано-германских отношений, заключив секретный протокол между германским и испанским правительствами, который был подписан в Мадриде 10 февраля 1943 года. Этому предшествовали составление" испанцами в ноябре 1942 года документа с изложением основных требований Мадрида по оказанию Германией военной помощи и проведенные позже беседы Видала и Муньоса Грандеса с Гитлером. Тринадцатого января 1943 года, через два дня после прибытия в Мадрид, Мольтке встретился с Хорданой и попросил дать гарантии, что всякое оружие, поставленное Германией, будет использовано против врагов рейха. Посол получил необходимые заверения, но, почувствовав смущение Хорданы, когда речь зашла о поставке вооружений, сделал вывод, что это инициатива самого каудильо[19].

Мольтке укрепился в своем подозрении, вручая 24 января свои верительные грамоты. Посла удивила сердечность приема, оказанного ему Франко. Тот беседовал с ним целый час вместо пятнадцати минут, положенных по протоколу. Каудильо без

экивоков заявил, что Германия — друг Испании, а Британия, Америка и большевики — ее враги. Он поклялся, что в пределах возможного «готов поддержать Германию в борьбе, возложенной на нее судьбой»[171]. Пространно изложив свою теорию «двух войн», Франко дал понять, что может оказать рейху услугу — «углубить противоречия между Англией и Советским Союзом»[20].

Пятью днями позже Мольтке сообщил каудильо об условиях, на которых Германия согласна дать Испании запрошенное ею оружие. Кое-кого в испанском правительстве, например Дуссинаге, весьма взволновала мысль о миллионе испанцев, вооруженных германским оружием и воюющих на стороне Третьего рейха. Однако несмотря на слезные заявления Франко о том, что Испания не готова отразить вражеское нападение, в следующем месяце, кроме восьми самолетов, поступило мало техники[21]. Секретный протокол[172], датированный 10 февраля, был подписан 12 февраля 1943 года[22]. Так и не реализованный, он означал, что Франко безответственно отказывается от свободы действий Испании[23]. Хитрый каудильо делал ставку на то, что, получив до операции «Факел» заверения в добрых намерениях от Рузвельта и Черчилля, он сумеет, не очень рискуя, урвать кое-что у Гитлера.

Тем временем действующие лица менялись с головокружительной быстротой. Пятого февраля 1943 года Муссолини снял Чано и взял контроль над министерством иностранных дел в свои руки, действуя через замминистра Джузеппе Бастианйни. В середине января в Риме скончался Леквио, итальянский посол в Мадриде. Сменивший его барон Джакомо Паулуччи ди Калболи вручил 20 апреля свои верительные грамоты[24]. Надеясь обеспечить гарантированный отпор Франко в случае возможной высадки Союзников в Испании, Муссолини через Паулуччи предложил каудильо встретиться с ним. Франко принял Паулуччи весьма сердечно, но, усмотрев в предложении о встрече с Муссолини лишь личную инициативу нового посла, не поддержал ее, ограничившись пожеланиями победы странам Оси, и упомянул о трудностях, которые он испытывает из-за активности своих противников из монархического лагеря и давления Союзников[25].

Февральский протокол — лишь одно из свидетельств того, что вера Франко в дело Оси померкла, но еще была жива. Вскоре после подписания протокола Хордана сообщил американцам заведомую ложь: «Франко сказал немцам, что не только окажет сопротивление агрессии с любой стороны, но что Испания не станет даже обсуждать возможность военных уступок в пользу Оси»[26]. Обращение каудильо к стране по случаю Нового, 1943

года было крайне прогитлеровским. Информация, которую он получал от горячих приверженцев Оси — министра армии генерала Асенсио и министра ВВС генерала Вигона, а также от военных атташе в Берлине — была головокружительно оптимистичной. Самый же информированный и реалистически мыслящий из всех атташе — подполковник Рока де Тогорес — вызвал неудовольствие Асенсио, и его отозвали под формальным предлогом, что он слишком долго просидел в Берлине[27]. Фалангисгская пресса продолжала восторженно поддерживать Третий рейх, обвиняя Рузвельта «в провоцировании Второй мировой войны»[28]. После разгрома немцев под Сталинградом послышались требования к Союзникам, чтобы они, пока не поздно, пересмотрели свои ошибки. Потом пресса объявила, что это лишь небольшая передышка на пути к неизбежной германской победе[29]. Публикации, инициированные странами Оси, составляли основную массу чтива, доступного испанской общественности, да и кинохроника главным образом шла из тех же стран. Перед Хейесом наконец встал вопрос, совместима ли свобода, предоставленная странам Оси для ведения психологической войны в Испании с теми заверениями в беспристрастности Испании, которые привел Франко в письме Рузвельту[30].

В середине января министр-секретарь Фаланги Арресе вместе с большой группой фалангистов совершил официальный визит в Берлин в качестве гостя нацистской партии. Арресе надеялся заручиться германской поддержкой в интересах собственной политической карьеры и, в частности, преуспеть там, где потерпел неудачу Серрано Суньер, то есть добиться от Третьего рейха гарантий создания испанской империи в Северной Африке. Франко надеялся, что неудовольствие немцев, вызванное визитом Хорданы в Лиссабон, смягчится после посещения Берлина делегацией фалангистов. Он отправил с Арресе письмо, в котором на основании предварительной договоренности фюрера с Муньосом Грандесом просил Гитлера об оружии. Каудильо намекнул в письме, что Арресе полнее, чем консервативный Хордана, представляет его прогерманские настроения. Это было явным повторением уловки 1941 года, когда в обход Бейгбедера таким же образом действовал Серрано Суньер. Арресе играл свою роль с полным размахом, хотя иногда ему и пеняли на отсутствие деловитости. Желая подтвердить свой высокий статус, он настаивал на оказании ему воинских почестей, хотя и не был гостем правительства. Германские власти организовали ему встречу с подразделением СС в Андае и Берлине; он совершил поездку в Восточную Пруссию, где в его честь Риббентроп дал

обед, а Гитлер 19 января устроил чай; Арресе имел также встречи с Геббельсом и Борманом[31].

В Германии Арресе делал заявления в поддержку Оси, настолько противоречащие стремлению Хорданы сохранить нейтралитет Испании, что министр иностранных дел попросил у Франко отставки[32]. Тот и отставку Хорданы не принял, и Арресе не наказал. По возвращении Арресе выразил свои прогерманские чувства в исключительно воинственном выступлении перед фалангистами 9 февраля 1943 года в Севилье. Явно запамятовав о разгроме под Сталинградом, он заявил, что Голубая дивизия полна решимости биться с коммунизмом до конца[33].

Теперь Франко вел двойную игру, если не сам, то через посредников. Он позволил Хордане представлять себя перед Союзниками, а Арресе — перед Осью. Это давало каудильо возможность — в зависимости от поворотов событий — отказываться от слов того или другого. Эта двойная игра помогала ему справляться и с внутриполитическими делами. Чтобы ослабить явно растущее влияние многоречивого Арресе, каудильо распорядился ежегодно проводить 28 февраля в Эскориале поминальную мессу по всем королям Испании — в годовщину смерти Альфонса XIII. В общественное сознание внедрялась мысль, что Фаланга и монархия равно воплощают в себе судьбы отечества[34]. При этом явно давалось понять, что национальный глава Фаланги — современное воплощение великих королей прошлого[35].

В течение большей части 1943 года и, во всяком случае, до падения Муссолини Франко сохранял веру в то, что Союзникам не удастся победить в войне, и их успех в Африке имеет локальное значение. В своей, по определению Хора, «непробиваемой самоуверенности», каудильо считал, что после затяжной войны он сможет вступить в игру в качестве посредника между обеими сторонами. По этой причине он носился со своей идеей «двух войн»: одной — с коммунизмом, в которой он принимал участие, а другой — на Западе, в которой он сохранял нейтралитет. Хор не знал, что 24 января Франко выразил Мольтке свою решимость вбить клинья между Англией и Россией. Шестого января Франко уже поднимал перед Хором вопрос о «грубой ошибке» Союзников, заключающейся, по его мнению, в том, что они продолжают воевать на стороне Советской России[36]. Позиция каудильо по поводу законности борьбы Германии против русского коммунизма определила существо обмена меморандумами между Хором и Хорданой во второй половине февраля. Франко заверял германского посла, что инициативы создания широкого антибольшевистского фронта помогают Третьему рейху[37].

Двенадцатого февраля 1943 года посол Хейес с пропагандистскими целями устроил в американском посольстве показ фильма «Унесенные ветром». Франко попросил, чтобы этот фильм ему показали в частном порядке в Пардо. Собственный кинотеатр был для него источником многих радостей. Поскольку рисование и писательскую работу пришлось на время оставить, кино скрашивало его досуг, дополняя занятия охотой и рыбной ловлей, все более увлекающих каудильо. После Гражданской войны он вместе со своим другом из Ла-Коруньи Максом Боррелем начал рыбачить сначала в пресноводных водоемах, а затем на маленькой яхте Борреля — и в морских заливах. Франко даже купил у маркиза де Кубаса небольшую яхту и назвал ее «Асорин». Это, по существу, речное суденышко, очевидно принадлежавшее ранее лорду Майору из Лондона, не годилось для морских прогулок, и каудильо приобрел затем более крупную яхту, «Асор», которая станет предметом страсти в его жизни[38].

В середине февраля 1943 года капеллан американской армии, нью-йоркский архиепископ Фрэнсис Спеллман, по пути в Ватикан сделал остановку в Мадриде. Он встретился с Франко, и тот с досадой сказал сочувствовавшему ему архиепископу, что война между Западом и Германией — достойная сожаления ошибка, ибо настоящая опасность кроется в коммунизме[39].

В марте испанская делегация посетила Берлин. Перед ней стояла цель уладить детали поставок вооружений в соответствии с секретным испано-германским протоколом. Возглавлял делегацию генерал Карлос Мартинес Кампос, получивший от Франко еще одно задание: оценить военные возможности Третьего рейха после разгрома под Сталинградом. Со списком необходимых Испании самолетов и батарей береговой обороны Мартинес Кампос отправился 16 марта на прием к Кейтелю, причем так и не узнал от него, что у Германии нет лишних вооружений для поставок испанцам. Через два дня Гитлер в «Вольфеншан-це» пытался убедить Кампоса, что было бы лучше начать с небольших поставок менее современных видов вооружений. В ходе десятидневной поездки по нацистским военным заводам Мартинес Кампос наслушался весьма вдохновивших его россказней о новом чудо-оружии, которым Третий рейх разрушит города Союзников, уничтожит их армии и таким образом легко выиграет войну. По возвращении в Мадрид он информировал каудильо, что германская военная машина остается непобедимой[40].

Семнадцатого марта 1943 года Франко выступил с речью на открытии све-жесфабрикованного псевдопарламента — кортесов. Одну треть членов кортесов назначил сам генералиссимус.

Другую треть составили ex officio[173] министры правительства, члены Национального совета Фаланги, председатель верховного суда, алкальды пятидесяти столиц провинций, ректоры университетов и прочие. Последнюю треть «избрали» фалангистские синдикаты из тщательно подобранного списка кандидатов. Именно это каудильо и назвал «органической» демократией. Число «представительных» элементов с течением лет возрастет, однако собирались кортесы очень редко и всегда одобряли предложенные Франко законопроекты[174]. Министры отчитывались перед каудильо, а не перед кортесами[41]. Речь генералиссимуса на открытии кортесов, как часто случалось, прозрачно намекала на сходство его правления с правлением великих испанских королей. Он указывал на исторические и религиозные корни своей социальной политики. Это означало, что Франко предпринимает первые шаги в поисках уникального пути испанской власти, авторитарной и иерархической, отчасти сходной с режимами в странах Оси, но отличающейся от них тем, что она оставляла за собой возможность отрицать это сходство в случае необходимости[42].

Не угасавшая в душе Франко вера в успех Оси сказывалась в том, что он молчаливо потакал прогерманским действиям Арресе. Антиамериканская пропаганда этих деятелей постоянно мешала попыткам Хорданы проводить подлинную политику нейтралитета[43]. Тем не менее в апреле, когда еще оставалась надежда на получение оружия из Третьего рейха, Хордана на праздновании в Барселоне годовщины возвращения Христофора Колумба из Америки предпринял мирную инициативу. Мотивация была сложной. Франко под впечатлением Сталинграда и Эль-Аламейна почувствовал сдвиг в балансе сил воюющих сторон. Теперь он предпочитал не торопить события, пока не пущено в ход германское чудо-оружие. Даже только способствуя переговорам, которые позволили бы выжить Третьему рейху, каудильо гарантировал бы выживание и себе[44]. Пресса хором откликнулась на инициативу Франко — Хорданы по установлению «справедливого и братского мира», отдав при этом должное справедливой борьбе за независимость «миролюбивого» Гитлера[45].

После барселонской инициативы Франко отправился в начале мая в пропагандистское турне по Андалусии. Четвертого мая в Уэльве, после того как ему преподнесли «меч победы», он заявил, что испанская внешняя политика вдохновляется христианским духом. Каудильо развил и тему о том, что фалангизм выше либеральной демократии — «основательницы современного рабства», и марксизма — «средства уничтожения личности». В

Хересе ему было присвоено звание почетного алкальда. Седьмого мая в Севилье, получив золотую медаль города, он выразил опасения, как бы московские орды не продвинулись в глубь Европы, и свою уверенность в том, что испанские войска способны остановить их. Восьмого мая в Малаге Франко сопоставил борьбу Германии на востоке с делом националистов во время Гражданской войны в Испании, охарактеризовав и то и другое как поход христианства против варварства. Наконец 9 мая 1943 года в речи перед фалангистами Алмерии каудильо сказал: «Мы дошли до того, что в борьбе называется мертвой точкой: ни одна из воюющих сторон не имеет силы сломить другую». С характерным для него сочетанием наивности и суровости он призвал к мирным переговорам и созданию единого фронта против коммунизма, а также потребовал более справедливого передела мира, который принес бы Испании то место, какого она заслуживает[46].

Франко выразил желание, чтобы эта речь была переведена на английский и издана брошюрой вместе с заявлением, сделанным Хорданой в Барселоне[47]. Берлину не понравилось, что Союзники восприняли брошюру Франко как признание поражения Оси. Вайцзекер выразил протест Видалу, после чего каудильо поспешил сообщить американцам, что его пробные мирные инициативы отнюдь не были инспирированы Осью[48]. Когда 11 мая он встретился с Хейесом, чтобы сообщить ему об этом, присутствовавший на встрече Хордана заметил, что Испания могла бы нанести Союзникам урон во время операции «Факел», но не сделала этого, несмотря на «мощное германское давление». Слова о давлении были явным преувеличением.

С весны 1943 года Хейес стал замечать, что Хордана особенно благоволит к нему. Это объяснялось тем, что генералы Франко снова зашевелились, а Доминго де лас Барсенас (Bdrcenas), посол каудильо при Святом Престоле, начал присылать из Рима сообщения об ухудшающемся положении Муссолини, чего посол в Италии Фернандес Куэста, казалось, не замечал[49]. Ощущение американской мощи определило 15 июня ход беседы каудильо и нового германского посла Ханса Хайнриха Дикхофа (Dieckhoff), прибывшего в конце апреля после внезапной смерти Мольтке. Появление в Мадриде Дикхофа, космополита и католика, значило возврат к прежней, более гибкой линии Шторера[50]. Каудильо сказал ему, что, поскольку Третьему рейху никогда не одолеть совместных усилий США и Британской империи, его мирные инициативы — в интересах Германии[51].

В период кампании в Северной Африке политика Союзников в отношении Франко оставалась осторожной и сдержанной, ибо

были опасения, что каудильо разрешит германским войскам пройти к Гибралтару. Однако к июню 1943 года, когда войска Оси были изгнаны из Северной Африки, ситуация изменилась. Лекция о значении военно-морских сил в нынешнем конфликте, прочитанная Карреро Бланко в Королевском географическом обществе в Мадриде (Real Sociedad Geogrdfica), отличалась новым — реалистическим — пониманием ситуации. Его слова о превосходстве британских королевских ВМС над кораблями Оси давали основания полагать, что во дворце Пардо начали сомневаться в конечной победе Оси[52]. Франко тоже пытался завоевать доверие американцев, хотя, возможно, делал это в связи с усиливающимися промонархическими настроениями во франкистских кругах.

Каудильо не жалел сил, чтобы укрепить лояльность военных. Пятого июля в Алкасаре-де-Толедо, состоялась тщательно подготовленная церемония, на которой 119 однокурсников Франко по Толедской военной академии, доживших до

этого времени, оказали ему знаки уважения, соответствующие его нынешнему величию. Ягуэ в качестве церемониймейстера, командовал двумя ротами, составленными из бывших курсантов, ныне выросших в званиях, во главе с генералами Камило Алонсо Вегой и Эдуардо Сайнсом де Буруагой. Ничто в атмосфере церемонии не напоминало о встрече старых товарищей. Помпезная обстановка располагала лишь к лести. Вся встреча была задумана в память о славных военных делах франкистов и силе войскового единства. Франко театрально появился из главного входа в Алкасар, обошел строй двух рот, посетил богослужение и принял от Ягуэ медаль, специально отчеканенную по этому случаю[53].

Скоро стало понятно, почему возникла необходимость в том, чтобы военные публично продемонстрировали незыблемую верность Франко. Через десять дней после церемонии двадцать семь высоких депутатов (procuradores) франкистских кортесов, среди которых были герцог де Альба, Антонио Гойкоэчеа, бывшие министры Аларкон де Ластра и Валентин Галарса, генерал Понте, написали обращение к Франко. Составленное в почтительной форме, оно было взрывоопасным, ибо призывало каудильо решить конституционный вопрос и восстановить традиционную испанскую католическую монархию еще до победы Союзников в войне. Обращение подписали представители всего франкистского спектра — банкиры, военные, монархисты и даже фалангисты. На этот вызов каудильо отреагировал моментально. Еще до опубликования манифеста он приказал арестовать маркиза де ла Элиседа, собиравшего подписи. Когда манифест был

опубликован, выяснилось, как мало Франко был заинтересован в им же провозглашенной необходимости столкновения мнений (contraste de pareceres). Всех подписавших манифест он немедленно лишил мест в кортесах, а пятерых, входивших в Национальный совет Фаланги, вывел и оттуда[54]. Тогда же каудильо начал усиленно обхаживать генералов, тратя много времени на каждого из них. В частности, ему стоило больших усилий добиться расположения генерала Оргаса, Верховного комиссара в Марокко. Хордана писал, что «приручение [Оргаса] было крупным достижением генералиссимуса»[55].

Перед появлением манифеста группы «Депутатов» заметно смягчилось отношение к Союзникам. Не ведавший о существовании испано-германского протокола о поставках немецких вооружений, американский посол испытал удовлетворение, когда правительство Франко обратилось к Союзникам за оружием, лживо мотивируя это необходимостью противостоять давлению Германии, которая хочет навязать Испании свое оружие в обмен на испанское сырье. На самом деле Германия не оказывала давления на Испанию и не навязывала ей свое оружие[56].

Во второй половине июня, после того как Франко убедился, что за монархическим манифестом стоят Союзники, в фалангисгской прессе выступил с прогерманским выступлением Арресе. Удивленный Хейес заявил протест Хордане[57]. Хор, в отличие от Хейеса, сомневающийся в искренности Франко, представил Хордане в июле длинный список акций Испании, несовместимых с нейтралитетом, в частности заправку горючим подводных лодок противника, быструю репатриацию экипажей самолетов, совершивших вынужденную посадку в Испании[175], нападения на торговые суда Союзников со стороны южных берегов Испании, сеть наблюдения и шпионажа стран Оси, раскинутую в Испании, перлюстрацию переписки британского посольства и активные выступления прессы, симпатизирующей Оси[58].

Эти упреки Франко проигнорировал. Под влиянием прогермански настроенных Арресе, Хирона, Бласа Переса, Асенсио и молодых генералов он по-прежнему верил, что немцы победят русских. К тому же военный атташат продолжал информировать из Берлина о неизбежном поражении Союзников в Италии[59]. В обстановке сочувствия делу Оси Франко делал публичные и приватные попытки сплотить ряды своих сторонников. В субботу .17 июля в своем ежегодном выступлении перед Национальным советом ФЭТ и де лас ХОНС по случаю очередной годовщины мятежа каудильо занял решительную

позицию, не оставляющую возможности для отступления. Всего через десять дней после высадки Союзников на Сицилии он страстно поддержал идею гегемонии Фаланги. Прибыв, как и Арресе, в белой летней форме Фаланги, Франко приветствовал собравшуюся толпу фашистским салютом. Его речь связала вопрос о существовании режима с теми, кто особенно зависел от каудильо — с фалангистами. Монархисты почувствовали, что к ним доверия нет. В своем выступлении Франко поставил крест на внутриполитических переменах и осудил слабонервных буржуа и консерваторов, не сумевших понять, по его словам, «нашей революции». Перед лицом нависшей угрозы большевизма он решил сплотить ряды фалангистов и не подвергать себя риску введением демократических институтов[60].

После выступления каудильо в королевском дворце Ла-Гранха состоялся ежегодный прием для дипкорпуса. Проливной дождь вынудил все общество войти в помещение. Франко проявил демонстративное пренебрежение к Хору и Хейесу. Возмущенный речью Хейес заявил протест Хордане и потребовал встречи с Франко[61]. Хордану тоже ошеломил неприемлемый тон заявлений генералиссимуса[62]. Накануне выступления, 17 июля 1943 года, Франко с помощью своего верного оруженосца Карреро Бланко составил документ и разослал копии во все восемь военных округов страны. В нем он обращался к их чувствам самых высоких армейских чинов, призывал их сплотиться вокруг режима. В документе утверждалось, что раскрыт международный масонский заговор, имевший целью поссорить армию с каудильо. Поскольку в генералиссимусе и Карреро Бланко глубоко коренились антимасонские убеждения, вполне вероятно, что оба верили в написанное ими. Чтобы сорвать несуществующий заговор, Франко и Карреро Ёланко призывали предотвратить опасность, скрытую в попытках реставрации либеральной монархии, ибо это было бы лишь первым шагом к возврату довоенного хаоса и коммунистического господства[63].

В воскресенье 25 июля 1943 года поступили драматические новости из Италии: ранним утром фашистский Большой совет выразил вотум недоверия Муссолини. Король, воспользовавшись случаем, арестовал его и заменил маршалом Бадольо. Фалангу охватила паника. Хотя в течение двух дней пресса прямо не сообщала об этом событии, верхушка режима оцепенела от страха, что явствует из лукавых попыток газеты «Арриба» отделить фалангизм от фашизма. В газете утверждалось, что Фаланга не испытывает пораженческих настроений в связи с итальянской катастрофой[64]. Сам Франко ощущал глубокую тревогу: раз пал дуче, может пасть и каудильо. На заседании

кабинета, сообщая о событиях в Риме, он плакал[65]. В Мадриде циркулировали копии письма секретаря испанского посольства в Риме послу, в котором выразительно описывались сцены беспорядков и нападений на фашистские штаб-квартиры, а также говорилось об опасности возникновения подобных событий в Испании. Франко серьезно выговорил Фернандесу Куэсте за такое проявление пораженчества. Публично каудильо заявлял, что нет никакой аналогии между происходящим в Италии и испанской ситуацией[66].

Двадцать девятого июля, дав по его требованию аудиенцию Хейесу, Франко умело скрыл свое беспокойство. Американский посол заявил каудильо, что, по его мнению, испанское правительство настроено в пользу Оси, а вовсе не нейтрально. Хейес также указал, что падение Муссолини предрекает победу Союзников, а значит, трудности для Франко. Каудильо, покривив душой, ответил, что ожидал успехов Союзников в Северной Африке и поражения Италии. Франко держался и вел себя так, что казалось, будто он считает свой режим незыблемым. Каудильо также выразил уверенность в прочности Германии, твердости ее морального духа и ее способности вести борьбу. Тогда Хейес высказал претензии по поводу несоблюдения Испанией статуса невоюющей стороны, отметил акции антисоюзцического характера и упомянул о существовании Голубой дивизии. В ответе Франко виртуозно сочетались туманные рассуждения и прямая ложь. На первую часть протеста каудильо ответил, будто принял статус невоюющей стороны, желая показать, что не безразличен к борьбе против коммунизма. Он изобразил удивление, когда Хейес заговорил о Фаланге и ее различных печатных и пропагандистских агентствах, а выслушав его, посетовал на своих подчиненных, неточно исполняющих его приказания.

Истина все же обнаружилась на краткий миг в словах каудильо о том, что «демократическая пропаганда иногда вызывает возражения, поскольку критикует внутриполитическую систему в Испании». К пропаганде, распространяемой странами Оси, он, конечно, не имел подобных претензий. Оправдывая существование Голубой дивизии, Франко сослался на вмешательство русских в Гражданскую войну. Хейес заметил генералиссимусу, что для него не существовало проблемы русского коммунизма, когда Германия и Россия были союзниками. Каудильо тут же преобразовал свою «теорию двух войн» в невероятно причудливую «теорию трех войн». Франко говорил о войне англо-саксонских стран против Германии, в которой Испания соблюдает нейтралитет, о войне

цивилизованных наций против японского варварства, в которой он сам с радостью принял бы участие на американской стороне, и о войне против коммунизма, которую ведет и его страна. Когда Хейес детально опровергал абсурдные аргументы Франко, тот хранил полное молчание[67].

Через пять дней до сведения пресс-атташе американского посольства довели указание, сделанное Франко испанским службам печати, радио и кинохроники, придерживаться беспристрастного подхода к освещению хода войны[68]. Важность борьбы Германии против России оставалась повседневной темой, однако часть прессы стала проявлять больше симпатии к Союзникам[69]. Седьмого августа Хордана информировал Хейеса о том, что после консультаций с министрами армии, ВМФ и ВВС каудильо решил искать пути вывода Голубой дивизии из войны и при первом случае сделает заявление о нейтралитете. Такое решение, если оно было принято, никак не соотносилось со странной теорией международных отношений, которую Франко изложил американскому послу 29 июля. Набор в Голубую дивизию продолжался и в конце августа[70]. Более того, в течение лета и осени 1943 года немцы пытались показать, что падение фашистской Италии, вовсе не означает краха Германии, и в этих целях усилили пропаганду в Испании и диверсионную деятельность против судов Союзников в испанских портах[71].

Изменения международной обстановки привели к обострению у Франко внутриполитических проблем. Тут, однако, проявился, как это часто бывало, его боевой дух: прижатый к стене, он приготовился к драке. Второго августа 1943 года, через неделю после падения Муссолини, дон Хуан Бурбон прислал Франко телеграмму. Напоминая каудильо о судьбе дуче, он утверждал, что единственная возможность избежать катастрофы в Испании — это немедленная реставрация мо-

нархии. Бурбон явно намекал на то, что, если Союзники выиграют войну, а Франко все еще будет оставаться у власти, с Испании взыщут как с проигравшей страны. Франко ответил 8 августа телеграммой, выражавшей столько же самоуверенности, сколько и низкого коварства. Убежденно заявив, что Испанию не ожидает судьба Италии, поскольку режим успешно удержал страну вне войны, он просил дона Хуана не выказывать своего мнения публично, дабы не ослаблять внутри- и внешнеполитические позиции режима[72]. Именно в это время один близкий друг Франко спросил его, каким образом он останется на плаву в случае победы Союзников. Каудильо ответил с неподражаемой самоуверенностью и спокойствием: «Выставлю им счет» (pasar la cuenta)[73]. '

Несмотря на браваду Франко, заметная озабоченность некогда безусловных сторонников едва ли оставляла его равнодушным. Несомненно возбужденный развитием военных событий в Северной Африке, генерал Оргас, возможно представляя себя испанским Бадольо, решил, вопреки обыкновению, рискнуть. Он сообщил бывшему министру и неугомонному монархисту-заговорщику Педро Сайнсу Родригесу, что, по предварительному соглашению с Арандой и другими генералами, готов возглавить войско численностью в сто тысяч человек во имя восстановления монархии. При этом Оргас выставил условие, чтобы приверженцы дона Хуана обеспечили немедленное признание монархии Союзниками[74]. Тревога каудильо, должно быть, усилилась, когда во время летнего отдыха в Пасо-де-Мейрасе, в Ла-Корунье, ему сообщили, что его генералы собрались в Севилье для обсуждения ситуации и составили документ, призывающий его принять меры[75].

Как раз в самый разгар этих событий, 20 августа 1943 года, Хор провел в Пасо-де-Мейрасе длительную беседу с Франко, который дал согласие на аудиенцию еще месяц назад. Встреча была весьма хорошо продумана испанцами; каудильо собирался воспользоваться ею, дабы показать миру, будто у него великолепные отношения с англичанами. Испанский министр ВВС генерал Вигон предоставил в распоряжение посла пассажирский «дуглас» для перелета из знойного Мадрида к месту летнего отдыха каудильо. Маленький укрепленный замок на красивом, поросшем лесом склоне в нескольких милях от Ла-Коруньи превратился в охотничий домик. Хор надеялся, что «неимоверная самоуверенность» каудильо поубавится, когда он узнает о победе Союзников и приведет доказательства того, что Испания «явно желает победы Оси». Франко, однако, занял оборонительную позицию.

Хорошо владея собой, спокойно и твердо, не испытывая сомнений в своей правоте, Франко заговорил об опасности, которую несет Европе Россия. Каудильо выразил полное равнодушие к падению Муссолини, как бы доказывая свое превосходство перед дуче. Хор после вспоминал, что заготовил «бомбы» и надеялся ошеломить Франко, но они «прошипели в горе ваты». В то время Хор вынудил каудильо сделать важные заявления о том, что Испания выплатила Оси все долги по Гражданской войне, а фалангисгское руководство получило указание не выказывать в прессе дискриминации в отношении Британии. Оба заявления, удовлетворившие и самого Хора, и высших руководителей министерства иностранных дел, как вскоре выяснилось, оказались ложными. Франко пришел в

замешательство, услышав вопрос Хора о том, что будет, если англо-американские бомбардировщики нанесут удар по Голубой дивизии. Когда посол уходил, испанский шеф протокола и переводчик, барон де лас Торрес, прошептал ему: «Генералиссимус собирается избавиться от Голубой дивизии». Франко, не вполне довольный встречей, все-таки решил извлечь из нее пользу, и его посольство в Вашингтоне провозгласило, что переговоры были отмечены «дружелюбием и взаимопониманием». Это утверждение заставило британского министра иностранных дел открыто заявить в палате общин, что Британия крайне не удовлетворена тем, что Испания продолжает нарушать свой нейтралитет[76].

Для Франко складывалась не слишком приятная ситуация, но он демонстративно не замечал этого. С большим шумом прошло празднование тысячелетия Кастилии. Каудильо выделил на это 500 тысяч песет из своих средств[77]. Давно запланированная церемония предоставляла широкие возможности сопоставить находившегося на вершине власти Франко с прославленными испанскими монар-хами-полководцами. Это весьма прельщало каудильо. Теперь, когда итальянский фашизм пал, а внутри страны на Франко ополчилась монархическая оппозиция, празднование давало случай подтвердить его величие, связь с монархическим прошлым и чисто национальный характер его режима. В воскресенье 5 сентября он присутствовал на торжественном богослужении в бургосском кафедральном соборе, которое вел папский нунций. Потом Франко был вручен Силосский крест Альфонса VIII и реликварий (relicario), с которым, согласно легенде, ходил на битвы Фернан Гонсалес, полководец X века и основатель Кастилии. Перед каудильо проскакала средневековая кавалькада и состоялись театрализованные рыцарские поединки. В честь королевы праздника, его дочери Кармен, танцоры «в крестьянских одеждах» (que simulaban pertenecer ai villanaje) исполнили старинные танцы. На следующий день министр национального образования Хосе Ибаньес Мартин высокопарно сравнил свершения каудильо в создании «новой Испании» с основанием Кастилии Фернаном Гонсалесом. Восьмого сентября в Бургос прибыл Арресе и попытался перещеголять Ибаньеса Мартина, назвав Фернана Гонсалеса «мятежным каудильо» (caudillo rebelde) и тем самым прямо сравнив его с Франко[78].

После безоговорочной капитуляции Италии в среде высшего командования Франко раздался ропот недовольства[79]. В отличие от просоюзнически настроенных Аранды и Кинделана, большинство испанских генералов во Второй мировой войне были

на стороне Оси, хотя и выступали за сохранение Испанией нейтралитета. Они согласились бы отложить вопрос о монархии до выяснения исхода войны. Однако к концу лета 1943 года, после поражения германского корпуса в Африке, вторжения Союзников на Сицилию и краха итальянского фашизма, многие из них поняли, что пора срочно задуматься о будущем страны. Как и Кинделан, они считали: победы в Гражданской войне пойдут прахом, если Союзники ополчатся на Франко, поддерживавшего Ось. Чтобы этого не случилось, надо принимать кардинальные меры. Хотя ситуация развивалась удачно для них, генералы проявляли крайнюю осторожность. Оргас в конце концов отказался возглавить военный переворот с целью свержения Франко, ибо опасался, что не получит полноценной поддержки. Избрав менее рискованный путь, монархисты-генералы обращались с петициями к каудильо. Благодаря спецслужбам Франко был полностью осведомлен о происходящем. Пятнадцатого сентября генерал Варела передал каудильо письмо, датированное 8 сентября и подписанное восьмью генерал-лейтенантами — Кинделаном, Варелой, Оргасом, Понте, Давилой, Сольчагой, Саликетом и Монастерио[80].

Это письмо встревожило Франко. Однако, прежде чем взять его, он обескуражил Варелу, строго заметив, что тому не подобает входить к нему с офицерской тросточкой. Несколько обстоятельств помогли каудильо потянуть время. Например, предоставилась возможность понаблюдать за развитием «заговора» и поразмышлять о его уязвимых местах. Не считая упоминания о том, что Франко находится у власти «дольше первоначально предусмотренного срока», тон письма показывал: высшее командование армии составляют в основном франкисты, а не монархисты. В письме генералы «корректно и уважительно» осведомлялись, не считает ли Франко, что пора дать Испании... монархию». Хиль Роблес (ставший к тому времени оплотом монархической оппозиции) написал в своем дневнике о «диком подобострастии» письма и о своем убеждении в том, что Франко не придаст этому документу ни малейшего значения[81]. Каудильо обратил внимание, что другие генералы — такие, как Вигон, Гарсиа Валиньо, Хордана, Муньос Грандес, Ягуэ, Серрадор и Москардо, — не подписали письма. К тому же он имел все основания не испытывать сомнений в безусловной верности офицеров среднего звена, которые вовсе не относились к нему лишь как к «первому среди равных»[82]. Поэтому Франко разрешил и этот кризис терпеливо, твердо и внешне спокойно.

Позиция подавляющего числа офицеров, имеющих звание ниже генерал-лейтенанта, объясняет, почему Оргас так быстро

понял невозможность военной акции, направленной на установление монархии. Ко всему прочему с начала сентября 1943 года на столе у Франко лежал рапорт, в котором Оргас обвинялся в актах коррупции в Северной Африке[83]. В большой мере из-за этого Оргас утратил решимость участвовать в заговоре. Впрочем, какие бы соображения ни руководили им ¡ в конце сентября он сообщил Хилю Роблесу, что восстание крайне маловероятно, поскольку более молодые генералы и весь офицерский корпус от полковника и ниже преданы Франко. Поэтому чрезвычайно хорошо информированный Роблес пришел к выводу, что письмо лишь сплотило других генералов вокруг каудильо[84]. Кстати сказать, Франко прекрасно знал, что Союзники не имеют ни особого желания ускорить смену правительства в Испании, ни намерения вмешиваться в ее внутренние дела. У него были все основания верить в то, что гарантии, данные ему во время операции «Факел» Черчиллем и Рузвельтом (не будет никакого вторжения на Пиренейский полуостров), остаются в силе[85]. Возможно, он разделял мнение фалангисгской прессы, с восторгом откликнувшейся на вступление германских войск в Италию и на проведение 12 сентября группой эсэсовских планеристов-коммандос под командованием полковника Отто Скор-цени смелой операции по вызволению Муссолини из плена[86].

Тем не менее, желая прекратить мятежные настроения в среде генералов, Франко сделал незначительный жест в пользу Союзников. Двадцать шестого сентября на заседании кабинета министров было принято решение о выводе Голубой дивизии, но объявления об этом не последовало. Союзники не слишком высоко оценили это решение, поскольку Арресе предложил, чтобы добровольцам разрешили воевать в составе германских частей. Задача ведения переговоров об отводе Голубой дивизии была возложена на Видаля. Он проводил их втайне и достиг некоторого успеха. К неудовольствию Видаля и Хорданы, многие испанские добровольцы вступили в части СС — в соответствии с уловкой Арресе. То, что Арресе предоставили свободу действий в этом вопросе, свидетельствовало о неистребимом стремлении Франко к обману, а также о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Хордане[87].

Примечательно, что каудильо, в отличие от Салазара, не пошел открыто навстречу Союзникам после падения Муссолини, хотя Германия не выразила бы в этом случае открытого недовольства, как промолчала и тогда, когда Португалия предоставила Союзникам базы на Азорских островах[88]. Однако Франко не искал возможностей сближения с Союзниками, а

старался усилить поддержку режиму внутри Испании. Он всячески поощрял прессу, восхваляющую его в печати. Инициативы каудильо были поддержаны и встревоженными фалангистами, связывавшими свою судьбу исключительно с правлением Франко[176].

Первого октября Франко отметил День каудильо выступлением в Паласио-дель-Ориенте перед Национальным советом Фаланги. В начале своей сорокасемиминутной речи он назвал роль Испании в войне величайшим примером мудрости и ясного мышления. Страна избежала всех ужасов, встав на путь «бдительного нейтралитета». Затем Франко ополчился на республиканскую эмиграцию, которая подталкивает Союзников ликвидировать его диктатуру, как только они нанесут поражение Гитлеру. Дабы такие «злобные маневры» не принесли плодов, он постарается теперь провести линию раздела между своим режимом и былыми партнерами по Оси. Основой аргументации бьша все та же «теория двух войн». При этом каудильо давал понять, что «наша истина» (nuestra verdad) и передовая социальная программа ставят его режим выше коммунизма и либеральной демократии «в странах плутократии»[89]. В тот же день Франко явился на прием в честь дипломатического корпуса не в своей обычной форме фалангисгского «национального главы», а в мундире адмирала флота. Учтивость каудильо с дипломатами Союзников и чисто формальное, в сравнении с предыдущими временами, общение с германским послом отражали его реакцию на крах Италии. Впервые Франко употребил слово «нейтралитет» для характеристики испанской позиции[90].

Шаг по направлению к Союзникам означал желание Франко укрепить свою позицию. Но в тот же день он сделал шаг и в противоположную сторону, объявив о награждении тридцати пяти высших чинов армии военными крестами и о присвоении Ягуэ звания генерал-лейтенанта. Каудильо назначил Ягуэ командующим VI (Бургосским) военным округом, стремясь создать противовес растущему числу просоюзнически и промонархически настроенных генералов из верховного командования[91]. Франко также начал поощрять молодых офицеров, тяготеющих к Фаланге. Злополучное письмо генералов он счел непозволительным нарушением воинской дисциплины, но, поскольку Союзники зорко наблюдали за ситуацией, ему пришлось воздержаться от скорой, по его обыкновению, расправы с непослушными. Каудильо извлек также урок из ошибки Муссолини, схлестнувшегося со всеми своими врагами скопом. Применив тактику «разделяй и властвуй», он встретился по

очереди с подписавшими письмо и заверил каждого, что учел его просьбу. Ему удалось убедить кое-кого из генералов, что секретное оружие Гитлера, о котором его информировал Мартинес Кампос, еще может принести победу Оси. Кинделан, Оргас и Понте настаивали на своих требованиях. Другие колебались, а генерал Саликет якобы сказал Франко, будто подписал письмо под сильным давлением[92].

Надежда генералов на то, что инициативу по реставрации монархии в Испании Франко возьмет на себя, удивляла Хиля Роблеса. Он записал в дневнике: «Эти «пламенные монархисты», лояльность которых [претенденту на престол] не мешает им вовсю пользоваться выгодами франкистской кормушки (tinglado), — самые большие враги монархии». В конце сентября он направил жесткое письмо министру армии генералу Карлосу Асенсио, утверждая, что реставрация монархии, если ее дарует Франко, не будет иметь никакой цены. Ему ответили лишь вежливым выражением признательности за письмо. Франко, разумеется, был полностью информирован об обмене мнениями, происходившем в высших армейских кругах и дипломатическом корпусе[93]. К середине октября 1943 года буря улеглась, и каудильо предоставилась возможность начать наступление на монархистов, не опасаясь оппозиции в вооруженных силах.

Неопределенность позиции Франко по отношению к Союзникам вынудила Хейеса направить Хордане 21 октября 1943 года послание, выражавшее возмущение прогерманским и антирусским курсом испанского правительства. Хейес, в частности, утверждал, что «в своих собственных интересах Испания должна безотлагательно объявить о выводе Голубой дивизии». Хордана тут же ответил ему, что в результате принятых мер после 25 октября на Восточном фронте не останется ни одного испанца. Но если Хордане и удалось провести Хейеса, то в Вашингтоне знали, что это ложь. Тогда между Хорданой и Франко был подготовлен официальный ответ на письмо Хейеса. Хотя письмо подписал Хордана, его рукой явно водил Франко, который в расплывчатой и высокопарной манере пытался оправдать испанскую политику, якобы преследовавшую цель борьбы против коммунизма[94].

Слишком малые изменения в позиции каудильо не удовлетворяли Союзников. Хор писал, что «все труднее терпеть явные симпатии Франко к Оси и его непробиваемое самодовольство по отношению к Союзникам». Тем не менее англичане, несмотря на такие инциденты, как нападение фалангистов на вицеконсульство Великобритании в Сарагосе и на американское консульство в Валенсии, сохраняли спокойствие и

терпимость, опасаясь спровоцировать кризис между двумя странами[95]. Однако летом ситуация стала меняться. Руководство британского генштаба выражало недовольство тем, что испанские войска развернуты против Союзников, а не против немцев. Такое положение дел «вынуждало Британию держать в готовности большие силы в Гибралтарском проливе для защиты жизненно важных коммуникаций и резервировать для немедленного направления туда дополнительные силы на случай, если Испания даст разрешение Германии совершить нападение через свою территорию». В Британии чувствовали: пора потребовать, чтобы Франко перебросил основную часть своих сил из Марокко и Южной Испании в Северную Испанию и прекратил военную и экономическую помощь Германии[96].

США, настроенные по отношению к Франко жестче, чем Британия, держались сдержанно, пока не определился исход войны в Африке, поскольку было по-прежнему важно ограничить поставки испанского вольфрама Германии[97]. К середине 1943 года немцы, однако, попытались решить проблему вольфрама путем приобретения испанских рудников[98]. Отношения между Союзниками и Франко осложняло и то, что Испания интернировала итальянские военные корабли и торговые суда. Теперь такие акты Союзники расценивали как враждебные, поскольку они не давали им использовать итальянские суда в Средиземном море, что позволило бы высвободить американские корабли для действий в Тихом океане[99].

Пока Союзники занимались урегулированием с Испанией вопроса о вольфраме, отношение США к Франко резко ухудшилось вследствие так называемого «инцидента с Лаурелем», случившегося в октябре 1943 года. По случаю назначения японцами Хосе Лауреля (Laurel) главой марионеточного правительства Филиппин, Хордана направил ему 18 октября поздравительную телеграмму. Поскольку Хордана имел почти ежедневные консультации с Франко и, по его словам, советовался с ним по каждой детали внешнеполитической деятельности, можно предполагать, что телеграмма была послана с ведома и согласия каудильо. Токийское радио оповестило весь мир об этом поздравлении. То же сделал и Берлин. У Союзников, которые рассматривали телеграмму как признание режима Лауреля, она вызвала раздражение. Хордану, возможно, подтолкнули к этому весьма неловкому шагу сторонники Оси в министерстве иностранных дел, в частности, Дуссинаге. Не исключено также, что они с Франко сочли это тонким ходом, который успокоит страны Оси, но не подумали о реакции Союзников. Так или иначе, американская реакция всерьез напугала испанское правительство.

Пятого ноября Хордана сказал Хейесу, что подаст в отставку из-за этого инцидента. Не сомневаясь, что он так и поступит, Хейес встревожился, как бы Хордану не заменила фигура, неприемлемая для Союзников[100].

Влиятельные печатные органы американцев — «Нью-Йорк тайме», «Нэйшн», «Нью рипаблик», — обозреватели Уолтер Уинчелл и Уолтер Липпман и авторитетные лица в конгрессе после «инцидента с Лаурелем» стали выступать за более жесткую линию по отношению к Франко. Армейское руководство и госдепартамент приступили к обсуждению вопроса об эмбарго на поставки нефти. Шестого ноября 1943 года новый заместитель госсекретаря Эдвард Стет-тиниус-младший поручил Хейесу потребовать, чтобы Франко ввел немедленное эмбарго на экспорт вольфрама и удалил германских агентов из Танжера[101].

Убежденный, что он способен водить за нос и Союзников, и Ось, каудильо в ответ на требование Хейеса сделал вид, будто снова поворачивается к немцам. Третьего декабря он беседовал с германским послом Дикхофом. Когда тот выразил недовольство уступками Испании перед нажимом Союзников, в частности в вопросе о выводе Голубой дивизии из России, Франко сказал, что от победы Оси зависит его собственная судьба. Победа же Союзников «будет означать его уничтожение», поэтому он всем сердцем желает скорейшей победы Германии. Примечательно, что каудильо никогда не делал подобных заявлений ни одному британскому или американскому дипломату. Франко заявил, что вывел Голубую дивизию еще до предъявления требований Союзников. Его вынудили к этому трудности, связанные с набором добровольцев, и желание избежать унижения в случае ультиматума Союзников. Тут же он отметил, что интернирование команд подводных лодок — чисто символический жест, уловка для обмана Союзников, и команды будут освобождены. Все это Франко считал безобидными уступками. Существо вопроса состояло в том, что «нейтральная Испания, снабжающая Германию вольфрамом и другими материалами, в настоящий момент представляет для Германии большую ценность, чем Испания, втянутая в войну». С этой точки зрения, отношения с Испанией должны вполне устраивать немцев: долги Гражданской войны та возвращала вольфрамом[102].

Хор писал в министерство иностранных дел 11 декабря: «Беспокоит, хотя это и неизбежно, что Франко воспользуется сейчас терпимостью Союзников и отсутствием действенной оппозиции в Испании как доказательством стабильности его режима и отличных отношений с Великобританией и Соединенными Штатами. Здесь, в Мадриде, мне это замкнутое на

себя самодовольство особенно неприятно... Хотя мы можем преуспеть в сдерживании или прекращении отдельных действий, нынешнее испанское правительство во главе с Франко по сути своей враждебно Союзникам и целям, за которые мы сражаемся». Склоняясь к введению полномасштабного эмбарго на поставки нефти и каучука Испании, Хор по-прежнему полагал, что с Франко лучше заигрывать, чтобы не лишиться контроля над рынком вольфрама[103]. Между тем давление Хора на испанское министерство иностранных дел начинало раздражать Хордану[104].

Франко, напротив, был, как всегда, невозмутим. В конце 1943 года спецслужбы каудильо перехватили письмо дона Хуана Бурбона к одному из его сторонников с признанием в том, что он намерен открыто порвать с режимом. Пытаясь удержать дона Хуана от столь решительного шага, Франко написал ему с обычной хитростью и наивностью. Отрицая нелегитимность своего нынешнего статуса, каудильо с вызывающей самоуверенностью утверждал: «Среди действий, дающих право на суверенную власть, как вы знаете, есть, и оккупация, и завоевание, что же говорить о праве, приобретенном спасением всего общества?» Словно надеясь на сочувствие, он заявлял, что власть для него — всего лишь еще одна обязанность.

Чтобы доказать беспочвенность упреков дона Хуана, каудильо писал, будто восстание 1936 года было не чисто монархическим, а скорее «всеиспанским и католическим», и при этом напомнил дону Хуану, как Мола изгнал его в 1936 году. Из этого следовало, что Франко не обязан реставрировать монархию. Подобные утверждения не увязывались с публично изложенными им доводами о том, почему дон Хуан не может нести военную службу, оставаясь на стороне националистов. Как и предрекал в 1936 году генерал Кабанельяс, Франко был полон решимости не расставаться с властью. Стремясь доказать свою легитимность, каудильо упоминал о доблестях, проявленных им во время напряженной воинской службы, о своем авторитете в обществе и о том, что население принимает его власть. Утверждая далее, что действия дона Хуана нелегитимны, Франко писал о движении своего режима к реставрации монархии, чему, по его словам, препятствовала деятельность дона Хуана. Каудильо советовал своему оппоненту позволить ему выполнить взятую задачу подготовки к восстановлению монархии в будущем.

В сравнении с письмом Франко, ответ дона Хуана, не лишенный иронии, был шедевром ясности. На инсинуации Франко о том, будто дон Хуан не соприкасается с реальной ситуацией в Испании, тот возразил, что за тринадцать лет изгнания узнал больше, чем узнал бы, живя во дворце,

окруженный атмосферой подобострастия, затмевающей ясность взгляда. Интерпретируя международное положение, дон Хуан отметил, что Франко — один из немногих людей, поверивших в продолжительную стабильность национал-синдикалист-ского государства. Он прямо высказал убеждение, что каудильо и его режим не протянут дольше, чем до окончания войны. Считая неприемлемым выбор между франкистским тоталитаризмом и республикой, дон Хуан обращался к патриотизму Франко и призывал его восстановить монархию. Он пояснил также, что видит в монархии режим, подходящий для всех испанцев, и это всегда заставляло его отказывать в поддержке Фаланге[105].

Ясное и откровенное письмо дона Хуана было проникнуто логикой,, здравым смыслом и патриотизмом — именно тем, чего так не хватало каудильо. Однако волею судьбы победу одержал Франко. Со «слепой верой» и неиссякаемым оптимизмом он вознамерился сохранить за собой кресло в Пардо, убежденный в том, что Союзники заняты другими важными делами.

Глава 20 «ПОБЕДА» ФРАНКО

Январь 1944 года — май 1945 года

К началу 1944 года, когда военная ситуация кардинально изменилась — Союзники обеспечили свои тылы в Северной Африке, а Италия вышла из игры, — США еще менее, чем прежде, намеревались проявлять терпимость к Франко. Американское военное командование было разгневано продолжающимся экспортом испанского вольфрама в Германию. После «инцидента с Лаурелем» испанский посол в Вашингтоне Хуан Франсиско де Карденас лишился возможности получить аудиенцию у Рузвельта, а новогоднее поздравление Франко американскому президенту осталось без ответа[1]. В пятницу 31 декабря 1943 года Бьюлак встретился с заместителем министра иностранных дел Испании Хосе Паном де Соралусе и изложил американскую позицию. Хордана во второй половине дня находился у Франко. В следующий понедельник, 3 января 1944 года, генерал Хордана, проинструктированный каудильо, пошел в наступление, предъявив Хейесу претензии по поводу односторонних выгод, получаемых Союзниками в их отношениях с Испанией. Он утверждал, что выполнение требований Вашингтона по вольфраму окажет крайне отрицательное воздействие на экономику Испании, тогда как поставки не имеют особого значения для производства вооружений в Германии. Вызывающе искажали действительность его слова о том, будто Вашингтон забывает, как «активно и эффективно сотрудничала Испания с Союзниками» и «сколь важную роль играла, став непреодолимой преградой для немцев в Гибралтаре и Северной Африке».

Дерзость этой позиции убедила Хейеса в справедливости сообщений о том, что германское сопротивление в Италии и взятие немцами Додеканесских островов произвели на Франко огромное впечатление и навели его на мысль, что война затянется по крайней мере до 1946 года. Он твердо заявил Хордане, что испанская политика ведется вовсе не в интересах Союзников, а только в своекорыстных. Под нажимом Хейеса Хордане пришлось подтвердить, что каудильо признал марионеточное государство в северной Италии — республику Сало[177]. Теперь Хейес понял: необходимо нефтяное эмбарго, чтобы прекратить заигрывание Франко с Осью[2]. Прежде благожелательное отношение Хейеса к генералиссимусу резко изменилось после крещенского приема 6 января 1944 года. Франко заставил приглашенных ждать более часа. Его появление было обставлено по-королевски. Во время

приема он демонстративно игнорировал британского и американского послов. Считая, что генералиссимусом по-прежнему манипулируют немцы, возмущенный Хейес так прокомментировал события того дня: «Этот идиот сам роет себе могилу»[3].

Хейес и Хор были вне себя от гнева, узнав, что Деметрио Карсельер выделил Германии кредит в 425 миллионов песет на закупки вольфрама и вот-вот состоится сделка, по которой самый крупный испанский вольфрамовый рудник будет продавать Третьему рейху всю свою добычу — 120 тонн в месяц[178]. После этого оба рекомендовали прекратить экспорт нефти в Испанию[4]. Вследствие интернирования испанцами итальянских судов, активности германских агентов на испанской территории, продолжающихся боевых действий остатков Голубой дивизии в России Вашингтон решил отказаться от поставок нефти Испании[5] с середины февраля.

Единственной попыткой режима Франко оправдать продолжающуюся поддержку Оси, была кампания в прессе, призванная отделить франкизм от фашизма. Ее тон определила речь каудильо 1 октября 1943 года, восхваляющая оригинальность испанской политической системы[6]. Его утверждения со временем разрядят атмосферу «холодной войны». Теперь же это было бессмысленно. Франко с готовностью заглатывал самую невероятную информацию из германского посольства. Так, на заседании кабинета 22 января он сообщил, что уже началось британское вторжение в Португалию. С таким же утверждением он выступил в середине марта и еще раз во второй половине апреля[7].

Лондон согласился с советом Хора усилить давление на Франко. Двадцать седьмого января 1944 года британский посол нанес каудильо визит в Пардо, исполненный готовности пригрозить ему полным разрывом отношений между Британией и Испанией[8]. И вновь Франко ответил на сердитые протесты Хора обезоруживающим спокойствием. Он говорил с ним «тихо, как семейный доктор, желающий успокоить капризного пациента». Каудильо, по крайней мере в устной форме, принял обвинения Хора и пообещал принять действенные меры против германских агентов и запретить дальнейший экспорт вольфрама в Германию. На следующий день, узнав, что с февраля 1944 года поставки нефти Испании приостанавливаются, Хордана таким же образом попытался урезонить Хейеса. Однако через несколько часов, когда Би-би-си и радио американского Управления военной информации (American Office of War Information) объявили на весь мир, что в ответ на ее разнообразную поддержку стран Оси

Соединенные Штаты ввели эмбарго на поставки нефти Испании, британский и американский послы встревожились, как бы обиженный Франко не отошел от Союзников[9].

Прекращение экспорта нефти Союзниками вызвало небывалую дипломатическую активность испанцев как в Мадриде, так и в Вашингтоне. Карденас сообщил, что им с Хорданой придется подать в отставку. Хордана сказал Хейесу, что известие об эмбарго «стало ужасным ударом для него и испанского правительства»[10]. На заседании кабинета 2 февраля Франко и Хордана выразили уверенность в том, что твердая позиция позволит им с выгодой использовать англо-американские разногласия по вопросу о вольфраме. От внимания испанцев не ускользнуло, что педантичный Хейес и чрезвычайно живой Хор питают друг к другу неприязнь[11]. Тактика Франко имела смысл лишь в том случае, если в нем еще жила надежда на то, что Третьему рейху удастся переломить ход войны. А эту надежду поддерживали в нем оптимистические сообщения недальновидных военных атташе из Берлина[12]. Население охватил страх перед перспективой объявления Союзниками экономической войны Испании. Третьего февраля 1944 года Хордана предложил немедленно и резко ограничить деятельность германского консульства в Танжере, выслать германских агентов из Испанского Марокко и в конечном счете «энергичным образом пресечь германскую шпионскую и подрывную деятельность на всей испанской территории». Он также выступил за полный вывод с русского фронта испанских сухопутных частей и воздушной эскадрильи. В ответ на претензии Союзников по поводу интернированных итальянских военных кораблей Хордана предложил потребовать компенсации в виде поставки вооружений и авиационного бензина. Кроме того, он советовал урегулировать вопрос о вольфраме путем переговоров[13].

Несмотря на эмоциональные обращения Карденаса, Вашингтон непреклонно держался решения, что удовлетворится только «полным вольфрамовым эмбарго»[14]. Хейес по согласованию с Хором предложил 4 февраля компромиссное решение. Однако после детального его рассмотрения госдепартаментом и британским посольством в Вашингтоне Халл сообщил точку зрения, что Испания, столь долгое время затягивавшая решение проблемы, сама спровоцировала запрет на поставки нефти и теперь дело Франко, а не Вашингтона, найти достойный выход из ситуации[15]. Одиннадцатого февраля Хейес получил указания потребовать полного эмбарго на поставки вольфрама Третьему рейху. Карденас попросил заместителя госсекретаря США Стетгиниуса возобновить поставки нефти в

Испанию в обмен на сокращение его поставок вольфрама Германии. Рузвельт был решительным сторонником твердой линии, и Черчилль, вопреки советам министерства иностранных дел, склонялся поддержать Рузвельта. И Хор, и Хейес в Мадриде выражали готовность к компромиссу. С уверенностью, внушенной ему сообщениями Альбы о том, что Британия не слишком стремится обострять отношения,

Франко действовал во время кризиса с еще большим, чем обычно, хладнокровием. Этим и объяснялась непреклонность Хорданы[16].

Один из элементов этого кризиса Франко со всем своим лицемерием и хитростью раздувал и использовал в узких внутриполитических целях. Испанская печать, не раскрывая причин нефтяного эмбарго, объясняла прекращение поставок внешним давлением на Испанию с целью заставить ее отказаться от нейтралитета, который столь мужественно отстаивает каудильо. Официальные заявления перепевали на все лады тему о решимости Испании отстаивать нейтралитет любой ценой. Появилась и тенденция приписывать претензии Союзников происках республиканской эмиграции[17]. В ретроспективе «вольфрамовый» кризис 1944 года можно рассматривать как генеральную репетицию: таким же образом позднее Франко сохранит опору внутри страны и переживет международный остракизм 1945 —1949 годов. Иными словами, он придумал международную блокаду и выставил себя национальным героем, отстаивающим независимость Испании в вопиюще неравных условиях[18].

Опасаясь, как бы Франко не обратился за нефтью к Германии, англичане предложили Испании прекратить экспорт вольфрама только на шесть месяцев, но государственный департамент стоял на своем — в США дело шло к президентским выборам[19]. Рузвельт и Корделл Халл были непреклонны, а Хор получил инструкции действовать так же, как и Хейес[20].

Одной из причин затягивания кризиса было убеждение каудильо, поддерживаемое Карсельером, что он получит выгоды, водя за нос обе стороны. Пропаганда в пользу Оси в послушной печати и по радио усилилась[21]. В понедельник 14 февраля 1944 года Франко сказал герцогу де Альбе, что война продлится еще шесть лет и закончится полным истощением обеих сторон. И он, конечно, не сомневался, что Испания окажется стратегически важным партнером, в котором будут заинтересованы демократические страны. «Пока что Испании нужно, чтобы ею руководил такой человек, как Франко»[22]. Лишь поэтому каудильо дал указания Хордане держаться твердо, что тот и делал. Однако

17 февраля в беседе с Хором Хордана согласился уменьшить экспорт в Германию «до незначительных размеров, которые не имели бы реальной военной ценности». Хейес и Хор увидели в этом основу для компромисса. Хордана повторил слова Франко о том, что «Испания оказала Союзникам большую услугу, не вступив в войну». Халл направил Хейесу телеграмму, в которой едко заметил: «В сообществе наций редко бывает, чтобы страна считала, будто оказывает большую услугу своим соседям, не нападая на них». Далее Халл четко заявляет: «Мы не можем оправдать принесение жертв в поддержку испанской экономики, ибо испанское правительство не готово ответить взаимностью на наше желание сотрудничать, то есть предпринять шаг, полностью совместимый с испанским нейтралитетом: .объявить постоянное эмбарго на экспорт вольфрама»[23].

Хейес передал эти слова Хордане 21 февраля. Испанское министерство иностранных дел пошло еще на несколько незначительных уступок. Эти шаги, о которых Хордана сообщил Хору, встретили одобрение Лондона[24]. Хордана, никогда не вписывавшийся полностью в состав безликого франкистского кабинета, оказывался во все большей изоляции. Большинство министров осуждало его стремление к компромиссу и видело в этом предательство национальных интересов; активнее всех высказывался Карсельер. Португальский посол бьш убежден, что Франко особенно прислушивается к Карсельеру, ибо министр промышленности помог ему поместить деньги в Швейцарии[179][25].

Хотя испанцы пользовались доброй волей Союзников и злоупотребляли ею, внутри страны Франко, благодаря односторонне преподносимой информации о кризисе в печати, поддерживал представление о себе, как о человеке, неколебимо отстаивающем и защищающем национальные интересы. В этом сказывалась также его непробиваемая самоуверенность и способность заставить окружение разделять ее. Масштаб самомнения Франко и его оторванность от реальности явственно проявились 6 марта, когда его посетил профессор Жоао Пинту да Коста Лейте, португальский министр финансов. В 1929 году Франко пытался учить экономике Кальво Сотело, а теперь в течение полутора часов с важным видом излагал министру свои никчемные соображения по экономическим вопросам. Когда-то поверив в планы, предложенные в 1940 году аферистом Альбертом фон Филеком, каудильо прямо заявил, что его не тревожит американское нефтяное эмбарго, ибо он верит: проблема синтетического бензина им решена. Франко сообщил о двух проектах: один по производству горючего из битуминозного (горючего) сланца на 2 миллиарда песет, а другой — из

гидрогенизированного угля на 1,2 миллиарда песет. Он бьш убежден, что эти проекты позволят Испании добиться независимости от импорта в энергетике. Каудильо явно забыл о том, что даже если проекты и были бы технически осуществимы, непреодолимой преградой стала бы их стоимость. Португальский посол так комментировал сообщение о проектах в депеше Салазару: «Это досадно. Я предпочитаю Дон-Кихота в оригинальной версии»[26].

Реальная ситуация состояла в том, что нефтяное эмбарго толкало нищую испанскую экономику в средневековье. Во время парада победы 1 апреля 1944 года Франко пришлось обойтись без танков и другой техники[27]. В течение всего кризиса прессе было велено выражать прогерманские настроения[28]. Однако к середине апреля экономические последствия нефтяного эмбарго вынудили Франко отклонить просьбу Дикхофа о возобновлении поставок вольфрама в Германию. После переговоров, затянувшихся из-за упрямства каудильо, испанцы наконец заявили Союзникам, что резко сократят ежемесячные поставки вольфрама в Германию, почти до символических размеров[29]. Немцы предлагали за вольфрам нефть, тяжелое оборудование и продовольствие, поэтому Черчилль убедил Рузвельта пренебречь советами Халла и пойти на компромисс, ибо иначе замедлилось бы свертывание германской шпионской сети в Испании, а британские закупки в этой стране железной руды и поташа оказались бы под угрозой. Раздосадованный Хейес считал, что Франко укрепился в своей решимости, поскольку Хордана получил 27 апреля заверения Хора насчет возможных поставок нефти в Испанию из британских источников. Халл также чувствовал, что «отсутствие со стороны Британии поддержки, исходящей от всего сердца», помешало бы полной победе Вашингтона над Франко[30].

В конечном счете соглашение, подписанное с американцами и англичанами 2 мая 1944 года, предусматривало возобновление экспорта нефти в Испанию в ответ на сокращение вывоза вольфрамовой руды в Германию до 20 тонн в мае, 20 тонн в июне и далее не более 40 тонн в месяц, закрытие германского консульства в Танжере, вывод всех испанских частей из России и высылку из Испании германских шпионов и диверсантов[31]. Ставка каудильо на то, что ситуация повернется в пользу Оси, привела Испанию к серьезному продовольственному кризису, чего не было бы без нефтяного эмбарго. Франко, скрепя сердце, пошел на капитуляцию, но с несказанной самоуверенностью представил ее в Испании как способность его режима защищать престиж и свободу страны перед лицом всего мира. При этом о германских агентах, Танжере и даже вольфраме не упоминалось,

а вынужденные уступки Испании превращались в успешное торговое соглашение, указывающее на сердечные отношения каудильо с Союзниками и на отсутствие для него угрозы в случае «непредвиденных обстоятельств» — этот эвфемизм означал поражение Гитлера[32].

Риббентроп был разгневан, и Хинесу Видалю досталось от него в Берлине. Дикхоф в Мадриде заявил энергичный протест Франко и Хордане. Каудильо ответил послу, что Германия имела время запастись вольфрамом, и теперь Испания не хотела бы рисковать[33]. В это же время Хордана заверил Хейеса в том, что дал обещанные указания по выдворению германского консульства из Танжера. Однако на протяжении всего 1944 года Хор чуть ли не ежедневно заявлял протесты в связи с тем, что Испания не выдворяет германских агентов. Контрабанда вольфрама в Германию продолжалась в небольших количествах до лета[34]. В конце мая Союзники также заявили протесты по поводу обстрелов американских самолетов зенитными батареями с территории Испанского Марокко, что продолжалось до середины июня, пока испанское правительство наконец не согласилось остановить своих зенитчиков[35].

Хотя соглашение по вольфраму было, по существу, поражением Франко, к тому же заставившим испанский народ пережить серьезные трудности, он и Карреро Бланко извлекли из ситуации два важных урока. Прежде всего, их внутриполитическая пропаганда научилась изображать Франко как героического защитника национальной независимости от заблуждающихся и дерзких Союзников. Это дало знать о себе в необычно теплом приеме, оказанном Франко через несколько недель в Бильбао[36]. Во-вторых, они поняли, что пока Союзники накапливали силы для вторжения во Францию, а русские быстро продвигались на запад, Британия и Соединенные Штаты отнюдь не намерены были сокрушать испанский режим, а скорее склонялись к переговорам по вольфраму. В это время каудильо был серьезно озабочен сосредоточением вооруженных республиканцев на юге Франции[37]. Но переговоры по вольфраму позволили Франко и Карреро Бланко надеяться, что Союзники в случае поражения Гитлера не станут вмешиваться во внутренние дела Испании[38]. Это вскоре подтвердилось.

Двадцать четвертого мая 1944 года Черчилль произнес речь в палате представителей, в которой косвенно одобрил проведенные с Испанией переговоры, что могло рассматриваться как похвала генералу Франко. Сказав об опасности, исходившей от Испании в 1940 году, он отдал должное усилиям Хора и Артура Йенкена (Yencken), советника посольства при Хоре, но при этом отметил,

что «главная заслуга, несомненно, принадлежит Испании и ее решимости оставаться вне войны». Еще более преувеличенной благодарности удостоилось испанское правительство в связи с операцией «Факел». По мнению Черчилля, в тот период Испания полностью искупила все предыдущие акты помощи Германии. Он закончил свое выступление следующими словами: «Я здесь сегодня говорю добрые слова об Испании и, позвольте добавить, надеюсь, что она будет оказывать после войны мощное влияние на мир в Средиземноморье. Внутриполитические проблемы Испании — дело самих испанцев. Нашему правительству не подобает влезать в них»[39].

Слова Черчилля были продиктованы отнюдь не восхищением перед Франко. Скорее всего, он стремился нейтрализовать каудильо перед предстоящей высадкой в Нормандии. Черчилль преследовал и долговременную цель — приукрасить Франко, чтобы в будущем использовать его как оплот своей политике в Западном Средиземноморье. Его речь вызвала переполох в английских и американских политических кругах и тревогу в стане антифранкистской оппозиции. Эффект усилила мадридская пропагандистская машина, представившая речь как всецелое одобрение Черчиллем внешней политики Франко и его режима. Испанские газеты ликовали, в отличие от республиканской эмиграции, которая надеялась, что Союзники сбросят каудильо после разгрома Гитлера и

Муссолини[40]. Во время следующей встречи с Франко посол Хор тщетно пытался убедить его в том, что выступление Черчилля не означает безусловной поддержки испанского режима[41].

Речь Черчилля стала для Франко залогом удачи. Он извлечет из нее максимальную для себя пользу — как внутри страны, так и на международной арене. Хью Дэлтон (Dalton)[180] считал эту речь непродуманным романтическим жестом. «В ней вовсе не было необходимости, он написал ее накануне, в половине третьего ночи, и министерство иностранных дел увидело черновик всего за час до его выступления. Было сделано все возможное, чтобы придать ей больше сдержанности, но почти безуспешно»[42]. Черчилль писал Рузвельту в свое оправдание: «Вижу, что некоторые ваши газеты огорчены моим пассажем по Испании в палате представителей. Это очень несправедливо, так как я всего-навсего повторил свое заявление от октября 1940 г. Я упомянул имя Франко лишь для того, чтобы показать, как глупо отождествлять Испанию с ним или его с Испанией посредством карикатур. Мне нет дела до Франко, но я не хочу, чтобы Иберийский полуостров стал после войны враждебен Британии»[43].

Между тем германские наблюдательные посты, станции радиоперехвата и радарные установки сохранялись в Испании до конца войны. Полностью доверяя необъективным докладам о военной ситуации, сообщавшим ему то, что он хотел слышать, Франко продолжал политику лавирования. Лекерика присылал из Виши сообщения, что Германия скоро будет готова бомбить Нью-Йорк. Испанский военный атташе в Берлине связывал большие надежды с появлением у немцев атомной бомбы. Он даже сообщил в Мадрид в июле 1944 года, что Манчестер уже полностью разрушен этим оружием. Франко охотно выслушивал оптимистические предсказания о том, что Гитлер просто заманивает Союзников, и приходил в раздражение от мрачно-реалистических сообщений Видала из Берлина[44]. В течение всей итальянской кампании и даже после высадки в Нормандии фалангистская пресса вопреки всему убеждала общество в непобедимости Третьего рейха. Союзники достигали все новых успехов, а испанская печать предсказывала, что Германия осуществит возмездие с помощью секретного оружия. Публиковались сообщения о том, что летающие бомбы сровняли большую часть юга Англии с землей, а Лондон опустел из-за массовой эвакуации населения[45].

В то время как Союзники приближались к Германии с востока и запада, Мануэл Аснар, любимый обозреватель Франко, интерпретировал германское отступление как мастерский ход Гитлера, позволяющий сократить линии коммуникаций, нарастить запасы новых вооружений и втянуть врагов в безнадежные для них танковые бои[46]. Каудильо весьма впечатляли подобные сообщения, получаемые от прессы и эмиссаров. Летом и даже осенью 1944 года, когда в поражении Оси уже не оставалось сомнений, он все еще верил, что устрашающее оружие возмездия изменит ход войны и приведет к победе Гитлера. Каудильо говорил герцогу де Альбе, что оружие вроде космических лучей способно изменить характер войны и что, высадившись в Нормандии, Союзники попали в германскую ловушку: «Я внимательно слежу за операциями, но не вижу восьмидесяти дивизий, которые могут появиться где угодно в любой момент»[47].

На что бы ни надеялся Франко, инстинкт власти заставлял его наводить мосты с Союзниками. Это отчетливо проявилось в его очередном ежегодном выступлении перед Национальным советом Фаланги в понедельник 17 июля, в день восьмой годовщины военного мятежа. Хотя он и облачился в белый летний мундир национального главы, но избегал упоминаний о Фаланге в своей бессвязной, но весьма показательной речи. В ее

первой части каудильо восхвалял себя и перечислял достижения режима в области здравоохранения, образования и обороны, что он скромно назвал «испанским миром» (la paz espanola). Проявив великодушие, Франко объявил о частичной амнистии политзаключенных. Правильность политики режима, по его словам, доказывают массовые народные демонстрации поддержки. Назвав их стихийными, он утверждал, что они претят правительству при его скромности, но вместе с тем считал ответом Испании на клеветническую кампанию, развернутую за рубежом республиканской эмиграцией. Свои призывы к установлению мира, служившие на деле предотвращению полного поражения Третьего рейха и его собственному возвышению, Франко истолковал как способ спасти Европу и человечество. Он заявил, что ввиду коммунистической угрозы Испания готова сотрудничать с послевоенным миром при условии уважения к ее особой политической системе. Он отверг критику из-за рубежа, обвиняющую его режим в недемократичное™, и сказал, что высшая демократия состоит в осуществлении евангелических заповедей. Вот, сказал Франко, чем занимается героический фалангист — «полумонах, полусолдат»[48].

Испанская пресса захлебывалась от восторга, расхваливая каудильо за эту речь[181], в которой он явил миру пример своей Фаланги как результат синтеза фашизма и антифашизма[49]. Утверждая, что с самого начала войны он не покладая рук старался восстановить мир, пресса безудержно превозносила безмерную щедрость каудильо, осыпающего Испанию дарами мира и процветания. Пропаганда тщательно разработала объяснения теории «двух войн», а также оригинальности и уникальности фалангизма[50]. Если бы все эти объяснения были приняты внешним миром, Франко открестился бы от родства с Осью[182].

Третьего августа 1944 года умер от ангины Хордана[183]. Хор, Хейес и Перейра искренне сожалели о кончине этого человека, задолго до Франко осознавшего неотвратимость конечной победы Союзников. Выказывая уважение к Франко, он представлял на его утверждение все инициативы, но в пределах своих возможностей проявлял большее расположение к Союзникам, чем к Оси. Смерть верного и трудолюбивого Хорданы, кажется, совсем не тронула Франко. Он не выразил соболезнований семье покойного и даже не присутствовал на похоронах[51]. Каудильо упустил также прекрасную возможность преодолеть враждебное отношение к себе Союзников, показав, что разрывает со своим прошлым ярого и преданного сторонника.Оси. Напротив, он распорядился вернуть в Мадрид Хосе Феликса Лекерику — отъявленного

коллаборациониста, посла в Виши[52]. Об этом решении несколько дней не объявлялось, хотя оно созрело почти мгновенно. Карсельер не ошибся, заметив, что Франко так или иначе собирался заменить Хордану, ибо, по всей видимости, желал избавиться от неприятного напоминания о реальном ходе событий в период переговоров по вольфраму[53].

Хейес назвал назначение Лекерики «огромной ошибкой»[54]. Прошли годы, но Серрано Суньер все еще изумлялся тому, что Франко на столь высокий пост выбрал Лекерику, «человека гестапо», замешанного в столь многих неприятных событиях того периода[55]. Услышав о смерти Хорданы, сам Лекерика заявил корреспонденту газеты «Вангуардиа» в Виши: «[Министром Иностранных дел] может стать любой, только не я, потому что из-за моей деятельности в Виши в поддержку Оси я должен исчезнуть с международной арены, как только Гитлер потерпит поражение»[56]. Назначив Лекерику, Франко тут же освободил пост заместителя министра, который занимал просоюзнически настроенный Пан де Соралусе.

Как и обычно у Франко, в выдвижении Лекерики не обошлось без хитрости. Каудильо стремился сохранить посты за известными приверженцами Оси — такими министрами, как Асенсио, Арресе, Хирон и Блас Перес. Многие прочили на место Хорданы Альбу или Сангрониса, но если бы Франко, применяясь к ситуации, раздавал посты просоюзнически настроенным министрам, то он не смог бы им доверять. Напротив, Лекерика, жаждавший остаться на плаву, и фалангисты, оглядывающиеся назад, всецело зависели от каудильо и были предельно лояльны к нему из-за безвыходности положения.

Войска Союзников подходили к Парижу, и Франко решил обострившуюся в связи с этим проблему взаимоотношений с Виши просто: не направил в Виши нового посла на смену Лекерике. Девятнадцатого августа в Париже начались бои с немцами, а 24 августа город был освобожден войсками «Свободной Франции», среди которых изгнанники — антифранкисты играли видную роль. Неизвестно, как реагировал каудильо на сообщения о том, что бронемашины под испанскими республиканскими флагами, с такими названиями, как «Гвадалахара» и «Теруэль», в числе первых вошли в Париж. Но легко представить себе, как это встревожило его. Франко разорвал отношения с Виши лишь только после того, как немцы вывезли Петэна в Бельфор, а вишистский посол в Испании Франсуа Пьетри подал в отставку. Двадцать пятого августа Франко признал Жака Труэля (Truelle), главу миссии связи «Свободной Франции» в Мадриде временным поверенным в делах

Франции[57].

В августе Берлин отозвал посла Дикхофа и не прислал ему замены. Когда немцы потерпели поражение во Франции, каудильо столкнулся с новой угрозой. Группы вооруженных испанских республиканцев, сражавшихся на стороне французского Сопротивления, начали скапливаться у границ с Испанией. В Мадриде распространились слухи о том, что Франко будет сброшен, а Фаланга распущена, хотя официальные круги яростно отрицали это[58].

К осени 1944 года особая необходимость в миссиях сэра Сэмюэла Хора и Карлтона Хейеса в значительной мере отпала. Хейес в последний раз получил аудиенцию у Франко 11 сентября 1944 года. Было очевидно, что каудильо, как это ни претило ему, заискивал перед Союзниками и даже лживо утверждал, что с «облегчением» встретил известие об их успехах во Франции. Это заявление резко отличалось от настроений его прессы. «Арриба» теперь ругала немцев за то, что они после поражений вермахта оставили в беде своих друзей. На самом деле Франко до самого конца надеялся на победу Германии. Во время контрнаступления немцев в Арденнах он сказал: «Теперь Союзники увидят, как немцы окружат их». Хейес, приняв слова Франко об успехах Союзников за чистую монету, предложил ему заявить, что Испания не даст пристанища лидерам Оси, если те станут искать убежища за рубежом. В своей обычной манере каудильо уклонился от прямого ответа, заметив, что, по его сведениям, никто из руководителей стран Оси не помышляет искать убежища в Испании, но если бы и попытались, то Союзники схватили бы или убили их задолго до того, как они достигли бы границы[59].

Вернувшись в Англию, Хор займет место в верхней палате парламента как лорд Темплвуд. Он ясно заявил Лекерике, что занятая Франко позиция поддержки Оси уменьшила его шансы быть принятым в послевоенное сообщество наций[60]. Прощаясь с Франко, Хор собирался твердо повторись ему то, что сказал Лекерике, и изложить основы послевоенной политики Союзников в отношении Испании[61].

Начиная с октября 1944 года, Франко как в приватном плане, так и публично развил бурную деятельность, намереваясь убедить Союзников, что никогда не желал им никакого вреда и что его отношения с Осью были направлены только против Советского Союза. Первого октября 1944 года торжественно отмечалась восьмая годовщина прихода Франко к власти. Как до этого события, так и во время него, пресса вовсю расхваливала неустанные миротворческие усилия каудильо, начавшиеся еще в 1939 году. Любые намеки на то, что Испания оказывала услуги

Оси, объявлялись грязными происками эмигрантского «красного отребья». Нагло извращая факты, Франко похвалялся тем, что не воспользовался слабостью Франции летом 1940 года[62].

В середине сентября 1944 года Карреро Бланко представил каудильо меморандум по вопросу о послевоенном мире. Основная его идея состояла в том, что Британия, сражаясь с Германией, выбрала не того врага и тем самым навязала безбожной России роль сверхдержавы. Поскольку германское чудо-оружие в лучшем случае обеспечит Гитлеру мир путем переговоров, Испании следует выступить теперь посредником перед Британией, чтобы предотвратить полное уничтожение Третьего рейха[63]. В соответствии с этим, 18 октября 1944 года каудильо написал герцогу де Альбе письмо, содержание которого послу поручалось передать Черчиллю. На тексте письма в известной мере сказалось влияние меморандума Карреро Бланко. Предлагая в будущем Британии англо-испанский антибольшевистский альянс, Франко анализировал ситуацию в прогитлеровском духе: «После тяжкого испытания, через которое прошла Европа, среди наций с большой численностью населения и богатыми ресурсами проявили свою силу и стойкость Англия, Испания и Германия». Однако Германия так же, как Франция и Италия, неспособна теперь противостоять России. Американское господство в Европе станет катастрофой. Поэтому Британии и Испании необходимо сотрудничать, чтобы разгромить коммунизм. Каудильо отверг обвинения в том, что пособничал Оси, назвав свои действия «серией мелких инцидентов». В минувшие годы единственным препятствием на пути улучшения англо-испанских отношений, утверждал он, проявляя невероятную близорукость, было британское вмешательство во внутренние дела Испании, особенно со стороны британской секретной службы. Франко делал хитроумный вывод: любая помощь антифранкистской эмиграции сыграет лишь на руку русским[184]. Британскому министру иностранных дел письмо будет передано лишь 21 ноября[64].

Для самого Франко разговоры о борьбе против коммунизма были отнюдь не риторическими. В октябре 1944 года его высшие генералы оставили на время свои мятежные замыслы, ибо происходящее встревожило их. В Валь-д'Аран, в Пиренеях, вошли испанские республиканцы, сражавшиеся на стороне французского Сопротивления. Большую часть этой группы составляли коммунисты, хотя находившееся в Москве руководство КПП тщетно пыталось предотвратить попытку вторжения. Отпор партизанам и последующая война с ними были'для каудильо даром судьбы. Хор сообщал в Лондон: «Безрассудные действия

нескольких сотен испанских авантюристов на границе позволили ему [Франко] попозировать, изображая себя предводителем борьбы с вторжением красных. Это также дало ему предлог арестовать и казнить громадное число своих политических противников»[65]. Благодаря этой акции пробудился ментапитет Гражданской войны, армия поразмялась, а офицерский корпус снова сплотился вокруг Франко[66]. Как командующий Бургосским военным округом, Ягуэ играл решающую роль в подавлении мятежных республиканцев.

Это небольшое второразрядное военное антикоммунистическое шоу, возможно, внушило Черчиллю симпатии к идеям, изложенным в письме каудильо. Во всяком случае, когда русские обвинили Испанию в том, что она с 1939 года стала базой снабжения немцев, Черчилль 23 апреля 1944 года направил британскому послу в Москве телеграмму: «Очень хорошо, что Франко не пропустил немцев через территорию Испании для нападения на Гибралтар и дальше в Северную Африку. Не забывайте сами и напомните нашим друзьям, когда представится возможным, что в то время мы были абсолютно одни в мире (советская сторона снабжала немцев важным военным снаряжением). Так что не стоит считать, что в прошлом все было скверно»[67].

Ярко выраженный реализм Черчилля в защите британских интересов играл на руку Франко. Другие британские министры придерживались иной точки зрения. Вслед за меморандумом Хора, в высшей степени критическим, заместитель премьер-министра Клемент Эттли (Attlee) представил 4 ноября 1944 года Военному кабинету записку, в которой исключал возможность прямого вторжения в Испанию, но предлагал меры подрыва диктатуры: «Мы должны использовать любые методы, способствующие ее падению. Особенно в экономической области нам необходимо сотрудничать с Соединенными Штатами и Францией, отказывая в благоприятствовании теперешнему режиму». Эттли считал, что «Британия рискует предстать как единственная внешняя опора Франко»[68]. Враждебное отношение Эттли к Франко разделял и министр иностранных дел Иден.

Каудильо, возможно, знал, что происходит в Уайтхолле. Черчилль давным-давно публично изложил свою точку зрения, а герцог де Альба был прекрасно осведомлен о том; что происходит в высших политических сферах Лондона. Пока на страницах франкистской печати вовсю упражнялись сторонники нацистов, Франко прикидывался другом Союзников, с серьезным видом проявляя чудеса цинизма. Его интервью директору иностранной службы агентства Юнайтед Пресс, Э.Л. (A.L.) Брэдфорду,

опубликованное 7 ноября и широко распространенное, имело форму письменных ответов на заранее подготовленные вопросы. Составлять ответы Франко помогал Дуссинаге[69]. Франко создал не просто извращенную, но бесстыдно лживую версию своей политики за предыдущие пять лет. Он, разумеется, не упомянул о том, как во время поражения Франции в 1940 году обращался к Гитлеру с просьбой о расчленении Французского Марокко, и изобразил свое отношение к Франции дружественным и рыцарским (hidalgufa). Самым нелепым в интервью выглядело утверждение, будто Голубая дивизия «не была связана ни с завоевательными идеями, ни с агрессивным отношением к какой-либо стране». «Поняв, что участие этих добровольцев в войне может рассорить Испанию со странами-Союзницами, испанское правительство предприняло необходимые шаги по возвращению добровольцев домой».

Франко отверг обвинения в диктаторском характере своего режима, высокомерно заявив, что «некоторые особенности испанского темперамента» сделали невозможным сохранение демократических институтов. Как строгий отец нации, он изрек, что демократия закончилась для испанцев сплошным насилием. Каудильо восхвалял католические принципы своего режима, его «органическую демократию» и «дух справедливости». Сделав ряд отступлений, явно в угоду американской общественности, он, в частности, сказал, что открытие

Америки придало Испании «американский характер». Франко бесстыдно потребовал, чтобы Испании предоставили место на послевоенной мирной конференции, мотивируя это своим «спокойным и беспристрастным пониманием того, что справедливо, а что нет». При этом он заявил, что внутренний режим в Испании не препятствует этому. На потребу англо-саксонскому общественному мнению Франко дал неопределенное обещание насчет будущих выборов и сделал крайне темные намеки на то, что будет установлена новая монархия. Испанская печать наполнилась публикациями о «всеобщем ожидании» нового, сообщая, что весь мир благоговейно восхищается «чрезвычайной важностью» высказываний Франко[70]. Неизвестна реакция каудильо на донесения своих послов со всего света о том, что почти повсюду его заявления были встречены в штыки[71].

В столицах великих держав такая вопиющая лживость возымела эффект, прямо противоположный ожидаемому. В Лондоне министр иностранных дел был вне себя от возмущения[72]. Представитель британского правительства сказал в палате обшин, что «нет никаких оснований для того, чтобы страна, не внесшая никакого позитивного вклада в военные

усилия Объединенных Наций, была представлена на мирной конференции». Британская пресса напомнила о самых развязных прогерманских речах Франко[73]. В Вашингтоне Рузвельт и Корделл Халл заняли твердую позицию, возражая против членства Франко в Организации Объединенных Наций[74]. Возможно, к счастью для каудильо, Халл собирался выйти в отставку по состоянию здоровья. Халла сменит его заместитель — Эдвард Стеттиниус.

Иден предложил, чтобы посол в Вашингтоне лорд Галифакс попросил правительство США поддержать британский план — официально предупредить Франко, что Испании не следует рассчитывать на полномасштабную роль в послевоенном мире. Это подкрепится нефтяным эмбарго. Проект телеграммы Идена был составлен в самых твердых выражениях. Пояснялось, что «самодовольство» Франко основано на ошибочном убеждении, будто его режим пользуется одобрением как британского, так и американского правительств. «Следовательно, он верит, что ему удастся вести двойственную политику: тоталитарную — в Испании и дружественную — с Союзниками-победителями». Особенно негодовал Иден по поводу «наглых предположений Франко, будто фалангистская Испания имеет право на место за столом мирной конференции»[75]. Черчилль ответил на предложение Идена так: «С внутренним режимом в России я согласен не больше, чем с испанским, но предпочел бы жить в Испании, а не в России». Справедливо убежденный, что Франко скорее умрет, чем отдаст власть, премьер-министр писал: «То, что вы предлагаете, означает подталкивание к революции в Испании. Вы начинаете с нефти, а скоро кончите кровью. Если коммунисты станут хозяевами в Испании, можно ожидать, что инфекция скоро распространится по Италии и Франции»[76]. Телеграмма не пошла.

Трения, вызванные этими двумя подходами, будут накладывать отпечаток на британскую политику в отношении Испании до конца сороковых годов. Где трения, там и бездействие, а это всегда играло на руку каудильо. Двадцать седьмого ноября 1944 года Военный кабинет в Лондоне обсуждал различные документы, касающиеся Испании, включая крайне критический меморандум Хора от 15 октября, а также недавно переданное письмо Франко. Черчилль признал, что, вполне возможно, Франко вдохновила на письмо его речь 24 мая в палате общин. Энтони Иден добился согласия Черчилля на то, чтобы ответ каудильо был выдержан в духе, не оставляющем сомнений: в будущем мироустройстве Британия не объединится с Испанией против России[77].

Второго декабря 1944 года Черчилль написал Идену: «Я постараюсь сделать все возможное, чтобы дописать Ваше

оскорбительное письмо Франко после выходных дней, но гарантий дать не могу. Со времен уничтожения Непобедимой армады отношения между Англией и Испанией претерпели множество перемен, и едва ли несколько часов размышлений над моей частью письма, за которое я несу ответственность, сильно повлияют на ход истории»[78]. Хор уже составил — 13 ноября — проект своей резкой прощальной речи Франко. Он сказал Черчиллю: «Самодовольства генерала Франко не пробьешь ничем, разве что мощной взрывчаткой».

Однако у слишком занятого Черчилля не хватало времени на Франко, и 12 декабря 1944 года, когда у Хора состоялась последняя встреча с каудильо, письмо премьер-министра все еще не было написано. Сэр Сэмюэл сказал Франко, что его недавние авансы Черчиллю вряд ли принесут ему успех, но эти слова ничуть не смутили каудильо. «Самодовольный и невозмутимый», Франко слушал резкую критику Хора почти не прерывая его, но все же возразил против утверждения, что Фаланга — партия, подобная нацистской или фашистской. Когда британский посол упомянул о большом числе казней, все еще происходящих в Испании, каудильо сообщил, что планирует провести реформы. К раздражению Хора, он «не проявил никаких признаков озабоченности будущим Испании». Только уходя, посол заметил «признаки того, что в этой невенти-лируемой усыпальнице самодовольства потянуло ветром. Фотографии Папы Римского и португальского президента Кармоны заняли почетные места на письменном столе, ранее занимаемые Гитлером и Муссолини». Хейес обратил внимание на эти перемены в июле 1944 года[79].

Идеологические симпатии Франко, несомненно, изменились В связи с распространившимися в декабре слухами о том, что Союзники собираются поставить вместо него правительство, которое возглавит консервативный республиканец Мигель Маура[80]. Грандиозный бал, устроенный 23 декабря 1944 года в Пардо по случаю «выхода в общество» (presentacion en sociedad) 18-летней Кармен Франко, был проведен с напускным спокойствием. Но это празднество отражало также и безумную любовь каудильо к Ненуке, как он звал свою дочь, и страстное его тяготение, а особенно его жены к королевской помпезности. Роскошный обед был рассчитан на две тысячи персон. Сначала решили не приглашать никого из дип-корпуса, однако в последнюю минуту, дабы снискать расположение американцев, пригласили Хейеса, его жену и дочь. Подавляющее большинство гостей составляли военные друзья «генералиссимуса» и франкистские придворные. Старая аристократия проигнорировала это мероприятие. Танцевали в салонах XVIII

века, затем самые видные артисты испанской эстрады дали концерт. На следующее утро по-королевски сопровождаемая епископом мадридского района Алкала (Madrid-Alcala) Кармен посетила один из домов для престарелых[81].

Это событие, несомненно, должно было продемонстрировать тем, кто предвкушал скорый переход к монархии, что положение Франко прочно, настроение его безоблачно и он хранит, как всегда, «слепую веру» в свою добрую судьбу. Пока верхушка режима развлекалась и танцевала ночь напролет, вооруженная тайная полиция арестовала множество хорошо известных лиц испанского истеблишмента. Ранним утром зловещие визитеры нагрянули в дома тех, кто стоял выше подозрений, но кому приписывали подрывную деятельность — например к знаменитому интеллектуалу-консерватору доктору Грегорио Мараньону и бывшему члену СЭДА и министру юстиции Кандидо Касануэве. Позже Лекерика пытался откреститься от причастности режима к этим инцидентам, неуклюже сваливая вину на «коммунистические элементы» в полиции, которые хотят скомпрометировать режим. Истинное преступление арестованных состояло в контактах с Хилем Роблесом или Мигелем Маурой[82]. Франко действовал безжалостно, когда чувствовал угрозу.

Тем не менее вера в свою звезду, публично продемонстрированная на балу в честь Ненуки, была не так уж и беспочвенна. Одиннадцатого декабря Черчилль написал Идену о проекте ответа Франко, подготовленном министерством иностранных дел: «Не уверен, что верно определен баланс помощи и препятствий со стороны Испании во время войны... Поэтому я хотел бы видеть пассажи, в которых говорится о наших претензиях, несколько сокращенными...»[83] Черчилль в конце концов одобрил несколько измененный вариант письма. Оно было послано 20 декабря 1944 года, а вручено Франко только в начале января 1945 года. Копию письма направили Сталину.

Признавая, что Испания не участвовала в войне в июне 1940 года и сохраняла нейтралитет во время операции «Факел» в 1942 году, Черчилль напоминает каудильо о масштабах германского влияния в Испании и о многих декларациях Франко о том, что поражение Союзников «и желательно, и неизбежно». Премьер-министр без обиняков заявил: «Правительство Его Величества не поддержит намерение Испании участвовать в будущем мирном урегулировании. Сомневаюсь также, что Испанию пригласят вступить в будущую всемирную организацию». По поводу антирусских заявлений Франко Черчилль написал: «Я ввел бы Вас в серьезное заблуждение, если бы сразу не устранил превратное представление о том, будто Правительство Его Величества готово

рассмотреть вопрос о блоке держав в Западной Европе или в другом месте, основой которого станет враждебность по отношению к нашим русским союзникам или мнимая необходимость обороны против них»[84].

Копия письма Черчилля Франко была направлена в госдепартамент США. К ней прилагалось письмо, излагавшее британскую политику в отношении каудильо. В тексте ясно указывалось: Лондон весьма желал бы смещения Франко и ликвидации Фаланги как «неудачной аномалии». Однако попытка сместить каудильо силой нежелательна, поскольку она приведет к новой гражданской войне[85]. Эта политика останется неизменной в течение многих лет. Франко извлечет значительную выгоду из ее противоречивости. В частности, он получит возможность раздувать антибританские настроения, опираясь на враждебную риторику британцев, за которой на самом деле стояла безопасная политика невмешательства — примерно такая же, как в период Гражданской войны. И для Франко она сыграет ту же роль — будет способствовать его интересам и позволит ему в удобное время разжигать злобу к «коварному Альбиону».

Получив письмо от Черчилля, Франко ничуть не смутился и продолжал с прежней энергией переписывать историю, что уже вошло у него в привычку. Отвечая Черчиллю, Франко интерпретировал его письмо как дружественный призыв к сердечным и тесным отношениям между Британией и Испанией[86]. Существа же дела каудильо не коснулся. Начав с осени 1944 года изображать тайного друга Союзников, Франко занимался этим до конца войны. Помогал ему в этом беспросветно циничный Лекерика, которому ничего не стоило солгать. В начале октября он заверил Хора, что Франко жаждет вырваться из-под нацистского и фашистского влияния и последовать во внешней политике курсу Великобритании[87]. Лекерика эксплуатировал эту идею все чаще и чаще, но особенно вызывающе прозвучала она в его интервью корреспонденту Ассоши-эйтед Пресс Чарльзу Фолтцу (Foltz), когда он повторил слова Франко из интервью агентству Юнайтед Пресс: «У Испании — американская судьба»[88].

С декабря 1944 года в испанской прессе усилились антибольшевистские выступления, призванные подтвердить заявления каудильо о том, что он испытывает враждебность только к коммунизму, но не к демократическим странам[89]. Геббельс отметил в дневнике: «За нами нет никакой серьезной политической поддержки. Франко — это помпезный осел»[90]. В первой половине 1945 года перед каудильо стояла задача приспособиться к будущему. Он понимал, что Союзникам не

составит труда сбросить его, если они захотят этого, ибо большая часть былых соратников попросту разбежится. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Франко начал расправляться с заговорщиками из монархического лагеря. Хорошо известные фигуры из предвоенных крайне правых[185] были арестованы и высланы за границу[91]. Их судьба оказалась, однако, куда легче той, которую каудильо уготовил своим противникам слева. Частые казни «коммунистов» по-прежнему продолжались[92].

Тем не менее Франко знал, что на одних репрессиях он не продержится, если изменится международная ситуация, поэтому связал надежды с американцами, которые для обеспечения антикоммунистической стабильности в Испании предпочли бы его республиканской оппозиции или дону Хуану де Бурбону. Уверенность каудильо в этом окрепла после того, как Карлтон Хейес заверил его в том, что Рузвельт ни при каких обстоятельствах не попытается совершить вмешательство во внутренние дела Испании[93]. Франко показал, что благодарен Хейесу, когда тот в середине января 1945 года уезжал из Мадрида в Соединенные Штаты. Пока каудильо последний раз беседовал с дипломатом, донья Кармен и Ненука устроили чай для миссис Хейес и ее дочери, прецедентов чему не было. Послу подарили его портрет, написанный модным художником Суло-агой (Zuloaga). Его работу оплатило правительство[94].

Британский временный поверенный в делах Джеймс Боукер (Bowker) сказал о Франко, что тот «обработал Хейеса, пока тот не остыл». Каудильо, исходя из внутриполитической обстановки, явно искал американской дружбы, ибо надеялся поднять свой международный престиж, а тем самым морально укрепить своих сторонников и сломить дух противников. Как и часто приводимые прессой сопоставления Хейеса с Хором (не в пользу первого), эта акция преследовала цель посеять рознь между британским и американским посольствами в Мадриде[95]. Фалангистские привратники получили указание вывесить на каждом доме американский и испанский флаги, когда преемник Хейеса, Норман Армур (Armour), прибыл для вручения своих верительных грамот. Каудильо считал Соединенные Штаты рассадником опасного франкмасонства и как-то сказал своему другу, что чувствует неловкость, разыгрывая американскую карту и попадая в зависимость от «американской политической истерии»[96].

Франко, укрепившись в своих предубеждениях, сделал все, чтобы польстить Армуру. В личном плане эти попытки оказались безуспешными, но пропаганда использовала их сполна. Когда каудильо пригласил Армура на обед в Пардо, пресса поместила фотографии посла, сидящего за одним столом с министром-

секре-тарем Фаланги. Создав впечатление, что он располагает американской поддержкой, Франко обеспечил себе лояльность своих генералов[97]. На самом же деле Соединенные Штаты проводили в отношении каудильо более враждебную политику, чем Британия, хотя политические круги Вашингтона были не склонны ни к экономическим санкциям ни к какому другому вмешательству с целью убрать Франко, поскольку пока не видели режима, который мог бы сменить его. Как и англичане, американцы опасались, как бы не вспыхнула новая гражданская война[98]. Поэтому весной 1945 года внешнеполитические ведомства обеих стран достигли согласия по вопросу о политике, проводимой в отношении Франко[99].

Ялтинская конференция, проходившая с 4-го по 11 февраля 1945 года, призвала к проведению свободных выборов в освобожденных странах. Опытный каудильо понимал, что Сталин вряд ли допустит выборы в Польше или Венгрии и что он, Франко, тоже может избежать их без фатальных для себя политических перемен.

Одиннадцатого февраля японские военные устроили в Маниле кровавое побоище, в ходе которого многие люди, нашедшие убежище в испанском генеральном консульстве, были убиты. Весь март пресса нагнетала деланное возмущение и высказывала предположения, что Испания объявит войну Японии[100]. После двухмесячных размышлений Франко разорвал дипломатические отношения с Японией[101]. Поступи он так годом раньше, по следам «дела Лауреля», это еще имело бы смысл, а теперь его акция в отношении далекой Японии оказалась ничего не значащим жестом в адрес Оси[186].

Гитлер был крайне недоволен почти нескрываемым желанием каудильо «получить от Америки хорошую отметку». Разгадав смысл этого, фюрер отметил: «В душе Франко понимает, что сейчас плохо разыгрывать британскую карту, и больше полагается на Америку». Гитлер не раз возвращался к этой теме. Он говорил: «Американцы активно работают за кулисами, чтобы провести на международной арене не только Советы, но и британцев. Это, похоже, заметил и Франко». Фюрер был убежден, что «Франко пытается всеми возможными средствами заполучить место в большой игре, и с Британией ему это не удалось — да у Британии к тому же теперь слишком мало сил, чтобы оказать ему необходимую защиту, — поэтому он пытается добиться того же с помощью Соединенных Штатов»[102].

О трудностях каудильо, стремившегося упрятать в тень свои недавние пристрастия, можно судить по письму, которое Рузвельт 10 марта 1945 года направил своему новому послу в Мадриде.

Речь в нем шла о недавно достигнутом согласии между Британией и Соединенными Штатами по вопросу политики в отношении Испании. Президент ясно и четко излагает свою позицию: сиюминутные перемены в испанской политике не сотрут воспоминаний о событиях испанской войны и о деятельности Фаланги. «Вмешательство во внутренние дела других стран, если не существует угрозы международному миру, — это в обычных обстоятельствах не наша практика, — напоминает президент и далее заявляет: — Я не вижу места в сообществе наций для правительства, опирающегося на фашистские принципы»[103]. Хотя письмо Рузвельта не оглашалось для прессы до 26 сентября 1945 года, Армур при первой же возможности передал его содержание Лекерике. На этой стадии Вашингтон и Лондон проявили единодушие, надеясь, что вскоре ,на место Франко придет режим, «основанный на демократических принципах, умеренный, прочный и не обязанный своим существованием какому-либо внешнему влиянию»[104].

Близкое поражение Оси сильно тревожило каудильо. Когда 24 марта Армур вручал свои верительные грамоты, Франко все излагал свою «теорию двух войн». Неохотно признав, что нацизм обречен, он все же не упустил случая напомнить в этой связи о коммунистической угрозе. Армур, не отклоняясь от линии, изложенной в письме Рузвельта, заявил Франко, что для американского народа Фаланга символизирует коллаборационизм с Осью. Каудильо лицемерно возразил, что Фаланга — не политическая партия, «а скорее объединение лиц, имеющих общие интересы и цель — благоденствие Испании, поддержание порядка, развитие страны в соответствии со здоровыми религиозными, культурными и экономическими критериями и так далее. Она открыта для каждого, и в ней состоят представители всех слоев общества». Еще более поразило посла бессовестное хвастовство каудильо насчет достижений режима «в восстановлении разрушений, причиненных гражданской войной, и излечивании ран, нанесенных озлоблением — неизбежным следствием конфликта». Когда же Армур напомнил Франко о тысячах политических заключенных в испанских тюрьмах и продолжающихся казнях, Франко выразил сожаление о том, что поступают столь неверные сведения, и с удовлетворением сказал, что в Испании только 26 тысяч политических заключенных[187]. Эта ужасающая цифра почти наверняка была занижена, ибо не включала заключенных, занятых на принудительных работах, и другие категории[105].

Давление побеждающих Союзников, несомненно, поднимало

дух противников Франко в изгнании и внутри страны. Однако каудильо вполне мог рассчитывать на непримиримые разногласия между республиканскими эмигрантами и растущую напряженность в отношениях между Союзниками. Тем временем раздоры в среде высших генералов становились все отчетливее. Рафаэль Гарсиа Валиньо и Антонио Аранда, самые яркие и амбициозные из них, начали играть открытыми картами. Полностью отдавая себе отчет в происходящем, Франко, взяв инициативу в свои руки, 4 марта объявил о ряде важных назначений. Варела стал верховным комиссаром в Марокко — к большому огорчению своего предшественника Оргаса, возглавившего генеральный штаб. Решающим было назначение пронациста Муньоса Грандеса, человека, не вынимавшего изо рта сигареты, на пост командующего Мадридским военным округом, ключевой, с точки зрения политической безопасности каудильо. Франко сделал умный ход: Муньос Грандес, один из лучших его генералов, политически сжег за собой мосты, поэтому ему оставалось лишь поддерживать существующий режим. На его прежний пост администратора штаб-квартиры Франко вновь вернулся генерал Хосе Москардо, лояльная посредственность, а командовать Барселонским военным округом после него стал суровый и преданный генерал Хосе Солчага. Эти хитроумные перемещения были произведены с тем, чтобы ни одной группировке в армии не удалось завладеть ключевыми позициями и угрожать Франко[106].

Каудильо почувствовал серьезную угрозу, когда дон Хуан, поощряемый генералом Кинделаном и своими гражданскими советниками, издал 19 марта 1945 года так называемый Лозаннский манифест, осуждающий тоталитарный характер франкистского режима и его связь с Осью и призывающий Франко открыть путь к умеренной, демократической, конституционной монархии[107]. Хотя в испанской печати манифест не публиковался, его передало радио Би-би-си. Для наблюдения за подготовкой перехода к монахии была создана группа высокопоставленных монархистов, в которую входили герцог де Альба, генерал Аранда, Альфонсо де Орлеане и Кинделан. Превысив возложенные на них полномочия, они составили проект текста декрета об объявлении монархии и создании временного правительства[188][108].

Лозаннский манифест предлагал известнейшим монархистам оставить занимаемые ими посты. Первым это сделал Альба, оставив место посла в Лондоне[109]. Его примеру последовал генерал Альфонсо де Орлеане, возглавлявший ВВС. Однако этим все и ограничилось. Вместо взрыва раздался пустой хлопок.

Франко приказал посадить генерала де Орлеанса под домашний арест в его имении под Кадисом[110]. Два известных католических деятеля — Альберто Мартин Артахо, председатель Католического действия[189], и Хоакин Руис Хименес направились к дону Хуану с поручением передать ему, что Церковь, армия и большая часть монархического лагеря остались верны Франко. Они могли не упоминать о том, что Фаланга решительно противится реставрации[111]. Со стороны дона Хуана, не заручившегося военной поддержкой Союзников и не заключившего предварительного соглашения с испанской армией и Церковью, было наивно рассчитывать, что Франко уйдет со сцены, проявив порядочность и здравый смысл. Альба, горько разочаровавшийся в каудильо, сказал Мартину Артахо: «Все, чего он хочет, это остаться у власти навсегда. Он надменен и поглощен властью. Он всезнайка и безоглядно рискует в нынешней международной ситуации»[112]. Франко сказал о себе Кинделану: «Пока я жив, мне никогда не быть королевой-матерью»[113].

О том, как серьезно воспринял каудильо Лозаннский манифест, свидетельствует его молниеносная операция по нейтрализации оживившихся промонархических настроений в высшем командовании. На 20 марта он назначил заседание Высшего совета вооруженных сил. Заседание длилось три дня, до 22 марта, и место председательствующего обычно занимал Франко. Отвергнув призыв Кинделана реставрировать монархию, он сделал разнообразные попытки оправдать свои действия. Привычка принимать желаемое за действительное проявилась еще определеннее под влиянием острого отчаяния и заставила его безоглядно лгать собравшимся. Каудильо сообщил своим генералам, что в Испании царят такой порядок и довольство жизнью, что другие страны, включая Соединенные Штаты, скоро начнут подражать фалангисгским принципам и внедрять их у себя. Он заявил, что Британия — конченая страна, аргументируя это фантастическим утверждением, будто Черчилль поведал ему, что он — заложник франкмасонов. Дабы унять тяготение своих генералов к заговорам, Франко начал запугивать их коммунистической угрозой, считая ответственной за это Британию, наиболее активно поддерживавшую монархистов. Он говорил, что с Соединенными Штатами его связывают самые сердечные отношения и подтвердил это несуществующим заверением в поддержке его правительства, будто бы сделанным американским президентом. Однако в это время каудильо уже знал о письме Рузвельта послу Арму-ру. Он заявил также, что республиканство генерала Молы помешало его попыткам поставить на повестку дня вопрос о реставрации монархии.

Только Кинделан попытался возразить на некоторые абсурдные утверждения Франко, но тот лишь беззлобно посмеялся над ним. Многие же другие генералы, казалось, были удовлетворены услышанным[114].

Ежегодные празднования, посвященные победе в Гражданской войне, были рассчитаны на усиливающуюся оппозицию. Пресса превозносила каудильо, спасшего испанский народ от «мученичества и преследований», уготованных ему ошибками монархии[115]. Первоапрельский парад в честь шестой годовщины Франко принимал сидя на коне. Пресса уделила празднованию еще больше места, чем обычно, на все лады расхваливая победу каудильо над «ворами», «убийцами» и коммунистами Второй республики и завуалированно намекала на то, что эти же преступники плетут заговоры, намереваясь вернуться к власти с помощью Союзников. Республиканскую эмиграцию поносили за утверждение, что Гражданская война была первой битвой грядущей мировой войны[116]. При этом предпочли забыть, что тот же самый тезис Франко использовал в своих интересах, надеясь собрать крошки со стола Гитлера для своей империи.

Именно на этом этапе каудильо, решив подчистить прошлое, пустил в ход вопиюще грубый прием. В первой половине апреля 1945 года на заседании кабинета, длившемся несколько дней, он предложил обсудить идею принятия «монархической формы правления». Это навело бы мосты с общественностью, позволило бы противостоять активности дона Хуана и преодолеть враждебность Союзников к режиму, основанному на фашистских принципах. Для решения вопроса о наследнике предлагалось организовать Совет по делам монархии (Consejo del Reino) — значимость этого жеста снижало заявление о том, что. Франко по-прежнему останется главой государства, а король, назначенный этим советом, не сядет на трон, пока каудильо не умрет или не оставит власть сам. Было объявлено также о будущей псевдоконституции, известной под названием Хартия прав испанского народа (Fuero de los Espanoles)[190]. Предлагалось освободить от цензуры иностранных корреспондентов. Смертная казнь за нарушения закона, совершенные во время Гражданской войны, якобы отменялась, хотя на самом деле ее совершили и в 1963 году[117].

Еще больше энергии затратил каудильо, стараясь поссорить Соединенные Штаты с Британией[118]. Новым послам был оказан совершенно различный прием. Назначение Лондоном 22 апреля сэра Виктора Мэллита (Mallet) пресса осветила куда сдержаннее, чем прибытие за пять недель до этого Нормана Армура[119]. Двенадцатого апреля умер президент Рузвельт, и его сменил

Гаррй С. Трумэн. Но для Франко это ничего не меняло. Прямой Трумэн не выносил лживости Франко, ненавидел его репрессивный режим и религиозный фанатизм, возмущался постоянными выступлениями против франкмасонства, либерализма и демократии. Тем не менее в Испании все усиливалась информационная кампания, призванная создать впечатление, будто Америка твердо поддерживает каудильо. Публиковались сфабрикованные слухи о том, что Вашингтон якобы просил Франко укреплять Фалангу как противодействие русской угрозе[120].

Не подлежит сомнению: каудильо задумал перемены, желая убедить западных Союзников в подготовке крупных реформ. Так Франко противодействовал советским требованиям предпринять меры против него. Поверхностность реформ лукаво объясняли необходимостью сохранить стабильность в стране и избежать новой гражданской войны. Асенсио и Лекерика говорили Армуру, что «русские, лелея планы господства в Европе, попытаются использовать не столь уж малочисленные элементы в Испании, которые расположены к ним, чтобы вызвать взрыв насилия»[121].

Как из страха перед будущим, так и из идеологической солидарности режим Франко в целом продолжал, вопреки всему, надеяться, что поражение Гитлера может быть предотвращено. Последний германский гарнизон на юге Франции получал через испанские порты на берегу Бискайского залива продовольствие и амуницию, а это требовало официального разрешения на весьма высоком уровне[122]. Когда Союзные силы увидели леденящие душу лагеря массового уничтожения — британцы в Бельзене, американцы в Бухенвальде и русские в Аушвице, — нацистским официальным лицам начали выдавать испанские удостоверения личности[123]. Франкистская печать пыталась представить ужасы массового уничтожения как неизбежное следствие войны[124]. Когда Берлин пал, пресса воздала дань восхищения вдохновляющему присутствию Гитлера при обороне города и выдающимся боевым достоинствам вермахта. «Информасью-нес» заявила, что фюрер, пожертвовав собой ради Европы, не применил свое секретное оружие. Победа Союзников объяснялась преимуществами материального превосходства над героизмом. Вслед за невнятным объявлением о том, что в Испании не произойдет внезапных политических перемен, пресса объявила Франко оплотом мира против анархии. Каудильо регулярно появлялся в фалангисгской форме, многие видные деятели режима пришли в германское посольство, чтобы выразить соболезнование по случаю смерти фюрера[125]. Каудильо не разрывал дипотношений с Третьим рейхом до 8 мая — Дня

победы в Европе[126].

Окончание войны в Европе сопровождалось самыми восторженными похвалами в адрес «каудильо мира» — за мудрость и твердость, позволившие ему даровать мир Испании. Как писала газета «Арриба», окончание войны — это «победа Франко». «А-бэ-сэ» опубликовала на первой полосе фотографию каудильо с подписью: «Он, очевидно, избран промыслом Господним. Когда кругом царил мрак, он обладал ясным видением... и отстаивал и защищал нейтралитет Испании»[127].

Теперь у Франко были развязаны руки и он мог посвятить себя урегулированию отношений с победившими Союзниками. Каудильо вел опасную двойную игру, возможную только при его полном контроле над средствами массовой информации в Испании. Часть игры состояла в том, чтобы окружить себя сторонниками, убедив их в том, что Испания оказалась в кольце международной осады. После окончания войны этой пропагандистской линии предстоит исполнить ведущую роль, но оформляться она начала в период «вольфрамового кризиса». Гражданскую войну теперь изображали образцом победоносного объединения Испании против иностранного вмешательства, а Фалангу, или Движение — как ее все чаще стали называть, — институциональной гарантией единства[128].

Испанский нейтралитет во Второй мировой войне в течение последующих тридцати лет прославлялся как величайшее достижение Франко. Однако каудильо избежал участия в войне не потому, что обладал политическим мастерством и даром предвидения, а скорее благодаря удачному стечению обстоятельств, за которыми он наблюдал в основном пассивно: после катастрофического вступления в войну Муссолини Гитлер начал с подозрением относиться к еще одному безденежному союзнику; кроме того, фюрер не мог заплатить высокую цену, назначенную каудильо за свое участие в войне; наконец, умелое использование дипломатами Союзников инструмента британских и американских поставок продовольствия и топлива в экономически разрушенную Испанию. При таких обстоятельствах не удивляет, как сказал фон Шторер генералу Краппе в октябре 1941 года, осознание фюрером того, что Испания полезнее для Германии под ширмой нейтралитета, ибо она станет ее единственным окном в британской блокаде[129]. Нейтралитет Франко прежде всего был обусловлен удручающим экономическим и военным состоянием Испании, потрепанной Гражданской войной — несчастьем, из которого каудильо извлек, таким образом, огромную пользу.

Глава 21 ГЕРОЙ В ОСАДЕ

1945 —1946 годы

В конце войны вся франкистская пропагандистская машина сосредоточилась на задаче переписать историческую роль Франко во Второй мировой войне, базируясь на похвалах, которые прозвучали в выступлении Черчилля в палате общин в 1944 году. И всю последующую жизнь Франко будет утверждать, что никогда и не помышлял о вступлении в войну[1]. Однако весной 1945 года каудильо знал, что ему в следующие месяцы предстоит вести свой корабль через штормовые моря, а поэтому прежде всего ему надо набрать преданную команду. Исходя из этого, он в последние месяцы войны, помимо перетряски в военных округах в интересах безопасности, произвел в офицеры значительное число воинственных фалангистов с курсов офицерской подготовки фалангистского студенческого союза — Испанского университетского синдиката — и создал Гвардию Франко (Guardia de Franco), полувоенное формирование фалангистов-фанатиков. Каудильо позаботился и о том, чтобы высших монархистов-хуанистов держали подальше от ключевых постов, которые позволили бы им поставить под угрозу его положение и усилить позиции дона Хуана.

После 1936 года Франко виделись бесконечно богатые перспективы. Поражение Оси означало конец пррдвижению вперед, которому, казалось, не будет конца — от мятежника до генералиссимуса и главы государства, потом еще немного — и он стал бы императором. Со свойственным ему безмятежным оптимизмом, всегда вдохновлявшим тех, кто был с ним во время стычек в Марокко и в сражениях Гражданской войны, Франко не проявил никаких признаков тревоги, увидев, как рушатся его мечты. Во все, что делал каудильо, он всегда привносил элемент фантазии, и, возможно, поэтому он был способен, не оглядываясь назад, поставить перед собой новую цель — в данном случае свое политическое выживание, теперь представленное им обществу как борьба не на жизнь, а на смерть за саму душу Испании. Неистребимый эгоизм помог ему легко перенести разгром его бывших благодетелей — Гитлера и Муссолини. Это казалось не столь уж значительным по сравнению с его собственной провиденциальной миссией.

Теоретически стратегия выживания каудильо выглядела простой, даже если осуществление ее было сложным. Внутри страны ему пришлось немало поработать над укреплением трех

столпов режима — Церкви, армии и Фаланги. Вместе с тем для внешнего мира Франко приходилось демонстрировать католическую и монархическую основу режима и скрывать фашистское начало, дабы создать впечатление уникальности испанского государственного устройства. Все это преследовало одну цель — остаться у власти. Почти десять лет он жил в атмосфере возвеличивания и лести, что позволило ему уверовать в свою мессианскую роль. Поэтому Франко отождествлял свои политические нужды с насущными потребностями всей Испании. В начале своей военной карьеры он способствовал созданию образа бесстрашного героя пустыни и последовательно воплощал этот образ. Теперь пропаганда создавала образ ниспосланного провидением кормчего, который ведет через бурное море испанский корабль. Франко представляли также Богом хранимым командиром осажденной крепости. Как часто случалось и прежде, наивные фантазии сочетались в каудильо с цинизмом и безжалостностью, обусловленными острым политическим чутьем.

Своими размышлениями о крушении Третьего рейха и восстановлении международного порядка Франко поделился в начале апреля 1945 года с круглолицым сорокалетним адвокатом Альберто Мартином Артахо, президентом Католического действия в Испании и известным деятелем могущественной группы давления — Национально-католической ассоциации пропагандистов (Asociacfon Catdlica National de Propagandistas). От имени группы влиятельных католических деятелей, встревоженных тем, что Испания подвергается унижению на международной арене, Мартин Артахо предложил Франко избавиться от «внешних признаков» связи со странами Оси и обдумать вопрос о независимой прессе.

Каудильо не был расположен принимать подобный совет. Международную критику он отнес на счет масонского заговора, в котором странным образом разглядел руку монархиста Сайнса Родригеса и диссидента из фалангистов Сантьяго Монтеро Диаса. Однако на предложение сменить людей или даже институты власти Франко ответил более реалистично и хитро: «Мы должны сделать так, чтобы люди не разочаровались, ибо они ведь верно послужили. Уступая территорию, мы ничего не выиграем, и это может быть принято за слабость»[2].

Проницательно угадывая тех, кто способен оказать ему помощь, Франко догадался, что амбициозным Мартином Артахо следует воспользоваться. Сначала он направил его в Лозанну эмиссаром к дону Хуану. По возвращении Артахо 1 мая каудильо два с половиной часа беседовал с ним. Мартин Артахо предложил ему принять сотрудничество католиков, которых он представлял,

и мощной разветвленной католической прессы, способной поведать миру о режиме с самой выгодной точки зрения. Католики хотели, чтобы режим выжил, но, обретя больше черт католицизма, нежели фалангизма, начал как можно скорее эволюционировать в сторону реставрации монархии. Лозаннский манифест был еще свеж в памяти Франко. Поэтому каудильо не хотел ни обсуждать возможность компромиссов с доном Хуаном, именуемым им не иначе как «претендентом», ни выслушивать обвинения в адрес Фаланги, называемой каудильо «активным и эффективным орудием». Он считал Фалангу «бастионом борьбы с подрывной деятельностью», клапаном безопасности, ибо она «принимает на себя обвинения за ошибки правительства», и механизмом воспитания и мобилизации масс, которые приветствуют его во время поездок по Испании[3]. Тем не менее Франко сказал Мартину Артахо, что определенная политическая эволюция возможна. Потом каудильо превратит Артахо в активного защитника своего режима перед лицом внешнего мира.

Крушение Оси повергло в панику фалангисгские круги, однако сам Франко сохранял спокойствие, ибо ясно и четко представлял себе возможность выжить. Он издаст закон, по которому Испания станет монархией, но это не будет означать возвращение Бурбонов. Языком, вероятно шокирующим несколько чопорного Мартина Артахо, каудильо изложил свои взгляды на упадок конституционной монархии, вспомнив, кстати, известную своей безнравственностью королеву XIX века Исабель И. Он заметил: «Не факт, что последний, кто переспал с доньей Исабель — отец короля, и надо еще посмотреть, годится ли в короли вышедшее из чрева королевы». Очевидно, Франко не считал, что дон Хуан Бурбон достоин быть королем — «у него ни воли, ни характера». Реставрация монархии совершится тогда, заявлял Франко, когда он решит восстановить ее, а претендент принесет присягу, что сохранит фундаментальные основы режима[4].

В трудной ситуации каудильо двигался на ощупь. Если он и решил сделать уступки, то лишь самые наглядные — чтобы нейтрализовать своих противников из монархического лагеря и выторговать время у внешних врагов. Его надежды на выживание основывались на убеждении в том, что альянс демократических стран с Советским Союзом — чудовищная аномалия[5]. Франко выбрал единственно доступную для себя тактику: терпеть международный остракизм, пока не выкристаллизуется естественный антагонизм между коммунистическим и капиталистическим блоками. Потом ради выгоды геополитического положения Испании ему простятся его прежние

грехи и он будет принят в западный блок. Для каудильо и его приспешников это была самая легкая задача, и они могли рассчитывать на ее скорое осуществление.

Заставить Союзников «доделать работу» и скинуть Франко могли лишь чрезвычайные обстоятельства. В Ялте 12 февраля 1945 года великие державы обещали народам стран — бывших сателлитов Оси свободные выборы. К таким странам относилась и Испания. И тут каудильо без зазрения совести начал фальсифицировать историю своих отношений со странами Оси. Второго апреля 1945 года он заявил в Мадриде, что, когда республика получала массированную помощь от Советского Союза и международного коммунизма, националистам помогали только «несколько сот ирландских католиков и несколько тысяч других иностранцев, прибывших сюда, дабы символически продемонстрировать, что Испания не одинока». Для домашнего пользования он выдвинул нелепое утверждение, будто нынешняя враждебность иностранцев к Испании — результат зависти к ее ново-обретенной мощи[6].

С 1945-го по 1950 год Франко убеждал себя в том, что он и Испания находятся в кольце осады. Как и предсказывали Кабанельяс и Касадо, каудильо пришел к тому, что видел в Испании позицию, которую должен защищать не на жизнь, а на смерть. Вновь появилась оппозиция, надеявшаяся получить помощь от Союзников, и многие сторонники каудильо испытывали сомнения в этот период, получивший название «черной ночи франкизма»[7]. Но Франко не испугался. Он интерпретировал ситуацию как осаду и применил к ней опыт, полученный в Легионе. В последующие несколько лет каудильо сделал множество заявлений, свидетельствующих о его полной решимости бороться до конца, но ни одно из них не выразило так много, как слова, сказанные брату Николасу в августе 1945 года. Николас приехал в Пардо, что случалось регулярно, и Франко показал ему две фотографии: одну с изображением тел Муссолини и Клары Петаччи, другую — Альфонса XIII, прогуливающегося вдоль берега моря в Марселе в первый период эмиграции. Каудильо сказал брату: «Если дела пойдут плохо, я кончу как Муссолини, ибо намерен сопротивляться до последней капли крови. Я не сбегу, как Альфонс XIII»[8]. В душе он бьш взволнован судьбой дуче, очевидно воскресившей в его памяти Анвальскую катастрофу, когда те испанские офицеры, которые сдались марокканцам, были убиты, а тела их обезображены[9]. Если использовать живописную метафору Гарриги, слова Франко означали: он будет «вести себя как тот капитан судна, который, желая обеспечить беспрекословную дисциплину команды, пробил

днища спасательных шлюпок и привел в негодность спасательные жилеты, дабы показать: все либо спасутся, либо пойдут на дно»[10]. Не случайно Франко дал понять Мартину Артахо, что не только не распустит Фалангу, а сплотит ее вокруг себя как преторианскую гвардию.

Кораблю каудильо недолго пришлось ждать шторма. С 25 апреля по 26 июня 1945 года в Сан-Франциско проходила конференция, на которой была основана Организация Объединенных Наций. Девятнадцатого июня мексиканская делегация предложила не включать в эту организацию ни одну из стран, чей режим бьш установлен с помощью государств, боровшихся против Объединенных Наций. Мексиканская резолюция, проект которой бьш подготовлен с участием испанских республиканцев в эмиграции, могла быть применена только к франкистской Испании. Резолюцию приняли без голосования[191][11]. Антифранкистская эмиграция увидела в этом знак того, что дни каудильо сочтены. Даже архиепископ Толедо кардинал Пла-и-Дениэль, когда-то большой почитатель и приверженец Франко, решив, что, несомненно, возобновятся переговоры о реставрации мо'нархии, предложил себя в качестве посредника[12]. Однако сквозь черные тучи проникали проблески света. Вашингтон уже беспокоился, как бы слишком жесткая политика, применяемая к Испании, не оживила коммунизм в этой стране. Поняв, что эмигранты инициируют международный остракизм в отношении Испании, Франко убедился в правильности занимаемой им позиции[13]. Тем не менее на другой день после принятия мексиканской резолюции он сделал для Латинской Америки радиопередачу, в которой впервые попытался противодействовать «кампании диффамации» и представить Испанию страной «святой, боевой, артистичной, щедрой, честной и прекрасной»[14]. Двадцать второго июня Лекерика заявил, что резолюция, принятая в Сан-Франциско, не имеет никакого отношения к Испании, лживо утверждая, будто режим Франко был создан без помощц Оси[15].

Одной из многих энергичных попыток обозначить четкое отличие своего режима от Оси было выступление Франко летом 1945 года. Он сделал два важных заявления, предназначенные как для зарубежного, так и домашнего пользования. Вначале каудильо дал интервью представителю британского агентства Юнайтед Пресс, ловко сочетая правду с наглой ложью. Как и не раз до этого, он явно верил вто, что говорил. В частности, Франко заявил: «Вы можете сказать миру, что Фаланга не пользуется в Испании никакой политической властью и не принимает никаких политических решений, ибо вся политическая власть и принятие

решений — дело только правительства, и никакого другого института. Кое-кто из членов моего правительства состоит в Фаланге, как могли бы состоять и где-то еще, но прежде всего они — члены моего кабинета». Он лгал, поскольку все члены правительства автоматически состояли в ФЭТ и де лас ХОНС и в Испании не было другой легально разрешенной политической партии. Вместе с тем Франко как бы признавал едва заметное различие, которое всегда существовало и вытекало из составной природы объединенной ФЭТ и де лас ХОНС, а со временем станет еще заметнее. ФЭТ и де лас ХОНС представляла собой прикрытие для франкистов любого толка — монархистов, католиков, карлистов, офицеров или полувоенных фалангистов, и Фаланга была самой радикальной среди них.

В своем интервью Франко отрицал также, что Испания состояла в каком-либо союзе с Германией или Италией. «Верно, — сказал он, — когда немцы, казалось, выигрывали войну, некоторые члены Фаланги пытались поставить Испанию в один ряд с Германией и Италией, но я немедленно снимал с постов всех людей с такими устремлениями. У меня никогда не было ни малейшего намерения втягивать Испанию в войну». Этот пример показывает, как трудно объяснять поступки и речи Франко. В этой виртуозно разыгранной амнезии был холодный грубый расчет и искренняя вера в правдивость своих слов. Результаты фальсификации недавнего прошлого явно льстили ему. Другой его трюк намекал на политические перемены. Франко заявил: «Кроме коротких периодов нашей истории, Испания и способ правления в ней были всегда традиционно монархическими. Посему, чтобы подготовиться к будущему, мы уже намерены создать Государственный совет[192], который, когда возникнет необходимость, решит проблему наследования трона... и необходимых критериев для того, кто взойдет на престол»[16].

Месяц спустя, когда начиналась Потсдамская конференция, в своей ежегодной речи перед Национальным советом Фаланги генералиссимус принародно начал процесс фабрикации нового фасада своего режима, приемлемого для международного сообщества. В ответ на изменившуюся ситуацию последовали вынужденные уступки, нашедшие свое выражение в псевдоконституции — Хартии прав испанского народа. Формально декрет гарантировал испанцам гражданские свободы. Но в отношении, например, свободы слова в нем содержалась небольшая оговорка: она не должна использоваться против «фундаментальных принципов государства». Равным образом свобода ассоциаций не распространялась на объединения, подрывающие «духовное, национальное и общественное единство

отечества» — другими словами, на политические партии и профсоюзы.

Речь, написанная каудильо при участии Карреро Бланко, начиналась со славословий тому, кто сумел сохранить нейтралитет во время войны. Франко предложил на выбор Испании: «порядок, мир и радость, что делает испанцев одним из немногих народов, еще способных улыбаться в измученной Европе» — или коммунизм с его кровавыми последствиями. «Заблуждаются, — заявил он, разбивая надежды людей, надеявшихся на перемены, — те, кто верит, что Испания нуждается во ввозе чего бы то ни было из-за рубежа». Выступление было откровенно обращено к зарубежной и внутренней аудитории с целью показать, что франкистский режим уникален и несравним с режимами Оси, с которых в действительности был смоделирован, и если и не похож на демократию, то вполне способен сотрудничать с западными демократическими державами. В этот период, дабы избежать любых перемен, кроме самых поверхностных, в общество внедрялась идея, будто устранение или даже модификация франкизма откроют дверь коммунизму. Единственное, чего не сказал Франко о будущем, так это того, что на смену его режиму может прийти только традиционная, средневековая монархия. Речь о немедленных переменах или современной конституции даже не заходила. Заключительные слова каудильо ясно показали, что его цель — благополучно выдержать шторм, вызванный поражением Оси, и кампанию посрамления режима, начатую Союзниками: «Мы, как хороший капитан, должны твердо держать руку на штурвале и вынести штормы, которые могут обрушиться на корабль»[17].

Остро чувствуя угрозу со стороны Потсдама, «хороший капитан» спешно стал обновлять команду корабля. Флаг Оси, если не Фаланги, был снят с мачты. Режим принял вид крайне консервативного варианта христианской демократии. Восемнадцатого июля 1945 года министров, наиболее запятнанных связями с Осью, без тени сожаления удалили из правительства. Лекерику заменили, по совету Карреро Бланко, Мартином Артахо, Асенсио — более спокойным генералом Фиделем Давилой, Арресе сняли, а на его место министра-секретаря Движения уже никого не назначали. В сущности, Франко не ликвидировал бы партийное министерство, если бы Мартин Артахо не предупредил Карреро Бланко, что иначе он не войдет в правительство. Каудильо обычно не терпел никакого нажима на себя, однако умный и сговорчивый Мартин Артахо был очень нужен ему для осуществления стратегии выживания. Хосе

Мариа Хиль Роблес и Мануэль Хименес Фернандес, видные католические деятели выступали против сотрудничества с режимом, но появление в правительстве Мартина Артахо и бывшего «сэдиста» Хосе Мариа Фернандеса Ладреды, назначенного министром общественных работ, придало больше достоверности новому образу Франко — авторитарного католического правителя[18].

Фалангисты в кабинете остались, но на менее видных постах[193]. Вскоре контроль над прессой перейдет от Фаланги к седому и флегматичному франкисту Хосе Ибаньесу Мартину, оставшемуся на посту министра образования. Столь же лояльный и политически серый Блас Перес Инфанте был по-прежнему министром внутренних дел. Хуан Антонио Суансес, давний друг Франко, продолжал руководить министерством торговли и промышленности. Поскольку каудильо осуществлял, как и раньше, общее руководство политикой, а министрам предоставлял свободу действий только в их узких ведомственных границах, министерские перестановки носили косметический характер. При учете международной ситуации и первостепенном внимании, уделяемом Франко внешней политике, ключевым изменением было лишь появление в правительстве Мартина Артахо. Тем не менее каудильо укомплектовал кабинет горячо преданными франкистами и создал на своем корабле команду, каждый из членов которой готов был забыть о своих индивидуальных политических предпочтениях ради достижения общей цели — остаться на плаву[19].

Мартин Артахо, бывший член СЭДА и протеже Анхеля Эрреры, «серого кардинала» испанской христианской демократии, познакомился с Карреро Бланко в 1936 году, когда оба нашли убежище в мексиканском посольстве в Мадриде[20]. Он принял предложенный ему пост после консультаций с примасом Испании кардиналом Пла-и-Дениэлем. Оба наивно полагали, что благодаря деятельности Артахо переход от Франко к монархии может быть осуществлен плавно[21]. Каудильо же с удовольствием позволял им заблуждаться, тогда как сам заверял фалангистов, что ничего не изменится. Он уже предупредил, что вскоре намерен положить начало процессу возвращения Испании к монархии, и теперь такой пустой законодательный акт, как Хартия прав испанского народа, должен был создать впечатление, что возглавивший своего рода (a sui generis) демократию вовсе не диктатор. Общая его стратегия основывалась на убеждении, что не фалангисты, а скорее католические деятели при поддержке Ватикана совершат усилия, необходимые для преодоления враждебности к Испании победивших демократических режимов.

Франко лукаво позволил Мартину Артахо думать, что тот может побудить его на либерализацию режима. Он понимал, что в этом случае заверения, сделанные Артахо зарубежным правительствам, прозвучат более убедительно. Каудильо знал о действиях Мартина Артахо все, но не шел ни на какие уступки. Генералиссимус сохранял железный контроль над внешней политикой, но вовсю использовал Артахо, представлявшего лицо режима, повернутое к международному сообществу. Артахо сообщил Хосе Мариа Пеману, что разговаривает с Франко по телефону каждый день не меньше часа, пользуясь при этом специальными наушниками, дабы иметь возможность записывать. Пеман с насмешкой написал в своем дневнике: «Франко делает внешнюю политику, а Артахо — министр-стенографист». На первой встрече нового состава кабинета 21 июля каудильо сказал своим министрам, что уступки внешнему миру будут сделаны только по несущественным вопросам[22].

Предвидя в будущем штормы, Франко разработал долговременные планы по нейтрализации дона Хуана и его сторонников. По совету Карреро Бланко, внушающего каудильо все большее доверие, генералиссимус одобрил двойственную стратегию, направленную на уменьшение опасности перехода к демократической монархии. Он попытается отделить дона Хуана от его наиболее радикальных советников — таких, как Хиль Роблес, Сайнс Родригес и Эухенио Вегас Латапие, — а затем будет добиваться доступа к воспитанию и образованию восьмилетнего сына дона Хуана — Хуана Карлоса. И хотя после Лозаннского манифеста Франко решил, что дону Хуану никогда не бывать королем, он предпочел уменьшить трения с ним, чтобы побуждать франкистов-монархистов к сближению с лагерем короля. О визитах к дону Хуану таких оппортунистов, как Хосе Мариа де Ареилса (Areilza)[194], сразу же сообщалось британскому посольству, дабы создать впечатление, будто Франко ведет переговоры о реставрации монархии, чтобы таким образом выиграть время[23].

Вскоре после правительственной перестановки судьба Франко стала предметом рассмотрения на Потсдамской конференции. Сталин попытался добиться от англичан и американцев поддержки своего предложения о полном прекращении всех отношений с Испанией и оказании поддержки «демократическим силам». Его инициативу осторожно приветствовал Трумэн, опасающийся, однако, вспышки новой гражданской войны. Поняв, что разрыв отношений — «слишком суровая демонстрация», Сталин выразил мнение, что Большая тройка должна избрать более гибкие методы, дабы показать испанскому народу свою

симпатию. Предложению Сталина воспротивился Черчилль, который указал, что, во-первых, Британия не хочет рисковать ценными для нее торговыми связями с Испанией и, во-вторых, что вмешательство во внутренние дела других государств противоречит уставу Организации Объединенных Наций[24]. Черчилль утверждал, что, как ни одиозен Франко, не дело трех великих держав диктовать «меньшим враждебным странам, какой род правления им избрать», и что британская делегация подыскивает «более безболезненную форму антифранкистской резолюции»[25]. Через два дня после поражения консерваторов на всеобщих выборах в Великобритании 28 июля Черчилль оставил Потсдам. Однако русское предложение о полном разрыве отношений с режимом Франко было отвергнуто и сменившим его Клементом Эттли, и новым министром иностранных дел Эрнестом Бевином. В своем заключительном коммюнике от 2 августа 1945 года три великие державы одобрили мексиканскую резолюцию, принятую в Сан-Франциско, и подтвердили, что Испания не допускается в Организацию Объединенных Наций из-за происхождения режима Франко, его природы, прошлой деятельности и связей со странами Оси[26]. У каудильо тем не менее отлегло от сердца, ибо не последовало предложения о вмешательстве с целью его свержения.

Незадолго до декларации Потсдамской конференции Франко впервые принял нового британского посла сэра Виктора Мэллита. Когда Мэллит сказал каудильо, что его режим в умах британцев ассоциируется «с дружбой с фашистами и нацистами, а дела и слова времен войны не будут забыты», тот изобразил преданность и любезность. Пока Мэллит пытался довести до сознания Франко масштабы его изоляции, тот излучал благодушие, а потом «с улыбкой стал утверждать, что отношения наладятся». Каудильо отверг утверждения посла о том, что Испания поддерживала страны Оси, и, перебивая Мэллита, старался доказать, что его прогерманские симпатии сильно преувеличены. От разговора о Голубой дивизии каудильо отмахнулся, назвав ее «просто каплей воды». Памятуя о предстоящих британских выборах, Франко спокойно сообщил Мэллиту, что его собственная программа социальных реформ ближе к идеалам лейбористской партии, чем консервативной[27].

Потсдамская декларация обеспокоила каудильо, но вскоре он понял, что она не столь враждебна, как он и Мартин Артахо опасались[28]. Вызывающий ответ Испании на заключительное коммюнике показывает, что руку к нему приложил сам Франко. В этом документе, опубликованном 5 августа 1945 года, говорится, что Испания не выпрашивает себе место ни в какой

международной организации и согласится только на такую позицию, которая соизмерима с ее исторической значимостью, численностью населения и вкладом в отстаивание мира и в культуру. Далее в документе сказано: «Подобные соображения вынудили ее во времена монархии покинуть старую Лигу Наций»[195]. При этом испанский нейтралитет во время войны был превознесен как «выдающийся рекорд благородства» (destacada ejecutoria) — одно из любимых выражений Франко[29].

Несмотря на взаимные разногласия, лидеры испанских левых в эмиграции обрели оптимистическую уверенность в том, что декларации по Испании, принятые в Сан-Франциско и Потсдаме, а также приход к власти в Британии лейбористской партии предрекают скорый конец Франко. В предвкушении его падения в конце августа формируется правительство в эмиграции под председательством Хосе Хирала[30]. Убеждение эмиграции в том, что с каудильо покончено, разделяли и некоторые круги в Мадриде. Большой остряк Агустйн де Фоксй (Foxd) заметил: «Ну и влепят же они Франко по нашим задам!»[31]. Но генералиссимус был по-прежнему жизнерадостен и безмятежен. Сделав ставку на свой антикоммунизм, он не сомневался, что обстоятельства изменятся. В многочисленных речах и заявлениях Франко старался набирать очки на нейтралитете Испании во время войны и изображал страну счастливым и сплоченным оазисом спокойствия посреди бурного мира, по которому в поисках добычи бродят коммунистические орды[32].

Вскоре стало очевидно, что каудильо возделывал плодородное поле. Эрнест Бевин, новый министр иностранных дел Великобритании, в своей первой речи в палате представителей 20 августа ясно дал понять, что западные державы не предпримут никаких акций против Франко: «Вопрос о режиме в Испании должен решать испанский народ». При этом он отметил, что по отношению к Испании политика нового британского лейбористского правительства столь же безопасна, как и позиция его консервативного предшественника. Бевин оказал каудильо огромную услугу, заявив, что британское правительство «займет благоприятную точку зрения, если испанский народ предпримет шаги к изменению своего режима, но правительство Его Величества не намерено совершать ничего, что вызовет гражданскую войну в этой стране или будет способствовать ей»[33].

Советский посол в Лондоне Федор Тарасович Гусев был шокирован речью Бевина, ибо воспринял ее как отход от Потсдамских соглашений. Четыре дня спустя он сказал Бевину: «Франко извлечет из речи указание на то, что никаких акций

против него не предусматривается. Он явно пытается укрепить свои позиции и пускает Союзникам пыль в глаза, заявляя, будто намерен провести выборы»[34]. Гусев был прав. Каудильо изучал донесения тайной полиции о том, что потсдамские документы вселили страх в сторонников режима. Радовались не только левые; в католических и военных кругах проявлялись антифалангис-тские настроения. Монархисты решили, что дон Хуан вот-вот взойдет на престол[35]. Уныние, охватившее приверженцев режима после Потсдама, несколько рассеяли речи Бевина. Мартин Артахо открыто выразил свое облегчение Мэллиту[36]. «Испании, — сказал он, — теперь остается лишь сидеть у своих дверей и ждать, когда похоронная процессия понесет на кладбище ее врагов, которым она нанесла поражение в 1939 году»[37].

Именно в это время все более усиливавший свое влияние Карреро Бланко, помощник Франко и будущий адмирал, составил длинный доклад о том, как выжить режиму. В этом документе, в высшей степени циничном, самый узколобый провинциализм сочетался с яркой проницательностью. В выражениях, соответствовавших взглядам каудильо и льстивших его достижениям, Карреро Бланко обличал англо-саксонский остракизм, утверждая, что в нем проявилась зависть к «тому, что Испания теперь независима, политически свободна, сильна и идет в гору, достигла невиданных успехов со времен утрехтского грабежа (намек на потерю Гибралтара), а это раздражает их и вызывает недоброжелательство». Вместе с тем Карреро Бланко сделал грамотный вывод, что после Потсдама Британия и Франция не рискнут открыть дверь коммунизму в Испании, поддержав республиканскую эмиграцию. В соответствии с этим он предлагал: «Для нас приемлема одна формула — поддерживать порядок, единство и крепиться изо всех сил. Нужны эффективные полицейские акции, чтобы предотвратить подрывную деятельность, энергичные репрессии, если она материализуется. При этом нечего опасаться критики из-за рубежа: лучше строго покарать раз и навсегда, чем оставить зло неискорененным»[38].

Давление извне, направленное к тому, чтобы вызвать демократические перемены в Испании, Франко постоянно называл «масонским наступлением». Он уверял членов правительства на заседании 8 сентября, что в Англии пятнадцать миллионов франкмасонов и все они голосовали за лейбористов[39]. Каудильо оттягивал время, побуждая Мартина Артахо заверять иностранных дипломатов, что «в течение ближайшей пары лет» он передаст власть дону Хуану[40]. Однако степень «преображения»

послевоенного Франко и его истинная роль во внешней политике наглядно проявились в том, что он, не приняв рекомендацию Мартина Артахо, не назначил либерала доктора Грегорио Мараньона послом в Лондон. Каудильо не доверял ему так же, как герцогу де Альбе и всем, кому высокие идеалы были дороже, чем сохранение режима Франко. Вместо Мараньона был назначен франкист Доминго де Барсенас, заслуживший доверие Франко во время Второй мировой войны, когда работал послом в Ватикане. Мартин Артахо предлагал также направить в Вашингтон кого-нибудь из христианских демократов — Хосе Ларраса (Larraz) или Луиса Гарсиа Гихарро, но Франко остановился на кандидатуре Лекерики. Лондон не сразу выдал агреман Барсенасу, а Вашингтон немедленно отверг человека с реноме фашиста[41].

Даже в таком неблагоприятном внешне- и внутриполитическом контексте меморандум Карреро Бланко предлагал абсолютно оправданную стратегию. Черчилль и Бевин ясно заявили, что Британия никогда не прибегнет к вмешательству в дела Испании. Лондон решился лишь на несколько легких уколов, вряд ли замеченных Франко, о котором один сотрудник британского министерства иностранных дел сказал, что у него «кожа носорога»[42]. Из трех западных держав Франция проявляла наиболее воинственные антифранкист-ские настроения, поскольку относилась к каудильо враждебно. Однако и умеренный католик министр иностранных дел Жорж Бидо (Bidault), и председатель совета министров генерал де Голль противились акциям против Франко. Пока Бидо лавировал и тянул время, де Голль направил каудильо секретное послание, сообщив, что будет поддерживать с ним дипломатические отношения вопреки давлению слева[43].

Летом 1945 года внутренняя оппозиция режиму группировалась вокруг генералов Аранды и Кинделана. Они пытались повлиять на нового военного министра Фиделя Давилу, желая, чтобы он предъявил Франко ультиматум с требованием отказаться от власти. Однако Давила был полностью лоялен каудильо, и их усилия пошли прахом. Со временем Кинделан и Аранда становились все более одинокими. Они устанавливали контакты с членами левой оппозиции и иностранными дипломатами, готовыми выслушать их[44]. Влияние этих генералов не могло соперничать с массированной пропагандой, развернутой каудильо, который стремился укрепить в народе веру в прочность режима. Двадцать пятого августа 1945 года Франко сместил Кинделана с поста начальника Высшей школы вооруженных сил за крайне роялистскую речь, в которой тот предсказал, что претендент скоро взойдет на престол при полной поддержке

армии. По иронии судьбы, Кинделан, один из немногих испанских генералов, предвидевших будущую победу союзников, был замещен Хуаном Вигоном, который до самого последнего дня, как и каудильо, связывал свои надежды с победой Третьего рейха[45].

То, что Франко так мягко обошелся с Кинделаном, свидетельствовало о его твердой решимости не бросать вызова армии. Республиканцы в эмиграции переживали глубокий раскол и пользовались малой поддержкой в истерзанной Гражданской войной Испании, а продолжающиеся репрессии погрузили их в состояние апатии. Только великие державы и влиятельные лица в среде его собственных сторонников давали Франко основания для беспокойства. Чтобы укрепить доверие армии, он неустанно подчеркивал необходимость военной бдительности для защиты единства Родины, хотя на самом деле это означало лишь защиту его режима. Смещение Кинделана последовало сразу после того, как 15 октября в Высшей школе вооруженных сил Франко выступил с речью, в которой страстно призывал хранить верность режиму[46].

Отношение Франко к Фаланге было куда более сложным и гибким. Это показали его прежние беседы с Мартином Артахо. Третьего сентября 1945 года Серрано Суньер написал каудильо письмо, предлагая использовать передышку, обещанную речью Бевина, для начала процесса роспуска (licenciamiento) Фаланги и обновления политической верхушки путем включения в национальное правительство таких лиц, как Грегорио Мараньон, Хосе Ортега-и-Гассет и Франсеск Камбо. На полях письма рядом с самим предложением Франко написал «Нет», а возле имен — «Ха-ха-ха»[47]. Перемены он произвел самые поверхностные. На заседании кабинета 7 сентября было принято решение вывести испанские войска из Танжера в ответ на британские требования. Франко вполне реалистично заметил: «Невелика потеря, если этого нельзя защитить». Единственное имперское приобретение времен Второй мировой войны оказалось, таким образом, утерянным. На том же заседании, к большому неудовольствию фалангистских министров, было отменено фашистское приветствие[48].

Такие косметические меры ничего не изменили в отношениях Франко с Фалангой. Политическая ценность для него Фаланги снова проявилась во время пышного празднования Дня каудильо 1 октября 1945 года — в девятую годовщину прихода Франко к верховной власти. Церемония бросила вызов всему миру, продемонстрировав, какой огромной поддержкой пользуется каудильо у народа и институтов режима. Церковь приняла

полномасштабное участие в празднествах. Франко, сопровождаемый министрами, руководством Фаланги и высшим командованием трех родов войск, присутствовал на хоральной мессе с оркестром, которой руководил весьма профранкистски настроенный епископ Мадрида — Алкала Леопольдо Эйхо-и-Гарай, в церкви Сан Франсиско эль Гранде, ближайшей к кафедральному собору столицы. Затем был торжественно исполнен «Те Деум» под руководством папского нунция монсеньора Чи-коньяни. После этого каудильо устроил высоким гостям роскошный прием в тронном зале дворца Паласио Реал. За стенами дворца на улицах, украшенных испанскими флагами, маршировала фалангистская молодежь (frente de Juventudes). Подобные празднества прошли по всей Испании[49].

Как торжества, так и реакция на письмо Серрано Суньера подтвердили слова, сказанные Франко Мартину Артахо еще весной. Каудильо прикинул плюсы и минусы от сохранения и роспуска Фаланги. Он понимал, что перемены в Фаланге, или Движении (Movimiento), — никак не изменят отношение к нему западных демократий. Во всяком случае, Фаланга была ЕГО движением, и каудильо склонялся к тому, чтобы сохранить существующий в стране механизм, который обеспечивал ему постоянное восхваление. Вследствие же роспуска Фаланги возникло бы две серьезные проблемы. Первая — куда девать сотни тысяч тех, кто кормился в Фаланге с ее расплодившейся бюрократией. Вторая — в какой степени роспуск Фаланги будет способствовать распространению оппозиционных группировок. Напротив, сохранить Фалангу значило оставить неприкосновенным гигантский аппарат, укомплектованный теми, кто знал, что их существование под угрозой, и кому некуда деваться, а это обеспечивало их беззаветную верность каудильо. Ничего не меняя, Франко заручился бы горячей поддержкой сотен тысяч фалангистов.

Со стороны позиция казалась надежной, на самом же деле Франко прилагал максимум усилий, чтобы укрепить ее. Между 3-м и 11 октября каудильо заставлял заседать свой кабинет по четыре часа в день. За туманными рассуждениями о повышении «участия народа в делах государства», что предполагалось воплотить путем периодического проведения референдумов, стояло желание — как дал понять Франко своим министрам — произвести некоторые перемены. О возвращении к политическим партиям он и не помышлял, считая, что Британия пришла из-за них к социализму и чуть ли не на грань коммунизма. Поскольку Запад не хочет видеть в Испании ни революции, ни коммунизма, Франко решил проводить косметические перемены, дабы

приглушить критику из-за рубежа, и подождать, когда Запад и Советский Союз в конце концов переругаются, и Запад созреет для переоценки его режима. Каудильо предложил, чтобы пропаганда направила усилия в сторону Хартии прав испанского народа и Закона о наследии. Когда Артахо сказал, что следовало бы вынести частичную амнистию политическим заключенным, Франко ответил: «Старого зачеркивать не будем» (nosotros no borramos). Кто-то выразил мнение, что нужно провести муниципальные выборы, тем самым изобразив демократические преобразования, каудильо уточнил: выборы могут быть объявлены, а затем их придется отложить на неопределенный срок. На референдум он согласился, упомянув о необходимости «надеть для гарантии демократический наряд» и с оптимизмом заявив: «Мы на пороге чуда»[50].

Замечания, сделанные на заседании правительства, показали, что, одержимый имперской идеей, Франко образца 1940 года благодаря огромному опыту превратился в 1945 году в осторожного и хитрого политика. То, что ему удалось умело воспользоваться тем, что англо-американцы не желают провоцировать новую гражданскую войну, также подтверждало его опыт и ловкость. Двадцать шестого октября он публично показал, что сбросить его может лишь военная сила, которая нанесет поражение армии. В тот день собрались уцелевшие выпускники толедской Военно-пехотной академии (Academia Militar de Infanteria). Было инициировано публичное восхваление заслуг Франко, в котором приняли участие лидеры победившей в Гражданской войне коалиции, армии, Церкви и Фаланги. В сопровождении эскорта генералов он вошел в кафедральный собор под королевским балдахином, и его благословил примас — архиепископ Пла-и-Дениэль. Провозглашенный «покровителем города»* он получил отделанный золотом и серебром жезл и проследовал в Алкасар. Окруженный символикой националистов, оказавшихся в осаде, каудильо с вызовом заявил, что армия сорвет зловещие планы враждебных политических партий и франкмасонов[51]. Широкое освещение этого события прессой походило на массовый шантаж. Из сообщений спецслужб Франко знал, что большинство испанцев страшилось кошмара новой гражданской войны[52]. Такой же точки зрения придерживалось посольство США: «Стремление почти всех слоев испанского общества — избежать нового кровопролития; ничто так не играет на руку генералу Франко, как довод, что форсирование перемен означает новый 1936 год»[53].

Из Пардо в западные посольства просачивались самые противоречивые сообщения. Мэллиту и Армуру старательные

информаторы однажды сообщили, будто каудильо решил, что с игрой покончено, а в другой — что он будет сражаться до последнего на развалинах своего дворца[54]. Ситуация сложилась напряженная, но «слепая вера» и неиссякаемый оптимизм не оставляли Франко. Его бункерный менталитет дал себя знать, когда он сказал генералу Мартинесу Кампосу: «Я не сделаю такой ошибки, как генерал Примо де Ривера. Я не уйду. Для меня отсюда одна дорога — прямо на кладбище»[55]. Растущая уверенность каудильо в себе обескураживала Нормана Армура[56]. Но в начале октября американский посол испытал некоторое удовлетворение, когда бюллетень посольства США опубликовал мартовское письмо Рузвельта к Франко. Перед посольством, быстро распространившим девяносто тысяч экземпляров бюллетеня, выстраивались очереди желающих получить экземпляр. Франко встревожился, и испанское правительство выразило протест Армуру[57].

В начале декабря 1945 года глубоко озабоченный Армур покинул Мадрид. Он отслужил во внешнеполитическом ведомстве тридцать три года, поэтому в его отставке не было ничего необычного, но американская пресса истолковала это в таком духе, словно Франко публично нанес ему оскорбление. Это впечатление усилилось тем, что на место Армура не направили замену на уровне посла[58]. Двадцать девятого ноября, нанеся каудильо прощальный визит, Армур сказал ему, что разочарован медленным темпом политических перемен. «С полной уверенностью в себе и чувством собственной правоты» Франко лишь посоветовал ему проявлять терпение[59]. В течение двух часов генералиссимус разглагольствовал об опасности слишком быстрых перемен и уверял посла, что вся критика его режима за рубежом затеяна коммунистами[60]. После отъезда Армура посольство Соединенных Штатов до 1951 года возглавлял временный поверенный. Франко понимал, что такое унизительное для него положение — не больше чем пустая формальность, которой все и кончится. Он быстро сообразил, что менталитет осажденного государства можно с выгодой использовать во внутренней пропаганде. К тому же Мэллит рассудил верно: сбросить Франко может только армия, а тот между тем знал, что заручиться армейской поддержкой ему удастся, намекнув на то, что его уход означает конец «хороших деньков» для армии[61].

На следующий день после встречи с Франко посол нанес визит Мартину Артахо, и тот твердо заверил посла, что каудильо в конце концов пойдет по пути установления конституционной монархий. Изложенные им доводы Франко о том, почему он не спешит передавать власть, звучали неубедительно. Один из них

состоял в том, что если каудильо передаст власть генералам, от которых получил ее в 1936 году, то едва ли те уступят ее гражданскому правительству. Смысл другого состоял в том, что в отличие от Альфонса XIII, который в 1931 году оставил трон, «ошибочно» решив, будто страна настроена против него, Франко не поддастся подобному заблуждению. Артахо отметил, и не случайно, что каудильо не из тех, кто допускает по отношению к себе дерзость и терпит прямое давление. Однако, недовольный медленной политической эволюцией Франко, Артахо обратился к Армуру со странной просьбой о том, чтобы новый госсекретарь Джеймс Бирнс (Byrnes) или Эрнест Бевин, а возможно, и оба направили каудильо послание и побудили бы его к более быстрым политическим переменам[62].

Начало декабря 1945 года наглядно показало, Что каудильо может не слишком опасаться антифранкистской риторики британцев. Прибытие в Лондон нового посла Франко — Доминго де лас Барсенаса — вызвало 5 декабря дебаты в палате общин. Левый депутат-лейборист Иан Микардо (Mikardo) спросил Бевина, известно ли ему, что процесс над двадцатью двумя испанскими антифашистами, сорванный в октябре протестами в Британии, вот-вот начнется, и собирается ли британское правительство сделать представление испанскому правительству по этому поводу. На успокоительное заверение Бе-вина в том, что британский посол следит за ситуацией, Микардо задал еще один, весьма щекотливый, вопрос: «Может ли высокочтимый джентльмен объяснить палате, почему генерал Франко, в конце июля столь опасавшийся за свое положение, теперь обрел такую уверенность, что сует нос в дела правительства ее величества?» Бевин ответил лаконично: «Переменчивые привычки этого высокого лица с трудом поддаются объяснению». Антифранкист капитан Ноэль-Бейкер затем спросил Бевина, знает ли он, что прибытие нового испанского посла истолковано в Испании и в других странах как проявление поддержки правительством ее величества режима каудильо. Сославшись на свою речь от 20 августа, Бевин заявил: «Наше отношение к Франко было изложено вполне ясно... оно не изменилось. Мы осуждаем режим»[63]. И действительно, в тот же день Бевин сказал де лас Барсенасу: он «весьма сожалеет о том, что режим Франко еще сохраняется», и попросил посла передать каудильо, что британское терпение «начинает иссякать»[64].

Франко не задевало, когда антипатию к нему проявляли на словах. В середине декабря Мартин Артахо сказал Хосе Мариа Пеману, что каудильо по-настоящему верит в Фалангу, что фалангисгские министры — его любимчики и он относится к ним

как к членам семьи. Пеман записал в дневнике: «Если бы мне сказали, что у Франко есть любовница, я счел бы это дурным и странным. Но дело обстоит хуже: у него появилось убеждение... Я думал, в Африке Франко привык к тому, что пуля убивает под ним коня, а он остается невредим. Это было плохо для коня, но хорошо для него, а теперь и для Испании. Однако сейчас он так привязан к лошади, что готов пасть вместе с ней»[65]. Не слишком проницательный Пеман ошибался. Возможно, Франко и был душой с Фалангой, но при этом не- утратил способности хладнокровно вычислять выгоды и потери, которые сулит ему эта привязанность. Наконец он решил, что сохранение Фаланги принесет ему больше выгод. Организация давала ему поддержку масс. Кроме того, критика из-за рубежа помогла каудильо извлечь максимальную пользу из массового возмущения иностранным «вмешательством».

За границей к Франко относились враждебно, а в конце 1945 года его подстерегала двойная угроза и внутри страны. С одной стороны, на каудильо наседали монархисты из франкистской коалиции, которые добивались, чтобы он успокоил западные державы, открыв дорогу дону Хуану. Франко пустил в ход всю свою хитрость, чтобы переиграть монархистов. Преодолевая международный остракизм и промонархические настроения, генералиссимус воспользуется одним и тем же приемом: назовет свой режим «королевством», не изменив его сути и сделав себя пожизненным регентом. С другой стороны, он имел дело с оппозицией, представленной побежденными республиканцами. С монархистской оппозицией Франко управлялся тонкими и лицемерными приемами, к левым же применял самые жестокие расправы. Репрессивный аппарат продолжал свирепствовать. Тюремное заключение, казни, пытки и ссылки угрожали всем, кто противостоял диктатору. Голод, трудности с получением работы у тех, кто не имел документа на право перемещения по стране, на выезд за ее пределы, а также свидетельства о политической благонадежности, снижали боевой потенциал левых. Тем не менее поражение Оси позволило многим «маки» (maquisards) из испанцев, игравшим ключевую роль во французском Сопротивлении, вернуться в Испанию.

К концу 1945 года на севере и востоке стала зарождаться настоящая партизанская война против режима, возглавленная коммунистами при поддержке социалистов и анархистов. Так называемые испанские «маки» (maquis) будут угрожать режиму до 1947 года. Франко перевел страну на военное положение и, не колеблясь, эвакуировал целые районы, чтобы иметь возможность проводить тактику выжженной земли. Партизанскую оппозицию

режиму не удастся сломить до 1951 года[66]. Поэтому не удивляет, что сорок пять процентов средств государственного бюджета 1946 года было отдано на содержание репрессивного аппарата — полиции, гражданской гвардии и армии[67]. На заседаниях кабинета вопрос о репрессиях был главенствующим, так что Мартину Артахо не удавалось открыть дискуссию о политической эволюции. Заседания продолжались и по ночам — из-за пространных речей Франко о масонских заговорах или о необходимости возродить испанскую киноиндустрию и начать массовый выпуск его любимых сарсуэл (zarzuela — испанская оперетта). Если кто-то заговаривал о плачевном состоянии экономики, он называл инфляцию выдумкой банкиров, «свойственной профанам в экономике» (propio de los papanatas en lo econdmico)[68].

В начале 1946 года в своем интервью, сразу же широко распространенном, каудильо вновь заявил, что никогда не поддерживал страны Оси. Но после прекращения военных действий его режим приютил в трудную для них минуту множество беглых нацистов, фашистов и сторонников вишистской Франции. Собственность германского правительства и нацистской партии в Испании, на которую полагалось наложить арест, была растащена при попустительстве официальных властей. Предоставив испанское гражданство военным преступникам, Испания стала утверждать, что дала им политическое убежище. Сам каудильо способствовал переправке в Испанию Леона Дегреля (Degrelle), бельгийского генерала СС. В Испании нашли приют итальянский генерал Гамбара, другие военные чины из бывшего Корпуса добровольческих войск, а также ас нацистских специальных операций Отто Скорцени[69]. В докладе, представленном Совету Безопасности ООН, утверждалось, что в Испании проживают две-три тысячи германских нацистских официальных лиц, не считая десятков тысяч бывших сотрудников вишистской милиции. Правительство США распространило информацию о том, что собственность бывших нацистов в Испании составляет до 95 миллионов долларов[196]. По сообщениям польского правительства, бывшие сотрудники гестапо пристроились в Испании на секретную службу и в военную разведку, хотя британское и американское правительства о таких случаях не знали. Считалось, однако, что испанцы, работавшие в гестапо, были приняты во франкистскую службу безопасности[70].

В начале 1946 года Лондон и Вашингтон обсуждали вопрос о том, какое влияние на позицию Франко окажет публикация трофейных германских документов, раскрывающих масштабы его

сотрудничества со странами Оси[197]. По общему мнению британского министерства иностранных дел, это мало повредило бы каудильо, поскольку местная пропаганда, превозносившая его «проницательность и благоразумие» (hdbil prudencia) уже сделала свое дело. Мэллит говорил: «Здесь многие считают внешнюю политику Франко, направленную на неучастие в войне, его единственным серьезным достижением»[71]. Тем не менее в начале 1946 года Вашингтон опубликовал некоторые из наиболее убийственных свидетельств в брошюре «Испанское правительство и Ось», немедленно опровергнутой Мартином Артахо[72].

Международную критику его режима Франко обратил себе на пользу, представляя ее следствием коммунистическо-масонского заговора, направленного на разрушение Испании. Как ни парадоксально, его неубедительная и непродуманная аргументация срабатывала. В сентябре 1945 года он убедил религиозных советников фалангистской женской секции (Seccidn Femenina) в том, что гражданская война была начата ради искоренения «сатанинских происков» замаскированных франкмасонов, а теперь Испании грозит атака «масонской сверхдержавы», контролирующей мировую прессу и радиостанции, а также многих высокопоставленных политических деятелей в странах западной демократии. Используя риторику крестового похода времен Гражданской войны, Франко заявил: Испания подверглась такой атаке потому, что несет миру молитву, а ее солдаты — это солдаты Господа[73]. При этом он припомнил историческую личность — командира осажденной Нумантийской крепости[198]. В Испании давно стало традицией крепить национальное единство, создавая образ злобных зарубежных врагов. С подобными речами Франко выступал во время карательных экспедиций по стране, и толпы, собранные фалангистами, приветствовали его[74].

Франко раздражало, что дон Хуан Бурбон всячески препятствовал его попыткам преодолеть враждебность к себе на международной арене. После окончания войны, дабы представить свой режим зарубежному миру как монархический, каудильо предложил наследнику трона поселиться в Испании[75]. Монархист Хосе Мариа Ориоль убедил Франко, будто дон Хуан теперь сожалеет о Лозаннском манифесте. На самом же деле дон Хуан твердо решил не возвращаться, пока не уйдет каудильо, и в начале февраля 1946 года обосновался на фешенебельном португальском курорте Эшторил под Лиссабоном. Надежды генералиссимуса на то, что дона Хуана удастся контролировать его брату Николасу, послу в Португалии, оказались беспочвенными. Появление претендента на Пиренейском

полуострове вызвало усиление промонархических настроений, что выражалось по-разному. Франко более всего встревожило коллективное приветственное письмо дону Хуану, известное как «салудо» и подписанное 458 наиболее заметными фигурами испанского истеблишмента, в том числе двадцатью экс-министрами, президентами пяти крупнейших банков страны, многими аристократами и известными университетскими профессорами. Все они выражали желание, чтобы была реставрирована монархия, «воплощенная в Вашем Величестве»[76].

Письмо, опубликованное 13 февраля, привело Франко в ярость, ибо он счел это, как часто случалось, бунтом подданных. На заседании кабинета 15 февраля каудильо заявил: «Они объявили войну и должны быть раздавлены как черви». Снова усмотрев в этом масонский заговор, Франко пригрозил всем подписавшим письмо, что без суда посадит их в тюрьму. Он несколько поостыл, лишь когда генерал Давила и другие напомнили ему о неприятных внешнеполитических последствиях такого шага. Просматривая список подписавшихся, каудильо придумывал для них способы наказания — такие, как изъятие иностранного паспорта, налоговых документов и увольнение с постов. Однако, не удовлетворившись и этим, Франко решил возложить ответственность на одного из провинившихся, назвал зачинщиком Кинделана и приказал немедленно посадить его. Давила попросил каудильо принять ро внимание возраст Кинделана и его слабое здоровье, и тогда Франко распорядился сослать виновного на Канарские острова. Зная, что многие в армии разделяют взгляды Кинделана, хотя и не смеют высказываться, генералиссимус в течение долгого времени интересовался секретными сообщениями полиции о его деятельности. «Салудо» заставило Франко понять, сколь многие поддерживают требование о реставрации монархии. Примерное наказание Кинделана оказалось эффективной мерой, вызвавшей лишь слабый ропот некоторых генералов-монархистов[77]. Мало кто хотел подвергнуться такому унизительному наказанию, как Кинделан, и рисковать своим положением[78].

Дон Хуан высокомерно отверг предложение Франко приехать в Испанию для личной встречи. Претендент выразил отказ Николасу Франко, сославшись на то, что должен подготовиться. По мнению советников дона Хуана, каудильо хотел использовать эту встречу, чтобы подчеркнуть зависимое положение претендента[79]. Отказ разозлил Франко. Он дал указание фалангисгским элементам в Студенческом объединении испанских университетов срывать лекции профессоров, подписавших «салудо», а сам направил дону Хуану письмо и

объявил, что прекращает с ним отношения, поскольку Эшторил .подстрекает монархистов к заговору против него. Даже рассерженный, каудильо не утратил своей обычной расчетливости. Более смелые монархисты начали искать контакта с левыми, но многие из самых оппортунистически настроенных консерваторов, подписавших «салудо», снова потянулись к Франко[80].

Каудильо был встревожен деятельностью хуанистов, партизанской войной и акциями республиканского правительства в изгнании, однако пропагандистская кампания, преследовавшая цель изобразить его лидером осажденной Испании, приносила свои плоды. В первые месяцы 1946 года по всей стране прошли организованные активистами Движения демонстрации в поддержку Франко[81]. Тем временем репрессивный аппарат загнал левых в угол. Накал антифранкистских выступлений за рубежом несколько спадал.

В середине января американский заместитель госсекретаря Дин Ачесон (Acheson) сказал в Вашингтоне британскому министру Джону Бальфуру (Balfour), что применительно к Франко англо-американская политика не должна ограничиваться одними возражениями неодобрения. Он предложил, чтобы Франция, Соединенные Штаты и Британия составили совместное заявление, в котором было бы указано: Испанию примут в международное сообщество лишь в том случае, если испанский народ сместит Франко и создаст правительство, ответственное за организацию выборов[82]. Это предложение обсуждали Бирнс, Бевин и Бидо. В это время в Вашингтоне высказывалась точка зрения, что Советский Союз весьма заинтересован в разжигании гражданской войны в Испании, которая привела бы к победе коммунистического режима. Это обеспечило бы Советскому Союзу плацдарм под боком у Италии и Франции, а также подходы к Латинской Америке[83]. После того как британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс представил подобные аргументы Ачесону, американское давление уменьшилось[84].

Тогда как британская политика была фактически направлена на то, чтобы удержать французов и американцев от неосмотрительных действий против Франко, в речах британского министра иностранных дел каудильо читал другое. Чтобы справиться с решительным непринятием Франко в рядах лейбористской партии, Бевин по-прежнему был в оппозиций к его режиму и вместе с тем подчеркивал, что диктатура должна быть свергнута «усилиями самого испанского народа»[85]. Девятого февраля 1946 года Генеральная Ассамблея ООН напомнила своим членам о решениях конференций в Сан-Франциско и Потсдаме,

рекомендовавших, чтобы они в своих отношениях с Испанией руководствовались духом и буквой этих решений[86].

Во Франции многие считали эту декларацию Генеральной Ассамблеи недостаточной. Когда 20 января 1946 года де Голль ушел с поста председателя Временного правительства Франции, давление слева в пользу принятия более действенных мер против Франко усилилось. Двадцать первого февраля после самого поверхностного судебного разбирательства были казнены лидер антифранкистс-кого партизанского движения и герой французского Сопротивления Кристино

Гарсиа и девять его товарищей[87]. Франко демонстративно проигнорировал призыв французского'правительства к помилованию и совершил казнь, чем сознательно бросил вызов своим противникам за рубежом. Это событие было приурочено к поездкам каудильо по Испании и выступлениям на митингах фалангистов, где он высказывал решимость бороться с коммунизмом. Жестокая акция стала предупреждением тем в Испании, кто надеялся, что Франко уйдет без кровопролития. Через несколько дней тридцать семь членов Испанской социалистической рабочей партии были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за попытку возродить партию[88].

Двадцать шестого февраля 1946 года в ответ на волну массового возмущения казнями борцов с франкизмом французский кабинет принял решение закрыть границу с Испанией и прекратить экономические отношения с ней. Кроме того, предлагалось обсудить испанский вопрос на Совете Безопасности ООН. Бидо обратился к англичанам и американцам, призывая их поддержать эти шаги, что означало бы введение экономической блокады Испании[89]. Те не желали не только этого, но и вынесения испанского вопроса на Совет Безопасности, где СССР получил бы возможность влиять на развитие событий. И британские начальники штабов, и руководство министерства иностранных дел уже склонялись к американской точке зрения, что русские хотят разжечь гражданскую войну в Испании. В этом их поддержал высланный из Испании дипломат и писатель Сальвадор де Мадариага. По иронии судьбы, Мадариага, которого Франко невзлюбил именно за острую критику его режима, оказал диктатору услугу, посоветовав министерству иностранных дел Великобритании проявить осторожность[90].

Несмотря на опасения англичан и американцев, о чем свидетельствовал срыв попытки Франции вынести испанский вопрос на обсуждение Совета Безопасности, 4 марта 1946 года была опубликована трехсторонняя декларация Соединенных

Штатов, Великобритании и Франции. В ней, в частности, говорилось: «Пока генерал Франко сохраняет власть над Испанией, испанский народ не может состоять в полной и тесной связи с теми нациями мира, которые совместными усилиями нанесли поражение германскому нацизму и итальянскому фашизму, помогавшим нынешнему испанскому режиму и по образцу которых он был устроен». Однако пределы декларации были очерчены в следующих ее положениях: «Не существует намерения вмешиваться во внутренние дела Испании. Испанский народ должен в конечном счете сам решать свою судьбу». В декларации выражалась благая надежда на то, что, не подвергая страну опасности гражданской войны, «ведущие патриотические и либерально настроенные силы в Испании скоро найдут средства добиться мирного ухода Франко, ликвидации Фаланги и создания временного или ответственного за выборы правительства». Трехсторонняя декларация оказалась, таким образом, мягче потсдамской, и неучастие в ней Советского Союза только подчеркивало это[91]. На заседании своего кабинета Франко негодовал по поводу «этих бандитов», заявив, что Франция — «квислинг России», а президент Трумэн — «скверный франкмасон с юга»[92]. Неудивительно, что он и ставленники его режима не ответили на предложение оставить власть. Их не прельщала перспектива предстать перед судом в качестве военных преступников.

Франко понимал: Союзники не станут вторгаться в Испанию, чтобы воплотить в жизнь свои предложения. Трехсторонняя декларация создавала британскому и американскому правительствам больше неудобств, чем самому каудильо. Англо-американская политика невмешательства преследовала цель заморозить испанский вопрос, ибо считала невозможным ввести Испанию в тот момент в сообщество наций, но вместе с тем была полна решимости не допустить перехода Пиренейского полуострова под советское влияние. Поэтому англичане и американцы отвернулись от демократов-антифранкистов и проявили снисходительность к Франко и его режиму, блокируя призывы к действиям против Испании. Республиканцев рассматривали как левых и прокоммунистов, к ним приклеили ярлык советских лакеев, и у них осталась лишь одна возможность — опереться на поддержку СССР и его восточноевропейских сателлитов. Таким образом, послевоенное невмешательство в дела Испании сыграло на руку Франко так же, как и невмешательство во время Гражданской войны[93].

Беспомощный международный остракизм привел к тому, что в самой Испании режим начал представлять себя единственно

возможным и не подлежащим замене. Фалангисты и все, кто был связан с Франко коррупцией и замешан в осуществлении репрессий, еще больше укрепились в мысли, что безопасность их будущего зависит от Франко. Каудильо предвидел это, когда говорил с Мартином Артахо в конце Второй мировой войны.

Если Франко и испытал какое-то беспокойство в связи с трехсторонней декларацией, то, вероятно, кратковременное. На следующий день Черчилль снова помог ему — на сей раз своей знаменитой речью о «железном занавесе» в Фултоне. Из этой речи Франко уяснил, что теперь лишь вопрос времени — когда его оценит и признает Запад. Сразу оценив ситуацию, он еще громче заговорил о том, что большевистская угроза — у порога Испании. Пока оппозиция за границей была расколота, каудильо могли встревожить только иностранное военное давление или международные экономические санкции, а на этот счет Трехсторонняя декларация успокоила его[94].

Через три дня после принятия Трехсторонней декларации Франко открывал новый выставочный зал в Музее вооруженных сил (Museo del Ejėrcito). Мероприятие прославляло дела националистов в Гражданской войне и напоминало сторонникам каудильо, что лучшая защита для них от возвращения мстительных левых — единство. Франко сказал о враждебной кампании за рубежом: «Для нас она отнюдь не сюрприз, поскольку мы никогда не слышали ни о чем другом, кроме как о жертвах и лишениях, о самоограничениях и долгих вахтах, о службе и несении караулов. Но и на службе вы можете иногда отдыхать. Я же не могу позволить себе этого — как часовой, не знающий отдыха, то и дело получающий неприятные телеграммы и навязанные решения. Часовой бдительно стоит на посту, когда другие спят». Оправдывая продолжающиеся репрессии, он заявил, будто принял посты генералиссимуса и главы государства только при условии, что после победы ему даруют возможность приступить к долгосрочной задаче «по искоренению причин столь многих несчастий».

Чтобы его не приняли за властолюбца, Франко старательно внушал собравшимся, чего ему стоит это самоотречение и преданность делу. Конечно же не упоминая о своих отлучках на охоту, рыбалку и на гольф, о своих длинных отпусках и уходах от дел, он сказал высоким военным чинам, составлявшим его аудиторию, что, в отличие от него, они могут иногда забывать о своих заботах и обязанностях. «У меня, как главы государства, личная жизнь и увлечения крайне ограничены. Все мое существование заполнено работой и размышлениями». Самовосхваление с элементами жалости к себе было типичным

для Франко. Весьма красноречив анекдот, рассказанный им тогда — в аудитории, состоявшей из бывших соратников по оружию, он держался с непривычной легкостью: «В первые дни крестового похода преобладали плохие новости, и штабной офицер с длинным лицом приносил мне одну дурную весть за другой. Я улыбнулся и приободрил его. Потом в один прекрасный день он заболел и другой офицер, капитан Медрано, сменил его. Медрано пришлось прийти ко мне с одной из самых скверных новостей за всю войну, но он вошел с улыбкой, светясь оптимизмом. Я спрашиваю его: «В чем дело, Медрано?» И он с той же улыбкой отвечает: «Ничего особенного, генерал. У меня тут небольшое сообщение для вас». Я прочел бумагу и говорю: «Отлично. С этого момента ты будешь приносить мне сообщения». А все дело в том, что надо делать хорошую мину при плохих новостях. Чем хуже новость, тем радостнее лицо». В этом неожиданно вырвавшемся откровенном признании «хе-нералисимо» дал свой рецепт выживания[95].

Этот рецепт еще послужит ему известное время. Франция была полна решимости усилить нажим на Франко. Двенадцатого марта Бидо предложил Британии и Соединенным Штатам ввести совместные экономические санкции против Испании. Госсекретарь Бирнс и британский посол напомнили Бидо об обязательствах своих правительств не вмешиваться во внутренние дела этой страны. Британия выступила против экономических санкций, считая это слабым средством без достижения сотрудничества с другими странами, в частности Аргентиной, самым верным союзником Франко[96]. Британский МИД сообщил госдепартаменту: он обеспокоен тем, что Франция «заблуждается, веря в возможность эффективной акции извне, направленной к ускорению падения генерала Франко», ибо испанцы рассматривают закрытие границ «как меру, инспирированную коммунистами, и как недопустимую попытку вмешательства в испанские внутренние дела. Следствием этого будет лишь укрепление позиций генерала Франко». Государственный департамент вполне согласился с такой оценкой[97].

Трехсторонняя декларация произйела незначительное впечатление на армию. Генерал Понте, начальник Севильского военного округа, написал 12 марта 1946 года генералу Вареле, в ту пору верховному комиссару в Марокко, что высшее командование должно координировать свою позицию. По мнению Понте, армия, которая привела Франко к власти, должна принять участие в его отстранении от власти. Варела ответил 23 марта, что нельзя предпринимать ничего, грозящего расколом армии, равно как нельзя допустить чтобы внешний мир заподозрил,

будто такой раскол существует[98]. Письмо Понте было последним серьезным антифранкистским шагом генерала, возглавлявшего войска до середины пятидесятых годов. Ответ Варелы убеждал в том, что Франко умел распределять высокие посты и мог не сомневаться в лояльности армии.

Он был еше более уверен в своем Движении. Первого апреля ежегодный военный парад в честь победы националистов в Гражданской войне превратился в массовую демонстрацию поддержки Франко. Кульминацией торжеств стало появление каудильо на балконе Паласцо Реал, сопровождавшееся возгласами толпы[99]. Шестого апреля фалангисгский министр труда Хосе Антонио Хирон де Веласко пришел к Франко во главе делегации ветеранов Гражданской войны, чтобы вручить ему пятьдесят альбомов с тремястами тысячами подписей — как свидетельство лояльности ему — в тот момент, когда с нападками на каудильо выступала «банда наемных убийц сил зла» (una banda de sicarios de las fuerzas del mal). Весьма удовлетворенный Франко сказал делегации, что масонские и коммунистические заговоры, замышляемые против него эмигрантским республиканским отребьем, означают одно: «Мы живем, мы не умерли, и наш флаг развевается на ветру»[100].

Вскоре подтвердилось, что Союзники отвернулись от испанской демократической оппозиции. Семнадцатого апредя 1946 года Оскар Ланге, представитель Польши в Совете Безопасности, предложил немедленно прекратить дипломатические отношения с Испанией, поскольку она представляет собой угрозу международному миру. Это аргументировалось абсурдным утверждением, будто бежавшие в Испанию нацисты работают там над производством атомных бомб. Академик, противник коммунизма, эмигрант, живущий в США, и прекрасный оратор, Ланге должен был создать впечатление, что Польша действует независимо от Советского Союза. За кулисами сэр Александр Кэдоган и Эдвард Стеттиниус, британский и американский представители в ООН, соединили свои усилия, чтобы увести русские и польские маневры в сторону от цели. Поэтому испанский вопрос 29 апреля 1946 года был передан на рассмотрение подкомитета из пяти человек, возглавлявшегося представителем Австралии Хербертом В. Эваттом (Evatt). Результаты своей работы подкомитет должен был представить через месяц[101].

Шум, вызванный польскими обвинениями, побудил Франко выступить публично. Вопиющая ложь его заявлений сочеталась с искренней верой и наивностью. Четырнадцатого мая 1946 года он говорил перед кортесами в течение более двух часов. Каудильо

сказал внимательно слушавшим его «депутатам»: «За пределами наших границ поговаривают о проблемах испанской политики. Я отрицаю, что в Испании есть какие-либо нерешенные проблемы. Мы решили внутренние политические проблемы нашей кровью и нашими усилиями». Часто прерываемый приветственными возгласами выбранных им слушателей каудильо утверждал, что обвинения в том, будто он диктатор, глупые и злонамеренные. Отрицая, что пришел к власти с помощью Оси, он заявил, будто итальянская и германская помощь во время Гражданской войны была «каплей в океане». Франко бессознательно проявил свое двуличие, попытавшись оправдать свою былую симпатию к Оси. «Кое-кто старается представить нас миру как нацифашистов и антидемократов. Когда-то мы не считали это ошибкой, ибо такие режимы пользовались в мире огромным престижем. Теперь, однако, поскольку на головы проигравших обрушилось столь много оскорбительных обвинений в жестокости и бесчестии, мы, справедливости ради, должны подчеркнуть, что характер нашего государства совершенно иной, чем у них».

Это была прелюдия к защите его собственной формы правления, отличной от фашизма, но дающей ему необходимую власть, чтобы держать под контролем испанское стремление к «эгоизму и анархии». И вот этот близкий к совершенству способ правления подвергся теперь нападкам из-за того, что подавил франкмасонство и нанес поражение коммунизму. Затем, намекнув на то, что только он сам противодействует в своей стране анархии, о которой толкуют зарубежные злопыхатели, каудильо обратился ко всем католикам мира с призывом положить конец нападкам на Испанию. Изобразив дело так, будто международному остракизму подверглась Испания, а не он лично, Франко таким образом снимал с себя ответственность за все ее невзгоды и создавал себе имидж борца с извечными врагами страны. Остановившись на войне, он с поразительной наглостью похвалил себя за благородство, проявленное к Франции летом 1940 года, заявил, что спас Британию от поражения в 1940 году и, несмотря на дело с вольфрамом, утверждал, будто выказывал лишь добрую волю в отношении Соединенных Штатов[102].

Подкомитет, созданный в ответ на польские обвинения в адрес Испании, изучил порученный ему вопрос и в докладе от 31 мая 1946 года во всеуслышание изложил такие факты, как утверждение испанского режима с помощью стран Оси, сообщил о фашистской природе режима Франко, его поведении в поддержку Оси в период Второй мировой войны, продолжающейся поддержке им нацистских военных преступников и

международных фашистских организаций, о необоснованном количестве испанских вооруженных сил, о производстве Испанией урана и вооружений, о казнях, тюремных заключениях и репрессиях, применяемых к политическим оппонентам, и о фашистской деятельности Фаланги. Однако подкомитет не мог рекомендовать Совету Безопасности вмешаться в дела Испании, поскольку Франко не совершил никакого акта агрессии и не угрожал международному миру. Тем не менее, несмотря на серьезные сомнения Британии, подкомитет пришел к заключению, что франкистская Испания хотя и не несет непосредственной угрозы миру, все же представляет собой «потенциальную угрозу международному сообществу и безопасности». В заключение подкомитет рекомендовал Совету Безопасности поддержать мартовскую Трехстороннюю декларацию, а Генеральной Ассамблее — призвать всех членов ООН к разрыву всяких отношений с Испанией[103].

Пятого июня 1946 года испанское правительство выступило с длинным и весьма гневным ответом на доклад подкомитета. В этом ответе явственно сказался почерк Франко. Через весь документ проходит мысль о том, что испанский народ и каудильо — единое целое. Хотя документ подчеркивал «полное безразличие испанского народа» к мнению тех, кто не имеет никакого права судить его поведение, он все же выразил недовольство вмешательством подкомитета во внутренние дела Испании. В нарочито приподнятом тоне заявление утверждало, что оно сделано от имени средних государств, нейтральных наций и малых стран, которым в такой же мере угрожает вызывающее поведение великих держав[104].

Речь, е которой Уинстон Черчилль выступил в тот же день, поддержала Франко куда ощутимее, чем официальный испанский ответ. Иронически отозвавшись о неэффективности политики Организации Объединенных Наций в отношении Испании, Черчилль поздравил правительство Эттли с мудрой воздержанностью — или, по крайней мере, с явным отсутствием пыла — в том, что касается невмешательства во внутренние дела Испании. «Никому из нас не нравится режим Франко, и мне лично он столь же мало симпатичен, как нынешняя британская администрация, но между нелюбовью к правительству и стремлением развязать гражданскую войну очень большая дистанция». Консервативный лидер утверждал, что французское экономическое давление дало «лишь один результат — продлило жизнь Франко». Он заявил: «Нет ничего глупее, чем убеждать испанцев свергнуть Франко и при этом заверять их, что за этим не последует военного вторжения Союзников». Утверждая, что

польский демарш в ООН инспирирован советской стороной, Черчилль сказал: «В Испании столько же мира при реакционном режиме генерала Франко и значительно больше безопасности и довольства для обычных людей, чем в настоящее время в Польше»[199]105.

Несмотря на симпатии к франкистскому режиму консервативных и католических кругов Европы и Америки, пропагандистская машина Франко работала вовсю, чтобы убедить испанский народ, будто Испания — жертва международной осады (сегсо intemacional)[106]. Катастрофические последствия экономической системы автаркии приписывались осаде[200]. На самом деле Франко мог воспользоваться выгодами послевоенного экономического восстановления, заплатив политическими реформами, но он не желал этого. Идея «осады» была удобным объяснением почти любой неудачи режима. Мартин Артахо с его надеждами на либерализацию и реставрацию монархии стал изгоем в кабинете, где доминировали фалангисты[107].

Доклад подкомитета по Испании обсуждался на 44-м, 45-м, 46-м и 49-м заседаниях Совета Безопасности, проходивших в Нью-Йорке 6-го, 13-го, 17-го и 26 ноября 1946 года. Его рекомендации, благодаря стараниям представителей Соединенных Штатов и Великобритании, оказались выхолощенными. Однако, поскольку подкомитет показал, что франкистский режим представляет потенциальную угрозу международному миру, было решено держать испанский вопрос под постоянным наблюдением Совета Безопасности. Это по существу означало признание того факта, что никаких мер против Франко не предусматривается. Попытки советской делегации во главе с А.А. Громыко ужесточить антифранкистскую резолюцию ни к чему не привели и в конечном счете лишь укрепили позиции каудильо, придав достоверность его утверждениям о том, что он — оплот обороны Запада[108].

В контексте международных расхождений по поводу Испании Франко, все набиравший уверенность в себе, получил возможность передышки. После «тихого лета» он выразил Артахо свое удовлетворение тем, что «мир погружается в дрязги и оставляет нас в покое»[109]. В интервью «Аррибе» каудильо заявил: испанский народ «знает, чего ожидать от заграницы и чему учит история, что ненависть к Испании — не изобретение сегодняшнего дня и даже не вчерашнего. Испания живет ныне в правде и искренности, а остальной мир — в постоянном лицемерии»[110]. Десятая годовщина со дня официального назначения его на пост главы государства — День каудильо 1 октября — отмечался еще более пышно, чем прежде. Франко

находился в этот день в Бургосе, где присутствовал на службе в кафедральном соборе, а затем получил в дар от властей пятидесяти испанских провинций щит из золота и платины, инкрустированный рубинами, бриллиантами и изумрудами[111].

В начале ноября 1946 года Совет Безопасности ООН включил испанский вопрос в повестку дня Генеральной Ассамблеи. Это означало возобновление международной антифранкистской кампании, но отнюдь не конкретных акций против каудильо. Председателю Генеральной Ассамблеи были представлены предложения, акций против Франко от тринадцати стран Европы и Америки. Среди них — американский проект, призывающий Франко оставить власть и передать ее представительному временному правительству, а также документ от Белорусской ССР — о разрыве экономических отношений с Испанией[112]. С точки зрения каудильо, критика Организации Объединенных Наций, «произвольная и несправедливая», явно свидетельствовала о направляемом Советами заговоре, преследующем цель изолировать Испанию[113]. За этим последовала массированная пропагандистская кампания, призванная создать впечатление полного национального сплочения вокруг каудильо. В рамках этой кампании на Пласа-де-Ориенте был проведен митинг «рабочих», которые нарекли Франко «первым рабочим Испании»[114].

Испанский вопрос обсуждался в Первом комитете Генеральной Ассамблеи (политические вопросы и международная безопасность) со 2-го по 4 декабря 1946 года в Лейк-Саксессе, штат Нью-Йорк. Многочисленные представители осудили франкистский режим как фашистский, однако несколько стран, в частности Парагвай и Сальвадор, выступили против полного разрыва дипломатических отношений с Испанией. Американский и британский представители, Уоррен Остин и сэр Хартли Шоукросс (Hartley Shawcross), признав, что сущность франкистского режима имеет отталкивающий характер, выступили против иностранного вмешательства, дабы не разжигать гражданской войны в Испании. В конечном счете было решено создать подкомитет и поручить ему выработать проект резолюции для представления Генеральной Ассамблее. За основу взяли текст предложенной Соединенными Штатами резолюции, которую представил сенатор Том Конналли[115]. Леон Жуо (Jouhaux) из Франции иронически усомнился в том, что еще одна резолюция с осуждением Франко убедит испанский народ стать хозяином своей судьбы. И все же так называемая «резолюция Конналли» еще раз выразила осуждение Франко за связи с Осью, обратилась к испанскому народу, предложив ему «дать миру

доказательства того, что он имеет правительство, которое черпает свои полномочия из согласия тех, кем правит», и призвала Франко «оставить власть»[116].

Опасаясь международных санкций против Испании, кабинет Франко обсудил вопрос о «манифестациях национального возмущения». Фалангисгским министрам Хирону и Фернандесу Куэсте было поручено организовать кампанию[117]. Плодом их усилий стала массовая демонстрация на Пласа-де-Ориенте перед Па-ласио Реал 9 декабря 1946 года. В этот день вышло распоряжение закрыть магазины. По утверждениям франкистской полиции, на площади собралось 700 тысяч человек — членов фалангисгских синдикатов, организаций молодежи и ветеранов Гражданской войны. Современные фотографии запечатлели эту площадь, запруженную людьми, и прилегающие к ней улицы. Однако площадь, размером в 46 600 квадратных метров, обсаженная кустами и украшенная статуями, даже вместе с прилегающими к ней улицами, видимо, вмещала меньше народу, чем указывали в ту пору. Тем не менее манифестация впечатляла. На сотнях плакатов и транспарантов были надписи, ругающие русских, французов и вообще иностранцев, толпа оглушительно скандировала: «Франко — да, коммунизму — нет!»

Весьма довольный каудильо появился на балконе дворца в 12.30. Сразу же пустившись в риторику времен Гражданской войны, он обратился к толпе со словами: «Бойцы, бывшие узники и все испанцы» (Combatientes, ex-cautivos y espanoles todos). То и дело перебиваемый бешеными овациями Франко осудил «тех за границей, которые спекулируют вашей лояльностью и миром в нашем доме». Он заявил: «Происходящее в Организации Объединенных Наций не должно поражать нас, испанцев. Когда по Европе безнаказанно распространяется волна коммунистического террора, сопровождающаяся насилиями, убийствами и репрессиями того рода, что вы видели, едва ли стоит удивляться, если сыновья Хирала и Пасионарии[201] встречают терпимость и поддержку официальных представителей этих несчастных стран». Когда Франко провозгласил, что «никто не имеет права вмешиваться во внутренние дела других наций», его слова потонули в море возгласов и оваций. Каудильо призвал своих приверженцев «соединить силу нашей правоты (razdn) с бастионом нашего единства». Завершил он выступление хвастливыми словами: «Доказательством возрождения Испании служит тот факт, что весь остальной мир суетится у нас под ногами». Более часа после окончания речи он стоял с доньей Кармен на балконе и внимал скандированию толпы — «Франко! Франко! Франко!»[118]

Последняя резолюция по Испании была одобрена пленарной сессией Генеральной Ассамблеи 12 декабря 1946 года. Она исключала допуск Испании во все органы ООН и при ООН и призывала Совет Безопасности изучить ситуацию и принять необходимые меры, если в течение разумного срока Испания по-прежнему сохранит правительство, лишенное народной поддержки, а также призвала все страны — члены ООН отозвать своих послов из Испании. Резолюция была принята тридцатью четырьмя голосами — среди них Франция, Великобритания, Советский Союз, Соединенные Штаты и все латиноамериканские страны. Против проголосовали шесть стран, воздержались — тринадцать[119]. Тринадцатого декабря на заседании кабинета Франко поспешил объявить Организацию Объединенных Наций «смертельно больной»[120]. Через четыре дня он поехал в Сарагосу на церемонию, посвященную сопротивлению, оказанному Испанией наполеоновскому вторжению. Отдав дань духу того времени, он затем заявил о превосходстве своей политической системы и о том, что по своему нравственному состоянию и социальному совершенству Испания на десяток лет опережает другие страны. Франко также утвердил выпуск новой монеты со своим изображением и надписью: «Каудильо милостью Божьей»[121].

Глава 22 БЕСПРОИГРЫШНАЯ ПАРТИЯ

1947—1950 годы

Несмотря на профранкистскую кампанию, изображающую Испанию жертвой международной агрессии, Организация Объединенных Наций твердо проводила одобренную ею англо-американскую политику невмешательства: меры, принятые 12 декабря 1946 года, носили исключительно дипломатический характер и не предусматривали экономических и военных санкций*. Соединенные Штаты неохотно согласились даже на включение в резолюцию фразы «в течение разумного срока»[1]. Возможно, позднее Франко искренне утверждал, что его удовлетворяла тактика остракизма, принятая ООН, ибо она позволила ему последовать испанской исторической традиции — героически противостоять численно превосходящему противнику: так было с римлянами, маврами и Наполеоном. ООН дала ему шанс сыграть беспроигрышную партию. Многолюдная демонстрация на Пласа-де-Ориенте восхитила каудильо, поскольку, по его мнению и утверждениям прессы, внезапно объединила сторонников и врагов режима в извечном порыве дать достойный отпор иностранцам, покушающимся на независимость страны[2].

Сам Франко ответил, хотя и косвенно, на резолюцию Организации Объединенных Наций тем, что начал публиковать в «Аррибе» серию статей против франкмасонства, в частности, против генерального секретаря ООН норвежца Трюгве Ли и председателя Генеральной Ассамблеи бельгийца Поля-Анри Спаака. Каудильо считал, что Ли и Спаак — масоны, выполняющие распоряжения Москвы. Статьи, публиковавшиеся под псевдонимом Хаким Боор (две опоры масонского храма), выходили до мая 1951 года. Главный их тезис состоял в том, что франкмасонство, которое каудильо не отделял от либеральной демократии, вместе с коммунизмом готовит заговор, замышляя разрушить Испанию. Франкмасонство, «одна из самых отталкивающих мистерий нынешнего века», — инструмент, с помощью которого англичане разрушили Испанскую империю. Теперь франкмасонство для демократических партий стало тем же, чем марксизм для коммунистов. Карреро Бланко полностью разделял эти взгляды. Статьи были написаны более свежо и живо, чем прочие письменные и устные выступления каудильо. Считалось, что статьи были написаны при участии друга Франко Хоакина Аррараса[3], хотя в их стиле проявилась свобода, которую

дозволяет использование псевдонима. Это наверняка дало такую пищу тщеславию Франко, что он писал о себе в третьем лице, сообщая о ненависти «нашего каудильо» к масонству во всем мире и о намерении народа Испании стоять «с Франко насмерть»[4]. Чтобы замаскировать авторство каудильо, печать объявила, что он лично дал аудиенцию Хакиму Боору[5]. В 1952 году из статей бьш составлен сборник, и до конца своей жизни Франко считал, что все книги раскупили франкмасоны, дабы публика не прочла их[6].

Вместе с тем каудильо и Карреро Бланко приложили значительные усилия к тому, чтобы сделать режим приемлемым для тех самых западных демократий, которые Франко ругал в своих статьях. Тридцать первого декабря 1946 года Карреро составил меморандум, призывавший Франко использовать народную поддержку, продемонстрированную на Пласа-де-Ориенте, для того, чтобы ин-ституировать свой режим в качестве монархии, а затем путем референдума придать ему видимость-демократического. Главная идея плана состояла в том, что «биологическую неадекватность» какого-либо наследного монарха можно обойти, если продлить пребывание Франко на посту главы государства и обязать короля следовать рекомендациям Совета по делам монархии, составленного из лояльных лиц из Движения и контролируемого самим каудильо. Франко же считал, что при его жизни монархию лучше не восстанавливать. Меморандум Карреро Бланко был переработан, а на его основе появился другой документ, представленный 22 марта 1947 года. В нем Франко предлагалось самому назвать своего монаршего наследника[7]. Реализации этой идеи франкистской «монархии» способствовало то, что дон Хуан обретал поддержку самых разных сил — от карлистов на крайне правом фланге до социалистов на демократическом левом[8].

Неиссякаемый оптимизм каудильо проявился в начале января 1947 года, когда он принял делегацию высших генералов. Его старый друг, почтенный Андрес Саликет, рискнул сказать: «Пако, все мы обеспокоены решением Организации Объединенных Наций». Каудильо цинично заявил: «Нет никаких причин для беспокойства. В чем дело? Твоя мыльная фабрика ведь работает?» Тем самым Франко язвительно намекнул генералам на то, что многие из них, по его сведениям, занимают посты в директоратах компаний. Услуги генералов охотно оплачивались, поскольку они, пользуясь своим влиянием, обеспечивали компаниям дефицитное сырье и электроэнергию. Последовало неловкое молчание. Воспользовавшись моментом, Франко поведал гостям: он убежден, что нарастающие русско-американские противоречия

вскоре гарантируют ему авансы Вашингтона[9]. Каудильо лучше, чем кто-либо из генералов, понял, что резолюции ООН означают конец для республиканского правительства в изгнании. Великие державы не собирались поддерживать республику, поэтому дискредитированный и лишившийся иллюзий Хирал оставил свой пост. Прагматический лидер социалистов Индалесио Прьето понял, что теперь у испанских левых один выход — создать широкий фронт совместно с монархической оппозицией Франко. Для этого было создано более умеренное правительство в изгнании во главе с социалистом Родольфо Льописом (Llopis)[10].

Перспективы стратегии Прьето не внушали радужных надежд: дипломатические сообщения, приходившие к Франко, укрепляли его уверенность в том, что британские консерваторы и влиятельные лица в американском Пентагоне видят в испанском диктаторе оплот против советской экспансии". Ни британцы, ни американцы не оказывали конкретной помощи тем заговорам, которые составляли Аранда и Бейгбедер, желавшие заменить Франко временным правительством и включить в него различного толка монархистов и умеренных левых[12]. От своей тайной полиции каудильо имел полную информацию об этих заговорах, у него на столе лежали досье с материалами, компрометирующими Аранду и Бейгбедера[13]. Тем не менее отзыв послов побудил испанское министерство иностранных дел искать контакты с теми, кто согласился бы выслушать испанцев. После того как в июне 1947 года американцы направили временным поверенным в Мадрид ан-тифр'анкистски настроенного Пола Калбертсона (Culbertson), власти вопреки протоколу предприняли неуклюжие попытки обласкать этого человека и его семью[14].

Всякий визит — проезжего епископа или шейха — преподносился как значительное событие, дабы смягчить тяготы изоляции. Мартин Артахо особенно преуспел в этом отношении, используя свои разветвленные контакты с Ватиканом. Остроумный Агустин Де Фокса назвал министерство монастырем: «Monasterio de Asuntos Exteriores»[202], а самого Мартина Артахо — «настоятелем»[15].

В середине февраля 1947 года Франко дал пространное интервью Константину Брауну из вашингтонской «Ивнинг стар». Посвященное в основном оправданию позиции Испании во Второй мировой войне, оно наглядно показывает самовос-приятие каудильо в то время. Каудильо поверил собственным пропагандистским измышлениям о том, что судьба повелела стать орудием божественной миссии. Вступительные слова интервью отражают причудливое сочетание мании величия и смирения: «Я никогда не имел амбиций командовать или

властвовать. С самой юности мне были уготованы жизнью тяжелые испытания, вынудившие меня занять командные позиции и взять на себя ответственность, несоизмеримую с моим возрастом. Но у меня были представления об ответственности и о необходимости исполнения долга, а долг — это веление совести каждого. Будь я уверен, что ради интересов моей отчизны мне следует отказаться от командования, не сомневайтесь, я сделал бы это без всякого колебания и с радостью, ибо командовать — для меня и долг, и жертва»[16].

Франко имел веские основания для такой уверенности. Даже если были бы применены строгие экономические санкции, требуемые Францией и другими странами, режим, скорее всего, выжил бы. Несмотря на острую нехватку продовольствия и серьезные трудности в удовлетворении электроэнергией основных нужд промышленности, по оценкам британцев, продовольствия должно было бы хватить более чем на четыре месяца, а запасов нефти — как минимум, на полгода[17]. Каудильо установил спасительные дружественные связи с рядом стран, включая салазаровскую Португалию, и прежде всего — с сочувствовавшим Оси режимом Хуана Доминго Перона в Аргентине[18]. Мартин Артахо с явным облегчением говорил о «передышке», которую дала Испании аргентинская помощь[19]. Оптимизм Франко еще больше усилился, как только сопротивление Запада коммунистической экспансии начало обретать организационные формы. Двенадцатого марта 1947 года в ситуации, когда британцы проявили неспособность оказывать военную помощь Греции и Турции, США объявили о «доктрине Трумэна» — программе помощи «свободным народам в решении их судеб по их выбору»[20].

В соответствии с переменами в международной обстановке Франко прилагал все больше усилий, чтобы замаскировать сущность cBoeft) режима и придать ему вид, приемлемый для заграницы. Идеи Карреро Бланко, изложенные в форме проекта Закона о наследовании (Ley de Sucesidn), обсуждались на заседании кабинета 28 марта 1947 года и были опубликованы три дня спустя. В первой статье заявлялось, что «Испания, как политическое целое, является католическим, социальным и представительным государством, которое, следуя традициям, объявляет себя королевством». Вторая статья гласила: «Главой Государства является Каудильо Испании и Крестового похода, Генералиссимус Вооруженных Сил Дон Франсиско Франко Баамонде». Долго лелеемая Фалангой «революция» была выброшена на свалку. Послушание фалангистов отражало тот же страх, что разъедал души ближайших сподвижников каудильо.

Вынужденная дружба режима со странами Оси в 1936—1945 годах уходила в забытье, а фашистское обличье, откровенно демонстрировавшееся в тот период, будет заменено монархическим фасадом. В любом международном контексте, кроме «холодной войны», такой грубый обман выглядел бы смехотворно. Прямое заявление о том, что Франко будет править, пока этому не помешает смерть или немощь, дозволенная каудильо возможность назвать своего монархического преемника, отсутствие какого-либо указания на то, что королевская семья имеет права династического наследования, утверждение, что будущий король должен поддерживать фундаментальные установления режима и может быть смещен, если отойдет от этого, — все указывало: не изменилось ничего, за исключением вывески. Однако через три года, когда разразилась война в Корее, этого ассортимента вполне хватило для того, чтобы международный остракизм по отношению к Испании прекратился и ей распахнули двери в западное сообщество.

Новый закон стал частью тщательно разработанного представления, призванного убедить западные державы и испанских монархистов, что режим эволюционирует к реставрации монархии. Хорошая постановка спектакля требовала, чтобы дон Хуан произносил нужные слова и не отвергал предложенной схемы. Но эта часть представления была проработана весьма скверно. За день до опубликования Закона о наследовании Карреро Бланко приехал в Эшторил к дону Хуану с посланием, уже переданным прежде претенденту в других редакциях Николасом Франко и Альберто Мартином Артахо. Смысл его состоял в том, чтобы дон Хуан «отождествил себя с режимом, верил во Франко, хранил спокойствие и смирился с участью быть наследником каудильо». На Карреро Бланко была возложена особая миссия: ознакомить претендента с проектом, которому 31 марта предстояло стать законом. Франко приказал Карреро Бланко просить аудиенции именно 31 марта, чтобы не дать дону Хуану возможности каким-либо образом воспрепятствовать этим планам.

Когда на исходе утра они встретились, Карреро изложил претенденту длинный и приукрашенный перечень достижений каудильо. Карреро говорил о новом законе так, что дону Хуану показалось, будто с ним советуются по проекту разрабатываемого закона. Карреро смутился, когда претендент отметил, что Франко не может представлять себя реставратором монархии, поскольку запрещал деятельность монархистов. Поняв, что дон Хуан хочет стать королем всех испанцев, Карреро откровенно изложил ему взгляды Франко на политику: «В 1936 году в Испании был вырыт

окоп, и надо быть или на этой стороне, или на противоположной... Вам следует думать, что вы можете быть королем Испании, но это должна быть Испания Национального движения (Movimiento Nacional): католическая, антикоммунистическая, антилиберальная и решительно настроенная против всякого иностранного влияния в своей политике». Прежде чем покинуть претендента, Карреро передал ему пухлое досье с обвинениями в адрес его приверженцев. Дон Хуан обещал прочесть текст Закона о наследовании и при встрече с Карреро на следующий день высказать свое мнение о законе.

По окончании аудиенции Карреро ушел, а дон Хуан уединился в своих апартаментах. Затем Карреро, не объявив о себе, вернулся на виллу Хиральда и оставил служащему из администрации дона Хуана записку для претендента о том, что этим вечером каудильо выступит по национальному радио и объявит окончательный текст нового закона. После чего он поспешил уйти, пока дон Хуан не получил записку и не понял, что они обсуждали вовсе не проект закона. Обман побудил претендента и его советников укрепить связи с левой антифранкистской оппозицией. Седьмого апреля 1947 года дон Хуан выступил с Эшторилским манифестом, в котором заявил, что Закон о наследовании не имеет юридической силы и ставит целью изменить природу монархии, хотя не было проведено консультации ни с наследником трона, ни с народом. Франко, Артахо и Карреро сошлись на том, что тем самым дон Хуан поставил на себе крест как на возможном наследнике каудильо. Тринадцатого апреля «Обсервер», Би-би-си и «Нью-Йорк тайме» опубликовали заявления дона Хуана, где говорилось, что он готов достичь соглашения с Франко, если только оно будет касаться деталей мирной передачи власти без всяких дополнительных условий. Манифест и интервью вызвали бурную кампанию против дона Хуана в испанской прессе. Его называли орудием международного франкмасонства и коммунизма[21].

Закон о наследовании не обманул великие державы. Исполняющий обязанности госсекретаря Дин Ачесон написал послу США в Лондоне Льюису Дугласу: «Пока Франко или наследник, назначенный в соответствии с новым декретом, будут у власти, не произойдет никаких сдвигов в экономическом застое в Испании. Нам по-прежнему не позволят оказывать эффективную помощь, которая сделала бы возможной экономическую реконструкцию этой страны и тем самым предотвратила бы вспышку внутренних раздоров и доминирование коммунистов». Ачесон сообщил: в Вашингтоне и Лондоне возрастает беспокойство из-за того, что «Москва не только заинтересована в

сохранении Франко у власти до тех пор, пока политическое и экономическое недовольство в Испании не достигнет революционной точки, но также извлекает значительные пропагандистские выгоды из нынешней ситуации, заставляя западные страны занять оборонительную позицию — то есть положение защитников фашизма и реакции». Ачесон, по-прежнему убежденный, что «Франко и любой режим, увековечивающий принципы его контроля над страной, должны уйти», не располагал никакими практическими возможностями, чтобы добиться этого. Исключая применение силы, он предлагал предоставить Франко беспрепятственный выезд из страны и начать оказывать экономическую помощь только после его отъезда[22].

Позиция британцев была все так же противоречива. Чтобы успокоить лейбористскую партию, Бевин по-прежнему публично демонстрировал враждебное отношение к Франко[23]. Вместе с тем он разделял точку зрения министерства иностранных дел, что активные меры против диктатора — такие, как экономические санкции, — окажутся, вероятно, неэффективными и обойдутся в непропорционально высокую цену Британии, которой придется организовывать блокаду с риском испортить отношения с Португалией и Аргентиной, лишиться импорта[203], считающегося незаменимым, и навлечь репрессалии на британский бизнес в Испании[24]. Британский временный поверенный в Мадриде Дуглас Ховард сомневался в правомерности идеи Ачесона предложить Франко покинуть страну и прислал убедительный доклад, в котором отметил, что высшее военное командование, видя в каудильо наилучшую защиту от коммунизма и гарантию своих материальных интересов, останется лояльным ему[25]. К 25 апреля Бевин, который ездил в Москву на конференцию министров иностранных дел, пришел к выводу, что план общего подхода к Франко «плохо продуман, выдает желаемое за действительное» и слишком опасен, поскольку создает прецедент для вмешательства во внутренние дела Испании, а это может быть использовано Советским Союзом повсюду. Бевин советовал, чтобы в рамках ООН больше ничего не предпринималось и чтобы «оборонческое лобби» поддержало это бездействие[26]. К счастью для Франко j госдепартамент не имел намерений вмешиваться в испанские дела, хотя предложение Ачесона и создавало такое впечатление[27].

Из-за чудовищных условий жизни рабочего класса[204] в начале мая 1947 года недовольство промышленных рабочих вырвалось наружу, несмотря на полицейские репрессии. По Испании прокатилась волна забастовок, более всего затронувших Страну Басков, но имевших место также в Каталонии, Мадриде и на

верфях Эль-Ферроля. Десятилетие жестоких репрессий не предотвратило распространения забастовок, отразивших крайнее падение жизненного уровня испанского рабочего класса[28]. Режим ответил на них быстро и жестко. В Бильбао были направлены части Легиона и гражданской гвардии, а кроме того дополнительные силы полиции — две с половиной тысячи. Работодателям приказали «не долго думая» увольнять тех забастовщиков, кого не успели бросить в тюрьму. Баскское правительство в изгнании надеялось, что забастовки помогут убедить великие державы, что ненавистный народу режим Франко носит репрессивный и фашистский характер[29]. Баскский президент Хосе Антонио де Агирре видел в забастовках то самое проявление народного сопротивления, о котором говорилось ё декабрьской (1946 года) резолюции Организации Объединенных Наций, осудившей режим[30]. Он объявил забастовки «величайшей победой, достигнутой народными силами в борьбе против франкистского режима», что в соотношении с масштабами развернувшихся репрессий было крайним преувеличением[31]. Утверждение Агирре подхватили французская и испанская коммунистические партии[32]. Однако каудильо часто везло: волна забастовок убедила Лондон и Вашингтон в том, что надо поддержать его как оплот против коммунистических происков.

Двадцать перврго января 1947 года Джеймса Бирнса на посту государственного секретаря заменил генерал Джордж Маршалл[205]. Пятого июня 1947 года его речь в Гарварде положила начало плану Маршалла по экономическому восстановлению Западной Европы. Вскоре после этого по предложению французского министра иностранных дел Жоржа Бидо Испанию исключили из числа участников Парижской конференции, созванной 12 июля 1947 года для изучения экономических нужд Европы. Исключение Испании считалось временной мерой, его предполагалось отменить, как только в стране изменится правление. В ответ испанское правительство опубликовало в Вашингтоне ряд брошюр, призванных показать, что без Испании план Маршалла обречен на провал[33]. В известном смысле Программа восстановления Европы (European Recovery Programme), как официально назывался план Маршалла, помогла режиму Франко выжить, хотя Испания не была включена в этот план. Москва отказалась разрешить зависимым от нее восточноевропейским странам принять помощь, и это стало главным шагом на пути к разделу Европы на два блока, который так или иначе способствовал увеличению стратегической ценности Испании для Запада.

С того момента, как Испанию исключили из плана Маршалла

и до тех пор, как отношение США к этой стране изменилось, весьма существенной для нее была помощь популистского аргентинского диктатора Перона. Началась она с соглашения от 30 октября 1947 года о поставках в кредит пшеницы[34]. Аргентина защищала Испанию на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1946 года и, игнорируя резолюцию ООН об отзыве послов из Мадрида, направила туда в январе 1947 года нового посла — Педро Радио. Его приветствовали инициированные властями демонстрации; приезд посла широко освещался прессой[35]. Еще больший пропагандистский шум поднялся в связи с визитом в Испанию летом 1947 года очаровательной Марии Эвы Дуарте де Перон (Эвиты)[36]. Это совпало с референдумом, организованным министром внутренних дел Бласом Пересом для утверждения Закона о наследовании. Франко предпочел бы принять самого Перона. Однако, возможно, тот был слишком прожженным политиком, чтобы позволить и дальше ассоциировать себя с Франко, ненавидимым всей Латинской Америкой, или, проявляя осторожность, не хотел надолго оставлять Буэнос-Айрес. Как бы то ни было, Эвита настаивала, чтобы ее принимали на уровне главы государства, а Франко, весьма обеспокоенный этим визитом, опасался, что, если он даст согласие на это представление, поднимется большой шум[37].

За Эвитой был отправлен специальный самолет авиакомпании «Иберия», который в последней фазе полета сопровождали истребители испанских ВВС. В аэропорту Барахас украшенную драгоценностями Эвиту встречали каудильо и донья Кармен, правительство, ведущие деятели Фаланги, армейская и церковная иерархия. Франко склонился, чтобы поцеловать руку гостьи. Огромные толпы приветствовали кавалькаду автомашин, следующую в Пардо по улицам Мадрида. В знойный день 9 июня школы были закрыты, правительственным чиновникам дали выходной день, синдикалистскую машину привели в действие для организации массового митинга в поддержку Франко. На этом митинге он вручил Эвите Большой крест Исабель Католической. И «хенералисимо» в военной форме, и его гостья в несколько неуместном норковом манто подняли руки в фашистском приветствии под скандирование фалангистов на Пласа-де-Ориенте. В течение всего визита Эвита и донья Кармен старались перещеголять друг друга в нарядах. Их сильным оружием были экстравагантные шляпки. Победила аргентинка[38].

Со времен визита Генриха Гиммлера в октябре 1940 года ни перед одним высоким гостем не выстилали ковровую дорожку. Визит Эвиты принес режиму определенную пользу, по крайней мере с точки зрения внутренней политики. Появление накануне

референдума рядом с красивой Эвитой, митинги, пропагандистская шумиха — все это весьма и весьма пригодилось Франко. Фотографии сеньоры Перон перемежались в газетах с призывами сказать «да» на референдуме. В своих речах Эвита расточала щедрые похвалы каудильо[39]. Испанская пресса подняла свистопляску вокруг визита сеньоры Перон, однако не отметила, что она собирается также посетить Португалию, Италию, Ватикан, Швейцарию и Францию[206]. В ответ на невключение Испании в план Маршалла был подписан протокол Франко — Перона, в соответствии с которым Испании предоставлялся новый кредит и гарантия поставок пшеницы до 1951 года[40].

По мере приближения дня референдума профранкистская пропаганда становилась все более оголтелой. Испанцев убеждали сказать «да», если они католики и не хотят видеть свое отечество в лапах коммунистов. Против, твердила пресса, проголосует лишь тот, кто отказался от католической веры, предал погибших за дело националистов в Гражданской войне и кто готов помочь международному марксизму, желающему помешать процветанию Испании[41]. В пропагандистские демарши была вовлечена и церковь. Кое-где официальные представители фалангистов требовали считать действительными лишь те продуктовые карточки, которые проштемпелеваны на участке для голосования. И все же не вызывало сомнений, что в референдуме примут участие далеко не все. В некоторых сельских районах люди не верили, что голосование будет тайным. Большие наряды полиции, направленные на участки для голосования, подтверждали эти опасения. По официальным данным, не прошедшим независимую проверку, на референдуме, состоявшемся в понедельник 6 июля 1947 года, из 17 178 812 человек электората проголосовало 89%, или 15 219 565 избирателей; 14 145 163 избирателя, или 93%, проголосовали «за», оставшиеся 7% разложились так: 4,7% сказали «нет» (722 656), 2,3% (351 746) составили пустые и испорченные бюллетени. В крупных городах не участвовало в референдуме значительно больше избирателей, что ставит под сомнение опубликованные цифры. Тем не менее даже с учетом давления на электорат, его запугивание, а также фальсификации результаты показали, что Франко имеет существенную поддержку в народе[42].

Генерал Кинделан в письме к дону Хуану Бурбону так описал реакцию каудильо на результаты референдума: «Франко в состоянии полной эйфории. Этот человек обладает завидной способностью верить во все, что ему приятно, и забывать или отрицать то, с чем он не согласен. К тому же он самонадеян, отравлен лестью и пьян от оваций. У него голова кружится от

высоты, он болен властью, он полон решимости держаться за нее во что бы то ни стало, если понадобится, пожертвовать ради нее всем и защищать ее зубами и ногтями. Многие думают, что он упрямый и злой, но я так не считаю. Он коварен и хитер (taimado у сисо), но полагаю, им владеет убеждение, что его судьба и судьба Испании — тождественные вещи и что Бог наделил его властью во имя великих дел»[43].

И британская и американская официальная политика с точки зрения демократии ставила под сомнение законность референдума, однако к середине 1947 года все больше исходила из того, что в ближайшее время придется иметь дело с Франко. Британцы укрепились во мнении, что оказывать давление на каудильо и вынуждать его уйти — дело непродуктивное[44]. Франко между тем руководствовался недоверием к британцам, отличавшим его всю жизнь, и ошибочно полагал, будто британский МИД более склонен свергнуть его, чем госдепартамент США. Поэтому он старался поссорить двух союзников, как делал это во времена Хейеса и Хора, а также Армура и Мэллита. Двадцать седьмого июля 1947 года каудильо предпринял экстраординарный шаг, решив тайно встретиться с американским временным поверенным Полом Калбертсоном. Гневно обличив британское двуличие, он высказал мнение, что Союзники должны быть глубоко благодарны ему за его нейтралитет во время Второй мировой войны и за проявляемый им антикоммунизм.

Попытавшись перевести разговор на то, что в Испании нет политических свобод, Калбертсон ничего не добился. Он ушел со встречи в убеждении, что Франко искренне верит, будто он поднимает социально-экономический уровень жизни в стране, а его политика наилучшим образом отвечает интересам Испании[45].

Восемнадцатого июля 1947 года каудильо продемонстрировал, что после референдума по Закону о наследовании он будет действовать как суверен во вновь провозглашенном испанском королевстве. Трон пустовал, но Франко, присвоив себе прерогативы королевской власти, возводил бывших и нынешних соратников в дворянское достоинство. Генералу Моле, Хосе Кальво Сотело и Хосе Антонио Примо де Ривере посмертно были дарованы титулы герцогов. Генерал Москардо стал графом дель Алкасар де Толедо. В последующие двадцать пять лет каудильо наградит дворянским титулом тридцать девять человек[46]. Франко всегда отличался тем, что каждый его шаг был продиктован несколькими мотивами. Узурпировав королевские привилегии, он сделал предупреждение претенденту. Своим приверженцам каудильо

напоминал, что он вправе расточать милости, а тем самым ставил своих сторонников-монархистов перед трудной дилеммой. Отказавшись от титула, они открыто заявили бы о своей враждебности Франко, а приняв титул — предали бы своего монарха. Вместе с тем награждение дворянскими титулами в 50-х годах многих видных деятелей времен Гражданской войны (Саликета, Давилы, Кейпо де Льяно, Ягуэ и Варелы) напоминало о недавних событиях и показывало, что национальное примирение по-прежнему не входит в планы генералиссимуса. Даровав в 1961 году генералу Альфредо' Кинделану титул маркиза, Франко издевательски посмеялся над человеком, активно, но безуспешно пытавшимся возродить монархию, посадив на трон дона Хуана.

Каудильо лез из кожи вон, чтобы воздействовать на влиятельные круги американского истеблишмента, давая интервью прессе или принимая визитеров из США. В октябре 1947 года в Барахас из Рима прилетела группа американских парламентариев: три сенатора и восемь конгрессменов из комиссии Смита — Мундта. Их забрали из аэропорта и сначала устроили им встречу с министром иностранных дел, а затем отвезли в Пардо к Франко. О том, какое значение придавал каудильо таким визитам, говорит тот факт, что, узнав о неожиданных гостях, через час он уже был готов к встрече. Когда ему позвонил министр и сказал, что необходимо встретиться с американцами, Франко, одетый в военную форму, решил облачиться в серый цивильный костюм, заметив своему помощнику: «Не надо создавать у этих американцев впечатления военного режима». Но, передумав, добавил: «Слишком большая уступка. Адмиральская форма подойдет. В конце концов, это синяя форма. А они любят все связанное с флотом». Когда американцы приехали, каудильо заговорил с ними о коммунистической угрозе и опасности, исходящей от Советского Союза. Ушли они довольные каудильо и его формой[47].

Признаки перемен в американском отношении к Франко ясно давали знать о себе. Сигналы из Лондона свидетельствовали об обратном. В октябре 1947 года Хиль Роблес вступил в контакт с Индалесио Прьето при содействии британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина[48]. Тревожные сообщения из лондонского посольства заставили взбудораженного Франко действовать. Британскому правительству была направлена нота протеста, ибо каудильо счел это вмешательством во внутренние дела Испании[49]. На самом деле Бевин способствовал проведению этой встречи только ради того, чтобы смягчить антифранкистские настроения в лейбористской партии. Личная же точка зрения Бевина и официальная линия министерства иностранных

дел состояла в том, что для смещения Франко ничего сделать нельзя, а значит, меньшее зло — не допускать обсуждения испанского вопроса в Совете Безопасности, причем таким образом не позволить России извлечь из этого выгоду[50]. Двадцать третьего октября Калбертсон встретился с Хосе Эрисе (Erice) — генеральным директором по вопросам внешней политики испанского министерства иностранных дел. Получив сообщение об их беседе, Франко сделал приятный вывод, что госдепартамент не одобряет акцию Бевина и, в отличие от британцев, решил совсем снять испанский вопрос в Организации Объединенных Наций[51]. Самодовольный каудильо усмотрел в этом подтверждение правильности своей политики, решил, что американцы одобряют его фигуру, и, приняв желаемое за действительное, преувеличил политические разногласия между Британией и Соединенными Штатами. Тем не менее с практической точки зрения он был прав.

После встречи 23 октября Калбертсон, хотя и критически настроенный к Франко, посоветовал Вашингтону не переворачивать «здешнюю телегу с яблоками, хотя в ней много гнилья»[52]. Перед Британией и Соединенными Штатами встала дилемма: неприятие испанской диктатуры или реалистический подход к ценности Испании в условиях «холодной войны». На деле Вашингтон бьш готов уже отказаться от мысли об отстранении Франко от власти. Двадцать четвертого октября 1947 года Группа политического планирования США под руководством Джорджа Кеннана направила генералу Маршаллу и Дину Ачесону доклад, в котором рекомендовалось как можно скорее нормализовать экономические и политические отношения США с Испанией. Маршалл и министр обороны Джеймс Форрестол немедленно одобрили рекомендации Кеннана. Быстрая перемена в американской политике обнаружилась, как только позиция Франко подверглась новому обсуждению в ООН[53].

С 10-го по 12 ноября 1947 года испанский вопрос снова обсуждался в Первом комитете Генеральной Ассамблеи в Лейк-Сассексе. Это обсуждение обозначило заметное изменение положения Франко на международной арене. Польский делегат Оскар Ланге убедительно разоблачил псевдодемократический характер Закона о наследовании и представил доказательства того, что генералиссимус продолжает предоставлять убежище большому числу нацистских военных преступников. Чехословацкий представитель Ян Масарик заявил протест по поводу того, что Франко по-прежнему держит в бесчеловечных условиях в тюрьмах тысячи своих противников. Тем не менее предложение о введении полномасштабных экономических

санкций набрало мало голосов. Британия и Соединенные Штаты не вернулись к позиции осуждения Франко и еще активнее высказались против вмешательства во внутренние дела Испании. Когда 17 ноября Генеральная Ассамблея голосовала по предложенной Первым комитетом резолюции, Соединенные Штаты проголосовали против пункта, подтверждавшего резолюцию от 12 декабря 1946 года, а сама резолюция не набрала необходимых двух третей голосов. Сигнал для Франко бьш вполне ясным.

Восемнадцатого декабря 1947 года Калбертсон получил инструкции занять дружественную позицию по отношению к Испании. Послы снова потянулись в Мадрид, и каудильо, разумеется, заявил, что одержана крупная победа[54]. В начале января 1948 года наметившаяся тенденция подтвердилась. Франко получил от своего аппарата в Вашингтоне телеграмму, информирующую его о том, что официальные лица госдепартамента выразили желание видеть в Мадриде американского посла[55]. Итак, самое трудное для каудильо осталось позади. Резолюция ООН декабря 1946 года — пик международного остракизма — не прошла. Захват власти в Чехословакии коммунистами в 1948 году и берлинская блокада с 24 июня 1948 года по 4 мая 1949 года довершили остальное. Происшедшее вовсе не было личной заслугой Франко, однако именно так он и представил это в своем самодовольном победоносном обращении к нации по радио 31 декабря, исполненном убеждения в собственной правоте после крутого поворота событий[56].

Хотя Соединенные Штаты не собирались в обозримом будущем направлять посла в Мадрид, госдепартамент, опережая своих британских партнеров, двигался к «нормализации» отношений с каудильо. Свидетельство тому — готовность, с которой Пентагон воспринял рекомендации Джорджа Кеннана от октября 1947 года. Теодор Акиллес (Achilles), заведующий западноевропейским отделом госдепартамента, отметив новую позицию Вашингтона, написал Калбертсону: «Международное давление, намеревающееся «сейчас же вышибить Франко», не удалось и послужило только: 1) усилению его сопротивления любой либерализации под иностранным давлением; 2) укрепило тех в Испании, кто, поддерживая его, хотел бы более демократического способа правления; эти люди противятся иностранному давлению или опасаются возобновления беспорядков и 3) у коммунистов появился еще один шанс вызвать повсюду трудности и замешательство». Британцы сочли перемены в американской позиции разрушительными и опасались, что они

вызовут замешательство у западноевропейских партнеров[57].

Франко теперь испытывал уверенность, что дела пошли к его выгоде. Это сказалось в том, что он стал теперь уделять больше времени развлечениям, среди которых была непременная рыбалка на Пасху в Астурии. Когда же он приобрел яхту «Асор», рыбная ловля с Максом Ворреллом вдали от атлантического берега превратилась в настоящую страсть. Это занимало особенно много времени летом[58]. Вспомнив, что впервые пытался заняться гольфом на Канарских островах, каудильо вернулся к нему и однажды даже принялся объяснять несловоохотливому герцогу де Альбе (Джеймсу Фитц-Джеймсу Стюарту-и-Фаль-ко), который имел еще и титул герцога Бервикского, как устроить поле для этой игры[59]. Франко всегда находил досуг для охоты. Плавая на яхте, он много играл в карты и домино с близкими друзьями-военными, среди которых были генералы Камило Алонсо Вега, Пабло Мартин Алонсо и адмирал Педро Ньето Антунес (Antunez).

Все возрастающая уверенность Франко в себе позволяла ему блокировать любые попытки Калбертсона добиться от него хотя бы показных жестов по либерализации экономики и по части ослабления политических репрессий. При этом каудильо делал вид, будто не понимает, чего от него хотят[60]. Когда британский временный поверенный Дуглас Ховард заявил протест по поводу того, что в,Испании предоставляют убежище нацистским военным преступникам, преследуют протестантов и устраивают судилища над левыми, Мартин Артахо, встретившись с ним с глазу на глаз, отверг его обвинения и даже выразил ему неудовольствие, чего никак не могло случиться без ведома Франко[61]. Не выказывая ни малейшей склонности сделать шаг навстречу американцам, каудильо велел Мартину Артахо добиться того, чтобы Вашингтон раскаялся в проводимой им прежде политике. Несмотря на то, что в ноябре США заняли в ООН вполне определенную позицию, Мартин Артахо сказал Калбертсону 9 марта 1948 года, что Испания не может удовлетвориться лишь тем, что защищено ее доброе имя, а поэтому ожидает, что США сыграют главную роль в исправлении несправедливости[62]. Франко знал, что госдепартамент меняет отношение к Испании медленнее, чем американский военный и финансовый истеблишмент[63]. В конце марта Объединенный комитет начальников штабов США выразил заинтересованность в получении трех аэродромов в Испании, оборудованных для приема самых тяжелых американских бомбардировщиков[64].

Включение Испании в план Маршалла было одобрено конгрессом как составная часть Закона об иностранной помощи (Foreign Assistance Bill) от 30 марта 1948 года. Это решение

приняли в ответ на поправку конгрессмена Элвина О'Конски (Alvin O'Konski), заявившего, что «исключение Испании — это позорное потакание красным в Москве и красным в наших собственных государственном департаменте и министерстве торговли». О'Конски добился успеха, поскольку перед голосованием в палате представителей распространилась новость о том, что русские потребовали установления контроля над транспортом, идущим в Берлин и из Берлина. Но Трумэн заблокировал включение Испании, указав, что решение о вступлении новых членов зависит от составителей Программы восстановления Европы. Трумэном при этом руководили недовольство отсутствием религиозных свобод во франкистской Испании и стремление пойти навстречу общественному мнению в Британии и во Франции[65].

После берлинской блокады укрепилась уверенность Франко в том, что западные страны уже по большому счету не заинтересованы в его смещении. Германский кризис усилил поддержку Франко в Испании и со стороны умеренных.

Они не питали любви к нему, но считали несвоевременными попытки сменить режим, опасаясь дестабилизировать Испанию[66]. Возрастающая уверенность в себе побуждала каудильо уделять больше времени и энергии восстановлению международных позиций Испании, а также внутренней борьбе с доном Хуаном и поддерживающими его силами. В начале августа 1948 года он направил своего старого друга-«африканца» генерала Эдуардо Сайнса де Буруагу на встречу с губернатором Гибралтара сэром Кеннетом Андерсоном, тщетно надеясь вывести из тупика англо-испанские отношения. Андерсон запросил посольство в Мадриде, и ему предложили информировать Сайнса де Буруагу о том, что нормальные отношения с Британией не установятся до тех пор, пока «отталкивающая и печально знаменитая Фаланга» будет держать Испанию своей удушающей хваткой[67]. Получив отпор, Франко пришел к выводу: чтобы расположить к себе какую-либо из западных держав, необходимо сосредоточить усилия на Соединенных Штатах.

Инициативы каудильо, связанные с доном Хуаном, принесли более удовлетворительные результаты. Напряженность в отношениях между ним и претендентом не отвечала интересам обоих. Но у Франко были определенные преимущества. В начале января 1948 года Калбертсон сказал двум советникам дона Хуана (один из которых — Хосе Мариа де Ориоль — часто посещал Пардо), что Соединенные Штаты не видят смысла провоцировать падение Франко средствами экономической блокады, поскольку выгоду от этого получат не монархисты, а левые. Калбертсон

порекомендовал советникам, чтобы дон Хуан поискал какую-либо форму соглашения с Франко[68]. Каудильо был озабочен сообщениями своих секретных служб об укреплении связей между монархистами и левыми, но, получив отчет Ориоля о словах Калбертсона, выказал к ним равнодушие[69].

Франко не спеша готовился к встрече с доном Хуаном на борту своей яхты «Асор». Претендент отверг несколько осторожных приглашений, переданных ему придворными, которые поддерживали тесный контакт с Франко, и наконец согласился встретиться с каудильо в Бискайском заливе 25 августа 1948 года[70]. Дон Хуан принял это решение, не проинформировав даже своих ближайших советников — Хиля Роблеса и Педро Сайнса Родригеса. Претендент настаивал, чтобы каудильо вначале присоединился к нему на яхте «Сальтильо», принадлежавшей его другу Педро Галиндесу (Galmdez). То ли Франко не хотел пойти навстречу пожеланию дона Хуана и прибыть на его «территорию», то ли боялся выглядеть смешным, перебираясь с одной яхты на другую и обратно в неспокойном океане, но он отказался. Когда претендент прибыл на борт «Асора», каудильо обратился к нему с восторженным приветствием и почти тут же пустил слезу. Потом они говорили наедине в главной каюте в течение трех часов. Единственную подробную информацию о встрече можно почерпнуть лишь из отчетов и воспоминаний дона Хуана, поскольку испанская пресса откликнулась на это событие только краткими официальными сообщениями.

Видимо, сначала претендент волновался и нервничал. Однако вскоре он понял, что Франко принимает его за дурака, окруженного озлобленными советниками и ничего не знающего об Испании. Многоречивый каудильо, почти не позволяя дону Хуану вставить слово, советовал ему сохранять спокойствие и выдержку и утверждал, что обладает отменным здоровьем, поэтому сможет руководить страной не менее двадцати лет. Франко хвастал, что под его руководством Испания скоро станет одной из богатейших стран мира. Сказав о своей преданности Альфонсу XIII, он снова заплакал. Каудильо заявил, что ни монархия, ни республика не внушают испанскому народу особого энтузиазма, но при этом добавил, что может, если захочет, сделать дона Хуана популярным за пару недель. Франко совершенно растерялся, когда претендент спросил его, почему, если это так легко, он то и дело говорит, что именно враждебность народа препятствует реставрации монархии. Каудильо удалось привести в качестве резона лишь свое опасение, что монархия не обеспечит необходимой твердости

командования (mando). Давая понять, что его методы правления отличны от тех, которые, как он полагал, свойственны дону Хуану, Франко сказал: «Я не разрешаю моим министрам возражать мне. Я даю им приказы, а они выполняют их». Каудильо язвительно рассмеялся, рассказывая о том, как однажды он не сообщил министрам о заседании правительства. Франко крайне неуважительно отозвался о своих генералах. Сольчагу он назвал «идиотом», а Ягуэ — «ненормальным» (un loco rematado). Каудильо также убеждал дона Хуана, что «любого можно купить».

Истинная цель, побудившая Франко устроить эту встречу, обнаружилась, как только он с огромной заинтересованностью предложил, чтобы десятилетний сын претендента Хуан Карлос получил образование в Испании. Хуан Карлос, находясь в Испании, стал бы заложником, а это позволило бы Франко исполнять неопределенный срок роль регента и в будущем, в случае реставрации монархии, контролировать политический курс. Каудильо хитрил, говоря, что имеет предубеждение против принцев, подвергшихся иностранному воспитанию (prfncipes extranjerizados), ибо от них исходит опасность. Дон Хуан отказался, чтобы его сын поехал в Испанию, где выкрик «Да здравствует король!» считается преступлением, а промонархическая деятельность облагается штрафами и преследуется полицией. Франко предложил сменить тему, так и не придя к договоренности с претендентом по поводу Хуана Карлоса. За обедом каудильо похвалился своими охотничьими успехами и бестактно упомянул о недавней охоте в королевском поместье Кредос. Дон Хуан спросил, правда ли, что Диких коз убивали из автоматов. Смутившись, Франко признался, что это было, но в оправдание добавил, будто из автоматов добивали раненых животных. Претендент заметил, что у каудильо нет настоящего спортивного духа, после чего тот поспешил перевести разговор на ловлю лосося. При расставании Франко предложил поддерживать связь через герцога де Сотомайора, напоследок удивив дона Хуана репликой: «Я не могу никому доверять, мое окружение весьма неблагоразумно»[71].

Во всем, что касается хорошего вкуса и интеллекта, дон Хуан чувствовал превосходство над Франко, однако он согласился на эту встречу, потому что уже понял: каудильо удержится у власти и будущая реставрация монархии возможна только с его согласия. Претендент признался сотруднику американского посольства, что до встречи не делал никаких шагов, чтобы наладить отношения с Франко, но теперь «преступил черту». Хиль Роблес, напротив, считал, что из-за встречи вопрос о восстановлении монархии отложится на много лет, ибо Франко уяснил: дон Хуан не тот, из

кого можно вить веревки, как он раньше предполагал. Герцог Сотомайор, представитель дона Хуана в Испании, и Хулио Данвила, посредник Франко, добивались, чтобы претендент решил вопрос с образованием Хуана Карлоса. Претендент прекрасно осознавал: что бы он ни сказал об этом, будет использовано Франко, ибо тот хочет представить дело так, будто дон Хуан отказывается от претензий на трон. Увидев, что претендент твердо стоит на своем, Сотомайор отказался представлять его интересы. Однако дон Хуан был убежден, что реставрация монархии невозможна против воли Франко[72].

Выгоды от попытки сближения между диктатором и претендентом на трон оказались односторонними. Одна из опасностей, побудившая Франко встретиться с доном Хуаном, отпала. Переговоры между монархистами и социалистами завершились подписанием в октябре 1948 года так называемого Пакта Сен-Жан-де-Луз (St Jean de Luz), но их сотрудничество утратило теперь прежнюю эффективность. К великому сожалению умеренных социалистов и республиканцев, контакт дона Хуана с Франко полностью дискредитировал демократический монархический выбор, ради которого они порвали с коммунистами и левыми социалистами[73].

Убедившись в своем превосходстве, Франко дал волю сентиментальности и начал выражать дону Хуану подчеркнутое уважение. По случаю двадцать пятой годовщины свадьбы Франко, посаженым отцом (padrino) которого был Альфонс XIII, претендент направил юбиляру поздравление. Каудильо написал от руки благодарственное письмо. Оно начиналось словами «мой принц», а далее Франко говорил о том, какой радостью для него и доньи Кармен было получить поздравление. Он заверял дона Хуана, что обязан своим счастьем его отцу, и заканчивал словами: «с верностью и уважением»[74]. Особое значение встречи на «Асоре» выявилось в тот момент, когда Франко инспирировал утечку новости о том, что Хуан Карлос будет получать образование в Испании. Каудильо сделал небольшие уступки — пообещал, что монархическая «А-бэ-сэ» будет действовать свободно, а ограничения на монархическую деятельность в Испании будут сняты. Дон Хуан капитулировал и согласился послать Хуана Карлоса в Испанию, куда тот и прибыл 9 ноября. По своей привычной осторожности Франко не позволил ему пользоваться титулом «принц Астурийский» (Principe de Asturias), который обычно давался наследнику испанского престола. При юном принце сформировали группу учителей профранкистского толка. Каудильо сразу же принял Хуана Карлоса во дворце Пардо. Пропаганда незамедлительно истолковала эти встречи так, что

монархия подчинена диктатору. Как торпедирование переговоров монархистов и социалистов, так и это было одной из главных целей операции с «Асором»[75].

В рядах умеренной оппозиции Франко вызвал растерянность и разброд, он вбил клин между доном Хуаном и его самыми преданными приверженцами, причем без особых трудностей для себя[76]. Ему удалось создать ситуацию, заставившую многих влиятельных лиц консервативного истеблишмента, которые испытывали колебания в 1945 году, вновь вернуться под его знамена. Подконтрольная пресса получила приказ свести к минимуму упоминания о монархии. Расчетливая международная политика каудильо позволила ему выиграть для режима дополнительное время. В широко распространенном интервью с членом британского парламента, лейбористом от Лафборо (Loughborough) доктором М. Фолликом (Follick) Франко заявил, что восстановление монархии — его инициатива. Правда, он не уточнил — когда именно это произойдет[77]. Под влиянием нарастающей международной напряженности любое проявление внешней «нормализации» испанской политики воодушевленно приветствовалось западными державами. Не пройдет и года, как глубоко разочарованный дон Хуан решит положить конец перемирию[78]. Но будет уже слишком поздно. Франко успеет извлечь максимальную пользу от поверхностного сближения с претендентом.

В марте Франко направил в Вашингтон с особыми полномочиями «инспектора посольств и миссий» прожженного циника Хосе Феликса де Лекерику, того самого, которого Соединенные Штаты отказались принять послом в 1945 году. Ему было поручено создать в США происпанское лобби. Достижение этой цели обошлось в огромные суммы. Нанятые за большие деньги влиятельные адвокаты сосредоточили усилия на политических, военных, религиозных и финансовых аспектах проблемы. Лекерика мог уже рассчитывать на поддержку сенатора Пэта Маккаррена (Pat McCarran) и конгрессмена-республиканца Элвина О'Конски. Твердый католик, Маккаррен был сенатором-демократом от Невады и председателем сенатского комитета по ассигнованиям. Благодаря своему положению он пользовался огромным влиянием в Вашингтоне и применял его весьма эффективно. По словам Дина Ачесона, «сенатор не относился к тем, кого в восемнадцатом веке считали людьми чувствительными»[79]. Сам Лекерика неустанно поил и кормил профранкистское лобби, состоявшее из американских католиков, антикоммунистов, руководителей американской военной политики, республиканцев, настроенных против

Трумэна, и бизнесменов, связанных делами с Испанией[80].

Установив сердечные отношения с кардиналом Спеллманом, Лекерика стал нагло утверждать при встречах со своими американскими собеседниками, что, если они поддержат происпанское лобби, им будут обеспечены на выборах голоса тридцати миллионов американских католиков. Он побудил каудильо делать регулярные заявления для американской прессы[81]. Об улучшающихся отношениях испанцев с определенными секторами американского истеблишмента свидетельствовал визит в Испанию Джеймса Фарлея (Farlay), видного американского католика и одного из президентов корпорации «Кока-кола». Двадцать четвертого сентября Калбертсон информировал Артахо, что делегация США в ООН может теперь рассчитывать на две трети голосов, необходимые для отмены декабрьской резолюции 1946 года.

Тридцатого сентября 1948 года в Пардо прибыла с визитом военная миссия США во главе с Ченом Кертни (Chan Curtney), сенатором-республикан-цем от Южной Дакоты и председателем сенатской комиссии по вооруженным силам. Распространился слух, что миссия прибыла для обсуждения вопроса о создании военных баз в Испании. Калбертсон представил делегацию каудильо, после чего возникла продолжительная неловкая пауза. Наконец Франко, который стоял в течение всей сорокаминутной встречи, напустился на Францию как на слабое звено в западной обороне. Он утверждал, ссылаясь на французские военные источники, будто в случае советского нападения Франция не сумеет защитить собственную территорию и ей придется отступать к Пиренеям[82]. Совпадение визита Кертни с ежегодным празднованием Дня каудильо позволило испанской печати представить это событие как знак того, что американцы поддерживают режим Франко. По возвращении в Вашингтон сенатор Кертни сделал несколько заявлений в пользу включения Испании в план Маршалла и принятия страны в ООН. Он выступил также за предоставление военной помощи Испании. Франкистская пресса представила все это как событие, вызвавшее сенсацию в мировых средствах массовой информации. Лекерика немедленно телеграфировал каудильо, посоветовав тому дать интервью известнейшему американскому обозревателю из «Нью-Йорк тайме» Сайрусу Сульцбергеру. Франко согласился[83].

Между тем каудильо, не прекращая попыток обеспечить себе поддержку народа, совершал поездки по Испании. Осенью 1948 года он посетил Андалусию. Его публичные появления должны были произвести эффект — международный и внутриполитический. Восторженные манифестации, кричащие

толпы — все это режиссировалось для того, чтобы внешний мир увидел, сколь бессмысленно пытаться отделить испанский народ от любимого им каудильо. Таким образом выказывалось внешнее единство. Вкупе с ярыми антикоммунистическими речами оно рекламировало наглядную пользу, приносимую франкистской Испании «холодной войной». Одиннадцатого октября Франко выступил в штаб-квартире Севильского военного округа перед местными высокими военными чинами. Превознося испанскую воинскую доблесть, он сказал, немало удивив публику, что атомная бомба не уничтожит способности испанцев оказывать сопротивление с помощью тактики партизанской войны. Каудильо также процитировал свою печально известную речь от 14 февраля 1942 года перед офицерами в Севилье, в которой выразил «абсолютную уверенность» в том, что Германия никогда не будет побеждена, и предложил «миллион испанцев» на защиту Берлина. Органически сочетая наивность и двуличие, убежденно провозглашая вопиющую ложь, Франко снова обнародовал свое старое заявление, представив его пророческим и смелым предвосхищением «холодной войны»[84].

Одной из попыток каудильо создать плацдарм для вступления в западное сообщество путем установления связей с Латинской Америкой стал День расы — так в фалангисгском календаре назывался День Колумба. Праздник ознаменовался грандиозной церемонией паниспанской солидарности. В 1948 году предстояло также отметить 700-летие кастильского флота. Двенадцатого октября 28 кораблей бросили якорь в эстуарии реки Одиель, в Уэльве. На испанской канонерке прозвучал салют, и каудильо в сопровождении доньи Кармен и дочери Ненуки обошел корабли, прибывшие из Аргентины, Бразилии, Доминиканской Республики, Испании, Колумбии и Перу. Затем в монастыре Ла Рабида, где Христофор Колумб провел бессонную ночь перед отплытием из Палос-де-Могер в свое историческое путешествие, состоялась церемония, на которой Франко был удостоен титула верховного адмирала Кастильи. Исполнилась мечта всей жизни каудильо. Лицо его сияло, а речь, посвященная испанским морским традициям, была проникнута восторгом и радостью[85]. Пропаганда долго изображала Франко Сидом XX века, и вот теперь он лишил своего брата Рамона звания Колумба XX века.

Во время андалусского турне произошел инцидент, показавший, что Франко почти всерьез считает себя монархом, и это не только пропагандистский прием. Этот инцидент рельефно показал фальшь, проявленную каудильо в дискуссии с доном Хуаном о возврате к монархии. В ознаменование 700-летия

освобождения Севильи от мавров неподалеку от столицы провинции воздвигли монумент священному сердцу Иисуса. Франко собирался почтить открытие своим присутствием, а после церемонии должен был состояться официальный банкет. Представитель штаб-квартиры каудильо направился во дворец архиепископа для обсуждения протокола и предложил, чтобы во главе одного стола сидел Франко, по правую руку от него кардинал Сегура (Segura), во главе же другого стола — донья Кармен. Сегура отказался, ибо считал, что во главе второго стола следует сидеть ему. При этом он добавил, что кардинал, согласно уставу Священной коллегии кардиналов, может уступить место только королю, королеве, главе государства или наследному принцу. Официальные лица изумились, услышав, что, по настоянию Франко, его жене должны воздавать такие же почести, как и ему. На случай, если каудильо заупрямится, Сегура предложил три возможных выхода: донья Кармен или архиепископ не придет на банкет, или его придется отменить. Приняли третий вариант. Франко и Кармен были вне себя от гнева, против Сегуры начали строить козни и через пять лет тот лишился своего прихода[86].

Убежденный, что худшее позади, Франко пренебрег столь мелкими неприятностями и радовался всеобщему восхвалению. Дона Хуана удалось укротить. Военные представители США уже почти проторили тропу к двери каудильо. Четвертого октября 1948 года, прибыв в Париж по случаю первого заседания 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, генерал Маршалл сказал Бевину и Роберту Шуману, французскому министру иностранных дел, что Соединенные Штаты не видят проблемы в том, чтобы признать Франко. Те ответили Маршаллу, что общественное мнение Британии и Франции пока не готово к нормальным отношениям с каудильо[87]. Десятого ноября французский кабинет обсуждал предложение о приеме Испании в Организацию Объединенных Наций. После острых дебатов было решено не поддерживать прием Испании в ООН, но не возражать против участия Испании в технических комитетах ООН. Восемнадцатого ноября Испанию пригласили принять участие в Международной статистической комиссии. За это предложение подали голоса Британия и США[88].

Уверенность каудильо в своих силах отразилась в его заявлениях для «Нью-Йорк тайме» и журнала «Ньюсуик», а также в предновогоднем выступлении по радио. Франко быстро забыл, как несколько лет подряд оскорбительно называл Америку «масонским сверхгосударством» и обвинял американцев в бездумном материализме. Теперь каудильо высказывал перед

корреспондентом американской газеты самый пламенный проамериканизм и предлагал заключить американо-испанский альянс, о чем в Испании не сообщалось[89].

Пять дней спустя после опубликования интервью в «Нью-Йорк тайме» каудильо предпринял непривычно поспешный шаг, желая закрепить удобную позицию. Через одного-из своих официальных представителей он предложил американскому временному поверенному в Мадриде заключить с Соединенными Штатами двухстороннюю договоренность по экономическим вопросам вне рамок плана Маршалла. Ради такого соглашения Испания приняла бы любые «разумные условия» американцев, согласилась бы предоставить базы на Канарских и Балеарских островах, а также в континентальной Испании. Однако Калбертсон предложения не принял[90]. Тем не менее Франко, стремясь расположить к себе американское общественное мнение, сделал отважную попытку вбить клин между Вашингтоном и Лондоном. В интервью, опубликованном в журнале «Ньюсуик» 22 ноября. 1948 года, он уверял американский народ, что британцы из чистого эгоизма лишают себя покоя, который обеспечил бы им союз с Испанией. Он явно намекал на то, что получил отпор, сделав попытки к сближению в августе через генерала Сайнса де Буруагу[91].

Говоря «британцы», каудильо имел в виду только лейбористское правительство. То, что он всегда плохо думал о «коварном Альбионе», привело его к неверным обобщениям. На самом же деле в рядах консервативной партии, в том числе и у Черчилля, нашли поддержку призывы некоторых американских сенаторов и конгрессменов к полному восстановлению дипломатических отношений с Испанией. Десятого декабря 1948 года в палате общин Черчилль наиболее ярко проявил свое одобрение по поводу идеи приема Франко в западную систему обороны. Он намеренно преувеличил благорасположение Франко к Союзникам во время Второй мировой войны, заявив: «Ни один британец или американец не был убит испанцами, а косвенная помощь, которую мы получили от Испании во время войны, сослужила нам неоценимую службу». Черчилль ни словом не обмолвился о «вольфрамовой войне» и несчетных актах помощи войскам Оси, но также и о том, что британцы были в то время на стороне Советского Союза. Отметив нарочитую забывчивость Черчилля, касающуюся, в частности, и Голубой дивизии, лейбористский заместитель парламентского государственного секретаря по иностранным делам Кристофер Мэйхью (Mayhew) сказал: «Послужной список франкистской Испании за время войны — вот та серьезная причина, по которой мы не можем

приветствовать прием франкистской Испании в западноевропейское сообщество»[92].

По мнению Франко, ситуация в Англии не благоприятствовала ему, пока у власти находились лейбористы. Поэтому он сосредоточил свои дипломатические усилия на Соединенных Штатах и Ватикане. В конце ноября 1948 года в Ватикан был направлен послом благоверный католик Хоакин Руис Хименес. Ему вменили в обязанность подготовить почву для заключения конкордата между Ватиканом и Франко. Для каудильо конкордат был знаком одобрения его режима небесными силами, явленным перед всем миром. Сам он уже считал, что такое одобрение им получено. В своем радиообращении к нации 31 декабря 1948 года он возблагодарил Господа за ниспосланные Им «попутный ветер и спокойное плавание для корабля отечества». Правда, в основном в этой речи Франко поздравлял самого себя. Провозгласив: «Мы преодолели самые трудные годы», каудильо поставил себе в заслугу то, что не имело ничего общего с действительностью — экономический прогресс, достигнутый Испанией под его руководством[93].

Из-за его уверенности в том, что все худшее осталось позади, возникла крайне нездоровая политическая атмосфера, побудившая Серрано Суньера отказаться от своего затворничества и сделать смелую попытку начать новую карьеру на испанской политической ниве. Отметив, что «опасная скука» поразила Испанию, он подверг критике людей, «не имеющих видения» и не понимающих, что страна не может позволить себе роскоши пытаться жить в изоляции от внешнего мира[94]. Франко разгневался. «Он у меня узнает, что такое скука. Вот закрою на три месяца «А-бэ-сэ», а этого наглеца Серрано сошлю на Канарские острова». Примерно в это же время в разговоре с колумбийским поэтом Эдуардо Каррансой (Carranza) каудильо пояснил, почему Испания не может распахнуть двери (apertura) перед внешним миром. Когда же Карранса указал, что позиция Серрано Суньера свидетельствует о необходимости эволюции, Франко возразил: «А если необходимо расстрелять Рамона, то он будет и расстрелян»[95].

Поздравляя самого себя, каудильо, видимо, не знал, что в рабочих районах главных городов — не редкость люди в лохмотьях, роющиеся в мусорных ящиках. Под Барселоной и Малагой многие жили в пещерах. Вокруг больших городов образовались поселки из лачуг, сделанных из картона и жести, где люди оказались в чудовищных первобытных условиях. На улицах было полно нищих. Государственные службы здравоохранения и социального обеспечения почти

бездействовали, разве что Фаланга раздавала суп. Суровые условия жизни, недоедание, эпидемии, рост проституции, распространение черного рынка, коррупция стали следствием режима Франко, но обо всем этом, конечно, не упоминалось в его оптимистическом обзоре. Каудильо интересовала лишь «его» Испания, а не страна рабочих, сочувствующих левым — те принадлежали к анти-Испании[96].

Во всяком случае, Франко занимало другое. Седьмого января было объявлено, что прожженный политик Дин Ачесон возвращается на пост госсекретаря и займет место генерала Маршалла, ибо тот уходил в отставку по состоянию здоровья[97]. Карреро Бланко составил меморандум, посвященный тому, как извлечь выгоду из появления НАТО и как целесообразнее реагировать на приход Ачесона. Разгоряченное воображение заставляло его видеть в появлении Ачесона (и эту точку зрения, несомненно, разделял Франко) «новую попытку Трумэна к достижению взаимопонимания с СССР». Из этого следовало, что Ачесон считает добрые отношения с Британией и Францией более приоритетными, чем нормализацию отношений с Франко. Однако, несмотря на это неудачное назначение, полагал Карреро Бланко, Пентагон и высшее военное руководство не допустят, чтобы Трумэн потворствовал Сталину и умиротворял его. Американские военные вполне отдают себе отчет в стратегической и идеологической ценности франкистской Испании для обороны Запада. Хорошо зная образ мыслей Франко, его помощник предлагал действовать в соответствии с такой логикой: «поскольку мы им нужны и нас позовут», Испания должна тщательно скрывать, что заинтересована в присоединении к новой оборонительной системе. Связи с Португалией следует укреплять, чтобы Испания стала неотъемлемой частью Иберийского блока. Когда западный альянс начнет обхаживать Испанию, ей — в обмен на вступление в НАТО — должен быть возвращен Гибралтар[98].

Франко горел желанием вступить в НАТО[99]. Но, следуя рекомендациям меморандума Карреро Бланко, изображал неприступность. В интервью «Дейли телеграф» он выразил прохладное отношение к идее вступления в Организацию Объединенных Наций и в «Западный союз» (то есть НАТО). Его слова были отмечены цинизмом и искренностью, корыстным стремлением набить себе цену (поскольку речь шла о военном сотрудничестве) и недовольством плачевным состоянием испанской экономики (о своей ответственности за которое он постоянно забывал): «Если на пустынном острове восемь голодных людей, а прибывшее судно привозит еду для семерых,

легко представить себе чувства восьмого. И вот мы в Испании чувствуем себя тем восьмым человеком». Это признание в том, что испанская экономика находится в катастрофическом состоянии, не было опубликовано в стране, в отличие от заявлений о неприятии ООН. Перечислив «многие несправедливости, допущенные» по отношению к Испании, каудильо изобразил, будто не проявит интереса к НАТО, если не будет сделано полного и подробного заявления о «выгодах, гарантиях, правах и обязанностях», вытекающих из участия в союзе[100].

В день, когда его интервью было опубликовано, в палате общин состоялись острые дебаты: консервативные критики обрушились на лейбористское правительство, сохраняющее приверженность идее недопущения Франко в западное сообщество. Капитан Ноэль-Бейкер, процитировав пассаж из интервью каудильо газете «Дейли телеграф», где тот отвергает ООН и НАТО, так прокомментировал это: «Что касается более тесных отношений с западными демократиями, испанский диктатор уже дал ответ — грубо и капризно сказал «нет» на предложения, которые ему никто и не делал, и весьма наглядно продемонстрировал свои дурные манеры, отказавшись присутствовать на празднике, на который его не звали». Но возмущение отношением лейбористов к Франко отступало на второй план перед событиями в мире, повышавшими значимость Испании для западной обороны. Кристоферу Мэйхью, лейбористскому заместителю парламентского государственного секретаря по иностранным делам, пришлось признать, что британское правительство не обязательно будет возражать против шагов, направленных к возвращению послов в Мадрид[101].

Используя такие бесспорные шансы, Франко надеялся продать свое сотрудничество Западу как можно дороже. Экономическое положение Испании было столь безнадежным, что министр промышленности и торговли Хуан Антонио Суансес полагал: если не добиться американской финансовой помощи, в течение полугода, возможно, разразится катастрофа. Продолжительная засуха вызвала серьезные перебои в снабжении электроэнергией, что больно ударило по промышленности. Благоприятные прогнозы на урожай хлебных культур рушились на глазах. Норма выдачи хлеба сократилась до 150 граммов в день, после того как Перон отказался поставлять Испании пшеницу из-за невыполнения ею финансовых обязательств перед Аргентиной[102].

Несмотря на ситуацию, неизбывный оптимизм Франко укрепился, поскольку происпанское лобби преуспело в среде

американской военной элиты. В Соединенных Штатах нарастало беспокойство по вопросу о будущих базах в Испании, и вскоре было объявлено о первом триумфе происпанского лобби. Восьмого февраля 1949 года два нью-йоркских банка — «Чейз-Манхэт-тен» и «Нэшнл-Сити» — выделили испанскому правительству заем в размере 25 миллионов долларов. В качестве гарантии Испания предоставила 26 тонн золота, хранящегося в Лондоне. Так как для предоставления займа требовалось одобрение государственного департамента, это событие стало знаком того, что имидж Франко в Соединенных Штатах изменился[103].

Тридцать первого марта 1949 года, накануне массовых празднеств в честь десятой годовщины его победы в Гражданской войне, каудильо обратился к нации по радио. Зная, что через четыре дня будет подписан Атлантический пакт и НАТО сформируется без участия Испании, Франко подверг критике западные державы. Он выразил возмущение и недовольство тем, что его не включили в НАТО и таким образом не признали огромный вклад испанского диктатора в дело защиты Западной цивилизации. «Ситуация в мире доказывает, что мы были правы». Свою мстительность во внутриполитической жизни Франко убежденно назвал «благородством, позволившим одержать победу». Заявив, что своим нейтралитетом во Второй мировой войне Испания обязана ему, бдительному капитану, позволившему отдохнуть своей усталой команде, каудильо назвал исполнение властных обязанностей тяжкой жертвой, которую он приносит в интересах страны: «Свидетельствую, что мое положение (ejecutoria) характеризуется одним словом: долг, концепция долга. Удобства, желания, личные чувства — все принесено в жертву диктату этого единственного слова»[104]. Нет сомнений, что Франко, в конце 40-х годов все больше и больше времени уделявший своим пристрастиям — охоте, стрельбе и рыбной ловле — верил в каждое сказанное им слово.

Однако, несмотря на подобные заверения Франко, Испанию все же не допустили в Североатлантический альянс, тогда как салазаровскую Португалию не лишили такой возможности. Это означало, что Азорские острова стратегически незаменимы, общественное мнение в большинстве европейских стран продолжает испытывать враждебность к каудильо, а Салазар воспользовался своим нейтралитетом во время войны с большей тонкостью, чем Франко[105]. Тем не менее появились и кое-какие признаки, обнадеживающие каудильо. Когда в начале мая 1949 года в Нью-Йорке собрался Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН, было предложено две резолюции по Испании:

одна — польская, стремящаяся ужесточить решение от декабря 1946 года и запрещающая торговые отношения с Испанией, другая же, подписанная Бразилией и еще тремя латиноамериканскими странами, призывала к восстановлению полномасштабных дипотношений с Испанией. Польская, называвшая Франко марионеткой Соединенных Штатов, потерпела полный провал. Латиноамериканская была одобрена и вынесена на представление Генеральной Ассамблее. Поскольку Вашингтон стремился теперь вернуть послов в Мадрид, но не желал создавать неразрешимых трудностей в отношениях с Британией и Францией, на сессии Генеральной Ассамблеи Соединенные Штаты воздержались при голосовании резолюции по Испании[106]. После острого обсуждения 11-го и 16 мая латиноамериканской резолюции не хватило четырех голосов до необходимого большинства в две трети. Великобритания и Франция присоединились к США как воздержавшиеся[107].

Через два дня Франко выступил в кортесах с речью, в значительной мере предназначенной для заграницы. Он все еще был обескуражен заявлением, сделанным в ООН 16 мая 1949 года британским министром иностранных дел Хек-тором Макнилом, в котором было сказано, что поставлять оружие Франко — это «все равно что дать пистолет в руки осужденному убийце»[108]. Речь каудильо носила неоднозначный характер: просительная и хвастливая, она была отмечена явными антибританскими настроениями. Продолжая оправдывать свое прошлое, Франко старался доказать, что Испания играет ведущую роль в мировом сообществе. Вместе с тем, хвастаясь своими достижениями, Франко рассчитывал обмануть тех, кому предстояло оплачивать его участие в системе западной обороны. Одна из тем выступления сводилась к тому, что Испания — такая же демократическая страна, как те, лидеры которых требуют от Франко либерализации. Каудильо также утверждал, что испанский режим находится в авангарде мирового развития, а по достижениям в социальной области он выделяется как на фоне либерального капитализма, так и марксистского материализма. И, конечно, Франко упомянул о якобы происшедших за последние годы экономических преобразованиях.

Явно адресуясь к Соединенным Штатам, каудильо заметил, что он куда более зрелый союзник, чем «коварный Альбион», ибо ополчился на социализм — точно такое же зло, как коммунизм, — это был выпад против британского лейбористского правительства. Противопоставляя себя Британии, Франко определил испанские добродетели — «принадлежность к аристократии» (ejecutoria de nobleza), «общеизвестное рыцарство»

(hidalguia) и «бескорыстное великодушие» (desinteres). Потом он начал долго и бессвязно говорить о своем «благородном» и «тонком» поведении во время Второй мировой войны, выдав при этом свой умысел. Франко сказал: «Мы имели все основания быть такими, какими нас хотели видеть [то есть страны Оси — участниками войны], поскольку не имели причин для благодарности ни к одной из сторон [то есть к западным союзникам], однако сохранили нейтралитет». Он лживо утверждал, будто за то, что Испания отказалась пропустить германские войска через Пиренейский полуостров, Британия пообещала сделать ее самой могущественной страной в Средиземноморье[109]. Возмущаясь тем, что ему предложили, но не дали взятку, Франко, сам того не подозревая, разрушал создаваемый им имидж нейтрала с идеалистическими и рыцарскими устремлениями и представал в своем истинном виде — хищником и оппортунистом, готовым на все ради воссоздания империи. Даже если Черчилль и одурачил Франко, как это утверждают, то лишь для того, чтобы подорвать отношения между Гитлером и одним из его сателлитов. Каудильо же, говоря об этом, в который раз выставлял напоказ свои неудачные попытки приукрасить роль Оси во Второй мировой войне. Выразив недовольство насчет невыполненных британских предложений, Франко с раздражением упомянул и о том, как относились к нему после «инцидента с Лау-релем» и во время «вольфрамового кризиса» в 1944 году. Неприятнее всего было для каудильо то, что Черчилль не принял его далеко идущих планов антисоветского сотрудничества.

Памятуя о множестве нанесенных ему обид, а также и о том, что его великодушные предложения были не раз грубо отвергнуты, Франко сделал вид, будто не особенно рвется присоединяться к западному альянсу. «Мы считаем государства Европы такими нелепыми, старыми и расколотыми, а их политику столь пропитанной идеями Маркса, страстями и злобой, что они неизбежно вынуждают нас тянуться туда, куда зовут нас наши сердца, к большему сближению и взаимопониманию с народами общего с нами корня. Америка снова влечет к себе и оказывает влияние на исторические судьбы Испании». Причем он имел в виду не только Латинскую Америку: «Политика дружбы и взаимопонимания с народами испанского происхождения привела испанскую внешнюю политику к большему взаимопониманию со всем американским континентом, на котором Северная Америка благодаря своему богатству и могуществу занимает ведущие позиции». В трудностях между Испанией и Соединенными Штатами виноваты другие страны,

обеспокоенные за срои сферы влияния. Это был явный намек на Британию и Францию[110]. По иронии судьбы, в тот момент, когда Франко выступал с нападками на Британию, в лондонской прессе, парламенте и Сити нарастала кампания в поддержку более дружественного курса в отношении Испании[111].

Двадцатого июля 1949 года в Мадриде состоялась торжественная церемония, в ходе которой каудильо был удостоен звания «первого журналиста Испании», а комиссия газетчиков вручила ему журналистское удостоверение номер один[112]. Не прошло трех недель, как Лекерика сказал «первому журналисту», что его статьи о франкмасонстве угрожают нанести удар испано-американским отношениям. Франко очень заботился о том, чтобы серию его статей переводили на английский язык, но Лекерика заметил: «В некоторых странах не любят настоящую и глубокую правду»[113].

На всех фронтах дела у каудильо шли хорошо. Когда дон Хуан сделал частное заявление, что не позволит своему сыну вернуться в Испанию для продолжения учебы, Франко наказал своему брату Николасу сообщить претенденту: кортесы могут принять специальный закон, отстраняющий его от трона. Дон Хуан под влиянием коллаборационистски настроенного Данвилы ответил на угрозу каудильо именно так, как тот и ожидал[114]. Спорадические проявления партизанской войны, время от времени вспыхивавшие после 1945 года в отдаленных горных местностях юга страны и в холодных горах Астурии, пошло на спад. Двадцать третьего сентября 1949 года Трумэн объявил об успешном взрыве в августе советской атомной бомбы. В ответ на это в Соединенных Штатах усилилась компания за сближение с Испанией, где американцы намеревались приобрести военно-воздушные и военно-морские базы[115]. Влиятельным сторонником военного союза с Франко был адмирал Форрест Шерман, убежденный в геостратегической важности Испании для США. Как командующий Шестым флотом США, он посетил многие испанские порты. По случайности его зять, капитан-лейтенант Джон Фитцпатрик, в 1947 году бьш назначен помощником военно-морского атташе в Мадриде. Когда Шерман с женой посетили свою дочь в испанской столице, испанские власти окружили их особым вниманием[116].

Адмирал Ричард Конолли (Conolly), командующий военно-морскими силами США в Восточной Атлантике и Средиземном море, также был активным сторонником приобретения баз в Испании. В сентябре 1949 года соединение кораблей из состава американского флота в Восточной Атлантике бросило яко-ри в гавани Эль-Ферроля и находилось там в течение пяти дней.

Конолли в сопровождении своих высших офицеров нанес визит Франко в Пасо-де-Мей-рас. Американским морякам позволили посетить Мадрид. Это явно указывало на то, что в отношениях намечаются благоприятные перемены, и отражало растущий интерес к Испании влиятельной группировки американского военного истеблишмента во главе с Льюисом Джонсоном, министром обороны. Джонсон, инициатор программы экономии, в соответствии с которой сокращались планы крупного расширения авианосного флота США, был особенно заинтересован в наземных базах для американских бомбардировщиков. И не только он. Вашингтонское лобби Лекерики могло рассчитывать на поддержку нескольких влиятельных политических и военных фигур, в частности, Джозефа Маккарти, республиканского сенатора от штата Висконсин. Сенатор Пэт Маккаррен трижды пытался облегчить Испании получение займа через Экспортно-импортный банк Соединенных Штатов. Благодаря «осеннему плану» (дорогостоящей дипломатической инициативе, придуманной Лекерикой и одобренной самим Франко) все большее число сенаторов и конгрессменов ездило в Мадрид за счет Испании. Один из любителей погулять на чужой счет — конгрессмен-демократ от штата Нью-Йорк Джеймс Мерфи назвал каудильо «весьма, весьма симпатичным и внушающим расположение человеком»[117].

Субсидируя такие поездки по «осеннему плану», каудильо, видимо, полагал, что таким образом «правда об Испании распространяется по всему миру». Конечно же визитеры убеждали каудильо, что он прав и ему не следует вносить изменения в свою политическую систему. Это весьма удручало Калбертсона, который пытался подтолкнуть Франко к принятию мер по экономической и политической либерализации[118].

В начале октября 1949 года Мао Цзэдун создал Китайскую Народную Республику. Хотя он и не бьш марионеткой Москвы, на Западе сочли, что еще один огромный регион попал в орбиту влияния Советского Союза. Температура «холодной войны» упала еще на несколько градусов — к выгоде Франко.

Между тем 22 октября 1949 года, пытаясь через Серрано Суньера подобраться поближе к Североатлантическому договору, каудильо нанес визит в Португалию и остался весьма доволен торжественным и помпезным приемом, оказанным ему. Франко держался отнюдь не так скромно, как Салазар во время визита в Испанию в 1942 году. Каудильо проехал в Виго, а там ступил на борт линейного крейсера «Мигель де Сервантес», который вышел в море во главе эскадры из одиннадцати боевых кораблей. У

входа в дельту реки Тежу (Тахо) эскадру встретили четыре португальских эсминца и эскортировали гостя до Лиссабона. Там его встретили президент Португалии маршал Кармона и сам Салазар. Над их головами пролетели «харрикейны» и «спитфайеры», а перед ними прошли парадом пятнадцать тысяч португальских солдат. Франко остановился во дворце Келуз (Queluz), где к нему присоединилась донья Кармен, приехавшая из Мадрида поездом. Франко надеялся во время визита в Португалию продемонстрировать миру свое превосходство над доном Хуаном. Через брата Николаса он потребовал, чтобы претендент нанес ему 22 октября визит вежливости во дворец Келуз, но тот отказался. Это стало единственной неудачей пропагандистского трюка каудильо, в целом прекрасно удавшегося. Операция подтвердила необходимость Пиренейского полуострова для Западного оборонительного альянса, а чтобы извлечь максимальную пользу из визита для внутриполитических нужд, был организован мощный пропагандистский всплеск. Двадцать седьмого октября в Испании объявили выходным днем, и массы фалангистов и крестьян Кастилии подвезли на автобусах к дороге, чтобы они приветствовали возвратившегося каудильо[119].

Однако такие «дивертисменты» не отвлекли внимания общества от серьезности продовольственного кризиса в Испании. Вскоре после Рождества 1949 года озабоченный Варела посетил Франко. Когда генерал заметил, что отчаянно не хватает зерна, Франко самоуверенно заявил: ему ничего не стоит заполучить необходимые иностранные кредиты для решения проблемы, однако нельзя расплачиваться за это политическими уступками, которых требуют западные державы. Он, мол, предпочитает подождать: пусть «они поклонятся нам, ведь Испания нужна миру больше, чем он нужен ей». Варела также сказал, что, поскольку пресса не имеет свободы, а кортесы реальной власти, коррупция усиливается. Каудильо согласился, что кортесы, наделенные большей властью, и более свободная пресса могли бы облегчить борьбу с коррупцией, но при этом выразил опасение, как бы это не привело к серьезным негативным последствиям. Коррупция не особенно волновала Франко, когда вопрос стоял о его пребывании у власти. В конце беседы каудильо сказал Вареле: «В первые десять лет я не дам Испании никакой свободы. А потом немного отпущу вожжи»[120].

Его самоуверенность объяснялась тем, что он знал ситуацию в англо-сак-сонском мире. Семнадцатого ноября Черчилль отпустил шпильку лейбористскому правительству: «Невообразимо: иметь посла в Москве и не иметь в Мадриде.

Жизнь отдельного испанца намного счастливей и свободней жизни отдельного русского, поляка или чеха»[121]. И в Вашингтоне раздавались голоса в пользу возвращения послов в Мадрид. За это высказывались лидер республиканцев в сенате Артур Ванденберг, сенатор-демократ из Техаса Том Коннолли (Connolly), председатель сенатского комитета по международным теориям, и судья Джон Ки (Кее), председатель комитета палаты представителей по иностранным делам[122]. Президент Трумэн питал отвращение к Франко, но ситуация оборачивалась так, что ему вот-вот придется капитулировать, ибо в конгрессе раздавалось все больше голосов, требующих сближения с Испанией. Маккаррен сказал Ачесону, что, пока политика по отношению к Испании не изменится, ассигнования на нужды госдепартамента будут просеиваться через мелкое сито[123]. Признав, что резолюция 1946 года потерпела неудачу, Ачесон 18 января 1950 года в письменном обращении к Коннолли, преданом широкой гласности, заявил, что Соединенные Штаты будут готовы голосовать за резолюцию, которая позволит членам ООН направлять послов в Мадрид, а Испании участвовать в специализированных учреждениях ООН. Касаясь политических истоков франкистского режима, Ачесон указал, что для более полной интеграции Испании в Западную Европу, включая предположительно НАТО, потребуется политическая либерализация режима[124]. Однако, несмотря на эти оговорки, было сказано главное. Письмо Ачесона вызвало огромное воодушевление в Мадриде[125].

В Испании сочли, будто это письмо доказывает, что Соединенные Штаты признают полную правоту каудильо во всем. Вместе с тем указание Ачесона насчет связи франкистского режима с фашизмом осуждалось как недопустимое вмешательство во внутренние дела Испании[126]. Осуждение контролируемой Франко прессой так нелегко давшегося Ачесону шага означало: каудильо надеется набить себе цену как важному военному союзнику[127]. Его самоуверенность проявлялась в разнузданных нападках на Британию в газете «Арри-ба». За псевдонимом Макаулэй скрывался сам «первый журналист». Псевдоним оказался прозрачным прикрытием. Британский посол точно знал, кто автор[207][128].

Едва ли каудильо слишком старался скрыть свое авторство. Он действовал с той же самоуверенностью, арестовав 22 февраля 1950 года группу известных монархистов. Во время ночного рейда их схватила тайная полиция, а Франко отправил в тюрьму, обвинив в «заговоре с целью реставрации монархии»[129]. Несомненно, он знал, что выйдет целым из переделки.

Глава 23 ЧАСОВОЙ ЗАПАДА

1950 —1953 годы

За годы международного остракизма в Испании сложилась удушающая политическая атмосфера. Подконтрольная пресса чернила иностранцев и испанцев, призывавших к политическим переменам, и называла их жертвами коммунизма и франкмасонства. Жестокие репрессии, обрушившиеся на врагов режима, преподносились в духе героики и высокой морали. Патриотизм каудильо изображался равно беспристрастные ко всем, однако ужасающе низкий уровень жизни побежденного рабочего класса соседствовал в Испании с богатством и коррупцией победившей элиты. По мере того как память о жертвах и страданиях Гражданской войны уходила в прошлое, действия элиты начинали отличаться все большим цинизмом. У Варелы, Ягуэ, Муньоса Гран-деса и ряда других генералов со скромными запросами это вызывало протест. Однако, как показали слова Франко в беседе с Саликетом, скромность в высших эшелонах была исключением и резко контрастировала с образом жизни самого каудильо и его семейства[1].

Между тем Франко считал себя образцом скромности. Конечно, он не увлекался женщинами, не курил, умеренно пил вино за обедом и не играл в азартные игры — кроме игры по малой в национальной лотерее и с друзьями в карты, а позже — в футбольном тотализаторе. Однако его семейство пользовалось всем достоянием королей — антиквариатом, произведениями искусства, дворами и имениями. Последние были весьма удобны Франко для занятий охотой. Его охотничьи и рыболовные вылазки обходились в огромные суммы. Чтобы рыбачить в открытом море, приходилось круглый год держать в состоянии готовности яхту «Асор» и обеспечивать морскую охрану и эскорт, когда каудильо в погоне за тунцом уплывал далеко в Атлантику. Во время охоты или рыбной ловли во внутренних водоемах Испании его сопровождала большая свита. Ущерб наносился уклонением от работы в правительственных делах (ведь не только каудильо, но и несколько его министров участвовали в этих занятиях), но кроме того, большие деньги, затрачивались на то, чтобы Франко сопутствовала удача. Это достигалось прикармливанием рыбы в обширных районах моря в течение продолжительного периода, кормлением оленей и других животных в известных местах охотничьих заповедников. Случившееся в феврале 1950 года свидетельствует о высоком

уровне подготовки охотничьих успехов Франко, а также о его невозмутимости. Охота проходила в горах, и каудильо захотелось подстрелить очень красивого взрослого самца-оленя, скрывшегося от охотников. Оленя обнаружили в труднодоступном горном месте. Франко с большим трудом довели туда, «подталкивая, подсаживая, таща за собой». Все очень торопились, боясь, как бы олень не ушел. Поднявшись куда следовало, неподалеку увидели оленя. К изумлению свиты, каудильо сказал, что подъем измотал его, и сел отдохнуть. Через некоторое время он взял ружье и застрелил оленя[2].

Помимо правительственных дел и увлечений, Франко проявлял особую заботу о своей единственной дочери Ненуке. Она бьша для отца светом в окне и часто сопровождала его в охотничьих походах. Десятого апреля 1950 года Не-нука вышла замуж за малоизвестного светского повесу из Хаэна доктора Кристобаля Мартинеса-Бордиу. Вскоре он станет маркизом де Вильяверде. В насмешливой песенке, распространившейся в Мадриде, отразилось отношение народа к этому событию: «Девушка хотела мужа, мамаша хотела маркиза, маркиз хотел денег. Теперь довольны все трое» (La nina querfa un marido, la mama querfa un marques, il marques querfa dinero. Ya estan contentos los tres)[3]. Прессе категорически запретили писать о приготовлениях к свадьбе и наплыве подарков, чтобы не вызывать отрицательных эмоций на фоне голода и нищеты, охвативших страну[4]. Желающим войти в доверие к донье Кармен ее неразлучная подруга маркиза де Уэтор[208] советовала, какие подарки более всего подойдут к случаю. Эта свадебная церемония не уступила бы в экстравагантности иной европейской королевской фамилии. Почетный караул, военные оркестры, сотни гостей, в том числе все члены правительства, дипломатический корпус и известные представители аристократических семейств участвовали в этом мероприятии, проводившемся на государственном уровне. О церемонии, состоявшейся в церкви дворца Пардо, сообщалось в прессе, но о подарках газеты не обмолвились ни словечком. Комментарии передовиц по поводу скромной обстановки, в которой прошла церемония, вызывали улыбку, когда читатель заглядывал во внутренние полосы, где сообщалось о банкете на восемьсот персон.

Особое внимание публики привлекли драгоценности невесты и недавно приобретенная женихом руританская[209] экипировка — доспехи рыцаря Святой гробницы с мечом и шлемом. Брачную церемонию вел епископ Мадрида — Алкала Леопольдо Эихо-и-Гарай. С проповедью выступил кардинал Пла-и-Де-ниэль. Его

многолетние заискивания перед Франко увенчались предложением, чтобы молодые брали пример с «назаретского семейства» или с «образцов вого христианского дома главы государства». Каудильо, в парадной форме (de gran gala) главнокомандующего вооруженными силами, был посаженым отцом. Он не пытался сдерживать чувств, что казалось вполне естественным на свадьбе любимой дочери. Однако чувства не помешали Франко покинуть место рпе-dieu[210], предназначенное ему как посаженому отцу невесты, и занять другое, возле алтаря, подобающее только главе государства. Раболепная пресса расценила этот жест как жертву человека, который даже в такой момент не позволяет себе забыть о возложенных на него обязанностях[5].

Брак Ненуки изменит жизнь Франко. С 1951-го по 1964 год она принесет ему семерых внучат, а он щедро одарит их любовью и привязанностью, прежде неведомыми ему[211]. Мартинес-Бордиу поменял свой старый мотоцикл, на котором приезжал к невесте, на целую серию «крайслеров» и «паккардов» с откидным верхом, и скоро мадридские шутники окрестят его именем «маркиз де Вайавида» (Vayavida)[212]. Ему ничего не стоило извлечь пользу из своих связей с семейством диктатора ради процветания своего бизнеса. Вместе с маркизом Уэтором де Сантильяном, гражданским управляющим делами Франко, Марти-нес-Бордиу стал наживаться, пользуясь разными источниками. Одним из них была лицензия на импорт из Италии мотороллеров фирмы «Веспа» — в тот самый период, когда Испании приходилось туго с получением валюты для импорта. Из-за стандартного зеленого[213] цвета мотороллеров в Мадриде прозвище маркиза Вильяверде изменилось на «Веспаверде»******. Появился так называемый «клан Вильяверде» во главе с дядей и крестным отцом Мартинеса-Бордиу — Хосе Мариа Санчисом. Скоро они начали контролировать значительную часть банковского капитала. Санчис сделал состояние клана Вильяверде на спекуляциях недвижимостью и импортно-экспортными лицензиями. Он помог Франко приобрести приличное имение в селении Вальдефуэнтес, близ Мосто-леса, по дороге из Мадрида в Эстремадуру, где затем был администратором. Маркизы де Уэтор также сполна пользовались своей приближенностью к Франко. Впоследствии многочисленный клан Вильяверде станет вытеснять из дворца Пардо членов семьи Франко: брата Николаса и сестру Пилар[6].

Лишь закрепив официально отношения с Вильяверде, донья Кармен предалась страсти к антиквариату и драгоценностям, к чему ее побуждала и маркиза де Уэтор де Сантильян, неустанно твердившая, что все люди с высоким уровнем жизни в Испании

обязаны этим каудильо[7]. Жадность и стяжательство первой сеньоры превратились в легенду. Говорили, будто владельцы ювелирных магазинов Мадрида и Барселоны создали неофициальные страховые синдикаты, дабы возмещать убытки от ее визитов. Не меньше привлекал донью Кармен и антиквариат. В Ла-Корунье и Овьедо владельцы ювелирных и антикварных магазинов часто закрывали их, узнав, что она в городе[8]. Ежедневные контакты с подхалимами, искавшими официального покровительства, открывали богатые возможности для приобретения желанных предметов. Ненужные подарки обменивались на вещи, которые хотелось иметь. Придворные доньи Кармен во главе с маркизой Уэтор давали советы потенциальным дарителям[9]. Неизвестно, что думал Франко о Мартинесе-Бордиу, но он никогда не освобождал его от обязанности называть себя «ваше превосходительство» и обращаться к нему на «вы». Каудильо прежде всего заботился о счастье дочери. В целом он не обращал внимания на коррупцию, лишь бы элита оставалась лояльной ему. Во всяком случае, в 1950 году перед ним стояли куда более важные проблемы.

В начале 1950 года военная верхушка Соединенных Штатов активизировала попытки втянуть ярого антикоммуниста Франко в свою оборонительную орбиту. Португалия настаивала на включении Испании в Североатлантический пакт, но американские политики опасались, что это приведет к отчуждению с Британией и Францией[10]. В палате общин консерваторы требовали возобновления дипломатических отношений[214] с Испанией, но Эрнест Дэвис, парламентский заместитель государственного секретаря по иностранным делам, заявил, что Британия будет придерживаться резолюции ООН от 1946 года, так как режим Франко остался «и теперь столь же отталкивающим для нас»[11]. Оценка Трумэном Франко не изменилась. В конце марта 1950 года он заявил, что не видит разницы между СССР, гитлеровской Германией и франкистской Испанией, поскольку все это полицейские государства[12]. Однако антифранки-стские настроения отступили на задний план под влиянием событий более крупного масштаба.

Возмущенный Франко приписывал британскую и американскую враждебность масонскому заговору. Он по-прежнему выступал с гневными филиппи-ками против франкмасонства, и часто с антисемитским оттенком[13]. Его предвзятость усиливалась сообщениями от Лекерики, который, говоря своему хозяину то, что тот хотел услышать, объяснял позицию Трумэна желанием потакать американским франкмасонам[14]. Каудильо наивно полагал, что псевдоним Хаким

Боор позволяет ему свободно излагать свои взгляды на франкмасонство, проистекавшее, по его мнению, из дьявольского сговора с коммунизмом. В то же время каудильо публично выражал восхищение всем американским. Газета «Нью-Йорк тайме» считала, что на публикацию подобных статей в «Аррибе» получены официальные санкции на высоком уровне. В Белый дом приходили тысячи телеграмм с выражением протеста. Вашингтон прекрасно знал, что эти статьи — дело рук Франко[15].

Калбертсон был горько разочарован. Ему претило ханжество и самодовольство Франко, и он направил Ачесону послание, отражавшее его неудовольствие по поводу того, что каудильо не желает «эволюционировать в сторону демократических концепций и к иному правлению, основанному не только на силе и связанному с жизнью одного человека». Про каудильо Калбертсон писал: «Он думает, будто знает лучше всех, что сегодня лучше для Испании и испанцев. Он слушает только то, что хочет услышать и закрывает уши и мысль от всего прочего». По поводу того, что Франко полностью отказался от попыток политических реформ, Калбертсон заметил: «Франко — это тип испанца, который любит ходить в кино без билета». Тем не менее раздосадованный Калбертсон все же считал, что устранение Франко не представляется возможным. Поскольку же военное руководство придает Испании весьма важное значение, Соединенные Штаты должны вернуть послов в Мадрид[16].

За объявлением о советской атомной бомбе и о победе Мао Цзэдуна в Китае последовал ряд громких шпионских скандалов — среди них дело высокопоставленного сотрудника госдепартамента Алджера Хисса (Alger Hiss), а также дело Этель и Юлиуса Розенбергов, обвиненных в принадлежности к шпионской сети, связанной с Клаусом Фуксом, британским физиком-атомщиком, родившимся в Германии. Соединенные Штаты охватил параноидальный страх: недавно победившая страна оказалась теперь в опасности из-за утечки секретов своего самого мощного оружия[17]. Охотник за ведьмами сенатор Джозеф Маккарти убеждал, что коммунисты — причина всех проблем Америки. В Объединенном комитете начальников штабов усиливались сомнения в оборонительных способностях Запада, и там решительно выступали за присоединение Испании к Западному военному альянсу, что позволило бы Соединенным Штатам воспользоваться Пиренейским полуостровом как «последним плацдармом в континентальной Европе». Без этого высадка в Европе, захваченной советскими войсками, была бы невозможна. Вначале Трумэн считал требования генерала Омара Брэдли, начальника Объединенного комитета начальников

штабов политически нереалистическими[18]. Но всего лишь за неделю с небольшим взгляды Трумэна резко изменились под влиянием события, которое отмело все сомнения многих либеральных критиков Франко в Соединенных Штатах.

Южная Корея, с конца Второй мировой войны находившаяся под контролем Соединенных Штатов, 24 июня 1950 года подверглась нападению северокорейских войск. Развернув безудержную кампанию по поводу разыгравшихся империалистических аппетитов Советского Союза, администрация Трумэна перешла от стратегии сдерживания к более решительному ответу на советский экспансионизм. Каудильо предложил послать в Южную Корею испанские войска. Неудивительно, что акции Франко стремительно пошли вверх, несмотря на военную слабость Испании. Широко распространилось мнение, что приближается Третья мировая война. Конечно, в таких условиях не могло быть и речи об акциях по подрыву стабильности в Испании. Но кое-кто в Лондоне считал, что военную помощь в борьбе против коммунизма лучше искать «в бывшей нацистской Германии, чем в ныне фашистской Испании». Зато в министерстве иностранных дел превалировало мнение, что следует признать провал политики остракизма и вернуть Испанию в международное сообщество, «несмотря на Франко». Однако по длительном размышлении Бе-вин решил, что ничего менять не следует[19].

Каудильо старался извлечь максимальную пользу из международной ситуации. Корреспонденту вашингтонской «Ивнинг стар» он сказал, что располагает доказательствами, будто Россия готова напасть на Европу, подняв двенадцать воздушно-десантных дивизий. Во Франции, утверждал каудильо, они не встретят сопротивления, и русские пройдут по Испании до Гибралтара и Северной Африки. В отличие от Франции, у Испании есть полмиллиона солдат, которые окажут сопротивление, если их хорошо вооружить[20]. Вряд ли сам Франко верил в эти страшные истории. Тем не менее совместно с усилиями хорошо оплачиваемого лобби Лекерики они срабатывали. 26 сентября 1950 года, когда американские войска уже принимали активное участие в боевых действиях в Корее, Комитет по инициативам ООН проголосовал за пересмотр вопроса о дипломатических отношениях с Испанией. Пока Лекерика раздавал в Вашйнгтоне взятки влиятельным журналистам и политикам, генералиссимус старался извлечь побольше политических выгод из постоянно меняющейся ситуации. Причем у Франко были и доброжелатели, не находившиеся у него на содержании. Так, португальский делегат

в Организации Объединенных Наций с энтузиазмом призывал принять Испанию в НАТО[21]. Между 25-м и 27 сентября 1950 года доктор Антониу де Оливейра Салазар нанес визит в Испанию — в ответ на визит Франко в Португалию за год до этого[22].

Для домашнего пользования Франко всеми силами выказывал твердость своих намерений, а поэтому усилились нападки на Британию. Для британских подданных, следующих в Гибралтар и возвращающихся оттуда, чинились всякого рода препятствия. Желая поссорить Британию и США, Франко сказал корреспонденту итальянской газеты «Рома», что нет никакой разницы между «социалистическим империализмом Лондона» и «коммунистическим империализмом Москвы»[23]. Свои взгляды на Британию он развил 11 октября в беседе с графом Бессборо (Bessborough), председателем корпорации «Рио Тинто»: Представленный диктатору лорд Бессборо почувствовал неловкость, когда Франко уставился на него, не произнося ни слова. Маркиз де Прат, переводчик, сообщил Бессборо, что ему следует начать беседу первым. Когда Бессборо сказал, что не все англичане разделяют антифранкистские взгляды лейбористского правительства, каудильо углубился в дискуссию о дефектах консервативной партии и соотношении между социализмом и коммунизмом. Выказывая поразительное сочетание высокомерного самодовольства и незнания социальных реалий как в Британии после Бевериджа, так и в Испании после Гражданской войны, он сказал, что богатые в Англии должны приносить жертвы ради рабочего класса, как это делают состоятельные люди в Испании. Каудильо также отметил, что Испания и Британия должны соединиться, дабы оборонять общую западную цивилизацию. Когда Бессборо сказал, что сближение пошло бы лучше, если бы испанская печать умерила свои нападки на Британию, Франко лицемерно ответил, будто печать в Испании вполне свободна и он вправе вмешаться лишь в том случае, когда оскорбляют главу дружественного государства. Бессборо, относившийся к почитателям Франко, покинул Пардо в изумлении, ибо выяснилось, что его собеседник пребывает в полном неведении по поводу обстановки в окружающем мире[24].

Тридцать первого октября 1950 года специальный Временный политический комитет собрался в Лейк-Сассексе, штат Нью-Йорк, и проголосовал за отмену резолюции от декабря 1946 года об отзыве послов[25]. Второго ноября Трумэн объявил, что пройдет «долгое, долгое время», прежде чем Соединенные Штаты назначат посла к Франко. Но это произойдет через несколько недель. Замечание Трумэна не было опубликовано в испанской прессе, но его передала испанская служба Би-би-си. Парадоксально, но оно

обрадовало закоренелых фалангистов, опасавшихся, что, как только с остракизмом будет покончено, Франко выкинет всех их на свалку[26]. Четвертого ноября Генеральная Ассамблея ООН, собравшись во Флашинг-Мидоу, проголосовала в поддержку возвращения послов в Мадрид — тридцатью восемью голосами «за» при десяти «против» и двенадцати воздержавшихся. Основываясь на том, что признание режима не обязывает выносить суждение о его внутренней политике, Испанию приняли в Продовольственную и сельскохозяйственную организацию. Британия и Франция воздержались, а Соединенные Штаты голосовали «за»[27]. Несмотря на то, что осуждающая преамбула резолюции 1946 года осталась, в Мадриде воцарилась эйфория, решение было истолковано как «испанская победа», а сам Франко заявил, что это свидетельствует о международном признании[28]. Лекерика телеграфом направил Мартину Артахо отчет о расходах на подношения и взятки, срочно запросив 237 тысяч долларов на то, чтобы задобрить политиков и журналистов. Стараясь проложить путь к резолюции от 4 ноября, он раздал 44 350 долларов и занял 57 500, считая, что всю эту сумму истратил на пользу делу[29]. Несколькими месяцами раньше Теодор Акил-лес, заведующий западноевропейским отделом госдепартамента, сказал одному высокому испанскому официальному лицу: «Вполне вероятно, что послов вернут. Лекерика наверняка припишет это себе и, возможно, ему поверят, но, по-моему, его правительство должно знать, что этот и любые другие шаги по улучшению отношений будут сделаны скорее вопреки стараниям Лекерики, чем благодаря им»[30]. Лекерика действительно пытался приписать эту заслугу себе, но дело было не в подкупленных деятелях, а в стратегической ценности Испании для Запада и твердом антикоммунизме Франко. Тратя деньги, Лекерика, чье беспримерное лизоблюдство имело неслыханный успех у каудильо, лишь подтверждал убеждение своего патрона в том, что «любого можно купить»[31].

Франко, неудовлетворенный такой победой, неустанно добивался большего. Уже поняв, сколь удобен для внутриполитического пользования тезис о том, что враждебное отношение к нему заграницы — это международная травля Испании, каудильо представил в ноябре 1950 года резолюцию ООН как запоздалое исправление прежней несправедливости. Теперь он ожидал существенной компенсации за экономические трудности недавних лет, ответственность за которые, конечно, возложил на международный остракизм[32]. На самом деле причина экономических трудностей была не в отсутствии послов, а в нежелании Франко проводить в стране политические

реформы. Вследствие этого Испания оказалась отрезанной от каналов международной помощи, тогда как политика автаркии Суансеса и низкий курс национальной валюты препятствовали восстановлению всего разрушенного за годы Гражданской войны.

В поисках путей компенсации за перенесенную им несправедливость Франко попытался потребовать возвращения Гибралтара. По своему обыкновению, каудильо хотел показать, что делает снисхождение международному сообществу, которому, в сущности, пришлось терпеть его. Это дало ему смелость усложнить обстановку: используя требование Египта вывести британские войска из зоны Суэцкого канала, Франко рассчитывал привлечь на свою сторону противников колониализма в Соединенных Штатах. Понятно, что каудильо, любивший подражать испанским полководцам прежних времен, давно лелеял мечту вернуть Гибралтар — последнюю часть Испании, находящуюся в руках иностранцев. Он хотел бы изгнать неверных франкмасонов «коварного Альбиона», как католические короли изгнали мавров. Кампания 1950 года была начата по личной инициативе Франко. Ему помогал фалангисгский лидер Раймундо Фернандес Куэста, а Мартин Артахо пытался удержать каудильо[33]. В ноябре кампания, набравшая силу, нашла свое выражение в статьях в контролируемой прессе. Карреро Бланко опубликовал статью под псевдонимом Хуан де ла Коса, другую написал сам каудильо и он же дал интервью. Серию злобных антианглий-ских статей напечатали присяжные журналисты. Кроме того, были инициированы студенческие демонстрации против Британии[34].

Желая вернуть Испании Гибралтар, Франко знал, что с помощью студенческих демонстраций этого не сделаешь. Однако, как предполагалось, эти воинственные жесты должны были отвлечь внимание фалангистов от того, что режим раболепствует перед Соединенными Штатами. Экономическое вознаграждение каудильо получит, но не в виде исправления допущенной несправедливости. Шестнадцатого ноября 1950 года администрация Трумэна одобрила выделение Испании займа в размере 62,5 миллиона долларов, ибо, по мнению Вашингтона, испанская армия нуждалась в перевооружении[11135]. На следующий день Трумэн тайно дал согласие, чтобы к Франко был назначен посол[36]. В конце месяца 200 тысяч китайских солдат вступили в Корейскую войну и оттеснили на юг войска ООН. Соединенные Штаты официально включили Испанию в антисоветский блок, назначив Стэнтона Гриффиса (Stanton Griffis) послом в Мадрид, о чем было объявлено 27 декабря[37].

В Испании это событие отмечали как новую победу Франко. В

сущности, ничего похожего на полномасштабную экономическую блокаду никогда и не было. Западные союзники действительно позвали каудильо, но вовсе не потому, что он манипулировал ими. Тем не менее предновогоднее обращение Франко к народу 31 декабря 1950 года было проникнуто воодушевлением. В радиообращении виртуозно повторялось на разные лады: «Я так вам и говорил». Слова «Франко» и «Испания» снова стали неразделимыми. Игнорируя катастрофическое состояние экономики, он утверждал, что достигнуты великие социально-экономические свершения, хотя международный заговор имел цель сделать Испанию слабой. Каудильо перечислил достоинства политики автаркии, весьма преувелйчивая их, и, как это уже случалось, сказал, что провидение послало Испании бесценный дар — обнаружены минералы, которые скоро преобразят экономику страны. Потом Франко задал риторический вопрос, обнаружив историческую безграмотность и мегаломанию: «Какой строй за всю историю Испании был более продуктивным в выполнении своих задач, чем наш, и создал для нации, во всех областях, такое богатство, какое создали мы?»

Говоря с иронией о переоценке с позиций «холодной войны» побежденных стран Оси, Франко ненароком обнаружил свои неизменные симпатии к фашистской Италии, нацистской Германии и императорской Японии. «Кто бы мог представить себе, что тем германским армиям, которые в неудержимом порыве победоносно ворвались в Европу, скоро придется повернуть обратно, оказаться пленниками и зависеть от милости своих врагов? Можно ли было предвидеть, что Итальянская империя, выкованная в Северной Африке, так быстро поддастся кризису в последней войне? Кто бы мог предсказать, что вчерашние могущественные победители в тихоокеанском сражении встретят оппозицию народов, которые они освободили? Как объяснить, что спустя лишь несколько лет придется снова поднять в Европе и Азии две страны, которые были разрушены с такой дикой жестокостью?»[38]

Франко вышел из периода международного остракизма в тот момент, когда его власть внутри страны была неоспоримой. Нравственное неприятие франкистского режима за пределами страны каудильо изображал как безжалостную осаду Испании, направленную на разжигание гражданской войны с ее ужасами, и тем заслужил значительную поддержку в массах. Он приручил монархическую оппозицию, разбил партизанское движение, сделал Церковь и армию более профранкистскими. Устрашающий репрессивный аппарат остался прежним. Как признался каудильо Вареле менее года назад, он не собирался либерализовать свой

режим. Его вера в себя проявилась, когда он преподал министру иностранных дел маленький урок по использованию противостоящих сил. Мартин Артахо надеялся, что испанским послом в Соединенных Штатах удастся назначить какого-нибудь умеренного католика. Дабы предотвратить это, пронырливый Лекерика написал замысловатую просьбу генералиссимусу, в которой дал понять, что планы Мартина Артахо более чем нелояльны по отношению к каудильо. Лекерика утверждал: если его не назначат послом и не позволят представить верительные грамоты, все скажут: «Люди просто сгорают, служа Вашему Превосходительству и режиму. Видимо, настоящие франкисты хороши для трудных времен и критических ситуаций, а когда дело идет на лад, их отсылают прочь, потому что они франкисты. А те, кто прохладно, нейтрально и даже враждебно относятся к Франко, займут их места, чтобы плохо служить режиму или предавать его Соединенным Штатам»[39].

Каудильо назначил послом Лекерику. Этот выбор отражал не благодарность Франко за оказанные услуги, а желание отомстить за обиду, нанесенную ему Трумэном, когда тот в 1945 году отказал Лекерике в агремане. Каудильо показывал Трумэну и Ачесону, что изменились они, а не он. Вместе с тем, как это часто бывало при назначении на ключевые посты, Франко видел в Лекерике человека, которому некуда податься и чья лояльность, искренняя или по расчету, не вызывает сомнений. Когда Лекерика 17 января 1951 года вручал верительные грамоты,‘президент Трумэн выказал антипатию к представителю каудильо, лишь пожав ему руку и отделавшись от него в рекордно короткое время.

Новый американский посол, 64-летний Стэнтон Гриффис прибыл в Испанию 19 января 1951 года. Он был не профессиональным дипломатом, а банкиром инвестиционного банка, делающего капиталовложения в сферу развлечений, в частности, в компанию «Парамаунт пикчерз» и боксерскую арену в зале «Мэдисон сквер гарден». В начале 1943 года Гриффис провел некоторое время в Испании как эмиссар полковника Уильяма Донована из управления стратегических служб и с начала 1948 года хотел стать послом в Испании[40]. До этого он занимал посты в Польше и Аргентине и подвергся критике в американской прессе за лестные отзывы о Пероне[41]. Скоро Гриффис начнет тепло отзываться и о Франко. Обмен послами стал началом процесса, который приведет к приему Испании в ЮНЕСКО 17 ноября 1952 года, к подписанию конкордата с Ватиканом 27 августа 1953 года, подписанию Мадридского пакта с Соединенными Штатами 26 сентября 1953 года и приему

Испании в ООН в декабре 1955 года.

Желая показать британцам, как и американцам, что они изменились, а он все тот же, каудильо назначил послом в Лондон столь же одиозную личность, как и в Вашингтон. Франко вполне мог бы повысить до ранга посла временного поверенного в Лондоне, герцога де Сан-Лукар ла Майора, грамотного дипломата, монархиста, уважаемого в кругах лондонского истеблишмента. Если не первое достоинство герцога, то, несомненно, последние два и побудили каудильо сменить его. В это время неприязнь Франко к Англии проявлялась в радиовыступлениях Карреро Бланко. Скрывшись под псевдонимом Хуан де ла Коса тот разглагольствовал о проникновении марксистов и франкмасонов в британский истеблишмент. В испанском министерстве иностранных дел считали, что послом в Лондоне будет или Сан-Лукар, или Сангронис, в ту пору посол в Италии[42]. Когда Франко предложил Лондону Фернандо Мариа Кастиэлью, посла в Перу, в агремане было отказано. Доброволец Голубой дивизии, Касти-элья приносил клятву верности Гитлеру и был награжден Железным крестом. Вместе с Хосе Мариа де Ареилсой он стал автором книги «Притязания Испании» (Reivindicaciones de Espana) — воинственного документа об имперских чаяниях Испании во Второй мировой войне.

Когда Кастиэлья был отвергнут Лондоном, Франко тут же предложил брата Хосе Антонио Примо де Риверы — гуляку Мигеля, занимавшего прежде пост фалангистского министра сельского хозяйства. Ныне он был алкальдом Хереса. Каудильо правильно рассчитал, что Лондон не откажет в агремане дважды, и поэтому заставил британцев принять в качестве посла символ настоящего фа-лангизма, тот, что британцы подвергали остракизму в течение пяти лет[43]. Новый британский посол в Мадриде, сэр Джон Бальфур, был карьерным дипломатом. Полиглот, знакомый с испаноязычным миром, он уже ранее служил в Мадриде, а теперь приехал из Аргентины, где был послом[44].

Хотя британская военная верхушка, как и американская, считала, что членство Испании в Атлантическом пакте сулит много преимуществ, европейское общественное мнение в целом проявляло прежнюю враждебность к Франко и требовало, чтобы Испанию не принимали в НАТО, пока диктатор остается у власти. Поэтому каудильо, вдохновленный политическим меморандумом Карреро Бланко, начал склоняться к налаживанию двусторонних отношений с Соединенными Штатами[45]. Добившись этого, он мог позволить себе не считаться с пренебрежением европейцев.

Тринадцатого февраля 1951 года Франко сделал заявление для группы Хёрста (Hearst)[215], желая продемонстрировать Америке, что Испания как союзник имеет преимущества перёд Британией и Францией. Даже раболепствуя перед Соединенными Штатами, он не сумел скрыть своих главных предубеждений. Каудильо кичливо заявлял, что, в отличие от других европейских стран, разделался с коммунизмом в своей стране. При этом он утверждал, что именно из-за этого Британия, Франция и Америка отстранились от Испании. Это означало для него, что все три страны поражены коммунизмом и франкмасонством. Однако каудильо готов был простить и американские ошибки и великодушно признавался, что восхищается Соединенными Штатами за их величие, силу, организаторский талант, достигнутый прогресс и промышленное лидерство. Зная, что его вряд ли позовут в НАТО, и по необходимости изображая независимость, он не проявил интереса к этой организации. Франко заявил, что «гораздо проще, лучше и удовлетворительнее была бы прямая договоренность о сотрудничестве с Северной Америкой»[46].

Такая лесть убеждала в Соединенных Штатах лишь тех, кто хотел, чтобы их убедили. Недопущение в НАТО Франко использовал для внутриполитических целей, снова запустив в оборот пропагандистский тезис о «международной осаде», однако американцев при этом не задевал. Поэтому испанцам приходилось довольствоваться связями с США и выражать возмущение британцами и французами, которые, как им говорили, из жадности отказываются делиться американской помощью. Франко отомстил британцам за их противодействие приему Испании в НАТО, организовав 19 февраля в Барселоне демонстрации под лозунгом возвращения Гибралтара. Он издал декрет, по которому 4 августа становилось ежегодным Днем Гибралтара. В этот день фалангистский Молодежный фронт будет выказывать «боль, причиненную Испании иностранной оккупацией»[47].

Первого марта Стэнтон Гриффис вручал верительные грамоты. Это превратилось в пышную церемонию, ибо Франко желал произвести впечатление на посла и американскую прессу, показав прочность своего положения и дружеское расположение к Соединенным Штатам. Три красные с золотом кареты XVIII века, каждая из которых была запряжена шестеркой лошадей, подвезли посла и его чиновников к Паласио-де-Ориенте. Их сопровождал эскорт из двухсот улан мавританской гвардии Франко, одетых в красные туники и белые накидки и восседающих на вороных лошадях; взвод горнистов в оранжевой форме с белыми

накидками и на белых лошадях и эскадрон вооруженной полиции. Удовлетворенный Гриффис отвечал на приветствия толпы, стоявшей по обеим сторонам улиц. В Паласио-де-Ориенте процессию встречал большой военный оркестр и множество военных и дипломатических лиц. После этого каудильо и Мартин Артахо дали Гриффису приватную аудиенцию[48]. Под впечатлением роскошного приема посол уже на следующий день во всеуслышание воздал неуемные хвалы генералиссимусу, весьма обеспокоив этим Бальфура. Зная Гриффиса с Буэнос-Айреса, Бальфур опасался, что тот, уступив желанию Франко, попытается внести раскол в британскую и американскую политику по вопросу об Испании[49]. Важно отметить, что вручение верительных грамот Бальфуром прошло на куда более низком уровне. Британский посол с юмором сказал про себя Гриффису, что он тут «посол в конуре»[216][50].

Уверенный, что заручился поддержкой американцев, и весьма довольный этим, Франко решил теперь поставить на место британцев. Наивный Мигель Примо де Ривера убедил его, что стоит через какого-нибудь консерватора подать запрос в палату общин — и Эрнест Дэвис, парламентский заместитель государственного секретаря в министерстве иностранных дел, сделает заявление, соответствующее испанскому намерению «вначале укрепить дружбу, а затем говорить о военных альянсах»[51]. Каудильо считал, что Уайтхолл горит желанием угодить ему, после того как он недавно показал свое умение инициировать «народные» демонстрации за возвращение Гибралтара. На самом деле назначение им фалангистского посла и разыгрывание гибралтарской карты возымели прямо противоположный эффект.

Двадцатого февраля после полуночи произошел заранее подготовленный инцидент, когда Питер Смидерз (Smithers), консерватор, член палаты общин от Винчестера, выступил в длинной речью о британских стратегических интересах. Его главная мысль состояла в следующем: «Важно, чтобы любое правительство Испании было на нашей стороне». Закончил он свое выступление вопросом: «Что предлагает сделать правительство ради того, чтобы испанский народ смог принять участие в огромных усилиях Западной Европы защитить себя?»

Дэвис ответил, что включение Испании в НАТО невыгодно западной обороне, поскольку оснащение испанских войск воспрепятствует перевооружению нынешних стран, подписавших Североатлантический договор. Политически же «моральные основы НАТО скорее ослабятся, чем усилятся, если в него включатся силы, столь же противоположные демократическому

образу жизни, как тот же коммунизм». Франко разозлился на «несправедливое» цитирование Дэвисом преамбулы Атлантического договора — «защищать свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, основанные на принципах демократии, личной свободы и верховенстве закона» — и сделанное им примечание: «Все это отсутствует в сегодняшней Испании». Включение в НАТО Португалии при недопущении туда Испании Франко расценивал как лицемерие демократических стран и намеренное унижение его страны[52].

Какие бы неудачи ни терпела политика каудильо в отношении Британии, он находил утешение в укреплении связей с США. Примерно в апреле 1951 года главнокомандующий военно-морскими силами США в Восточной Атлантике и Средиземном море получил из Объединенного комитета начальников штабов указания установить контакт с компетентными испанскими военными властями, чтобы заложить основы для будущего сотрудничества и создания американских военно-воздушных и военно-морских баз на испанской территории. Учитывая три компонента: военную слабость Испании, стратегическую важность этой страны и политические препятствия для ее включения в НАТО, британское военное руководство пришло к выводу, что единственно верное решение — двусторонний американо-испанский договор. Продолжающееся неприятие франкистского режима как лейбористской партией, так и многими европейскими странами, делало невозможным открытое одобрение американской политики в отношении Испании[53].

Вопреки самодовольным утверждениям Франко об успехах в области внешней и внутренней политики, к концу 40-х годов слабость его правления стала вполне очевидной. Испания расплачивалась своей экономикой за сохранение каудильо и его режима. Экономическая изоляция и невключение Испании в план Маршалла нанесли стране меньше ущерба, чем искусственно завышенный курс песеты, поддерживавшийся из престижных соображений. Смена посредственностей на постах министров промышленности и сельского хозяйства не способствовала возмещению ущерба, нанесенного Гражданской войной. В этой связи британский временный поверенный писал в Лондон: «Франко отчаянно нуждается в министре финансов, способном работать и не тупым как бревно!»[54] Гордясь своими экономическими познаниями, каудильо, однако, на деле питал слабый интерес к этой сфере и не мог предложить никакого рецепта. Между тем продовольственный дефицит, инфляция, нарастающая потребность страны в промышленном развитии и

тревожащие признаки недовольства рабочих не внушали ему желания модифицировать политику автаркии.

Потребление мяса на душу населения в 1950 году составляло лишь половину того, что было в 1926-м. Потребление хлеба снизилось вдвое по сравнению с 1936 годом. Даже по фальсифицированным данным официальной статистики, после Гражданской войны рост цен в два раза превышал увеличение зарплаты рабочего класса. Причем рабочим семьям приходилось покупать продовольствие на черном рынке, где цены были более чем вдвое выше официальных[55]. Неспособность наладить сельское хозяйство привела к тому, что Испании — при ее малых валютных резервах — прибегла к импорту продовольствия. Сырья и электроэнергии также не хватало. Логика ситуации требовала, чтобы Испания интегрировалась в мировую экономику и получила новые американские кредиты. Однако либерализация экономики, на которой настаивали американцы, и мировой рост цен на сырьевые материалы, вызванный Корейской войной, привели к росту цен на продукты первой необходимости. Стремительно взлетели цены на хлеб, картофель и рис. Перебои с подачей электроэнергии заставляли простаивать фабрики и заводы, что приводило к сокращению заработков рабочих.

Рабочие волнения были для Франко прежде всего проблемой порядка и законности, нарушать которые подстрекают коммунистические агитаторы. Тем не менее он был вынужден реагировать на сообщения о растущей напряженности в рабочих кварталах, вызванной ухудшением жизненных условий. Одиннадцатого марта 1951 года на национальном конгрессе рабочих он выступил с речью, на удивление реалистической. Мрачные слова каудильо полностью опровергали все то, что он прежде говорил по экономическим вопросам. Примечательно, что суровый реализм был продемонстрирован перед рабочей аудиторией. Франко, в частности, сказал: «У национальной экономики есть свои пределы и свои требования. Разделить можно лишь то, что произведено... Надо искоренить из сознания испанцев легкомысленное заблуждение, будто Испания — богатая страна, обладающей огромными естественными ресурсами. Нет, есть богатые и бедные нации, и Испания — не из богатых»[56].

На следующий день в Барселоне режиму был брошен серьезный вызов, который явился результатом резкого падения жизненного уровня рабочих. Социальная напряженность в городе подходила к точке кипения, а между тем ненавидимый всеми гражданский губернатор Барселоны фалангист Эдуардо Баэса Алегриа (Baeza Alegrfa) разрешал проблему своих взаимоотношений с артистками местного кабаре. Баэсу Алегриа

назначил на пост сам каудильо в награду за восторженный прием, оказанный ему в 1946 году во время посещения Сарагосы. Уверенный в поддержке Франко, Баэса не задумался о том, как скажется его шаг на уровне жизни горожан, и в феврале легкомысленно распорядился увеличить плату за проезд в трамвае. Это привело в начале марта к бойкоту общественного транспорта, в трамваи бросали камни. Баэса возложил вину за кризис на «профессиональных агитаторов, прислуживающих печально известным старым политическим идеологиям»[57].

Однако к 12 марта бойкот перерос во всеобщую забастовку. В ней участвовали 300 тысяч рабочих. Опрометчивые поступки гражданского губернатора не Достигли желанных результатов. Более того, в забастовке приняли участие местные фалангисты, активисты католической рабочей организации «Рабочее братство Католического действия» (Hermandad Obrera de Action Catolica) и представители среднего класса. Британское посольство даже утверждало, будто располагает «неопровержимыми доказательствами» того, что забастовку задумали твердые радикалы из числа ветеранов-фалангистов, известных с 1949 года как Старая гвардия (Vieja Guardia). Узнав, что перевернуто несколько автомобилей и автобусов, Баэса Алегриа попросил направить к нему войска. Его решительность и объяснение, что беспорядки — дело рук агитаторов, отвечали главным заблуждениям Франко. Когда Луис Галинсога, директор газеты «Вангуардиа эспаньола» и один из самых безудержных подхалимов и почитателей диктатора, позвонил Пакону и в панике стал утверждать, что ситуация выходит из-под контроля, каудильо отреагировал моментально. Он приказал министру внутренних дел Бласу Пересу, чтобы «общественный порядок поддерживался силами порядка без паники. Если гражданский губернатор не в силах поддерживать общественное спокойствие, он должен передать контроль командующему военным округом». По распоряжению Франко, в барселонский порт направились три эсминца и тральщик, и морские пехотинцы прошли маршем по улицам города. Однако неизменно сдержанный монархист генерал Хуан Баутиста Санчес, командующий Барселонским военным округом с 1949 года, считал, что армия не должна подавлять беспорядки, вызванные некомпетентностью гражданского губернатора. Один из немногих генералов, которыми Франко не удавалось манипулировать, Баутиста Санчес предотвратил кровопролитие, спокойно продержав войска гарнизона в казармах[58].

За потерю контроля над ситуацией Баэса 17 марта был снят с поста. Вначале на его место прочили графа де Майальде, бывшего

когда-то послом в Берлине. Майальде попросил Бласа Переса отпустить ему хлеба и оливкового масла, но тот ответил, что про такие методы лучше забыть, а вместо этого использовать гражданскую гвардию. Майальде счел, что больше подойдут солдаты[59]. Место Баэсы занял жесткий генерал Фелипе Аседо (Acedo) Колунга, военный прокурор, оставивший по себе дурную память участием в суде над социалистическим лидером Хулианом Бестейро в 1939 году[60].

Франко было на руку, что в растущей напряженности «холодной войны» его репрессивную политику принимают за свидетельство неукротимого антикоммунизма. Каудильо также радовало, что его репрессивное рабочее законодательство, поощряющее практически неограниченные доходы, сделало Испанию привлекательной для иностранных инвесторов. Ясно, что рабочие беспорядки и репрессии не слишком привлекали внимание Стэнтона Гриффиса. Четырнадцатого марта 1951 года, в разгар барселонского кризиса, Франко принял американского посла, попросившего особой аудиенции для обсуждения «специфической проблемы», которую поручил ему разрешить президент Трумэн. «Проблемой», по словам Гриффиса, способной подорвать испано-американские отношения, оказалась религиозная нетерпимость: Трумэн с возмущением заметил, что испанцы дискриминируют некатолические вероисповедания. Например, похороны по протестантскому обряду то и дело запрещали ретивые гражданские губернаторы[61]. Протестантов, собравшихся на молитву, постоянно разгоняла полиция. Гриффис сообщил, что Трумэн готовит бюджет на следующий год, предусматривающий кредиты на экономическую и военную помощь Испании, и попросил Франко сделать жест — хотя бы приказать гражданским губернаторам с уважением относиться к правам, теоретически закрепленным в Хартии прав испанского народа. Каудильо возложил ответственность на непослушных священнослужителей и пообещал поднять вопрос на следующем заседании кабинета, дав при этом понять, что он в такой же мере подчиняется решениям кабинета, как любой другой демократический глава правительства. Через десять месяцев, когда Гриффис покинул Испанию, масштаб официальной религиозной нетерпимости отнюдь не уменьшился.

Закончив с религиозным вопросом, Гриффис прямо спросил Франко, готов ли он вступить в НАТО. Каудильо ответил, что считает двухсторонний договор с Соединенными Штатами более приемлемым. Посол, зная о позиции других союзников Соединенных Штатов, заметил, что сепаратные переговоры с Испанией были бы затруднительны. Затем он спросил каудильо,

согласен ли он послать войска за Пиренеи, чтобы они сражались вместе с американскими и другими натовскими войсками. Франко попытался уйти от ответа, но под нажимом Гриффиса сказал, что примет участие в более широких оборонительных усилиях. Посол пошел еще дальше и спросил каудильо, может ли Испания, после переговоров между испанским и американским генштабами, предоставить в распоряжение США свои военно-воздушные, военно-морские и армейские базы. Тот ответил: две мировые войны показали, что при необходимости все нации соединяются в крупные коалиции; испанские военные базы будут предоставлены в распоряжение западных союзников, но останутся испанскими[62].

Двадцать третьего апреля 1951 года 250 тысяч человек начали сорокавосьмичасовую забастовку на верфях, сталелитейных заводах и на рудниках Страны Басков. Фалангисты и члены «Рабочего братства Католического действия» присоединились к левакам и баскским националистам. Режим объявил стачку делом рук зарубежных агитаторов. Работодатели, зная о низком уровне жизни рабочих, отказывались выполнять официальные указания о массовых увольнениях. Несмотря на зверские избиения полицией лидеров стачечников, многие из которых были схвачены и брошены в концлагерь под Виторией, беспорядки в промышленности продолжались время от времени до мая включительно[63]. Вопрос о дороговизне жизни обсуждался на заседании кабинета 5 апреля. Франко сваливал вину за экономическую ситуацию в Испании на врагов за рубежом и в этой связи оценил проявления рабочего недовольства как бунт[64]. Двенадцатого мая, выступая перед «Братством земледельцев и животноводов» (Hermandad de Labradores y Granaderos), сельским фалангисгским синдикатом, он заявил, что «забастовка — это преступление», и соотнес внутренние беспорядки с внешней осадой, организованной международным коммунизмом и франкмасонством.

Чтобы смягчить удар, нанесенный его престижу, каудильо попытался отвлечь внимание от забастовок цирковым представлением на международной арене. В начале мая он заявил, будто располагает документами, доказывающими, что Би-би-си передает фальшивки, выполняя масонские приказы[65]. После этого началась кампания в прессе — в нее внес вклад и Карреро Бланко, публиковавшийся под псевдонимом Хинёс де Буйтраго, — которая называла стачки работой французских и британских франкмасонов[66]. Каудильо продолжал поддерживать, и антибританскую кампанию по Гибралтару, надеясь, что этот грубый прием отвлечет внимание народа от внутриполитической

напряженности[67].

Показателем укрепления позиций Франко стало то, что 10 июля 1951 года дон Хуан направил ему письмо, в котором утверждал: с оппозицией режиму покончено. Зная об усиливающемся сближении между каудильо и Вашингтоном, претендент явно почувствовал необходимость изменить свою позицию. Он высказывал предположение, что режим страдает от недавних забастовок, вызванных экономической ситуацией и коррупцией в администрации. Дон Хуан выражал желание обсудить с Франко переход к монархии, предлагая консолидировать принципы, которые обязывают стабилизировать монархию и объединить всех испанцев. Не отрекаясь от своих прав, он перестал, однако, настаивать на демократической монархии и согласился на существование Движения. Франко, выказывая пренебрежение, ответил ему лишь через два месяца. Он отверг предложение дона Хуана и отрицал, что администрация коррумпирована. Экономическую же ситуацию назвал исключительно благоприятной[68].

В конечном счете попытки Франко вбить клин между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Британией и Францией — с другой, оказали куда меньше воздействие, чем геополитические реалии. Четырнадцатого июня 1951 года Мадрид посетил посол Уильям Поули (Pawley), политический советник генерала Омара Брэдли. Его приняли Мартин Артахо и заведующий американскими делами в министерстве иностранных дел Испании маркиз де Прат де Нантуийе (Nantouillet). Перед отбытием в Мадрид Поули несколько часов беседовал в Париже с генералом Эйзенхауэром, верховным главнокомандующим НАТО, обсуждая с ним вопросы возможной военной помощи Испании и участия этой страны в системе западной обороны. Поули сообщил, что Пентагон и генеральный штаб выступают за перевооружение Испании, и объяснил проволочку политическими препятствиями. Мартин Артахо ответил, что Франко позволит испанской армии, вооруженной и снаряженной Соединенными Штатами, сражаться за Пиренеями. Затем Поули от имени Эйзенхауэра, спросил, какую позицию займет Испания, если Соединенным Штатам удастся преодолеть то сопротивление, которое Британия и Франция оказывают приему Испании в НАТО. Артахо ответил стандартной фразой, что предпочтительнее был бы двусторонний испано-американский договор[69].

Через одиннадцать дней Гриффис информировал Артахо, что вскоре в Испанию направится американская военная миссия для переговоров по двустороннему пакту. Не прошло и суток, как Франко выразил принципиальное согласие[70]. Между тем

британское, французское, скандинавские, голландское, бельгийское и итальянское правительства по-прежнему выступали против включения Испании в систему западной обороны. Ачесон, Маршалл, генерал Омар Брэдли и адмирал Шерман 10 июля обсудили точку зрения европейцев и пришли к выводу, что военная необходимость важнее политических сантиментов[71].

Трумэн относился к Франко все так же враждебно. Он говорил адмиралу Шерману, возглавлявшему разработку оперативных планов ВМС: «Франко мне не нравится и никогда не понравится, но я не хочу, чтобы мои личные чувства оказывали давление на убеждения военных людей». Шерман заверил Трумэна в необходимости военного союза с Испанией, и тот неохотно согласился[72]. Тринадцатого июля Франко принял группу сенаторов из комитета по внешней политике. Его мягкие манеры и простота обращения произвели на сенаторов огромное впечатление и убедили их в том, что он совсем не «типичный европейский или латиноамериканский диктатор». Они с радостью услышали от каудильо, что он позволит испанским войскам воевать за Пиренеями. Сенаторы уехали, убежденные, как и Гриффис, в том, что Франко не следует заменять на дона Хуана[73]. Шестнадцатого июля 1951 года Шерман и офицеры его генштаба неожиданно нанесли визит каудильо, пожелав предварительно обсудить вопрос об аренде американцами баз в Испании[74].

Шерман сразу приступил к цели визита, перечислив потребности США в военно-воздушных базах и местах стоянки авианосцев. Испанские аэродромы надо приспособить к приему мощных тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Расходы оплатят Соединенные Штаты. Шерман хотел заручиться принципиальным согласием Франко. После этого могли прибыть военная и экономическая миссии, чтобы отработать все в деталях. Каудильо наверняка испытывал удовлетворение. Долгое ожидание закончилось. Теперь его обхаживает самая сильная страна мира, и ему не составляло труда убедить себя в том, что это будет диалог равных. Заискивая и лукавя, каудильо сказал Шерману, что любая задержка снизит эффективность предлагаемого сотрудничества. Франко намекал на то, что американская помощь должна быть щедрой и безотлагательной.

Каудильо указал Шерману, что предоставление Испанией баз Соединенным Штатам спровоцирует советские ВВС на немедленное нападение. Поэтому он считал необходимым привести испанские ВВС в полную готовность, которая позволила бы им оказать сопротивление русским. Заметив, что это обойдется недешево, каудильо подчеркнул: сотрудничать в мирное время гораздо проще, чем искать союзников в военное

время. Когда Франко открыл американцам, что у испанских вооруженных сил нет ни одного радара, не хватает самолетов, тяжелых танков, зенитного и противотанкового вооружения, выяснилось, сколь высока цена такого сотрудничества. Шермана более всего интересовало, как приспособить испанские аэродромы под мощные бомбардировщики, а порты — для обслуживания авианосцев. Франко же горел желанием расширить рамки американской помощи. Он сказал Шерману, что американцам мало проку в военном сотрудничестве с Испанией, если испанцам нечего есть. В том же стиле, в каком он вел торг с Гитлером о вступлении в войну, каудильо утверждал, что для вступления в войну Испания располагает слишком незначительными запасами горючего, пшеницы и других предметов первой необходимости. Шерман пообещал, что после его возвращения в Вашингтон генштаб и министерство обороны запросят у конгресса кредит для Испании.

Лихорадочное желание Франко заключить сделку возобладало над его стремлением выжать из американцев как можно больше. Как только Шерман спросил его, когда могла бы прибыть военная миссия и взяться за работу, Франко ответил: «Немедленно. С 20-го этого месяца, потому что завтра канун праздника. 18-го — фиеста, 19-го я меняю кабинет, но начиная с 20-го они могут приехать в любое время». Гриффис поинтересовался, покидают ли испанские офицеры на лето Мадрид, и каудильо ответил: «Если надо решать срочные дела, то для испанских офицеров нет никаких летних сезонов и никаких отпусков». Настойчиво пытаясь повысить свой престиж в глазах американцев, Франко выразил опасения по поводу французов[75]. Пресса восхваляла каудильо как ценного союзника Соединенных Штатов и вместе с тем сообщала о враждебном отношении к нему британских лейбористов[76]. Путь к полномасштабным переговорам был открыт, и Франко дал понять, что по всем пунктам можно прийти к соглашению. Иными словами, теперь Вашингтон решил, что ему нужно и много ли он готов за это заплатить. Не прошло и месяца, как в Испанию прибыла мощная команда для изучения проблемы на месте.

Через два дня после беседы с Шерманом каудильо перетасовал свой кабинет. Восемнадцатого июля его министры прибыли в изысканный дворец Ла-Гранха, под Сеговией, на ежегодный прием, который каудильо устраивал для дипкорпуса. По возвращении домой кое-кто из министров обнаружил письма, извещавшие о том, что снят с поста вследствие смены кабинета, о чем будет объявлено на следующее утро[217]. Новая команда, как и предыдущая, отражала изменения в международной обстановке.

С мая Мартин Артахо настаивал, чтобы Франко включил в правительство наиболее умеренных католиков. Каудильо уделял Артахо не слишком много внимания. Единственным новым католиком в правительстве, назначенным Франко на пост министра образования, был Фернандо Мариа де Кастиэлья. Однако к изумлению Артахо и самого каудильо, Кастиэлья отказался, и тогда диктатор обратился к кандидатуре глубоко верующего католика Хоакина Руиса Хименеса. Кастиэлью направили в Рим послом при Святом Престоле и поручили обсудить вопрос о заключении конкордата. Это была трудная задача, поскольку Ватикан хотел, чтобы режим Франко сменился умеренной монархией во главе с доном Хуаном[77].

С политической точки зрения, это правительство было либеральнее, чем предполагали американцы, но только в одном отношении: министром образования был назначен Руис Хименес. Во всем прочем каудильо — в контексте Корейской войны — чувствовал себя вполне уверенно, чтобы сохранить фалангистскую окраску своего режима. Военным министром стал генерал Агустин Муньос Грандес, командовавший Голубой дивизией и награжденный Гитлером Железным крестом. Теперь он отвечал за переговоры о военном соглашении с американцами. Вновь образованному министерству информации и туризма поручалось правильно представить это соглашение обществу. Это министерство возглавил Габриэль Ариас Сальгадо, большую часть Второй мировой войны осуществлявший руководство прессой в интересах Третьего рейха. Эти люди получили назначения не за оголтелый антикоммунизм, которым отличались все франкистские Министры, а в назидание американцам. Каудильо снова напомнил им, что изменились они, а не он.

Ранее в том же году распространились слухи, что именно новому кабинету предстоит передать власть дону Хуану[78]. Увеличив число фалангистов в правительстве, Франко закрыл этот вопрос. К тому же Фаланга политически устарела, а это означало, что каудильо может рассчитывать на лояльность тех, кому больше некуда податься. Он знал, что, продавая суверенитет страны Соединенным Штатам совместно с фалангистами, уменьшит возможность негативного националистического всплеска. Прирученный Раймундо Фернандес Куэста вернулся в правительство на пост министра — генерального секретаря Движения, а Хосе Антонио Хирон остался министром труда. С той же нагловатостью, с какой некогда Франко навязывал всем свои теории двух и трех войн, он начал привлекать в союзники самую мощную демократию в мире, набрав команду, почти сплошь из противников либерализма[79].

В известном смысле удивительно, что Карреро Бланко остался связующим звеном и даже бьш возведен в министерский ранг, чтобы, по словам Франко, освободить его от обязанности каждую пятницу выступать на .заседаниях кабинета[80]. В конце осени 1950 года прошел слух, что из-за семейных неприятностей Карреро Бланко впал в немилость. Донья Кармен в таких делах была непреклонна. В конце октября 1950 года Франко и донья Кармен посетили Канарские острова, где возобновили отношеня с Лоренсо Мартинесом Фусетом и его женой. В информированных кругах заговорили о том, что бывший юрисконсульт скоро выйдет из тени и займет место Карреро. Но Мартинес Фусет отказался возвращаться в политику[81]. Карреро же удалось уладить свои семейные проблемы. Утверждали, будто в этом ему помог молодой католический профессор права по имени Лауре-ано Лопес Родо. В новом правительстве, сформированном, как и в 1945 году, из приверженцев Франко, Карреро Бланко, самый преданный ему, реабилитировал себя и стал начальником политического штаба.

Если в политическом смысле этот кабинет принадлежал прошлому, то в экономической сфере его сформирование было отмечено знаменательным событием. Американцы настаивали на необходимости экономической либерализации, и Хуан Антонио Суансес, многолетний друг Франко и создатель политики автаркии, был снят с поста министра промышленности и торговли. Его место заняли два министра. Теперь торговлей ведал экономист с изворотливым умом Мануэль Арбуруа, а промышленностью — Хоакин Планелль (Planeli), артиллерийский генерал, воевавший под Алусемасом в 1925 году, в 30-е годы — военный атташе в Вашингтоне, а до 1951 года — вице-президент ИНИ — Национального института промышленности. Низменная симпатия каудильо к политике автаркии проявилась в том, что он оставил Суансеса на посту президента ИНИ, поэтому тот мог по-прежнему оказывать влияние на экономическую политику в целом. Семидесятитрехлетний Хоакин Бенхумеа — про него говорили, что он «усталый, глухой и больной и последние два года постоянно просит об отставке», — был наконец освобожден от должности министра финансов[218], занимаемой с 1939 года[82]. Его место занял Франсиско Гомес-и-Льяно, серый функционер.

Новому кабинету предстояло попытаться открыть испанскую экономику для внешнего рынка. Франко хотел создать себе более приемлемый имидж для Организации Объединенных Наций, но он не мог разрушить свою диктатуру, не совершив при этом политического самоубийства. За американскую помощь он расплатился отказом от автаркии. Награда за эту жертву сулила

многое: поначалу — дружбу Соединенных Штатов, а в конечном счете — экономический рост[83]. В связи с этим начала увеличиваться дистанция между Франко и его режимом. Быстро приближалось время, когда для руководства экономикой понадобятся не старые военные дружки, а хорошо подготовленные технократы. Это было вне понимания каудильо. Его озадаченность совпадала — особенно после 1953 года и альянса с Соединенными Штатами — с ощущением, что он заслужил передышку и может позволить себе ее.

В Лондоне и Париже считали, что американцы, ведя переговоры с каудильо, подрывают моральное превосходство западного блока. Французы, в частности, опасались, что, заключив альянс с Испанией, американцы в случае советского нападения бросят Францию на произвол судьбы и окопаются за Пиренеями. Франко быстро сообразил, что представилась возможность столкнуть лбами западных союзников. В августе 1951 года он дал бесстыдно циничное интервью еженедельнику «Ньюсуик». Его высказывания, пестревшие антиколониальной риторикой, рассчитанной на американскую публику, давали понять, что реакционные империалистические предубеждения британских правых и опасные страсти британских социалистов препятствуют созданию крепкого антикоммунистического союза между Испанией и Соединенными Штатами. Американские читатели были, вероятно, удивлены таким утверждением Франко: «Поскольку мы с опережением в пятнадцать лет ведем борьбу с политическими, социальными и экономическими проблемами нашего времени, значит, стоим ближе к их разрешению, чем другие европейские страны»[84].

Каудильо пытался внушить американцам, что раз у власти в Британии находятся лейбористы, то лишь шаг отделяет британских лидеров от настоящего коммунизма. Однако он обрадовался, когда в октябре 1951 года консерваторы вернулись к власти. Теперь обе атлантические державы стали заинтересованы в стратегическом вкладе Испании, что безгранично упрочило позиции Франко. Все лицемерие его проамериканизма, выраженного в интервью журналу «Ньюсуик», проявилось 7 ноября 1951 года, когда он снова дал аудиенцию графу Бессборо, который привез неофициальное послание Энтони Идена, вновь занявшего пост министра иностранных дел. В послании высказывалось намерение развивать в будущем корректные и дружественные отношения с Испанией. Каудильо, просияв от радости, заметил, что Испания и Англия — старые друзья[219]. Конфиденциальным тоном Франко заявил, что, к большому сожалению, у Соединенных Штатов нет четкой политики.

Бессборо спросил его, считает ли он, что Трумэн и Ачесон делают успешный вклад в мировые дела. Франко, усмехнувшись, ответил, что они, вероятно, устали быть всеобщим посмешищем[85].

Глубокое презрение к Соединенным Штатам постоянно прорывалось у Франко. К наведению мостов с Лондоном он тоже относился весьма сдержанно. Уверенный в американцах, каудильо принялся за гибралтарский вопрос — приоритетный в отношениях с Британией. В конце ноября 1951 года Франко дал интервью газете «Санди тайме». Апеллируя к здравому смыслу, он утверждал, что давно прошли времена, когда Британия нуждалась в Гибралтаре как неуязвимом укрытии для своего флота. Британия теперь не одна, а входит в более широкие оборонительные ассоциации. Франко предложил, чтобы Гибралтар вернули под испанский суверенитет, а затем превратили его в порто-франко и британскую военно-морскую базу на основе аренды[86]. Британцы были отнюдь не заинтересованы в таком варианте, особенно в свете судьбы соглашений, обусловивших их присутствие в Суэце[87]. Министр образования Хоакин Руис Хименес сказал британскому послу, что шумиха вокруг Гибралтара затеяна как подачка испанским «нейтралистам», недовольном переговорами с Соединенными Штатами. По Мадриду ходили тексты, обвиняющие Франко в том, что он использует «скалу», чтобы отвлечь внимание людей от продовольственного дефицита[88].

В январе 1952 года Стэнтона Гриффиса, посла Соединенных Штатов в Испании, сменил карьерный дипломат Линкольн Макви (McVeagh)[89]. Лекерика и Франко, весьма довольные некритически относящимся к ним Гриффисом, находили его дружелюбным партнером — «лучшим послом, какого только можно себе представить»[90]. Трумэн, в отличие от своего посла, не питал оптимизма по поводу Испании. На пресс-конференции 7 февраля 1952 года, когда начинались переговоры с Испанией, президент удивил госдепартамент и эмиссаров Франко, сказав, что по-прежнему «не горит любовью» к каудильо. Его возмущал накал религиозной нетерпимости в Испании, что он, отчасти несправедливо, приписывал самому Франко. Несомненно, каудильо мог бы сделать что-нибудь для уменьшения дискриминации. Однако такие инциденты, как сожжение книг протестантской церкви в Бадахосе и последовавший затем поджог британской протестантской церкви в Севилье имели более глубокие корни, чем предубеждения Франко[91].

По возвращении в Соединенные Штаты Гриффис стал выступать за оказание массированной экономической и политической помощи Испании[92]. ВМС и ВВС США по-прежнему

жаждали получить базы в Испании, и бразды переговоров были предоставлены военным[93]. Однако американская команда, направленная на изучение экономической и военной готовности Испании, представила крайне пессимистические доклады и по той и по другой части. Поскольку Франко возлагал непомерные надежды на то, что американские деньги все исправят, переговоры продолжались. Во всяком случае, для американцев острота проблемы снялась после создания баз в Северной Африке. Каудильо заломил большую цену, ибо Лекерика утверждал, что может «сделать в Вашингтоне все». Франко верил в его утверждения, помня о масштабах затрат Лекерики на нужды «про-испанского лобби»[94].

В конце концов медленный ход переговоров начал беспокоить Франко, и он, по предложению Лекерики, написал во второй половине февраля примирительное письмо Трумэну. Перед этим кардинал Сегура, архиепископ Севильи, выступил с воинственным антипротестантским посланием, обвинив каудильо в том, что тот продает испанский католицизм за доллары, и была совершена попытка сжечь евангелическую церковь в Севилье. В своем письме, датированном 17 марта 1952 года, Франко выразил Трумэну благодарность за финансовую помощь, а также надежду на прогресс переговоров о соглашении двух стран. Среди банальных рассуждений было и объяснение по поводу религиозных трений — следствия злобных преувеличений «врагов нашего согласия». Каудильо гордо утверждал, будто частное исповедание других религий гарантировано в Испании законом[95]. Он не понимал, что Гарри Трумэн считает дискриминацией отсутствие законодательных гарантий публичного отправления других религий. Письмо оставалось без ответа более четырех месяцев, ибо советники Трумэна сочли, что, как бы президент ни ответил, Франко все обратит к своей выгоде. В результате лихорадочной активности Лекерики президент направил каудильо уведомление о получении его письма — и только[96].

Семнадцатого мая 1952 года в своей речи на открытии кортесов каудильо заявил, что переговоры приведут к получению экономической и военной помощи «без малейшего ущерба для нашего суверенитета». Чтобы продемонстрировать заботу каудильо о традиционных испанских ценностях и неизменность его пребывания у власти, церемониалу придали истинно королевскую помпезность, еще большую, чем раньше. Франко сопровождали два пехотных полка, кавалерийский эскадрон и дивизион бронемашин. В духе Альфонса XIII генералиссимус появился через входную дверь позади трибуны и прошел сквозь строй воинов с алебардами. В зале стояли герольды, одетые в

исторические костюмы[97].

В речи, обращенной к кортесам, Франко восхвалял свою систему, которую считал уникально демократической. Его слова звучали грубой издевкой на фоне жестоких репрессий, развернувшихся в стране после забастовок предыдущего года. Лидер Каталонской коммунистической партии Грегорио Лопес Раймундо, ставший для режима козлом отпущения, был обвинен в подготовке стачек в Барселоне и отдан под трибунал. Поскольку процесс привлек широкое внимание международной общественности, обвиняемый был приговорен только к четырем годам тюремного заключения — вместо двадцати, как требовал прокурор. Четырнадцать человек, которым инкриминировали организацию забастовок в Стране Басков, были приговорены к двадцати годам тюрьмы. Сорок человек получили по пятнадцать лет за попытку создания коммунистической партии в Галисии. Пытаясь разгромить подпольный анархо-синдикалистский профсоюз Национальная конфедерация труда (Confederacidn Nacional de Trabajo), власти провели процессы над большой группой его активистов в Барселоне и Севилье, в результате чего было вынесено два смертных приговора. Редкий день проходил без арестов, полицейских налетов и трибуналов, которые выносили приговоры легко и быстро. Людей убивали «при попытке к бегству», несколько заключенных погибли от ран, полученных при задержании[98].

В этот период усиления репрессий Франко, как никогда, заботился о своем имидже, тщательно им оберегаемом. В частности, кардинал Сегура усомнился в нем как в защитнике веры, а в церковной иерархии пошли разговоры о том, что из-за сделки с Соединенными Штатами в католическую Испанию проникнут вредные доктрины протестантизма. Франко относился к церкви как средневековый король, считая ее институтом, легитимизирующим его божественное предназначение. В соответствии с этим он, заботливо культивируя свой общественный образ, отождествлял себя с церковной иерархией. Двадцать восьмого мая 1952 года каудильо приехал в Барселону на международный евхаристический конгресс[220]. Он и донья Кармен прибыли в порт на борту линейного крейсера «Мигель де Сервантес» под эскортом других кораблей Средиземноморского флота, в небе пролетела авиаэскадрилья. Франко был в форме адмирала флота (Capitdn General de la Armada)[99].

В воскресенье 1 июня во время тщательно саранжированной религиозной церемонии, во главе которой был папский делегат кардинал Тедескини, Франко на манер средневекового короля-крестоносца причастил Испанию к эвхари-стии. В своей речи он

сказал: «История нашей нации неразрывно связана с историей католической церкви, и ее слава — это наша слава, а ее враги — наши враги». Отец Хосе Мариа Буларт, личный капеллан Франко, воспел хвалу «евхаристической преданности каудильо» и упомянул о его поздних вечерних молитвах[100]. Франко с радостью принял на себя роль религиозного лидера, купаясь в славе перед лицом 300 тысяч своих почитателей, собравшихся на торжество. Предстать единым по духу со своим католическим народом значило прибавить себе авторитета в глазах американских и европейских католиков и приблизить столь желанный конкордат с Ватиканом[101]. Лучшее прикрытие для его репрессивного правления трудно было бы придумать.

С 1945 — 1946 годов, когда положение Франко было непрочным, он проделал долгий путь. Эффективность его репрессивного аппарата означала, что ему нечего опасаться угрозы со стороны левых. Однако он по-прежнему нуждался в поддержке Ватикана и Соединенных Штатов, чтобы рассеять надежды монархистов. Испытывая необходимость в американской экономической помощи, каудильо с жадным интересом следил за предвыборной президентской кампанией 1952 года. Симпатии его были на стороне республиканцев, так как Франко считал, что Эйзенхауэр, на которого он делал ставку, будет относиться к нему со значительно большей симпатией, чем Трумэн. Седьмого сентября каудильо дал интервью газете «Вашингтон пост». В гражданском костюме, он принял ее корреспондента в сан-себастьянском Паласио-де-Айете и был сама любезность и внимание — очень уж ему не хотелось походить на напыщенного военного диктатора из банановой республики. Медленный ход переговоров по базам Франко приписал кропотливой работе военных и экономических экспертов, которые несут ответственность за точность всех положений соглашения. Адресуясь к испанскому обществу, он подчеркнул, что Соединенные Штаты сами пришли к нему. Считая, что его услышат в Пентагоне, Франко сделал предположение, что в случае войны с советским блоком Западу придется выкопать последний окоп на территории Пиренейского полуострова, а это делает необходимым полное перевооружение Испании и Португалии[102].

После победы Эйзенхауэра каудильо дал многозначительное интервью, воспроизведенное большим числом газет и радиостанций Соединенных Штатов и других стран. Снова спокойный и дружественно настроенный, он предстал перед журналистами в генеральском мундире, подчеркивая тем самым свое сходство с Эйзенхауэром, а также и то, что он — союзник,

готовый воевать. Не выставляя напоказ свое личное отношение к американцам, каудильо продемонстрировал свой проамериканизм, когда подверг критике весь остальной мир за неспособность оценить «великую жертву, которую Соединенные Штаты приносят в Корее». Страстно желая заслужить доверие американцев, Франко решился на жест, сходный с тем, что был сделан им в отношении Гитлера в 1941 году, — предложил послать в Корею дивизию добровольцев под командованием строевых офицеров, «хотя формально это война Организации Объединенных Наций, а ООН не приняла Испанию в свои ряды». Сквозь многословие Франко явно проглядывала его обеспокоенность затягиванием переговоров по базам и нерешенность вопроса о будущих кредитах[103].

После своей инаугурации в январе 1953 года президент Эйзенхауэр дал понять каудильо, что придает большое значение взаимопониманию между ними. Это проявилось в том, что он сменил посла Макви на Джеймса Данна, в ту пору посла в Париже, выступавшего за заключение соглашения с Испанией. Девятого апреля Данн долго беседовал с Франко и Мартином Артахо. После встречи посол сделал заявление, обрадовавшее каудильо. Данн сказал: «Нам нужны базы» — и твердо заявил, что Соединенные Штаты намерены «крепить сердечные отношения между странами»[104]. После этого переговоры оживятся. Однако это произошло не потому, что Лекерика преувеличил желание американцев заключить сделку с Франко и убедил в этом диктатора[105]. Мартина Артахо отстранили от переговоров, поэтому тон задавал сам каудильо и его начальник генштаба Хуан Вигон, получавший инструкции напрямую от Франко[106].

В последний момент, когда американцы нажали на диктатора, чтобы ускорить завершение переговоров, тому пришлось во избежание срыва договоренности отказаться от своих максималистских требований и принять, по существу, американский текст соглашения. Франко тревожило, что его ультранационалистический режим предоставит базы иностранной державе, а тем самым поступится национальным суверенитетом. Поэтому для него было подарком судьбы сообщение британцев о том, что недавно коронованная королева Елизавета II посетит Гибралтар в 1954 году. Испанской печати запрещалось публиковать сведения о приготовлениях к коронации и рекламу туристических агентств с приглашениями посетить Лондон. Британским гражданам в Испании, которые праздновали коронацию, чинились всяческие препятствия в связи с этим[107]. Франко воспользовался объявлением о предстоящем монаршем визите на «скалу» для того, чтобы дать воинственное интервью

«Аррибе».

Он заявил: «Если мы не говорим об этом, то вовсе не значит, что этого позора и бесчестия не существует». Его длинное объяснение истоков «бесчестия» во всей полноте отражало его предубеждения. По словам каудильо, оно — следствие «политики иностранцев, стремящихся ослабить нашу отчизну, создать проблемы для нашей нации, подорвать позиции и оказать влияние на правящие классы, разжигая повстанчество в колониях и революционные движения, исходящие из масонских лож и левых интернационалов»[108]. Новое извлечение на свет гибралтарского вопроса стало дешевым и эффективным способом получить дополнительную поддержку националистических кругов, делая упор на зловещие намерения империалистической Британии, а тем самым воскрешая в малых масштабах дух 1945 — 1950 годов и отвлекая внимание общественности от цены соглашения с Соединенными Штатами[109]. Но это никоим образом не ускоряло возвращения Гибралтара и отнюдь не способствовало расположению Лондона к режиму. Убедившись в конечном счете, что американское правительство не склонно поддерживать его претензии, Франко поступил реалистично, спустив гибралтарский вопрос на тормозах, хотя всегда использовал связанное с ним общественное возбуждение как последнее средство отвлечь внимание публики от других проблем[110].

В конце августа были успешно завершены длительные переговоры с Ватиканом о заключении конкордата. Затяжка объяснялась сомнениями Ватикана в стабильности и международной приемлемости франкистской диктатуры[111]. Конкордат был не столь важным, как полагал Франко, но все же крупным шагом на пути к международному признанию режима[112]. Взамен каудильо дал Церкви приоритетное мнение в вопросах просвещения и общественной морали, а также наделил эту официальную государственную религию исключительным правом вербовать себе паству[113]. Франко было необходимо, чтобы Ватикан легитимизировал его полумонархическое правление, оправдал выпуск монет с надписью «Каудильо милостью Божьей», его дерзкие притязания на королевский статус в церковной сфере[221]. От конкордата каудильо получил все, что хотел, хотя это не означало разрешения его проблем в отношениях с церковью. В частности, королевское по характеру право «представлять епископов», по которому Франко мог выбирать епископа из трех имен, представленных ему папским нунцием, будет приобретать повышенное политическое значение, особенно в районах с сильным региональным национализмом — таких, как Каталония и Страна Басков[114].

Отношения Франко с католицизмом никогда не были простыми. В юношеские годы, живя с матерью в Эль-Ферроле, он проявлял, как и большинство тамошних обитателей, обычное благочестие, но, попав в Африку, с солдатской прямотой отбросил религию. В 1936 году каудильо быстро понял, какую поditическую значимость имеет церковная поддержка его позиции, и с удовольствием начал изображать «защитника христианства». В последующие десятилетия, с возрастом и под влиянием жены, он снова стал благочестив и ежедневно читал молитвы. Но это в личной жизни. В общественной же Франко с радостью использовал поддержку клерикальных кругов и вел себя как сильный средневековый король, готовый в любой момент навязать Церкви свою волю. Двадцать первого декабря 1953 года Пий XII наградил каудильо, «возлюбленного сына», самой высокой наградой Ватикана — Высшим орденом Христа. Заключение конкордата и назначение в Испанию сговорчивого папского нунция монсеньора Ильдебрандо Антониутти позволили Франко подрезать крышья своему «великому инквизитору» кардиналу Сегуре. В Севилью был направлен апостолическим администратором с правами наследника Сегуры епископ Хосе Мариа Буэно Монреаль. Кардинал остался архиепископом, но прав у него становилось все меньше и меньше, к тому же за ним стала следить тайная полиция[115].

Практически конкордат не имел политического значения для сделки с Соединенными Штатами, которые куда больше привлекали внимание каудильо. В начале сентября Данн отвез в Вашингтон текст подготовленного соглашения на утверждение президента Эйзенхауэра[116]. Многие детали еще оставались недоработанными, когда 26 сентября 1953 года договоры об обороне с Соединенными Штатами официально оформили интеграцию Испании в Западный лагерь. Нерешенные детали касались условий использования баз американцами в военное время и вопросов конечного подчинения баз испанцам[117]. Двусмысленности и неясности в заключительном тексте шли на пользу американцам, хотя Франко утверждал, что не поступился национальным суверенитетом страны на переговорах.

На самом деле «защитник национальной независимости» поступился изрядной частью национального суверенитета. В условиях войны, когда за считанные минуты придется поднять в воздух истребители, времени на дальнейшие переговоры не будет. В сущности это было признано в дополнительных секретных статьях к договору, по которым обязательства Соединенных Штатов не слишком выходили за пределы необходимости «сообщать имеющуюся информацию и свои

намерения» правительству в Мадриде. Не оказалось даже оговорки о том, должна ли такая информация передаваться в письменном виде. Взаимность не состоялась. Американцы ставили свои обязательства перед НАТО выше, чем перед Испанией, которую по-прежнему туда не допускали. В случае нападения на Испанию некоммунистического агрессора США не были обязаны прийти ей на помощь. И вообще огромные районы Испании оставались без надлежащего оборонительного прикрытия. Равным образом обязательство американцев оказывать предпочтение союзникам по НАТО означало, что Испании придется довольствоваться излишками вооружения и техники либо получить второсортную продукцию. В этом смысле Франко продал национальные интересы[118].

Подчиняя Испанию все более широким американским оборонительным потребностям, то есть в известной мере придавая ей статус сателлита, каудильо показал, что готов платить высокую цену — лишь бы удержать власть[119]. На последних стадиях торга с американцами Франко сказал участникам переговоров с испанской стороны: «Если не получите желаемого, в крайнем случае, подписывайте все, что они положат перед вами. Нам нужно это соглашение»[120]. Отход от традиционной испанской политики нейтралитета был действительно высокой ценой, хотя Франко готов был заплатить ее Третьему рейху в 1940 году, когда его тоже весьма соблазняла награда. Испанскому народу соглашения с Соединенными Штатами были представлены в таком виде, что каудильо, преподносивший себя как равного партнера президента самой сильной военной державы мира, мог теперь купаться в лучах славы. В газетах печатали фотомонтажи, на которых Франко и Эйзенхауэр были изображены вместе. К ним прилагались статьи, сообщающие о том, что нации мира с изумлением и радостью встретили новый триумф каудильо[121].

Пакт о взаимной обороне принес Испании 226 миллионов долларов американской военной и технической помощи. Общая экономическая помощь ограничивалась расходами на проекты по созданию инфраструктуры военного значения, строительству дорог, портов и объектов оборонной промышленности. Прочие американские обязательства включали в себя поставку излишков вооружения и техники сверх рамок наращивания вооружений в НАТО, а также оружия, самолетов, бронетехники и машин, уже использовавшихся во Второй мировой войне и (или) в Корее. Взамен Франко разрешил создать американские военно-воздушные базы в Торрехоне под Мадридом, близ городов Севилья, Сарагоса и Морон-де-ла-Фронтера, небольшую военно-

морскую базу Рота под Кадисом, огромное число установок для ВВС США и оборудования и складов в испанских портах для заправки топливом кораблей ВМС США. Испания предложила даже больше того, что американцы могли взять. Кстати сказать, американский военный персонал не нес ответственности перед испанским законом и освобождался от налогов и пошлин. Каудильо торговал нейтралитетом и суверенитетом страны, считая полезным для Испании все, что хорошо для него самого. В частности, расположение баз вблизи крупных городов было явной безответственностью[122].

Франко получил, что хотел: прекращение международного остракизма, значительное укрепление своего режима и право представлять себя миру как важного союзника Соединенных Штатов. За это он расплатился частичной утратой национального суверенитета и рисковал, что его втянут в войну атомного века. Непосредственной выгодой для режима явилась интеграция Испании в западную систему, выведение военных расходов за рамки общего бюджета и возможность успокоить вооруженные силы, недовольные нехваткой ресурсов. Надежда Франко получить общую экономическую помощь потерпела крах, поскольку поток помощи по плану Маршалла уже миновал свой пик. Экономическая помощь поступала на том условии, что в среднесрочном или долгосрочном плане каудильо согласится внести изменения в самую природу своего режима[123]. Помимо риторических, существовали и условия практического порядка: установление реального обменного курса песеты, сбалансирование государственного бюджета, восстановление доверия к финансовой системе. Это наносило удар по лелеемой Франко системе автаркии. Все предыдущие попытки сделать правительственный финансовый механизм более гибким оказывались бесплодными[124].

Сначала каудильо не обратил внимания на эти детали соглашения, возможно считая, что американцы заплатили слишком-высокую цену за его стратегические услуги, поэтому можно согласиться на мелкие уступки. Требуемые перемены он не осуществит до конца десятилетия, а потом это произойдет не под влиянием американского нажима, а из-за краха испанской экономики, вынудившего каудильо допустить экономическую либерализацию. Франко еще шесть лет цеплялся за политику автаркии, но в конце концов оставил ее, нехотя и сам не понимая как. Парадоксально, что соглашения предусматривали такое экономическое стимулирование, которое должно было обнаружить всю заскорузлость франкистской автаркии. В этом смысле они носили прогрессивный характер для экономического

и социального развития и в конце концов привели к тому, что каудильо устарел и стал ненужен.

Глава 24 ГОДЫ ТРИУМФА И КРИЗИСА

1953—1956 годы

Первого октября 1953 года Франко представил в кортесах текст соглашения о базах как логическую кульминацию самоотверженной политики, проводимой им в защиту западной цивилизации с 1936 года. Он отрицал, что за этим кроется продажа территории за экономическую и военную помощь, и утверждал, будто начал переговоры только потому, что озабочен обороной Запада. Теперь же сотрудничество с Соединенными Штатами просто-напросто облегчит необходимое Испании перевооружение. Похваляясь своей проницательностью, каудильо упрекнул Черчилля, отвергшего его предложение о союзе в 1944 году. Эту ошибку он свысока приписал естественному нежеланию империалистической державы делиться своими привилегиями. Франко заявил, что причиной упадка Испании в последние двести лет было отсутствие сильной и решительной внешней политики, какую проводит он, и на сей раз не упомянул о масонских заговорщиках, по его неизменному убеждению виноватых во всем[1].

Сразу после заключения конкордата с Ватиканом соглашения с американцами превозносились как монументальное свершение каудильо. Одна из опубликованных фотографий, изображала каудильо и американского посла Джеймса Данна. При взгляде на нее казалось, что Франко милостиво согласился на просьбу посла сфотографироваться с ним. Фаланга и подчиненные ей организации, синдикалистские и студенческие, Молодежный фронт и женская секция Фаланги приложили все усилия, чтобы в День каудильо собрать на Пласа-де-Ориенте еще один грандиозный митинг. Магазины закрыли, рабочих и крестьян автобусами свозили со всей Испании, выдав дневной заработок и сухой паек. Удовлетворенный Франко принимал выражение народного поклонения на балконе королевского дворца. Хотя соглашение о базах вызвало мало комментариев в международной прессе и целенаправленную острую критику в США, «Арриба» писала, что весь мир потерял дар речи от восхищения[2].

Франко лукавил, утверждая, что подписанные пакты представляют собой альянс равных. На самом деле они были не более чем соглашениями по специальной проблеме. Перед кортесами каудильо заявлял, а пресса подхватила его слова, что подписанными пактами он вернул Испании международный

престиж, какого она не имела со времен Филиппа II[222]. Не зная о секретных статьях пактов, франкистские составители передовиц сообщили, что Испания теперь снова распоряжается своей судьбой. Ни они, ни Франко и словом не обмолвились о том, что отныне Испания куда больше, чем прежде, рискует подвергнуться советской агрессии[3]. Пережив мрачные дни международного остракизма, каудильо, вероятно, выстоял бы и без американской поддержки[4]. После разгрома внутренней оппозиции его режим уже казался вечным. Однако, став союзником, хотя и неполноправным, Соединенных Штатов, Франко значительно облегчил себе задачу. Перед ним открылась дорога в ООН и к полному международному признанию. Осуществление этого нанесло бы деморализующий удар по и без того расколотой оппозиции в эмиграции.

Франко продолжал культивировать пропагандистский триумф, которого он достиг, установив связи с американцами. Двадцать шестого октября 1953 года каудильо представил в кортесах конкордат с Ватиканом. Даже по его обычным стандартам речь была вызывающе тщеславной: «Моя душа переполнена глубочайшим удовлетворением, и, надеюсь, вы разделяете его. Мне удалось сослужить самую важную службу для нашей нации и нашей святой матери-Церкви». Каудильо не упомянул о том, что отсрочка в заключении конкордата отразила сомнения Ватикана относительно некоторых аспектов его правления, и пространно объяснил, насколько это правление соответствует желаниям Церкви. И в самом деле, по словам Франко выходило, будто между Церковью и государством установилось такое согласие, что кое-кого из «депутатов» могло удивить, зачем ему вообще понадобился конкордат[5].

Опасаясь, что образование «новых Гибралтаров» в виде американских военных баз и горячие объятия с Католической церковью оскорбят чувства фалангистов, Франко организовал массовую манифестацию в поддержку Движения. Два-дать девятого октября 1953 года, в день двадцатой годовщины основания Фаланги, Хосе Антонио Примо де Риверой, каудильо выступил на стадионе мадридского футбольного клуба «Реал» в Чамартине примерно перед 125 тысячами фалангистов, одетых в голубые рубашки. По сообщению корреспондента французской газеты «Монд» Жана Креаша (Сгёас'И), восемьдесят процентов собравшихся составляли крестьяне или безработные сельскохозяйственные рабочие, привезенные на стадион из провинций на автобусах и получившие за это сумму дневного заработка[6]. Франко появился в черной форме «национального главы». Предупреждая критику фалангистов за дружбу с

державой, которая отняла последние остатки испанской империи и еще совсем недавно подвергалась поношению за свое участие в «осаде» Испании, каудильо с триумфом представил соглашения с Соединенными Штатами как часть великой услуги Западу, оказанной Испанией: «Битва, которую мы выиграли в эти годы трудного мира, — это наша вторая победа над коммунизмом»[7].

Через несколько лет, однако, Франко уяснит себе отдельные недостатки соглашения по базам. Каудильо с сожалением упомянул об опасности, представляемой американскими военными объектами для близлежащих городов, и об обескураживающе малом масштабе американской экономической помощи, ничтожной в сравнении с той, что получили Югославия, Турция, Греция и Бразилия[8]. Его недовольство тем, что он заключил не самую лучшую сделку, проявилось годы спустя, когда Франко заметил в частной беседе: «Как сказал мне дон Камило [Алонсо Вега], американцы принесли нам огромную пользу, освободив мадридские бары и кабаре от шлюх, которые почти все повыходили замуж за их сержантов и солдат». Он продолжал: «Я испытываю некоторое беспокойство, когда вижу мир в руках североамериканцев. В них много ребячества. Апломб англичан внушает большее доверие»[9]. Эти высказывания, впрочем, не меняют того факта, что соглашение по базам и конкордат сделали 1953 год кульминационным в жизни Франко.

Установление связей с Соединенными Штатами уменьшило давление на режим как внутри страны, так и извне, способствуя тем самым дальнейшему снижению уровня жизни и оживлению антикоммунистической пропаганды в стиле крестового похода, что позволяло поддерживать в реанимированном состоянии дух Гражданской войны. Не вызывает сомнений, что после подписания Мадридского пакта Франко вполне поверил в прочность режима. Повстанческая война закончилась, лишь изредка возникали вспышки сопротивления в городах; в основном это было делом изолированных анархистов в Барселоне[10]. Огромные вложения в машину государственного террора с 1939-го по 1945 год вызвали политическую апатию у подавляющей части населения. Противники каудильо усвоили, что пытки, тюрьмы, а иногда и казни служат хорошим уроком тем, у кого короткая память. Гражданская гвардия, вооруженная полиция и секретная служба делали свое черное дело, без устали срывая тайные планы восстановления партий и объединений.

Каудильо считал, что теперь может почивать на лаврах. Это сказалось в том, что он начал отдавать много времени своим пристрастиям — охоте, рыбалке во внутренних водоемах и в море с Максом Борреллем, гольфу, частному просмотру вестернов в

своем личном кинотеатре во дворце Пардо, живописи и уходу за большим имением в местечке Вальдефуэнтес, где Франко выращивал пшеницу/ картофель и даже табак. Располагая обслуживающим персоналом, рабочей силой и техникой министерства сельского хозяйства, он сделал ’это имение весьма доходным. Находясь в своей резиденции Пардо, каудильо во второй половине дня обычно направлялся в Вальдефуэнтес подышать воздухом после обеда".

В 1954 году Лекерика сказал Пакону: «Быть у Франко министром — все равно что быть маленьким королем — можно делать все, что угодно, он ни в чем не ограничивает». И еще: «Ему доставляют проблемы те министры, которые не знают, как управлять своими департаментами»[12]. Франко всегда предоставлял своим министрам техническую сторону дела. Они могли наживать состояния, если хотели, им позволялось проявлять инициативу и даже некомпетентность. Главное, что он сам диктовал основные направления политики, особенно внешней. Но после 1953 года явно обнаружилось, что Франко стремится переложить ежедневную административную работу на других. Он словно не замечал коррупции, кто бы ни был в нее вовлечен: подчиненные ли, близкое окружение или члены его семейного клана — лишь бы при этом выказывалась безусловная лояльность[223].

Пакон размышлял: «Каудильо любезен с теми, кто стоит над ним, или с льстецами (pelotillas), которые засыпают его дарами и оказывают щедрое гостеприимство, но он холоден как лед со всеми, кто не раболепствует, ведет себя серьезно и говорит правду, независимо от того, нравится ему это или нет». Каудильо, возможно, не обращал внимания на коррумпированность тех, кто льстил и угождал ему, и даже награждал их, но эти люди получали не больше, чем преданный Пакон, когда дело шло о простых теплых отношениях[224]. Хосе Антонио Хирон, долго занимавший пост фалангисгского министра труда, жаловался: «Он холоден порой настолько, что душу замораживает»[13]. Франко было не по себе с теми, кто его обслуживал. Даже во время охотничьих вылазок он держался порой холодно и отстраненно. Ни проверенный друг с сорокалетним стажем Макс Боррелль, ни начальник политического штаба каудильо Карреро Бланко не освобождались от обязанности обращаться к диктатору «ваше превосходительство»[14]. Стиль правления Франко после заключения соглашения с американцами стал более небрежным. Оголтелая пропаганда против иностранцев уступила место рутинному прославлению каудильо и его дел. Это проявилось на примере Гибралтара. В январе 1954 года каудильо разрешил

фалангис-тскому студенческому объединению «Испанский университетский синдикат» провести у британского посольства демонстрацию в знак протеста против визита в Гибралтар королевы Елизаветы II. С санкции Франко и фалангисгского руководства, молодые фалангисты выкрикивали ультранационалистические лозунги, направленные против британского империализма и выказывали свою ксенофобию, проявляя здоровую реакцию настоящих патриотов, возмущенных оскорбительным для испанцев визитом в Гибралтар. Официальная поддержка демонстрации выразилась, в частности, в том, что демонстрантам подвезли на грузовиках камни, которые могли им пригодиться. Однако в разгар мероприятия власти испытали опасение, что ситуация выйдет из-под контроля, и в дело вмешалась полиция. Тогда камни полетели в представителей власти. Разгневавшись, что с ними так обращаются, студенты инициировали беспорядки в университетах[15]. Сам Франко, крайне возмущенный визитом королевы Елизаветы II в Гибралтар, поместил в «Аррибе» несколько резких статей под псевдонимом Макаулей. Однако более громкие общественные протесты он приглушил, считая необходимым уменьшить брожение в университетах. К этому побудило его и заявление посла США о том, что положение Британии и Гибралтара в НАТО гарантируют Лондону американскую поддержку по вопросу о «скале»[16].

После этого демонстративный пыл каудильо к Гибралтару значительно поостыл. Хотя некоторые его министры время от времени еще высказывались воинственно по поводу Гибралтара, сам каудильо старался придерживаться более дальновидной позиции. При этом Гибралтар, конечно, волновал его. Двадцать второго августа 1954 года Франко беседовал о Гибралтаре в Паласио-де-

Айете с тогдашним государственным министром в британском министерстве иностранных дел и будущим министром иностранных дел Селвином Ллойдом. Дружелюбная в целом атмосфера встречи была нарушена, когда Селвин Ллойд сказал каудильо, что «ни одно британское правительство не сможет обсуждать вопрос о суверенитете Гибралтара». Британский министр нашел 62-летнего каудильо «щеголеватым, похудевшим, собранным и более моложавым», чем он ожидал. «Мне казалось, будто ничто из сказанного мною не произвело на него впечатления, но, говорят, это у Франко обычное дело. Когда сам он не говорил, его губы выражали капризность и недовольство. Однако, по-моему, это человек с подвижным умом, компетентный, контролирующий себя и окружающих, но

неподатливый до упрямства»[17].

Упрочив отношения с Соединенными Штатами, Франко следил за внешнеполитическими делами уже не с таким напряжением, как после 1936 года. Порой случались значительные события, например, визит в июне 1954 года Рафаэля Леонидаса Трухильо, коррумпированного диктатора Доминиканской Республики. Он был принят каудильо с нескрываемой радостью[18]. Но визиты столь мелких властителей потеряли свою ценность для Франко после того, как Соединенные Штаты, Франция и Британия решили поддержать прием Испании в ООН[19]. Это не умерило его желания быть принятым в НАТО. Британия и Франция проявляли к нему меньшую враждебность, но этого было недостаточно, чтобы открыть двери в НАТО. Поэтому на Соединенные Штаты он смотрел как на ключ к этим дверям[20]. Франко весьма впечатлило, что генерал стал президентом Соединенных Штатов, и по его санкции началась долгосрочная пропагандистская кампания, призванная сравнивать каудильо с Эйзенхауэром. Выполняя заказ, пресса опубликовала фотографии Франко, играющего в гольф и пишущего картины. Впервые, по словам каудильо, интерес к живописи у него появился в 20-е годы, затем возродился в 40-е, когда он узнал, что Гитлер рисует. Теперь выяснилось, что Черчилль недурно пишет картины, а Эйзенхауэр проявляет интерес к живописи. Поэтому это занятие стало увлечением, достой^ ным уважения. Франко бьш сфотографирован у мольберта в каком-то несуразном одеянии в тонкую полоску и большой шляпе[21].

Лишь небольшая часть картин каудильо стала известна публике, поскольку очень многое сгорело во время пожара в 1978 году. Если это действительно его работы, следует отметить, что они сделаны умелым дилетантом, но все же скорее интересны психиатру, чем художественному критику. В предмете живописи проявился консервативный мелкобуржуазный вкус автора. Безошибочно чувствуется влияние эскизов для гобеленов Гойи, а также великих испанских художников XVII века — в пейзажах, натюрмортах с дичью и ружьями, в не лишенной кровожадности картине, которая изображает травлю медведя сворой собак[225]. Интересное исключение — портрет дочери Кармен в стиле Модильяни.

После заключения сделки с Соединенными Штатами у каудильо появились другие удовольствия, а также возведения в разные саны. Восьмого мая 1954 года в ознаменование семисотлетия Саламанкского университета Франко был удостоен звания почетного доктора права этого древнего учебного

заведения. Несмотря на свое неизменное презрение к интеллектуалам, он, судя по его речи, был тронут оказанной ему честью. Впрочем, помимо стандартного набора любезностей, речь была посвящена самовосхвалению. Касаясь «тех, кто делает историю», Франко сравнил свои деяния со свершениями «королей-каудильо, которые в XIII веке в перерывах победоносной Реконкисты закладывали основы, на коих и поднялся славный университет Саламанки»[22]. Во время церемонии Франко сидел молча и смотрел только на донью Кармен, а та не отрывала глаз от него. Хотя каудильо изображал неколебимую твердость, он чувствовал себя неуверенно в чужой стихии. Казалось, он боится совершить ошибку перед теми, кого считал людьми высокого полета. Были приняты особые меры безопасности. Когда один из профессоров потянулся за своим мешочком с табаком, его сразу окружила полиция, хотя в церемонии участвовали те, чья лояльность не подлежала сомнению, и занимающие высокое положение. Здесь Франко можно было попытаться убить, только пожертвовав собственной жизнью. За обедом, последовавшим за церемонией, каудильо почти не разговаривал, а, решив уйти, резко встал и вышел, не сказав ни слова[23].

В 1954 году он увидел, как завершается строительство часовни в скалах Валье-де-лос-Каидос. Работы в долине с самого начала (с 1940 года) увлекли его. Из всего оставшегося после режима этот монумент наиболее ярко свидетельствует о том, что Франко представлял себя исторической личностью, равной Филиппу И. В сравнении с первоначальным замыслом он увеличил сооружение вдвое. Тридцать первого августа часовня, гигантское сооружение из гранитных глыб, в 262 метра длиной и 41 метр высотой, была закончена. Многие крупные строительные компании, проявившие себя во времена франкистского экономического бума, начинали в Валье-де-лос-Каидос — «Банус», «Агроман» и, в частности, компания Уарте (Huarte), который подрядился воздвигнуть крест. Эта работа была завершена лишь в сентябре 1956 года. Весил крест 181 620 тонн, высота его составила 150 метров, поперечные перекладины равнялись 46 метрам и по ширине могли вместить два легковых автомобиля[24].

Единственной занозой для Франко оставалась созданная доном Хуаном и несколько притихшая оппозиция. Каудильо не любил, когда ему напоминали о его невыполненных обещаниях реставрировать монархию. В 1954 году претендент, под влиянием Хиля Роблеса, начал вновь выступать против Франко. Хуан Карлос окончил курс средней школы, пройденный с частными учителями, и 16 июля 1954 года дон Хуан направил каудильо «вербальную ноту», которой сообщал, что его сыну пора

приступать к университетскому образованию в Лувэ-не. Эта нота пришла именно в тот момент, когда Франко составил собственный план относительно Хуана Карлоса. Он решил направить его учиться в военную академию в Сарагосе, затем на определенное время в военно-морскую и военно-воздушную академии, на факультет общественных наук и на инженерный факультет Мадридского университета. После этого юноше предстояло пройти практику в искусстве управления страной «рядом с каудильо». Франко отправил дону Хуану холодный ответ, высказав убеждение, что те, кто надеется править Испанией, должны получать образование в этой стране. Каудильо намекал на то, что дон Хуан не фигурирует в его планах по реставрации монархии в Испании. Франко писал также, что если претендент не примет его плана относительно Хуана Карлоса, то тем самым «закроет естественный и реальный путь, возможный для установления монархии в Отчизне». В лексиконе Франко слово «установление» означало: никакой реставрации законной линии Бурбонов не произойдет. Можно рассчитывать лишь на установление франкистской монархии. Избранный ставленник должен получить такую подготовку, чтобы быть способным продолжить традиции режима. Дон Хуан понял, как опасно увязывание монархии с политической системой, отнюдь не пользующейся всемирным признанием, но, напуганный перспективой полного разрыва с Франко, отступил. К радости каудильо, это привело к отставке Хиля Роблеса с поста при претенденте[25].

Возможно, это было неизбежным, но уверенность, которую обрели Франко и его приверженцы после заключения конкордата и Мадридского пакта, возымела обратный эффект: единство, сохранявшееся в 1945—1953 годах и выкованное в условиях «осады», ослабилось. Каудильо, конечно, всегда приходилось иметь дело с политическими, экономическими и религиозными группами давления, которые с изощренным мастерством ходатайствовали о повышении людей в должности или назначении определенных лиц на важные посты. Он сталкивался с противоборством фалангистов и монархистов в армии перед 1945 годом, между Фалангой и католиками-монархистами в послевоенный период. Но выросло поколение, не прошедшее Гражданской войны. Вопреки франкистской системе воспитания — или благодаря ей — они не желали слушать о достижениях каудильо, «спасителя» Испании. Более циничные карьеристы начали появляться в группировках, которые Франко не контролировал полностью, и среди молодых людей, не слишком околдованных магией каудильо.

Внешнее спокойствие тонко сбалансированной франкистской системы было нарушено вызовом, который бросило странное объединение коллаборационистов, последователей дона Хуана, и членов «Опус Деи»*. Самозваный теоретик группировки Рафаэль Кальво Серер, интеллектуал, связанный с «Опус Деи», назвал ее «Третьей силой» (Tercera Fuerza). По мнению каудильо, взгляды Кальво Серера имели опасный политический оттенок. «Третья сила» считала себя призванной провести разделительную черту внутри режима — между «левыми», представленными Фалангой, и правыми, возглавляемыми Мартином Артахо консервативными католиками, самопровозглашенными христианскими демократами. В группировку входило около трех десятков известных банкиров, адвокатов и профессоров. Одни из активистов были связаны с «Опус Деи», другие же, как юрист Хоакйн Сатрустеги (Satrūstegui) и генерал Хорхе Вигон, принадлежали к сторонникам дона Хуана. Они были привержены идее реставрации монархии во главе с доном Хуаном, хотя и в контексте с Движением. В статье, опубликованной в Париже в сентябре 1953 года и широко ходившей среди франкистской верхушки, Кальво Серер утверждал, что фалангисты и католики — сторонники режима — сбились с пути. Высказанные им мысли о том, что только новая группа сможет изменить режим, либерализовать управление и модернизировать экономику, сочли крамольными. Кальво Серера лишили его поста в Высшем совете научных исследований (Consejo Superior de Investigaciones Cientfficas)[26].

В появлении «Третьей силы» выразилась озабоченность приверженцев Франко за свое будущее. В феврале 1954 года он принял нескольких генералов, среди них Хуана Баутисту Санчеса. Поняв, что каудильо обеспокоен, они открыто подняли вопрос о том, что случится после его смерти, и обратились к нему с настоятельной просьбой принять меры по обеспечению перехода к монархии[27]. Франко усматривал опасность в любом намеке на поддержку дона Хуана. Осенью 1954 года в связи с церемонией выхода в свет (la puesta de largo) дочери дона Хуана, инфанты Марии Пилар, пятнадцать тысяч испанских монархистов запросили паспорта для поездки в Португалию, чтобы засвидетель-

•«Опус Деи» — набиравший в ту пору силу светский католический орден, консервативная элита. Тем, кто входил в ее состав, предписывалось исполнять свою апостольскую миссию путем совершенствования и роста в избранной профессии.

ствовать свое уважение королевской семье. Три тысячи из них посетили церемонию, проходившую 14—15 октября. На автобусах

и автомобилях в Португалию поехали не только богачи и армейские офицеры, но и множество представителей средних классов. Николас Франко присутствовал на грандиозном балу в отеле «Парк» в Эшториле и сообщил брату о царившей там теплоте и о спонтанном выражении восторга при появлении дона Хуана[28]. Каудильо, весьма раздосадованный событием в Эшториле, поднял вопрос об отмене привилегии для высших представителей дворянства — испанских грандов — иметь дипломатические паспорта, «так как они используют их, чтобы плести заговоры против режима». Карреро Бланко успокоил его, заметив, что популярность монархии объясняется работой франкмасонов[29].

На фоне такого мощного вызова, брошенного Франко, «Третья сила» подверглась испытанию. Это случилось 21 ноября 1954 года на ограниченных муниципальных выборах в Мадриде, первых после Гражданской войны. Режим представил их как самые настоящие выборы. На них избиралась одна треть муниципальных советников. Право голоса имели «отцы семейств» и замужние женщины в возрасте свыше 30 лет. Четверых монархических кандидатов, поддерживаемых газетой «А-бэ-сэ», начали запугивать фалангисгские банды и полиция. Кандидатами монархистов были Хоакин Сатрустеги, Хоакин Кальво Сотело, известный драматург и брат убитого Хосе Кальво Сотело, Хуан Мануэль Фанхуль, сын генерала, и Торквато Лука де Тена, член семейства, владевшего газетой «А-бэ-сэ», и одно время ее директор. Рассматривая эти выборы как референдум, управляемая пресса развернула активную пропагандистскую кампанию в поддержку четырех кандидатов от Движения, которых выставили министр внутренних дел Блас Перес и министр-секретарь Раймундо Фернандес Куэста. Перес и Фернандес Куэста совершили грубую ошибку, показав свою причастность к кандидатам: сразу же обнаружилось, что утверждения Франко, будто все испанцы входят в Движение, — чистый фарс. Блас Перес и Фернандес Куэста за несколько дней до выборов договорились с Карреро Бланко и Габриэлем Ариасом Сальгадо, министром информации, что скорее прибегнут к фальсификации (pucherazo), чем рискнут проиграть. Агитационные материалы монархистов уничтожались, а урны для голосования были увезены, чтобы помешать контролю при подсчете голосов их приверженцев. Разумеется, официально объявили, что со значительным преимуществом одержали победу фалангисгские кандидаты. Однако монархисты утверждали, что получили свыше шестидесяти процентов голосов[30].

Поначалу Франко был готов поверить словам своего

министра внутренних дел Бласа Переса о том, будто муниципальные выборы продемонстрировали народную поддержку каудильо. Однако не прошло и недели, как влиятельные монархисты стали обращаться в газеты, требуя исправить ошибочные утверждения о результатах выборов и угрожая в случае отказа обратиться в суд. Затем Франко получил просьбу об аудиенции от двух значительных лиц. Одним из них был Хоакин Кальво Сотело, заявлявший, что во время предвыборной кампании арестовали 282 монархиста. Встречу с Кальво Сотело каудильо отложил до середины января, но просьба этого человека убедила его в том, что фалангисты ему лгут. Второй сигнал поступил от министра юстиции, традиционалиста Антонио Итурменди, который попросил об отставке. Диктатору не составило труда отговорить министра от этого шага, но этот жест произвел впечатление на Франко.

Недовольство Итурменди ничего не значило по сравнению с тем, что услышит каудильо от генерала Хуана Вигона, начальника генерального штаба. Военная контрразведка получила информацию о том, что большая часть мадридского гарнизона проголосовала за монархию. Вигон так и сказал Франко: «Режим проиграл выборы 24 ноября». Восприняв это как серьезную угрозу, тот решил успокоить непокорных военных монархистов. Устроив выволочку Бласу Пересу и генеральному директору службы безопасности (последнего он обвинил во лжи), каудильо велел своему брату Николасу известить дона Хуана, что каудильо будет рад видеть его[31].

Теперь Франко не беспокоила его внешнеполитическая позиция. Внутри страны он тоже чувствовал себя уверенно, зная, что репрессивный аппарат использует свои возможности и держит левых под контролем. Поэтому политических проблем у него было мало. Отныне его самыми главными заботами стали нейтрализация монархистов и осуществление планов наследования власти. Он старался постоянно держать монархистов в узде, время от времени давая свободу рук Фаланге. Более того, Франко был убежден: если монархии суждено вернуться, это должна быть фалангистская монархия. Однако стратегия, верно служившая ему в 40-е годы, стала уязвима, ибо Фаланга все более превращалась в анахронизм, тогда как монархический путь вполне соответствовал настроениям внешнего мира. И прежде всего политика автаркии, за которую стояли каудильо и Фаланга, оказалась неспособной справиться с экономическими проблемами Испании. В ретроспективе 1953 год можно рассматривать как пик политической карьеры Франко, вершину его триумфа и объединившейся вокруг него

националистской коалиции. К концу десятилетия, когда его власти почти ничего не угрожало, Франко утратит абсолютный контроль над ситуацией: ему придется расстаться с Фалангой и предоставить детальное руководство экономическими, а затем и политическими делами специалистам-технократам.

Стремясь к встрече с доном Хуаном в декабре 1954 года, Франко, как и в период встречи на «Асоре» в 1948 году, ставил целью убедить роялистов внутри Испании в своих неизменных монархических намерениях. Предположение, что они, возможно, обсудят вопрос об ускорении реставрации монархии, было совершенно ошибочным. Поведение Франко не позволяло сомневаться в том, что он отдаст власть только в случае смерти или полной недееспособности, да и то лишь тому королю, который обязуется безусловно сохранить диктатуру. Второго декабря 1954 года Франко в письме дону Хуану определенно сказал о том, каким видит дальнейшее образование Хуана Карлоса. Назвав себя человеком, «отождествляющим настроения большой части нации», каудильо продолжал: «Я считаю необходимым, чтобы образование принца не только проходило на нашей территории, но и в рамках принципов, воодушевляющих Национальное движение (Movimiento Nacional)». В конце письма он упрекал дона Хуана за то, что его сторонники в Мадриде выставили на муниципальных выборах кандидатов против Движения[32].

Возможно, написать это письмо Франко отчасти побудило событие, которого ждали в его семействе, — 9 декабря, через пять дней после шестидесятидвухлетия каудильо, появился на свет его первый внук. В этот день Кристобаль Мартинес-Бордиу предложил назвать ребенка Франсиско Франко Мартинес-Бордиу. Это заставило бы видеть в нем наследника деда. Пятнадцатого декабря услужливые кортесы дали на это формальное согласие, после чего распространились слухи, будто Франко намерен основать свою династию[33]. Повлияла ли перспектива появления наследника на ужесточение позиции Франко в отношении дона Хуана, сказать трудно. Во всяком случае, к моменту получения доном Хуаном письма от 2 декабря каудильо провел встречи с Хоакином Кальво Сотело, Антонио Итурменди и Хуаном Вигоном, вследствие чего убедился, что вызов со стороны монархистов гораздо опаснее, чем ему представляли это лакеи из Движения. После этого состоялись жесткие переговоры о повестке дня предстоящей встречи, на которых дона Хуана представлял граф де лос Андес[34].

Каудильо тайно отбыл из Мадрида в 8 часов утра 29 сентября 1954 года в сопровождении адмирала Педро Ньето Антунеса. Его

«кадиллак» и машины охраны взяли курс на населенный пункт Навальмораль-де-ла-Мата в провинции Касерес области Эстремадура. Встреча состоялась в поместье Лас-Кабесас, владении Хуана Клаудио Гуэлла (Guell), графа де Руисеньяда, представителя претендента в Испании, и длилась с 11.20 утра до 7.30 вечера с поздним перерывом на обед. Благодаря неизменной обходительности дона Хуана атмосфера встречи была сердечной. Претендент, чувствовавший себя уверенно, сообщил Франко, что получил тысячи писем и телеграмм поддержки из Испании, в частности, от четырех генерал-лейтенантов.

Намеки на то, что необходимо именно сейчас обсудить вопрос передачи власти монархии, Франко воспринимал так, словно они относились к отдаленному и неясному будущему. Он выразил это, заговорив о разделении функций главы государства и главы правительства. Франко сказал: я сделаю это лишь тогда, «когда сдаст мое здоровье, или я уйду из мира, или если этого потребует благо режима, который со временем, возможно, эволюционирует. Но, находясь в добром здравии, я не предвижу выгод от перемен». Беззастенчиво высказав подоплеку своих намерений, он заявил: «В доверительном порядке скажу вашему высочеству, что усматриваю в этом недостатки: если я останусь только главой государства, общество будет винить меня во всем плохом, что случится, тогда как все хорошее свяжет с главой правительства».

После этого Франко разошелся, говорил без умолку и, не сделав даже глотка воды, прочитал дону Хуану длинную лекцию по истории. Попытки претендента вставить слово и вернуть разговор к вопросу о переходе к монархии в условиях послефранкистского будущего были восприняты в штыки. Воспользовавшись случаем, каудильо подверг критике многих видных монархистов, а Педро Сайнса Родригеса обвинил во франкмасонстве. Когда дон Хуан похвалил Сайнса Родригеса, своего преданного советника, которому он полностью доверял, Франко бросил: «Полностью я никогда и никому не доверял». После чего позволил себе выразить восхищение Хосе Антонио Примо де Риверой и тепло отозвался о достижениях фалангисгских вертикальных синдикатов. В этом крылось предупреждение, что он призовет Фалангу, если дон Хуан попытается мобилизовать монархистов внутри Испании.

Услышав предложения дона Хуана о введении свободы печати, профсоюзных свобод, независимой судебной системы, установлении социальной справедливости и политического представительства, Франко решил, что претендент — марионетка опасных аристократических кругов — вероятно, франкмасонов. В

пустословии каудильо все же содержалась угроза: если дон Хуан не согласится, чтобы его сын Хуан Карлос получал образование под опекой Франко, он расценит это как отказ от трона. Поэтому претенденту пришлось согласиться, чтобы Хуан Карлос получил образование в военных академиях трех родов войск, в университете и рядом с Франко. Однако при этом он твердо заметил, что во всем этом нет и намека на отказ от его династических прав. Весьма неохотно Франко подписал совместное коммюнике, терминология которого если не прямо, то косвенно признавала наследные права династии Бурбонов на трон[35].

С высот своего опыта Франко предостерег дона Хуана, чтобы тот не прислушивался к подхалимам, а закончил скрытой угрозой: «У нас впереди еще много лет, чтобы обсудить эти вопросы». Расставаясь, дон Хуан предложил поддерживать контакт по различным спорным вопросам через двух предельно верных людей с каждой из сторон. Франко выразил удивление, что претендент имеет лишь двух человек, на которых можно положиться. Дон Хуан возразил, что готов назвать сотню таких. «А я не могу», — признался каудильо. Во время встречи дон Хуан держался бодро и доверчиво. Каудильо же, несмотря на подозрительность, которую внушало ему ближайшее окружение, все-таки заметил: «Я не нахожу управление страной обременительным делом». И «Испанией легко управлять». Но дон Хуан видел его разочарование, ибо Франко сетовал, что все сделанное им для Испании неадекватно оценено, хотя при этом утверждал, будто «любим своим народом»[36].

Кроме совместного коммюнике, Франко не сделал никаких реальных уступок в вопросе о будущей реставрации — или установлении, как он это называл, — монархии. Тем не менее в тот момент встреча с доном Хуаном представлялась определенным прогрессом, поэтому монархисты поутихли. Тридцатого декабря каудильо сказал Пакону, что не отойдет от активного управления страной и не оставит пост главы государства, пояснив это так: «Если моя роль станет просто декоративной, мне будет нелегко направлять политику и ориентировать разнообразные дела в соответствии с моими желаниями и с тем, что я считаю благоприятным для нации»[37]. В предновогоднем обращении к стране 31 декабря 1954 года Франко вполне ясно сказал, что не сделал никаких уступок дону Хуану. Используя королевское «мы», он заявил: «Если мы возьмем из собственных традиций форму королевства, которая обеспечила единство и власть во времена нашего золотого века, это ни при каких обстоятельствах не станет воскрешением прежних зол и

недостатков, в прошлом веке разрушивших его». На франкистском лексиконе это означало, что восстановления династии Бурбонов не произойдет. После встречи в Лас-Кабесас каудильо начал публично утверждать, что не отказывается от права выбора наследника, закрепленного Законом о наследовании, ибо это гарантирует преемственность авторитарного режима. Он отвергал всякие шаги в сторону политической либерализации, считая, что призывают к реформам лишь плохие испанцы, находящиеся на службе у злобных иностранных врагов[38].

Коммюнике, опубликованное после встречи в Лас-Кабесас, дало повод монархистам инспирировать слухи о том, что каудильо теперь активно готовит скорый переход к монархии. Эта перспектива возбудила скрытое недовольство твердокаменных фалангистов. Франко ответил интервью, получившим широкое распространение, и развеял надежды на свой скорый уход. «Хотя я имею пожизненный мандат, — помпезно заявил он, — надо надеяться, что впереди у меня еще много лет, а живой интерес к проблеме со временем угасает». Каудильо ясно дал понять, что монархия будет фалангисгской и ничуть не похожей на ту, которая пала в 1931 году[39]. Теперь ему следовало умерить пыл фалангистов, желавших воспрепятствовать тому, что им казалось быстрым переходом к монархии. Рассчитывая на то, что фалангисгская верхушка проглотит все предложенное им, Франко попросил на время отложить «нависшую революцию», пообещав франкистское будущее при франкистском короле[40].

Тем не менее в феврале 1955 года Раймундо Фернандес Куэста получил от каудильо указания составить проект законов, призванных закрыть лазейки в Законе о наследовании и бесповоротно привязать любого будущего монарха к Движению[41]. Чтобы сделать это более приемлемым для сторонников монархии, фалангисгские углы Движение закруглили. Девятнадцатого июня 1955 года Фернандес Куэста заявил в Бильбао, что для выживания режима после смерти Франко необходимы юридические, политические и институционные гарантии. Движению предназначалась определенная роль: поддерживать монархию, которая станет наследницей Франко, и не позволять ей сворачивать с прямой и узкой тропы франкизма. Это означало формальное признание Фалангой неизбежности прихода монархии и давало Движению более широкие полномочия по сравнению с ФЭТ и де лас ХОНС. Нет сомнений, что это было сделано по велению Франко. Согласившись на то, что после Франко придет монархия, а также дав слово присмиреть, Фаланга в обмен получала ряд гарантий: функционеры займут важные

места в новых институтах, хорошо оплачиваемые должности и синекуры. Фалангу заверили и в том, что сохранятся однопартийное государство, а также корпоративные синдикаты при настоящем и будущем режимах[42].

Монархистам, со своей стороны, пришлось смириться с тем, что монархия будет восстановлена только в рамках Движения. Хулио Данвила, общий друг дона Хуана и каудильо, горя желанием сблизить их и в дальнейшем содействовать учреждению франкистской монархии, состряпал текст «интервью» с претендентом, где содержалось монаршее одобрение выступления Фернандеса Ку-эсты. Франко принял текст, а затем Данвила отвез его в Эшторил. Говорили, что дон Хуан с большими оговорками отнесся к идее его публикации. Данвила сообщил каудильо, что претендент одобрил «интервью», после чего Франко внес в текст изменения, приведя его в большее соответствие со своим строем мыслей, а затем дал указание газетам «А-бэ-сэ» и «Йа» опубликовать его 24 июня 1955 года. Возмущенный дон Хуан, однако, не выразил открытого протеста, опасаясь, что его разрыв с Франко подтолкнет экстремистские элементы Фаланги к антимонархическим акциям[43].

Каудильо не лукавил, сказав дону Хуану, что Испанией легко управлять, и подтвердил этот тезис дешевым маневром с «интервью» претендента. Между тем политическая апатия, порожденная годами тщательно направляемого государственного террора, действительно сделала Испанию «легко управляемой». Каудильо все больше передавал свои обязанности другим и позволял себе тратить все больше времени на охоту и рыбалку. Ловля крупного тунца стала настоящей страстью. По мере увеличения семьи Ненуки он все больше радости получал от внуков. Постепенно близкие люди стали замечать, что ему тягостно изо дня в день уделять внимание политическим делам[44]. Каудильо по-прежнему придется преодолевать кризисы, но отчасти они будут возникать из-за того, что Франко уделял политике все меньше времени. По вторникам и средам он принимал во дворце Пардо различные делегации, и это проходило холодно и сухо. По четвергам послы вручали ему верительные грамоты. По пятницам бывали заседания кабинета. Франко мало занимался государственными проблемами, а самой острой из них оставалась экономика, парализованная продолжающейся инфляцией и стагнацией[45].

Каудильо пренебрегал политикой прежде всего потому, что редко отказывался от приглашения на охоту. К концу 1954 года, в сезон, он посвящал ей субботы, воскресенья и понедельники, а иногда и целую неделю. Стрелять Франко стал значительно

лучше. Его участие в охоте всегда учитывалось: здесь решались многие дела. Министры тоже заинтересовались охотой, поскольку желали находиться в ближайшем окружении каудильо. Франко, видимо, не беспокоило, что при этом манкируют правительственными делами. Во время охоты ему постоянно льстили, а об отсутствующих злобно сплетничали и нередко клеветали на них. Тут же Франко просили оказать протекцию того или иного рода. Бизнесмены финансировали охотничьи вылазки, чтобы подобраться поближе к министрам. Все знали, что эти увеселительные поездки пронизаны духом коррупции, но Франко не уклонялся от них. Показывая, как мастерски он стреляет, каудильо получал самозабвенное удовольствие. Ведь даже в самые напряженные моменты Второй мировой войны он часто забрасывал повседневные обязанности и отдавался королевскому спорту — охоте. Здесь его главной целью было убийство, и это позволяет предположить, что, как и прежде на военной службе, внешне робкий Франко, убивая, давал выход сублимированной агрессии. Очень часто охота бывала утомительной, и доктора выражали недовольство тем, что каудильо делает до шести тысяч выстрелов в день. Для Франко составляло особую гордость никогда не признаваться, что день, проведенный на охоте или на рыбалке, утомил его. Дабы потрафить ему как искусному охотнику, Франко облегчали задачу, ежедневно подкармливали оленей в тех местах, где он мог «случайно» оказаться[46].

Речь, произнесенная каудильо в Бургосе 24 июля 1955 года, ярко свидетельствует о его тогдашней самооценке. Присутствуя на открытии -статуи Сида, он высмеял знаменитую фразу Хоакина Косты «закрыть могилу Эль Сида на семь ключей», то есть отказаться от воинственных имперских традиций, признав тем самым, что Испания находится в плачевном экономическом положении и что в середине XX века ее горизонты сужаются. Франко уже давно представлял себя воином-героем, подобным Сиду, человеком, пробудившим Испанию — спящую красавицу — от многовекового сна, в который ее погрузили слабые властители. Будничная обстановка последних лет почти не предоставляла каудильо возможности выказать свое «я» с помощью таких метафор. Теперь же он использовал этот шанс, и в речи его не было и намека на иронию или смущение. Упомянув о том, как «сильно боятся [трусливые либералы], что Эль Сид встанет из могилы и воплотится в новых поколениях», Франко продолжал: «Великая заслуга нашего крестового похода и достоинство Движения в том, что они заставили нас осознать, чем мы были, кто мы сейчас и кем можем стать». Проведя почти открыто параллель между великим героем прошлого и неназванным

великим героем настоящего, Франко сказал, что Сид — символ новой Испании: «В нем воплощена вся тайна великой испанской эпики: служение благородным начинаниям, долг как норма, борьба в служении истинному Богу». Говорил он о себе[47]. Тому, что Франко когда-то начал смотреть на себя как на Сида современности, содействовали восхваления и лесть отъявленных подхалимов, но это хоть отчасти имело смысл — выдающийся герой войны в африканской пустыне, энергичный и решительный генералиссимус в борьбе националистов во время Гражданской войны. Но теперь каудильо, затворившийся во дворце Пардо, окруженный льстивыми приспособленцами, самодовольный и становящийся все более узколобым, мало напоминал героя.

Несмотря на физическую крепость, которой он то и дело хвастался, Франко, несомненно, все меньше хотелось заниматься политикой и все больше — семьей и своими увлечениями. Однако, хотя он и придерживался удобной философии, будто все беды исходят от сатанинских меньшинств, контролирующих радио из масонских лож, и левых интернационалистов за рубежом, муниципальные выборы в ноябре 1954 года и встреча в Лас-Кабесас неукоснительно поставили на повестку дня вопрос о постфранкистском наследовании. После соглашения с Соединенными Штатами и конкордата каудильо мог уйти, сохранив престиж, и передать власть дону Хуану, но он даже и думать не хотел об этом.

Пока юный Хуан Карлос учился в Испании, проблема монархической оппозиции, казалось, была под контролем. Хорошее здоровье позволяло Франко проводить целые дни на охоте или работать с 7 утра до полуночи, не испытывая потребности в отдыхе. Он по девять часов подряд председательствовал на заседаниях кабинета министров, не взяв в рот и маковой росинки, не делая перерывов для отдыха[48]. Каудильо не желал расставаться с властью. Он мог управлять рутинными делами, манипулировать, как прежде, своим окружением, сталкивать лбами подчиненных, однако не знал реалий социальных перемен и настроений значительной части испанского населения. Испанцев каудильо делил на хороших и плохих, победителей и побежденных, франкистов и антифранкистов. Этим методом он успешно пользовался с 1939 года, но теперь произошла смена поколений, и метод не работал. Франко видел мир таким, каким изображал его Карреро Бланко и другие. В этом мире он был любимым отцом своего народа и защищал его от франкмасонов и коммунистов. Лесть затмевала ему глаза, и Франко терял 'свойственную ему проницательность. Двадцать лет он находился в эпицентре событий, и теперь

потребность детально контролировать политические течения внутри режима притупилась.

Когда Франко выказал желание уйти от ежедневных занятий политикой, он и его жена почли за лучшее принять позу царственных особ и отстраниться от всех окружающих, кроме членов семьи и ближайших друзей. Ежегодный летний прием, проходивший в элегантном королевском дворце Ла-Гранха внешне ничем не отличался от королевского. Окруженные дипкорпусом, военным руководством, церковными иерархами, членами правительства и высшими функционерами Фаланги, Франко и донья Кармен принимали дань уважения. Ежегодный отъезд вместе в правительством в Паласио-де-Айете в Сан-Себастьяне проходил в традициях Альфонса XIII и его двора. Нередко замкнутый Франко оживлялся, рассказывая о морской рыбалке или о своих охотничьих успехах. Один эпизод в середине 50-х годов показал, насколько каудильо оторван от повседневной испанской реальности. Отдыхая на своем «Асоре» где-то под Сан-Себастьяном и тратя громадные государственные средства на долгие экспедиции за тунцом, он без тени иронии заметил, что «человек гораздо счастливее, когда живет скромно»[49]. Донья Кармен не разрешала тревожить мужа неприятными новостями, но в 1955 году начался кризис сразу на двух фронтах, и в 1956 году Франко, хотя и с явным неудовольствием, но все же пришлось разрешать его.

Первая проблема касалась марокканской колонии, за которую он воевал в юности. На тот момент Марокко все еще оставалось главным приоритетом для чести испанских военных в целом и для каудильо в частности. Франко доверил пост верховного комиссара в Марокко Рафаэлю Гарсйа Валиньо, одному из самых молодых и наиболее талантливых тактиков из националистских генералов во время Гражданской войны. В некоторых кругах режима Гарсиа Валиньо считали потенциальным противником каудильо. Однажды генерал заявил: в день, когда умрет Франко, он приедет в Пардо, чтобы взять власть в свои руки. Ближайший друг Франко генерал Камило Алонсо Вега отзывался о Гарсиа Валиньо как о человеке «амбициозном и опасном»[50].

Тогда как его французский коллега генерал Гийом усиливал репрессии против марокканских националистов, Гарсиа Валиньо, тайно поощряемый Франко, проводил активную антифранцузскую политику. Он легализовал политические партии, дал испанской зоне определенную степень автономии и скрыто поддерживал оружием и финансами повстанцев во французской зоне. Каудильо не препятствовал этим

безответственным действиям по ряду причин. Отчасти у него не оставалось иного выбора. Плачевное состояние испанской армии вряд ли позволяло ей с надеждой на успех вести большую колониальную войну. Французская империя рассыпалась — и в арабском мире, и на Дальнем Востоке, — так что обстановка складывалась для Испании как нельзя лучше. Более того, восстание Насера активизировало воинственный арабский национализм. Ситуация побуждала каудильо извлечь выгоды из затруднительного положения Франции и добиться максимума при испанской слабости. Желание расширить за счет Франции испанскую империю в Марокко было постоянной чертой африканской политики генералиссимуса с 1939 года. Теперь, позволив Гарсиа Валиньо укреплять надежды местных политических сил, каудильо намеревался войти в доверие к арабскому миру и, возможно, обеспечить арабскую поддержку при голосовании о приеме Испании в ООН[51].

Потом Франко представит дело так, будто Гарсиа Валиньо действовал бесконтрольно и исключительно по собственной инициативе. Это заведомая ложь.

Правда же в том, что каудильо написал в газете статью под псевдонимом Hispanicus в поддержку политики Гарсиа Валиньо. Франко раздражала лишь заносчивость, с которой тот вершил внутренние дела в испанской зоне. Против Гарсиа Валиньо Каудильо настроили также сплетни, переданные ему подругой доньи Кармен, маркизой де Уэтор де Сантильян. Речь шла о том, что Гарсиа Валиньо неприязненно относился к членам семьи Франко во время посещения ими Марокко[52]. Если не считать этого, то во всем остальном каудильо поддерживал позицию своего верховного комиссара.

В августе 1953 года Франция сместила султана Мохаммеда V. Двадцать первого января 1954 года Гарсиа Валиньо выступил перед народом и выразил солидарность жертвам французских репрессий. Через пять дней Франко амнистировал всех марокканских политических заключенных. В начале февраля каудильо принял делегацию марокканских националистов и в беседе с ними осудил действия Франции. На протяжении 1954 года французские репрессии все усиливались, и Гарсиа Валиньо, заявив об испанской поддержке «эволюции марокканского народа», продолжал поддерживать антифранцузское освободительное движение. Наконец в августе 1955 года, под воздействием ситуации во Вьетнаме и Алжире, французы решили положить конец своим потерям в Марокко и отменили там военное положение. В ноябре 1955 года султан был возвращен. Гарсиа Валиньо поздравил в Тетуане ликующую толпу. И он и

каудильо, видимо, полагали, что ухудшение французских позиций не имеет никакого отношения к испанской зоне Марокко. В своем слепом и высокомерном расизме они были уверены, как и большинство испанских «африканцев», что марокканцы любят своих испанских правителей[53].

Каудильо чисто символически упомянул о будущей независимости Марокко, но 30 ноября 1955 года он убежденно предсказал, что марокканцы созреют для этого лет через двадцать пять. Французы в начале 1956 года повели серьезные переговоры с марокканцами, и Гарсиа Валиньо прислал Франко паническую телеграмму. В ней говорилось: если Испания не сделает конкретных обещаний по поводу независимости и не начнет выполнять крупную социальную программу по борьбе с безработицей в своей зоне, то националистическое движение обратится против Испании. Девятого января 1956 года Франко позвонил Гарсиа Валиньо и сказал, что выступит с туманными заявлениями относительно будущей независимости. Марокканские националисты отреагировали на то, что Испания затягивает решение вопроса о независимости, применив такие же насильственные действия, как и против французов. Теперь уже Гарсиа Валиньо осудил своих прежних друзей-нацио-налистов за коммунистический саботаж, закрыл их газеты и арестовал известных своей воинственностью лидеров. Когда 2 марта 1956 года французы объявили о независимости Марокко, Франко остался один на один с марокканцами. Шестого марта в испанской зоне Марокко националисты устроили беспорядки.

Пятнадцатого марта Франко пришлось освободить ранее арестованных националистов и объявить, что Испания откажется от своих прав на протекторат над Марокко. Пятого апреля каудильо принял в Мадриде Мохаммеда V. Тот вел себя с ним с такой же холодной надменностью, которую Франко обычно проявлял к другим. Четвертого апреля во время неприятных переговоров каудильо все же проявил чувство реализма. Он много лет заверял Марокко в своей особой дружбе, а теперь оказалось, что его политика была весьма близорукой. Во время последнего кризиса в колонии каудильо, увлеченный охотой и рыбной ловлей, хотел было переложить все на Гарсиа Валиньо, но в последний момент понял, что воевать за удержание протектората бесполезно.

Декларация о независимости была подписана 7 апреля 1956 года[54]. Чтобы смягчить удар он усилил давление на Британию по вопросу о Гибралтаре.

Пока Франко занимался марокканским кризисом, возникли внутриполитические проблемы, убедившие его, что допустить

политическую активность, подобную деятельности партий, значило бы пойти на большой риск. Еще с момента встречи с доном Хуаном в Лас-Кабесас в конце 1954 года каудильо пытался не обращать внимания на спорадические проявления недовольства в рядах Фаланги. Но недовольство не утихало. Под коллаборационистским руководством Арресе и Фернандеса Куэсты Фаланга все соглашалась отложить «нависшую революцию». Однако новым поколениям, не воевавшим в Гражданской войне, надоели бесконечные компромиссы и статус Фаланги как клики каудильо. Их разочарование проявилось в резких формах, когда в январе 1954 года полиция разогнала демонстрацию Испанского университетского синдиката, проводившуюся в связи с вопросом о Гибралтаре. В феврале 1955 года экстремистская Гвардия Франко скандировала оскорбительные лозунги в адрес принца Хуана Карлоса и, как сообщалось, Франко называли предателем за его заигрывание с доном Хуаном[55]. Каудильо особенно тревожило то, что в этих инцидентах выявилось: когда-то безупречная лояльность Фаланги к его персоне — то есть главное достоинство Движения — дала сбой.

Различные инициативы, направленные на либерализацию положения в университетах, которые предпринял министр образования Хоакин Руис Хименес, еще более усилили трения в Движении. Один из ранних симптомов этого — общественное внимание к смерти и похоронам философа Хосе Ортеги-и-Гассета в октябре 1955 года. Многие приверженцы режима подвергали его гонениям, но были и такие, кто отдал последний долг этому свободомыслящему человеку, символу недовольства режимом, удушающим культурную жизнь страны. Крупное памятное собрание состоялось на факультете философии и литературы Мадридского университета, что весьма встревожило Руиса Хименеса[56]. Студенты мало знали об Ортеге, но он олицетворял критическую мысль и свободный обмен идей — именно то, что безжалостно подавлялось при Франко.

Брожение в университетах было не единственным признаком того, что за репрессивным фасадом единообразного режима происходят перемены. Оппозицию — рабочий класс и левых — каудильо воспринимал как естественную, хотя и раздражающую реальность, которую он приписывал происками злобных иностранных коммунистических и масонских элементов. При этом Франко считал, что с оппозицией следует разговаривать языком жестоких репрессий. Соперничество между военными-монархистами и руководством фалангистов также легко вписывалось в его картину мира. Исходя из убеждения, что

любого можно купить, он вовсю покупал тех и других, обхаживал их или обманывал. Раздоры середины 50-х представлялись Франко несколько иным и куда менее управляемым явлением. Испанские студенты этого времени, даже те, что придерживались левых и либеральных взглядов, были, как правило, из благополучных семей среднего класса. Как и молодые фалангисты, выражавшие разного рода недовольство режимом, они отличались от рабочих-стачечников, на которых режим периодически обрушивал жестокие репрессии. Более того, каудильо не располагал временем и не обладал гибкостью, достаточной для того, чтобы понять эти новые силы. Ему хотелось только вкусить плоды власти и вознаграждать себя за «спасение всего общества». Марокканский кризис отвлек его внимание, но Франко потратил на его разрешение не слишком много времени. Теперь, когда он добился жизнеспособности режима и чувствовал себя вполне уютно, во внутриполитическом плане его беспокоил лишь вопрос о том, как обеспечить гарантии существования франкизма в той или иной форме после окончания срока своего «пожизненного мандата».

Поэтому каудильо не принимал всерьез ни студенческих волнений, ни того, что фалангисты не желают сползать к консервативной монархии. В ноябре 1955 года на митинге в Эскориале, посвященном годовщине смерти основателя Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверы, Франко подтвердил опасения фалангистов, которые были вызваны его видимым сближением в Лас-Кабесас с доном Хуаном. Отказавшись от обычных для него в таких случаях черного мундира и голубой рубашки «национального главы», каудильо обозначил дистанцию между собой и фалангистами тем, что приехал на церемонию в форме главнокомандующего. Из рядов почетного караула раздался выкрик: «Не нужно нам никакого идиотского короля!» Кое-кто утверждал, что слышал возглас: «Франко — предатель». Имели место и другие мелкие инциденты, отразившие недовольство фалангистов благодушием верхушки, чему Франко не придал значения[57]. Это была реалистическая оценка происшедшего с точки зрения ее политической значимости, однако каудильо не разглядел в студенческом недовольстве симптом того, что испанское общество начало двигаться в ином направлении, чем режим. Удобный тезис о том, что всякая оппозиция — от коммунизма или от масонства, на сей раз выглядел еще более неадекватным, чем прежде.

Важное доказательство перемен в испанском среднем классе, о которых Франко не имел ни малейшего понятия, было представлено ректором Мадридского университета (Universidad

Complutense de Madrid) либералом Педро Лай-ном (Lain) Энтральго, раскаявшимся фалангистом и ставленником Руиса Хименеса. Сразу после студенческих беспорядков января 1954 года Лаин Энтральго начал изучать настроения испанской молодежи. В своем докладе он сказал, что ширится недовольство удушливой атмосферой франкистского университета. Из этого следовало, что студенты весьма невысокого мнения о нравственных качествах режима и его приспешников. Лаин утверждал: то, что студенты университета чувствуют сегодня, все общество почувствует завтра. Доклад призывал режим сделать послабления, пока в его затхлой атмосфере не начал развиваться марксизм. В конце декабря 1955 года Лаин попросил аудиенции у Франко, чтобы вручить ему первый переплетенный экземпляр доклада. Каудильо растерялся, получив материал из первых рук, и дал Лаину возможность высказаться. Беседа ни к чему не привела, но, по мнению Лаина Энтральго, Франко потом все же прочел текст. И Мартин Артахо, и Руис Хименес говорили Лаину, что генералиссимус начал на заседаниях кабинета использовать лексику, подозрительно напоминающую по стилю его доклад. Некоторое время спустя, изучив настроения студентов, социолог Хосе Луис Пинильос пришел к выводу, что подавляющее большинство считает политические и военные власти некомпетентными и глубоко аморальными[58].

Франко упомянул о напряженности в университетах в своем новогоднрм обращении по радио 31 декабря 1955 года. Речь стала ответом как на доклад Лаина Энтральго, так и на ту часть исследования Пинильоса, которая показала, что сыновья самых влиятельных приверженцев каудильо стоят в оппозиции к нему[59]. Франко, видимо, все-таки понял, что почти два десятилетия спустя после того, как он возглавил государство, политическая атмосфера в Испании начала меняться. В 1953 году он одержал дипломатический триумф, поэтому теперь не имел нужды искусственно поддерживать единство в ответ на международную изоляцию. Это выглядело бы нереалистичным. И Франко, отказавшись от перечисления своих великих внутриполитических и международных достижений, посвятил свою речь тем опасностям, которыми чревата подрывная деятельность. Он намекал на то, что вследствие его успешного правления испанцы стали слишком благодушны и потому превращаются в легкую добычу для иностранцев, желающих расколоть народ. При этом каудильо сослался на вседозволенность в эфире. Его презрение к Ортеге и либеральной интеллигенции выразилось сполна, когда он заговорил о «либеральной отрыжке, которая иногда чувствуется. Это вроде свежепобеленной могилы: она красива на

вид, а подойдешь поближе — отдает масонским зловонием, характерным для наших горьких лет». Франко призвал лояльную интеллигенцию бороться с подрывной деятельностью[60].

Выдержанное в оборонительном духе обращение каудильо разочаровало многих его приверженцев[61]. Оно нашло отклик лишь в самых реакционных кругах Фаланги. Сторонники жесткого курса в различных фалангистских организациях и группах давления начали собирать силы. Сюда входили Старая гвардия (Vieja Guardia), Ассоциация бывших пленных (Asociacičn de ex-cautivos), Гвардия Франко (Guardia de Franco), Молодежный фронт (Frente de Juventudes), ветераны Гражданской войны (ex-combatientes). Теперь, когда не существовало сфабрикованной «международной осады», сплотить фалангистов вокруг каудильо было непросто, и в этом проявилось все консервативное и вполне очевидное убожество режима. Великая фалангисгская революция так и не свершилась, а вид. каудильо, якшающегося с англофилом доном Хуаном, неприятно напоминал о том, что режим, несмотря на всю его символику и риторику, не был по-настоящему фалангисгским. В 1956 году появится все больше признаков падения дисциплины в рядах фалангистов, хотя все это произойдет под знаменами ультрафранкизма. Каудильо не препятствовал им, потому что искренне разделял негативные, антилиберальные, антимасонские, антикоммунистические элементы их риторики и хотел иметь под рукой пугало для предстоящего противоборства с монархистами. Попустительство Франко проделкам горячих голов из Фаланги свидетельствовало также и о том, что шестидесятичетырехлетнему старику хотелось предаться любимым занятиям — охоте и рыбной ловле, а не беспокоиться из-за свары внутри режима.

Трещины, появившиеся в 1956 году, не имели отношения к возмущению молодых фалангистов. Это многоликое недовольство было связано и с враждой внутри режима, и проникало в рабочий класс, недовольный ужасающими жилищными условиями и уровнем жизни. В начале 1956 года новый британский посол сэр Иво Мэллит (Ivd Mallet) высказался по поводу новогоднего радиовыступления каудильо. Он сказал, упрочилась точка зрения, что Франко — «законченный циник, интересующийся только тем, как удержать власть, пока он жив, и равнодушный к тому, что случится после его смерти. Про каудильо говорят, что у него на столе лежат две папки, на одной написано: «Проблемы, которые решит время», а на другой: «Проблемы, решенные временем», и будто его любимое занятие — перекладывать бумаги из одной папки в другую». Франко, вероятно, понял, что всякий сдвиг власти в сторону монархистов ослабит его позиции, поскольку у

этих людей другие приоритеты. И соответственно, едва монархисты начинали чувствовать себя увереннее, каудильо снова устремлялся к Фаланге, обязанной ему своим существованием[62].

Самоуспокоение привело Франко к тому, что он не подготовился к надвигающемуся кризису. В начале 1956 года беспокойство среди наиболее умеренных и пассивных сторонников Франко породило тревожные слухи, в частности, домыслы о физических расстройствах. Несколько месяцев говорили, будто Франко нуждается в операции по поводу опухоли предстательной железы. Наведя справки, Мэллит пришел к выводу: «Похоже на правду, что у него опухоль в пузыре, требующая сейчас лечения, а затем и операции. Внешне он все такой же полный и пышет здоровьем, постоянно принимает делегации, наносит визиты сам, ездит на охоту». Мэллит был убежден, что Франко отреагирует на этот кризис, как и на предыдущие: ничего не предпримет, а будет сидеть и ждать[63].

Франко повезло: вспышка недовольства одновременно на нескольких фронтах побудила, как это ни парадоксально, армейских офицеров, фалангистов и монархистов сплотиться вокруг него. В 1956 году брожение в университетах, возникшее в январе 1954 года и возобновившееся со смертью Ортеги-и-Гассета, вырвалось на поверхность. Левые и либералы требовали более открытой системы. На старейшем юридическом факультете университета Сан-Бернардо возникли стычки между прогрессивными студентами и воинствующими фалангистами. Последние взорвались из-за того, что осуществление их «нависшей революции» откладывалось, похоже, навсегда. Восьмого февраля организованные банды фалангистов учинили разбой в университете — они избивали студентов, громили кабинеты и аудитории. Конфликт обострился на другой день. Группа вооруженных хулиганов из экстремистской Гвардии Франко, возвращаясь с церемонии памяти Матиаса Монтеро, фалангиста, убитого во времена Второй республики, схватилась с прогрессивными студентами. Один из фалангистов, Мигель Альварес Перес, получил серьезное огнестрельное ранение — то ли от пули полицейского, то ли от случайного пистолетного выстрела своего же товарища. Символическая параллель между Альваресом и Монтеро позволила твердокаменным оживить дух Фаланги довоенных времен.

С вечера 9 февраля поползли зловещие слухи, будто фалангисты планируют кровавый реванш и хотят утвердить этим свои политические позиции. Поговаривали, будто Томас Ромохаро, заместитель Фернандеса Куэсты в Движении, велел

вооружить фалангистские бригады. Были составлены «черные списки» «предателей». Министр труда Хосе Антонио Хирон и министр внутренних дел Блас Перес предупредили Руиса Хименеса, что его жизнь в опасности[64]. Тем временем командующий Мадридским военным округом генерал Мигель Родриго Мартинес недвусмысленно разъяснил фалангистам, что не потерпит никакого насилия. Он, министр армии генерал Муньос Грандес и генерал Карлос Мартинес Кампос, наставник принца Хуана Карлоса, посетили утром 10 февраля каудильо и выразили неудовольствие действиями Гвардии Франко[65].

В течение ночи 9 февраля полиция держала Франко полностью в курсе событий. Сначала он отнесся ко всему этому не слишком серьезно — отчасти из-за внутренней симпатии к фалангистам, отчасти из-за привычки не драматизировать кризисы. Послушная пресса свалила вину на коммунистических агитаторов[66]. Когда Муньос Грандес, Родриго Мартинес и Мартинес Кампос до завтрака появились в Пардо и от имени армии спросили Франко, как он собирается осуществлять контроль над Фалангой, тот со своей обычной безмятежностью ответил, что, по его мнению, все эти угрозы ничем не закончатся. Однако когда Муньос Грандес сказал ему, что если хоть один из названных в «черных списках» пострадает, то армия установит контроль над Мадридом, каудильо якобы пообещал ему, что прикажет арестовать фалангисгских заговорщиков[67].

На заседании правительства, состоявшемся позже в тот же день, права, гарантированные псевдоконституцией «Фуэрос де лос эспаньолес», впервые были временно отменены. Однако Франко так мало взволновали инциденты, что он тут же отправился на большую охоту вместе с Муньосом Грандесом, Арбуруа и группой аристократов и бизнесменов. К следующему заседанию кабинета, 13 февраля, каудильо уже вернулся. Попытка Мартина Артахо объяснить, что ранить Мигеля Альвареса вполне мог фалангист или полицейский, натолкнулась на решительное противодействие Франко. Он прервал Артахо и обвинил его в том, что тот заглатывает информацию, поставляемую «врагом». Имелась в виду радиостанция Би-би-си, по твердому убеждению каудильо, являвшаяся рупором международного франкмасонства[68].

Франко полагал, что либеральничанье Руиса Хименеса спровоцировало волнение в университетах. Насчет Фернандеса Куэсты в Пардо придерживались мнения, что он не сумел разобраться в делах и предотвратить появление анти-франкистских тенденций в Движении[69]. Но студенты, считавшие Франко политическим динозавром, будут в течение всех 60-х

годов будоражить его режим с нарастающей частотой и силой. Несмотря на обыкновение не прибегать к поспешным действиям и нежелание менять министров, к которым привык, каудильо пришлось искать козлов отпущения, чтобы погасить вспышку враждебности между Фалангой и высшим военным командованием. Для этой цели бьши выбраны два министра. Руис Хименес, вызванный 14 февраля к Франко, вручил ему свое прошение об отставке. Каудильо ничего не сказал прямо, но в своей обычной манере заявил, что в результате кризиса министр просвещения и министр-секретарь Движения «собираются уходить». Он также добавил, что у него нет времени для полномасштабной перетряски кабинета[70].

Последнее замечание, скорее всего, означало желание Франко вернуться к своим охотничьим занятиям. Он явно недооценивал серьезности политических трудностей, стоящих перед ним. То, что жертвами кризиса оказались представители двух главных группировок, представленных в правительстве, вовсе не свидетельствует о том, что каудильо намеревался действовать сбалансированно. Увольнения были рефлекторным ответом на неожиданно возникшую проблему. Во время беспорядков Фернандес Куэста находился с официальными визитами в Бразилии, где представлял Франко на церемонии вступления в должность президента Жуселино Кубичека (Juscelino Kubitschek), и в Доминиканской Республике, которую посетил в ответ на визит Трухильо 1954 года в Испанию. Куэсту срочно вызвали из Вашингтона, где он остановился по пути из Южной Америки. Четырнадцатого февраля, едва он прибыл в Мадрид, Франко принял его в Пардо. Фернандес Куэста принес каудильо в подарок футляр для очков, который купил в Нью-Йорке. Франко не проявил интереса к подарку и невнимательно выслушал отчет Куэсты о визите. Когда тот, как министр-секретарь Движения, начал давать свои оценки последнему кризису, Франко спокойно сказал ему, что это уже не его дело, поскольку он больше не министр-секретарь, чем весьма поранил Куэсту[71].

В то же утро каудильо послал за Арресе, который пребывал в стороне от политики с 1945 года. Когда в половине седьмого вечера 14 февраля тот приехал в Пардо, Франко обрисовал ему драматическую картину — угрозы, исходящие от либералов, и неподчинение фалангистов. Каудильо сказал, что ему нужен человек, способный навести порядок в Фаланге, не создавая при этом впечатления, что он подавляет ее деятельность. Арресе занимался этой работой после кризиса 1942 года, поэтому почти не вызывало сомнений, что его услугами снова воспользуются.

Арресе видел причину нынешнего кризиса главным образом в том, что правительство не чисто фалангистское, а коалиционное, поэтому убежденно доказывал Франко, будто Фернандес Куэста — жертва собственного великодушия. Каудильо предложил Арресе взять на себя программу конституционных приготовлений к послефранкистскому периоду — год назад он поручил это Фернандесу Куэсте, — и, поломавшись для виду, Арресе согласился[72]. Фернандес Куэста и Руис Хименес были официально отставлены 16 февраля.

Каудильо вернул к себе Арресе, чтобы проявить солидарность с Фалангой и придать ей внешне убедительный вид. Однако амбициозные планы Арресе скоро спровоцируют тревожащую поляризацию во франкистской коалиции. Место Руиса Хименеса занял другой фалангист, Хесус Рубио Гарсиа-Мина, консервативный профессор, позиция которого по недавним беспорядкам определялась словами «учащиеся должны учиться» (estudiantes a estudiar)[73]. В отличие от перемен в кабинете 1945 и 1951 годов, сейчас не произошло запланированного и продуманного исправления курса, а скорее срочный ремонт на ходу. Арресе не подходил для такой ситуации, поскольку его амбиции настораживали. Рубио же не хватало воображения. Однако у Франко была лишь одна возможность — держаться за Фалангу. Такой выбор казался дерзким в 1945 и 1951 годах, когда уступки монархистам казались неизбежными. Частичная перетасовка 1956 года не отличалась ни дерзостью, ни смелостью. Каудильо не мог бросить Фалангу, не связав судьбу с теми высшими армейскими офицерами, которые желали восстановления монархии — притом не когда-то впоследствии, а очень скоро. Арресе был не из тех, с кем стоило связывать долгосрочные планы. Вспышка фалангисгского насилия в феврале 1956 года была симптомом смертельной агонии, а вовсе не молодости и жизнеспособности организации. Рефлекторная реакция Франко на кризис 1956 года впервые обнаружила, что он уже не доминирующая фигура. Занятый марокканской проблемой, он недооценивал серьезности кризиса, не контролировал события, а проявлял инертность[74].

То, что каудильо инстинктивно выступил в поддержку ведущей роли Фаланги, вполне понятно, поскольку между ним и ею существовала взаимозависимость. Франко ответил так не только из-за кризиса в феврале 1956 года, но также и потому, что появились доказательства недовольства твердых фалангистов, которое все усиливалось после его сближения с доном Хуаном, начавшегося год назад. В конце 1955 года лидеры Фаланги в Мадриде представили каудильо меморандум с требованием

скорейшего осуществления их «нависшей революции» под исключительным контролем Фаланги. По существу это был проект создания еще более тоталитарной однопартийной государственной структуры[75]. Назначение Арресе в значительной степени стало ответом на эти настроения. Как министр-секретарь, он постарается, используя пассивность Франко, воплотить в жизнь многие рекомендации меморандума. Однако в условиях 50-х годов, когда Испания медленно интегрировалась в западный капитализм, тоталитарный фалангизм не мог быть серьезным долгосрочным выбором.

Неадекватный ответ каудильо на кризис февраля 1956 года проистекал из того, что Франко, желающему почивать на лаврах и наслаждаться превосходством над всеми, пришлось столкнуться со слишком серьезными проблемами. Его двоюродный брат рассказал о том, как часто встречался в то время за обеденным столом в Пардо с молчаливым и мрачным каудильо, и тот не отвечал на сложные вопросы, а грыз зубочистки, которых к концу трапезы накапливалась целая груда[76]. Нет документальных свидетельств, подтверждающих, что «африканец» Франко испытывал ужас при мысли о деколонизации Марокко, но утрата им своего обычного благодушия в частном кругу была вполне объяснима, ибо этот человек однажды произнес: «Без Африки я вряд ли смогу объяснить себя самому себе»[77].

В марте 1956 года каудильо был слишком занят, чтобы раздумывать о полном воплощении плана Арресе по разработке проекта «основополагающих законов», составлявшего основу своего рода конституционной реформы Франко. Идеи о «рефалангизации» или «тоталитаризации» режима Арресе во многом заимствовал у Третьего рейха. Они предусматривали мощное усиление единственной партии. В апреле, после потери Марокко, Франко ухватился за планы Арресе, видя в них средство вдохнуть жизнь в свой режим. Но планы Арресе не успокоили страсти внутри режима, а вызвали острую поляризацию. Традиционалисты, монархисты-хуанисты и католики восприняли их как неонацистский всплеск, направленный на пресечение в будущем при восстановленной монархии какой бы то ни было либерализации и на увековечение доминирования фалангистов в режиме.

Франко подошел к делу поверхностно. Об этом свидетельствует то, что он не вполне оценил амбициозность Арресе, а затем соблазнился угодливо предложенной ему схемой. До этого Арресе обсудил е Хироном и прочими высшими фалангистами, как лучше убедить Франко оставить пост главы правительства. Но это было не самой срочной целью. Пока

главная задача Арресе состояла в том, чтобы создать жесткие законодательные рамки, в которых произойдет передача власти после Франко. В своем неподражаемо подобострастном стиле он сказал Пакону, видимо надеясь, что это передадут каудильо: никто не сможет заменить Франко или достойно наследовать ему[78]. Затем, 27 февраля 1956 года, Арресе сказал самому Франко, что все его полномочия не могут быть переданы королевскому наследнику, ибо каудильо «неповторим». Поскольку тема упадка либеральной монархии была коньком Франко, Арресе не составило труда убедить его в необходимости гарантий для предотвращения риска демократических реформ при слабом короле. И Арресе добился разрешения устранить такие пробелы в своде законов — основе франкистской «конституции», которые позволили бы будущему королю отделить себя и Испанию от Движения. План Арресе был обнародован 4 марта 1956 года в Вальядолиде на церемонии, посвященной 22-й годовщине объединения Испанской фаланги (Falange Espanoˆ la) и Хунт национально-синдикалистского наступления (Juntas de la Ofensiva Nacional Sindicalista). В своей воинственной речи Арресе говорил о необходимости разгрома коммунизма и либерализма «кулаками и оружием» и заявил, что главная цель — «завоевать улицу»[79].

Первоначальный план Арресе вырабатывался в то время, когда Франко был отвлечен не только предстоящей деколонизацией Испанского Марокко, но и вспышкой в стране недовольства по поводу тяжелых социально-экономических условий. За последние двенадцать месяцев стоимость жизни возросла на 50 процентов. При замороженной зарплате вся тяжесть экономического кризиса пала на рабочий класс. Опасаясь повторения стачки, подобной барселонской 1951 года, франкистский кабинет собрался 3 марта для обсуждения вопроса о росте боевых настроений среди рабочего класса. Хосе Антонио Хирон, фалангистский министр труда, предложил (и его поддержал Арресе), чтобы правительство срочно издало декрет о повышении заработной платы на 23 процента. Возник острый спор между Хироном и министром торговли Мануэлем Арбуруа, который указал на инфляционные последствия такой стратегии. Но Хирон быстро выиграл баталию. Было наивно объявлено, что повышение заработной платы не отразится на ценах[80]. Но повышение зарплаты, не подоспевшее вовремя, не предотвратило забастовок, которые начались в апреле на обувных предприятиях Памплоны и перекинулись на металлургическую промышленность в Стране Басков и угольные шахты Астурии[81]. Даже после того как забастовочная волна временно спала,

личный конфликт между Хироном и Арбуруа и их разногласия по вопросу о роли государства в экономике остались проблемой для Франко[226].

Каудильо всегда удавалось с величайшим искусством убедить любую часть франкистской коалиции в том, что проявленная лояльность будет вознаграждена. То, что на этот раз Франко позволил Арресе отбросить все варианты наследования, кроме фалангисгского, объясняется только одним: каудильо слишком сосредоточился на других проблемах. Франко не выказывал этого публично, но он чувствовал Себя опустошенным, утратив колонию, за которую воевал в молодости. После этого рухнула и мечта об империи в Африке, которая чуть не заставила его вступить в 1940 году в войну на стороне Гитлера. Впервые, находясь у власти, Франко испытал унижение, которое не мог обратить себе на пользу или представить в выгодном ему духе. Деколонизация Марокко означала и то, что каудильо должен распустить свою Марокканскую гвардию (Guardia Мога) — один из наиболее характерных символов его полукоролевского, имперского статуса. Она была также и орудием репрессий, неукоснительно поддерживающих правление Франко.

Марокканская гвардия напоминала о том страхе, который сеяла африканская армия во время Гражданской войны. Но с ее исчезновением раздел Испании на победителей и побежденных не прекратился. Это лишь упрочило серые будни франкистского правления. Вызывающая политика 1946 года была Сейчас так же далека каудильо, как имперские амбиции 1939 года. Франко желал лишь радоваться настоящему и обеспечить будущее. Дни славных битв и времена, когда он сравнивал себя с Сидом, безвозвратно ушли. Видя, как Франко засасывает комфортная для него рутина, силы режима начинают строить собственные планы на будущее. Парадоксально, но когда правление Франко лишилось динамизма и сбилось с курса, а главные силы режима затеяли перебранку, каудильо, арбитр, скрепляющий систему, стал нужен им еще больше. Франко, конечно, радовался, чувствуя свою незаменимость.

Глава 25 ПРИУЧАЯСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ПРАВА

1956—1960 годы

Речь Арресе 4 марта встревожила другие силы режима, ибо в ней отразились претензии фалангистов на железную монополию во франкистском обществе будущего. Новый министр-секретарь проявлял кипучую энергию, а это свидетельствовало о том, что его поддерживает каудильо. Ослепленный самоуверенностью, этот человек не разглядел сил, которые быстро ополчались против него. Первыми мобилизовались приверженцы дона Хуана. Традиционалисты и католики, входившие во франкистскую элиту, не сильно отставали от них. Весной 1956 года представитель дона Хуана граф Руисеньяда вручил генералу Хуану Баутисте Санчесу, командующему Барселонским военным округом, план, призванный нейтрализовать разработки Арресе посредством скорейшей реставрации монархии. План Руисеньяды предусматривал, что Франко согласится отойти от активной политики и занять положение регента. До установления монархии повседневное руководство правительством должен был взять на себя Баутиста Санчес. Привлечение Баутисты Санчеса, профессионала, пользующегося особым уважением в вооруженных силах, обеспечило бы поддержку других генералов-монархистов в борьбе с Арресе[1].

Франко отнюдь не был нейтральной стороной в борьбе фалангистов и монархистов за будущее, и это весьма отчетливо проявилось весной 1956 года. Он открыто изложил свою позицию во время пропагандистского турне по Андалусии, в котором его сопровождал Арресе. Мрачный в последние месяцы, каудильо на протяжении всего турне излучал энергию и оптимизм. Судя по его настроению, теперь, когда Марокко оказалось безвозвратно потерянным, он чувствовал себя так, словно груз свалился с его плеч. Как не раз случалось, в этом проявилась замечательная способность Франко оставлять беду позади и устремляться вперед. Выказывая воинственный фалангизм в Андалусии, он желал поиграть мускулами и компенсировать унижение, которому подверг его султан; своими ораторскими изысками он также хотел показать Фаланге, что, несмотря на провал имперских амбиций, запал у их «национального главы» ничуть не уменьшился. Двадцать четвертого апреля, открывая верфь в Севилье, Франко заявил, что его режим выдерживает сравнение с «лучшими из тех, какие когда-либо были известны и какие можно вообразить»[2]. На протяжении турне Арресе старался разжечь в

обществе боевой дух прежних времен. Неизменно излучающий улыбку Арресе явно нравился Франко, как и его манера льстить. Арресе похвалялся, что он «министр, имеющий самые близкие отношения с каудильо»[3]. Совершая турне вместе с Франко, как это было и в Каталонии в январе 1942 года, и в Галисии в августе того же года, Арресе, видимо, вселял в своего спутника энтузиазм, необходимый для роли «хефе насиональ».

Арресе не только мастерски готовил для Франко восторженный прием огромных толп ликующих фалангистов, но и обрабатывал его во время долгих автомобильных поездок. Он убеждал каудильо, что такой прием — свидетельство горячего стремления масс к ужесточению фалангистского курса. Арресе испытывал удовлетворение, когда Франко придавал своим речам тон «суперфа-лангизма и агрессивности». Двадцать пятого апреля в Уэльве каудильо порадовал аудиторию прямым оскорбительным выпадом против монархистов и Хуана Карлоса, заявив: «Мы не следим за грубой деятельностью заговорщиков — нескольких дюжин политических интриганов и их детей. Потому что если они воспрепятствуют осуществлению нашей исторической миссии, если вообще кто-то встанет на нашем пути — пути нашего крестового похода, мы откроем шлюзы, и тогда поток голубых рубашек и красных беретов вырвется на волю и сокрушит их»[4]. Выступая 1 мая 1956 года в Севилье перед двадцатью пятью тысячами фалангистов, Франко, заметно взволнованный, горячо заклеймил врагов фалангистской революции — либералов, политических дельцов, действующих в интересах масонских лож, и коммунистических интернационалов. Говоря о своем чуть ли не монархическом статусе, он заявил, что Испания — конституционная «монархия без короля», затем продолжил: «Фаланга может жить без монархии, но вот монархия без Фаланги не выживет»[5]. Воинственный тон заявлений каудильо свидетельствует о том, что он знал о плане, который обсуждали Руисеньяда и генерал Баутиста Санчес.

Поразительно, что Франко, чьим величайшим талантом была способность поддерживать политическое равновесие и тщательно скрывать свои намерения, зашел так далеко в своих откровениях. Желая исправить ситуацию после марокканского унижения, каудильо во время долгих поездок по провинциальным столицам Андалусии позволил Арресе увлечь себя разговорами о славном фалангисгском будущем и выступил с прямыми заявлениями, взбудоражившими многих монархистов. А ведь они были почти готовы идти вместе о режимом, пока он идеологически не определился[6]. Кроме беспокойства, вызванного речами Франко, тревогу вызывали своевольные предположения Арресе,

высказанные в разговорах с представителями фалангисгской элиты, когда он консультировался с ними о возможных изменениях в правительстве и конституционных поправках. Заходила речь и о реабилитации Эдильи. Полагая, что господство Фаланги обеспечено, многие видные фигуры начали выдавать Арресе за первое лицо франкистского режима[7]. Фернандес Куэста сказал сэру Иво

Мэллиту, что цель новой конституции — обеспечить фалангистам позицию, сравнимую с положением компартии в России[8].

Не менее двух членов комиссии, помогавшей Арресе подготавливать упомянутое законодательство, были обеспокоены тем, что в детально разрабатываемых проектах нет даже упоминания о монархии как наследнице Франко. Карреро Бланко составил наброски, в которых отмечал, что Испания «на сегодняшний день нуждается в традиционной монархии». Министр юстиции, традиционалист Антонио Итурменди также с неприязнью наблюдал за шагами Арресе.'Он привлек одного из своих самых способных сотрудников, попросив его критически оценить проект Арресе. За эту работу взялся каталонский монархист и профессор административного права Лауреано Лбпес Родо[9]. Глубоко религиозный и строгий во всем Лопес Родо вскоре достигнет головокружительных высот. Образцовый член «Опус Деи», он был спокойным и уверенным в себе, работал много и продуктивно.

Несмотря на недоверие Карреро Бланко и Итурменди, 20 июня, обсудив свои планы с каудильо, Арресе вышел от него совершенно убежденный, что может полагаться на его полную поддержку[10]. Однако на Франко усиливалось давление и с других сторон. Генерал Антонио Барросо, во времена Гражданской войны начальник оперативного отдела штаба Франко, а теперь начальник Высшей школы вооруженных сил, был глубоко встревожен речью каудильо 1 мая. Первого июля 1956 года, накануне вступления в должность администратора военной штаб-квартиры каудильо, он заявил Франко протест в связи с планом Арресе. Антонио Барросо и два других генерала-монархиста (одним из них, возможно, был Баутиста Санчес) начали обсуждать с каудильо план Руисеньяды. Все трое предложили создать военную директорию и поручить ей провести плебисцит по вопросу о монархии и республике, ибо не сомневались, что плебисцит будет в пользу монархии[11]. Познакомившись с планом, отстранявшим его от политики, Франко проявил внешнее спокойствие, хотя позаботился о лояльности к нему армии еще месяц назад, солидно увеличив жалованье офицерам[12]. Его

реакция на визит Барросо сказалась во внезапном и заметном изменении отношения к Арресе. Два дня спустя после упомянутого визита генералов Франко принял Арресе в Пардо и встревожил тем, что выразил значительно меньше энтузиазма к его схеме, не пояснив при этом почему[13].

До этого момента Арресе чувствовал себя «баловнем» (el nino mimado) Пардо и мечтал о чисто фалангистском правительстве. Поддерживая дружеские отношения с доньей Кармен, он без устали льстил ей и говорил о том, каким видит фалангисгское будущее[14]. О его успехе свидетельствовало уже то, что в течение июня 1956 года обычно скрытный Франко обсуждал с ним вопрос о возможной перетряске кабинета, что предполагалось объявить 18 июля, в пятую годовщину последней смены кабинета. Тогда министр-секретарь вызвал неприязнь элиты франкистского режима тем, что открыто начал распространять сведения о предстоящем смещении Мартина Артахо и создании чисто фалангисгского правительства, утверждая, что тон в нем будет задавать он, заняв пост'министра при главе правительства, удобный для оказания влияния на Франко. В Пардо заговорили о том, что Арресе слишком амбициозен, а политический ажиотаж, вызванный его конституционными планами, скоро заставил каудильо назвать его «дикой лошадью, которую надо держать в узде». И Франко отказался от перетасовки кабинета[15].

Одним из ближайших последствий включения Арресе в правительство стало сокращение вдвое количества заседаний правительства. Утверждая, что бесконечные заседания малоэффективны и часто затягиваются до утра без всякого проку для дела, Арресе убедил Франко сделать заседания не еженедельными, а назначать их раз в две недели. По его слрвам, он хотел тем самым сберечь энергию каудильо для Испании, но на самом деле это было и частью планов Арресе по усилению роли Фаланги. Он тщетно надеялся, что некоторые правительственные функции перейдут к исполкому Фаланги — Политической хунте[16].

Барросо, Итурменди и Карреро Бланко подвергли планы Арресе такой критике, что Франко охладел к ним. И все же 17 июля 1956 года, в 20-ю годовщину военного мятежа, выступая в Национальном совете ФЭТ и де лас ХОНС, каудильо не показал виду, что собирается расстаться с Арресе, по предложению которого было организовано мероприятие. То, что Франко действует в соответствии с инициативой Арресе, Фаланга сочла важным жестом поддержки. Национальный совет не собирался с момента ухода Арресе из правительства в 1945 году, хотя занимал весомую часть в его планах. Национальному совету

предназначалась функция блюстителя идеологической чистоты того, кто будет наследником Франко. Арресе помог каудильо набросать план речи и предоставил ему заметки по «основополагающим законам», дабы, как он выразился, «гарантировать, что не будет сказано ничего — ни под влиянием какой-либо другой части Движения, ни для успокоения либералов или монархистов, — что позже поставило бы нас в неприятное положение»[17].

В своей речи каудильо, опираясь на заметки Арресе, подтвердил центральную роль Движения в планах наследования власти[227]. Его выступление, длинная ода собственным свершениям, развеяло страхи фалангистов по поводу монархического наследника, который, пользуясь неограниченной властью, начнет переход к демократии. Все так же следуя заметкам Арресе, Франко заявил, что уникальное стечение «провиденциальных обстоятельств» во время действия его мандата больше не повторится, поэтому Движение должно четко определить полномочия будущего главы государства. При этом Движение будет иметь «перманентную миссию, постоянную задачу, чтобы гарантировать неизменность принципов, ради которых сражался и умирал народ»[18].

Надо полагать, Франко понимал значение того, что он читал, — стало быть, видимо, заявлял о своей поддержке проекта «конституционных» ограничений, составленных Арресе, которые гарантировали бы политическую монополию Движению. Глубоко благодарный Арресе счел слова каудильо за одобрение своей позиции. Но более воинственных фалангистов разочаровало ограничение их амбиций, а они восприняли это именно так. Дабы оправдаться перед теми, кто считал, что его режим становится слишком консервативным, Франко постарался показать, будто режим осуществил мечты Хосе Антонио Примо де Риверы. Его слова восприняли как знак того, что никакой «нависшей революции» нет, а режим взял из нее все, что мог и хотел. Хирон сказал Арресе, что разочарование членов совета (Consejeros) проявилось в той досаде, с какой они присоединились к Франко в пении фалангистского гимна «Сага ai sol» в конце заседания[19].

Речь «национального главы» весьма встревожила Мартина Артахо. Прославляя фалангистскую систему, Франко с похвалой отозвался о фашистской Италии и нацистской Германии и насмешливо — о послевоенных демократических системах, «навязанных» побежденным странам Оси напуганными и завистливыми западными союзниками. Слова каудильо отражали его глубочайшее убеждение в том, что процветание невозможно при демократии. Незадолго до этого он без тени сомнения

поведал своему кузену Пакону: Союзники обязали Германию, Италию и Японию принять демократию, чтобы увековечить их экономическую отсталость[20]. После просьбы Мартина Артахо антидемократические замечания были изъяты из речи до ее опубликования[21].

В августе, когда Франко отдыхал в Сан-Себастьяне, ему сообщили, что напряженность, вызванная планами на будущее, ничто по сравнению с конфликтом, который разгорелся между министрами, обсуждающими проблемы инфляции и нарастающие социальные проблемы. Перепалка шла между несколькими министрами, но инициаторами боев двух противоборствующих группировок были Хирон, настаивающий на увеличении расходов, и Арбуруа, советующий ограничить их, особенно там, где дело касалось государственной холдинговой компании ИНИ — Национального института промышленности[22]. Отложив крупную перетряску в правительстве, назначенную на 18 июля, каудильо тем более не хотел заниматься всем этим во время летнего отпуска. Конфликты с новой силой разгорелись в сентябре. К этому моменту Франко переехал со всем своим двором в Галисию. На заседании кабинета министров, состоявшемся 14 сентября в Пасо-де-Мейрас, страсти разыгрались вокруг вопроса о позиции Испании по Суэцкому кризису. Арресе горячо выступал за то, чтобы Испания поддержала национализм египетского президента Насера: это стало бы проявлением зрелости и солидарности и нанесло бы удар по «коварному Альбиону». Франко, разделяя позицию Арресе, распорядился продать оружие полковнику Насеру. Это решение впоследствии помешало его попыткам добиться членства в НАТО. Однако против выступил Мартин Артахо, отметивший, что Испании следует идти в ногу со своим американским союзником, и каудильо попридержал Арресе[23].

Среди отпуска Франко заменил Сальгадо-Араухо, администратора военной штаб-квартиры каудильо, генералом Барросо. Пакон служил рядом со своим кузеном в том или ином качестве уже более сорока лет и теперь остался его военным секретарем. И все же его глубоко уязвило, что в момент, когда ему пришла пора выйти по возрасту в отставку, холодный и безразличный Франко никак не отметил это событие, не поблагодарил его за годы службы и даже не упомянул об этом. Принимая новый пост, Барросо поделился с Паконом кое-какими сомнениями. Беспредельно преданный каудильо, несмотря на свои монархические симпатии, Барросо был озабочен тем, что тот начинает откладывать важнейшие дела. Особенно беспокоил Барросо вопрос о наследовании, ибо он считал, что если Франко

скоро умрет, проблема решится просто: наиболее дерзкие генералы, вероятнее всего Гарсиа Валиньо или Муньос Грандес, предпримут решительные действия.

Барросо считал, что Франко теряет связь с военной иерархией. Его, как Па-кона и министра армии Муньоса Грандеса, особенно беспокоило то, что растущее стремление к показному шику со стороны семейства каудильо внушает тревогу в общем сдержанному и спокойному верховному командованию. Выдав Ненуку в 1950 году замуж за повесу Кристобаля Мартинеса-Бордиу, жена диктатора с головой ушла в светскую жизнь и дала волю своей страсти к драгоценностям и антиквариату. Народ наградил ее прозвищем Донья Кольярес (Collares — ожерелья)[24]. Пакона возмущало, что летом 1956 года донья Кармен попыталась подправить прошлое своего мужа. В начале августа 1956 года алкальд Эль-Фер-роля обратился с просьбой о том, чтобы дом семьи Франко на улице Марии был превращен в музей. Каудильо согласился, но, не успели передать дом муниципальным властям, как донья Кармен изменила его планировку и обставила другой мебелью. В прежнем виде дом и мебель соответствовали жизни среднего морского офицера, имевшего четырех детей. Старинные вещи и дорогой фарфор, хотя и со вкусом подобранные доньей Кармен, превратили жилье состоятельного представителя среднего класса в хоромы полуаристократа[25].

Весенний порыв каудильо, стремившегося оживить Фалангу, погас к концу осени. Его энтузиазм заметно схлынул во время шторма, спровоцированного

Арресе, который представил свои планы широкой публике. Это пришлось на 20-ю годовщину пребывания Франко у власти, и Арресе организовал 29 сентября в Саламанке многолюдный фалангисгский митинг по случаю встречи генералов, избравших каудильо «главой правительства испанского государства». Деревянный домик (barracdn), где встретились генералы, к этому времени сгнил, но по распоряжению Арресе соорудили точно такой же. Мартин Артахо не смог приехать из-за неотложных! министерских дел, и Франко по этому поводу недовольно сказал Арресе: «Неужели у него такие важные дела, что он не может оставить их ради меня?» Обойдя двадцать тысяч фалангистов, выстроившихся на знаменитом аэродроме времен Гражданской войны, каудильо выступил затем с речью, в которой представил бессовестно эгоистическую панораму событий прошедших двадцати лет.

Франко утверждал, что 29 сентября его вынудили взять власть. Возложенная на него задача, которую генералы тогда

считали осуществлением руководства на время войны, по словам каудильо, заключалась в ведении «долгой и болезненной борьбы, а после нее — необходимого преобразования отечества, чтобы пролитая кровь дала плоды». Он упомянул о «бесконечных жертвах», приносимых ими «всю жизнь ради нации». И его «жертвы» не оказались тщетными: «Если политика — это искусство служения общему благу, едва ли когда-либо существовала политика, дучше служившая коллективным интересам испанского народа. Нечего и говорить — лучшей мы не отыщем за всю историю нашей нации». Фалангисгские министры, присутствовавшие на митинге, радовались событию, но Франко так ни словом и не обмолвился о готовящихся «основополагающих законах». Между строк угадывался намек, что Арресе предоставят самому выпутываться из передряг, в которые он скоро попадет[26].

Перед выступлением Франко Арресе, к неудовольствию Карреро Бланко и Итурменди, объявил, что проект его Основополагающих законов (Leyes Fundamentales) роздан членам Национального совета для выработки ими окончательной позиции. Хотя текст признавал за каудильо абсолютную пожизненную власть, его наследника отдавали на милость Национального совета и генерального секретаря Фаланги — на этот пост претендовал сам Арресе. Когда текст был роздан, во франкистском истеблишменте поднялся ропот. Монархисты, светские католики, архиепископы и генералы объединились в оппозиции документу, предлагающему отдать Движению тоталитарный контроль над всеми аспектами испанской жизни. Эстебан Бильбао, председатель кортесов, и граф де Вальельяно, министр общественных работ, сравнили проект с советским тоталитаризмом[27]. Армия возмутилась, увидев в нем попытку заблокировать возврат к монархии. Двенадцатого декабря 1956 года три из четырех испанских кардиналов — Энрике Пла-и-Дениэль, примас, архиепископ Толедо, Бенхамйн Арриба-и-Кастро, архиепископ Таррагоны, и Фернандо Кирога Паласиос (Quiroga Palacios), архиепископ города Сантьяго-де-Компостела, — направили Франко письмо, отвергающее документ Арресе как противоречащий папским энцикликам — таким, как выпущенные во время Гражданской войны «Non abbiamo bisogno» и «Mit brennender Sorge», — своим сходством с нацизмом, фашизмом и перонизмом[28].

Последствия протеста кардиналов определились 18 декабря, когда Франко встретился с Арресе. Держа послание кардиналов в руке, каудильо сказал визитеру: «У меня тут кое-что весьма спорное и столь же серьезное». При этом он ясно дал понять, что

не намерен вступать в конфронтацию с церковной иерархией. Арресе попросил об отставке. Франко сказал, что лучшее решение — внести поправки в текст[29]. Каудильо по-прежнему нравились Арресе и его планы, но тем не менее он дал указание Карреро Бланко убедить Арресе изменить свои схемы таким образом, чтобы они стали приемлемыми для оппонентов. Арресе счел это «кастрацией» планов. Однако после трех долгих бесед с Франко — 7-го, 8-го и 9 января 1957 года, — когда он услышал от него, что министры уходят в отставку, только когда этого хочет каудильо, Арресе уступил. Арресе показалось, будто Франко по-прежнему поддерживает его идеи, но военная и клерикальная оппозиция связали ему руки. В результате был выдан сильно разжиженный текст[30]. Всегда ловко защищавший свои интересы, Франко выпустил на волю силы, враждебные Арресе. Однако это было реакцией на события, а не контроль над ними.

Между двумя крайностями — планом Русеньяды по переходу власти к дону Хуану путем переговоров и отступлением в крепость Арресе под названием «фалангизм» — появился и средний выбор, одобренный Карреро Бланко, а в конце концов и самим Франко. Он представлял собой попытку создать законодательные рамки авторитарной монархии, чтобы гарантировать преемственность франкистского курса после смерти каудильо. Техническую работу по составлению первоначального наброска возложили на специалиста по административному праву Лауреано Лопеса Родо. Карреро Бланко восхитила его критическая оценка документа Арресе, которая была изложена для Итурменди. Признавая талант Лопеса Родо и его высокую работоспособность, Карреро Бланко в конце 1956 года попросил его оставить технический секретариат в составе министерства по делам правительства (Presidencia) и заняться подготовкой планов крупных административных реформ[31]. Секретарь министерства при премьер-министре, беспредельно преданный Карреро Бланко был у Франко начальником политического штаба. По мере того как хватка каудильо в вопросах повседневной политики начала ослабевать, Карреро Бланко, разделявший все политические пристрастия Франко и перенявший кое-какие его политические хитрости, постепенно стал брать на себя некоторые из функций премьер-министра. В свою очередь Лопес Родо, заняв место начальника аппарата при Карреро Бланко, укрепит эту тенденцию, ибо создаст административную машину, которой удастся совладать со сложными техническими проблемами современной экономики. Все это отдаляло Франко от управления.

У Лопеса Родо имелся долговременный план постепенного

эволюционного продвижения системы к монархии. По франкистским меркам это был «оздоровленный» и менее рискованный вариант «Третьей силы» Рафаэля Кальво Серера — середины между фалангисгскими левыми и христианско-демократическими правыми[32]. В отличие от хуаниста Кальво Серера, Лопес Родо будет действовать в интересах принца Хуана Карлоса. Приверженцы дона Хуана были менее терпеливыми. Баутиста Санчес пытался организовать поддержку плану Руисеньяды по отстранению Франко от власти и возведению дона Хуана на престол. Поскольку каудильо подозревал, что ревностный католик и монархист Баутиста Санчес франкмасон, тот находился под постоянным наблюдением спецслужб[33]. В декабре 1956 года должна была состояться встреча военных и гражданских монархистов, поддерживавших план Руисеньяды. Встречу собирались провести под видом охотничьей вылазки в одном из имений Руисеньяды — в Эль-Аламине под Толедо. Баутиста Санчес решил не участвовать в ней, поскольку Муньос Грандес напомнил ему, что, как депутат, он должен присутствовать на заседании кортесов. Одно дело не прийти на заседание из-за служебных обязанностей в Каталонии, и совсем другое, очень опасное — из-за встречи заговорщиков[34].

Обстановка накалилась в середине января 1957 года, когда в Барселоне начался новый бойкот общественного транспорта. На этот раз кампания протеста не носила столь драматичного характера и не сопровождалась насильственными акциями, как в 1951 году, однако оказалась связанной с демонстрациями против режима в университете, которые прошли под знаменем солидарности с восстанием в Венгрии[35]. Гражданский губернатор генерал Фелипе Аседо (Acedo) Колунга применил значительные силы порядка, чтобы очистить университет от демонстрантов и остановить выступления в поддержку бойкота. Баутиста Санчес критически отозвался о жестких методах Аседо Колунги и выступал за сдержанность, поэтому в некоторых кругах сочли, что он оказал моральную поддержку участникам бойкота[36]. Франко был недоволен тем, что командующий военным округом не помог Аседе. Его также весьма встревожили демонстрации фалангистов в поддержку Арресе. Он дал распоряжения Бласу Пересу, министру внутренних дел, взять дом Арресе под наблюдение, а телефон поставить на прослушивание[37].

Мадрид облетели слухи, что Баутиста Санчес готовит переворот. Видимо, и самого Франко посетила абсурдная мысль, будто командующий военным округом поддержал кампанию бойкота, чтобы воспользоваться предлогом и совершить переворот с целью установления монархии. План Русеньяды

давал достаточно оснований для гнева и подозрений каудильо. Однако слухи о военных акциях распространились, вероятно, из-за настроений высокопоставленных монархистов, выдававших желаемое за действительное. Разговоры роялистских заговорщиков со штабом претендента в Португалии прослушивались секретными службами. Каудильо, по-прежнему бдительный, отнесся к ним так, словно оптимистические спекуляции и в самом деле внушали тревогу[38].

На всякий случай Франко направил на маневры в Каталонию, которыми руководил Баутиста Санчес, два полка Легиона. Подполковник, командовавший полками, сообщил Баутисте Санчесу, что может получать приказы только от самого Франко[39]. Муньос Грандес также появился на маневрах, провел напряженную беседу с Баутистой Санчесом и, очевидно, сообщил ему о том, что тот освобождается от командования Барселонским военным округом. На другой день, 29 января 1957 года, Баутиста Санчес был найден мертвым в своем номере гостиницы «Пуигсерда». По Испании быстро разлетелись самые драматические и невероятные слухи об убийстве Баутисты Санчеса[40]. Скорее всего, Баутиста Санчес, давно хворавший, умер от сердечного приступа следствие тяжелой реакции на разговор с Муньосом Грандесом[41]. Большое число людей, пришедших на его похороны, свидетельствовало о том, что очень многие связывали с ним свои надежды. Франко так прокомментировал это событие в разговоре с Давилой: «Смерть — благо для него. Теперь ему не надо бороться с соблазнами, которым он сильно подвергался в последние дни. Мы были очень терпеливы к нему, помогая избежать скандала из-за предательства, которое он собирался совершить»[42]. Своему кузену Франко сказал, что теперь он избавлен от необходимости снимать Баутисту с поста командующего Барселонским военным округом[43].

Брожение во внутренней оппозиции режиму, вызванное планами Арресе, активизация монархической оппозиции, возглавлявшейся Баутистой Санчесом, кампания бойкота в Барселоне и вспышка экономических проблем заставили каудильо осознать, что крупная перетряска в кабинете неизбежна. С начала октября 1956 года, когда Арбуруа обрисовал кабинету четкую картину положения в стране, Франко знал о тяжелой экономической ситуации. Сильная инфляция дополнялась катастрофическим состоянием платежного баланса. Основная часть проблем возникла из-за некомпетентности его правительства, за что каудильо приходилось нести ответственность. Многие трудности были следствием приверженности Франко политике автаркии, а также и того, что

он отвел главную роль Национальному институту промышленности, которым заправлял его друг Суансес. «Выставочные» разработки ИНИ требовали для своего осуществления финансовых и материальных ресурсов, которых не было.

Поверхностный контроль Франко за работой министров, вернее, их полная бесконтрольность, способствовали излишним расходам. Дефицит, определявшийся отсутствием средств у правительства, ликвидировали при помощи печатного станка. Вместе с тем, был плохо отлажен механизм регулирования спроса с помощью монетарной и налоговой политики. Ко всем прочим явлениям инфляционного порядка, повышение зарплаты в предыдущем году подстегнуло рост цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию более чем на сорок процентов[44].

Нежелание Франко приступать к изменениям в правительстве было проявлением свойственной ему всю жизнь осторожности, превратившейся со временем в явное отвращение к новым проблемам. Каудильо любил все рутинное, хорошо знакомое и, как показал февраль 1956 года, у него пропала прежняя оперативность в разрешении кризисов. В частности, ему уже не хотелось приступать к реформированию кабинета, ибо он боялся, что не найдет подходящего человека на место министра торговли. Его озабоченность проистекала из убеждения в том, что слишком немногие знают тайны мировой торговли и финансов, осведомленность в которых Арбуруа поистине уникальна[45]. Поделившись своими опасениями с кузеном, Франко ненароком намекнул на то, что уже устарел. Он смутно осознавал вредоносную косность бюрократической автаркии и потребность Испании в передовой экономической политике[46]. Каудильо неохотно принимал советы по этим вопросам и так же неохотно согласился на вступление Испании в Организацию экономического сотрудничества в Европе (ОЭСЕ) и в Международный валютный фонд. Однако, решившись на это и объявив затем об изменениях в кабинете, он утратит строгий контроль за происходящим.

Реформирование кабинета в феврале 1957 года стало одним из самых значительных событий в политической карьере Франко. Оно положило начало превращению каудильо из активного политического деятеля в символическую фигуру. Детали формирования кабинета он разработал совместно с Карреро Бланко, влияние которого росло с каждым днем. Лекерика назвал Карреро Бланко «герцогом де Оливаресом», намекая на всесильного министра при дворе Филиппа IV. Карреро Бланко,

безгранично преданный каудильо, был на одиннадцать лет моложе его и не знал устали, однако экономические познания обоих оставляли желать лучшего. Франко полагался на Карреро Бланко, а тот, в свою очередь, — на высокоодаренного Лауреано Лопеса Родо, который в свои 37 лет стал генеральным секретарем в министерстве по делам правительства[47]. Его отношения с Карреро Бланко были зеркальным отражением отношений Карреро Бланко с каудильо. Долгосрочных стратегических замыслов реформирования кабинета, произведенного в соответствии с рекомендациями Карреро Бланко и Лопеса Родо, в то время Франко не разгадал.

Хотя ясно, что эту часть правительственной перетряски каудильо произвел для того, чтобы политически разоружить Фалангу, были у нее и другие последствия, которых он не предвидел. В следующие два года станет ясно, что новые назначения предопределили отход от всех экономических идей, когда-либо милых сердцу каудильо, и беспрепятственное вхождение в современный капитализм. Это впоследствии принесет огромные иностранные капиталовложения, вызовет широкую индустриализацию, миграцию населения, урбанизацию, приведет к большему охвату населения образованием. Социальным результатом таких преобразований станет превращение Франко и фалангизма в исторический анахронизм. В данном случае экономическое развитие припишут ему в заслугу, как и нейтралитет в годы войны, и выживание режима в годы «холодной войны». В ту пору, однако, его контроль над событиями распространялся только на действия, имевшие самое непосредственное отношение к политическому балансированию. Если кто и вынашивал великие замыслы в процессе правительственных перемен февраля 1957 года, то не Франко, а Лопес Родо.

Каудильо объявил об изменениях, словно внезапно вспомнив о них, примерно в полночь 22 февраля, когда закрывал заседание кабинета министров. Он объяснил необходимость изменений усталостью министров, просьбами некоторых из них об отставке, а также тем, что «людям надоело видеть одни и те же лица в газетах»[48]. На самом деле, решив уступить католическо-монархическому противостоянию планам Арресе, Франко использовал перемены в кабинете, чтобы начать длительный процесс; направленный на полное выхолащивание политической значимости Фаланги. Она останется полезной ему, но никогда уже не выйдет из повиновения, как сделала это в 1956 году. Арресе был смещен с поста министра-секретаря, и его заменил еще более покладистый фалангист, амбициозный и гибкий Хосе

Солис (Solis) Руис, глава фалангисгских синдикатов. Сначала каудильо прочил на это место твердого фалангиста Хосе Антонио Элолу, но Карреро Бланко убедил его отказаться от этого намерения, после того как Лопес Родо отметил, что Элола — неукротимый антимонархист. Лопес Родо порекомендовал Карреро Бланко кандидатуру Солиса. Не обладавший грандиозными замыслами Арресе, болтливый и дружелюбный Солис мечтал об одном — стать фаворитом Франко. Солису также очень хотелось помимо жалованья министра-секретаря сохранить и то, что причиталось ему как руководителю синдикатов (Delegado Nacional de Sindicados). Каудильо согласился на это, ибо считал, что этот человек, слишком занятый своими делами, не последует реформаторским путем Арресе. Кроме того, эта перестановка предполагала, что теперь Фаланга сосредоточит усилия на социальном обеспечении и трудовом законодательстве[49]. Хирона, когда-то влиятельную фигуру, окончательно дискредитировали экономические последствия предложенного им в 1956 году повышения заработной платы, и на посту министра труда его заменил более послушный фалангист, бесцветный Фермин Санс Оррио. Не менее серая личность Хесус Рубио остался министром образования.

Арресе еще какое-то время после того, как Франко решил сместить его, продолжал заблуждаться, считая, что остается неотъемлемой частью ближайшего окружения каудильо. Стремясь осуществить свои интересы, а потому угодничая и льстя, Арресе сказал Франко, что готов пойти на жертву и остаться в правительстве, лишь бы никто не думал, будто его уход означает начало отчуждения между Фалангой и ее каудильо. Он и остался в кабинете как подачка Фаланге, заняв незначительное место министра жилищного строительства, где мог дать социальный выход своему идеологическому пылу. В дни перед реформированием правительства, когда Франко утверждал его состав, Арресе тщетно пытался убедить хозяина, чтобы тот укрепил в нем влияние фалангистов. Каудильо играл с Арресе более недели. Когда Арресе представил ему список кандидатов в министры, Франко со смехом говорил «холодно» или «тепло», пока напрочь не отверг его советы, что и намеревался сделать с самого начала. Страстное желание Арресе остаться в кабинете устраивало каудильо, поскольку в связи с крахом конституционного проекта он стал бы козлом отпущения для возмущенных фалангистов. Франко сказал Карреро Бланко: «Я не хочу, чтобы он ушел, размахивая знаменем своих Основополагающих законов. Пусть он вначале поостынет в министерстве жилищного строительства»[50].

В целях обеспечения общественного порядка после предыдущего года, отмеченного студенческими волнениями, неповиновением фалангистов и недовольством рабочих, каудильо назначил на пост министра внутренних дел человека, которого когда-то считал жестковатым и негибким для этого поста[51].

Многолетний друг и близкий соратник Франко, шестидесятичетырехлетний генерал Камило Алонсо Вега сменил Бласа Переса, ставшего жертвой распространяемых слухов завистливым Карреро Бланко[52]. Железная рука Алонсо Веги хорошо послужит делу обеспечения закона и порядка в период экономического сдвига, начавшегося вслед за решением интегрировать испанскую экономику в международный рынок. Франко предложил Бласу Пересу новообразованное министерство здравоохранения, но тот отказался, удивив каудильо и внушив ему подозрения. Один из немногих членов кабинета, не набивавших карманы на министерском посту, Блас Перес решил вернуться к частной юридической практике. Не веря столь простому объяснению, Франко предположил, что тот замышляет дурное, и дал указание секретной полиции понаблюдать за человеком, который был его соратником в течение пятнадцати лет[53].

Муньос Грандес был снят с поста министра армии — отчасти из-за своих связей с Баутистой Санчесом, а отчасти из-за своей непопулярности в армии. В порядке компенсации каудильо повысил его в звании до испанского эквивалента британского фельдмаршала. Это необычно высокое звание, которым удостаивается лишь командующий военным регионом, до этого Имел только сам Франко и — посмертно — генерал Москардо. Каудильо видел в Муньосе Грандесе человека, способного в случае необходимости унаследовать его власть. Генерал Барросо, лояльный соратник Франко с 1936 года, несмотря на репутацию либерального монархиста был назначен министром армии. Это стало попыткой ублажить чувства монархистов в высшем командовании. Возложенная на Барросо трудная и непопулярная задача сократить численность вооруженных сил после подписания соглашений с Соединенными Штатами и потери Марокко не позволит ему превратить свой пост в опорный пункт монархического заговора[54].

Мартина Артахо, исполнявшего обязанности министра иностранных дел в течение двенадцати лет, заменил Фернандо Мариа де Кастиэлья. Мартин Артахо встречался с Франко вечером 21 февраля и был глубоко уязвлен тем, что тот не предупредил его заранее о своем решении. Об этом будет сухо объявлено на заседании кабинета на следующий день. Каудильо имел много

оснований испытывать благодарность к Мартину Артахо, успешно действовавшему на международной арене с 1945 года, однако он расстался с ним без колебаний. Когда-то фалангист, а теперь христианский демократ, Кастиэлья придерживался таких же идеологических взглядов, как и Мартин Артахо, но это был хитроумный выбор. Франко считал, что лидеру христианско-демократической фракции следует уйти, ибо тем самым смягчится удар, нанесенный Фаланге унижением Арресе. Прошлые заслуги Кастиэльи, написавшего библию фалангисгского империализма «Требования Испании» (Reivindicationes de Espana) И воевавшего в Голубой дивизии, были неоспоримы даже для самых воинственных фалангистов[55].

Включение в новое правительство «технократов», вскоре начавших модернизировать экономику, было еще важнее, чем политическая нейтрализация Фаланги. Приход людей, заинтересованных в интеграции испанской экономики в мировую, означал конец фалангисгской экономической системы. Новым министром финансов стал Мариано Наварро Рубио — католический адвокат и член «Опус Деи». Этот весьма видный франкистский функционер, офицер военно-юридического корпуса, занимал высшие посты в фалангисгских синдикатах и был замминистра общественных работ. Компетентный и работоспособный, он входил также в состав директората, контролируемого «Опус Деи» Народного банка (Banco Popular)[56]. Новый министр торговли Альберто Уль-ястрес Кальво, также член «Опус Деи», был университетским профессором экономической истории. Поскольку в эту организацию входил и Лопес Родо, возникли спекуляции о том, что все трое — злоумышленники, составившие блок по приказу тайного общества. В последующие несколько лет влияние этих трех людей, заложивших основы выживания режима путем его экономической и политической трансформации очень возрастет. Фаланга же, отстраненная с первых ролей, начнет утверждать, что они захватили каудильо и Движение. Возмущение фалангистов, убежденных в существовании тайных масонских заговоров, породило представление, что «Опус Деи» — католическое франкмасонство или мафия. Критика исходила и от Национальной католической ассоциации пропагандистов, католической группы давления, однако не лишенной сходства с «Опус Деи»[57].

Приход технократов интерпретировали по-разному. Одни считали, что это запланированный «Опус Деи» захват власти, другие называли это умным ходом Франко, направленным на то, чтобы «занять пустые места в последнем круге музыкальных стульев»[228][58]. На самом же деле приход технократов не бьш

обусловлен ни заговором, ни хитростью, скорее частичным и прагматическим ответом на особое стечение обстоятельств. К началу 1957 года режим политически и экономически обанкротился. Каудильо и Карреро Бланко хотели вдохнуть в него новые силы и найти свежие идеи. При этом общество могло принять лишь таких новых людей, которые вышли из Движения, исповедовали католицизм, желали перехода в будущем к монархии и были аполитичными, по франкистским меркам. Кандидатуры Лопеса Родо, Наварро Рубио и Ульястреса подходили для этого идеально. Лопес Родо был выдвиженцем Карреро Бланко[59]. Динамичный Наварро Рубио — избранником каудильо. Франко знал его с 1949 года. Он был депутатом кортесов от синдикатов, о нем в высшей степени метко отзывался Рафаэль Кавестани (Cavestany) министр сельского хозяйства, ушедший со своего поста[60]. Лопес Родо и Наварро Рубио предложили Ульястреса[61]. Не будучи монолитной группой, Лопес Родо, Наварро Рубио и Ульястрес работали единой командой и, несмотря на отдельные трения, активизировали административную и экономическую модернизацию режима[62].

Лопес Родо не имел правительственного поста, но его влияние стало огромным и в конечном счете оказало значительное воздействие на место Франко в политической жизни. И, хотя в то время это было далеко не очевидным, декрет, опубликованный в один день с объявлением о новом кабинете министров, ускорил процесс, вследствие которого каудильо, действующий председатель совета министров, превратился в нечто похожее на номинальную фигуру. Он будет по-прежнему значить больше, чем церемониальный глава государства, но дел, касающихся ежедневного функционирования правительственного механизма, станет у него куда меньше. Декрет-закон от 25 февраля 1957 года «О юридическом режиме государственного управления», разработанный Лопесом Родо, лег в .основу реорганизации правительства. Это был такой же большой скачок вперед в процессе «нормализации» процедур, каким в 1937 году шаг Серрано Суньера по преобразованию рожденной в ходе войны бургосской хунты в официальный кабинет.

Декрет, ратифицированный кортесами в середине июля 1957 года, учредил ведомство на уровне министерства, известное как министерство по делам правительства (Presidencia del Gobierno)[229]. Этому полномасштабному ведомству при премьер-министре предстоит выступать с законодательными инициативами, составлять проекты законов и программ, в чем обозначилась возрастающая сложность ежедневной работы по управлению страной. В 1956 году плохо организованные

заседания кабинета, отмеченные бесконечными конфликтами между «экономическими» и «социальными» (фалангисты) министрами привели к тому, что Арресе предложил Франко собирать правительство реже. Не препятствуя перепалкам между различными фракциями в кабинете, а лишь присутствуя при них, каудильо часто уже не мог направлять ход дискуссий[63]. Отныне такие конфликты будут решаться межминистерскими комитетами. Председательствовать на комитете будет либо каудильо, либо министр по делам правительства. Для оказания технических услуг комитетам было создано ведомство экономической координации и планирования. Лопес Родо получил не только ключевой пост технического секретаря в министерстве по делам правительства, но стал и директором этого ведомства. Весьма важно, что была урезана автономия Фаланги, ибо прежде независимый пост министра-секретаря теперь подпадал под контроль министерства по делам правительства. Дела правительства, носившие уже не «политический» характер, стали строго «административными». Практически это означало, что отныне стратегическая политика перешла от каудильо, предавшегося страсти к охоте и рыбной ловле, к Карреру Бланко и Лопесу Родо[64].

После прихода технократов в новый кабинет неизбежно возник период так называемой «дезориентации», когда сохранялись проблемы государственного долга, инфляции и платежного баланса[65]. Они достались в наследство от автаркии. Полагая, что стабильность цен обеспечивается декретами, Франко согласился в 1956 году с утверждением Хирона, будто забастовок можно избежать массовым повышением заработной платы, не повлияв при этом на цены. На деле же стратегия Хирона раскрутила спираль инфляции. К весне 1957 года снижение жизненного уровня вызвало новую волну стачек, причем их участники проявляли еще большую активность. Каудильо плохо разбирался в экономических делах, поэтому счел волнения в промышленности проявлением упрямства или делом рук зарубежных агитаторов, направляемых коммунистами и франкмасонами. Разговоры о недостаточной зарплате и голоде он тоже считал следствием иностранной пропаганды. «Они убеждают людей, что те должны работать меньше, а получать больше. Но они умалчивают, что от этого стоимость жизни повышается и разрушается национальная экономика»[66].

Подспудно деятельность технократов вытесняла Франко на периферию политической жизни. Об этом свидетельствуют откровенные признания Лопеса Родо графу де Руисеньяде, сделанные вскоре после реформирования кабинета. Лопес Родо

сказал, что планы таких членов «Опус Деи», как Рафаэль Кальво Серер и Флорентино Перес Эмбид, по поводу «Третьей силы» обречены на провал. «С Франко невозможно говорить о политике, поскольку он подозревает, что его стремятся сместить или делают шаги к его замене». Весьма показателен его комментарий к этим словам: «Только обманом можно заставить Франко принять административный план по децентрализации экономики. Он не думает, что это направлено против него лично. Каудильо развяжет нам руки, а там, находясь в администрации, мы посмотрим, как далеко нам удастся пойти с нашими политическими целями, которые следует маскировать как можно дольше»[67]. В мае 1957 года Лопес Родо изложил свои далеко идущие политические планы Дионисио Ридруэхо, фалангисту и поэту, порвавшему с режимом. Озабоченный уязвимостью системы, зависящей от морали каудильо, Лопес Родо хотел заменить ее более надежной структурой институтов и конституционных законов. Исходя из посылки, что «личная власть генерала Франко подошла к концу», Лопес Родо выразил надежду, что Хуана Карлоса официально провозгласят престолонаследником. В 1968 году принцу исполнится тридцать лет, и только тогда по Закону о наследовании, он сможет взойти на трон. До тех пор Франко оставался бы главой государства. Чтобы избавить каудильо от излишних перегрузок и сохранить его политический авторитет, будет введен пост премьер-министра[68].

Лопес Родо надеялся, что ему удастся добиться скорого перехода к монархии, и в этом отношении он оказался таким же оптимистом, каким был Мартин Артахо двенадцать лет назад. В ноябре 1957 года Лопесу Родо пришлось попридержать прыть, когда Франко проявил недовольство, поняв, что декреты, выходящие из «административно-технического генерального секретариата» министерства по делам правительства (Secretaria General Tėcnica de la Presidencia del Gabiemo), имеют тенденцию ограничить его полномочия[69]. Поскольку свой замаскированный план политических перемен Лопесу Родо приходилось с особой деликатностью представлять каудильо, ему пришлось затянуть реализацию своей программы еще на следующие двенадцать лет. Это объяснялось и антимонархическими настроениями Движения.

И действительно, многие внутри режима отнеслись с подозрением к планам политических преобразований, представленных в виде экономической либерализации. После того как курс песеты к доллару США изменился, и цена доллара возросла с пяти до сорока двух песет, а Ульястрес в августе 1957 года объявил о решимости отменить контроль за ценами,

общество охватила тревога[70]. Франко, однако, проявлял спокойствие, хотя и не считал необходимой девальвацию песеты. Наварро Рубио каудильо принял у себя весьма почтительно — как простой человек великого чародея[71]. Если Франко не трогали развернувшиеся полным ходом драматические перемены в экономике, то еще меньше волновала его проблема наследования.

Карреро Бланко поручил Лопесу Родо подготовить набор конституционных текстов, которые позволили бы в случае необходимости ввести монархию, но были бы приемлемы и для тех, кто желал выживания Движения после «биологического факта», как называли теперь смерть Франко. Этот вопрос вообще и проекты текстов Лопеса Родо в частности бесконечно обсуждались в правительстве, но каудильо, видимо, не торопился, и процесс, рассматриваемый им просто как корректировка Закона о наследовании, не привлекал его особого внимания.

Руисеньяда и Лопес Родо пытались в течение лета 1957 года подготовить встречу Франко и дона Хуана. Претендент отказывался, поскольку не замечал никаких признаков прогресса или реформирования режима. Семнадцатого сентября Лопес Родо сам объяснил дону Хуану схему постепенной эволюции системы. Находясь в Лиссабоне в составе экономической делегации, он воспользовался случаем и заверил претендента, что дело движется, хотя и медленно. Беседа продолжалась более трех часов, Лопес Родо утверждал: Франко хочет покончить с неопределенностью в вопросе о наследовании, но боится, что после его смерти наследник попросту погубит дело всей его жизни. Поэтому, кто бы ни был выбран в наследники, должен будет в соответствии с Законом о наследовании, принять основные принципы франкистского государства. Дон Хуан дал ясно понять, что для него сделать первый шаг — «все равно что насильно принять слабительное»[72].

В ноябре 1957 года Франко пришлось столкнуться с новым проявлением неугасшего процесса деколонизации, и его поведение показало, что он постепенно теряет способность гибко реагировать на проблемы. Одна из немногих оставшихся испанских колониальных территорий — Ифни, на атлантическом побережье Северной Африки, в августе 1957 года стала объектом притязаний Марокко, а затем подверглась вторжению нерегулярных марокканских сил.

Каудильо уже в течение нескольких месяцев получал сообщения об антииспан-ской деятельности в Марокко и проникновении враждебных сил в Ифни[73]. Генерал-губернатор Испанской Восточной Африки генерал Мариано Гомес Сама-льоа (Zamalloa) рекомендовал нанести упреждающий удар из Вилья-

Сиснерос, испанской военной базы на юге Сахары, чтобы разбить скопления марокканцев, намеревающихся осуществить вторжение. Для Франко промедление было скорее неисправимой привычкой, чем проявлением хитрости, поэтому он не отреагировал вовремя, хотя и считал, что за всей этой операцией стоит Советский Союз. Ему не хотелось подрывать основы своей проарабской политики, которая принесла ему дивиденды в виде голосов в ООН. Кроме того, он знал, что американцы поддерживают Мухаммеда V, короля Марокко. Пока каудильо колебался, проникновения партизан на территорию в течение лета и начале осени участились. Двадцать третьего ноября 1957 года марокканские партизаны атаковали главный город — Сиди-Ифни[74].

Франко находился в это время в Северной Испании, но сразу поспешил в Мадрид. Американское оружие, полученное в соответствии с договором о базах, нельзя было использовать против другого союзника Соединенных Штатов. По иронии судьбы, испанские подкрепления пришлось переправлять через Гибралтарский пролив на старых «юнкерсах» и «хейнкелях» времен Второй мировой войны, напоминающих те, на которых переправлялись в Испанию марокканские наемники в 1936 году. Барросо и другие генералы возмущались Франко, считая, что подобная ситуация возникла из-за его попустительства и самоуверенности. По их мнению, упреждающая атака охладила бы пыл марокканцев. Под огнем испанских «Мессершмиттов Bf-109» марокканское наступление захлебнулось. Не успели генералы в Мадриде перевести дух, как марокканцы атаковали испанцев под Эль-Аайуном, главным городом Испанской Сахары. Каудильо, в конце концов решив пренебречь своей проарабской политикой, согласился присоединиться к французам в борьбе с марокканскими освободительными силами. Однако американцы опасались толкнуть Марокко в советские объятия, что привело к давлению со стороны Вашингтона в пользу мирного урегулирования. Франко согласился, и в июне 1958 года было достигнуто нелегкое соглашение[75].

Марокканский кризис совпал с новой забастовочной волной на угольных шахтах Астурии и в Каталонии весной 1958 года. Все больше отходя от повседневной политики, Франко проявил интерес к ней лишь на словах, постоянно утверждая, что стачки — дело рук иностранных агитаторов, а рабочий класс обвинил в лени[76]. Без Арресе, вдохновлявшего его на контакты с рядовой фалангистской массой, турне и публичные появления Франко стали гораздо реже. Новый кабинет был куда меньше склонен к внутренним конфликтам, чем предшествующий. Предоставив

министрам заниматься своим делом, каудильо выиграл время для охоты и рыбной ловли. К тому же, после того как сформировался кабинет технократов, а затем образовалось министерство по делам правительства, политическая жизнь Франко состояла в основном из рутинных встреч. Он уже не исполнял функции арбитра в спорах фракций.

Первым плодом работы Лопеса Родо в должности начальника секретариата в министерстве по делам правительства стала «Декларация об основополагающих принципах Национального движения (Movimiento Nacional)». Первого мая 1958 года она бцла представлена кортесам самим Франко, не избежавшим сентенциозного упоминания о своей «ответственности перед Богом и историей». Постепенная реформа, на которую намекал Лопес Родо в беседах с Руисенья-дой и доном Хуаном, виделась в формальном отделении режима от фалангиз-ма. Двенадцать принципов были, по существу, ни к чему не обязывающими туманными и высокопарными заявлениями о католическом характере режима и его приверженности социальной справедливости. Седьмой принцип гласил, что «политической формой Испанского государства, в рамках неизменных принципов Национального движения, Закона о наследовании и других Основополагающих законов, является традиционная, католическая, социальная и представительная монархия»[77]. О Национальном движении, понимаемом как испанская традиционалистская Фаланга и Хунты национально-синдикалистского наступления (Falange Espanola Tradiçionalista y de las Juntas de la Ofensiva Nacional Sindicalista), он не сказал ничего.

Видимо, каудильо постепенно двигался к реставрации монархии, и многие монархисты так и интерпретировали его речь, которую он попросил подготовить Карреро Бланко, но тот перепоручил это Лопесу Родо. Франко не обсуждал текст предварительно на заседании кабинета, и некоторые министры демонстративно показали, что не одобряют отхода от фалангизма, отказавшись аплодировать[78]. Каудильо исполнилось уже шестьдесят пять, и он проявлял все большую озабоченность будущим и преемственностью режима после его смерти. Он часто спрашивал старших друзей, что значит быть семидесятилетним. Адмирал Сальвадор Морено ответил ему: «Нет никакой разницы, только ошибок делаешь больше». И эту фразу Франко стал часто повторять[79]. Через два дня после сессии кортесов он поднял вопрос о том, чтобы назначить Агустина Муньоса Грандеса начальником генерального штаба. Каудильо считал это гарантией выполнения своих желаний в Случае своей внезапной смерти до

завершения конституционного процесса. Шестого июня 1958 года Муньос Грандес получил назначение. Это, а также слова Франко о том, что он будет хорошим регентом, недвусмысленно показали: каудильо не намерен передавать власть наследнику до самой своей смерти[80].

Десятого июня 1958 года, когда валютные резервы Испании сократились до предела, Наварро Рубио представил кабинету документ, своего рода основу программы жесткой стабилизации денежной системы. Эта программа составит в будущем основу экономического развития Испании. Как Лопес Родо дал понять Руисеньяде год назад, эта программа пересмотрела все двадцать лет господства франкизма. Франко, видно, не понимал, какие далеко идущие последствия сулят эти перемены, а может быть, старался не думать об этом. Он выразил удивление тем, что дела оказались так плохи, как изобразил Наварро Рубио, «но не возражал, чтобы они были подправлены». И все же Франко, вероятно, предвидел политические последствия, если настоял на том, чтобы доклад остался секретным, хотя против реализации программы Наварро Рубио не возражал[81]. Через три недели каудильо сказал Пакону про Наварро Рубио, что он «слишком теоретик и крайне сухой человек»[82].

Летом 1958 года Франко при каждом удобном случае отправлялся на рыбалку. Сразу после речи в кортесах он исчез на две недели, уехав ловить рыбу в Астурию. Вернулся он довольный, поймав около шестидесяти штук семги, причем несколько из них весили за тридцать фунтов. В сентябре, находясь в Галисии, каудильо пришел в восторг, поймав кита весом в двадцать тонн, и позже рассказал Пакону: «Он отнял у меня двадцать часов, пока наконец не сдался. Я надеюсь поймать и покрупнее. Мне действительно нравится это занятие, это хороший отдых после моей работы и всяких забот». Поражала страсть Франко к рекордам, стремление убить побольше. В 1959 году каудильо похвалялся своему кузену, что как-то за одну поездку на охоту он в течение нескольких дней убил около пяти тысяч куропаток[83].

Девятого октября 1958 года умер Папа Пий XII, и его место через три недели занял кардинал Анджело Ронкалли, ставший Папой Иоанном XXIII. Он провел либерализацию Католической церкви, что создало для Франко серьезные проблемы. Эта перемена подчеркнет анахроническую природу его политической системы. Реформы на стратегическом направлении ватиканской политики совпали со все большим вовлечением испанских священнослужителей в рабочее движение. Вследствие успеха католической организации «Рабочее братство Католического

действия» и растущего участия отдельных служителей церкви в рабочем движении профранкистская ориентация Церкви стала отходить в прошлое.

Споры с Церковью не были первоочередной задачей каудильо. В конце

1958 года наиболее остро стояла проблема развала испанской экономики на фоне бурной инфляции и усиливающегося недовольства рабочего класса. Однако радужное предновогоднее выступление Франко не создавало такого впечатления о 1958 годе, поскольку состояло из определенных тезисов, подготовленных для него министрами. Статистический обзор побед режима намеренно замаскировал экономические трудности. Вместе с тем Франко хотел подчеркнуть, что любой наследник должен действовать в границах Движения. Осудив «фривольность, отсутствие прозорливости, беззаботность, неповоротливость и слепоту» Бурбонской монархии, он заявил, что всякий, кто не признает легитимность его режима, страдает «эгоизмом и умственной неполноценностью»[84].

Речь показывала, что Франко сомневается, мудро ли он поступил, разрешив встречу монархистов, назначенную через месяц. Двадцать девятого января

1959 года либеральные сторонники дона Хуана соберутся на обед в отеле «Мен-фис» в Мадриде, чтобы основать ассоциаций, получившую название «Испанский союз» (Unidn Espanola). Задумал это либеральный монархист, адвокат и промышленник Хоакин Сатрустеги. Хиль Роблес присутствовал там, однако не выступал. А те, кто выступил, дали ясно понять, что ради собственного блага монархия не должна быть учреждена диктатором, а восстановлена при поддержке большинства испанцев. Сатрустеги отверг прозвучавшие в предновогоднем выступлении претензии каудильо на то, что крестовый поход[230] (Cruzada) — источник легитимности режима. При этом он подчеркнул, что монархия не может опираться на победу одной стороны в Гражданской войне. Франко вышел из себя, подробно узнав о речах, прозвучавших после обеда в отеле «Менфис», и оштрафовал Сатрустеги на немалую сумму в 50 тысяч песет. Он не подверг ораторов столь же суровым наказаниям, как левую оппозицию, лишь потому, что не желал выглядеть преследователем сторонников дона Хуана[85]. Вскоре после этого каудильо сказал о доне Хуане своему кузену Пакону: «Он полностью в руках врагов, которые хотят уничтожить режим и одержанную нами победу»[86].

Появление «Испанского союза» было одним из симптомов беспокойства внутри франкистской коалиции. Следовало ожидать

появления левой и региональной оппозиции в университетах и рабочем движении. Пока же существовало несколько центров правой оппозиции. Хиль Роблес сколачивал группировку под названием «Социально-христианская демократия» (Democracia Social Cristiana). Его бывший коллега по министерству во времена Второй республики Мануэль Хименес Фернандес пытался организовать более либеральную группировку христианско-демократической оппозиции — «Христианско-демократические левые» (Izquierda Democratica Cristiana). Монархисты-карлисты и монархисты-хуанисты вели открытую организационную работу. Фалангисты, которым не нравились существующие тенденции в режиме, сплотились для защиты своей «нависшей революции» в группировки Старая гвардия (Vieja Guardia) и Ассоциации имени Хосе Антонио (Circulos Josd Antonio)[87]. Их появление отчасти объясняет, почему Франко решил связать судьбу с Лопесом Родо, Наварро Рубио и Ульястресом. Он видел в них новые силы и свежие идеи, способные вдохнуть жизнь в изжившую себя систему, не изменяя ее. В долгосрочной перспективе эта мысль не выдерживала критики, но в более близкой могла помочь режиму просуществовать еще полтора десятка лет.

Уклонявшийся от контактов Франко обрадовался возможности взвалить дела на технократов, и это проявилось в начале 1959 года, когда миссия Международного валютного фонда начала изучать проблемы испанской экономики. Наварро Рубио предложил сделать песету свободно конвертируемой — таков был следующий шаг на пути интеграции испанской экономики в международную экономическую систему. Понимая, что некоторые министры могут воспротивиться этому шагу, каудильо попросту не вынес вопрос на широкое обсуждение в правительстве[88]. Однако в феврале он выступил против новой девальвации песеты, предложенной МВФ. Замешательство, испытанное Франко, обнаружилось, когда он спросил Наварро Рубио, почему курс решили изменить так, что американцы смогут купить на доллар в Испании больше, чем испанцы в Соединенных Штатах. Восемнадцатого февраля он не позволил Ульястресу принять помощь Международного валютного фонда, предложившего выработать план стабилизации испанской экономики. Наварро Рубио, ошарашенный этим, попросил немедленной аудиенции у Франко. Несмотря на приближающееся банкротство испанской экономики, каудильо велел Наварро Рубио отвергнуть предложение МВФ, заявив, что не верит в добрые намерения иностранцев и считает Испанию способной самостоятельно решить свои проблемы. Наварро Рубио привел Франко множество доказательств плачевного финансового

положения Испании, но почти ничего не достиг. В конце концов он в отчаянии спросил: «Предположим, мы вернемся к карточкам, но что с нами будет, если от мороза погибнет урожай апельсинов?» Встревоженный Франко непонимающе посмотрел на Наварро Рубио, и тот повторил вопрос. Наконец, напуганный призраком возврата, к газогенераторным автомобилям, каудильо встал, пожал плечами и разрешил начать официальные переговоры с МВФ[89].

Франко отнюдь не считал, что поступил правильно. Несколько дней спустя Карреро Бланко сказал Лопесу Родо: «Он не рад, у него сильные подозрения»[90]. На этот раз каудильо словно опять вернулся к своей идее о «международной осаде» времен 1945 — 1950 годов. Он опасался, что, попав в экономическую зависимость от иностранной доброй воли, придется согласиться и на политические реформы или вообще уйти в отставку[91]. Франко не считал, что план стабилизации позволит быстро обзавестись долларами, необходимыми для выживания режима[92]. Однако, едва установились отношения с МВФ, поступило требование, чтобы Испания еще больше девальвировала песету — с 42 за доллар США до 60, и воспрепятствовать этому было невозможно. В кабинете образовалась внушительная оппозиция, и все ждали решения Франко.

Наварро Рубио считал, что, согласившись на программу стабилизации в сотрудничестве с МВФ, каудильо вынужден будет примириться и с финансовыми последствиями этого. Когда вопрос был поставлен в правительстве, Франко инстинктивно насторожился, однако Ульястрес объяснил, насколько близка Испания к банкротству[93]. План стабилизации, принятый кабинетом 6 марта 1959 года, очередная девальвация песеты и уменьшение правительственных расходов — все это привело к определенным социальным последствиям. Многим предприятиям пришлось закрыться. Увеличилась безработица, что вызвало недовольство в кабинете. Нарастающее брожение в рабочем классе заставило Алонсо Вегу гневно выступить на заседании правительства. Сокращение государственных расходов вызвало в 1960 году отставку Арресе с поста министра жилищного строительства. Заседания кабинета превратились для Наварро в «пятницы скорби», ибо ему при-холилось постоянно воевать с коллегами, ведомственные бюджеты которых сокращались. Франко не препятствовал спорам, но, если вмешивался, принимал сторону новой политики[94].

Надо отметить, что, приняв решение возложить ведение экономических дел на Наварро Рубио и Ульястреса, Франко стоял

на их стороне. За пределами зала заседаний правительства он порой позволял себе робкие возражения, но, когда видел их твердость, отступал[95]. Не составляло труда убедить его техническими доводами, поскольку в основном дела пошли сложные, на порядок выше доморощенных познаний каудильо в экономике. Однажды, когда Арресе объяснял Франко хитросплетения субсидируемой ренты, тот ответил: «Ни слова не понимаю, но верю вам»[96]. Он защищал Наварро Рубио после того, как тот сказал в кортесах в июле 1958 года, что военный бюджет — это непродуктивная утечка денег из экономики, и министр армии Барросо хотел собрать «суд чести» и устроить разбирательство. Генералиссимус поддержал Наварро Рубио и его планы крупного сокращения военного бюджета посредством перехода к небольшой профессиональной армии[97]. Франко надеялся, что, после того как план стабилизации выполнит свое предназначение, можно будет вернуться к подобию автаркии, за которую выступали Арресе и Суансес, и тем не менее он принял отставку и того и другого[98].

Чтобы прекратить разговоры о своем будущем, способствовавшие появлению консервативной оппозиции, каудильо разрешил монархистам, входящим в кабинет, разработать собственную конституционную схему наследования власти после него. Седьмого марта 1959 года Карреро Бланко представил первый проект с приложенной к нему льстивой запиской, в которой предлагал ускорить завершение «конституционного процесса»: «Если королю будет позволено унаследовать права, какими располагает Ваше Превосходительство, мы сочтем это тревожным фактором, поскольку он все изменит. Нам следует закрепить пожизненный характер мандата Вашего Превосходительства, согласно которому вы — каудильо, что больше чем король, поскольку основываете монархию»[99]. Франко заколебался. Неделю спустя он доверительно сказал Пакону: дону Хуану и принцу Хуану Карлосу следует согласиться с тем, что монархия может быть снова учреждена только в рамках Движения, ибо либеральная конституционная монархия «не продержится и года и повергнет Испанию в хаос, обесценив крестовый поход»[100]. Никоим образом не желая ускорять свой уход, он восемь лет не прикасался к конституционному проекту. Чтобы обрести свободу маневра и усилить давление на дона Хуана, Франко начал проявлять интерес к сыну дона Хаиме, брата дона Хуана, Альфонсо де Бурбону-Дампьерру (Dampierre). Солис и другие фалангисты сразу обрадовались возможности продвинуть наверх «голубого принца» (principe azul), то есть фалангисгского[101].

Вопрос о том, смертен ли каудильо, прямо поставило событие, доставившее Франко неизмеримое удовлетворение. Официальное открытие Валье-де-лос-Каидос происходило 1 апреля 1959 года, в 20-ю годовщину окончания Гражданской войны, и по своему размаху могло соперничать с праздником победителей в 1939 году. Огромную базилику заполнил весь кабинет министров, депутаты кортесов, Национальный совет в полном составе, представители всех институтов режима, военные и гражданские власти всех провинций, два кардинала, множество архиепископов и епископов, дипломатический корпус. Генералисимус в форме главнокомандующего и донья Кармен, вся в черном, с мантильей и высоким гребнем, прошли под балдахином по центральному проходу к предназначенному для них трону рядом с высоким алтарем. Тысячам рабочих дали выходной день, оплатили его, выдали сухой паек и бесплатно доставили в Куэльгамурос[102].

Сооружение стоило 200 миллионов тогдашних фунтов стерлингов. Франко приравнивал Валье-де-лос-Каидос к Эскориалу, символу величия эпохи Филиппа II. Сейчас был сооружен символ величия эпохи Франко[103]. Его речь, посвященная героизму «наших павших», которые защищали «наши жизни», была пронизана духом торжества и мести. Он со злорадством говорил о противнике, «разбитом наголову», и не выказал ни малейшего стремления к тому, чтобы испанцы примирились. Послушная пресса представила церемонию открытия как апофеоз его победы 1939 года[104]. Возможно, уже давно, но во всяком случае до этой церемонии, Франко распорядился, чтобы его похоронили в базилике. Диего Мендес, архитектор, заменивший умершего Мугурусу, полагая, что угадывает желание каудильо, запланировал место для его погребения по другую от Хосе Антонио сторону огромного алтаря. Расположение этого места предполагало, что покойный каудильо «будет хозяином дома, который принимает к себе других». Мендес рассчитал правильно. В день открытия Франко обошел с архитектором базилику и, указав точно на выбранное им место, сказал: «Хорошо, Мендес, значит, в свое время меня здесь, да?» (Bueno, Mčndez, y en su dia yo aquf, eh?)[105].

Такие церемонии стали ностальгическим отсветом той Испании, которая готовилась исчезнуть. План стабилизации, разработанный под наблюдением МВФ и ОЭСЕ, был нацелен на сокращение внутреннего потребления путем девальвации песеты, строжайшего ограничения кредитования и уменьшения государственных расходов. Это делалось для того, чтобы избыток продукции шел на экспорт и приносил твердук? валюту, которая

затем могла бы использоваться для капитального строительства и приобретения средств производства. Предполагалось, что это станет главным шагом на пути экономической модернизации Испании. Высокая социальная цена этих мер для рабочего класса проявилась со всей неизбежностью — замораживание заработной платы, рост безработицы и дефицит товаров народного потребления. Это было частью постепенного процесса перехода от патерналистской централизованной экономики к свободному рынку, процесса, не законченного при Франко. Безработица привела к уменьшению числа стачек, но все же в конце 60-х годов произошло значительное оживление активности подпольных профсоюзов, организованных как католическими группировками, так и коммунистической партией и другими левыми организациями[106]. Как часто бывало и раньше, каудильо предпочел увидеть прйчины социальных проблем в том, что Испания опять оказалась в кольце международного заговора коммунистов и франкмасонов[107].

Если открытие Валье-де-лос-Каидос было апофеозом внутриполитической деятельности Франко, то через полгода он достиг того же в своей международной карьере. Когда президент Эйзенхауэр находился в Лондоне, Кастиэлья передал ему приглашение Франко посетить Мадрид[108]. После создания в Испании американских баз Эйзенхауэр был заинтересован в такой встрече. В бытность верховным главнокомандующим войсками НАТО он не мог этого сделать, поскольку другие члены НАТО относились к Франко враждебно. Теперь же он счел приемлемым сделать небольшую остановку в Мадриде и обсудить практически вопросы сотрудничества в использовании баз, поскольку в конце ноября 1959 года ему предстояло отправиться в турне по всему миру. Двадцать первого декабря Эйзенхауэр приземлился на американской авиабазе Торрехон-де-Ардос под Мадридом. Спустившись с трапа самолета, он крепко пожал Франко руку и сделал краткое заявление. Каудильо же выступил с подобострастной приветственной речью. «Позвольте мне выразить от имени испанского народа и от своего лично наше смиренное восхищение, — разливался Франко, — той задачей, которой вы посвятили себя с такой смелостью, нашу благодарность за то, что посетили нас и сообщили о вашем важном путешествии, и, наконец, нашу твердую надежду, что ваши огромные усилия и историческая миссия вашей великой страны увенчаются установлением справедливого и прочного международного порядка». Настроение Эйзенхауэра изменилось, когда он и Франко въехали в город. Вереницу машин встретили толпы людей. Некоторые пришли сами, но в основном людей собрала

Фаланга, привезя на грузовиках тысячи своих сторонников,

Каудильо переполняли эмоции, вызванные визитом Эйзенхауэра. Прежде его глаза блестели от волнения, когда он ощущал себя ровней фюреру. Теперь Франко пустил слезу на государственном банкете, устроенном в Паласио-де-Ориенте. Там он произнес еще одну подобострастую речь, явно польщенный вниманием президента Соединенных Штатов. На следующее утро состоялась встреча за завтраком, но атмосфера была натянутой, пока каудильо не завел речь об охоте на куропаток. Эйзенхауэр обрадовался, что Франко разделяет его страсть к охоте на дичь. В ходе беседы генералиссимус попытался добиться от Эйзенхауэра поддержки своей позиции по Марокко, приписывая антииспанское движение советским агитаторам[109]. Забавно, однако беспокойство Франко произвело впечатление на Эйзенхауэра. Как и многим другим американским визитерам, ему понравилось, что каудильо держится спокойно, скромно и без особой напыщенности. Президент позже писал: «На меня произвело впечатление, что в его внешнем поведении не было ничего такого, из чего несведущий гость сделал бы вывод, что находится в обществе диктатора». Позднее Эйзенхауэр наивно размышлял, выиграл бы Франко выборы, если бы он решил когда-нибудь провести их[110].

После завтрака Эйзенхауэр и Франко направились в Торрехон на американских военных вертолетах. При расставании президент экспансивно обнял каудильо. Тот, в свою очередь, был совершенно очарован Эйзенхауэром, и недели подряд не мог говорить ни о чем ином. Новый этап преклонения Франко перед Соединенными Штатами дал повод его сестре сказать: «Слышали бы его Гитлер с Муссолини»[111].

Ликуя от радости, вызванной визитом Эйзенхауэра, каудильо тем не менее утверждал в предновогоднем выступлении, что его собственный режим уникален. Это, возможно, было подачкой националистическим элементам в Фаланге. Франко заклеймил франкмасонство и «формалистическую органическую демократию» — такую, как в Соединенных Штатах и северной части Европы, противопоставил ей систему органической демократии в рамках Движения и заявил, что его режим не диктаторский, поскольку он не носит временного характера. Зачитывая разделы, представленные ему экономическими министерствами, каудильо утверждал, будто это его политика автаркии заложила основы для достижений Ульястреса и Наварро Рубио[112]. С политической и экономической точек зрения, это было выступление чисто номинального короля.

После 1960 года появилось довольно много оснований

утверждать об экономических успехах. Сторонники Франко и он сам приписывали «экономическое чудо» его гению и прозорливости. Однако, несмотря на выказываемый им особый интерес к экономическим делам, большая часть сохранившихся заявлений каудильо свидетельствует не о гениальности, а в лучшем случае об уровне обычного здравого смысла. В худшем же обнаруживают наивность и легковерность. Экономический рост начался отнюдь не благодаря его прозорливости, а только потому, что он возложил ответственность за осуществление экономической политики на Наварро Рубио и Ульястреса. Их политика, воплощающая достижение либеральной экономической науки, осуществила интеграцию Испании в мировую капиталистическую систему. Как экономический либерализм, так и мировой капитализм подвергались нападкам Франко с 1939 года. Еще долгое время после правительственных изменений 1957 года, то есть после привлечения технократов, использовавших методику, направленную на либерализацию испанской экономики и интеграцию Испании в международные экономические организации, каудильо и Карреро Бланко оставались приверженцами автаркии[113].

Ситуация, таким образом, развивалась, устремляясь совсем к иным целям и с применением инструментов, отличных от тех, на которые полагался Франко в промежутке с 1939-го по 1959 год. Более того, франкисты не без тайного умысла забыли, что испанский бум произошел в период, когда во всем мире наблюдался длительный рост. Такая международная обстановка весьма способствовала тому, что Испания получила возможность экспортировать невостребованную рабочую силу, в основном в страны севера Европы. Рабочие-мигранты затем переводили свои заработки в Испанию в твердой валюте. Накопление доходов немецкими, британскими, французскими трудящимися привело к туристическому буму, на котором Испания заработала ценную иностранную валюту. Тем не менее нельзя утверждать, что страна совершила прыжок к процветанию лишь за счет своих северных соседей. Показатели роста производства в Испании были сравнимы с японскими, однако она стартовала со значительно более низкой статистической базы. Если и есть какая-то личная заслуга Франко в этом росте, она состоит не в осознанной экономической политике или прозорливости, а в побочном эффекте других его политических решений: например, в том, что антикоммунизм обеспечил ему американскую экономическую помощь в середине 50-х; в том, что авторитарный режим с репрессивным рабочим законодательством привлек иностранных инвесторов. Как Япония, Италия и Германия, Испания прошла

через фашистский опыт, который разрушил организованное рабочее движение, травмировал рабочий класс. В этом смысле вклад режима Франко в экономический рост заключался в созданных на десятилетия невыносимых условиях для рабочих. Только потому они готовы были работать по многу часов за низкую плату. Добавим к этому, что забастовочная деятельность подвергалась репрессиям, а для вывоза прибылей с вложенного капитала создавались благоприятные условия. Все это в целом и сделало Испанию в начале 60-х годов естественным местом вложений иностранного капитала.

Каудильо питал надежду, что план стабилизации не возвещает смерть фалангисгской экономической системы, и государство не откажется содержать триста тысяч наиболее горячих его приверженцев. Однако инстинкт подсказывал ему, что будущее за технократами. Это подтвердилось тем, как ушел в отставку Арресе. Двадцать седьмого февраля 1960 года на церемонии открытия Национального совета строительства, архитектуры и урбанизма Арресе произнес речь, в которой открыто подверг критике план стабилизации. В присутствии группы министров, в частности Наварро Рубио, он объявил о намерении построить один миллион квартир. Арресе осудил «жадность» политики, при которой расходы на социальные проекты, ранее осуществлявшиеся за счет крупных долгов, должны ограничиваться рамками того, что технократы сухо называют возможностями государства. Пророк Движения и его глава Хосе Солис, слушая речь, стал проявлять признаки смущения. А между тем он всегда точно фиксировал настроение режима. Наварро Рубио, убежденный, что сделал все, дабы облегчить финансирование Арресе, возмутился пропагандистским трюком, призванным изобразить технократов силой, препятствующей социальной справедливости.

Франко не был на церемонии, но его реакция проявилась быстро. После войны пресс-релизов, поступающих в пресу из министерств жилищного строительства и финансов, силовая борьба перекинулась в правительство. Ханжески выказывая свою преданность каудильо, Арресе выразил сожаление по поводу того, что «глубочайшая экономическая депрессия, испытываемая режимом», препятствует осуществлению чаяний миллионов испанских семей. В ответ Наварро Рубио представил кабинету цифры, показывающие, что Арресе располагал фондами для осуществления многого из предлагаемого им. Министр строительства стоял на своем. На заседании правительства компромисс так и не удалось найти, и Франко 17 марта 1960 года пригласил обоих министров к себе в кабинет. Арресе пригрозил,

что подаст в отставку, если не получит публичных извинений от Навarро Рубио, но тот, естественно, отказался это сделать. Спокойно выслушав Арресе, каудильо пожал плечами и принял его отставку. Место Арресе занял безопасный дружок Солиса фалангист Хосе Мариа Марти-нес-и-Санчес Архона. Лопес Родо нашел, что с ним работать можно, а Навarро Рубио, тоже весьма заинтересованный в «деполитизации» экономики и переходе к техническому администрированию, увидел в нем «нормального министра, с которым можно говорить о разных вещах»[114].

Весь этот эпизод ознаменовал не только значительную победу технократов, он многое сказал и о Франко. Вновь обнаружилось: каудильо не допустит, чтобы личная преданность конкурировала с реалистическими политическими суждениями. Арресе нравился Франко, возможно, гораздо больше, чем трудолюбивый и продуктивный Рубио. Каудильо была куда ближе политическая философия уходящего министра. Поддержав технократов, Франко порывал со своим прошлым. Последствием этого стал новый шаг в осуществлении того процесса, который превратит каудильо в номинального главу государства, желающего приписывать себе достижения в экономической политике. Однако его будут все больше отстранять от практического воплощения политики, в которой он уже не мог полностью разобраться.

Глава 26 РАЗГОВОРЫ О СМЕРТИ

I960 —1963 годы

Слухи об ухудшающемся здоровье каудильо по мере его приближения к семидесятилетию заставили франкистов задуматься о своем будущем. Весной 1960 года в Мадриде упорно говорили о том, что Франко перенес сердечный приступ. Управлению делами каудильо пришлось даже опубликовать официальное опровержение. Потом просочилась информация о том, что, когда он возвращался на своем «роллс-ройсе» с охоты в Хаэне 25 января 1960 года, в системе отопления салона произошла поломка, в салон попала окись углерода из выхлопных газов. Заметив вялость мужа, донья Кармен велела остановить машину, так что серьезных неприятностей не случилось, у Франко только сильно заболела голова. Распространились слухи, что автомобиль нарочно испортили[1].

В атмосфере неопределенных слухов о состоянии здоровья каудильо особое значение приобрела третья встреча Франко с доном Хуаном. Вторая состоялась в Лас-Кабесас 29 марта 1960 года[2]. После смерти графа де Руисеньяды имение Лас-Кабесас унаследовал его сын, маркиз де Комильяс. Первоначально встреча была запланирована на неделю раньше в Сьюдад-Родриго, близ португальской границы. Но потом, когда известие о предстоящей встрече просочилось в прессу и появились слухи, что каудильо готовится передать власть дону Хуану, Франко отложил ее. Нельзя сказать, что после встречи «Испанского союза» в отеле «Менфис» Франко питал расположение к претенденту. Пакону он сказал: «Дон Хуан безнадежен, он все больше и больше теряет доверие к себе». Особенно раздражало каудильо то, что претендент хочет быть королем всех испанцев. Он прокомментировал это с подкупающей откровенностью: «Дону Хуану следовало бы понять, что ради этого не стоило вести такую кровавую гражданскую войну». Франко презирал либерализм дона Хуана, однако надеялся, что Хуан Карлос подойдет больше, поскольку получил образование во франкистской Испании. Каудильо предполагал, что дон Хуан уступит трон сыну, хотя Пакону он сказал: «Пока я здоров умственно и физически, я не уйду с поста главы государства»[3].

Когда встреча все-таки состоялась, Франко, одетый в серый костюм, явился в сопровождении гражданского управляющего делами маркиза де Каса Лоха и первого заместителя генералиссимуса генерала Фернандо Фуэртеса де Вилья-висенсио.

Эта встреча была намного короче, чем состоявшаяся шесть лет назад. В целом каудильо почти не пытался навязать дону Хуану свою точку зрения, ибо уже не считал его возможным наследником[4]. Однако он проявил проницательность, не сказав об этом публично: в таком случае, по его мнению, Хуан Карлос принял бы сторону отца. Случись так, Франко лишился бы поддержки большой части монархистов[231].

Лживые фразы каудильо в беседе с доном Хуаном в Лас-Кабесас нередко обнаруживали его прежнее маниакальное отношение к франкмасонству и недовольство независимой позицией претендента. Дона Хуана возмутила книга «Анти-Испания, 1959»,'опубликованная в Мадриде воинствующим пропагандистом режима и сотрудником тайной полиции Маурисио Карлавильей. Книга изображала монархистов марионетками франкмасонства и дымовой завесой для коммунистического проникновения. В ней также утверждалось, что и сам дон Хуан — франкмасон[5]. Франко, умевший весьма убедительно разыгрывать неведение, проявил раздражение и попытался оправдать книгу, заявив, что это ответ на мемуары авиатора-монархиста Хуана Антонио Ансалдо. Не составляло труда понять, что если он и не инспирировал книгу Карлавильи, то тем не менее обрадовался ей. Книга Ансалдо «Почему?» (Paga que?) критиковала Франко за то, что он не желает восстановить монархию, ибо считает это предательством в свете той войны, которая велась против республики. Дон Хуан заметил, что, поскольку книга Ансалдо запрещена в Испании, то нет и необходимости отвечать на это. Далее он высказал претензии по поводу нападок на монархию в прессе. Франко тут же объяснил, что журналисты возмущены Лозаннским манифестом 1945 года — он до сих пор держал этот камень за пазухой. Далее Франко заявил, что согласен с аргументацией Карлавильи, критикующего дона Хуана, который держит в советниках Педро Сайнса Родригеса. Последнего каудильо снова назвал франкмасоном. Выслушав филиппики Франко по этому вопросу, продолжавшиеся двадцать минут, дон Хуан ответил: ничто не способно изменить его высокого мнения о Сайнсе Родригесе. Каудильо тут же презрительно заявил, что знает и о других масонах в кругу дона Хуана, в частности о его дяде, генерале Альфонсе де Орлеансе, и о герцоге де Альбе[6].

Дон Хуан вручил Франко предварительный текст коммюнике. В нем отмечалось, что переговоры прошли в атмосфере сердечности. Далее следовало утверждение: то, что Хуан Карлос получил образование в Испании, никак не предопределяет ни решения вопроса о наследовании, ни «нормальной передачи

династических обязательств и ответственности». В завершение констатировалось: «Беседа привела к осознанию того, что сердечность и взаимопонимание между ее участниками — бесценное достояние с точки зрения будущего Испании, укрепления и сохранения мира, а также всего, что достигнуто на настоящее время». Франко, ознакомившись с текстом, долго обсуждал его с доном Хуаном пункт за пунктом. Он выразил недовольство тем, что Хуана Карлоса называют принцем Астурийским, ибо обычно этот титул давался наследнику престола. С этим дон Хуан согласился. Однако каудильо охотно принял текст, как только дон Хуан сказал, что разрешает ему подержать при себе Хуана Карлоса еще один академический семестр. На другой день штаб дона Хуана, не покривив душой, одобрил коммюнике. Между тем, к удивлению дона Хуана и его штаба, текст, опубликованный в Мадриде, значительно отличался от согласованного. Прибыв 29 марта в Пардо, Франко по своей воле внес изменения в коммюнике[7].

Франко добавил себе в тексте титул каудильо, которого дон Хуан никогда не признавал за ним. Во фразу о передаче династической ответственности он вставил слова «в соответствии с Законом о наследовании». А этот закон дон Хуан по-прежнему отвергал. В последнем предложении каудильо снял упоминание об «обоих участниках», дабы не создавать впечатления, что дон Хуан — ровня ему. И наконец, он добавил в эту фразу упоминание о Национальном движении, давая понять, что будущие отношения между ним и доном Хуаном могут иметь место только в таком контексте[8]. Своему кузену Франко сказал, что не видел необходимости консультироваться по поводу этих поправок с доном Хуаном, поскольку они попросту отражают юридическую ситуацию в Испании, и добавил: «Я знаю, он согласится»[9]. Испанский цензурный аппарат не только блокировал попытки Эшторила опубликовать поправки, но даже позволил испанской прессе обвинить дона Хуана в том, что он опустил в своем варианте поправки Франко. Дон Хуан был, понятно, возмущен проделками Франко, предпринятыми у него за спиной[10]. После отъезда из Лас-Кабесас у советников каудильо создалось твердое убеждение, что он больше никогда не встретится с претендентом для обсуждения политических вопросов.

Процессы двоякого рода неумолимо отодвигали Франко к периферии политической жизни. С одной стороны, экономическая модернизация породила в обществе проблемы и заботы, чуждые для каудильо, чей менталитет был прочно связан с эпохой Гражданской войны и 40-х годов. С другой стороны, Франко,

занятый своими увлечениями и неспособный понять усложнившиеся правительственные дела, все больше превращался в молчаливого созерцателя на заседаниях кабинета и постепенно предоставил управление Карреро Бланко и технократам.

Это со всей очевидностью проявилось во время его продолжительного турне по Каталонии в мае 1960 года. Как бывало и прежде, он прибыл в Каталонию на линейном крейсере «Галисия»[11]. В Барселоне был устроен ежегодный парад в честь победы в Гражданской войне[12]. Двадцатого мая каудильо провел заседание кабинета министров, на котором Наварро Рубио представил весьма важные законы. В ответ на протесты Церкви и синдикатов по поводу социальных последствий плана стабилизации Наварро Рубио разработал Закон о социальных фондах. Предполагалось финансировать четыре специальных социальных проекта, связанных с министерствами труда, образования, внутренних дел и с Движением. Хотя министерство по делам правительства было полностью осведомлено о проектах, самого Франко и некоторых министров заранее не поставили в известность. Вследствие проекта Наварро Рубио политически важнейший вопрос о социальном патронаже изымался из компетенции Фаланги. Когда перед открытием заседания Франко увидел министров, которых это касалось непосредственно, то и министр-секретарь Движения Солис, и министр образования Хесус Рубио сказали ему, что новый закон бьет по Фаланге. Министр труда Фермин Санс Оррио и министр внутренних дел Камило Алонсо Вега выразили удовлетворение тем, что получат новые фонды. Охваченный нерешительностью каудильо отложил вопрос на месяц. Закон был принят на заседании правительства 10 июня 1960 года. Когда же в июле его направили в кортесы, фалангисгские «депутаты» умело нейтрализовали закон своими поправками[13].

То, как разрабатывался и принимался Закон о социальных фондах, показывает, что Франко остался лишь формальным председателем кабинета. Внутреннее же функционирование механизма было уже недоступно ему. Симптоматично, что выступления каудильо на открытии различных государственных предприятий и объектов в ходе длительного турне по Каталонии и совершенной в начале мая поездке на Балеарские острова отличались монотонно успокоительным характером[14]. Испанцы, озабоченные своим жизненным уровнем, хотели забыть о Гражданской войне и «холодной войне», поэтому Франко убеждал их в приверженности режима делу экономического развития, однако постоянные упоминания о. прошлых победах наводили на мысль, что он уже почти не участвует в происходящих в стране

процессах. Политической элите каудильо был по-прежнему нужен как арбитр, но все меньше и меньше — как повседневный руководитель.

О том, что 68-летний Франко значительно отдалился от большой части испанского общества, свидетельствует любопытный инцидент, случившийся в конце мая 1960 года. Сам каудильо настоял на том, чтобы отменили оба футбольных матча между Испанией и Советским Союзом в первом в истории Кубке Европы. Франко требовал, чтобы матчи проводились на нейтральном поле. Отчасти это было связано с тем, что Камило Алонсо Вега и Карреро Бланко негодовали по поводу содержания в русских концлагерях бойцов Голубой дивизии. На столе каудильо лежали также полицейские донесения, предсказывавшие возможность народных демонстраций в поддержку советской команды. Когда русские отказались от предложенных им условий, оба матча были отменены. В то время мадридский «Реал» и испанская сборная находились в зените славы, и решение властей вызвало насмешки за рубежом и неодобрение внутри страны. Что еще хуже, пресса не известила о выходе сборной Испании из розыгрыша, а просто сообщила, что СССР попал в финал. Было официально объявлено, что причина всего — нежелание СССР играть на нейтральном поле[15]. Франко сказал Пакону, что он реагировал так еще и потому, что коммунистические радиостанции предсказывали: народ примет советскую команду с неслыханным воодушевлением, тем самым выразив враждебность к своему каудильо. В довершение ко всему русские потребовали, чтобы был исполнен советский гимн и поднят советский флаг[232]. На это Франко пойти не мог. Когда же Пакон спросил, почему не сообщили о причинах выхода Испании из розыгрыша, смущенный Франко ответил: «Руководство футбольной федерации уже знает причины»[16].

Относительный успех плана стабилизации значительно укрепил позиции технократов. Политические и экономические перемены — результат их политики — повергли фалангистов в отчаяние. Периодически оно вырывалось наружу. Двадцатого ноября 1960 года отмечалась 24-я годовщина смерти Хосе Антонио Примо де Риверы, и Франко присутствовал на церемонии в Валье-де-лос-Каидосе. Каудильо вошел в базилику. Когда был приглушен свет и священник взял в руки гостию, раздался громкий голос: «Франко, ты предатель». Каудильо не подал вида, что слышал это. Охрана тотчас же начала искать в толпе злоумышленника. Фалангисты уже не в первый раз выражали недовольство в такой форме. Годом раньше, когда Карреро Бланко замещал на церемонии больного гриппом

каудильо, раздался голос: «Карреро Бланко, убирайся домой!» В другом случае, когда Франко покидал базилику, окруженный министрами, слышались приглушенные голоса: «Освободись от тех, кто окружает тебя, они приносят больше вреда, чем пользы». Тогда не было предпринято никаких действий. Теперь же, когда Франко оскорбили в его базилике, он не собирался прощать виновника. Им оказался молодой, радикально настроенный фалангист Роман Алонсо Урдиалес, возмущенный коррупцией в рядах режима. Его судил военный трибунал 20 декабря 1960 года. Ходили слухи, что Франко выступал за расстрел, но в конце концов удержался от этого шага, чтобы не делать из Урдиалеса мученика. Молодого человека приговорили к 12 годам заключения и направили в штрафной батальон в пустыню Сахара[17].

Девятнадцатого декабря 1960 года Наварро Рубио объявил первый «План развития» (Plan de Desarrollo), разработанный в координации с Международным банком реконструкции и развития. Постепенная либерализация испанской экономики под воздействием технократов не оказывала заметного влияния на взгляды Франко. На заседании правительства 19 января 1961 года, когда Улья-стрес выразил недовольство нападками фалангистов на его политику, Каудильо произнес длинную речь в защиту политики автаркии. Позже на этом же заседании Франко выразил озабоченность приездом миссии Мирового Банка, которой предстояло исполнить функции советника по плану развития. Каудильо был убежден, что сэр Хью Эллис Рис (Rees), глава миссии, ирландский католик, — франкмасон. Франко заявил также, что, по его мнению, главная цель плана — создание рабочих мест. Наварро Рубио потратил немало времени, заверяя каудильо, что уровень занятости не может быть обеспечен в изоляции от прочих факторов, поскольку напрямую зависит от них. Франко весьма неохотно дал согласие на прибытие миссии МБРР и на «План развития»[18].

Цепляясь за идеи Гражданской войны, каудильо все больше отдалялся от некоторых своих министров, поскольку многие из них были на двадцать — тридцать лет моложе его. Навязчивой идеей по-прежнему оставалось франкмасонство[19]. Он все еще любил Гитлера и Муссолини за их «энергию, власть и патриотизм», позволившие им сокрушить коммунизм и вдохнуть жизнь в свои нации. В отношении к Соединенным Штатам забавно сочеталось преклонение с презрением. Франко считал, что американское правительство полностью в руках франкмасонов, которые распахнут двери перед коммунизмом. Он не верил новому президенту Джону Кеннеди, потому что того

«окружали левые и враги испанского режима»[20].

В начале 1961 года каудильо поручил Карреро Бланко составить справку о возможных последствиях для его режима прихода Кеннеди в Белый дом. Представленный 23 февраля 1961 года документ утверждал, что в мире господствуют три интернационала — коммунистический, социалистический и масонский, — объединенные целью сокрушить режим Франко. Документ предупреждал об опасности, исходящей от тех, кто призывает к легализации политических партий, поскольку ими руководит одно лишь желание — уничтожить Испанию. «Мы должны быть готовы защищать наше единство от тесно сплоченных врагов». В документе подчеркивалось, что необходимо противостоять давлению американцев, желающих добиться либерализации режима. Кроме того, предлагалось занять более твердую позицию, когда дело дойдет до продления соглашения по базам. Сообщения о том, что новый президент контактирует с испанскими республиканцами в изгнании и выступает против сохранения баз в Испании, побудили Франко принять весь документ в его первоначальном виде[21].

С 20 апреля по 6 мая каудильо совершал триумфальное турне по Андалусии. Горячий прием, отчасти искренний, отчасти искусственно подогретый активистами Движения, откровенная лесть местных официальных лиц, посещения новых домов и других построенных государством объектов, что обычно приурочивалось к таким турне, — во всем этом Франко почерпнул кое-какой новый опыт. Гражданский губернатор и провинциальный «хефе» Севильи, либеральный монархист Эрменхильдо Алтосано (Altozano) Мораледа немало удивил каудильо, отведя его в район жалких лачуг в пригороде Севильи. Франко поразили нечеловеческие условия жизни обитателей. В конце турне он произнес речь в Кордове, выразив в ней впечатления от увиденного. «Во время этой поездки так же, как и в других, я увидел, как трудно истребить социальную несправедливость и преодолеть тревожное расслоение общества». Однако в результате Франко лишь обратился к патернализму андалусских богачей. Пребывая в блаженном неведении о социальной напряженности в Южной Испании, он взывал к «благородному сословию Андалусии, к щедрости людей этой земли, к тем, чьи владения и имущество мы спасли, к предпринимателям, чтобы они все сотрудничали в христианском духе на благо создания социальной справедливости и добросовестно помогали нашему социальному законодательству. И я верю, — заключил каудильо, — что рабочие, в свою очередь, отблагодарят их своим упорным трудом и энтузиазмом»[22].

На обратном пути Франко явно огорчился, когда Алонсо Вега сказал, что ликующим фалангистам, которые приветствовали каудильо в этих местах, видимо, заплатили за это. Дон Камило отметил, что на них были совсем новые голубые рубашки, сохранившие складки: их, несомненно, только что вынули из коробок[23]. Вернувшись в Пардо, Франко ничего не сделал, чтобы поправить положение нищего населения, которое он видел, а только риторически спрашивал себя, почему власти Севильи не обращались к государству за средствами для решения проблемы. Это говорит о том, как плохо он ориентировался в ситуации с выделением финансов на государственные нужды по плану стабилизации. Еще показательнее то, что Франко не препятствовал Солису, министру-секретарю Движения, когда тот попытался сместить Альтосано с его поста в наказание за два преступления — за монархические симпатии й за дерзкое решение показать каудильо грубые реалии андалусского общества. Франко с изумлением услышал от Пакона, что такие городки, состоящие из лачуг, есть вокруг Мадрида и Барселоны, после чего заявил: «Я готов отдать всего себя этой проблеме и постараться решить ее»[24]. Об этом добром намерении он скоро позабыл.

В 1961 году отмечалась 25-я годовщина военного мятежа 1936 года. В этот же год жертвы, принесенные плану стабилизации, начали давать плоды. Контраст между насилием в прошлом и процветанием в настоящем все явственнее ощущался в двойственном тоне речей Франко. Части выступлений, подготовленные для него министрами, были переполнены статистикой и отличались политической бесцветностью. В том же, что написал сам каудильо, звучала ностальгия, воинственность, чуждость внутриполитическим и международным реалиям 60-х годов. Он говорил о своих врагах из 1936-го мстительно, как о живых, хотя многих из них уже не было на свете. Реальными противниками Франко были молодые рабочие, готовые бастовать из-за скверных условий работы на фабриках и заводах, где рабочий день длился долго, а нормы безопасности не соблюдались; студенты, недовольные затхлой атмосферой франкистских университетов; молодые баскские и каталонские священники, раздраженные подавлением национальных чувств. Рядом с президентом Эйзенхауэром с его оборонительным антикоммунизмом каудильо еще сохранял лицо. При Кеннеди, активно ополчившемся на коммунизм и показывающем при этом преимущества капитализма, Франко казался ископаемым.

Третьего июня, представляя кортесам новое законодательство, каудильо произнес примерно двухчасовую

речь. Как триумфатор, он хвастливо и подробно рассказал о достижениях последних двадцати пяти лет, дав лишь беглый обзор несчастий, постигших страну за предыдущие столетия. Франко упомянул о возможности принятия Органического закона государства (Ley Organica del Estado), который завершит формирование франкистской конституции и создаст гарантированные права наследования. Он вскользь коснулся и того, как появление и развитие европейского Общего рынка начинает определять направление и цели испанской торговли. Однако эти намеки на возможные приготовления к будущему прозвучали только после того, как было оправдано настоящее и все услышали, как превозносилось правление каудильо. Франко отрицал необходимость создания политических партий и предоставления свободы, считая, что это ведет к расколу или к компромиссу.

Он и словом не обмолвился о том, чтобы предать забвению прошлое: Гражданская война оставалась крестовым походом, временем, когда хорошие испанцы воевали с плохими. Отрицая, что его режим — диктатура, каудильо вместе с тем ополчался на демократию. Подыскивая, что бы еще приписать себе в заслугу, он не ограничился событиями в Испании, но вышел и на международную арену, заявив: «Без нашей победы вся Испания была бы коммунистической, и Иберийский полуостров за последние двадцать пять лет стал бы эффективным и стимулирующим фактором распространения коммунизма на Латинскую Америку и плацдармом для распространения марксизма по Африке». Союзники, считал Франко, находятся перед ним в неоплатном долгу за его поведение во время Второй мировой войны[25].

1961 год был представлен франкистской пропагандой как еще один взлет в карьере каудильо. За неделю до годовщины военного путча дон Хуан написал Франко поздравление по случаю двадцать пятой годовщины его пребывания у власти и подчеркнул взаимосвязь между монархией и восстанием 1936 года. Каудильо ответил приветливым письмом, ловко упомянув о своей триумфальной поездке по Андалусии и популярности в народе. Подтекст был прост: ему незачем уступать свое место[26]. Семнадцатого июля 1961 года ежегодный парад победы начался маршем пятидесяти тысяч бывших бойцов Гражданской войны. Главные празднования года были приурочены, однако, не к годовщине восстания, а к годовщине прихода Франко к верховной власти.

Первого октября 1961 года тщательно скоординированные церемонии начались с Бургоса. Выступая с балкона городской

ратуши, как и двадцать пять лет назад, когда он получил власть из рук генерала Кабанельяса, Франко, понятно, испытывал гордость. Со своей обычной узостью и высокомерием, каудильо подменил реальную историю о том, как он карабкался к власти, сказкой про героизм, самопожертвование и дальновидность. Франко заявил, что еще тогда, в 1936 году, представлял себе будущее таким, как оно впоследствии и складывалось: «С самого первого момента я знал о тяжести, которая легла на мои плечи». Забыв о попытках, которые он предпринял с братом Николасом, чтобы выиграть борьбу за власть, каудильо сказал: «В такой ситуации власть не могла быть желанной. Только высокая идея долга, вера в Бога и в правоту нашего дела дали мне возможность вынести тяжесть взятых на себя обязательств». Он ни словом не обмолвился о политической помощи Серрано Суньера в становлении государственного аппарата и лишь с мстительным удовлетворением упомянул о сотнях тысяч разрушенных жизней, принесенных в жертву его режиму[27].

Между ностальгической речью — самовозвеличением в Бургосе — и сходным выступлением перед Национальным советом на следующий день, произошла куда более практическая интерлюдия. Первого октября во второй половине дня Франко.появился перед представителями трех родов войск и заявил, что развитие ядерного оружия свело на нет ценность обычного оружия, полученного по соглашению с Соединенными Штатами о базах. «По этой причине, — подытожил он, — теперь, когда четыре пятых согласованного срока прошло, наши соглашения необходимо пересмотреть и возобновить в соответствии с новой ситуацией»[28]. Это было первым шагом к новым переговорам по соглашению о базах, которые начнутся годом позже. Поскольку времена существенной экономической и военной помощи в обмен на базы остались позади, слова Франко взбудоражили Вашингтон. Поэтому еще до конца года Пардо посетил госсекретарь Дин Раск[29].

В ходе празднования годовщины в Паласио-де-ла-Исла, в штаб-квартире Франко в Бургосе военных времен, состоялось заседание правительства. Лопес Родо и Карреро Бланко надеялись увидеть хоть символический прогресс в решении вопроса о передаче власти. Лопес Родо уговаривал Карреро Бланко и Алонсо Вегу оказать давление на каудильо и побудить его публично объявить, что консервативный Органический закон государства, проект которого Лопес Родо подготовил в 1957 году, будет представлен кортесам. Но Франко не пожелал связывать себя обязательствами в вопросе о наследовании и оставил без ответа предложения Карреро Бланко и дона Камило, сделанные

во время короткого заседания[30].

Каудильо не хотел портить миг славы упоминанием об отдаленном будущем, и это стало очевидным 2 октября 1961 года, когда он выступил перед Национальным советом ФЭТ и де лас ХОНС в монастыре Де-лас-Уэльгас, где состоялось первое заседание этого совета в 1937 году. Мероприятие было организовано генералом Фернандо Эрреро Техедором, вице-секретарем Движения и его восходящей звездой, чтобы ярче продемонстрировать прошлые победы Франко[31]. Намереваясь выказать подобострастное отношение Фаланги к каудильо, Хосе Солис, министр-секретарь Движения, в начале церемонии обратился к Франко, назвав его «сеньор» — так обращались лишь к королям.

Как обычно, выступление Франко было надменным самовосхвалением и отстаиванием ценностей националистской стороны во время Гражданской в'ойны. Сначала он заговорил о своей дальновидности и, цитируя отрывки из выступлений до 1939 года, попытался доказать, что еще тогда гениально запланировал нынешний экономический подъем. Используя отдельные хорошо известные фразы Хосе Антонио Примо де Риверы, Франко тем не менее явно не желал упоминать Фалангу и говорил только о Движении. Это идеологическое жонглирование имело целью примирить приверженцев автаркии и «нависшей революции» Фаланги с обычной капиталистической экономикой Испании, которая начала развиваться при технократах[32]. По окончании заседания члены совета исполнили фалангисгский гимн «Сага ai sol», при этом большинство членов совета вскинули руку в фашистском приветствии. Однако Франко не присоединился к ним, а встал по стойке «смирно». Его примеру последовали Карреро Бланко и Лопес Родо. Сильно смутившись, Солис был вынужден поступить так же. Следует отметить, что принца Хуана Карлоса не было[33].

В последние годы жизни Франко отношения между Фалангой и технократами будут самым значительным источником сложностей внутри режима. Борьба шла за то, чтобы, по выражению, приписываемому Лопесу Родо, «внедрить в голову Франко идеи»[34]. Но не следует преувеличивать заинтересованность в этой проблеме самого каудильо. Воинственных фалангистов, рвущихся воплотить в жизнь «нависшую революцию», с каждым днем становилось все меньше. Арреса, Фернандо Куэста и Солис приручили Движение. Когда Франко упоминал Движение, а не Фалангу, это; возможно, досаждало твердым, воинственным фалангистам, но, по мнению многих, отражало определенную правду. Появлялись умные,

работящие функционеры, больше желающие занять высокое место в госаппарате, чем воплощать в жизнь идеологию фалангизма. То же можно сказать о таких, как Лопес Родо и Наварро Рубио, к которым приклеили ярлыки членов «Опус Деи», но скорее они были частью того, что назовут «бюрократией первых номеров» (la burocracia de los numero uno). Эти люди еще совсем молодыми выиграли конкурсы на замещение высоких постов в госаппарате или в университетах. Других известнейших франкистских администраторов 60-х годов — Мануэла Фрагу и Торквато Фернандеса Миранду обычно считали фалангистами. Равным образом самые светлые головы следующего поколения определились по принадлежности к какой-либо группировке. Родольфо Мартин Вилья считался прежде всего фалангистом, а Хосе Мария Лопес де Летона и Фернандо Эрреро Техедор были связаны с «Опус Деи». Тем не менее их всех правильнее относить к функционерам-«меритократам»[233]. Это вовсе не значит, что во франкистской коалиции прекратилась фракционная борьба, но на десятилетие она ощутимо притихла. Как ни странно, но в начале 60-х годов возникало больше трений между Лопесом Родо и Наварро Рубио, чем между Лопесом Родо и Фрагой[35].

После того как в 1956 году провалились планы Арресе по оживлению Фаланги, природа политической конкуренции изменилась. Между 1957 и 1973 годами тон задавали новые компетентные функционеры. Эти люди считали себя «аполитичными», подразумевая, что их главная забота — техническое управление делами государства, а к Движению они принадлежат скорее в широком плане, чем к какой-либо конкретной его фракции. Их компетентность в новом усложнившемся мире отодвигала Франко на периферию ежедневного управления государством, но, как ни парадоксально, его позиции при этом укрепились. Во-первых, ему ставили в заслугу улучшение экономической ситуации. Хотя этого добились технократы, они были довольны, что вся честь достается Франко, потому что в пронизанной сплетнями и слухами атмосфере дворца Пардо не льстить — означало рисковать своим местом. Во-вторых, в отличие от фракций прошлого, технократы не обслуживали политическую клиентуру, своим высоким и весьма доходным местом были обязаны Франко, поэтому никогда не думали бросать ему вызов. Если бы они так сделали, то подверглись бы опасности: противники просто оттерли бы их от Франко.

В 60-е годы каудильо вступил менее активным, но более непробиваемым. Его сила состояла в том, что он был фундаментом системы. Между 1938-м и 1953 годами

международная неприязнь к Франко вдохновляла враждующие фракции, он же сам с большим искусством и хитростью сталкивал их друг с другом. После 1953 года Франко почувствовал себя куда более уверенным, даже самоуверенным. Потом ему пришлось перенести кризис 1956 года, возмущение, вызванное конституционным планом Арресе, и развал в экономике, порожденный его собственной политикой автаркии. В 1957 году каудильо повезло: он нашел технократов, и те вытащили его из трясины. Их курс заработал, и ни одна франкистская фракция не рискнула дестабилизировать ситуацию в надежде извлечь из этого пользу. Каждый рассчитывал получить поддержку за счет другого.

Пока Лопес Родо и Карреро Бланко предлагали Франко эффективное администрирование, освобождающее его от забот по управлению, Солис пытался найти для него подарки хотя и менее существенные, но внешне более впечатляющие. Тринадцатого октября 1961 года он и Эрреро Техедор организовал в Валье-де-лос-Каидосе массовый фашистский митинг под видом Европейской ассамблеи ветеранов. Крайне правые, проигравшие войну в 1945 году, собрались со всей Европы, чтобы почтить единственного победоносного генерала из довоенных правых. Вместе с испанскими ветеранами Гражданской войны здесь были итальянские фашисты, нацисты, восточноевропейские фашистские генералы. Осторожный Франко не появился на митинге, но направил привет и поздравление через своего друга генерала Пабло Мартина Алонсо[36].

Этот митинг отразил страх фалангистов остаться не у дел. Они боялись оказаться вне системы государственной бюрократии, а кроме того, их тревожила перспектива будущего без Франко. Военные чувствовали себя увереннее, хотя тоже видели в каудильо ключевой элемент политически приемлемого режима. Даже дон Хуан и монархисты считали, что, находясь в прямой оппозиции к Франко, едва ли смогут что-либо сделать для ускорения реставрации монархии. Помимо того, большая часть фракций в центре франкистской коалиции проявила тенденцию к объединению, поскольку социальное брожение, вызванное экономическими переменами, привело к усилению оппозиции на фабриках и заводах, в университетах и регионах. Но те, кто стоял на разных флангах коалиции, откололись — это христианско-демократические либералы слева, создавшие свою собственную оппозиционную группировку, и фалангисты справа, собравшиеся вокруг группы, известной под названием «Гвардии Франко». Ее возглавлял генерал-фалангист Томас Гарсиа Ребулль. На деле никто из них не станет серьезно угрожать Франко. Несомненно,

его прочному положению в условиях процветания 60-х годов не могло угрожать ничего, кроме смерти.

Тревожнные слухи о возможной смерти Франко, ходившие весной 1960 года, оказались сущим пустяком по сравнению с настоящей паникой в конце 1961 года. В предрождественские холода и слякоть каудильо принял предложение Хосе Санчиса, администратора его поместья в Вальдефуэнтесе, и поехал охотиться на голубей в горы. В 5.15 вечера произошел несчастный случай: патрон взорвался в его ружье марки «Purdey», и Франко сильно поранил левую руку[37]. Пресса постаралась приуменьшить масштаб ранения — раздробление указательного пальца и второй пястной кости. Значительная часть мышечной и нервной ткани была повреждена[38]. Каудильо доставили в госпиталь ВВС на улице Принсеса. Рентгенолог, не зная, кто перед ним, сказал сестре, что пациент похож на каудильо, на что Франко заметил: «Многие это отмечают» (Eso dicen algunos)[39]. Оказаться под общей анестезией было для каудильо не рядовым моментом, однако он не воспользовался сложным механизмом, предусмотренным на разные случаи в Законе о наследовании. Вместо этого он позвонил Карреро Бланко и приказал ему известить о происшествии только военных министров и генштаб армии. Затем Франко послал за своим давним другом Алонсо Вегой, жестким министром внутренних дел. Каудильо не отдал никаких распоряжений по случаю ограниченной возможности руководить, а только несколько загадочно попросил дона Камило «присмотреть, если что» (ten cuidad de lo que ocurra). У Франко были основания полагать, что Алонсо Вега, генеральный директор службы безопасности Карлос Ариас Наварро и генеральный директор гражданской гвардии сумеют договориться между собой о поддержании общественного порядка.

Дееспособность каудильо значительно упала в первые месяцы 1962 года. Его донимали боли и бессонница, хотя он и принимал болеутоляющие средства[40]. Даже в апреле, когда сняли повязки, Франко держал левую руку осторожно прижатой к груди. Только благодаря усиленной физиотерапии в последующие три месяца ему удалось вернуть почти нормальную способность двигать ею[41].

Тщательные проверки, проведенные армейскими оружейниками и английскими производителями, показали, что несчастный случай нельзя приписать дефекту ружья. Это привело к появлению слухов о том, что Франко стал жертвой покушения. Алонсо Вега считал, что патроны были нарочно подпорчены[42]. Это не похоже на правду, поскольку каудильо брал патроны наугад из запечатанного ящика, специально приготовленного для Пардо, и других дефектных патронов не обнаружили. Из этого

ящика брались патроны для многих ружей, поэтому шанс, что один-единственный патрон злоумышленника попадет к Франко, был невелик. Наконец пришли к выводу, что патрон меньшего калибра, какими пользовалась дочь каудильо, каким-то образом очутился у него в кармане, он зарядил его, ружье дало осечку, патрон остался на месте и взорвался при следующем выстреле[43]. Так или иначе, этот несчастный случай заставил многих франкистов задуматься над вопросом о наследовании[44]. Их тревога усилилась еще больше, когда весной 1962 года по индустриальному северу прокатилась волна забастовок.

В период неприятного инцидента Франко не давал публике никаких поводов для беспокойства. В своем предновогоднем выступлении по радио он назвал себя капитаном судна «Испания», а народ — «командой, облагодетельствованной» его достоинствами и искусством мореходa[45]. Но куда этот мореход ведет Испанию, оставалось неясно. Понятно было одно: в будущем, но отдаленном, он обязуется передать власть наследнику. То, что он после'инцидента на охоте возложил полномочия на Алонсо Вегу, открывало возможность франкистского регентства. При таком сценарии какой-то твердокаменный франкист гарантировал бы, что монарх не сойдет с авторитарной тропы. Роль гаранта франкистских идеалов получил бы сначала Муньос Грандес, а затем Луис Карреро Бланко, однако каудильо переживет обоих. Между тем, несмотря на тесные отношения с Карреро Бланко, приверженцем монархического варианта с Хуаном Карлосом, у Франко еще оставались значительные возможности для спекуляций и маневра в вопросе выбора кандидата на трон.

Все еще сильно страдая от последствий несчастного случая, каудильо 25 января 1962 года по рекомендации Карреро Бланко назначил Лопеса Родо главой комиссариата по плану развития — центрального планирующего органа, предложенного советниками МБРР. Следуя модели французского плана развития, комиссары будут представителями министерства по делам правительства при каждом экономическом министерстве с правом составлять межминистерские комитеты[46]. Таким образом полномочия Лопеса Родо заметно увеличились. Наварро Рубио, понятно, встревожило, что комиссариат создан не в министерстве финансов. Он считал, что план развития будет искажен бюджетными лимитами, которые способно определять только его министерство. Кроме того, Наварро Рубио был недоволен своим министерским жалованьем, неадекватным его посту. После некоторых колебаний он выразил желание подать в отставку. Франко ее принял, но попросил его временно не объявлять об

этом, предложив ему позднее занять высокооплачиваемый пост управляющего банком Испании[47]. Каудильо оставался верен своему убеждению, что все люди имеют свою цену. Вышло так, что Навarро Рубио не удавалось занять новый пост целых три года.

Навarро Рубио был не единственным, кто противился возвышению Лопеса Родо. На заседании правительства, состоявшемся 26 января 1962 года, Солис попытался ограничить комиссариат рамками синдикалистской организации. Франко живо оборвал дебаты, прямо заявив, что Лопес Родо — наилучший кандидат. Но Солис продолжал нашептывать каудильо, что это назначение — не что иное, как триумф заговора «Опус Деи», намеревающегося прибрать к рукам экономику. Но фактически Солис вел арьергардные бои. С назначением Лопеса Родо на пост комиссара Фаланга проиграла решающую битву в борьбе за постфранкистское будущее. Однако Лопес Родо взялся за работу отчасти из личных амбиций, а также из убеждения, что экономическая и административная реформы — куда лучшие гарантии выживания системы, чем стояние на месте (inmovilismo), проявляющееся у Франко в нежелании решить вопрос о наследовании. Лопес Родо считал, что интеграция Испании в динамичную европейскую экономику неотвратимо приведет к политическим переменам в стране. Его позицию точно выражает фраза, ошибочно приписываемая ему: «Только когда доход на душу населения достигнет в Испании тысячи долларов, возможна будет демократизация»[48].

Семидесятилетнего Франко не мучил вопрос о назначении Лопеса Родо. Он видел в нем одного из самых умных и лучших своих функционеров. Все менее активный в ежедневных делах правительства каудильо с возвышением Лопеса Родо будет смещаться с центра правительственной деятельности на периферию. Обращался Лопес Родо напрямую к Карреро Бланко или к самому Франко. Поскольку же ни Карреро, ни каудильо не понимали всей сложности того, чем он занимался, комиссар обладал значительной автономией. Более того, работоспособный Лопес Родо через несколько лет начал доминировать в правительственном подкомитете по экономическим вопросам (La Comisidn Delegada de Asuntos Economicos), формальным председателем которого был Франко. Этот подкомитет вскоре стал мини-советом министров. Вначале на нем присутствовали различные министры, связанные с экономическими проблемами. Однако по мере его превращения в реальное средоточие власти там часто обсуждали не только экономические дела, и другие министры выискивали предлог присутствовать на нем. Как и в те

времена, когда он был секретарем министерства по делам правительства и имел первостепенное значение в подготовке и распределении правительственных дел, так и сейчас Лопес Родо играл подобную, и даже более важную роль, выступая с инициативами и координируя экономическую политику. Франко вводили в курс дел, только когда они поступали в подкомитет, предварительно подготовленные[49]. Поскольку же у каудильо не было оснований сомневаться в лояльности протеже Карреро Бланко, он радовался тому, что ему не приходится вникать в утомительные экономические подробности.

Несмотря на несчастный случай, интерес к охоте поглощал Франко полностью. Едва оправившись, он снова начал каждый раз в конце недели ездить охотиться на юг[50]. Но приблизительно в это время у каудильо появились признаки утомляемости, впервые в жизни он стал соблюдать ежедневную сиесту. Радуясь появлению телевидения в Испании, Франко все больше часов проводил у экранов многочисленных телевизоров, установленных в Пардо[51]. Особенно ему нравились кинофильмы и спорт, прежде всего футбол. Возрождение испанского футбола с прибытием венгерских беженцев — таких как Ладислао Кубала, Ференц Пушкаш и Шандор Кочиш — вдохновляло Франко, считавшего победы мадридского «Реала» и испанской сборной своими победами[52]. Каждую неделю каудильо играл теперь в тотализаторе (quiniela), иногда подписывая свои купоны «Франсиско Кофран». Дважды выигрывал. Между тем трудно представить себе Гитлера или Муссолини, играющих в тотализаторе[53].

Надеясь поддержать инерцию, набранную экономическими реформами технократов, Кастиэлья и экономические министры предложили, чтобы Испания обратилась с просьбой о приеме в Европейское экономическое сообщество. Каудильо согласился, но крайне неохотно. Девятого февраля 1962 года испанский посол в Париже Хосе Мариа де Ареилса представил в Париже председателю ЕЭС Морису Кув де Мюрвилю официальную просьбу начать переговоры о вступлении в ЕЭС. В столицах стран, членов ЕЭС, началась мощная дипломатическая кампания. Просьба была обречена на провал из-за негативного отношения Франко к демократии. На примере с миссией МВФ он уже показал, что экономисты из демократических стран внушают ему подозрения. Теперь каудильо был еще больше убежден, что сближение с ЕЭС позволит его врагам шантажировать Испанию, принуждая ее к политической либерализации. Он и Карреро Бланко считали ЕЭС «царством франкмасонов, либералов и христианских демократов». Категорически не желая принимать

какие бы то ни было политические условия, Франко начал поговаривать о том, что испанскую экономику следует оторвать от севера Европы и переориентировать ее торговлю на коммунистический блок. Это предложение показало, что он не только не знает экономических реалий, но настроен по отношению к масонству еще более воинственно, чем к коммунизму. ЕЭС все же согласилось начать переговоры об определенной форме экономического соглашения, но испанцам дали ясно понять, что до установления политических связей Испании придется провести серьезные конституционные перемены[54].

Политические взгляды Франко не эволюционировали, несмотря на социальные и экономические перемены в стране. Все, что ему не нравилось, заставляло каудильо обращаться к риторике времен Гражданской войны. В начале 1962 года у него все еще вызывали раздражение слова дона Хуана о том, что он хочет быть королем всех испанцев. Франко презрительно комментировал, что за этим стоят «все, потерпевшие поражение: баскские и каталонские сепаратисты, коммунисты, анархисты, социалисты, все разновидности республиканцев, а также террористов — почему бы и нет? Ведь все они испанцы»[55]. Когда 14 мая 1962 года Хуан Карлос женился в Афинах на греческой принцессе Софии и в церемонии приняли участие очень многие испанские монархисты, Франко приказал, чтобы этому событию придавали в Испании как можно меньше гласности и чтобы дон Хуан не фигурировал ни на одной опубликованной фотографии. Официальный представитель Франко, его министр ВМФ адмирал Фелипе Абарсуса (Abarzuza), направился в Афины на крейсере «Канариас», что, несомненно, символизировало победу в Гражданской войне. Когда Хуан Карлос и София в начале медового месяца специально приехали в Мадрид, чтобы засвидетельствовать свое почтение Франко, тот нарочно дал продолжительную аудиенцию президенту Традиционалистского сообщества (Comunion Tradicionalista) Хосе Мариа Валиэнте, представителю карлистского претендента на престол Карлоса Уго (Hugo)[56].

Отказ Сообщества вести политические переговоры убедил Франко лишь в том, что Испания по-прежнему окружена вражескими силами, решившими покорить ее. Эта уверенность окрепла в нем вскоре после того, как промышленность захлестнула волна забастовок. В апреле и мае 1962 года забастовки прошли в шахтах Астурии и на металлургических заводах Страны Басков. Несмотря на повсеместное применение гражданской гвардии и полиции, а также жестокие меры

подавления, стачки перекинулись в Каталонию и Мадрид. Остановленные не репрессиями, а повышением заработной платы, эти забастовки ознаменовали конец фалангистских вертикальных синдикатов и появление нового подпольного рабочего движения[57].

Стачки носили скорее экономический, нежели политический характер. В условиях экономического оживления, которое последовало за строгими ограничениями, введенными по плану стабилизации с 1959-го по 1961 год, рабочие исполнились решимости добиться повышения уровня зарплаты. Победа убедила их, что государственные предприятия и промышленники частного сектора готовы платить, лишь бы избежать перебоев в производстве ценной продукции. Франко видел вещи в другом свете, относя недовольство рабочих на счет иностранных агитаторов. Каудильо до глубины души возмутил поток выражений солидарности с испанскими стачечниками из Франции, Италии, Германии и Британии. Его поразило и то, что многие священники выразили поддержку рабочим, особенно в Стране Басков. По мнению Франко, деятельность организаций «Католическая рабочая молодежь» (Juventud Obrera Catolica) и «Рабочее братство Католического действия» носила отнюдь «не апостольский» характер, а скорее «открывала путь коммунизму»[58]. Публично и в частных беседах он постоянно оперировал фразеологией времен Гражданской войны — «враги», иностранные коммунисты и масонские агитаторы[59].

Публичный анализ забастовок рабочих был сделан им 27 мая 1962 года в Серро-Гарабитас, известном по осаде Мадрида во время Гражданской войны. Сам выбор места для проведения мероприятия носил характер агрессивной символики. Перед аудиторией — фалангисгскими ветеранами Гражданской войны из «Национального братства временных лейтенантов» (Hermandad Nacional de Alfereces Provisionales), Франко сказал, что забастовки не имеют особого значения, а за границей их приняли всерьез только из-за необузданных выступлений «странных баскских сепаратистских священников или из-за оплошностей некоторых экзальтированных священнослужителей». Заявив, что Гражданская война все еще продолжается, он обрушился на безымянных «врагов», пытающихся извлечь политический капитал из «мелких недостатков в наших трудовых отношениях» (pequenos fallos en nuestras relaciones laborales), и отметил, что испанские рабочие должны знать: «Никто не даст им больше, чем испанское государство, стоящее на службе социальной справедливости». Примечательно, что каудильо, заканчивая выступление, постарался успокоить твердых приверженцев режима,

встревоженных несчастным случаем на охоте. «Кое-кто грубо спекулирует на моем возрасте. Могу только сказать, что я молод, как и вы, и что после меня все останется крепко сколоченным, гарантированным волей огромного большинства испанцев, среди которых вы, вместе с Движением, составляете его плоть и сущность — при верной и надежной поддержке нашей армии. Наша работа — выполнять наказ павших»[60].

Отвергнутые попытки режима пойти навстречу ЕЭС и забастовки 1962 года вызвали в Европе острое резкое оживление интереса к антифранкистской оппозиции. В связи с этим представители оппозиции из Испании — монархисты, католики и разочаровавшиеся в фалангизме — встретились в Мюнхене на IV конгрессе Европейского движения, проходившем с 5-го по 8 июня 1962 года, с эмигрантами-социалистами, а также с баскскими и каталонскими националистами. Об участии делегатов из Испании было заранее открыто объявлено. Заключительное коммюнике встречи представляло собой умеренный пацифистский призыв к эволюции в Испании. Накануне конгресса правоэкстремистская фалангисгская группа Старая гвардия предупредила Франко о заговоре франкмасонов, евреев и католиков, намеревающихся подорвать режим. Не удивительно, что это предупреждение попало в точку[61]. Когда конгресс закрылся, правительство каудильо заседало до трех часов утра 9 июня, обсуждая его важные последствия. Было принято решение отменить слабые конституционные гарантии, предусмотренные в Хартии прав испанского народа. Франко разгневался, увидев в материалах конгресса заговор, призванный торпедировать попытки режима добиться ассоциации с Европейским сообществом[62]. Многих испанских делегатов, в частности Диони-сио Ридруэхо и Хосе Мариа Хиля Роблеса, арестовали и сослали за участие в «грязном мюнхенском сборище» (contubernio). Реакция Франко сильно повредила намерению Испании войти в Европу[63].

Франко приказал Ариасу Сальгадо, министру информации, развернуть кампанию в прессе. Разгул истерии дошел до того, что даже дона Хуана обвиняли в происшедшем[64]. Во всем этом отразилось не только возмущение Франко, но и общий страх Движения за будущее. Несчастный случай на охоте породил призрак его смерти, а волна забастовок подорвала миф о незыблемости режима. И утверждения коммунистов о том, что их политика «национального примирения», провозглашенная в 1956 году, начинает приносить плоды, объединяя антифранкистские силы, приобретали тревожную правдоподобность[65]. Более того, на горизонте забрезжил конфликт с Католической церковью — после того как Папа Иоанн XXIII в 1959 году объявил о созыве II

Ватиканского Собора. С началом его работы — в октябре 1962 года — трещины станут еще заметнее[66]. Папская энциклика 1961 года «Mater et Magistrą»[234] встревожила твердолобых в кабинете Франко, ибо говорила о справедливой заработной плате и гуманных условиях для промышленных и сельскохозяйственных рабочих, перераспределительных налогах и профсоюзных правах. В Мюнхене католики и монархисты выступали вместе с изгнанниками-демократами, а группировки, поддерживаемые Церковью, стали сердцевиной внутренней оппозиции.

Отношение Франко к либерализующейся позиции Церкви проявилось в Га-рабитасе. Каудильо вскоре дал выход своему раздражению Мюнхеном в серии речей в Валенсии. Шестнадцатого июня он отверг упреки тех за рубежом, кто подверг критике его режим и, указывая на своих сторонников, приветствующих его (многие из них, как обычно, были привезены из ближайших сельских местностей и получили за это дневной заработок), заявил: «Вот где моя сила — в тесном союзе с моим народом». Обвинив Европу в том, что она предпочитает видеть в режиме только неудачи, Франко с гордостью упомянул о своем «примерном послужном списке» (ejecutoria ejemplar). Назвав прессу Европы лакеем мирового коммунизма, каудильо бросил тень на многое, сделанное его технократами и дипломатами и вызвал насмешки в свой адрес[67]. На другой день он высмеял либерализм, называя его слабым, бесполезным и прогнившим. Днем позже Франко обрушился на тех, кто поехал в Мюнхен, и сказал, что это «испорченные люди, которые вступают в заговоры с красными, выдвигая свои жалкие претензии перед иностранными ассамблеями»[68].

Мадрид посетила делегация международного исполкома Европейского движения, чтобы заявить протест испанским властям в связи с арестом испанских участников мюнхенского конгресса. Делегация встретилась с Франко 6 июля и говорила с ним час и десять минут, отметив, что испанцы в Мюнхене высказали лишь умеренные требования ненасильственной политической эволюции. Каудильо объяснили, что его реакция на Мюнхен — это скрытое осуждение ЕЭС, что помешало удовлетворить просьбу правительства Испании о присоединении к ЕЭС. Франко оставался непробиваем. Со своей обычной невозмутимостью он сразу отверг критику и заявил: испанцы имеют право принимать участие в Европейском движении, но ему не по душе, что в число приглашенных вошли лишь противники режима, а делегаты из Испании получили возможность встретиться с его врагами в изгнании. Это было правдой: пригласили лишь людей, более или менее приверженных

демократии[69].

Несмотря на вызывающие речи, произнесенные в Валенсии, Франко осознал, что его реакция на Мюнхен была серьезной ошибкой. В дополнение к тому, что сообщили ему члены посетившей его делегации, каудильо получил от Кас-тиэльи и Ареилсы подробную информацию о том, что авторитет Испании серьезно пострадал в европейских столицах. Его посол в Вашингтоне Антонио Гарригес доносил, что в Соединенных Штатах режим подвергся широкой критике[70]. Франко, возможно, и не разбирался в тонкостях экономических теорий, но неизменно чувствовал, когда что-то угрожало его существованию. Поэтому он преодолел инерцию, вызванную нежеланием устраивать перестановки в правительстве, и 10 июля устроил в нем крупную перетасовку[71]. Укрепился новый экономический курс. Ульястрес и Наварро Рубио остались на местах, к ним присоединился энергичный 38-летний морской инженер Грегорио Лопес Браво, еше один член «Опус Деи». Он занял пост министра промышленности. Красивый и элегантный Лопес Браво появился не вследствие заговора «Опус Деи», а по рекомендации старого друга Франко по Эль-Ферролю, фалангистского адмирала Педро Ньето Антунеса, назначенного министром ВМФ. Вместо фалангистов в правительство вошли более «прогрессивные» элементы из технократов: «опус-деист» профессор химии Мануэль Лора Тамайо занял пост министра образования, а Хесус Ромео Корриа (Corria) — министра труда. Обоих рекомендовал Лопес Родо. Предшественника Ромео, Фермина Санса Оррио, сняли за то, что ему не удалось предотвратить апрельско-майские забастовки. Солис, однако, остался в правительстве — в качестве подачки фалангистам и в награду за энергию, проявленную в ходе забастовок.

Отличавшийся неприятными авторитарными замашками министр информации Габриэль Ариас Сальгадо, несмотря на особое расположение Франко, был смещен. Его обвинили в том, что он чудовищно ошибся, предсказав реакцию иностранной прессы на события после Мюнхена. Его заменил Мануэль Фрага Ирибарне. Считавшийся фалангистом, он снискал известность как помощник католического деятеля Хоакина Руиса Хименеса. Фрага был скорее находчивым и гибким «аппаратчиком» из Движения, чем воинствующим фалангистом, хотя рекомендовали его Солис и Ньето Антунес. Неистощимо энергичный, сорокалетний Фрага занимал первые места на всех государственных проверках, еще до тридцати лет он стал полным профессором права, написал много книг и занимал целый ряд разных постов. Коротко стриженный, в элегантных костюмах, уверенный в себе, внешне похожий на

американского предпринимателя, Фрага считался человеком, способным разрешить непосильную проблему цензуры печати в обществе, меняющемся с головокружительной быстротой. Проведенная им частичная либерализация прессы сделает его в известном смысле одним из могильщиков режима.

Словно признаваясь в том, что ему уже около семидесяти, Франко впервые представил в качестве вице-председателя совета министров 66-летнего генерала Агустина Муньоса Грандеса, начальника генштаба — как прежде, так и теперь. Назначение было запоздалой предосторожностью, связанной с инцидентом на охоте, а также попыткой успокоить фалангистов, ибо те завидовали технократам, которые ставили Испанию на западные рельсы. Муньос Грандес придерживался крайне правых взглядов, он поддерживал и поощрял твердую ответную реакцию Франко на рост оппозиции. Фактически же прямой и аскетичный Муньос Грандес никогда не действовал как заместитель каудильо. Слабый политик, он передоверял Карреро Бланко большую часть своих функций, тем самым усиливая его власть. Желание Франко видеть в правительстве знакомые лица, а к тому же внедрить в него молодых и энергичных людей, нашло свое выражение в том, что он оставил 73-летнего Алонсо Вегу на посту министра внутренних дел, а 64-летнего адмирала Ньето Анту-неса назначил министром ВМФ[72].

Введение в правительство Фраги и Лопеса Браво принесет режиму большой успех в области общественных отношений. Молодые и энергичные, они способствовали созданию нового имиджа режима. Однако грядущая либерализация, на которую указывали перемены в правительстве, сопровождалась еще более суровыми полицейскими мерами против левой оппозиции. Аресты, пытки и суды над левыми активистами оставались обычным явлением[73]. Новая забастовочная волна, прокатившаяся по Астурии и Каталонии в августе — сентябре сопровождалась жестокими полицейскими репрессиями[74].

В надежде сохранить власть Франко проводил двойственную политику — поощрял жестокие репрессии и стремление к экономическому росту. При министре информации Фраге цензура смягчилась, а это позволяло составить более полное впечатление о каудильо и правительстве. Первые результаты перемен улавливались в предновогоднем радиовыступлении Франко 30 декабря 1962 года. Его стиль стал менее анахроничным и более зрелым, чем раньше. Впервые не прозвучали обычные тирады насчет франкмасонов и прочих врагов истинной Испании. Он сделал упор на экономические достижения. Значительную часть речи написали Фрага и Лопес Родо[75]. Слова об «испанском чуде»

и длинный статистический анализ периода между 1936 и 1962 годами, касавшийся всего — от удобрений до сети ирригационных сооружений, — отличались тенденциозностью, но казались современнее и доходчивее устарелой победоносной, проникнутой мстительностью риторики.

Не впервые прозвучало утверждение, будто нынешний экономический рост планировался давным-давно. Зато впервые обнаружилась видимость понимания социальной напряженности в обществе. Последствия забастовок 1962 года и преображение имиджа режима, достигнутое Фрагой, ощутились в явно неожиданном заявлении о том, что правительство намерено разрешить проблемы, отнесенные Франко на счет «огромных усилий, затрачиваемых страной для достижения роста». Такая фразеология резко отличалась от победоносных речей прошлого, но еще более удивляло то, что каудильо на время забыл о победителях и побежденных. Влияние рабочих волнений сказалось и в том, что Франко впервые объявил о введении минимума заработной платы. Хотя надежды, связанные с этим заявлением, довольно быстро развеялись (не в последнюю очередь из-за жалкого минимума, установленного 1 января 1963 года), речь показала, что перетряска кабинета в 1962 году обозначила куда более четкий водораздел в политике режима, чем в 1957 году[76].

Преодолев кризис 1962 года, Франко начал вкушать радости политической жизни, достойные монаршей особы. Ежедневная работа каудильо состояла в основном из приема делегаций его поклонников, представителей промышленности, из культурных мероприятий, вручений призов и наград, открытия плотин и других государственных сооружений, приемов верительных грамот у послов. Как всегда, он отдавал много времени своим увлечениям — охоте и рыбной ловле, а теперь стал чаще играть в гольф. Его все сильнее занимали спортивные передачи и фильмы по телевидению. Франко немного рисовал, играл в тотализаторе, выходные дни делил между местечком Пасо-де-Мейрас и Паласио-де-Айете в Сан-Себастьяне летом и Ла-Пиниэльей в Астурии на Пасху. Продолжительность и число поездок на охоту и рыбную ловлю возросли. В начале октября каждый год он надолго отправлялся охотиться в горы Сьерра-де-Касорла в провинции Хаэн[77].

Поскольку Франко предоставил руководство ежедневной политикой и экономикой своим министрам, некоторые из них превышали свои полномочия. Новый кабинет состоял из двух группировок, имеющих различные планы на будущее. Карреро Бланко и технократы, поддерживаемые такими консервативными

монархистами, как Камило Алонсо Вега и министр общественных работ Хорхе Вигон, объединились в стремлении восстановить монархию. Считая модернизацию экономики первостепенной задачей, технократы полагали, что необходимое условие для этого — стабильность в стране. Более консервативные члены группы не желали политических перемен, а в экономическом подъеме видели лишь средство прекратить политическое брожение[78]. С другой стороны, Кастиэлья, Фрага, Солис и Ньето Антунес больше склонялись к политической модернизации и сомневались, стоит ли отдавать первенство экономике. Фрага намеревался сделать режим более открытым, либерализовав политику[79]. За разговорами в Движении о введении своего рода ограниченного плюрализма путем создания «политических ассоциаций» стоял Солис. Самые значительные трения существовали между Солисом и Карреро Бланко. После того как попытка Солиса загнать комиссариат по осуществлению плана развития в рамки синдикалистской организации потерпела неудачу, он начал партизанскую войну против него. Защиту взял на себя Карреро Бланко, поддерживаемый Лопесом Родо. Франко не препятствовал сражению, он лишь иногда вмешивался, чтобы установить мир[80].

Пока такие энергичные министры, как Фрага и Лопес Браво, упорно работали над новым имиджем правительства, каудильо вернулся в прошлое. II Ватиканский Собор убедил его, что в курию проникли франкмасоны и коммунисты. В начале 1963 года он поведал Пакону, что продолжает анализировать информацию своих спецслужб обо всем происходящем в масонских ложах, а также на собраниях социалистов и коммунистов по всему миру. «Ничто не застанет меня врасплох. Надо быть готовыми к борьбе». Франко писал длинные заметки о взаимосвязи между масонской опасностью и католической либерализацией. Каудильо тревожило, что любой король, принявший от него власть, может открыть двери франкмасонству и коммунизму. Поэтому он подумывал, не назначить ли регента, который гарантировал бы преемственность режима. Франко по-прежнему возмущало, что дон Хуан желает быть королем всех испанцев. «Это невозможно, — сказал он, — чтобы победитель в войне уступал власть побежденному»[81].

В марте 1963 года каудильо созвал сто шестьдесят членов Национального совета. В 1957 году Франко отстранил Фалангу от политики, лишил ее доступа к экономическим рычагам и заставил заниматься трудовыми отношениями. Стачки 1962 года показали никчемность фалангистской синдикалистской организации. Теперь он считал Фалангу запятнанной и

бесполезной, поэтому в речи о рабочем законодательстве режима, в значительной мере написанной Фрагой, каудильо снова не упомянул о Фаланге. Он говорил только о Движении, которое назвал «совместным предприятием всех испанцев», и призвал членов совета помочь в совершенствовании инструментов государственного управления. Открыв дебаты, Франко надеялся создать в Европе впечатление, будто он намеревается предпринять либерализацию. Каудильо также инспирировал в Испании слухи о том, что подобные планы означают одно: он считает 1964 год, год 25-й годовщины окончания Гражданской войны, подходящим моментом для ухода от власти[82].

Радужные политические надежды на фоне убогого социального положения в условиях экономического прогресса вызывали брожение в рабочей среде и приводили к забастовкам. Неизбежным франкистским ответом были репрессии.

Сам каудильо, однако, был искренне убежден, что руководит раем индивидуальной свободы. «В Испании, — говорил он Пакону, — никогда не существовало таких свобод, как сегодня. Каждый испанец делает, что ему нравится, может принимать участие в общественной жизни посредством выборов в синдикатах, муниципальных выборов и выборов избираемой части кортесов. Сегодня печать имеет свободу слова и ни одного испанца не наказывают за то, что его идеи не совпадают с идеями режима, и он может даже отстаивать их в компании друзей». Отрицая диктаторскую сущность своего правления, он утверждал: «Сегодня Испания управляется через народное волеизъявление»[83].

Варварская природа режима вообще и Франко в частности обнажилась в 1963 году, когда судили и казнили коммуниста Хулиана Гримау Гарсиа. Член высшего партийного руководства, Гримау был арестован 7 ноября 1962 года в Мадриде. Его подвергли страшным избиениям и пыткам, а затем выбросили из окна генерального управления безопасности, чтобы скрыть следы истязаний. Несмотря на ужасные раны, 18 апреля Гримау предстал перед судом военного трибунала. Его приговорили к смерти за «военный мятеж» — такое обвинение предъявлялось за преступления, совершенные во время Гражданской войны. Гримау был одним из более чем сотни оппозиционеров, прошедших через военные трибуналы в первые месяцы 1963 года[84]. Еще до суда Фрага заявил на пресс-конференции, что Гримау — отъявленный убийца. Помимо глупого шага министра, и сам суд был отмечен серьезными юридическими изъянами[85].

По главным столицам Европы и Америки прокатилась волна демонстраций. В том, что суд над Гримау совпал с важным шагом в процессе реформ Католической церкви, начатых Папой Иоанном

XXIII, отразилась политическая некомпетентность прислужников Франко и отход самого каудильо от повседневного анализа политических событий. Одиннадцатого апреля была опубликована либеральная энциклика Иоанна XXIII «Pacet in Terris»[235], последовавшая за «Mater et Magistrą». Оппозиция приветствовала ее, считая, что она направлена против режима. Энциклику, в которой Церковь выступила в защиту таких прав человека, как свобода ассоциаций, политического участия и выражения интересов национальных меньшинств, в Пардо расценили как удар в спину, нанесенный когда-то верным союзником. Франко приписал перемены, введенные Иоанном XXIII, успешному проникновению в Ватикан франкмасонов и коммунистов[86]. Энциклика имела особенно громкий политический резонанс во время суда над Гримау.

Ходатайство о помиловании Гримау направили известные религиозные деятели со всего мира, политические лидеры, в частности Никита Хрущев, Вилли Брандт, Гарольд Вильсон и королева Елизавета II. Но Франко остался неумолим. Его растущее недоверие к Церкви выразилось в том, что он отклонил обращение по делу Гримау, полученное от кардинала Джованни Баттисты Монтини, архиепископа Милана[236]. Девятнадцатого апреля собрался кабинет, чтобы обсудить вопросы об энциклике и приговор Гримау. Дело Гримау заняло основную часть времени. Осознавая международные последствия, Кастиэлья твердо выступил за помилование, но Франко решительно заявил, что Гримау должен умереть. Его поддержало большинство министров[87]. Гримау был расстрелян 20 апреля[88].

Посол в Париже Хосе Мариа де Ареилса, приехав в Мадрид, умолял Касти-эл*>ю вмешаться и предотвратить казнь. Тот ответил, что уже пытался, но только восстановил против себя Франко и сплоченный кабинет. Последовавшая за этим волна международного возмущения существенно повредила попыткам режима изменить свой имидж. В частности, протесты во Франции сорвали планы де Гол-ля ускорить интеграцию Испании в Европейское экономическое сообщество. Французский министр финансов Валери Жискар д'Эстэн отменил намечавшуюся встречу с каудильо[89]. В ответ на протесты на встрече кабинета 3 мая 1963 года было принято решение создать Трибунал общественного порядка (Tribunal de Orden Pūblico), призванный впредь разбирать политические преступления как гражданские, а не как дела о военном мятеже. Однако это прозвучало неубедительно[90]. Через четыре месяца после неприлично быстрого разбирательства были казнены варварским способом два анархиста, Франсиско Гранадос Гата и Хоакин Дельгадо Мартинес. Их задушили за

недоказанное участие в организации взрыва в мадридской полицейской штаб-квартире. Эта казнь вызвала значительные протесты в мире, хотя и не такие громкие, как по делу Гримау[91].

Реакция в мире на дело Гримау, последовавшая вскоре за протестами в связи с Мюнхеном, напомнила Франко международный остракизм 1945 — 1946 годов. Однако появились и серьезные отличия. Теперь, когда Испания все больше интегрировалась в мировую экономику, а испанцы постепенно привыкали к благополучию как следствию интеграции, возврат назад, за крепостную стену франкизма, был невозможен. Во всяком случае, силы, группировавшиеся вокруг каудильо во время «холодной войны», претерпели эволюцию. Армия была по-прежнему предана Франко, но прочая часть коалиции все больше расшатывалась. Даже Фаланга стала менее надежной: ее воинственные высшие чины постарели и коррумпировались, а молодые — циничные функционеры — стремились сделать карьеру. Монархистов Франко подозревал в том, что они хотят распахнуть дверь перед демократией и коммунизмом. Что еще важнее — позиция Католической церкви менялась с внушающей опасения, быстротой.

На стол Франко ложились тревожные доклады. Их присылали его послы в Италии — Альфредо Санчес Белья — и при Святом Престоле — Хосе Мариа Дуссинаге. Оба предполагали, что в курии есть официальные лица, враждебно относящиеся к каудильо. Оба считали что Ватикан очень хотел бы легализации христианско-демократической партии в Испании под руководством Хоакина Руиса Хименеса, готового издавать католический журнал «Тетради для диалога» (Cuadernos para ei Dialogo). Этот журнал стал бы весьма влиятельным. Как и многие другие католики, когда-то поддерживавшие режим, Руис Хименес стал перемещаться ближе к оппозиции, чему способствовала либерализация Церкви, осуществляемая в соответствии с решениями Ватиканского Собора[92]. Сообщение об избрании кардинала Монтини Папой — он принял имя Павла VI — застало Франко на заседании кабинета, проходившем в Барселоне 21 июня 1963 года. Он с горечью воскликнул: «Ушат холодной воды!»[93] Но это не помешало ему немедленно послать новоизбранному Папе телеграмму с добрыми сыновними пожеланиями[94].

Через восемь дней, выступая 29 июня в городе Таррагона, каудильо говорил о воинствующем католицизме. Это было его ответом на энциклику «Мир на Земле», комментарием по поводу попыток Ватикана восстановить отношения с коммунистическими режимами на Востоке и вызовом новому Папе. Несмотря на

воинственный тон, Франко изображал себя защитником веры. Осудив «грубый материализм, вторгающийся в страны всего мира», он заявил, что «Испания по-прежнему твердо отстаивает интерес духовности» и будет «бороться на стороне Бога»[95].

Какая ирония судьбы: через десять лет после двойного триумфа — соглашения об американских базах и конкордата с Ватиканом — появились трения в отношении с Вашингтоном и с Ватиканом! Серьезность намерений Франко воевать на стороне Бога подвергнется испытанию с началом переговоров о продлении соглашения по базам. В начале 1963 года каудильо намеревался занять твердую линию на предстоявших переговорах. Понимая, что базы делают Испанию объектом враждебных намерений русских и что испанские вооруженные силы имеют только устаревшее вооружение, Франко собирался выставить свои условия: чтобы продлить соглашения, американцы должны предоставить компенсацию, приемлемую для испанского общественного мнения[96]. В соответствии с-этим, следуя указаниям каудильо, Кастиэлья добивался, чтобы Испании предоставили место под американским ядерным зонтиком и отпустили вооружения на сумму в 300 миллионов долларов США. Франко явно переоценивал важность Испании для Соединенных Штатов, ибо администрация Кеннеди была серьезно озабочена стоимостью американской военной помощи заграницe. Поэтому испанские требования вызвали раздражение. К тому же развертывание подводных лодок с ракетами «Поларис» и сети межконтинентальных баллистических ракет снижало ценность наземных баз в Испании для Пентагона.

Вашингтон намеревался решить проблему расходов по глобальной обороне, побуждая своих союзников покупать больше американского оружия на основе программы, известной под названием «офф-сет»[237]. Первая делегация по этой программе, во главе с Уильямом Банди (Bundy), прибыла в Мадрид в середине января. Вопреки требованиям Кастиэльи, Банди предложил помощи на 75 миллионов долларов США при условии покупки Испанией американских вооружений на сумму 175 миллионов долларов. Предложение Банди испанцы отвергли, и на заседании кабинета 25 января 1963 года было решено продлить соглашение о базах только на гораздо более выгодных условиях. В Мадриде же появилось заявление, что соглашение по базам не будет возобновлено. Вторая делегация, возглавляемая заместителем министра обороны Росуэллом Гилпат-риком (Roswell Gilpatrick), вылетела из Вашингтона, чтобы посетить Токио, Бонн и Мадрид. В Японии Гилпатрика ждала телеграмма из Мадрида, извещающая его о том, что министры Муньос Грандес, Кастиэлья

и Наварро Рубио не смогут встретиться с ним, поскольку уезжают охотиться. Возможно, каудильо недооценил относительно высокий статус Гилпатрика. В Вашингтоне это было воспринято как оскорбление. В данном случае, как и во многих других, Франко проявил либо опасную самоуверенность, либо невнимание к деталям.

Время работало не на Франко. Двадцатого марта 1963 года комитет по иностранным делам палаты представителей конгресса США выпустил доклад по вопросу об иностранной помощи. Помощь Испании подверглась критике как «чрезмерная». Тем не менее 5 апреля испанский кабинет снова принял решение проявлять твердость на переговорах. В этот момент посол в Вашингтоне Антонио Гарригес[238], личный друг Джона Кеннеди, вмешался в дело, написав Франко длинный меморандум и попросив карт-бланш для достижения оптимально приемлемой сделки. Ухудшение отношений с Ватиканом, видимо, заставило каудильо призадуматься, стоит ли рисковать дружественными отношениями и с Соединенными Штатами. Франко пошел на попятную и доверил переговоры Гарригесу. Тот вместе со своим советником-посланником Нуньо Агирре де Карсером выработал образец соглашения. Однако в начале июня переговоры едва не были сорваны: Гарригес вызвал бурю возмущения в Пентагоне, заявив, что американские условия могут быть приняты только каким-нибудь другим послом. После этого он вылетел с докладом в Мадрид.

По прибытии он предложил Кастиэлье свою отставку. Кастиэлью сильно тревожили последствия прекращения переговоров. Однако Франко, приняв Гарри-геса, сказал, что не принимает его отставки, а ситуация не вызывает у него беспокойства. Посол делал все, как надо, и если дойдет до прекращения переговоров, то так тому и быть. В этом, видимо, проявлялось не легендарное хладнокровие каудильо, а безответственная беззаботность. В конце августа Гарригес отправился с Кастиэльей, Ньето Антунесом ц Муньосом Грандесом в Пасо-де-Мейрас, чтобы проинформировать Франко о составленном ими проекте соглашения. К изумлению Гарригеса, каудильо, по существу, не обратил никакого внимания на его слова, а перевел разговор на долгое и путаное обсуждение вопроса о севообороте в Галисии. Девятнадцатого сентября, когда Гарригес разъяснил рекомендованную им формулу продления соглашения на специальном заседании кабинета министров, американское предложение было расценено как насмешка. Однако когда Гарригес добавил, что Испания, отвергнув предложение, попадет в международную изоляцию, Франко

вспомнил об ухудшающихся отношениях с Ватиканом, поддержал посла и преодолел сопротивление кабинета. Соглашения были продлены на следующие пять лет.

Соединенные Штаты практически обеспечили себе лучший вариант сделки — хотя без Гарригеса она вообще могла бы не состояться. Соединенные Штаты получили базу Рота для эскадры своих подводных лодок с ракетами «Поларис». Гарригес добился некоторого улучшения экономических условий: Испания получит на 100 миллионов долларов военной помощи и закупит вооружений на сумму 50 миллионов по схеме «офф-сет». Не предусматривалось никакой другой экономической помощи, кроме кредита в 100 миллионов долларов от Экспортно-импортного банка США. Самым значительным достижением Испании стало включение — впервые — в совместную декларацию положения о том, что «угроза в отношении любой из стран будет предметом заботы обеих стран». Пока это было менее широким обязательством по сравнению с теми, которые США давали своим партнерам по НАТО. Но это не помешало фалангисгской прессе расхваливать сделку как полномасштабный альянс[97].

Благодаря Гарригесу одна из подпорок международного престижа Франко не рухнула. Провались переговоры — и празднование в 1964 году годовщины окончания Гражданской войны было бы сильно омрачено. 1964 год должен был стать апогеем правления Франка и пройти под девизом, придуманным Мануэлем Фра-гой — «Двадцать пять лет мира». Такой случай весьма подходит для того, чтобы каудильо назвал своего преемника, но он проигнорировал этот шанс. Следующие пять лет Франко, уверенный, что технократы и без него способны обеспечивать рост процветания Испании и эффективное управление ею, занимался прежде всего, помимо своих увлечений, обеспечением будущего политического строя в стране. «Деполитизированная» администрация, создаваемая Лопесом Родо, подготавливала прочный фундамент для преемственности режима после смерти каудильо, о которой он говорил: «когда меня не будет» (cuando yo falte). Франко потребуется несоразмерно долгое время для принятия сравнительно простого решения. Отчасти это объяснялось тем, что он утратил остроту восприятия и способность концентрироваться. Но еще и потому, что каудильо не желал размышлять о смерти или об уходе от власти. В его сомнениях также проявился инстинктивный страх перед недовольством и оппозиционными настроениями тех, кого разочарует решение вопроса о наследовании. Однако уже то, что Франко удастся еще полдесятилетия тянуть с этим вопросом,

показывает, каким прочным было его положение. Через пять лет ситуация изменится весьма драматическим образом.

Глава 27

НА ПУТИ К БЕССМЕРТИЮ

1964 —1969 годы

Двадцать третьего января 1964 года Фрага представил каудильо два документа: широкую панораму политической ситуации в стране и проистекающие из этого выводы о необходимости реформ, а также проект закона о прессе. Когда через пять дней они встретились, чтобы обсудить документы, Франко выразил сомнения в целесообразности либерализации информационной политики. Он был обеспокоен поведением свободной прессы, сделавшей недавно сенсацию из того, что епископа Калаорры застали в отеле с женщиной. На некоторое время воцарилось молчание. Потом, поняв, что Фрага достиг определенных успехов, Франко преодолел сомнения и разрешил ему представить проект закона на заседании правительства[1].

Каудильо особенно радовался кампании, начатой Фрагой в ознаменование 25-й годовщины окончания Гражданской войны. Все города и деревни Испании были увешаны плакатами. Однако Франко глубоко раздосадовала редакционная статья официального журнала церковной иерархии «Экклесиа», посвященная той же годовщине. В ней говорилось, что мир и порядок — хорошо, но этого недостаточно. Тридцатого марта каудильо сказал по этому поводу Фраге: «Тебе надо пойти и обклеить дворец примаса своими плакатами». Тот ответил, что негоже министру туризма быть застигнутым в Толедо за актом вандализма[2]. Празднование «двадцати пяти лет мира» официально началось с торжественного «Те Деум» в базилике Валье-де-лос-Каидоса. Церемония, а также интервью Франко в газете «А-бэ-сэ», показали, что для него все происходящее означает празднование не «двадцати пяти лет мира», а двадцатипятилетия победы[3].

Восторженное празднование годовщины укрепило убеждение Франко в том, что его популярность безгранична. Среди мероприятий, придуманных министром информации, были передвижные выставки, представлявшие достижения каудильо, литературные награды за произведения, наилучшим образом отражающие дух эпохи Франко, а также бесчисленные статьи в прессе и телевизионные передачи. Провели и ограниченную амнистию для немногих из нескольких тысяч испанских политических узников. Празднование закончится в конце года демонстрацией апологетического фильма «Этот человек — Франко» (Franco, ese hombre). Сценарий написал Хосе Мария Санчес Силва, а снял фильм Хосе Луис Сайнс де Эредиа. Это был искусно и почтительно сделанный фильм о «человеке, стальной

дух которого обеспечил двадцать пять лет мира». Франко был представлен героем, преодолевшим всеобщий хаос, спасшим страну сначала от коммунистических орд, потом от нацистских. Со временем он превратился в благожелательного отца своего народа. Фильм имел значительный кассовый успех, но самому каудильо не понравился. «Слишком много парадов», — прокомментировал он[4].

До премьеры фильма —- кульминации официальных празднований — состоялось множество других мероприятий, в которых Франко принимал непосредственное участие. Девятого апреля на Национальном совете он дал свою интерпретацию мирной жизни, в обычном духе самовосхвалений, приписывая достигнутый экономический прогресс своей прозорливости. О социальных достижениях своего режима каудильо сказал, что они намного опережают цели папских энциклик. Он предупредил слушателей, адресуясь в сущности к Европе, об опасности заговоров и сектантства, о «тайных махинациях, подрывных действиях и власти оккультных сил». В этих словах проявилось его раздражение по поводу того, что Европа противится приему Испании в ЕЭС (во главе оппозиции стояли Голландия и Бельгия). Вопрос о Гибралтаре по-прежнему вызывал недовольство Франко Великобританией. О будущих реформах в своем кабинете он почти ничего не сказал. Распространяясь о преемственности режима после своего ухода, каудильо не сделал никаких конкретных заявлений о будущем. Он сказал: «Олицетворяемые мною силы, которые вместе пришли к власти, по самой своей природе незаменимы». Далее уже не в первый раз Франко остановился на необходимости урегулировать функции главы государства, правительства и Движения[5].

Реформистские элементы в правительстве надеялись, что эйфория по поводу «двадцати пяти лет мира» побудит Франко обнародовать Органический закон государства и назвать своего наследника, но их ждало разочарование. Наблюдая за каудильо. читающим свою речь, Фрага поразился, как он постарел. Через неделю, когда он беседовал с Франко один на один, его ошеломило ощущение, что тот увядает[6]. (Возможно, начали проявляться первые симптомы болезни Паркинсона, поразившей каудильо в последние годы.) Тридцатого апреля 1964 года, когда Франко вручали памятную медаль в честь «двадцати пяти лет мира», он в своем благодарственном слове сказал, что надеется присутствовать на такой же церемонии еще через двадцать пять лет[7].

Весной 1964 года праздничное настроение померкло в связи с ростом напряженности на шахтах Астурии. Забастовки,

вспыхнувшие в апреле, спровоцировало новое трудовое законодательство. Рабочие отвергли его, поскольку оно не касалось острой проблемы заболеваний силикозом. Стачка охватывала все новые шахты, и правительство применило к стачечникам жестокие репрессии. Людей увольняли, арестовывали, многие из них томились в тюрьмах до 1970 года[8]. Восьмого мая 1964 года на заседании правительственного подкомитета по экономическим вопросам (La Comision Delegada de Asuntos Economicos) началась ожесточенная перепалка по проблемам политики в промышленности между министром промышленности Грегорио Лопесом Браво и министром труда Хесусом Ромео Горриа. Ромео обвинил Лопеса Браво в излишней готовности задобрить стачечников. Франко вмешался, принял сторону Лопеса Браво и недовольно сказал, что министерство труда и синдикалистская организация переполнены коммунистами[9]. В патерналистско-параноидальном духе он поведал Пакону: «Многие горнорабочие подчиняются скрытой власти, грозящей, что примет меры против них, если они не выполнят приказа из-за рубежа — бастовать»[10].

Алонсо Вега хотел ужесточить репрессии, но Фрага, Кастиэлья и реформисты из правительства сумели убедить Франко, что большее насилие даст результаты, противоположные желаемым[11]. Масштабы оппозиции и необоснованность разделения испанцев на победителей и побежденных выявилась 26 апреля 1964 года, когда был арестован коммунистический активист, оказавшийся сыном министра ВВС генерала Хосе Лакалье Ларраги. Любопытно: на этот раз Франко проявил понимание, сказал Пакону, что такое случается в хороших семействах, и привел в пример случай со своим братом Рамоном. Распространились слухи, что из-за этого инцидента грядет переформирование кабинета. Франко вообще не любил менять министров, а сейчас к тому же наслаждался празднованием «двадцати пяти лет мира». Поэтому он опроверг предположения, что Лакалье выйдет в отставку[12].

В частных беседах каудильо выражал надежду, что принц Хуан Карлос официально согласится с Законом о наследовании и поклянется как король следовать принципам Движения[13]. Показательно, что 24 мая 1964 года, в день годовщины парада победы в Гражданской войне, принц Хуан Карлос принимал приветствия, стоя рядом с Франко. Однако, кроме намеков подобного рода, каудильо не высказывал своих планов насчет наследования. Удовольствие, испытанное им от празднования 1964 года, совсем отбило у него охоту строить планы на будущее и усилило в нем уверенность в своей незаменимости. Летом 1964

года, когда министры предлагали ему перемены, он упоминал об овациях, которыми встречали его в Севилье и Бильбао, считая их главным аргументом в свою пользу. Каудильо принял за чистую монету и срежиссированные Солисом впечатляющие встречи на футбольном стадионе Сантьяго Бернабеу в Чамарти-не, куда он приехал 21 июня на финал Кубка Европы.

После крупного международного фиаско в 1960 году, когда Франко запретил проведение футбольных матчей с СССР, спортивный отдел (Delegation Nacional de Deportes) добился права на проведение финала Кубка 1964 года в Испании, оплатив ФИФА все расходы. В финале 21 июня играли Испания и Советский Союз. За несколько дней до матча еще не разрешились сомнения, будет ли присутствовать Франко. Опасались, как бы ему не пришлось вручать приз капитану русской команды. Высший фалангист в испанской федерации футбола даже предложил (но это было отвергнуто) подмешать советской команде допинг, чтобы оградить каудильо от такой неприятности. Появившийся на стадионе вместе с доньей Кармен, генералом Муньосом Грандесом и другими министрами каудильо был встречен хорошо отрепетированным скандированием фалангистов: «Франко! Франко! Франко!» Постепенно к ним присоединились почти все 120 тысяч болельщиков. Франко остался весьма доволен собравшимися, победой Испании — со счетом 2:1 — и словами тренера испанской команды майора Вильялонги после матча: «Мы прежде всего посвящаем эту победу каудильо, который в этот вечер почтил нас своим присутствием и вдохновил игроков». Поскольку матч и всенародные изъявления любви к каудильо видели в шестнадцати странах Европы, удовлетворение Франко имело основания. Пресса представила победу в матче как логическую кульминацию победы Франко в Гражданской войне. Такое почитание заставило каудильо еще холоднее относиться к идее реформ[14].

Согретый народным восхищением, Франко стал значительно чувствительнее к критике из-за рубежа. Растущая волна забастовок, студенческих демонстраций и усиление брожения в регионах немедленно находили отражение на страницах европейской прессы, в частности, что особенно болезненно воспринимал каудильо, в католических изданиях. Контраст между популярностью в своем доме и критикой за рубежом конечно же укрепляли убеждение Франко в том, что подрывная деятельность в Испании — плод активности злобных зарубежных сил. Однако куда сложнее было отмахнуться от косвенной критики правления каудильо, исходящей от II Ватиканского Собора. Прежде всего, Франко, как и многие старые испанские

епископы, не мог понять участников Собора. Вера каудильо в свое божественное предназначение оставалась по-прежнему незыблемой, и в этом его часто укрепляли неумеренные похвалы некоторых испанских церковных иерархов[15]. В нем прочно укоренилось глубоко религиозное и реакционное понятие католицизма (национал-католицизма на жаргоне режимй), согласно которому Гражданская война была религиозным крестовым походом. Насколько тревожило Франко меняющееся лицо Церкви, видно из его речи в кортесах 8 июля 1964 года. Наряду с выступлением каудильо в Национальном совете, прозвучавшим тремя месяцами раньше, эта речь была вызывающей попыткой показать, будто его вариант католицизма — вершина религиозной и социальной справедливости. Франко наставлял нового Папу, взявшегося обновить мировую Католическую церковь, на путь истинный, великодушно предлагая ему франкистский вариант католицизма.

Каудильо играл на том, что Церковь в долгу перед ним, и противопоставлял при этом Испанию, вернувшуюся «на путь религиозной веры», безбожным странам Востока, где Церковь страдает под гнетом коммунизма, и Западу, где процветают преступность и самоубийства. Тогда как Ватиканский Собор пытался отделить Церковь от политики, Франко восхвалял гармонию и социальный мир, якобы достигнутый при его католическом руководстве. Растущее недовольство католиков тем, что он обеспечивает мир тюрьмами, пытками, ссылками и даже казнями противников режима, а вместе с тем увеличение численности организации «Рабочее братство Католического действия» каудильо считал доказательством «прогрессирующего проникновения коммунизма в некоторые католические организации». Реформаторов режима вновь разочаровало то, что Франко заклеймил либеральную демократию и назвал ее исчерпавшей себя системой, отвергаемой массами[16].

Осенью стало очевидно, что Франко все больше и больше теряет контакт с современным ему католицизмом. Десятого сентября на заседании правительства, проходившем в Пасо-де-Мейрас, Кастиэлья, заручившись одобрением церковных иерархов и поддержкой Фраги, представил проект положения о религиозных свободах для некатоликов. Возмущенный Карреро Бланко представил меморандум, обвиняющий Кастиэлью и Фрагу в том, что они «идут навстречу левым».- Дух религиозного триумфаторства и осадный менталитет Карреро Бланко и Франко противостоял курсу на гуманистическое и плюралистическое обновление католицизма, избранному собравшимися в Риме епископами. Схватка между Карреро Бланко и Кастиэльей

обнажила подспудную напряженность между так называемыми твердыми консерваторами (inmovilistas) и теми, кто хотел сделать режим более открытым (aperturistas). Фрагу удивила реакция каудильо, не принявшего никаких мер. Можно предполагать, что Франко симпатизировал Карреро, но он все же предпочел выждать и посмотреть, чем все закончится в Риме, и дать противоборствующим сторонам нейтрализовать друг друга. Между его министрами шла ожесточенная схватка, а он казался внешне невозмутимым. Трудно сказать, что думал каудильо на самом деле[17].

Вопрос о свободе религии был лишь одним из нескольких, которые привели к осложнениям между Франко и Ватиканом. В целом новая ориентация Ватиканского. Собора поражала самую сердцевину франкистского реакционного варианта католицизма (integrismo) и предвещала пересмотр церковной легитимизации режима, дающей опору каудильо с 1936 года. Эта новая ориентация стала также еще одним стимулом для оппозиции режиму в Каталонии и Стране Басков, где католики-националисты вскоре начнут утверждать, что диктаторское правление Франко противоречит учениям Церкви. Вопрос о свободе религии II Ватиканский Собор связал с требованием предоставить церкви независимость от политических структур[18]. Восемнадцатого сентября 1964 года Собор одобрил резолюцию, призывающую государства отказаться от привилегии вмешиваться в назначение епископов. Франко категорически воспротивился обсуждению этого вопроса, использовав вызывающе лживый аргумент: он сказал, что в Испании это было традиционной привилегией королей, поэтому только король имеет право вынести подобное решение. Каудильо не желал отказываться от такого права, утверждая, что видит в нем единственную выгодную испанскому государству статью конкордата 1953 года. Он опасался и того, что папский нунций сможет назначать епископов в интересах тех общин, где им предстоит работать, и государство утратит один из инструментов укрепления национального единства.

Несмотря на такую напряженность, Франко уделял охоте все больше времени, предпочитая стрелять в куропаток и выслеживать оленей[239]. Пресса неизменно превозносила охотничьи подвиги каудильо и его необычайную работоспособность. Однако люди, приближенные к нему, видели другое. В конце октября 1964 года Фрага встревожился: встретившись с Франко для обсуждения деловых вопросов, он обнаружил, что у того непроизвольно закрываются глаза. Несколько дней спустя каудильо вернулся с охоты сильно

простуженным и заметно постаревшим. Вполне возможно, что так развивалась болезнь Паркинсона. Состояние Франко то ухудшалось, то улучшалось, однако к концу года каудильо, казалось, ожил. Болезнь изолировала его от окружающего мира. Этой изоляции способствовала также маниакальная страсть Франко и его жены к телевидению[19]. На публичных мероприятиях он говорил все реже и короче. Исключения составляли определенные даты — такие, как открытие кортесов или предновогоднее выступление. В целом же длинные речи уходили в прошлое. Теперь каудильо не часто появлялся на публике, ибо ему становилось все труднее скрывать симптомы болезни — напряженную осанку, неуверенную походку, приоткрытый рот, отсутствующее выражение лица.

Тридцатого декабря 1964 года Франко выступил с ежегодным обращением к стране, в котором проявилась его озабоченность работой II Ватиканского Собора. До каудильо все еще не доходил смысл решений Собора. Впрочем, это не удивительно: все высшие испанские епископы, с которыми он периодически разговаривал, были такого же возраста, как и Франко, а то и еще старше[20]. Уж если каудильо не понимал причин созыва Собора, то его интерпретация происходящего на соборе сводилась к тому, что епископы отошли от своего евангелического предназначения. С характерной для него самоуверенностью Франко назвал рекомендации Собора в социальной области самыми положительными, поскольку в них говорилось о том, чем он давно занимался[21].

В течение 1963—1964 годов на Франко наседали со всех сторон, предлагая услуги в связи с Органическим законом. И Фрага, и Солис разработали проекты конституций. Солис пытался провести идею «политического развития», связь ее с организованным в рамках Движения общественным мнением, принявшим форму «ассоциаций»[22]. Насущность проблемы выявилась 14 января 1965 года, когда Камило Алонсо Вега, пользуясь стародавней дружбой с Франко, затронул вопрос о наследовании. «Страна следует за вами и любит вас, — произнес он, — она скажет «да», что бы вы ни сделали. Вы должны назвать председателя правительства и определить политическую систему, которая гарантирует будущее. И другие министры думают так же, как и я, но я говорю не от их имени. И если они не говорят вам этого, то лишь потому, что не знают вас так хорошо, как я. Я помню вас еще в коротких штанишках, мы вместе играли. И если не я вам это скажу, то кто же? Возможно, непозволительно говорить вам такие вещи? Но люди обеспокоены вопросом о будущем». Франко выслушал его с улыбкой, пошутил по поводу

их возраста и сообщил, что работает над Органическим законом государства. Он будет представлен «раньше, чем вы думаете»[23].

Несмотря на ответ дону Камило, было ясно, что время Франко распланировано, как всегда, на месяцы и годы, а не на минуты и часы. Весной 1965 года в университетах Мадрида и Барселоны вспыхнули серьезные волнения. Студентов, как и их коллег в Европе, вдохновили новые течения левой мысли. Впервые за все время диктатуры на заседании кабинета 5 марта 1965 года состоялась открытая дискуссия о политических трудностях, переживаемых режимом. Мало того что Церковь стала отходить от режима, многие интеллектуалы, когда-то придерживавшиеся профранкистской ориентации, последовали той же дорогой, которой пошли Дионисио Ридруэхо и Хоакин Руис Хименес, — в оппозицию. Когда несколько университетских профессоров — среди них Энрике Тьерно Гальван, Агустин Гарсиа Кальво и Хосе Лопес Арангурен — лишились своих мест за участие в студенческих волнениях, бывший фалангист Педро Лаин (Lain) Энтральго написал Франко письмо, в котором осудил режим. Карреро Бланко на заседании кабинета 5 марта весьма неубедительно заметил, что волнения — следствие неуверенности людей в постфранкистском будущем, и предложил как можно скорее выдвинуть на обсуждение Органический закон государства. Весь кабинет поспешил поддержать Карреро. Франко пожаловался, что ему трудно найти такое решение, которое удовлетворило бы всех. На самом же деле он не желал делать определенный выбор. Тем не менее каудильо закончил дебаты словами: «Я взялся за это, и я это сделаю»[24].

Через неделю, войдя в кабинет каудильо, Карреро Бланко застал его за работой над Органическим законом. Франко сказал ему, что не считает необходимым сохранять генеральный секретариат Движения (Secretaria General del Movimiento) — он был распущен лишь спустя год после его смерти. В тот же день Наварро Рубио говорил с каудильо о новой конституции. В ходе беседы семидесятидвухлетний Франко сообщил ему: он предчувствует, что еще некоторое время будет править. Он также признался, что предпочел бы отложить работу над Органическим законом, ибо чем дольше он полежит, тем адекватнее окажется в будущем. И все же каудильо неохотно согласился, что у него нет другого выхода, как запустить процесс теперь же[25]. Ведущие фигуры франкистского режима прошли через кабинет каудильо, стараясь побудить его к приготовлениям. Двадцать пятого марта 1965 года министр образования Лора Тамайо также отнес беспорядки в университетах на счет нерешенного вопроса о будущем. «Думаете, вопрос о будущем не беспокоит меня?» —

спросил Франко, на что Лора Тамайо ответил: «Если каудильо умрет, не решив проблему, возникнет хаос». Франко возразил: «Нет, тогда хорошие люди выйдут на улицы». Министр растерялся: «Это будет означать еще одну гражданскую войну». Франко беззаботно заметил, что испанская Гражданская война обошлась малой ценой, чем изрядно поразил министра[26].

Первого апреля 1965 года Франко зачитал Карреро Бланко вариант проекта Органического закона, близкий к окончательному. В тот же день у Муньоса Грандеса диагностировали рак почки. Почку удалили, и благодаря его железному организму он прожил до 1970 года, но исполнять роль гаранта преемственности франкизма уже не мог. На заседании кабинета 2 апреля, омраченном известием о болезни вице-председателя правительства, Наварро Рубио снова поднял вопрос о наследовании и его поддержали Кастиэлья и Фрага. Когда разгорелись дебаты, Фрага оказал давление на каудильо. Тот отошел от своей обычной тактики держать дистанцию, объяснил возникшие трудности и попросил предоставить ему побольше времени. Фрага продолжал наседать: «У нас нет лишнего времени, и прошу вас использовать то, чем мы располагаем». Франко взорвался: «Вы думаете, я не понимаю? Думаете, я цирковой клоун?» Каудильо раздражало, что его вынуждают торопиться. Буря миновала. Всю остальную часть заседания Франко лукаво поглядывал на министров, и это навело его друга Камило Алонсо Вегу на мысль, что проект закона уже готов[27]. Однако, хотя на заседании правительства прозвучало обещание, через три недели Франко впал в апатию. Двадцать третьего апреля на заседании правительственного подкомитета по экономическим вопросам (La Comision Delegada de Asuntos Economicos) каудильо не пожелал вернуться к тому же вопросу. В этот день он казался нерешительным, не хотел заниматься конституционным вопросом и его раздражали все попытки возобновить эту тему[28].

В июле 1965 года, после бесконечных сомнений и колебаний, Франко реформировал правительство. Когда Карреро Бланко заметил, что возникла острая необходимость в реформировании кабинета, генералиссимус ответил ему, что подождет с этим до октября. Только когда Карреро напомнил ему, что он откладывает изменения с лета 1964 года, каудильо начал изучать список новых министров, подготовленный его министром-секретарем по делам правительства. Этот кабинет был назван «последним из классических франкистских кабинетов равновесия»[29]. На самом деле искусно сбалансировал правительство не сам Франко, это заранее сделал Карреро Бланко. С одной стороны, преобладание

технократов в списке членов нового правительства можно было приписать тому, что каудильо удовлетворен их работой. С другой же стороны, значительная часть работы перепоручалась Карреро Бланко.. Номинально Муньос Грандес оставался вице-председателем правительства, но его болезнь позволила Карреро ближе подойти к рычагам управления.

В конце концов была принята отставка Наварро Рубио, и его место занял самый старший по положению функционер Хуан Хосе Эспиноса Сан-Мартин[30]. Назначение Альберто Ульястреса послом при ЕЭС свидетельствовало об особом приоритете отношений с Сообществом. На посту министра торговли Ульястреса заменил Фаустино Гарсиа Монко. Как и Эспиноса, Монко состоял в «Опус Деи». Лопес Родо остался комиссаром плана развития и приобрел к тому же пост министра без портфеля. Теперь сражения, которые Карреро Бланко вел с Солисом, предстояло проводить Лопесу Родо. По предложению Лопеса Родо, 72-летнего Хорхе Вигона сменил на посту министра общественных работ Федерико Сильва Муньос. Незаметный технократ Сильва проявит себя как активный реформатор испанской транспортной системы. Вместо Сирило Кановаса министром сельского хозяйства стал Адольфо Диас Амброна, тоже по предложению Лопеса Родо. В узких границах франкистской системы это правительство можно было считать почти аполитичным. Ньето Антунес прокомментировал его состав так: «У нового правительства есть хороший генштаб, но в нем нет людей»[31]. Состав правительства указывал на укрепление позиций технократов, но фалангисты были далеки от того, чтобы признать свое поражение. Удивленный тем, что Франко не обсудил с ним предстоящие перемены, Ньето Антунес сказал Фраге: «Я до этого думал, что мы гораздо ближе с каудильо»[32].

Летом, в течение которого Франко много времени уделял охоте и рыбной ловле, а именно 13 августа, на заседании правительства открылась дискуссия по предложенному Фрагой Закону о печати. До этого Фрага не раз представлял каудильо проекты закона, которые тот придирчиво критиковал. Франко оставался непреклонен в том, что свобода не должна превращаться во вседозволенность (libertinaje), наблюдаемую, по его мнению, в демократических странах. Он требовал, чтобы издатели несли ответственность за публикуемые материалы под угрозой закрытия или конфискации газет. Каудильо также перечислил сферы, которые нельзя затрагивать, в частности, Церковь и Движение. Карреро Бланко и Алонсо Вега выразили серьезные возражения по проекту, но Фрага энергично защищал его. Франко прекратил дебаты, сказав: «Я не верю в свободу

прессы, но многие серьезные обстоятельства заставляют нас пойти на этот шаг». В последующие месяцы текст еще не раз обсуждался. Упорно противостояли ему Алонсо Вега и другие реакционные элементы в правительстве. Они пытались убедить Франко в том, что закон угрожает самим основам режима. Тем не менее к февралю 1966 года закон был подготовлен для представления в кортесы и формального утверждения. Франко цинично сказал Фраге по поводу закона: «Не будем слишком добродушны. Как и все прочие, давай использовать косвенные средства контроля»[33].

С середины 1960-х годов делались попытки изобразить каудильо абсолютно здоровым. Он испытал большую радость, проведя две недели у берегов Испании, где приваживал тунца. Сочтя, что приготовлений достаточно, Франко вместе с Ньето Антунесом и Солисом вышел в море на своем «Асоре» и поймал тунца весом в 375 килограммов — европейский рекорд. Когда-то он мог преследовать кашалота днями. Макс Боррелль говорил: «Видя, как Франко преследует кита, понимаешь, как он добился успеха в политической и военной карьере. Его упорство таково, что он может преследовать кита до самой России»[34]. Двадцатого августа 1966 года было объявлено, что каудильо поймал в Атлантике 25-тонного кита, а 7 сентября — что он загарпунил тридцать шесть китов. Летом 1968 года 76-летний Франко, как сообщалось, загарпунил 22-тонного кита[35]. Легко предположить, что и команда «Асора» играла какую-то роль в этих удачах.

Несмотря на время, проведенное в охоте на китов, а также в охотничьих вылазках на козлов и оленей, Франко по-прежнему серьезно относился к своей обязанности и председательствовал на заседаниях правительства, однако не делал почти ничего, чтобы дать конкретное направление правительственной политике. Он начал принимать министров по одному, и те говорили ему, что собираются делать. Затем, когда министры собирались вместе и церемонно входили в зал заседаний, Франко делал обзор основных событий внутри страны и за рубежом с момента предыдущего заседания. По мере того как десятилетие близилось к завершению и здоровье каудильо ухудшалось, эти обзоры становились все короче и в конце концов прекратились совсем. Он все меньше вмешивался и в дела кабинета, менее внимательно контролировал ход дискуссий на заседаниях правительства. Кабинет представлял собой минипарламент. Министры, отдавая дань уважения Франко и соблюдая приличия по отношению друг к другу, могли тем не менее относительно свободно говорить, что им вздумается. Франко редко прерывал их, особенно Алонсо Вегу и Кастиэлью. Иногда он отпускал

слегка саркастические замечания в адрес Алонсо Веги. Каудильо любил подтрунивать над ним[240]. Однажды он пригрозил поставить перед ним таймер для варки яиц, а в другой раз, когда тот закончил необычно быстро, заметил по этому случаю: «Тут несколько делегаций пришли поздравить тебя»[36].

На заседаниях правительства каудильо лишь пассивно председательствовал, не выдвигая инициатив. Его, казалось, не трогало, что в 1965 — 1966 годах все более острый характер приобретали конфликты между Солисом и Ромео Горриа, с одной стороны, и Лопесом Браво и Лопесом Родо — с другой. Лопес Родо выступал за Хуана Карлоса, Солис, находясь в открытой оппозиции к нему, поддерживал притязания на постфранкистский трон Альфонсо Бур-бон-Дампьерре, сына брата дона Хуана — Хаиме[241]. Франко избегал принимать решения. Его охватила апатия, ему не хотелось будоражить министров, определивших свои позиции, и он питал сентиментальную привязанность к Фаланге. Каудильо говорил Лопесу Родо, что ему нужна Фаланга, как Папе Римскому — священнослужители[37]. Двадцать четвертого февраля 1966 года он сделал Карреро Бланко признание, свидетельствующее о том, что его обычная нерешительность и желание уйти от проблем превратились в политическую немощь. Вот его слова: «Я готов был принять отставку министра труда и провоцировал его предложить отставку, но он так и не сделал этого. Не нравится мне его политика». В мае 1966 года Лопес Родо сообщил Франко, что пресса руководимого Солисом Движения подвергает нападкам экономическую политику правительства. Каудильо попытался вяло защитить Солиса, а затем согласился с Лопесом Родо, что ситуация неприемлемая, но так ничего и не предпринял[38]. Доклад о политической ситуации в стране, составленный в конце сентября Хироном и переданный Пакону для Франко, подчеркивал, что хватка каудильо слабеет: «Диктатура одного человека превращается в диктатуру восемнадцати министров». В начале 60-х годов заседания кабинета продолжались по-прежнему До бесконечности, начинаясь в 10 часов утра и часто заканчиваясь поздней ночью. Однако к середине десятилетия заседания затягивались все реже, а к концу его и вовсе не выходили за пределы послеобеденного времени[39].

Одним из многих деятелей франкистской верхушки, предлагавших идеи Органического закона, был либеральный католик Антонио Гарригес, которого в феврале 1964 года Франко направил послом при Святом Престоле в надежде, что тот сумеет повторить в Ватикане свой вашингтонский успех. В начале сентября Гарригес излагал Франко в Паласио-де-Айете в Сан-

Себастьяне свои мысли о будущем. Каудильо слушал его с улыбкой, не перебивая, а когда тот закончил, спросил, знает ли он, что значит для него «Мовимьенто». Гарригес ответил отрицательно. Тогда Франко широко улыбнулся и объяснил: «Ну, это движение — как бы клака. Вы замечали, что когда собирается много народу, то нужно, чтобы несколько человек захлопали, а другие потом присоединятся к ним? Вот так приблизительно мне представляется назначение Движения»[40]. С тех пор как Арресе привел Франко в восторг своими мертворожденными планами закрепить вечное главенство Фаланги в испанской политике, прошло десять лет, и каудильо за эти годы проделал большой путь.

На заседании кабинета 19 ноября 1965 года новый министр юстиции Антонио Ориоль говорил о том, что недавно диктаторские режимы подверглись осуждению II Ватиканского Собора, работа которого близилась к концу. Франко благодушно заметил:' «Я не принимаю на свой счет упоминание о диктаторах, хотя такое заявление может создать проблемы для некоторых стран Латинской Америки»[41]. Двадцать пятого ноября 1965 года Мануэль Фрага дал интервью газете «Таймс». В частности, он сказал, что испанцы уверены, что наследником Франко будет Хуан Карлос. Вряд ли Фрага осмелился бы сделать такое заявление без разрешения каудильо. Ведущие фалангисты ответили на это активизацией мер в поддержку второго претендента на трон — Альфонсо де Бурбон-Дампьерре[42].

Вопрос о будущем раскалывал Совет министров. Двадцатого января 1966 года Карреро Бланко предложил Франко в качестве замены Муньоса Грандеса в должности начальника генштаба себя. Тому пора было уйти по возрасту. Приверженный стратегии технократов на установление авторитарного режима, основанного на экономическом процветании Карреро Бланко в качестве наследника Франко видел Хуана Карлоса и опасался, что Муньос Грандес предпочтет более радикальный, фалангисгский вариант. Каудильо был в нерешительности, полагая, что Муньоса Грандеса смешать нельзя, иначе он станет центром притяжения недовольных фалангистов. Однако Франко заверил Карреро в том, что «тот болен и долго не протянет»[43]. Девятого февраля инициативу Карреро Бланко подхватил Лопес Родо и сказал каудильо, что необходимо решить вопрос о наследнике. Он использовал ту же аргументацию, что и Лора Тамайо незадолго до него, утверждая: если Франко не определит планов на будущее, то после его смерти воцарится хаос. Глаза каудильо наполнились слезами, и он сказал: «Да, будет хаос, будет хаос». Но затем он посетовал на то, что претендентов слишком много и

что это порождает трудности. Кроме дона Хуана и Хуана Карлоса, на трон претендовали Альфонсо де Бурбон-Дампьерре и карлист Карлос Уго де Бурбон-Парма, в пользу которого отказался от своих прав его отец дон Хавьер де Бурбон-Парма[44]. Франко поощрял появление новых кандидатов, ибо это позволяло ему не торопиться с выбором. Однако сам он не рассматривал кандидатуру дона Хуана, считая его слишком либеральным, Хавьера и Карлоса Уго каудильо тоже отверг, убежденный в том, что иностранцы не имеют права быть королями Испании[45].

Франко тянул с решением о наследнике отчасти и потому, что не желал смириться с мыслью о неизбежности своего ухода от власти. Он знал: как только будет названо имя наследника, активизируются оппортунисты, стремясь втереться в доверие к наследнику, а это ослабит власть каудильо. Тревожил Франко и полученный им доклад спецслужб о контактах Хуана Карлоса с прогрессивными элементами. В перспективе это означало, что, став королем, тот не воспротивится установлению многопартийной системы[46]. Каудильо не хотел решать вопрос, пока не получит заверений Хуана Карлоса в том, что он сохранит верность принципам Движения. Это выглядит забавным, поскольку левые и Фаланга были убеждены, что высокий красивый 28-летний принц — серая посредственность и марионетка Франко. Застенчивому и сдержанному Хуану Карлосу было бы нелегко рассеять это предубеждение.

В одном каудильо не сомневался и сказал об этом Фраге в начале июня: дон Хуан исключается, поскольку он расколет фалангистские силы[47]. Франко разгневало, что дон Хуан, уже не надеясь, что его назовут наследником, создал самый настоящий теневой кабинет, возглавленный Хосе Мариа де Ареилсой, графом де Мотрико. В октября 1964 года Ареилса, франкистский посол в Париже, ушел в отставку. Возмущение мирового сообщества, вызванное Мюнхеном и казнью Гримау, а также прохладная беседа с каудильо убедили его, что режим находится в глухом тупике. В начале 1964 года Ареилса сказал Франко о необходимости реформ, но ответом ему было ледяное молчание. Поскольку уже давно считалось, что Ареилса станет преемником Кастиэльи, его переход к монархистам сильно задел каудильо. Не вызывало сомнений, что поведение амбициозного Ареилсы точно отражает изменение политического климата[48].

Алонсо Вега возглавил растущую в кабинете оппозицию новому Закону о печати, но Франко продолжал поддерживать Фрагу. Предполагалось отменить предварительную цензуру, возложив на журналистов и издателей ответственность за опубликованные материалы. Запрещалось критиковать Франко,

Фалангу, армию и принципы режима, однако при всех ограничениях закон сулил реальные перемены, поэтому самые реакционные элементы режима опасались возможных последствий. На Фрагу оказывали давление Раймундо Фернандес Куэста и зять Франко, маркиз де Вильяверде. Последний с горечью заметил: «Ни у вас [реформистов], ни у этого человека [Франко] не хватает энергии править страной»[49].

Весной 1966 года Муньос Грандес говорил гражданскому губернатору Авилы: «Генералиссимус забывает теперь звонить мне. Он сейчас в плохой форме, поэтому распустил людей (deja hacer damasiado), и многие грязные типы этим пользуются»[50]. Но иногда каудильо проявлял ясность ума и редкую решимость. Девятого марта 1966 года в монастыре капуцинов в Сарриа в Барселоне был основан демократический студенческий союз. На следующий день на заседании правительства Алонсо Вега упомянул об этом, как о малозначительном событии. Франко, казалось рассеянный, внезапно прервал его и представил подробную и весьма мрачную картину событий. Он приказал Алонсо Веге немедленно отдать распоряжение, чтобы студенты покинули монастырь. Тот встал по стойке «смирно» и попросил разрешения идти. Вернулся он через двадцать минут и доложил: «Генерал, приказы исполнены, жертв с обеих сторон нет»[51].

К этому времени Франко играл столь несущественную роль в ежедневных делах правительства, что распространились слухи о его болезни. Когда Пакон сообщил каудильо о слухах, тот сказал: «Моя единственная болезнь — это мои семьдесят три года, и этого вполне достаточно, чтобы не иметь иллюзий насчет того, что я проживу еще много лет». Не исполняя повседневных обязанностей, он держался более раскрепощенно. Здоровье его, несомненно, ухудшалось, но иногда, несмотря на старческие недуги, Франко чувствовал себя бодрым[52]. Проведя, как обычно, отдых на рыбалке в Астурии, Франко вернулся загорелый и рассказывал о том, как подолгу сидел на берегах холодных рек Астурии[53]. Несколько дней спустя он принимал ежегодный парад победы и простоял полтора часа под проливным дождем, бодро приветствуя проходящие колонны[54].

Но каудильо никогда не забывал ни о своем возрасте, ни о вопросе о наследовании. Тринадцатого июня 1966 года он передал Карреро Бланко окончательный вариант Органического закона государства. После этого Франко отправился в турне по Каталонии, чтобы ослабить накал студенческих и региональных волнений. В середине июля он вернулся в Мадрид изможденным. Его уже не волновали проблемы управления страной, он думал только о летнем отпуске и продолжительном отдыхе. Условились,

что текст Органического закона будет представлен кортесам в начале октября. Однако и после отдыха каудильо не проявлял никакого интереса к обсуждению закона. Он сомневался и в том, стоит ли допускать обсуждение текста в кортесах. В конечном счете закон был представлен только 22 ноября[55]. Договорились не устраивать никаких дебатов по закону в целом. Вначале решили представить его в кортесы, а после этого — испанскому народу, без публичного анализа его достоинств и недостатков, а больше для проведения разъяснительной работы. Франко,'настроенного против всяких уступок вообще, серьезно тревожили возможные последствия закона Фраги о прессе. Четвертого ноября он сказал: «Я уже сыт одним тем, что газетчики каждое утро просыпаются, спрашивая себя: а что мы будем критиковать сегодня?»[56]

Двадцать второго ноября 1966 года каудильо, надев очки, зачитал в кортесах свою речь по случаю представления Органического закона государства. По тону она казалась прощальной, хотя Франко заявил, что не собирается уходить в отставку. В речи звучали знакомые мотивы: он говорил о своем взгляде на испанскую историю, выражал убеждение в своей провиденциальной миссии, охотно принимал поклонение, объектом которого его сделал пропагандистский аппарат. «Бог дал нам нужную силу и необходимое ясновидение» — так объяснил он истоки испанского нейтралитета во Второй мировой войне. Обозревая тридцать лет своего правления, Франко с гордостью и оттенком сострадания к себе заявил: «Все последние тридцать лет жизни я посвятил Испании. И дистанция между исходным пунктом и целью, намеченной нами, была столь огромной, что только вера и помощь Господа дали мне силы принять на себя высокую и тяжелую ответственность — управлять испанским народом. Берущий на себя такую ответственность не может рассчитывать на отдых или передышку, но должен принести себя в жертву ради выполнения этой задачи».

Желая подчеркнуть взаимосвязь своих достижений с перспективами на будущее, он обратился к слушателям со следующими словами: «Подумайте, в каком виде я получил отчизну? И вот из этой анархической и обнищавшей страны выросла Испания политического и социального порядка, на почве чего мы добились трансформации наших структур, достигли темпов развития и прогресса, доселе неведомых... Моя работа состояла в том, чтобы ночь за ночью сидеть у постели смертельно больной страны. Она умирала, ее довели до войны, разрухи и голода, и вокруг нее, словно хищные птицы, собрались великие державы». Он объяснил, почему франкизм выжил в таких тяжелых условиях. Заявив, что политические партии угрожают

национальному единству, Франко предложил вместо них, как он это назвал, «легитимный контраст мнений». Новый Органический закон государства каудильо считал венцом конституционного процесса, начатого принятием Хартии труда (Fuero del Trabajo), «этой поистине Великой хартии[242] социальной справедливости в Испании». Длинный и сложный текст зачитал затем председатель кортесов Антонио Итурменди. Без всякого обсуждения документа, состоявшего из десяти разделов, шестидесяти шести статей и множества дополнительных пунктов, каудильо затем призвал депутатов дать согласие на новый закон, что они и сделали, издав одобрительные выкрики[57].

Кинохроника и очевидцы события свидетельствуют о резком контрасте между звонкой победной риторикой самого текста выступления и слабым голосом поникшего и постаревшего Франко. Его появление было встречено долгими аплодисментами, но он обвел зал невидящим взглядом. Сначала каудильо жестикулировал обеими руками, чтобы подчеркнуть определенные моменты, потом только правой. Он читал монотонно, опустив голову и не отрывая глаз от текста. В последние полчаса хотя Франко произносил слова внятно, но от прежнего ритма и интонации не осталось и следа[58]. Давали знать о себе симптомы болезни Паркинсона. Ее проявления становились все более заметны, но верхушка режима даже не упоминала об этом, а испанским средствам массовой информации было велено молчать[59].

Тремя неделями позже Франко выступил перед нацией по телевидению и радио, чтобы добиться ее поддержки на предстоящем референдуме. В соответствии с официальным лозунгом «Франко — да!» (Franco si!) каудильо считал референдум выражением доверия ему лично. Он выразил сожаление по поводу того, что кое-кто мечтает вырядиться в иностранные одежды, забывая при этом, что демократия — фикция. А враждебное отношение к его режиму за рубежом каудильо истолковал как признак восхищения. Сказав «да», считал Франко, испанцы отблагодарят его за то, что он принес свою жизнь в жертву их благополучию. Каудильо обратился ко всем поколениям: «Все вы знаете меня. Самые пожилые — еще со времен Африки, когда мы сражались за умиротворение в Марокко. Люди зрелого возраста — с тех пор, когда в обстановке хаоса Второй республики вы связали с моим капитанским постом свои надежды на защиту мира, подвергшегося угрозе. Воины крестового похода, вы никогда не сможете забыть волнующие времена, когда совместные усилия были направлены на достижение победы над коммунизмом. Те, кто страдал под игом

красных, навсегда запомнят бесконечную радость освобождения. Те, кто с тех пор был верен моему курсу, стал участником победы над всеми заговорами и осадами, направленными против Испании. Те, кто прожил эти двадцать пять лет мира, вдохновляя наш народ своими песнями веры и надежды, слишком хорошо знают, как я держал свое слово».

Франко ничего не обещал в будущем, а всего лишь трогательно просил оплатить прошлые заслуги. «Я никогда не руководствовался стремлением к власти. Даже в юности на мои плечи возлагали обязанности, несоразмерные с моим возрастом и званием. Я хотел бы тогда радоваться жизни, как многие простые испанцы, но служба отечеству забирала каждый час моего времени и занимала всю мою жизнь. Я вел корабль государства тридцать лет, спасая нацию от штормов современного мира, но, несмотря ни на что, продолжаю работать в том же духе, служа отчизне, как и в ранние годы, отдавая вам все, что у меня осталось. Стоит ли говорить, что я прошу и вас, в свою очередь, оказать поддержку законам, которые созданы только для вашей пользы и для пользы нации и скоро будут представлены на референдум?»[60]

Речь Франко была составной частью массированной кампании, организованной Фрагой (он задействовал все средства массовой информации) и направленной на обеспечение успеха референдума. С гигантских плакатов, развешанных на улицах, смотрел с сияющей улыбкой патриарх режима. Про голос «нет» писали, что это голос за Москву. В референдуме по Органическому закону 14 декабря 1966 года приняло участие 88 процентов электората. Менее двух процентов проголосовали «нет». Неизвестно, не были ли сфальсифицированы результаты референдума. Не проводилось никакого обсуждения нового закона, по существу непонятного: оппозицию запугали и заткнули ей рот. На избирательных участках стояли полицейские, люди опускали развернутые бюллетени в стеклянные урны — конвертов и кабин для голосования не предусматривалось. Порой многократно голосовали одни и те же лица. В некоторых местах власти проявили такую расторопность, что там проголосовало 120 процентов электората — это явление потом объяснили голосамй «транзитных избирателей» (transeuntes). Огромная часть населения как бы превратилась в кочевников, хотя ни в одном муниципалитете не зафиксировали значительного уменьшения численности электората, чтобы объяснить этим увеличение числа избирателей в других местах[61].

Тем не менее референдум оказался в целом победой для Франко. Одни проголосовали «да», благодарные за прошлое и

удовлетворенные нынешним ростом благосостояния, другие — в надежде приблизить переход от диктатуры Франко к монархии. Франко обрадовался результатам и был особенно доволен изобретательным Фрагой, не знающим усталости.

Подготовка к передаче власти сдвинулась с места, и до начала 1967 года у каудильо не было особых дел. Достигнув семидесяти четырех лет, он временами казался тенью прежнего Франко. В кинохронике того времени особенно заметна затрудненность движений и отсутствие живости в выступлениях. Телепередачи с его участием представляли большие трудности, и целая группа телевизионных техников была в курсе дела. Министры видели, что он угасает, но предпочитали не замечать этого. В вопросе о том, «что случится после смерти Франко, оставалось множество неясностей и после принятия Органического закона. Боясь потерять все, многие из верхушки режима заключали молчаливое соглашение вести себя по отношению к Франко так, словно он по-прежнему контролирует ситуацию. Каудильо значительную часть времени работал как обычно, но потом надолго становился недоступен для контактов.

Механизм управления находился в руках Карреро Бланко и Лопеса Родо. Государственный террор, особенно свирепствовавший с 1936-го по 1944 год, поверг общество в политическую апатию. Главным вопросом повседневной политики стало будущее, поэтому возникли попытки любыми средствами пробиться на те позиции, где Франко пришлось отойти на второй план. Каудильо уже не был главным игроком в той игре, которая называлась испанской политикой. Это сказалось даже в том, что все чаще появлялись фотографии, изображавшие, как он играет с внуками, охотится или ловит рыбу. Франко с неизменно скромной улыбкой теперь казался далеким и высоким. У него появился досуг. На это указывает тот факт, что в мае 1967 года он выиграл в футбольном тотализаторе миллион песет[243] — по купону, подписанному «Франсиско Франко». В графе «адрес» было написано просто: «Пардо, Мадрид»[62]. Такая удача, несомненно, лишний раз убедила каудильо в демократической природе его режима.

В его внешней политике появились признаки большей взвешенности — или, по крайней мере, осторожности. На заседаниях кабинета и в многочисленных беседах со своим двоюродным братом Паконом Франко начал проявлять холодный рационализм во всем, что касалось вопроса о Гибралтаре и отношений с Соединенными Штатами. Это резко контрастировало с разнузданной агрессивностью Кастиэльи и других министров. В феврале 1966 года каудильо сказал:

«Британцы легко не уступят, фрукт еще не созрел, и, возможно, мы не увидим, как он упадет. Но я уверен, что однажды «скала» вернется к Испании». Восемь месяцев спустя, когда вопрос был поставлен в ООН и получил немедленный отпор в Лондоне, Франко заявил на заседании правительства, что агрессивная пропаганда являлась ошибкой и бесполезно пытаться унизить британцев. Он твердо осадил Кастиэлью, предложившего поднять воздушные шары вокруг Гибралтара на небольшой высоте, с тем чтобы помешать воздушному сообщению британцев со «скалой». Хотя резолюция Организации Объединенных Наций высказывалась за отмену колониального статуса Гибралтара, Франко утверждал: достигнуть позитивных процессов можно, лишь убедив британское общественное мнение в том, что «скала» принадлежит Испании.

Даже после плебисцита, организованного британцами в сентябре 1967 года, когда гибралтарцы почти единодушно проголосовали за то, чтобы остаться в составе Великобритании, Франко выразил твердое убеждение: агрессивная позиция только повредит Испании. Два месяца спустя он спокойно сказал: «Не следует думать, что мы где-то добьемся чего-то быстрее с помощью насилия»[63]. На заседании кабинета в 1967 году каудильо заявил: «Не вижу смысла подставлять ножку сильному»[64]. В конце ноября 1968 года он сказал Лопесу Родо: если Советский Союз поддержит позицию Испании по Гибралтару, то Соединенные Штаты окажут еще более активную поддержку Британии. В связи с этим Франко приказал Кастиэлье прекратить пропаганду[65]. Однако 7 июня 1969 года с одобрения Франко границы с Гибралтаром были все же закрыты и, как он заявил, это продлится до тех пор, пока успешно не завершатся переговоры о возвращении «скалы» Испании[66].

В марте 1967 года Солис вручил каудильо текст предложенного им Органического закона Движения (Ley Organica del Movimiento). Этот документ допускал образование «политических ассоциаций» только в рамках одной партии. В течение апреля и мая многие министры дали крайне отрицательные отзывы о предложенном законе. Алонсо Вега, Карреро Бланко, Лопес Родо, Сильва Муньос и другие предпочитали Движение в нынешнем расплывчатом виде, считая его зонтиком для всех испанцев. Это соотносилось с концепцией технократов об аполитичности и о процветающей экономике, направляемой умелыми администраторами. План Солиса представлял собой смягченный вариант схем Арресе 1956 года. Франко, убежденному, что референдум высказался в поддержку его личной власти, импонировала идея воздвигнуть

конституционные преграды на пути появления политических партий, и он не отверг категорически проект Солиса[67].

Солис и Лопес Родо ссорились из-за будущего, а у Франко быстро ухудшались взаимоотношения с Церковью. Последующие папские нунции, Антонио Рибери и Луиджи Дадальо (Dadaglio), выбирали самых прогрессивных кандидатов на вакантные епископские места. Каудильо не хотел отказываться от своей привилегии выбирать епископов из предложенного ему списка. Однако на практике он никогда не возражал против рекомендаций нунциев. За привилегию же Франко упорно держался. Отчасти потому, что был убежден в своем полукоролевском статусе, отчасти из врожденной осторожности — он не желал складывать оружия на случай, если Ватикан окончательно подпадет под масонское и коммунистическое влияние, уже ощутимое в либерализме, который проповедовал Ватикан после собора. 1967 год был в этом смысле решающим, поскольку предстояло заменить по возрастным показаниям двенадцать епископов. Этой возможности и ждал Папа Павел VI: насквозь консервативную испанскую иерархию необходимо было привести в соответствие с более прогрессивно настроенными рядовыми священнослужителями.

Антонио Гарригес обратился к каудильо с предложением в одностороннем порядке отказаться от прав, предоставленных ему по конкордату с Ватиканом. Но Франко на это не согласился. Сообщения секретной службы склонили его к мысли, что прогрессивные веяния в Церкви объясняются сексуальной распущенностью отдельных ее служителей[68]. В этот период каудильо приписывал своим врагам все самое дурное. Испанский посол в Риме, Альфредо Санчес Белья, сообщил, что американцы финансируют социалистические партии, и это странным образом укрепило давнюю тенденцию Франко обвинять во всем международное франкмасонство. Тринадцатого марта 1967 года он сказал Пакону: «Я считаю, что вся направленная против нас деятельность в западном мире осуществляется людьми, которых субсидирует ЦРУ, чтобы создать в Испании политическую систему американского стиля — в день, когда меня не станет»[69].

В феврале 1967 года Муньос Грандес признался Фраге, что они с Франко все больше отдаляются друг от друга: «Мы оба уже сыты по горло нашими спорами». Двадцать первого июля Франко сказал Муньосу Грандесу: «Я знаю, что вы недовольны, но не могу удерживать вас силой». Однако, приняв решение, каудильо приказал Карреро Бланко отложить публикацию сообщения об этом в Официальном бюллетене государства (Boletfn Oficial del Estado) до того времени, пока политическая элита не разъедется

из Мадрида в отпуска. С Муньосом Грандесом связывали большие надежды те элементы в Фаланге, которые противились переходу к монархии, и Франко, видимо, опасался проявлений их враждебности. Технократы уповали на то, что в рамках Органического закона каудильо назначит Карреро Бланко председателем Совета министров. Однако беспредельно преданный Карреро не хотел занимать этого поста, считая, что никто не сможет исполнять эту работу лучше Франко. Два месяца каудильо ничего не предпринимал, желая, чтобы страсти улеглись. Амбициозный Фрага мечтал занять этот пост, но, поскольку каудильо не доверял ему, а Карреро Бланко — и того меньше, у него не было ни малейшего шанса. Наконец, после заседания кабинета в Сан-Себастьяне, направляясь с Карреро Бланко в машине на какое-то официальное мероприятие, Франко между прочим сказал спутнику, что тот будет заместителем председателя Совета министров. Объявление об этом появилось 21 сентября 1967 года[70]. Это был логичный ход. Карреро Бланко верно служил каудильо с 1941 года, к тому же они придерживались одних взглядов.

Большая часть франкистов считали Карреро Бланко гарантом истинного франкизма. Однако в высших сферах режима стремление Карреро видеть наследником Франко Хуана Карлоса делало его объектом ревнивого подозрения. Распространился слух, будто в сентябре 1967 года каудильо перенес кровоизлияние в мозг, поэтому передал часть власти Карреро Бланко[71]. Об этом не упоминают в воспоминаниях те, кто регулярно встречался с Франко. И все же, озабоченные тем, что недееспособный каудильо оказался в руках Лопеса Родо и группы членов «Опус Деи», неперестроившиеся франкисты приняли свои меры. Они опасались, что, поддерживая Хуана Карлоса, Франко откроет дорогу либеральной монархии, и уж по крайней мере такой, которая положит конец монопольным привилегиям — достоянию Фаланги-Движения. В середине 60-х годов пресса Движения развернула настоящую войну против «Опус Деи». Каудильо так комментировал это: «Единственные газеты, которые не прислушиваются к тому, что говорят их владельцы, — это газеты Движения»[72].

Тайную борьбу вели и ближайшие к Франко лица, обитатели дворца Пардо, придерживавшиеся правых взглядов. Они стремились к тому, чтобы все более дряхлеющий каудильо законсервировал существующую политическую систему. К ним относились Кристобаль Мартинес-Бордиу, донья Кармен и такие твердые фалангисты, как Хирон. Они имели связи с другими надежными приверженцами режима в армии, считавшими ее

преторианской гвардией режима. Они, вероятно, испытывали удовлетворение оттого, что к концу 60-х большинство высших так называемых «голубых»[244], или фалангистских, генералов (generales azules) — Альфонсо Перес Виньета (Vineta), Томас Гарсиа Ребулль, Карлос Иниеста (Iniesta) Кано и Анхель Кампано Лопес — занимали ключевые оперативные позиции. В последние годы Франко из-за болезни и лекарств завладевала то одна, то другая группа. Изначально он, разделяя взгляды Карреро Бланко — Лопеса Родо, намеревался осуществить переход к авторитарной монархии. Однако чем больше старел каудильо, тем внимательнее прислушивался к тревожным сообщениям интриганов. Его политическая энергия явно шла на убыль, он меньше интересовался прессой и тем, что делают его министры. Изолированному от жизни Франко приходилось просить Фрагу, Солиса и других министров подыскать кандидатуры на высокие посты: «Вы вращаетесь в мире и можете помочь мне. Я так долго сижу взаперти, что уже никого не знаю»[73]. Если каудильо не уезжал на охоту, то смотрел телевизор или кино. Появление в Испании цветного телевидения еще сильнее привязало Франко к экрану[74].

В новых кортесах, которые начали свою работу 17 ноября 1967 года, третья часть депутатов была избрана главами семейств. Это не означало особой либерализации: все депутаты были членами Фаланги, а примерно половину из них составляли высокие сотрудники госаппарата. Во всяком случае, как отметил Франко в разговоре с одним из своих министров, кортесы не обладали самостоятельностью. Только каудильо мог санкционировать принятие законов[75]. За день до открытия работы кортесов Франко сказал Пакону, что не воспользуется этим случаем для объявления о перестановках в правительстве. Стараясь умалить значимость назначения Карреро на пост вице-председателя правительства, каудильо заявил, что «конституция», по которой в случае его смерти будет назначен премьер-министр, делает это необходимым, но, к счастью, в этом нет нужды[76]. В своей речи на открытии кортесов он с издевкой отозвался о тех, кто желает возврата к либеральной демократии. В речи содержались намеки на возможность послаблений (apertura), но каудильо подчеркнул, что если и так, то в весьма узких границах[77].

В день семидесятипятилетия Франко сказал кузену, что чувствует себя крепким, но не надеется дожить до девяноста лет[78]. Его политические инстинкты приобретали склеротический характер. Возмущенный в начале 1968 года беспорядками в университетах, Франко твердо решил, что это дело рук

зарубежных агитаторов, а радикальных священников назвал замаскировавшимися коммунистами[79]. Его обрадовало, что генерал, командующий Барселонским военным округом, силой подавил выступления левых и либеральных священнослужителей и студентов университетов[8]?.

О монархической газете «А-бэ-сэ» он говорил как о «враге». Его решимость не допустить прихода на трон дона Хуана базировалась не столько на неприятии нынешних взглядов претендента, сколько на тлеющем недовольстве его Лозаннским манифестом 1945 года. Отношение Франко к дону Хуану и сомнения в вопросе о монархическом наследовании обрушились в связи с празднованием 30 января 1968 года рождения Фелипе, сына Хуана Карлоса. На крестины из Ниццы прилетела королева Виктория-Евгения, вдова Альфонса XIII, мать дона Хуана и бабушка Хуана Карлоса. Франко отказался встретить ее в аэропорту Барахас. «Вы должны понять, ваше высочество, — объяснял он Хуану Карлосу, — что я не могу компрометировать государство, появившись там». На это Хуан Карлос сухо возразил ему, что в Органическом законе государства он связал будущее государства с монархией. Каудильо отказался принять дона Хуана. Франко рассердило, что несколько министров — Кастиэлья, Эспиноса Сан-Мартин и Лора Тамайо — поехали в аэропорт, не спросив у него разрешения. Он удержал от этого Алонсо Вегу. Один лишь Антонио Мариа Ориоль, министр финансов, на которого были возложены официальные обязанности по поддержанию отношений с королевским семейством, отправился в аэропорт с благословения каудильо. На церемонии крещения маленького Фелипе, где присутствовали дон Хуан и принц Хуан Карлос, Виктория-Евгения, улучив момент, сказала каудильо: «Что ж, Франко, перед вами три Бурбона. Решайте». Тот промолчал[81].

С возрастом у Франко не возникло желания примириться с врагами. Он любил, когда его называли каудильо всех испанцев, но хотел быть вождем только «хороших» испанцев. Услышав предложение назначить калекам-ветеранам из республиканцев государственную пенсию, Франко разгневался — настолько дикой показалась ему мысль поставить «отбросы испанского общества» на одну доску с благородными людьми и героями[82]. Четвертого июня 1968 года, узнав от Лопеса Родо об убийстве Роберта Кеннеди, каудильо проявил свою обычную предвзятость. Лопес Родо воспользовался случаем, чтобы подтолкнуть Франко к восстановлению монархии, отметив, что если подобное случилось в Соединенных Штатах в ходе предвыборной президентской кампании, то при выборах президента испанской республики

тоже может найтись какой-нибудь свихнувшийся убийца. Каудильо отверг предложение Лопеса Родо, категорически заметив при этом: «В Соединенных Штатах лунатиков больше»[83].

Двадцать девятого апреля 1968 года Папа Павел VI направил Франко письмо, призывая его отказаться от привилегии выбирать епископов из трех имен, предлагаемых папским нунцием. Папа брал на себя обязательство заранее сообщать ему имена кандидатов в епископы, чтобы Франко мог изложить свои возражения. Каудильо воспользовался своими прежними аргументами и, ответив по-византийски циничным письмом, отклонил просьбу Ватикана на том насквозь фальшивом основании, что только кортесы могут поправить нынешнюю ситуацию, а испанское общественное мнение не поддержит односторонних уступок. Этот поступок Франко еще более обострил враждебность Ватикана к его режиму[84]. В 70-х годах Ватикан будет пользоваться двумя приемами, чтобы отстоять свои позиции. Первый заключался в том, чтобы представлять Франко лишь одного, а не трех кандидатов на вакантное епископское место. Другой способ состоял в том, что Ватикан вообще обходил этот вопрос и назначал исполняющего обязанности епископа. Считаясь формально только смотрителем епископата, такой священнослужитель не нуждался в одобрении каудильо.

Франко привели в замешательство нарастающий либерализм Католической церкви и действия отдельных епископов — например, Хосе Мариа Сирарды (Cirarda) из Сантандера, осудившего репрессии полиции. Каудильо считал, что спас Церковь, поскольку если бы в Испании пришли к власти коммунисты, они сожгли бы церкви и перебили епископов[85]. Число епископов, все активнее поддерживающих оппозицию режиму, увеличилось. Летом 1968 года Франко отдал распоряжение своему министру юстиции Ориолю открыть в Саморе специальную тюрьму для священнослужителей. К удивлению Церкви и каудильо, там оказалось более пятидесяти священнослужителей[86]. Следствием сдвига Церкви влево было возникновение в стане франкистской коалиции ультраправого антиклерикализма. Наиболее активными его проповедниками следует считать неонацистскую политическую группировку «Новая сила» (Fuerza Nueva) во главе с Бласом Пиньяром (Pinar) и ее вооруженные террористические отряды «Воины короля Христа» (Guerrilleros de Cristo Rey).

Франко, видимо, лишь изредка замечал, что его кабинет уже целый год пребывает в состоянии паралича из-за противостояния между фалангистами и технократами. В течение лета и осени 1968 года Карреро Бланко и Фрага побуждали каудильо обновить

правительство, но он попросту не обращал на это внимания. Одиннадцатого июля Карреро Бланко написал ему длинное письмо, в котором указал, что министры не в состоянии договориться между собой. Он также обвинил Фрагу за политику, проводимую им как министром информации. Он считал, что тот подрывает общественную мораль, разрешая наводнять книжные магазины и киоски «марксистскими работами и самой разнузданной эротикой». Франко, скорее всего, не имел представления о том, что лежит на книжных полках магазинов в это время, поэтому верил в такие страшные россказни, но практически никак не реагировал на них. Прошло больше года, прежде чем произошла желаемая для Карреро Бланко перетасовка правительства, после чего он дал такой комментарий: «Как же медленно рожает этот человек»[87].

Было очевидно, что Франко проявляет все меньше энергии и утратил представление о необходимости безотлагательных действий. В политических кругах любили рассказывать об инциденте, якобы имевшем место летом 1968 года в Сантандере. К каудильо пришел член кабинета, чтобы доложить ему о делах своего министерства, а после беседы попросил его подписать фотокарточку, где он был снят с Франко и другими министрами. Франко согласился, надел очки, взял ручку, а затем, в сомнении уставившись на министра, спросил его, кто он такой[88]. В течение осени каудильо получил от Ориоля, Лопеса Браво и Сильвы Муньоса доклады с просьбой назначить председателя Совета министров[89]. Пройдет еще пять лет, прежде чем он удовлетворит их просьбу. С другой стороны, Франко выступил против Солиса, который начал нападать на второй план развития Лопеса Родо, объявив его орудием американской колонизации[90].

Антиамериканизм был одним из политических стереотипов Фаланги. В сентябре 1968 года истекал второй срок соглашения по базам, продленного в 1963 году. Соглашение можно было продлить автоматически или прекратить его действие. Последнее означало бы старт шестимесячных консультаций для подготовки нового соглашения. В июле 1968 года Кастиэлья сделал неудачный ход, потребовав помощь на сумму в миллиард долларов в обмен на разрешение американцам находиться на испанской земле. Карреро Бланко и военные министры, поддерживаемые генштабом, слишком дорожили связями с американцами, чтобы рисковать ими, поэтому выступали за автоматическое продление. Кастиэлья, Фрага, Солис и большинство других членов кабинета стояли за отмену соглашения, надеясь выторговать условия получше. Франко разделял их точку зрения, ибо стяжательство никогда не

покидало его. После острых продолжительных дискуссий на заседании 24 сентября 1968 года кабинет решил прибегнуть к процедуре свертывания объектов на основании соглашения 1953 года и сделал заявление, призывающее к выводу базы ВВС США в Торрехоне под Мадридом.

Каудильо составил документ, на основе которого следовало проводить переговоры о продлении соглашения[91]. Типичная тактика Франко — завышать цену — на сей раз оказалась крупным просчетом. Через несколько дней он получил новый протест от Муньоса Грандеса, по-прежнему начальника генштаба, заявлявшего, что без дружбы с Америкой испанские вооруженные силы беспомощны, а при этом шансы вернуть Гибралтар резко уменьшаются. Это встревожило Франко. Восемнадцатого ноября, через три дня после избрания Ричарда Никсона президентом США, каудильо принял Дина Раска и провел с ним долгие и напряженные переговоры, но не проявил особой ясности ума, ограничиваясь бесцветными односложными репликами. В этом же месяце Кастиэлья, активно поддержанный прессой Движения, выступил за вывод VI американского флота из Средиземного моря. Это привело Франко в негодование — как потому, что с ним не проконсультировались, так и потому, что шаг Кастиэльи оказался до наивности неуместным: после советского вторжения в Чехословакию антикоммунизм снова приобретал переговорную ценность. И без того подозреваемый в симпатиях к Ватикану Кастиэлья нанес непоправимый ущерб своей министерской карьере. Однако, что характерно для Франко, он отложит на целый год акцию против Кастиэльи[92].

После недавней войны во Вьетнаме сенат США проявлял все большее недовольство американской заангажированностью в Испании, а уж тем более ее усилением. Поэтому, когда Ричард Никсон принял в начале 1969 года бразды правления, Франко обязал Кастиэлью согласиться в принципе на пятилетнее продление соглашения по базам и снизить испанскую цену до 300 миллионов долларов. Однако в сенате нарастала оппозиция всякой сделке с Франко. Ее возглавляли сенаторы Фулбрайт и Саймингтон (Symington). Испанцам не хотелось предупреждать американцев о том, чтобы они покинули базы, поэтому Кастиэлье пришлось объявить 26 марта о «согласии в принципе» и тем самым создать условия для продолжения переговоров. В мае оппозиция в сенате во главе с сенатором Фулбрайтом развила активную деятельность, и Кастиэлья представил пересмотренное предложение — продлить соглашение на год за 50 миллионов долларов военной помощи и кредит в 25 миллионов на военные закупки. Благодаря этому удалось избежать полного разрыва

испано-американских отношений[93].

В предновогоднем выступлении Франко 30 декабря 1968 года почти не было упоминаний об этой проблеме. Он осудил беспорядки в университетах, но в целом проявил спокойствие и удовлетворение[94]. Хотя каудильо выказывал намерение оставаться у власти, годы брали свое. Заседания кабинета проходили теперь раз в две недели, чередуясь с заседаниями правительственного подкомитета по экономическим вопросам (La Comisidn Delegada de Asuntos Economicos). Министры регулярно выходили из зала заседаний — то покурить, то в туалет, но Франко оставался на месте[245]. Впервые он покинул зал 6 декабря 1968 года, и все восприняли это как серьезный признак ухудшения его здоровья. Франко снова покинул зал заседания 5 января 1969 года[95]. В последние шесть лет правления Франко его отсутствие стало обычным.

К осени 1968 года каудильо в основном преодолел сомнения, связанные с вопросом о наследовании[96]. Двадцатого декабря 1968 года он приказал выдворить из Испании карлистского претендента дона Уго-Карлосу де Бурбона-Пар-ма в отместку за его политические махинации. Вскоре после этого Хуан Карлос укрепил свои позиции. Восьмого января 1969 года принц дал интервью официальному агентству ЭФЭ и заявил о своей твердой приверженности идее установления монархии, а не восстановления ее. Проект этого заявления подготовил Фрага. Франко обрадовала подчеркнутая лояльность принца ему и Движению, что отразилось в его беседах с Фрагой и Лопесом Родо в тот же день. Когда Фрага вышел из кабинета Франко, Лопес Родо коротко заметил ему: «Безупречное преступление». Войдя в кабинет, Лопес Родо сказал каудильо: «Принц сжег корабли. Теперь не хватает одного — решения вашего превосходительства». Пятнадцатого января Франко почти пообещал Хуану Карлосу до конца года называть его наследником. Каудильо сказал: «Вам не следует беспокоиться, ваше высочество. Не позволяйте теперь ничему сбить вас с пути. Все сделано». Хуан Карлос ответил ему: «Будьте спокойны, мой генерал, меня многому научили ваши качества галисийца (galleguismo)». Оба рассмеялись, и Франко сделал принцу комплимент: «Это очень похвально со стороны вашего высочества»[97].

Между тем возбуждение в университетах достигало своего пика, и Алонсо Вега при поддержке Карреро Бланко, Ньето Антунеса и Солиса предложил на заседании кабинета 24 января 1969 года ввести чрезвычайное положение. Такие перегибы были характерны для почти восьмидесятилетнего патриарха кабинета,

прозванного студентами Доном Камуло. Он и в самом деле был упрям, как мул. Когда Франко поддержал предложение, все члены кабинета поспешили выразить согласие, что свидетельствовало о политическом банкротстве правительства. В узком кругу Лопес Родо, Сильва Муньос и другие технократы высмеивали эту меру, хотя не выступили против нее На заседании кабинета. Через пять дней после принятия решения Сильва написал Лопесу Родо записку: «Не надо быть провидцем, чтобы предсказать провал репрессий». Другие считали, что это все равно как «стрелять из пушек по воробьям»[98]. Однако Лопеса Родо тревожила не столько абсурдность действий динозавров режима, пытавшихся введением чрезвычайного положения искоренить последствия социальных перемен, сколько опасение, что Франко снова начнет тянуть с объявлением Хуана Карлоса преемником.

На встрече кабинета 21 марта 1969 года Алонсо Вега, получивший соответствующие наставления от Лопеса Родо, призвал отменить чрезвычайное положение. Солис выступил против, полагая, что, пока существует чрезвычайное положение, наследник не будет назван. Технократы пустили в ход аргумент, что режим не должен приближаться к своему тридцатилетию в таких условиях. Фрага ратовал за отмену, утверждая, что чрезвычайное положение нанесет большой урон туризму. Франко закончил дебаты словами: «Раз министр внутренних дел просит, чрезвычайное положение должно быть отменено». Помня о том, как в августе 1968 года совершенно неожиданно случился припадок с Оливейрой Салазаром, технократы настаивали, чтобы каудильо принял решение о наследнике, пока он дееспособен. Седьмого мая Фрага завел с Франко разговор о его возрасте и нарастающем политическом вакууме. Каудильо вежливо выслушал его, ничего не сказал, а затем на десять дней уехал в Астурию ловить семгу[99].

Прежде чем отправиться 7 мая на рыбную ловлю, Франко получил от Карреро Бланко длинный доклад о политической ситуации в стране. В нем был затронут целый ряд проблем, в частности, попытки Солиса и других из Движения создать независимый центр силы на основе нового закона о синдикатах, который Карреро сравнил с предложениями Арресе 1956 года. Он рекомендовал положить этот закон на полку. В связи с отношениями с Церковью Карреро Бланко ополчился на Кастиэлью, считая, что тот больше защищает интересы Ватикана, чем Испании, а также поставил ему в вину неумелое ведение переговоров с Вашингтоном. Он остановился и на том, что угроза со стороны баскской сепаратистской революционной организации ЭТА («Euzkadi ta Askatasuna» — «Родина и свобода») нарастает.

Карреро Бланко подчеркнул, что искоренение ЭТА требует большой тонкости, чтобы операции против нее не затронули отношения со Страной Басков и Церковью. В конце он деликатно призвал каудильо успокоить испанский народ и назвать наследника[100]. Последующие месяцы покажут, как сильно Франко стал полагаться на Карреро. Закон о синдикатах будет заблокирован. Как только сделка с Соединенными Штатами будет заключена, Кастиэлью снимут. В значительной степени из-за неосведомленности Франко борьбу против ЭТА возложили на жестких военачальников, и скоро пессимистические прогнозы Карреро начнут сбываться.

28 мая, в канун своего 80-летия, Камило Алонсо Вега долго беседовал с Франко. Он попросил освободить его от обязанностей министра внутренних дел, напомнив при этом каудильо о необходимости решить вопрос с наследованием в пользу Хуана Карлоса. Он заметил также, что каудильо пора уйти на заслуженный отдых и назначить на пост председателя правительства Карреро Бланко. Франко не ответил ничего определенного, но на следующий день сказал Карреро Бланко, что еще до лета назовет Хуана Карлоса наследником[101]. Затем под давлением фалангистов, которые возражали против этого, каудильо опять испытал сомнения, ибо опасался потерять своих верных приверженцев, в чем и признался Карреро Бланко. Поскольку министры-технократы проявляли все большее беспокойство, Франко 26 июня сказал Карреро Бланко, что сделает объявление о наследнике до 18 июля. Однако когда 30 июня Антонио Итур-менди, председатель кортесов, спросил каудильо о дате церемонии, тот ответил неопределенно: «Это произойдет до лета или после». Тем не менее он назначил 17 июля днем объявления своего решения.

Хуану Карлосу, собиравшемуся к отцу в Португалию, Франко сообщил эту новость лишь по его возвращении, 12 июля. Когда Хуан Карлос спросил каудильо, почему он не известил его об этом до поездки, тот лукаво ответил: «Потому что мне пришлось бы взять с вас слово не раскрывать секрета и, если бы ваш отец спросил вас, вам пришлось бы солгать. А я предпочел бы, чтобы вы не лгали отцу». На самом деле продуманная хитрость Франко привела к размолвке между отцом и сыном, а этого, по крайней мере в политическом плане, каудильо добивался еще с момента первого соглашения на «Асоре», в котором речь шла о том, что принц получит образование в Испании. Поскольку Хуан Карлос не сообщил отцу, что будет объявлен принцем Испании (Principe de Espana), дон Хуан счел, что сын предал его. После этого отношения между ними стали напряженными[102]. Франко написал

письмо дону Хуану и попросил его рассматривать назначение сына как «коронацию политического развития режима». Дон Хуан с достоинством отверг попытку связать его имя с тем, что происходит. Выразив убеждение в том, что монарх должен быть королем всех испанцев, стоять выше группировок и партий, опираться на народную поддержку и сохранять верность идее личных и коллективных свобод, он тем самым осудил монархию, напрямую связанную с диктатурой[103].

Сияющий Франко объявил о своем решении на заседании Совета министров 21 июля 1969 года. Он сказал: «Годы идут. Мне семьдесят шесть, скоро будет семьдесят семь. Моя жизнь — в руках Божьих. Надо смотреть правде в глаза». Реакцию дона Хуана он расценил как доказательство его несоответствия роли франкистского монарха. Твердые фалангисты — противники назначения Хуана Карлоса — попытались дать последний бой, чтобы предотвратить его номинацию. Солис предложил с этой целью тайное голосование кортесов. Он надеялся, используя свое влияние в Движении, добиться неблагоприятного для Хуана Карлоса голосования. В таком случае Франко, возможно, счел бы, что как наследник Хуан Карлос неадекватен провиденциальной личности самого каудильо. Однако Франко, поддержанный Карреро Бланко, Алонсо Вегой и технократами, отверг предложение Солиса. Он пожелал своими глазами видеть, как голосует каждый депутат[104].

Присвоив Хуану Карлосу титул принца Испании, а не принца Астурии, традиционного для наследника трона, Франко намеревался нарушить преемственность и легитимность линии Бурбонов. Новая монархия будет его, и только его. Это понял дон Хуан, который обязал сына вернуть эмблему (placa) принца Астурийского[105]. На другой день, выступая в кортесах, Франко с издевкой говорил о тех, кто «спекулирует на кризисе сегодняшнего дня», когда у него на все не хватает рук, и с гордостью отозвался о точности регламентации, разработанной для процесса передачи власти[106]. Депутаты, несомненно, испытывали облегчение оттого, что их сомнения развеялись, поэтому то и дело прерывали речь Франко овациями, а в конце все встали и начали скандировать «Франко! Франко! Франко!» Принц принес присягу на верность принципам Движения. Перед этим его советник Торквато Фернандес Миранда конфиденциально сообщил ему, что клятва не препятствует будущему процессу демократических реформ[107].

Франко явно питал веру в Хуана Карлоса и за несколько лет полюбил его и проникся к нему уважением. Эту веру не разделяли ни левая оппозиция, ни многие из фалангистского

крыла режима. В конце 70-х и сам Хуан Карлос сомневался, что оправдает надежды каудильо. Несмотря на поддержку со стороны Лопеса Браво и Карреро Бланко, он вел себя крайне сдержанно, меланхолично и производил впечатление «гостя, не уверенного в том, предложат ли ему остаться на обед». В частных беседах и публичных выступлениях Франко недвусмысленно давал понять: он ждет, что наследник продолжит его дело, однако сам никогда не делал определенных указаний Хуану Карлосу. Он в свое время обязал принца отдать должное внимание трем родам войск, университету и финансовым ведомствам, но не пичкал его политическими доктринами. Когда Хуан Карлос советовался с Франко, тот отвечал: «Какой смысл спрашивать у меня? Вы все равно не сможете управлять, как я». Понимая, что Хуану Карлосу придется столкнуться с проблемами, которых он, каудильо, не мог предвидеть, Франко полагался на него и считал разумным предоставить ему свободу действий[108]. Вероятно, принц, научившись у своего наставника не раскрывать карты, все же строил планы провести каудильо и после его смерти начать переход к демократии.

Глава 28 ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

1969 —1975 годы

Надежды Франко на то, что теперь, после решения вопроса с наследником, можно было и порадоваться безмятежному существованию, были грубо обмануты во второй половине 1969 года. На горизонте появилась зловещая черная туча — ЭТА. А еще раньше, в середине августа, разразился политический скандал, известный как «скандал «Матеса». Компания «Матеса» (Maquinaria Textil del Norte de Espafia Sociedad Anonimą) производила текстильное оборудование в Памплоне. Возглавляемая директором Хуаном Вилй Рейесом (Vila Reyes), «Матеса» развернула производство бесчелночных ткацких станков, которые экспортировала в Европу, Латинскую Америку и США. Очевидным успехом Вила Рейеса гордились технократы. Для получения экспортных кредитов в Латинской Америке был создан целый ряд дочерних компаний, заказавших большое количество станков. В конце 1968 года, когда обнаружились финансовые нарушения в работе компании, стали утверждать, что филиалы и заказы — все это мошенничество с целью выбить кредиты[1]. Генеральный директор таможенного управления направил подробные доклады министру финансов Эспиносе Сан-Мартину и Франко. Каудильо дело не внушило беспокойства, поскольку в январе 1969 года Вила Рейес убедил его, что компания просто выжимает все возможное из архаичной регламентации, желая расширить столь необходимый ей экспорт[2].

Вила Рейес утверждал, что именно обвинения сами по себе привели к отмене настоящих заказов у дочерних фирм. Какова бы ни была правда, но проблемы компании разрослись до таких размеров, что 14 августа стали предметом обсуждения на заседании кабинета в Пасо-де-Мейрас. Печать Движения развернула разнузданные нападки на технократов, а «Арриба» назвала дело «национальной бедой»[3]. Поскольку Хуана Карлоса уже избрали наследником, Солис отчаянно ухватился за последний шанс разрушить гегемонию группы «Опус Деи», пока не начался послефранкистский период. Раздувание скандала фалангисгской прессой отчасти объяснялось ее желанием поднять тиражи газет, раздув сенсацию и вымарав противника в грязи. Каковы бы ни были мотивы, Фрага, как министр информации, не помешал всему этому, но тактика нападок Солиса на «Опус Деи» вышла ему боком. Франко не верил, что министры, связанные с «Опус Деи», представляют собой угрожающий независимый блок,

радовался их лояльности и называл их «в высшей степени благородными людьми»[4]. Они решили множество проблем и не создавали ему неудобств[246]. Когда разразился скандал с компанией «Матеса», Франко не разрешал упоминать о нем в его присутствии[5]. По словам сестры каудильо, он не считал допущенные нарушения законов серьезными[6].

Одиннадцатого сентября в Сан-Себастьяне Сильва Муньос представил каудильо объемистое досье, составленное из газетных вырезок и доклад о развернутой в прессе кампании против технократов. В докладе утверждалось, что пресса Движения и информационные агентства министерства информации ведут скоординированную кампанию с целью раздуть крупный политический скандал. Каудильо разгневался — отчасти потому, что история получила широкую известность за границей[7]. Эспиноса Сан-Мартин, министр финансов, и Гарсиа Монко, министр торговли, предпочли подать в отставку, поскольку дело с «Матеса» имело отношение к их юрисдикции. Между тем Франко, видимо, ничуть не сомневался в их честности[8]. Едва ли каудильо, которого усиленно пичкали лекарствами от болезни Паркинсона, тщательно следил за всеми хитросплетениями дела «Матеса». Поскольку Франко считал недопустимым подрыв авторитета (ii mando) правительства, его было довольно легко убедить в том, что «преступление с разжиганием скандала», которое приписывалось фалангистам, раздувшим дело, более серьезно, чем само мошенничество.

Карреро Бланко считал, что Фрага, министр информации, и Солис, министр-секретарь Движения, связанные с возникновением скандала, также ушли. Чтобы добиться этого, он 16 октября зачитал Франко доклад, в котором обвинял Солиса в попытке создать независимую силовую опору в синдикатах, а Фрагу — в том, что тот придал делу «Матеса» «скандально-политический» характер. Со стороны Карреро Бланко это было реакционной нападкой на закон о прессе, поскольку ему казалось недопустимым выступление против «испанского образа жизни и общественной морали». Вина Фраги, по мнению Карреро Бланко, состояла в том, что тот позволил средствам массовой информации отразить реалии Испании 60-х. Карреро Бланко утверждал: пресса представляет все в столь негативном виде, что у читателя может возникнуть впечатление, будто Испания — страна, «пребывающая в политической стагнации, имеющая монополистическую экономику и отличающаяся социальной несправедливостью. Пресса использует порнографию ради коммерческих целей. В литературе, театре и кино ситуация столь же серьезная, с точки зрения политики и морали. Книжные

магазины заполнены продукцией, пропагандирующей коммунизм и атеизм; театры ставят спектакли, которые не подобает смотреть добропорядочным людям; кинотеатры показывают порнофильмы. Чтобы привлечь дешевый туризм, в play voy-клубах поощряется streap-tesse»[247]. Такого рода сюрреалистические нонсенсы легко находили путь к сердцу каудильо. Доклад также весьма подробно говорил о промахах политики Кастиэ-льи по отношению к Соединенным Штатам, Гибралтару и Ватикану[9].

Энергия Франко угасала, поэтому он и полностью положился на Карреро. Это отразилось в правительственных перестановках 29 октября 1969 года, отнюдь не направленных на то, чтобы сбалансировать силы. Теперь состав кабинета вновь соответствовал гораздо больше желаниям Карреро Бланко, чем каудильо. Список членов правительства, составленный Карреро, был в значительной мере дополнен Лопесом Родо и Сильвой Муньосом[10]. Каудильо сказал Карреро Бланко, что теперь ему самое время стать премьер-министром, но вице-председатель правительства отказался, считая себя неспособным держать министров под контролем". После двенадцати лет пребывания на посту Кастиэлья был снят. Динамичному Грегорио Лопесу Браво, к которому Франко питал отеческие чувства, предложили на выбор несколько министерств. К разочарованию Сильвы Муньоса, тот выбрал министерство иностранных дел, управлять которым хотел он сам[12].

Новый министр-секретарь Движения, миниатюрный щеголеватый умница Торквато Фернандес Миранда, тоже член «Опус Деи», при этом близкий к Хуану Карлосу, внушал надежды на то, что он продолжит дефалангизацию Движения. Новый министр финансов Хосе Мариа Лопес де Летона и министр финансов Альберто Монреаль Луке (Luque) были протеже Лопеса Родо из комиссариата по плану развития. Новые министры: торговли — Энрике Фонтана Година, жилищного строительства — Висенте Мортес Альфонсо и сельского хозяйства — Томас Альенде-и-Гарсиа Бакстер также вышли из кругов технократов. Камило Алонсо Веге наконец разрешили уйти в отставку. Его сменил военный юрист Томас Гарсиано Гоньи (Goni), также предложенный Лопесом Родо.

Поскольку все министры принадлежали к двум консервативным католическим группам давления — «Опус Деи» и Национальной католической ассоциации пропагандистов (Asociacičn Catdlica Nacional de Propagandistas) — и были приверженцами Хуана Карлоса, кабинет называли «одноцветным правительством» (gobierno monocolor). Даже министр армии генерал Хуан Кастаньбн (Castanbn) де Мена, близкий и к

каудильо, и к принцу Хуану Карлосу, сочувствовал «Опус Деи». Карреро Бланко связывал с ним планы создания модифицированной франкистской монархии[13]. Министерство информации получил от Франко весьма консервативный католик Альфредо Санчес Бэлья, посол каудильо в Риме: это была награда за тщательно составленные сообщения об отношениях Кастиэльи с Ватиканом[14]. Монохромный характер кабинета отражал упрощенность политических воззрений Карреро. Он с удовольствием принял команду технократов, предоставленных Лопесом Родо. Однако едва правительство столкнулось с проблемами, реакционные инстинкты Карреро Бланко тут же и проявились.

Не успел Франко подумать, что вопрос о будущем решен, как его спокойствие нарушила вспышка недовольства фалангистов. Склоки внутри режима вокруг скандала с «Матеса» вышли далеко за пределы этого дела. Одной из причин была борьба за раздел распадающейся власти. Однако разногласия отражали и растущее в верхах беспокойство, вызванное брожением в рабочей и студенческой среде, а также регионалистскими настроениями. Сторонники Франко раскалывались на фракции, однако это не было традиционным разделением на фалангистов, монархистов, католиков и прочих. Дифференциация, обусловленная иными принципами, которые менялись с калейдоскопической быстротой, отражала одно — желание уцелеть после приближающейся кончины каудильо. Технократы надеялись, что экономический прогресс и эффективное управление позволят совершить безболезненно переход к франкистской монархии во главе с Хуаном Карлосом. Такие, как Фрага и Солис, наблюдая за ростом оппозиционных настроений, считали необходимым политическое реформирование системы. Третьи требовали возврата к твердому франкизму, по-прежнему видя причину всех бед в реформаторах, которые, словно неумелые ученики чародея, сняли преграды на пути оппозиционного потока. Каудильо и Карреро Бланко способствовали возвышению технократов, однако кризисы начала 70-х годов пробудили в них инстинкт осадного менталитета, поэтому они вернулись на позиции 40-х годов.

Недовольный поведением главных руководителей Движения, Франко поддержал идею формирования кабинета из одних технократов. Двадцать восьмого октября 1969 года Солис спешно приехал в Пардо и униженно умолял каудильо отказаться от такого рода перемен в правительстве. Он даже просил Хуана Карлоса вмешаться и предотвратить назревающий, по его словам, «государственный переворот». Фрага плакал, передавая полномочия Санчесу Бэлье, а то, что Фернандес Миранда,

принимавший дела у Солиса, появился на церемонии в белой рубашке, вызвало возмущенные комментарии. Отвергнув фалангисгский голубой цвет, Фернандес Миранда показал, что Движение больше, чем Фаланга[15].

Франко санкционировал формирование правительства, не отражавшего политического спектра режима. Это свидетельствоало о том, что хватка его ослабла и он утратил контроль над политической и социальной ситуацией в Испании. Каудильо не замечал, что инструменты диктатуры не соответствуют резко изменившейся ситуации в стране, и считал свой кабинет способным решить уже возникшие серьезные проблемы. Стратегия Лопеса Родо, призванная повысить эффективность деполитизированной администрации и ускорить экономический рост, осуществилась. Однако она встречала непреодолимое сопротивление — как внутри режима, так и вне его. Весьма скоро выяснилось, что «одноцветная» команда не в состоянии прекратить брожение в испанском обществе. Это побудило Франко вернуться к репрессиям и жестокости периода окончания Гражданской войны.

В декабре 1969 года Фрага, Ньето Антунес, Солис и бывший министр сельского хозяйства Адольфо Диас Амброна, присутствовали на обеде, во время которого родилась и пошла гулять фраза, свидетельствующая о весьма ограниченной способности каудильо влиять на кризис: «В дни Франко такого бы ни за что не случилось». Через несколько месяцев каудильо будет со слезами на глазах убеждать Фрагу, что перетасовка правительства состоялась вопреки его воле[16]. В своем предновогоднем обращении к стране 30 декабря 1969 года Франко, однако, самоуверенно заявил — эта фраза стала лозунгом его преклонного возраста: «Все повязано, и хорошо повязано» (Todo ha quedado, y bien atado). Закончил он выступление обещанием: «Пока Бог продляет мне жизнь, я буду вместе с вами работать на отечество»[17].

На самом деле все было далеко не так хорошо «повязано». Открытая оппозиция в университетах, на заводах и в регионах продолжала нарастать. В Астурии бастовало двадцать тысяч горняков. В течение года возникнут крупные трудовые споры на верфях, среди строителей Гранады и Мадрида, в мадридском метро, и везде власти прибегнут к полицейским репрессиям. Поскольку стачечников часто поддерживали священнослужители, совместно с полицией выступили террористические команды, но на их действия правительство закрывало глаза. В эти отряды, называвшиеся «Воины короля Христа» (Guerrilleros de Cristo Rey), входили и наемные убийцы, и молодые фалангистские боевики.

Организовала их едва ли не приватная спецслужба Карреро Бланко, именовавшаяся Службой документации ведомства по делам правительства (Servicio de Docu-mentacidn de la Presidencia del Gobierno)[18]. «Герильерос» были связаны с неофашистской политической группировкой «Новая сила», возглавляемой Бласом Пиньяром, членом Национального совета, другом Карреро Бланко. Кабинет снисходительно относился к проявляемому ими насилию, поскольку существование «диких» правоэкстремистских группировок позволяло правительству считать, что оно принадлежит к центру[19].

Более прогрессивные франкисты, такие, как Фрага, начали готовить реформы внутри системы. Лояльные к режиму разделились на бесцветных технократов, «континуистас»[248], и непримиримых ультра, или «инмовилистас», которые за свою готовность сражаться до последнего против прогресса получили кличку «бункер», заимствованную из гитлеровских времен. «Бункер» мог рассчитывать на симпатии твердокаменных фалангистов старого поколения, золотую молодежь, составлявшую террористические команды, и многих крайне правых офицеров вооруженных сил с «голубыми генералами» (generales azules) во главе.

В конце десятилетия «бункер» повел атаку в Пардо против планируемого установления франкистской монархии во главе с Хуаном Карлосом. Через своих сторонников в семейном кругу Франко они инициировали распространение слухов, компрометирующих «Опус Деи» и кабинет. Затем начали проталкивать идею возведения на трон дона Альфонсо де Бурбон-Дампьерре, сына старшего брата дона Хуана, и фактически жениха старшей внучки Франко, любимицы доньи Кармен — Марии дель Кармен Мартинес-Бордиу. Основываясь на фразе в Законе о наследовании по поводу «принца с наилучшими правами», они утверждали, что Альфонсо де Бурбон-Дампьерре — восторженный приверженец франкизма и друг Кристобаля Мартинеса-Бордиу[20].

Едва ли Франко замышлял основать королевскую династию. Однако дело Альфонсо, «голубого принца» (prince azul), весьма заинтересует крайне правых, особенно жену Франко и его зятя. В высших эшелонах генерального секретариата Движения ультра оказывали давление на губернаторов провинций, требуя, чтобы те поскромнее принимали Хуана Карлоса и устраивали горячий прием Альфонсо де Бурбону. В общем, династический вопрос становился центром интриг и все больше занимал и разделял франкистские «семьи». На ежегодном параде в честь Дня победы Хуан Карлос стоял рядом с каудильо, что было жестом в адрес

монархистов. Но, чтобы не отталкивать от себя фалангистов, поддерживавших Альфонсо, Франко держался все время как бы в стороне[21].

Увядание Франко выражалось в том, что он все более явно отходил от политических дел. Второго июня 1969 года каудильо встревожил Сильву Муньоса, министра общественных работ. Они вместе направлялись из Мадрида в Кордову на открытие новых государственных сооружений. Во время долгой автомобильной поездки Франко вдруг лишился чувств и привалился к плечу Сильвы Муньоса. Хотя это было, скорее всего, следствием приема лекарств (вероятно, допомина), Сильва перепугался, что Франко вот-вот умрет[22]. Находясь в Пардо, каудильо обычно вставал в восемь часов, после чего врач Висенте Хиль проводил с ним сеанс массажа и физиотерапии. Потом Франко завтракал с семьей и бегло просматривал газеты. Почти до семидесяти лет он играл несколько геймов в теннис, как правило, с Висенте Хилем, или отправлялся на верховую прогулку в лесу неподалеку от дворца. Теперь это было ему не по силам. По пятницам каудильо по-прежнему проводил встречи, заседания Совета министров или экономического комитета. К концу 60-х заседания назначались только на первую половину дня и только раз в две недели. В начале заседаний он уже не делал обзора событий за рубежом, и теперь вообще редко говорил во время заседаний[23].

По вторникам Франко принимал военных, по средам — гражданских лиц. Посетителей он встречал стоя. Потом садился спиной к свету, чтобы они не могли определить, куда он смотрит. Чтобы установить, насколько важно то, с чем к нему пришли, каудильо прерывал собеседника тихим, не имеющим отношения к делу вопросом. Если этот вопрос выбивал собеседника из колеи и тот не возвращался к делу, с которым пришел, Франко считал, что посетитель лишь воспользовался предлогом и добился приема, желая удовлетворить свое тщеславие[24]. В дни приемов каудильо обедал очень поздно, часов в пять-шесть, а не в два, как обычно. По воскресеньям, если Франко не уезжал на охоту, что делал по-прежнему часто, он начинал день с мессы, а затем отправлялся на рыбалку в Jla-Гранху или охотился в угодьях близ Пардо.

В семействе каудильо считали большим гурманом (un gran hambron, как называл его внук Франсиско). В последние годы, когда вес Франко превышал 90 килограммов, Висенте Хиль сажал его на строгую диету и выражал недовольство. Каудильо звал его за это ворчуном (grunon), а сам перехватывал что-нибудь всухомятку[249]. После обеда он обычно прогуливался, рисовал, играл партию в гольф или ходил взглянуть на свое имение в

Вальдефуэнтесе. Иногда Франко на три-четыре часа возвращался в свой кабинет, чтобы поработать. Вечерами он обычно смотрел телевизор или играл в карты — в мус и трезильо — со своими друзьями из военных. После позднего легкого ужина каудильо вместе с доньей Кармен читал молитву, после чего засыпал за книгой, обычно биографией великого человека «или над журналом»[25].

В своих занятиях спортом Франко проявлял решительность, свойственную его политической деятельности; Пресса продолжала изображать его охотничьи и рыболовные подвиги как свидетельство жизненной силы, но дрожащие руки, несомненно, мешали ему метко стрелять. Долго преследуя морскую добычу, каудильо задремывал, поэтому не мог сосредоточиться. Каковы бы ни были результаты в охоте и рыбной ловле, он отличался большим прилежанием. Франко посвящал рыбалке еще больше времени. Пасху он проводил на астурийских реках Нарсеа, Сэлья и Карее, останавливаясь при этом в Ла-Пиниэлье или в отеле «Пелайо» в селении Ковадонга. Летом 1971 года, ловя рыбу в Пуэнтедеу-ме, каудильо, как утверждали, поймал 196 реос — маленьких речных семг. Он с одинаковым удовольствием рыбачил и в хорошую и в дурную погоду. Если кто-то из его окружения начинал жаловаться, каудильо говорил: «А мне и не холодно». Он по-прежнему отправлялся в долгие охотничьи походы. Летом его сфотографировали за игрой в гольф в клубе «Ла Сапатейра» в Ла-Корунье. При этом журналисты написали, что Франко провел несколько часов на ногах и не прервал игры, несмотря на погоду[26].

Он явно искал удовольствий, желая забыть о том, что внутри режима идет борьба за перераспределение власти после его смерти. В рамках Движения появились различные течения, начиная с фашистов из ультраправой организации Бласа Пиньяра «Новая сила» и кончая «апертуристас», куда входили такие, как Фрага. В июле 1970 года донья Кармен со слезами на глазах попросила Педро-ло Ньето Антунеса поговорить с Франко о происходящем в стране. Ньето сказал потом Фраге, что нашел каудильо еще более одиноким и погруженным в свои мысли, чем когда бы то ни было. Кастиэлья говорил, что Франко — сама усталость (el cansado)[27]. ˆСторонники каудильо были глубоко встревожены усиливающимся недовольством в университетах и в среде рабочих. Еще больше их беспокоила ЭТА. Ее террористические действия в конце 60-х годов разрушили миф о неуязвимости режима. Крайне правые в армии, так называемые «голубые генералы», убеждали Франко провести показательный процесс над шестнадцатью арестованными басками, в том числе

двумя священниками. Их мстительная позиция нашла понимание. В этом проявились симптомы упадка режима. Обнаружилось, что его лидер утратил способность здраво рассуждать, а у Карреро Бланко не хватает политического чутья.

Отголоски суда раздались еще до его начала и коснулись Франко самым непосредственным образом. Восемнадцатого сентября 1970 года, в день, когда каудильо присутствовал на первенстве мира по хай-алай[250], проводившемся на сан-себастьянском «фронтоне» (кортах), Хосеба Элосехи (Joseba Elosegi), член Баскской националистической партии, поджег себя и спрыгнул со стены «фронтона» перед Франко, выкрикивая «Да здравствует свободная Родина!» (Gora Euzkadi askatasuna!)[28]. Его унесли с сильными ожогами, а каудильо продолжал как ни в чем не бывало наблюдать за игрой. Элосехи командовал единственным военным отрядом, находившимся в Гернике в день бомбардировки 26 апреля 1937 года. Таким образом он привлек внимание международной общественности к делу басков и к применяемым диктатурой репрессиям. Элосехи записал в своем дневнике 28 августа: «Я не намерен убрать Франко, а только хочу, чтобы он на своей шкуре почувствовал тот огонь, который разрушил Гернику»[29]. Инцидент с Элосехи серьезно подорвал попытки нового министра иностранных дел Лопеса Браво, наносящего визиты во все страны мира, представить режим в благоприятном свете.

Ущерб, нанесенный отношениям с Соединенными Штатами Кастиэльей, попытавшимся получить с Вашингтона выкуп за продление соглашения по базам, пришлось восполнять Лопесу Браво. Последнее предложение Кастиэльи о продлении соглашения на год в обмен на военную помощь в 50 миллионов долларов и кредит на закупку вооружений на сумму в 25 миллионов оставалось пока без ответа. В конце сентября, возвращаясь после визита к другому стареющему авторитарному правителю, маршалу Тито, в Мадриде остановился Ричард Никсон. Сопровождающий его Генри Киссинджер, глава Совета национальной безопасности, увидел Испанию «заторможенной, ожидающей завершения одной жизни, с тем чтобы потом присоединиться к европейской истории». Соединенные Штаты, по-прежнему стратегически заинтересованные в Испании, желали умеренной эволюции в стране после смерти Франко. Политика США заключалась в том, чтобы поддерживать рабочие отношения с режимом, а при этом расширять контакты с умеренной оппозицией. Американцы оказывали на Франко заметное давление, желая, чтобы он передал власть Хуану Карлосу до того, как недееспособность лишит его контроля над переходом власти.

К счастью для каудильо, из-за ближневосточной напряженности американцы опасались лишиться других баз в Средиземноморье. Поэтому вопрос о сохранении американских баз в Испании стал приоритетным для политики Вашингтона по отношению к этой стране.

Никсону хотелось, чтобы приветствующие его толпы намного превосходили те, что встречали Эйзенхауэра одиннадцать лет назад. Народ тепло встречал Франко и Никсона, ехавших из аэропорта Барахас. Их сопровождал эскорт улан с копьями. Каудильо тонко льстил Никсону, говоря ему, как трудно убедить прессу в достоверности цифр, если толпа превышает несколько сот тысяч. Встретившись с Франко для предполагаемых «содержательных переговоров», Никсон и Киссинджер знали, что всякое упоминание о переходе к постфран-кистскому будущему сулит только неприятности. Однако они совсем опешили, когда 78-летний диктатор, уставший от поездки в автомобиле, начал клевать носом, хотя президент обращался к нему. Поскольку каудильо и Киссинджер задремали, Никсону пришлось разговаривать с Лопесом Браво[30].

В период между встречей с Никсоном и судом над баскскими боевиками, состоявшимся через два месяца, Франко вернулся к временам тридцатилетней давности. Суд начался в декабре в Бургосе, в штаб-квартире военного округа, в который входила Страна Басков. Еще до начала суда брат Франко Николас писал ему 6 ноября по поводу смертных приговоров, которых требовало обвинение: «Дорогой Пако! Не утверждай эти приговоры. Это не в твоих интересах. Я говорю это из любви к тебе. Ты добрый христианин и потом пожалеешь об этом. Мы стареем. Послушайся моего совета, ты знаешь, как я тебя люблю»[31]. После бурных столкновений полиции с демонстрациями противников режима, имевших место в Мадриде, Барселоне, Бильбао, Овьедо, Севилье и Памплоне, утром 14 декабря Франко посетили четыре командующих военными округами и сообщили ему, что армия хочет более энергичного правительства[251]. Во второй половине того же дня каудильо собрал Совет министров. Министр внутренних дел генерал Гарикано Гоньи и три военных министра призвали к отмене «habeas corpus»[252]. Франко поддержал их[32].

Утром 17 декабря пресса и радио призвали народ собраться на Пласа-де-Ориенте в Мадриде. Со всей Старой и Новой Кастилии сельскохозяйственных рабочих свозили на автобусах. Большие толпы возле Паласио-де-Ориенте выкрикивали имя Франко. Педроло, Пакон, Висенте Хиль и другие связались с

Пардо и уговорили каудильо приехать. Примечательно, что увядающий Франко позволил манипулировать собой

ультраэлементам, желавшим вернуть режим к прежним жестким началам. Не ожидавший, что ему придется появиться перед толпой, возбужденный каудильо немедленно отправился в Мадрид в цивильном костюме вместе с доньей Кармен. Когда донья Кармен вскинула руку в фашистском приветствии, Франко ответил на рев толпы, подняв обе руки. Многие лозунги выражали недовольство «одноцветным» правительством. Доктор Хиль, личный врач каудильо, маниакально преданный ему, принадлежал к ультра и любил побоксировать. Он отчитал министра информации Альфредо Санчеса Бэлью за то, что тот не вскинул руку в фашистском салюте. Франко лишь слегка пожурил Хиля за его выходку[33].

Суд обвинил троих боевиков ЭТА в совершении каждым из них двух убийств и приговорил каждого к смертной казни. Вечером, накануне заседания кабинета, на котором должен был рассматриваться вопрос о приговорах, Лопес Браво встретился с Франко и попытался разъяснить ему, сколь негативно отразится утверждение приговоров на представлении об Испании за рубежом. Каудильо слушал его битый час, а потом сказал: «Лопес Браво, ты не убедил меня». Лопес Родо и Карреро Бланко считали, что утверждение смертных приговоров будет катастрофическим для Франко. На следующий день, 30 декабря, Лопес Браво первым на заседании кабинета взял слово и аргументированно выступил за отмену смертных приговоров. После него говорили другие министры, но отмены желали не все. Каудильо прибыл на заседание с решением утвердить смертные казни, но в конце концов позволил переубедить себя. Заслушав членов кабинета, он ничего не сказал и только после заседания Совета по делам монархии (Consejo del Reino)[253], который также рекомендовал проявить милосердие, он объявил свое решение о замене смертных казней на тюремное заключение[34].

В своем предновогоднем телевизионном обращении к стране 30 декабря 1970 года Франко объяснил протесты за рубежом по поводу суда в Бургосе в привычных выражениях: «Мир и порядок, которым мы радуемся более тридцати лет, пробудили ненависть тех сил, что неизменно препятствовали процветанию нашего народа». Помилование он считал проявлением силы режима. Каудильо закончил выступление, заверив испанцев: «Твердость и сила моего духа будут противостоять попыткам унизить вас, пока Бог продлевает мне жизнь, чтобы я мог править судьбами нашей отчизны»[35].

Бургосский суд нанес серьезный ущерб режиму, ибо самым драматическим образом изменил баланс сил в Испании. Неуклюжесть режима сплотила оппозицию, вызвала недовольство

Церкви. Наиболее прогрессивные франкисты начали разбегаться с тонущего корабля. Испытывая давление, каудильо и Карреро Бланко приняли сторону «инмовилистас», что не предвещало ничего хорошего технократам. Помилования, может, и свидетельствовали о силе режима, но само проведение судов указывало на то, что Франко теряет контроль над обстановкой.

В начале января 1971 года испанское государственное информационное агентство ЭФЭ объявило, что каудильо, министры и члены семьи Франко в выходные дни приняли участие в охоте в Сыодад-Реал, во время которой было убито около трех тысяч куропаток[36]. Это произошло после бургосского суда и почти наверняка было задумано специально, чтобы показать, как спокоен и полон оптимизма стан Франко, несмотря на международное осуждение. Во время этой охоты, как обычно, семейная клика критиковала каудильо за приверженность технократам[37]. Хотя физически Франко ослабел, его интерес к охоте не упал. Постоянная суета прессы, делавшей охотничьи вылазки каудильо достоянием широкой публики, затрудняет возможность проследить, заметно ли ухудшалось его здоровье. Тем не менее к началу 70-х симптомы болезни Паркинсона — тремор, скованность, отсутствующий взгляд — становились все более и более очевидны. В феврале 1971 года генерал Вернон Уолтерс, заместитель директора ЦРУ, по указанию президента Никсона посетил Мадрид. Перед ним стояла задача спросить каудильо, что будет с Испанией после его смерти. Франко сказал Уолтерсу, что передача власти Хуану Карлосу пройдет гладко и что «армия никогда не выпустит ситуацию из-под контроля». Уолтерс нашел каудильо «старым и слабым. Левая рука у него порой дрожала так сильно, что ему приходилось придерживать ее правой. Временами он, казалось, был где-то далеко, а временами говорил по существу»[38].

В последнюю неделю января 1971 года Хуан Карлос и принцесса София посетили Вашингтон. Принц дал несколько интервью для прессы по поводу будущего Испании, которые понравились творцам американской политики. В частности, цитировались такие слова принца: «Я считаю, что народ хочет больше свободы. Весь вопрос в том, как скоро». По возвращении в Испанию Хуан Карлос, опасаясь гнева Франко, поспешил в Пардо. Неожиданно выяснилось, что каудильо весьма одобряет образ мыслей Хуана Карлоса, сходный с его собственным. К удивлению принца, Франко говорил с ним так, словно вел двойную игру. Так же он проявлял себя по отношению к западным державам в годы международного остракизма. Каудильо заметил: «Кое о чем можно и нужно говорить вне Испании, и есть и такое, о чем

нельзя говорить в Испании»[39].

Политический спектр франкистского режима становился все более пестрым, а сам Франко все больше оказывался зажатым в узком пространстве между незаметными технократами и ультраправым «бункером», представители коего настойчиво осуждали «слабость» технократов. Изоляцию Франко отразила декларация объединенной ассамблеи епископов и священников от 13 сентября 1971 года. Ассамблея под председательством примаса кардинала Висенте Энри-ке-и-Таранкона отвергла франкистское деление испанцев на победителей и проигравших. В декларации Церковь просила прощения у испанского народа за то, что священнослужители не смогли стать «настоящими вершителями примирения»[40]. Поэтому вряд ли следует удивляться тому, что каудильо чувствовал себя в осаде. Он испытывал ностальгию по победам и триумфам 30-х и 40-х годов, внимательнее прислушивался к нашептываниям клики дворца Пардо и твердокаменных фалангистов, один из которых, Хирон, имел к нему прямой доступ.

Особое влияние на Франко оказывали технократы и «бункер», что наглядно обнаружилось 1 октября 1971 года, в день празднования 35-й годовщины прихода к власти Франко. Он объявил амнистию, под которую подпадало большинство проходивших по делу «Матеса», и сказал: «Если по политическим причинам мне пришлось помиловать убийц из ЭТА, почему я не могу сделать то же самое для добрых приверженцев режима, просто совершивших ошибку или оказавшихся немного невнимательными?»[41] Каудильо выступил перед толпой сторонников с балкона Паласио-де-Ориенте. К этому событию готовились заранее, огромные плакаты призывали отдать дань тридцати пяти годам, проведенным Франко на его посту, или гласили: «Один день за целую жизнь» (Un dfa por toda una vida). Он шел на поводу у правительства, сбившегося с пути, но поскольку привезенные со всей Испании скандировали «Франко! Франко! Франко!», все выглядело как в старые времена. Здесь были тысячи солдат, переодетых в гражданское. Ходили слухи, что Движение нарядило в рясы фалангисгских активистов, желая создать впечатление, будто многие священнослужители поддерживают каудильо, а не Ватикан. Не зная, что манифестацию организовало Движение, Франко очень растрогался, и это отразилось в его речи, где старые штампы облекались в форму заверений в блестящем будущем режима. Неистовый прием оживил его и укрепил в нем решимость остаться у власти. «Арриба» писала без всякой иронии: «Живые и даже мертвые кричали и радовались вместе с нами»[42].

В речи по случаю открытия кортесов 19 ноября 1971 года Франко вспомнил о демонстрации поддержки на Пласа-де-Ориенте. «Шумную народную поддержку» он воспринял как одобрение его тридцатипятилетнего пребывания у власти. Самоуверенный тон каудильо не позволял заподозрить, будто он начал спрашивать себя, почему же его режиму понадобились ультраправые террористические команды для подавления недовольства рабочих й для того, чтобы усмирить клерикальную оппозицию[43]. Допуская возможность «сопоставления мнений» (contraste de pareceres) в ассоциациях и «братствах» (hermandades) строго в рамках Движения, Франко в то же самое время наглухо закрывал двери перед всем, что могло бы привести к созданию политических партий. Недавние забастовки на государственном автомобильном заводе CEAT он объяснял все той же неизменной мировой «осадой»[44].

В 1972 году разложение в придворном кругу Франко усилилось. Его брат Николас оказался замешанным в одном из крупнейших финансовых скандалов диктатуры — так называемом деле о «масле Редондела». Обнаружилось, что пропало четыре тысячи тонн оливкового масла из государственного резерва. Оно хранилось в емкостях, принадлежавших маслоочистительной компании REACE (Refmerias del Noroeste de Aceites y Grasas S.A.). Не учитывая того, что запасов могут хватиться, компания вовсю спекулировала маслом. Николас Франко был основным акционером компании. В период расследования дела шесть человек умерли насильственной смертью. Факт, что Николас связан с теми, кого обвиняли в мошенничестве, был окружен покровом тайны. Скандал сильно подействовал на каудильо. Сначала он пребывал в необычном для него раздражении, потом погрузился в депрессию и молчание[45].

Разложение проявилось и в ином виде после того, как 18 марта 1972 года старшая внучка Франко — Мария дель Кармен Мартинес-Бордиу-и-Франко вышла замуж за Альфонсо де Бурбона-Дампьерре, старшего сына дона Хаиме и двоюродного брата Хуана Карлоса. Родственная связь с прямым наследником Альфонса XIII разожгла амбиции маркиза де Вильяверде и доньи Кармен. Они рассылали свадебные приглашения с надписью: «Его королевское высочество принц Альфонсо» (Su Alteza Real el Principe Alfonso) — на этот титул он не имел никакого права. Свадьба была куда роскошнее, чем церемония бракосочетания родителей невесты в 1952 году. В Пардо собралось две тысячи гостей, и все они снова увидели алчный интерес Кристобаля Марти-неса-Бордиу к руританским доспехам. Имельда Маркос, подруга родителей невесты, оказалась в числе немногих гостей

из-за рубежа, приглашенных и согласившихся приехать. По желанию семейства, каудильо стал посаженым отцом (padrino) невесты, чтобы повысить статус мероприятия. Вид его внушал сострадание: глаза слезились, челюсть отвисла, руки дрожали.

Когда молодожены вернулись из свадебного путешествия, донья Кармен потребовала, чтобы ее внучке оказывали такие же почести, как принцессе, делали реверансы и называли ее «ваше высочество»[254][46].

Альфонс при поддержке домашней клики Пардо, пытался добиться, чтобы Франко пожаловал ему титул, который уравнял бы его с Хуаном Карлосом.

Возникла мысль сделать его принцем де Бурбоном и именовать королевским высочеством. Дон Хуан де Бурбон, как глава королевской фамилии, воспротивился этому, резонно возражая, что только первый сын короля имеет право называться принцем. Чтобы смягчить ситуадию, он предложил пожаловать Альфонсо титул герцога Кадисского. Домашняя клика легко внушила каудильо, что недовольство дона Хуана направлено против его семьи. Франко сказал министру юстиции Ориолю: «Дон Альфонсо имел титул принца, а теперь, раз он женился на моей внучке, у него хотят отнять этот титул». В конечном счете каудильо одобрил юридическое заключение, подготовленное по данному вопросу министерством юстиции. Отношения между семьей Вильяверде и Эшторилом серьезно испортились, и это отчасти сказалось на отношении Франко к Хуану Карлосу. В тот момент каудильо желал одного — видеть свою внучку принцессой. Однако присутствие Альфонсо де Бурбона в Пардо подогрело амбиции клана Вильяверде, а его ультраправые взгляды усилили реакционное влияние клана[47].

Прежде Франко проводил долгие часы за работой, теперь постоянно сидел перед телевизором, если не уезжал охотиться или на рыбную ловлю. Каудильо нуждался в продолжительном отдыхе. На заседаниях кабинета и серьезных встречах он почти ничего не говорил и часто впадал в дрему. В семейном кругу Франко держался замкнуто и не проявлял интереса ни к чему, кроме телевизора. Висенте Хиль однажды застал его в состоянии странной отрешенности: он читал вслух надпись на этикетке лосьона после бритья. Когда Франко бодрствовал и принимал посетителей, руки его дрожали. Выглядел он все хуже. К параду победы 20 мая 1972 года для него приготовили специальное сиденье, чтобы он мог принимать парад сидя. Собственное состояние беспокоило его меньше, чем здоровье жены, и он говорил Хуану Карлосу, что, по мнению врачей, у доньи Кармен неизлечимое заболевание сердца.

Сам каудильо страдал от грибковых инфекций во рту и связанных с этим болях в ноге. Осенью 1972 года это помешало ему поехать, как обычно, охотиться на юг. Ежегодный прием 1 октября пришлось сократить, потому что Франко не мог долго стоять. Медикаментозное лечение, назначенное от болезни Паркинсона, сделало его еще более нерешительным. Висенте Хиль хотел, чтобы Франко перестал охотиться, особенно в сильно пересеченной местности, однако тот по политическим причинам не мог отказаться от приглашений[48].

К этому времени семейные собрания в расширенном составе — когда кроме самого каудильо, доньи Кармен и семьи Вильяверде присутствовал кто-то еще — приобрели характер протокольных встреч. От этого ощущалась неловкость. Даже в узком семейном кругу не разрешалось касаться трудных проблем, политических ошибок или говорить о коррупции среди ближайшего окружения. Если же эти темы все-таки затрагивались, то немедленно отметались как надуманные. Когда сестра Франко, болтливая Пилар, заикалась о случаях коррупции, ее тут же упрекали в том, что она верит слухам. Беседа оживлялась, если речь заходила о «предателях» и «неблагодарных», то есть о технократах[49]. Узкая семейная клика все более неприязненно отзывалась о триумвирате Карреро Бланко — Лопес Родо — Хуан Карлос и призывала каудильо «навести в этом деле порядок». Настойчивая донья Кармен жаловалась Висенте Хилю, что друзья то и дело спрашивают: что же с ними будет? «А Пако ничего не хочет делать. Они думают, что я имею на него влияние, но это не так». По мере того как Франко становился все более нерешителен, донья Кармен высказывалась еще откровеннее. Она считала министра внутренних дел Гарикано Гоньи и министра иностранных дел Лопеса Браво слабыми и нелояльными и побуждала Карреро Бланко в феврале 1973 года как-то определиться с ними[50].

Четвертого декабря 1972 года Франко исполнилось 80 лет. Адъютант говорил, что у каудильо отекли ноги, а оторвать его от телевизора на партию гольфа или просто уговорить выйти на воздух становилось все труднее[51]. Запись предновогоднего выступления Франко прерывали несколько раз, чтобы дать ему отдохнуть. И даже при этом 30 декабря 1972 года он выглядел на экране дряхлым, значительно постаревшим по сравнению с предыдущим годом. Голос у него прерывался, иногда становился еле слышен. Франко заверил телезрителей, что готов держаться до конца: «Я буду с вами такой же твердый, как много лет назад, и столько, сколько Бог пожелает отпустить мне на активное служение судьбам отчизны»[52].

Такие заявления казались нереальными, поскольку симптомы болезни Паркинсона уже невозможно было скрыть от окружающих[53]. Опасения внутри режима, связанные с состоянием здоровья Франко, усиливались, ибо социальная и политическая напряженность нарастала. В апреле 1973 года полицейские убили под Барселоной стачечника. Карреро Бланко потерял доверие к технократам и тайком подстрекал к действию ультраправые террористические команды из «Новой силы». Сам Франко был недоволен, что правительство недостаточно активно борется с деятельностью ЭТА[54]. Первого мая 1973 года в стенах Пардо окончательно убедились в том, что ситуация ускользает из-под контроля: во время первомайской демонстрации был до смерти избит полицейский. На похоронах полицейского ультра из числа его коллег и фалангистов — ветеранов Гражданской войны — призывали к репрессиям. После массовых арестов левых Гарикано Гоньи, разочарованный тем, что у правительства нет воли к реформам и встревоженный растущим влиянием крайне правых, 2 мая подал в отставку. Домашняя клика убедила Франко, что кабинет не справляется с первостепенной задачей — поддержанием общественного порядка. Третьего мая каудильо снова сказал Карреро Бланко, что он должен стать председателем Совета министров и начать подбирать себе кабинет. Выслушать возражения Франко отказался.

В начале июня решение обрело официальную форму, и список кабинета Карреро Бланко бьш одобрен. Господство технократов времен формирования правительства 1969 года в значительной мере удалось ликвидировать. Любимца каудильо Лопеса Браво вывели из состава кабинета — возможно, чтобы ублажить донью Кармен. Лопес Родо лишился своего ключевого поста и не мог более оказывать влияние на внутриполитические дела. Его сослали в министерство иностранных дел. Реакционное правительство хотело казаться умеренным, и Лопес Браво должен бьш содействовать этому. Вице-председателем правительства и министром-секретарем Движения Карреро Бланко назначил Торквато Фернандеса Миранду. Два твердых фалангиста, последователи Хирона, Хосе Утрера Молина, получивший пост министра жилищного строительства, и Франсиско Руис-Харабо, занявший место министра юстиции, отразили влияние клики дворца Пардо. В равной мере это относилось и к Хулио Родригесу, новому министру образования[255].

Каудильо принял список с одной лишь поправкой. Это означало, что Франко полагается на реакционные инстинкты Карреро Бланко и признает, что силы его угасают. Пост министра внутренних дел Карреро предназначал Фернандо де Линьяну

(Linan). Домашняя клика дворца Пардо убедила Франко, что правительство слишком мягкотело, и он распорядился заменить Лйньяна человеком дона Камило — бывшим генеральным директором службы безопасности Карлосом Ариасом Наварро, твердым хранителем «закона и порядка». Он начал свою карьеру как обвинитель во время расправ в Малаге 1937 года. Карлос Ариас Наварро был алкальдом Мадрида и фаворитом доньи Кармен[256]. Линьяну Карреро Бланко отдал пост министра информации. Это место первоначально предназначалось человеку будущего — Адольфо Суаресу.

И сторонники режима, и его противники, надеявшиеся на прогрессивные перемены, были разочарованы. Тем не менее новый кабинет придерживался курса Франко — то есть старался предотвратить реализацию еще более амбициозных планов группы ультрафалангистов, объединявшихся вокруг Пардо. Франко позволит Фернандесу Миранде заняться исследованием возможности создания «политических ассоциаций», тем самым допуская свободу мысли в рамках Движения, однако по-прежнему возражая против политических партий. Каудильо дал Карреро Бланко власть на пять лет. Семидесятилетний Карреро никогда не пользовался поддержкой ни в народе, ни в армии. Его власть целиком зависела от существования его хозяина. Мадридские острословы называли правительство Карреро «похоронным кабинетом»[55].

Фрага, прежде чем отправиться послом в Лондон, пришел попрощаться с Франко. Визит произвел на него ошеломляющее впечатление: каудильо «за пределами физических и умственных требований, предъявляемых к столь ответственному посту»[56]. Если бы Франко умер раньше, Карреро Бланко не смог бы править после него в течение длительного времени, ибо не имел ни воли, ни авторитета, ни идей. К концу года его кабинет был сильно взбудоражен недовольством рабочих Каталонии, Астурии и Страны Басков, вызванным мерами строгой экономии, принятыми в целях сдерживания инфляции. В Испании, крайне зависимой от импорта энергии и энергоносителей, назревал первый энергетический кризис, и политика технократов, которые стремились погасить политическое недовольство с помощью экономического роста, была обречена. Единственным ответом Карреро Бланко явилось ужесточение репрессий.

На четверг 20 декабря 1973 года намечалось начало «процесса 1001» — показательного суда над десятью лидерами подпольного профсоюза «Рабочие комиссии» (Comisiones Obreras). Суд должен был продемонстрировать, что режим полон решимости сокрушить подпольный профсоюз. Около 9.30 утра

группа активистов ЭТА совершила покушение на Карреро Бланко: взрывчатка на улице была взорвана в тот момент, когда Карреро, как обычно, возвращался с церковной службы[57]. Получив сообщение, Франко в течение двух часов думал, что Карреро Бланко погиб в результате взрыва газа. Только в полдень в Пардо позвонил вице-председатель правительства Торквато Фернандес Миранда и информировал каудильо, что произошло политическое убийство. Франко отказывался верить, что взрыв не был случайностью. Тогда Фернандес Миранда поехал в Пардо и застал каудильо в халате, больного гриппом. Старик сделал несколько шагов, бормоча под нос: «Бывает, бывает». Такова была его первая реакция. Он дал лишь одно указание: кабинет должен сохранять спокойствие. Франко не пришел проститься с погибшим в импровизированной часовне (capilla ardiente), сделанной в здании министерства по делам правительства. Казалось, он совершенно ошеломлен[58]. Потеряв аппетит, каудильо заперся в своем кабинете[59].

Его отношения с Карреро Бланко были предельно близкими, но вместе с тем Франко держал с ним дистанцию. Карреро всегда выказывал каудильо глубокое почтение, называл его «мой генерал» (mi general) и говорил с ним официально, на «вы». Он обращался к Франко в третьем лице или звал его «каудильо» либо «генералиссимус». Тот неизменно называл его Карреро[60]. Карреро Бланко стал его альтер-эго; по характеру он был таким же холодным и сдержанным, как Франко. Потеря оказалась для каудильо тяжелой. Его надежда снять с себя груз политической ответственности рухнула. Неуверенный в себе, он стал еще больше, чем шесть месяцев назад, податлив для давления домашней клики.

Фернандес Миранда автоматически занял должность исполняющего обязанности премьер-министра. Генеральный директор гражданской гвардии Карлос Иниеста издал приказ: решительно расправляться с подрывными элементами и демонстрантами, «никак не ограничивая себя в использовании огнестрельного оружия». Он распорядился, чтобы гражданская гвардия не ограничивала свою юрисдикцию сельскими районами, а поддерживала порядок в городских центрах. Это было дерзким превышением власти. Однако более спокойные головы взяли верх. По совету начальника генштаба Мануэля Диеса Алегриа был создан триумвират, в который вошли министр внутренних дел Фернандес Миранда, Ариас Наварро и адмирал Габриэль Пита да Вейга, старший из военных министров. Они постарались предотвратить кровавую баню, и менее чем через час Иниесте пришлось отозвать свою телеграмму[61].

На следующий день после убийства страсти накалились: во время заупокойной службы по Карреро Бланко ультраправые толкнули и оскорбили архиепископа Мадрида кардинала Висенте Энрике-и-Таранкона. Джеральд Форд и Марсело Каэтано нанесли Франко краткие визиты[257]. Затем каудильо собрал кабинет. Поздоровавшись за руку с каждым министром, он заговорил об «отвратительном преступлении, которое отняло жизнь у нашего председателя», и залился слезами, глядя на пустое кресло Карреро. Однако, быстро овладев собой, Франко открыл заседание должным образом. На повестку дня был вынесен лишь один вопрос — посмертное присвоение убитому титула герцога де Карреро Бланко.

На следующий день, 22 декабря, у Франко были воспаленные глаза. Он сказал одному из своих помощников, морскому офицеру Антонио Урселаю (Urcelay), что не спал ночью, и огорченно добавил: «Урселай, они лишили меня последней связи с миром». Каудильо присутствовал еще на одной мессе — в церкви Сан Франсиско эль Гранде. Он плакал и тихо стонал во время церемонии. В конце он подошел к Кармен Пичот, жене Карреро Бланко, и, не скрывая слез, взял ее руку. Предполагали, что это покажут по телевидению, но потом решили, что показывать каудильо в состоянии такой депрессии значит умалить его авторитет. Во время службы крайне расстроенный министр образования Хулио Родригес демонстративно повернулся спиной к кардиналу Та-ранкону, а после службы отправился в генеральное управление безопасности и предложил возглавить ударную группу, которая поедет во Францию, выследит убийц и разделается с ними[62].

Когда прошел первый шок, многим в рядах режима стало ясно, что произошедшее открывает несколько путей, как реакционных, так и прогрессивных. ЭТА избрала своей жертвой Карреро Бланко именно потому, что он играл главную роль в планах каудильо по сохранению режима. Ближайшее окружение снова стало оказывать на Франко давление и одержало верх, что свидетельствовало о его физическом и умственном упадке. Когда начали искать замену Кар-реро Бланко, донья Кармен и маркиз де Вильяверде блокировали выдвижение Фернандеса Миранды, приверженного Хуану Карлосу. Им удалось убедить каудильо, что он допустил ошибку, возложив руководство правительством на Карреро Бланко, ибо это открыло путь Хуану Карлосу, который тайно вынашивал либеральные планы[63]. Весьма вероятно, что во время этого кризиса болезнь Паркинсона особенно прогрессировала, и это в известной мере помешало Франко быть в гуще событий[258].

Поскольку Фернандес Миранда не занял места Карреро, каудильо предполагал выдвинуть в премьер-министры своего старого друга адмирала Педро Ньето Антунеса. По протоколу он не мог назначить кого угодно, а должен был выбрать премьер-министра из трех (tema) кандидатов, предложенных ему Советом по делам монархии. Однако Совет вряд ли осмелился бы не включить в список имя протеже Франко. Педроло представлялся надежной кандидатурой. Это был личный друг каудильо, его партнер по рыбалке и картам, старший по армейскому рейтингу франкист, хотя и не такой самоотверженный, как Карреро Бланко. И все же этот человек был под рукой. Двадцать второго декабря Франко сказал Педро Ньето Антунесу, что его назначат премьер-министром, и тот нехотя согласился, как бы подчинившись приказу. Педро Ньето Антунес сразу же установил контакты с возможными членами будущего кабинета, в числе прочих с Фрагой, которого он пригласил в заместители, и с Лопесом Браво — ему предназначался пост министра иностранных дел. Фернандес Миранда не знал об этих маневрах и о том, что Франко считает его либералом, способным изменить ему, поэтому сначала считал: пост премьер-министра оставят за ним. Однако 24 декабря, когда был поднял вопрос об этом, каудильо, находившийся в состоянии просветления, жестко спросил: «Ты требуешь, чтобы я включил тебя в тройку Совета?»

Двадцать шестого декабря Франко приступил к формальным процедурам по выдвижению нового премьер-министра и спросил мнения Хуана Карлоса по этому поводу. Принц предложил Фрагу, либо Фернандеса Миранду. Но Франко и не думал прислушиваться к мнению принца. В тот же день у каудильо состоялась встреча с председателем Совета по делам королевства и кортесов, фалангистом Алехандро Родригесом Валькарселом (Valcarcel). С ним он и обсудил список из двадцати двух имен. Они сократили список до двенадцати, начинавшийся с правых фалангистов Арресе и Хирона и кончавшийся Лопесом Родо. Утром 27 декабря Франко сообщил Родригесу Валькарселу, что за ночь он сократил список до пяти. В нем остались: Фернандес Миранда, Фрага, Ньето Антунес, Ариас Наварро и относительно либеральный министр финансов Антонио Баррера де Иримо. Вечером Франко сообщил Родригесу Валькарселу, что остановил свой выбор на Ньето Антунесе. Для ультра из рядов режима и клики дворца Пардо это бьшо не самой приятной новостью. Педроло родился в 1898 году, то есть был лишь шестью годами младше самого каудильо и пятью старше Карреро Бланко. Его назначение означало, что вопрос о замене может возникнуть снова в ближайшем будущем. К тому же Педроло, хотя и

франкист, был не прочь опереться на Фрагу, как Карреро Бланко на Лопеса Родо. Между тем Фрага стал к тому времени на открыто реформаторские позиции. Клика дворца Пардо намеревалась не допустить этого назначения.

Вечером 27 декабря на Франко начали оказывать мощное давление, дабы расположить его в пользу твердокаменного Ариаса Наварро. Близкий к семье каудильо человек, особенно к донье Кармен, Ариас был одним из постоянных партнеров Франко по картам и другом Висенте Хиля. Известный своей незыблемой позицией в вопросах поддержания общественного порядка, он виделся естественным наследником Алонсо Веги, который покровительствовал ему[64]. Нажимали донья Кармен и доктор Хиль. Их поддерживали генерал Хосе Рамон Гавилан, второй по чину в штаб-квартире Франко, и его адъютант Урселай. О влиянии Хирона можно судить по аргументам, которыми воздействовали на Франко. Рассказывают, что донья Кармен обратилась к мужу с такими словами: «Они собираются убить нас, как они убили Карреро Бланко. Нам нужен решительный председатель правительства. Им должен стать Ариас. Больше некому». Франко, подвергшийся упорному давлению, утром 28 декабря объявил Родригесу Валькарселу, что премьер-министром будет Ариас Наварро, и пояснил: «Педроло почти так же стар, как и я, и у него те же проблемы с памятью». В тот же день Совет по делам королевства «избрал» тройку, в которую вошли, конечно, Ариас, а также Хосе Солис и Хосе Гарсиа Эрнандес, суровый аппаратчик из Движения[65].

В своем предновогоднем выступлении 30 декабря 1973 года Франко несколько неуклюже отдал долг памяти Карреро Бланко. Осудив убийство и назвав его делом рук ничтожного меньшинства, подстроенным из-за границы, он с гордостью отметил, что франкистские институты надежно функционировали в период кризиса. Призвав к единству, он твердо заявил: «Тридцать семь лет я возглавлял государство и все еще с вами. Как всегда, я исполняю миссию служения отечеству и сознаю, что власть — не привилегия, а скорее обязанность, требующая верности и самопожертвования». Слова «нет худа без добра» (no hay mal que por bien no venga) были добавлены его рукой к напечатанному тексту обращения. Внутренние круги режима восприняли эти слова как признание каудильо, что период Карреро Бланко он считает ошибкой[66].

Выбор того, кто сменит Карреро Бланко, хоть и произведенный под давлением, был последним крупным политическим решением Франко. После этого начался переход к демократии, и каудильо лишь наблюдал происходящую

политическую борьбу. По мнению Лопеса Браво, «Франко без Карреро был другим Франко»[67].

Правительство Ариаса странным образом объединило твердых фалангистов и прогрессистов. Либеральное крыло составили Антонио Баррера де Иримо, представлявший наиболее динамичную часть испанского бизнеса, а также такие последователи Фраги, как министр по делам правительства Антонио Карро и министр информации Пио Кабанильяс. Самыми реакционными в правительстве были два фанатичных фалангиста из кабинета Карреро Бланко, сторонники Хирона: Хосе Утрера Молина, министр-секретарь Движения, и Франсиско Руис Харабо, министр юстиции. Хосе Гарсиа Эрнандес, министр внутренних дел и вице-председатель правительства по вопросам внутренней безопасности, как и сам Ариас, был одно время помощником Алонсо Веги[68]. Когда Ариас предложил на пост министра иностранных дел Фрагу, Франко, желавший, чтобы остался Лопес Родо, отверг эту кандидатуру. Ариас настаивал, заявлял, что не хочет Лопеса Родо, и тогда пошли на компромисс и выбрали дипломата Педро Кортину Маури, еще одного фаворита Пардо[69].

Ариас стремился к тому, чтобы Движение возглавил Фернандо Эрреро Те-хедор, но под влиянием Хирона Франко обязал его назначить Утреру Молину. Утрера, фалангист-догматик, сказал Ариасу, что не намерен превращать Движение в стадо политических овец. На церемонии вступления в должность его окружало целое созвездие людей «бункера» — Арресе, Фернандес Куэста, Солис и Хирон из Фаланги, а также «голубые генералы» Иниеста Кано и Гарсиа

Ребулль[70]. Ариасу не хватило такта, чтобы посоветоваться с Хуаном Карлосом по поводу состава нового кабинета. Клика Пардо желала оттеснить принца на задворки политики, но Ариас Наварро был вовсе не таким, каким казался в Пардо. Структурные проблемы режима вынудили не разбирающегося в этом Ариаса пойти гораздо дальше тех перемен, которых достиг Карреро Бланко. Каудильо не понимал Ариаса, а символическую связь с Карреро утратил.

Ариас по сути был приверженцем авторитарной и репрессивной власти, однако им руководило тщеславное желание хорошо выглядеть в глазах общественности. Более либеральные члены правительства, «апертуристас», особенно министр информации Пио Кабанильяс, даже убеждали Ариаса, что защищать основы франкизма необходимо хотя бы для того, чтобы изменить его имидж. Двенадцатого февраля 1974 года он выступил с декларацией о прогрессивных намерениях. В ней, в частности, утверждалось, что ответственность за политические

нововведения не может больше лежать на одном каудильо[259]. Ариас, видимо, не оценил в полной мере ни последствий этой речи, ни будущих проблем: вскоре после этого заговорят о «духе 12 февраля», а Ариас окажется с «бункером»[71]. Лишь постепенно определилось, что «бункер» будет противостоять каудильо, пытаясь блокировать прогрессивные инициативы. Процесс облегчало то, что стареющий и слабеющий Франко все охотнее верил, будто некоторые из министров Ариаса франкмасоны.

Помимо самого Ариаса, каудильо поддерживал самый тесный контакт с министром Утрерой и вскоре стал покровительствовать ему[260]. В январе 1974 года, когда Утрера сообщил обрадованному каудильо, что намерен идеологически перевооружить Движение, тот ответил: «Мы совершили ошибку, принизив значимость нашей гвардии», — но тут же заверил министра, что есть время исправить ошибку. Ариасу Франко не выражал своих желаний, но негодовал по поводу того, чего тот не делает. После речи Ариаса каудильо попросил Утреру объяснить ему смысл «духа 12 февраля». Выслушав объяснение, Франко серьезно встревожился и сказал: «Если режим допускает нападки на свои идеологические принципы, а его защитники отказываются защищать их, остается лишь подумать, что кое-кто замышляет трусливое самоубийство»[72].

Энергетический кризис[261] привел к резкому повышению цен, и в начале 1974 года усилилось недовольство рабочих. Ариас, проявляя терпимость к умеренной оппозиции, жестко подавлял рабочие и студенческие выступления. Его шансы обновить структуры режима и довести это дело до перемен в испанском обществе сводились до минимума, ибо вмешательство каудильо препятствовало ему. Как ни парадоксально, но впервые Франко вмешался, чтобы пресечь реакционные устремления Ариаса. Премьер-министр собирался выслать из страны епископа Бильбао монсеньора Антонио Аньовероса (Anoveros), преступление коего состояло в том, что он разрешил публикацию 24 февраля проповедей в защиту национальных меньшинств. Опасаясь, что премьер-министра отлучат от Церкви, Франко обязал Ариаса пойти на попятную[73]. Вместе с тем каудильо отказался отменить смертные приговоры, вынесенные каталонскому анархисту Сальвадору Пуигу Античу и уголовному преступнику

Эйнсу Чесу (Heinz Chez). Несмотря на международные протесты, напоминавшие времена процесса в Бургосе и суда над Гримау, оба были казнены через гарроту (garrote vii) 2 марта 1974 года.

Падение диктатуры в Португалии оживило реакционные инстинкты клики дворца Пардо. Двадцать восьмого апреля 1974

года, через три дня после события в Португалии, Хирон обрушился в «Аррибе» на Ариаса. Франко дал ясно понять Утрере, что выходка Хирона не вызывает его недовольства[74]. Поддержав эту акцию, военные из «бункера» взялись установить контроль над критическими секторами армии. Пока Хирон и ряд гражданских ультра выступали с нападками на Ариаса и его кабинет, отставной генерал Гарсиа Ребулль назвал политические партии «опиумом для народа», а политиков — «вампирами». План военных состоял в том, чтобы Иниеста временно отложил свой предполагаемый выход в отставку и не покидал поста генерального директора гражданской гвардии, а затем заменил бы либерала Мануэля Диеса Алегриа на посту начальника генштаба. Генерал Анхель Кампано взял бы на себя руководство гражданской гвардией, а офицеры, подозреваемые в либерализме, были бы изгнаны из нее. Этот план поддержала клика дворца Пардо, хотя угасающему каудильо ничего не сообщили. Получив информацию от министра армии генерала Франсиско Коломы (Coloma) Гальегоса о том, что готовится заговор, Ариас поспешил увидеться с каудильо и пригрозил, что уйдет в отставку, чем встревожил его. Франко, считавший воинские установления и служебные процедуры делом священным, поддержал Ариаса, и Иниесте пришлось выйти в отставку в положенный срок 12 мая 1974 года[75].

Двадцать шестого июня Фрага, нанеся визит Франко, застал его усталым и рассеянным. «Он слушал, но ничего не слышал»[76]. Девятого июля каудильо по совету Висенте Хиля решил отправиться в больницу имени Франсиско Франко и полечить флебит на правой ноге. Хиль объяснял проблемы с ногой частой нагрузкой на нее во время рыбалки, когда каудильо держал удилище на правой ноге, а также тем, что Франко просмотрел, сидя у телевизора, все матчи чемпионата мира по футболу 1974 года. В халате и тапочках, слабеющий и не узнающий тех, кто приветствовал его, каудильо ничуть не походил на безжалостного диктатора. Из-за болезни Франко отсутствовал на заседании кабинета 11 июля 1974 года. Это случилось всего второй раз за время его правления[262]. Решение Хиля направить Франко в больницу вызвало недовольство маркиза де Вильяверде, который по приглашению Фердинанда и Имельды Маркос отправился на Филиппины, на конкурс «Мисс Вселенная». Вернувшись, Вильяверде подверг критике поведение доктора Хиля во время политического кризиса, при этом, несомненно, старался, чтобы его собственное отсутствие, по причине не слишком уважительной, прошло незамеченным.

Лечение флебита осложнялось тем, что лекарства,

принимаемые Франко от болезни Паркинсона, вызывали изъязвления стенок желудка. Антикоагулянты, противодействующие образованию сгустков крови — спутников флебита, несовместимы с лечением желудочных заболеваний. Восемнадцатого июля Франко огорчил фильм о его жизни, показанный по телевидению, а также и то, что он пропустил традиционный прием для дипкорпуса и политической элиты в Ла-Гранхе. Его общее самочувствие ухудшилось. Девятнадцатого июля Ариас и председатель кортесов появились в больнице с бумагами и попросили Франко подписать документ о введении статьи 11 Органического закона государства, в соответствии с которой Хуану Карлосу предстояло занять после ухода каудильо Пост временного главы государства. Франко подписал документ. Донья Кармен и Вильяверде пришли в ярость. Маркиз якобы сказал Хилю: «Какую же подлую шутку вы сыграли с моим тестем! И какую услугу оказали этому мальчишке Хуанито». Кристобаль признал, что притязания Альфонсо де Бурбона-Дам-пьерре отныне бессмысленны.

Хуан Карлос, опасаясь, что его скомпрометируют дела правительства, которое он не выбирал, крайне не хотел принимать этот вариант. Он планировал реформировать режим, но не мог осуществить этого, пока имел статус временного главы государства. Принц напрасно надеялся, что Франко передаст ему власть на постоянной основе. Вильяверде страстно желал, чтобы каудильо остался при власти, и даже посоветовал его личному священнику, отцу Хосе Мариа Буларту, уехать: «Присутствие священника нервирует народ». Вильяверде впоследствии возмутится, узнав, что Буларт тайно причастил Франко. Находясь в больнице, каудильо вел себя послушно и никогда не жаловался[77].

Отношения задиристого Хиля и хитрого Вильяверде становились час от часу напряженнее. Двадцать первого июля они непристойно повздорили в коридоре больницы перед палатой каудильо, дав волю рукам. Такая стычка между двумя ультраправыми, якобы встревоженными здоровьем Франко, свидетельствовала о разложении режима. К 24 июля каудильо стало лучше. Доктор Мануэль Идальго Уэрта (Hidalgo Huerta), директор Мадридской провинциальной больницы, провел пресс-конференцию и заявил, что Франко оправился и может идти в выходные, куда захочет. В конце июля вражда между Хилем и Вильяверде привела к тому, что личным врачом Франко был назначен доктор Висенте Посуэло Эскудеро. Донья Кармен поразила Хиля своей бестактной репликой: «Врачей много, а зять только один». Его еще более ошарашило то, что в знак

признательности за сорокалетнюю верную службу Франко она прислала ему телевизор. Правда, презенты уже бывали: первая леди подарила доктору, спасшему жизнь Франко в 1916 году в Эль-Биутце, пачку сигарет, доктору Идальго Уэрте, прооперировавшему каудильо в последний раз, отправила две коробки вина[78].

Приступив к своим обязанностям 31 июля, доктор Посуэло бьш принят Франко. Каудильо был в халате, пижаме и шлепанцах. Услышав его необычайно слабый голос, Посуэло, которому не разрешили проконсультироваться с Хилем, сразу заподозрил болезнь Паркинсона. В этот же день в 5 часов девять врачей из большой медицинской команды, ответственной за здоровье каудильо, держали совет. В первый раз было официально объявлено, что у Франко болезнь Паркинсона, развившаяся вследствие атеросклероза. Врачи наметили программу лечебной гимнастики и реабилитации, которую предстояло осуществлять под общим руководством доктора Посуэло. Тот сразу заметил, что его пациент при первой возможности садится за телевизор, а спортивных передач не пропускает вообще. Каудильо, по-прежнему ярый болельщик мадридского «Реала», не пропускал ни одного его матча.

Врач счел своей главной задачей поднять моральный дух 82-летнего каудильо и начал прокручивать ему ленту с записью военных маршей, популярных в Легионе. Когда Франко в первый раз услышал «Я храбрый и верный легионер» (Soy valiente y leal legionario), его глаза засветились, губы сжались, он распрямил плечи и начал улыбаться, снова почувствовав себя «женихом смерти» (novio de la muerte). Затем Посуэло предложил ему маршировать под музыку его юности. После этого — диктовать на пленку воспоминания. Франко выполнял все это с военной дисциплинированностью, и Посуэло поразило, каких трудов стоит Франко скрыть от посторонних свои страдания. Чтобы улучшить внешний вид Франко, Посуэло начал репетировать с ним его появления на публике — движения, подъем по трапу самолета и прочее, — а также выступления и беседы[79]. Программы упражнений и различные диеты несколько восстановили здоровье каудильо, и 16 августа он полетел в Галисию на свой ежегодный отдых в Пасо-де-Мейрас. Франко много ходил по имению. Его засняли на кинопленку за игрой в гольф.

Из-за наветов клики дворца Пардо Франко начал питать недоверие к Хуану Карлосу и опасаться, как бы тот не позвал своего отца в короли Испании. Поэтому каудильо не слишком спешил передавать власть Хуану Карлосу, да и сам принц не рвался к этому. Последнее объяснялось тем, что при жизни

Франко Хуану Карлосу не удалось бы сделать ничего, что сразу не поведали бы каудильо, причем в самых мрачных красках. И действительно, вступив в права временного главы государства, Хуан Карлос позвонил отцу. Тот в это время плыл на яхте к южным берегам, но сразу вернулся в Эшторил. Секретные донесения об этой беседе усилили опасения Франко (чему, несомненно, способствовало и его семейство) по поводу того, что Хуан Карлос действует заодно с отцом. Девятого августа Хуан Карлос как временный глава государства председательствовал на заседании кабинета в Пардо. Когда оно закончилось, один из помощников Франко обратился к Утрере: «Я знаю, вы лояльны, поэтому хочу предупредить вас: что-то затевается. Будьте осмотрительны». Утрера заподозрил, что существует план объявить Франко недееспособным, чтобы тем самым мотивировать невозможность для него вернуться к обязанностям главы государства. Когда министры вышли в сад приветствовать выздоравливающего каудильо, маркиз де Вильяверде вел себя так, словно взял на себя роль главы семейства во всей полноте. Он грубо обошелся с Хуаном Карлосом, а со своим зятем Альфонсо держался так, будто он был главной монаршей особой. Про Вильяверде говорили, будто он ездил в местечко Марабелья консультироваться с Хироном, как лучше воспрепятствовать сползанию Ариаса к реформизму[80].

Информацию Франко получал от Утреры Молины и домашней клики. Двадцать восьмого августа каудильо принял министра-секретаря и отправился с ним на прогулку по саду. Утрера живо поведал Франко об активных политических махинациях людей, ожидающих его смерти. Он сообщил каудильо, что Антонио Карро, Пио Кабанильяс и генеральные директора министерств, входящие в либеральную католическую группировку «Тасито», обещают столь же неприятные сюрпризы, как троянский конь, ибо надеются использовать положение о «политических ассоциациях» для создания партий и развала Движения. Утрера убеждал Франко набрать новый кабинет и передал ему полученное ранее предупреждение о том, что его хотят объявить недееспособным. Каудильо возмутился и произнес гневную тираду о неблагодарности. Затем он сказал Утрере, что подумывает взять на себя власть. При этом Франко добавил: «Я не диктатор, который любыми способами цепляется за власть. Но уже не первый раз Испании нужна моя жертва. Недавно я произвел безотлагательные изменения, теперь выжду разумное время и еще раз подумаю о своем решении». Потом они обсудили либеральную угрозу, и Франко, использовав фразеологию «бункера», заявил, что «армия отстоит свою победу»[81].

Хуан Карлос председательствовал еще на одном заседании правительства — 30 августа. Чтобы подчеркнуть временный характер его главенства, заседание провели в Пасо-де-Мейрас, и снова Франко принял министров в саду. Министр внутренних дел Хосе Гарсиа Эрнандес сказал ему: «Мой генерал, пора вам облегчить свое бремя и передать штурвал в другие руки». Каудильо, пристально посмотрев на него, ответил: «Ты же знаешь, что это невозможно»[82]. Тридцать первого августа медицинская команда решила, что Франко полностью восстановился. Проявив инициативу, он попросил врачей выпустить коммюнике (parte medico) о том, что период его восстановления завершается. Когда Хуан Карлос спросил Ненуку, собирается ли ее отец вновь возглавить государство, она ответила, что при его здоровье это совершенно исключено. Каудильо ничего не сказал принцу насчет коммюнике, но, как только его подготовили, он принял решение вернуть себе полномочия. Обрадованный Вильяверде поспешно позвонил Ариасу Наварро в Салинас, где тот проводил выходные дни, и принцу, находившемуся на Мальорке. О решении было официально объявлено 2 сентября. Столь неразумный шаг Франко, явно неспособного взять на себя груз ответственности по руководству страной, вызвал похожие на правду слухи о махинациях Вильяверде и доньи Кармен. Они оба были серьезно озабочены своим будущим[83].

По возвращении Франко в Мадрид с ним произошел любопытный случай. Во время обычного осмотра доктор Посуэло обнаружил на маленьком пальце правой ноги каудильо большую мозоль. Удалив ее, он нашел следы абсцесса и отнес его на счет тромбофлебита, перенесенного Франко летом. Мозоль образовалась из-за дешевых тяжелых ботинок, которые обычно носил каудильо. Когда Посуэло объяснил пациенту, что с годами чувствительность кожи повышается и ему надо носить обувь полегче, Франко воспротивился. При этом он сообщил, что имеет много пар ботинок, к которым привык. Каудильо пояснил, что этими ботинками его бесплатно снабжает производитель, и, пока он к ним не привыкнет, они жмут и трут[263]. Посуэло заметил, что, по мнению врачей, надо обувь подбирать по ноге, а не ногу по обуви. «Все бы вам с комфортом» (Ustedes son unos comodones), — проворчал Франко[84].

Победа клики Пардо над Хуаном Карлосом, выразившаяся в том, что Франко вернулся к власти, была победой «бункера». Вскоре последовали нападки на Пио Кабаниньяса, наиболее либерального министра в правительстве Ариаса. Каудильо представили подборку вырезок из испанских журналов с рекламой товаров для пляжа и для вылазок на природу, в

частности, с купальниками-бикини. Все это перемежалось хорошо подобранной умеренной порнографией. Франко желали показать, что ныне публикуется в Испании. Если и шесть лет назад он поверил Карреро Бланко, будто Фрага открывает дверь марксизму и подрывает моральные устои с помощью эротики, теперь его было еще легче убедить в необходимости избавиться от Пио Кабаниньяса. В представленном ему досье каудильо более всего возмутили доказательства того, что, как и Фрага с делом «Матеса», Пио Кабаниньяс позволяет прессе печатать материалы об исчезнувшем оливковом масле, ибо это в конце концов дошло до руда. Говорили, будто Франко взорвался и сказал: «Что толку в том, что все считают Кабаниньяса умным, если он не смог предотвратить того, чтобы имя моего брата попало в прессу? Я больше не желаю видеть Кабаниньяса на заседаниях кабинета».

Двадцать четвертого октября Ариас встретился с Франко, что бывало каждую неделю, и получил распоряжение снять Кабаниньяса. Из солидарности с Кабаниньясом подал в отставку и Антонио Баррера де Иримо. Чтобы победа «бункера» не казалась столь очевидной, Арйас и его вице-председатель Антонио Карро предложили Франко ради сохранения баланса (к чему он всегда стремился) удалить из правительства Утреру и Франсиско Руиса Харабо. Но каудильо категорически отказался, заявив, что оба «очень лояльны»[85].

К концу 1974 года Франко стал проявлять еще более очевидные признаки старческой деградации. Он то и дело зевал, прикрывая темными очками слезящиеся глаза. Жесты были нервные, нерешительные, он, казалось, не понимал, что происходит вокруг. Те, кто разговаривал с ним, замечали, что каудильо утратил способность логически мыслить. Время от времени он возвращался в нормальное состояние, но обычно производил впечатление человека, неспособного сосредоточиться[86]. Однако в этот последний год жизни Франко следовал, возможно в силу политической необходимости, заведенному распорядку — к неудовольствию врачей. Он все еще питал склонность к охоте и рыбной ловле, а отчаянное желание клики Пардо и высших франкистов видеть его активным приводило к тому, что каудильо присоединялся к утомительным вылазкам, даже в ненастную погоду. Зимой 1974—1975 годов состоялось несколько таких вылазок. Охотились в местности, открытой всем ветрам, в сырую погоду, часто при нулевой или близкой к нулю температуре. Первая такая вылазка в Сьерра-Морену в январе 1975 года встревожила доктора По-суэло, ибо пришлось долго стоять, чтобы не спугнуть добычу. Посуэло опасался, что это кончится нефритом или простатитом. Франко к

тому же сказал, что не может как следует стрелять, так как замерзли руки. На следующую ночь каудильо охватил сильный озноб, и Посуэло дал ему антибиотики. При анализе мочи обнаружили повышенное содержание белка и кровь — симптомы заболевания почек[87].

С конца 1974 года состояние здоровья Франко стало быстро ухудшаться. Особенно его беспокоили зубы[88]. В своем предновогоднем выступлении 30 декабря 1974 года каудильо выразил благодарность врачам, «полностью излечившим» его от летней болезни, и с гордостью отозвался о прочности государственных институтов, заметив, что они надежно функционировали, пока он болел[89]. Видимо, Франко не знал о развале франкистской коалиции. Первая стычка в новом году произошла в феврале. Ариас возмутился тем, что фалангистская печать не отметила годовщину его речи 12 февраля, и велел Утрере снять редактора «Аррибы». Когда тот попытался возразить, Ариас закричал в трубку, что Утрера скоро узнает, кто в Испании хозяин. Утрера пошел к Франко и сообщил ему об этом, но слабый и напуганный каудильо посоветовал ему делать то, что велит председатель правительства, и тем самым избежать неприятностей[90]. Утрера принес каудильо материалы, разоблачающие планы Ариаса распустить Движение, и магнитофонные записи, где тот говорил: «Франко стар. Единственный здесь крепкий человек — это я» («Aquf no hay mas cojones que los mios»). Когда Утрера сказал: «Ариас — предатель», Франко заплакал и пробормотал: «Да, да, Ариас предатель, но никому не говори об этом. Надо действовать осторожно»[91]. Медикаменты, применяемые от болезни Паркинсона сделали Франко боязливым.

Министр труда Лисинио (Licinio) де ла Фуэнте, возмущенный планом Ариаса признать права на забастовку, 24 февраля подал в отставку. Наконец-то обстоятельства заставили Ариаса вступить в схватку с «бункером». Двадцать шестого февраля он посетил Франко и сказал, что заменит не только министра труда, но и других министров. Во время следующей встречи, 3 марта, каудильо воспротивился всяким изменениям. Однако.Ариас, заявив, что Утрера фабрикует свидетельства против Франко, и пригрозив отставкой, запугал слабого и нервного старика. Так, каудильо разрешил перетряску кабинета, при которой и Руис Харабо, и Утрера были выведены из правительства. Фернандо Эрреро Те-хедор, прокурор верховного суда, занял пост министра-секретаря Движения, став новой надеждой либералов. Ариас рассчитывал, что Эрреро сумеет сделать что-нибудь из проекта о политических ассоциациях. Франко одобрил эту кандидатуру,

потому что Эрреро подготовил для него серьезный доклад в связи со смертью Карреро Бланко[92].

Ариас в значительной мере выдавал желаемое за действительное, и в его словах звучала ностальгия, когда он заявил 27 февраля 1975 года по телевидению, что те, кто испытывают сомнения, чувствуют разочарование и чей энтузиазм остыл, «пусть пойдут к дворцу Пардо и хоть издали посмотрят на свет, постоянно горящий в кабинете каудильо. Человек, посвятивший всю жизнь служению Испании, продолжает, не жалея себя, твердо стоять у штурвала и держит курс так, чтобы испанцы могли войти в спокойную гавань, чего он им и желает»[93]. Когда 11 марта Утрера пошел в Пардо попрощаться с каудильо, там произошла сцена, символизирующая конец эры. Франко похвалил Утреру за верность, а в конце аудиенции попросил его никогда не меняться: «Такая верность, как у тебя, это не рядовое явление». Переполненный эмоциями, Утрера пообещал отстаивать свои позиции до последнего дыхания. И здесь каудильо сломался: он обнял Утреру и залился слезами. Когда Франко отпустил его, Утрера отступил на шаг, встал по стойке «смирно» и попросил разрешения попрощаться, как подобает центуриону из организации фалангисгской молодежи. Подняв руку в фашистском приветствии, он выкрикнул: «Каудильо, готов к твоим приказам! Испания, вперед!» (Caudillo, a tus ordenes! Arriba Espana!) Взволнованный Франко поднял в ответ дрожащую руку[94].

Франко глубоко потрясли события в Португалии. Происшедшее он считал бесцельным разрушением всего созданного Салазаром. В это время Фрага представил Ньето Антунесу проект программы политической ассоциации, которую он намеревался зарегистрировать. Ариас и другие министры полагали, что эту инициативу надо пресечь. Сам Франко, прочтя документ, саркастически спросил Ньето: «Для какой страны Фрага пишет такие проекты?»[95]

Продолжающийся сдвиг влево в соседней стране сказался на здоровье Франко меньше, чем решимость Хасана II избавиться от последних следов испанского присутствия в Марокко. Каудильо очень расстроили события в Испанской Сахаре[96].

Тридцать первого мая с двухдневным визитом в Испанию прибыл президент США Джеральд Форд. Его ждал куда менее восторженный прием, чем ранее Никсона или Эйзенхауэра. Это объяснялось недееспособностью Франко и тем, что политика госдепартамента переключалась с каудильо на будущее — на Хуана Карлоса. Президент Форд провел, пожалуй, больше времени с принцем, чем с Франко[97].

Двадцать третьего июня 1975 года новый министр-секретарь Движения Фернандо Эрреро Техедор погиб в автомобильной катастрофе близ Вильякастина в провинции Вальядолид. Каудильо сообщили об этом, когда он был на корриде. На Франко этот случай произвел сильное впечатление. Он счел это знаком свыше, поэтому решил, что небо не одобряет экспериментов с политическими ассоциациями[98]. Логически наследником Эрреро должен был стать его заместитель, амбициозный Адольфо Суарес. Однако Суарес, как и Эрреро Техедор, был слишком склонен к компромиссам с «апертуризмом». Вместо него Франко предложил опешившему Ариасу нового министра-сеХретаря Движения — Хосе Солиса. Этот поступок каудильо отражал существовавшее в рядах режима убеждение, что когда враг группирует силы для наступления, Франко следует окружить себя надежной старой гвардией. Клика дворца Пардо, тесно контактирующая с Хироном и Алехандро Родригесом Валькарселом, председателем кортесов, уговаривала Франко продлить полномочия данных кортесов на полгода. Клика надеялась выиграть время, необходимое, чтобы сместить Ариаса и назначить на пост премьер-министра Солиса, Родригеса Валькарсела или даже Хирона. Клика Мартинеса-Бордиу была передаточным звеном, через которое каудильо узнавал точку зрения осаждаемого со всех сторон франкизма[99].

Франко все так же верил в свое божественное предназначение, не ведая о том, что его сторонники-ультра мечутся в панике, страшась за свое будущее[100]. Для осуществления планов им нужен был живой Франко. Каудильо, измотанный и жаждущий отдыха, поговаривал о том, не уйти ли в отставку, а может, удалиться в монастырь, где и умереть, — именно таковы были последние дни Карла V. Франко до самого конца сопоставлял себя с великими испанскими монархами прошлого. Рассказывали, будто донья Кармен, охваченная паникой, умоляла каудильо не уходить из политики, а позднее его встревоженный зять поддерживал в нем жизнь с помощью электроники[101]. Живой Франко был единственной надеждой «бункера». В последние месяцы «бункер» разжигал страхи и предрассудки каудильо. Попытки клики облегчались неистребимым убеждением Франко в том, что от франкмасонства исходит угроза[102]. Пятнадцатого июля каудильо принял в Пардо делегацию «Национального братства временных лейтенантов» (Hermandad Nacional de Alféreces Provisionales), оплота «бункера», во главе с реакционером маркизом де ла Флоридой. Днем раньше террористы из ФРАП[264] убили полицейского. Франко отверг весьма серьезные претензии делегации к левым: «Я считаю, что вы уделяете слишком большое внимание лаю собак. В сущности,

это меньшинство, подтверждающее нашу жизнеспособность и проверяющее, достаточно ли сильно наше Отечество и может ли оно оказывать сопротивление». Однако, пользуясь воинственной фразеологией 40-х годов, каудильо призвал Флориду и его «братство» стоять насмерть, защищая завоевания Гражданской войны[103].

Летом 1975 года развал режима ощущался во всем. Пока Франко отдыхал в Галисии, поползли слухи о том, что по возвращении он сменит Ариаса Солисом. На заседании кабинета в Пасо-де-Мейрас 22 августа был предложен жесткий антитеррористический закон. Его расплывчатые формулировки проецировались на все аспекты оппозиции режиму[104]. Первыми результатами закона стали несколько процессов, запятнавших последние дни Франко. Двадцать восьмого августа военный трибунал в Бургосе приговорил к смерти двух членов ЭТА, а 19 сентября еще на одном процессе, в Барселоне, был вынесен третий смертный приговор. Между ними, 11 и 17 сентября, трибунал, заседавший на военной базе под Мадридом, приговорил к смертной казни восемь членов ФРАП. Международная волна протестов, еще более сильная, чем во время суда над Гримау, вызвала негодование Франко. Пятнадцать европейских правительств отозвали своих послов из Мадрида. В большинстве европейских стран состоялись демонстрации и произошли нападения на испанские посольства. Президент Мексики Луис Эчеверриа призвал Организацию Объединенных Наций исключить Испанию из ООН. Папа Павел VI взывал к милосердию, как и все епископы Испании. Такое же обращение направил через сына и дон Хуан. Подобные обращения пришли от правительств всего мира[105]. Но Франко проигнорировал их.

На заседании кабинета 26 сентября, длившемся три с половиной часа, председательствовал крайне неуверенный каудильо. Тем не менее были утверждены пять смертных приговоров. Наутро следующего дня приговоренных расстреляли. Кампания международных протестов усилилась. Тон задавал Папа Павел VI. Испанское посольство в Лиссабоне было разгромлено[106]. Если помилования после судов в Бургосе 1970 года свидетельствовали, по утверждению каудильо, о силе режима, то казни 27 сентября 1975 года ознаменовали его окончательный упадок. ЭТА представляла собой большую угрозу, чем пять лет назад, но разница между 1970 и 1975 годами состояла в том, что теперь на Франко оказывали огромное влияние крайне правые[265].

К этому времени каудильо заметно похудел и страдал бессонницей. Первого октября 1975 года, в день тридцать девятой

годовщины прихода к власти, Франко появился перед огромной толпой у Паласио-де-Ориенте. Автобусы привезли представителей Движения со всей Испании. За несколько дней до этого телевидение убеждало людей прийти. Учреждения, заводы, фабрики и магазины были закрыты в этот день официальным распоряжением, чтобы обеспечить массовость мероприятия. В это последнее свое появление на публике каудильо, усохший и сгорбленный, с явным трудом переводил дыхание, выдавая те же параноидальные клише, что и обычно. Проблемы Испании, как он заявил, — следствие «масонского левого заговора внутри политического решения, постыдно сочетающегося с коммунистическо-террористической подрывной деятельностью в обществе». Франко ушел, воздев руки кверху, глаза его были мокры[107].

После того как 1 октября его продул холодный пронизывающий осенний ветер, у каудильо возобновилась болезнь, закончившаяся смертью. Четырнадцатого октября появился сильный насморк и другие симптомы гриппа, а первое резкое обострение случилось утром 15 октября. Франко проснулся от болей в груди и плечах: у него был сердечный приступ. Несмотря на это, он отказался изменить свой распорядок дня, провел 16 октября одиннадцать официал ных встреч, а вечером смотрел фильмы[108]. Устав делать вид, что все идет нормально, маркиз де Вильяверде уехал в первые дни болезни Франко на охоту в Сьюдад-Реал. Во время охоты он не сумел сдержать внутреннюю панику — такую же, какая охватила франкистские круги. В какой-то момент Кристобаль Мартинес-Бордиу выхватил у одного из охранников автомат и закричал: «Мы должны быть готовы! Они нападут на нас, но что касается меня...» — и он стал беспорядочно палить из автомата в скалу[109].

Вопреки совету врачей, Франко рвался председательствовать на заседании кабинета 17 октября. Он отверг предложение министров прийти к его постели и не пожелал появиться на заседании в кресле-каталке. Встревоженные врачи уступили каудильо с тем условием, что к нему прикрепят электроды для наблюдения за работой сердца. Во время заседания один из .министров рассказал о визите принца Хуана Карлоса в JIa-Манчу. Когда каудильо услышал от министра, что толпа стала скандировать «Франко! Франко! Франко!», сердце у него забилось так учащенно, что врачи в соседнем помещении подумали: это конец. Во время заседания пришло сообщение, что марокканцы совершили «зеленый марш» в Испанскую Сахару. У Франко с сердцем повторилось то же самое[110].

В субботу 18 октября каудильо проснулся и сел за работу в

своем кабинете в последний раз. Вероятно, он выражал последнюю волю и писал политическое завещание. В воскресенье 19 октября Франко присутствовал на мессе и принял причастие. В 11 часов ночи 20 октября с ним снова случился сердечный приступ. Хотя в среду 22 октября он еще смотрел фильм, с этого вечера его состояние начало резко ухудшаться. Каудильо не мог заснуть, жаловался на острую боль в плечах и в области поясницы. Произошел третий сердечный приступ. Однако Франко удалось прошептать Ариасу, что он послал Солиса специальным эмиссаром в Марокко — «заморочить голову» (gitanear) Хасану II и выиграть время. В Вашингтоне по Эй-би-си было случайно объявлено о смерти Франко.

Двадцать четвертого октября каудильо перенес еще один приступ сердечной недостаточности. Обострилась зубная боль; он страдал от вздутия живота — открылось желудочное кровотечение. В субботу 25 октября его экстренно причастили. В воскресенье 26 октября, после нового внутреннего кровотечения, стали считать, что конец близок, и некоторые радиостанции начали транслировать соответствующую случаю печальную музыку. До 29 октября Франко делали постоянные переливания крови. В это время его мучили острые боли. К 30 октября появились признаки перитонита. Когда каудильо сказали о сердечных приступах и серьезных проблемах с кишечником, он произнес: «Статья одиннадцать, ввести в действие статью одиннадцать». Мартинес-Бордиу и Ариас, объединившись по воле случая, надеялись убедить Хуана Карлоса, чтобы он согласился занять пост главы государства временно. В предыдущем году принц неохотно пошел на это, но теперь отказался. Франко перестал быть главой государства. Часть прессы начала создавать имидж Хуану Карлосу и говорить о каудильо в прошедшем времени[112].

К ночи со 2-го на 3 ноября у Франко усилилось кишечное кровотечение. Кровать, ковер и стены — все было испачкано кровью. Чтобы остановить кровотечение, двадцать четыре специалиста, наблюдавшие за Франко, Приняли решение о срочной операции. Поскольку не было времени доставить каудильо в клинику, его положили на каталку и отвезли в импровизированную операционную — на посту первой помощи охраны дворца Пардо. Кровавый след тянулся по пути следования больного. В ходе трехчасовой операции, проводившейся под руководством доктора Мануэля Идальго Уэрты, врачи обнаружили язву и поврежденную артерию. Франко выжил на операционном столе, но теперь у него началась уремия[113]. Нужен был гемодиализ, поэтому каудильо решили перевезти в хорошо

оборудованную клинику. На машине военной «Скорой помощи» его доставили в больницу «Сьюдад Санитариа Jla Пас».

На третий день, поскольку уремия усиливались, в 16 часов врачи начали еще одну операцию, во время которой удалили две трети желудка[114]. Операция длилась четыре с половиной часа. После этого Франко подключили к специальной аппаратуре. Он на короткое время пришел в сознание и сказал: «Как трудно умирать». Больницу осаждали журналисты. За фотографии умирающего диктатора предлагались огромные деньги. Доктор Посуэло с возмущением отвергал предлагаемые ему астрономические суммы. Потом секрет раскрылся: маркиз де Вильяверде вовсю пользовался фотоаппаратом доктора[115]. Пятнадцатого ноября началось новое обширное кровотечение. Живот Франко вздулся вследствие перитонита. Рано утром началась третья операция, после которой группа Идальго Уэрты оценивала состояние больного весьма пессимистически[116]. Обитатели дворца Пардо, несмотря на страдания каудильо, хотели во что бы то ни стало поддерживать в нем жизнь. Это отчасти объяснялось тем, что срок пребывания Алехандро Родригеса Валькарсела на посту председателя Совета по делам монархии и председателя кортесов заканчивался 26 ноября. Если бы Франко, придя в себя, продлил мандат Валькарсела, клика имела бы своего ставленника на ключевом посту и ей удалось бы добиться, чтобы Хуан Карлос назначил председателем Совета министров человека «надежного»[117].

Франко был еще жив, и только. Он вряд ли приходил в сознание и полностью зависел от комплекса аппаратуры жизнеобеспечения. Наконец его дочь Ненука потребовала, чтобы ему дали уйти с миром. В 23.15 19 ноября трубочки, связывавшие каудильо с аппаратурой, были отсоединены по указанию Мартинеса-Бордиу. Вероятно, Франко умер вскоре после этого. Официально объявили, что это произошло в 5.25 утра 20 ноября 1975 года. Официально причинами смерти назвали эндотоксиновый бактериально-токсический шок, вызванный острым бактериальным перитонитом, почечную недостаточность, бронхопневмонию, язву желудка, тромбофлебит и болезнь Паркинсона[118].

Эпилог «НЕ БЫЛО ИНЫХ ВРАГОВ, КРОМЕ ВРАГОВ ИСПАНИИ»

Поняв, что умирает, Франко написал политическое завещание испанскому народу. Его со слезами на глазах зачитал в 10 часов утра 20 ноября по телевидению Карлос Ариас Наварро. Назвав себя «верным сыном Церкви», который «хотел жить и умереть как католик», каудильо продолжал: «Я прошу прощения у всех, кто объявлял себя моими врагами, как и сам всем сердцем прощаю их, даже если никогда их таковыми не считал. Я верю, что у меня не было иных врагов, кроме врагов Испании». Франко предупреждал: «Не забывайте, что враги Испании и христианской цивилизации не дремлют»[1].

Когда сообщение о смерти каудильо дошло до всех уголков Испании, одни опечалились, а другие обрадовались. У галантерейщиков и разносчиков черные галстуки и нарукавные черные повязки шли нарасхват, однако рассказывали, что на улицах некоторых баскских городов люди танцевали. Писатель Мануэль Васкес Монтальбан передал атмосферу того времени в Барселоне: «В течение дня 20 ноября 1975 года город наводнили молчаливые прохожие. В их глазах отражались стены. Горло этих людей пересыхало от благоразумного молчания. По всей улице Рамбла — вверх и вниз. Как всегда. Служба безопасности, полиция и члены полувоенных организаций присматривали за молчаливой демонстрацией, а шестым чувством они слышали «Оду к радости», напеваемую затаившейся душой «Розы пламени», осторожной душой города вдов, мудрой душой оккупированного города [Барселоны]. На фоне неба над горами Кольсерола взлетали в осенний сумрак пробки шампанского. Но никто не слышал их звуков. В конце концов, Барселона — город, обученный хорошим манерам. Молчаливый и в радости, и в печали»[2].

Тело Франко лежало на постаменте в Колонном зале (Sala de Columnas) Па-ласио-де-Ориенте. В течение пятидесяти часов зал был открыт для публики. Очередь выстроилась длиной в несколько километров. От 300 до 500 тысяч людей шли к гробу каудильо, и вовсе не затем, чтобы убедиться в его смерти[3]. Еще за несколько дней до этого события служащие мемориала в Валье-де-лос-Каидос начали искать монументальный камень, похожий на тот, что лежал на могиле Хосе Антонио Примо де Риверы. Когда такой наконец нашли, понадобилось несколько дней

подготовки, чтобы овладеть искусством перемещать эту невероятную тяжесть со сноровкой, приличествующей похоронной церемонии. Двадцать третьего ноября, когда похоронный кортеж находился на пути между Мадридом и Куэльга-мурос, один из приехавших на похороны упал в могилу и потерял сознание. Стоило большого труда извлечь его оттуда, чтобы отправить в больницу. В час дня кортеж прибыл к базилике. Гроб несли маркиз де Вильяверде, его сын Франсиско Франко Мартинес-Бордиу, Альфонсо де Бурбон и представители армии, флота и авиации[4]. Ни один значительный глава государства, кроме почитателя Франко чилийского диктатора генерала Аугусто Пиночета, на похороны не явился.

Хуан Карлос не побуждал донью Кармен покинуть дворец Пардо, и она прожила там еще два с половиной месяца. Каждое утро личный штандарт (guion) Франко поднимался на флагштоке; спускали его по вечерам. Рота солдат продолжала выполнять обязанности почетного караула. Драгоценности, предметы старины, картины и гобелены были упакованы, погружены вместе с бумагами каудильо на грузовики и развезены по фамильным владениям в Испании. Кое-что ради безопасности было отправлено морем за границу[266][5]. В 6 часов 10 минут холодного вечера 31 января 1976 года заплаканная донья Кармен в последний раз вышла из дворца Пардо. Обойдя под звуки военного оркестра строй почетного караула, она в сопровождении маркиза де Вильяверде и нескольких экс-министров из числа ультра, среди которых были Хирон и Утрера Молина, покинула Пардо. Группы ультра стояли вдоль дороги возле дворца, скандировали «Франко! Франко! Франко!» и пели фалангисгский гимн «Сага ai sol».

Донья Кармен переехала в Мадрид и остановилась у своей дочери и зятя в принадлежавшем той доме на Эрманос, 8, пока в 1978 году вдове каудильо не подготовили квартиру в этом же доме. И после смерти Франко семейство оставалось весьма богатым[6]. В дополнение к накопленному донья Кармен получила от государства щедрую пенсию[7]. Поначалу она посещала собрания ультраправых, посвященные памяти ее мужа, но потом перестала ходить на них, замкнулась в себе и не подавала голоса[8]. Напротив, Ненука и ее муж продолжали вместе с Хироном и Бласом Пиньяром посещать ностальгические манифестации на Пласа-де-Ориенте[9].

Лишившись особых привилегий, семейство попало под огонь прессы. С членами семьи произошло также несколько необъяснимых несчастных случаев. В прессе начались дискуссии о том, кому принадлежат бумаги Франко — семье или государству.

Пока решался вопрос, огромное собрание документов государственной важности, накопившихся за тридцать девять лет, личные записи и секретные донесения, а также картины кисти каудильо погибли, как было объявлено, в результате загадочного сильного пожара в Пасо-де-Мейрас 18 февраля 1978 года. Сказочные сокровища античности и произведений искусства, спасенные от огня пожарными, породили разговор о том, сколько из всего этого принадлежало Национальному наследию (Patrimonio Nacional). Через два месяца, 25 апреля 1978 года, некоторые из принадлежащих семье Франко вещей были похищены при ограблении в Вальдефуэнтесе[10]. Затем, 12 июля 1979 года, донья Кармен и маркиз де Вильяверде едва избежали гибели, когда возник пожар в сарагосском отеле «Корона де Арагон». Вместе со многими другими известными франкистами они остановились в отеле, чтобы посетить церемонию окончания курсантами военной академии и присвоения им офицерских званий. Среди кадетов был и сын Вильяверде — Кристобаль Мартинес-Бордиу Франко. Семейство надеялось, что Кристобаль-младший пойдет по стопам деда, но их надежды не оправдались: вскоре после окончания академии он заявил, что военная жизнь не по нем, и оставил армию.

Семейство Мартинес-Бордиу было вовлечено и в ряд скандалов. В 1979 году Мария дель Кармен Мартинес-Бордиу, герцогиня Кадисская, бросила своего мужа Альфонсо де Бурбона-Дампьерре и двух детей и ушла к парижскому торговцу предметами старины Жану Мари Росси. Ее старший сын Франсиско погиб в автомобильной катастрофе в 1984 году, после чего состоялся суд над Альфонсо де Бурбоном, которого приговорили к небольшому сроку тюремного заключения за превышение скорости. Он пытался предъявить претензии на французский трон, но в 1989 году погиб при странных обстоятельствах, катаясь на лыжах".

Через пять лет после смерти Франко процветающее имение Вальдефуэнтес пришло в упадок. Им управлял старший внук каудильо, Франсиско Франко Мартинес-Бордиу. Там начали демонстрировать фильмы ужасов и порнографию. Попытка Франко сделать состояние в Латинской Америке не удалась. В Чили его обвинили в мошенничестве[12]. Мать Франсиско, Ненука, также стала объектом пристального внимания прессы. Седьмого апреля 1978 года ее, теперь герцогиню де Франко, которая путешествовала под именем сеньоры Мартинес, остановили на границе. Она пыталась вывести из страны несколько золотых монет — якобы для того, чтобы заказать в Швейцарии особые часы[13].

Упадок семейства Франко был предсказуем. Гораздо поразительнее был заговор молчания, окруживший судьбу диктатуры после смерти каудильо. С невысказанного национального согласия режим был предан забвению. Каудильо потратил много лишнего времени в течение последних пятнадцати лет, чтобы увековечить франкизм после своей смерти, но это ему не удалось. Коллективно отвергнув его планы, широкие круги испанцев начали сотрудничать в рамках так называемого «пакта забвения» (pacto del olvido). Ради бескровного перехода к демократии жертвы репрессий отказывались от намерения мстить и сводить счеты. К исполнителям приговоров, мучителям, тюремщикам, доносчикам, а также людям из ближайшего окружения Франко, ˆобогатившимся за годы диктатуры, не применяли никаких административных мер. Соответственно с этим многие наиболее умеренные и дальновидные сторонники Франко забыли о своем прошлом, некоторые приняли искреннее участие в установлении демократического согласия. Другие сфабриковали себе автобиографии — «людей с демократическим прошлым» (demdcratas de toda la vida).

Хотя стремление к реваншу держалось под контролем, это вовсе не означало, что самого Франко оставили в покое. В первые же годы после его смерти начался издательский бум, подпитывавшийся неутоленным интересом нации к слухам и сплетням о жизни человека, прежде окутанной ложью низкопоклонников. К разочарованию нераскаявшихся франкистов, мемуары тех, кто знал Франко, имели отнюдь не наставительный характер. Сестра каудильо Пилар, двоюродный брат Пакон, племянница Пилар Хараис, внук Кристобаль, вдова брата Рамона, свояк Рамон Серрано Суньер, врачи Рамон Сориано, Висенте Хиль, Висенте Посуэло, экс-министры Педро Сайнс Родригес, Мануэль Фрага, Лауреано Лопес Родо, Хосе Мариа де Ареилса, Хосе Утрера Молина и многие другие написали весьма удачные книги. Желая того или нет, они изобразили удивительную личностную посредственность этого «сфинкса без загадки»[14].

Однако куда неожиданнее этих откровений была та решительность, с какой испанцы выбрали демократию и отвергли планы каудильо о будущем Испании. Это и стало наиболее выразительным ответом на вопрос о месте Франко в истории. Хотя такое отношение не означает, что каудильо ничего не добился, но оно указывает на сектантский, сугубо личный характер его триумфов. Он и его сторонники не видели различия между благом Испании и благом Франко. Каудильо всегда без

колебаний отождествлял себя с Испанией и говорил об Испании, оценивая ее со своих односторонних позиций. Десятилетиями он высмеивал дона Хуана за его патриотическое желание быть королем всех испанцев и до своего смертного часа мстительно пытался сохранить разделение испанцев на победителей и побежденных. Испания, как определял ее Франко, то есть страна, выигравшая Гражданскую войну, и послевоенная Испания, державшаяся на репрессивном аппарате, — такая Испания фактически перестала существовать к 1975 году. Широкая социальная и экономическая революция началась с конца 50-х годов, и весь этот период Франко был скорее символическим, чем действующим лидером, и все более отрывался от реальности. Для большинства людей, родившихся после Гражданской войны, не представляло особых трудностей предать забвению франкистскую Испанию.

Каудильо будут помнить прежде всего по тому, как жестоко он вел националистскую войну с 1936-го по 1939 год, и по той решимости, с какой он проводил систематическое уничтожение своих врагов слева, и, кроме того, по тому, как долго он прожил после всех этих событий. Его отличительными чертами были инстинктивная хитрость и неколебимое хладнокровие, с которыми он инициировал соперничество между различными силами внутри режима и легко справлялся с брошенными ему вызовами со стороны этих сил — начиная с Серрано Суньера и кончая доном Хуаном, натурами более цельными и интеллектуально превосходящими его. Франко достиг вершин не потому, что облагодетельствовал нацию, а благодаря умению манипулировать властью и преследовать собственную выгоду. Сальвадор Мадариага писал: «Высший интерес Франко — сам Франко. Высший интерес де Голля — Франция»[15].

Испанские правящие классы в 1936 году отказались от власти в пользу Франко и других генералов так же, как их итальянские собратья поступили по отношению к Муссолини и фашистам в 1922 году, а германские правящие классы — по отношению к Гитлеру и нацистам в 1933 году. Все они испытывали убеждение, что вернут себе власть, как только будет подавлено недовольство рабочего класса, бросившего вызов существующей системе. Франко, с его пиететом к буржуазии, аристократии и короне, казался надежным выбором. Верили в то, что он восстановит монархию при первой же возможности. Однако в течение тридцати девяти лет после прихода к временной власти на период войны он препятствовал осуществлению прав законного наследника и сумел удержаться у власти. Это свидетельствует о его выдающемся политическом мастерстве.

То же мастерство он проявил по отношению к членам своей политической коалиции. Против врагов он безжалостно применял государственный террор, и эхо его отзывалось в течение последующих десятилетий, когда масштабы террора значительно сократились. Это было своего рода политической инвестицией, банком террора (bankable terror), который ускорил процесс деполитизации Испании, поверг массы испанцев в политическую апатию. Франко руководил этим процессом как бы на расстоянии. Рассказывают, что однажды генерал Алонсо Вега, друг каудильо, спросил его о судьбе старого товарища по войне в Марокко, Франко ответил: «Его расстреляли националисты» (Le fusilaron los nacionales) — как если бы сам не имел к этому никакого отношения[16]. Тем не менее в своих речах он не делал тайны из того, что убежден в необходимости кровавых жертвоприношений. Поскольку же Франко был высшей властью в системе военной юстиции, он, несомненно, знал о казнях и даже утверждал смертные приговоры.

Франко считал, что вершит суд Соломона, — так же как во многих случаях отрицал, что является диктатором. В марте 1947 года он сказал Эдварду Ноблафу (Knoblaugh) из «Интернэшнл ньюс сервис», что в Испании нет никакой диктатуры: «Я не волен, как полагают за границей, делать, что мне хочется». А в июне 1958 года каудильо уверял французского журналиста: «Писать обо мне как о диктаторе просто наивно»[17]. Считая себя спасителем Испании, любимым всеми, кроме злобных агентов оккультных сил, Франко, вероятно, вполне искренне был о себе самого высокого мнения. Он верил в то, что однопартийное государство, цензура, лагеря и аппарат террора отчасти возмещаются его снисходительностью к министрам. Он и в самом деле позволял им свободно разглагольствовать на заседаниях кабинета, хотя на самом деле это означало лишь то, что Франко был никудышным председателем. Он предоставлял своим подчиненным значительную свободу действий, что позволяло ему выглядеть менее деспотичным, а вместе с тем было и эффективным средством абсолютного контроля. Те, кто оказывались замешанными в коррупции или репрессиях, попадали в еще большую зависимость от него.

Франко не считал себя диктатором, и это характерно для его некритического отношения к себе. Маски, за которыми он скрывал свое истинное лицо — храбрый герой африканских пустынь, Сид XX века в период Гражданской войны, будущий глава империи в начале 40-х годов, командир осажденного гарнизона под названием Испания в конце 40-х, — создавали ему лестный имидж и наделяли такой верой в себя, что он уже не

испытывал разочарований. После триумфа на международной арене в 1953 году и до последних дней жизни каудильо носил маску добродетельного и любимого испанцами патриарха. В эту личину он верил так же непреложно, как и во все другие. Отчасти эта вера основывалась на том, что была необходима его почитателям и приверженцам. Однако Франко управлял не только с помощью репрессий — он пользовался значительной поддержкой в народе. Многие из корыстных, религиозных или идеологических соображений активно проявляли свои симпатии к делу националистов в период Гражданской войны между 1936 и 1939 годами. Пассивно поддерживали Франко и те, кого политические репрессии, контролируемые средства массовой информации, отвратительная система просвещения и образования привели в состояние политической апатии. Наконец с конца 50-х годов каудильо начали поддерживать и те, кто был доволен повышением уровня жизни.

Что же касается экономического бума, который пропагандисты назойливо представляли как величайшее достижение Франко, то он бам почти не имел к нему отношения, равно как и к нейтралитету во время войны. Осуществление им руководства экономической сферой — даже если судить только по его стандартам и целям — бьшо плачевным. В период Гражданской войны и до конца 50-х годов каудильо, безмерно гордившийся своей экономической компетентностью, цеплялся за фашистскую концепцию автаркической экономики при государственном контроле — и не в последнюю очередь потому, что идея командной экономики полностью отвечала его военному менталитету. В октябре 1939 года его жесткий автаркический план национального восстановления привел к катастрофическим последствиям, ибо в это же время Франко отказался от британских и американских кредитов. А именно в этот период Испания испытывала крайний дефицит в продуктах и сырье. Политика каудильо привела к неисчислимым трудностям. Разгул черного рынка и коррупции оставались специфическими чертами испанской экономики вплоть до конца 50-х годов. Будь Франко великодушен и патриотичен, он позволил бы Хуану де Бурбону занять трон в 1945 году. Тогда в Испании установилась бы конституционная монархия и страна успела бы воспользоваться благами плана Маршалла и, войдя в НАТО и ЕЭС, извлекла бы из этого значительные преимущества. Франко же остался у власти, а ответственность за катастрофические последствия политики автаркии возложил на неблагожелательное отношение к Испании за рубежом. Доход в стране на душу населения только в середине 50-х годов достиг уровня 1936 года[18].

После 1959 года в испанской экономике начался процесс глубоких преобразований, ибо к тому времени отказались от проводившейся Франко политики. К началу 50-х годов экономическая стагнация стала угрожать стабильности его диктатуры, и каудильо пришлось прибегнуть к помощи технократов и искать спасения в международном капиталистическом порядке, который он во всеуслышание осуждал с 1936 года. Планы стабилизации и развития, составленные в соответствии с рекомендациями международных финансовых организаций и на основании французских планов, показали бессмысленность предыдущих двадцати лет автаркии и явились поворотом в экономике на 180 градусов, что в политическом аспекте сравнимо с отходом от фашизма. Франко отнюдь не замышлял этот процесс, он лишь неохотно соглашался на перемены — смысла которых не понимал, — чтобы остаться у власти.

Экономическое развитие в конечном счете было предопределено внутренним накоплением капитала за счет репрессивного трудового законодательства 40-х годов, переводов от рабочих-эмигрантов, доходов от туризма и иностранных инвестиций, привлеченных антикоммунистическим и антипрофсоюзным режимом. Репрессивный режим Франко создал стабильность и воспитал послушную рабочую силу, что сделало Испанию привлекательной для иностранных инвесторов — только в этом смысле каудильо сделал свой вклад в экономический рост. Но, как наглядно показала его приверженность автаркии, путь, который привел к этому росту, не входил в планы Франко.

Прирост материального благосостояния каудильо использовали как средство политической легализации режима, но этот режим устарел вследствие самих социальных и экономических перемен. К концу 60-х годов многие промышленные, банковские и предпринимательские объединения оказались в тупике: патерналистские правила фалангисгских синдикатов, применяемые к рынку труда, и политический остракизм оставляли Испанию вне пределов ЕЭС. В то же самое время, в частности, после первого энергетического кризиса 1974 года, рабочий класс, лишенный политических прав, уже не удовлетворялся только постоянным повышением уровня жизни. С прицелом на будущее складывался консенсус между прогрессивными элементами правых и левых сил. За счет него возникнет неприятие франкистских планов на послефранкистское будущее, и это явится гарантией перехода к демократии.

После смерти Франко исправно заработали механизмы перехода власти, и Хуан Карлос стал королем в рамках

псевдоконституции, разработанной каудильо. Это нейтрализовало тех в Движении, кто подозревал, что король может разделять либеральные симпатии своего отца. Вместе с тем долгие колебания Франко по поводу назначения наследника и его заигрывания с Альфонсо де Бурбоном заставили Хуана Карлоса дистанцироваться от режима и впервые добиться терпимого отношения к себе со стороны демократической оппозиции. С середины 1976 года новый король играл центральную роль в комплексном процессе демонтажа франкистского аппарата и создании демократической законности. Каудильо надеялся основать абсолютно франкистскую монархию в целях увековечения своего режима. И эта часть его планов провалилась, когда при набравшем обороты процессе демократизации дон Хуан де Бурбон заявил 14 мая 1977 года, за месяц до первых после 1936 года выборов, об отказе от своих прав на трон, тем самым дав своему сыну полную династическую легитимность.

Что касается умения Франко удерживать власть, то его мастерство весьма примечательно. Однако ценой его «триумфов» были казни, тюремные заключения, пытки, разрушенные политическими ссылками или экономической миграцией жизни. И эта цена запредельна. Впечатленные ужасами Гражданской войны и послевоенных репрессий, испанцы отвергли политическое насилие и идею Франко о том, что одна половина страны может господствовать над другой. Во время перехода к демократии испанцы продемонстрировали зрелость общественного сознания, противоречащую утверждению каудильо о том, что они неспособны жить при демократической системе.

К середине 1977 года самые близкие сердцу Франко планы на будущее быЛи разрушены. Движение было демонтировано, профсоюзы легализованы, политические партии разрешены, включая ненавистную Франко Коммунистическую партию Испании. Начав искоренять коммунизм в Испании, каудильо добился того, что КИИ приобрела значительно большее влияние в стране, чем перед Гражданской войной. Через год после его смерти в КПИ состояло больше 200 тысяч членов, ее генеральный секретарь Сантьяго Карильо играл важную роль в переходе страны к демократии и на выборах 1977 года партия собрала 10 процентов голосов[19]. Равным образом решимость каудильо уничтожить сепаратизм привела к усилению регионалистских движений в Стране Басков и Каталонии (по сравнению с периодом до 1936 года) и появлению националистических движений в Андалусии, Галисии, регионе Валенсии и даже в таких районах, как Риоха, Леон и Кастилия. Демократическая конституция 1978 года закрепила права региональной автономии,

что опрокинуло систему жесткого централизма, ради которого, в частности, франкисты сражались в Гражданской войне.

Самые драматические трудности, с которыми столкнулась испанская новорожденная демократия, были прямым наследием франкистского правления. Жесткий централизм и его грубое применение в Стране Басков продлил такие последствия, как терроризм ЭТА, и обусловил поддержку, которой эта организация пользовалась в народе до конца 70-х годов. Проводимая каудильо после войны политика мщения сильнее всего укрепилась в военных академиях, где курсантов учили ассоциировать демократию с беспорядком и сепаратизмом. Поскольку демонтаж диктатуры проводился быстро, не удивительно, что некоторые ее сторонники из высших военных почувствовали себя изолированными от всеобщего политического консенсуса во имя демократии. Это проявилось несколько раз в конце 70-х, и в особенно драматической форме 23 февраля 1981 года, когда полковник Техеро предпринял попытку переворота, желая навязать Испании точку зрения «бункера» о том, какой должна быть политическая судьба страны[20]. Народным ответом на попытку Техеро организовать переворот и повернуть ход времени вспять, во франкистские времена, были мощные демонстрации с участием миллионов людей.

На всеобщих выборах, региональных и муниципальных, проходивших в Испании после 1977 года, партии, открыто проповедовавшие франкистские ценности, никогда не набирали больше двух процентов голосов. Испанцы полностью приняли демократию, и отвергли франкистские планы на будущее. Ежегодно 20 ноября собирается группа самых горячих приверженцев каудильо и слабо скандирует: «Франко, воскресни, ты нужен народу» (Franco, resucita, el pueblo te necesita). С каждым годом стареющих франкистских адептов все меньше и меньше. Скоро не останется ни одного.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

1 Carlos Fernandez, El general Franco (Barcelona, 1983), pp. 311-20.

2 Rogelio Baon, La cara humana de un Caudillo (Madrid, 1975), p. 91.

3 Amando de Miguel, Franco, Franco, Franco (Madrid, 1976), p. 117.

4 Almirante Carrero Blanco, Discursosy escritos 1943-1973 (Madrid, 1974), p. 32.

5 Enrique Gonzalez Duro, Franco: una biografia psicologica

(Madrid, 1992), pp. 265-6.

6 Testimony of P. Bulart, Maria Merida, Testigos de Franco: retablo intimo de una dictadura (Barcelona, 1977), p. 36.

7 Jaime de Andrade, Raza anecdotario para el guion de una pelicula (Madrid, 1942). Более подробные комментарии см. Roman Gubem, «Raza» (un ensueiio del General Franco) (Madrid, 1977).

8 Jose Maria Peman, Mis encuentros con Franco (Barcelona, 1976), p. 53; свидетельство Pilar Franco Bahamonde, Merida, Testigos, p. 92.

9 Juan Antonio Ansaldo, iPara que... ? (de Alfonso XIII a Juan II) (Buenos Aires, 1951), p. 51.

10 John Whitaker, 'Prelude to World War: A Witness from Spain', Foreign Affairs, Vol. 21, No. I, October 1942, p. 116.

11 ASMAE, SFG, b. 38, T.657/320.

12 Peman, Mis encuentros, p. 20.

13 Peman, Mis encuentros, p. 9.

Глава 1

1 Joseph M. Levinson, 'Is General Franco a Jew?' IsraeVs Messenger, 3 April 1939; Ramon Garriga, Ramon Franco, el hermano maldito (Barcelona, 1978) pp. 20-3; S. F. A. Coles, Franco of Spain (London, 1955), pp. 103-6; Jose Mana Fontana, Franco: radiografia del personoje para sus contemporaneos (Barcelona, 1979), pp. 37-40; Sir Robert Hodgson, Spain Resurgent (London, 1953), p. 109.

2 Pilar Franco Bahamonde, Nosotros los Franco (Barcelona, 1980), p. 15; Ramon Garriga, Nicolas Franco el hermano brujo (Barcelona, 1980), p. 13; Luis Suarez Fernandez, Francisco Franco y su tiempo$_t$ 8 vols (Madrid, 1984), I, pp. 57-60.

3 Pilar Jaraiz Franco, Historia de una disidencia (Barcelona, 1981), pp. 17-20; Franco, Nosotros, p. 80; George Hills, Franco: The Man and his Nation (London, 1967), p. 19.

4 Franco, Nosotros, p. 76; Joaquin Arraras, Franco T edicion (Valladolid, 1937) p. 14; Suarez Ferndndez, Franco, I, p. 66.

5 Pedro Teotonio Pereira, Memorias 2 vols (Lisbon, 1973), П, p. 63.

6 Franco, Nosotros, pp. 21, 24.

7 Carmen Dfaz, Viuda de Franco, Mi vida con Ramdn Franco (Barcelona, 1981), p. 22; Franco, Nosotros, pp. 26-7, 70; Garriga, Ramon Franco, pp. 14-15; Garriga, Nicolas Franco, pp. 14-17.

8 Francisco Salva Miquel & Juan Vicente, Francisco Franco (historia de un espahol) (Barcelona, 1959), p. 33.

9 ABC, 5 February 1926.

10 Jaraiz Franco, Historia, pp. 25-32; Franco, Nosotros, pp. 20, 25; Mi vida, pp. 22, 60, 94; Guillermo Cabanellas, Cuatro Generates (Barcelona, 1977), 2 vols, I, p. 59.

11 Jaraiz Franco, Historia, pp. 47, 86; Francisco Franco Salgado-Araujo, Mi vida junto a Franco (Barcelona, 1977), p. 14.

12 Federico Grau, 'Psicopatologia de un dictador: entrevista a Carlos Castilla del Pino*, El Viejo Topo, Extra No. 1, 1977, pp. 18-22.

13 Jaraiz Franco, Historia, pp. 37, 59-60; Franco, Nosotros, pp. 27, 72, 74, 233; Vicente Pozuelo, Los 476 ūltimos dias de Franco (Barcelona, 1980), pp. 87-8; Garriga, Ramon Franco, pp. 17-20.

14 Pozuelo, Los 476 ūltimos dis, p. 204.

15 Ricardo de la Cierva, Francisco Franco: biografia historica 6 vols (Barcelona, 1982), I, p. 25.

16 Comandante Franco, Diario de una bandera (Madrid, 1922), p. 21.

17 La Vanguardia Espanola, 18 July 1941.

18 Jaraiz Franco, Historia, p. 37; Hills, Franco, pp. 24-5.

19 Hills, Franco, p. 29.

20 Franco, Nosotros, p. 18, 24, 70-6; Hills, Franco, p. 29.

21 Franco, Nosotros, pp. 73, 77.

22 Isidre Molas, Lliga Catalana: un estudi de Estasiologia 2 vols (Barcelona, 1972), I, pp. 42-5.

23 Jose Alvarez Junco, El emperador del Paralelo: Lerroux y la demagogia popular (Madrid, 1990), pp. 347-8.

24 Joaquin Romero Maura, The Spanish Army and Catalonia: The «Cu-Cut! Incident» and the Law of Jurisdictions, 1905-1906 (London, 1976), pp. 13-29; Alvarez Junco, Lerroux, pp. 317-18.

25 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 16-17; Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 76-7; Hiils, Franco, pp. 29-30.

26 Baon, La cara humana, p. 188.

27 Jaraiz Franco, Historia, pp. 53 — 61, and Franco, Nosotros, pp. 16, 72. Оба автора отрицают, что он крупно играл и сильно пил.

28 Franco, 'Transcript of taped memoirs*, Pozuelo, Los 476 ūltimos dias, pp. 89-90.

29 Andrade, Raza, p. 66.

30 Grau, 'Psicopatologia*, pp. 18-22.

31 Franco, 'transcript of taped memoirs', Pozuelo, Los ūltimos 476 dias, pp. 93, 97.

32 De la Cierva, Franco, I, p. 53; Hills, Franco, p. 62.

33 Hills, Franco, p. 62.

34 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 97-9; Hills, Franco, p. 63.

35 Franco, 'Transcript of taped memoirs', Ppzuelo, Los 476 ūltimos dias, p. 100.

36 Angel Ossorio, Mis memorias (Buenos Aires, 1946), pp. 92-6; Joaquin Romero Maura, «La rosa de fuego» El obrerismo barcelonès de 1899 a 1909 (Barcelona, 1975) pp. 501-42; Alvarez Junco, Lerroux,

pp. 374-9; Joan B. Culla i Clara, El republicanisme Lerrouxista a Catalunya (1901-1923) (Barcelona, 1986), pp. 205-14; Xavier Cuadrat, Socialismo y anarquismo en Cataluiia (1899-1911): los origenes de la CNT (Madrid, 1976), pp. 368-401; Joan Connelly Ullman, The Tragic Week: A Study of Anti-Clericalism in Spain 1875-1912 (Harvard, 1968), pp. 129-297.

37 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 20; Suarez Fernandez, Franco, I, p. 92; Franco, 'Transcript of taped memoirs', Pozuelo, Los 476 ūltimos dias, p. 102.

38 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 97; De la Cierva, Franco, I, p. 55; Hills, Franco, p. 77.

39 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 23.

40 Faustino Moreno Villalba, Franco, hėroe cristiano en la guerra (Madrid, 1985), p. 27.

41 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 26.

42 Arraras, Franco, p. 21.

43 Fernando Reinlein Garcia-Miranda, 'Del siglo XIX a la guerra civil', in Colectivo Democracia, Los Ejėrcitos ... mas alia del golpe (Barcelona, 1981), pp. 13-33; Stanley G. Payne, Politics and the Military in Modem Spain (Stanford, 1967), pp. 87-9. /

44 David S. Woolman, Rebels in the Rif: Abd el Krim and the Rif Rebellion (Stanford, 1969), pp. 4-5; J. A. S. Grenville, Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century (London, 1964), pp. 431-3; Richard Shannon, The Crisis of Imperialism 1865-1915 (London, 1974), pp. 342-4.

45 Woolman, Rebels, pp. 8-14.

46 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 105.

47 'Declaraciones de S.E. a Manuel Aznar', 31 December 1938, Palabras del Caudillo 19 Abril 1937 — 31 Diciembre 1938 (Barcelona, 1939) p. 314.

48 Vicente Gracia & Enrique Salgado, Las cartas de amorde Franco (Barcelona, 1978), pp. 28-97.

49 Arturo Barea, Laforja de un rebelde (Buenos Aires, 1951), pp. 295-6,320-1.

50 Georges Rotvand, Franco means Business (London, n.d.), pp. 8-9.

51 Coles, Franco, pp. 26, 123.

52 Arraras, Franco, p. 135.

53 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 111-14; Hills, Franco, pp. 95-6; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 30.

54 Arraras, Franco, pp. 131-3.

55 Fontana, Franco, pp. 32-3, Garriga, La Senora, pp. 58-9.

56 Pedro Sainz Rodriguez, Testimonio y recuerdos (Barcelona, 1978), pp. 334-5.

57 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 115, 137-8

58 Arraras, Franco, p. 33.

59 Arraras, Franco, p. 34.

60 Arturo Barea, The Struggle for the Spanish Soul (London, 1941), p. 23.

61 Interview with Carmen Polo,- Estampa, 29 May 1928; Jaraiz Franco, Historia, pp. 37-40; Franco, Nosotros, p. 81.

62 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 119.

63 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 323.

64 Ramon Garriga, La Senora de El Pardo (Barcelona, 1979), pp. 37-8.

65 '50 anos de matrimonio', La Voz de Asturias, 21 October 1973; Juan Cueto Alas, Guia secreta de Asturias (Madrid, Editorial Alberak, 1975) pp. 139-40.

66 Adrian Shubert, The Road to Revolution in Spain: The Coal Miners of Asturias 1860-1934 (Urbana, 1987), pp. 46-118; Antonio L. Oliveros, Asturias en el resurgimiento espanol (apuntes historicos y biograficos (Madrid, 1935), pp. 113-77.

67 Carolyn P. Boyd, Praetorian Politics in Liberal Spain (Chapel Hill, 1979), pp. 84-5, 286; Enrique Moradiellos, El Sindicato de los Obreros Mineros Asturianos 1910-1930 (Oviedo, 1986), pp. 58-9; Juan Antonio Lacomba Avell&n, La crisis espahola de 1917 (Madrid, 1970), pp..269-74. Бургете безуспешно пытался вступить в 1931г. в Социалистическую партию, Oliveros, Asturias, p. 120. Он ветупил в Коммунистическую партию в период Гражданской войны, Suarez Fernandez, Franco, I, p. 131

68 Francisco Aguado Sanchez, La revolucion de octubre de 1934 (Madrid, 1972), p. 193; Luis Galinsoga & Francisco Franco-Salgado, Centinela de occidente (Semblanza biografica de Francisco Franco (Barcelona, 1956), pp. 35-6; Brian Crozier, Franco: A Biographical History (London, 1967), p. 50.

69 Discurso ante los mineros en Oviedo, 19 May 1946, Francisco Franco, Textos 1945-1950 (Madrid, 1951), pp. 417-25.

70 Hills, Franco, pp. 104-5. Cf. Galinsoga & Franco Salgado, Centinela, p. 36; Crozier, Franco, p. 51.

71 Manuel Llaneza, Escritosy discursos (Oviedo, 1985), pp. 206-14.

72 Boyd, Praetorian Politics, p. 160.

73 Gabriel Cardona, El poder militar en la Espaha contempordnea hasta la guerra civil (Madrid,

1983) pp. 70-1; Boyd, Praetorian Politics, p. 286; Woolman, Rebels, p. 64.

74 Woolman, Rebels, pp: 64-5.

75 Jose Millan Astray, 'Prologo', Franco, Diario de una Bandera,

p. 7; General Millan Astray, Franco, el Caudillo (Salamanca, 1939), pp. 9-12.

76 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 42.

77 Estampa, 29 May 1928.

78 Barea, Forja, pp. 315-16; Franco, Diario, pp. 18-19.

79 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 50-2.

80 Millan Astray, Franco, p. 16.

81 Barea, Spanish Soul, pp. 29-31.

82 Barea, Forja, pp. 305, 323-5; Franco, Diario, pp. 51-52.

83 Millan Astray, Franco, pp. 11-12; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 46; Hills, Franco, pp. 111-15; Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 145-9.

84 Garriga, La Sehora, p. 40.

85 Jose Martin Blazquez, I Helped to Build an Army: Civil War Memoirs of a Spanish Staff Officer (London, 1939), p. 302; Herbert R. South worth, Antifalange: estudio critico de «Falange en la guerra de Espaha: la Unificacion y Hedilla» de Maximiano Garcia Venero (Paris, 1967), pp. xxi-xxii; Guillermo Cabanellas, La guerra de los mil dias 2 vols (Buenos Aires, 1973), II, p. 792.

86 Franco, Diario, p. 177.

87 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 272.

88 Francisco Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones privadas con Franco (Barcelona, 1976), pp. 184-5.

89 Garriga, La Sehora, p. 33; Joan Llarch, Franco: biografia (Barcelona, 1983), pp. 158-9.

90 Barea, La forja, pp. 408-9.

91 Woolman, Rebels, pp. 83-8.

92 Franco, Diario, pp. 99-103.

93 Woolman, Rebels, pp. 90-5.

94 Franco, Diario, pp. 109-13.

95 Franco, Diario, pp. 118-21.

96 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 49.

97 'El «As» de la Legion*, ABC, 22 February 1922; Franco, Diario, pp. 145-51.

98 Franco, Diario, pp. 280-5.

99 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 52-3; Franco, Diario, pp. 155-9.

100 Сравните с противоположными суждениями в Franco, Diario, pp. 177, 199-200.

101 Franco, Diario, p. 228.

102 Franco, Diario, pp. 243-50.

103 El Correo Gallego, 20 April 1922.

104 Sainz Rodriguez, Testimonio% p. 323.

105 El Correo Gallego, 10 October 1921.

106 El Carbayon, 23 February 1922.

Глава 2

1 ‘El «As» de la Legion’, ABC, 22 February 1921.

2 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 162-3; Hills, Franco, p. 130.

3 Vicente Blasco Ibanez, Alfonso XIII Unmasked (London, 1925), pp. 78-83.

4 Dictamen de la Minona Socialista, El desastre de Melilla: dictamen formulado por Indalecio Prieto coтo miembro de la Comision designada por el Congreso de los Diputados para entender en el expediente Picasso (Madrid, 1922), p. 31

5 Woolman, Rebels, pp. 106-8; Barea, Fotja, pp. 413-21.

6 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 161-3.

7 Nuevo Mundo, 26 January 1923; Stanley G. Payne, The Franco Regime 1936-1975 (Madison, 1987), p. 72.

8 Woolman, Rebels, pp. 113-14.

9 Garriga, La Sehora, p. 44.

10 La Voz de Asturias, 10 June 1923.

11 La Voz de Asturias, 10 June 1923.

12 Niceto Alcala Zamora, Memorias (Barcelona, 1977), p. 116.

13 De la Cierva, Franco, I, pp. 214-15.

14 Maria Teresa Gonzalez Calbet, La dictadura de Primo de Rivera: el Directorio militar (Madrid, 1987) pp. 55-63.

15 Javier Tusell, Radiografia de un golpe de Estado: el ascenso al Poder del General Primo de Rivera (Madrid, 1987), pp. 110-12.

16 Jose Luis Gomez Navarro, El regimen de Primo de Rivera: reyes, dictaduras y dictadores (Madrid, 1991) pp. 126-9; Gonzalez Calbet, La Dictadura, pp. 81-94.

17 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 66; Barea, Forja, pp. 449, 459-61.

18 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 64-6; De la Cierva, Franco, I, pp. 207-9, 223; Hills, Franco, p. 132.

19 El Carbayon, 23 October; ABC, 23, 25 October 1923; Region, 23 October 1923; La Voz de Asturias, 24 October 1923, 21 October 1973.

20 Jaraiz Franco, Historia, pp. 40-2.

21 Estampa, 29 May 1928; Franco, Nosotros, p. 81.

22 El Carbayon, 23 October 1923.

23 El Carbayon, 23 October 1923.

24 Asturias, 15 November 1923.

.25 Mundo Grdfico, 31 October 1923.

26 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 170.

27 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 62-3, 377-8; Hills, Franco, pp. 133-5.

28 Payne, Politics and the Military, p. 209.

29 Franco, Diario, p. 278.

30 Видно, как со временем биографы Франко делают его роль все заметнее: Arraras (1937), Franco, pp. 113-14; Galinsoga & Franco Salgado (1956), Centinela, pp. 89-91; Crozier (1967), Franco, p. 83; Hills (1967), Franco, p. 135. Cf. Woolman, Rebels, p. 187.

31 Teniente Coronel Franco, 'Pasividad e inaccion*, Revista de Tropas Coloniales, April 1924, воспроизведено в Revista de Historia Militar Ano XX, No. 40, 1976, pp. 166-7.

32 Suarez Fernandez, Franco, I. p. 171.

33 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 172.

34 De la Cierva, Franco, I, pp. 236-7.

35 Barea, Forja, pp. 472-3; Payne, Politics and the Military, p. 211.

36 Jose Calvo Sotelo, Mis servicios al Estado (Madrid, 1931), pp. 238-9; Arraras, Franco, pp. 100-1; Galinsoga, Centinela, pp. 89-91; General Francisco Javier Marinas, General Varela (de soldado a general) (Barcelona, 1956), pp. 35-6; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 137-8.

37 De la Cierva, Franco, I. pp. 235, 238-9.

38 De la Cierva, Franco, I, pp. 240-1.

39 Gonzalo Queipo de Llano,' El general Queipo de Llano perseguido por la dictadura (Madrid, Javier Morato, 1930), p. 105, Cf. De la Cierva, Franco, I, pp. 245-6.

40 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 175-80; Galinsoga & Franco Salgado, Centinela, pp. 93-100;

Payne, Politics and the Military, pp. 214-7. Millan Astray, Franco, p. 14.

41 Coronel Franco, 'Xauen la triste* in Revista de Tropas Coloniales, July 1926, воспроизведено в Revista de Historia Militar, Ano XX, No. 40, 1976, pp. 174-8.

42 Carlos Fernandez, El almirante Carrero (Barcelona, 1985) pp. 23-6.

43 Dated I March 1925, Estampa, 29 May 1928.

44 ABC, 9 September 1925; 'Diario de Alhucemas*, Revista de Historia Militar, No. 40, 1976, p. 229; Pozuelo, Pozuelo, Los ūltimos 476 dias, p. 41.

45-ABC, 21 May 1926; Woolman, Rebels, pp. 191-3.

46 Подвергшаяся цензуре версия 1970 года опубликована в Revista de Historia Militar, No. 40, 1976, pp. 227-47, оригинальная версия в Francisco Franco Bahamonde, Papeles de la guerra de Marruecos (Madrid, 1986) pp. 203-27.

47 Revista de Historia Militar, No. 40, 1976, pp. 232-3.

48 Ram6n Soriano, La mano izquierda de Franco (Barcelona, 1981), p. 144.

49 El Eco de Santiago, 4 February 1926.

50 Ho ja de servicios del Caudillo de Espana edited by Esteban Carvallo de Cora (Madrid, 1967), pp. 115-18.

51 Barea, The Struggle, p. 32.

52 J. W. D. Trythall, Franco (London, .1970), p. 31.

53 La Voz de Galicia, 29,31 January, 2,3,4,5,6,7,9,10,11 February;JIBC, 11 February 1926; Ramon Franco & Julio Ruiz de Alda, De Palos al Plata (Madrid, 1926) passim, Diaz, Mi vida, pp. 28-51.

54 El Compostelano, 2 February; La Voz de Galicia, 6, 7 February 1926.

55 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 333.

56 Arraras, Franco, pp. 139-40.

57 La Voz de Galicia, 9,10,11,12, 13 February; El Compostelano, 12 February 1926.

58 Eugenio Vegas Latapie,Memoriaspoliticos: el suicidio de la monarquia y la segunda Republica (Barcelona, 1983), p. 38.

59 Hills, Franco, pp. 154-5.

60 El Carbayon, 17 September 1926. Свидетельство о рождении воспроизведено в Soriano, La mano, p. 104.

61 Soriano, La mano, p. 103.

62 Diaz, Mi vida, pp. 21, 157.

63 Franco, Nosotros, pp. 84-5. Удивительно, что два биографа Франко также относят рождение Карменситы к 1928 г.: Hills, Franco, p. 157; Crozier, Franco, p. 92.

64 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 71.

65 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 74; Jaraiz Franco, Historia, p. 79; Fontana, Franco, p. 80.

66 Jose Maria Garate Cordoba, «Raza», un guion de cine*, Revista de Historia Militar, No. 40, 1976, p. 59.

67 Soriano, La mano, p. 61; Francisco Franco, «Apuntes» personales sobre la Republica y la guerra civil (Madrid, 1987), p. 6.

68 Franco, Apuntes, p. 6; Soriano, La mano, p. 61.

69 Franco, Apuntes, p. 6; Soriano, La'mano, pp. 61-2, 154-5.

70 Michael Alpert, La reforma militar de Azaha (1931-1933) (Madrid, 1982), pp. 106-9, 120; Shlomo Ben-Ami, Fascism from Above: The Dictatorship of P rimo de Rivera in Spain 1923-1930 (Oxford, 1983) pp. 356-8; Payne, Politics and the Military, pp. 240-2.

71 Emilio Mola Vidal, Obras completas (Valladolid, 1940), p. 1024.

72 General E, Lopez Ochoa, De la Dictadura a la Republica (Madrid, 1930) pp. 78-116; Francisco Hernandez Mir, La Dictadura ante la Historia: un crimen de lesa patria (Madrid, 1930) pp. 259-72; Vicente Marco Miranda, La conspiraciones contra la Dictadura (1923-1930) relato de un testigo 2ª edicidn (Madrid, 1975), pp. 53-68.

73 Lopez Ochoa, De la Dictadura, pp. 109-24; Gabriel Maura, Bosquejo historico de la Dictadura, 2 vols (Madrid, 1930), I, pp. 317-22,325-37,360-77; Payne, Politics and the Military, pp. 236-40.

74 Ben-Ami, Fascism from Above, pp. 361-3; Duque de Maura & Melchor Fernandez Almagro, Por que cay o Alfonso XIII (Madrid, 1948), p. 395.

75 Lopez Ochoa, De la Dictadura, pp. 78-124; Mola, Obras, p. 395.

76 Mola, Obras, p. 1026; Julio Busquets, El militar de carrera en Espana 3ª edition (Barcelona, 1984), pp. 78-80.

77 Calvo Sotelo, Mis servicios, p. 239.

78 Carlos Blanco Escola, La Academia General Militar de Zaragoza (1928-1931) (Barcelona, 1989), pp. 45-2, 59-66.

79 Barea, La forja, p. 409.

80 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 71, 82-5, 108,113, 122, 142.

81 Jaraiz Franco, Historia, p. 78.

82 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 153.

83 Estampa, 29 May 1928.

84 Discurso de apertura de la Academia General Militar, Revista de Historia Militar, Ano XX, No. 40, 1976, pp. 333-4.

85 Arraras, Franco, pp. 150-1; Carlos de Silva, General Millan Astray, el legionario (Barcelona, 1956), pp. 143-7; Blanco Escola, Academia, pp. 102-6, 111-17.

86 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 78,82.

87 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 81-4; Hills, Franco, pp. 155-7; Mariano Aguilar Olivencia, El Ejėrcito espanol durante la segunda Republica (Madrid, 1986), pp. 119-29.

88 Peter Kemp, Mine Were of Trouble (London, 1957), p. 115.

89 'Discurso de despedida en el cierre de la Academia General Militar*, Revista de Historia

Militar, Ano XX, No. 40, 1976, pp. 335-7.

90 The Morning Post, 20 July 1937.

91 Mola, Obras, p. 1027; Cabanellas, Cuatro generates, pp. 140,142; Coronel Jesus Perez Salas, Guerra en Espaha (1936-1939) (Mexico D.F., 1947) pp. 85-7; Antonio Ciordon, Trayectoria (recuerdos de un artillero) (Paris, 1971), pp. 192-4.

92 Blanco Escola, Academia, pp. 127-48.

93 Arraras, Franco, pp. 145-6; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 77-8; Busquets, El militar,

pp. 117-39; Blanco Escola, Academia, pp. 69-72,149-98; Garriga, La sehora, p. 57.

94 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 106; De la Cierva, Franco, II, pp. 18-19.

95 Я выражаю благодарность Херберту Р. Саутворту, позволившему воспользоваться сведениями из его неопубликованной работы.

96 Crozier, Franco, p. 92; Cf. Hills, Franco, p; 157; Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 197 — 8.

97 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 82.

98 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 84.

99 Garriga, La sehora, p. 62.

100 Vegas Latapie, Memorias, p. 101; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 89.

101 Diaz, Mi vida, p. 24.

102 Aguilas y garras: historia sincera de una empresa discutida (Madrid, n.d. [1929]).

103 Calvo Sotelo, Mis servicios, p. 245.

104 ABC, 2 July 1929.

105 Diaz, Mi vida, pp. 64-91; Garriga, Ramon Franco, pp. 127-54.

106 Воспроизведено в Garriga, Ramon Franco, pp. 173-4.

107 Воспроизведено в Garriga, Ramon Franco, pp. 175-8.

108 Shlomo Ben-Ami, The Origins of the Second Republic in Spain (Oxford, 1978), pp. 76-94.

109 Comandante Franco [Ramon], Madrid bajo las bombas (Madrid, 1931), pp. 83-114; Diaz,

Mi vida, pp. 94-153.

110 Mola, Obras, pp. 389-95, 408-12,454-5; Franco, Madrid bajo las bombas, pp. 117 — 46; Garriga, Ramon Franco, pp. 186-94.

111 Arraras, Franco, pp. 155-7; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 90.

112 Alejandro Lerroux, La pequeha historia: apuntes para la historia grande vividos y redactados por el autor (Buenos Aires, 1945), pp. 568-9.

113 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 91-2.

114 Graco Marša, La sublevacion de Jaca; relato de un rebelde (Paris, 1931) passim, Jose Maria Azpiroz Pascual & Fernando Elboj Broto, La sublevacion de Jaca (Zaragoza, 1984), pp. 27-36.

115 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 92; Azpiroz Pascual & Elboj Broto, Jaca, pp. 81-93.

116 Azpiroz Pascual & Elboj Broto, Jaca, pp. 109-17.

117 Franco, Madrid bajo las bombas, pp. 171-5.

118 Garriga, Ramon Franco, p. 204.

119 Diaz, Mi vida, p. 138; Garriga, Ramdn Franco, pp. 209-11.

120 Azpiroz Pascual & Elboj Broto, Jaca, p. 66.

121 ABC, 14, 15 February 1931.

122 ABC 18, 19 February 1931; Damaso Berenguer, De la Dictadura a la Republica (Madrid, 1946), pp. 320-33.

123 Azpiroz Pascual & Elboj Broto, Jaca, pp. 144-9; Berenguer, De la Dictadura, p. 344; Suarez Fernandez, Franco, I, p. 206.

124 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 93.

125 Peman, Mis encuentros, pp. 14-16; Sana, El franquismo, p. 42; Garriga, La sehora, pp. 57-9.

126 Fernando Garcia Lahigueca, Ramon Serrano Suiter: un documento para la historia (Barcelona, 1983), p. 41; Ramon Serrano Suner, Entre el silencio y la propaganda, la Historia coто fue. Memorias (Barcelona, 1977), pp. 54-6.

Глава 3

1 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 96-7.

2 Berenguer, De la Dictadura, pp. 355-6.

3 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 88, 498.

4 Lerroux, La pequeha historia, pp. 83-4; Marques de Hoyos, Mi testimonio (Madrid, 1962) p. 59; Mola, Obras, p. 631.

5 Serrano Suner, Memorias, p. 20; Gafriga, Franc o-Serrano, p. 16.

6 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 96-7; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 450-2.

7 Berenguer, De la Dictadura, pp. 357-8; Julian Cortes Cavanillas, La caida de Alfonso XIII T edicion (Madrid, n.d., [193]), pp. 217-18.

8 Berenguer, De la Dictadura, pp. 349-51,394-7.

9 Mola, Obras, p. 867.

10 Arraras, Franco, pp. 159-60; Franco, Nosotros, p. 90.

11 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 98-100; Suarez Fernandez, Franco, I, p. 211.

12 Franco, Apuntes personales, pp. 7-9.

13 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 88.

14 Alfredo Kindeldn Nunez del Pino, ‘Semblanza politico-militar del general Kindelan*, prologue to Alfredo Kindelan Duany, Mis cuadernos de guerra 2ª edicion (Barcelona, 1982), p. 40.

15 ABC, 18, 21 April 1931; Azana, diary entry for 27 January 1932, Obras, IV, p. 315.

16 Ramon Salas Larrazabal, Historia del Ejėrcito popular de la Repūblica 4 vols (Madrid, 1973), I, pp. 7, 14, 22-3; Santos Julia, Manuel Azaha: una biografia politica, del Ateneo al Palacio Nacional (Madrid, 1990), pp. 98-106.

17 Antonio Cordon, Trayectoria (recuerdos de un artillero) (Paris, 1971), p. 196; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, pp. 5-6; Julia, Azaha, p. 106.

18 Alpert, La reforma militar, pp. 125-31; ABC, 24 April; La Ėpoca, 24 April 1931.

19 Maximiano Garcia Venero, El general Fanjul: Madrid en el alzamiento nacional (Madrid,

1967), pp. 189-93.

20 Jose Antonio Vaca de Osma, Paisajes con Franco al fondo (Barcelona, 1987), pp. 18-21.

21 Mola, Obras, pp. 1056-8; Alpert, La reforma militar, pp. 133-50; Aguilar Olivencia, El Ejėrcito, pp. 65-75.

22 Alpert, La reforma militar, pp. 150-74. Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, pp. 8-13.

23 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 101-2.

24 Berenguer, De la Dictadura, p. 407.

25 Mola, Obras, pp. 879-80; Jose Maria Iribarren, Mola, datos para una biografia y para la historia del alzamiento nacional (Zaragoza, 1938), pp. 39-40.

26 Carolyn P. Boyd, '«Responsibilities» and the Second Republic, 1931-1936* in Martin Blinkhorn, ed., Spain in Conflict 1931-1939: Democracy and its Enemies (London, 1986), pp. 14-39.

27 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 464.

28 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 100-2.

29 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 88-9.

30 Mola, Obras, pp. 1062-3; Aguilar Olivencia, El Ejėrcito, pp. 147-57.

31 Alpert, La reforma militar, pp. 216-28; Obras, IV, p. 35.

32 La Correspondencia Militar, 18 June, 17, 31 July 1931; Mola, Obras, pp. 1045-65. Cf. Cordon, Trayectoria, p. 194.

33 Полностью воспроизведено в Eduardo Espm, Azaha en el poder: el partido de Accion Republicana (Madrid, 1980) pp. 323-34, p. 330; Alpert, La reforma militar, pp. 293-7; Miguel Maura, Asi cayo Alfonso XIII (Mexico D.F., 1962), p. 227. Payne, Politics & the Military, p. 275; Hugh Thomas, The Spanish Civil War 3rd edition (London, 1977), p. 92.

34 Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, pp. 14, 78; Aguilar Olivencia, El Ejėrcito, pp. 77-83.

35 Cordon, Trayectoria, pp. 192-3, 197; Julia, Azana, pp. 101-2.

36 Crozier, Franco, p. 92.

37 Diaz, Mi vida, p. 159; Arxiu Vidal i Barraquer, Esglesia i Estat durant la segona Repūblica espanyola 1931-1936 8 vols (Montserrat, 1971-1990) I, p. 85; Garriga, Ramon Franco, p. 232.

38 Franco, Apuntes, p. 4.

39 Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, p. 19; Cordon, Trayectoria, pp. 192-3; Arraras, Franco, pp. 166-7; Mola, Obras, p. 1027; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 104-6; Franco, Nosotros, pp. 90-2.

40 Obras, IV, p. 35.

41 'Discurso de despedida en el cierre de la Academia General Militar*, Revista de Historia

Militar, Ano XX, No. 40, 1976, pp. 335-7.

42 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 425; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 122.

43 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 11, 104.

44 Obras, IV, pp. 33, 39; Memorias intimas de Azana (Madrid, 1939) pp. 307-8; Hoja de Servicios, pp. 82-3.

45 Franco to General Gomez Morato, Ve Division, 24 July, Gomez Morato to Minister of War, 28 July, Archive Azana, Ministerio de Asuntos Exteriores, RE. 131-1.

46 Сообщено Серрано Суньером автору; Garriga, La senora, p. 70.

47 Obras, IV, pp. 40-2; Joaqum Arraras, Historia de la segunda Repūblica 4 vols (Madrid, 1956-

1968), I, pp. 153-8.

48 Obras, IV, pp. 46, 129, 131; Joaqum Arraras, Historia de la segunda Repūblica espanola 4 vols (Madrid, 1956-1968), I, p. 470.

49 Obras, IV, pp. 79-80, 83.

50 Obras, IV, pp. 95-6.

51 Arraras, Franco, p. 166.

52 Boyd, «'Responsibilities'», pp. 22-3.

53 Obras, IV, pp. 115-16.

54 El Debate, 16, 18, 20, 23 October, 1,3,10,12 November; ABC 11, 14, 16 October 1931.

55 Obras, pp. 12, 115; Franco, Madrid, bajo las bombas, p.v.; Diaz, Mi vida, pp. 154-5; Garriga, Ramon Franco, pp. 234-44; Alcala Zamora, Memorias, p. 201.

56 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 232-7.

57 Boyd, «'Responsibilities*'», pp. 32-3.

58 La Voz de Galicia, 5, 28 February 1932. Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 107.

59 Julia, Azana, p. 176.

60 Luis Jimenez de Asua, Juan-Simeon Vidarte, et al., Castilblanco (Madrid, 1933).

61 ABC, 1, 2, 3 January 1932; Obras, IV, pp. 293-6.

62 Paul Preston, The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic 1931-1936 (London, 1978), pp. 67-9.

63 El Socialista, 2, 5 January; El Heraldo de Madrid, 5, 6, 9 January 1932; Diario de Sesiones de Cortes, 5,6 January 1932.

64 Obras, IV, pp. 322-4; La Voz de Galicia, 5 February 1932.

65 Ismael Saz Campos, Mussolini contra la 11 Repūblica: hostilidad, conspiraciones, intervencidn (1931-1936) (Valencia, 1986), p. 39.

66 Obras, IV, pp. 299-301,306-10; Lerroux, La pequeha historia, pp. 143-6; Diego Martinez Barrio, Memorias (Barcelona, 1983), pp.

105-6.

67 Jaraiz Franco, Historia, p. 79; Borrell in Merida, Testigos, pp. 218-27; Vicente Gil, Cuarenta ahos junto a Franco, p. 68.

68 Franco, Apuntes (Barcelona, 1981), p. 9; Franco Salgado Araujo, Mi vida, p. 108; Su&rez Fernandez, Franco, I, pp. 246-7.

69 Sainz Rodriguez, Testimonio, pp. 325-6; Julian Lago, Las contramemorias de Franco (Barcelona, 1976), pp. 137-8.

70 Ansaldo, iPara que. .. ?, p. 51.

71 Jose Maria Gil Robles, Nofue posible la paz (Barcelona, 1968), p. 235.

72 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 452.

73 Obras, IV, pp. 433-4; EI Sol, 12 July 1932; Alvarez Junco, El emperador del Paralelo, pp. 320-3; 'The Collapse of the Centre: The Radical Republican Party curing the Second Spanish Republic*. Unpublished doctoral thesis, University of London, 1991, chapter 4.

74 Galinsoga & Franco Salgado, Centmela, p. 157.

75 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 498-9.

76 Vegas Latapie, Memorias, p. 184

77 На четыре месяца были закрыты 110 газет правого толка. ABC, 30 November 1932; Alfonso Senra, Del 10 de agosto a la sola sexta del Supremo (Madrid, 1933) pp. 32-5; Ansaldo, iPara que. . . ?, pp. 32-45; Arraras, Cruzada, I, p. 435-529; Santiago Galindo Herrero, Los partidos mondrquicos bajo la segunda Repdblica 2nd ed. (Madrid, 1956) pp. 156-66; Emilio Esteban Infantes, La sublevacion del general Sanjurjo (Madrid, 1933) passim.

78 Azana, Memorias mtimas, pp. 204-5.

79 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 108-9; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 452.

80 Accion Espafiola, Vol. XVIII (Burgos) March 1937, pp. 17-19; Vegas Latapie, Caminos, p. 79. Подписка была подарком Маркеса де ла Вега де Ансо.

81 Ansaldo, iPara que. . . ?, pp. 47-50.

82 General Jorge Vigon, General Mola (el conspirador) (Barcelona, 1957), p. 79.

83 Ansaldo, iPara que. . . ?, p. 50.

84 La Voz de Galicia, 18, 20 September; El Eco de Santiago, 19,20,21,22 September; El Compostelano, 19,20 September 1932; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 109; Galinsoga & Salgado-Araujo, Centinela, pp. 158-9; Suarez Fernandez, Franco, I, p. 249.

85 Ferrer Berumelli, 'Franco contra la masonena', pp. 43-4.

86 Baon, La cara Humana, p. 110.

87 Ansaldo, iPara que... ?, p. 51; Antonio Cacho Zabalza, La Union Militar Espanola (Alicante, 1940) p. 14; Vicente Guamer, Cataluna en la guerra de Espana (Madrid, 1975) pp. 64-6; Julio

Busquets, ‘La Union Militar Espanola, 1933-1936’, Historia 16, La guerra civil 24 vols (Madrid, 1986) HI, pp. 86-99.

88 Azana, Memorias intimas, p. 310; Alpert, La reforma militar, pp. 223-8.

89 Franco, Apuntes, p. 9.

90 Azana, Memorias mtimas, p. 310.

91 Franco, Apuntes, p. 9.

92 Azana, Memorias mtimas, p. 310.

93 Obras, IV, p. 447.

94 ABC, 12 September 1933.

95 Arraras, Franco, pp. 168-71. Удивительно, что Хиль Роблес, который не упускал возможности подчеркнуть свои тесные связи с Франко, не упомянул об этом в своих мемуарах.

96 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 262.

Глава 4

1 Enrique Montanes, Anarcosindicalismo y cambio politico: Zaragoza, 1930-1936 (Zaragoza, 1989) pp. 98-100; Arraras, Historia de la segunda Repdblica, II, pp. 249-56.

2 Aguilar Olivencia, El Ejėrcito, pp. 371-2.

3 Diego Hidalgo Duran, Un notario espanol en Rusia (Madrid, 1929); Diego Hidalgo, ¸Por que fui lanzado del Ministerio de la Guerra? Diez meses de actuacion ministerial (Madrid, 1934) pp. 38, 103-4; Concha Munoz Tinoco, Diego Hidalgo, un notario republicano (Badajoz, 1986) pp. 19,87-9.

4 Hidalgo, 'LPor que fui lanzado?, pp. 105-12; Munoz Tinoco, Hidalgo, pp. 89-92; Elsa Lopez, Jose Alvarez Junco, Manuel Espadas Burgos & Concha Mufioz Tinoco, Diego Hidalgo: memoria de un tiempo dificil (Madrid, 1986), pp. 153-62; Cardona, El poder militar, pp. 197-8; Carlos Seco Serrano, Militarismo y civilismo en la Espana contempordnea (Madrid, 1984) p. 408.

5 ABC, 28, 30 March 1934; Franco Salgado, Mi vida, p. 114.

6 The Sunday Express, 15 May 1938.

7 Hidalgo, iPor que fui lanzado?, pp. 77-9; The Sunday Express, 15 May 1938; Franco Salgado, Mi vida, p. 114.

8 Antonio Lizarza Iribarren, Memorias de la conspiracion (Pamplona, 1953), pp. 22-6; How Mussolini Provoked the Spanish Civil War: Documentary Evidence (London, 1938) passim, Saz, Mussolini contra la II Repūblica, pp. 66-82; John F. Coverdale, Italian Intervention in the Spanish Civil War (Princeton, 1975), pp. 50-4.

9 Воспроизведено в Bureau Permanent de l’Entente Internationale Anticommuniste, Dix-sept ans de lutte contre le bolchėvisme 1924-1940 (Geneva, 1940), p. 35; Documentos inėditos para la historia del Generalisimo Franco I (Madrid, 1992), pp. 11-12.

10 Suarez Fernandez, Franco, I, pp. 268-9; Hills, Franco, p. 207.

11 Franco Salgado, Mi vida, pp. 112-14; Jaraiz Franco, Historia, p. 94; Franco, Nosotros, pp. 18-19.

12 Jaraiz Franco, Historia, pp. 82, 95.

13 Rafael Salazar Alonso, Bajo el signo de la revolucion (Madrid, 1935), pp. 50-73; Preston, CSCW, pp. 108-112.

14 Salazar Alonso, Bajo el signo, pp. 141ff.; Preston, CSCW, pp. 112-17.

15 El Debate, 11 September; CEDA, 15 September 1934; Gil Robles, Nofue posible, pp. 127-30.

16 Gil Robles, Nofue posible, p. 131; Salazar Alonso, Bajo el signo, pp. 319-20.

17 CEDA, No. 36-7, December 1934.

18 El Carbaydn, 18, 23, 29 September 1934.

19 Hidalgo, iPor que fui lanzado?, pp. 79-81; Arrards, Repūblica, II, pp. 440-1; Manuel Ballbe, Orden pūblico y militarismo en la Espaha constitucional (1812-1983) (Madrid, 1983), p. 374.

20 Garcia Venero, Fanjul, p. 196.

21 Diario de las sesiones de Cortes, 4, 7 November 1934.

22 Salazar Alonso, Bajo el signo, Ricardo de la Cierva, Historia de la guerra civil espanola (Madrid, 1969), pp. 302-3.

23 Jose Antonio Primo de Rivera, Textos de doctrina politico 4th ed. (Madrid, 1966) pp. 297-300; Serrano Suner, Memorias, pp. 54-6; Franco, Apuntes, p. 9.

24 Santos Julia, 'Fracaso de una insurreccion y derrota de una huelga: los hechos de octubre en Madrid', Estudios de Historia social, No. 31, October-December 1984, pp. 37-47; Francisco Aguado Sanchez, La revolucion de octubre de 1934 (Madrid, 1972), pp. 351-456.

25 Frederic Escofet, Al servei de Catalunya i de la Repūblica 2 vols (Paris, 1973), I, La desfeta 6 d*octubre 1934, pp. 109-44; J. Costa i Deu & Modest Sabate, La veritat del 6 d[f]octubre (Barcelona, 1936) passim, Enric Ucelay da Cal, La Catalunya populistą. Image, cultura i politica en la etapa republicana (1931-1939) (Barcelona, 1982), pp. 208-20.

26 Наиболее полно события в Астурии освещены в книгах Pablo Ignacio Taibo II, Octubre 1934: el ascenso и Octubre 1934: la caida, vols 7 & 8 of Historia general de Asturias (Gijon, 1978).

27 Hidalgo, iPor que fui lanzado?, pp. 79-81; Munoz Tinoco, Hidalgo, p. 93; Lopez et al., Hidalgo, pp. 171 -2.

28 General Lopez Ochoa, Сатрапа militar de Asturias en octubre de 1934 (narracion tacticoepisodica) (Madrid, 1936) pp. 11-12, 26-9; Gil Robles, No fue posible, pp. 140-1; Cesar Jaldn, Memorias politicas: periodista, ministro, presidiario. (Madrid, 1973), pp. 128-31; Juan-Sime6n Vidarte, El bienio negro y la insurreccion de Asturias

(Barcelona, 1978), pp. 358-9; Aguado Sanchez, La revolucion, pp. 188-93; Cardona, El poder militar, pp. 203-5.

29 Alcalū Zamora, Memorias, p. 296; Vidarte, El bienio negro, pp. 290-1.

30 Ballbč, Orden pūblico, pp. 371-2.

31 Hidalgo, iPor quėfui lanzado?, pp. 79-81; Franco Sajgado, Mi vida, p. 115.

32 Serrano Suner, Memorias, p. 52; Aguado Sanchez, La revolusidn, p. 192.

33 Franco, Apuntes persondses, pp. 11-12.

34 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 114-16; Arrards, Franco, p. 189.

35 Claude Martin, Franco, soldado y estadista (Madrid, 1965), pp. 129-30.

36 Jaldn, Memorias, pp. 139-40; Franco Salgado, Mi vida, pp. 116-21; Aguado Sanchez, La revolucidn, pp. 193-6, 257-8; Mariųel D. Benavides, La revolucion fue asi (octubre rojo y negro) reportaje (Barcelona, 1935), p. 330; Bernardo Diaz Nosty, La comma asturiana: revolution de octubre de 1934 (Bilbao, 1974), pp. 164, 240-4, 314; Jaraiz Franco, Historia, pp. 73-85.

37 Arraras, Historia de la segunda Repūbtica espanola II, pp. 614, 637-8; Joaqum Arraras, Historia de la cruzada espanola 8 vols (Madrid, 1939-1943), II, t.7°, p. 259; Franco, Apuntes, p. 12.

38 ABC, 13 October 1934; Ignacio Carral, Porque mataron a Luis de Sirval (Madrid, 1935), pp. 37-60; Diaz Nosty, La comuna, pp. 355-72; Jose Martin Blazquez, / Helped to Build an Army: Civil War Memoirs of a Spanish Staff Officer (London, 1939) pp. 12-33.

39 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 285, Здесь отрицается причастность Франко к назначению Доваля. Cf. Hidalgo, iPor que fui lanzado?, pp. 91-3; Ballbe, Orden pūblico, pp. 372-3; Serrano Suner, Memorias, p. 52; Aguado Sanchez, La revolution, pp. 308-9; La Cierva, Historia, p. 448.

40 Diario de las sesiones de Cortes, 6 November 1934; ABC, 6, 7, 10, 12, 13, 16, October 1934.

41 Vidarte, El bienio negro, pp. 359-62.

42 Escofet, La desfeta, pp. 147-93; Juan Antonio Sanchez y Garcia Sauco, La revolution de 1934 en Asturias (Madrid, 1974) pp. 146-8.

43 Archivio Storico e Diplomatico del Ministero degli Affari Esteri, Rome (далее: ASDMAE) Politięa Spagna, b.9, R.3316/1717; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 123.

44 Arraras, Cruzada II, p. 277; Gil Robles, No fue posible, pp. 141-8.

45 Ansaldo, iPara que. . . ?, pp. 92-3.

46 Diario de las sesiones de Cortes, 6, 7, 14, 15 November 1934.

47 Lerroux, La pequefia historia, pp. 344-7, 354.

48 Franco, Apuntes personales, p. 13.

49 Documentos inėditos, I, p. 12.

50 Franco, Apuntes personales, p. 13.

51 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 287.

52 Manuel Azana, Mi rebelidn en Barcelona (Madrid, 1935) passim, pp. 11-22; Paul Preston, 'The Creation of the Popular Front in Spain', Helen Graham & Paul Preston, editors, The Popular Front in Europe (London, 1987), pp. 84-105.

53 Gil Robes, No fue posible, p. 235.

54 Serrano Suner, Memorias, pp. 50,52.

55 Franco, Apuntes, pp. 13-14; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 122-4; Peman, Mis encuentros, p. 56.

56 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 122; Garriga, La senora, p. 83.

57 Gil Robles, No fue posible, pp. 234-43; Antonio Lopez Fernandez, Defensa de Madrid (Mexico D.F., 1945) pp. 40-3.

58 Iribarren, Mola, p. 44; De la Cierva, Franco, II, p. 162.

59 Gil Robles, No fue posible, pp. 243-64; Arraras, Franco, pp. 193-4; Alcala Zamora, Memorias pp. 334-5.

60 Documents on German Foreign Policy Series C, vol. IV (London, 1964), pp. 641-50; Gerhard L. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler*s Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933-1936 (Chicago, 1970), p. 285; Angel Vinas, La alemania nazi y el 18 de Julio 2ª edicion (Madrid, 1977), pp. 104-13.

61 Franco, Apuntes, pp. 14-15.

62 Franco, Apuntes, pp. 18-19.

63 Vegas Latapie, Memorias, p. 248.

64 Documentos inėditos, I, pp. 13-23.

65 Armando Boaventura, Madrid-Moscovo da ditadura a Republica e a guerra civil de Espanha (Lisbon, 1937), p. 191; Joaquin Chapaprieta Torregrosa, La pazfue posible: memorias de un politico (Barcelona, 1971), pp. 292-332.

66 Gil Robles, No fue posible, pp. 358-67; Boaventura, Madrid-Moscovo, p. 192.

67 Цитируется no Jaime del Burgo, Conspiration y guerra civil (Madrid, 1970), pp. 228-9; Documentos inėditos, I, p. 28.

68 Ansaldo; iPara que?, pp. 110-11.

69 El Debate, 15 December 1935; Gil Robles, No fue posible, pp. 375-6; Arraras, Franco, p. 198.

70 Maximiano Garcfa Venero, Falange en la guerra de Espana: la Unificacion y Hedilla (Paris,

1967), p. 66; Benito G6mez Oliveros, General Moscardo (Barcelona, 1956), p. 104; Gil Robles, No fue posible, p. 367;

Raimundo Fernandez Cuesta, Testimonio, recuerdos y reflexiones (Madrid, 1985), pp. 52-3.

71 Franco, Apuntes, pp. 21-2.

72 Franco, Apuntes, pp. 23-4; Suarez Fernandez, Franco, I, p. 301.

73 Manuel Portela Valladares, Memorias: dentro del drama espanol (Madrid, 1988) pp. 168-9.

74 Franco, Apuntes, pp. 24-5, 35-6.

75 The Daily Mail, 29 January 1936.

76 Hills, Franco, pp. 209-10; Arraras, Franco, pp. 206-7; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 126-7.

77 Serrano Sufier, Memorias, p. 56; Arrards, Franco, p. 228.

78 Javier Tusell, Las elecciones del Frente Popular 2 vols (Madrid, 1971), I, p. 13; Cf. Jose Venegas, Las elecciones del Frente Popular (Buenos Aires, 1942) p. 65.

79 Portela, Memorias, pp. 175-8; Gil Robles, No fue posible, pp. 492-3; Alcala Zamora, Memorias, p. 347.

80 Gil Robles, No fue posible, pp. 492-3; Franco, Apuntes, pp. 25-8. Arraras, Cruzada, II, p. 439.

81 Portela, Memorias, pp. 183-4; Alcala Zamora, Memorias. p. 347; Franco, Apuntes, pp. 28-30.

82 Franco, Apuntes, p. 30; De la Cierva, Historia, I, p. 640.

83 Franco, Apuntes, p. 30; Arraras, Cruzada, II, p. 440; Gil Robles, No fue posible, pp. 494-5. Portela, Memorias, p. 184; Juan-Simeon Vidarte, Todos fuimos culpables: testimonio de un socialista espanol (Mexico D.F. 1973) p. 49.

84 Franco, Apuntes, pp. 28-30; Servicio Historico Militar, Historia de la guerra de liberacion (Madrid, 1945) I, p. 421; Vidarte, Todos fuimos culpables. p. 48.

85 El Sol, 19 February 1936; Portela, Memorias, pp. 184-5, 190; Arraras, Cruzada, П, p. 441; Boaventura, Madrid-Moscovo, pp. 207-8; B. Felix Maiz, Alzamiento en Espana: de un diario de la conspiracion 2nd ed. (Pamplona, 1952), p. 37.

86 El Socialista, 19 February 1936; Manuel Goded, Un «faccioso * *cien porcien (Zaragoza, 1939) pp. 26-7; Obras, IV, p. 563; Diego Martmez Barrio, Memorias, (Barcelona, 1983), pp. 303-4; Gil Robles, No fue posible, pp. 497-8; Vidarte, Todos fuimos culpables, pp. 40-2,48-9.

87 Arraras, Cruzada, II, p. 443.

88 Portela, Memorias, pp. 186-7; Gil Robles, No fue posible, pp. 500-1.

89 Portela, Memorias, pp. 192-3; Gil Robles, No fue posible, pp. 499-500.

Глава 5

1 Ministerio de la Guerra Estado Mayor Central, Anuario Militar

de Espana ano 1936 (Madrid, 1936), p. 150.

2 Franco, Apuntes, p. 23; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 131.

3 Arraras, Cruzada, III, p. 58; Arraras, Franco, pp. 228-9; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 131.

4 Josd Marfa Iribarren, Con el general Mola: escenas y aspectos inėditos de la guerra civil (Zaragoza, 1937), p. 14; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 132.

5 Относительно участников встречи в доме Дельгадо существует некоторая путаница, Gil Robles, No fue posible, pp. 719-20; Arraras, Cruzada, II, p. 467; Franco, Apuntes personales, p. 33; Maiz, Alzamiento, pp. 50-1; Iribarren, Mola, pp. 45-6; Iribarren, Con el general Mola, pp. 14-15; Felipe Bertran GUell, Preparacidn y desarrollo del alzamiento nacional (Valladolid, 1939), p. 116; Kindelan, Mis cuadernos, p. 81; Kindelan, 'La aviation en nuestra guerra* in La guerra de liberacion nacional (Zaragoza, 1961), pp. 354-5.

6 Franco Salgado, Mi vida, pp. 134-6.

7 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 136-7; Hills, Franco, p. 220.

8 The Morning Post, 20 July 1937; Arraras, Cruzada, 1П, p. 56; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 142.

9 Hodgson, Spain Resurgent, p. 103.

10 Ramon Garriga, Los validos de Franco (Barcelona, 1981), pp. 16-18.

11 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 146-50; Arrards, Franco, pp. 257-9.

12 PRO FO 371/20521 W3720/62/ 41.

13 ASDMAE, Politica Spagna, b.9, TE 1248/548; Saz Campos, Mussolini, pp. 179-80.

14 Preston, CSCW, pp. 182-3.

15 Gil Robles, No fue posible, pp. 561-2; Garcia Venero, Fanjul, pp. 208-12.

16 Ya, 23 April 1936.

17 Gil Robles, No fue posible, pp. 563-7; Garcia Venero, Fanjul, pp. 226-8; Serrano Suffer, Memorias, pp. 56-8.

18 Gil Robles, No fue posible, pp. 563-4.

19 Basilio Alvarez, Espaha en crisol (Buenos Aires, Editorial Claridad, 1937), p. 69.

20 Arraras, Franco, p. 231.

21 Arraras, Cruzada, II, p. 488.

22 Franco, Textos 1945-1950, p. 109.

23 Franco, Apuntes, pp. 34-5.

24 Arraras, Historia de la segunda Repūblica espanola, IV, pp. 165-6.

25 Indalecio Prieto, Convulsiones de Espafia 3 vols (Mexico D.F.,

1967-69), I, pp. 387-403.

26 Gil Robles, No fue posible, pp. 567-72.

27 Iribarren, Mola, p. 71.

28 Iribarren, Mola, pp. 79-87.

29 Bertran Giiell, Preparation, pp. 119-24; B. Feelix Maiz, Mola aquel hombre (Barcelona, 1976) p. 121; Iribarren, Mola, p. 47.

30 Iribarren, Mola, pp. 52,58-62; Juan Jose Calleja, Yagūe: un corazon al rojo (Barcelona, 1963) pp. 75-7.

31 Arraras, Cruzada, Ш, p. 61; здесь сообщается, что Франко послал Галарсе с Канарских островов 30 шифрованных писем о готовящемся мятеже. Cabanellas, Cuatro gene rales, I, p. 445, в этом источнике говорится всего о трех посланиях, что больше похоже на истину.

32 Franco Salgado Araujo, Mi vida, pp. 139, 145; Soriano, La mano, p. 145.

33 H. Edward Knoblaugh, Correspondent in Spain (New York, 1937), p. 21; Pemdn, Mis encuentros, p. 56.

34 Iribarren, Mola, p. 53; Vigon, Mola, pp. 91-2.

35 Serrano Suner, Memorias, p. 53.

36 Serrano Suner, Memorias, p. 53.

37 Calleja, Yajiie, pp. 75-6; Arrards, Cruzada, II, p. 523; Maiz, Alzamiento, p. 153.

38 Vigon* Mola, pp. 93-4; Iribarren, Mola, pp. 55-6.

39 Frederic Escofet, Al servei de Catalunya i de la Repūblica 2 vols, П, La victoria 19 de juliol 1936 (Paris, 1973) pp. 39-42, 151, 455-7.

40 The Times, 7 September 1936; Arraras, Franco, pp. 233-7; Galinsoga & Franco Salgado, Centinela, pp. 203-6; Arrards, Cruzada, II, pp. 522-4.

41 Arraras, Franco, p. 233; Arrards, Cruzada, II, pp. 523-4; Sudrez Fernandez, Franco, II, pp. 37-40; Maiz, Alzamiento, p. 191; Southworth, Antifalange, pp. 99-101.

42 Conspiration, pp. 228-9; Iribarren, Con el general Mola, pp. 16-17.

434Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 147.

44 Iribarren, Con el general Mola, p. 17; Mola, p. 65.

45 Cˆббщено автору Саррано Суньером.

46 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 247; Ansaldo, iPara que.. . ?, p. 121.

47 Pemdn, Mis encuentros, p. 32.

48 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 340.

49 Gil Robles, No fue posible, p. 780; Ram6n Garriga, El general Yagūe (Barcelona, 1985)

pp. 61-8.

50 Maiz, Mola, pp. 217, 238, 160; Jose Ignacio Luca de Tena, Mis amigos muertos (Barcelona, 1971), p. 162; Torcuato Luca de Tena, Papeles para la pequeha y la gran historia: memorias de mi padre y mias (Barcelona, 1991), pp. 204-10; Antonio Gonzalez Betes, Franco y el Dragon Rapide (Madrid, 1987), pp. 83-94; Luis Bolin, Spain: the Vital Years (Philadelphia, 1967), pp. 10-15.

51 Douglas Jerrold, Georgian Adventure (London, 1937), pp. 367-73; Bolin, Spain, pp. 16-30; Arraras, Cruzada$_f$ III, pp. 62-4; Gonzalez Betes, Dragon Rapide, pp. 96-121.

52 Kindelan, 'Prologo', Mis cuadernos, 2ª ed. p. 42.

53 Alfredo Kindelan, La verdad de mis relaciones con Franco (Barcelona, 1981), pp. 173-4; Sana, Franquismo, pp. 48-9; Vegas Latapie, Memorias, p. 276; Serrano Suner, Memorias, pp. 120-1.

54 Arraras, Cruzada, III, p. 61.

55 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 150; Serrano Suner, Memorias, p. 120; Sana, Franquismo, p. 49; Gonzalez Betes, Dragon Rapide, pp. 122-3.

56 Garriga, Franco — Serrano Suner, p. 42; Jaraiz Franco, Historia, pp. 105-30; Franco, Nosotros, pp. 41,50,94.

57 The Morning Post, 20 July 1937.

58 Franco Salgado-Araujo, Mi vida$_t$ p. 151; Gonzalez Betes, Dragdn Rapide, pp. 127-30; Arraras, Cruzada, III, pp. 64-5; Arrards, Franco, p. 250; Jose Antonio Sangrčniz, Marruecos. Sus condiciones flsicas, sus habitantes y las instituciones indigenas (Madrid, Sucesores de Rivadeneyra, 1921).

59 The Morning Post, 20 July 1937.

60 Federico Bravo Morata, Franco y los muertos providenciales (Madrid, 1979), pp. 19-47; Gonzalez Betes, Dragon Rapide, pp. 132-4.

61 Arrards, Franco, p. 261; Arrards, Cruzada, III, p. 66; Milldn Astray, Franco, p. 21; Sudrez Fernandez, Franco, II, p. 50; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 145, 152.

62 Bravo Morata, Franco y los muertos, pp. 38-44; Payne, Politics and the Military, p. 341; Thomas, Civil War, p. 212.

63 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 152-4; Gonzalez Betes, Dragdn Rapide, pp. 134-7,142-7; Arraras, Cruzada, П1 pp. 66-7.

64 Arraras, Cruzada, III, pp. 17-44.

65 Arraras, Cruzada, III, pp. 67-9; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 154-5; Luis Romero, Tres di'as de Julio (18, 19, 20 de 1936) 2ª edicion (Barcelona, 1968), pp. 11-13.

66 Eugenio Vegas Latapie, Los caminos del desengano: memorias politicas, 1936-1938 (Madrid, 1987) p. 80.

67 Arrards, Cruzada, III, pp. 70-3; Suarez Femdndez, Franco, II, pp. 53-4.

68 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 155-6.

69 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 158-60; Arrards, Cruzada, III, pp. 74-5; Franco, Nosotros, p. 108; Garriga, La senora, p. 92.

70 Gonzalez Betes, Dragdn Rapide, pp. 159-64; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 160-1.

71 Gil Robles, No fue posible, p. 782.

72 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 161; Arrards, Cruzada, III, p. 75; Bolfn, Spain, p. 45; Hills, Franco, p. 232; Crozier, Franco, p. 185; Gonzdlez Betes, Dragdn Rapide, p. 167.

73 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 161; Arrards, Cruzada, III, p. 75; Bolfn, Spain, p. 47; Gonzdlez Betes, Dragdn Rapide, p. 156.

74 Cabanellas, Guerra, I, p. 657.

75 Bolfn, Spain, pp. 50-2; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 160-4; Arrards, Franco, pp. 263-71; Gonzdlez Betes, Dragdn Rapide, pp. 164-78; Arrards, Cruzada, III, pp. 73*8.

76 Daily Express, 26 June 1938; Bolfn, Spain, pp. 52-3; Gonzalez Betes, Dragdn Rapide, pp. 186-9.

Глава 6

1 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 165; Arrards, Cruzada, Щ, pp. 80-2.

2 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 166-7.

3 Arrards, Cruzūda, III, pp. 49-51,82.

4 Abd el Hajid Ben Jellon, 'La partiripaci < 5n de Jos mercenarios marroqufes en la guerra civil espanola (1936-1939)', Revista Internacional de Sdciologia, Vol. 46, No. 4, October-December 1988, pp. 527-41.

5 The Times, 26 August 1926; Whitaker, 'Prelude', pp. 105-6; Mana Rosa de Madariaga, 'Imagen del moro en la memoria colectiva del pueblo espanol y retomo del moro en la guerra civil de 1936', Revista Internacional de Sociologia Vol. 46, no. 4, October-December 1988, pp. 590-6.

6 Franco, Diario, p. 177; Southworth, Antifalange, pp. xxi-xxii, 112-13, иллюстрации 44a, 44b.

7 Cabanellas, Guerra, I, pp. 569-71.

8 The Times, 20 July 1936.

9 Escofet, La victoria, pp. 427-30.

10 Testigos, pp. 189-90.

11 Vaca de Osma, Paisajes, pp. 35-6.

12 Arraras, Cruzada, III, pp. 308-21.

13 Arraras, Cruzada, III, pp. 156-210; Antonio Bahamonde y Sanchez de Castro, Un afio con Queipo: memorias de un nacionalista (Barcelona, 1938), pp. 23-9; Guzman de Alfarache, 18 de julio! Historia del alzamiento glorioso de Sevilla (Seville, 1937), pp. 51-179; Cabanellas, Guerra, I, pp. 401-2; Ian Gibson, Queipo de Llano: Sevilla, verano de 1936 (Barcelona, 1986), pp. 157-8.

14 Garcia Venero, Fanjul, pp. 296-345; Luis Romero, Tres dias de Julio 2“ edicion (Barcelona,

1968), pp. 453 ff.

15 Goded, Un «faccioso», pp. 43-67; Escofet, La victoria, pp. 200-400; Romero, Tres dias, pp. 341-53,409-10; Francisco Lacruz, El alzamiento, la revolucion y el terror en Barcelona (Barcelona, 1943), pp. 13-116.

16 Oscar Pdrez Solis, Sitio y defensa de Oviedo 2* edicion (Valladolid, 1938), pp. 5-28; Julian Zugazagoitia, Guerra y vicisitudes de los espaholes, 2ª edicion. 2 vols, (Paris, 1968), I, pp. 50-4; Arraras, Cruzada, IV, pp. 141-3.

17 Garcia Venero, Fanjul, pp. 286-91; Martinez Barrio, Memorias, pp. 358-63.

18 Martinez Barrio, Memorias, pp. 363-4; Maiz, Alzamiento, p. 304; Iribarren, Con el general Mola, pp. 65-6.

19 Arraras, Cruzada, III, pp. 444-9.

20 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 526.

21 ABC, Seville, 22 July; The Times, 24 July 1936; Arraras, Cruzada, Ш, p. 84.

22 Jaraiz Franco, Historia, pp. 73, 82-5; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 167.

23 Kindelan, Mis cuadernos, p. 82.

24 Iribarren, Con el general Mola, p. 97.

25 Iribarren, Con el general Mola, p. 73.

26 Vegas Latapie, Los caminos, pp. 23-4; Ansaldo, iPara que?, pp. 137-8; Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 249.

27 Ansaldo, iPara que?, pp. 138-44; Jose Antonio Silva, Como asesinar con un avidn (Barcelona, 1981), pp. 40-58.

28 Tom Gallagher, Portugal: A Twentieth Century Interpretation (Manchester, 1983), pp. 86, 108, n.5.

29 General Vicente Rojo, i Alerta los pueblos! estudio politico-militar del periodo final de la guerra espanola 2* edicion (Barcelona, 1974) pp. 185-6; Luigi Longo, Le brigate internazionali in Spagna (Rome, 1956) pp. 14-16: Thomas, Civil War, p. 328.

30 Arraras, Cruzada, Ш, p. 83.

31 The News Chronicle, 29 July, 1 August 1936.

32 Alpert, Michael. La guerra civil espanola en el mar (Madrid, 1987), p. 86; Calleja, Yagiie, p. 88; Iribarren, Con el general Mola, p. 167.

33 Kindelan, Laverdad, pp. 173-4; Mis cuadernos pp. 82-3.

34 Kindelan, Mis cuadernos, p. 45; сын Кинделана утверждает, что идея использовать конвои и воздушный мост для прорыва блокады принадлежала его отцу.

35 Arraras, Cruzada, 1П, pp.211-13.

36 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 83-5; Gerald Howson, Aircraft of the Spanish Civil War 1936-1939 (London, 1990), pp. 116-17, 145-6; Servicio Histdrico Militar (Colonel Josd Manuel Martinez Bande) La сатрапа de Andalucia 2* edicidn (Madrid, 1986), pp. 51-3, Coronel Jose Goma, La guerra en el aire (Barcelona, 1958), pp. 70-1; Jesus Salas Larrazabal, 'El puente aereo del Estrecho*, Revista de Aeronautica y Astronautica, September 1961, pp. 747-50.

37 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 173-5.

38 Gom£, La guerra en ei aire, pp. 70; Howson, Aircraft, pp. 76-8, 191.

39 Goma, La guerra en el aire, pp. 67; Jesus Salas Larrazabal, La guerra de Espana desde el aire

2* edicion (Barcelona, 1972) p. 87.

40 Arraras, Cruzada, III, pp. 118-19; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 181-2; Kindelan, La verdad, 176-7; Martinez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 55-8; Martin, Franco, pp. 191 — 2.

41 Maiz, Alzamiento, pp. 307-11.

42 FRUS1936, II, p. 449; ABC, Seville, 26 July 1936; Iribarren, Con el general Mola, pp. 106-7, 122.

43 Arraras, Cruzada, III, p. 513, IV, p. 218.

44 Suarez Fernandez, Franco, II, p. 77; Fernando & Salvador Moreno de Reyna, La guerra en el

mar (Hombres, barcos y honra) (Barcelona, 1959), p. 42.

45 Julio de Ramon-Laca, Baja la ferula de Queipo: сото fue gobernada Andalucia (Seville, 1939), pp. 5-45.

46 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 180; Cabanellas, Guerra, I, pp. 642-3.

47 Bolin, Vital Years, pp. 159-66; 'Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 175-6.

48 Renzo de Felice, Mussolini ii duče: lo stato totalitario 1936-1940 (Turin, 1981), p. 363.

49 De Felice, II duce, pp. 364-5.

50 Saz, Mussolini, pp. 181-4; Roberto Cantalupo, Fu la Spagna Ambasciata presso Franco (Milan, 1948) p. 63; Coverdale, Italian Intervention, pp. 69-72; Bolin, Vital Years, pp. 70-2.

51 Saz, Mussolini, pp. 180, n. 97, 243; Bolin, Vital Years, pp. 167-9; Coverdale, Italian Intervention, pp. 71-2.

52 Saz, Mussolini, pp. 183-5, 247-51.

53 Jose Ignacio Escobar, Asi empezo (Madrid, 1974), pp. 55-60; Josd Gutierrez-Ravė, Antonio Goicoechea (Madrid, 1965), pp. 35-7; Saz, Mussolini, pp. 186-8; Arraras, Cruzada, III, p. 126; Coverdale, Italian Intervention, pp. 72-4; Vinas, La Alemania nazi, pp. 308-11; Saz, Mussolini, p. 191.

54 FRUS 1936, II, p. 453.

55 Gutierrez-Rave, Goicoechea, p. 37; Coverdale, Italian Intervention, p. 74; Saz, Mussolini, pp. 189-90.

56 FRUS 1936, II, p. 451.

57 Documents on German Foreign Policy [далее: DGFP] Series D, Vol. Ill (London, 1951) pp. 15, 17; Saz, Mussolini, p. 185; Howson, Aircraft, p. 274.

58 Saz, Mussolini, pp. 191-3.

59 Franco, Apuntes, p. 39; Vinas, Alemania nazi, pp. 274-6.

60 DGFP, D, Ш, pp. 4-5, 7; Vinas, Alemania nazi, pp. 264-9, 293-4,323.

61 Vinas, Alemania nazi, pp. 276-92.

62 DGFP, D, III, pp. 7-8; Vinas, Alemania nazi, pp. 316-29; Howson, Aircraft, pp. 206-7; Suarez Fernandez, Franco, II, pp. 60-8.

63 DGFP, D, III, pp. 10-11; Vinas, Alemania nazi, pp. 330-.8.

64 Vinas, Alemania nazi, pp. 330-42. В показаниях, сделанных на Нюрнбергском процессе, Геринг говорил всего об одной встрече, хотя на самом деле их было две: Nuremberg, International Military Tribunal, Trial of Major War Criminals (Nuremberg, 1947), IX, pp. 280-1.

65 Joaquim von Ribbentrop, The Ribbentrop Memoirs (London, Weidenfeld and Nicolson, 1954) p. 59.

66 Vinas, Alemania nazi, pp. 341-52; DGFP, D, III, pp. 113-14; Angel Vinas et al. Polftica comercial exterior en Espana 1931-1975) 2 vols (Madrid, 1979), I, pp. 146-9; Marie-Luise Recker, Von der Konkurrenz zur Rivalitat: Das britische-deutsche Verhaltnis in den Landern der europaischen Peripherie 1919-1939 (Stuttgart, 1986), pp. 146-7.

67 Heinz Hohne, Canaris (London, 1979), pp. 230-1; Andrd Brissaud, Canaris (London, 1973), pp. 8, 36-42; Weinberg, Foreign Policy, p. 288; Vinas, Alemania nazi, p. 342; DGFP, D, Ш, p. 34, 40, 442-3.

68 Guerra, dinero, dictadura: ayuda fascista y autarquia en la Espana de Franco (Barcelona,

1984), pp. 51-3; Hohne, Canaris, p. 234; Klaus A. Maier, Guernica 26.4.1937: Die deutsche intervention in Spanien und der «Fall Guernica» (Freiburg, 1975), pp. 24-5; Coverdale, Italian intervention, pp. 87, 103, 106,119-20.

69 Vinas, Alemania nazi, pp. 274-5.

70 Escobar, Asi empezė, pp. 75, 81-118.

71 DGFP, D, III, pp. 9, 16.

72 Howson, Aircraft, pp. 206-7; Maier, Guernica, pp. 21-2.

73 Телеграмма Франко приведена в следующем источнике: Historiay Vida, No. 93,1975, p. 21, где ошибочно указана дата ее отправки. На самом деле это произошло не 20 июля, а 29 или 30

числа, на что указано в следующих источниках: cf. Sudrez Fernandez, Franco, II, p. 79. Iribarren, Can el general Mola, p. 157.

74 Hitler*s Table Talk, p. 687.

75 Franco, Apuntes, p. 40; 'Correspondencia Franco/Mola', p. 22; Escobar, Asi Empezo, p. 243; Vigon, Mola, pp. 176-201.

76 Iribarren, Mo/a, p. 149; 'Correspondencia Franco/Mola*, p. 21.

77 The Times, 30 July 1936; Franco Salgado-Araujo, M/ vida, p. 180.

78 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 181-2; здесь, похоже, о двух встречах 20 июля и 3 августа говорится как об одной.

79 DGFP, D, III, pp. 26-7.

80 'Correspondencia Franco/Mola', p. 22.

81 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 182-3; Martinez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 57-63; Arrards, Cruzada, III, pp. 129-39; Arrards, Franco, pp. 281-3; Alpert, La Guerra en el mar, pp. 89-95; Gomd, La guerra en el aire, pp. 74-81; 'Almogdvares en el aire', Revista de Aeronautica August 1942, pp. 97-100.

82 Kindelan, La aviacidn, p. 365; The Times, 15 August 1936; Sudrez Fernandez, Franco, II,

p. 80.

83 Francisco Bonmati de Codecido, El Principe Don Juan de Espaila (Valladolid, 1938), pp. 224-37; Iribarren, Mola, pp. 166-7; Vegas Latapie, Caminos, pp. 37-44; Cabanellas, Guerra, I, pp. 636-7.

84 Peman, Mis encuentros, pp. 188-93.

85 The Times, 10 August 1936.

86 Howson, Aircraft, p. 123.

87 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 184.

88 La guerra de liberacidn nacional (Zaragoza, 1961), pp. 160 — 5 \La marcha sobre Madrid (Madrid, 1968), pp. 24-34; Manuel Sdnchez del Arco, El sur de Espaila en la reconquista de Madrid (Seville, 1937), pp. 62-81; Calleja, Yagiie, pp. 90-1,94-6; Salas Larrazabal, La guerra desde el aire, p. 64.

89 Mijail Koltsov, Diario de la guerra de Espaila (Paris, 1963), pp. 88-9; Whitaker, 'Prelude', pp. 105-6.

90 Cardozo, The March, pp. 160-2.

91 Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 165-70.

92 Pemdn, Mis encuentros, p. 64.

93 DGFP, D, III, pp. 86-7.

94 'Correspondencia Franco/Mola', pp. 22-3.

95 DGFP, D, III, p. 40.

96 Escobar, Asi Empezo, pp. 119-24.

97 Calleja, Yagiie, pp« 100-2.

98 Thomas. Civil War, p. 373. Arrards, Cruzada, VII, pp. 24-6;

Aznar, Historia militar, p. 103; Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 34-5; Luis Maria de Lojendio, Operaciones militares de la guerra de Espaila (Barcelona, 1940), pp. 141-2; Calleja, Yagiie, p. 97.

99 Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 35-41; Sdnchez del Arco, El sur, pp. 82-91; Calleja, Yagiie, p. 105.

100 Mdrio Neves, La matąnza de Badajoz (Badajoz, 1986), pp. 13, 43-5, 50-1; From Spanish Trenches: Recent Letters from Spain (London, 1937), pp. 3-8; Whitaker, 'Prelude', pp. 104-6; Calleja, Yagiie, pp. 99-109. Herbert Rutledge Southworth, El thito de la cruzada de Franco (Paris, 1963), pp. 217-31.

101 FRUS 1936, II, p. 456-7; DGFP, D, III, pp. 54-5; Iva Delgado, Portugal e a guerra civil de Espanha (Lisbon, n.d.), pp. 30-9.

102 Manuel Aznar, Historia militar de la guerra de Espana (1936-1939) (Madrid, 1940), p. 99; Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 18-19, 30.

103 Gibson, Queipo, pp. 101-5.

104 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 185-8, 348-53.

105 Franco, Nosotros, p. 88.

106 Gibson, Queipo, pp. 104-5; Cabanellas, Guerra, II, pp. 872-3.

107 Vegas Latapie, Caminos, p. 32; Cabanellas, Guerra, I, pp. 638-9.

108 Iribarren, Mola, p. 11.

109 Iribarren, Con el general Mola, pp. 164-5, 243.

110 Arthur Koestler, Spanish Testament (London, 1937), pp. 29-30; H. R. Knickerbocker, The Seige of the Alcazar: A War-Log of the Spanish Revolution (London, n.d. [1936]), pp. 27-8,41.

111 Whitaker, 'Prelude', p. 116.

112 Harold G. Cardozo, The March of a Nation (London, 1937), p. 141. Cf. William Foss & Cecil

Gerahty, The Spanish Arena (London, 1938), p. 62; Rotvand, Franco, p. 20: Coles. Franco, p. 71.

113 Cabanellas, Cuatro generales, II, p. 327.

114 DGFP,D, III, pp. 42-3.

115 'Correspondencia Franco/Mola', p. 22.

116 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 189-90; Iribarren, Con el general Mola, pp. 262-4.

117 Iribarren, Con el general Mola, p. 271.

118 Iribarren, Con el general Mola, p. 263.

119 Iribarren, Mola, pp. 149-53.

120 Dez anos de politico externa (1936-1947) a a naęao portuguesa e a segunda guerra mundial III (Lisbon, 1964), p. 156; The Times, 11, 17 August 1936.

121 'Correspondencia Franco/Mola', p. 23.

122 Vinas, Los esptas, pp. 50, 56-8; Robert H. Whealey, Hitler

and Spain: The Nazi Role in the Spanish Civil War (Lexington, Kentucky, 1989) p. 7.

123 Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 45-56; Calleja, Yagiie, pp. 111-12; Sanchez del Arco, El sur, pp. 94-114.

124 'Correspondencia Franco/Mola*, pp. 23-4, 28-9.

Глава 7

1 Vegas Latapie, Caminos, p. 71.

2 В письме Рамона Гарриги автору от 1.X1.90; Vegas Latapie, Caminos, pp. 72, 89; Iribarren, Mola, pp. 193, 211; Arraras, Franco, p. 287; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 192-3; Suarez Fernandez, Franco, II, p. 95.

3 Jose Marfa Pem£n, Mis almuerzos con gente importante (Barcelona, 1970), p. 138.

4 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 197; Badn, La cara humana, p. 125.

5 Coverdale, Italian Intervention, pp. 102-4, 119-20; Hohne, Canaris, p. 235; Weinberg, Diplomatic Revolution, p. 292; Maier, Guernica, pp. 24-5.

6 Raymond Carr, The Spanish Tragedy: The Civil War in Perspective (London, 1977), p. 152; Whitaker, Prelude, pp. 104-5.

7 Servicio Histdrico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), Nueve meses de guerra en el norte (Madrid, 1980), pp. 64-93; Aznar, Historia militar, pp. 127-43; Thomas, Civil War, pp. 376-80.

8 DGFP, D, III, pp. 16, 28.

9 Iribarren, Con el general Mola, p. 320; Suarez Fernandez, Franco, II, p. 97.

10 Arraras, Cruzada, VII, p. 152; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 197-8.

11 Koltsov, Diario, pp. 94-103.

12 Comandante Benito Gomez Oliveros, General Moscardd (sin novedad en el Alcazar) (Barcelona, 1956), pp. 129-218; Comandante Alfredo Martinez Leal, El asedio del Alcazar de Toledo: memorias de un testigo (Toledo, n.d.); Arraras, Cruzada, VII, pp. 143-90; Aznar, Historia militar, pp. 183-211; Knickerbocker, Seige, pp. 171-85; D. Muro Zegri, La epopeya del Alcdzar (Valladolid, 1937); Major Geoffrey McNeill-Moss, The Epic of the Alcazar (London, 1937); Alberto Risco S.J., La epopeya del Alcazar de Toledo (San Sebastian, 1941); Cecil Eby, The Seige of the Alcazar (London, 1966); Antonio Vilanova, La defensa del Alcdzar de Toledo (epopeya o mito) (Mexico, 1963); Luis Quintanilla, Los rehenes del Alcdzar de Toledo (Paris, 1967); Southworth, El mito, pp. 92-116; Herbert L. Matthews, The Yoke and the Arrows (London, 1958), pp. 173-6.

13 Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 56-71; Garriga, Yagtie, pp. 111-12.

14 Whitaker, Prelude, pp. 105-6; Webb Miller, I Found No Peace (London, n.d. [1937]), pp. 328-9; Harold G. Cardozo, The March of a Nation: My Year of Spain* s Civil War (London, 1937), pp. 73-4, 111-14.

15 Kindelan, Mis cuadernos, p. 85: Calleja, Yagiie, pp. 113-15.

16 Payne, Palange, p. 130; Cabanellas, Guerra, I, p. 647, n.19.

17 Thomas, Civil War, p. 412; Salas Larrazabal, Ejėrcito Popular, I, p. 475.

18 Arraras, Cruzada, VII, pp. 41-3.

19 Vegas Latapie, Caminos, p. 72.

20 Kindeldn, Mis cuadernos, pp. 85-6; Serrano Suner, Memorias, p. 132; Garriga, Yagiie, p. 113.

21 DGFP, D, HI, pp. 95-6; Ciano*s Diplomatic Papers ed. Malcolm Muggeridge (London, 1948) pp. 53-4.

22 Kindelan, Mis cuadernos, p. 103; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 207-8.

23 Jose Luis Alcofar Nassaes, C.T.V. Los legionaries italianos en la guerra civil espanola 1936-1939 (Barcelona, 1972) pp. 51-2.

24 Peman, Mis encuentros, p. 63.

25 DGFP, D, III, pp. 85-9.

26 Garriga, Nicolas Franco, pp. 101-2; DGFP, D, III, p. 107.

27 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 103-4.

28 Cabanellas, Cuatro generates, I, pp. 196, 231, 305-6, 425-8, Escobar, Asi Empezo, p. 133; Garcia Venero, Falange/Hedilia, p. 180.

29 Kindelan, Mis cuadernos, p. 105.

30 Iribarren, Mola, pp. 232-3.

31 Sainz Rodriguez, Testimonio, pp. 248-9.

32 Vegas Latapie, Caminos, p. 87.

33 Sainz Rodriguez, Testimonio, p. 272.

34 Suarez Fernandez, Franco, II, p. 100.

35 Vigon, Mola, p. 248.

36 Martinez Bande, La marcha, p. 72; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, p. 475.

37 Iribarren, Mola, p. 232.

38 Vaca de Osma, Paisajes, p. 55; Escobar, Asi empezo, p. 148.

39 Kindelan, Mis cuadernos, p. 105; Vegas Latapie, Caminos, p. 85; Escobar, Asi empezo, pp. 149-50; Garriga, Nicolas Franco, p. 102; Jean Crėac'h, Le coeur et l*ėpėe: chroniques espagnoles (Paris, 1958), pp. 179-80.

40 Hills, Franco, pp. 124-5, 250.

41 Boaventura, Madrid-Moscovo, p. 212.

42 Martinez Bande, La marcha, pp. 74-5.

43 Martinez Bande, La marcha sobre Madrid, pp. 71-5;' Lojendio, Operaciones, pp. 154-60; Knickerbocker, Seige, pp. 172-3; Miller, I

Found No Peace, pp. 329-30, 336-8; Matthews, The Yoke, p. 176; Peter Wyden, The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936-1939 (New York, 1983), pp. 142-5; Geoffrey Cox, Defence of Madrid (London, 1937), p. 54; Bowers, My Mission, p. 313; Whitaker, Prelude, p. 106.

44 De la Cierva, Franco, III, pp. 8-9; Calleja, Yagiie, p. 116.

45 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 105-8. Кинделан ошибочно указывает даты 30 и 31 сентября.

46 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 108-10; De la Cierva, Franco, III, p. 10.

47 Luciano Gonzalez Egido, Agonizar en Salamanca: Unamuno julio-diciembre 1936 (Madrid, 1986), p. 109.

48 Cabanellas, Guerra, I, pp. 654-5.

49 Garriga, Espaha de Franco, p. 73, и в письме автору от 30 апреля 1991; Garcia Venero, Falange/Hedilia, p. 167; Charles Foltz, Jr. The Masquerade in Spain (Boston, 1948) p. 178; Creac'h, Le coeur, p. 182; Serrano Suner, Memorias, p. 163.

50 ABC, Seville, 30 September, The Times, 2 October 1936; Burgo, Conspiracion, p. 491.

51 Cabanellas, Guerra, I, p. 652; Vegas Latapie, Caminos, p. 79.

52 Rafael Martinez Nadal, Antonio Torres y la politico espahola del Foreign Office (1940- 1944) (Madrid, 1989) p. 231; cf. Cardozo, The March, p. 153.

53 The Times, 2 October 1936.

54 Antonio Montero Moreno, Historia de la persecution religiosa en Espaha 1936-1939 (Madrid, 1961) pp. 688-708; Marfa Luisa Rodriguez Aisa, El Cardenal Goma y la guerra de Espaha: aspectos de la gestion pūblica del Primado 1936-1939 (Madrid, 1981), pp. 109-25.

55 La Cierva, Franco: un siglo, I, p. 513.

56 Simon Haxey, Tory M.P. (London, 1939), pp. 210-20; Richard Griffiths, Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany 1933-39 (London, 1980), pp. 260-64.

57 ABC (Seville), 2 October; The Times, 3 October 1936; FRUS 1936, II, p. 534; Palabras de Franco (n.p., 1937) pp. 9-18; Cabanellas, Guerra, I, pp. 657-8; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 210-11; Burgo, Conspiracion, pp. 491-2.

58 Kindelan, Mis cuadernos, p. Ill; Serrano Suner, Memorias, pp. 53-4,220-2; Cabanellas, Guerra, I, p. 659.

59 DGFP, D, III, p. 103-7; Foreign Intervention in Spain (London, 1937), p. 44.

60 Сообщено автору Серано Суньером 21.11.90.

61 Stanley G. Payne, Falange: A History of Spanish Fascism (Stanford, 1961), pp. 148-9; Garcia Venero, Falange/Hedilia, pp. 307-9.

62 Merida, Testigos, p. 31.

63 Garriga, La senora, p. 105.

64 Suarez Fernandez, Franco, II, p. 121; Crozier, Franco, p. 219.

65 Rodriguez Aisa, Goma, pp. 32,61.

66 Cabanellas, Guerra, I, p. 660.

67 Gonzalez Egido, Unamuno, p. 120.

68 Cabanellas, Guerra, II, pp. 937-9.

69 Escobar, Asi emprezo, pp. 155-6; Pereira, Memorias, II, p. 18; Jaraiz Franco, Historia, p. 152; Peman, Mis encuentros, p. 18; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 221.

70 Millan Astray, Franco, pp. 41-4.

71 Luis Moure Marino, La generacion del 36: memorias de Salamanca y Burgos (La Coruna, 1989), pp. 69-71; Vegas Latapie, Caminos, p. 175.

72 Knickerbocker, Siege, pp. 23, 27,136-7; Kemp, Trouble, p. 49.

73 Herbert R. Southworth, Guernica! Guernica!: A Study of Journalism, Propaganda and History (Berkeley, 1977), pp. 45-50; Koestler, Spanish Testament, pp. 27-8, 219-31; Sir Peter Chalmers Mitchell, My House in Malaga (London, 1938), pp. 274-91.

74 Kemp, Trouble, p. 50; Foltz, The Masquerade, p. 116; Whitaker, 'Prelude', p. 108; Southworth, Guernica!, pp. 50-2.

75 Virginia Cowles, Looking for Trouble (London, 1941), pp. 86-90.

76 Gonzalez Egido, Unamuno, pp. 125-7.

77 Escobar, Asi empezo, p. 167; Vegas Latapie, Caminos, p. 113.

78 La Gaceta Regional, 13 October 1936; Moure Marino, Memorias, pp. 73-9, 87-95; Gonzalez Egido, Unamuno, pp. 127-58; La voluntad del humanismo: homenaje a Juan Marichal, ed. B. Ciplijauskaite & C. Maurer (Barcelona, 1990), pp. 209-21.

79 Gonzalez Egido, Unamuno, pp. 210-12,226-8.

80 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 320-3.

81 Moure Marino, Memorias, pp. 105-6; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 430-1.

82 Cabanellas, Guerra, II, pp. 684-6; Ian Gibson, Paracuellos: coтo fue (Barcelona, 1983), pp. 73-134; Carlos Fernandez, Paracuellos de Jarama: iCarrillo culpable?. (Barcelona, 1983), pp. 60-83.

83 Gibson, En busca, pp. 161-70; Southworth, Antifalange, pp. 144-8.

84 FRUS 1936, II, p. 568.

85 Vinas, Guerra, pp. 69-78; Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 200-3.

86 DGFP, D, III, pp. 114-15; Viflas, Guerra, pp. 78-97; Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 203-4.

87 Garriga, Franco-Serrano Suner, pp. 29-30; Garcia Venero,

Falange/Hedilla, pp. 205-7.

88 Ram6n Garriga, La Espana de Franco: las relaciones con Hitler, 2ª edfcidn (Puebla, Mexico, 1970), pp. 18-19.

89 Garcia Venero, Falange/Hedilla, p. 255.

90 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 255-8; Southworth, Antifalange, pp. 164-6.

91 Serrano Sufier, Memorias, p. 169; Ronald Fraser, Blood of Spain: The Experience of Civil War 1936-1939 (London, 1979), p. 316.

92 Serrano Sufier, Memorias, p. 170.

93 Angel Alcazar de Velasco, Serrano Sufier en la Falange (Madrid/Barcelona, 1941), pp. 166-7; Zugazagoitia, Guerra, I, pp. 256-64; Prifeto, Convulsiones, I, pp. 130-53; Southworth, Antifalange, p. 203; Serrano Sufier, Memorias, pp. 483-4.

94 Sana, Franquismo, pp. 51-3.

95 Garriga, Ramon Franco, pp. 272-9.

96 Dfaz, Mi vida, p. 182; Garriga, Ramdn Franco, pp. 280-2.

Глава 8

1 The Times, 6 October 1936; Cardozo, The March, p. 157.

2 Alcofar Nassaes.C.T. V, pp. 42-6.

3 Martinez Bande, La marcha, pp. 81-95; Lojendio, Operaciones militares, pp. 162-70; Aznar, Historia militar, pp. 277-9; Marifias, Varela, p. 129.

4 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 93-7.

5 Calleja, Yagiie, p. 120.

6 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 211-12.

7 Cox, Defence of Madrid, p. 19.

8 ABC (Seville), 8 October 1936; Julio Alvarez del Vayo, Freedom*s Battle (London, 1940), p. 37. .

9 Salas Larrazdbal, Ejėrcito popular, I, pp. 532-6; Howson, Aircraft, p. 15.

10 Koltsov, Diario, p. 182.

11 Vig6n, Mola, p. 279.

12 Whitaker, Prelude, p. 114.

13 Calleja, Yagiie, pp. 122-3; Marinas, Varela, pp. 129-30; Vigon, Mola, p. 280.

14 Martinez Bande, La marcha, pp. 104-109; Calleja, Yagiie, pp. 123-7.

15 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 253-4.

16 Aznar, Historia militar, p. 281.

17 Howson, Aircraft, pp. 192-201; Andrės Garcia Lacalle, Mitos y verdades: la aviacion de caza en la guerra espanola (M6xico D.F., 1973) pp. 173-9,561-7.

18 Ciano* s Diplomatic Papers ed. Malcolm Muggeridge (London, 1948) pp. 53-4.

19 DGFP, D, III, pp. 121-2; FRUS 1936, II, p. 551.

20 DGFP, D, III, pp. 124-5.

21 FRUS 1936, II, pp. 558,576. Whealey, Hitler and Spain, p. 8, здесь приводится число 4000.

22 Koltsov, Diario, pp. 183-6; Zugazagoitia, Guerra, I, pp. 178-84; Francisco Largo Caballero, Mis recuerdos (Mexico D.F., 1954), pp. 187-9.

23 Koltsov, Diario, pp. 189-90; Julio Ardstegui & Jesus A. Martmez, La Junta de Defensa de Madrid (Madrid, 1984), pp. 43-80; Ldpez Fernandez, Defensa, pp. 80-92; General Vicente Rojo, As(fue la defensa de Madrid (Mdxico D.F., 1967), pp. 45-8.

24 Gibson, Queipo, pp. 240, 263-4, 279.

25 Zugazagoitia, Guerra, I, p. 198; Gregorio Gallego, Madrid, corazon que se desangra (Madrid, 1976), pp. 220-2; Largo Caballero, Mis recuerdos, pp. 188-9.

26 Lopez Fernandez, Defensa, pp. 109-110; Lazaro Sopmoza Silva, El general Miaja: biografia de un heroe (Mdxico D.F., 1944), p. 185.

27 Claude G. Bowers, My Mission to Spain (London, 1954) p. 320; Southworth, El mito, p. 90; FRUS 1937 (Washington, 1954) I, pp. 279-80.

28 Henry Buckley, Life and Death of the Spanish Republic (London, 1940), p. 261.

29 Rojo, As(fue, pp. 36-45; Junta de Defensa, p. 292.

30 Robert G. Colodny, The Struggle for Madrid: The Central Epic of the Spanish Conflict 1936-1937 (New York, 1958), p. 43; Louis Fischer, Men and Politics: An Autobiography (London, 1941), p. 373; General Vicente Rojo, Espaiia heroica: diez bocetos de la guerra espanola 3“ edicion (Barcelona, 1975), pp. 43-4.

31 Lopez Femdndez, Defensa, pp. 93-105; Koltsov, Diario, pp. 202-4; Zugazagoitia, Guerra, I, pp. 189-202; Rojo, Espana heroica, pp. 44-9.

32 Rojo, Espana heroica, pp. 49-55; Colodny, The Struggle, p. 24; Jef Last, The Spanish Tragedy (London, 1939), pp. 28-30.

33 Zugazagoitia, Guerra, I, p. 191; Colodny, The Struggle, p. 24.

34 Buckley, Life and Death, pp. 262-3; Somoza Silva, Miaja, pp. 142-8.

35 Aznar, Historia militar, pp. 282-5; Lojendio, Operaciones militares, pp. 170-1; Vigon, Mola, pp. 281-2; Whitaker, ‘Prelude’, p. 115.

36 Colodny, The Struggle, pp. 76-82; Martmez Bande, La marcha, pp. 113-45.

37 Buckley, Life and Death, pp. 264-8; Colodny, The Struggle, pp. 84-8.

38 Thomas, Civil War, p. 486; Bolfn, Vital Years, p. 228;

Kindplan, Mis cuadernos, p. 91.

39 FRUS 1936, II, p. 569.

40 Rojo, Asi fue, pp. 55-103; Colodny, The Struggle, pp. 52-91; Thomas, Civil War, pp. 473-82.

41 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 215; Vigon, Mola, pp. 286-7.

42 Lojendio, Operaciones militares, pp. 173-6; Aznar, Historia militar, pp. 285-9; Suarez Fernandez, Franco, II, p. 136.

43 Aznar, Historia militar, pp. 285-6.

44 Whitaker, 'Prelude', p. 115; FRUS 1936, II, pp. 582, 601.

45 FRUS 1936, II, pp. 566, 579, 582.

46 DGFP, D, III, pp. 125-6, 131-3; Manchester Guardian, 19 November 1936.

47 Daily Telegraph, 19 November 1936.

48 DGFP, D, III, p. 134.

49 The Times, 1 December 1936.

50 Ismael Saz & Javier Tusell, editors, Fascistas en Espana: la intervencion italiana en la guerra civil a travės de los telegramas de la «Missione Militare Italiana in Spagna» (15 diciembre 1936 — 31 marzo 1937) (Madrid/Rome, 1981), p. 25. Далее: MMIS, Telegramas.

51 DGFP, D, III, pp. 139-40, 143-4,147-8; Coverdale, Italian Intervention, pp. 122-3, 157-8.

52 FRUS 1936, II, p. 561.

53 DGFP, D, UI, pp. 154-5, 159-62; Die Weizsdcker-Papiere 1933-1950 (Frankfurt/M, 1974), pp. 104-5.

54 Verbale riunione a Palazzo Venezzia del 6 dicembre 1936-XV, ASMAE, Gabinetto, Spagna, b.3031; DGFP, D, Ш, pp. 143-4, 146, 149-50, 165, 169; De Felice, Mussolini il Duce, pp. 383-4; MMIS, Telegramas, p. 27; Coverdale, Italian Intervention, pp. 160-4; Weinberg, Diplomatic Revolution, pp. 296-8.

55 Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 32-3,54; MMIS, Telegramas, pp. 20-1; Coverdale, Italian Intervention, pp. 165-6.

56 Martin Blinkhom, Carlism and Crisis in Spain 1931-1939 (Cambridge, 1975), pp. 273-5.

57 Del Burgo, Conspiracidn, pp. 687-92; Garcia Venero, Palange, pp. 291-3; DGFP, D, III, p. 268; Blinkhom, Carlism, pp. 275-7.

58 Pedro Sainz Rodriguez, Un reinado en la sombra (Barcelona, 1981), p. 347.

59 Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 347.

60 ABC, Seville, 18 July 1937.

61 Servicio Historico Militar (Coronel Josd Manuel Martinez Bande), La lucha en torno a Madrid (Madrid, 1968), pp. 43-51.

62 DGFP, D, Ш, pp. 159-62.

63 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 108; Franco, Apuntes, p. 42;

Suarez Fernandez, Franco, П, p. 162; Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 53-4.

64 MMIS, Telegramas, pp. 28-9; Coverdale, Italian Intervention, pp. 167-8,170-1.

65 Weizsacker, Papiere, p. 103; 'Hispanicus*, Foreign Intervention, pp. 138-40; Weinberg, Diplomatic Revolution, pp. 297-8.

66 Martmez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 184-6.

67 De Felice, Mussolini il Duce, p. 385.

68 DGFP, D, III, p. 222.

69 MMIS, Telegramas, pp. 29, 67, 94.

70 Martmez Bande, La lucha en torno a Madrid, p. 37.

71 Martmez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 179-80; Lojendio, Operaciones militares, pp. 182-95; Aznar, Historia militar, pp. 326-8.

72 MMIS, Telegramas, p. 79.

73 Carlos de Arce, Los generates de Franco (Barcelona, 1984), p. 186; Martmez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 51-69; Rojo, Asi fue, pp. 103-18; Aznar, Historia militar, pp. 329-33.

74 Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 85-93.

75 Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 93-100.

76 DGFP, D, III, pp. 169, 173-4, 178, 191, 206, 219, 222; De Felice, Mussolini il Duce, pp. 390-1; Alcofar Nassaes, C.T. V, pp. 58-61.

77 DGFP, D, III, p. 191.

78 MMIS, Telegramas, pp. 93-4.

79 Verbale della riunione a Palazzo Venezia del 14 gennaio 1937-XV, ASMAE, Gabinetto, Spagna, b.3031; DGFP, D, III, pp. 225-6; De Felice, Mussolini il Duce, pp. 389-90; Coverdale, Italian Intervention, pp. 171-3.

80 De Felice, Mussolini il Duce, pp. 389-90.

81 Comunicazione fatta al Generale Franco a nome del Governo italiano e del Govemo tedesco il 23 gennaio 1937-XV decisa a Roma nella riunione a Palazzo Venezia col Generale Goring il 14 gennaio, ASMAE, Gabinetto, Spagna, b.3031.

82 ASMAE, Gabinetto, Spagna, b.3031, and MMIS, Telegramas, pp. 112-18.

83 ASMAE, Gabinetto, Spagna, b.3031.

84 MMIS, Telegramas, pp. 108, 112, 114-16, 121, 140; DGFP, D, III, p. 236; Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 54, 65; Suarez Fernandez, Franco, II, p. 163.

85 MMIS, Telegramas, p. 69.

86 Kindelan, Mis cuadernos, p. 113; Martinez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 184-6.

87 Martmez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 153-65.

88 MMIS. Telegramas, pp. 69, 108.

89 MMIS, Telegramas, p. 72, 76-8.

90 MMIS, Telegramas, pp. 43, 78, 92-5; Emilio Faldella, Venti mesi di guerra in Spagna (Florence, Le Monnier, 1939), pp. 233-5.

91 Maier, Guernica, pp. 35-6.

92 Faldella, Venti mesi, pp. 239-43.

93 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 216-19.

94 Martmez Bande, La сатрапа de Andalucia., pp. 170-211; Faldella, Venti mesi, pp. 243-7; Aznar, Historia militar, pp. 339-55; Ramon Garriga, Guadalajara y sus consecuencias (Madrid, 1974), pp. 52-4; MMIS, Telegramas, p. 130.

95 Koestler, Spanish Testament, pp. 186-204,216; Chalmers Mitchell, Malaga, pp. 238-42, 251-4; Obras, III, p. 400.

96 FRUS 1937, I, pp. 279-80.

97 Martmez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 210-11; Alcofar Nassaes, C.T.V., p. 70; Southworth, Antifalange, pp. 159-60: Southworth, El mito de la cruzada, pp. 274-5; T. C. Worsley, Behind the Battle (London, 1939), pp. 179-208; Chalmers Mitchell, Malaga, pp. 266-7; Bahamonde, Un and con Queipo, pp. 126-36; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 130-45.

98 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 219.

99 ASMAE, SFG, b.38, T.709/345, p. 3; Faldella, Venti mesi, pp. 193-4; Aznar, Historia militar, pp. 353-5; Martinez Bande, La сатрапа de Andalucia, pp. 169-70,214-15.

100 Largo Caballero, Mis recuerdos, pp. 200-1; Dolores lbdrruri, El unico camino (Pariš, 1964), pp. 373-7; Burnett Bolloten, The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution (Chapel Hill, 1991), pp. 343-6; Franz Borkenau, The Spanish Cockpit 2nd edition (Ann Arbor, 1963), pp. 223-4.

101 Kindelan, Mis cuademos, pp. 113-14; Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 70-2.

102 MMIS, Telegramas, pp. 129, 131-2; Faldella, Venti mesi, pp. 249-50.

103 MMIS, Telegramas, pp. 88-9, 96,106.

104 Cabanellas, Guerra, II, pp. 718-19.

105 ABC, Seville, 18, 20 February 1937.

106 Di Febo, La Santa, pp. 66-9; Leyenda del Cesar visionario (Barcelona, 1991), p. 113.

107 Rodriguez Aisa, Goma, p. 154; Di Febo, La Santa, pp. 69-71;
108 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 219.

108 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 220.

109 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 76-7; Coverdale, Italian Intervention, pp. 187-8.

110 ASMAE, Spagna Fondo di Guerra, b.38, no.287/137; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 108-12.

111 MMIS, Telegramas, pp. 47-8, 209-10; Olao Conforti, Guadalajara: la prima sconfitta del fascismo (Milan, U.Mursia C., 1967), pp. 27-30; Faldella, Venti mesi, p. 254; Coverdale, Italian Intervention, pp. 213-15,254.

112 Conforti, Guadalajara, pp. 30-2; Coverdale, Italian Intervention, p. 215.

113 ASMAE, SFG, b.38, no.287/137.

114 Conforti, Guadalajara, p. 33.

115 MMIS, Telegramas, pp. 211-13; Conforti, Guadalajara, pp. 33-4; Coverdale, Italian Intervention, pp. 216-17.

116 ASMAE, SFG, b.38, no.392/193.

117 MMIS, Telegramas, p. 49.

118 Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 76-111; Rojo, Espaha heroica, pp. 57-68; Rojo, Asi fue, pp. 152-69.

119 Conforti, Guadalajara, pp. 34-5; Faldella, Venti mesi, p. 255; MMIS, Telegramas, pp. 49-50,191-95; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 185-6; Martmez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 121-31; Coverdale, Italian Intervention, p. 217-18.

Глава 9

1 Rodriguez Aisa, Goma, pp. 204-13.

2 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 124-5; Vegas Latapie, Caminos, pp. 157-8.

3 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 131.

4 MMIS, Telegramas, pp. 154, 158; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 131-42; Coverdale, Italian Intervention, p. 192.

5 Anastasio Granados, El Cardenal Goma: Primado de Espaha (Madrid, 1969), pp. 145-6; Rodriguez Aisa, Goma, pp. 61-5; Jose M. Sanchez, The Spanish Civil War as Religious Tragedy (Notre Dame, Indiana, 1987), pp. 79-81.

6 The Daily Mail, 1 March 1937.

7 Southworth, Antifalange, p. 202; La Espaha de Franco, pp. 7-8; Garriga, Los validos, pp. 42-3, 72-3; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 232, 239; Sana, Franquismo, pp. 116-17; Galinsoga & Franco Salgado, Centinela, p. 302.

8 Thomas, Civil War, p. 514.

9 Soriano, La mono izquierda, pp. 146-7.

10 Serrano Suner, Memorias, pp. 243-52; Sana, Franquismo, pp. 115-20; Garriga, Franco-Serrano Suner, p. 57.

11 Sana, Franquismo, pp. 119-20.

12 Lago, Las contramemorias, p. 121.

13 Iribarren, Con el general Mola, pp. 210-11; Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 232-3; Cabanellas, Guerra, II, pp. 849-50.

14 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 146-58; Coverdale, Italian Intervention, pp. 190-1.

15 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 101-10; Coverdale, Italian Intervention, pp. 218-19; Martinez Bande, La /wc/ia en farna a Madrid, pp. 117-19.

16 MMIS, Telegramas, pp. 157, 193-4; Martinez Bande, La /ac/ш en torno a Madrid, p. 125, n.137.

17 Martinez Bande, La /wc/za en rarna a Madrid, pp. 131-2; MMIS, Telegramas, pp. 193-4.

18 Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, p. 130; MMIS, Telegramas$_f$ p. 161.

19 Martinez Bande, La /uc/za en tarno a Madrid, pp. 197-209.

20 Coverdale, Italian Intervention, pp. 222-4.

21 Martirtez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 130-3; Zugazagoitia, Guerra, I, pp. 248-9; Colodny, Struggle, p. 132.

22 MMIS, Telegramas, pp. 161-83; Faldella, Venti mesi, pp. 255-66; Conforti, Guadalajara, pp. 51-178; Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 133-46; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 182-91; Longo, Le Brigate Internazionali, pp. 285-314; Coverdale, Italian Intervention, pp. 225-38,256-60; Alcofar Nassaes, C.Г.K, pp. 91-5; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, pp. 861-80; Colodny, Struggle, pp. 128-43; Aznar, Historia militar, pp. 369-83.

23 MMIS, Telegramas, pp. 162, 164,166,169-70,193-5; Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 160-1.

24 ASMAE, SFG, b.38, T.559/267; MMIS, Telegramas, p. 165; Cantalupo, Fu la Spagna, p. 191,196-7.

25 Marinas, Varela, p. 151; Inės Garcia de la Escalera, El general Varela (Madrid, 1959), p. 24.

26 MMIS, Telegramas, p. 194.

27 MMIS, Telegramas, pp. 56-8, 174-5,192,217-19; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 192-3; Coverdale, Italian intervention, pp. 238-40; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 222.

28 Ufficio Spagna, 'Indagine sull'azione di Guadalajara', Archivio Centrale dello Stato, Segretaria Particolare del Duce, Caiteggio riservato, f.463/R, pp. 47-9; MMIS, Telegramas, pp. 58-9; Maier, Guernica, p. 75; Coverdale, Italian intervention, pp. 241-2; Colodny, The Struggle, p. 142.

29 Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 146-60; Faldella, Venti Mesi, pp. 266-75; Conforti, Guadalajara, pp. 178-324; Kindelan, Mis cuadernos, p. 118; Koltsov, Diario, p. 357; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 200-2; Coverdale, Italian Intervention, pp. 240-48; Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 95-100; Aznar, Historia militar, pp. 383-7; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, I, p. 880; Vig6n, Mola, p. 308.

30 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 192-6; DGFP, D, III, pp. 258-60.

31 ASMAE, SFG, b.38, T.657/320; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 207-9; FRUS 1937, I, pp. 268-9; Garriga, Guadalajara, pp. 173-4; Salas

Larrazabal, Ejėrcito popular, I, pp. 882-4; Antonio Ruiz Vilaplana, Doy fe... un afio de actuacion en la Espana nacionalista (Paris, n.d. [1938]) pp. 237-48; Colodny, Struggle, p. 141.

32 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 155.

33 MMIS, Telegramas, pp. 52, 179, 193; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 187-8; Rojo, As! fue,

p. 186.

34 MMIS, Telegramas, p. 189; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 224-5.

35 Conforti, Guadalajara, p. 360; Coverdale, Italian Intervention, pp. 255-6.

36 Coverdale, Italian Intervention, pp. 253-5.

37 ASMAE, SFG, b.38, no.287/137.

38 Ufficio Spagna, 'Indagine sull'azione di Guadalajara', Archivio Centrale dello Stato, Segretaria Particolare del Duce, Carteggio riservato, f.463/R, p. 67; MMIS, Telegramas, pp. 53-5; Rojo, Asi fue, p. 164.

39 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 197; Martinez Bande, La lucha en torno a Madrid, pp. 160-1, 166-7.

40 De Felice, Mussolini il Duce, pp. 405-11.

41 ASMAE, SFG, b.38, T.709/345, pp. 2-5; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 210-14.

42 Documents on the Italian Intervention in Spain (n.p. [London], 1937).

43 Rojo, Asi fue, pp. 187-9; Thomas, Civil War, pp. 604-5.

44 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 196.

45 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 222-8; Coverdale, Italian Intervention, pp. 272-5.

46 Garriga, Guadalajara, pp. 208-9.

47 Kindeldn, Mis cuadernos, pp. 120-3; Vigon, Mola, pp. 303-4.

48 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 225.

49 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 115-16.

50 DGFP, D, III, pp. 267-70; Payne, Franco Regime, pp. 131-6.

51 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 119-20; Jose Manuel Martinez Bande, Vizcaya (Madrid, 1971), pp. 13-17; Maier, Guernica, pp. 44-5; Vig6n, Mola, p. 311; Guerra, p. 99.

52 Williamson Murray, German Military Effectiveness (Baltimore, 1992), pp. 104-5.

53 Maier, Guernica, pp. 45-6; Spamen-Tagebuch, pp. 77-81; Vinas, La responsibilidad, pp. 99-102.

54 Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 112-15; Maier, Guernica, p. 48; Howson, Aircraft, pp. 209; Murray, Military Effectiveness, p. 148.

55 DGFP, D, HI, p. 266; Coverdale, Italian Intervention, pp. 275-80; Alcofar Nassaes, C.T.V., pp. 107-9.

56 DGFP, D, III, pp. 125-6.

57 Vinas, La responsibilidad, p. 106.

58 Richthofen, Spanien-Tagebuch, pp. 79, 82.

59 G. L. Steer, The Tree ofGemika: A Field Study of Modern War (London, 1938), p. 159; FRUS 1937, I, p. 291; Aznar, Historia militar, p. 398.

60 Steer, Gernika, pp. 160-70; Southworth, Guernica!, pp. 368-9; Salas Larrazabal, La guerra desde el aire, pp. 187-8.

61 Martmez Bande, Vizcaya, p. 84.

62 Maier, Guernica, pp. 49-52; Richthofen, Spanien-Tagebuch, pp. 86-7; Vinas, La responsibilidad, pp. 102-3.

63 Martfnez Bande, Vizcaya, p. 84.

64 The Times, 9 April 1937; Thomas, Civil War, p. 616; Aznar, Historia militar, pp. 398-401.

65 Richthofen, Spanien-Tagebuch, p. 87; Vifias, La responsibilidad, pp. 103-4.

66 Martinez Bande, Vizcaya, pp. 82-92; Aznar, Historia militar, pp. 401-6; Lojendio, Operaciones militares, pp. 269-76; Carr, Spanish Tragedy, pp. 184-6.

67 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 229-30.

68 ASMAE, SFG, b.38, T.709/345, pp. 8-9.

69 ASMAE, SFG, b.38, T.709/345, p. 3; Cantalupo, Fu la Spagna, p. 230.

70 Cantalupo, Fu la Spagna, p. 231.

71 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 232-3.

72 Richthofen, Spanien-Tagebuch, pp. 96-7; Vifias, La responsibilidad, pp. 106-8.

73 Richthofen, Spanien-Tagebuch, p. 101.

74 Steer, Gernika, pp. 213-33.

75 Richthofen, Spanien-Tagebuch, pp. 101-3.

76 Richthofen, Spanien-Tagebuch, p. 103-4; Peter Monteath, 'Guernica Reconsidered: Fifty Years of Evidence', War & Society, Vol. 5, No. I, May 1987, pp. 97-8.

77 Howson, Aircraft, pp. 136,175, 182, 209,272; Richthofen, Spanien-Tagebuch, p. 103; Ramon Hidalgo Salazar, La ayuda alemana a Espana 1936-1939 (Madrid; 1975), pp. 142-5; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, p. 1436, n.47.

78 Alberto Onaindfa, Hombre de paz en la guerra (Buenos Aires, 1973), pp. 229-45; Joseba Elosegui, Quiero morir por algo (Bordeaux, 1971), pp. 145-59; Steer, Gernika, pp. 236-45; Southworth, GuernicaI, pp. 353-70; Carmelo Garitaonandfa & Josd Luis de la Granja, editors, La guerra civil en el pais vasco (Bilbao, 1987), pp. 149-50; Thomas, Civil War, pp. 624-9; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, pp. 1384-92, III, 2861-6.

79 Richthofen, Spanien-Tagebuch, pp. 106,109; Maier, Guernica, pp. 59-64; Southworth, Guernica!, pp. 276-7; Monteath, Guernica, pp. 90-1,102-3, n.48; Vinas, La responsibilidad, pp. 114-22.

80 The Times, 28 April 1937.

81 Southworth, Guernica!, pp. 239-325; Monteath, Guernica, pp. 79-85. The Guardian, 27 May

1991. В газетной статье Брайан Крозьер отрицает факт уничтожения Герники немецкими бомбардировщиками.

82 Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, p. 1390; Hills, Franco, p. 277, Southworth, Guernica!, pp. 263-7.

83 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938 (Barcelona, 1939) p. 273.

84 Vicente Talon, Arde Guernica (Madrid, 1970) pp. 115-18; Del Burgo, Conspiracion, p. 862.

85 Foltz, The Masquerade, pp. 54-5; Del Burgo, Conspiracion, p. 862.

86 Maier, Guernica, p. 157.

87 Servicio Histdrico Militar, Archivo de la Guerra de Liberacion/ D.N./ A.7/L.368/43; Talon, Arde Guernica, pp. 112-13.

88 Southworth, Guernica!, pp. 301-2, 373-5; Vifias, La responsibilidad, pp. 122-35,

89 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 19 abril 1938 (n.p., 1938), pp. 116, 120, 133; Palabras del Caudillo 19 abril 1937-31 diciembre 1938, pp. 137; Francisco Franco, Textos de doctrina politica: palabras y escritos de 1945 a 1950 (Madrid, 1951), pp. 675, 687.

90 Salas Larrazabal, La guerra desde el aire, p. 190.

91 Maier, Guernica, pp. 65-6.

92 Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, pp. 1390-2; Martinez Bande, Vizcaya, pp. 107-8; Hidalgo Salazar, La ayuda ale mana, pp. 142 — 5.

93 Carr, Spanish Tragedy, pp. 186-8.

94 Southworth, Guernica!, pp. 188-9,383-4; Steer, Gernika, p. 260.

Глава 10

1 ASMAE, Spagna Fondo di Guerra, 287/ 137,b.38.

2 ASMAE, SFG, 392/193, b.38.

3 Rodriguez Aisa, Goma, p. 153.

4 Sheelagh Ellwood, ‘La crisis de Salamanca: la Unificacidn’, Historia 16, No. 132, April 1987,

p. 12.

5 MMIS, Telegramas, pp. 37, 88.

6 Vegas Latapie, Caminos, p. 295; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 202; Koestler, Spanish Testament, pp. 23-5.

7 Correspondencia Franco/Mola, p. 22.

8 Del Burgo, Conspiracidn, pp. 207-8.

9 ASMAE, SFG, b.38, N.464/ 226; Cabanellas, La guerra, I, pp. 622-3; Gonzalez Egido, Agonizar en Salamanca, pp. 95-6, 105, 228, 245.

10 Koestler, Spanish Testament, p. 33.

11 Vegas Latapie, Caminos, p. 204.

12 По словам Хиля Роблеса в разговоре с автором в Мадриде в 1970 г.

13 Armando Ch£vez Camacho, Misidn de prensa en Espaha (Mexico D.F., 1948) pp. 437-8; Soriano, La mono, p. 152.

14 The Universe, 22 January 1937.

15 Del Burgo, Conspiracidn, pp. 221-2.

16 Blinkhom, Carlism, pp. 280-4; Angel Alcazar de Velasco, Siete dias de Salamanca (Madrid, 1976), pp. 108-19.

17 A. de Lizarza, Los vascos y la Repūblica espahola (Buenos Aires, 1944), pp. 124-8.

18 Serrano Suner, Memorias, pp. 126-54; DGFP, D, III, pp. 285-6.

19 Sana, Franquismo, pp. 57-8.

20 Ramdn Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar (Madrid, 1947), pp. 17-22.

21 Franco, Nosotros, p. 42; Garriga, Nicolas Franco, p. Ill; Garriga, Franco-Serrano Suner, p. 41.

22 Garcia Lahiguera, Serrano Suner, pp. 89-90.

23 Сообщено автору Рамоном Серрано Суньером 21 ноября 1990 г.

24 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 22-3; Sana, Franquismo, pp. 63-6.

25 Sana, Franquismo, p. 86.

26 Maximiano Garcia Venero, Historia de la Unificacion (Falange y Requete en 1937) (Madrid, 1970), pp. 176-8; Ernesto Gimenez Caballero, Memorias de un dictador (Barcelona. 1979), pp. 100-1.

27 Dionisio Ridruejo, Casi unas memorias (Barcelona, 1976), p. 115.

28 Escobar, Asi empezo, p. 151-5; Maria Jesus Cava Mesa, Los diplomaticos de Franco: J.F. de Lequerica, temple y tenacidad (1890-1963) (Bilbao, 1989), p. 128.

29 Cartas cruzadas entre D. Manuel Hedilla Larrey y D. Ramdn Serrano Suner (Madrid, 1947); Luis Ramirez, Nuestros primeros veinticinco anos (Paris, 1964), pp. 136.

30 Foltz, The Masquerade, p. 84; Garcia Venero, Falange/Hedilla,

pp. 70-1; Southworth, Antifalange, pp. 10, 94.

31 Serrano Suner, Memorias, pp. 158-9; Sana, Franquismo, p. 80.

32 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 220.

33 Sana, Franquismo, pp. 67-70.

34 Sana, El franquismo, pp. 22-4; Vegas Latapie, Caminos, p. 80; Kindelan, Mis cuadernos, pp. 50, 60; Kindeldn, La verdad, pp. 16-17; Serrano Suner, Memorias, p. 165.

35 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 338-40; Alcazar de Velasco, Siete dias, pp. 20-1; Southworth, Antifalange, pp. 182-4, 204-8.

36 Southworth, Antifalange, pp. 206-7.

37 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 312-13.

38 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 296-7; Vegas Latapie, Caminos, p. 190.

39 Escobar, Asi empezo, pp. 160-1.

40 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 313-14; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 24-5; Alcdzar de Velasco, Siete dias, p. 127.

41 Vicente de Cadenas y Vicent, Actas del ūltimo Consejo Nacional de Falange Espanola de las JONS (Salamanca, 18-19 ЛУЛ937) y algunas noticias referentes a la Jefatura nacional de prensa y propaganda (Madrid, 1975) p. 94; Southworth, Antifalange, pp. 191-2.

42 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 287-91,338-41,348-54.

43 Payne, Falange, pp. 162-3; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 19-21; Garcia Venero, Falange/ Hedilla, pp, 297, 349-50, 376-6.

44 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 212, 221, 238-51.

45 Southworth, Antifalange, p. 179.

46 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 150-1; ASMAE, SFG, b.38, R.3428.

47 ASMAE, SFG, b.38,T.151; Garcia Venero, Falange/Hedilla, p. 321.

48 ASMAE, SFG, b.38, N.464/ 226; ASMAE, SFG, b.38, T.S59/267; ASMAE, SFG, b.38, T.644/313.

49 ASMAE, SFG, b.38, T.709/345, p. 12.

50 Garcia Venero, Falange/Hedilla, p. 321.

51 Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 164-6,196-8.

52 Garcia Venero, Falange/Hedilla, p. 296, 341-4; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 187-9; Southworth, Antifalange, pp. 184-5.

53 Payne, Falange, p. 151; Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 348-9; Southworth, Antifalange, p. 185.

54 Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 36, 44-50, 276-7.

55 ASMAE, SFG, b.38, N332.

56 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 355-6; Garcfa Venero,

Historia de la Unificacion, pp. 189-92.

57 DGFP, D, III, pp. 268-9.

58 ASMAE, SFG, b.38, R.3428.

59 Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 79, 92-4.

60 Alcdzar de Velasco, Siete d(as, p. 156,193-202.

61 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 356-7; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 87-8; Payne, Falange, p. 163.

62 Vegas Latapie, Caminos, pp. 192-3; Garcia Venero, Falange/ Hedilia, p. 358; Alcdzar de Velasco, Siete dias, p. 128.

63 Ridruejo, Memorias, pp. 92, 94; Alcazar de Velasco, Siete dias, p. 249.

64 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 359-63; Alcazar de Velasco, Siete dias, pp. 130 ff., Southworth, Antifalange, pp. 187-8; Payne, Falange, pp. 164-5.

65 Cartas crazadas, pp. 141-2; Garcia Venero, Falange/Hedilia, p. 371; Alcazar de Velasco, Siete d(as$_t$ pp. 166-8; Luis Pagds Guix, La traicion de los Franco i Arriba Espaha! (Madrid, n.d. [1937]), p. 249.

66 Southworth, Antifalange, p. 192; Alcazar de Velasco, Serrano Suner, p. 68; Garcia Venero, Historia de la Unificacidn, p. 201.

67 Pagės Guix, La traicion, p. 250.

68 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 370; Vegas Latapie, Caminos, p. 196; Ridruejo, Memorias, p. 93.

69 Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 169-73,231; Garcia Venero, Historia de la Unificacidn, p. 202.

70 Southworth, Antifalange, pp. 196-8; Alcazar de Velasco, Siete dias, pp. 174-87.

71 Foltz, The Masquerade, pp. 84-5; Southworth, Antifalange, p. 197; Alcdzar de Velasco, Siete dias, p. 211.

72 Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 228-40, 2246; Cartas cruzadas, pp. 150-3.

73 Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 240-2; Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 381.

74 Ni. Cartas cruzadas, pp. 150-3; Falange, pp. 165-6; Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 372-5, 381. Southworth, Antifalange, pp. 219-26.

75 Vegas Latapie, Caminos, p. 200.

76 Southworth, Antifalange, pp. xxi, 7.

77 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 376-7, 395; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 226-7.

78 Cartas cruzadas, p. 136, 147; Southworth, Antifalange, pp. 180-1.

79 Vegas Latapie, Caminos, p. 200; Garcfa Venero, Falange/ Hedilia, pp. 381-2.

80 Cadenas y Vicent, Actas, pp. 89-107; Alcdzar de Velasco,

Serrano Suner, pp. 62-76; Alcazar de Velasco, Siete dias, pp. 257-73; Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 384-7; Payne, Falange, pp. 167-8.

81 ASMAE, SFG, b.38, T.1090.

82 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 387; Southworth, Antifalange, pp. 209-10.

83 Palabras de Franco I aho triunfal (Bilbao, 1937) pp. 21-9; Palabras del Caudillo (Barcelona, 1939) p. 9.

84 ABC (Sevilla), 20 March 1937; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 297-8; Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 387.

85 Vegas Latapie, Caminos, pp. 201-2; Garcfa Venero, Falange/ Hedilia, pp. 388-9.

86 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 23-31.

87 Gimčnez Caballero, Memorias, pp. 98-100; Alcdzar de Velasco, Siete dias, pp. 284-8; Sana, Franquismo, pp. 77-8; Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 392.

88 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 394.

89 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 395-6.

90 Rodriguez Aisa, Goma, pp. 158-9.

91 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, p. 396.

92 Vegas Latapie, Caminos, p. 208; Garcfa Venero, Falange/ Hedilia, p. 401.

93 Alcdzar de Velasco, Siete dias, p. 22.

94 Jos6 Marfa Fontana, Los catalanes en la guerra de Espaha 2ª edition (Barcelona, 1977), p. 298.

95 DGFP, D, III, pp. 277-8, 281-3; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 41-2; Pierre Brou6 & Emile Temime, The Revolution and the Civil War in Spain (London, 1972), pp. 428-32.

96 Cartas cruzadas, pp. 136, 138, 142; Garcfa Venero, Falange/ Hedilla, pp. 397, 404-5; Southworth, Antifalange, p. 210; Ridruejo, Memorias, p. 93.

97 Garcfa Venero, Falange/Hedilia, pp. 405-8, 411-20; Vegas Latapie, Caminos, pp. 211-14; ASMAE, SFG, b.38, T. 1266/589; Ridruejo, Memorias, pp. 94-6; Cardozo, The March, pp. 308-9; Foss & Gerahty, Arena, pp. 6333-4; Angel Alcdzar de Velasco, La granfuga (Barcelona, 1977), pp. 29-44 Cf. Southworth, Antifalange, pp. 217-18, 226-38.

98 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 419-20.

99 Ridruejo, Memorias, pp. 96-7; Serrano Sufier, Memorias, pp. 173-4.

100 Ridruejo, Memorias, p. 99.

101 DGFP, D, III, p. 277.

102 DGFP, D, III, pp. 312-13.

103 Documentos inèditos, I, p. 124; Vegas Latapie, Caminos, pp. 214-16.

104 Safia, Franquismo, pp. 318-20; Garcia Venero, Historia de la Unificacion, pp. 222-3.

105 ASMAE, SFG, b.38, T. 1266/589.

106 Alcazar de Velasco, Siete dias, pp. 12-14,21-5; Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 438-67.

107 Cartas cruzadas, pp. 147-9; Garcia Venero, Falange/Hedilla, p. 445; Suarez Fernandez, Franco, II, pp. 206-8.

108 Garcia Venero, Falange/Hedilla. pp. 402-3.

109 Southworth, Antifalange, p. 176.

110 DGFP, D, III, pp. 281-2; Payne, Falange, p. 169.

111 ASMAE, SFG, b.38, T.1266/589.

112 Serrano Sufier, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 44-5.

113 Burgo, Conspiracion, p. 809.

114 Burgo, Conspiracion, pp. 233-4.

115 Alcazar de Velasco, Serrano Sufier, p. 98; Escobar, Asi empezo, p. 62.

116 Blinkhom, Carlism, pp. 290-1; Burgo, Conspiracion, pp. 797-815.

117 DGFP, D, III, pp. 294-5; Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 160-8; Sanchez, Religious Tragedy, pp. 126-7.

118 Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 233-269, 411-18, 442-54; Sanchez, Religious Tragedy, pp. 92-5.

119 Montero Moreno, La persecucion religiosa, pp. 726-41; Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 254-69.

120 Rodnguez Aisa, Gomd, pp. 245-51.

121 Rodnguez Aisa, Gomd, pp. 271-89.

122 Vegas Latapie, Caminos, pp. 307-8; Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 298-300.

Глава 11

1 Vegas Latapie, Caminos, p. 259, 279-80.

2 Francesco Cambo, Meditacions: dietari (1941-1946) (Barcelona, 1982), p. 1449.

3 Escobar, Asi empezo, pp. 233-4.

4 Alberto Onaindfa, El «Pacto» de Santoha, antecedentes y desenlace (Bilbao, 1983), pp. 33-50; Jose Antonio de Aguirre y Lecube, De Guernica a Nueva York pasando por Berlin 3ª edicion (Buenos Aires, 1944), pp. 30-9; Cantalupo, Fu la Spagna, pp. 225-8; Coverdale, Italian Intervention, pp. 284-7; Jose Maria Garmendia, ‘el Pacto de Santofia’, in Carmelo Garitaonandia & Jose Luis de la Granja, editors, La guerra civil en el Pais vasco 50 anos después (Bilbao, 1987), pp. 157-61; Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 219-20; DAPE, IV (Lisbon, 1965) pp. 274-5.

5 Azafia, Obras, IV, pp. 588, 655-6; Pablo de Azcarate, Mi embajada en Londres durante la guerra civil espanola (Barcelona,

1976), pp. 64-7; Andres Saborit, Julian Besteiro (Buenos Aires, 1967), pp. 272-3; Ignacio Arenillas de Chaves, El proceso de Besteiro (Madrid, 1976), p. 239.

6 DGFP, D, III, pp. 289-92.

7 DGFP, D, III, pp. 293-5.

8 Rodnguez Aisa, Gomd, pp. 165-71.

9 Сообщено автору Рамоном Серрано Суньером 21 ноября 1990 г.

10 Cabanellas, Guerra, II, pp. 994-5; Arraras, Cruzada, Ш, p. 449.

11 Сообщено автору Рамоном Серрано Суньером 21 ноября 1990 г. Safia, Franquismo, pp. 94-5.

12 ABC, Seville, 4 June 1937.

13 Howson, Aircraft, p. 38; Silva, Como asesinar, pp. 78-90; Bravo Morata, Los muertos providenciales, pp. 149-81.

14 Serrano Sufier, Siete discursos (Bilbao, 1938), p. 48.

15 DGFP, D, III, p. 410.

16 Vegas Latapie, Caminos, pp. 291-2; Escobar, As! empezo, pp. 160-4.

17 Rodriguez Aisa, Gomd, p. 171.

18 Ruiz Vilaplana, Doy /<?..., pp. 121-2.

19 Hitler's Table Talk, p. 608.

20 Garriga, Franco-Serrano Sufier, pp. 50-1.

21 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 226-7.

22 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 227-8, 238.

23 Martinez Bande, Vizcaya, pp. 149-60; Lojendio, Operaciones militares, pp. 286-90; Aznar, Historia militar, pp. 418-24.

24 Elosegui, Quiero morir, pp. 208-13; Martinez Bande, Vizcaya, pp. 175-97; Manuel Gonzalez

Portilla & Jose Maria Garmendia, La guerra civil en el Pais Vasco (Madrid, 1988) pp. 32-9;

Southworth, Guernica!, pp. 384-6; Monteath, Guernica, p. 98; Hills, Franco, p. 278.

25 Onaindia, El «Pacto», pp. 50-6; Fraser, Blood of Spain, pp. 408-9; Coverdale, Italian Intervention, pp. 286-8.

26 Juan de Iturralde, La guerra de Franco: los Vascos y la Iglesia 2 vols (San Sebastian, 1978), II, pp. 285-99; Cabanellas, Guerra, П, p. 861; Manuel Tunon de Lara, La Espana del siglo XX (Paris, 1973), p. 458.

27 DGFP, D, Ш, pp. 412-13.

28 DGFP, D, III, pp. 408-10.

29 Maier, Guernica, p. 73.

30 W. von Oven, Hitler und der Spanische Burgerkrieg. Mission und Schicksal der Legion Condor (Tubingen, 1978), p. 403.

31 DGFP, D, III, p. 411.

32 Kindelan, Cuadernos, p. 129.

33 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 228-9.

34 De la Cierva, Franco, III, p. 213.

35 Salas Larrazabal, La guerra desde el aire, pp. 235-44; Howson, Aircraft, p. 233.

36 Kindelan, Cuadernos, pp. 131-7.

37 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 229; Lojendio, Operaciones militares, p. 332; Aznar, Historia militar, pp. 460-1; Garriga, Yagiie, pp. 134-5.

38 Faldella, Venti mesi, p. 357; Rojo, Espana heroica, pp. 91-101; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, pp. 1215-64; Aznar, Historia militar, pp. 430*63; Lojendio, Operaciones militares, pp. 331-44; Thomas, Civil War, pp. 710-16.

39 Salas Larrazabal, Ejėrcito, II, p. 1248.

40 Servicio Histčrico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), El final del frente norte (Madrid, 1972), pp. 13-36.

41 Garriga, Yugue, p. 135.

42 Kindelan, Cuadernos, pp. 136-7; Aznar, Historia militar, p. 460; Luca de Tena, Mis amigos muertos, pp. 205-6.

43 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 232; Palabras de Franco, I ano triunfal, pp. 37-45.

44 Palabras de Franco, I ano triunfal, pp. 49-61.

45 Martinez Bande, El final del frente norte, pp. 41-89; Lojendio, Operaciones militares, pp. 290-303; Aznar, Historia militar, pp. 465-83; Thomas, Civil War, pp. 717-19; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 238.

46 Ciano's Diary, edited by Malcolm Muggeridge, (London, 1947), p. 15; Onaindia, El «Pacto», pp. 57-81; Coverdale, Italian Intervention, pp. 289-90.

47 Onaindia, El «Pacto», pp. 108-9.

48 Onaindia, El «Pacto», pp. 110-50; Garmendia, El Pacto, pp. 162-76.

49 Onaindia, El «Pacto», pp. 153-64; Garmendia, El Pacto, pp. 177-8; Steer, Gernika, pp. 386-94; Martinez Bande, El final del frente norte, pp. 89-98; Coverdale, Italian Intervention, pp. 291-4; P. M. Heaton, Welsh Blockade Runners in the Spanish Civil War (Newport, 1985), pp. 68, 101-2; Iturralde, La guerra de Franco, II, pp. 301-10; FRUS 1937, I, p. 433,465-6.

50 Onaindia, El «Pacto», p. 171.

510 трениях между басками и центральным правительством наиболее полно рассказано в: El Informe del Presidente Aguirre al Gobierno de la Repūblica sobre los hechos que determinaron el derrumbamiento delfrente del norte (1937) (Bilbao, 1978) passim; Gonzalez Portilla & Garmendia, La guerra civil en el Pals Vasco, pp.

40-4.

52 Fraser, Blood, p. 412.

53 Ciano*s Diary 1937-1938 (London, 1952), pp. 17-18; Coverdale, Italian Intervention, pp. 317-18.

54 Smyth, The Moor and the Moneylender, pp. 147-8; Vinas et al., Politica comercial exterior. I, pp. 149-50; DGFP, C, III, pp. 499-503.

55 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 48-9.

56 DGFP, D, П1, pp. 413-14, 417, 421-2.

57 DGFP, D, III, pp. 434-5.

58 DGFP, D, III, pp. 496-542; Coverdale, Italian Intervention, pp. 324-6; Smyth, The Moor and the Moneylender, pp. 149-55.

59 Rojo, Espana heroica, pp. 103-15; Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La gran ofensiva sobre Zaragoza (Madrid, 1973), pp. 78-167; Lojendio, Operaciones militares, pp. 346-9; Salas Larrazabal, Ejėrcito, II, pp. 1287-1330; Aznar, Historia militar, pp. 499-516; Thomas, Civil War, pp. 722-8; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 241-2.

60 Angel Vinas, 'La Legion Condor en Asturias' in Guerra, dinero, dictadura, p. 147; Martinez Bande, El final delfrente norte, pp. 109-75; Salas Larrazdbal, Ejėrcito, II, pp. 1470-99; Lojendio, Operaciones militares, pp. 303-26; Aznar, Historia militar, pp. 517-29; Thomas, Civil War, pp. 728-31.

61 Thomas, Civil War, p. 733; Aznar, Historia militar, pp. 528-9.

62 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 29.

63 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 52-4.

64 Garriga, Espana de Franco, pp. 47-9; Serrano Suner, Memorias, p. 172.

65 Payne, Falange, p. 184.

66 Escobar, Asi empezo, pp. 230-42.

67 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 19 abril 1938, pp. 186-7.

68 Ridruejo, Memorias, p. 121; Serrano Suner, Memorias, p. 172; Vegas Latapie, Caminos, pp. 427-30; Sana, Franquismo, p. 148.

69 Vegas Latapie, Caminos, pp. 515-16.

70 Zugazagoitia, Guerra, П, p. 44.

71 Ciano, Diary 1937-1938, p. 22; DGFP, D, III, p. 521.

72 Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La batalla de Teruel 2ª edicion (Madrid, 1990), pp. 16-26; Cabanellas, Guerra, II, p. 1008.

73 Aznar, Historia militar, p. 536.

74 Kindelan, Mis cuadernos, pp. 140-51; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 248; Lojendio, Operaciones militares, pp. 361-3; Aznar, Historia militar, pp. 535-41.

75 Rojo, Espana heroica, pp. 117-19; Aznar, Historia militar, pp. 543-4.

76 Rojo, Espana heroica, pp. 119-125; Martmez Bande, Teruel, pp. 52-64; Aznar, Historia militar, pp. 545-54; Salas Larrazabal, Ejėrcito, II, pp. 1637-49; Lojendio, Operaciones militares, pp. 365-7.

77 Martin, Franco, p. 293; Aznar, Historia militar, pp. 551, 622; Garriga, Yagiie, pp. 139-40.

78 Rojo, Espana heroica, p. 125, 128-9.

79 Ciano, Diary 37-38, p. 46.

80 Martinez Bande, Teruel, p. 89; Kemp, Mine Were of Trouble, p. 125.

81 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 250; Lojendio, Operaciones militares, p. 369.

82 Rojo, Espana heroica, pp. 127-8; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 248-50; Martinez Bande, Teruel, pp. 70-120; Salas Larrazabal, Ejėrcito, II, pp. 1649-50; Lojendio, Operaciones militares, pp. 369-80; Aznar, Historia militar, pp. 554-65.

83 Ciano, Diary 37-38, p. 50.

84 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 248-53; Martinez Bande, Teruel, pp. 123-61; Eloy Fernandez Clemente, El coronet Rey d'Harcourt y la rendicion de Teruel: historia y fin de una leyenda negra (Tenial, 1992) passim.

85 Ciano, Diary 1937-1938$_{f}$ pp. 64-5.

86 DGFP, D, III, p. 576.

87 Martmez Bande, Teruel, pp. 165-209; Lojendio, Operaciones militares, pp. 380 — 95; Aznar, Historia militar, pp. 569-85; Salas Larrazabal, Ejėrcito, II, pp. 1672-1704.

88 DGFP, D, III, pp. 556-7; Howson, Aircraft, pp. 20-8.

89 The Times, 4 March 1938; DGFP, D, III, pp. 613-14.

90 DGFP, D, III, pp. 581-2, 588-9.

91 DGFP, D, III, pp. 589, 607-8,615; Coverdale, Italian Intervention, pp. 335-9.

92 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 60-4; Equipo Mundo, Los 90 Ministros, pp. 19-67.

93 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 60-4; Ridruejo, Memorias, p. 122.

94 Ciano, Diary 37-38, p. 37; Serrano Suner, Memorias, pp. 255-60; Sana, Franquismo, p. 88; Escobar, Asi empezo, pp. 276-9; Franco, Nosotros, pp. 51-3; Garriga, Nicolas Franco, pp. 160-1, 168-70.

95 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 57-70; Espana de Franco, pp. 40-3.

96 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 19 abril 1938, p. 201.

97 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938, pp.

300-10.

98 F0425/415, W2122/29/41.

99 F0425/415, W2127/29/41.

100 Coverdale, Italian Intervention, pp. 342-5; Garcia Lahiguera, Serrano Suiter, p. 129; Sana, Franquismo, pp. 99 — 100.

101 Ridruejo, Memorias, pp. 122, 195-6; Serrano Suner, Memorias, p. 262; Lago, Las contra-memorias, p. 119.

102 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 258-9.

Глава 12

1 Calleja, Yagiie, pp. 146-7; Garriga, Yagiie, 142-3; Aznar, Historia militar, p. 611.

2 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 257-8; Alpert, Guerra en el mar, pp. 334-7.

3 Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martmez Bande), La llegada al mar (Madrid,

1975) pp. 13-14.

A DGFP, D, III, pp. 622-8; Ciano, Diary 1937-1938, 20 March 1938, p. 91.

5 Thomas, Civil War, p. 798.

6 Lojendio, Operaciones militares, pp. 445-7.

7 Enrique Castro Delgado, Hombres made in Moscu (Barcelona, 1965), p. 560; Aznar, Historia militar, pp. 612-13.

8 Calleja, Yagiie, p. 148; Martmez Bande, La llegada, pp. 42-5; Lojendio, Operaciones militares, pp. 448-51; Aznar, Historia militar, pp. 623-9.

9 Martmez Bande, La llegada, p. 72; Servicio Histdrico Militar (Coronel Jose Manuel Martmez Bande), La ofensiva sobre Valencia (Madrid, 1977), pp. 13-14.

10 Cordon, Trayectoria, pp. 376-80; Martmez Bande, La llegada, pp. 44-64; Garriga, Yagiie, p. 143.

11 Martmez Bande, La llegada, pp. 75-126; Lojendio, Operaciones militares, pp. 460-79; Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, pp. 1742-57; Aznar, Historia militar, pp. 641-63.

12 Kindelan, Mis cuadernos, Dp. 157-63.

13 DGFP, D, III, p. 628.

14 Salas Larrazabal, Ejėrcito popular, II, p. 1818.

15 Martinez Bande, La ofensiva, pp. 16-18.

16 Jaime Martinez Parrilla, La fuerzas armadas francesas ante la guerra civil espanola (1936-1939) (Madrid, 1987), pp. 184-92; David Wingeate Pike, Les f rangais et la guerre dEspagne 1936-1939 (Paris, 1975), pp. 296-7; DGFP, D, III, pp. 620-2.

17 The Times, A March 1938.

18 Azana, Obras, III, p. 537.

19 Garriga, Yagiie, pp. 145-6; Rojo, \ Alerta los pueblos!, pp. 40, 46-50,54-5.

20 Garcia Venero, Falange/Hedilla, pp. 436-7; Garriga, Yagiie, pp. 147-8; Rafael Abella, La vida cotidiana durante la guerra civil I) La Espana Nacional (Barcelona, 1978); Documentos inèditos, I, pp. 278-9.

21 Martinez Bande, La llegada, pp. 141-73; Lojendio, Operaciones militares, pp. 479-89; Aznar, Historia mititar, pp. 671-5.

22 ABC (Seville), 16 April 1938.

23 DGFP, D, III, pp. 630-1,640-2.

24 Martinez Bande, La ofensiva, pp. 45-68; Lojendio, Operaciones militares, pp. 493-506.

25 DGFP, D, III, p. 647, 651-4, 671,675-81.

26 Ciano, Diary 1937-1938, p. 78.

27 Coverdale, Italian Intervention, p. 355.

28 Martinez Bande, La ofensiva, pp. 69-95.

29 Martinez Bande, La ofensiva, pp. 95-6.

30 Lojendio, Operaciones militares, pp. 506-18; Aznar, Historia militar, pp. 677-99; Martinez Bande, La ofensiva, pp. 99-135.

31 FRUS 1938, I, pp. 200-5; Ciano, Diary 1937-1938 pp. 126, 132; Thomas, Civil War, pp. £26-9.

32 Thomas, Civil War, p. 828.

33 DGFP, D, III, pp. 674, 682-5; FRUS 1938, I, pp. 208-9.

34 DGFP, D, III, pp. 681-5; Ciano, Diary 1937-1938, p. 132; Ciano*s Diplomatic Papers, pp. 219-20.

35 DGFP, D, III, p. 684.

36 FRUS 1938, I, pp. 211, 215-16.

37 DGFP, D, III, pp. 700-3.

38 DGFP, D, III, pp. 703-4.

39 DGFP, D, III, pp. 696-8, 703-8.

40 DGFP, D. Ill, pp. 700-1, 713, 725-6.

41 PRO F0800/323; Griffiths, Fellow Travellers, p. 260; Haxey, Tory M.P., p. 216.

42 ABC (Seville), 2 October 1938.

43 Cabanellas, Guerra, II, p. 939.

44 Palabras del Caudillo, 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938, pp. 131-41.

45 Fernando Gonzalez, Liturgias para un Caudillo: manual de dictadores (Madrid, 1977), pp. 84-7.

46 Servicio Histčrico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La batalla del Ebro 2ª edicion (Madrid, 1988), pp. 73-5; Calleja, Yagiie, pp. 163-6; Garriga, Yagiie, p. 150; Cabanellas, Guerra, П, p. 1028.

47 Martinez Bande, Ebro, pp. 87-113; Juan Modesto, Soy del quinto regimiento (notas de la guerra espanola) (Paris, 1969), pp. 175-92; Lojendio, Operaciones militares, pp. 518-26; Aznar, Historia militar, pp. 707-17,723-35.

48 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 262-4.

49 Galinsoga & Franco-Salgado, Centinela, pp. 305-6; Martinez Bande, Ebro, p. 127.

50 Lojendio, Opernciones militares, pp. 420-1; Galinsoga & Franco-Salgado, Centinela, p. 307.

51 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 264; Aznar, Historia militar, pp. 739-70.

52 Kindelan, Mis cuadernos, p. 173.

53 Manuel Tagiiena Lacorte, Testimonio de dos guerras (Mexico D.F., 1973), p. 230; Martinez Bande, Ebro, p. 168.

54 Kindelan, Mis cuadernos, p. 184.

55 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 264; Kindelan, Mis cuadernos, pp. 171, 186, 205.

56 DGFP, D, III, pp. 742-3.

57 DGFP, D, III, pp.736-7.

58 Ciano, Diary 1937-1938, p. 148.

59 DGFP, D, III, pp. 739-41; Suarez Fernandez, Franco, II, p. 319; Ciano, Diary 1937-1938, p. 159.

60 DGFP, D, III, pp. 741-2, 746-8; DAPE, I (Lisbon, 1961), pp. 449-51; Garriga, Espana de Franco, pp. 115-16.

61 DGFP, D, III, pp. 747-8.

62 F0371/22698, W13084/ 12909/41.

63 F0371/ 22698, W13118/12909/41.

64 DGFP, D, III, pp. 749-50, 752; DAPE, I, pp. 456-7, 460-1.

65 Ciano, Diary 1937-1938, p. 163.

66 DAPE, II (Lisbon, 1973), p. 166; Documentos inėditos, I, p. 225.

67 Williamson Murray, The Change in the European Balance of Power, 1938-1939 (Princeton,

1984), pp. 195-274; Donald Cameron Watt, How War Came: The Immediate Origins of the Second World War 1938-1939 (London, 1989) pp. 27-9.

68 F0371/22698, W13345/ 12909/41.

69 Murray, European Balance, p. 215.

70 DGFP, D, III, pp. 753-7; Suarez Fernandez, Franco, П, p. 318.

71 FRUS 1939II (Washington, 1956) pp. 715-16.

72 DAPE, I, pp. 443-4; DGFP, D, III, pp. 753-7.

73 DGFP, D, III, pp. 760-1, 767-8, 775-9, 782-8, 802.

74 DGFP, D, III, pp. 795-6, 808.

75 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 265-5; Martinez Bande,

Ebro, pp. 252-68.

76 Thomas, Civil War, p. 854.

77 DGFP, D, III, p. 745.

78 PRO F0800/323.

79 Diaz, Mi vida, pp. 17-19,216-26; Franco, Nosotros, pp. 200-13; Gimčnez Caballero, Memorias,

p. 80.

80 DGFP, D, П1, pp. 800-1.

81 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938, pp. 284-5; Paul Preston, The Politics of Revenge: Fascism and the Military in the 20th Century Spain (London, 1990), pp. 30-47.

82 Servicio Historico Militar (Coronel Josė Manuel Martinez Bande), La campafia de Cataluna (Madrid, 1979) p. 15.

83 Martinez Bande, Cataluna, pp. 41-60; Thomas, Spanish Civil War, pp. 867-8; Coverdale, Italian Intervention, p. 375.

84 Garriga, La Sehora, pp. 123-6.

85 DGFP, D, 1П, p. 828.

86 Jaraiz Franco, Historia, pp. 97-8,143.

87 FRUS 1939, II, pp. 722-3; Martinez Bande, Cataluna, pp. 60-92.

88 Ciano, Diary 1937-1938, p. 209.

89 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938, pp. 295-315.

90 Martinez Bande, Cataluna, pp. 100-22.

91 Martinez Bande, Cataluna, pp. 265-6.

92 Ciano[3]s Diary 1939-1943 (London, 1947), p. 5; Coverdale, Italian Intervention, pp. 376-80; Martinez Bande, Cataluna, pp. 148-74.

93 DGFP, D, III, p. 844.

94 Estado Espanol, Ministerio de la Gobernacidn, Dictamen de la comision sobre ilegitimidad de

poderes actuantes en 18 de julio de 1936 (Barcelona, 1939); Ministerio de Justicia, Causa general. La

dominacion roja en Espana. Avance de la informacion instruida par el ministerio publico (Madrid, 1944); Payne, Franco Regime, pp. 220-8.

95 Cabanellas, Guerra, II, pp. 1075-6.

96 FRUS 1939, II, pp. 751, 763; Documentos inėditos, I, pp. 292-3, 323-4; Jose Manuel Martinez Bande, El final de la guerra civil (Madrid, 1985) pp. 296-314.

97 Sana, Franquismo, pp. 90-1.

98 Ciano, Diary 1939-1943, p. 57.

99 Gil, Cuarenta ahos, pp. 37-8; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 276; DGFP, C, III, pp. 888-9.

1 Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 503-9.

2 Rodriguez Aisa, Gomd, pp. 315-18; Cardenal Goma, Por Dios y por Espana 1936-1939 (Barcelona, 1940), pp. 537-40.

3 Iturralde, La guerra de Franco, II, pp. 550-2; Rodriguez Aisa, Goma, p. 318.

4 Garriga, La Senora, p. 182; Origenes de la revolucion espanola (Barcelona, 1932); La Francmasoneria, crimen de lesa patria (Burgos, n.d. [1937]); Masone па y separatismo (Burgos, 1937).

5 Jose A. Ferrer Benimelli, 'Franco contra la masonena', Historia 16, ano II, no. 15, julio de 1977, pp. 37-51; Suarez Fernandez, Franco, III, pp. 92-100.

6 E. Allison Peers, Spain in Eclipse 1937-1943 (London, 1943), pp. 98-100.

7 DGFP, D, III, pp. 838, 841-2, 845-6,852.

8 DGFP, D, III, pp. 856-8.

9 The Times, 13, 16 February 1939; DGFP, D, III, pp. 854-5.

10 Hola, No. 2478, 6 February 1992.

11 Whitaker, Prelude, p. 116.

12 DGFP, D, III, pp. 865-6; Ciano, Dian. 1939-1943, p. 43.

13 DGFP, D, III, pp. 874-6.

14 Ciano, Diary 1939-1943, pp. 32-3; DGFP, Series D, Vol. Ill, pp. 880-1; Arnold Toynbee & Frank T. Ashton-Gwatkin, Survey of International Affairs 1939-1946: The World in March 1939 (London, 1952), pp. 145-6.

15 DGFP, D, VI, p. 301.

16 The Times, 4, 31 March 1939; FO371/24150, W6173/824/41. Cf.Peterson, Both Sides, pp. 182-3.

17 DAPE, V (Lisbon, 1967) pp. 725-8.

18 DGFP, D, III, pp. 632-4,761-4,803-4, 811-14,827-8,884-6.

19 Carlos Ruiz Ocana, Los ejercitos espaiioles: las fuerzas annadas en in defensa nacional (Madrid, 1980), p. 113; DGFP, D, X, pp. 461-4; Payne, Politics and the Military, p. 421.

20 Matthieu Seguela, Pėtain — Franco: les secrets d*une alliance (Paris, 1992), pp. 25-9; Philippe Simonnot, Le secret de 1 *armiistice (Paris, 1990), p. 97.

21 Documlents Diplomatiques Franqais 1932-1939, 2C Serie (1936-1939), XV, (Paris, 1981), pp.

54-5.

22 The Times, 25 March 1939; Serie, XV, n.l, p. 234; Franęois Pičtri, Mes annėes d'Espagne 1940-1948 (Paris, 1954), p. 49; Seguela. Pėtain — Franco, pp. 31-7.

23 The Times, 12, 14 April 1939; DDF, 2e, XV, pp. 656, 721-2,770-2.

24 F0371/24150, W6173/824/41; The Times, 12 April 1939.

25 DGFP, D, III, pp. 902-15; The Times, 20 April, 12 May 1939.

26 Francesc Cambo, Meditacions: dietari (1936-1940) (Barcelona, 1982), p. 563.

27 The Times, 17, 18, 25 April, 4, 19 May 1939.

28 The Times, 19, 20 May; ABC, 20 May; The Daily Telegraph, 20 May 1939; Daniel Sueiro & Bernardo Diaz Nosty, Historia del franquismo, 2 vols, 2nd edition (Barcelona, 1985), I, pp. 22-4; Peman, Mis encuentros, p. 90.

29 Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 7 diciembre 1942 (Madrid, 1943), pp. 117-22.

30 ABC, 21 May; The Times, 21, 22 May 1939.

31 Goma, Por Dios, pp. 537-44.

32 The Times, 24 May 1939.

33 Documenti Diplomatici Italiani, 8ª serie, Vol.XII, (Rome, 1952), pp. 17-18,48.

34 DGFP, D, III, pp. 916-17; The Times, 14 June 1939; Ciano, Diary 1939-1943, pp. 99-100; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 91-118.

35 DGFP, Series D, Vol.VI, pp. 695-7; Ciano, Diary 1939-1943, pp. 97, 102.

36 DD1, 8ª, XII, pp. 220-1, 268-9; Xavier Tusell & Genoveva Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini: la politica espanola durante la segunda glierra mundial (Barcelona, 1985), pp. 21-2, 39-40,44.

37 Documents Diplomatiques Francais, 2C Serie (1936-1939) Vol. XVI, (Paris, 1983), pp. 747-50; DGFP, D, III, pp. 847-8.

38 Ciano, Diary 1939-1943, p. 100; Peterson, Both Sides, pp. 223-4; Sir Samuel Hoare, Ambassador on Special Mission (London, 1946), pp. 56-8; Pietri, Mes annėes, p. 35.

39 Arriba, 20 January 1940.

40 DGFP, D, VI, pp. 697-8, 719-21,830,882.

41 Ciano, Diaries 1939-1942, p. 102; Ciano[1]s Diplomatic Papers, edited by Malcolm Muggeridge (London, 1948), p. 295.

42 DAPE II (Lisbon, 1978), p. 332.

43 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 99, 122; Sana, Franquismo, p. 189.

44 The Times, 6 June 1939, Palabras del Caudillo 1937-1942, pp. 135-45.

45 DD1, 8ª, XII, pp. 101-3.

46 The Times, 13 July 1939; Charles R. Halstead, Spain, the Powers and the Second World War Ph.D. thesis, University of Virginia, 1962, pp. 75-80.

47 DDF, 2e Serie, XV, pp. 51-3; Juan Aviles Farre, 'L'Ambassade de Lequerica et les relations hispano-francaises 1939-1944', Guerres

Mondiales et Conflits Contemporains No., 158, April 1990, pp. 65-78; 'Lequerica, embajador franquista en Paris', Historia 16, No. 160, August 1989, pp. 12-20; Marc Ferro, Pėtain (Paris, 1987) pp. 51-2; Garriga, Espana de Franco, pp. 147-9.

48 Peterson, Both Sides, pp. 175, 203.

49 DDF 2e S., T.XVI, pp. 749-50; Hoare, Ambassador, p. 56.

50 DGFP, D, VI, pp. 830-2, VIII, p. 24.

51 DDl, 8a, XII, pp. 345, 362-4.

52 DDF, Tome XVII (Paris, 1984), p. 435.

53 DDl, 8a, XII, pp. 277-8, 631-2.

54 The Times, 1, 4, 11 July 1939.

55 DDF, 2C S., T.XVII, p. 380.

56 Ciano, Papers, pp. 290-5; DDl, 8a, XII, p. 368; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 38-9.

57 Correspondencia de Pedro Teotonio Pereira para Oliveira Salazar, I (1931-1939) (Lisbon, 1987), pp. 179-80.

58 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 327; Serrano Suner, Memorias, pp. 215-16; Cabanellas, Cuatro generales, II, pp. 439, 443; Sainz Rodriguez, Testimonio, pp. 272-4.

59 Documentos inėditos, I, pp. 412-13; Suarez Fernandez, Franco, II, pp. 422-3.

60 The Times, 22, 25, 26 July 1939; Cabanellas, Cuatro generales. pp. 438-9; Ciano, Diary 1939-1945, pp. 117,119, 294-5; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 41-2; Garriga, Espana de Franco, pp. 64-5.

61 DDl, 8a, XII, pp. 485-7.

62 The Times, 7, 8, 9 August 1939.

63 Boletin Oficial del Estado, 9 August; Arriba, 9 August; Ya, 9 August 1939.

64 DDl 8a, XIII, pp. 50, 74.

65 DDF, 2* S., XVII, pp. 696, 715.

66 DGFP, D, VII, pp. 388-9, 290; DDl, 8°, XIII, pp. 276-7.

67 La Vanguardia, 11 August 1939.

68 Jose M. Doussinague, Espana tenia razon (1939-1945), (Madrid, 1949), pp. 19-21; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 40:

69 DDl, 8a, XII, p. 607.

70 DDl, 9a, I, pp. 64,72.

71 Documents Diplomatiques Franęais2c Serie (1936-1939), XVIII, (Paris, 1985), p. 145; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 66

72 Sana, Franquismo, p. 222.

73 The Times, 26 July, 11 August 1939; Ciano, Diary 1939-1943, p. 102; Sana, Franquismo, pp. 221-2.

74 Halstead, Spain, pp. 128-9, 132-3; The Historian, Vol. 37,1974, pp. 46-66; Revue d*Histoire de la deuxieme guerre mondiale. Vol. 21, No. 83, 1971, pp. 31-60.

75 Spain, pp. 133-4.

76 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 123-32.

77 Sana, Franquismo, p. 97; Garriga, Espana de Franco, p. 172-3; Serrano Suner, Memorias, p. 233.

78 Jose Luis de Arrese, Una etapa constituyente (Barcelona, 1982), p. 131.

79 Kindel£n, La verdad, pp. 90-9.

80 Kindelan, La verdad', pp. 30-2.

81 Kindelan, La verdad, pp. 116-18.

82 The Holder War Diary 1939-1942 edited by Charles Burdick and Hans-Adolf Jacobsen (London, 1988) p. 29.

83 DAPE, II, pp. 513, 510; DDF 2e S., XIX (Paris, 1986) pp. 60-2; Allison Peers, Spain in Eclipse, pp. 143-4.

84 Sana, Franquismo, pp. 142-3.

85 Correspondencia, I, pp. 190-5.

86 DAPE, II, pp. 518-23; DDF, 2e S., T.XIX, p. 297.

87 DD1, 9U serie, vol. I (Rome, 1954) pp. 56-9.

88 Tusell y Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 46-8. Doussinague, Espana tenia razon, pp. 14-15, 30-5. Cf.Katherine Duff, ‘Spain between the Allies and the Axis’ in Arnold & Veronica Toynbee, editors, Survey of International Affairs 1939-1946: The War and the Neutrals (London, 1956), pp. 264-5.

89 David Eccles, ed., By Safe Hand: Letters of Sybil and David Eccles 1939-1942 (London, 1983) pp. 75-6; Hoare, Ambassador, pp. 50-1.

90 DGFP,D, VII, pp. 501-2; Peterson, Both Sides, pp. 191-2.

91 The Times, 6 January 1943; Hoare, Ambassador, pp. 54-5; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 132; Javier Terron Montero, La prensa de Espana durante el regimen de Franco (Madrid, 1981), pp. 41-54.

92 Paul Reynaud, Au coeur de la Melee 1930-1945 (Paris, 1951), p. 919; Peterson, Both Sides, pp. 191-5.

93 Goma, PorDios, pp. 224-302; Iturralde, La guerra, II, pp. 534-5; Rodriguez Aisa, Goma, pp. 322-9.

Глава 14

1 Boletin Official del Estado, 4 September 1939. Cf.Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 89.

2 DD1, 9', I, pp. 37,174.

3 DDI,8a, XIII, pp. 85, 388; DDI, 9\ I, p. 19.

4 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 133-5,142-3.

5 DDF, 2e S., T.XIX, p. 422.

6 Arriba, 5, 7 October; 19 November 1939.

7 DDI, 9", I, p. 155.

8 DGFP, D, VIII, pp. 181-2; Documentos inèditos, I, pp. 603-10; Manuel Espadas Burgos, Franquismo y politico exterior (Madrid, 1988), p. 97.

9 Arriba, 28, 29 September; La Vanguardia, 5 October 1939.

10 Correspondencia, I, pp. 201-5.

11 MAE, R 1371/3B.

12 Arriba, 22 October, 1 November; ABC, 2, 5 November 1939.

13 Historia 16, No. 115, noviembre de 1985, pp. 44-9.

14 Vinas et al., Politico comercial exterior, I, pp. 268 — 81; Manuel Jesus Gonzalez, La politico economica del franquiismo (1940-1970) (Madrid, 1979), pp. 46-7; Payne, Franco Regime, pp. 249-53; Sima Lieberman, The Contemporary Spanish Economy: A Historical Perspective (London, 1982), pp. 165-76; Joseph Harrison, The Spanish Economy in the Twentieth Century (Beckenham, 1985), p. 121.

15 Rafael Abella, La vida cotidiana bajo el règimen de Franco (Barcelona, 1985), pp. 49-60; Rafael Abella, Por el Imperio hacia Dios (Barcelona, 1978), pp. 101-32.

16 La Vanguardia Espanola, 1 October; Arriba, 3 October 1939.

‚p? 4BC, 19 October 1939.

18 Seguela, Pètain-Franco, p. 43.

19 Garriga, La Senora, pp. 126-8, 145; Plenn, Wind, pp. 74-5.

20 Samuel Ros & Antonio Bouthelier, A hombros de la Falange: Historia del traslado de los rèstos de Jose Antonio (Barcelona, 1940) passim, Ian Gibson, En busca de Jose Antonio (Barcelona, 1980), pp. 246-8; Sueiro & Diaz Nosty, Franquismo, I, pp. 176-82.

21 Hamilton, Appeasement's Child, pp. 91-2.

22 DAPE, VI (Lisbon, 1970), p. 199.

23 ABC, 1 January 1940; Mensaje del Caudillo a los espanoles: discurso pronunciado por S.E. el Jefe del Estado la noche del 31 de diciembre de 1939 (Madrid, n.d., but 1940).

24 The Goebbels Diaries 1939-1941, edited by Fred Taylor (London, 1982) p. 85.

25 Arriba, 24 December; La Vanguardia, 24 December 1939.

26 Mensaje 31.XII. 1939, p. 27; Garriga, Espaha de Franco, pp. 58,126.

27 La Voz de Galicia, 8 February 1940; La Vanguardia Espanola, 21 January, 8 February 1940; Foltz, The Masquerade, pp. 258-60; Ansaldo, iPara que. . . ?, pp. 254-6.

28 Peterson, Both Sides, p. 207.

29 Hamilton, Appeasement's Child, p. 206; Halstead, Spain, pp. 157-9,179.

30 DGFP, D, VIII, pp. 324-5; IX, p. 588; X, pp. 291, 299-300; XI, p. 48, 185; Ferro, Pėtain, pp. 51-2.

31 Ansaldo, iPara que. .». ?, pp. 230-3.

32 DAPE, VI, pp. 543-4.

33 Kindelan, La verdad, pp. 117-18; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 97-98.

34 DDI, 8B, XIII, pp. 17-18, 25; 9a, I, p. 442; 9a, II, pp. 20, 28,41-2, 519-20, 576-7; 9a, III (Rome, 1959), pp. 190-1, 253-4, 310, 508.

35 DDI, 9a, III, p. 613.

36 DDI, 9a, III, pp. 623-4.

37 DDI, 9a, IV (Rome, 1960), pp. 52-3.

38 Arriba, II April 1940.

39 Informaciones, 4 May 1940.

40 DGFP, D, VIII, pp. 190-2.

41 Arriba, 13 March, 5, 9 June; ABC, 9 June; El Alcdzar, 21 June 1940.

42 Arriba, 12, 13 April 1940.

43 Arriba, 2 April 1940; Antonio Marquina Barrio, La diplomacia vaticana y la Espaha de Franco (1936-1945) (Madrid, 1983), pp. 243-53, 514-18; Garriga, Segura, pp. 271-4.

44 ABC, 1, 2, 3 April 1940; Sueiro, Valle, p. 12.

45 Millan Astray, Franco, pp. 11-12.

46 Sueiro, Valle, pp. 8-24, 44-73, 118-43, 184-205; Grau, Psicopatologia, p. 22.

47 Pozuelo, Los 476 ūltimos dias, p. 166.

48 Marquina, La diplomacia vaticana, pp. 253-62; Serrano Suner, Memorias, p. 274; Garriga, Segura, pp. 274-6.

49 DDI, 9a, IV, pp. 210-11; Ciano's Diary 1939-1943, p. 243.

50 DAPE, VI, pp. 543-8.

51 Charles R. Halstead, ‘Diligent Diplomat: Alexander W. Weddell as American Ambassador to Spain, 1939-1942’, The Virginia Magazine of History and Biography, Vol. 82, No. I, January 1974, pp. 3-38.

52 Foreign Relations of the United States 1940, Vol II (Washington, 1957), pp. 794-6.

53 Arriba, 11, 17 May 1940; DGFP, D, IX, p. 315.

54 Simonnot, Le secret, p. 118.

55 Arriba, 25 February 1951; Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1951-1954 (Madrid, 1955), pp. 38-42; Le Figaro, 13 June 1958;

5o Seguela, Pėtain-Franco, p. 45.

57 Ferro, Pėtain, pp. 7, 43; Reynaud, Au coeur de la Melee, pp. 919-20.

58 Simonnot, Le secret, pp. 212-14.

59 DGFP, Series D, Vol., p. 396; Correspondencia de Pedro Teotonio Pereira para Oliveira Salazar II (1940-1941) (Lisbon, 1989), p. 39.

60 Herbert Feis, The Spanish Story: Franco and the Nations at War (New York, 1966) pp. 28-31.

61 Templewood Papers, XIH-19.

62 Eccles, By Safe Hand, pp. 19, 26, 49,51-3.

63 Peterson, Both Sides, pp. 228-33.

64 Hoare, Ambassador, pp. 14-18, 30-2; J. A. Cross, Sir Samuel Hoare: A Political Biography (London, 1977), pp. 322-8; Kenneth Young, editor, The Diaries of Sir Robert Brace Lockhart, Vol. 2

1939-1965, (London, 1980), pp. 56-7; David Dilkes, editor, The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938-1945 (London, 1971), pp. 286-7.

65 Cross, Hoare, pp. 328-9; Sir John Lomax, The Diplomatic Smuggler (London, 1965), pp. 84-9; Carlton J. H. Hayes, Wartime Mission in Spain (New York, 1945), p. 35; Eccles, By Safe Hand, pp. 100-2, 294; Pereira, Memorias, II, pp. 205-6.

66 Arriba, 24, 26, 29, 31 May 1940; David Jato, Gibraltar decidio la guerra (Barcelona, 1971) p. 15.

67 DGFP, D., pp. 509-10.

68 Sana, Franquismo, pp. 170-1; Suarez Fernandez, Franco, Ш, p. 121: здесь автор считает

письмо доказательством того, что у Франко не было намерения вступать в войну.

69 Documentos inėditos, 11-1, pp. 191-2; DDI, 9й, IV, pp. 399-401.

70 MAE/R 2295, leg. 4, no. 769; Simonnot, Le secret, pp. 214-48.

71 Eccles, By Safe Hand, pp. 14-16, 54-7, 78, 84-5, 90-3.

72 Arriba, 1, 2, 4, 5, 9 June; ABC, 9 June 1940.

73 DDI, 9я, IV, p. 620.

74 Papers, pp. 370-1; Espadas, Franquismo, p. 104; Calleja, Yagiie, pp. 197-8.

75 Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 99-102.

76 FRUS 1940, П, p. 796.

77 DDI, 9я, IV, p. 630; Sana, Franquismo, pp. 167-8.

78 DDl, 9», V (Rome, 1965), p. 6.

79 DDl, 9я, V, pp. 14, 24.

80 DGFP, Series D, Vol. IX, p. 560.

81 Arriba, 13 June, ABC, 13 June 1940.

82 DAPE, VII, pp. 131-2; The Times, 14 June 1940; Pereira, Memdrias, H, pp. 214-15.

83 DAPE, VI, pp. 544-5; VII, pp. 30-1, 115-17.

84 DAPE, VH, pp. 135-6.

85 DDl, 9ª, V, pp. 23-5.

86 Doussinague, Espana tenia razon, pp. 41-2.

87 Hoare, Ambassador, p. 45.

88 Hoare, Ambassador, pp. 24-30, 45-8; FRUS 1940, II, pp. 796-9; Hayes, Wartime Mission, p. 40.

89 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 22, 103-5, 328; Pietri, Mes annėes, p. 65.

90 Pereira, Memdrias, П, pp. 223-3.

91 DGFP, D, IX, p. 542; Serrano Suner, Entre Hendayay Gibraltar, pp. 159-60.

92 F0371/60331, Z594/8/G41; DGFP, Series D, Vol. IX, pp. 449-53; Vol. XI, p. 445; Documents secrets du Ministere des Affaires Etrangeres d*Allemagne: Espagne (Paris, 1946), pp. 103-4; Charles

B. Burdick, «Moro»: Central European History Vol. 3, No. 3, 1970, pp. 256-84; Duff, Spain, p. 268; cf. Doussinague, Espana tenia razon, pp. 73-4.

93 Report of the Sub-Committee on the Spanish Question (New York, June 1946,) pp. 13,83-9.

94 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 151-2; Doussinague, Espana tenia razon, pp. 43-4.

95 Haider, Diary, pp. 244-5; Alan Clark, Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941-1945 (London, 1965), pp. 17 — 26.

96 Reynaud, Au coeur de la melee, pp. 855-6; Seguėla, Pėtain-Franco, p. 80-1.

97 DDl, 9ª, V, pp. 32-3.

98 Llewellyn Woodward, British Foreign Policy in the Second World War 5 vols (London, 1970-1976), I, p. 435-6; F0371/49663, Z13272/11696/ 41.

99 Bulletin of Spanish Studies, Vol. XVII, no. 68, pp. 220-2; Sana, Franquismo, pp. 168-70.

100 Foltz, The Masquerade, p. 152.

101 F0371/ 60332, Z2727/8/41.

102 DGFP, D, IX, pp. 585-8.

103 Garriga, Espana de Franco, pp. 170-1.

104 Documentos inėditos, П-l, pp. 209-10; Paul Baudouin, The Private Diaries of Paul Baudouin (March 1940-January 1941) (London, 1948), pp. 118-123; Francois Charles-Roux, Cinq mois tragiques aux affaires ėtrangeres 21 Mai-1 Novembre 1940 (Paris, 1949), pp. 52-4; DGFP, D, IX, p. 590; Ansaldo, que . . . ?, p. 214; Cava Mesa, Lequerica, pp. 167-74.

105 Documentos inėditos, II-1, p. 209.

106 ABC, 22 June 1940; Seguėla, Pėtain-Franco, p. 56.

107 Cf. Simonnot, Le secret, pp. 216, 232.

108 Halstead, Spain, pp. 259-60; Feis, Spanish Story, pp. 35-6.

109 Simonnot, Le secret, pp. 220-9; Seguela, Pėtain-Franco, p. 51-5.

110 DDI, 9^{a}, V, pp. 33-4,41-2.

111 Charles-Roux, Cinq mois tragiques, pp. 193, 224-8; Simonnot, Le secret, pp. 244-6; Segudla, Pėtain-Franco, pp. 81-7.

112 DGFP, D, IX, pp. 620-1; Gerhard L. Weinberg, World in the Balance: Behind the Scenes of World War 11 (Hanover, New Hampshire, 1981), p. 111.

113 Feis, Spanish Story, pp. 33-4; Halstead, Spain, pp. 271-2.

114 Hoare, Ambassador, p. 48.

115 DDI, 9^{B}, V, p. 33.

116 The Times, 21, 26, 29, 31 July 1940.

117 ABC, 31 July 1940; Feis, Spanish Story, pp. 34-53.

118 DGFP, D, X, pp. 15-16.

119 Halstead, Spain, p. 274; DGFP, D, X, pp. 97-9.

120 DGFP, D, X, pp. 97-99: Arriba, 28 June 1940; Sudrez Ferndndez, Franco, П1, pp. 144-8; Garriga, Yagiie, pp. 181-4; Garriga, Espana de Franco, pp. 171-4; Hoare, Ambassador (London, 1946), pp. 52-3; Payne, Falange, pp. 213-15; Klaus-Jorg Ruhl, Franco, Falange y 111 Reich (Madrid, 1986), pp. 61, 317; Denis Smyth, Diplomacy and Strategy of Survival: British Policy and Franco*s Spain,

1940-41 (Cambridge, 1986), pp. 33-6.

121 ABC, 25, 26 June; Arriba, 29 June 1940.

122 El Diario Vasco, 30 June 1940; Espadas Burgos, Franquismo, pp. 105-7; Hoare, Ambassador, pp. 52-3.

123 Hoare, Ambassador, pp. 50 — 2.

124 Jato, Gibraltar, pp. 16-17; Sana, Franquismo, p. 164.

125 Documentos inėditos, П-l, pp. 215, 226-7; DGFP, D, X, p. 2.

126 DGFP, D, X, pp. 9, 187-9, 199-200, 276-7, 283, 290-1, 317-18, 366-7, 376-9, 397-401,409-10; DDI, $9^{a}{}_{f}$ V, pp. 311, 324-5; Walter Schellenberg, The Schellenberg Memoirs: A Record of the Nazi Secret Service (London, 1956), pp. 126-43; Mariano Gonzalez-Arnao Conde-Luque, ‘i Capturad al duque de Windsor!’, Historia 16, No. 161, September 1989; Michael Bloch, Operation Willi: The Plot to Kidnap the Duke of Windsor July 1940 (London, 1984) passim; Suarez Ferndndez, Franco, III, pp. 143-4, 149.

127 Bruce Lockhart, Diaries, p. 63.

128 DGFP, D, X, p. 200.

129 Hoare, Ambassador, pp. 34-8; Smyth, Diplomacy, pp. 32-40.

130 PRO CAB 65/7, W.M. 171 < 40)5; CAB 65/7, W.M. 172(40)7; Woodward, British Foreign Policy, I, p. 436; Smyth, Diplomacy, pp. 42-3.

131 Rafael Rodriguez Minino Soriano, La mision diplomatica del

XVII Duque de Alba en la Embajada de Espana en Londres (1937-1945) (Valencia, 1971) p. 63.

132 Churchill, Finest Hour, p. 564; Smyth, Diplomacy, pp. 43-4.

133 DGFP, D, X, pp. 97-8.

134 DGFP, D, X, pp. 82, 148-9.

135 DGFP, D, IX, pp. 605-6, 608-11.

136 Karl Heinz Abshagen, Canaris (London, 1956) pp. 79,111-13; Hugh Trevor-Roper, The Philby Affair (London, 1968), pp. 111-16; Garriga, Espana de Franco, pp. 71 — 3.

137 DDI, 9ª,V6 pp. 185-6; Documentos inèditos, II-1, pp. 238-9.

138 Correspondencia, II, pp. 57-60.

139 DAPE, VII, pp. 216-19; Halstead, Spain, pp. 297-8; Charles R. Halstead, 'Peninsular Purpose: Portugal and its 1939 Treaty of Friendship and Non-Aggression with Spain', 11 Politico: Rivista ltaliana di Scienze Politiche (Pavia), XLV, No. 2', 1980, pp. 287-311.

140 Fotos, 13 July 1940.

141 DGFP, D, X, pp. 105-6, 224-5; DAPE, VIII (Lisbon, 1973), p. 150; Pereira, Memorias, II, pp. 227-9.

142 DAPE, VII, pp. 247-8, 250-2.

143DGFP, D, X, p. 515; DAPE, VII, pp. 294-7, 323-5, 336-9; DDI, 9ª, V, pp. 296-7; Pereira, Memorias, II, pp. 230-3; Hoare, Ambassador, pp. 58-9; Halstead, Spain, pp. 298-300; Halstead, 'Consistent and total peril from every side: Portugal and its 1940 Protocol with Spain', Iberian Studies, Vol. III, No. I, Spring 197,4, pp. 15-29; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 90.

144 The Times, 18 July, La Vanguardia Espanola, 18 July; Arriba, 18 July 1940.

145 The Times, 18 July, La Vanguardia Espanola, 19 July 1940; Hoare, Ambassador, pp. 48-9; Smyth, Diplomacy, pp. 41-2; Franęois Mirandet, UEspagne de Franco (Paris, 1948), pp. 63-5.

146 La Vanguardia Espanola, 19 July; The Times, 19 July 1940; Garriga, Espaha de Franco, pp. 151-3.

147 Documentos inèditos, 11-1, pp. 273-6; ABC, 30 July; Arriba, 1 August 1940; Charles-Roux, Cinq mois, pp. 194, 222-41; Ridruejo, Memorias, p. 214; Seguela, Pètain-Franco, pp. 87-92.

148 Hoare, Ambassador, pp. 62-3.

149 DGFP, D, X, p. 396; Hoare, Ambassador, p. 44; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 65; Churchill, Finest Hour, p. 463; Bloch, Willi, pp. 50,241-3.

150 DGFP, D, X, pp. 442-5.

151 DGFP, D, X, pp. 461-4.

152 DGFP, D, X, pp. 466-7, 499-500.

153 Haider, Diary, p. 247; Macgregor Knox, Mussolini Unleashed 1939-1941: Politics and Strategy in Fascist Italy*s Last War

(Cambridge, 1982), p. 184; Andre Brissaud, Canaris (London,
1973) pp. 191-4.

154 Documentos inèditos, 11-1, pp. 285-7; Sudrez Fernandez, Franco, III, pp. 171-2.

155 DGFP, D. X, pp. 521-2.

156 DDI, 9ª, V, pp. 403-5,478-9; Ciano, Diary J939-1943, p. 285; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 103-4; Weinberg, World in the Balance, p. 120.

157 DDI, 9ª, V, pp. 521-3.

Глава 15

1 Haider, Diary, pp. 251-2.

2 DGFP, D, X, p. 561.

3 Mirandet, Franco, p. 87.

4 DGFP, D, X, pp. 561-5, XI, pp. 37-40,81-2.

5 Ya, 7 September; The Times, 8, 9 September 1940; Arthur F. Loveday, Spain 1923-1948: Civil War and World War (Bridgewater, 1949), p. 172.

6 Charles-Roux, Cinq mois tragiques, pp. 241-2; DDL 9ª, V, pp. 557-8.

7 Doussinague, Espaha tenia razhn, pp. 233-4; Duff, Spain, p. 272.

8 The Times, 26, 29, 30 September 1940.

9 Haider, Diary, p. 259.

10 DDL 9ª, V, pp. 576-7, 594-5.

11 FRUS 1940_t H, pp. 805-08; Feis, Spanish Story, pp. 55-7.

12 FRUS 1940, П, pp. 808-10; Feis, Spanish Story, pp. 57-9.

13 Charles-Roux, Cinq mois tragiques, p. 243.

14 Garriga, Espana de Franco, p. 180

15 Correspondencia, II, pp. .79-80, 88.

16 DGFP, D, XI, pp. 83-7; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 165-71; DDl, 9ª, VI, p. 232, VIII, p. 618; Hugh Kay, Salazar and Modern Portugal (London, 1970), p. 156.

17 Ernst von Weizsacker, Memoirs of Ernst von Weizsacker (London, 1951), pp. 239, 266; Sana, El franquismo, pp. 176,180; Doussinague, Espaniia tenia razon, p. 46; Schellenberg, Memoirs, pp. 135,143.

18 DGFP, D, XI, pp. 87-91; cf. Martin Gilbert, Finest Hour: Winston S. Churchill 1939-1941 (London, 1983) p. 567.

19 Garriga, Espana de Franco, pp. 182-4.

20 DGFP, D, Vol. XI, pp. 62-3.

21 DGFP, D, Vol. XI, pp. 93-102; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 175-83.

22 DGFP, D, XI, pp. 106-8

23 Weinberg, World in the Balance, p. 122.

24 Knox, Mussolini Unleashed, pp. 183-5; Smyth, Diplomacy, pp. 93-4.

25 Ciano's Diary 1939-1943, p. 291; Ciano, Papers, pp. 389-93.

26 DGFP, D, XI, pp. 134-6, 150-2.

27 Serrano Suner, Memorias, pp. 331-40; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 183.

28 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 188-91; Garriga, Espana de Franco,

pp. 188-9.

29 Smyth, Diplomacy, pp. 50-1, 95-6.

30 DGFP, D, XI, pp. 166-74.

31 DGFP, D, XI, pp. 183-4.

32 ABC, 3 November 1990; Serrano Suner, De anteayer, pp. 213-15.

33 Serrano Sufier, Memorias, pp. 341-2.

34 DGFP, D, XI, pp. 153-5.

35 DGFP, D, XI, pp. 155, note 5; 214-19.

36 Serrano Suner, De anteayer, p. 214.

37 Serrano Suner, Memorias, pp. 342-8.

38 DGFP, D, XI, pp. 199-204.

39 Ciano, Diary 1939-1943, p. 294.

40 DDl, 9ª, V, pp. 572-3.

41 DDl, 9®, V, pp. 639-40; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 195-8.

42 DGFP, D, XI, pp. 211-14; Ciano, Diary 1939-1943, p. 294.

43 DGFP, D, XI, pp. 245-59; Cf. Haider, Diary, pp. 260-6.

44 Sana, Franquismo, p. 185.

45 Ciano, Diary 1939-1943, pp. 294-6; Ciano, Papers, pp. 393-6; Knox, Mussolini Unleashed, pp. 189,196.

46 Hoare, Ambassador, pp. 67-71; Smyth, Diplomacy, pp. 95-6.

47 Gilbert, Finest Hour, p. 816.

48 Charles-Roux, Cinq mois tragiques, pp. 244-8.

49 The Second World War Diary of Hugh Dalton 1940-1945 edited by Ben Pimlott (London, 1986), p. 87; Smyth, Diplomacy, pp. 98-9.

50 Halstead, Spain, p. 358; Allan Chase, Falange: The Axis Secret Army in the Americas (New York, 1943); Ovidio Gondi, La hispanidadfranquista al servicio de Hitler (Mexico D.F., 1979); Plenn, Wind, pp. 231-46.

51 FRUS 1940, П, pp. 81-12; Feis, Spanish Story, pp. 59-61.

52 La Vanguardia Espanola, 1, 2 October; Arriba, 1, 2, 3 October 1940.

53 Correspondencia, II, pp. 88-9.

54 FRUS 1940, II, p. 812.

55 FRUS 1940, II, pp. 812-15; Dalton, War Diary, p. 89.

56 Cordell Hull, Memoirs 2 vols (London, 1949), I, p. 876; Feis, Spanish Story, p. 61.

57 365 H.C.DEB., 5s, p. 302; The Times, 11 October 1940.

58 Palabras del Caudillo 1937-1942, pp. 189-90.

59 DAPE, VII, pp. 518-21.

60 В результате Испания получила из Германии меньше товаров, чем Швеция, Швейцария и Турция, см. Garriga, Espana de Franco, pp. 194-6.

61 Pereira to Salazar, 18 October 1940, Correspondencia, II, p. 97.

62 Espadas, Franquismo, p. 110.

63 FRUS 1940, П, pp. 820-2; DDI, 9ª, V, p. 715.

64 Serrano Suner, 'Prologo*, Jato, Gibraltar, pp. 17-18; Hoare, Ambassador, pp. 66-73; Pereira, Memorias, II, p. 222; Escobar, Dialogo intimo, p. 29; Mirandet, UEspagne, p. 69.

65 Mirandet, UEspagne, p. 70; Espadas, Franquismo, p. 108.

66 Sana, Franquismo, p. 160; Hamilton, Appeasement's Child, p. 93; Ridruejo, Memorias, p. 134.

67 DDI, 9ª, V, pp. 720-2; DGFP, D, XI, pp. 331-4.

68 Arriba, 20, 23 October 1940; ABC, La II guerra mundial (Madrid, 1989), p. 160.

69 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question, p. 14; Bloch, Willi, p. 150.

70 Hoare, Ambassador, p. 76; Mirandet, Franco, pp. 72-3; cf. Burdick, Strategy, pp. 50-1; Garriga, Espana de Franco, pp. 208-9.

71 Cipriano Rivas Cherif, Retrato de un desconocido: vida de Manuel Azaha (Barcelona, 1980) pp. 496-500; Sana, Franquismo, pp. 118-19; El Sol, 10 November 1990.

72 Sana, Franquismo, pp. 124-7; Gregorio Moran, Los espaholes que dejaron de serlo: Euskadi, 1937-1981 (Barcelona, 1982), pp. 114-15; Cava Mesa, Lequerica, pp. 184-9; по мнению последнего, Лекерика только исполнял указания шефа службы безопасности Хосе Фината.

73 Angel Ossorio y Gallardo, Vida y sacrificio de Companys 2ª edicion (Barcelona, 1976) pp. 285-92; Catalunya sota el regim franquista: Informe sobre la persecucio de la llengua i la cultura de Catalunya pel regim del general Franco (Paris, 1973), pp. 388-91.

74 FRUS 1940, II, pp. 822-3; Feis, Spanish Story, pp. 63-6.

75 Norman Rich, Hitler*s War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion 2 vols (London, 1973-4), I, pp. 169-70.

76 Haider, Diary, p. 262.

77 Weizsacker, Papiere, p. 221.

78 Paul Schmidt, Hitler's Interpreter: The Secret History of

German Diplomacy 1935-1945 (London, 1951) p. 193; La Vanguardia Espanola, 24 October 1940; The Memoirs of Field-Marshal Keitel (London, 1965), p. 125; Serrano Suner, Memorias, pp. 289-90;

79 Jose Maria Sanchez Silva & Jos6 Luis Saenz de Heredia, Franco . . . ese hombre (Madrid,

1975) p. 139; Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1955-1959 (Madrid, 1960) p. 479; Cf. Trythall, Franco, p. 171.

80 Сообщено Рамоном Серрано Суньером автору 21 ноября 1990 г.

81 Silva & Saenz de Heredia, Franco, p. 139; Suarez Fernandez, Franco, III, p. 119.

82 Ignacio Espinosa de los Monteros y Bermejillo, Hendaya y la segunda guerra mundial (vivencias y razones) manuscript (Madrid, n.d.) pp. 72-108; Espana de Franco, pp. 209-17.

83 DGFP, Series D, Vol. XI, pp. 371-6; Series D, Vol. XI, pp. 376-9; Schmidt, Hitler's Interpreter, pp. 192-7; Serrano Suner, Memorias, pp. 283-305; Sana, El Franquismo, pp. 200-1; ABC, 28 February 1976; Suarez Fernandez, Franco, IV, p. 43.

84 Hitler's Table Talk, 1 July 1942, pp. 567-9.

85 Schmidt, Hitler's Interpreter, p. 196; Sana, Franquismo, pp. 190-3.

86 Espinosa de los Monteros, Hendaya, pp. 66-83.

87 Schmidt, Hitler's Interpreter, p. 196; The Ribbentrop Memoirs (London, 1954), p. 30.

88 Serrano Suner, De anteayer, p. 203; Espinosa de los Monteros, Hendaya, pp. 82-4.

89 Keitel, Memoirs, p. 126.

90 Arriba, 24 October; La Vanguardia Espanola, 24 October 1940; Brissaud, Canaris, pp. 204-9.

91 Saha, Franquismo, p. 191.

92 Ciano, Papers, pp. 401-2.

93 Serrano Suner, Memorias, p. 298.

94 Serrano Suner, Memorias, p. 299.

95 Hitler’s Table Talk, p. 569; Serrano Suner, Memorias, pp. 299-300.

96 Serrano Suner, Memorias, pp. 300-1; Safla, Franquismo, pp. 195-8; Espadas, Franquismo, pp. 117-18; DGFP, Series D, Vol. XI, pp. 466-7.

97 Serrano Suner, Memorias, p. 284.

98 Goebbels, Diaries, p. 153.

99 Ciano, Diary 1939-1943, p. 300.

100 Correspondencia, II, p. 100

101 Ciano, Papers, p. 402; Ulrich von Hassell, The Van Hassell Diaries 1938-1944 (London, 1948), p. 144.

102 Schmidt, Hitler's Interpreter, p. 197.

103 DGFP, Series D, Vol. X, pp. 392-3.

104 Haider, Diary, p. 272; Heeresadjutant bei Hitler 1938-1943. Aufzeichnungen des Majors Engel (Stuttgart, 1974), p. 88.

105 Weizsacker, Papiere, p. 221; Weizsacker, Memoirs, p. 239.

106 Sana, Franquismo, pp. 192-3.

107 Jato, Gibraltar, p. 53.

108 Schmidt, Hitler's interpreter, pp. 193-4.

Глава 16

1 Charles- Roux, Cinq mois tragiques, p. 148.

2 Robert O. Paxton, Vichy France: Old Guard and Hew Order 1940-1944 (London, 1972), pp. 74-5; Knox, Mussolini Unleashed, pp. 226-30; DGFP, Series D, Vol.XI, pp. 411-22; Ciano, Papers, pp. 401-4; Von Hassell, Diaries, p. 147.

3 Goebbels, Diaries, pp. 159-64.

4 Eccles, By Safe Hand, p. 180.

5 DAPE, VJI, pp. 580-1. Серрано Суньер сделал аналогичный вывод в разговоре с итальянским послом двумя месяцами позже: DD1, 9^{B}, VI, p. 506.

6 DGFP, D, XI, pp. 1129-33.

7 DDI, 9^{a}, VI (Rome, 1986), pp. 10-12.

8 DDI, 9^{e}, C, pp. 758; 9^{a}, VI, pp. 3, 8,43,47,52.

9 DDI, 9^{a}, VI, pp. 15-16.

10 DGFP, D, XI, p. 452: это письмо наряду с другими документами, свидетельствующими о связях Гитлера и Франко, не было обнаружено в захваченных союзниками архивах и было опубликовано Серрано Суньером после смерти каудильо.

11 Serrano Suner, Memorias, pp. 301-05.

12 DGFP, Series D, Vol. XI, p. 465.

13 Haider, Diary, pp. 277-80.

14 DGFP, D, XI, pp. 478-9.

15 Rich, Hitler's War Aims, I, p. 171.

16 DGFP, Series D, Vol. XI, pp. 513-14; Sana, Franquismo, p. 203.

17 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 233-5; La II guerra mundial. Vol. П, pp. 163-7; Serrano Suner, De anteayer, p. 215; Fernandez, Carrero, pp. 68-70.

18 Laureano Lopez Rodo, El principio del fin: Memorias (Barcelona, 1992), pp. 180-1,592-3; Cf. Joaquin Bardavfo, La crisis: historia de quince dias (Madrid, 1974), pp. 26-7.

19 Haider, Diary, pp. 262, 267-8,275-9; Hitler's War Directives 1939-1945, edited by H. R. Trevor-Roper (London, 1966), pp. 81-7.

20 DGFP, D, XI, pp. 528-30,574-6, 581-2; Charles B. Burdick, Germany*s Military Strategy and Spain in World War II (Syracuse, 1968), pp. 77 ff.

21 Haider, Diary, p. 275.

22 Haider, Diary, pp. 280-1, 284, 288.

23 FRUS 1940, II, pp. 824-7; Feis, Spanish Story, pp. 99-101.

24 Bert Allan Watson, United States — Spanish Relations, 1939-1946, George Washington University, 1971, pp. 51-7.

25 FRUS 1940, II, pp. 828-33; Feis, Spanish Story, pp. 101-02.

26 FRUS 1940, П, pp. 836-38.

27 DGFP, D, XI, pp. 598-606; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 235-49; Ciano, Papers, pp. 409-11; Haider, Diary, p. 285; The Times, 19 November 1940.

28 DGFP, D, XI, pp. 619-23; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 250-7. Позже Геринг и Геббельс пришли к обоюдному согласию, что вина за провал попыток втянуть Испанию в войну в значительной степени лежит на Риббентропе: The Goebbels Diaries (January 1942-December 1943) edited by Louis P. Lochner (London, 1948), p. 201.

29 Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence 3 vols (Princeton, 1984), I, p. 86; Smyth, Diplomacy, pp. 121-3.

30 DGFP, D, XI, pp. 671-2.

31 DGFP, D, XI, pp. 705-6.

32 Haider, Diary, p. 289.

33 Weizsacker, Papiere, p. 227.

34 DGFP, D, XI, pp. 725, 739-41.

35 DGFP, D, XI, p. 782; Bris^saud, Canaris, p. 223.

36 DGFP, D, XI, pp. 787-8.

37 F0371/24509, C12016/40/41.

38 Eccles, By Safe Hand, p. 206.

39 Hamilton, Appeasement's Child, pp. 112-46; Aline$_r$ Countess of Romanones, The Spy Wore Red (London, 1987), passim.

40 FRUS 1940, II, pp. 839-41, 845-50.

41 FRUS 1940, II, pp. 839-44; Feis, Spanish Story, pp. 104-08.

42 Serrano Suner, Memorias, pp. 190-3; Sana, Franquismo, pp. 146-7.

. 43 DGFP, D, XI, pp. 777-8, 842-3,975-6; XII, p. 165; DDI, 9^a, VI, pp. 266-7, 390-1, 413.

44 DDI, 9^a, VI, pp. 236-8.

45 DGFP, D, XI, pp. 802-3.

46 Haider, Diary, p. 300; Abshagen, Canaris, pp. 212-13; Weizsacker, Memoirs, p. 239; Keitel, Memoirs, p. 133.

47 Keitel, Memoirs, p. 133.

48 DGFP, D, XI, pp. 812, 816-7, 852-3; Brissaud, Canaris, pp. 224-6; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 258-9.

49 Weizsacker, Papiere, p. 228; Weizsacker, Memoirs, p. 239.

50 DDl, 9^a, VI, p. 252.

51 Keitel, Memoirs, p. 133.

52 Haider, Diary, pp. 301-5; Hitler's War Directives, pp. 90-4.

53 Arriba, 8, 12 December 1940; Pietri, Mes années, pp. 36-7; Sėguela, Petain-Franco, pp. 120-3; Mirandet, Franco, p. 80.

54 DGFP, D, XI, pp. 990-4; Goebbels, Diaries, p. 210.

55 FO371/24059C13128/40/ 41 ë C13541/40/41.

56 DGFP, D, XI, pp. 824-5, 847-50; John Lukacs, The Last European War: September 1939 -December 1941 (London, 1976), p. 114.

57 FO/371/49663 Z13272/11696/41.

58 DGFP, D, XI, pp. 1054-5.

59 DGFP, D, XI, p. 1056; DDl, 9ª, VI, pp. 424-5.

60 DGFP, D, XI, pp. 1069-70; Hamilton, Appeasement's Child, pp. 174-7; Garriga, Espana de Franco, pp. 86-93; Romanones, The Spy, passim; The Times, 6 January 1943.

61 DGFP, D, XI, pp. 1129-33; DDl, 9ª, VI, p. 470; Ciano, Papers, pp. 417-19.

62 DGFP, D, XI, pp. 1140-3.

63 Garate Cdrdoba, «Raza», pp. 61-2; Gubern, «Raza», p. 7.

64 Baon, La cara humana, p. 89.

65 Jaime Peiiafiel, El General y su tropą. Mis recuerdos de la familia Franco (Madrid, 1992), p. 92.

66 DGFP, D, XI, pp. 1157-8.

67 DGFP, D, XI, pp. 1171-5.

68 DGFP, D, XI, pp. 1183-4.

69 DGFP, D, XI, pp. 1188-91.

70 DGFP, D, XI, pp. 1208-10.

71 DDI, 9ª, VI, pp. 506-8.

72 DGFP, D, XI, pp. 1217-18.

73 DGFP, D, XI, pp. 1222-378.

74 FRUS 1941, II, pp. 880-1.

75 DGFP, D, XII (London, 1962), p. 30.

76 DGFP, D, XII, pp. 36-7; Documentos inėditos 11-2, pp. 19-20.

77 DGFP, D, XII, pp. 37-42, 58.

78 DGFP, D, XII, pp. 51-3, 78-9.

79 DDI, 9й, VI, pp. 485, 504, 506, 510.

80 DDI, 9*, VI, p. 518; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 262-3.

81 DDI, 9й, VI, p. 558.

82 Hoare, Ambassador, pp. 95, 104.

83 Correspondencia, II, pp. 162-3; Sėguela, Pėtain-Franco, pp. 135-41.

84 Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 120.

85 Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 261-4; DDI, 9\

VI, pp. 568-82; Ciano, Papers, pp. 421-30; Haider, Diary, p. 319; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 120-2.

86 DDI, 9ª, VI, pp. 582-3; DGFP, D, XΠ, pp. 96-7; Weizsacker, Papiere, p. 237; Documents secrets, pp. 72-3; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 122.

87 Arriba, 13, 15 February 1941.

88 DDI, 9ª, VI, p. 604.

89 DGFP, D, XII, pp. 131-2.

90 Burdick, Military Strategy, pp. 103 ff.

91 The Times, 14,15 February 1941; Piėtri, Mes annėes, pp. 53-6.

92 H. Du Moulin de Labarthete, Le temps dės illusions: souvenirs, juillet 1940-avril 1942 (Geneva, Editions du Cheval Aile, 1946), pp. 229-30; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 265-6; Seguėla, Pėtain-Franco, pp. 147-60.

93 DGFP, D, XII, pp. 113-14.

94 Pietri, Mes annėes, pp. 56, 102-10.

95 William L. Shirer, The Rise and Fall of the Third Reich (London, 1959), pp. 812-19; Brissaud, Canaris, pp. 230-1; Sana, Franquismo, p. 207; Garriga, Espana de Franco, pp. 85-6.

96 DGFP, D, XII, pp. 176.

97 DGFP, D, XII, p. 197.

98 DDL 9ª, VI, p. 745.

99 Churchill, Second World War, II, Their Finest Hour, p. 468; Eccles, By Safe Hand, pp. 270-1.

100 Churchill, Finest Hour, pp. 467-8

101 Arthur Bryant, The Turn of the Tide 1939-1943 (London, 1957), pp. 271, 278-9, 286; Hamilton, Appeasement's Child, p. 211.

1 Goebbels, Diaries, p. 257.
2 DGFP, D, XII, pp. 194-5.
3 Goebbels, Diaries, pp. 355-6.
4 DGFP, D, ХП, pp. 731-3.
5 DGFP, D, ХП, pp. 731-3.
6 DAPE, VHI, p. 248.
7 Hoare, Ambassador, pp. 107-110; FRUS 1941, pp. 881-5.
8 Garriga, Espana de Franco, pp. 243-4.
9 Correspondencia, II, pp. 172, 176, 192.
10 DDI, 9ª, VI, pp. 604-5.
11 DAPE, VIII (Lisbon, 1973), pp. 148-50, 157-8,169-70,199-200.
12 Correspondencia, II, pp. 214-16, 246; DAPE, VIII, p. 248.
13 Correspondencia, II, pp. 197-8; DAPE, VIII, p. 267; DGFP, D, XII, pp. 119-20, 589-90.
14 Correspondencia, II, pp. 212-13.
15 Documents secrets, pp. 72-8.
16 FRUS 1941, II, pp. 886-7.
17 Rivista di Studi Politici Internazionali, No. 3,1974, pp. 445-71; Escobar, Didlogo intimo,
pp. 52-3; Silent Ally, pp. 108-12; FRUS 1941, II, pp. 917-19.
18 The Times, 25 April 1941.
19 FRUS 1941, Vol. II, pp. 888-90; DGFP, D, ХП, pp. 590-1; Hoare, Ambassador, p. 106; Serrano Suner, Entre Hendayay Gibraltar, pp. 274-6.
20 Correspondencia, II, pp. 221, 226-7.
21 Correspondencia, II, pp. 235, 242, 249.
22 DGFP, D, XII (London, 1962), pp. 36-7, 613-14. Cf.Ruhl, III Reich, p. 66; Marquina, Aranda, p. 24.
23 Informaciones, 17 April 1941.
24 Goebbels, Diaries, 19, 20 April 1941, p. 323-4.
25 Churchill & Roosevelt, I, pp. 173-4.
26 FRUS 1941, H, pp. 891-7.
27 DGFP, D, XII, pp. 611-15; The Times, 25 April 1941.
28 F0371/26982, C5625/4298/41 Templewood Papers, XIII-21.
29 Goebbels, Diaries, 20 May 1941, p. 373.
30 Correspondencia, II, pp. 286-7.
31 Denis Smyth, 'Les Chevaliers de Saint-George: la Grande-Bretagne et la corruption des gen£raux espagnols (1940-1942)', Guerresmendiales et conflits contemporains, No. 162, Avril 1991, pp. 29-54; Anthony Cave Brown, The Last Hero: Wild Bill Donovan

(London, 1982), pp. 225-6.

32 Documentos inèditos, p. 316.

33 Angel Alcazar de Velasco, Serrano Suner en la Falange (Madrid, 1941).

34 Garriga, Franco-Serrano Suner, pp. 120,134.

35 F0371/49663, Z13272/11696/41; Boletin Oficial del Estado, 4 May 1941.

36 Arriba, 3 May 1941.

37 Ciano, Papers, pp. 440-1; Ciano, Diary 1939-1943, p. 339.

38 Stanley G. Payne, The Franco Regime 1936-1975 (Madison, 1987), pp. 286-6.

39 Сообщено Серрано Суньером автору; Correspondencia, H, p. 314; Sana, Franquismo,

p. 161.

40 F0371/ 49663 Z13272/11696/41.

41 ABC, 6, 8 May; El Alcazar, 6 May; Arriba, 10, 11 May; Boletin Oficial del Estado, 10 May 1941; Tusell & Garcia Quejpo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 131-2.

42 Arriba, 8 May 1941; Documentos inèditos, H-2, pp. 148-50.

43 Sana, Franquismo, pp. 160-1.

44 Arriba, 9, 11, 14 May 1941; Correspondencia, П, p. 308.

45 Correspondencia, II, p. 310.

46 DGFP, D, XП, pp. 795-6; Correspondencia, П, p. 366; Hamilton, Appeasement's Child, pp. 95-7; Hoare, Ambassador, p. 112.

47 Arriba, 14,18, 22 May, ABC, 17,19, 22 May, La Vanguardia Espanola, 14 May 1941; DGFP, D, XП, pp. 774, 781.

48 F0371/26982, C5141/4298/41.

49 Сообщено автору Серано Суньером 21 ноября 1990 г.

50 Факсимильный текст письма приведен в: Serrano Suner, Memorias, p. 180.

51 Correspondencia, II, pp. 314-16, 321-3,327-8,349-50.

52 Arriba, 21, 22 May 1941.

53 Serrano Sufier, Memorias, pp. 200-1.

54 Serrano Sufier, Memorias, pp. 190-3; Safia, Franquismo, pp. 259-68.

55 Garriga, Espana de Franco, pp. 322-6.

56 Documentos inèditos, 11-2, pp. 326-7.

57 Garriga, Franco-Serrano Suner, pp. 133-4; Payne, Franco Regime, pp. 291-3.

58 Bruce Lockhart, Diaries, 17 June 1941, pp. 103-4.

59 DGFP, D, XII, p. 930.

60 FRUS 1941, II, pp. 891-903; Arriba, 31 May; ABC, 31 May, 6,9 June 1941.

61 Templewood Papers, XIII-21.

62 FRUS 1941, II, pp. 904-6, 908.

63 FRUS 1941, II, pp. 907-8.

64 DGFP, D, XII, pp. 940-51*1007-8; Ciano, Papers, pp. 440-6.

65 DGFP, D, XII, pp. 1067.

66 DGFP, D, XII, pp. 1080-1; Correspondencia, II, pp. 378-9.

67 Arriba, 24, 25 June; El Alcdzar, 26, 27, 28 June 1941; 77ze Times, 26 June 1941; Hoare,

Ambassador, pp. 114-15.

68 DGFP, D, XIII (London, 1964), pp. 16-17.

69 DGFP, D, Vol. X1П, pp. 38-9.

70 Arriba, 3 July 1941; The Times, 4 July 1941.

71 Feis, Spanish Story, p. 136.

72 Documentos inèditos, П-2, pp. 49-55; DGFP, D, ХП1, pp. 353-4, 357-8; Safia, El franquismo, pp. 205-6.

73 DGFP, D, XIII, pp. 168-9.

74 Hoare, Ambassador, pp. 138-9.

75 La Vanguardia Espanola, 18 July 1941; The Times, 19 July 1941. Текст не включен ни в одно из собраний речей Франко и целиком напечатан только в Bulletin of Spanish Studies, Vol. XVIII, No. 72, October 1941, pp. 210-17.

76 Correspondencia, П, pp. 388-9.

77 Serrano Sufier, Memorias, p. 349; Safia, Franquismo, pp. 252-4.

78 Текст не включен ни в одно из собраний речей Франко и целиком напечатан только в Bulletin of Spanish Studies, Vol. XVIII, No. 72, October 1941, pp. 217-19; Correspondencia, II, pp. 387-91; F0371/26891, C8744/3/41.

79 Correspondincia, II, p. 391; DGFP, D, XIII, pp. 222-4; DAPE, IX (Lisbon, 1974) pp. 87, 99; Smyth, Diplomacy, pp. 230-6.

80 Templewood Papers, XIII, 21; Eccles, By Safe Hand, pp. 304-5.

81 Garriga, Espana de Franco, p. 305.

82 The Times, 22 July 1941.

83 Feis, Spanish Story, pp. 138-9.

84 The War Diaries of Oliver Harvey edited by John Harvey (London, 1978), pp. 21-2.

85 373 H.CJDEB., 5s, cc. 1074-5; The times, 25 July 1941.

86 Smyth, Diplomacy, pp. 232-7.

87 Eccles, By Sqfe Hand, pp. 301,304-5.

88 Arriba, 13, 15, 29 July, 1, 2 August; ABC, 19 July, I August 1941; Jluhl, HI Reich, pp. 22-6; Gerald R. Kleinfeld & Lewis A. Tambs, Hitler*s Spanish Legion: The Blue Division in Russia (Carbondale, 1979), pp. 1-17.

89 FQ371/26891, C8744/3/41; Gil Robles, La monarqula, p. 17.

90 F0371/26891 C9154/3/ 41; Hartmuj Heine, La Oposicion

politico al franquismo (Barcelona,
1983), pp. 253-4; Smyth, Diplomacy, p. 210.
91 Ciano, Papers, p. 450.
92 Arriba, 31 July 1941.
93 FRUS 1941, II, pp. 911-13.
94 FRUS 1941, II, pp. 913-25; Hull, Memoirs, II, pp. 1187-8; Fejs, Spanish Story, p. 9.
95 DGFP, D, XIII, pp. 444-6, 459-60.
96 Documents secrets, pp. 78-9; DGFP, D, XIII, pp. 478-9.
97 DGFP, D, XIII, pp. 498-9.
98 DGFP, D, XIII, pp. 628-30, 647-8.
99 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question$_f$ pp. 12, 85.
100 FRUS 1941, II, pp. 924-9.
101 DGFP, D, XIII, pp. 633-4.
102 Correspondencia, II, p. 435; DGFP$_f$ D, XIII, pp. 630-2; Cave Brown, Last Hero, p. 225.
103 El Alcdzar, 25 November; Arriba, 27,28,29 November 1941; Sheelagh M. Ellwood, Spanish Fascism in the Franco Era (London, 1987), pp. 66-70; Payne, Franco Regime, pp. 288-9.
104 Arriba, 19 November; ABC, 23 November 1941.
105 F0371/27005, C13543/13543/41 and C14329/13543/41; Correspondencia, II, p. 457; Heine, La oposicion, pp. 255-6.
106 Arriba, 2 December; ABC, 26 November 1941.
107 DGFP, D, XIII, pp. 904-6; Ciano, Diaries 1939-1943, p. 402; Ciano, Papers, pp. 461-2.
108 FRUS 1941, II, pp. 932-4.
109 Feis, Spanish Story, pp. 147-51; Sana, Franquismo, pp. 243-4.
110 Arriba, 11, 13, 14 December 1941; DAPE, X (Lisbon, 1974), pp. 297-8; Bulletin of Spanish Studies, Vol. XIX, No. 73-4, January-April 1942, pp. 1-2; Espadas, Franquismo, p. 124.
111 DGFP, D, XIII, p. 774.
112 Documentos inèditos, II-2, pp. 424-6; Kindelan, La verdad, pp. 46-50; DAPE, X, pp. 297-300; Ruhl, 111 Reich, p. 95; Suarez Fernandez, Franco, III, p. 323.
113 Kindelan, La verdad, pp. 120-2.

Глава 18

1 Churchill & Roosevelt, I, p. 313.
2 DDI, 9^a, VIII (Rome, 1988) pp. 113,116-17, 123-4; Correspondencia de Pedro Teotonio Pereira para Oliveira Salazar ill (1942) (Lisbon, 1990), p. 27.

3 Arriba, 13 January 1942.

4 Arriba, 27, 28, 29, 31 January, 1 February; ABC, 29 January 1942; Documentos inèditos, III, pp. 206-9; Garriga, Espana de Franco, pp. 373-4.

5 Arriba, 1 February 1942.

6 El Caudillo en Cataluha (Madrid, 1942), pp. 18-19,31,33-9.

7 El Caudillo en Cataluha, pp. 24-6, 55; Arriba, 30 January, 6 February 1942.

8 Feis, Spanish Story, pp. 186-8.

9 ABC, 18 Januar; Arriba, 14, 21, 24 February, 5 March 1942.

10 Correspondencia, III, pp. 15-16, 27-8,46.

11 The Times, 13 February; ABC, 13 February 1942.

12 DDI, 9ª, VIII, pp. 322-3, 335-8; Documents secrets, pp. 86-95; FRUS 1942, HI, pp. 281-3; Garcia Lahiguera, Serrano Suner, p. 205.

13 Garriga, Espana de Franco, pp. 345-6.

14 Palabras del Caudillo abril 1937 — diciembre 1942, pp. 235-7.

15 The Times, 16 February 1942.

16 Goebbels, Diaries, pp. 28, 52.

17 Feis, Spanish Story, pp. 155-7.

18 Arriba, 26 February; Ya, 27 February 1942.

19 Arriba, 18, 20 March 1942.

20 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question, p. 85.

21 Ya, 25, 26 February 1942.

22 Jaraiz Franco, Historia, pp. 58-60.

23 Interviu. No. 383,14-20 September 1983.

24 Dez Anos de Politico Externa (1936-1947) A Naęao Portuguesa e a segunda guerra mundial, Vol. VII (Lisbon, 1971), p. 518.

25 Jaraiz Franco, Historia, pp. 60-1; Franco, Nosotros, pp. 29-31; Garriga, La Senora, pp. 170-2.

26 Correspondencia, III, p. 53.

27 F0371/31235, C4198/220/41; Arriba, 27 March, 21 April 1942; Garriga, Espana de Franco, pp. 357-9; Heine, La oposicion, p. 257; Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 147.

28 Correspondencia, III, pp. 62-3,80-1.

29 Correspondencia, III, pp. 47-50.

30 Feis, Spanish Story, pp. 160-79.

31 FRUS 1942, III, pp. 275-8, 281-3; Beaulac, Career Ambassador, pp. 154,183.

32 Pietri, Mes annèes, p. 62.

33 FRUS 1942, III, pp. 286-7.

34 Cave Brown, Last Hero, p. 224.

35 Jose Maria Toquero, Franco y Don Juan: La oposicion monarquica al franquismo (Barcelona,

1989), pp. 49-50.

36 Ramon Garriga, Franco-Serrano Saner: un drama politico (Barcelona, 1986), p. 178.

37 DDI, 9ª, VIII, pp. 522-4; Heine, La oposicion, p. 258.

38 Cross, Hoare, pp. 338-9; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, p. 276; Hayes, Wartime Mission, pp. 15, 26, 31,40, 65-6,293. Противоположные оценки личности Хейеса сделаны его коллегами по посольству в: Plenn, Wind, pp. 247-69; см. также Beaulac, Career Ambassador, p. 184; Chase, Falange, pp. 245-7.

39 F0371/31237,8984/220/ 41; Correspondencia, III, p. 10.

40 Arriba, 30 May 1942.

41 FRUS 1942, III, pp. 288-9.

42 Piėtri, Mes annėes, p. 63.

43 Correspondencia, III, pp. 114-16.

44 FRUS 1942, III, pp. 290-90; Hayes, Wartime Mission, p. 31; The Times, 11 June 1942.

45 Cadogan, Diaries, pp. 489-90; Kim Philby, My Silent War (London, 1968), pp. 40-1; Intelligence and National Security, Vol. 4, No. 2, April 1989, pp. 339-44; F. H. Hinsley et al. British Intelligence in the Second World War, Vol. 2 (London, HMSO, 1981), pp. 719-21; Woodward, British Foreign Policy, IV, pp. 8-9; Anthony Cave Brown, The Secret Servant: The Life of Sir Stewart Menzies, Churchill*s Spymaster (London, 1988), pp. 424-5; Trevor-Roper, Philby, p. 119.

46 Harry C. Butcher, My Three Years with Eisenhower (New York, 1946), pp. 58-60, 68-74.

47 DDI, 9ª, VIII, pp. 591, 599-600, 612, 645; Ciano, Diary 1939-1943,26 May 1943, p. 473.

48 DDI, 9ª, VIII, pp. 651-4,670-1.

49 Correspondencia, III, pp. 126,131.

50 ABC, 23 June 1942.

51 DDI, 9ª, VIII, pp. 690-2; Documents secrets, pp. 106-8.

52 Ciano, Diary 1939-1945, pp. 481-3,501.

53 Correspondencia, III, pp. 124-5.

54 Documents secrets, pp. 96-101.

55 Kleinfeld & Tambs, Hitler*s Spanish Legion, p. 195; в беседах с немцами генерал утверждал, что Дон Хуан Бурбон был сыном англичанки, а Англия — злейший враг Испании.

56 Documents secrets, pp. 101-3,105-6; DDI, 9ª VIII, p. 625, 677.

57 Hitler*s Table Talk, pp. 568-70, 691-4; Akten zur deutschen auswartigen Politik 1941-1945, Series E, Vol. Ill (Gottingen, 1969) pp. 140-1; Kleinfeld & Tambs, Hitler's Spanish Legion, pp. 191-7, 204; Garriga, Yagiie, pp. 210-11; Payne, Franco Regime, p. 301.

58 Feis, Spanish Story, p. 188.

59 Arriba, 18, 24 July 1942; The Times, 18 July, 4 August 1942;

Correspondencia, III, pp. 146-7; Sana, Franquismo, pp. 262-3.

60 Donald Downes, The Scarlet Thread: Adventures in Wartime Espionage (London, 1953) pp. 91-103; Cave Brown, Last Hero, pp. 226-30.

61 DDI, 9", VIII, pp. 725-7.

62 Arriba, 15 August 1942; The Times, 17 August 1942. Suarez Fernandez, Franco, III, pp. 343-4.

63 Sana, Franquismo, pp. 259-60.

64 Hamilton, Appeasements Child', p. 90; Garriga, Franco-Serrano Sufier, p. 134.

65 Hamilton, Appeasements Child, p. 97; Pike, Stigma, pp. 384, 402; Feis, Spanish Story, p. 181; Fernandez, Tensiones militares, pp. 41-3.

66 Garriga, Espana de Franco, pp. 357-67, 373-8; Toquero, Franco y Don Juan, p. 55.

67 Toquero, Franco y Don Juan, p. 51.

68 Sainz Rodriguez, £/n reinado, p. 290.

69 F0371/31236, C8368/220/41, Correspondencia, III, p. 166.

70 F0371/31237, C8740/ 220/41.

71 Garcia Lahiguera, Serrano Sufier, pp. 227-8; Hoare, Ambassador, p. 165.

72 Arriba, 22, 23, 25 August 1942; The Times, 22, 24, 25 August 1942. Palabras del Caudillo

1937-1942, pp. 267-80; эта речь после 1945 года ни разу не публиковалась.

73 Serrano Suner, Memorias, pp. 364-71; Sana, El franquismo, pp. 263-9; Garcia Lahiguera, Serrano Sufier, pp. 215-29; Payne, Falange, pp. 216, 219-20, 234-6; Doussinague, Espana tenia razon, p. 130; Laureano L6pez Rodo, La larga marcha hacia la monarquia (Barcelona, 1977), pp. 503-7; Antonio Marquina Barrio, 'El atentado de Begona*, Historia 16, No. 76, August 1982, pp. 11-19.

74 F0371/31236, C8350/ 220/41 & C8427/220/41; Correspondencia, III, pp. 175-6, 187-9; Toquero, Franco y Don Juan, p. 54.

75 F0371/31236, C8555/ 220/41; Correspondencia, III, pp. 192-3; Toquero, Franco y Don Juan, p. 55; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 28-30.

76 F0371/31237, C8740/ 220/41.

77 Sana, El franquismo, pp. 271-6. Ellwood, Spanish Fascism, pp. 84-90; Hoare, Ambassador, pp. 140, 164-71; Doussinague, Espana tenia razon, pp. 130-1; Marquina, Begoha, pp. 11-19.

78 La Vanguardia Espanola, 4 September 1942.

79 Serrano Suner, Memorias, p. 371; Ruhl, 111 Reich, pp. 118-19.

80 Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp.

168-9.

81 Serrano Suner, Memorias, p. 358; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 171.

82 Arriba, 4 September; La Vanguardia Espanola, 4, 5 September 1942; Sana, El franquismo, pp. 267, 271-3; Serrano Suner, Memorias, pp. 370-2; Garriga, Espana de Franco, pp. 377-80.

83 Toquero, Franco y Don Juan, p. 55.

84 Arriba, 4 September; La Vanguardia Espanola, 5 September 1942; Garriga, Los validos, pp. 126-63.

85 The Times, 4, 5, 6 September; Daily Telegraph, 4 September 1942; Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar; pp. 211-18; Von Hassell, Diaries, pp. 239-48.

86 Kleinfeld & Tambs, Hitler*s Spanish Legion, pp. 207-8.

87 Ruhl, 111 Reich, pp. 118-19.

88 Hitler*s Table Talk, p. 694.

89 Ciano*s Diaries, pp. 501, 511; Correspondencia, III, pp. 197, 200, 223.

90 Serrano Suner, Memorias, pp. 447-55.

91 Pietri, Mes Annies, p. 65.

92 Arriba, 4 September 1942.

93 Javier Tusell, 'Franco no fue neutral*, Historia 16, no. 141, 1988, p. 17.

94 Javier Tusell, 'Un giro fundamental en la politica espanola durante la segunda guerra mundial: la llegada de Jordana al Ministerio de Asuntos Exteriores', Jose Luis Garcia Delgado, editor, El primer franquismo: Espana durante la segunda guerra mundial (Madrid, 1989), p. 284.

95 La Vanguardia Espanola, 22 September; Ya, 22 September; The Times, 23 September 1942.

96 Tusell, 'Franco no fue neutral*, p. 17.

97 Correspondencia, III, pp. 198, 204-5,212-14; Tusell, 'Un giro fundamental*, p. 286.

98 FRUS 1942, III, pp. 295-8; Beaulac, Career Ambassador, pp. 181,186; Javier Tusell, 'La etapa Jordana (1942-1944)*, Espacio, Tiempoy Forma (UNED, Madrid) Serie V., tomo 2, 1989, pp. 169-89.

99 Bulletin of Spanish Studies, Vol. XIX, No. 76, October 1942, p. 200.

100 Hitler*s Table Talk, pp. 514-15.

101 Hitler's Table Talk pp. 567-9, 607-8, 691-4.

102 Hayes, Wartime Mission, pp. 71-2.

103 Butcher, My Three Years, pp. 111-12.

104 Jose Maria de Areilza, Embajadores sobre Espaha (Madrid, 1947), pp. 4-5, 57-8; Hills, Gibraltar; pp. 436-8.

105 Smyth, Screening «Torch»', passim.

106 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 69-87, pp. 71-3.

107 FRUS 1942, III, pp. 299-302.

108 F0371/31230, C10035/ 175/41; Hoare, Ambassador, pp. 173-4.

109 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 98-101.

110 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 82-6.

111 FRUS 1942, III, p. 303.

112 FRUS 1942, III, pp. 301-2.

113 F0371/ 49663, Z132 72/11696/41; Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 98-105.

114 FRUS 1942, III, pp. 303-6; Churchill & Roosevelt I, pp. 664-6; Cadogan, Diaries, pp. 489-

90; Hoare, Ambassador, p. 163, 176-9.

115 Baon, La cara humana, p. 140; Correspondencia, III, pp. 244-5.

116 Hayes, Wartime Mission, pp. 86-94; Beaulac, Career Ambassador, pp. 187-8; Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 90-2; Correspondencia, III, pp. 243-5; Butcher, My Three Years, p. 179; FRUS 1942, III, pp. 306, 308.

117 Correspondencia, 1П, pp. 254-5.

118 Kindelan, La verdad, pp. 32-6, 50-9,125-7.

119 El Alcdzar, 13 November 1942.

120 Carlos Iniesta Cano, Memorias y recuerdos (Barcelona, 1984), pp. 149-50.

121 Ruhl, 111 Reich, pp. 178-82; Garriga, Yagiie, pp. 222-3.

122 FRUS 1942, III, pp. 308-11; Cave Brown, Last Hero, p. 233.

123 Butcher, My Three Years, p. 193.

124 FRUS 1942, III, pp. 313-14.

125 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 103-5; FRUS 1942, III, p. 311.

126 Hoare, Ambassador, pp. 176-82; Hayes, Wartime Mission, pp. 92-6.

127 Garriga, Espana de Franco, pp. 407-8.

128 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 207.

129 Doussinague, Espana tenia razdn, p. 204.

130 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 106-7.

131 Doussinague, Espana tenia razdn, p. 205.

132 FRUS 1942, III, pp. 312-13.

133 Franco, Palabras del Caudillo 1937-1942, p. 597.

134 ABC, 6 December 1942.

135 Franco, Palabras del Caudillo 1937-1942, pp. 599-607.

Глава 19

1 ABC, 18,19,20 December; Arriba, 18,19,20 December; Didrio de Lisboa, 17,19,20 December 1942; Doussinague, Espana tenia razdn,

pp. 116-26.

2 Ram6n Garriga, La Espaha de Franco: de la Divisidn Azul al pacto con los Estados Unidos (1943 a 1951) (Pueblą, 1971), p. 9.

3 Butcher, My Three Years, pp. 211, 283.

4 Correspondencia de Pedro Teotdnio Pereira para Oliveira Salazar IV (1943-1944) (Lisbon, 1991), pp. 22-3.

5 Correspondincia, IV, p. 58; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 10-13; Kleinfeld & Tambs, Hitler's Spanish Legion, pp. 229-35.

6 FRUS 1942, III, pp. 313-17.

7 Doussinague, Espana tenia razdn, p. 205.

8 Fernando Eguidazu Palacios, 'Factores monetarios y de balanza de pagos en la neutralidad espanola', Revista de Estudios Internacionales, no. 2, abril-junio 1984, pp. 355-83.

9 Documents secrets, pp. 116-20.

10 Documents secrets, pp. 121-4.

11 Documents secrets, pp. 124-7.

12 Doussinague, Espana ten(a razdn, p. 205.

13 Kleinfeld & Tambs, Hitler*s Spanish Legion, pp. 234-7.

14 Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 143-4; Hoare, Ambassador, pp. 184-5.

15 Curt PrUfer, Rewriting History: The Original and Revised World War II Diaries of Curt Priifer, Nazi Diplomat (Kent, Ohio, Kent State University Press, 1988), pp. 23, 39, 166.

16 Lomax, Diplomatic Smuggler; p. 86; Cross, Hoare, pp. 183, 337; Doussinague, Espaha tenia razdn, pp. 128-9.

17 Correspondencia, III, pp. 280-1; Piėtri, Mes annėes, p. 86.

18 Ruhl, HI Reich, pp. 49-50; Hayes, Wartime Mission, p. 96; Doussinague, Espaha tenia razon, pp. 131-3.

19 Documents secrets, pp. 127-30; Garriga, De la Divisidn Azul, p. 30.

20 Documents Secrets, pp. 131-4. 21 Doussinague, Espaha tenia razon, p. 206.

22 Documents secrets, pp. 140-2; The Spanish Government and the Axis (Washington, 1946), p. 35.

23 Garriga, De la Divisidn Azul, p. 31.

24 Ya, 28 February, 21 April 1943.

25 Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 191-3.

26 FRUS 1943, II, p. 597.

27 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 43-6.

28 Arriba, 5, 8, 19, 21, 24, 27 January, 19, 21, 27 February; lnformaciones, 7, 9, 13, 25 January

1943.

29 Arriba, 10, 25, 27 February 1943.

30 FRUS 1943, П, p. 598-601.

31 La Vanguardia Espanola, 19, 20, 24 January; Arriba, 24 January 1943; Kleinfeld & Tambs, Hitler*s Spanish Legion, pp. 239-40.

32 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 19-27; Sudrez Ferndndez, Franco, III, p. 370.

33 ABC, 16 February 1943, полный текст приведен в: Josė Luis de Arrese, Escritos y discursos (Madrid, 1943), pp. 183-92.

34 ABC, 28 February 1943.

35 El Alcdzar, 1 March 1943.

36 Documents secrets, pp. 135-6.

37 Hoare, Ambassador, pp. 184-96; Documents secrets, pp. 143-9.

38 Merida, Testigos, pp. 218-19.

39 Hayes, Wartime Mission, pp. 97-8; Francis J. Spellman, Action This Day: Letters From The Fighting Fronts (London, 1944) pp. 20-1.

40 Kleinfeld & Tambs, Hitler*s Spanish Legion, pp. 310-13.

41 Bernardo Dfaz-Nosty, Las Cortes de Franco (Barcelona, 1972), pp. 15-32.

42 Arriba, 18, 19, 20, 21 March 1943; The Times, 18 March 1943.

43 Correspondencia, IV, pp. 31, 45-7; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 48-50.

44 ABC, 17 April 1943; Correspondencia, IV, pp. 118-23; Doussinague, Espaha tenia razdn, pp. 180-91; Hayes, Wartime Mission, pp. 129-30.

45 ABC, 18, 20 April; La Vanguardia Espanola, 20 April; El Alcdzar, 19 April 1943.

46 ABC, 2, 5, 7, 8, 9 May; Arriba, 2, 5, 12 May 1943; Doussinague, Espaha tenia razdn, pp. 207-9.

47 Statements made by HE. General Franco and Count Jordana on the International Policy of Spain (Madrid, 1943).

48 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 66-7.

49 Suarez Ferndndez, Franco, III, p. 409.

50 Piėtri, Mes annėes, pp. 86, 144.

51 Documents secrets, pp. 155-7; Hayes, Wartime Mission, pp. 99-104, 129-30; Doussinague, Espaha tenia razdn, pp. 209-10, 215-19; ABC, 18 April 1943.

52 ABC, 1 June; The Times, 3 June 1943.

53 Garriga, Yagiie, pp. 229-31.

54 The Times, 7 July 1943; Correspondencia, IV, pp. 213-14.

55 L6pez R6do, La larga marcha, pp. 36-8; Suarez Fernandez, Franco, III, 403.

56 Correspondencia, IV, pp. 23,31.

57 FRUS 1943, II, pp. 609-11; Hayes, Wartime Mission, p. 150.

58 Hoare, Ambassador, pp. 197-204.

59 Correspondencia, IV, p. 230; Garriga, De la Division Azul, pp. 83-6.

60 Arriba, 18 July; La Vanguardia Espahola, 18, 20 July; The Times, 18 July 1943.

61 Correspondencia, IV, pp. 234-9.

62 Tusell, La etapa de Jordana, p. 180.

63 L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 39-41.

64 La Vanguardia Espanola, 27, 28, 29 October; Arriba, 27, 28, 29, 30 July, 1 August 1943.

65 Gil Robles, La monarquia, pp. 51, 53; Mdrida, Testigos, p. 117.

66 Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, pp. 208-9; Raimundo Fernandez Cuesta, Testimonio, recuerdos y reflexiones (Madrid, 1985), pp. 221-2; Hoare, Ambassador, pp. 211-12.

67 FRUS 1943, II, pp. 611-17; F0371/34755, C88732/ 24/41; Hayes, Wartime Mission, pp. 157-62; Doussinague, Espaha tenia razdn, p. 229.

68 Hayes, Wartime Mission, p. 163.

69 Arriba, 13, 14 August; ABC, 12, 13 August; Ya, 13, 22, 26 August 1943.

70 Hayes, Wartime Mission, p. 165; FRUS 1943, II, pp. 617-19, 621.

71 FRUS 1943, II, pp. 619-20, 629-30.

72 L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 515-19; Gil Robles, La monarquia, p. 55.

73 Emmet John Hughes, Report from Spain (London, 1947), pp. 224-5; Duff, Spain, p. 306; Cf. Arthur P. Whitaker, Spain and the Defence of the West: Ally and Liability (New York, 1961) p. 22.

74 Gil Robles, La monarquia, p. 55; Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 161.

75 Cf. Ricardo de la Cierva, Historia del franquismo: I origenes y configuracion (1939-1945) (Barcelona, 1975), pp. 265-70.

76 F0371/34755, C9473/24/41, C9602/24/41; Hoare, Ambassador, pp. 218-22.

77 Arriba, 8 April 1943.

78 Ya, 1 September; ABC, 7, 10 September; The Times, 8 September; Arriba, 7, 8, 9 September 1943; Arrese, Escritos y discursos, pp. 213-31.

79 Femdndez, Tensiones militares, p. 91; La Cierva, Franquismo, I, p. 264.

80 Suarez Fernandez, Franco, III, p. 431.

81 Полный текст приведен в L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 43-4; Gil Robles, La monarquia, p. 60.

82 Josė Fortes & Restituto Valero, Que son las Fuerzas Armadas (Barcelona, 1977), p. 45; Tusell & Garcia Queipo de Llano, Franco y Mussolini, p. 224-5.

83 Sudrez Fernandez, Franco, III, p. 432.

84 Gil Robles, La monarquia, pp. 61, 67.

85 Woodward, British Foreign Policy, II, pp. 353-56, IV, pp. 8-17; Suarez Fernandez, Franco, III, p. 433; Gil Robles, La monarquia, p. 53.

86 Arriba, 16,18 September; lnformaciones, 13,14,15 September 1943.

87 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 101-4.

88 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 104-6.

89 La Vanguardia Espahola, 2 October 1943.

90 FRUS 1943, II, pp. 620-2; Hayes, Wartime Mission, p. 175.

91 La Vanguardia Espahola, 2 October 1943.

92 Suarez Femdndez, Franco, III, pp. 431-2; La monarquia, pp. 62, 68; Sana, Franquismo, p. 282; Payne, Military, p. 434; Heine, La oposicion, p. 261.

93 Gil Robles, La monarquia, pp. 55, 67, 360-6; Correspondencia, IV, pp. 326-30; Suarez Femdndez, Franco, III, p. 432.

94 FRUS 1943, II, pp. 622-7; Doussinague, Espaha tenia razdn, pp. 246-56.

95 Bulletin of Spanish Studies, Vol. XXI, No. 82, April 1944, p. 85; Hoare, Ambassador, pp. 239-40.

96 PRO F0371/34755, C10232/24/41.

97 FRUS 1943, II, pp. 632-711; Feis, Spanish Story, pp. 191-262; James W. Cortada, Relaciones Espaha-USA 1941-45 (Barcelona, 1973), pp. 23-126; Beaulac, Career Ambassador, pp. 163-72; Hayes, Wartime Mission, pp. 181-7.

98 FRUS 1943, II, pp. 634-5.

99 FRUS 1943, II, pp. 711-22.

100 FRUS 1943, II, pp. 631-2, 722-38,727-31; Cortada, Espaha-USA, pp. 40-53; Doussinague, Espana tenfa razdr, pp. 88-9, 280-90.

101 FRUS 1943, II, pp. 648-9; Hayes, Wartime Mission, pp. 191-3.

102 The Spanish Government and the Axis, pp. 34-7; Hoare, Ambassador, p. 258.

103 Hoare, Ambassador, pp. 246-7.

104 MAE, R1371/3B.

105 Sainz Rodriguez, Un reinado, pp. 359-62; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 520-3; Suarez Femdndez, Franco, III, pp. 478-81.

Глава 20

1 The Diaries of Edward R. Steninius, Jr., 1943-1946, edited by Thomas M. Campbell & George C. Herring (New York, 1975), pp. 21-2.

2 FRUS 1944, IV, (Washington, 1966) pp. 297-301; Hayes, Wartime Mission, pp. 210-11.

3 Correspondencia, IV, pp. 364-6,371-2.

4 Hayes, Wartime Mission, pp. 211-12.

5 FRUS 1944, IV, pp. 301-4.

6 Arriba, 23 January; Ya, 23 January; The Times, 25 January 1944.

7 Correspondencia, IV, pp. 388-9, 463, 498-500.

8 Correspondencia, IV, p. 389.

9 Hoare, Ambassador, pp. 249-56; FRUS 1944, IV, pp. 305-8; The Times, 29, 30 January 1944; Hayes, Wartime Mission, pp. 212-14.

10 FRUS 1944, IV, pp. 309-14; The Times, 1, 2 February 1944.

11 Doussinague, Espana tenia razon, pp. 305-8; Correspondencia, IV, p. 409.

12 Garriga, De la Division Azul, pp. 161-2.

13 FRUS 1944, IV, pp. 319-25; The Times, 3 February 1944.

14 FRUS 1944, IV, pp. 325-7.

15 FRUS 1944, IV, pp. 332-6; The Times, 8 February 1944.

16 Hayes, Wartime Mission, pp. 215-20.

17 ABC, 2, 19, 25 February; El Alcazar, 2 February; Arriba, 2, 3 February, 5 March 1944.

18 Correspondencia, IV, p. 432.

19 Churchill & Roosevelt, II, pp. 725-6, 728, 751; Cadogan, Diaries, pp. 602-3; Stettinius, Diaries, pp. 28-9; Hoare, Ambassador, pp. 257-62.

20 FRUS 1944, IV, pp. 344-5.

21 ABC, 10, 12 February 1944.

22 FRUS 1944, IV, pp. 338-9.

23 FRUS 1944, IV, pp. 339-44; Correspondencia, IV, pp. 427-8.

24 FRUS 1944, IV, pp. 346-53.

25 Corresponding, IV, pp. 447, 452-3, 455-6, 469, 642.

26 Correspondencia, IV, pp. 453-4, 456.

27 The Times, 3 April 1944.

28 ABC, 25, 26 March, 23 April; Arriba, 24 March, 16 April 1944.

29 FRUS 1944, IV, p. 400; Corresponding, IV, p. 469.

30 Churchill to Roosevelt, 30 March, 17, 22 April, Roosevelt to Churchill, 21, 25 April 1944, Churchill & Roosevelt, III, pp. 66-8, 99, 106-8, 114; FRUS 1944, IV, pp. 353-408; Cadogan, Diaries, pp. 622-3; Hoare, Ambassador, pp. 262-6; Hayes, Wartime Mission, pp. 217-25; Dean Acheson,

Present at the Creation: My Years in the State Department (New

York, 1969), p. 95.

31 FRUS 1944, IV, pp. 408-14; The Times, 3 May 1944.

32 ABC, 3, 7, 9 May; Arriba, 10 May 1944.

33 Correspondencia, IV, p. 531.

34 Hayes, Wartime Mission, p. 229; Hoare, Ambassador, pp. 267-8.

35 FRUS 1944, IV, pp. 414-23.

36 Correspondencia, IV, pp. 576-7.

37 Pietri, Mes Annies, pp. 73-4.

38 Garriga, De la Division Azul, pp. 177-9.

39 400 H.C.DEB., 5s, cc. 768-72; Hoare, Ambassador, p. 267.

40 ABC, 25, 26 May; Ya, 26, 30 May; Arriba, 31 May 1944.

41 Martinez Nadal, Antonio Torres, pp. 183-6; Suarez Femdndez, Franco, III, p. 495.

42 Dalton, War Diary, 9 June 1944, pp. 755-6.

43 Churchill & Roosevelt, III, pp. 162-3.

44 Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 189,191-6.

45 Arriba, 17 May, 14, 17 June, 11 July, 17 August; ABC, 17 June, 7 July; Ya, 20 June, 21 July

1944.

46 Arriba, 30 July, 1, 5, 9, 13, 27 August; ABC, 25 August 1944.

47 Serrano Suner, Memorias, p. 358; Sana, Franquismo, p. 281. F0371/ 49663, Z13272/11696/41.

48 La Vanguardia Espanola, 18 July 1944.

49 Arriba, 18, 21 July 1944.

50 ABC, 18, 22, 23 August; Arriba, 19, 24, 25 August 1944.

51 Hoare, Ambassador, pp. 269-72; Garriga, De la Division Azul, pp. 201-3.

52 Arriba, 13, 15 August 1944.

53 Correspondencia, IV, pp. 601-2.

54 Correspondencia, IV, p. 608.

55 Sana, Franquismo, p. 321.

56 Garriga, De la Division Azul, p. 204; Cava Mesa, Lequerica, pp. 208-13.

57 Pietri, Mes annėes, pp. 253-6; Hayes, Wartime Mission, pp. 253-4; Hughes, Report, pp. 211-12.

58 ABC, 26 September 1944.

59 Arriba, 6 September 1944; Hayes, Wartime Mission, pp. 259-62; Sana, Franquismo, p. 281.

60 F0371/39671, C13318/23/41.

61 F0371/39671, C14492/23/41.

62 Arriba, 30 September; ABC, 30 September 1944.

63 Suarez Fernandez, Franco, III, pp. 543-4.

64 Hoare, Ambassador, p. 283; полный текст приведен на pp.

300-4.

65 PRO PREM 8/106.

66 Arriba, II, 26 October 1944.

67 Martin Gilbert, Road to Victory: Winston S. Churchill 1941-1945 (London, 1986) p. 749.

68 PRO PREM B/106.

69 Correspondencia, IV, p. 703.

70 ABC, 7, 8 November; Ya, 1 November; Arriba, 8 November 1944; Franco ha dicho . . . (Madrid, 1947), pp. 239-45; Sudrez Fernandez, Franco, I, p. 17.

71 Suarez Fem&ndez, Franco, III, p. 551.

72 PRO PREM 8/106.

73 Bulletin of Spanish Studies, Vol. XXII, No. 85, January 1945, p. 47.

74 Hull, Memoirs, II, pp. 1334-5.

75 PRO PREM 8/106.

76 PRO PREM 8/106.

77 PRO PREM 8/ 106.

78 Gilbert, Road to Victory, p. 1071.

79 F0371/39672, Z17266/ 23/41; Hoare, Ambassador, pp. 283-4; Cross, Hoare, pp. 343-4; Hayes, Wartime Mission, p. 243.

80 F0371/49587, Z1595/ 233/41; Bulletin of Spanish Studies, Vol. XXII, No. 86, April 1945, pp. 86-7.

81 Corresponding, IV, p. 738; La Vanguardia Espanola, 24 December 1944; Garriga, La Sehora, pp. 197-8.

82 F0371/49587, Z381/233/41.

83 PRO PREM 8/106; Winston S. Churchill, The Second World War, VI, Triumph and Tragedy (London, 1954), pp. 616-17.

84 PRO PREM 8/106; Gilbert, Road to Victory, p. 1071; Hoare, Ambassador, pp. 304-6.

85 F0371/39672, C18083/23/41.

86 Alberto J. Lleonart y Anselem & Fernando Marfa Castiella y Maiz, Espana y ONU 1 (1945-46) (Madrid, 1978) pp. 10-11.

87 F0371/39671/C 13318/23/41.

88 ABC, 23 January; Ya, 24 January 1945.

89 Arriba, 6 December 1944, 9 March 1945; ABC, 9 December 1944; Ya, 17 December 1944.

90 Final Entries 1945. The Diaries of Joseph Goebbels edited, by Hugh Trevor-Roper (New York,

1978), 1 March 1945, p. 17.

91 F0371/49857, Z1359/ 233/41; Ansaldo, LPara ąuė. .. ?, pp. 313-14.

92 F0371/49587, Z3353/233/41.

93 Florentine Portero, Franco aislado: la cuestion espanola

(1945-1950) (Madrid, 1989), pp. 75-6.

- 94 F0371/49581, Z904/ 118/41.

95 Ya, 21 January 1945.

96 F0371/49581, Z1559/118/41.

97 FRUS 1948, III, pp. 679-80; F0371/49589, Z7338/233/41; F0371/49613, Z10105/537/41.

98 F0371/49581, Z1907/118/41.

99 FRUS 1945, V, pp. 672-3; F0371/49611, Z4450/537/41.

100 Arriba, 13, 17, 18, 23, 24, 25 March; ABC, 18, 24, 25 March 1945.

101 ABC, 12 April 1945.

102 Goebbels, Final Entries, pp. 199, 212, 220,227; Doussinague, Espana tenia razdn, pp. 346-8.

103 FRUS 1945, V, (Washington, 1967) pp. 667-8.

104 FRUS 1945, V, pp. 672-3.

105 FRUS 1945, V, pp. 668-71; Paul Preston, The Politics of Revenge: Fascism and the Military

in 20th Century Spain (London, 1990), chapter 2.

106 F0371/49587, Z1595/233/G41; Suarez Fernandez, Franco, IV, p. 21; La Cierva, Historia del franquismo, I, p. 294.

107 Lopez Rod6, La monarquia, pp. 48-50; Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 18-19.

108 Kindelan, La verdad, p. 89.

109 F0371/49629, Z4138/1484/41.

110 ABC, 6 April 1945; Kindelan, La verdad, pp. 229-36.

111 F0371/49589, Z5249/1484/G41.

112 Javier Tussell, Franco y los catdlicos: la politico interior espanola entre 1945 y 1957 (Madrid, 1984) p. 60.

113 Vdzquez Montalban. Los demonios, p. 105.

114 F0371/49587, Z4137/233/41; Ricardo de la Cierva, Francisco Franco: un siglo de Espana 2 vols (Madrid, 1973), II, p. 406.

115 Arriba, 28 March 1945.

116 Ya, 1, 3 April; ABC, 3 April 1945.

117 FRUS 1945, V, pp. 673-6.

118 Ya, 31 January, 18 February, 1, 14 March; Arriba, 14 February 1945.

119 ABC, 14 March, 23 April 1945.

120 F0371/49589, Z7338/233/41.

121 FRUS 1945, V, pp. 676-8.

122 F0371/495 50, Z6008/2/41; Z6421/7/41.

123 FO371/49550, Z7213/7/41.

124 ABC, 26 April; Mundo, 29 April 1945.

125 Arriba, 3, 5, 10 May; ABC, 3, 11 May; Informaciones, 3, 7 May; The Times, 3 May 1945.

126 The Times, 11 May 1945; Foltz, Masquerade, pp. 279-81.

127 Arriba, 8 May; ABC, 8 May 1945.

128 Francisco Franco, Textos de doctrina politica: palabras y escritos de 1945 a 1950 (Madrid, 1951), pp. 5-8,611-13.

129 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question, pi 12.

1 Soriano, La mano, p. 159; Merida, Testigos, p. 225.

2 Tussell, Franco y los catdlicos, pp. 54-5.

3 Tusell, Franco y los catdlicos,pp. 56-8.

4 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 58-9.

5 Suarez Fernandez, Franco, I, p. 19.

6 Franco, Textos de doctrina politica, p. 613; The Times, 4 April 1945.

7 Max Gallo, Spain Under Franco:A History (London, 1973), pp. 153-9.

8 Garriga, Nicolds Franco, p. 266.

9 Garriga, De la Divisidn Azul, p. 311.

10 Garriga, De la Divisidn Azul, p. 424.

11 Lleonart, Espana y ONU, I, pp. 30-3.

12 F03711/49589, Z7876/233/41.

13 Pemdn, Mis encuentros, p. 185.

14 Franco, Textos 1945-1950, pp. 9-12.

15 Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 34-5.

16 The Times, 18 June 1945.

17 La Vanguardia Espahola, 18 July; The Times, 18 July 1945; Franco, Textos 1945-1950, pp. 15-25.

18 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 63-77; Sudrez Femdndez, Franco, IV, p. 44; Gil Robles, La monarquia, pp. 126-7; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 334-5.

19 Equipo Mundo, Los 90 Ministros de Franco (Barcelona, 1970), pp. 185-202; Payne, Franco Regime, pp. 350-1.

20 Merida, Testigos, p. 197.

21 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 61-2.

22 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 84-94, 118; Portero, Franco aislado, pp. 1Q6-10.

23 F0371/49589, Z7168/ 233/41; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 54-5; Gil Robles, La monarquia, pp. 134-5.

24 F0371/49612, Z9049/537/G41; Duff, Spain, p. 310; Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 37-41; Churchill, Second World War, VI, p. 566; Harry S. Truman, Memoirs, Year of Decisions 1945 (London, 1955), pp. 272-3,284-5.

25 F0371/49612, Z94049/537/G41.

26 FRUS 1945, II, pp. 1499, 1509; Qasim Bin Ahmad, The British Government and the Franco Dictatorship, 1945-1950 Ph.D. thesis, University of London, 1987, pp. 65-70.

27 F0371/49617, Z8861/829/41.

28 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 96-7.

29 Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 42-4; FRUS 1945, V, p. 683.

30 Jos6 Marfa del Valle, Las instituciones de la Repūblica en exilio (Paris, 1976), pp. 113-31; Heine, La oposicidn, pp. 157-74.

31 Garriga, De la Divisidn Azul, p. 354.

32 Franco, Textos 1945-1950, pp. 5-25.

33 413 H.C.DEB, 5s, col.296; Alan Bullock, Ernest Bevin: Foreign Secretary 1945-1951 (London, 1983), pp. 71-2.

34 F0371/49613, Z9949/537/41.

35 Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 55-7.

36 F0371/49613, Z9844/537/41; F0371/49613, Z9941/537/41, Z10132/537/41; Garriga, De la Division Azul, pp. 359-61.

37 Angel Vinas, Los pactos secretos de Franco con Estados Unidos: bases, ayuda economica, recortes de soberanta (Barcelona, 1981), p. 27.

38 L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 57-59; Tusell, Franco y los catolicos, pp. 99-100.

39 Tusell, Franco y los catolicos, p. 100.

40 F0371/ 49590, Z10932/233/41, Z11432/233/41.

41 F0371/49580, Z10630/110/ 41; FO371/49580, Z10685/110/41; FO371/49580, Z10918/110/ 41; Portero, Franco aislado, pp. 111-12.

42 F0371/ 49613, Z10105/537/41.

43 Portero, Franco aislado, pp. 133-8; Randolph Bernard Jones, The Spanish Question and the Cold War 1944-1953 (Ph.D. thesis, University of London, 1987), pp. 49-51.

44 Gil Robles, La monarqufa, p. 131.

45 Ansaldo, i?ara que . . . ?, pp. 332, 336; Garriga, De la Division Azul, p. 295.

46 Franco, Textos 1945-1950, pp. 539-49.

47 Garriga, De la Division Azul, pp. 382-6; Sana, Franquismo, pp. 289-92, 301-3; Suarez Femdndez, Franco, IV, pp. 58-9.

48 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 100-2; Suarez Femdndez, Franco, IV, pp. 52-3.

49 La Vanguardia Espanola, 2 October 1945; Arriba, 2 October 1945.

50 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 102-6; ABC, 12 October 1945.

51 ABC, 27 October; Arriba, 27 October 1945; Trythall, Franco, pp. 203-4. Полный текст речи не публиковался до 1960 г., Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1955-1959 (Madrid, 1960), pp. 739-53.

52 Suarez Femdndez, Franco, IV, p. 102.

53 FRUS 1946 (Washington, 1969) V, p. 1039.

54 F0371/49629, Z13504/1484/G41.

55 Kindelan, La verdad, p. 287.

56 FRUS 1945, V, pp. 684-7.

57 FRUS 1945, V, pp. 690-2.

58 F0371/49581, Z1296/ 118/41.

59 FRUS 1945, V, pp. 694-5.

60 F0371/49614, Z13350/537/41.

61 F0371/49629, Z13504/1484/G41.

62 FRUS 1945, V, pp. 695-7; Mallet to Bevin, I December 1945, F0371/49614, Z13350/537/41.

63 416 H.C.DEB, 5s, cols.2314-2315; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 410-11.

64 F0371/49614, Z13392/537/41.

65 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 111-12.

66 Литература о действиях партизан весьма неоднородна. Точка зрения представителей режима изложена в: Tomas Cossfas, La lucha contra el «maquis» en Espaha (Madrid, 1956); Francisco Aguado Sdnchez, El Maquis en Espaha: su historia (Madrid, 1975); Francisco Aguado Sdnchez, El Maquis en Espaha: sus documentos (Madrid, 1976). С противоположной точкой зрения можно познакомиться в: Andres Sorel, Bhsqueda, reconstruccidh e historia de la guerrilla espanola del siglo XX, a travės de sus documentos, relatos y protagonistas (Paris, 1970); Carlos J. Kaiser, La guerrilla antifranquista: historia del maquis (Madrid, 1976); Eduardo Pons Pradės, Guerrillas espaholas 1936-1960 (Barcelona, 1977); Hartmut Heine, A guerrila antifranquista en Galicia (Vigo, 1980); Daniel Arasa, Ahos 40: los maquis y el PCE (Barcelona, 1984).

67 Garriga, De la Divisidn Azul, p. 415.

68 Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 1П, 113.

69 F0371/49548, Z1360/7/41; Foltz, Masquerade, pp. 278-85; Sana, Franquismo, pp. 305-8; Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 108, III.

70 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question,

pp. 16-21.

71 F0371/60331, Z1827/8/ 41.

72 Replica del Gobierno espanol a la publicacion hecha por el Departamento de Estado (Madrid, 1946); Lleonart, Espana y ONU, I, pp. 67-80.

73 Franco, Textos 1945-1950, pp. 334-5.

74 The Times, 20 May 1946.

75 Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 53,62-3.

76 FO371/60373, Z2125/41/41; L6pez Rod6, La larga marcha, p. 62; Xavier Tusell, La oposicion democrdtica al franquismo 1939-1962

(Barcelona, 1977), pp. 114-16.

77 F0371/60373, Z1741/41/41; Kindelan, La verdad, pp. 128-30,254; Tusell, Franco y los Catdlicos, pp. 150-1.

78 Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 127-32, 153-7, 301.

79 Gil Robles, La monarquia, pp. 161-2.

80 Tusell, La oposicidn democrdtica, pp. 114-16; Gil Robles, La monarquia, p. 163, 1168-9.

81 Arriba, 5 January, 17, 19, 20 February 1946; ABC, 5, 9 January, 22, 23 February 1946; The Times, 11 February, 20 May 1946; Gil Robles, La monarquia, p. 168.

82 FRUS 1946, V, p. 1030.

83 FRUS 1946, V, pp. 1033-6, 1038-42,1044-5.

84 F0371/60349, Z60111/ 36/41; FO371/60349, Z882/36/41.

85 418 p.C.DEB, 5s, C.142.

86 Lleonart, Espana y ONU, I, pp. 57-9.

87 Gregorio Moran, Miseria y grandeza del Partido Comunista de Espana 1939-1985 (Barcelona, 1986) pp. 103, 107; David Wingeate Pike, Jours de gloire, jours de honte: le Parti Comuniste d'Espagne en France depuis son arrivee'en 1939jusque 'a son depart en 1950 (Paris, 1984), p. 59.

88 F0371/603352, Z210/36/41.

89 FRUS 1946, V, pp. 1043-4.

90 F0371/60352, Z210/36/41.

91 The Times, 5 March 1946; Whitaker, Spain, pp. 25-7; Portero, Franco aislado, pp. 151-5.

92 Tusell, Franco y los catdlicos, p. 115.

93 Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 34-44.

94 The Economist, 9 March 1946.

95 Arriba, 8 March 1946; ABC, 8 March 1946.

96 FRUS 1946, V, pp. 1049-58.

97 F0371/60354, Z2886/36/41; FRUS 1946, V, pp. 1062-4.

98 L6pez Rod6, La monarquia, pp. 69-70.

99 Arriba, 2 April 1946.

100 Arriba, 1 April 1946; Franco, Textos 1945-1950, pp. 551-2.

101 Stettinius, Diaries, pp. 466-9; Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 81-3.

102 Franco, Textos 1945-1950, pp. 31-59; The Times, 15 May 1946.

103 United Nations, Security Council, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question; FRUS 1946, V, pp. 1072-4; Portero, Franco aislado, pp. 174-6.

104 Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 109-20; FRUS 1946, V, pp. 1075-7.

105 423 H.C.DEB. 5s, cols.2016-2017.

106 Agustfn del Rfo Cisneros, Politica intemadonai de Espana: El caso espanol en la ONU y en el mundo (Madrid, 1946) passim.

107 Tusell, Franco y los catdlicos, p. 153.

108 Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 104-9,130-96.

109 Tusell, Catdlicos, p. 116.

110 Arriba, 18 July 1946.

111 Arriba, 1, 2 October; ABC, 1, 2 October; La Vanguardia Espahola, 1, 2 October 1946; The Times, 2 October 1946.

112 Lleonart, Espaha y ONU, I, p. 215.

113 Arriba, 14 November 1946.

114 Arriba, 30 November 1946.

115 Lleonart, Espaha y ONU, I, pp. 240-94.

116 FRUS 1946, V, pp. 1080-2.

117 Tusell, Franco y los catolicos, p. 154.

118 Arriba, 10 December; La Vanguardia Espanola, 10 December 1946.

119 ABC, 10, 11, 12, 13 December 1946; Lleonart, Espana y ONU, I, pp. 310-89.

120 Tusell, Franco y los Catolicos, p. 154.

121 The Times, 17 December 1946; Garriga, De la Division Azul, p. 469.

Глава 22

1 FRUS 1946, V, pp. 1085-8.

2 Peman, Mis encuentros, pp. 118-19.

3 Payne, Franco Regime, p. 403; La Cierva, Franquismo, I, p. 384; Garriga, Los validos, pp. 228-30.

4 Arriba, 14 December 1946; Suarez Fernandez, Franco, IV, 21 pp. 139-40; J. Boor, Masoneria (Madrid, 1952), pp. 8-9.

5 Baon, La cara humana, p. 99.

6 Bayod, Franco visto, p. 158.

7 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 73, 529-32; Gil Robles, La monarquia, pp. 138, 173-4.

8 Tusell, La oposicion democratica, pp. 117-120.

9 Garriga, De la Division Azul, pp. 472-4.

10 Del Valle, Repūblica en exilio, pp. 224-31.

11 Portero, Franco aislado, p. 182.

12 FRUS 1947 (Washington, 1972), III, pp. 1056-60.

13 Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 137,145-6,151-7.

14 Vaca de Osma, Paisajes, pp. 137-41.

15 Vaca de Osma, Paisajes, p. 132.

16 Franco, Textos, 1945-1950, pp. 219-26.

17 F0371/67868, Z4313/3/41G; F0371/ 67869, Z6479/3/41G.

18 The Times, 14 October 1946.

19 FRUS 1946, V, pp. 1079-80.

20 Kenneth O. Morgan, Labour in Power 1945-1951 (Oxford, 1984), pp. 251-3; Acheson, Present, pp. 294-301; Herbert Feis, From Trust to Terror: The Onset of the Cold War 1945-1950 (London, 1970), pp. 191-8.

21 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 75-99; Gil Robles, La monarquia, pp. 206-14, 388-93; Tusell, La oposicion democratica, pp. 161-9; Tusell, Franco y los catolicos, pp. 161-2.

22 FRUS 1947, pp. 1066-8.

23 Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 286-343.

24 F0371/67867, Z270/3/41 G.

25 FRUS 1947, III, pp. 1068-73; F0371/67867, Z3740/3/41.

26 F0371/67868, Z4093/3/41; FRUS 1947, III, pp. 1068-74.

27 FRUS 1947, III, pp. 1078-80; Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 125-34.

28 Mundo Obrero, 8 May 1947; El Socialista, 16 May 1947; Jose Maria Lorenzo Espinosa, Rebelion en la Ria. Vizcaya 1947: obreros, empresarios y falangistas (Bilbao, 1988), pp. 17-69.

29 Juan Carlos Jimenez de Aberasturi & Koldo San Sebastian, La huelga general del 1˚ de mayo de 1947 (articulos y documentos) (San Sebastian, 1991), pp. 48-61.

30 Le Monde, 9 May 1947.

31 Jimenez, La huelga, p. 61.

32 Nuestra Bandera, Nos. 17, 18, April-May, June 1947; L'Humanite, 13 May 1947.

33 Vinas, Guerra, dictadura, dinero, pp. 265-87; A. J. Lleonart y Anselem, Espana y ONU II (1947) (Madrid, 1983), p. 117.

34 Arriba, I November 1946.

35 Arriba, 14 January; ABC, 14, 15, 16, 17 January 1947.

36 Arriba, 28 March 1947; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 321.

37 Jose Marfa de Areilza, Memorias exteriores 1947-1964 (Barcelona, 1984) p. 28.

38 Arriba, 9, 10 June; ABC', 10 June; The Times, 9 June 1946; Observer, 13 June 1947; Garriga, La Senora, pp. 211-12.

39 Arriba, 24 June; Areilza, Memorias, pp. 216-18.

40 Whitaker, Spain, p. 25; Areilza, Memorias, pp. 216-18.

41 Ya, 6 July 1947; Arriba, 5, 6 July 1947.

42 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 163-5; Payne, Franco Regime, p. 375; Trythall, Franco, pp. 203-6.

43 Kindelan, La verdad, p. 344.

44 FRUS 1947, III, pp. 1084-5; F0371/67869, Z7004/3/41.

45 FRUS 1947, III, pp. 1085-7.

46 La Vanguardia Espanola, 18 July 1948; Gonzdlez, Liturgias, pp. 162-5.

47 Vaca de Osma, Paisajes, pp. 133-6; Suarez Fernandez, Franco, IV, p. 188-9.

48 Gil Robles, La monarquia, pp. 240-2; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 499-504.

49 F0371/67870, Z9291/3/41; The Times, 23, 24 October 1947.

50 FRUS 1947, III, pp. 1087-8.

51 Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 191-9.

52 FRUS 1947, III, pp. 1088-90.

53 FRUS 1947, III, pp. 1091-5; Walter Millis, ed., The Forrestal Diaries (New York, Viking Press, 1951), p. 328; Walter LaFeber, America, Russia and the Cold War 1945-1975 3rd ed. (New York, 1976), pp. 66-7.

54 FRUS 1947, 1П, pp. 1096-7; Lleonart, Espaha y ONU, П, pp. 230 — 313; Suarez Femdndez, Franco, IV, pp. 212-14.

55 Sudrez Femdndez, Franco, IV, p. 226.

56 Franco, Textos, 1945-1950, pp. 111-14.

57 FRUS 1948 (Washington, 1974), III, pp. 1017-20; F0371/67871, Z99S3/3/41.

58 Coles, Franco, p. 63; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 319.

59 Federico Sopena, Escrito de noche (Madrid, 1985), p. 133.

60 FRUS 1948, III, pp. 1020-5.

61 F0371/73333, Z1458/84/41.

62 FRUS 1948, III, pp. 1026-7.

63 Sudrez Femdndez, Franco, IV, p. 237.

64 FRUS 1948, III, pp. 1034-5,1039-40.

65 La Vanguardia Espanola, 31 March 1948; The Times, 1, 2 April 1948; Portero, Franco aislado, pp. 309-13; Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 239-40.

66 FRUS 1948, III, pp. 1028-30.

67 F0371/73336, Z7447/84/ 41.

68 Gil Robles, La monarquia, pp. 253,255.

69 Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 243-9.

70 Tusell, La oposcion democratica, pp. 197-202; Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 249-51.

71 Gil Robles, La monarquia, pp. 265-73; Sainz Rodriguez, Un reinado, pp. 220-2; FRUS 1949, IV, p. 755; Cf. Ramdn de Alderete, ... y èstos borbones nos quieren gobernar (Paris, 1974), pp. 56-8; The Times, 28 August; ABC, 29 August 1948.

72 Gil Robles, La monarquia, pp. 272-5.

73 Tusell, La oposicion democratica, pp. 203-5.

74 FRUS 1948, 1П, p. 1062.

75 ABC, 10 November 1948; Gil Robles, La monarquia, pp. 276-81,286.

76 Gil Robles, La monarquia, p. 302.

77 The Times, 13 November 1948; 460 H.C.DEB. 5s, C.1757; Gil Robles, La monarquia, pp. 278-83.

78 Gil Robles, La monarquia, pp. 298-301.

79 Acheson, Present, p. 151.

80 Cava Mesa, Lequerica, pp. 265-310; Harold Stein, ed., American Civil-Military Decisions: A Book of Case Studies (Birmingham, Alabama, 1963), pp. 675-6; R. Richard Rubottom & J. Carter Murphy, Spain and the United States Since World War II (New York, 1984), pp. 10-11; Vinas, Guerra, dictadura, dinero, pp. 284-7; Whitaker, Spain, pp. 32-4.

81 Suarez Femdndez, Franco, IV, p. 261.

82 F0371/73337, Z7957/84/41.

83 Arriba, 2 October 1948; ABC, 2 October 1948; Sudrez Fernandez, Franco, IV, pp. 266-9.

84 Arriba, 13 October 1948; 7Vze Times, 13 October 1948; Franco, Textos 1945-1950, pp. 571-4; Palabras del Caudillo abril 1937-diciembre 1942, pp. 235-7. ABC, 10 October 1948. Франко сказал в своей речи 9 октября, что в сражении с азиатскими ордами примут участие даже старики, женщины и дети.

85 ABC, 13 October; Arriba, 13, 14 October; The Times, 14 October 1948; Franco, Textos 1945-1950, pp. 601-2.

86 Garriga, Segura, pp. 294-6.

87 FRUS 1948, III, pp. 1053-4.

88 Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 273-5.

89 The New York Times, 12 November 1948; Franco, Textos, 1945-1950, p. 269; Whitaker, Spain, pp. 35-6.

90 FRUS 1948, III, p. 1063.

91 The New York Times, 12 November 1948; Franco, Textos, 1945-1950, p. 269; Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 150-1; Whitaker, Spain, pp. 35-6.

92 459 H.C.DEB. 5s, cc.718-19.

93 Franco, Textos, 1945-1950, pp. 131-6.

94 ABC, 1 January 1949; Serrano Suner, Memorias, p. 330.

95 Garriga, Franco-Serrano Suner, p. 182.

96 Bartolomė Barba Hemdndez, Dos anos al frente del Gobierno Civil de Barcelona y varios ensayos (Madrid, 1948), pp. 45-50; Rafael Abella, Por el Imperio hacia Dios: cronica de una posguerra (1939-1950) (Barcelona, 1978), pp. 101-32; Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 277-8.

97 Acheson, Present, pp. 331-3.

98 Laureano Lopez Rodo, Testimonio de una politica de Estado (Barcelona, 1987), pp. 197-200.

99 Portero, Franco aislado, pp. 316-17.

100 The Daily Telegraph and Morning Post, 1 February 1949;

Franco, Textos, 1945-1950, pp. 277-81.

101 460 H.C.DEB. 5s, pp. 1750-94.

102 FRUS 1949, IV, pp. 729-30; F0371/89479.WS101 1/1.

103 Whitaker, Spain, pp. 34-5; Gil Robles, La monarquia, pp. 291-2.

104 ABC, 1 April 1949; The Times, 1 April 1949; Franco, Textos, 1945-1950, pp. 137-43.

105 Whitaker, Spain, pp. 36-7.

106 FRUS 1949 (Washington, 1975), IV, pp. 721-4,730-5.

107 A. J. Lleonart y Anselem, Espana y ONU 111 (1948-1949): La cuestion espahola (Madrid,

1985) pp. 54-8,148-372; FRUS 1949, IV, pp. 742-3.

108 F0371/79710, Z3843/1054/41; F0371/ 79711, Z4321/1 054/41.

109 F03 71/79711, Z4321/1054/41; & F0371/79711, Z4604/ 1054/41.

110 Franco, Textos, 1945-1950, pp. 147-73.

111 Portero, Franco aislado, pp. 343-7.

112 The Times, 22 July 1949.

113 Sudrez Femdndez, Franco, IV, p. 365.

114 Gil Robles, La monarquia, pp. 304-6.

115 FRUS 1949; IN, p. 761.

116 Benjamin Welles, Spain: The Gentle Anarchy (London, 1965), pp. 286-7; Lowi, Bases, p. 692.

117 Cava Mesa, Lequerica, pp. 310-12; Lowi, Bases, pp. 677-80; Whitaker, Spain, pp. 23, 36-7; Vinas, Los pactos, pp. 43-4; Sudrez Femdndez, Franco, IV, pp. 366-7; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 548-9, 563-7.

118 FRUS 1949, IV, p. 761.

119 The Times, 22, 24, 25,28 October 1949; Arriba, 22,23, 25,26, 27 October 1949; Gil Robles, La monarquia, pp. 308-12; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 327-8.

120 Gil Robles, La monarquia, pp. 318-19.

121 469 H.C.DEB. 5s, C.2225.

122 Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 177-82.

123 Lowi, Bases, p. 683.

124 FRUS 1950, III, pp. 1549-55; F0371/89496, WS10345/3, WS 10345/4; F0371/89496, WS 10345/13.

125 F0371/89496, WS 10345/9.

126 Arriba. 24, 25 January 1950.

127 F0371/89480, W1013/3.

128 Arriba, 19 February 1950; F0371/89487, WS1021/8.

129 F0371/89480, W1013/4.

1 Preston, Politics of Revenge, pp. 141-2.

2 F0371/89484, WS1017/1.

3 Sanchez Soler, Villaverde, pp. 36-7,52-3.

4 F0371/89487, WS1021/15.

5 La Vanguardia Espanola, 11, 12 April 1950, Arriba, 11, 14 April 1950; ABC, 11, 12 April 1950; Garriga, La Sehora, pp. 222-4.

6 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 9, 17-18, 189; Franco, Nosotros, pp. 144-6, 215-20; Garriga, La Sehora, pp. 224-7, 243-4; Sanchez Soler, Villaverde, pp. 56-70, 76, 110-16.

7 Garriga, Franco-Serrano Suner, p. 179.

8 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 195; Penafiel, El General, pp. 140-1; Vaca de Osma, Paisajes, p. 189; Pilar Jaraiz Franco, Historia de una disidencia (Barcelona, 1981), p. 41.

9 Garriga, La Sehora, pp. 225-7; Fernandez, Franco, pp. 271-3.

10 FRUS 1950, III, pp. 1557-60.

11 473 H.C.DEB, 5s, No. 40-1.

12 Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 408-9.

13 Jakim Boor, Masoneria, pp. 137-41.

14 Vinas, Los pactos, p. 59.

15 Jakim Boor, Masoneria, pp. 121-9; Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 431-3.

16 FRUS 1950, III, pp. 1563-7.

17 David Caute, The Great Fear: The Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower (London, 1978), pp. 58-69, 566-7.

18 FRUS 1950, III, pp. 1560-2.

19 F0371/89502, WS1031/39; FO371/89502, WS1051/39; FO371/89503, WS1051/63.

20 F0371/89503, WS 1051/58.

21 F0371/89503, WS1051/ 69.

22 FRUS 1950, III, pp. 1574-6.

23 F0371/89504, WS1051/ 82.

24 F0371/89504, WS 1051/86.

25 A. J. Lleonart y Anselem, Espana y ONU IV (1950), La cuestion espanola (Madrid, 1991), pp. 215-62.

26 F0371/89506, WS1051/115; Lowi, Bases, p. 688.

27 Lleonart, Espana y ONU, IV, pp. 269-310; Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 191-5.

28 Arriba, 5 November 1950.

29 Sualez Fernandez, Franco, IV, p. 448, V, p. 24; Vinas, Los pactos, pp. 31-2.

30 FRUS 1950 (Washington, 1977), III, p. 1556.

31 FRUS 1949, IV, p. 755.

32 ABC, 7 November 1950.

33 F0371/89523, WS1 082/4; FO371/89508, WS1051/159; FO371/89509, WS1051/170; F0371/ 96173, WS 1051/6.

34 Arriba, 25 (Franco), 26 November, 3 (Carrero Blanco), 10 December 1950; ABC, 1 December 1950; Franco, Textos, 1945-50, pp. 325-7; F0371/96194, WS1081/4.

35 FRUS 1950, III, pp. 1573-4.

36 F0371/89507, WS1051/ 129.

37 Vinas, Los Pactos, pp. 59-60; Garriga, De la Division Azul, pp. 577-85.

38 Francisco Franco, Discursos y mensojes del Jefe del Estado 1951-1954 (Madrid, 1955), pp. 7-20.

39 Suarez Fernandez, Franco, IV, pp. 440-1.

40 Forrestal, Diary, p. 445.

41 Stanton Griffis, Lying in State (New York, 1952), pp. 73-96, 107-8, 249; Cava Mesa, Lequerica, pp. 319-21.

42 F0371/89507, WS1051/132.

43 The Times, 1 February 1951; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 7-9.

44 Griffis, Lying in State, pp. 284-5; Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 350-2.

45 Suarez Fernandez, Franco, IV, p. 413.

46 Franco, Discursos y mensajes 1951-1954, pp. 33-7; Trythall, Franco, p. 211.

47 Suarez Fernandez, Franco, V, p. 11; Garriga, De la Divisidn Azul, pp. 616-17.

48 ABC, 2 March 1951; Griffis, Lying in State, pp. 283-4.

49 F0371/96172, WS 10345/1 & WS 10345/2.

50 F0371/96174, WS1051/34; The Times, 16 March 1951; Griffis, Lying in State, pp. 284-5.

51 Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 11-12.

52 484 H.C.DEB, 5s, cc.1249-58, 20 February 1951; Suarez Fernandez, Franco, V, p. 12.

53 Qasim Bin Ahmad, The British Government, pp. 217-38; Jones, Spanish Question, pp. 195-211, 215-26.

54 F0371/89509, WS1051/ 170.

55 Sebastian Balfour, Dictatorship, Workers, and the City: Labour in Greater Barcelona since 1939 (Oxford, 1989), pp. 20-2.

56 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 43-8.

57 La Vanguardia Espanola, 3 March 1951.

58 F0371/96156, WS1016/17; F0371/96156, WS1 016/19; La Vanguardia Espanola, 13, 14 March 1951; Felix Fanes, La vaga de tramvies del 1951 (Barcelona, 1977), pp. 50-157; Balfour, Dictatorship, pp. 22-30; Franco Salgado Araujo, Mi vida, pp. 329-30;

Emilio Romero, Los papeles reservados 2 vols (Barcelona, 1985), I, pp. 119-30.

59 Garriga, De la Division Azul, pp. 595-6.

60 Garriga, De la Division Azul, p. 600.

61 F0371/96156, WS1016/16.

62 Griffis, Lying in State, pp. 269-70, 287-9; F0371/ 96183, WS 1071/36; Vinas, Los pactos, pp. 73-9.

63 F0371/96157, WS 1016/29; F0371/96157, WS1 016/3 8; F0371/96158, WS1016/41; Manuel Gonzalez Portilla & Jose Maria Garmendia, La posguerra en el Pala Vasco: politico, acumulacion, miseria (San Sebastian, 1988), pp. 275-84.

64 F0371/96158, WS1016/56/51.

65 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 50-1,57.

66 Arriba, 13, 15, 19 May 1951.

67 F0371/96174, WS1051/27; The Daily Mail, 29 May 1951.

68 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 112-13; 550-4.

69 Vinas, Los pactos, pp. 87-90.

70 Vinas, Los pactos, pp. 90-1.

71 F0371/96185, WS1071/69G & WS1071/71.

72 Welles, Gentle Anarchy, p. 287; Lowi, Bases, p. 692.

73 Antonio Marquina Barrio, Espana en la politico de seguridad occidental 1939-1986 (Madrid,

1986), pp. 420-22; Vinas, Los pactos, pp. 92-4.

74 ABC, 17 July 1951; The Times, 19 July 1951.

. 75 Vinas, Los pactos, pp. 95-102; Griffis, Lying in State, pp. 294-5; Marquina, Espana, pp. 422-

4; Lowi, Bases, pp. 692-5; Cava Mesa, Lequerica, pp. 323-5.

76 ABC, 17 July 1951; Ya, 17 July 1951.

77 F0371/89483, WS1016/31, WS1016/37; Tusell, Franco y los catolicos, pp. 220-5, 250-1.

78 Tusell, Franco y los catolicos, p. 287.

79 Equipo Mundo, Los 90 ministros de Franco, pp. 203-46; Garriga, De la Division Azul, pp. 624-9.

80 Garriga, Los validos, p. 274.

81 Garriga, Los validos, pp. 122-4; Jesus Ynfante, La prodigiosa aventura del Opus Dei: Genesis y desarrollo de la Santa Mafia (Paris, 1970), pp. 177-8.

82 F0371/9615, WS 1016/16.

83 Vinas et al., Politica comercial, I, pp. 635-9,671-2.

84 Newsweek, 27 August 1951; Franco, Discursos 1951-1954, pp. 91-2.

85 F0371/96179, WS1051/ 90.

86 The Sunday Times, 25 November 1951; Franco, Discursos 1951-1954, pp. 107-8.

87 F0371/96192. WS1071/203; F0371/96179, WS1051/104.

88 F0371/96194, WS1081/ 31.

89 Griffis, Lying in State, pp. 297-9.

90 Cava Mesa, Lequerica, p. 333.

91 Lowi, Bases, p. 694; Vinas, Los pactos, p. 141.

92 Griffis, Lying in State, pp. 302, 307.

93 Lowi, Bases, pp. 694-6; Vinas, Los pactos, pp. 125-33.

94 F0371/1020222, WS1102/21, WS1102/24G, WS1102/25; Vinas, Los pactos, pp. 120-1,177; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 56.

95 Vifias, Los pactos, pp. 143-4; Garriga, Segura, pp. 301-4; Suarez Femdndez, Franco, V, pp. 90-2.

96 Vinas, Los pactos, pp. 145-7.

97 F0371/102000, WS101 5/2; Franco, Discursos 1951-1954, p. 173.

98 F0371/102002, WS1016/25; F0317/102004, WS1016/69, FO371/101999, WS1 013/5; F0317/102004, WS 1016/73; F0371/102006, WS1016/115; F0371/102007, WS1016/129.

99 La Vanguardia Espanola, 29 May 1952.

100 La Vanguardia Espanola, 31 May, 3 June 1952.

101 Jose Chao Rego, La Iglesia en el franquismo (Madrid, 1976), pp. 88-90; Franco, Discursos 1951-1954, pp. 199-200.

102 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 221-4.

103 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 275-80.

104 Lowi, Bases, pp. 696-7.

105 FO371/107687, WS1073/1.

106 Vinas, Los pactos, pp. 165-9, 183-93, 252; Marquina, Espana, pp. 498-554.

107 FO371/107682, WS1051/9 & WS1051/19, FO371/107686, WS10/2/6.

108 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 360-4.

109 F0371/107682, WS 1051/24, F0371/107690, WS 1081/50.

110 FO371/107682, WSl 051/38.

111 F0371/107731, WSl 782/2.

112 Tusell, Franco y los Catolicos, pp. 258-82; Guy Hermet, Les Catholiques dans VEspagne Franquiste 2 vols (Paris, 1980-1), II, pp. 204-18; Joaquin L. Ortega, 'La Iglesia espanola desde 1939 hasta 1976* in Ricardo Garcia-Villoslada, editor, Historia de la Iglesia en Espana Vol. V (Madrid,

1979), pp. 671-8.

113 Jose Angel Tello, ldeologia politica: la Iglesia catolica espanola (1936-1959) (Zaragoza,

1984), pp. 111-16.

114 Chao Rego, La Iglesia, pp. 93-102; Norman B. Cooper,

Catholicism and the Franco Regime (Beverly Hills, 1975), pp. 16-18; Rafael Gdmez Perez, El franquismo y la Iglesia (Madrid, 1986), pp. 66-70; Feliciano Bldzquez, La traicion de los clėrigos en la Espana de Franco: cronica de una intolerancia (1936-1975) (Madrid, 1991), pp. 103-5.

115 Garriga, Segura, pp. 311-20.

116 Lowi, Bases, pp. 696-7; Vinas, Los pactos, p. 252.

117 Vinas, Los pactos, pp. 165-9, 183-93.

118 F0371/107686, WS1072/ 43; Vinas, Los pactos, pp. 195-202, 313-14.

119 De la Cierva, Franquismo, II, p. 114.

120 Jose Maria de Areilza, Diario de un ministro de la Monarquia (Barcelona, 1977), p. 45.

121 ABC, 27, 29, 30 September 1953; Arriba, 27, 29, 30 September 1953.

122 Vinas, Los pactos, pp. 181-2, 203-50,292; Lowi, Bases, pp. 697-8.

.123 Vinas, Los pactos, pp. 261-75.

124 Vinas, Los pactos, pp. 263-4; Vinas et al., Politica comercial, I, pp. 497-501, 532-45.

Глава 24

1 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 376-84.

2 Arriba, 1 October; The Times, 1 October 1953; Vinas, Los pactos, pp. 277-84.

3 ABC, 27, 30 September 1953; Arriba, 27, 29 September 1953; Vinas, Los pactos, pp. 277-84.

4 Matthews, The Yoke, p. 108.

5 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 388-409.

6 The Times, 30 October 1953; Crėac'h, Le coeur, pp. 319-20.

7 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 414-15.

8 Vinas, Los pactos, pp. 315-16.

9 Soriano, La mano, p. 70.

10 Antonio Tėllez, La guerrilla urbana. 1: Facerias (Paris, 1974) pp. 101-262; Antonio Tellez, La guerrilla urbana en Espana: Sabatė (Paris, 1973) pp. 65-113.

11 Sanchez Soler, Villaverde, pp. 63-8; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 9, 90-2, 111, 132.

12 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 50, 80.

13 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 159-60, 395.

14 Merida, Testigos, pp. 217-27; S. F. A. Coles, Franco of Spain (London, 1955), pp. 13-15; Vaca de Osma, Paisajes, p. 186.

15 F0371/113041, WS1081/44; Pablo Lizcano, La generacion del 56: La Universidad contra Franco (Barcelona, 1981), pp. 95-99; Pedro Lain Entralgo, Descargo de conciencia (Barcelona, 1976), pp. 404-5.

16 F0371/ 113042, WS1081/61; FO371/113043, WS1 1081/92; Arriba, 16 May 1954.

17 F0371/117870, WS1051/22G.

18 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, pp. 337-8.

19 F0371/117870, RS1051/23; F0371/117872, RS1051/32; F0371/117872, RS1051/40.

20 F0371/ 117873, RS1071/3, RS1071/5, RS1071/8, RS1071/19.

21 Pozuelo, Los 476 ūltimos dias, p. 166, 176-7; Interviu, No. 39, 21-27 December 1983.

22 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 456-67.

23 Enrique Tiemo Galvdn, Cabos sueitos (Barcelona, 1981) pp. 180-4.

24 Sueiro, Valle de los Caidos, pp. 123-43.

25 Gil Robles, La monarquia, pp. 327-8, 411-18; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 115-17, 554-5.

26 Rafael Calvo Serer, Franco frente al Rey: el proceso del regimen (Paris, 1972) pp. 29-30; Creac'h, Le coeur, pp. 317-18.

27 Creac'h, Le coeur, p. 332.

28 ABC, 20 October 1954; Creac'h, Le coeur, pp. 335-7; Sudrez Femdndez, Franco, V, p. 157.

29 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 18, 23.

30 Arriba, 23 November 1954; Calvo Serer, Franco frente at Rey, pp. 29-30; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 30; L6pez Rodo, La larga marcha, p. 117; Creac'h, Le coeur, pp. 338-9; Toquero, Franco y Don Juan, pp. 253-5.

31 Creac'h, Le coeur, pp. 339-40; Sudrez Fernandez, Franco, V, p. 159.

32 Sainz Rodriguez, Un reinado, pp. 383-4.

33 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 45, 48, 65.

34 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 52-3.

35 F0371/117914, RS1942/ 4; Sainz Rodriguez, Un reinado, pp. 222-35; Crėac'h, Le coeur, pp. 341-5.

36 F0371/117914, RS1942/15; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 59-64; Peman, Mis encuentros, p. 232; Garriga, La Senora, pp. 236-7; Tusell, La oposicion, pp. 235-6.

37 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 63.

38 Franco, Discursos 1951-1954, pp. 551-3.

39 Arriba, 23, 27 January 1955; ARC, 1 March 1955.

40 F0371/117914, RS 1942/6.

41 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 89-90.

42 Arriba, 20 June 1955; F0371/117914, RS1942/21.

43 ABC, 24 June 1955; F0371/117914, RS1942/21, RS1942/ 25, RS1942/27; Creac'h, Le coeur, pp. 353-4.

44 Salva Miquel & Vicente, Franco, pp. 293-7; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp.. 84-5.

45 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 23, 32-3, 71-2; Bayod, Franco visto, p. 78.

46 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 32-3, 36-7, 126; Garriga, La Senora, pp. 249-53; Gonzalez Duro, Franco, pp. 314-16.

47 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 88-9.

48 Creac'h, Le coeur, p. 394.

49 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 125, 127-8, 132-5.

50 Manuel Fraga Iribame, Memoria breve de una vida pūblica (Barcelona, 1980), p. 287; Franco Salgado Araujo, Mis conversaciones, p. 22.

51 Miguel Martin, El colonialismo espanol en Marruecos (1860-1956) (Paris, 1973), pp. 219-23.

52 Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 176-80, 183-5, 192-207; Franco Salgado Araujo, Mis conversaciones, pp. 110, 116-17, 168, 223.

53 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 27.

54 The Times, 5 April 1956; Martin, El colonialismo, pp. 227-39; Whitaker, Spain, pp. 328-9; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 193-205; La Cierva, Historia, II, pp. 138, 146; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 170-3.

55 F0371/117914, RS1942/10.

56 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 375-8.

57 Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 14; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 146-7; Creac'h, Le coeur, p. 358.

58 Lam Entralgo, Descargo, pp. 414-18; Creac'h, Le coeur, pp. 359-60; Roberto Mesa, ed., Jaraneros y alborotadores: documentos sobre los sucesos estudiantiles de fe brer o de 1956 en la Universidad Complutense de Madrid (Madrid, 1982), pp. 45-53, 58-64.

59 F0371/124127, RS1015/4.

60 Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1955-1959 (Madrid, 1960), *p. 136.

61 F0371/124127, RS1015/3, RS1015/6.

62 F0371/124127, RS1015/2.

63 F0371/124127, RS 1015/10; The Times, 5 October 1955.

64 Mesa, ed., Jaraneros, pp. 109-12; Lain Entralgo, Descargo, pp. 418-23; Lizcano, La Universidad, p. 142; Franco Salgado Araujo, Mis conversaciones, pp. 163-4; Tusell, Franco y los catolicos, p. 382; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 343; Creac'h, Le coeur, pp. 362-3.

65 F0371/124128, RS1015/43; Payne, Politics and the Military, p. 443.

66 Arriba, 9, 10 February 1956; F0371/124127, RS1015/12.

67 Creac'h, Le coeur, pp. 364-5.

68 Creac'h, Le coeur, pp. 364-5; Tusell, Franco y los Catolicos, pp. 382-3; Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 343.

69 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 159.

70 Tusell, Franco y los Catolicos, pp. 383-4.

71 Fernandez Cuesta, Testimonio, pp. 241-5.

72 Arrese, Una etapa, pp. 16-22.

73 Equipo Mundo, Los 90 Ministros, pp. 249-53.

74 F0371/124127, RS1015/13, RS1015/14.

75 F0371/124127, RS1015/18.

76 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 167.

77 Palabras del Caudillo 19 Abril 1937 — 31 diciembre 1938, p. 314.

78 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 166.

79 F0371/124127, RS1015/21; Arrese, Una etapa, pp. 34-8; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 264-5; Arriba, 6 March 1956.

80 Arrese, Una etapa, pp. 32-3.

81 F0371/124128, RS1015/30; Llibert Ferri, Jordi Muixi & Eduardo Sanjuan, Las huelgas contra Franco (1939-1956) (Barcelona, 1978), pp. 226-38; Faustino Miguelez, La lucha de los mineros asturianos bajo el franquismo (Barcelona, 1976), pp. 94-5.

82 Franco, Nosotros, pp. 147-8.

Глава 25

1 Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 163; Suarez Fernandez, Franco, V. pp. 153, 266.

2 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 158-9.

3 Arrese, Una etapa, p. 104.

4 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 163-5.

5 Arrese, Una etapa, pp. 42-5; Franco, Discursos 1955-1959, pp. 181-90; F0371/124128, RS1015/23.

6 Arrese, Una etapa, pp. 64, 66.

7 Arrese, Una etapa, pp. 45-8.

8 F0371/124128, RS1015/34.

9 Laureano Lopez Rod6, Memorias (Barcelona, 1990), pp. 51-2; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 124-30; Arrese, Una etapa, pp. 71,80.

10 Arrese, Una etapa, p. 81; Lopez Rodo, Memorias, pp. 58-9.

11 Payne, Military, pp. 443; Whitaker, Spain, pp. 141-2.

12 Payne, Military, p. 534.

13 Arrese, Una etapa, pp. 82-3.

14 Arrese, Una etapa, pp. 87, 235.

15 Arrese, Una etapa, pp. 86-93.

16 Arrese, Una etapa, pp. 32-3.

17 Arrese, Una etapa, pp. 98-103.

18 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 214-15; F0371/124128, RS1015/39A.

19 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 201-30; Arrese, Una etapa, pp. 102-4.

20 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 67.

21 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 201-30; Suarez Fernandez, Franco, V, p. 293; Arrese, Una etapa, pp. 102-4.

22 Arrese, Una etapa, pp. 110-11.

23 F0371/130345, RS 1071/6; Arrese, Una etapa, pp. 122-3.

24 Ram6n Garriga, La Senora de El Pardo (Barcelona, 1979), p. 11.

25 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 174-6, 178-9.

26 The Times, 1 October 1956; Franco, Discursos 1955-1959, pp. 233-8; Jose Luis de Arrese, Treinta anos de politica (Madrid, 1966), pp. 1146-52; Arrese, Una etapa, pp. 124-31; F0371/124128, RS 1015/42; Lopez Rodo, Memorias, pp. 64-5; Lopez Rod6, La larga marcha, pp. 132-3.

27 Arrese, Una etapa, pp. 132-5, 144-92; Lopez Rodo, Memorias, pp. 65-77; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 133-5; Creac'h, Le coeur, pp. 386-7.

28 Tusell, Franco y los catolicos, pp. 409-25; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 306-12.

29 Arrese, Una etapa, pp. 212-18.

30 FO371/130325, RS1015/3; Arrese, Una etapa, pp. 234-42, 253-65; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 314-15; Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 426-8.

31 Laureano L6pez Rodo, Memorias (Barcelona, 1990), pp. 66-9; L6pez Rod6, La larga marcha,

pp. 120-1.

32 Свое мнение Кальво Серер сообщил в разговоре с автором в 1975 г.

33 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 184.

34 Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 36; Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 164; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 123-4; Toquero, Franco y Don Juan, p. 266; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 319-20.

35 F0371/130325, RS1015/5; Creac'h, Le coeur, pp. 387-8.

36 Luis Ramirez, Nuestros primeros veinticinco anos (Paris, 1964), pp. 111-12; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 200;

Jaume Fabre, Josep M. Huertas & Antoni Ribas, Vint any s de reistència catalana (1939-1959) (Barcelona, 1978) pp. 208-11.

37 Arrese, Una etapa, p. 234, 244; Tusell, Franco y los catdlicos, pp. 428-9.

38 Franco Salgado Araujo, Mis conversaciones, pp. 176,195-8; Suarez Fernandez, Franco, V, pp. 269, 319; Lopez Rod6, La larga marcha, p. 124; Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 166.

39 Calvo Serer, Franco, p. 37; La Cierva, Franquismo, II, p. 155.

40 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 209; Ramirez, 25 anos, p. 117; Busquets, Pronunciamientos, pp. 140-1; cf. Serrano Suner, Memorias, p. 238.

41 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 107 — 10.

42 Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 166.

43 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 198.

44 F0371/130349, RS1106/1; Crèac'h, Le coeur, pp. 369-72.

45 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 191.

46 Joseph Harrison, 'Towards the liberalization of the Spanish economy, 1951-1959' in Colin Holmes & Alan Booth, editors, Economy and Society: European Industrialization and Its Social Consequences (Leicester, 1990), pp. 102-15.

47 L6pez Rodo, Memorias, pp. 89-99; Sudrez Fernandez, Franco, V, pp. 320-1.

48 Arrese, Una etapa, pp. 282-3.

49 F0371/130325, RS 1015/9; Lopez Rodo, Memorias, pp. 93-4; Welles, Gentle Anarchy, p. 127; Arrese, Una etapa, p. 281.

50 Arrese, Una etapa, pp. 275-82; Lopez Rod6, Memorias, pp. 92-3; Payne, Falange, pp. 261-2.

51 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 201.

52 Payne, Franco Regime, p. 453.

53 Garriga, Los validos, pp. 207-8; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 201.

54 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 201, 246-7.

55 Tusell, Franco y los Catdlicos, pp. 429-32; Payne, Franco Regime, p. 452.

56 Mariano Navarro Rubio, Mis memorias: Testimonio do una vida politica truncada por el Caso MATES A (Barcelona, 1991), pp. 64-5; Ynfante, Santa Mafia, pp. 233-5.

57 Daniel Artigues, El Opus Dei en Espaha 1928-1962: su evolucion ideologica y politica de los origenes al intento dè dominio (Paris, 1971), pp. 181-95; Ynfante, Santa Mafia, pp. 163-207; A. Saez Alba (pseud. Alfonso Colodron) La otra «cosa nostra»: la Asociacion Catolica nacional de

Propagandistas y el caso de El Correo de Andalucia (Paris, 1974), pp. 73-82.

58 Ynfante, Santa Mafia, pp. 178-9; Payne, Falange, pp. 262-3.

59 L6pez Rodo, Memorias, p. 66; Ynfante, Santa Mafia, pp. 177-8

60 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 59-74.

61 Lopez Rodo, Memorias, p. 91; Navarro Rubio, Mis memorias, p. 74; Interview of Alberto Ullastres, Diario 16, Historia del Franquismo, ed. Justino Sinova, 2 vols (Madrid, 1985), П, p. 471

62 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 78-9.

63 Navarro Rubio, Mis memorias, p. 240.

64 L6pez Rod6, Memorias, pp. 80-8, 96-108; Artigues, Opus Dei, pp. 185-7.

65 Manuel Jesus Gonzalez, La economia politica del franquismo (1940-1970): Dirigismo, mercado y planificacion (Madrid, 1979), pp. 134-7.

66 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 203, 228.

67 Toquero, Franco y Don Juan, p. 267.

68 Lopez Rod6, Memorias, pp. 105-6; Ynfante, Santa Mafia, pp. 88-9.

69 Calvo Serer, Franco frente al Rey pp. 88-9.

70 Mariano Navarro Rubio, 'La batalla de la estabilizacidn* in Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Politic as, No. 53, 1976, pp. 175-8; Suarez Femdndez, Franco, VI, p. 8.

71 Navarro Rubio, Mis memorias, p. 78.

72 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 145-8; Toquero, Franco y Don Juan, pp. 267-70.

73 Rafael Casas de la Vega, La ūltima guerra de Africa (саtрапа de lfni-Sahara) (Madrid, 1985), pp. 41-105; Sudrez Femdndez, Franco, VI, pp. 25-7.

74 Casas de la Vega, La ūltima guerra, pp. 127-249.

75 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 218-23; Welles, Gentle Anarchy, pp. 238-44; Sudrez Femdndez, Franco, VI, pp. 28-40.

76 F0371/136711, RS2183/1; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 228.

77 L6pez Rod6, Memorias, pp. 139-44.

78 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 236.

79 L6pez Rodo, Memorias, p. 83.

80 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 236, 266.

81 Navarro Rubio, 'La batalla de la estabilizacidn', pp. 178-86.

82 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 244.

83 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 248, 270; Gonzdlez Duro, Franco, pp. 313-18.

84 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 557-68; F0371/144927, RS1015/1.

85 F0371/144927, RS 1015/9; Toquero, Franco y Don Juan, pp.

297-300; Sudrez Femdndez, Franco, VI, pp. 78-82.

86 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 259.

87 Tusell, La oposicidn democratica, pp. 314-36, 340-57; Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp.

55-8; Javier Tusell & Josd Calvo, Gimėnez Femdndez: precursor de la democracia espanola (Madrid,

1990), pp. 269-80; Ellwood, Prietas las filas, pp. 220-8.

88 Navarro Rubio, La batalla de la estabilizacidn, pp. 188-96; F0371/144927, RS1015/ 4, F0371/144926, RS1013/1; FO371/144950, RSI 102/1.

89 Navarro Rubio, La batalla de la estabilizacidn, pp. 196-9; Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 124-6; F0371/144927, RS1015/9; Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 79.

90 L6pez Rodo, Memorias, p. 184.

91 Bayod, Franco, p. 89.

92 Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 79.

93 Navarro Rubio, La batalla de la estabilizacidn, pp. 201-2.

94 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 140-1; Bayod, Franco, p. 89.

95 Sinova, Historia del franquismo, II, p. 473; Bayod, Franco, pp. 59-61.

96 Bayod, Franco, p. 58.

97 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 141-8; Mariano Navarro Rubio, 'La batalla del desarrollo* in Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Politicas, No. 54, 1977, pp. 198, 205-7; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 246-7.

98 Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp. 77-9.

99 Sudrez Fernandez, Franco, VI, p. 96.

100 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 259.

101 Joaqum Bardavio, La rama tragica de los Borbones (Barcelona, 1989), pp. 68-9.

102 The Times, 2 April 1959.

103 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 625-6.

104 Arriba, 2 April 1959; Franco, Discursos 1955-1959, pp. 593-9.

105 Sueiro, El Valle de los Caidos, pp. 208-9.

106 Jos6 Maravall, El desarrollo econdmico y la clase obrera (Barcelona, 1970), pp. 91-2; Javier Dominguez, Organizaciones obreras cristianas en la oposicidn al franquismo (1951-1975) (Bilbao,

1985), pp. 47-66.

107 The Times, 1 July 1959; Franco, Discursos 1955-1959, pp. 641-3.

108 Dwight D. Eisenhower, The White House Years: Waging Peace 1956-1961 (London, 1965), p. 423.

109 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 699-705; Suarez Fernandez, Franco, VI, pp. 140-52; Welles, Gentle Anarchy, pp. 247-52.

110 Eisenhower, The White House Years, pp. 509-10.

111 Franco, Nosotros, p. 115.

112 Franco, Discursos 1955-1959, pp. 707-35; L6pez Rodo, Memorias, pp. 204-5.

113 Joan Clavera, Joan M. Esteban, Marfa Antonia Monės, Antoni Montserrat & Jacint Ros Hombravella, Capitalismo espanol: de la autarquia a la estabilizacion 2 vols (Madrid, 1973), I, pp. 78-90; Juan Munoz, Santiago Roldan & Angel Serrano, La internacionalizacion del capital en Espana 1959-1977 (Madrid, 1978), pp. 17-43.

114 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 142-5, 278-9; L6pez Rodo, Memorias, pp. 217-8; Bayod, ed., Franco visto, pp. 59-61; Suarez Fernandez, Franco, VI, p. 188.

Глава 26

1 The Times, 29 March 1960; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 279; Penafiel, El General, pp. 70-2.

2 The Times, 30 March 1960.

3 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 277, 280.

4 Sainz Rodnguez, Un reinado, pp. 400-1; там же., pp. 236-7.

5 Mauricio Carlavilla, Anti-Espana 1959: autores, complices y encubridores del communismo (Madrid, 1959), pp. 117-24.

6 Toquero, Franco y Don Juan, pp. 280-3; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 280-1.

7 The Times, 31 March 1960; Toquero, Franco y Don Juan, pp. 280-4.

8 Sainz Rodnguez, Un reinado, pp. 238-9; Lopez Rodo, Memorias, pp. 280-4.

9 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. xx.

10 Sainz Rodnguez, Un reinado, pp. 402-3.

11 La Vanguardia Espanola, 1 May i960.

12 La Vanguardia Espanola, 10 May 1960.

13 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 170-80.

14 Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1960-1963 (Madrid, 1964), pp. 13-46.

15 Carlos Fernandez Santander, Elfutbol durante la guerra civil y el franquismo (Madrid, 1990), pp. 171-5; Duncan Shaw, Fūtbol y franquismo (Madrid, 1987), p. 168; Suarez Fernandez, Franco, VI,

p. 201.

16 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 290-1.

17 Sueiro, Valle, pp. 225-30; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 302-3.

18 Lopez Rodo, Memorias, pp. 257-9.

19 Suarez Fernandez, Franco, VI, pp. 202-3.

20 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 307, 311-12, 324.

21 Suarez Fernandez, Franco, VI, pp. 261-5; Marquina, Espana, pp. 746-9; Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp, 58-66.

22 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 199-201.

23 Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 86.

24 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 317-19; Lopez Rodo, Memorias, p. 271; Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 223-6.

25 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 207-53.

26 Lopez Rodo, Memorias, pp. 698-702.

27 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 291-306.

28 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 307-16.

29 Marquina, Espana, pp. 750, 754-9.

30 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 189-90, 198-9.

31 Gregorio Moran, Adolfo Suarez: historia de una ambicion (Barcelona, 1979), pp. 140-1.

32 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 317-41.

33 Lčpez Rodč, La larga marcha, pp. 190-1.

34 Moran, Suarez, pp. 141, 199.

35 Lopez Rod6, Memorias, pp. 262-3; Lopez Rodo, La larga marcha, p. 199.

36 Moran, Suarez, pp. 142-3.

37 ABC, 26 December 1961; Gil, Cuarenta anos, p. 131.

38 ABC, 27 December 1961; The Times, 27 December 1961; Soriano, La mano, pp. 14-20.

39 Soriano, La mano, p. 15.

40 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 331.

41 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 331-2; Soriano, La mano, pp. 26-8, 47.

42 L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 195-6.

43 Soriano, La mano, pp. 29-35.

44 Jos6 Marfa de Areilza, Crdnica de libertad (Barcelona, 1985), pp. 36-7; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 195-8; L6pez Rod6, Memorias, pp. 301-2.

45 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 357-9; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 196-7.

46 L6pez Rod6, Memorias, pp. 306-10.

47 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 227-30.

48 L6pez Rod6, Memorias, pp. 307-11; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 199-201.

49 L6pez Rod6, Memorias, pp. 312-15,538.

50 Soriano, La mano, pp. 88-93; Gil, Cuarenta anos, p. 132.

51 Franco Salgado-Araujo, Mi vida, p. 345; Soriano, La mano, pp. 87-8; Pozuelo, Los ūltimos

476 dias, pp. 35, 109, 178.

52 Shaw, Fūtbol, pp. 145-80.

53 Vicente Gil, Cuarenta anos junto a Franco (Barcelona, 1981), pp. 84-5 ; Fernandez, El fūtbol, pp. 196-7.

54 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 322; Lopez Rodo, Memorias, pp. 325-17; Areilza, Memorias, pp. 169-70.

55 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 332.

56 Penafiel, El General, pp. 121-8.

57 Mundo Obrero, 1 May 1962; The Times, 12 May 1962; Ignacio Fernandez de Castro & Jose Martinez, Espaha hoy (Paris, 1963), pp. 67-97,103-28, 140-92; Parti Communiste Francais, Dos meses de huelgas (Paris, 1962), pp. 41-95; Miguelez, La lucha, pp. 103-13.

58L Manuscritos de Franco, doc. 39bis.

59 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 337-41.

60 Arriba, 27 May 1962; Franco, Discursos, 1960-1963, pp. 389-97.

61 Suarez Femdndez, Franco, VI, p. 377.

62 ABC, 9 June 1962; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 343; Soriano, La mano, pp. 151-2; L6pez Rod6, Memorias, pp. 335-6; Suarez Fernandez, Franco, VI, p. 357.

63 Areilza, Memorias exteriores, pp. 170-82; Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp. 112-13.

64 Arriba, 9, 10, 12 June 1962; ABC, 9, 11, 12 June 1962.

65 Partido Comunista de Espana, Declaracion por la reconciliacion nacional, por una solucion democratica y paclfica del problema espanol (Paris, 1956), pp. 3, 5, 29-31, 37-40; Paul Preston, 'The PCE's Long Road to Democracy 1954-1977' in Richard Kindersley, editor, In Search of Eurocommunism (London, 1982), pp. 36-65.

66 Hermet, Les catholiques, П, pp. 287-97.

67 La Vanguardia Espahola, 17 June 1962; The Times, 18 June 1962; Franco, Discursos 1960-1963, pp. 399-404; Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 112.

68 Franco, Discursos 1960-1963$_t$ pp. 412, 423-4, 427.

69 Le Monde, 1 July 1962.

70 Sudrez Femdndez, Franco, VI, pp. 394-5.

71 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 343-4.

72 ABC, 11 July 1962; Lę Monde, 11 July 1962; Lopez Rodo, Memorias, pp. 339-47; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 344; Fraga, Memoria breve, pp. 29-32, 43; Merida, Testigos, pp.

68-70; Welles, Gentle Anarchy, pp. 88-99.

73 ABC, 22 September 1962.

74 Espaha hoy, pp. 293-303.

75 Fraga, Memoria breve, p. 59; L6pez Rod6, Memorias, pp. 359-60.

76 Espana hoy, p. 307.

77 Ba6n, La cara, p. 70; Fraga, Memoria breve, p. 52; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 382, 397; Gil, Cuarenta anos, pp. 107-36.

78 Fraga, Memoria breve, pp. 33, 41-2.

79 Manuel Fernandez Areal, La libertad de prensa en Espana 1938-1971 (Madrid, 1971), pp. 69-75; Теггбп Montero, La prensa, pp. 166-75.

80 Lopez Rodo, Memorias, pp. 364-5,518-19.

81 Manuscritos de Franco, doc. 45; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 366-9; Jaraiz Franco, Historia, p. 191.

82 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 505-39; Welles, Gentle Anarchy, pp. 103-6; Lopez Rodo, Memorias, pp. 375-6; Fraga, Memoria breve, p. 65.

83 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 376.

84 Le Monde, 13, 18, 19 April 1962; Amandino Rodriguez Armada & Jose Antonio Novais, iQuien matd a Julian Grimau? (Madrid 1976), pp. 17-103,113-14; Julian Grimau: crimen y castigo del general Franco (Buenos Aires, 1963), pp. 9-15. Со стороны режима ответом послужила публикация: iCrimen o castigo? documentos inèditos sobre Julian Grimau Garda (Madrid, 1963).

85 Rodriguez Armada & Novais, Grimau, pp. 110-11; Ballbė, Orden pūblico, p. 425; Alfonso Armada, Al servicio de la Corona (Barcelona, 1983), pp. 72-3, 76-7.

86 Lannon, Privilege, pp. 246-9; Merida, Testigos, p. 235; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 381-2.

87 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 380-1; L6pez Rod6, Memorias, p. 379; Fraga, Memoria breve, pp. 69-70.

88 ABC, 28 April 1962; Rodriguez Armada & Novais, Grimau, pp. 109-59.

89 Areilza, Memorias exteriores, pp. 164-5.

90 Ballbe, Orden pūblico, pp. 420-7; Fraga, Memoria breve, p. 71.

91 Octavio Alberola & Ariane Gransac, El anarquismo espafiol y la accidn revolucionaria 1961-1974 (Paris, 1975), pp. 107-12; Edouard de Blaye, Franco and the Politics of Spain (Harmondsworth,

1976), p. 221.

92 Sudrez Femdndez, Franco, VII, pp. 88-91; Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp. 132-5.

93 Fraga, Memoria breve, p. 77.

94 Franco, Discursos 1960-1963, p: 561.

95 Franco, Discursos 1960-1963, pp. 565-7.

96 Manuscritos de Franco, doc. 44.

97 Fraga, Memoria breve, pp. 60, 65, 67; Welles, Gentle Anarchy, pp. 294-308; Marquina, Espana, pp. 761-78; Antonio Garrigues y Diaz Canabate, Dialogos conmigo mismo (Barcelona, 1978) pp. 98-9; Rubottom & Murphy, Spain, pp. 79-84; Sudrez Fernandez, Franco, VII, pp. 101-9; Blaye, Franco, pp. 222-3.

Глава 27

1 Fraga, Memoria breve, p. 99.

2 Fraga, Memoria breve, p. 106.

3 ABC, 1 April 1964.

4 Sdnchez Silva & Saenz de Heredia, Franco . . . ese hombre, p. 14; Fraga, Memoria breve, p. 120; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 428-9, 431; Suarez Femdndez, Franco, VII, p. 150.

5 Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1964-1967 (Madrid, 1968), pp. 19-40.

6 Fraga, Memoria breve, p. 107; Lopez Rod6, Memorias, pp. 458-9.

7 Franco, Discursos 1964-1967, p. 43.

8 Miguėlez, La lucha, pp. 121-6.

9 Ldpez Rod6, Memorias, p. 456; Fraga, Memoria breve, p. 108.

10 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 424,

11 Fraga, Memoria breve, p. 110,

12 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 423-4; Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 144.

13 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 421.

14 Fraga, Memoria breve, pp. 112, 115; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 426; Fernandez, EI Fūtbol, pp. 185-7; Calvo Serer, Franco frente al Rey, p. 145.

15 Gomez Perez, El franquismo, pp. 104-6.

16 Franco, Discursos 1964-1967, pp. 51-92.

17 Fraga, Memoria breve, pp. 117-16; L6pez Rod6, Memorias, pp. 475-8.

18 Blazquez, La traicičn, pp. 158-64 Lannon, Privilege, pp. 250-1.

19 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 407; Fraga, Memoria breve, pp. 89, 99, 103, 123-5.

20 G6mez Perez, El franquismo, pp. 111-13.

21 Franco, Discursos 1964-1967, pp. 119-35; Blazquez, La traicičn, pp. 160-1.

22 L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 208, 217-25; Payne, Franco

Regime, pp. 508-10.

23 L6pez Rod6, Memorias, p. 498.

24 Lopez Rod6, La larga marcha, p. 226; Fraga, Memoria breve, p. 133.

25 L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 226-1.

26 L6pez Rod6, Memorias, p. 512; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 227-8.

27 L6pez Rod6, Memorias, pp. 519-20; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 229-30; Fraga, Memoria breve, p. 135.

28 Fraga, Memoria breve, pp. 136, 138.

29 Payne, Franco Regime, p. 511.

30 Bayod, Franco, pp. 149-50.

31 L6pez Rod6, Memorias, pp. 532-9; Lopez Rod6, La larga marcha, pp. 235-6; Fraga, Memoria breve, p. 142.

32 Fraga, Memoria breve, p. 142.

33 Manuscritos de Franco, doc. 46; Fraga, Memoria breve, pp. 144-5, 151, 158-9.

34 Вабп, La cara humana, pp. 64-7,73,160.

35 ABC, 28 August 1968; Garriga, La Sefiora, pp. 278-80, 296.

36 Bayod, Franco, p. 151.

37 Laureano L < 5pez Rod6, Memorias: Anos decisivos (Barcelona, 1991), p. 43; Joaquin Bardavio, La rama trdgica de los borbones (Barcelona, 1989), pp. 111-18.

38 Ldpez Rod6, Memorias anos decisivos, pp. 22, 33-4.

39 L6pez Rod6, Memorias, pp. 539-43, 564; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 455-6; Fraga, Memoria breve, pp. 159-60; Bayod, Franco, pp. 150-1.

40 Garrigues, Didlogos, pp. 58-9; Cambio 16, No. 278, 10 April 1977, p. 13; L6pez Rod6, Memorias, p. 559.

41 L6pez Rod6, Memorias, p. 579; Fraga, Memoria breve, p. 151.

42 Toquero, Franco y Don Juan, pp. 334-6; Bardavio, La rama trdgica, pp. 102-6,111-14; Ldpez Rodo, La larga marcha, pp. 237-9; Fraga, Memoria breve, pp. 150-1.

43 L6pez Rod6, Memorias anos decisivos, p. 93; Lopez Rod6, La larga marcha, p. 23, 8.

44 Ldpez Rod6, Memorias afios decisivos, pp. 18-20; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 239-43; Javier Lavardfn, Historia del Ultimo pretendiente a la corona de Espana (Paris, 1976) passim.

45 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 465, 506, 514.

46 Sudrez Femdndez, Franco, VII, p. 328-9; L6pez Rodo, Memoria afios decisivos, pp. 41-2.

47 Fraga, Memoria breve, p. 172.

48 Areilza, Crdnica, pp. 19-21,42-4; Toquero, Franco y Don Juan, pp. 343-8; Suarez Fernandez, Franco, VII, pp. 171-2.

49 Fraga, Memoria breve, pp. 166-9.

50 Vaca de Osma, Paisajes, p. 211.

51 Emilio Attard, La Constitucidn por dentro (Barcelona, 1983), p. 115; L6pez R6do, Memorias afios decisivos, p. 26.

52 Fraga, Memoria breve, p. 64.

53 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 469.

54 Fraga, Memoria breve, p. 170-2.

55 Fraga, Memoria breve, pp. 174-5; Lopez Rodo, La /arga marcha, p. 248.

56 Calvo Serer, Franco frente al Rey, pp. 169-70; Fraga, Memoria breve, p. 183.

57 Franco, Discursos, 1964-1967, pp. 219-51.

58 Crozier, Franco, pp. 486-7.

59 Payne, Franco Regime, p. 495.

60 Franco, Discursos, 1964-1967, p. 259.

61 Cuadernos de Ruedo lbérico, No. 10, December 1966-January 1967, pp. 27-63; Blaye, Franco, pp. 236-8.

62 Gil, Cuarenta anos, pp. 84-5; Fernandez Santander, EI fūtbol, pp. 196-7.

63 Lopez Rod6, Memorias anos decisivos, p. 138; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 465, 495, 504-5; Bayod, Franco, p. 158; Hills, Rock of Contention, pp. 455-66.

64 Bayod, Franco, p. 153.

65 Lopez Rodo, Memorias anos decisivos, pp. 370-1.

66 Bayod, Franco, p. 158.

67 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 262-3; Suarez Femdndez, Franco, VII, pp. 377-9.

68 Suarez Fernandez, Franco, VII, pp. 380-90.

69 'Franco: los archivos secretos IV', Tiempo, 14 December 1992; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 497-8.

70 De la Cierva, Franquismo, П, pp. 250-1; Fraga, Memoria breve, p. 194; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 263-5; Lopes Rod6, Memorias afios decisivos, p. 207.

71 Calvo Serer, Franco frente at Rey, p. 171.

72 Bayod, Franco, p. 154.

73 Fraga, Memoria breve, p. 215.

74 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 530, 533, 537; Fraga, Memoria breve, fpp. 216, 243.

75 Bayod, Franco, p. 158.

76 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 511.

77 Franco, Discursos 1964-1967, pp. 291-333.

78 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 511.

79 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 513-14.

80 Le Monde, 14 March 1969; Franco Salgado-Araujo, Mis

conversaciones, pp. 540-1, 547.

81 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 267-70.

82 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 515-17, 525-6, 530-1.

83 L6pez Rodo, Memorias afios decisivos, p. 307.

84 Manuscritos de Franco, doc.49; De la Cierva, Franquismo, II, p. 258.

85 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 538-9.

86 Francesc Amover, II carcere vaticano: Chiesa efascismo in Spagna (Milan, 1975), pp. 28-47; Fernando Gutierrez, Curas represaliados en el franquismo (Madrid, 1977) passim.

87 Lopez Rodo, Memorias anos decisivos, pp. 308-18, 325.

88 Rafael Calvo Serer, La solucion presidencialista (Barcelona, 1979), p.39.

89 Lopez Rodo, Memorias afios decisivos, pp. 346-9, 355-7.

90 Lopez Rodo, Memorias afios decisivos, pp. 362-4.

91 Lopez Rodo, Memorias afios decisivos, pp. 339-41, 370-1; Fraga, Memoria breve, pp. 229-30; Marquina, Espana, pp. 810-14.

92 L6pez Rodo, Memorias afios decisivos, pp. 366-7; Marquina, Espana, pp. 814-21.

93 Marquina, Espana, pp. 820-36; Rubottom & Murphy, Spain, pp. 87-91.

94 Francisco Franco, Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1968-1970 (Madrid, 1971), pp. 52-69.

95 Lopez Rodo, Memorias, p. 542; Fraga, Memoria breve, pp. 234, 241; Bayod, Franco, p. 167; Raymond Carr, 'The legacy of Francoism' in Jose L. Cagigao, John Crispin and Enrique Pupo-Walker, editors, Spain 1975-1980: The Conflicts and Achievements of Democracy (Madrid, 1982), p. 136; Coles, Franco, p. 29.

96 Lopez Rodo, Memorias anos decisivos, pp. 358-9.

97 L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 279, 291-3, 301; Lopez* Rodo, Memorias anos decisivos, pp. 381-4; Fraga, Memoria breve, pp. 236-7; Suarez Fernandez, Franco, VIII, pp. 66-72.

98 Lopez Rodo, Memorias anos decisivos, p. 386.

99 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 303-11; Bayod, Franco, p. 160; Fraga, Memoria breve, pp. 245-6; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 544-5.

100 Lopez Rodo, Memorias aiios decisivos, pp. 423-6.

101 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 320-5.

102 Joaquin Bardavio, Los silencios del Rey (Madrid, 1979), p. 35; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 325-36.

103 Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 456-66.

104 Banlavio, Los silencios, pp. 35-6; Lopez Rod6, Memorias anos decisivos, pp. 471-6; Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 362-5.

105 Sainz Rodriguez, Un reinado, p. 276.
106 Franco, Discursos 1968-1970, pp. 85-97.
107 Bardavio, Los silencios, pp. 49-50.
108 Bardavio, Los silencios, pp. 27, 50-2.

Глава 28

1 Navarro Rubio, Mis memorias, pp. 345-431; Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 494-521, 553-63.
2 Suarez Fernandez, Franco, VIII, pp. 158-9.
3 Arriba, 24, 27 August 1969.
4 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, pp. 527, 530.
5 Jaraiz Franco, Historia, p. 204.
6 Franco, Nosotros, p. 158.
7 Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 507-9, 682-90.
8 Bayod, Franco, pp. 161-3.
9 Lopez Rod6, La larga marcha, pp. 654-9; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 549; Fraga, Memoria breve, pp. 252-3; De la Cierva, Franquismo, II, pp. 324-16; Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 499-505.
10 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 390-5; Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 520-3, 534-7.
11 Navarro Rubio, Mis memorias, p. 245.
12 Bayod, Franco, p. 120; Lopez Rod6, Memorias ahos decisivos, pp. 522, 535.
13 ABC, 29 October 1969; Equipo Mundo, Los 90 Ministros, pp. 420-500; Calvo Serer, La dictadura, pp. 166, 168; Armada, Al servicio, pp. 68, 72, 78, 93-4, 100-1, 119, 121, 135; Jose Ignacio San Martin, Servicio especial: a las ordenes de Carrero Blanco (Barcelona, 1983), pp. 198, 253; L6pez Rodo, La larga marcha, p. 200.
14 Moran, Suarez, pp. 198-9, 204-5.
15 Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, pp. 536-9.
16 FragaMemoria breve, pp. 261 — 3.
17 Franco, Discursos 1968-1970, pp. 107-21.
18 San Martin, Servicio especial, pp. 23-42.
19 Luis Ramirez (pseudonym Luciano Rincon), ‘Morir en el bunker’, Horizonte Espahol 1972. 3 vols (Paris, 1972), I, pp. 1-20; Preston, Politics of Revenge, pp. 165-74.
20 Garriga, La Senora, pp. 235, 289-92, 297-301; Joaqum Gimenez Amau, Yo, Jimmy: mi vida entre los Franco (Barcelona, 1981) p. 26.
21 Lopez Rodo, La larga marcha, pp. 274-5, 286-9; L6pez Rod6, Memorias ahos decisivos, p. 307.

22 Fraga, Memoria breve, p. 263; Lopez Rodo, Memorias ahos decisivos, p. 436.

23 L6pez Rodo, Memorias, pp. 83-4.

24 Moran, Suarez, p. 184.

25 Ba6n, La cara humana, pp. 30-1, 37-8; Fraga, Memoria breve, p. 263.

26 Baon, La cara humana, pp. 64-7,73, 160; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 555.

27 Fraga, Memoria breve, pp. 268, 272.

28 Le Monde, 20-21 September 1970.

29 Elosegi, Quiero morir, pp. 37, 40; Southworth, Guernica!, p. 309.

30 Henry Kissinger, 77zč White House Years (London, 1979), pp. 930-2; Laureano Lopez Rod6, El principio del fin: Memorias (Barcelona, 1992), pp. 84-5.

31 Jaraiz Franco, Historia, p. 203; Franco, Nosotros, p. 62; Garriga, Nicolas Franco, pp. 339-40; Diario 16, Historia de la transicidn (Madrid, 1984), I, p. 144; Payne, Franco Regime, p. 615.

32 Le Monde, 16, 18 December 1970.

33 Le Monde, 18, 19, 21 December 1970; Gil, Cuarenta anos, pp. 98-103; Blaye, Franco, pp. 310-11; Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 560; L6pez Rodo, El principio, pp. 113-15.

34 Le Monde, 29, 30 December 1970; Bayod, Franco, p. 124, 201-2; L6pez Rod6, La lagra marcha, pp. 405-6; L6pez Rod6, El principio, pp. 122-9, 579-82.

35 Franco, Discursos 1968-1970, pp. 167-78.

36 Garriga, La Sehora, pp. 252-3.

37 Franco Salgado-Araujo, Mis conversaciones, p. 559.

38 Vernon A. Walters, Silent Missions (New York, 1978), pp. 555-6.

39 Bardavfo, Los silencios, pp. 53-4; L6pez Rod6, El principio, p. 146.

40 Cooper, Catholicism, pp. 39-40.

41 Fraga, Memoria breve, pp. 280-1.

42 Arriba, 2 October 1971; ABC, 2 October 1971; Mundo Obrero, 15 October 1971; Cuadernos de Ruedo Iberico, nos 33-4, October 1971-March 1972, pp. 3-19.

43 Paul Preston, The Triumph of Democracy in Spain (London, 1986), pp. 40-2.

44 Pensamiento politico de Franco, 2 vols (Madrid, 1975), I, pp. 3-17.

45 Garriga, Nicolas Franco, pp. 311-17; Gil, Cuarenta afios, pp. 87, 93; De la Cierva, Franquismo, II, pp. 355-6.

46 Bardavfo, La rama trdgica, pp. 163-72, 192; Penafiel, El

General, pp. 166-8, 203-10.

47 Garriga, La Sehora, pp. 332-3; L6pez Rodo, La larga marcha, pp. 411-29; Suarez Fernandez, Franco, VIII, pp. 273-82; Bardavfo, La rama trdgica, pp. 153-7,181-92.

48 Gil, Cuarenta ahos, pp. 42-3, 60, 87-8, 91; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 323, 419, 435; L6pez Rod6, El principio, pp. 280-1; Fraga, Memoria breve, pp. 285,287-92; Calvo Serer, La solucion, pp. 38-9.

49 Jaraiz Franco, Historia, pp. 156, 162-3,174, 205.

50 Gil, Cuarenta ahos, pp. 50-1; Fraga, Memoria breve, pp. 288-9; Payne, Franco Regime, p. 585.

51 Lopez Rod6, El principio, p. 325.

52 Franco, Pensamiento politico, I, p. 34; L6pez Rod6, El principio, pp. 336-8.

53 Lopez Rod6, El principio, pp. 335-6.

54 Lopez Rod6, El principio, p. 345.

55 Le Monde, 4,5-6,7 August 1973; Ismael Fuente, Javier Garcia & Joaquin Prieto, Golpe mortal: asesinato de Carrero y agonia del franquismo (Madrid, 1983), p. 164; Bayod, Franco, p. 308; Bardavfo, Los silencios, pp. 61-2; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 440-53.

56 Fraga, Memoria breve, p. 298; L6pez Rod6, El principio, pp. 541-2; De la Cierva, Franquismo, П, p. 321.

57 Julen Agirre (pseud. Eva Forest), Operacidn Ogro: сбто y porqui ejecutamos a Carrero Blanco (Hendaye/Paris, 1974) passim; Joaquin Bardavfo, La crisis: historia de quince dias (Madrid,

1974), pp. 47-56.

58 Fuente et al., Golpe mortal, p. 172; Jos6 Utrera Molina, Sin cambiar de bandera (Barcelona, 1989) pp. 70-4; De la Cierva, Franquismo, II, p. 389.

59 Franco, Nosotros, p. 150.

60 Fuente et al., Golpe mortal, pp. 54-7.

61 Pueblo, 22 December 1973; Iniesta Cano, Memorias, pp. 218-22; San Martin, Servicio especial, pp. 90-114; Bardavfo, La crisis, pp. 111-16; Fuente et al., Golpe mortal, pp. 184-7.

62 Le Monde, 25, 30-31 December 1973, 5-8 January 1974; Sunday Times, 23 December 1973; Julio Rodriguez Martmez, Impresiones de un ministro de Carrero Blanco (Barcelona, 1974), pp. 54-8, 80, 86; Utrer$_x$a, Sin cambiar, pp. 76-8; Fuente et al., Golpe mortal, pp. 195-201; San Martin, Servicio especial, pp. 99-102.

63 Jaraiz Franco, Historia, p. 208; De la Cierva, Franquismo, П, pp. 391-2.

64 Rafael Borras Bertriu et ai, El dia en que mataron a Carrero Blanco (Barcelona, 1974), pp. 252-6; Mundo, 5 January 1974.

65 Gil, Cuarenta afios, pp. 139-63; Utrera, Sin cambiar, pp. 83-5;

Bardavfo, Los silencios, pp. 65-9; Fuente et al., Golpe mortal, pp. 172-3, 282-301; Lčpez Rodo, La larga marcha, pp. 459-61; Rodriguez, Impresiones, p. 96; Fraga, Memoria breve, pp. 309-10

66 Franco, Pensamiento, I, pp. 35-8; Bardavfo, Los silencios, p. 74.

67 L6pez R6do, El principio, p. 152.

68 The Times, 4 January 1974; Le Monde, 4 January 1974.

69 Fuente, Golpe mortal, p. 283.

70 Utrera, Sin cambiar, pp. 85-92; De la Cierva, Franquismo, П, p. 395.

71 The Times, 13 February 1974; Le Monde, 14 February 1974; Carlos Arias Navarro, Discurso del Presidente del Gobierno a las Cortes Espaholas, 12.11.1974 (Madrid, 1974); Bayod, Franco, pp. 348-9.

72 Utrera, Sin cambiar, pp. 98, 103; De la Cierva, Franquismo, П, pp. 395-6.

73 Le Monde, 26 February, 5, 9 March 1974; El Alcdzar, 7, 8 March 1974.

74 Arriba, 28 April 1974; ABC, 30 April 1974; Cambio 16, 13 May 1974; Utrera, Sin cambiar,

pp. 116-22.

75 Le Monde, 15 May 1974i Financial Times, 29 May 1974; Manuel Gutierrez Mellado, Un soldado para Espaha (Barcelona, 1983), pp. 47-9; Preston, Triumph, pp. 60-2.

76 Fraga, Memoria breve, p. 330.

77 Gil, Cuarenta anos, pp. 167-90; L6pez Rod6, La larga marcha, pp. 463-5; Bardavfo, La rama tragica, pp. 203-4; Ba6n, La cara humana, pp. 37, 217-20.

78 Gil, Cuarenta anos, pp. 193-202, 209, 212; Pozuelo, Los ultimas 476 dias, pp. 22-3; Penafiel, El General, pp. 155-6, 160.

79 Pozuelo, Los dltimas 476 dias, pp. 29-30, 35, 37-9, 47, 51.

80 Bardavfo, Los silencios, pp. 95-101; Utrera, Sin cambiar p. 147.

81 Utrera, Sin cambiar, pp. 155-60.

82 Utrera, Sin cambiar, p. 163.

83 ABC, 3 September 1974; Pozuelo, Los dltimas 476 dias, pp. 67-71; Lčpez Rodo, La larga marcha, pp. 467-8; Garriga, La Sehora, pp. 343-6; Bardavfo, Los silencios, pp. 100-2.

84 Pozuelo, Los 476 dltimas dias, pp. 121-5.

85 Le Monde, 4, 8, 18, 30, 31 October 1974; Jose Oneto, Arias entre dos crisis 1973-1975 (Madrid, 1975), pp. 149-53; Bayod, Franco, pp. 354-6; Sanchez Soler, Villaverde, p. 100; Utrera, Sin cambiar, pp. 173-5; De la Cierva, Franquismo, II, p. 402.

86 Bardavfo, Los silencios, p. 102.

87 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 126-9,133-6,141-7.

88 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 133,177-8.

89 Franco, Pensamiento politico, I, pp. 39-43.

90 Utrera, Sin cambiar, pp. 226-33.

91 Javier Figuero & Luis Herrėro, La muerte de Franco jamas contada (Barcelona, 1985), pp. 19-21.

92 Le Monde, 5 March 1975; Bayod, Franco, pp. 356-7; Utrera, Sin cambiar, pp. 248-59; Morirn, Suarez, pp. 286-7.

93 Arriba, 28 February 1975.

94 Utrera, Sin cambiar, pp. 266-73.

95 Fraga, Memoria breve, pp. 346-9.

96 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 131-2,158.

97 Rubbotom & Murphy, Spain and the U.S., pp. 113-14.

98 Cambio 16, 23-29 June 1975; Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 178-80.

99 Pedro J. Ramirez, El aho que murio Franco (Barcelona, 1985), pp. 51-2, 68-9; Moran, Sudrez, pp. 295-6.

100 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, p. 157.

101 Franco, Nosotros, pp. 236-7.

102 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, p. 187; Fraga, Memoria breve, p. 363.

103 Arriba, 16 July 1975.

104 Ramirez, El aho, pp. 112, 118-21.

105 Ya, 30 September 1975; Diario 16, Historia de la transicion, pp. 130-7.

106 Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 209-10; Ramirez, El aho, pp. 204-6.

107 Arriba, 2 October 1975; Cambio 16, 6 October 1975; Pozuelo, Los 476 Ultimas dias,

pp. 210-12.

108 Pozuelo, Los 476 dltimas dias, pp. 215-16; Baon, La cara humana, p. 227.

109 Penafiel, El General, pp. 47-J2.

110 Franco, Nosotros, pp. 167-8; Pozuelo, Los 476 dltimas dias, pp. 218-21; Figuero & Herrero, La muerte, p. 26.

111 Ba6n, La cara humana, p. 230.

112 ABC, 2, 7 November; Ya, 29, 30 October, 9, 14, 18 November 1975.

113 Manuel Hidalgo Huerta, Coтo y porque operė a Franco (Madrid, 1976), pp. 18-34.

114 Hidalgo Huerta, Como y porque, pp. 35-55.

115 Penafiel, El General, pp. 29-35; Ramirez, El aho, p. 255.

116 Hidalgo Huerta, Coтo y porque, pp. 59-69.

117 Arriba, 14, 18 November 1975; Figuero & Herrero, La

muerte, pp. 35-6, 50-1.

118 Arriba, 20 November 1975; Ya, 20 November 1975; Pozuelo, Los 476 ultimas dias, pp. 224-41; Baon, La cara humana, pp. 226-50; Figuero & Herrero, La muerte, pp. 102-12.

Заключение

1 Franco, Pensamiento politico, I, p. xix.

2 Manuel Vazquez Montalban, Barcelonas (London, 1992), p. 175.

3 El Pais, 20 November 1985.

4 Sueiro, El Valle, pp. 216-17.

5 Penafiel, El General, pp. 132-3, 175.

6 Gimenez Amau, Yo Jimmy, pp. 164ff.

7 Inmaculada G. Mardones, 'Sin Franco no vįven peor', El Pais, 20 November 1985.

8 Sanchez Soier, Villaverde, pp. 110-16,120-7,131-6.

9 Sanchez Soler, Villaverde, pp. 150-3.

10 Cambio 16, 5 March 1978; Sanchez Soler, Villaverde, pp. 176-7.

11 Bardavio, La rama trdgica, pp. 208-44.

12 Sanchez Soler, Villaverde, pp. 70-5.

13 Penafiel, El General, pp. 175-80; Sanchez Soler, Villaverde, pp. 154-171.

14 Javier Tusell, 'Una esfmge sin secreto y el largo purgatorio de un pais*, Diario 16, 4 December

1992.

15 Salvador de Madariaga, General, marchese usted (New York, 1959), p. 11.

16 Ba6n, La cara humana, p. 143; Luciano Gonzdlez Egido, Agonizar en Salamanca: Unamuno julio-diciembre 1936 (Madrid, 1986), pp. 226-8.

17 Franco, Textos 1945-1950, p. 229; Franco, Discursos 1955-1959, pp. 496-7. *

18 Jose Luis Garcia Delgado, 'Un legado economičo ambivalente', El Pais, 3 December 1992; Ramon Tamames, 'Franco y la econormV, El Mundo, 2 December 1992.

19 Carlos Elordi, 'El PCE por dentro*, La Calle, No. 95, 15 January 1980; Jorge de Esteban & Luis Lopez Guerra, Los partidos politicos en la Espaha actual (Barcelona, 1982), pp. 139,144-5; Richard Gunther, Giacomo Sani & Goldie Shabad, Spain After Franco: The Making of a Competitive Party System (Berkeley, Cal., 1986), pp. 65-70.

20 Preston, Politics of Revenge, pp. 165-202.

СПИСОК источников I. ОСНОВНЫЕ источники

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Государственные архивы

A, Министерство иностранных дел (Мадрид)

Archivo General: Serie de Archivo Reno vado (MAE/R files)

Archivo Azana

B. Протокольный отдел (Лондон)

ПРАВИТЕЛЬСТВО

CAB 65 War Cabinet Minutes CAB 66 War Cabinet Memoranda CAB 128 Cabinet Conclusions, 1945-50 CAB 129 Cabinet Papers, 1945-50

PREM 8 Correspondence and Papers of Prime Minister's Office 1944-1945

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

F0371 General Correspondence F0425 Confidential Prints

C. Рим

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Politica Spagna Spagna Fondo di Guerra

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

Segretaria Particolare del Duce

2. Документы из мастных собраний

Serrano Suner papers, Madrid (собрание документов Серрано Суньера) Templewood Papers, University Library, Cambridge

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Выступления в парламентах

Diario de las sesiones de Cortes, Congreso de los Diputados, comenzaron el 8 de diciembre de 1933 17 vols (Madrid, 1933-1936)

Diario de las sesiones de Cortes, Congreso de los Diputados$_f$ comenzaron el 16 de marzo de 1936 3 vols (Madrid, 1936)

Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la Rępūblica espanola, comenzaron el 14 de julio de 1931 25 vols (Madrid, 1931-1933)

Hansard, House of Commons Debates Fifth Series

2. Официальные документы и письма

Actas del ūltimo Consejo Nacional de Falange Espanola de las

JONS (Salamanca, 18-19. IV. 1937) y algunas noticias referentes a la Jefatura nacional de prensa y propaganda edited by Vicente de Cadenas y Vicent (Madrid, 1975)

Actas de las sesiones de la Junta de Defensa de Madrid edited Julio Arostegui & Jesus A. Martmez (Madrid, 1984)

[Aguirre y Lecube, Jose Antonio], El Informe del Presidente Aguirre al Gobierno de la Repūblica sobre los hechos que determinaron el derrumbamiento del frente del norte (1937) (Bilbao, 1978) Akten zur deutschen aufwartigen Politik 1941 -1945, Series E, Vol. HI (Gottingen, 1969)

Arxiu Vidal i Barraquer, Esglesia i Estat durant la segona Repūblica espanyola 1931-1936 8 vols, (Montserrat, 1971-1990)

Cartas cruzadas entre D. Manuel Hedilla Larrey y D. Ramdn Serrano Suner (Madrid, 1947) Catalunya sota el regim franquista: Informe sobre la persecucio de la llengua i la cultura de Catalunya pel regim del general Franco (Paris, 1973)

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence edited by Warren F. Kimball, 3 vols (Princeton, 1984)

Correspondencia de Pedro Teotonio Pereira para Oliveira Salazar, 1 (1931-1939) (Lisbon,

1987); 11(1940-1941) (Lisbon, 1989); 111(1942) (Lisbon, 1990); IV (1943-1944) (Lisbon, 1991)

Dez anos de politica externa (1936-1947) a naęaao portuguesa e a segunda guerra mundial vol. I (Lisbon, 1961, Lisbon, 1985); vol. II (Lisbon, 1978); vol. Ill (Lisbon, 1964); vol. IV (Lisbon, 1965); vol. V (Lisbon, 1967); vol. VI (Lisbon, 1970); vol. VII (Lisbon, 1971); vol. VHI (Lisbon, 1973); vol. IX (Lisbon, 1974); vol. X (Lisbon, 1974); vol. XII (Lisbon, 1985)

Dictamen de la Minorfa Socialista, El desastre de Melilla: dictamen formulado por Indalecio Prieto coтo miembro de la Comision designada por el Congreso de los Diputados para entender en el expediente Picasso (Madrid, 1922)

/ Documenti Diplomatici Italiani, 8 serie, vol. XII (Rome, 1952); vol. XIII (Rome, 1953); 9 serie, vol. I (Rome, 1954); vol. П (Rome, 1957); vol. Ill (Rome, 1959); vol. IV (Rome, 1960); vol. V (Rome,

1965); vol. VI (Rome, 1986); vol. VIH (Rome, 1988)

Documentos inėditos para la historia del Generalisimo Franco 3 vols [to date] (Madrid, 1992) Documents Diplomatiques Franęais 1932-1939, 2e Serie (1936-1939) XV (Paris, 1981); Vol. XVI (Paris, 1983); Vol. XVII (Paris, 1984); Vol. XVIII (Paris, 1985); Vol. XIX (Paris, 1986)

Documents on British Foreign Policy 2nd Series, Vol. -XVII (London, 1979)

Documents on German Foreign Policy Series C, vol. IV (London,

1964); Series D, Vol. Ill (London, 1951); Vol. VI (London, 1956); Vol. VII (London, 1956); Vol. VIH (London, 1954); Vol.

IX (London, 1956); Vol. X (London, 1957); Vol. XI (London, 1961); Vol. XII (London, 1964); Vol. XII1 (London, 1964)

Documents on the Italian Intervention in Spain (n.p. [London], 1937)

Documents secrets du Ministère des Affaires Etrangeres d*Allemagne: Espagne (Paris, 1946) Estado Espanol, Ministerio de la Gobernacion, Dictamen de la comision sobre ilegitimidad de poderes actuantes en 18 de julio de 1936 (Barcelona, 1939)

Foreign Relations of the United States 1936 Vol. II (Washington, 1954)

Foreign Relations of the United States 1937 Vol. I (Washington, 1954)

Foreign Relations of the United States 1938 Vol. I (Washington, 1955)

Foreign Relations of the United States 1939 Vol. II (Washington, 1956)

Foreign Relations of the United States 1940, Vol. II (Washington, 1957)

Foreign Relations of the United States 1941 Vol. II (Washington, 1959)

Foreign Relations of the United States 1942 Vol. Ill (Washington, 1961)

Foreign Relations of the United States 1943 Vol. II (Washington, 1964)

Foreign Relations of the United States 1944 Vol. IV (Washington, 1966)

Foreign Relations of the United States 1945 Vol. V (Washington, 1967)

Foreign Relations of the United States 1946 Vol. V (Washington, 1969)

'Hispanicus*, Foreign Intervention in Spain (London, 1937)

[Hitler, Adolf], Hitler*s War Directives 1939-1945, edited by H.R. Trevor-Roper, (London,

1966)

How Mussolini Provoked the Spanish Civil War: Documentary Evidence (London, 1938) Lleonart y Anselem, Alberto J. & Castiella y Maiz, Fernando Maria.

Espaha y ONUI (1945-46) (Madrid, 1978)

Lleonart y Anselem, A.J. Espaha y ONU 11 (1947) (Madrid, 1983)

Lleonart y Anselem, A.J. Espaha y ONU 111 (1948-1949): La «cuestion espanola» (Madrid, 1985) Lleonart y Anselem, A.J. Espaha y ONU IV (1950): La «cuestidn espanola» (Madrid, 1991) Mesa, Roberto,

editor. Jaraneros y alborotadores: documentos sobre los sucesos estudiantiles de febrero de 1956 en la Universidad Complutense de Madrid (Madrid, 1982)

Ministerio de Justicia, Causa general. La dominacion roja en Espaha. Avance de la informacion instruida par el ministerio pūblico (Madrid, 1944);

Ministerio de la Guerra Estado Mayor Central, Anuario Militar de Espaha aho 1936 (Madrid, 1936)

[Missione Militare Italiana in Spagna]. Fascistas en Espaha: la intervencidn italiana en al guerra civil a travės de los telegramas de la «Missione Militare Italiana in Spagna» (15 diciembre 1936-31 marzo 1937) edited by Ismael Saz & Javier Tusell (Madrid/Rome, 1981)

Nuremberg, International Military Tribunal, Trial of Major War Criminals (Nuremberg, 1947) Partido Comunista de Espana, Declaracidn por la reconciliacion nacional, por una solucion democratica y pacifica del problema espanol (Paris, 1956)

United Nations, Security Council, Official Records, First Year: Second Series, Special Supplement, Report of the Sub-Committee on the Spanish Question (New York — June 1946)

USA Department of State, The Spanish Government and the Axis (Washington, 1946) [Weizsacker, Ernst von], Die Weizsacker-Papiere 1933-1950 (Frankfurt/M, 1974)

3. Периодические издания

ABC
ABC (Seville)
Accion Espanola El Alcdzar
Arriba
Asturias
Boletin Oficial del Estado Bulletin of Spanish Studies Cambio 16
El Carbayon (Oviedo)
CEDA
El Compostelano (Santiago de Compostela)
El Correo Gallego
La Correspondencia Militar
Cuadernos de Ruedo Iberico
The Daily Express
The Daily Mail
The Daily Telegraph
The Daily Telegraph and Morning Post
El Debate
Diario 16
Diario de Lisboa,
El Diario Vasco
El Eco de Santiago (Santiago de Compostela)

The Economist
La Ėpoca
Estampa
El Faro de Vigo
Fotos
La Gaceta Regional El Heraldo de Madrid Hola
L'Humanitė
Informaciones
Interviu
Israel*s Messenger Manchester Guardian Le Monde The Morning Post Mundo
Mundo Grafico Mundo Obrero The News Chronicle Newsweek The New York Times Nuestra Bandera Nuevo Mundo The Observer Opinion El Pais
La Prensa (Gijon)
Region El Socialista El Sol
The Sunday Express The Sunday Times Tiempo The Times
La Vanguardia Espanola La Voz de Asturias La Voz de Galicia The Universe Ya

4. Записки и выступления Франсиско Франко

Andrade, Jaime de. [pseudonym Francisco Franco Bahamonde], Raza anecdotario para el guion de una pelicula (Madrid, 1942)

Boor, Jakim. [pseudonym Francisco Franco Bahamonde], Masoneria (Madrid, 1952)

Franco Bahamonde, Francisco. «Apuntes» personales sobre la Republica y la guerra civil (Madrid, 1987)

[Franco Bahamonde, Francisco]. El Caudillo en Cataluna (Madrid, 1942)

Franco, Comandante. Diario de una bandera (Madrid, 1922)

Franco, Francisco. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1951-1954 (Madrid, 1955)

Franco, Francisco. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1955-1959 (Madrid, 1960)

Franco, Francisco. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1960-1963 (Madrid, 1964)

Franco, Francisco. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1964-1967 (Madrid, 1968)

Franco, Francisco. Discursos y mensajes del Jefe del Estado 1968-1970 (Madrid, 1971)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Espana y Francisco Franco, XXV aniversario de la exaltacion a la Jefatura del Estado (Madrid, 1961)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Francisco Franco, escritor militar, Numero especial, Revista de Historia Militar, Ano XX, No.40, 1976

[Franco Bahamonde, Francisco]. Franco ha dicho . . .. recopilacion de las mas importantes declaraciones del Caudillo desde la iniciacion del Alzamiento Nacional hasta el 31 de diciembre de 1946 (Madrid, 1947)

[Franco Bahamonde, Francisco']. Franco ha dicho. Primer apèndice (contiene de 1 enero 1947 a 1 abril 1949) (Madrid, 1949)

Franco Bahamonde, Francisco. 'Fundamentos y directrices de un Plan de saneamiento de nuestra economia, armonico con nuestra reconstruction nacional', Historia 16, No. 115, noviembre de 1985 Franco, facsimile typescript and manuscript notes, Fundaci6n Francisco Franco, Manuscritos de Franco (Madrid, 1986)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Hoja de servicios del Caudillo de Espana, Excmo. Sr. Don Francisco Franco Babamonde y su genealogia, edited by Esteban Carvallo de Cora (Madrid, 1967) [Franco Bahamonde, Francisco]. Las cartas de amor de Franco, edited by Vicente Gracia & Enrique Salgado (Barcelona, 1978)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Mensaje del Caudillo a los espaholes, discurso pronunciado por S.E. el Jefe del Estado la noche del 31 de diciembre de 1939 (Madrid, 1939)

Franco Bahamonde, Francisco. Pape les de la guerra de Marruecos (Madrid, 1986)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 31 diciembre 1938 (Barcelona, 1939)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Palabras del Caudillo 19 abril 1937 — 19 abril 1938 (n.p., 1939)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Palabras del Caudillo 19 abril 1937-7 diciembre 1942 (Madrid, 1943)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Palabras de Franco: I aho triunfal (Bilbao, 1937)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Pensamiento politico de Franco, edited by 'Agustin del Rio Cisneros, 2 vols (Madrid, 1975)

[Franco Bahamonde, Francisco]. Statements made by H.E. General Franco and Count Jordana on the International Policy of Spain (Madrid, 1943)

Franco Bahamonde, Francisco. Textos de doctrina politica: palabras y escritos de 1945 a 1950 (Madrid, 1951)

5. Дневники, воспоминания, выступления других лиц

Acheson, Dean. Present at the Creation: My Years in the State Department (New York, 1969) Agirre, Julen (pseud. Eva Forest). Operacion Ogro: cото y porque ejecutamos a Carrero Blanco (Hendaye/Paris, 1974)

Aguirre y Lecube, Jose Antonio de. De Guernica a Nueva York pasando por Berlin 3 edicion (Buenos Aires, 1944)

Alcala Zamora, Niceto. Memorias (Barcelona, 1977)

Alcdzar de Velasco, Angel. Serrano Suner en la Falange (Madrid/ Barcelona, 1941)

Alcazar de Velasco, Angel. Siete dias de Salamanca (Madrid, 1976)

Alderete, Ramon de. . . . y ėstos borbones nos quieren gobernar (Paris, 1974)

Alvarez, Basilio. Espana en crisol (Buenos Aires, Editorial Claridad, 1937)

Alvarez del Vayo, Julio. Freedom*s Battle (London, 1940)

Ansaldo, Juan Antonio. iPara que. . . ? (de Alfonso XIII a Juan III) (Buenos Aires, 1951) Areilza, Jose Maria de. Crdnica de libertad (Barcelona, 1985)

Areilza, Jose Marfa de. Diario de un ministro de la monarquia (Barcelona, 1977)

Areilza, Jose Mana de. Embajadores sobre Espana (Madrid, 1947)

Areilza, Jose Maria de. Memorias exteriores 1947-1964 (Barcelona, 1984)

Areilza, Jose Maria de, & Castiella, Fernando Marfa. Reivindicaciones de Espana (Madrid, 1941) Arenillas de Chaves, Ignacio. El proceso de Besteiro (Madrid, 1976)

Carlos Arias Navarro, Discurso del Presidente del Gobierno a las Cortes Espanolas, 12.02.1974 (Madrid, 1974)

Armada, Alfonso. Al servicio de la Corona (Barcelona, 1983)

Arrese, Jos6 Luis de. Una etapa constituyente (Barcelona, 1982)

Arrese, Jose Luis de. Escritos y discursos (Madrid, 1943)

Arrese, Jose Luis de. La revolucidn social del nacional-sindicalismo (Madrid, 1959)

Arrese, Jose Luis de. Treinta afios de politica (Madrid, 1966)

Attard, Emilio. La Constitucidn por dentro (Barcelona, 1983)

[Azaha, Manuel]. Memorias intimas de Azafia (Madrid, 1939)

Azaha, Manuel. Mi rebelion en Barcelona (Madrid, 1935)

Azaha, Manuel. Obras completas 4 vols (Mexico D.F., 1966-1968)

Azcdrate, Pablo de. Mi embajada en Londres durante la guerra civil espahola (Barcelona, 1976) Bahamonde y Sanchez de Castro, Antonio. Un aho con Queipo: memorias de un nacionalisto (Barcelona, 1938)

Barba Hernandez, Bartolomė. Dos anos al frente del Gobierno Civil de Barcelona y varios ensayos (Madrid, 1948)

Baudouin, Paul. The Private Diaries of Paul Baudouin (March 1940 — January 1941) (London, 1948)

Bayod, Angel. Franco visto por sus ministros (Barcelona, 1981)

Beaulac, Willard L. Career-Ambassador (New York, 1951)

Beaulac, Willard L. Franco: Silent Ally in World War II (Carbondale, 1986)

Berenguer, Damaso. De la Dictadura a la Repūblica (Madrid, 1946)

Boaventura, Armando. Madrid-Moscovo da ditadura a Repūblica e a guerra civil de Espanha (Lisbon, 1937)

Bolin, Luis. Spain: the Vital Years (Philadelphia, 1967)

Bowers, Claude G. My Mission to Spain (London, 1954)

[Bruce Lockhart, Sir Robert]. The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, Vol. 2 1939-1965, edited by Kenneth Young, (London, 1980)

Bureau Permanent de l'Entente Internationale Anticommuniste, Dix-sept ans de lutte contre le bolchevisme 1924-1940 (Geneva, 1940)

Burgo, Jaime del. Conspiracidn y guerra civil (Madrid, 1970)

Butcher, Captain Harry C. My Three Years with Eisenhower (New York, 1946)

[Cadogan, Sir Alexander]. The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938-1945 edited by David Dilkes, (London, 1971)

Calvo Serer, Rafael. Franco frente al Rey: ei proceso del regimen (Paris, 1972)

Calvo Serer, Rafael. La dictadura de los franquistas: el «affaire» del «Madrid» y el future politico (Paris, 1973)

Calvo Serer, Rafael. La solution presidencialista (Barcelona, 1979)

Calvo Sotelo, Jose. Mis servicios al Estado. Seis anos de gestidn: apuntes para la Historia (Madrid, 1931)

Cambo, Francesc. Meditacions: dietari (1936-1940) (Barcelona, 1982)

Cambd, Francesc. Meditacions: dietari (1941-1946) (Barcelona, 1982)

Cantalupo, Roberto. Fu la Spagna. Ambasciata presso Franco. Febbraio-Aprile 1937 (Milan, 1948)

Carrero Blanco, Almirante. Discursos y escritos 1943-1973 (Madrid, 1974)

Castro Delgado, Enrique. Hombres made in Moscu (Barcelona, 1965)

Chalmers Mitchell, Sir Peter. My House in Mdlaga (London, 1938)

Chapaprieta Torregrosa, Joaquin. La paz fue posible: memorias de un politico (Barcelona, 1971) Charles-Roux, Franęois. Cinq mois tragiques aux affaires ėtrangères 21 Mai-1 Novembre 1940 (Paris, 1949)

Churchill, Winston S. The Second World War 6 vols (London, 1948-1954).

[Ciano, Galeazzo], Ciano*s Diary 1937-1938 (London, 1952)

[Ciano, Galeazzo], Ciano*s Diary 1939-1943 (London, 1947)

[Ciano, Galeazzo], Ciano*s Diplomatic Papers ed. Malcolm Muggeridge (London, 1948) Corddn, Antonio. Trayectoria (recuerdos de un artillero) (Paris, 1971)

Cowles, Virginia. Looking for Trouble (London, 1941)

[Dalton, Hugh]. The Second World War Diary of Hugh Dalton 1940-1945 edited by Ben Pimlott (London, 1986)

Diaz, Carmen, (Viuda de Franco). Mi vida con Ramon Franco (Barcelona, 1981)

Doussinague, Jose M. Espana tenia razon (1939-1945) (Madrid, 1949)

Downes, Donald. The Scarlet Thread: Adventures in Wartime Espionage (London, 1953) Eccles, David, editor, By Safe Hand: Letters of Sybil and David Eccles 1939-1942 (London, 1983) Eisenhower, Dwight D. The White House Years: Waging Peace 1956-1961 (London, 1965) Elosegui, Joseba. Quiero morir por algo (Bordeaux, 1971)

[Engel, Gerhard]. Heeresadjutant bei Hitler 1939-1943: Aufzeichnungen des Majors Engel (Stuttgart, 1974)

Escobar, Adrian C. Didlogo intimo con Espana: memorias de un embajador durante la tempestad europea (Buenos Aires, 1950)

Escobar, Jose Ignacio. Asi empezd (Madrid, 1974)

Escofet, Frederic. At servei de Catalunya i de la Repūblica 2 vols, Vol. I La desfeta 6 d*octubre 1934, Vol. II, La victoria 19 de juliol 1936 (Paris, 1973)

Estėban Infantes, Emilio. La sublevacion del general Sanjurjo (Madrid, 1933)

Faldella, Emilio. Venti mesi di guerra in Spagna'(Florence, Le Monnier, 1939)

Feis, Herbert. The Spanish Story: Franco and the Nations at War 2nd edition (New York, 1966) Femdndez Cuesta, Raimundo. Testimonio, recuerdos y reflexiones (Madrid, 1985)

Fischer, Louis. Men and Politics: An Autobiography (London, 1941)

Fontana, Jose Maria. Los catalanes en la guerra de Espaha 2 edicidn (Barcelona, 1977) [Forrestal, James]. The Forrestal Diaries edited by Walter Millis, (New York, Viking Press, 1951) Fraga Iribame, Manuel. Memoria breve de una vida publica (Barcelona, 1980)

Franco, Comandante [Ram6n]. Aguilas y garras: historia sincera de una empresa discutida (Madrid, n.d. [1929])

Franco, Comandante [Ramdn]. Madrid bajo las bombas (Madrid, 1931)

Franco, Ram6n, & Ruiz de Alda, Julio. De Palos al Plata (Madrid, 1926)

Franco Bahamonde, Pilar. Nosotros los Franco (Barcelona, 1980)

Franco Salgado-Araujo, Francisco. Mis conversaciones privadas con Franco (Barcelona, 1976) Franco Salgado-Araujo, Francisco. Mi vida junto a Franco (Barcelona, 1977)

Garcia Lacalle, Andrės. Mitos y verdades: la aviacidn de caza en la guerra espanola (Mexico

D.F., 1973)

Garrigues y Dfaz Canabate, Antonio. Dialogos conmigo mismo (Barcelona, 1978)

Gil, Vicente. Cuarenta afios junto a Franco (Barcelona, 1981)

Gil Robles, Jose Marfa. La monarquia por la que yo luchė: pagirias de un diario (1941-1954) (Madrid, 1976)

Gil Robles, Jos6 Marfa. No fue posible la paz (Barcelona, 1968)

Gimenez Amau, Joaquin. Yo, Jimmy: mi vida entre los Franco (Barcelona, 1981)

Gimenez Caballero, Ernesto. Memorias de un dictador (Barcelona, 1979)

Gimenez Caballero, Ernesto. Espana y Franco (Cegama, 1938)

[Goebbels, Joseph], Final Entries 1945. The Diaries of Joseph Goebbels edited, introduced and annotated by Hugh Trevor-Roper (New York, 1978)

[Goebbels, Joseph], The Goebbels Diaries 1939-41, edited by Fred Taylor (London, 1982) [Goebbels, Joseph], The Goebbels Diaries [January 1942-December 1943] edited by Louis P. Lochner, (London, 1948)

Goma, Cardenal. Por Dios y por Espana 1936-1939 (Barcelona, 1940)

Griffis, Stanton. Lying in State (New York, 1952)

Guamer, Vicente. Cataluna en la guerra de Espana (Madrid, 1975)

Gutierrez Mellado, Manuel. Un soldado para Espana (Barcelona, 1983)

[Haider, Franz], The Haider War Diary 1939-1942 edited by Charles Burdick and Hans-Adolf Jacobsen (London, 1988)

[Harvey, Oliver]. The War Diaries of Oliver Harvey edited by John Harvey (London, 1978) Hassell, Ulrich von. The Von Hassell Diaries 1938-1944 (London, 1948)

Hayes, Carlton J.H. Wartime Mission in Spain (New York, 1945)

Hidalgo Duran, Diego. iPor que fui lanzado del Ministerio de la Guerra? Diez meses de actuacion ministerial (Madrid, 1934)

Hidalgo Duran, Diego. Un notario espanol en Rusia (Madrid, 1929)

Hidalgo Huerta, Manuel. Сото y porque ope re a Franco (Madrid, 1976)

[Hitler, Adolf]. Hitler's Table Talk 1941-1944 (London, 1953)

Hoare, Sir Samuel. Ambassador on Special Mission (London, 1946)

Hodgson, Sir Robert. Spain Resurgent (London, 1953)

Hoyos, Marques de. Mi testimonio (Madrid, 1962)

Hull, Cordell. Memoirs 2 vols (London, 1949)

Ibarruri, Dolores. El ūnico camino (Paris, 1964)

Iniesta Cano, Carlos. Memorias y recuerdos (Barcelona, 1984)

Iribarren, Jose Marfa. Con el general Mola: escenas y aspectos inėditos de la guerra civil (Zaragoza, 1937)

Iribarren, Jose Maria. Mola, datos para una biografia y para la historia del alzamiento nacional (Zaragoza, 1938)

Jalon, Cesar. Memorias politicos: periodista, ministro, presidiario. (Madrid, 1973)

Jaraiz Franco, Pilar. Historia de una disidencia (Barcelona, 1981)

Jerrold, Douglas. Georgian Adventure (London, 1937)

Jimenez de Asua, Luis, Vidarte, Juan-Simeon, et al., Castilblanco (Madrid, 1933)

[Keitel, Wilhelm]. The Memoirs of Field-Marshal Keitel (London, William Kimber, 1965) Kemp, Peter. Mine Were of Trouble (London, 1957)

Kindelan Duany, Alfredo. La verdad de mis relaciones con Franco (Barcelona, 1981)

Kindelan Duany, Alfredo. Mis cuadernos de guerra 2 edicion, (Barcelona, 1982)

Kirkpatrick, Ivone. The Inner Circle: Memoirs (London, 1959)

Koestler, Arthur. Spanish Testament (London, 1937)

Koltsov, Mijail. Diario de la guerra de Espana (Paris, 1963)

Lain Entralgo, Pedro. Descargo de conciencia (Barcelona, 1976)

Largo Caballero, Francisco. Mis recuerdos (Mexico D.F., 1954)

Lerroux, Alejandro. La pequeha historia: apuntes para la historia grande vividos y redactados por el autor (Buenos Aires, 1945)

Liddell Hart, Captain. Britain and Spain (London, 1938)

Lizarza Iribarren, Antonio. Memorias de la conspiracion (Pamplona, 1953)

Llaneza, Manuel. Escritos y discursos (Oviedo, 1985)

Lomax, Sir John. The Diplomatic Smuggler (London, 1965)

Longo, Luigi. Le brigate internazionali in Spagna (Rome, 1956)

Lopez Femdndez, Antonio. Defensa de Madrid (Mexico D.F., 1945)

Lopez Ochoa, General E. Campafia militar de Asturias en octubre de 1934 (narracion tactico-episodica) (Madrid, 1936)

Lopez Ochoa, General E. De la Dictadura a la Repūblica (Madrid, 1930)

Lopez Rod6, Laureano. La larga marcha hacia la monarquia

(Barcelona, 1977)

Lopez Rodo, Laureano. Memorias (Barcelona, 1990)

Lopez Rod6, Laureano. Memorias: afios decisivos (Barcelona, 1991)

Lopez Rodo, Laureano. Politica y desarrollo (Madrid, 1970)

Lopez Rod6, Laureano. El principio del fin: Memorias (Barcelona, 1992)

L6pez Rod6, Laureano. Testimonio de una politica de Estado (Barcelona, 1987)

Luca de Tena, Jose Ignacio. Mis amigos muertos (Barcelona, 1971)

Luca de Tena, Torcuato. Papeles para la pequena y la gran historia: memorias de mi padre y mias (Barcelona, 1991)

Madariaga, Salvador de. Memorias (1921-1936) amanecer sin mediodia (Madrid, 1974) Madariaga, Salvador de. General, marchese usted (New York, 1959)

Maiz, B. Felix. Alzamiento en Espana: de un diario de la conspiracion 2nd ed. (Pamplona, 1952) Maiz, B. Felix. Mola aquel hombre (Barcelona, 1976)

Marco Miranda, Vicente. Las conspiraciones contra la Dictadura (1923-1930) relate de un testigo 2 edicion (Madrid, 1975)

Marša, Graco. La sublevacion de Jaca; relate de un rebelde (Paris, 1931)

Martin Blazquez, Jose. / Helped to Build an Army: Civil War Memoirs of a Spanish Staff Officer (London, 1939)

Martmez Barrio, Diego. Memorias (Barcelona, 1983)

Maura, Gabriel. Bosque jo historico de la Dictadura 2 vols (Madrid, 1930)

Maura, Miguel. Asi cayo Alfonso XIII, (Mexico D.F., 1962)

Merida, Maria. Testigos de Franco: retablo intimo de una dictatdura (Barcelona, 1977)

Millan Astray, General Josd. Franco, el Caudillo (Salamanca, 1939)

Modesto, Juan. Soy del quinto regimiento (notas de la guerra espanola) (Paris, 1969)

Mola Vidal, Emilio. Obras completas (Valladolid, 1940)

Moulin de Labarthete, H. Du. Le temps des illusions: souvenirs, juillet 1940-avril 1942 (Geneva, 1946)

Moure Marino, Luis. La generacion del 36: memorias de Salamanca y Burgos (La Coruna, 1989) Navarro Rubio, Mariano. Mis memorias: Testimonio de una vida politica truncada por el Caso MATESA (Barcelona, 1991)

Neves, Mario. La matanza de Badajoz (Badajoz, 1986)

Onaindia, Alberto. El «Pacto» de Santona, antecedentes y

desenlace (Bilbao, 1983)

Onaindfa, Alberto. Hombre de paz en la guerra (Buenos Aires, 1973)

Ossorio, Angel. Mis memorias (Buenos Aires, 1946)

Pagės Guix, Luis [pseudonym], La traicion de los Franco i Arriba Espana!, (Madrid, n.d. [1937]) Peman, Jose Mana. Mis almuerzos con gente importante (Barcelona, 1970)

Peman, Jose Mana. Mis encuentros con Franco (Barcelona, 1976)

Pereira, Pedro Theotonio. Memorias postos em que servi e algumas recordaęoes pessoais 2 vols (Lisbon, 1973)

Peterson, Maurice. Both Sides of the Curtain (London, 1950)

Perez Salas, Coronel Jesus. Guerra en Espana (1936-1939) (Mėxico D.F., 1947)

Perez Solis, Oscar. Sitio y defensa de Oviedo 2 edicion (Valladolid, 1938)

Philby, Kim. My Silent War (London, 1968)

Pietri, Franęois. Mes annėes d'Espagne 1940-1948 (Paris, 1954)

Portela Valladares, Manuel. Memorias: dentro del drama espanol (Madrid, 1988)

Pozuelo, Vicente. Los ūltimos 476 dias de Franco (Barcelona, 1980)

Pradera, Victor. EI Estado nuevo 3rd edition (Madrid, 1941)

Prieto, Indalecio. Palabras al viento 2* edicion (Mexico D.F., 1969)

Prieto, Indalecio. Palabras al viento 2 edicion (Mexico D.F., 1969)

Primo de Rivera, Josd Antonio. Textos de doctrina politica 4th edition (Madrid, 1966)

Priifer, Curt. Rewriting History: The Original and Revised World War II Diaries of Curt Priifer, Nazi Diplomat (Kent, Ohio, 1988)

Queipo de Llano, Gonzalo. El general Queipo de Llano perseguido por la dictadura (Madrid, Javier Morato, 1930)

Reynaud, Paul. Au coeur de la Melee 1930-1945 (Paris, 1951)

Ribbentrop, Joaquim von. The Ribbentrop Memoirs, (London, 1954)

Richthofen, Wolfram von. ‘Spanien-Tagebuch*, in Maier, Klaus A. Guernica 26.4.1937. Die deutsche Intervention in Spanien und der [4]Fall Guernica* ‘(Freiburg, 1975)

Ridruejo, Dionisio. Casi unas memorias (Barcelona, 1976)

Rodriguez Martinez, Julio. Impresiones de un ministro de Carrero Blanco (Barcelona, 1974) Rojo, General Vicente. \ Alerta los pueblos! estudio politico-militar del periodo final de la guerra espanola 2 edicidn (Barcelona, 1974)

Rojo, General Vicente. Asi fue la defensa de Madrid (Mexico D.F., 1967)

Rojo, General Vicente. Espana heroica: diez bocetos de la guerra espanola 3 edicion (Barcelona, 1975) Romanones, Aline, Countess of. The Spy Wore Red (London, 1987)

Romero, Emilio. Los papeles reservados 2 vols (Barcelona, 1985)

Ruiz Vilaplana, Antonio. Doy fe ... un aho de actuacion en la Espana nacionalista (Paris, n.d. [1938])

Sainz Rodriguez, Pedro. Un reinado en la sombra (Barcelona, 1981)

Sainz Rodriguez, Pedro. Testimonio y recuerdos (Barcelona, 1978)

Salazar Alonso, Rafael. Bajo el signo de la revolucion (Madrid, 1935)

San Martin, Jose Ignacio. Servicio especial: a las drdenes de Carrero Blanco (Barcelona, 1983) Sana, Heleno. El franquismo sin mitos: conversaciones con Serrano Suner (Barcelona, 1982) Schellenberg, Walter. The Schellenberg Memoirs: A Record of the Nazi Secret Service (London, 1956)

Schmidt, Paul. Hitler*s Interpreter: The Secret History of German Diplomacy 1935 — 1945 (London, 1951)

Serrano Suner, Ram6n. De anteayery de hoy (Barcelona, 1981)

Serrano Suner, Ramdn. Ensayos al viento (Madrid, 1969)

Serrano Suner, Ramdn. Entre el silencio y la propaganda, la Historia coто fue. Memorias (Barcelona, 1977)

Serrano Suner, Ramdn. Entre Hendaya y Gibraltar (Madrid, 1947)

Serrano Suner, Ramdn. Semblanza de Jose Antonio, joven (Barcelona, 1958)

Serrano Suner, Ramdn. Siete discursos (Bilbao, 1938)

Sopena, Federico. Escrito de noche (Madrid, 1985)

Soriano, Ramdn. La mano izquierda de Franco (Barcelona, 1981)

Spellman, Francis J. Action This Day: Letters From The Fighting Fronts (London, 1944) [Stettinius, Edward R. Jr]. The Diaries of Edward R. Steninius,Jr., 1943-1946, edited by Thomas M. Campbell & George C. Herring (New York, 1975)

Tagiiena Lacorte, Manuel. Testimonio de dos guerras (Mdxico D.F., 1973)

Tiemo Galvan, Enrique. Cabos sueitos (Barcelona, 1981)

Truman, Harry S. Memoirs. Year of Decisions 1945 (London, 1955)

Tusquets, P. Juan. La Francmasoneria, crimen de lesa patria (Burgos, n.d. [1937])

Tusquets, P. Juan. Masoneria y separatismo (Burgos, 1937)

Tusquets, P. Juan. Origenes de la revolucion espanola (Barcelona, 1932)

Utrera Molina, Jose. Sin cambiar de bandera (Barcelona, 1989)

Vaca de Osma, Jose Antonio. La larga guerra de Francisco Franco (Madrid, 1991)

Vaca de Osma, Jose Antonio. Paisajes con Franco al fondo (Barcelona, 1987)

Vegas Latapie, Eugenio. Caminos del desengaho: memorias politicas 111936-1938 (Madrid, 1987) Vegas Latapie, Eugenio. Memorias politicas: el suicido de la monarquia y la segunda Republica (Barcelona, 1983)

Vidarte, Juan-Sime6n. EI bienio negro y la insurreccion de Asturias (Barcelona, 1978)

Vidarte, Juan-Sime6n. Todosfuimo s culpable s: testimonio de un socialista espanol (Mexico D.F., 1973)

Walters, Vernon A. Silent Missions (New York, 1978)

Weizsacker, Ernst von. Memoirs of Ernst von Weizsacker (London, 1951)

Worsley, T.C. Behind the Battle (London, 1939)

Zugazagoitia, Julian. Guerra y vicisitudes de los espaholes, 2“ edicion, 2 vols, (Paris, 1968)

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ Книги и рукописи

ABC', La II guerra mundial (Madrid, 1989)

Abella, Rafael. Por el Imperio hacia Dios: cronica de una posguerra (1939-1950) (Barcelona, 1978)

Abella, Rafael. La vida cotidiana durante la guerra civil I) La Espana Nacional (Barcelona,

1978)

Abella, Rafael. La vida cotidiana en Espana bajo el regimen de Franco (Barcelona, 1985) Abshagen, Karl Heinz. Canaris (London, 1956)

Aguado Sanchez, Francisco. El Maquis en Espaha: sus documentos (Madrid, 1976)

Aguado Sanchez, Francisco. El Maquis en Espaha: su historia (Madrid, 1975)

Aguado Sanchez, Francisco. La revolucidn de octubre de 1934 (Madrid, 1972)

Aguilar Olivencia, Mariano. El Ejėrcito espanol durante la segunda Repūblica (Madrid, 1986) Alarcon Benito, Juan. Francisco Franco y su tiempo (Madrid, 1983)

Alberola, Octavio, & Gransac, Ariane. El anarquismo espanol y la accion revolucionaria 1961-1974 (Paris, 1975)

Alcofar Nassaes, Josd Luis. C. T. V. Los legionarios italianos en la guerra civil espanola 1936-1939 (Barcelona, 1972)

Alfarache, Guzman de \ 18 de julio! Historia del alzamiento glorioso de Sevilla (Seville, 1937) Alpert, Michael. El ejėrcito republicano en la guerra civil 2 edicion (Madrid, 1989)

Alpert, Michael. La guerra civil espanola en el mar (Madrid, 1987)

Alpert, Michael. La reforma militar de Azana (1931-1933) (Madrid, 1982)

Alpuente, Moncho. Hablando francamente (Barcelona, 1990)

Alvarez Junco, Josė. El emperador del Paralelo: Lerroux y la demagogia popular (Madrid, 1990) Amover, Francesc. II carcere vaticano: Chiesa e fascismo in Spagna (Milan, 1975)

Arasa, Daniel. Ahos 40: los maquis y el.PCE (Barcelona, 1984)

Arce, Carlos de. Los gene rales de Franco (Barcelona, 1984)

Arrards, Joaqum. Franco, 7 edicidn (Valladolid, 1939)

Arraras, Joaquin. Historia de la Cruzada espanola 8 vols, 36 tomos (Madrid, 1939-43)

Arraras, Joaqum. Historia de la segunda Repūblica espanola 4 vols (Madrid, 1956-1968) Artigues, Daniel. El Opus Dei en Espaha 1928-1962: su evolucion ideologica y politico de los origenes al intento de dominio (Paris, 1971)

Avni, Haim. Espaha, Franco y los judios (Madrid, 1982)

Aznar, Manuel. Franco (Madrid, 1975)

Aznar, Manuel. Historia militar de la guerra de Espaha (1936-1939) (Madrid, 1940)

Azpiroz Pascual, Josė Maria & Elboj Broto, Fernando. La sublevacion de Jaca (Zaragoza, 1984) Balfour, Sebastian. Dictatorship, Workers, and the City: Labour in Greater Barcelona since 1939 (Oxford, 1989)

Ballbė, Manuel. Or den pūblico y militarismo en la Espaha constitucional (1812-1983) (Madrid,

1983)

Baon, Rogelio. La cara numana de un Caudillo (Madrid, 1975)

Bardavio, Joaquin. La crisis: historia de quince dias (Madrid, 1974)

Bardavio, Joaqum. La rama tragica de los borbones (Barcelona, 1989)

Bardavfo, Joaquin. Los silencios del Rey (Madrid, 1979)

Barea, Arturo. La forja de un rebelde (Buenos Aires, 1951)

Barea, Arturo. The Struggle for the Spanish Soul (London, 1941)

Barreiro Fernandez, Xose Ramon. Historia contemporanea de Galicia 4 vols (La Coruna, 1982) Bayo, Eliseo. Los atentados contra Franco (Barcelona, 1977)

Benavides, Manuel D. La revolucion fue asi (octubre rojo y negro) reportaje (Barcelona, 1935) Ben-Ami, Shlomo. Fascism from Above:

The Dictatorship of Prime de Rivera in Spain 1923-1930 (Oxford, 1983)

Ben-Ami, Shlomo. The Origins of the Second Republic in Spain (Oxford, 1978)

Bertran Giiell, Felipe. Preparacion y desarrollo del alzamiento nacional (Valladolid, 1939) Blanco Escola, Carlos. La Academia General Militar de Zaragoza (1928-1931) (Barcelona, 1989) Blasco Ibanez, Vicente. Alfonso XIII Unmasked (London, 1925)

Blaye, Edouard de. Franco and the Politics of Spain (Harmondsworth, 1976)

Blazquez, Feliciano. La traicion de los clėrigos en la Espaha de Franco: cronica de una intolerancia (1936-1975) (Madrid, 1991)

Blinkhorn, Martin. Carlism and Crisis in Spain 1931-1939 (Cambridge, 1975)

Blinkhorn, Martin, ed., Spain in Conflict 1931-1939: Democracy and its Enemies (London, 1986) Bloch, Michael. Operation Willi: The Plot to Kidnap the Duke of Windsor July 1940 (London,
1984)

Bolloten, Burnett. The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution (Chapel Hill, 1991) Bonmati de Codecido, Francisco. El Principe Don Juan de Espaha (Valladolid, 1938) Borkenau, Franz. The Spanish Cockpit 2nd edition (Ann Arbor, 1963)

Borras Betriu, Rafael et al., El dia en que mataron a Carrero Blanco (Barcelona, 1974)

Boyd, Carolyn P. Praetorian Politics in Liberal Spain (Chapel Hill, 1979)

Bravo Morata, Federico. Franco y los muertos providenciales (Madrid, 1979)

Brenan, Gerald. The Spanish Labyrinth (Cambridge, 1943)

Brissaud, Andre. Canaris (London, 1973)

Broue, Pierre, & Temime, Emile. The Revolution and the Civil War in Spain (London, 1972) Buckley, Henry. Life and Death of the Spanish Republic (London, 1940)

Bullock, Alan. Ernest Bevin: Foreign Secretary 1945-1951 (London, 1983)

Burdick, Charles B. Germany*s Military Strategy and Spain in World War II (Syracuse, 1968) Busquets, Julio. El militar de carrera en Espaha 3ª edicion (Barcelona, 1984)

Cabanellas, Guillermo. Cuatro generales 2 vols (Barcelona, 1977)

Cabanellas, Guillermo. La guerra de los mil dias 2 vols (Buenos Aires, 1973)

Cacho Zabalza, Antonio. La Union Militar Espahola (Alicante, 1940)

Cagigao, JoseL., Crispin, John & Pupo-Walker, Enrique, editors.

Spain 1975-1980: The Conflicts and Achievements of Democracy (Madrid, 1982)

Calleja, Juan Jose. Yagiie: un corazon al rojo (Barcelona, 1963)

Cameron Watt, Donald. How War Came: The Immediate Origins of the Second World War 1938-1939 (London, 1989)

Cardona, Gabriel. El poder militar en la Espaha contemporanea hasta la guerra civil (Madrid, 1983) Cardona, Gabriel. El problema militar en Espaha (Madrid, 1990)

Cardozo, Harold G. The March of a Nation: My Year of Spain* s Civil War (London, 1937) Carlavilla, Mauricio. Anti-Espaha 1959: autores, complices y encubridores del communismo (Madrid, 1959)

Carr, Raymond. Spain 1808-1975 (Oxford, 1982)

Carr, Raymond. The Spanish Tragedy: The Civil War in Perspective (London, 1977)

Carr, Raymond, & Fusi, Juan Pablo. Spain: Dictatorship to Democracy (London, 1979)

Carral, Ignacio. Por que mataron a Luis de Sirval (Madrid, 1935)

Casas de la Vega, Rafael. La ultima guerra de Africa (campaha de Ifni-Sahara) (Madrid, 1985) Caute, David. The Great Fear: The Anti-communist Purge under Truman and Eisenhower (London, 1978)

Cava Mesa, Maria Jesūs. Los diplomaticos de Franco: J.F. de Lequerica, temple y tenacidad (1890-1963) (Bilbao, 1989)

Cave Brown, Anthony. The Last Hero: Wild Bill Donovan (London, 1982)

Cave Brown, Anthony. The Secret Servant: The Life of Sir Stewart Menzies, ChurchilTs Spymaster (London, 1988)

Chao Rego, Jose. La Iglesia en el franquismo (Madrid, 1976)

Chase, Allan. Falange: The Axis Secret Army in the Americas (New York, 1943)

Chase, Gilbert. The Music of Spain 2nd ed. (New York, Dover, 1959)

Chavez Camacho, Armando. Mision de prensa en Espana (Mexico D.F., 1948)

Cierva, Ricardo de la. Francisco Franco: biografia historica 6 vols (Barcelona, 1982)

Cierva, Ricardo de la. Francisco Franco: un siglo de Espana 2 vols (Madrid, 1973)

Cierva, Ricardo de la. Hendaya. Punto final (Barcelona, 1981)

Cierva, Ricardo de la. Historia del franquismo: I origenes y configuracion (1939-1945) (Barcelona, 1975)

Cierva, Ricardo de la. Historia del franquismo: 11 aislamiento, transformacion, agonia (1945-

1975) (Barcelona, 1978)

Cierva, Ricardo de la. Historia de la guerra civil espanola

(Madrid, 1969)

Cierva, Ricardo de la. La derecha sin remedio (1801-1987) (Barcelona, 1987)

Clark, Alan. Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941-1945 (London, 1965)

Clavera, Joan; Esteban, Joan M.; Mones, Mana Antonia; Montserrat, Antoni & Ros Hombravella, Jacint. Capitalismo espanol: de la autarquia a la estabilizacidn 2 vols (Madrid, 1973)

Colectivo Democracia, Los Ejèrcitos . . . mas alia del golpe (Barcelona, 198 L)

Coles, S.F.A. Franco of Spain (London, 1955)

Colodny, Robert G. The Struggle for Madrid: The Central Epic of the Spanish Conflict 1936-1937 (New York, 1958)

Conforti, Olao. Guadalajara: la prima sconfitta del fascismo (Milan, 1967)

Cooper, Norman B. Catholicism and the Franco Regime (Beverly Hills, 1975)

Cortada, James W. Relaciones Espaha-USA 1941-45 (Barcelona, 1973)

Cortes Cavanillas, Julian. La caida de Alfnso XIII1 edicion (Madrid, n.d„ [1933])

Cossias, Tomas. La lucha contra el «maquis» en Espaha (Madrid, 1956)

Costa i Deu, J. & Sabate, Modest. La veritat del 6 d'octubre (Barcelona, 1936)

Coverdale, John F. Italian Intervention in the Spanish Civil War (Princeton, 1975)

Cox, Geoffrey. Defence of Madrid (London, 1937)

Creac'h, Jean. Le coeur et Fèpèe: chroniques espagnoles (Paris, 1958)

Cross, J.A. Sir Samuel Hoare: A Political Biography (London, 1977)

Crozier, Brian. Franco: A Biographical History (London, 1967)

Cuadrat, Xavier. Socialismo y anarquismo en Cataluha (1899 — 1911): los origenes de la CNT (Madrid, 1976)

Cueto Alas, Juan. Guia secreta de Asturias (Madrid, Editorial Alberak, 1975)

Culla i Clara, Joan B. El republicanisme Lerrouxista a Catalunya (1901-1923) (Barcelona, 1986) Delgado, Iva. Portugal e a guerra civil de Espanha (Lisbon, n.d.)

Diario 16, Historia de la transicion edited by Justino Sinova. 2 vols (Madrid, 1984)

Diario 16, Historia del Franquismo, edited by Justino Sinova. 2 vols (Madrid, 1985)

Diaz Nosty, Bernardo. La comuna asturiana: revolucion-de octubre de 1934 (Bilbao, 1974)

Diaz Nosty, Bernardo. Las Cortes de Franco (Barcelona, 1972)

Dominguez, Javier. Organizaciones obreras cristianas en la oposicidn al franquismo (1951-1975) (Bilbao, 1985)

Eby, Cecil. The Seige of the Alcdzar (London, 1966)

Equipos de Estudio, Noticia, rumor, bulo: la muerte de Franco: ensayo sobre algunos aspectos del control de la informacion (Madrid, 1976)

Equipo Mundo, Los noventa ministros de Franco (Barcelona, 1970)

Ellwood, Sheelagh M. Spanish Fascism in the Franco Era (London, 1987)

Espadas Burgos, Manuel. Franquismo y politico exterior (Madrid, 1988)

Espin, Eduardo. Azana en el poder: el partido de Accion Republicana (Madrid, 1980)

Espinar Gallego, Ramon et al. El impacto de la 11 guerra mundial en Europa y en Espaha (Madrid,

1986)

Espinosa de los Monteros y Bermejillo, Ignacio. Hendaya y la segunda guerra mundial (vivencias y razones) unpublished (Madrid, n.d.)

Fabre, Jaume; Huertas, Josep M. & Ribas, Antoni. Vint anys de resistència catalana (1939-1959) (Barcelona, 1978)

Fanès, F61ix. La vaga de tramvies del 1951 (Barcelona, 1977)

Febo, Giuliana di. La santa de la raza: un culto barroco en la Espana franquista (1937-1962) (Barcelona, 1988)

Feis, Herbert. From Trust to Terror: The Onset of the Cold War 1945-1950 (London, 1970) Felice, Renzo de. Mussolini il duce: lo state totalitario 1936-1940 (Turin, 1981)

Felice, Renzo de. Mussolini Talleato /. L*Italia in guerra 1940-1943 L Dalia guerra «breve» alia guerra lunga (Turin, 1990)

Felice, Renzo de. Mussolini Talleato /. UItalia in guerra 1940-1943 2. Crisi e agonia del regime (Turin, 1990)

Femdndez, Julio L. Los enigmas del Caudillo: perfiles desconocidos de un dictador temeroso e implacable (Madrid, 1992)

Fernandez Areal, Manuel. La libertad de prensa en Espana 1938-1971 (Madrid, 1971) Fernandez de Castro, Ignacio, & Martmez, Jos6. Espana hoy (Paris, 1963)

Femdndez Clemente, Eloy. El coronel Rey d[f]Harcour y la rendicidn de Teruel: historia y fin de una leyenda negra (Teruel, 1992)

Femdndez Santander, Carlos. Antologia de 40 artos (1936 — 1975) (La Coruna, 1983) Femdndez Santander, Carlos. El almirante

Carrero (Barcelona, 1985)

Fernandez Santander, Carlos. Elfutbol durante la guerra civil y el franquismo (Madrid, 1990) Femdndez Santander, Carlos. El general Franco (Barcelona, 1983)

Femdndez Santander, Carlos. Paracuellos de Jarama: iCarrillo culpable? (Barcelona, 1983) Femdndez Santander, Carlos. Tensiones militares durante el franquismo (Barcelona, 1985) Ferrer Benimeli, Jose Antonio. Masoneria espanola contemporanea 2 vols (Madrid, 1980) Ferri, Llibert; Muixf, Jordi, & Sanjuan, Eduardo. Las huelgas contra Franco (1939-1956) (Barcelona, 1978)

Ferro, Marc. Pėtain (Paris, 1987)

Figuero, Javier, & Herrero, Luis. La muerte de Franco jamas contada (Barcelona, 1985)

Foltz, Charles Jr., The Masquerade in Spain (Boston, 1948)

Fontana, Jos6 Maria. Franco: radiografia del personoje para sus contempordneos (Barcelona,

1979)

Fortes, Josė, & Valero, Restituto. Que son las Fuerzas Armadas (Barcelona, 1977)

Foss, William, & Gerahty, Cecil. The Spanish Arena (London, 1938)

Eraser, Ronald. Blood of Spain: The Experience of Civil War 1936-1939 (London, 1979) Fuente, Ismael; Garcia, Javier, & Prieto, Joaqufn. Golpe mortal: asesinato de Carrero y agonia del franquismo (Madrid, 1983)

Fusi, Juan Pablo. Franco: autoritarismo y poder personal (Madrid, 1985)

Galindo Herrero, Santiago. Los partidos monarquicos hajo la segunda Republica 2nd ed. (Madrid, 1956)

Galinsoga, Luis, & Franco-Salgado, Francisco. Centinela de occidente (Semblanza biografica de Francisco Franco) (Barcelona, 1956)

Gallagher, Tom. Portugal: A Twentieth Century Interpretation (Manchester, 1983)

Gallego, Gregorio. Madrid, corazdn que se desangra (Madrid, 1976)

Gallo, Max. Spain Under Franco: A History (London, 1973)

Garcia, P. Los chistes de Franco (Madrid, 1977)

Garcia de la tscalera, Ines. El general Varela (Madrid, 1959)

Garcia Lahiguera, Fernando. Ramdn Serrano Sufier: un documento para la historia (Barcelona, 1983)

Garcfa-Villoslada, Ricardo, editor. Historia de la Iglesia en Espana Vol. V (Madrid, 1979) Garcia Venero, Maximiano. El general Fanjul: Madrid en el alzamiento nacional (Madrid, 1967) Garcia Venero,

Maximiano. Palange en la guerra de Espana: la Unificacion y Hedilla (Paris, 1967)

Garcia Venero, Maximiano. Historia de la Unificacion (Falange y Requete en 1937) (Madrid, 1970)

Garriga, Ramdn. El Cardenal Segura y el Nacional-Catolicismo (Barcelona, 1977)

Garriga, Ramdn. La Espana de Franco: de la Divisidn Azul al pacto con los Estados Unidos (1943 a 1951) (Puebla, Mexico, 1971)

Garriga, Ramdn. La Espana de Franco: las relaciones con Hitler 2 edicidn (Puebla, Mdxico, 1970)

Garriga, Ramdn. Franco-Serrano Suner: un drama politico (Barcelona, 1986)

Garriga, Ramdn. El general Yagiie (Barcelona, 1985)

Garriga, Ramdn. Guadalajara y sus consecuencias (Madrid, 1974)

Garriga, Ramdn. Nicolas Franco, el hermano brujo (Barcelona, 1980)

Garriga, Ramdn. Ramdn Franco, el hermano maldito (Barcelona, 1978)

Garriga, Ramdn. La Sehora de El Pardo (Barcelona, 1979)

Garriga, Ramdn. Los validos de Franco (Barcelona, 1981)

Garitaonandia, Carmelo, & Granja, Josė Luis de la. Editors, La guerra civil en el pais vasco (Bilbao, 1987)

Georgei, Jacques. El franquismo: historia y balance 1939 — 1969 (Paris, 1970)

Gibson, Ian. The Assassination of Federico Garcia Lorca (London, 1979)

Gibson, Ian. En busca de Josė Antonio (Barcelona, 1980)

Gibson, Ian. Federico Garcia Lorca (London, 1989)

Gibson, Ian. Paracuellos: cdmo fue (Barcelona, 1983)

Gibson, Ian. Queipo de Llano: Sevilla, verano de 1936 (Barcelona, 1986)

Gilbert, Martin. Finest Hour: Winston S. Churchill 1939.-1941 (London, 1983)

Gilbert, Martin. Road to Victory: Winston S. Churchill 1941-1945 (London, 1986)

Goded, Manuel. Un «faccioso» cien por cien (Zaragoza, 1939)

Gomd, Coronel Josė. La guerra*en el aire (Barcelona, 1958)

Gdmez Navarro, Jose Luis. El regimen de Primo de Rivera: reyes, dictaduras y dictadores (Madrid, 1991)

Gdmez Oliveros, Comandante Benito. General Moscadd (sin novedad en el Alcdzar) (Barcelona, 1956)

Gdmez Perez, Rafael. El franquismo y la Iglesia (Madrid, 1986)

Gondi, Ovidio. La hispanidad franquista al servicio de Hitler (Mexico D.F., 1979)

Gonzalez, Fernando. Liturgias para un Caudillo: manual de dictadores (Madrid, 1977) Gonzdlez, Manuel Jesus. La economia politica del franquismo (1940-1970): Dirigismo, mercado y planificacidn (Madrid, 1979)

Gonzdlez Betes, Antonio. Franco y el Dragdn Rapidė (Madrid, 1987)

Gonzdlez Calbet, Maria Teresa. La dictadura de Primo de Rivera: el Directorio militar (Madrid,

1987)

Gonzdlez Calleja, Eduardo, & Limdn Nevado, Fredes. La Hispanidad coro instrumento de combate: raza e imperio en la prensa franquista durante la guerra civil espahola (Madrid, 1988). Gonzdlez Duro, Enrique. Franco: una biografia psicologica (Madrid, 1992)

Gonzdlez Egido, Luciano. Agonizaren Salamanca: Unamuno julio-diciembre 1936 (Madrid, 1986) Gonzdlez Portilla, Manuel, & Garmendfa, Josė Marfa. La guerra civil en el Pais Vasco (Madrid,

1988)

Gonzalez Portilla, Manuel, & Garmendfa, Josė Marfa. La posguerra en el Pais Vasco: politica, acumulacidn, miseria (San Sebastidn, 1988)

Graham, Helen & Preston, Paul, editors. The Popular Front in Europe (London, 1987) Granados, Anastasio. El Cardenal Goma: Primado de Espa/ш (Madrid, 1969)

Grenville, J.A.S. Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century (London, 1964)

Griffiths, Richard. Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany 1933-39 (London, 1980)

[Grimau Garcia, Julidn]. ¡Crimen o castigo? documentos inėditos sobre Julidn Grimau Garcia (Madrid, 1963)

[GrimaU Garcia, Julian]. Julian Grimau: crimen y castigo del general Franco (Buenos Aires, 1963)

Gubem, Roman. «Raza» (un ensueno del General Franco) (Madrid, 1977)

Gutierrez, Fernando. Curas represaliados en el franquismo (Madrid, 1977)

Gutierrez-Rave, Jose. Antonio Goicoechea (Madrid, 1965)

Halstead, Charles R. Spain, the Powers and the Second World War unpublished Ph.D. thesis, University of Virginia, 1962

Hamilton, Thomas J. Appeasement's Child: The Franco Regime in Spain (London, 1943) Harrison, Joseph. The Spanish Economy in the Twentieth Century (Beckenham, 1985)

Haxey, Simon. Tory M.P. (London, 1939)

Heaton, P.M. Welsh Blockade Runners in the Spanish Civil War (Newport, 1985)

Heine, Hartmut. A guerrila antifranquista en Galicia (Vigo, 1980)

Heine, Hartmut. La oposicion politica al franquismo (Barcelona, 1983)

Hermet, Guy. Les Catholiques dans I'Espagne Franquiste 2 vols (Paris, 1980-1)

Hermet, Guy. L'Espagne de Franco (Paris, 1974)

Hernandez Mir, Francisco. La Dictadura ante la Historia: un crimen de lesa patria (Madrid, 1930) Hidalgo Salazar, Ramon. La ayuda alemana a Espana 1936-1939 (Madrid, 1975)

Hills, George. Franco: The Man and His Nation (New York, 1967)

Hills, George. Rock of Contention: A History of Gibraltar (London, 1974)

Hinsley, F.H. et al. British Intelligence in the Second World War 4 Vols in 5 parts (London, 1979-1990)

Hohne, Heinz. Canaris (London, 1979)

Howard, Michael. British Intelligence in the Second World War V: Strategic Deception (London, 1990)

Howard, Michael. Grand Strategy IV: August 1942-September 1943 (London, 1970)

Howson, Gerald. Aircraft of the Spanish Civil War 1936-1939 (London, 1990)

Hughes, Emmet John. Report from Spain (London, 1947)

Iturralde, Juan de. La guerra de Franco: los vascos y la Iglesia 2 vols (San Sebastian, 1978) Jackson, Gabriel. The Spanish Republic and the Civil War (Princeton, 1965)

Jato, David. Gibraltar decidio la guerra (Barcelona, 1971)

Jellinek, Frank. The Civil War in Spain (London, 1938)

Jimenez de Aberasturi, Juan Carlos, & San Sebastian, Koldo. La huelga general del 1 de mayo de 1947 (articulos y documentos) (San Sebastian, 1991)

Jones, Randolph Bernard. The Spanish Question and the Cold War 1944-1953 (Unpublished Ph.D. thesis, University of London, 1987)

Julia, Santos. Manuel Azana: una biografia politica, del Ateneo al Palacio Nacional (Madrid, 1990)

Kaiser, Carlos J. La guerrilla antifranquista: historia del maquis (Madrid, 1976)

Kay, Hugh. Salazar and Modern Portugal (London, 1970)

Kleinfeld, Gerald R. & Tambs, Lewis A. Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia (Carbondale, 1979)

Knickerbocker, H.R. The Seige of the Alcazar: A War-Log of the Spanish Revolution (London, n.d. [1936])

Knoblaugh, H. Edward. Correspondent in Spain (New York, 1937)

Knox, Macgregor. Mussolini Unleashed 1939-1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War (Cambridge, 1982)

Lacomba Avellan, Juan Antonio. La crisis espanola de 1917 (Madrid, 1970)

Lacruz, Francisco. El alzamiento, la revolucion y el terror en Barcelona (Barcelona, 1943) LaFeber, Walter. America, Russia and the Cold War 1945-1975 3rd ed. (New York, 1976) Lago, Julian. Las contramemorias de Franco (Barcelona, 1976)

Lannon, Frances. Privilege, Persecution, and Prophecy: The Catholic Church in Spain 1875-1975 (Oxford, 1987) pp. 215-16

Lannon, Frances, & Preston, Paul, editors, Elites and Power in Twentieth-Century Spain: Essays in Honour of Sir Raymond Carr (Oxford, 1990)

Last, Jef. The Spanish Tragedy (London, 1939)

Lavardfn, Javier. Historia del ultimo pretendiente a la corona de Espaha (Paris, 1976) Lieberman, Sima. The Contemporary Spanish Economy: A Historical Perspective (London, 1982) Little, Douglas. Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain, and the Origins of the Spanish Civil War (Ithaca, 1985)

Lizarza A. de (pseudonym of Andres Marfa de Irujo). Los vascos y la Repūblica espanola (Buenos Aires, 1944)

Lizeano, Pablo. La generacion del 56: La Universidad contra Franco (Barcelona, 1981)

Llarch, Juan. Franco biografia (Barcelona, 1983)

Lojendio, Luis Marfa de. Operaciones militares de la guerra de Espaha (Barcelona, 1940) Lopez, Elsa, Alvarez Junco, Jose, Espadas Burgos, Manuel & Munoz Tinoco, Concha. Diego Hidalgo: memoria de un tiempo diflcil (Madrid, 1986)

Lorenzo Espinosa, Jose Marfa. Rebelion en la Ri'a. Vizcaya 1947: obreros, empresarios y falangistas (Bilbao, 1988)

Loveday, Arthur F. Spain 1923-1948: Civil War and World War (Bridgewater, 1949)

Lukacs, John. The Last European War: September 1939-December 1941 (London, 1976)

McNei 11-Moss, Major Geoffrey. The Epic of the Alcazar (London, 1937)

Maier, Klaus A. Guernica 26,4.1937: Die deutsche intervention in Spanien und der «Fall Guernica» (Freiburg, 1975)

Maravall, Jose. El desarrollo economico y la clase obrera (Barcelona, 1970)

Marinas, General Francisco Jafvier. General Varela (de soldado a general) (Barcelona, 1956) Marquina Barrio, Antonio. Espaha en la poh'tica de seguridad occidental 1939-1986 (Madrid,

1986)

Marquina Barrio, Antonio. La diplomacia vaticana y la Espaha de Franco (1936-1945) (Madrid,

1983)

Marquina Barrio, Antonio, & Ospina, Gloria Ines. Espaha y los judios en el siglo20XX (Madrid,

1987)

Martin, Claude. Franco, soldado y estadista (Madrid, 1965)

'Martin, Miguel. El colonialismo espanol en Marruecos (1860-1956) (Paris, 1973)

Martinez Leal, Comandante Alfredo. El asedio del Alcdzar de Toledo: memorias de un testigo (Toledo, n.d.)

Martinez Nadal, Rafael. Antonio Torres y la politica espanola del Foreign Office (1940-1944) (Madrid, 1989)

Martinez Parrilla, Jaime. Lafuerzas armadas francesas ante la guerra civil espanola (1936-1939) (Madrid, 1987)

Matthews, Herbert L. The Yoke and the Arrows: A Report on Spain (London, 1958)

Maura, Duque de & Fernandez Almagro, Melchor. Por que cayo Alfonso XIII (Madrid, 1948) Miguel, Amando de. Franco, Franco, Franco (Madrid, 1976)

Miguel, Amando de. Sociologia del Franquismo (Barcelona, 1975)

Miguelez, Faustino. La lucha de los mineros asturianos bajo el franquismo (Barcelona, 1976) Mirandet, Franęois. UEspagne de Franco (Paris, 1948)

Molas, Isidre. Lliga Catalana: un estudi de Estasiologia 2 vols (Barcelona, 1972)

Montanes, Enrique. Anarcosindicalismo y cambio politico: Zaragoza, 1930-1936 (Zaragoza, 1989) Montero Moreno, Antonio. Historia de la persecucion religiosa en Espaha 1936-1939 (Madrid, 1961)

Moradiellos, Enrique. El Sindicato de los Obreros Mineros Asturianos 1910-1930 (Oviedo, 1986) Moradiellos, Enrique. Neutralidad benėvola: el Gobierno britanico y la insurreccion militar espanola de 1936 (Oviedo, 1990)

Morales Lezcano, Victor. Historia de la no-beligerancia espanola durante la segunda guerra mundial (Las Palmas, 1980)

Moran, Gregorio. Adolfo Sudrez: historia de una ambicion (Barcelona, 1979)

Moran, Gregorio. Los espaholes que dejaron de serlo: Euskadi, 1937-1981 (Barcelona, 1982) Moran, Gregorio. Miseria y grandeza del Partido Comunista de Espaha 1939-1985 (Barcelona, 1986)

Moreno de Reyna, Fernando & Salvador. La guerra en el mar (bombres, barcos y honra (Barcelona, 1959)

Moreno Villalba, Faustino. Franco, he roe cristiano en la guerra (Madrid, 1985)

Morgan, Kenneth O. Labour in Power 1945-1951 (Oxford, 1984)

Munoz, Juan; Roldan, Santiago, & Serrano, Angel. La internacionalizacion del capital en Espana 1959-1977 (Madrid, 1978)

Munoz Tinoco, Concha. Diego Hidalgo, un notario republicano (Badajoz, 1986)

Muro Zegri, D. La epopeya del Alcdzar (Valladolid, 1937)

Murray, Williamson. The Change in the European Balance of Power, 1938-1939 (Princeton, 1984) Murray, Williamson. German Military Effectiveness (Baltimore, 1992)

Nourry, Philippe. Francisco Franco: la conquete du Pouvoir (Paris, 1975)

Oliveros, Antonio L. Asturias en el resurgimiento espanol (apuntes historicos y biogrdficos (Madrid, 1935)

Oneto, Jose. Arias entre dos crisis 1973-1975 (Madrid, 1975)

Oneto, Jose. 100 dias en la muerte de Francisco Franco (Madrid, 1975)

Ossorio y Gallardo, Angel. Vida y sacrificio de Саграпуs 2ª edicidn (Barcelona, 1976)

Oven, W. von. Hitler und der Spanische Burgerkrieg. Mission und Schiksal der Legion Condor (Tubingen, 1978)

Payne, Stanley G. Falange: A History of Spanish Fascism (Stanford, 1961)

Payne, Stanley G. Franco: el perfil de la historia (Madrid, 1992)

Payne, Stanley G. Franco's Spain (London, 1968)

Payne, Stanley G. Politics and the Military in Modern Spain (Stanford, 1967)

Payne, Stanley G. The Franco Regime 1936-1975 (Madison, 1987)

Paxton, Robert O. Vichy France: Old Guard and New Order 1940-1944 (London, 1972)

Peers, E. Allison. Spain in Eclipse 1937-1943 (London, 1943)

Penafiel, Jaime. El General y su tropą. Mis recuerdos de lafamilia Franco (Madrid, 1992) Pike, David Wingeate. Jours de gloire, jours de honte: le P arti Comuniste d'Espagne en France depuis son arrivėe en 1939 jusque'a son depart en 1950 (Paris, 1984)

Pike, David Wingeate. Les franęais et la guerre d'Espagne 1936-1939 (Paris, 1975)

Plenn, Abel. Wind in the Olive Trees: Spain from the Inside (New York, 1946)

Pons Pradės, Eduardo. Guerrillas espaholas 1936-1960 (Barcelona, 1977)

Portero, Florentino. Franco aislado: la cuestidn espanola (1945-1950) (Madrid, 1989)

Preston, Paul. The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic 1931-1936 (London, 1978)

Preston, Paul. Las derechas espaholas en el siglo veinte: autoritarismo, fas eismo, golpismo (Madrid, 1986)

Preston, Paul. The Politics of Revenge: Fascism and the Military in the 20th Century Spain (London, 1990)

Preston, Paul, editor, Revolution and War in Spain 1931-1939 (London, 1984)

Preston, Paul. Salvador de Madariaga and the Quest for Liberty in Spain (Oxford, 1987) Preston, Paul, editor, Spain in Crisis: Evolution and Decline of the Franco Regime (Hassocks, 1976)

Preston, Paul. The Spanish Civil War (London, 1986)

Preston, Paul. The Triumph of Democracy in Spain (London, 1986)

Puzzo, Dante A. Spain and the Great Powers, 1936-1941 (New York, 1962)

Qasim Bin Ahmad, Britain, Franco Spain, and the Cold War, 1945-1950 (New York, 1992) Quintanilla, Luis. Los rehenes del Alcdzar de Toledo (Paris, 1967)

Ramirez, Luis [pseudonym of Luciano Rincon]. Franco: la obsesion de ser, la obsesion de poder (Paris, 1976)

Ramirez, Luis [pseudonym of Luciano Rincdn]. Nuestros prime ros veinticinco ahos (Paris, 1964) Ramirez, Pedro J. El aho que murio Franco (Barcelona, 1985)

Ram6n-Laca, Julio de. Bajo la ferula de Queipo: coтo fue gobernada Andalucia (Seville, 1939) Reig Tapia, Alberto. Ideologia e historia: sobre la represion franquista y la guerra civil (Madrid,

1984)

Rich, Norman. Hitler*s War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion 2 vols (London, 1973-4)

Rio Cisneros, Agustin del. Politica internacional de Espana: El caso espanol en la ONU y en el mundo (Madrid, 1946)

Risco, Alberto S.J., La epopeya del Alcazar de Toledo (San Sebastian, 1941)

Rivas Cherif, Cipriano. Retrato de un desconocido: vida de Manuel Azana (Barcelona, 1980) Rodnguez Aisa, Mana Luisa. El Cardenal Goma y la guerra de Espana: aspectos de la gestion publica del Primado 1936-1939 (Madrid, 1981)

Rodriguez Armada, Amandino, & Novais, Jose Antonio. iQuien mato a Julian Grimau? (Madrid,

1976)

Rodriguez Monino Soriano, Rafael. La mision diplomatica del XVII Duque de Alba en la Embajada de Espana en Londres (1937-1945) (Valencia, 1971)

Romero, Luis. Tres dias de julio (18, 19 y 20 de 1936) 2 edicion (Barcelona, 1968)

Romero Maura, Joaquin. The Spanish Army and Catalonia: The «Си-Cut! Incident» and the Law of Jurisdictions, 1905-1906 (London, 1976)

Romero Maura, Joaquin. «La rosa de fuego» El obrerismo barcelonės de 1899 a 1909 (Barcelona, 1975)

Ros, Samuel, & Bouthelier, Antonio. A bombros de la Falange: Historia del traslado de los ręstos de Jose Antonio (Barcelona, 1940)

Rotvand, Georges. Franco Means Business (London, n.d. [1937])

Rubottom, R. Richard, & Murphy, J. Carter. Spain and the United States Since World War II (New York, 1984)

Ruhl, Klaus-Jorg. Franco, Falange y III Reich (Madrid, 1986)

Ruiz Ocana, Carlos. Los ejėrcitos espaholes: lasfuerzas armadas en la defensa nacional (Madrid,

1980)

Saborit, Andres. Julian Besterio (Buenos Aires, 1967)

Saez Alba, A. (pseud. Alfonso Colodron) La otra «cosa nostra»: la Asociacion Catolica Nacional de Propagandistas y el caso de El Correo de Andalucia (Paris, 1974)

Salas Larrazabal, Jesus. La guerra de Espana desde el aire 2ª edicion (Barcelona, 1972)

Salas Larrazabal, Ramon. Historia del Ejėcito popular de la Republica 4 vols (Madrid, 1973) Salgado, Enrique. Radiografia de Franco (Barcelona, 1985)

Salva Miquel, Francisco, & Vicente, Juan, Francisco Franco (historia de un espanol, (Barcelona, 1959)

Sanchez, Jose M. The Spanish Civil War as Religious Tragedy (Notre Dame, Indiana, 1987) Sanchez del Arco, Manuel. El sur de Espana en la reconquista de Madrid (Seville, 1937) Sanchez Blanco, Jaime. La importancia de llamarse Franco: el negocio inmobiliario de dona Pilar (Madrid, 1978)

Sanchez Silva, Jose Maria, & Saenz de Heredia, Jose Luis. Franco . . . ese hombre (Madrid, 1975)

Sanchez Soler, Mariano. Villaverde: fortūna y caida de la casa Franco (Barcelona, 1990) Sanchez y Garcia Sauco, Juan Antonio. La revolucion de 1934 en Asturias (Madrid, 1974) Sangroniz, Jose Antonio. Marruecos. Sus condiciones fisicas, sus habitantes y las instituciones indigenas (Madrid, Sucesores de Rivadeneyra, 1921)

Saz Campos, Ismael. Mussolini contra la II Republica: hostilidad, conspiraciones, intervencion (1931-1936) (Valencia, 1986)

Seco Serrano, Carlos. Militarismo y civilismo en la Espana contemporanea (Madrid, 1984) Seguėla, Matthieu. Retain-Franco: les secrets d'une alliance (Paris, 1992)

Senra, Alfonso. Del 10 de agosto a la sala sexta del Supremo (Madrid, 1933)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martmez Bande), El final del frente norte (Madrid, 1972)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martmez Bande), La batalla de Pozoblanco y el cierre de la bolsa de Merida (Madrid, 1981)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La batalla del Ebro 2 edicion (Madrid, 1988)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), El finai de la guerra civil (Madrid, 1985)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La batalla de Teruel 2 edicidn (Madrid, 1990)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande) La catpana de Andalucia 2 edicion (Madrid, 1986)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La catpana de Cataluna (Madrid, 1979)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La gran ofensiva sobre Zaragoza (Madrid, 1973)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La invasion de Aragon y ei aesembarco en Mallorca (Madrid, 1989)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La llegada al mar (Madrid,
1975)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La lucha en tomo a Madrid (Madrid, 1968)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La marcha sobre Madrid (Madrid, 1968)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), La ofensiva sobre Valencia (Madrid, 1977)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martinez Bande), Nueve meses de guerra en ei norte (Madrid, 1980)

Servicio Historico Militar (Coronel Jose Manuel Martmez Bande), Vizcaya (Madrid, 1971) Servicio Historico Militar, Historia de la guerra de liberacion (Madrid, 1945)

Shannon, Richard. The Crisis of Imperialism 1865-1915 (London, 1974)

Shaw, Duncan. Fūtbol y franquismo (Madrid, 1987)

Shirer, William L. The Rise and Fall of the Third Reich (London, 1959)

Shubert, Adrian. The Road to Revolution in Spain: The Coal Miners of Asturias 1860-1934 (Urbana, 1987)

Silva, Carlos de. General Millan Astray, el legionario (Barcelona, 1956)

Silva, Jose Antonio. Como asesinar con un avion (Barcelona, 1981)

Simonnot, Philippe. Le secret de l'armistice (Paris, 1990)

Smyth, Denis. Diplomacy and Strategy of Survival: British Policy and Franco* s Spain, 1940-41 (Cambridge, 1986)

Somoza Silva, Lazaro. El general Miaja: biografia de un heroe (Mexico D.F., 1944)

Sorel, Andres. Busqueda, reconstrucion e historia de la guerrilla espanola del siglo XX, a travès de sus documentos, relatos y protagonistas (Paris, 1970)

Southworth, Herbert Rutledge. Antifalange restudio critico de «Falange en la guerra de Espaha» de Maximiano Garcia \enero (Paris, 1967)

Southworth, Herbert Rutledge. El mito de la cruzada de Franco (Paris, 1963)

Southworth, Herbert Rutledge. Guernica! Guernica!: A Study of Journalism, Propaganda and History (Berkeley, 1977)

Steer, G.L. The Tree of Gernika: A Field Study of Modern War (London, 1938)

Suarez Fernandez, Luis. Francisco Franco y su tiempo 8 vols (Madrid, 1984)

Suarez Fernandez, Luis. Franco: la historia y sus documentos 20 vols (Madrid, 1986)

Sueiro, Daniel. El Valle de los Caidos: los secretos de la cripta franquista 2 edicion (Barcelona,
1983)

Sueiro, Daniel, & Diaz Nosty, Bernardo. Historia del franquismo, 2 vols, 2nd edition (Barcelona,
1985)

Taibo, Pablo Ignacio II. Octubre 1934: el ascenso, Vol 7 of Historia general de Asturias (Gijon' 1978)

Taibo, Pablo Ignacio II. Octubre 1934: la caida, Vol 8 of Historia general de Asturias (Gij6n, 1978)

Talon, Vicente. Arde Guernica (Madrid, 1970)

Tamames, Ramon. La Repūblica, la era de Franco (Madrid, 1973)

Tdllez, Antonio. La guerrilla urbana. 1: Facerias (Paris, 1974)

Tdllez, Antonio. La guerrilla urbana en Espana: Sabatė (Paris, 1973)

Tello, Jose Angel. Ideologia y politica: la Iglesia catolica espanola (1936-1959) (Zaragoza, 1984) Terron Montero, Javier. La prensa de Espana durante el regimen de Franco (Madrid, 1981) Thomas, Hugh. The Spanish Civil War 3rd ed. (London, 1977)

Toquero, Jose Maria. Franco y Don Juan: La oposicion monarquica al franquismo (Barcelona,
1989)

Townson, Nigel. 'The Collapse of the Centre: The Radical

Republican Party during the Second Spanish Republic* Unpublished doctoral thesis, University of London, 1991,

Trevor-Roper, Hugh. The Philby Affair (London, 1968)

Trythall, J.W.D. Franco (London, 1970)

Tusell, Javier. Las elecciones del Frente Popular 2 vols (Madrid, 1971)

Tusell, Javier. Franco y los catdlicos: la politica interior espanola entre 1945 y 1957 (Madrid,

1984)

Tusell, Xavier. La oposicion democrdtica al franquismo 1939-1962 (Barcelona, 1977)

Tusell, Javier. Radiografia de un golpe de Estado: el ascenso al Poder del General Primo de Rivera (Madrid, 1987)

Tusell, Javier, & Calvo, Jose. Gimėnez Fernandez: precursor de la democracia espanola (Madrid,

1990)

Tusell, Xavier, & Garcfa Queipo de Llano, Genoveva. Franco y Mussolini: la politica espahola durante la segunda guerra mundial(Barcelona, 1985)

Ucelay da Cal, Enric. La Catalunya populistą. Imatge, cultura i politica en la etapa republicana (1931-1939) (Barcelona, 1982)

Ullman, Joan Connelly. The Tragic Week: A Study of Anti-Clericalism in Spain 1875-1912 (Harvard, 1968)

Umbrai, Francisco. Leyenda del Cesar visionario (Barcelona, 1991)

Valdesoto, Fernando de. Francisco Franco (Madrid, 1945)

Valle, Josd Marfa del. Las instituciones de la Repūblica en exilio (Paris, 1976)

Vails, Fernando. La ensehanza de la literatūra en el franquismo 1936-1951 (Barcelona, 1983) Vails Montes, Rafael. La interpretacion de la Historia de Espaha, y sus origenes ideoldgicos, en el bachillerato franquista (1938-1953) (Valencia, 1984)

Vazquez Montalban, Manuel. Autobiografia del general Franco (Barcelona, 1992)

Vazquez Montalban, Manuel. Barcelonas (London, 1992)

Vazquez Montalban, Manuel. Los demonios familiares de Franco (Barcelona, 1978)

[Vazquez Montalban, Manuel.] El pequeho libro pardo del general (Paris, 1972)

Venegas, Jose. Las elecciones del Frente Popular (Buenos Aires, 1942)

Vigon, General Jorge. General Mola (el conspirador) (Barcelona, 1957)

Vilanova, Antonio. La defensa del Alcdzar de Toledo (epopeya o

mito) (Mexico, 1963)

Vilar, Sergio. La naturaleza del franquismo (Barcelona, 1977)

Vinas, Angel. La alemania nazi y el 18 de julio 2ª edicion (Madrid, 1977)

Vinas, Angel. Guerra, dinero, dictadura: ayuda fascista y autarquia en la Espaha de Franco (Barcelona, 1984)

Vinas, Angel. Los pactos sec retos de Franco con Estado s Unidos: bases, ayuda economica, recortes de soberania (Barcelona, 1981)

Vinas, Angel, Vinuela, Julio, Eguidazu, Fernando, Fernandez Pulgar, Carlos &

Florensa, Senen. Politica comercial exterior en Espaha (1931-1975) 2 vols (Madrid, 1979) Watson, Bert Allan. United States-Spanish Relations, 1939-1946 Unpublished Ph.D. dissertation, George Washington University, 1971

Weinberg, Gerhard L. The Foreign Policy of Hitler* s Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933-1936 (Chicago, 1970)

Weinberg, Gerhard L. World in the Balance: Behind the Scenes of World War II (Hanover, New Hampshire, 1981)

Welles, Benjamin. Spain: The Gentle Anarchy (London, 1965)

Whealey, Robert H. Hitler and Spain: the Nazi Role in the Spanish Civil War (Lexington, Kentucky, 1989)

Whitaker, Arthur P. Spain and the Defence of the West: Ally and Liability (New York, 1961) Woodward, Sir Llewellyn. British Foreign Policy in the Second World War 5 vols (London, 1970-
1976)

Woolman, David S. Rebels in the Rif: Abd el Krim and the Rif Rebellion (Stanford, 1969) Wyden, Peter. The Passionate War: The Narrative History of the Spanish Civil War, 1936-1939 (New York, 1983)

Yale, Los ūltimos cien dias: crdnica de una agonfa (Madrid, 1975)

Ynfante, Jesus. La prodigiosa aventura del Opus Dei: Genesis y desarrollo de la Santa Mafia (Paris, 1970)

Статьи

Allen, Jay. ‘Blood flows in Badajoz*, in Acier, Marcel, editor. From Spanish Trenches: Recent Letters from Spain (London, 1937)

Anon. ‘Almogavares en el aire’, Revista de Aeronautica August 1942

Asensio Cabanillas, Carlos. ‘El avance sobre Madrid y operaciones en el frente del centro’, La guerra de liberacion nacional (Zaragoza, 1961)

Aviles Farre Juan. ‘L’Ambassade de Lequerica et les relations

hispano-franęaises 1939-1944*, Guerres Mondiales et Conflits Contemporains No. 158, April 1990

Aviles Farrė, Juan. 'Lequerica, embajador franquista en Paris', Historia 16, No. 160, August 1989 Aviles Farre, Juan. 'Vichy y Madrid. Las relaciones hispano-frances de junio de 1940 a noviembre de 1942', Espacio, Tiempoy Forma: Revista de la Facultad de Geografla e Historia de la Universidad Nacional de Edncacion a distancia, Serie V, tomo 2,1989

Ben Jellon, Abd el Hajid. 'La participation de los mercenarios marroqufes en la guerra civil espanola (1936-1939)', Revista Internacional de Sociologia Vol. 46, no.4, October-December 1988 Boyd, Carolyn P. ' «Responsibilities» and the Second Republic, 1931-1936' in Blinkhom, Martin, ed., Spain in Conflict 1931-1939: Democracy and its Enemies (London, 1986)

Burdick, Charles B. ' «Мою»: The Resupply of German Submarines in Spain, 1939-1942', Central European History Vol. 3, No.3, 1970

Busquets, Julio. 'La Union Militar Espanola, 1933-1936*, Historia 16, La guerra civil 24 vols (Madrid; 1986) III, pp. 86-99

Detwiler, Donald S. 'Spain and the Axis during World War II*, Review of Politics, Vol. 33, No. 1, January, 1971.

Diaz, Elias. 'Miguel de Unamuno y la guerra civil* in La voluntad del humanismo: homenaje a Juan Marichal, ed. Ciplijauskaite, B. & Maurer, C. (Barcelona, 1990)

Duff, Katherine. 'Spain between the Allies and the Axis', in Arnold & Veronica Toynbee, editors, Survey of International Affairs 1939-1946; The War and the Neutrals (London, 1956)

Egido Leon, Angeles. 'Franco y las potencias del Eje. La tentacion intervencionista de Espana en la segunda guerra mundial*, Espacio, Tiempo y Forma: Revista de la Facultad de Geografla e Historia de la Universidad Nacional de Educacion a distancia, Serie V, tomo 2, 1989

Eguidazu Palacios, Fernando. 'Factores monetarios y de balanza de pagos en la neutralidad espanola', Revista de Estudios Inte mac ionales, No. 2, abril-junio 1984.

Ellwood, Sheelagh. 'La crisis de Salamanca: la Unification*, Historia 16, no. 132, April 1987 Ferrer Benimeli, Jos6 Antonio. 'Franco contra la masoneria*, Historia 16, ano II, no. 15, julio de 1977 Garate Cordoba, Jose Maria. '«Raza», un guion de cine', Revista de Historia Militar, no. 40,1976 Garmendia, Jose Maria. 'El Pacto de Santona', in Garitaonandfa, Carmelo, & Granja, Jose Luis de la. Editors, La guerra civil en el pais vasco (Bilbao, 1987)

Gonzalez-Amao Conde-Luque, Mariano, 'j Capturad al duque de Windsor!', Historia 16, No. 161, September 1989

Grau, Federico. 'Psicopatologia de un dictador: entrevista a Carlos Castilla del Pino*, El Viejo Topo, Extra no. 1, 1977

Halstead, Charles R. ‘Un «Africain» meconnu: ie colonel Juan Beigbeder’, Revue d'Histoire de la deuxieme guerre mondiale. Vol. 21, No. 83, 1971

Halstead, Charles R. ‘Consistent and total peril from every side: Portugal and its 1940 Protocol with Spain’, Iberian Studies, Vol. 1П, No. 1, Spring 1974

Halstead, Charles R. ‘Diligent Diplomat: Alexander W. Weddell as American Ambassador to Spain, 1939-1942*, The Virginia Magazine of History and Biography, Vol. 82, no. 1, January 1974 Halstead, Charles R. ‘The dispute between Ramon Serrano Suner and Alexander Weddell’, Rivista di Studi Politici Internazionali, No. 3, 1974

Halstead, Charles R. ‘Peninsular Purpose: Portugal and its 1939 Treaty of Friendship and Non-Aggression with Spain’, II Politico: Rivista Italiana di Scienze Politiche (Pavia) XLV, no. 2, 1980 Halstead, Charles R. ‘A «Somewhat Machiavellian» Face: Colonel Juan Beigbeder As High Commissioner in Spanish Morocco, 1937-1939', The Historian, Vol. 37,1974

Halstead, Charles R. and Halstead, Carolyn J. ‘Aborted Imperialism: Spain’s Occupation of Tangier 1940-1945’, Iberian Studies, Vol. VII, No. 2, Autumn, 1978

Harrison, Joseph. ‘Towards the liberalization of the Spanish economy, 1951-1959* in Holmes, Colin, & Booth, Alan, editors,. Economy and Society: European Industrialization and Its Social Consequences (Leicester, 1990)

Julia, Santos. ‘Fracaso de una insurreccion y derrota de una huelga: los hechos de octubre en Madrid’, Estudios de Historia social, No. 31, October-December 1984, pp. 37-47

Kindelan, Alfredo. ‘La aviacion en nuestra guerra* in La guerra de liberacion nacional (Zaragoza, 1961)

Lowi, Theodore J. ‘Bases in Spain’ in Stein, Harold, editor. American Civil-Military Decisions: A Book of Case Studies (Birmingham, Alabama, 1963)

Madariaga, Maria Rosa de. ‘Imagen del moro en la memoria colectiva del pueblo espanol y retomo del moro en la guerra civil de 1936*, Revista Intenacional de Sociologia Vol. 46, No. 4, October-December 1988, pp. 590-6

Marquina Barrio, Antonio. ‘El atentado de Begona*, Historia 16, no. 76, August 1982 Marquina Barrio, Antonio. ‘Conspiracion contra Franco: el ejėrcito y la injerencia extranjera en Espana: el papel de Aranda, 1939-1945*, Historia 16, No. 72, April 1982

Marquina Barrio, Antonio. ‘La etapa de Ramon Serrano Suner en el Ministerio de Asuntos Exteriores*, Espacio, Tiempo y Forma: Revista de la Facultad de Geografia e Historia de la Universidad Nacional de Educacion a distancia, Serie V, tomo 2,1989

Marquina Barrio, Antonio. 'La Peninsula ibèrica y la planificacion militar aliada', Revista de Occidente, No. 41, octubre 1984

Marquina Barrio, Antonio. 'Operation Torch: Espana al borde de la II guerra mundial', Historia 16, no. 79, noviembre 1982

Martinez Bande, Jose Manuel. 'Del alzamiento a la guerra civil verano de 1936: correspondencia Franco/Mola*, Historia y Vida, no. 93, 1975

Monteath, Peter. 'Guernica Reconsidered: Fifty Years of Evidence', War & Society, Vol. 5, no. 1, May 1987

Morales Lezcano, Victor. 'Las causas de la no beligerancia espanola reconsideradas', Revista de Estudios Internacionales, Vol. 5, No. 3, julio-septiembre 1984

Navarro Rubio, Mariano. 'La batalla de la estabilizacičn* in Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Politicas, No. 53, 1976,

Navarro Rubio, Mariano. 'La batalla del desarrollo* in Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Politicas, No. 54, 1977,

Paz, Manuel de. 'Masoneria y militarismo en el norte de Africa*, Universidad Complutense, Cursos de Verano, El Escorial, 1988, La inasoneria y su impacto internacional (Madrid, 1989)

Pike, David Wingeate. 'Franco and the Axis Stigma*, Journal of Contemporary History, Vol. 17, No. 3, 1982,

Pike, David Wingeate. 'Franco et 1* admission aux Nations Unies', Guerres mondiales et conflits contemporains, No. 162, Avril 1991

Preston, Paul. 'El discrete encanto del general Franco' in Journal of the Association of Contemporary Iberian Studies, Vol. 4, No. 1, Spring 1991

Preston, Paul. 'Franco and Hitler: The Myth of Hendaye 1940* in Contemporary European History, Vol. 1, Part 1, March 1992

Preston, Paul. 'Franco and the Hand of Providence* in For Want of a Horse: Choice and Chance in History edited by John M. Merriman. (Lexington, Massachusetts, Stephen Greene Press, 1985) Preston, Paul. 'Franco et ses generaux (1939-1945)*, Guerres mondiales et conflits contemporains, no. 162, Avril 1991

Preston, Paul. 'From Counter Revolution to Historical Accommodation: The Spanish Civil War and Historical Memory' in Harvard University Center for European Studies Working Papers Series no. 13, 1989.

Preston, Paul. 'General Franco Reassessed: Inertia and Risk, World War and Cold War, 1939-1953* in Journal of the Association for Contemporary Iberian Studies, Vol. 1, No. 1, Spring 1988. Preston, Paul. 'Guerrilleros contra Franco' in Historia del Franquismo, edited by Justino Sinova.

2 volumes (Madrid, Informacion y Prensa, 1985), Vol. 1.

Preston, Paul. ‘The PCE’s Long Road to Democracy 1954-1977* in Kindersley, Richard, editor. In Search of Eurocommunism (London, 1981)

Preston, Paul. ‘Spain* in Andrew Graham & Anthony Seldon, editors, Government and economies in the postwar world: Economic policies and comparative peiformance, 1945-85 (London, Routledge, 1990) Raguer, Hilari. ‘Franco alargo deliberadamente la guerra’, Historia 16, No. 170, June 1990 Raguer, Hilari. ‘Magaz y los nacionalistas vascos (1936-1937)’, Let ras de Deusto, Vol. 16, No. 5, Mayo-Agosto 1986

Ramirez, Luis [pseudonym of Luciano Rincon]. ‘Morir en el bunker’ in Horizonte espanol 1972

3 vols (Paris, 1972) I

Reig Tapia, Alberto. ‘El Caudillismo franquista’, Casas Sanchez, Jose Luis, (editor), La post guerra espahola y la se gunda guerra mundial (Cordoba, 1990)

Reig Tapia, Alberto. ‘Guernica coтo simbolo’ in Garitaonandfa, Carmelo, & Granja, Jose Luis de la, editors, La guerra civil en el pais vasco (Bilbao, 1987)

Ruhl, K.J. ‘L’alliance a distance: les relations economiques germano-espagnoles de 1939 a 1945’, Revue d’histoire de la deuxieme guerre mondiale, no. 118, avril 1980

Salas Larrazabal, Jesūs. ‘El puente aereo del Estrecho’, Revista de Aeronautica y Astronautica, September 1961, pp. 747-50

Sevilla Guzman, Eduardo, & Giner, Salvador. ‘Absolutismo despotico y dominacion de clase: el caso de Espana’ in Cuadernos de Ruedo Iberico (Paris), No. 43-45, enero-junio 1975

Smyth, Denis. ‘Les Chevaliers de Saint-George: la Grande-Bretagne et la corruption des generaux espagnols (1940-1942)’, Guerres mondiales et conflits contemporains, No. 162, Avril 1991

Smyth, Denis. ‘The Moor and the Money-lender: Politics and Profits in Anglo-German Relations with Francoist Spain 1936-1940’ in Recker, Marie-Luise, editor, Von der Konkurrenz zur Rivalitcit: Das britische-deutsche Verhaltnis in den Ldndern der europaisclien Peripherie 1919-1939 (Stuttgart, 1986) Smyth, Denis. ‘Screening «Torch»: Allied Counter-Intelligence and the Spanish Threat to the Secrecy of the Allied Invasion of French North Africa in November 1942’ in Intelligence and National Security, Vol. 4, No. 2, April 1989

Tusell, Javier. ‘La etapa Jordana (1942-1944)’, Espacio, Tiempo y Forma: Revista de la Facultad de Geografla e Historia de la Universidad Nacional de Ędue a c ion a distancia, Serie V, tomo 2, 1989. Tusell, Javier. ‘Franco no fue neutral’, Historia 16, No. 141, 1988

Tusell, Javier. ‘Un giro fundamental en la politica espanola

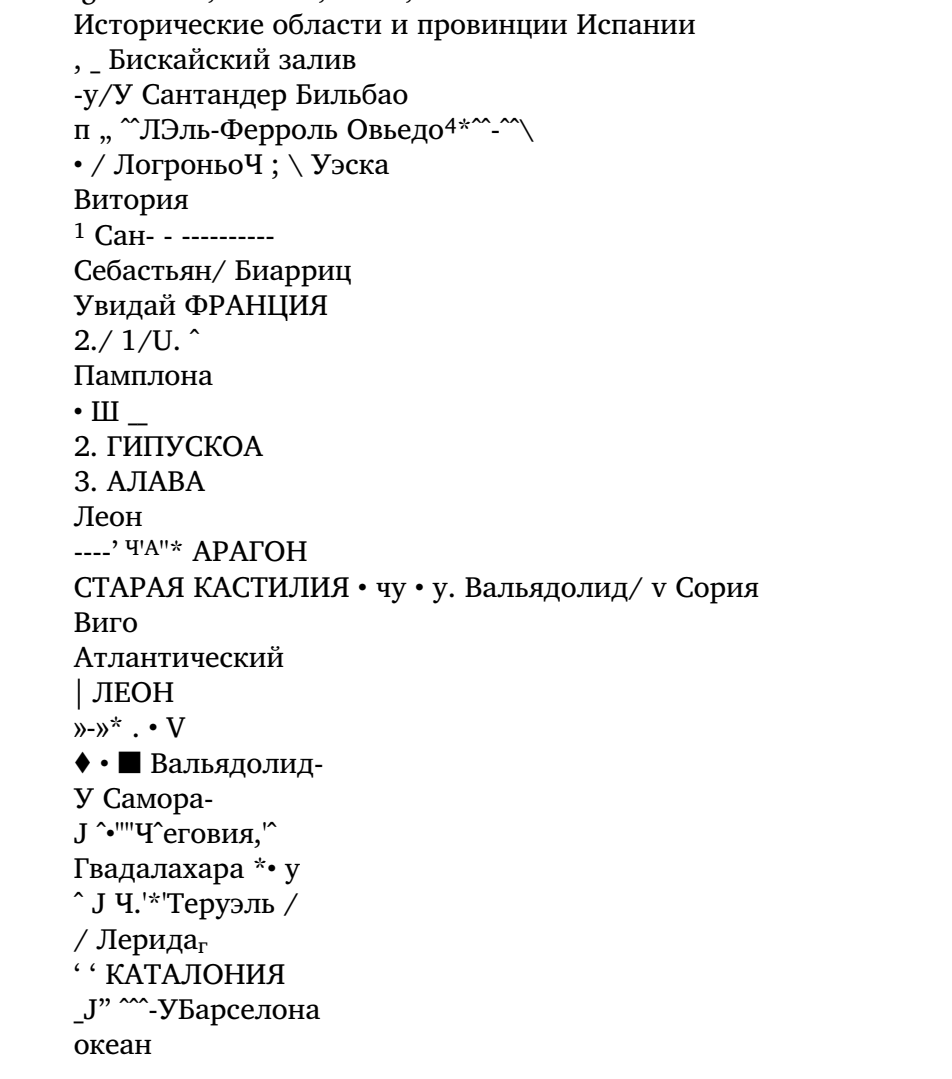
durante la segunda guerra mundial: la llegada de Jordana al Ministerio de Asuntos Exteriores', Garcia Delgado, Jose Luis, editor, El primer franquismo: Espaha durante la segunda guerra mundial (Madrid, 1989)

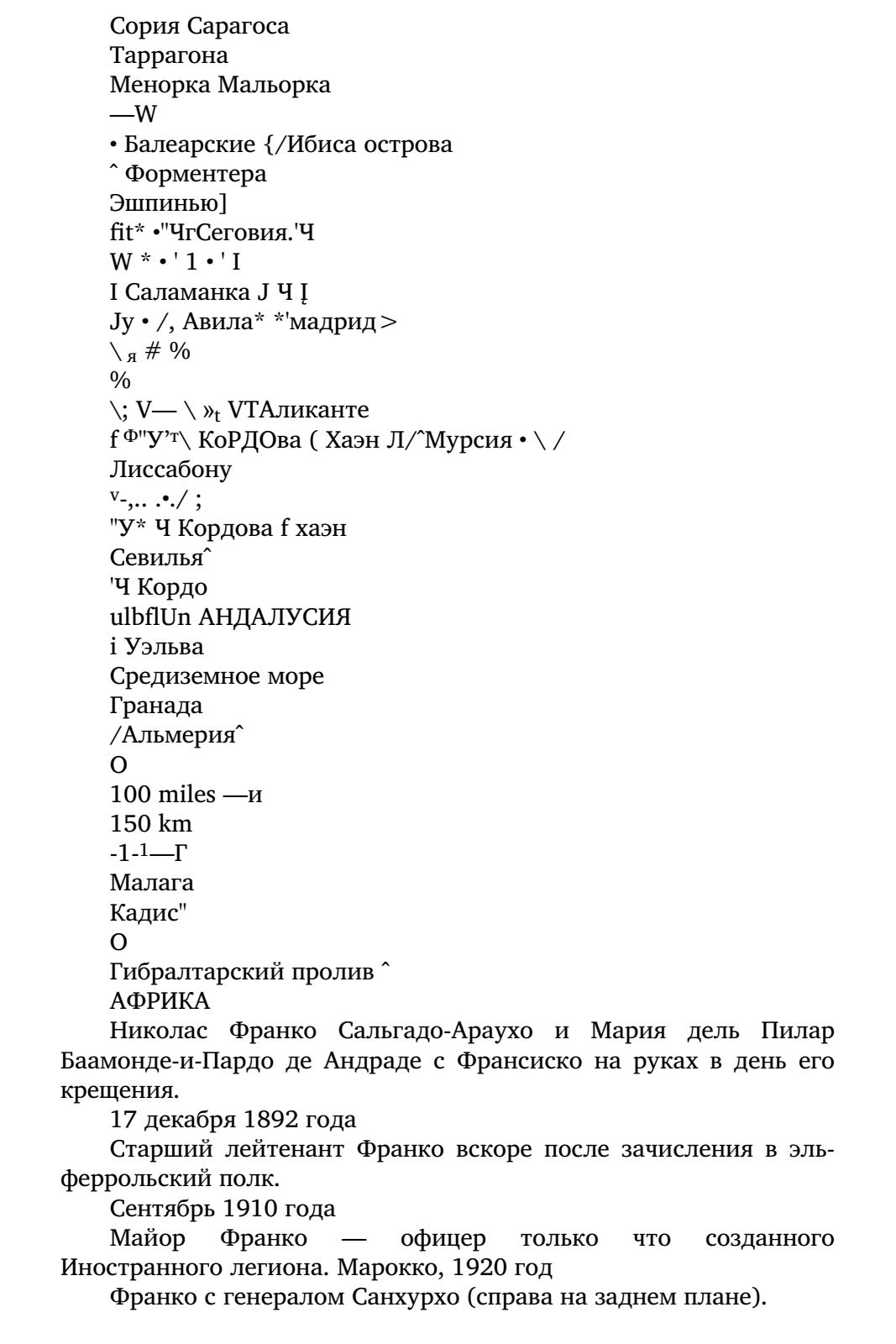
Vinas, Angel. 'Factores economicos externos en la neutralidad espanola*, Revista de Occidente, No. 41, octubre 1984

Vinas, Angel. 'Las relaciones hispano-francesas, el Gobierno Daladier y la crisis de Munich' in Espaholes yfranceses en la primera mitad del siglo XX (Madrid 1986)

Wight, Martin. 'Spain and Portugal' in Toynbee, Arnold, & Ashton-Gwatkin, Frank T. Survey of International Affairs 1939-1946: The World in March 1939 (London, 1952)

Whitaker, John. 'Prelude to World War: A Witness from Spain', Foreign Affairs, Vol. 21, No. 1, October 1942





Николас Франко Сальгадо-Араухо и Мария дель Пилар Баамонде-и-Пардо де Андраде с Франсиско на руках в день его крещения.

17 декабря 1892 года

Старший лейтенант Франко вскоре после зачисления в эль-феррольский полк.

Сентябрь 1910 года

Майор Франко — офицер только что созданного Иностранного легиона. Марокко, 1920 год

Франко с генералом Санхурхо (справа на заднем плане).

Марокко, 1921 год

Франко в клубе автомобилистов на обеде, устроенном в его честь астурийскими почитателями. Овьедо, 10 июня 1922 года

Франко с братом Рамоном. Марокко, 1925 год

Полковник Франко,
генерал Мигель Примо де Ривера
и генерал Санхурхо.
Алусемас, 1925 год

Генерал Франко, командующий балеарским гарнизоном, беседует с президентом Нисето Алкала Саморой во время военно-морских маневров. 10 июня 1934 года

Франко, Кавальканти (слева) и Мола (справа, кричит). Бургос, август 1936 года

Франко выступает перед защитниками Алкасара Толедского после снятия осады.
29 сентября 1936 года

Портрет Франко военных времен, распространявшийся франкистской пропагандой.

Эта фотография 1937 года, возможно, даст понять, что так поражало иностранных корреспондентов в его глазах, и показывает, насколько он постарел во время войны

Пропагандистская открытка, выпущенная сторонниками Франко в Британии, 1937 год. Подпись гласит: «Это не то чтобы армия воюет, а остальной народ стоит в стороне или проявляет враждебность. Это вся нация взялась за оружие, в один момент поднялось все гражданское население, невзирая на классовую принадлежность, пол или возраст».

Генерал Франко

Франко, Серрано Суньер и Мола в Бургосе. Май 1937 года. Это их последняя встреча перед гибелью Молы

Gazzettr. <ūc2la Gerti

SANTANDER

SPLENDIDA VITTORIA ITALIAN/

Franco esalta in un telegramma a Mussolini t'ar-dimento e fa perizia dei nostri legionari • La ri sposta del Duce: «L'intima fraternitd d'armi è garanzia della vittoria finale»

II roiitrihnlo «II «anˆur italiana in «I»iorni di dura baKasiia: nffieinli M» itiorli <• 60 IVrili. soldali :l.) nntrli «* H»M> IVrili

Entusiastico plaušo del Capo del Governoagli eroici legionar:

U generole Teruzzi telegrafo: "LA CONSEGNA DEL DUCE E STATA ESEGU1TA I telegramai! Ц|| ЬНОПСЮ

tra il Duce e Franco .. , . ˆJJSSSlgSSlS!?

01 У'ОПа Ordine del giori

diSttRussc

Salvatori

Франко награждает итальянских солдат и офицеров после падения Сантандера. Август 1937 года

Победа под Сантандером приписывается Муссолини. Содержание некоторых заголовков из итальянской газеты «Пополо»:

«Яркая итальянская победа»;

«Франко в телеграмме Муссолини высоко оценивает боевой дух и мастерство наших легионеров. Ответ дуче: «Тесное братство по оружию — залог конечной победы»; «Жертвенный вклад итальянцев за десять дней тяжелых боев: офицеров — 16 погибших и 60 раненых, солдат — 325 погибших и 1616 раненых»;

«Приказ дуче выполнен»; «Спасители Европы».

28 августа 1937 года

Франко и Давила на фронте под Теруэлем. Январь 1938 года

Франко в своей полевой штаб-квартире летом 1938 года. Слева направо: Хуан Вигон, Франко, Давила и (спиной к объективу) Кинделан

Официальный плакат в честь победы 1939 года. Внизу слева — последнее военное коммюнике Франко, изданное 1 апреля 1939 года. Разборчиво видна последняя фраза: «Война окончена»

Франко на параде победы в Севилье в мае 1939 года. Рядом с ним генерал Кейпо де Льяно и адмирал Сервера. Справа от Франко генерал Давила и Серрано Суньер, позади адмирала Серверы генерал Кинделан

Франкистское руководство осматривает эскизы монумента победы. Слева направо: Антонио Барросо, Франко,

Серрано Суньер,

Педро Мугуруса (архитектор монумента в Валье-де-лос-Каидосе),

Франсиско Гомес Хордана

Валье-де-лос-Каидос (Долина Павших)

Франко председательствует на первом заседании своего нового правительства в Бургосе 12 августа 1939 года. Сидят (слева направо): Ягуэ, Варела, Бейгбедер, Франко, Серрано Суньер, адмирал Морено, Муньос Грандес. Стоят: Аларкон де ла Ластра, Гамеро дель Кастильо, Ларрас, Эстебан Бильбао, Санчес Масас, Пенья Бёф, Бенхумеа, Ибаньес Мартин

Высшее фалангистское руководство в Эскориале на захоронении останков Хосе Антонио Примо де Риверы 20 ноября 1939 года. Слева направо:

Раймундо Фернанде-Куэста, Мигель Примо де Ривера, Пилар Примо де Ривера, Агустин Муньос Грандес, Рафаэль Санчес Масас, Педро Гамеро дель Кастильо, Рамон Серрано Суньер

Франко и Петэн в Монпелье,

13 февраля 1941 года. За Франко видны генерал Москардо (в темных очках), адмирал Дарлан, Серрано Суньер и улыбающийся Пакон

Серрано Суньера приветствует Гитлер. В глубине — Чано.

29 ноября 1941 года

Попытки Франко переписать заново свою роль во Второй мировой войне — взгляд из Лондона.

Подпись под карикатурой гласит: «Хэлло, Голливуд! Пожалуйста, я хотел бы заказать фильм о том, как испанцы выиграли войну для Союзников!»

Hullo, Hollywood! I want Spanish victory film, please, to show how

Spaniards won war for Allies!

Франко принимает от адмирала Бастарече символическое кольцо верховного адмирала Кастилии.

Уэльва,

12 октября 1948 года

Франко и донья Кармен на Святой неделе наблюдают за корридой. Севилья, 1948 год

Генерал Франко и по-королевски одетая донья Кармен во время государственного визита в Португалию. Паласиу-де-Ажуда, Лиссабон, 26 октября 1949 года

Франко держит речь перед молодежью из сельских фалангисгских «братств».

За ним наблюдает донья Кармен.

Дворец Пардо, 1950 год

Франко выступает перед многотысячной толпой националистов-ветеранов, призывая их хранить верность ценностям, которые они защищали в Гражданской войне. Альто-де-лос-Леонес, к северу от Мадрида, место сражения Гражданской войны.

19 октября 1952 года

Франко возлагает кардинальские шапочки (birreta) на головы трех новых кардиналов. На папского нунция монсеньора Чиконьяни смотрит донья Кармен и (в глубине слева) барон де лас Торрес. Мадрид,

19 января 1953 года

Кармен Франко (Ненука) с дочерьми — Марией дель Кармен (стоит) и Марией де ла О

Франко принимает 9 апреля 1953 года в Пардо американского посла Джеймса Данна. Здесь же Альберто Мартин Артахо и барон де лас Торрес

Франко в сопровождении министра образования Хоакина Руиса Хименеса, прибыл в университет Саламанки для получения звания почетного доктора права. 8 мая 1954 года

Карреро Бланко, Рафаэль Трухильо, сеньора Трухильо и Франко во время посещения только что выстроенного монастыря в Валье-де-лос-Каидосе.

9 июня 1954 года

Франко и донья Кармен в окружении певцов и танцоров — участников ежегодного праздника по случаю годовщины начала Гражданской войны. Паласио-де-да- Гранха,

18 июля 1954 года

Донья Кармен и Франко в Пасо-де-Мейрас.

Лето 1955 года

Пасо-де-Мейрас. Франко в своем кабинете на фоне книг из

коллекции писательницы Эмилии Пардо Бассан, которой раньше принадлежало имение. 1955 год

Франко обнимает президента Эйзенхауэра в аэропорту Мадрида. Декабрь 1959 года

Донья Кармен, Ненука и внуки встречают Франко, вернувшегося из больницы после несчастного случая на охоте.

28 декабря 1960 года

Лауреано Лопес Родо представляет Франко председателя одной из правительственных комиссий. Пардо, 3 ноября 1971 года

Премьер-министр Карлос Ариас Наварро
навещает Франко в больнице Сыодад
Санитариа имени
Франсиско
Франко.
Июль 1974 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 18. Когда волна пошла вспять,

Пол Престон

ФРАНКО

Биография

Редакторы А.В. Дубровский, Р.Р. Оганян Художественный редактор И. А. Озеров Технический редактор Л.И. Вытушкина Корректор Т.И. Медведева

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г. Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.07.99 Формат $70x1007_{16}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс» Печать офсетная. Уел. печ. л. 57,2. Уч.-изд. л. 64,97 Тираж 5000 экз. Заказ № 1300

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15 E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический комплекс «Ульяновский Дом печати» 432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

notes

1

Puig — это почти нарицательное для каталонца имя, по-каталонски звучит как «Пуч». (Примеч. перев.)

2

Оригинал книги появился в 1993 году, и за истекшие годы некоторые из упомянутых в этом разделе лип скончались. Мы приводим раздел в том виде, в каком он дан у автора. (Примеч. перев.)

3

Каудильо — вождь (исп.). (Примеч. перев.)

4

Население Испании, наряду с собственно испанцами, включает в себя каталонцев, близких по языку и культуре к французам, галисийцев, имеющих языковую и культурную общность с португальцами, и ни на кого не похожих в языковом отношении басков. (Примеч. перев.)

5

Франсиско — в память о деде со стороны отца, Эрменхильдо — в память о бабке Эрмен-хильде со стороны отца и в честь крестной матери, Паулино — в честь крестного и Теодуло — поскольку его крестили в праздник святого Теодуло.

6

Существует множество домыслов насчет того, что семейство Франко было еврейским — отчасти из-за его внешности, отчасти потому, что Франко и Баамонде — распространенные в Испании еврейские фамилии.

Действительно, после смерти Франко в прессе появились откровения о том, что у Николаса в Маниле была связь с 14-летней девочкой Консепсьон Пуэй, родившей от него, как утверждалось в печати, внебрачного сына по имени Эухенио Франко Пуэй, который дал знать о себе Франсиско Франко в 1950 году.

8

Николас родился 1 июля 1891-го, Пилар — 27 февраля 1895-го, а Рамон — 2 февраля 1896
года.

9

Он часто сопровождал ее в нелегком пути на пик Доуро к востоку от Эль-Ферроля, где мать благодарила Пресвятую Деву Чаморрскую за исполнение ее молитв о благополучном возвращении сына.

10

«Пако» — уменьшительное от «Франсиско». Домашние прозвища двоюродных братьев обыгрывали разницу в их внешности: «Пакон» — «большой Пако», «Пакито» (Франко) — «маленький Пако».

11

Это учебное заведение по статусу соответствует военному училищу. (Примеч. перев.)

12

Толедо занимает особое место в истории Испании. До 1561 года город был столицей государства, когда в этом качестве его сменил Мадрид. (Примеч. перев.)

13

Родриг ес Диас де Бивар — кастильский дворянин, герой Реконкисты (движения за освобождение Испании от арабского владычества в VII—XV вв.), воспетый под именем Сида в эпосе «Песня о Сиде». (Примеч. перев.)

14

Высшая воинская награпа Испании. (Примеч. перев.)

15

Мелилья — порт на севере Марокко, остающийся и в настоящее время, наряду с Сеутой, испанским анклавом на территории этой страны. (Примеч. перев.)

16

Столкновение между подразделениями английской и французской армий под городом Фа-шода в Судане. (Примеч. перев.)

17

Верховный комиссар — высший представитель метрополии в колонии. (Примеч. перев.)

18

Потом Франко глубоко сожалел, что ему не удалось получить крест за бой в Эль-Биуце. Через сорок пять лет, вспоминая события того времени, он сказал, что рана пришлась в печень, а не в нижнюю часть живота (что сильно повредило бы ему как мужчине). Франко утверждал, что, несмотря на тяжесть ранения, он героически продолжал с носилок руководить боем. Согласно этим воспоминаниям, Франко лишился награды из-за того, что врач, ухаживавший за ним, сообщил, будто Франко находится на краю смерти, ошибочно полагая, что это увеличит его шансы на получение награды. Однако властные инстанции, по утверждению Франко, пришли к выводу, будто он по состоянию здоровья не сможет больше быть командиром. •

19

Regeneracionismo — движение за возрождение (исп.). (Примеч. перев.)

20

К а с и к — вождь индейского племени. В Испании и Латинской Америке слово используется в переносном значении, тождественном русскому «местный князек». (Примеч. перев.)

21

Очевидно, такое прозвище объясняется тем, что все три слова в испанском начинаются на «м», и наверняка о Франко говорили: «человек без трех «м». (Примеч. перев.)

22

Мы оставляем в тексте слово «колонна» в непривычном для русского языка значении «воинское формирование», «часть», а не в значении «форма построения», поскольку со времен Гражданской войны в Испании такая трактовка прочно вошла в обиход. (Примеч. перев.)

23

Очерк с элементами домысла Феррагута называется «Воспоминания легионера» (Memorias de un legionario), и стали поговаривать о его авторстве «Дневника одного батальона», хотя в упомянутом очерке ясно давалось понять, что это была первая встреча Франко с Феррагутом.

24

Позже, особенно когда Франко пришел к власти, их отношения казались скорее чопорными, чем теплыми. Пакон говорил, что Франко в присутствии доньи Кармен казался скованным и заторможенным.

Военная Пасха (исп.). (Примеч. перев.J

26

От испанского слова «macho* — самец. Слова с этим корнем часто используются в испаноязычных странах для подчеркивания мужских достоинств. (Примеч. перев.)

27

Храм Пресвятой Девы Пилар Сарагосской. (Примеч. перев.)

28

В то время в каждом военном округе Испании было по две дивизии, и каждая состояла из двух бригад. Однако, учитывая нехватку рекрутов, на практике только первая бригада была полностью укомплектована.

29

По дню святого Иоанна (Хуана), когда произошла попытка переворота.

30

Озабоченность проблемами секса не покидала его и позже. В 1942 году, посетив сарагосскую военную академию, он посоветовал руководству вместо двух коек в комнатах слушателей поставить по три — «чтобы они тут не переженились».

31

В отличие от жесткой диктатуры, обозначаемой неологизмом «dictadura» (dura — жесткая).

32

Тут есть несостыковка с версией, данной Франко своим друзьям и биографу Хоакину Ар-рарасу. По версии Франко, Асанья сказал: «Я перечел ваш из ряда вон выходящий приказ по академии и хотел бы верить, что вы не имеете в виду то, что там написано». На это Франко якобы ответил ему: «Сеньор министр, я никогда не пишу того, чего заранее не обдумал». Версия Асаньи, написанная по горячим следам, вызывает большее доверие, чем та, что была предложена самим Франко шесть лет спустя в разгар Гражданской войны.

33

Франко потом уверял, что шел на всяческие ухищрения, чтобы не оказаться на фотографиях рядом с премьер-министром, всем своим видом показывая, что эта привилегия принадлежит его начальнику, генерал-майору Вере. Франко также говорил, что, сославшись на плохое самочувствие доньи Кармен, он не присутствовал на утреннем приеме, который устроили в честь Асаньи спортклуб Ла-Коруньи и его друг Сантьяго Касарес Кирога, министр внутренних дел, известный на всю Галисию человек. Тем не менее есть фотографии, на которых Франко стоит совсем близко к Асанье, ближе, чем генерал Вера. К тому же местные газеты того времени сообщали о присутствии Франко за одним столом с Асаньей на куда более пышном, чем тот утренний прием, обеде, данном вечером того же дня в отеле «Атлантида», а также на завтраке в среду 11 сентября.

Семейные обстоятельства вынудили его откупиться от военной службы. Этот факт, а также написание им книги о русской революции стали причиной неодобрительного отношения правых к его назначению.

35

И снова Рамон Серрано Суньер служил посредником в налаживании контакта между Франко и Примо де Риверой: он позаботился, чтобы упомянутое письмо было передано Франко через его брата Хосе.

Здесь: Франко. (Примеч. перев.)

37

Очевидно, имеется в виду губернатор острова Гран-Канария, где находится Лас-Пальмас. Другим крупным островом архипелага является Тенерифе. (Примеч. перев.)

38

Пеман, насмешливый и остроумный поэт и драматург, состоял членом ультраправой монархической группировки «Испанское действие».

39

Необходимые две тысячи фунтов стерлингов на аренду самолета были переданы Хуаном Марчем через филиал банка «Клайнуортс» на Фенчерч-стрит.

И в других случаях Франко реагировал сходным образом на информацию трагического характера, например, после смешения Альфонса XIII, смерти Молы в апреле 1937 года и падения Муссолини в 1943 году.

41

Там их встретил друг Франко, испанский военный атташе в Париже майор Антонио Бар-росо, который отвез их в Байонн, французский город на берегу Бискайского залива рядом с Биаррицем, близ испанской границы. Там, в доме старой гувернантки семьи Поло, мадам Клавери, они оставались под охраной Лоренсо Мартинеса Фусета в течение первых трех месяцев Гражданской войны.

42

После Гражданской войны Бебб и Поллард были награждены фалангистским Рыцарским крестом Имперского ордена с ярмом и стрелами. Дороти Уотсон и Дайана Поллард получили такой же орден достоинством пониже.

Присутствовали лидер Испанского обновления Антонио Гойкоэчеа, интеллектуал Педро Сайнс Родригес, граф де Вальельяно, владелец монархической газеты «Эпока» Хосе Игнасио (Ignacio) Эскобар, адвокат Хосе Мариа де Янгуас-и-Мессйа и Луис Мариа Сунсунеги (Zunzunegui).

44

Система зарубежных ячеек НСДАП с центром в Берлине. (Примеч. перев.)

45

Германское оружие и снаряжение будет поставляться в Испанию компанией «Compania Hispano-Marroqui de Transportes» (HISMA), основанной 31 июля Франко и Бернхардтом, а испанское сырье импортироваться в Германию компанией «Rohstoffe- und Waren-Einkaufsgesellschafb (ROWAK), основанной 7 октября 1936 года по инициативе маршала Геринга.

Старший сын Альфонса XIII, Альфонсо, страдал гемофилией и формально согласился с потерей прав на престол в июне 1933 года, когда заключил морганатический брак с Эдельмирой Сампедро, дочерью богатого кубинского землевладельца. Второй сын короля, Хайме, сразу же после этого немедленно отказался от своих прав на трон из-за неполной дееспособности (он был глухонемым). Хайме все равнр лишился бы своих прав в 1935 году, когда тоже заключил морганатический брак с итальянкой Эммануэлой Дампьерре Русполи, которая хотя и происходила из аристократического семейства, но не королевских кровей. В сентябре 1938 года Альфонсо погиб в Майами в автомобильной катастрофе.

47

Считая, что Франко будет наступать через Кордову, а колонны Ягуэ будут проводить локальные операции, генерал республиканцев Миаха сосредоточил все свои незначительные силы на направлении Кордова — Мадрид.

48

Франкистский военный историк полковник Хосе Мануэль Мартинес Банде увидел в этой телеграмме первый признак намерения Франко помочь Алкасару в Толедо. Такая его точка зрения базируется целиком на наличии в телеграмме слов «Македа» и «Толедо». Однако остальной текст послания Франко показывает, что после Македы колонна скорее продолжит бросок на Мадрид по прямой линии через Навалькарнеро, чем отклонится к Толедо.

49

Когда мифотворцы еще не успели закончить свою работу, газета «А-бэ-сэ» 3 октября 1936 года писала, что «в период осады все связи 1крепости] с внешним миром были полностью перерезаны».

50

Двадцатого или 21 сентября Ягуэ и Мола встретились, чтобы обсудить вопрос о координации действий их войск, которые незадолго перед этим соединились на протяженном участке фронта. Их разногласия становились все более острыми. Мола сказал Ягуэ, что его поведение равносильно бунту и он может быть расстрелян. Повернувшись к командирам своих колонн Асенсио, Кастехону и Пелье, Ягуэ ответил: «Не думаю» (Verdad que no!), после чего Моле пришлось сделать вид, будто он пошутил.

51

В Испании «генералиссимус» было не почетным званием, а рабочим, соответствующим посту главнокомандующего, так сказать «генералу из генералов». (Примеч. перев.)

Первый среди равных (лат.). (Примеч. перев.)

53

Легенда франкистских мифотворцев, будто Франко не присутствовал на встрече, не имеет под собой никаких оснований и имеет целью создать впечатление, что у генералиссимуса власть уже была в кармане. Брайен Крозьер (Brian Crozier) ошибочно переносит дату встречи в Саламанке на 29 сентября и делает вывод об отсутствии там Франко на том основании, что он в этот день обменивался рукопожатиями с Москардо в Толедо.

Сам Кабанельяс определил сказанное Кейпо как «непечатное», так что насчет «свиньи» это просто предположение.

Хунта состояла из Генерального секретариата главы государства, Генерального секретариата иностранных дел и Генерального правительства. Имелось также семь министерств, или комитетов, по следующим профилям: финансы; юстиция; промышленность, торговля и снабжение; сельское хозяйство; труд; культура и образование; общественные работы и коммуникации.

56

В 1970 году в Мадриде в беседе с автором Хиль Роблес рассказал: он был убежден, что Франко не потерпит возле себя людей, превосходящих его достоинствами.

Первые семена этих амбиций были посеяны в сознании Франко в конце 20-х годов. Он тогда проводил время в принадлежавшем жене маленьком астурийском поместье Ла-Пиньелья, вблизи Сан - Кукао-де-Л ьянера, в тринадцати километрах от Овьедо. Льстивый местный священник, который считал себя домашним священником семьи Франко, то и дело говорил и донье Кармен, и самому Франко, что Франко повторит легендарные подвиги Сида и великих средневековых королей (каудильо) Астурии. Жена Франко часто напоминала ему о предсказании священника.

Говорили, что он терпеть не мог религиозных церемоний и, находясь у власти, буквально страдал, если надо было принимать какие-то религиозные делегации, поговаривая: «Сегодня мы святые» (Hoy estamos de santos).

Здесь игра слов «civil» и «incivil». (Примеч. перев.)

Несколько известных националистов оказались на свободе именно такими путями. Были освобождены видные фалангисты Раймундо Фернандес Куэста, которого обменяли на незначительную фигуру Хустино де Аскарате, и Мигель Примо де Ривера, которого обменяли на сына генерала Миахи. Среди совершивших побег самым известным был Рамон Серрано Суньер.

61

Очевидно, Хосе Антонио предполагалось вывезти на немецком корабле. (Примеч. перев.)

62

Здание телефонной компании в центре Мадрида, знаменитое своей архитектурой. (Примеч. перев.)

63

«Фрайкорпс» — полурегулярные вооруженные формирования в веймаровской Германии. (Примеч. перев.)

Официально бюро возглавлял граф Лука Пьетромарки, но на самом деле им руководил Чано. Бюро было, по существу, независимо в принятии военных решений.

Единственным доказательством просьбы Франко является телеграмма Фаупеля барону фон Нейрату, которая была опубликована во французской прессе и не была опровергнута. Более того, упомянутая просьба совпадает по времени с решением Муссолини 6 декабря направить крупные подкрепления в Испанию. Муссолини оценивал потребности Франко на основе сообщений своих представителей в Испании, включая Анфузо и генерала Роатту. Учитывая, что с сентября Франко поддерживал тесные контакты с Роаттой, представляется невозможным, чтобы Роатта давал рекомендации, которые расходились бы с мнением генералиссимуса.

Визит Геринга в Рим носил символический характер и был подтверждением растущей теплоты в отношениях между фашистским и нацистским режимами. Несмотря на плотную программу, Геринг посетил Академию фехтования, провел поединок на саблях с Муссолини. К удовольствию сопровождавших их высокопоставленных лиц, они фехтовали двадцать минут, проявив неплохую подвижность, несмотря на грузную комплекцию обоих. Муссолини вышел победителем.

Англо-французская политика невмешательства, проводимая с апреля 1936 года, не шла дальше деклараций и оказалась на пользу только националистам, но не республиканцам. Сотрудник британского министерства иностранных дел назвал эту политику не более чем «исключительно полезным фарсом». Если бы Лондон на деле занял более решительную позицию, ни о Какой помощи Франко со стороны немцев и итальянцев не могло идти и речи.

Выделили даже специального адъютанта, который должен был перевозить мощи и следить, чтобы с ними ничего не случилось. Спустя годы к Франко стали поступать просьбы из монастырей одолжить им мощи на две-три недели. Франк?о, опасаясь, что не получит их обратно, ни разу не согласился, поручая вместо этого своему верному кузену Пакону направить монастырю очередное благотворительное пожертвование.

Один из ответственных за репрессии, молодой военный прокурор Карлос Ариас Наварро, прозванный «палачом Малаги», позже станет близким другом семьи Франко, а в 1973 году займет место Карреро Бланко на посту премьер-министра.

70

Роатта позже узнал от итальянского военного атташе при штабе Франко, что Оргас по-лучил приказ о наступлении в долине Харамы только вечером 7 марта. Оргас, по существу, и не мог бы выполнить этот приказ, потому что ранее ему было приказано ждать, пока итальянцы не возьмут Гвадалахару.

71

Вечером того же дня произошел эпизод, характеризующий хитрость и двуличие Франко. Он уверял Роатту, что специально ходатайствовал перед дуче, чтобы Роатту не снимали с поста командующего итальянскими войсками в Испании. Надменный, но умный итальянский генерал не поддался на эту попытку дешевой интриги.

Позже на его место был назначен граф Гвидо Виола де Кампальто.

73

Генерал-лейтенант Аттилио Теруцци, незадолго до описываемых событий прибывший в Испанию, чтобы принять командование дивизией чернорубашечников, в письме к Чано выражал недовольство тем, что «Франко не командует своими генералами: он просит, и иногда они кое-что делают из того, что он просит, а часто отказываются, а если и делают, то плохо».

Это напоминает бредовые идеи капитана Агилеры, пресс-секретаря Миляна Астрая.

75

Это кольцо строилось с октября 1936 года. Военный инженер, руководивший его сооружением, капитан Алехандро Гойкоэчеа 27 февраля 1937 года перебежал к националистам.

76

Пару дней спустя Франко посетил Фредерик Рамон Бертодано-и-Уилсон, маркиз дель Морал — англичанин испанского происхождения, преданный сторонник националистов. Морал, поверивший в историю о баскских подрывниках, был расстроен тем ущербом, который наносится делу националистов сообщениями о бомбардировке Герники. Он направился в Саламанку, чтобы попросить Франко согласиться на расследование и установление «истины». Естественно, генералиссимус отказался, пообещав только отредактировать свои старые утверждения, придав им другую форму.

77

Вслед за автором, который использует испанское написание слова (Unificacičn), мы также пользуемся латинским эквивалентом слова «объединение», поскольку в новейшей истории Испании этот термин обозначает конкретное событие — насильственное слияние правых партий и оборудование единой фашистской партии под руководством Франко, (Примеч. перев.)

78

Практика похищений заключенных и казни в обход закона. (Примеч. перев.)

79

Французский курортный городок на берегу Бискайского залива у самой границы с Испанией. Это название всплывет позже как место встречи Гитлера и Франко. (Примеч. перев.)

80

В начале апреля 1937 года кардинал Гома сообщал в Ватикан: «По убеждению любого разумного наблюдателя, политической стороне управления очень далеко до здравого смысла, который характерен для военной».

Форма фалангистов. (Примеч. перев.)

Их поддерживали также члены организации из Вальядолида во главе с Хосе Антонио Хироном де Веласко и Луисом Гонсалесом Висеном.

83

Оба были знакомы с Франко со времен его службы на Балеарских островах.

84

Каталонский фалангист, получивший образование в Германии и, возможно, германский агент.

85

Он воссоздал ход событий в своих письмах, направленных в 1948 году Рамону Серрано Суньеру, а также в книге, написанной на основе материалов его пресс-атташе Максимиано Гарсиа Венеро. Согласно этой версии, в 11 часов вечера 16 апреля Гойя и Даниэль Лопес Пуэртас пришли к Эдилье и сказали, что отправятся к Давиле и Аснару, чтобы уладить все по-дружески. Эдилья якобы наказал Гойе и Лопесу Пуэртасу не прибегать к насилию; кровопролитие же произошло в результате рокового недоразумения, а обстрелянные Гарсераном люди были не кем иным, как тремя-четырьмя фалангистами, мирными ночными гуляками (pacificos noctambulos).

Эдилья позже утверждал, будто отверг предложения Франко, так как считал, что новая партия не могла исповедовать идеи Хосе Антонио Примо де Риверы. Соответственно, его отказ войти в Политическую хунту был символическим жестом. Таким образом, он, не становясь в оппозицию Франко, не становился и его идеологическим прикрытием. Эдилья отверг утверждения, будто он рассылал телеграммы подрывного характера. Он говорил, что вместе со своими сторонниками стремился ограничить междуусобные дрязги, ибо имели место случаи, когда фалангисты и карлисты пытались в некоторых местах захватывать штаб-квартиры друг друга, а Хосе Сайнс Нотнахель (Nothnagel) из Командной хунты направил на места телеграмму, в которой говорилось: «Чтобы предотвратить ошибочную интерпретацию декрета об унификации, не следует подчиняться приказам, кроме тех, что поступили по надлежащим иерархическим каналам». Эдилья утверждал, что фраза «по надлежащим иерархическим каналам» показывает, будто они согласились с руководящей ролью Франко. Однако равным образом обоснованно допущение, что на фалангис-тском лексиконе указанная фраза могла означать: должны выполняться только приказы, одобренные Эдильей.

С пылкой заботой (нем.). (Примеч. перев.)

«Божественный Искупитель» (лат.). (Примеч. перев.)

89

В марте 1939 года, после смерти Пия XI, Эудженио Пачелли будет избран Папой и примет имя Пия XII. (Примеч. перев.)

90

В этот день в 1936 году Франко был официально приведен к власти. (Примеч. перев.)

91

По словам бургосского судьи Антонио Руиса Вилаплана, самолет врезался в гору Монте-де-ла-Брухула (Monte de La Brujula), где ежедневно происходили массовые захоронения жертв фалангистских расправ.

Позже цензура вымарала в мемуарах Кинделана упоминания именно на этот счет. В 1941 году он писал: «Врагу нанесли поражение, но не стали его преследовать; успех не был развит, отступление не превратилось в катастрофу. Это объяснялось тем, что, хотя тактическая концепция операции была разработана и осуществлена мастерски, стратегическая концепция оказалась намного более посредственной». Франкистская цензура позволила опубликовать мемуары Кинделана только в 1945 году. Выделенный пассаж, наряду со многими другими, был исключен из текста книги.

Членами штаба были Франсиско Франко Сальгадо-Араухо, Антонио Барросо, Кармело Медрано и Хуан Вигон, который после смерти Молы стал исполнять обязанности начальника штаба.

«Золотым веком» в истории испанской культуры принято называть период с середины XVI по середину XVII века. (Примеч. перев.)

Николас позже оказался вовлеченным в сомнительные сделки, в которых злоупотреблял авторитетом брата, а когда возник скандал с обвинениями в мошенничестве, Франко взял его под защиту. Николасу инкриминировали и продажу рекомендательных писем министрам, и участие в кампаниях, связанных с правительством. Три из них, в частности, прогорели, и Николаса спасло лишь благорасположение Франко.

Ф у э р о (фуэрос) — исторический термин, означавший во времена Реконкисты права и привилегии крестьянских общин, переселявшихся на отвоеванные у арабов земли для их освоения. Фуэрос дали начало многим гражданским и политическим институтам средневековой Испании. (Примеч. перев.)

Хартия труда (ит.). (Примеч. перев.)

98

В 1967 году, обсуждая со своим двоюродным братом Франсиско Франко Сальгадо-Араухо этот отрывок из дневника Чано, каудильо сказал, что «все бомбардировки производились по особому решению испанского высшего командования». В целом это было верно, но применительно к данному случаю память подвела 75-летнего Франко.

♦Эль Кампесино — прозвище Валентина Гонсалеса — легендарного героя Гражданской войны, вышедшего в полководцы из низов. (Примеч. перев.)

Франко и его жена уже начали приобретать крупную собственность. В ноябре 1937 года умер Хосе Мариа де Паласио-и-Абарсуса (Palacio y Abarzuza), граф де лас Алменас. Детей у него не было, и он выразил свою благодарность каудильо за «отвоевание (реконкисту) Испании», оставив ему по завещанию поместье Канто-дель-Пико в Сьерра-де-Гуадаррама близ Эскориала. На земельном участке в 820 тысяч квадратных метров располагался большой особняк, носивший название Каса-дель-Вьенто. После Гражданской войны Франко купил солидное имение Валдефуэнтес под Мос-толесом в предместье Мадрида. Донья Кармен приобрела многоквартирный дом в Мадриде, а в 1962 году — великолепный Паласио-де-Корниде в Ла-Корунье. Семья каудильо приобрела еще пятнадцать владений. Кроме того, как подсчитано, Франко за время своего правления получил подарков на сумму четыре миллиарда песет (примерно 7,5 миллиона долларов).

Это произошло 27 февраля, а 1 апреля режим Франко был признан США. (Примеч. перев.)

101

Подписи поставили генерал Гомес Хордана, итальянский посол граф Виола, японский министр Макото Яно и германский посол фон Шторер.

102

Они встречались в феврале 1926 года, когда Петэн был с визитом в Мадриде, а затем в 1927 году во время посещения Франко военного училища в Сен-Сире. Начальником училища в ту пору был Петэн.

103

Япония вышла из Лиги Наций в марте, Германия — в октябре 1933 года, Италия — в декабре 1937-го. (Примеч. перев.)

Стальной пакт — военно-политический договор о дружбе и союзе между Германией и Италией. (Примеч. перев.)

105

«Ардити» — так в итальянской армии со времен Первой мировой войны называли солдат ударных отрядов. (Примеч. перев.)

«Сеньоритос» — молодежь из аристократических семей. (Примеч. перев.)

107

Мосарабы — часть коренного населения Испании, оказавшаяся на территории, захваченной арабами. Сохранив приверженность христианской религии, они восприняли многие черты культуры мусульманских пришельцев. (Примеч. перев)

108

Автор ошибочно указывает дату, на самом деле пакт был подписан только 23 августа. (Примеч. перев.)

Например, «Арриба» 22 сентября побуждала своих читателей бить каждого, кто будет хулить Германию. Эта же газета в номере от 27 сентября восхваляла действия германских подводных лодок.

110

Весной 1940 года официальный курс песеты в отношении фунта стерлингов равнялся 39:1. При таком соотношении его жалованье в ценах 1992 года составило бы 511 500 фунтов стерлингов. Эта цифра не включает в себя другие выплаты, такие, как жалованье верховного главнокомандующего и генералиссимуса вооруженных сил или национального главы Фаланги. Его сестра писала: «Естественно, он не платил ренту за проживание в Пардо и его расходы оплачивались государством. Однако категорически утверждаю: он никогда не позволял государству оплачивать свою одежду. За нижнее белье он платил из своего кармана».

111

Таким же образом в октябре 1939 года перенесли останки генерала Санхурхо из Эшторила для перезахоронения в Памплоне, ультраправого д-ра Альбиньяны из Мадрида в Валенсию в апреле 1940 года и генерала Годеда из Барселоны в Мадрид в июле 1940 года.

112

Хосе Феликс Лекерика-и-Эркиса (Lequerica y Erquiza) был, в частности, послом Испании при французском марионеточном правительстве в Виши, затем стал министром иностранных дел. (Примеч. перев.)

113

Слово «Союзники» (Allies) мы даем с прописной буквы там, где речь идет о сложившемся военном союзе первоначально Великобритании (с доминионами и колониями) и Франции. (Примеч. перев.)

114

На аргентинского посла в Мадриде производило большое впечатление его мастерское исполнение танго, а португальский посол в Лондоне отмечал осведомленность Хора в акробатике и танцах на льду.

115

Невоюющее государство уже не является нейтральным и не обязано придерживаться принципа равного отношения к воюющим сторонам. (Примеч. перев.)

На улицах городов было полно нищих, десятикратно увеличилось количество проституток. Армию тех й других пополняли дети, осиротевшие в результате войны. Отмечался рост желудочно-кишечных заболеваний, ибо люди питались картофельной и апельсиновой кожурой, а также другими отбросами, которые находили в мусорных баках.

117

Это не было хитрым планом с целью провести немцев. Серрано Суньер и Франко хотели присоединиться к Оси, чтобы завершить, как им представлялось, работу по восстановлению величия Испании, а не оказаться в положении сателлита.

118

Находясь в Берлине, Серрано Суньер пригласил Генриха Гиммлера нанести визит в Мадрид якобы поохотиться, на самом же деле — обсудить вопросы безопасности в связи с предстоящей встречей Гитлера и Франко, а также воспользоваться его советами по модернизации испанской секретной полиции. Любопытно, что 27 сентября 1940 года португальский посол сообщил, будто Гиммлер находится в Мадриде.

119

Имея собственные интересы в Северной Африке, дуче сказал, что достичь согласия между Испанией и Францией будет невозможно, если признать испанские притязания на Марокко. «Испания просила много, а сама ничего не дала». Он занял в отношении Испании позицию «подождем — увидим».

120

Маршал Кейтель и генерал Йодль сказали итальянскому военному атташе в Берлине о попытке немцев обмануть Франко, заверив его при этом, что в свете итальянских притязаний на Тунис испанские притязания на Марокко и Алжир никогда не будут осуществлены. Не упоминая о собственных притязаниях Германии, они также ясно дали понять, что кое-что должно быть оставлено и вишистской Франции.

121

Восторг, охвативший лагерь приверженцев Оси в Мадриде, отразился в статье газеты «Ар-риба» от 17 октября 1940 года. Она содержала нападки на тех, кто противился новому направлению испанской политики, и издевательски обрушилась на Бейгбедера — «человека, не имеющего не только национального чувства, но и испанской фамилии».

В их числе были Хулиан Сугасагойтиа (Zugazagoitia), Франсиско Крус (Cruz) Салидо, Теодомиро Менёндес (Menėndez), Сиприано (Cipriano) Ривас Чериф, Карлос Монтилья и Мигель Сальвадор.

123

Светская католическая организация, рекрутирующая в свои ряды высокопоставленных и образованных людей по всему католическому миру. Действует примерно в девяти десятках стран, имеет разветвленный пропагандистский аппарат. (Примеч. перев.)

124

В ходе встречи в Андае анархисты безуспешно попытались совершить покушение на жизнь каудильо. Они планировали бросить ручные гранаты в поезд Франко, поэтому короткое опоздание дало почву слухам, будто на поезд было действительно совершено нападение. На самом деле разнообразные меры предосторожности гарантировали безопасное проведение встречи.

Упоминание о такой угрозе, якобы имевшей место, содержится в записках де лас Торреса, датированных 26 октября 1940 года и опубликованных в испанской прессе в 1989 году.

Однако ни тон, ни детали отчета де лас Торреса в этом не убеждают. Напротив, реляции о мужестве, патриотизме и чувстве реализма, с которыми Франко противостоял давлению со стороны Гитлера, отдают духом пропаганды, характерной для послевоенной эпохи, когда начали вовсю переписывать роль каудильо во Второй мировой войне. Документ, в частности, приводит сомнительное утверждение, будто Гитлер ни с того ни с сего предложил изумленному Франко Оран, а тот, верный чести, отказался. Это совершенно недостоверно, поскольку известны испанские амбиции в том регионе и давление, которое Франко в предшествовавшие месяцы оказывал на Виши.

126

31 октября, через семь дней после Андая, Серрано Суньер встретился с американским послом Уэдделлом и трижды повторил, что «Гитлер и Муссолини не оказывали на Франко никакого давления, даже и пальцем не шевельнули, чтобы втянуть Испанию в войну».

127

11—12 ноября 1940 года британские самолеты-торпедоносцы повредили 3 линкора и 2 крейсера при налете на гавань Таранто. (Примеч. перев.)

128

Итальянская агрессия в Греции началась с того, что 28 октября на итальянский ультиматум греки ответили отказом. Итальянские войска были отброшены в Албанию, где вели оборонительные бои до начала апреля, когда на Грецию напала и Германия. 28 октября отмечается в Греции как национальный праздник. (Примеч. перев.)

129

Черчилль был убежден, что Гитлер не станет и пытаться пройти на Гибралтар через Испанию. Он писал генералу Исмэю (Ismay) 6 января 1941 года, что вторжение в Испанию зимой — «наиболее опасное для Германии и сомнительное мероприятие, и неудивительно, что Гитлер, которому приходится держать в подчинении так много озлобленных народов, пока отказывается от этой идеи».

130

Интеллигентный корсиканец, известный фехтовальщик Пьетри был депутатом парламен-та и министром при Третьей республике.

131

Недовольство генералов проявилось в стремлении фалангисгского пропагандистского аппарата отрицать «отсутствие единства» (incommunicacion) между армией и Фалангой.

Это совпадает с записью генерала Вигона, хотя интерпретацию Канариса вряд ли стоит подвергать сомнениям (запись беседы не всегда вполне адекватна ее содержанию, а в данном случае Франко мог задним числом несколько изменить свои слова, что было для него характерно).

133

Для Дарлана, назначенного 10 февраля, это было первое официальное мероприятие. Дар-лан, возглавляя министерства иностранных дел, внутренних дел и информации, стал очевидным преемником Петэна.

134

Агрессия Германии против Югославии и Греции началась только 6 апреля. (Примеч. перев.)

135

В середине сентября 1940 года Геринг грубо заявил Серрано Суньеру, что, по его мнению, Гитлер вторгнется в Испанию. Рейхсмаршал и впоследствии считал, что фюрер совершил грубый промах, отказавшись от такого шага. Летом 1945 года Геринг сказал британским дипломатам: «Разозленный Гитлер решил показать Франко, что может обойтись без всякой поддержки со стороны Испании».

Со слов Геббельса, «фюрер крайне резко высказывается о Франко, об отсутствии у него ума и смелости. Даже за несколько часов переговоров он не смог заставить его принять смелое, решение. Шут! Чванливый, самоуверенный и глупый. А этот его Серрано Суньер — просто интриган. Франко пришел к власти на наших горбах. А такие вещи недолговечны. Власть надо завоевывать собственными силами».

137

Уильям Донован был первым главой Управления стратегических служб — американской внешнеполитической разведки, позже преобразованной в ЦРУ. (Примеч. перев.)

138

На выставке Серрано Суньер сказал, что как глава испанской прессы в течение трех предыдущих лет он проводил политику дружбы с Германией. Куньядиссимо заявлял, что ни видной другой стране пресса не служила так непоколебимо интересам укрепления дружбы с Германией и что поэтому его политика была удостоена личной благодарности фюрера.

139

Причин для возникновения голода было много: политика автаркии, завышенный курс песеты, некомпетентность министерства сельского хозяйства и развал системы распределения и доставки из-за дефицита горючего. К тому же и Третий рейх разными способами грабил испанскую экономику. Готовая продукция, уже оплаченная испанскими покупателями, не поставлялась, важный для Испании импорт удобрений, по существу, прекратился. В 1941 году Испания вывезла в Германию продовольствия на сумму 94 186 тысяч песет, тогда как ввезла оттуда на 1784 тысячи песет. Разница в 92 402 тысячи песет равна примерно 68 миллионам фунтов стерлингов в ценах 1992 года.

140

Низкий, с кустистыми бровями, внешне неинтересный, но очень работоспособный, Карреро Бланко разделял все политические пристрастия Франко и, в отличие от независимого Серрано Суньера, был весьма услужлив и предан каудильо.

141

Франко сначала предложил этот пост Хосе Лоренте Сансу, другу Серрано Суньера — заместителю министра внутренних дел. Однако тот отклонил предложение под тем предлогом, что эта работа требует очень большой ответственности.

142

Ридруэхо и Товар из отдела прессы и пропаганды министерства внутренних дел, Лоренте Санс, заместитель министра в том же министерстве, Майалде, генеральный директор службы безопасности, и Гамеро дель Кастильо, исполняющий обязанности министра-секретаря Фаланги.

143

Вскоре после назначения Карреро куньядиссимус сказал ему, что одна из его обязанностей —* ограждать Франко от подхалимов. Передавая эти слова каудильо, Карреро интерпретировал их по-своему. Поэтому Франко и заметил, обращаясь к свояку: «Да, я уже знаю, что ты пытался кое-что сказать про меня Карреро». Серрано не сомневался, что Карреро будет у Франко не более чем слугой.

Это желание осуществилось: на фронт был отправлен 18-тысячный экспедиционный корпус, получивший название Голубой дивизии (Division Azul) — по цвету форменных рубашек фалангистов.

145

Муссолини был недоволен сообщением о формировании Голубой дивизии — отчасти из-за того, что с ним не проконсультировались. Не желая, чтобы Франко слишком приблизился к Гитлеру без его посредничества, дуче предпочел бы сорвать отправку испанских добровольцев в Россию.

Трудно охарактеризовать точно общественное мнение того периода. Среди фалангистов и католиков существовали сильные антисоветские настроения, но голодные массы не были заинтересованы в войне. Скорее всего, в целом симпатии склонялись в пользу Союзников.

147

Очевидно, речь идет о приеме по случаю 4 июля — дне национального праздника Соединенных Штатов.

Этот оскорбительный выпад в адрес заключенного предыдущей осенью соглашения, по которому Соединенные Штаты предоставили Британии пятьдесят эсминцев в обмен на базы в Британской Вест-Индии, привел к тому, что Хор и Уэдделл демонстративно покинули зал. За упоминанием о старых эсминцах стоит Германия, ибо в то время не было широко известно, что восемьдесят процентов эсминцев не годились к использованию, поскольку Британия официально заявила об их «превосходном состоянии».

149

Генералом Кинделаном, незадолго до того произведенным в командующие IV военным округом (Барселона), генералом Саликетом, командующим 1 военным округом (Мадрид), генералом Сольчагом, командующим VII военным округом (Вальядолид), и генералом Арандой, начальником Высшей школы вооруженных сил.

150

И р у н — город рядом с Андаем, но по испанскую сторону границы. (Примеч. перев.)

Кроме Оргаса, Кинделана, Саликета, Солчаги и Аранды, в заговоре участвовали также генерал Варела, военный министр, генерал Хуан Вигон, главком ВВС, генерал Понте, переведенный из Марокко и назначенный командующим II военным округом (Севилья), генерал Эспиноса де лос Монтерос, бывший посол в Берлине и лютый враг Серрано Суньера, командующий регионом Балеарских островов, и генерал Эл и Роландо де Телья, военный губернатор Бургоса.

152

Ситуация очень изменилась, и Черчилль написал 16 декабря 1941 года Рузвельту, что Гитлер постарается не ввязываться в «партизанскую войну с мрачным, жестоким, голодным народом Иберийского полуострова. Британия и Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы укрепить его решимость к сопротивлению. Нынешнюю политику ограниченных поставок следует продолжать. И должна сохраняться надежда на изменения испано-марокканской границы за счет Франции».

153

Эрнесто Хименес Кабальеро наряду с Сальвадором Дали и Луисом Бю-нюэлем — один из основоположников испанского сюрреализма. Приняв в конце двадцатых годов фашистскую идеологию, он с маниакальным фанатизмом служил Франко во время Гражданской войны и достиг умопомрачительных высот в лизоблюдстве.

Франко не импонировало настойчивое желание Салазара провести встречу попроще, без военных парадов, народных демонстраций и прочих атрибутов помпезности. Даже через пятнадцать лет каудильо поражался скромности Салазара. В интервью «Фигаро», опубликованном 13 января 1958 года, он сказал: «Из тех, кого я знал, наиболее совершенный государственный деятель, достойный всяческого уважения, — Салазар. Я уважаю эту неординарную личность за ум, политическое чутье, человечность. Единственный его недостаток — это, пожалуй, скромность».

* Имеется в виду, очевидно, сдача крепости Сингапур японцам (официально это датируется

февраля). (Примеч. перев.)

157

Геббельс заметил: «Никогда не было революции, принесшей так мало духовных и политических результатов, как франкистская».

158

Хейеса Франко принял шесть раз за четыре года (раз в восемь месяцев), а Хора — четыре раза за пять лет (раз в пятнадцать месяцев).

159

Бодден — название пролива, отделяющего остров Рюген в Балтийском море от материковой Германии. Сходство пролива с Гибралтарским и активность абвера вблизи Алхесираса — города на средиземноморском побережье Испании близ Гибралтара — позволили британской разведке разгадать цели операции.

Впервые регулярные подразделения под таким названием появились именно в британских вооруженных силах — в 1939 году. (Примеч. перев.)

161

Ким Филби был привлечен к сотрудничеству советской разведкой, стал ее офицером. (Примеч. перев.)

162

За обедом для узкого круга, на котором присутствовал президент и директор ЭФЭ, информационного агентства режима, и Рамон Гаррига, Карреро Бланко выразил уверенность, что к концу 1942 года вермахт завоюет Кавказ, Турцию, Ирак и Сирию и будет готов взять Египет с востока. Зная о близости Карреро к Франко, гости пришли к выводу, что услышали точное изложение мыслей каудильо.

163

Черный рынок (estraperlo) наживался на дефиците и рационировании продовольствия, топлива, табака и прочих видов товаров народного потребления и услуг. С ужасающей нищетой и голодом контрастировали огромные состояния, нажитые в это время фалангистами и государственными деятелями.

164

В записной книжке Домингеса обнаружили имена высоких германских дипломатов в Испании. Незадолго до смерти Доминчеса Гитлер наградил его крестом ордена Германского Орла.

165

Обвинение обрело правдоподобие, когда заместитель секретаря Фаланги, капитан Хосе Луна, последователь Серрано Суньера, признался, что дал разрешение на поездку группы фалангистов в Бегонью — но не разрешение бросать бомбы.

Серрано Суньер играл незначительную роль в последующих махинациях фалангистов. В известной мере это подтверждают его частые заявления о том, что он никогда не занимался политикой, движимый личными амбициями. Серрано стал в некотором роде ветераном. Иногда он писал для консервативной «А-бэ-сэ» и время от времени побуждал Франко сделать режим более открытым. В более поздние годы, не в пример многим своим современникам, Серрано не отрицал своего фашистского прошлого и не пытался изобразить, будто был «демократом» (demdcrata de toda la vida). Он никогда не скрывал, что восхищался Муссолини, «действительно гигантом», и регулярно посещал мессы в память о нем. В 1959 и 1965 годах он написал превосходные некрологи о сэре Сэмюэле Хоре и сэре Уинстоне Черчилле.

Хор писал о нем: «маленький до незначительности», «когда он сидел в своем кресле, его ноги не доставали до пола».

168

Повод для войны (лат.).

169

В марте 1943 года Кинделана назначили начальником Высшей школы вооруженных сил, где он уже не имел прямого отношения к командованию войсками. После этого он продолжал, хотя и более корректно, убеждать Франко в необходимости возврата к авторитарной монархии.

170

Мольтке умер от острого приступа аппендицита 22 марта 1943 года.

Не зная об этом разговоре, неизменно наивный Хейес сообщал в госдепартамент, что «улучшение отношений Испании с Объединенными Нациями происходит в ущерб ее отношениям с Осью».

В протоколе говорилось, что в обмен на оружие, военное снаряжение и технику современного класса, поставленные в достаточном количестве, Испания гртова оказывать сопротивление «любому вторжению англо-американских сил на Иберийский полуостров или на испанскую территорию за его пределами, что означало Средиземное море, Атлантику и Африку, включая Испанский Протекторат Марокко, и отразить такое вторжение всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении».

173

По должности (лат.).

В частном порядке Франко выражал свое презрительное отношение к кортесам, небрежно признавая, что они — лишь фасад для прикрытия его личной диктатуры. В начале 1950 года, когда его либеральный министр Хоакин Руис Хименес сделал замечания, наводившие на мысль, что Франко всерьез относится к фарсу с кортесами, тот нетерпеливо возразил: «Да кого эти кортесы представляют?» В другом случае, когда один из генералов каудильо проголосовал в кортесах против какого-то закона, Франко разозлился и сказал: «Не нравится ему проект — пусть воздержится и никогда не голосует против, потому что он обязан своим местом мне, моему прямому назначению».

175

По нормам международного права, экипажи самолетов воюющих сторон, совершивших вынужденную посадку на территории нейтрального государства, и сами самолеты подлежат интернированию. (Примеч. перев.)

176

В День каудильо, 1 октября 1943 года, «Арриба» приветствовала Франко по случаю седьмой годовщины с «исполнения им почти божественных обязанностей руководителя» и восхваляла его за все, сделанное им для поощрения изобразительного искусства, литературы и архитектуры в Испании.

177

1 декабря Муссолини объявил о создании на оккупированном немцами севере Италии Итальянской социальной республики (республики Сало). В этот же день он издал постановление, распорядившись заключить проживающее там еврейское население в концлагери.

Испания поставляла Германии и другие стратегические материалы. По сведениям, опубликованным в Германии в феврале 1944 года, 39,2 процента всего испанского экспорта шло в Германию и 30 процентов — на нужды германской промышленности в оккупированных Германией странах. Испанские оружейные заводы в городах Трубья и Рейноса производили орудийные стволы, в Валенсии для немцев производились ежедневно сотни тысяч патронов, в Барселоне изготовлялись двигатели. Фабрики в Каталонии шили форму и парашюты для германских войск. Испания поставляла Германии аммиак, глицерин, железную руду, серный колчедан, свинец, цинк, никель и вольфрам. Сложные махинации с торговыми судами позволяли экспортировать в Германию жизненно важные для нее материалы, а взамен получать аналогичные товары из Аргентины, которой таким образом удалось избежать блокады Союзников.

179

Если Франко и предпринимал меры на случай отъезда в эмиграцию, то делал это весьма осмотрительно: Перейра, по сути, единственный, кто говорил об этом.

180

Хью Дэлтон — член палаты представителей британского парламента. (Примеч. перев.)

181

Была запущена фальшивка о якобы благоприятном отклике Энтони Идена в палате представителей на речь Франко.

Важно отметить: посылая в течение нескольких лет льстивые телеграммы Гитлеру по случаю его побед, каудильо не направил поздравления фюреру, счастливо избежавшему гибели при покушении на его жизнь 20 июля.

183

Хор так отзывался о честности и работоспособности Хорданы: «Я никогда не видел государственного деятеля, который явно загнал бы себя работой в гроб».

Хор писал: «Трудно сказать, что более удивляло: наглость Франко или наивность выражения мыслей». Хор увидел в письме еще один пример «самомнения, которое избавляет Франко от необходимости соблюдать общепринятые правила в словах и делах и заставляет его верить в непогрешимость собственных суждений и оценок, даже если они на каждом шагу противоречат множеству доказательств противоположного толка».

Среди них были маркиз де Кинтанар, маркиз де Элиседа, Альфонсо Гарсиа Вальдеканас и подполковник Хуан Ансальдо.

186

Фалангистский пудель Франко — Арресе — добавил к длинному списку своих глупостей еще одну, сказав сотруднику американского посольства, что готов повести за собой новую Голубую дивизию против Японии.

187

Двумя годами раньше, 15 марта 1943 года, уходивший в отставку министр юстиции Эстебан Бильбао признал, что в Испании 75 тысяч политических заключенных. Причем речь шла только о заключенных тюрем, но не о тех, кто находился на каторжных работах и в военных тюрьмах. Не были учтены также многие политзаключенные, числившиеся уголовниками. Поскольку заключенные-республиканцы использовались в проекте Франко в Валье-де-лос-Каидосе, он точно знал об их существовании.

Кинделан должен был стать президентом, Аранда — министром национальной обороны, Варела — министром ВВС и генерал Хуан Баутиста Санчес Гонсалес — министром армии.

189

Католическое действие — объединение светских католических организаций (профсоюзных, женских, молодежных и пр.). (Примеч. перев.)

Франко продемонстрировал свое циничное отношение к предложенной хартии, которую готовил Арресе, и свое намерение опираться на мощный аппарат государственного террора, сказав: «Не торопитесь, Арресе, мне все равно, я могу править и по Конституции 1876 года».

191

Распространенная форма принятия в ООН резолюций, не вызывающих ничьих возражений. (Примеч. перев.)

Очевидно, имеется в виду ранее упомянутый Совет по делам монархии. (Примеч. перев.)

Раймундо Фернандес Куэста был назначен министром юстиции, Хосе Антонио Хирон остался министром труда, Карлос Рейн Сегура получил портфель министра сельского хозяйства. Сохранив этих троих, Франко показал общественности свою приверженность социальным лозунгам Фаланги.

194

Баскский монархист, в 30-е годы связанный с Фалангой, Ареилса — благодаря браку он стал графом де Мотрико — был алкальдом Бильбао после его взятия националистами. В 1941 году он вместе с Фернандо Мариа Кастиэльей написал в воинственно имперском духе книгу «Претензии Испании» (Reivindicaciones de Espana) и рассчитывал, что его отправят послом в фашистскую Италию. После войны он вернулся в профранкистский монархический лагерь, был послом в Буэнос-Айресе и Париже, а в 60-е годы перешел на позицию полной поддержки дона Хуана и стал противником Франко.

Упоминая лишь о кратковременном выходе Испании в 1928 году, Франко предпочел умолчать о своем выходе из Лиги Наций 8 мая 1939 года в знак солидарности со странами Оси.

196

Приблизительно 428 миллионов фунтов стерлингов в ценах 1993 года.

197

Разведка британских ВМС представила в Организацию Объединенных Наций доклад «Использование испанских портов Осью при попустительстве местных испанских властей».

198

Осада Нумантии римлянами в 154 году до н.э. была национальным символом сопротивления до последней капли крови. (Примеч. перев.)

Сравнение жизни в Испании с жизнью польских граждан после нацистского и советского вторжений и оккупации вряд ли было правомерным. Хотя Франко и похвалился тем, что дал нейтральной Испании мир и процветание, голод и репрессии в стране производили ошеломляющее впечатление. Так, американский временный поверенный Филип Бонсал (Bonsai) считал, что спираль экономических трудностей и политической неразберихи вскоре создадут для Франко непреодолимые проблемы.

В сущности, система, позволявшая испанским производителям ввозить важные сырьевые ресурсы и оборудование только по правительственным Лицензиям, была сплошь коррумпированной и некомпетентной. За деньги можно было получить любое разрешение. Значительная часть скудных валютных средств шла на импорт предметов роскоши. Вместе с тем деньги расходовались на крупные престижные проекты — такие, как самообеспечение энергоресурсами, предложенное Франко, строительство гидроэлектростанций, военных кораблей, создание химической и металлургической промышленности. Последствия этого будут ощущаться в течение десятилетий.

201

Имелись в виду Хосе Хирал — премьер-министр республиканского правительства в изгнании и Долорес Ибаррури — лидер Испанской коммунистической партии. (Примеч. перев.)

202

Вместо «Ministerio (de Asuntos Exteriores)» — министерство (иностранных дел). (Примеч. перев.)

Важные товары, импортировавшиеся из Испании, в основном могли быть получены из других источников: железная руда — из Швеции и Алжира, калийные удобрения — из Чили и Марокко, апельсины — из Палестины и Южной Африки. Херес — это, конечно, было другое дело.

Промышленно развитые города Испании были в то время наводнены рабочей силой из сельских местностей. Несмотря на полицейский контроль на железнодорожных станциях, большие массы сельских жителей вливались в армию безработных и сбивали заработную плату. Тем, кто имел работу, зарплаты, несмотря на длинный рабочий день, не хватало, чтобы прокормить семью, ибо заработки по сравнению с довоенным временем упали вдвое, а цены выросли более чем на 250 процентов. Вследствие этого в городах распространилось нищенство, мелкое воровство, проституция.

Поскольку Бирнс, обязанный присутствовать в ООН, надолго покидал Вашингтон, обязанности госсекретаря исполнял Дин Ачесон. Маршалл продержал Ачесона до июня 1947 года, когда тот вернулся к своей юридической практике, а его сменил Роберт Ловетт (Lovett).

Шумихой сопровожаался и состоявшийся в октябре визит в Буэнос-Айрес Мартина Артахо.

207

После смерти Франко газета с гордостью заявила, что автором был именно он.

Мужем осанистой Пуры, маркизы де Уэтор де Сантильйн, был Рамон Диес де Ривера-й-Касарес, маркиз де Уэтор де Сантильян, гражданский управляющий делами при Франко. Постепенно именно через Пуру до доньи Кармен и часто до самого каудильо Начали доходить сведения из окружающего дворец мира. Ее злобные сплетни возносили и низвергали людей, близких к семейству Франко. Особенно враждебно она относилась к семье Серрано Суньера.

209

Руританская — романтическая. Происходит от слова «Руритания» — названия

сказочной страны из романа английского писателя Антони Хоупа (Хокинса). (Примеч. перев.)

210

Буквально: «молись Богу» (фр.). Молитвенная скамья в католическом храме, на которую становятся на колени. Имеет откидную полочку, позволяющую положить на нее руки или молитвенник. (Примеч. перев.)

211

Все семеро родились в Пардо: Мария дель Кармен — 26 февраля 1951 года, Мария де ла О — 19 ноября 1952 года, Франсиско — 9 декабря 1954 года, Мария дель Мар — 6 июля 1956 года, Кристобаль — 10 февраля 1958 года, Мария Арансасу (Aranzazu) — 16 сентября 1962 года, Хаиме — 8 июля 1964 года.

«бот это жизнь». (Примеч. перев.)

Verde — зеленый (исп.). (Примеч. перев.)

****** В Мадриде слово VESPA расшифровывали как «Вильяверде ввозит, не платя пошлин» (Villaverde Entra Sin Pagar Aduana).

Строго говоря, дипломатические отношения не прерывались, был понижен их уровень — до временных поверенных. (Примеч. перев.)

215

Х ё р ст Уильям (1863—1951) — крупнейший американский издатель, основатель газетной империи. (Примеч. перев.)

«В конуре» (in the doghouse), то есть «в немилости» у испанских властей. (Примеч. перев.)

217

Нерешительный и жестокий, Франко редко отваживался сказать министру в лицо, что тот снят с поста. Обычно министры узнавали о своей судьбе из письма, доставленного мотоциклистом, или из утренних газет.

218

Бенхумеа был назначен на пост управляющего банком Испании, который и занимал до конца жизни. Он умер в 1963 году в возрасте 85 лет.

Как и многие другие, Бессборо оказался под впечатлением спокойной и дружелюбной манеры общения Франко: «Я подумал: как же не похож каудильо на типичного диктатора. Говорит он так просто, вежливо и естественно, мерным и тихим голосом. Диктатор проявляется лишь в его абсолютном убеждении, что всякое выраженное им мнение неоспоримо и является последним словом по данному вопросу. Но справедливости ради следует добавить, что слушает он весьма терпеливо и с добрым юмором воспринимает сказанное».

220

Проводимые Ватиканом раз в четыре года встречи католических теологов для обсуждения проблем Церкви.

221

Он продолжал входить в церкви и выходить из них под балдахином, предназначавшимся для испанских королей. Этой привилегией Альфонс XIII пользовался редко.

Допустив, что Франко во всем прав, легко было принять утверждение, будто весь западный мир следует в его фарватере. Луис де Галинсога провозгласил, что он — «каудильо Запада», единственный по-настоящему великий человек XX века, гигант рядом с такими карликами, как Черчилль и Рузвельт.

223

Франко не старался обуздать взяточничество или воспользоваться информацией об этом, чтобы увеличить свою власть нал замешанным в неблаговидных финансовых делах. Получив сведения о чьем-либо участии в коррупции, он не принимал меры против виновного, а сообщал тому об информаторе.

224

В 1963 году Хосе Мариа Санчис, дядя и крестный отец Кристобаля, мужа Ненуки, администратор поместья Вальдефуэнтес и в течение десяти лет товарищ каудильо по охоте, рискнул спросить его: «Не кажется ли вам, что при наших отношениях, мы можем быть на «ты»?» (No 1e parece que hemos llegado ai punto en que nos podrfamos tutear?), на что Франко ледяным тоном ответил: «Ко мне следует обращаться «ваше превосходительство» (El trato que me corresponde es «Excelencia»). Культивируя иллюзию монаршего дистанцирования от окружающих, каудильо подавал руку на уровне пояса, так что посетителю приходилось кланяться, чтобы пожать ее.

Стоит отметить, что несколько хорошо известных полотен обнаруживают заметное сходство в выборе тем с картинами Карреро Бланко. Помимо натюрмортов с дичью и ружьями среди холстов Карреро Бланко есть один, который изображает нападающую на быка свору собак. Разница в том, что картины Бланко — почти сплошь копии работ классических испанских и голландских художников, тогда как Франко, при всей своей консервативности и подражательности, проявлял больше воображения в выборе предмета живописи.

226

Брожение в рабочем классе стало предметом обсуждения чрезвычайного десятичасового заседания кабинета 29 апреля в Алкасаре, Севилья, куда каудильо поехал на ежегодную ярмарку (feria).

227

Для Арресе заметки составил Эмилио Ламо де Эспиноса, незадолго до этого назначенный директором фалангистского Института изучения политики (Instituto de Estudios Politicos).

228

Игра, участники которой ходят под музыку вокруг ряда стульев, при этом стульев на один меньше, чем участников. Когда музыка прекращается, все бросаются занимать свободные стулья. (Примеч. перев.)

229

Применительно к разным странам названия ведомств со сходными функциями переводятся традиционно по-разному: министерство по делам правительства, президиум правительства, министерство при премьер-министре. (Примеч. перев.)

Так франкисты называли Гражданскую войну. (Примеч. перев.)

В случае необходимости быстрой передачи власти Франко намеревался предложить трон Хуану Карлосу и попросить дона Хуана отречься от престола. Каудильо был уверен, что претендент согласится, опасаясь публичного разрыва с сыном.

Это не требование советской стороны, а регламент УЕФА. (Примеч. перев.)

233

«М е р и т о к р а т ы» — люди, пробившиеся к управлению благодаря своим способностям. {Примеч. перев.)

«Мать и наставница» (лат.).

«Мир на Земле» (лат.).

Франко бесцеремонно отверг более раннее обращение Монтини, в котором тот просил проявить милосердие к группе анархистов. Суд над ними проходил в октябре 1962 года. Кардинал Монтини стал Папой 18 июня 1963 года, через две недели после кончины Иоанна XX111. Избрание Монтини Папой не предвещало улучшения отношений Франко с Католической церковью.

По-русски эту программу можно назвать «компенсационной», «сбалансированной». (Примеч. перев.)

Гарригес, юрист первого класса, неоднократно представлял американские фирмы в Испании. Во время Гражданской войны он подружился со старшим братом Кеннеди, Джозефом, который потом погиб во Второй мировой войне.

239

1 февраля 1964 года Фрага охотился вместе с каудильо, и его нечаянный выстрел пришелся Ненуке ниже спины. Франко едко заметил: «Тем кто не умеет охотиться, здесь делать нечего».

240

Однажды в 1958 году во время охоты в Сьерра-де-Кредос, в Авиле, вопреки правилам заповедника, была случайно убита коза (сагра). С ведома Франко в нарушении правил обвинили Алонсо Вегу, и каудильо безжалостно издевался над ним — хорошим стрелком и вряд ли истинным виновником происшедшего. У дона Камило чуть не случился удар.

Поскольку дон Хаиме добровольно отказался в 1933 году от права на трон, признав свою физическую недееспособность, а затем заключил морганатический брак, претензии на престол со стороны его сына были весьма сомнительны. Это, однако, не обеспокоило бы большинство франкистов, если бы сам Франко назвал Альфонсо своим преемником. С начала 50-х годов каудильо тайно побуждал обедневшего дона Хаиме к тому, чтобы он и его сын выступили с притязаниями на трон.

Проводится параллель с английской Великой хартией вольностей 1215 года. (Примеч. перев.)

243

Около 50 тысяч фунтов стерлингов по нынешнему курсу.

244

Имеется в виду голубая рубашка (camisa azul) — часть фалангистской униформы.

245

Способность Франко как ни в чем не бывало, к неудовольствию его министров, высиживать долгие часы заседания дала повод одному министру назвать это триумфом воздержания над недержанием.

Рассказывали, что когда Солис и ряд других фалангистов пришли к Франко и стали жаловаться на министров-технократов, каудильо внезапно прервал их словами: «А что вы имеете против «Опус»? Пока они работают, вы тут просто херней занимаетесь».

247

Оба английских выражения автор книги приводит так, как они написаны в документе — с тремя ошибками на четыре слова (вместо play boy и strip-tease). (Примеч. перев.)

Сторонники продолжения преобразований.

249

К возмущению доктора Хиля, во время охотничьих походов те, кто хотел подольститься к Франко, предлагали ему что-нибудь лакомое, способствующее полноте.

250

Хай-алай — игра, сходная со сквошем, играют в нее деревянным мячом и ковшиками Название происходит от баскского «jai-alai» — «веселый праздник». Играют два или четыре игрока, мяч ловят и бросают плетеной корзиной-ракеткой, прикрепленной к поясу.

В делегацию входили генералы Хоакин Фернандес де Кбрдоба (Мадрид), Томас Гарсиа Ребулль (Бургос), Альфонсо Пёрес Виньета (Барселона) и Мануэль Чаморро (Севилья).

В данном случае речь идет о гарантиях от незаконного ареста. (Примеч. перев.)

253

Совет по делам монархии был составлен из «лучших людей» Движения.

Когда у супругов родился сын Франсиско, часто слышали, как донья Кармен спрашивала прислугу: «Сеньору уже давали бутылочку?» (Le han dado ya el biberdn ai senor?)

255

Как ректор Мадридского автономного университета Хулио Родригес пользовался дурной славой за склонность к насилию. Он даже присоединялся к обвинениям, которые выдвигала полиция против левых студентов.

256

Когда Ариас пришел поблагодарить нового председателя правительства, Карреро сухо ска-зал: «Не надо меня благодарить. Я не принял никакого участия в вашем назначении. Вы ведь знаете почерк генералиссимуса. В этом списке среди поправок и вычеркиваний видно, что ваше имя написано каудильо».

Соответственно вице-президент США (на тот момент) и премьер-министр Португалии. (Примеч. перев.)

258

Его сестра Пилар говорила с ним о списке кандидатов на пост Карреро Бланко, обсуждаемом в политических кругах. Когда Франко спросил ее, кто там, ее сын зачитал список. Каудильо, когда на него нажали, сказал: «Не все ли равно, кто будет звонарем» (alguno me suena).

Текст был подготовлен в министерстве по делам правительства двумя сотрудниками Ан-тонио Карро — Габриэлем Сиснеросом (Cisneros) и Луисом Хауденесом (Jaudenes), членами католической реформистской группировки под названием «Тасито». Карро ввел многих членов группировки в различные министерства в качестве заместителей министров.

Их контакты через голову премьер-министра, вероятно, объясняли Ариасу тем, что Утрера, как министр-секретарь, был вице-председателем Национального совета ФЭТ и де лас ХОНС, в котором председательствовал Франко, как национальный глава.

261

Имеется в виду мировой энергетический кризис после повышения со стороны ОПЕК цен на нефть. (Примеч. перев.)

Первый раз это случилось 19 ноября 1959 года, когда Франко серьезно заболел гриппом.

263

Однажды, в начале 60-х годов, Франко понравились ботинки брата доньи Кармен и его личного секретаря Фелипе Поло. Услышав, сколько стоят эти английские ботинки, каудильо сказал: «Я не могу позволить себе так много платить».

264

ФРАП — антифашистско-патриотический революционный фронт (Frente Revolutionario Antifascista y Patriotico) — маоцстская группировка, появившаяся в конце 60-х годов. В нее проникли полицейские агенты-провокаторы.

Возможно также, что Франко хотел отомстить за смерть Карреро.

Высказывались претензии по поводу того, что некоторые бесценные предметы по закону должны были принадлежать государству, но Национальное наследие (Patrimonio Nacional) не проявило должной бдительности. Впрочем, его возглавлял управляющий делами Франко генерал Фернандо Фуэртес де Вильявисенсио.